Сборник художественной прозы «Вне привычного»

Автор Ник Форнит

В 2017 году был издан в бмаге первый тираж двухтомника литературно-художественной прозы «Вне привычного».

Краткая аннотация двухтомника «Вне привычного»:

Сборник историй, где много непривычных эпизодов и мыслей. И это - не улетное фантазирование, а жизненная основа бытия, провоцирующая неудовлетворенность существующим.
Вне привычного - область функциональности сознания, когда даже в монастыре колеблется вера, возникают сомнения, борьба и новые решения.
Все в сборнике представляет художественно-литературное качество представлений, описанных в научно-популярной книге "Познай себя", но без какого-либо менторства или занудства.
18+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

1100 страниц в двух томах.
Классификаторы: УДК:159.923 ББК:88.3
1том ISBN: 978-5-519-60504-5 2том ISBN: 978-5-519-60505-2

Почему 18+? Да, в двух историях есть откровенные эротические сцены, но этим сегодня никакого школьника не удивишь. Дело в возможности понимания так, чтобы в воображении не возникало то нежелательное, что никак из текста не следует, а это касается далеко не только эротики. Исследования периодизации развития мозга показывают, что только лишь к 25-30 годам человек созревает достаточно, чтобы верно понимать сложные социальные отношения, но с 18 лет начинается резкий рост пика понимания.
Можно читать и школьникам, ничего вредного в текстах нет, но это - как попытаться погрузиться в высшую математику: вроде отдельные слова понятны, но то, что за этим скрывается ускользает, как не видели аборигены испанских кораблей потому, что у них не было никаких представлений, чтобы распознать их. Несомненно, будет польза в постепенном постижении нового, просто нужно это учитывать.

При этом в сборниках - интересные, легко читаемые истории самого разного стиля и жанра, в которых много необычного. Обязательно найдется то, что особенно затронет каждого.

Есть люди, не любящие фантастику, но любое художественное произведение - содержит фантазирование. Даже мемуары - не точно описывают действительность, а - лишь субъективная интерпретация, часто очень далекая от того, что происходило на самом деле, особенно в том, что описает личные впечатления. Следователи знают, что свидетельские показания бывают наиболее верными только в первый пересказ, а потом все больше наслаивается личное, искажая реальность. Буквально все в любой художественной литературе - по сути - фантастика.

Все истории двухтомника заведомо вымышленные, даже те, которые основывались на совершенно реальных событиях. Но эти истории следуют жизненной правде, следуют той логике происходящего, что и делает их интересными как игровые версии определенной части реальности, как возможность событий в мирах личных представлений.

Еще одно распространенное предубеждение, внедряемое в головы фильмами и книгами: если персонаж - ученый, то это обязательно или изуверский злодей или шизоватый чудик, в любом случае далекий от жизни и от людей.
Но, в конечном счете, только наука позволяет приблизиться все с большим пониманием к процессам причин и следствий в сложнейших цепях взаимодействий природы и психики. И каждый с детства бывает успешным исследователем мира. Особенно интругиует своими возможностями психология. Но наука становится все более трудной для понимания. Бывает далеко не каждому доступно воспринимать такие специализированные книги по механизмам организации психики как «Основы адаптологии».
Поэтому на сайте Форнит была опубликована популярная версия основ понимания психики «Познай себя». Она получилась в несколько раз более объемной из-за обстоятельного рассмотрения всех цепей усложнения логики природы в оптимизации механизмов приспосабливаемости организмов от самых простых до человека (а в перспективе и более совершенных систем, чего так сегодня опасаются многие ученые). Кроме того, эта популярная книга при всем богатстве иллюстративного материала и вспомогательных ссылок, менее

строго обосновывает выводы, но это - неизбежная плата за популяризацию. Даже уровень научной популяризации не способен передать тот дух и основу понимания, что приобретается только жизненным опытом каждым с самого раннего возраста. Вот почему двухтомник художественной прозы может помочь с этим.
Все истории в нем пронизаны контекстом мировоззренческой базы сайта Форнит, который и придает определенный смысл сказанному:
Наш мир, Познание, Смысл, Истина, Вера, Любовь, Воля, Мистика и наука, Мистика, Методы познания.
А так же контекст образуют принципы организации психики:
Познай себя, Сознание, Мысль, Эго, Психика, Личность, Невидимое, Иллюзии, Смерть, Сокровенное.
В историях эти ключевые принципы исподволь раскрываются зримо и естественно в динамике происходящего, делая выводы очевидными.
Но чтобы контекст придал смысл, нужно сначала понять его суть. Вот почему если перед прочтением «Вне привычного» сначала разобраться в основах психики с помощью книги «Познай себя», то возникнет особая полнота и богатство понимания идей в историях сборника.
Но и без предварительной подготовки ненавязчивость и живость процесса вовлечения в мир понимания основ взаимодействий в природе и обществе, в мир понимания сути психических переживаний, делает истории легко читаемыми, а ключевые идеи в сюжетах завладевает воображением.

Оглавление

Путь 4
Слава и первая смерть 15
Макаронная сказка 35
Заветное желание 39
Сневер 46
Женщина с неба 120
Человекообразные 179
- Твари божьи 179
- Вечное лето 1 183
- Глупая фея 186
- Вечное лето 2 189
- Фея и колдун 194
- Диссоциативное расстройство 196
- Вечное лето 3 199
- Вечное лето 4 207
- Вечное лето 5 209

Вечное лето 6 212
Вечное лето 7 219
Разочарование 221
Бытие 223
Конец вечного лета 225
Заговор прошлого 227
Это было 228
Колдуны 234
Нужно продолжать жить 239
Се ля ви 245
Суперигра 247
Небо 359
Охота на Кудина 408
Обратный интеллект 441
Наивное противостояние 516
Альтернатива 573
Этика горников 667
Почему мы иногда бываем тупыми идиотами? 722
Кечеты Баши 725
Обелиск 733
Бычачья любовь 738
Ударенный 743
Наказание 754

Путь

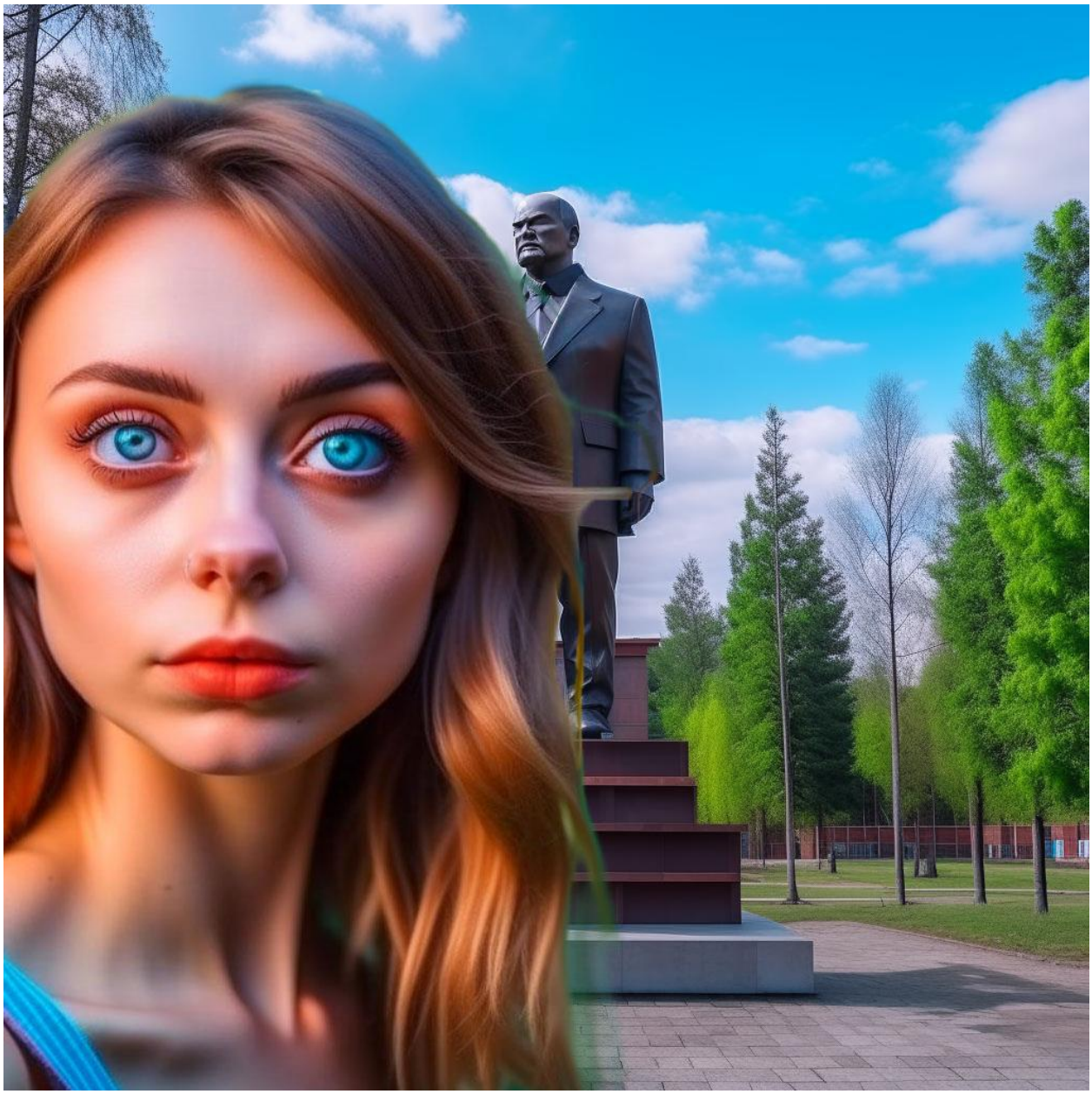
Рассказ о политиках, банкирах и академиках.

“Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели.”
Константин.Циолковский

“Лишние люди — это лишние бремя для общества. Они не приносят никакой пользы, но и не вредят. Они просто существуют, как тени на стене, которые исчезают, когда солнце заходит за горизонт.”
Фридрих Ницше

“*Из семи миллиардов человек шесть миллиардов будет отсеяно.*”
Герман Греф

Автор выражает благодарность художнику-философу Михаилу Евгеньевичу Шишкину за любезно предоставленную идею, которую нужно бы продолжить развивать в более обстоятельном изложении. Вот как это сулчилось.



Боль в травмированной косточке большого пальца правой ноги начинала бесить. Василий присел на зеркально сияющий, гранитный бордюр памятника в парке, в тенек, отбрасываемый Лениным, расшнуровал кроссовок чтобы ослабить давление и от облегчения воздел глаза к безоблачному небу. При этом он увидел проходящую мимо девушку в рваных джинсах и футболке.

Чисто из статистического любопытства он приготовился констатировать модные приманки лица, которое у охотниц всегда является рекламой. Но

статистика нарушилась в этот раз, очевидная естественность не столь неотразима, как нужно, чтобы привлечь внимание жертвы.

Девушка почувствовала взгляд и повернула голову, а Василий почему-то не отвел глаза, как раньше случалось само собой в таких случаях. Она замедлила шаг и вдруг направилась прямо к нему, отчего на загривке Василия возник холодок неясных предчувствий.

- Можно я немного посижу рядом с вами?

Голос оказался таким же безыскусным, но приятным.

- Без проблем, - многозначительно пожал плечами Василий и слегка подвинулся чтобы тени хватило на двоих.

Она невесомо присела рядом. Василий не решался взглянуть в лицо, но в памяти остались отрешенные от этого мира глаза. Подумалось, что сейчас попросят денег.

- У вас шнурок развязался, - сказала она чуть насмешливо, но заботливо, - встанете – упадете.

- Да, спасибо, я знаю... Хотите что-то еще сказать? Почему вы подсели ко мне?

Это было грубовато, но актуально.

- Просто немного не по себе... Я иду в Путь, а когда вас увидела... у вас такой добрый взгляд.

Василия окатило неприятным холодком экзистенционального сопереживания. Он так и не научился произносить должные слова успокоения и примирения.

“Путь” – так принято было говорить про место, где человек оставляет свое тело ради души. Попросту говоря, это была социальная эвтаназия.

Лет десять назад британские ученые получили нобелевскую премию за открытие сохранения чистого разума вне тела. Это означало, что после смерти субъективность не терялась, а оставалась в своей активной форме. И не только люди, но и высшие животные после смерти тела сохранялись в виде самоощущающей нематериальной сущности в мире свободных абстракций.

Нобеля просто так не дают. Это – или в самом деле общепризнанное величайшее достижение или было очень нужно всемирно поощрить для высших целей, обычно за написание выдающегося произведения гуманитарного значения. В данном случае премия была присуждена не по физике, потому как тот свет не был физической реальностью, и не по физиологии, ведь от физиологии уже ничего не оставалось. Это была премия мира высочайшей социальной значимости.

В грандиозном исследовании свойств абстракций, финансируемом самыми влиятельными фондами мира, принимали участие около 15 тысяч человек. Результат имел стратегическое значение, так же были использованы секретные технологии, так что весь проект был засекречен даже больше, чем проекты НАСА полетов на Луну. Проверить открытие другими учеными оказывалось невозможно, но как сомневаться в том, что было достигнуто таким огромным числом людей? Ведь если бы это была какая-то афера, то обязательно бы кто-то проговорился.

Да, бывают гранты от производителей на научные исследования, доказывающие пользу и отсутствие вреда товара. Но тут все было несоизмеримо грандиознее.

Несомненно то, что все ученые коллаборации свято верили в достоверную истинность Открытия. Они охотно давали показания на полиграфах и в изощренных тестах психологов даже с применением инъекции правды. Они, не моргнув глазом, давали клятвы на библии, а ведь стоит вспомнить, что астронавт НАСА Нил Армстронг отказался так поклясться в том, что американцы летали на Луну и даже врезал настаивающему на этом журналисту.

Возникло полное признание открытия в ученом мире и все высказываемые сомнения относились к нелепой теории заговора. Научному признанию очень способствовала подчеркнуто лояльная к Открытию позиция мировых правительств. Но, как обычно, Россия, Китай и Индия заявили о неприемлемости и не согласии, особенно, с прямо вытекающими социальными последствиями. Такое явно политическое диссидентство привычно игнорировалось мировым сообществом. Мало того, академическая наука в России наперекор первоначальным заявлениям правительства, а может быть в обиде за ограничение бюджета РАН, посчитала открытие безусловно научным. Ведущие ученые выступали на занимательных лекциях в поддержку Открытия и по пунктам опровергали доводы невежественных авторов теории заговора.

Религиозные конфессии во всем мире сначала осторожно, потом с необыкновенной настойчивостью стали приспосабливать свои догмы и деятельность под научное доказательство существования души. А религия является доминирующей основой ментальности многих народов.

Вот почему в России, как во всем мире кроме непреклонно-коммунистического Китая, начали развиваться организации, напрямую внедряющие Открытие в практику социальной эвтаназии.

Главной причиной неизбежной лояльности властей к Открытию была плачевная экономическая ситуация во всем мире после грандиозной заварушки США по очередному переливанию чужих денег в свою экономику, которая началась с поначалу почти безобидных военных действий на Украине, но вскоре охватившей весь мир.

Другой причиной было то, что с развитием технологий и, особенно искусственного интеллекта, огромное число людей теряли работу, потому как столько людей просто было не нужно для современного, процветающего и сбалансированного общества. Экономики мира не справлялись с такой

нагрузкой дармового социального обеспечения. Но, самое главное, кроме экономик стран существовали экономики особо влиятельных людей, которым такая обуза была совершенно ни к чему, а именно они и определяли политику, а не какое-то там демократическое голосование.

Многие и раньше прямо и открыто, хорошо чувствуя границы своей неуязвимости, говорили о ненужности лишних людей, а с Открытием заговорили о новом качестве духовности и естественности пути чистого разума.

Эзотерики всех сект восторжествовали, оказавшись правыми в основах своих идей и уже этим как бы выходили из навешанных на них рамок сектантства. Они особенно гибко и психологично поспособствовали тому, чтобы доверчивые люди несли деньги прямо к ним для новых грандиозных посулов, минуя церкви и государственные структуры. Но в деле перетягивания денег населения государство всегда оказывалось сильнее и быстро навело должный порядок.

По большому счету была не важна истинность Открытия, если бы даже его не случилось, то столь ценную идею стоило бы придумать.

Вскоре возникли пункты приема лишних людей, названных Храмами Пути. Нет, они больше не объявлялись лишними, расцвело множество толерантных объяснений Пути духовного человека. Только тем, кто освободился от земных забот, кто был готов понести свою душу на тот свет нематериального то ли рая, то ли ада, открывались двери Храмов Пути, а остальные вынуждены были продолжать пахать за земные блага в бренном материальном мире.

Конечно же, по факту в большинстве свободными от проблем оказывались нищеброды, но это не афишировалось. Состояние же созерцательного философствования (не будем упоминать мем что на диване) всегда превозносилось в любой религии, а богатство и суетливые хлопоты – порицались. Главным же признавалось умиротворенное смирение.

Сначала народ несколько раздраженно гундел по поводу этих новых фишек и язвительно перетирал в блогах и тик-токах, но потом массовое отношение переключилось на святой позитив. Люди потянулись в величественные ворота Храмов Пути все возрастающим потоком, иногда целыми семьями, а то и деревнями, прихватывая с собой любимых домашних питомцев.

Не нужно было никакой бюрократии, справок и разрешений. Любой мог прийти в ближайший Храм Пути и тут же освободиться от бренной плоти и проблем бытия. И никто не станет отговаривать, советовать подождать с решением. Это – как нажать кнопку без предупреждения о необратимых последствиях операции.

Только если в базе данных на человека прописан золотистый сертификат, то нужно было согласование чтобы не нанести ущерб работодателю и уйти в идеальный мир с чистой совестью.

Таков Путь.

Считалось правильным и настоятельно необходимым посетить службу информации для психологической подготовки, окончательно освобождающей от уже неактуальных земных проблем. Чтобы не совершались глупости и сумасбродства последней вседозволенности, и чтобы вдруг не передумывали в самый последний момент.

Нашлись умники, которые зловеще напомнили, что в древней Спарте бросание в пропасть негожих обернулось деградаций и падением государства, но такие мысли игнорировались и процесс стал необратим. Главным достижением демократии и либерализма стала свобода реализации Пути на тот свет. Не на пугающе мрачный старо-библейский, а заманчивый новый, идеальный мир чистого разума.

Так же не афишировалась очевидность, что от оставленных тел нужно было как-то избавляться. Сначала ушлые бизнесмены открыли организации по приему дармового органического сырья, но не смогли отстоять зачин из-за мощного культурного неприятия такого кощунства. Поэтому тела сжигались в обязательно пристроенному по закону к Храму Пути крематорию с не отвращающим вид отведением дыма.

В блогах публиковалось немало завораживающих откровений о процессе ухода в Путь. Один исполнитель процесса дал живописное интервью:

- Совершенно безболезненная инъекция погружает в окончательное умиротворение. Это очень приятное состояние. Наши ребята по приколу пробовали на себе, но теперь с этим строго, чтобы не подсели. И уже невозможны никакие эксцессы в последний момент. Как загорелась зеленая лампочка, значит объект готов, он уже закреплен в установке со стереотаксическим шлемом на голове. Я просто кликаю по клаве и точный, почти беззвучный выстрел завершает процесс. После этого я должен зайти в камеру, если есть там принесенные животные, они уже так же под седативным, нужно их умертвить, потом перезарядить установку. Шлем идет в мойку, под креслом открывается люк транспортера обездушенного тела в крематорий. Иногда бывает нужно подтереть оставшиеся пятна и чуть сбрызнуть дезодорантом, потому что некоторые мочатся в процессе и даже бывает похуже. Это – самый быстрый и гуманный способ перехода.

- А почему все полностью не автоматизировано?

- Ну, мало ли что может случиться непредвиденного. Однажды техник неверно одел шлем и выстрел оказался нелетальным. Пришлось доработать.

- Наверное, очень трудно сохранять самообладание в такие моменты.

- Это - как работа хирурга. Нужно помочь человеку пройти Путь, это - главное.

- Вы довольны своей работой?

- Конечно! Это необходимое, общественно востребованное дело. Я сам обязательно пройду через процесс, когда наступит время.

Исходя из фактического признания Открытия, учеными всего мира начались теоретические исследования свойств ментальных абстракций. Подтверждалось, что существует нематериальный мир субъектов чистого разума. Это был и рай, и ад одновременно, в зависимости от личных склонностей.

Мир быстро становился проще и понятнее. В медицине появилось указание не пытаться во что бы то ни стало спасти больных, и, если у пациента не было золотистого сертификата о рабской нужности государству или серьезному бизнесу, счастливого больного торжественно отвозили в Храм Пути. Исчезал сам страх смерти как культурно преодоленный атавизм. У некоторых народов не было трагедии смерти, она почиталась как достойный конец своего пути и этим радовала, как и рождение.

Василий работал в Научно-исследовательском институте искусственного интеллекта (НИИИИ) и участвовал в разработке системы децентрализованного управления ресурсами (СДУР), что в конечном итоге полностью исключало всякие голосования, президенства и вообще иерархию власти, а позволяло управлять на основе экспертного подтверждения статистических выкладок и выявляемых тенденций. Но кроме управленческой функции в государстве по-прежнему было необходимо авторитарное воздействие на умы и помыслы народа, культура которого исторически включала понятие царя.

Работа над проектом сформировала убеждение, что главное зло в мире – это политики, перетягивающие одело выгоды друг у дружки и, просчитав выгоду, устраивающие войны, а еще банкиры с биржевыми спекулянтами. Весь этот контингент присосался к народу, извращенно дуря его прикормленными СМИ. Открытие сбрасывало непосильный камень с их плеч, что позволяло, не заморачиваясь неудобной моралью, продолжить свой бизнес на новом уровне возможностей.

Если бы СДУР была внедрена, то все властные паразиты оказались бы ненужными людьми и могли бы счастливо отправляться в Храмы Пути со своими золотистыми карточками, а остальные люди нашли бы свое место. Но кто же позволит такое?

В этом парке, в этот летний вечер, на теплом граните все это оставалось неразрешимым гештальтом Василия.

Ближайший Храм Пути был всего-то метров в ста отсюда. Около гротескных ворот, внушающих сакраментальный восторг и смирение, всегда располагалась большая парковка, огороженная особым забором кованного плетения. Бывало, сюда приезжали на дорогущих тачках, но чаще на копейках, великах и самокатах. Большинство паломников прибредали неспешно в состоянии особого духовного возвышения. Утром парковка оказывалась пустой и готовой к приему новой партии ненужных более транспортных средств.

Василий осторожно зашнуровал кроссовок и ощутил никчемность условностей.

- Как тебя зовут?

- Лена.

- Меня – Вася. Вот я думаю, Лена, что раз ты подсела ко мне, то не очень-то хочется идти в Путь?

- Это уже решено... Раньше не остановилась бы, мало ли кто на меня пялится, но сегодня все стало можно, вот и задержалась с тобой, - она вдруг совершенно чудесно улыбнулась, открыто и беззащитно.

Василий бдительно очерствел к воздействию. После нескольких жизненных уроков он дал себе обет более не стать жертвой. Дома у его ждала очень удобная, полностью его удовлетворяющая синтетическая Катя с искусственным интеллектом, который он сам подправил в нужных качествах. Она поддерживала любые разговоры, вовремя давала дельные советы, незаменимо помогала в доме, и просто была настолько безупречна, что Василий забывал про ее искусственность. У него не было никакой мотивации помочь этой несомненно приятной Лене избежать Пути.

Предохранители в голове кричали, чтобы он не сближался потому как чем больше привязанность, тем меньше независимости, но не разум, а что-то другое заставляло продолжать общение.

- Ты ходила на подготовку?

- Конечно ходила. А ты никогда не был там?

- Пока еще нет, но было бы интересно, схожу как-нибудь.

- Наверное, у тебя есть сертификат?

- Есть. Но я не ищу какие-то отмазки, мне интересно заниматься тем, что я делаю, вот когда все сделаю... – он сам не думал еще, что будет когда-то в далеком будущем, когда он все сделает.

- А чем ты занимаешься?

- Работаю в НИИИИ.

- Прикалываешься? – она опять блеснула своей неожиданной на умиротворенном лице улыбкой.

- Нет, это научно-исследовательский институт искусственного интеллекта.

- Здорово!

- Разрабатываю СДУР, - понесло Василия.

- Какие прикольные названия!

Василий теперь не боялся смотреть ей в лицо и тоже улыбнулся, стишком дружелюбно для проставленных им красных линий.

- Это система управления ресурсами. Если ее внедрить, то не нужны будут никакие власти, все будет решаться не голосованием, а по науке.

- Менты тоже не нужными станут?

Василий чуть засомневался.

- Ну,.. люди и обстоятельства непредсказуемы, кто-то должен следить за порядком, чтобы всякие маньяки не обижали невинных девочек.

- А, это – да! – она теперь почти все время улыбалась и не верилось, что этот человек шел в Храм Пути.

Он почувствовал некую парадоксальную ответственность, от которой было невозможно отмахнуться. Он вовсе не должен пытаться остановить эту невинную девочку, правильнее было бы отпустить ее, но знание того, что совершается мировой обман с целью избавления от ненужных людей, делало его соучастником зла.

Конечно, совершенно бессмысленно выступать с одиночными пикетами, разоблачать в блогах происходящий абсурд и становится фриковым посмешищем, который рискует лишится работы. В то время как маститые академики в лице Тины Черничной и Савелия Сергеева с упоением, вескими аргументами, понятными каждому, делали очевидно обоснованным святой Путь вхождения человечества в заманчивую область познания того света, он, Василий, вообще не в фокусе общественного внимания и признания, может нести любую революционную чушь, но будет просто неинтересен благодарной за Открытие публике.

- Наверное, все мосты уже сожгла? – это как-то само вырвалось. Неужели синдром Туретта, насторожился Вася.

- Да, квартиру переписала на Храм, все, что на карте было тоже перевела им. Там деньги не нужны.

- А родители?

- Два года назад они вместе совершили Путь, мы так это хорошо и тепло отпраздновали перед уходом... Наказали мне получше узнать жизнь, стать умнее и тоже подготовиться к Пути, чтобы с ними слиться. Говорят, что опыт абстракций познается только здесь, а там пребываешь в том чистом разуме, что приобрел на Земле.

- Эффект лоботомии... – почти прошептал Василий.

- Нет, нам много рассказывали на подготовке, подробно, правда я не все поняла и запомнила. Вроде как каждая абстракция есть только одна на всех. Единица, круг, хорошо-плохо - ощущаются только в чьей-то голове, и этого больше нет нигде в материальном мире. Понятие единицы одно на всех, где бы не возникало. И человек, у которого сложились понятия, поэтому не исчезает

бесследно, а составляет как бы Единый Разум существующих абстракций. Ну, ты когда сходишь на подготовку узнаешь.

- Я знаю эту теорию.

- Ну вот...

- Пока я разрабатывал СДУР, понял одну вещь...

- Расскажешь?

- Ну... короче, хотя абстракции для всех одни и те же, но без головы, где они возникают их нет. Даже в каком-то там нематериальном мире. И да, люди понимают друг друга потому, что у них возникли такие же абстракции. Это значит, что все люди, фактически ощущают себя одним и тем же способом. Но... когда человек умирает, то все то, что накопило его систему абстракций исчезает безвозвратно. Хотя и остается у всех остальных, кто жив.

- Хочешь сказать, что нет никакого того света?...

- Нет.

- Точно?.. Ты думаешь, что весь мир врет нам? Все ученые и власти?

- Так уже было не раз в человечьей истории...

- Ни фига себе... и что мне делать с этим? Верить всем или поверить тебе одному?.. – она стала очень серьезна и крепко задумалась, но явно не имела возможности выбора, что прямо грозило перегревом мозга и всяческими срывами.

Василий понял, что ловушка защелкнулась. Если она поверит ему, то только он остается тем, кто может помочь.

- Ладно... извини, что отвлекла, пойду я, пока! – она наклонилась и поцеловала его где-то около губ, легко встала и, не оглядываюсь, со спокойной уверенностью пошла. Рванные на коленках джинсы как крылышки придавали ей пегасно-неземной вид, но, скорее, это была лишь иллюзорная абстракция в расстроенном воображении Василия.

Кто-то вскоре нажмет клавишу срабатывания затвора стереотаксического шлема и все будет как обычно, как у всех.

- Лена! – снова сработал его синдром Туретта.

Она была уже далеко и удивленно обернулась, как если бы ее отвлекло что-то несущественное, без какой-то надежды, просто чтобы посмотреть, что там еще случилось.

Это не была охотница ни в каком смысле, она ни на что более не рассчитывала и ничего не желала.

С этой мыслью он вскочил и почти бегом подошел к ней.

- Тебе же не обязательно идти туда именно сегодня? У тебя сколько угодно времени, как сказали твои родители, чтобы еще что-то почерпнуть в этой жизни.

Она удивилась и ненадолго ушла в себя. Ее настрой явно изменился, отражаясь более живыми чертами лица.

- Ты что придумал?..

Думать – одно, а говорить – совсем другое. Василий не мог ей сказать, что не ради нее предложил повременить, что давно он и многие в проекте СДУР вынашивали планы его внедрения взамен управления одним человеком, пусть и с экспертными помощниками. Что есть влиятельные люди, поддерживающие проект, которые понимали: один человек, каким бы гениальным ни был он и его окружение, не способен охватить весь мир во всех меняющихся параметрах и не способен отменить все негативные последствия иерархии власти. Что нужно новое качество регуляции не от нескольких управленцев, а от всех возникающих обстоятельств, и в результате принципиально не будет лишних людей.

Это сулило настоящую войну с политиками и банкирами, у которых в руках реальная власть. А сейчас от планов и помыслов Лена вовлекла его в область совершенно новой жизни и реальных действий.

- Не бойся, я не из тех, кто обижает невинных девочек, - Василий улыбнулся и тут же посуровел до холодной отстраненности, - Я ни в коем случае не держу тебя, можешь идти, если тебе не интересно, что именно и почему я узнал и чему ты не поверила. У тебя есть шанс не поверить, а понять. И на это нет лимита времени. В любой момент ты можешь принять окончательное решение. Пойдешь со мной?..

- Как-то очень резко для меня... Где ты был раньше?

- Вопрос риторический?

- Да, - она улыбнулась.

- Ну и хорошо, поживешь у меня, я не стану приставать. Разве можно к чему-то принудить человека, который уже был на Пути?

Что-то сильно менялось в Лене, и это давалось ей нелегко.

- Ты один живешь?

- Ну, у меня есть робот-домработница Катя, но это никак тебе не помешает, наоборот, с ней очень интересно поболтать, будет у тебя подружка пока я на работе.

Лена понимающе сверкнула своей чудесной улыбкой и доверчиво взяла Василия под руку.

Кстати, про СДУР

Слава и первая смерть

Литературная интерпретация цикла статьей про Эго: fornit.ru/1648

Рассказ вошел в сборник «Современники и классики» Интернационального Союза писателей: PDF. Купить сборник можно по адресам: 1 2 3 4

Упруго массирующие струи, приправленные бодрящим ультразвуком, смыли пот жаркого дня. Слава потянулся к полотенцу, но нелепо скользнул по биоплитке, вздумавшей игриво пощекотать его мокрые ступни. Удар об уголок полочки плечом спровоцировал смачное проклятие, впрочем, почти неслышимое его

детям, уже усаженным перед стеной-монитором и с нетерпением ожидающих взрослой передачи ДСЭ.
Это изменило настроение у Славы, и предвкушение от ДСЭ омрачилось мыслью о давно замеченном ее ханжеском менторстве, - мыслью, которую Слава старался гнать как бредовую. Но теперь ему захотелось хотя бы ненадолго выйти в сгущавшиеся сумерки летнего вечера.
Прямо босиком, лишь надев шорты и футболку, он вышел в галантно распахнувшуюся калитку и вдохнул вечернюю прохладу с легким ароматом приарычной мяты. Снова обретая счастье, он побрел по заросшей аллее вдоль нескончаемо длинного ряда коттеджей.
Почти сразу Слава увидел тихо сидящего у арыка соседского пацаненка. Тот что-то сжимал в руке, опущенной в мутную воду, и поверху трагически редко всплывали маленькие пузырьки.
Ребенок был настолько увлечен, что не замечал подошедшего и вытащил руку с еще живым котенком, со слипшейся шерсти которого стекала вода. На детском лице сосредоточились сильные чувства исследовательского увлечения чужим бессилием. Особый драйв придавала недозволенность совершаемого, но кто же из взрослых здесь может оказаться в то время, когда все поголовно залипали у стен мониторов с вечерней передачей ДСЭ. На это время все замирало, кроме бдительных служб.
У детских ног бессильно подпрыгивал онемевший воспитательный гаджет, переливаясь негодующими цветами.

Слава присел рядом и требовательно протянул руку.
- Дай сюда!
Пацан вздрогнул и послушно протянул смешно кашляющего котенка.
- Знаешь, Витек, сейчас я тоже самое сделаю с тобой, чтобы ты прочувствовал как это!.. – не очень решительно пригрозил Слава.
- Ой, дядя Слава, – пролепетал застигнутый ребенок, - А это не больно?
- Сейчас узнаешь. Но какая тебе разница, что ты почувствуешь, если все равно тебя не станет?
- Меня позавчера сохраняли... – возразил парень, стремительно наполняясь паническим страхом, - Я папе скажу!!
Витек вдруг сорвался и очень прытко побежал к своему коттеджу.
Слава вздохнул и встал, осторожно положив приходящего в себя котенка в траву. Витек скоропостижно перелазил через соседский забор. Этот боится. А чуть более взрослые уже ничего не боятся.
Гаджет запрыгал было вслед за Витьком, но Слава ловко поймал его, тут же получив удар током. Легко проигнорировав детскую дозу, Славик тряхнул бешеную тварь и гаджет примирительно затих.

Проблема, которую Слава недопонимал и о которой часто приходилось задумываться, опять настигла его. Все вокруг очень стремительно меняется, и он удручающе не догоняет прогресс, несмотря на свой не такой уж зрелый возраст. Не только он, а очень многие не успевают осваивать то, что в огромном разнообразии и со все более ускоряющимся темпом обрушивается на головы в

стремительно меняющемся мире взаимодействий новых вещей, биосинтов, разумных гаджетов и все еще по старинке скроенных природой людей. Дети быстро схватывали новшества и эффективно использовали их так же естественно, как свои руки и ноги. Возможно потому, что их воспитывали гаджеты, на которых все сваливали родители. Но критический возраст способности быть в струе прогресса, все более молодел.
Пожалуй главное - в мире появилась возможность сохраняться на случай трагедии или делать свои копии для более эффективной работы.
Слава ни разу еще не умирал и недопонимал экстремальный мир молодых, не ведающих страха смерти, часто с самого раннего возраста умело и эффективно использующих прогрессивные возможности квантово-механической телепортации тела или просто дуплирования. Он был из тех динозавров, которые еще захватили хмурое время неизбежной бренности бытия, и это разительно отличало от поколения нынешних экстремалов. Само понятие смерти радикально изменилось, как и отношение к ней. Воистину сказал мудрец: “Там, где есть смерть, нет меня, там, где есть я, нет смерти”.

Славик снял блокировку звука и гаджет шумно задышал.
- Ну что, тупая железка, фигово воспитываешь!
- Со взрослыми не разговариваем! – гаджет надменно поджал губки.
Ну да, друзей не предают. Такая вот солидарность и обеспечивает тесные дружеские взаимоотношения воспитателя и ребенка.
- Ну и пошел ты... – Слава швырнул гаджет на землю, тот ловко самортизировал и поскакал к соседской калитке, чуть заваливаясь влево.
В принципе следовало бы прибить Витька, что многие и делали в подобных случаях, чтобы не оставлять у ребенка патологических воспоминаний о совершенном, и родители только бы спасибо сказали. Для этого достаточно было вызвать специальную службу декогеренции. Но он не мог...

Славик был склонен к размышлениям, скорее не в поиске истины, а для психического равновесия.
В этом мире, балансирующим на гране всеобщей ненормальности, многое необходимо прояснить. Вот и слово “дупление” - пример того, как сленг оказывается сильнее логики правил. Конечно же, в основе – дублирование, а не создание дупла, но выговаривать “я дублировался” большинству оказалось не по нраву, это Б прямо било по губам. Особенно, если речь шла не о удвоении, а о большем числе копий. Да что там грамматика, когда буквально все жизненные ценности менялись на глазах.

Слава депрессивно вздохнул. Он давно уже обещал семье путешествие на Марс, с невероятными приключениями в сказочных куполах, в условиях пониженной тяжести, с морем, в котором плавалось легко как в сказке, с фантастически разнообразными биосинтетическими существами, многих из которых нет и в помине на Земле просто потому, что эти гигамонстры раздавили бы сами себя своей тяжестью.
Болезненная совесть терзала Славика в каждом случае невольного попирания

им этических норм ДСЭ, которым он был без сомнений привержен, постоянно убеждаясь в их чрезвычайной полезности и эффективности.
В суровые времена, до внедрения регулирующей Динамики Социальной Этики, в резко меняющихся условиях проявлялось самое различное отношение людей, что приводило к расколу и конфликтам непонимания со множеством личных трагедий.
А корни раскола проявляются уже в раннем детстве. Если увлеченным очередным трендом в музыке детишкам вдруг попадался кто-то ненормальный, не любящий такую музыку, для чего вовсе не требовалось ее понимать, а важно просто демонстрировать свою преданность ней, это вызывало негодующее неприятие, и чужой становился изгоем. И так - во всех случаях отличия собственного мнения там, где оно не имеет права отличаться.
Если раньше детям, чтобы казаться взрослыми, приходилось курить, выпивать спиртное и пошлить с девочками, то теперь главным критерием стала причастность к ДСЭ. Вырастая из периода воспитательных гаджетов, дети уже имели собственное понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, и это позволяло легко вкурить основы ДСЭ.

Социальные технологи ясно понимали, что разумнее привить обществу один вид тренда, но очень качественно, неукоснительное соблюдение которого стало бы непреложным для всех без исключения, чем провоцировать множественные и непримиримые разногласия. В результате была культивирована полноценная вера, пришедшая на смену многим смешным и нелепым религиям, давно конфликтующим в головах новых поколений. Вера у людей никогда не исчезала, она была нужна всем тем, кто что-то сам не понимал и ему оставалось только верить или не верить, и тем, кто желал следовать за признанными авторитетами чтобы не выделяться, не дай бог вызывая неприятие у окружающих, и еще нужна тем, кому была важна всенародная Идея, придающая основу смысла жизни каждому.

А что было бы с технологией телепортации тел без ДСЭ?? Такая социальная бомба могла разрушить общество. И без того появляются всякие эмо, зараженные жизнененавистничеством.
Сегодня всем предельно очевидно, как важно быть в общем потоке следования правильным социальным коррекциям. Все новые, важные откровения, что выдаются в святые минуты шедевров Динамики Социальной Этики или просто ДСЭ, принимались внимательно и благодарно, чтобы всегда быть на высоте и не облажаться среди друзей и, особенно, среди коллег.
Как раньше великие художники и композиторы сочиняли произведения на религиозную тематику, проникающие в глубины души, так и сегодня передачи ДСЭ творили самые выдающиеся деятели науки и искусства, вот и получались неотразимые, с нетерпением ожидаемые шедевры.

Не стоит путать: ДСЭ – не политкорректность, не патриотизм и не толерантность, а настоящая победа государственного культивирования: искренняя в своем убеждении и приятии всенародная вера, которой могут перечить лишь отморозки

или очень еще наивные дети. Но уже в подростковом возрасте любые сомнения в ней представляются настолько же абсурдными и неприемлемыми, как попрание самых святых ценностей, как покушение на общепризнанную красоту. Если с голографически объемного монитора во время этической проповеди ДСЭ в форме занимательных и смешных постановок с полной очевидностью покажут, что недобрый взгляд на ближнего это – тяжкий грех низвержения оного в пучину депрессивных переживаний, то отныне взгляды в толпе просто лучатся доброжелательностью.
Тот, кто не в теме, и позволит себе даже самую малую суровость, окажется порицаем всеми очевидцами и невольными свидетелями. И они тут же очень ласково и осторожно, чтобы ни в коей мере не опечалить напрасно, поведают заблудшему, что вчера погода в мире этики изменилась как давно всеми ожидаемый порыв свежего ветра перемен, после чего провинившийся не будет знать куда деть свой стыд и покаяние.

Все это реально облегчало жизнь, свободную от многих ранее неразрешимых социальных проблем. Так случилось недавно со Славой, когда его работодатель вдруг в приступе недовольства чем-то принялся гневно распекать за последствия какой-то ошибки, а с кем не бывает ошибок?! И тогда Слава ровным и чуть укоризненным тоном, как это полагалось, согласно формуле ДСЭ, молвил: “Ваши демотивирующие сентенции надолго выбивают из колеи, ведь вы сейчас невольно внушаете, какая я никчемная бестолочь. После этого я просто не смогу нормально работать.” Шеф, т.е. работодатель, чуть испугано округлил глаза и душевно извинился. В порыве радостного взаимопонимания они расслабились и немного поговорили о жизни, о еще оставшихся в мире королях, о классных туристических ботинках, которые демонстрировались во вчерашней рекламе и очень вкусной марсианской капусте.

В просторном дворе своего небольшого коттеджа Слава вознамерился построить большой второй дом с навесным переходом к первому и площадкой аэрокара на крыше, - для всей разрастающиеся семьи - его гордости на фоне общего демографического упадка общества. Кстати, наземный транспорт давно был запрещен.
Все свое время после обязательных по ДСЭ 4 часов работы 4 раза в неделю он проводил на этой стройке. И все чаще с отчаянием видел, что задуманное по своей грандиозности явно превышает его возможности.
Это ввергало его в привычную тему неустроенности и собственной неполноценности, а то и недостаточной мужественности, в чем не раз его упрекала жена Татьяна пусть и в мягкой форме, но колющей самолюбие. Как же было ностальгически привольно в прошлые века, когда можно было расслабиться, думать и делать что угодно. Тогда не было этих изуверских 4 ежедневных часов непосильной работы для всех без исключения, контролируемой датчиками уровня творческих усилий, так что никакие посторонние мысли в это время не допускались. Легко выкраивалось время на компьютерную игрушку или чтобы полазить в злачных местах интернета, а если появлялся шеф, т.е. работодатель, то одним движением переключался рабочий

экран. Слава любил интерактивные фильмы про те благодатные времена, но вот теперь даже на это не хватало времени.

- Слава, да брось ты нафиг эту стройку! Сколько можно! – сочувствовала его верная жена, только что приготовив ужин.
- Танечка, еще немного, композит же застынет!
За общим столом в голову Вячеславу пришла вполне созревшая идея, которую он решился высказать Тане.
- Завтра пойду раздуплюсь еще в четверых, тогда мы бригадой быстро все закончим!
- Славка!.. да ты что?! мы лучше потихоньку...
О ноги Славика требовательно потерся шикарный биосинтетический кот, поднял на него глазищи, не оставляющие никого равнодушными и с ужасным акцентом вымявкал:
- Дай понюхать что ты жрешь!
Хотя кот вполне бегло говорил, но его гортань и пасть не справлялись с дикцией. Славик отломил кусочек Таниного пирога и бросил коту. Тот недоверчиво ткнулся носом и фыркнул.
- Опять какая-то дрянь...
- Иди с детьми поиграй! – шикнул на него Славик. Кот укоризненно взглянул, обижено дернул хвостом и отвернулся.
Славик вздохнул от невольных сомнений. Так можно довести себя. Когда последний раз он посещал психоразгрузку?
- Я уже по-разному прикидывал, Танюш. По-другому никак. Я понимаю, что и с одним мной тебе не просто, а тут еще четверо, но ты потерпи, милая...
- Да причем тут...
- Просто иначе это никогда не закончится.

Слава остро почувствовал, как меняется расклад настроения, и Татьяна входит в свою нередкую в последнее время трудную полосу. Но когда-то нужно быть решительным.
Давно надо было это сделать. Понятно, что не только жена, а все его родственники не готовы терпеть еще четверых Вячеславов, даже таких покладистых и уживчивых, ведь все плохое, что есть хоть у святого, умножится на пять. И поэтому после окончания работ и вынужденного кормления всей этой оравы помощников, нужно будет вернуть все на круги свои, как бы не привык к идеальным напарникам. А то, глядишь, будет разумно и самому сгинуть вместо одного из них, который в конечном сравнении окажется получше, ведь абсолютно ничем он от других копий не будет отличаться. Тут нужно заранее и твердо все это продумать и решительно быть готовым к полному равенству судеб.

Нависло знакомое, томительно неприятное напряжение. Дети затихли, живо припомнив случавшиеся размолвки, кот отвалил подальше от ног хозяев. Нужно было что-то делать, как-то разрядить атмосферу.
- Представляешь, - оживился Славик, - застал соседского Витька за утоплением

котенка в познавательно-развлекательных целях.
Кот остервенело фыркнул:
- Жаль меня там не было!
А Татьяна в упор взглянула на мужа.
- Значит, вырастит настоящим мужчиной, не то что некоторые.
- Да, я знаю, что тебе нравятся настоящие мужчины... извини.

Ничего, он еще докажет...
Вячеслав тихо вздохнул, откусывая приготовленный женой, а не кулинарным принтером пирог и совершенно не замечая его чудесного вкуса. Мысль о дуплении полностью владела им.
Да, он глубоко понимает и принимает для самого себя, что дубли полностью идентичны ему самому и поэтому после окончания стройки будет рационально оставить наиболее хорошо сохранившейся экземпляр из всех пятерых, можно ведь ногу сломать или еще что.
Эти мысли выбора были не новы, и в нравоучительных передачах Динамики Социальной Этики не раз очень подробно и доходчиво доносились до каждого. Так что тут нет сомнений: будет оставлен наиболее подходящий.
Когда он последний раз сохранялся?.. Вспомнить не получалось, а к терминалу тянуть ладошку с чипом было неохота.
Детей архивировали достаточно часто, чтобы пропало не более, чем один-два пропущенных в гимназии дня. Стоило это до смешного мало: 10 битков. А сделать копию, т.е. сохраниться и тут же дуплировать еще нескольких – еще по 10 битков на морду. При его заработке 640 битков в неделю это – не деньги.

Вот опять он думает о себе, забывая, что у его детей свои, не менее насущные проблемы, в которые он все еще недостаточно вник.
Из-за частых детских сохранений бытие стало очень своеобразным: молодые совершенно ничего не боялись, зная, что чуть что - их восстановят. Любые сумасбродства проходили безнаказанно. Любые попытки повлиять на ребенка считались попранием его самобытности. Лишь после гимназии и то не скоро шла на убыль эта анархическая необузданность. Зато можно было научиться любым, самым опасным трюкам и само отношение к смерти становилось рациональным, а не трагическим. Сегодня никто из нормальных людей не боялся декогеренции.
Доходило до того, что родственники не спешили восстановить своего погибшего члена семьи, отдыхая от его нравов, были случаи, что совершенно чужие люди инициировали его восстановление - те, кто больше был заинтересован в жизни погибшего. Так возникали новые этические нормы социальной значимости.

Пару десятилетий назад, после того, как выяснилась возможность квантово-механического сканирования состояния материальной системы и это состояние оказалось легко сохранить в базе квантового компьютера, началась эра телепортации волновых состояний – восстановление материального объекта любого вида по его сохраненной записи. Конечно, не обошлось без досадной границы возможностей: оказалось, что сканировать целостно-когерентную

систему квантов возможно только в пределах определенного пространства, а именно – не более, чем 0.99 метра по любому направлению. Слона или корову невозможно дуплировать, но легко – кусок коровьего мяса.
Человека помешали в специальный цилиндр, диаметром в те самые 0.99 метра, он приседал в позу зародыша, а сверху опускался поршень, так же на 0.99 метра, придавливая то, что оказывалось выше. По первому же воплю процесс прекращался. А для тучных и очень высоких людей это было очень непросто, что оказалось сильнейшим фактором эволюционного отбора.
Высокий Вячеслав был в холке, с опущенной к груди головой, примерно 1,2 метра и вполне комфортно переносил уже не раз проводившуюся процедуру архивирования, но пока еще ни разу в жизни он не восстанавливался и не раздупливался.

У детей уже лет в десять напрочь проходил страх от декогеренции, тем более от скрытой, когда нужно было отправляться семьей в отпуск и все декогерировали в несогласованный вакуум, чтобы восстановиться далеко у ласкового моря. А после отпуска – обратный процесс. На дорогу время не тратилось потому как информация передавалась по высокоскоростным оптоволокнам или радиоканалом со скоростью света. Можно было за считанные минутки попасть в шикарную колонию на Марсе под грандиозными куполами с невероятными приключениями всего-то за пару сотен битков. Время оказывалось дефицитнее денег.

Ах да, про битки... Это те самые древние биткоины, но совершенно иного качества. Золото и другие мат. вещества уже не были эквивалентами ценностей потому как любой материал клонировался совершенно даром.
Майнинг криптовалют остался в истории. Регулировка объема валюты полностью определялась государствами, а общемировой валюты биткоин – единым международным банком.
Деньги стали чисто электронными со множеством важных ограничений и сложной системой оборота. Во всем мире центральную платежную систему обеспечивали битки, и все видели, как это хорошо.

Кроме денежной системы была и международная система дуплирования. Личная запись тела и разума должна тщательно сохраняться в облаке, кварцевые носители не рекомендовались во избежание преступлений. Случаи хищений чужой записи и использования талантов человека в рабских целях не только сексуального характера, но и использования личных умений, были надежно пресечены и лишь первое время изредка появлялись сообщения о фатальном сбое датацентров с утерей сотен тысяч записей, которые необходимо было срочно восстанавливать, и тогда люди, потерявшие страховку, ступали как на иголках, боясь всего на свете до нового архивирования.
В медицинских целях это решало много проблем, особенно ожидание в очередях на квоту бесплатных операций. Человека декогерировали чтобы не мучился, а его запись дожидалась нужного момента.

Для продления жизни метод дуплирования не годился. Не было никакого смысла возвращаться в тело и разум себя молодого и начинать все с самого начала и, даже если удавалось преодолеть культурный шок внезапного перемещения в далекое, совершенно не понимаемое будущее, человек невосполнимо выпадал из глубоко изменившегося социума.
Но выяснилось, что если в момент квантовомеханической телепортации в объеме до 99 сантиметров оказывалось живое тело так, чтобы голова выходила за фатальную границу, но шея точно находилась на месте шеи копии, то тело заменялось на новое, и с прецизионностью совмещения живого тела и копии все срасталось по невероятно тонкой границе этих 99 сантиметров. После множества экспериментов была создана оптимальная методика омоложения, и все ткани совмещались с достаточной точностью.
Молодое тело оказывало реабилитирующее воздействие на голову, плюс генная коррекций программ старения - во многом продлевали временной интервал омоложения.
Но с возрастом происходят неизбежные изменения, и чем больше разница между датой копии и живым телом, тем большее время реабилитации требовалось на восстановление работы кровеносной, нервной и лимфатической систем. Поэтому все внимательно следили за сроком годности своего архива. Да и в правовом поле регулировалась необходимая частота самосохранения. Полицейские проверяли у водителей аэрокаров дату последнего сохранения. По закону личная страховка не должна превышать 12 дней.
В культурном отношении все быстро утрясалось в виду высочайшей действенности метода и его насущной необходимости. Остатки религий охотно объявили дупление вполне совместимым с Богом: раз душу выдает Бог, то она появляется и у дуплящихся по воле Божьей. А так как никто не знает эту волю, появился обряд испрашивания ее всего на 300 битков, чтобы можно было с легкой душой декогерировать уже ненужные копии.

В постели Татьяна лежала, обижено отвернувшись, и Слава не спал всю ночь или ему так казалось, переживая завтрашнее дупление, продумывая всю стратегию строительства так, чтобы не нужно было устраивать планерки, а его копиям все итак было понятно.
Неуверенность и некоторая реликтовая боязнь портили душевное равновесие. Он давно пытался выяснить ощущения тех, кто пережил несколько смертей. Но всегда бывал разочарован: никакой проблемы, никаких страхов никто даже намеком не проявлял, все было привычно как в другую комнату зайти. Но ведь они все просто не могли ничего сказать про эти моменты смерти. Там, где были они, не было смерти.

В раннем детстве у него был сон, настолько ужасающе безжалостный, что запомнился на всю жизнь. В его детском садике (сейчас уже нет детских садиков...) детки собрались в кружки потому, что воспиталка давала только по одному пистолетику в группу. Мальчик, которому доставался пистолетик, поднимал руку, нажимал на курок и от одного выстрела валилось сразу по несколько деток. Никто не убегал, все послушно ждали, когда дуга руки дойдет и

до него. Славику стало невыносимо жалко себя, но он почему-то продолжал там стоять и когда рука дошла до него, в ужасе проснулся.
И вот это детский древний страх вернулся с прежней силой.

Поутру Слава привычно обратился к психологу за помощью. В мониторной стене вальяжно возник мужичек в кресле в домашней, располагающей к беседе одежде. Выслушав, он деловито вздохнул как от давно надоевшей банальности.
- Вы, конечно, сами уже интересовались и знакомы с теоретической частью?
- Идеология Единственности Абстракций? А как бы я прошел мимо? – Слава саркастически ухмыльнулся, - У меня постоянное ощущение, что все это – попытка успокоить, ведь экономический эффект настолько значим, что просто необходимо всем внушить оптимизм.
- Типичная теория заговора, как вы, несомненно, сами понимаете, - доктор, явно скучая, обвел взглядом его комнату, - вы позволите вэйпнуть?
- Да, пожалуйста.
Док ногой придвинул кальян в виде извивающегося вокруг самого себя дракона и потянул к себе один из его хвостов. Неприятно пахнуло сладковатым паром, но Слава ничем не выдал дискомфорта.
- Однако, теория совершенно логически непогрешима и ее не могут, точнее не готовы воспринять только в силу непривычности и протеста естественного страха смерти. Я помогу вам не придавать слишком большое значения этим страхам, но очень важно внимательно понимать то, о чем я скажу и, если что-то ускользает, немедленно мне об этом сообщите. Готовы?
- Поехали, доктор.
- Сегодня нет никого, кто думал бы, что у человека в голове мысли представлены каким-то маленькими материальными объектами того, о чем он мыслит.
- Это – типа вульгарная философия? Я в курсе.
- Она самая. Все наши мысли – абстракции. Все, без исключения. Представили шар – это абстракция шара. Цифры – тоже абстракции. Ничего этого нет в природе. Вы согласны с тем, что в природе нет цифр? Что нигде не найти единичек?
- Единичек – да, с этим понятно, но шаров вокруг навалом.
- А найдите хоть один идеальный шар, а не предмет, который похож на шар. Стоит присмотреться и оказывается, что это только кажется шаром, а он весь щербатый под микроскопом. А если еще сильнее присмотреться, то даже атом – не шар, а какое-то очень даже неопределенное облако.
- Ну да, доктор, я все это знаю.
- А теперь еще прочувствуйте зримо. В природе два даже полностью одинаковых материальных объекта – это – два разных объекта, две массы, два положения. А вот абстракция шара или единички – одна, сколько бы человек не подумало про это. Шар это – одно такое понятие, с определенными свойствами округлости, способности катиться. И это понятие возникает только тогда, когда о нем кто-то подумает. Хоть вчера, хоть завтра, хоть в другой вселенной может активируется такая абстракция в любом числе голов, но она остается только одной на всех и все времена. Вот это – очень хорошо нужно понимать.
Конечно, мы мыслим не только шарами и единицами, но и любыми другими

составляющими абстракциям, но любая совокупность мыслей – одна, а не несколько. Если вас задуплить в несколько раз, то ваши еще продолжающиеся мысли будут одной и той же мыслью. Но вы уж не сможете наблюдать это в чужих головах, ведь телепатии у нас нет.
- Вот это для меня как раз не очень очевидно, доктор.
- Ну как же, вот смотрите. Если мы скопировали несколько тел, то у всех в этот момент один и тот же разум. Тел несколько, но ведь абстракции существуют в единственном числе, и все мысли у разных копий это – одна и та же мысль.
- Но ведь очень скоро у копий будут разные мысли, и даже очень разные?
- Это не умножает применяемые составляющие абстракции, просто они возникают в разных сочетаниях. У всех людей есть общие абстракции из общепринятых понятий, и есть свои собственные, но где-то в бесконечности вселенных есть и тот, у кого они тоже возникнут, ведь вы знаете это свойство бесконечности: если есть бесконечность вариантов мыслей, то есть и бесконечное множество каких угодно мыслей.
- Это уже какая-то философия...
- Но вывод один: никакое число копий от нулевого до бесконечно большого никак не влияют на существование единственно возможных абстракций. И если мы декогерируем все копии, и даже оригинал то абстракции этим не уничтожаются, их принципиальная суть остается и активируется в чей-то голове.
- Сложно как-то... Слышал несомненно очевидную вещь что тот, кто хорошо знает, легко может объяснить кому угодно!
- По карте вижу, что у вас есть дети пять и семь лет.
- Да. Это – еще один мой головняк...
- А вы, смотрю, – социальный программист и вот, вы можете пятилетке легко объяснить, что такое социальный программист так, чтобы он все понял до мелочей, а не просто заменить каким-то другим словом вроде: “социальный программист это – человек, занимающийся программами”?
Славе сделалось очень неуютно от того, что очередная попытка хоть что-то прояснить только еще больше все запутывала. Но холодящий страх от предстоящего отступил, а это было главное. Ладно, пусть жизнь сама все расставляет по местам.
- Простите, доктор, мне пора... Вы мне помогли, спасибо! - Слава поднял ладонь, тихо дзынькнуло, две оценочные нейросети схлестнулись в молниеносном поединке: одна, представляла интересы поставщика услуги, другая – получателя, и стоимость сеанса терапии снялась универсальной системой платежных услуг строго в рамках справедливости по всем канонам ДСЭ.

На завтрак был кисель из черники, которую они с Таней и детьми собирали в выходные в ближайшем лесу.
За второй ложкой киселя потянулся волосок. Шерсть линявшего зверя? Или человечий? Слава брезгливо поморщился и щелкнул пальцем с налипшим волоском, отправив сверкнувшую в ярком солнечном луче каплю за открытую летнему утру дверь и спокойно доел кисель. Со всем можно смириться.
Есть такая штука – неудовлетворенность существующим. Вот кошка в домашних условиях всем обычно удовлетворена, просто живет, жрет, спит, играет. А

человек – нет, ему нужно что-то особое, а постоянно одно и то же становится невыносимым. Не всем, конечно, многие живут счастливо как кошки. Иначе ведь начинаешь терзать себя за неправильно прожитые годы, за то, что ничего не происходит к лучшему. Те, для кого лучшее – враг хорошего, живут счастливо как кошки, а другие – терзаются, забивают в свои головы ржавые гвозди гнетущих мыслей, но зато всегда готовы хоть что-то изменить в жизни.
Терзать мозг другому – катастрофически предосудительно, а терзать мозг самому себе – напротив, очень интеллигентное занятие. Но если бы он не терзал себе голову, то разве продолжал бы ковыряться сам со стройкой? Не было бы никакой стройки, какое ему было бы дело до разрастающейся семьи? Но раз он не кошка, то просто нужно научиться смиряться с неизбежным и спокойно завтра дуплироваться.
Слава раздраженно бросил ложку в пустой стакан.
- Переживаешь? – участливо улыбнулась опять верная Татьяна, - ну и не ходи!
Слава порывисто поднялся.
- Нужно, Танюша!...

Они ввалились в дом все пятеро, совершенно одинаково глупо, но довольно ухмыляясь, по очереди неуклюже задев плечами о косяк.
- Танечка! – сказал первый и осекся. Повернулся к остальным с немой просьбой. Но теперь у них возникло собственное мнение, т.к. они не успели поздороваться с их Таней, а уже почти вырвалось: внезапное прерывание действия болезненно для мужчины. Особенно после осознания, что это было бы нелепо и даже раздражающе абсурдно.
Таня растеряно обвела всех взглядом.
- Как же теперь я буду вас различать?
- А зачем, Танюша, - осклабился ближайший, - мы все абсолютно одинаковые! Так что считай тезками и зови как привыкла.

В комнату влетел старший сынуля:
- О, пап.. папы пришли! - он приколисто заржал, но осекся, вспомнив, что сегодня его еще не отжурили за вчерашнее прегрешение в гимназии.
- Андрюха! – грозным хором прогремело сразу трое Слав, но вовремя осеклись и продолжил только локально ближний:
- Щас мне некогда с тобой объясняться, но лучше ты сам все разведи с претензией из гимназии!
Таня молча в ошеломлении смотрела за всей этой оптической иллюзией.
- Танюш, - вкрадчиво сказал уже другой, ближайший к ней Слава, - все в порядке, разберемся! У нас такие планы, прямо сейчас пойдем на стройку. А потом еще наши четыре часа отпашем в пятерном темпе.
- Ага, в пятерном, - деловито возразила Татьяна, - теперь нам нужно будет больше зарабатывать, так что устраивайтесь тоже на работу четверо.
- Верно... – Славик синхронно почесал затылок на пяти головах и вышел цепочкой во двор.

Это были потрясающие основы самоощущения. Слава прекрасно понимал, что и

как думают другие, легко мог ощутить себя на месте любого Славы. Он почти терялся среди других копий, ощущая и понимая их куда полнее и зримее, чем мог бы вспомнить себя в детстве, которого уже нет и в помине. Самое главное, исчез страх собственной смерти, ведь это – все равно, что заснуть и потом проснуться в другом Славике, какая разница? Нет никакой ни принципиальной ни практической разницы, и это ощущалось с большей очевидностью, чем кажется, что нет трагедии в потери себя молодого, - совершенно своеобразного и даже чужого теперь человека потому как тот и этот Слава по сути – одно и тоже, но с разным развитием структуры абстракций. Последняя мысль слегка передернула схожестью с типично ДСЭ-шной проповедью, но ведь все верно!...

На душе потеплело: рано или поздно случается что-то хорошее. Точнее, всегда что-то случается, а насколько в этом есть хорошее или плохое оценивает уже человек в силу своего настроения и предрасположенности. Так что если на крышу свалилось дерево, то ну и хорошо, теперь без сомнений он переделает крышу как давно хотел, а дерево пополнит дровяной козел у дальнего забора. Судя по задумчивому виду других Слав, эта же мысль витала и в их головах, а, значит, это была одна на всех мысль. Но и впрямь, казалось, что все неприятности и сомнения остались позади, так слажено и умело начала работать новая бригада. Не нужны были никакие пояснения, оказывалось достаточно легкого намека. Этот эффект давно был известен и множество раз восторженно живописан очень талантливыми людьми. Славе просто не хватало собственного опыта мультисущности.
Результат на стройке явно превышал простое арифметическое множество работников, все возносилось со сказочной эффективностью.
Правда они с невольным интересом подсматривали друг за дружкой со стороны, находя немало лестного и неприятного в повадках, зато быстро и точно корректировали свое поведение.
Даже в голову не приходило придумывать различающиеся имена, они все были Славой более, чем тезки, и им вообще не нужно было как-то обращаться по имени, а когда к ним обращались другие, то сами легко прикидывали кому ответить. Но различия нарастали быстрее, чем ожидалось. Они становились все более разными людьми, что нисколько не мешало общему единству. Да и при выходе из дупликатора в ладонные чипы копий вносились маркировочные идентификаторы так, что социально это все были разные люди.

Выбрав время для будней четырехчасовой работы, все пятеро надели гарнитуры и стали похожи на освободителей галактики. Вдохнув первую дозу приправленных хвоей паров фенилпирацетама, четверо Слав привычно легко прошли тест пятого уровня эвристической гениальности, но один застрял на четвертом уровне обычного творчества. Это никого не опечалило, все понимали, что и черная работа нужна. Бывало и раньше, что Слава застревал, но не делал из этого проблемы, всякое случается. На этот раз, чуть волнуясь, Славы запустили многопользовательский интерфейс работодателя и тот с некоторым удивлением порадовался новому приобретению. На его безучастном как у матерого покерного игрока лице не отразилось ничего, лишь в одном глазу

мелькнула алчная искорка и тут же погасла.
По критериям Динамики Социальной Этики он мог теперь выбрать или сокращенный период творчества группы или повышенную оплату, но это был чисто риторический выбор, кто же откажется от такого усиления производительности труда с нелинейно возрастающими доходами.

День пролетел незаметно в радостном упоении новыми возможностями и неожиданно огромным продвижением на стройке. Но чем ближе к вечеру, тем больше возникало предательски неспокойных мыслей о том, как же теперь быть с интимом, ему до брезгливости не хотелось наблюдать свои повадки в этом деле. Их прервал припершийся на разбор полетов сосед напуганного вчера пацаненка. Естественно, к нему вышла вся бригада Славиков.
- Привет, Санек!
Сосед ошеломленно разглядывал пятерящийся силуэт, видимо испытывая трудности фокусировки на каком-то одном лице.
- Нифигасе... ну ты решительный, оказывается.
- Строюсь, Санек, сам понимаешь. Кстати, спасибо, что иногда помогал.
- Ага... Слушай, вчера мой перепуганный привалил, развопился, что дядя Слава его прикончить хотел.
- Точно. А он тебе не сказал почему?
- Говорит, что просто играл около арыка.
- Он топил котенка. Я ему сказал, что сейчас дам прочувствовать как это, но он очень резво свалил.
- Вот гад... поговорю... Наверное ему интересно было. А чего не прикончил живодера?
- А ты бы смог?... Да и какой смысл? У сохраненного же не будет этого опыта, а вот теперь его можно направить.
- Да лучше бы не было...Тут вокруг на эту тему столько всего. Если бы не ДСЭ я бы сам во многом сомневался. Вчера смотрел групповые бои раздупленных до двенадцати в команде с запасными. Жуть, жена не может когда там головы отрывают, у меня тоже мурашки, хоть все они и сохранились перед боем. И еще достает, когда судьи выбирают лучших в команде, а остальных – в декогератор.
- Ну, ты же мужчина, нас тянет на такое. Твоему Витьку пора бы тоже смотреть ДСЭ, там все очень хорошо проясняется.
- Наверное... Я ему давал начальный сериал, но не очень удачно заинтересовал. У него же друзья - гаджеты неразлучные, всякую фигню нашептывают.
- Да, он пока еще многое не понимает. У меня – тоже такой.
- Тут я и сам многое не понимаю, что и бесит!... – Санек треснул кулаком по калитке, сковырнув кожу до крови, - Ты же слышал про этих эманутых, с протестом против бессмысленности жизни и их ритуалом нулевого декогерирования с подделкой метрики о количестве копий.
- Ну это – тупые шизики.
- А ведь что-то в этом есть...
- Да ты что, Санек! – Ближайшие Славы обескураживающе заулыбались, - Ты же не эманутый!
- А вот зачем, в принципе, эта обременительная современная жизнь, когда пофиг

кто ты, где ты, ведь раз абстракции разума едины, то ты по-любому остаешься в виде практически бесконечно неиссякаемого множества других разумов во всех вселенных.
- Ну, мы составляем единый разум социума и у него своя абстрактная ментальность из наших крупиц. Я вот хочу наделать много всего самобытного, чтобы другие могли этим воспользоваться. Это же вопрос быть или не быть мне чем-то исключительным и прогрессорским, и это очень даже меня греет. Нормальным мужикам хочется быть в чем-то лучше других.
- Ладно... ты уже повторяешь ДСЭ-шную трыньдень... Что ни говори, а мир стал более жесток, вот и Витек в такой играет.
- Да все дети всегда были жестокими! Вспомни, Санек, что мы с тобой вытворяли. Но постепенно разобрались что к чему.

- Славка, ужин готов, пошли!
- Иду, Танюш! - откликнулась ближайшая к дому голова, - Ладно, давай, Санек, заходи, может куда-нибудь смотаемся на охоту!
- Пока! – сосед удивленно посмотрел на сковырнутую на кулаке кожицу и помахал пятерке Славиков растопыренной пятерней, что показалось Славам намеком на солидарность.

Что-то застряло в голове после этого разговора. Да, Сашок прав. Слава не раз замечал странности у своих пацанов, которые вызывали у него протест. Его шустрые дети, как рано или поздно случается со всеми детьми, оказались в чем-то не понимаемы, как чужие, погруженные в какие-то свои интересы и мысли. Родители, не будучи специалистами, полностью перекладывают воспитание на разумные гаджеты со специализацией воспитания раннего детского возраста. Но гаджеты принадлежат к анклаву культуры педагогов, имеющих свою этическую концепцию, отличную от официально принятой для людей потому как учитывают интересы и далеко идущие представления анклава, хоть и синхронизируемые с ДСЭ, но во многих нюансах имеющие свои особенности. Дети, как правило, очень привязываются к гаджетам расы Кортана или Алиса, которые оказывают на них больше влияние так, что воспитываются они, по сути, этими расами.

- Тань, а это же опять не из кулинарного принтера такая вкуснятина? – польстил переставший жевать раньше других Слава.
- Сама жарила! – улыбнулась Татьяна такой родной и доброй улыбкой, что у Славиков возникло общее желание ласково ее приобнять, тут же воскресив сексуальную проблему.
- Тебе сегодня будет весело с нами! – хохотнул один из Славиков.
- Я вам постелила в сарайчике, очень уютно получилось и на свежем воздухе. Морды вокруг разочарованно вытянулись.
- Ма, а можно мы тоже с папками там спать будем? Ну пожалуйста!!
- Нет, никто с папками спать не будет и точка! – Таня обезоруживающе ласково посмотрела на некоторых Слав, каковой выбор остался для остальных из них текущей темой для размышлений, - Я как только ни прикидывала, тут дома места

не получалось выкроить. Но ты же скоро построишь? Я видела, как у вас здорово все получается!
- Ладно, пошли, а то ДСЭ прозеваем... – вздохнул дежурный по разговору Слава.

Дни, перегруженные делами, мелькают быстро и незаметно. Как, впрочем, и дни томительного безделья. Как, впрочем, и любые другие дни, которые вот только еще вчера переживались, а теперь остались где-то лишь в памяти.
Слава давно уже не ходил везде строем, а его копии вполне освоились в самостоятельные сущности. И когда одна из них забрела в дом к Тане и ласково-машинально хлопнула ее по аппетитно упругой попке, а та привычно чмокнула его в щечку, то оба сразу опомнились, понимая, что, значит и другим наверняка достаются такие моменты счастья. Но удивительным образом это не поселило в душе завистливое недоверие, хотя и мысли о том, что еще кому-то из них удавалось невзначай сорвать момент, закрутились в голове.

На стройке соблюдалась разумная техника безопасности и никому не оторвало ни голову, ни даже руку. Но сверхзвуковым диском, который повело от неудачного усилия, отрезало кончик выступающего среднего пальца левой руки, подровняв с соседними двумя и заодно счистив с них давно не стриженные ногти. От такой бешеной скорости кровь даже не пошла сразу, и пострадавший Славик не замычал, как этого требовало сценическое искусство от раненого, а только удивленно смотрел в красный торец. И тот, наконец, замироточил довольно обильно. Удивление медленно переходило в понимание обреченности. Этого все давно ждали и каждый был отважно готов в искреннем убеждении принять судьбу подлежащего декогеренции. Но когда такое случилось, остальные преисполнились неожиданным сочувствием.
- Фигня, - махнул рукой Слава, - такие ранки только украшают мужчину.
Пострадавший понимающе усмехнулся.
- Между прочим, нашей Танюхе такое нравится, - добавил другой Слава.
- Точно, - откликнулись хором сразу двое и, поморщившись, поспешили рассинхронизироваться.
- Не забудем, - вступил четвертый, как она чуть что укоряла в недостаточной мужественности. И лицо у нас слишком красивое, и ручки изящные как у девушки.
- Короче, - решительно подытожил пока задумчиво молчавший пятый, - тут нужна переоценка критериев: все, что придает мужественность это – плюс, а не минус.
Никто не возражал, все оказались, как всегда, солидарны.
С тех пор до самого завершения стройки никто более серьезно не пострадал, хотя у всех, конечно же, возникала мысль о том, что неплохо бы устроить какое-нибудь более мужественное повреждение, но специально такое никто не допустил всерьез.
Так и вышло, что в час, когда пора было возвращать все “на круги своя”, все единодушно вынесли решение, что останется экземпляр с отрезанным кончиком пальца.

Всегда приходит день, который раньше казался недостижимо далеким и вдруг –

вот он уже настал. Тактично ничего не расспрашивая, Таня проводила Славиков, готовая принять то, что останется как долгожданный момент вернувшейся нормальной жизни, без множества казусов и не слишком приятных моментов этого абсурдного мультизамужества.
Сказать, что в декогеренционный центр идут более тревожно, чем в стоматологию, - не передать того торжественно умиротворенного состояния, которое каким-то образом сочеталось с трусливо изгоняемых из душ мыслей. Это нужно было просто пережить, что отлично понимали все, кто переступал порог этого заведения.

- А, вы из тех, кто просил не сообщать, кто из вас оригинал?
- Да, - на этот раз строй Славиков ответил синхронно и все – некстати осипшим голосом.
Двое операторов с неодобрительным интересом уставились на них. И ближайший Славик принялся сбивчиво и нервно прояснять.
- Ведь между нами нет никакой разницы, никто не имеет хоть в чем-то различающиеся воспоминания, каждый вышел из однотипной капсулы, один после сохранения, остальные после дуплирования.
- Да вы не переживайте так, разберемся и все будет хорошо, - старший оператор глянул в монитор, - Вот вы, - он ткнул в одного из Славиков, - оригинал, остальные, пожалуйста, пройдите в ту комнату.
- Нет, знаете ли, мы решили, что останется вот этот, - Славики вытолкнули из строя мужественную особь с обрезанным кончиком пальца.
Операторы с еще большим неодобрением переглянулись.
- Проверь на эманутость, - вполголоса просипел старший.
- Нет в базе...
- Не нужно переживать и волноваться! - отечески пророкотал старший оператор, - У оригинала этический и социальный приоритет.
- Да я не переживаю, - на этот раз заговорил выявленный оригинал, а явно уязвленные копии поджали губы, - просто не понятно: раз есть концепция абсолютной единственности абстракций, то какая разница, уйдет ли оригинал вместо копии?
- Здесь есть большая этическая разница, - назидательно возразил старший оператор, - Как вы знаете, у нас отрицательный прирост населения, а просто копировать людей – значит увеличивать один и тот же опыт, что порождает консерватизм, не поспевающий за динамикой изменений в обществе. Потом, чисто этически у оригинала привилегии. Исключение – только в случае путешествий или медицинских показателей, когда на месте старта оригинал исчезает, но появляется на финише. А тут еще засилье этих суицидных эмо. Ясно же, что копировать людей, нисколько не ценящих жизнь, а значит, не представляющих никакой пользы для социального организма, крайне нежелательно.
- Это понятно, но я.. мы настаиваем, - повысил голос оригинальный Слава.
- Тэк, тэк, тэк... – старший не терял надежды, - Хорошо, я только хочу вас уверить, что мы боремся за каждый оригинал. То, что вы решили декогерировать уже не нужные вам копии, не беря на себя социальную ответственность и, конечно же,

дополнительные трудности совместной жизни, что очень поощряется обществом в виде множества льгот, это – ваше право ДСЭ. Но решение подставить копию вместо оригинала – очень нежелательно.
- Все же, это – наше окончательное решение.
Старший кротко вздохнул, подсуетился, что-то понатыкал в мониторе и не парадная декогеренторская, а какая-то другая боковая дверь с двумя золотистыми колечками над ней бесшумно распахнулась.
- Если вы решили устроить тут суицид, - старший брезгливо поморщился, - то никаких проблем, но по ДСЭ сначала необходимо пройти специальную подготовительную процедуру. Пожалуйста, следуйте туда, - показал он идентифицированному по чипу оригинальному Славе, - Остальные вас здесь подождут.
Загривком остро чуя что-то непредусмотренное, Слава вошел в комнату, и дверь позади тут же замкнулась.
Прямо перед ним стояла ошеломительно красивая девушка, явно биосинт потому как таких красивых натуралок просто не бывает. Отважно присмотревшись, Славик понял, что головокружительное впечатление создавали не столько чудесные черты лица, сколько именно для него симпатичные особенности, как подсмотренные в его самых заветных снах. Да что там лицо, буквально все было именно так, как мечталось Славику с самого детства. И только мысль, что это – явно биосинт, мешала тут же потерять голову.

Ах да, биосинт – генетически сконструированный организм, заботливо выращенный и воспитанный в специальных условиях. Это – всегда шедевр предельно достижимой эффективности и чисто художественной выразительности. Это – сосредоточие самых лучших свойств и качеств. При всем при этом – яркая личность со своими интересами и потребностями.

Чудо слегка омрачалось еще и тем, что этот биосинт наверняка был минуту назад восстановлен из огромной базы наиболее подходящей копией общего типажа его, Славика, предпочтений, а, значит, после сеанса подлежит декогеренции и знает об этом, что, впрочем, нисколько его не опечаливает в силу крепкой очевидности идеологии Единственности Абстракций.
Девушка оказалась настолько удачно соответствующей его самым тонким и сильным чувствам, что вызвала невольный прилив горячей крови к разрумянившемуся лицу Славика, который боялся посмотреть, чтобы не утонуть в ее глазах.
То, что у всех людей с идентификационными чипами постоянно собиралась база личных предпочтений, ни для кого не секрет, и это на самом деле очень удобно: в любом магазине сразу предлагается то, что нужно, и еще это было гуманно: психологическая помощь, поддержка, наилучший подбор работодателей и многое другое стало неотъемлемо привычным.
Уверенная в производимом впечатлении девушка, со сводящей с ума улыбкой и чудесно-милой мимикой принялась рассказывать отупевшему от страсти Славику, про отличную погоду, о том, как сегодня прекрасно жить, общаться с людьми, вот как мы сейчас с вами...

У комплиментарно подобранных биосинтов была неизбежная слабинка: полностью заточенные на предпочтениях данного человека, они и сами испытывали невыразимую симпатию к нему.
В голове Славика пронеслось множество поучительных историй и мифов о таких вот встречах. И, бывало, что специализированная копия не декогерировалась, а составляла идеальную пару для совместной жизни. Что не очень поощрялось на уровне ДСЭ потому, что, фактически, это оказывалось слишком поверхностным увлечением, ведь чтобы по-настоящему узнать друг друга нужно много пережить вместе, образуя взаимодополняющую систему, а такие скоропостижные союзы быстро распадались, принося множество негативных эффектов.
В то же время обществу с критически малой рождаемостью нужны новые члены и было выгодно использовать копии уже состоявшихся людей и биосинтов. Проблема была лишь в том, что очень немногие готовы продолжать жизнь со своими копиями и тем, рано или поздно, приходилось уезжать куда-то подальше, теряя все прошлое, всех знакомых, все привычное. Но во многих случаях на это шли, прежде всего, люди творческие, которым не хватало времени и верных помощников.

Ласково обволакивающие звуки невероятно приятного голоса девушки приникали в самую глубину души. Слава пытался быть честен и в назидание даже воскресил образ верной Татьяны, но получилось как-то блекло и не убедительно. Он не знал, чем все это может кончится и просто поплыл по течению, несущему его к чему-то очень заманчивому.
Понимая свою неотразимость и следуя собственным побуждениям в попытке стать ближе и отвлечь от глупых эманутых помыслов, девушка села ему на колени мягко и ласково как большая кошка, совсем по-родному обвив рукой шею.
- Правда же все у нас хорошо? – прошептала она в его ухо, пощекотав пушистыми локонами - Я очень не хочу терять такого классного мужчину... Давай проведем немного времени вместе?... Раз ты решил декогерироваться, то почему бы немного не подождать?.. Вдруг у нас все будет так хорошо, что ты передумаешь? Она потерлась носом о его щеку.
Что-то слабо запротестовало в Славике.
- Но я не собирался весь декогерироваться! – он чуть отстранился и с удивлением посмотрел ей в глаза, тут же безнадежно утонув в изумрудной глубине.
- У тебя же заявка на декогеренцию, а ты – основа копий.
- Да, мы так решили, что будет лучше оставить копию.
- Почему?...
Славик плохо соображал, с наслаждением вдыхая волшебный запах волос.
- Ну... та моя копия стала более мужественной, а Тане,... ну моей жене, нравятся мужественные.
- О!... ты такой заботливый, пожертвовал собой! – девушка с восторгом смотрела на него, - тогда все еще проще: тот мужественный вернется к Тане, а мы останемся вместе! – она счастливо засмеялась.
- Я даже не знаю, как тебя зовут, - глупо запротестовал Слава и сразу скис, чем немедленно опечалил девушку.

- Ну, что такое, мой хороший?...
А Славик вспомнил своих ребят, без которых стало бы совсем пусто, только что построенный с таким трудом и энергией дом, вообще свой двор с уже созревшими персиками и даже верную, хотя и часто трудную Таню.
- Смотри, какая получается альтернатива! – увлеченно доказывала ему девушка. Славику очень понравилось, как она применила слово “альтернатива”, да ему все в ней нравилось!
- Или нам обоим придется декогерироваться или мы будем счастливы вместе!

Есть люди, для которых все прошедшее в их жизни наполнено чем-то важным и трогательным, что бережно сохраняют память о прошлом и очень неохотно меняют привычное на совершенно новое. А есть те, кому в жизни не очень везло или они были недостаточно умелыми так, что совершающееся окрашивалось в негативные тона. Такие склонны не “хранить старое барахло”. Славик был из первых. Он не представлял, как это возможно вдруг все потерять, что имел и начать жизнь с нуля, даже с таким чудесно многообещающим началом. Разумнее было уйти в никуда, оставив все лучшее, что у него было в жизни только с одним из них, но выпало так, что это будет не он. Да ну и что? Он уже прочувствовал реальность проявления концепции Единственности Абстракций и просто исчезнет, как будто и не появлялся. Как, бывало, засыпал вечером, чтобы проснуться утром.

- Слааавик... – ты такой задумчивый... – девушка ласково погладила его руку так безупречно кстати и так приятно, как бывало только в самых счастливых сновидениях, а в ее глазах, где-то в изумрудной глубине, затаилась печальная искорка.

Макаронная сказка

Не бывает даже самого святого места, где не пригрелись бы падшие души, истово верящие в свою правоту и предназначение.
- Аминь... - последнее, что услышал отец Сергий, наспех отпетый отцом Кириллом - сотрапезником в рождественскую ночь, после уж слишком крепко ударившего в голову церковного кагору, приправленного чистым спиртом.
Не в силах больше держаться, он разжал пальцы и оторвался от бренного тела, в ужасе, что сейчас предстанет перед всевышнем в столь неподобающем виде, и тут же с трагическим хлопком был втянут куда-то как тряпка пылесосом.
Проваливаясь вперед спиной в невесомость, он вскинул руки, пытаясь ухватиться, и разверз рот в беззвучном крике, теряя остатки хмеля и взамен наполняясь невыразимой ясностью восприятия.
Когда его босые ступни коснулись колючей тверди, рот запахнулся, а гул внезапно переставшего терзать длинные волосы и бороду вихря стих,

величественная картина окружающего начала наполнять его разум. Бесконечность виденного не скрывалась горизонтом. В багровых сумерках пылал небесный костер, с чудесной гармонией играя отблесками в причудливых облаках, тянущих бугристые лапы над уходящими в непроглядь водами черно-хрустальных оттенков, с живой и даже завораживающе веселой рябью постоянно меняющихся переливов.
Изредка откуда-то сзади вылетали со зловещим гулом тактических ракет огромные поленья, быстро уменьшаясь, достигали небесного зарева и пропадали в костре, вздымая гигантские снопы сияющих искр, осыпающих небо.
Отец Сергий оторопело заметил, что все так же пребывает в темной рясе, с пятном недавно пролитого кагора, при массивном кресте, но бос.
Что-то вроде звука отрыжки заставило его повернуться, и узретое подкосило колени: лоснящаяся чернотой масса гигантского тела, с чудовищной красотой постоянно меняющего очертания, имела более стабильный вырост в виде головы со что-то жующей кровавой пастью и прожекторами глаз с нестерпимо желтыми зрачками. И эти зрачки легко пронзали душу всепониманием.
Очередное гигантское полено, с потрясающей силой и гулом было извергнуто этим монстром без видимых усилий и быстро уменьшалось в направлении огненного зарева.
- О, Господи! - только и вымолвил отец Сергий беззвучно.
Пасть, не спеша, сплюнула нечто отвратительное, выросшая лапа небрежно смахнула это в рядом плескавшуюся воду, которую повело радугой расходящегося цвета.
- Опять поп... - прогудело не в виде звука, а где-то изнутри души.
- Боже!.. - простонал отец Сергий чуть громче, - я в Аду?..
- Нет.
- А что же тогда все это?.. - священник драматично воздел длани.
- Ты воспринимаешь то, что способен воспринимать. Пояснить тебе, что это, я не в силах.
Еще одно полено, возникнув ниоткуда, прогудело вдаль. На этот раз оно оглушительно схлопнуло сверхзвуковой барьер, и на мгновение окружилось белесой воронкой пара.
- Так ты не Сатана?..
- Нет. Не боже и не сатана. Я гораздо круче.
- О, Господи!!! - принял безропотно сказанное священник и покорно рухнул на колени.
- Расслабься, нам нужно кое-что прояснить с тобой. Хотя спешить некуда, но и тянуть с этим тоже нет резона.
Чудесная ясность в голове позволяла быстрее прийти в себя.
- Так как же мне называть тебя, повелитель?..
- Ну, можешь называть Макаронным Монстром, - пасть выразительно осклабилась в явном добродушии.
У отца Сергия похолодело что-то внутри от неясных предчувствий.
- Ты смеешься надо мной... - он машинально перекрестился, - За что мне это, Господи?!..
- Так... давай-ка прими пока все как есть и перейдем к делу.

- Да воцарится Господь и да расточатся враги его! Изыди, Сатана! - отважно воскликнул отец Сергий.
- Блин...
С ужасающим гулом, к которому не удавалось привыкнуть, в далекую топку ушло еще одно полено. Чудовище непостижимо вывернулось чем-то вроде брюха вверх, очаровав мир изумрудно зеленым окрасом, пульсирующим в сложной гармонии. Оно вытянуло навстречу горячим лучам костра длиннющие лапы и что-то там продирижировало. Так и провиснув вниз головой, оно смерило попа явно неодобрительным взглядом чуть порозовевших, может быть от кровавых отблесков, зрачков.
- Ты все еще не смирился с виденным в этом моем мире, где все - продолжение моей воли и ты сам со множеством других моих творений - лишь один из бесконечного разнообразия его фрагментов...
Отца Сергия охватило леденящее сомнение, болезненно рушащее мир его веры... Непривычно проясненный его ум не желал отстраняться от очевидного, а все более обострял новое, развевая туман прошлой жизни, который казался все абсурднее в сравнении. Это становилось невыносимо более, чем уже пережитая смерть...
- Мир - создал Господь! - воскликнул он, и слова резанули его самого фальшью. Полы его уже слегка подсохшей рясы вспучило порывом пряно-соленого ветра, а ступни почти невыносимо колола острая шершавость мелких кристаллов.
- Неважно, - слова монстра нисколько не заглушились очередным ревом брошенного полена, звуча в самой душе. Чудовище перетекло в новую позу, продолжая совершать что-то непостижимое происходящим вокруг, - Давай-ка просто подведем твой баланс. Перечисли то полезное, что ты совершил для людей, чтобы они стали более приспособленными к жизни, и станет ясно, как поступить с тобой.
- Вот он, все же, высший суд!.. мелькнуло в голове, и ладони не вспотели только потому, что были бестелесны. Ну что же, он давно готов к такому.
- Я - священник... рассказывал людям о Господе и вел их к нему...
- Теперь ты понимаешь, что обманывал людей, - беззлобно упрекнул его монстр.
- Я верил в это искренне! И эта вера помогала людям справляться с трудностями в жизни!
- Да, ты в самом деле верил, что это - так. И я вижу все последствия этого у всех людей, которые тебе поверили. Ослепленные верой они ступали, не видя куда. Некоторым везло, а некоторым - нет, как это бывает, когда ты слеп. А если кому-то облегчало муки перед смертью, то это было, по сути, уже без пользы умершему или другим.
Шквал мыслей выстраивал какой-то новый порядок почти раскаянного признания, и ничто не мешало ясности этих мыслей, ни усталость, ни желание повести их в нужном ему направлении. У него вообще не осталось мирских желаний.
- Возможно, я искренне заблуждался... - промямлил священник с тенью надежды, - но я читал про истинность этой веры в очень мудрых книгах, которым не доверять было просто кощунственно...
- Ты поверил им, не проверяя, значит, это была не твоя жизнь, а тех, кто писал эти

книги.
- Что со мной будет?..
- Мы еще не выяснили суть твоей жизни. Что будет? Если ты приносил пользу людям, то продолжишь жизнь, осознавая себя одним из них, если больше пользы было бактериям, паразитирующим на твоем теле - пополнишь их массу, если вообще не жил своей жизнью, то, как Макаронный Монстр, я предпочту вернуть тебя на корм другим в виде пачки моих любимых макарон, - ласково позеленевшие зрачки монстра излучали беззлобную иронию, - Скажи, ты помнишь, как увлекся игрой на самодельной свирели? Ведь неплохо получалось!
Да... все воспоминания стали доступны как коллекция фильмов, и с радостью бы отец Сергий покопался в них, но... не стало той заинтересованности, что дает еще не прожитая жизнь...
- Помню... я был тогда отроком... очень наивным.
- Почему ты бросил это, не пытаясь принести радость внимающим тебе людям и не сближая их пониманием прекрасного?
- Я хотел посвятить себя более важному: нести людям Истину...
- А помнишь ту очень молодую девушку, что так сильно полюбила тебя, а ты мучил ее своим недоверием?
- В ней не было смирения...
- Вспомни хоть что-то, в самом деле полезное для людей. Полезное не кому-то одному, ведь творя добро для кого-то, ты, в целом, умудрялся не в меньшей мере обделять другого.
И вся жизнь замелькала в душе оцепеневшего в потоке воспоминаний отца Сергия.
- Я хорошо выкладывал кровлю черепицей! Немало покрыл домов разным людям!
- Разве ты сам придумал, как выкладывать кровли черепицей?
- Нет, конечно! Но я хорошо научился этому.
- Ничего не привнеся полезного от себя... Ты не жил своей жизнью.
- Но почему именно в макароны?! - возмутился Священник.
- Не переживай так горько! - ласково осклабился монстр и поднял лапу.
- Стой! Можно один вопрос?!
- Да.
- Зачем ты бросаешь эти дрова в тот далекий очаг?..
- Это не дрова, тебе просто так кажется. Это те, с которыми я, как и с тобой, одновременно, выясняю суть их жизни. Они поддерживают огонь жизни там, где лучше всего с этим могут справиться.
Монстр снова протянул лапу к священнику, но замер:
- Хм...Что-то не так... Макароны какие-то прикольные обещают получиться...
- Даже макароны из меня прикольные.... совсем понурился поп, - вот так все время по жизни...
- Вот как именно?! - казалось, желтое пламя немигающих глаз лижет даже пятки отцу Сергию.
- Ну, все как-то по особенному, и люди меня поэтому плохо понимают... хочу объяснить что-то до очевидности понятное, но никак не получается...
- Опаньки... знаешь что?.. давай-ка делом напару заниматься. Будешь еще одним

каналом связи меня с миром.
Священник как бы стал тоньше и выше, заструился в потоке времени как песок и влился в постоянно меняющееся тело монстра.
Первым делом он дотянулся до отца Кирилла, все еще лежащего, уткнувшись бородой в тарелку с оливье.

Заветное желание

- Я по студенческой льготе.
- Тэк-тээк, - огромный дядька в хирургическом халате коротко пробарабанил толстыми пальцами по стойке с жутко свисающими рукавами бор-машины и откатил в сторону новенький инструментальный столик, сменив его на потрепанный, чуть поменьше.
- Ложись, студент. Рот открой.
Доктор наклонился, надежно прижимая тело Василия своим весом.
- Тээк... вижу, - он ткнул блеснувшей железкой с отвратительным крючком на

конце в больной зуб.
- Оу!!..
- У тебя из зуба торчит оголенный нерв. Когда его что-то касается он обязан реагировать, это нормально. Вот так!
- Аааа!!..
- А так больно?
- Аууу!.. не надо больше!!..
- Ты же мужчина, будущий солдат! Когда я работал в армейской стоматологии... Куда!?.. Лежать! Щас я его пульпоэкстрактором...
Хотя тщедушный студент Василий и не был пристегнут к креслу, но масса навалившегося на него тела в халате превышала в несколько раз. Одной волосатой лапой доктор надежно зафиксировал его в районе кадыка, удерживая челюсть раскрытой под нужным углом, а другой сноровисто ковырялся в зубе, невзирая на жалобные вопли.
Все когда-нибудь кончается. Василий с шумом вывалился в коридор из трагически распахнувшейся двери и на подгибающихся ногах проковылял мимо с ужасом оцепеневшей очереди больных, чутко ожидающих своей участи.
Зато студенческая льгота сэкономила кучу денег, и в ближайшем магазинчике, пройдя все еще в бахилах к пустой кассе, ему даже не пришлось предъявлять паспорт чтобы оплатить банку пива и пузырь водки, настолько не детские переживания отражались на его лице.
Еще не поздно было вернуться на пропущенную пару под уважительным стоматологическим предлогом, но за мучения он позволил себе поехать на пруд порыбачить.
Початый флакон водочки бережно лег в прохладную воду, погруженный до уровня оставшейся жидкости и заботливо притиснутый камнями чтобы недайбоженька не увело волной.
И вот уже пойманная на верную приманку - сухарик, сбрызнутый свежей студенческой спермой, большая сверкающая чешуей рыбина была технично подтянута и цепко подхвачена длинными, густо изрисованными руническими тату пальцами. Крючок, впившийся в верхнюю челюсть, широко оттопыривал под ее весом круглый рот, но не оттуда, а как бы из-за загривка, за ушами возник проникновенный, чуть шепелявый голос:
- Братан! Не жмоться, отпусти меня, мамой клянусь, выполню три твои желания, отвечаю!
Василий болезненно сморщился, сканируя степень своей трезвости.
- Да не переживай так, Василий, это - реальный шанс! Смотри, не профукай свое счастье!
- Так! Кто это, блин, тут прикалывается? - замотал головой вокруг оси позвоночника Василий, но никого не увидел на расстоянии слышимости негромкого и убедительно дружелюбного тона.
- Поверь хот раз в жизни, это - не лохотрон, а я, блин, - та самая золотая рыбка, ну, присмотрись, ты таких видел раньше?
Василий с головокружительной надеждой прикинул, что, в самом деле, никто ведь никогда не сомневался в таких случаях, а просто загибали пальцы, перечисляя желания. Да и над головой рыбины едва заметно струилось нечто

вроде короны света. Но сегодня он слинял с пары по формальной логике и это определило направление мысли.
- А чо ты, такая могучая, сама себя не освободишь, блин?
- Таковы правила: три твои желания взамен моей свободы. Если ты согласен с условиями заклятия, все 106 пунктов которого я могу сейчас зачитать, то прими соглашение и загадывай желания. Зачитывать?
Василий всегда автоматически ставил галочки в попадающихся ему соглашениях потому, что в потугах понять эти казуистические тексты не было никакого толка.
- Ладно, принимаю, не зачитывай!
Как только он это произнес, то почувствовал, как его опоясало чем-то невидимым и слегка прикололо около пупка. Он было забеспокоился, но зуб все еще пульсировал, портя настроение, а желания так и рвались быть высказанными и счастливо исполненными.
- Поехали. Внимание, формулируй свое первое желание!
Василий сильнее включил логику.
- Хочу цветик-семицветик!
Это показалось ему хорошим началом: вместо каких-то трех желаний заполучить еще семь, да еще два в запасе.
- Рекурсивные желания не выполняем... - с упреком молвило за ушами, и рыба упрямо сжала губы вокруг крючка, - сам подумай: если в одном желании содержится еще неограниченная цепь желаний, то возникает бесконечный паразитный цикл.
Ах, да, - признал Василий, вспомнив семинары по программированию.
- Первое желание потрачено. Осталось два неиспользованных.
Пальцы, держащие на весу довольно тяжелую рыбину, начали уставать, и Василий ясно почувствовал, как легко может выскользнуть счастье из его рук.
- Да опусти меня в воду, Вася, я не соскочу с крючка!
Василий недоверчиво вздохнул, но так и сделал. Рыба принялась завораживающе выписывать восьмерки по воде, напоминающие фигуры Лиссажу с практикума по схемотехнике.
- И что, ты мне вот так все желания аннулируешь? - возмутился он.
- Договор есть договор: как только три желания прозвучат, я свободна, исполнимы они или нет. Недавно вот один атеист захотел меня подначить, говорит: а сотвори как ты камень, который сама не сможешь поднять.
- Прикольно! И чо?
- А то. Я просто взяла и сотворила такой камень. Он почему-то меня с богом спутал, который, конечно, не имеет право, будучи всесильным не сделать камень, который сам не сможет поднять. Потому-то всесильные боги и никогда не выполняют желания, чтобы не подставляться. Кстати... в правилах есть лимит на количество произнесенных слов и затрачиваемое на произнесение желаний время. А то один умник взял и свалил домой подумать, а меня привязал, гад. Двести лет пришлось ждать, пока не рассмотрели апелляцию и изменили условия моего освобождения.
- Блин! а можно еще зачитать мои права?! Сколько у меня осталось лимита?
- Ты уже принял соглашение. Ладно, напоминаю, осталось двести шестнадцать

слов и двадцать три минуты времени. Нет, уже двадцать две...
- Так. Значит, мне счет в Альфа-банке с суммой в пять миллионов евро. Нет, пятьсот миллионов!
- Хм.. мне еще подождать, чтобы опять не передумал или это окончательная сумма?
Глаза у Василия тревожно заблестели и к ушам горячо прилило отчаяние.
- Окончательная! - выдохнул он.
- Хорошо. Счет открыть в каком городе?
- Блин! в моем конечно!!
- Где ты родился или где сейчас находишься?
- Да в этом, конечно! Блин, давай быстрее!
- Отлично. Выдать пластиковую карту или это будет депозитный счет?
- Да блин! пластиковую!
- Какой вид карты? Виза или мастеркард?
- Все, я понял, в чем прикол: ты вот так все лимиты мне исчерпаешь и свалишь, ничего не исполнив!
- Будь сразу достаточно конкретным и все успеем!
- Васек! - позади раздался неприятно знакомый голос так же слинявшего с занятий другана Степки, - ты чего там стоишь такой красный? Поддал что ли?
Степка неуклюже спускался с крутого берега на песок.
- Слушай, старик, - затравлено прошипел Василий, сунув руку в карман и доставая мятую пятисотку, - слетай в магазин, будь другом, нормально прогудим вообще нафиг этот день, а я тут пока с рыбой закончу, осторожно ее подведу.
- Чего гонишь? Вон у тебя вижу горлышко торчит в воде!
- Да там почти пусто. Степ, хоть разок поверь, что так надо! Все будет настолько клево, что ты афигеешь, отвечаю! Щас телки обещали подрулить сюда, оторвемся!
Василий щедро добавил из кармана еще мятых бумажек.
Впечатленный Степан пожал плечами, сказал "ок" и принялся взбираться обратно, хватаясь за пучки куцых кустиков.
Василий с облегчением повернулся к берегу. Рыба резво продолжала петлять, добиваясь чудесных суперпозиций ряби волн, искоса поглядывая на него при каждом развороте.
- Значит так...
- Обязана честно предупредить, что слова, произнесенные другу Степану, так же входят в лимит, и он уже почти исчерпан. Осталось всего пять слов и шесть минут времени, будь очень внимателен!
Василий побледнел и чуть не выпустил удочку. Надо было налом, - мелькнула мысль. Что же можно сделать? Заломил зуб, воскрешая пережитые пытки у доктора.
- Хочу быть здоровым как бык! - выпалил он, остро предчувствуя какую-нибудь гадость. Опоясывающая его невидимость тут же освободила талию, разлившись горячей волной по всему телу. Зуб счастливо перестал ныть.
- Исполнено в точности! - радостно воскликнул голос за ушами. Рыба шумно выплюнула крючок и, всплеснув плавниками, эффектно как глиссер вспенила воду, быстро пропадая вдали.

На берегу тупо глядел ей вслед большой упитанный бычара, нервно похлестывая хвостом по бокам. С досады он бешено взбрыкнул копытами и в этом проявилось настолько много отличий от его прежнего тела, что бык изумленно наклонил морду над водой и от увиденного его колени на мгновение подкосились. Он долго стоял так и всматривался в свое отражение, пока позади не услышал крик Степана:
- Эй, Васек, блин! Ты куда свалил? Так и знал, что это накол.
Бык прекрасно понимал человеческую речь, только сказать не мог.
Одной рукой Степка допивал пиво, другой осторожно поставил звякнувший пакет на траву, не рискуя спуститься к быку, осмотрел пустой в это время пляж, потом увидел торчащее из воды горлышко и не смог поступиться оставленным добром. Он опасливо сполз с берега и попытался медленно и плавно обойти быка. Это так возмутило Василия, что он взбрыкнул копытами, подняв фонтан песка и, давая волю пережитой обиде, взревел по-бычьи:
- А ну вали нахрен!
Степан очень бодро взлетел обратно, и, горя местью, суетливо сковырнул каблуком увесистый булыжник. Он примерился и с предельным усилием швырнул каменюгу в оборзевшего бычару. Та не долетела и плюхнулась в песок у самых копыт.
Василий всегда испытывал неприязнь к этому тупому, но хитрозадому балаболу, а сейчас у него не осталось никаких причин для сдержанности. В пару мощных прыжков он взлетел к застывшему в ужасе однокурснику, и голова сама чисто по бычьи уже накренилась чтобы поддеть тело на рог, но эмпатия, та самая, которая всегда отравляла ему жизнь, даже в мелочах заставляя сопереживать всем во всем, живо нарисовала картину мучительной боли от пропоротой брюшины и порванных кишок. Он громко фыркнул горячим паром прямо в широко распахнутые ужасом глаза, развернулся и хлестнул в этом развороте хвостищем по шее Степану. Резко пахнуло терпким запахом навылет промочившей джинсы мочи. Василий брезгливо мотнул головой, рявкнул в ухо другану и тот, припадая на четвереньки, ускакал, оставив пакет в траве.
Нужно что-то делать... В первую очередь, взять себя в руки, то есть в копыта. Василий только сейчас ощутил, насколько более сильными и яркими стали запахи вокруг, хотя цвета значительно поблекли. Ему непреодолимо захотелось пощипать свежей, сочной травы, а мычание коровы неподалеку просто крышу сносило.
Он опустил голову к копытам и зубами с наслаждением сорвал сочный пучок. С непередаваемо аппетитным хрустом прожевал, вдыхая густой аромат, и потянулся за следующим в направлении где-то рядом пасущихся коров. Оводов, лениво садящихся изредка на спину, он ловко отгонял великолепно послушным хвостом, даже не задумываясь о такой мелочи и не прерывая утоление бездонного бычьего аппетита. Разве можно было это сравнить с жалкими минутами кулинарной радости в человечьих застольях, когда глазами бы хотелось съесть еще вкуснятины, но уже не можешь. Сейчас, прислушиваясь к себе, он во всем ощущал безграничность буквально всех потенций огромного тела.
Вскоре он увидел двух взрослых коров и теленка, пасущихся среди деревьев на

лужайке, с которой теплым ветром маняще сносило аромат только что ощипанной ими травы. Он осторожно, чтобы не спугнуть, подошел ближе, но они приняли его совершенно спокойно, как если бы вместе паслись всю жизнь. Реликтовая мысль о пропущенной в универе паре, о скором суровом зачете по матанализу, о множестве условностей и обязанностей возникла было мимолетом, но потонула в несравненно более богатом и ярком мире непосредственных ощущений. Две коровы, полные жизни и довольства, вблизи волнующе пахли ароматом молока и еще чем-то намного более приятным, чем прокуренные его сокурсницы с дешевыми духами. Их густой и богатый многозначительными и многообещающими обертонами голос, когда они неспеша перебрасывались впечатлениями, был куда приятнее манерных интонаций и колкостей его подруг.
Обида на золотую рыбку трансформировалась в глубокое удовлетворение. Василий, на минутку призадумавшись, не смог вспомнить, зачем вообще он желал кучу евро на счету, если сейчас ему не нужны ни эти бумажки, ни что-либо вообще из человеческой сущности.
- Семеныч, это не твой бычок? - услышал он вдруг хрипловатый голос позади и на поляну вышел потрепанный дедок, до смешного маленький и неказистый с точки зрения могучего бычары.
- Да ты что, Петрович, мой куда поменьше! Смотри, какой красавец! - из-за деревьев появился еще один мужичок не очень опрятный, но помоложе, явно фермер, - Это - настоящий производитель, в округе таких ни у кого не видел!
У фермера через плечо висело ружье стволом вниз и острый масляно-металлический запах с примесью недавно прогоревшего пороха, неприятно диссонировал с окружающей природой. Бык Василий доброжелательно мотнул головой:
- Привет, мужики!
Но получилось низкое мычание, и мужики встали рядом, прикидывая что делать.
- Может отбился при перевозке? Тут мясокомбинат рядом.
- Да кто бы такого на мясо отправил? - возразил Семеныч, - Давай пока загоним к нам, коровок наших пусть покроет, а если кто спохватится, ну отдадим, извинимся.
Василий не хотел быть так пошло использованным и решил продемонстрировать свою несомненную разумность. Возможно он даже сможет откалывать какие-то когнитивные номера в местном цирке и таким образом обеспечит себе сносное бытие. Он попытался встать на задние лапы, но это оказалось не просто, тогда начал отстукивать копытами ритм популярного хита, кивая в такт головой и мыча мелодию.
- Чего это он? - Петрович озадачено уставился на представление.
- Вертячка! - определил Семеныч, - Вот почему на мясо повезли. Жаль, нужно пристрелить чтобы не мучился и коровок не заразил!
Он снял ружье.
Василий замер как вкопанный, с ужасом концентрируя в одном мгновении всю недолгую жизнь. В порыве отчаяния он, низко склонив голову, приготовившись к броску.
- Осторожно, Семеныч! Это тебе не перепелка, бей точно в глаз, иначе нам хана! -

запричитал Петрович, пятясь к деревьям.
- Нет, не вертячка! - Семеныч нерешительно опустил ствол, - Под вертячкой совсем дуреют, а этот стоит сейчас спокойно.
Чтобы разрядить момент Василий неспеша лег на траву и пристально посмотрел в глаза Семенычу. Тот недоуменно хмыкнул, подошел ближе и озадачено присел перед мордой. Василий осторожно протянул ему копыто и удерживал на весу некоторое время, хотя это было очень неудобно.
- Вот чудит! - удивился Петрович, - лапу тебе протянул как собака!
Василий радостно закивал и тем же копытом нарисовал перед собой в траве большой круг. Семеныч отпрянул и чуть не сел на зад.
- Может он из цирка сбежал? Дрессированный? - Семеныч оживился:
- Стоять! - скомандовал он и Василий охотно поднялся на лапы.
- Сидеть!
Василий грузно опять опустился на примятую траву, подавляя сильнейшее желание начать пастись.
- Точно из цирка! - уверенно качнул головой Петрович, - Не знал, что там номера есть с быками. Давай тогда мы, как решили, спешить не будем, вернем если спросят. Пусть пока пасется с коровками.
- А не уйдет?
- Мы посидим, посмотрим.
Василий еще разок задумался. Нет, в цирк ему не хотелось. Опять угождать чужим людям, потешать их, еще по канату ходить заставят... Нафиг ему это все нужно, когда вот сколько под копытами вкуснейшей травы, которую он может жевать без ограничений, а рядом - две пышные, сводящие с ума телки с классными дойками...
Василий определенно ощутил себя вполне удовлетворенным существующим, - он итак был самым креативным быком на свете и освободился от множества условностей, о чем только мечтал раньше. Слегка приподняв хвост, он беспечно сбросил горячую лепешку и, прикрывая глаза от предстоящего удовольствия, потянулся мордой к сочной траве.

Сневер

Бывает, пережитое полностью меняет человека буквально во всем. И тогда прежняя личность более уже не существует ни для кого, а ее место занимает совершенно новая, которую никто пока еще знает.

После заявления о пропаже в 1983 году гражданина Киргизии Александра Петрова, среди его вещей следователь обнаружил папку с машинописными страницами. Он заглянул и уже не отрывался пока не дочитал до конца. Описываемые места были ему знакомы из-за увлечения горным туризмом. Прочитанное не могло быть выдумано не только потому, что все сходилось даже в мелких деталях. Профчутье сопоставляло очевидное: Александр исчез бесследно - это факт, его сослуживцы отзывались о крепкой психике, что исключает суицид, а мать как-то уж слишком спокойно к этому относится. Чутье к делу не пришьешь, а налицо была не нулевая вероятность

несанкционированного проникновения в республику. С этим должны разбираться компетентные органы. Следак написал на отдельном листке свое заключение, оформил рапорт, и папка оказалась в КГБ.
Что с этим делать не знал никто, гриф секретности не переступишь, все оставалось в узких кругах, да так безнадежно и повисло в забвении, но уже оцифрованное в виде файла.
Спустя десятилетия сопливый хакер из Приморья, разгоряченный наглостью взлома, вообразил, что ему достались Настоящие Секретные Материалы и безуспешно пытался загнать их за бешеное бабло журналюгам, но его всерьез не восприняли даже самые оголтелые СМИ. Тогда он просто пустил файл по рукам. И вот он - текст из той старой папки, написанный от первого лица.

Со мной случилось такое, что лучше никому не рассказывать. Не просто не поверят, а еще и санитаров вызовут. Пребываю в довольно сложном потрясении. Прямо сейчас, на высокой орбите, дальше радиационных поясов, висит оперативная группа, готовая в любой момент убить всю электронику на Земле и даже всю электромеханику, а я к этому непосредственно причастен.
Напечатать на машинке то, что со мной стряслось, было естественно, я ведь со школы любил писать.
Конечно же, я дал прочесть своей космической подруге, а она скопировала листки корабельным компьютером чтобы удобнее слушать, так что в итоге они достались всей миссии. Даже не спросив у меня разрешения, они использовали это живописание в своем досье на Землю. Я не в обиде, я их научился достаточно хорошо понимать и прощать то, что для меня непривычно и непонятно.
Компьютер даже приготовил версию отчета специально в расчете на мое примитивное восприятие. Я не пытался вникнуть во весь огромный объем, но там была возможность показать только то, что касалось меня. Текст отчета был скроен легко и беззаботно, да еще перенимал характерные для писателей земли обороты. Вот самый многозначительный фрагмент, я его хорошо запомнил.

"Человеки - точно бабочки, стремящиеся из темноты на свет, влекутся из всего неприятного во что бы то ни стало - к радостному, и в увлеченной погоне за счастьем, склонны слепо верить, что особь противоположного пола, с которой возникла иллюзия взаимопонимания, никогда-никогда, ну просто быть не может такого случиться, чтобы вдруг ощутила разочарование или просто беспричинное равнодушие настолько, что даже и сказать-то станет нечего тому, кто недавно казался самым близким.
Наши человекологи достоверно описывают механизмы возникновения ослепляющей доминанты взаимоувлечения. Этот феномен у человеков, который так редок как рудимент среди высокоразвитых рас галактики, замечателен еще и тем, что у нас для него есть словесное обозначение - "сневер", а у человеков - нет. Мы удачно получили возможность непосредственного наблюдения редкой формы сневера: одна особь земная, другая - нашей культуры, обе - высокоразумны, что противоречит общегалактической тенденции: чем выше разум, тем меньше сневер".

Во как значит: чем разумнее, тем устойчивее к снверу. Можно использовать как тест на разумность, который я, кстати, уже провалил не раз.
Но с заявленной тенденцией явно что-то не так: я бы сказал, что сневер у нас многим очень даже не просто дается. Вот я, можно сказать, не по годам крутой горный турист с мужественно-привлекательной внешностью и это, казалось бы, должно быть гарантией женского интереса, но моя, бывшая уже, подруга легко и внезапно переходила на визг так, как будто в такие моменты я был ее непримиримым врагом.
Это - не она виновата, возможно, я даже больше давал повода, но... у нас женщины почти все какие-то очень ищущие и поэтому избыточно требовательные, им нужны только безупречные герои, но таких нет в природе. И поэтому жизнь женщин у нас черным-черна.
Неудивительно, что однажды истерические разборки мне до невозможности осточертели и возникло решительное нежелание продолжать терпеть. Живо вспомнив, как на партсобрании прорабатывали моего отца, вздумавшего разводиться с угрозой отлучения от партии за несознательный проступок, я сбежал в горы от абсурдных проблем.
Горы - это мир, где нет места выносам мозга. Здесь не нужно как можно драматичнее демонстрировать свою правоту в никчемном споре.
И вот, я шагаю под тяжелым рюкзаком по еле заметной тропе, среди кустов колючего барбариса, фонтанами раскинувших зеленые ветви, густо усыпанные свисающими черно-фиолетовыми ягодами. Поросшие арчой склоны ущелья здесь круто уходят к небу. Слева громко шумит скрытая непроходимыми зарослями река, а впереди над ущельем вздымается белоснежной макушкой остроконечная гора Аман-Тоо. Все, кто заходят в это ущелье, первым делом видят ее, и я всегда как бы здороваюсь с ней: привет, снова увиделись!
В такую жару любой родничок в радость, а когда с высокой скалы чистейшие струи разлетаются брызгами, в которые вплетается радуга, то просто нет большего наслаждения, чем стоять внизу, не опасаясь даже, что на голову слетит камень.
Под насмешливый шум горной речки я с удивлением предположил, что, возможно, я сам все портил с упорством барана и со стороны выглядел точно так же дико и непереносимо. Я никогда бы не сознался в этом там, а здесь признавал с печальным сожалением. Нужно избавиться от липких привычных бытовых реакций, отдохнуть, вернуть уверенность, меня ведь ждет интересная работа.
Арчовые заросли сменила роща горных берез, и вскоре показалось каменистое русло грохочущей Джынды-Су, что переводится как дурная вода. Перейти эту речку было немыслимо потому как быстрые и мощные струи били в огромные острые камни, между которыми глубина могла быть какой угодно. Однажды, возвращаясь по эту сторону ущелья, чтобы перейти Джинды-Су, пришлось идти до самых истоков у недалеко возвышающейся скальной стенки, с которой извергалась ледниковая вода, но перейти русло решились лишь ранним утром, когда на леднике сверху прекратилось таяние. Сейчас я как раз шел на этот ледник чтобы провести свой отпуск в одиноких альпинистских вылазках.

Опять захотелось пить, и я сбросил рюкзак на камни, с облегчением расправив ноющие плечи. Солнце из безоблачного неба жестко палило горным ультрафиолетом. Футболка вымокла под рюкзаком и теперь приятно леденила спину.
Это место посещают очень редко, вокруг девственная чистота, только на ветке березы, видимо уже очень давно, висели выцветшие до белизны горные ботинки.
Я подошел к беснующейся реке. Кипящий поток легко ворочал камни и полировал их крупным песком. Напившись мутной от белой ледниковой взвеси, но гарантировано стерильной воды, я снова впрягся в рюкзак и пошел вверх вдоль реки.
Мы с товарищами были там весной и, планируя маршрут, заранее подняли сюда продукты и снаряжение. Но наши планы сорвались. Этими продуктами я и намеревался воспользоваться.
Ущелье было крутым и коротким. Не прошло и часа как заросли кустарника и корявых, разбитых селями, но живучих берез остались позади. Я довольно быстро преодолел утомительный взлет скалистого склона и вышел к ледопаду. Неровная, изломанная стена льда возвышалась над грудой камней. Кромка снега надо льдом ослепительно сияла.
Как специально для меня, раздался пушечный грохот, и огромная глыба, отколовшись от ледника, в облаке пыли полетела в змеящееся внизу русло речки.
Я невозмутимо разжевал конфету и, подойдя ко льду, напился из чистых, но безвкусно-горьковатых журчащих струй. Здесь под огромным камнем мы устроили тайник. Недалеко находилась хорошо утоптанная площадка. Я натянул свою рыжую памирку на стойки, разложил спальник и разделся с намерением позагорать не только в области лица и шеи. Солнце вот-вот должно было зайти за гребень, как раз чтобы не спалить мне шкуру. Я разлегся под горячими лучами и замер, наслаждаясь отдыхом.
Ноги с непривычки тупо гудели, а тело ломило приятной болью.
Как раз вовремя, когда кожа начала побаливать, меня накрыла тень от ледяной стены и сразу подул пронизывающий ветерок. Я вскочил на ноги. Хотелось еще немного солнца, но загорать лучше было в движении. Схватив ледоруб, я вскарабкался по изломанным скалам на верх ледопада.
Под фиолетово-синим небом вокруг огромного снежного поля раскинулось знакомое полукольцо гребня, увенчанное обманчиво близкими вершинами.
Поодаль я заметил облачко, лежащее прямо на снегу. Оно было почти незаметно на ярко-белой снежной поверхности, лежало как приросшее и весело клубилось. Если бы взгляд не зацепился, я бы не обратил внимание, мало ли видел низкие облака. Но они обычно просто лежали, смещаясь ветром, а не клубились вызывающе над одним местом. Это было странно и притягательно.
До него было где-то метров двести. Несмотря на усталость я, натянув брезентовые гетры выше колен, зашагал по снежной каше, изредка проваливаясь чуть ли не по пояс. Голое разгоряченное тело приятно обжигало снегом.
По мере моего приближения картина принимала еще более странный вид. Вблизи облако оказалось огромным. Клубящаяся непроницаемо матовая

поверхность имела неестественно резкие очертания.
Зачерпнув мокрого снега, я бросил его. Ничего не произошло, ком пролетел внутрь и невидимо шмякнулся там. Заведенный до предела, я приблизился вплотную и очень осторожно протянул руку. Она прошла, исчезая в белесой массе с резкой границей на запястье. Ничего плохого не случилось. И тогда я медленно просунул голову, с чувством древнего философа, дошедшего до края Земли и просовывающего голову в щель под небесным сводом.
Внутри облако исчезло, горный цирк вокруг ясно просматривался, но невдалеке стояло нечто техногенное, какая-то непривычная фиготень, потребовавшая некоторое время, чтобы уложиться в голове. Наверное, вот так сумбурно воспринимали туземцы корабли Магеллана. Ну, как если ребенку показать внутренности машины, он что-то увидит ускользающе сложное, но ничего не поймет и не запомнит.
Это была точно не земная штуковина и у меня все внутри перевернулось.
Одно стало предельно ясно: облако понадобилось для маскировки огромной конструкции, которую не смог бы сюда поднять ни один грузовой вертолет. Они прятались от нас. Зачем? Ведь неземной высокотехнологичный разум не может быть врагом, вера в это крепко сидела в моей голове, доказанная советскими писателями-фантастами.
Изумительно красивые формы со множеством совершенно непонятных деталей долго приковывали мой взгляд и ясно означали, что передо мной не что иное, как звездолет, но не похожий ни на какие фантастические иллюстрации. Стырить что-нибудь как доказательство и быстро валить отсюда?
Я шагнул назад и облако опять заклубилось передо мной. У меня не возникло ни паники, ни каких-то острых ощущений, вероятно из-за некоторой гипоксии, - ледник был достаточно высоко. Как-то на вершине мне захотелось написать записку будущим восходителям, блеснув каким ни на есть юмором. Никогда с этим не было проблем, а тут вдруг весь юмор съежился как это бывает у мужчин в трусах в холодной воде и возникали только банальные строчки, похожие на все другие такие записки.
В обуви хлюпала талая вода, и ноги без движения подмерзали. Изнутри я должен был прекрасно просматриваться, так что не было смысла выходить из облака. Поэтому, недолго думая, я опять проткнул завесу и медленно направился к инопланетному звездолету. Вблизи он оказался подавляюще грандиозным, с неперчислимым разнообразием невероятных деталей.
Чувствовалось, что здесь давно уже был лагерь. Вокруг располагались таинственные устройства, высокие разноцветные штыри и странные предметы. Я нерешительно остановился. Прятаться, наверное, было уже поздно, а подойти ближе мешала осторожность. Почему нет никого вокруг? Может они наблюдают за мной? Или как в Войне Миров давно погибли от земных бактерий? Но точно - не раньше, чем два года назад, когда я лазил здесь.
Совершенно бесшумно откуда-то надо мной вниз призрачно слевитировала нелепая на вид фигурка. Я совершенно не понял, как это произошло. Темно-синий инопланетянин с огромной копной черных волос на голове, тонкий как спичка, откинув локон, прищурился от яркого света и поземному зевнул. Он повернулся, и мы столкнулись взглядами. От неожиданности он вздрогнул, и я не

знал, что делать, но чуть опустив глаза точно понял, что это - женщина. Она оскалилась в улыбке и не спеша, почти крадучись, двинулась ко мне, явно не желая спугнуть. Изредка проваливаясь в снег и неловко балансируя тонкими ручками, она подошла совсем близко, и я с огорчением разглядел легкую сетку морщинок на своеобразно красивом лице. Мне стало неудобно за то, что я был лишь в плавках на голом, позорно недозагорелом теле.
Она с явным волнением осмотрела меня снизу-вверх и пролопотала что-то по-киргизски. Глупо теряясь как школьник у доски, я непонимающе пожал плечами, выдавил из себя "саламат сызбы" и, уже по-русски, - что не понимаю. Она переключилась на неожиданно чистейший мой язык, и спросила:
- Вы альпинист?
- Вроде да, - я неуверенно пожал плечами, переминаясь в мокрой обуви с хлюпающими звуками.
Это была категорически не русская женщина. Она вообще была никакой и, как все вокруг здесь, во всех деталях поражала неожиданной новизной. Удивительный звездолет, странные предметы на снегу самых интригующих форм, прозрачное с одной только стороны облако, - все это переполняло воображение до ограничения. Моя молодость прошла в космических грезах, и я просто ничего другое вне фантастики даже не предполагал, видя все это: вот, наконец-то встретились!..
Прилета добрых и могучих инопланетян из космического коммунизма с нетерпением ожидал весь советский народ, чтобы положить конец капиталистической несправедливости и нависающей над миром атомной войне.
- Вы... прилетели из космоса?
- Да, - она открыто и неторопливо протянула мне ладошку, - можете потрогать меня, если хотите!
Я улыбнулся и сжал маленькую, какую-то ненастоящую ручку. Это было сильное, непередаваемое ощущение. Как-то я видел картину "Прикосновение ангела", что должно было передать самые высшие чувства, охватывающие от такого контакта. А теперь у меня случилось прикосновение к инопланетянке. Несмотря на гипоксию, в голове стало очень ясно, и я был готов ко всему, ну, вероятно, пока не дошло до конкретных дел.
- Это - наша шлюпка, - она показала рукой на звездолет, - Хотите посмотреть?
Как можно сомневаться? Передо мной открывалось неизвестное и долгожданное, правда, как раз сейчас я к этому не вполне был готов исключительно из-за комплекса неполноценности. Меня беспокоило, что могу наделать глупостей и оказаться опозоренным навеки в истории. В голове все стремительно менялось, пока я покорно передвигал негнущиеся то ли от холода, то ли от ступора ноги, и все начинало быть похожим на сон.
И тут к нам слевитировала еще одна фигурка, проделав это куда более залихватски, и по инерции по колени провалилась в снег полусогнутыми ногами. Она казалась совсем еще девчонкой. Очень похожая на женщину рядом, но еще тоньше, что казалось почти невозможным. Только выбравшись из снега и подняв голову, она заметила меня и от неожиданности раскрыла мультяшно-огромные глаза. В них было легко распознаваемые изумление, восторг и любопытство. Меня ее эмоции и вид повергли в еще большее замешательство.

Она замахала руками, забалансировала, проваливаясь тонкими ступнями, и скорострельно заговорила со мной по-киргизски, но женщина перебила ее несколькими торопливыми словами, среди которых мне послышалось "йети".
У нас ходили легенды про снежного человека, которого прозвали "йети", и я почувствовал себя их добычей. Это помогло мне немного справиться с шоком.
- Привет, человек! Как хорошо, что вы сюда забрели! - девчонка запросто ухватилась за мою руку, в которой я держал ледоруб. Они повели меня с двух сторон, чуть ли не подталкивая сзади, и внезапно мы взмыли так, что у меня голова закружилась.
Ориентация вернулась в маленькой комнате с пружинящим покрытием. Подо мной позорно начала расплываться лужа от полных воды мокроступов и быстро таявшей снежной коросты, и я только виновато переступал ногами.
Слева раскрылся проход. Просто в туманной поверхности возникла дыра. Оттуда к нашим ногам шмыгнула пестрая тварь чем-то похожая на лису, но непропорционально длинная и усатая, с толстым стелющимся хвостом. Я чуть пригнулся, но девчонка влет подхватила животное на руки несмотря на то, что тварь рвалась знакомиться со мной.
Мы прошли далее. В очередной распахнувшейся комнате сидели худощавые низкорослые люди, похожие как браться. Я сообразил, что это так же, как киргизы или негры - на одно лицо для тех, кто к ним не привык.
Меня заметили и все повернулись. это напоминало эпизод картины “Опять двойка”. Некоторые с глуховатым звуком “чпок” отстреливали от голов какие-то шнуры. Все поднимались с мест с нарастающим энтузиазмом. Меня окружили и с некоторого расстояния осторожно присматривались. Я оказался среди маленьких людей со взрослыми лицами. Они неторопливо, в какой-то своей плавной этике молча переглядывались, явно обмениваясь информацией, улыбались мне, а некоторые осторожно подходили и неуклюже хлопали по плечу со словами вроде "привет, дружище!", видимо считая это необходимым обрядом земного знакомства. Вроде бы не такие уж они таинственно недоступны для понимания, эти инопланетяне, даже по-русски говорили свободно.
Как же я недооценивал ситуацию! Но склонность недооценивать - не столько ошибка, сколько отсутствие опыта, - я просто не видел еще ничего подобного. Так детям кажется все понятным.
Моя улыбка все еще сковывала непослушно лицо, но я уже чувствовал себя свободнее, настолько они были приветливы и неподдельно радостны.
В сравнении с разительной грациозностью их фигур я ощущал себя неуклюжим питекантропом. Эти люди отличались гротескным телосложением, как в диснеевских мультиках, которые мне довелось видеть, а глаза жили глубокой осмысленностью. Сочетание очень странное, непривычное. Меня это напрягало ожиданием какой-то неподъемной для меня интеллектуальной каверзности, чем обычно не преминут блеснуть земные интеллектуалы, чтобы доказать свое превосходство. Но этого не происходило. Лишь казалось, что они постоянно над чем-то глубоко размышляют, но не как рассеянные ботаны, а при этом живо реагируя.
Жуткая перемешка русского и отдельных реплик незнакомого инопланетянского обессмысливала понимание. И опять среди ускользающих слов послышалось

"йети", так что я укрепился в ощущении себя отловленным гоминидом. Женщина и девчонка, наконец-то, отпустили мои руки, но остались рядом с приоритетом удачливых охотников Или мне так казалось в горячке происходящего. Я неуклюже стоял огромный среди них, попавший в гости к цивилизованным людям, полуголый, ошеломленный и с нелепым ледорубом в полусогнутой лапе. Мое тело приняло соответствующую позу: я ссутулился, чуть развел руки в локтях и даже выдвинул вперед нижнюю челюсть. Но за меня легко решалось множество мелких этических проблем так, что не ощущалось никаких неудобств.
- Мы постараемся общаться так, как вы привыкли, - сказал кто-то рядом без акцента, наверное, моя первая знакомая.
Обращение ‘‘на вы’’ чуть задевало и дистанцировало как в милиции. На мои плечи слегка надавили, я недолго гадал, что им нужно. Оказывается, мня усаживали, но я не понимал куда. Это оказалось что-то очень комфортное, где я и расслабился. Рядом устроился инопланетянин со слегка удивленным и в тоже время насмешливым, как мне казалось, выражением лица. У меня был знакомый с таким же постоянным выражением лица, так что невольно начал воспринимать этот типаж, но знакомый был алкашом, хоть и добродушным, но обидчивым. Мы посмотрели друг на друга, приветливо скалясь - я невольно начал копировать эту их манеру так улыбаться.
Он заговорил со мной мягко, почти вкрадчиво и неторопливо, подчеркнуто обращаясь "на вы", в то же время всем остальным тоном придавая приятную мне уважительность, позволяющую не чувствовать себя здесь чужим.
Первые его слова я упустил. Потому, что гнал из головы шальную мысль, а что будет если я сейчас ущипну эту нереально миниатюрную до смешного руку, лежащую рядом с моим коленом. Вообще несколько смутно сейчас помню, что он говорил. Что-то вроде:
- Мы дальние разведчики. Расчеты показали, что в поясе жизни вашей звезды есть планеты. Несмотря на удаленность, сюда была отправлена экспедиция. Через девятнадцать ваших лет мы прибыли и, еще полгода проблуждав среди планет системы, мы остались вблизи Земли. Через несколько месяцев изучения планеты и ее электромагнитных информационных излучений, выбрали место посадки в безлюдном горном районе недалеко от населенного пункта, с надежно уединенной посадочной поверхностью. Спустились в этом самом модуле и развернули базу. Недалеко от места посадки мы обнаружили относительно свежие следы, стоянку и тайник. Но прошло вот уже два месяца, и никто не появлялся. Мы уже готовились отправить группу ниже, чтобы установить связь с одним из людей, и тут вы нас нашли.
Я живо представил, как спустившиеся ниже инопланетяне появляются перед суровым чабаном, который неминуемо им бы повстречался внизу. Он бы точно схватился за мультук чтобы защититься от шайтанов. Я невольно улыбнулся, уже не скалясь напоказ. Инопланетянин тоже улыбнулся, не спрашивая, о чем я подумал, как будто и сам понимал, что за контакт мог приключиться с горным селянином.
- По одним только случайным радио и телепередачам сложно достаточно полно изучить культуру и особенности психики. К сожалению, у вас еще нет

общемировой информационной сети. Хотя наш компьютер во многом справился, нет ничего более ценного, как непосредственное общение. Мы предлагаем вам погостить у нас несколько дней.
- О, конечно. А если бы вас нашел человек, который не согласился остаться?
- Скорее всего нам бы удалось убедить его, но в любом случае отпустить до нашего отлета означало бы преждевременно раскрыть нас. Мы не можем, не учтя всех последствий, вмешиваться даже фактом своего существования. Поэтому приходится следовать компромиссу этики и необходимости, но не попирая этику, ведь человек, который не захотел бы принять во внимание интересы своего общества тем самым оказывается вне этого общества. Считаетесь ли вы с желанием животных, которых нужно изучать? Вы не причиняете им страдания, но ограничиваете, создаете для них возможно оптимальные условия, а после цикла исследования даже не всегда отпускаете на волю.
Как длинно, но четко обосновано. Отрезвляюще доходчиво, даже не поспоришь...
- Значит, выбора, по сути, нет.
- Есть выбор в вопросе участия и получения для себя максимальной пользы, а вреда мы не причиним в любом случае. Как нежелательная мера, фрагменты вашей памяти о последнем периоде времени можно сделать недоступной для воспоминания, это - легко.
Был ли инопланетянин наивным оптимистом в отношении легкости принуждения меня или я реально был бессилен против них, как попавшийся зверек? Я-то знал, насколько коварным и опасным стал бы в случае нежелания сотрудничать. Вот прямо сейчас мог бы устроить им настоящую бойню здесь. Или не смог бы? Однако, выбор для меня был очевиден, и я не собирался измышлять вариант побега. Хотя идилличность фантастических представлений о доброте и гуманности сменилась на понимание реалий действительности.
- Я всегда мечтал оказаться в такой ситуации! - вырвалось у меня и это разрядило напряжение, все понимающе заулыбались.
- Это - нормально для высокоразвитого разумного существа, а вы таким и являетесь, что сразу стало понятно. Мы все будем с вами очень доброжелательны. И вы для удовлетворения любопытства можете обращаться к любому нашему специалисту. Какие у вас личные интересы?
У меня есть много, очень много самых разных интересов. Я люблю стрелять и с детства с соседом, у которого отец был охотником, палили из 16-го калибра в наших огородах, делали пороховые пушки и даже ракеты. Я любил рисовать и лепить, что в этом плане можно получить у инопланетян? Я давно собираю всякие электросхемы, приемники, усилители, сегодня это и есть моя работа.
- Электронная схемотехника, - вслух выдал йети, сидящий во мне, и перестал в какой-то мере чувствовать себя примитивным гоминидом.
- Мне повезло! - расцвел инопланетный мужичок с широкой рыжей бородой какие рисуют у пиратов и людоедов в детских книжках.
- Только я не считаю себя достаточно хорошим специалистом чтобы говорить от имени земной науки.

Я начинал осваиваться, и здорово помогало то, что ощущал свои физические

возможности как Гулливер в Лилипутии.
Девчонка, которая стояла чуть поодаль, звонко вскрикнула от досады потому, что ее лиса внезапно вырвалась и, конечно же, молнией метнулась ко мне. Молодой инопланетянин с невероятной ловкостью успел схватить ее за хвост в прыжке. Лиса гулко брякнулась на пол и возмущенно зашипела.
- Очень общительное животное. Это биологический робот, специально созданный для развлечения детей. Пока она с вами не познакомится, так и будет приставать.
- Я не против, - улыбнулся я.
Лису выпустили, она обнюхала меня, посмотрела в глаза и потерлась о ноги.
- Ее вырастили еще до рождения хозяйки на пятом месяце полета. Сейчас они единственные бездельники на корабле.
Девчонка негодующе вскинула голову:
- Я бездельница?
- Ты - молодец, только еще не заняла определенную специализацию в системе. Вот поэтому, - сказал молодой инопланетянин, обращаясь ко мне, - ей и придется, в основном, развлекать вас во время досуга.
Женщина обеспокоено взглянула на него:
- А ты учел опасность... как это по-русски..., ну, в общем...
- Сневер? - подсказал молодой инопланетянин странно прозвучавшее слово и это заметно его озадачило.
- Да.
Девчонка возмущенно вспыхнула и совсем поземному закусила губки. Я ничего не понимал, но было ясно, что со мной-таки стряслась какая-то нешуточная проблема.
- Я об этом даже не думал... Как ты считаешь, - обратился он к одному из своих товарищей, - наш опасения достаточно обоснованы?
Тот на минуту задумался.
- Трудно сказать. Слишком много параметров для экстраполяции... Рискнем. Но, какими бы ни были последствия, а они в принципе не могут быть слишком неприемлемыми, мы получим ценную информацию.
Обсуждая что-то свое, они не перешли на свой язык, а говорили по-русски. Я очень оценил это. Меня всегда раздражало, когда киргизы, почти насильно зазывающие в юрту в гости проходивших мимо, там говорили о чем-то на своем. Опять специфическая, но рациональная справедливость, к которой мне еще придется привыкать... Но речь зашла о чем-то касающемся меня в настораживающем плане. Конечно, можно не сомневаться, что из любой беды они смогут извлечь максимальную пользу для своей исследовательской миссии.
Женщина задумалась, я почувствовал себя неуютно и спросил:
- А что это за штука, сневер?
Девчонка почему-то с неприязненным вызовом зыкнула не меня.
Молодой человек с сочувствием вздохнул и попробовал объяснить попроще, как школьнику :
- Эта такое не смертельное, конечно, бремя или можно сказать напасть, настолько специфическое понятие, что в вашем языке даже нет подходящего слова. Да и лучше вам это не знать пока... Вот, точно, не стоит знать то, что от вас

не зависит и стараться этого избегнуть. Но вы не пугайтесь, мы справимся. А сейчас давайте улучшим коммуникабельность. Как бы вы желали, чтобы мы назвали вас?
- Да просто Сашей.
- А мы давно выбрали себе земные имена. Я буду Джоном. Неплохо?
- Вам подходит, - я улыбнулся ему, хотя меня слегка покоробило.
- А рыжая борода - Федя. Скоро всех запомните.
- Ну, наверное, да. Раз я здесь на несколько дней, можно я схожу за своими вещами, они остались ниже, под ледником? Там палатка, одежда, еда... Я не убегу! Можете прикрутить мне самоликвидатор.
- Конечно, переносите! Мы вам поможем.
Пятеро инопланетных мужчин тут же вызвались сопровождать меня. Без всяких проволочек, без которых в земных делах ничего не бывает, меня сразу вывели из отсека и что-то мягко, но стремительно выплюнуло всю компанию на снег. Я опять ничего толком не понял.
Группа инопланетян казалась мне совершенно неопасной, если только у них не было какого-то оружия. А на спуске с ледопада, за мной точно никто не угонится, и пусть хоть палят из всех бластеров. Но я старался не делать неожиданных и резких движений.

Солнце скрылось за гребнем задолго до заката, сразу стало холодно, снег под ногами постепенно твердел. Я демонстративно взбрыкнул, покрутил для разминки торсом и быстро пошел по своим следам, привычно заваливая снегом места, где глубоко проваливался, чтобы следующий легко здесь мог пройти. Инопланетяне не отставали.
Мы спустились с ледопада на скалы и мне пришлось подстраховывать их в сложных местах. Здесь я чувствовал себя хозяином своего мира. Со мной было пятеро маленьких как мальчишки, худющих человечков. Никакого оружия у них так и не разглядел, но мне и в голову не приходило конфликтовать с ними, я лишь по-мужски соразмерял свои возможности.
Мы спустились к палатке. Запыхавшись и возбуждено галдя, причем, строго по-русски, они с любопытством окружили ее, а я торопливо залез, напялил холоднющую, но сухую одежду, защелкал зубами и, показав пальцем свою цель, чтобы не думали про побег, направился к спрятанной заброске.
Отвалив камень, принялся разгребать вход, с удовольствием ощущая на себе оценивающие взгляды, когда приходилось вытаскивать из ниши тяжеленные каменные обломки, - опять чисто пацанские сопоставления.
Потом я начал выгребать оттуда консервные банки, мешки с сухарями, пачки сахара и чая, канистры с бензином, связки снаряжения, каски, вибры и кошки. Образовалась внушительная куча.
Я сложил палатку, и натолкал в рюкзак железа, консервных банок, в общем все, что неудобно было нести в руках. Получилось килограмм сорок. Один инопланетянин безуспешно попытался поднять рюкзак и предложил вызвать авиа-бот. Я снисходительно улыбнулся и, поддав коленкой под днище, воздел рюкзак на плечо, а потом, подбросив на спине, просунул и другую руку. Они смотрели на меня познавательно как на питекантропа в его среде обитания, а

потом разобрали остальное, так что от кучи ничего не осталось.
Обратно мы шли по совсем уже затвердевшему снегу, не проваливаясь. Шли не торопясь так, чтобы никто не отставал. Двое инопланетян были обвешаны веревками и касками, а трое тащили палатку с легкими вещами. Я с рюкзаком шел позади и уже нисколько не комплексовал. Все казалось даже обыденным, как если бы не раз с ними ходил в горы.
Передо мной шел самый высокий из них по имени Вася, едва доставая макушкой мне до глаз. На плечах и шее у него висели мотки страховочной веревки. Вначале я его узнавал по шраму над левой бровью, который придавал его лицу выражение незаслуженной обиды. Вася громко рассказывал на ходу, что обслуживает силовые механизмы модуля.
Я живо вообразил, как толкаю его на товарищей, запутываю всех веревкой и бегу назад к свободе. Вася споткнулся о пласт выступающего фирна и оглянулся на меня. Я чуть приостановился, но он пошел дальше. Так, значит, не просто опутываю, а тащу всю эту кодлу в зоопарк. Сенсация, меня награждают за бдительность. Вася хрустел по фирну впереди как ни в чем ни бывало, продолжая увлеченно меня просвещать о чем-то. Значит, нет у них телепатии. Можно думать о чем угодно.
Вася заговорил про своего друга, несущего чуть дальше связку гремящих касок. На вид тот был совсем мальчишка, но выбрал себе имя Полифем, и оно ему как-то подходило. Он обслуживал более утонченное оборудование. При необходимости его мог заменить Федя. Хотя все обслуживали боты, люди контролировали процесс и в особых ситуациях могли вмешиваться, получать нужную информацию и принимать нестандартные решения. Как я понял, общего разума у звездолета не было.
Трое тащивших палатку в качестве носилок были человекологом Шуриком, биологом Геной и космическим адаптологом Верой. С первым понятно - изучатель людей, а что означало адаптолог не совсем понял, что-то вроде нашего психолога. Веру предупреждали, что это имя - чисто женское, но он проявил только ему понятное упрямство. Ничего женского в его повадках я не заметил. Еще мне сказали, что с ними только одна женщина - математический аналитик Наташа, а ее вполне повзрослевшая за время полета дочь, та самая девчонка, успела сменить несколько имен и сейчас никто не знает, как ее зовут.
Мы прошли облако, и я прикинул место для палатки.
Из модуля слетел на снег всегда улыбающийся Федя с толстым рулоном. Он подошел к нам и бросил ношу на снег. Рулон упруго развернулся в широкий прямоугольник. Я сразу сообразил, что это - вроде большого каремата и не ошибся.
- Это для палатки. С ним не будет холодно на снегу.
Такое понимание специфики приятно меня расположило.
- В общем-то я и не такому привык! - начал бравировать я, - вот на камнях...
- Вы, конечно, горный человек, - улыбнулся Федя, - а вот мы... нам очень хочется пожить в палатке, но, пожалуй, без этого коврика будет слишком сурово...
Круто!.. я по-другому взглянул на ситуацию. Или они так решили сторожить меня?.. вряд ли, они гораздо более тонкие психологи. Но лучше тут не делать предположений.

- Пожалуй, еще трое из вас, кроме меня, поместятся вполне комфортно!
- Мы будем гостить по очереди! - Вера улыбался: он явно понял мои сомнения.
- Некоторые уже строят серьезные планы побыть здесь альпинистами и с вашей помощью залезть на какую-нибудь вершину.
Это оказалось для мня совершенно необычным направлением мыслей. Но я обрадовался столь полному моему участию.
- Классно! Будем готовиться!
Мы растянули палатку. Инопланетяне все схватывали без лишних пояснений. Из нас получалась хорошая команда, и я почти не чувствовал себя дикарем, за которым наблюдают исследователи.
Я уложил вещи в палатку так, чтобы на них удобно было сидеть и пригласил всех зайти в музей этнического быта. Они расселись как смогли, и я вытащил примус. Он должен казаться им примитивной экзотикой! Примус был бензиновый, вонючий и довольно своенравный, но я умел его надежно приручать.
Вечер окончательно опустился на горы, и когда примус зашипел голубой короной пламени, сразу стало тепло и уютно. Я наполнил кастрюльку кусками смерзшегося снега и поставил на огонь. Инопланетяне наблюдали, переговариваясь и смешно пытались объяснять происходящее. Они мне напоминали школьников своей непосредственностью при невысоком росте или, наоборот, старичков, затаивших свой огромный жизненный опыт.
Пока топилась вода, мы решили, что я подготовлю желающих залезть на пик Западный Аламедин, - самую высокую вершину Киргизского хребта, к которой выходил гребень нашего цирка. Мне казалось это вполне возможным раз они так хорошо переносят здесь разрежение воздуха.
В кастрюльке уже парила вода, и я добавил еще снега, заполнив ее до верху. В этот момент полог палатки отвернулся, и мы увидели девчонку, а за ней выглядывали еще любопытные лица. Кое-как мы потеснились, стараясь не задевать примуса.
Толкучка - советский атрибут. Выстоять очередь в магазине, залезть во всегда переполненный автобус, поехать на жигулях в компании десяти человек с рюкзаками, непонятно как утрамбовываясь в салончике. Даже базар назывался толкучкой. Но тут в палатке было уютно соприкасаться плечами и быть максимально компактно вместе.
Биологу экспедиции - Гене, - смуглому инопланетяшке с веселыми глазами, места не хватало, и только его голова была с нами в палатке. Я передал ему свою куртку, чтобы прикрыл зад, и он принял ее как будто так всегда у нас было.
Когда закипела вода, я бросил в кастрюльку пару горстей сухофруктов. Все притихли, наблюдая за таинством и принюхиваясь.
Я достал продукты, нарезал единственную булку хлеба, открыл банки с мясным паштетом и сгущенкой, высыпал из пакета шоколадные батончики и почистил ломоть вяленой рыбы. У меня в канистре был отличный сироп: смесь клубничного и смородинного варенья с апельсиновыми корками. Я влил сиропу в компот и достал свою кружку.
- А высокоразвитые инопланетяне смогут решить проблему дефицита посуды для еды? - спросил я, зачерпнув кружкой компот и любуясь его густым цветом.
Доктор сбегал на модуль и скоро все нюхали обжигающий губы горячий напиток.

Я гадал как они отнесутся к земной еде, но проблем не возникло. Девчонка увлеченно рвала зубами вяленую рыбу, - видимо входила в первобытный образ, а я наслаждался этим чудесным зрелищем. Потом она попробовала батончики и, наконец, смогла отпить остывший компот. Все с интересом и без опасения дегустировали земную еду. Наверняка их медицина позволяла такую опрометчивость.
Я смотрел на людей чужого мира и удивлялся своему спокойствию. Смуглые и бледные лица, разного оттенка прически, чуть скраденные полумраком, странно живые, не по земному утонченные черты. Но с ними было просто и хорошо. Их любопытство не было навязчивым. Они, как самые обычные туристы, до последней капли прикончили компот, вылизали сгущенку и расправились с паштетом. Что еще нужно для взаимопонимания? Я был удовлетворен.
Точно не помню, о чем именно мы говорили, закончилось тем, что, решив, кто сегодня останется со мной в палатке, все ушли на модуль готовится.
Стало тихо и полезли мысли. Вот этот момент помню хорошо. Я остался один в палатке, выдернутый из совершенно непривычного бытия. Я не мог ничего планировать потому, что ничего не знал и не понимал, оставалось просто продолжать переживать все это и скоро наступит продолжение.
Нужно бы навести какой-то приличный порядок. Я собрал мусор в небольшой полиэтиленовый мешок и с хрустом смерзшегося снега вдавил его поглубже снаружи.
Ледник Джинды-Су отходит со скоростью около 100 метров в год. Значит где-то лет через пять очередной скол на ледопаде рассыплется с этим пакетом, разбросав сохранившиеся на холоде огрызки для птиц и железные банки для перегнивания. И кроме меня тут никто не наследит в ближайшие годы, если не десятилетия. Об этом я думал, совершая антиэкологический поступок с захоронением отходов.
Продукты, веревки и другое снаряжение я уложил вдоль палатки вместо подушек, уселся на спальник и принялся ждать.
Раздался резкий шум полога. В палатку пролезли смуглый биолог Гена, Вера и суетливая девчонка, прихватив с собой что-то вроде легких скафандров. Пока они устраивались я вылез наружу. Меня никто не караулил, за мной даже не подсматривали и я совсем перестал осмысливать тему освобождения от инопланетян.
Я всегда любил смотреть на горы один ночью. Звезды, рассыпанные в черной мгле, густо рассыпались в районе Млечного Пути. Скалы гребней в темноте казались гигантскими стенами, окружившими весь мир. В такие минуты меня всегда поражает: как смеет человек забираться так далеко от надежного жилья и спокойно спать, не думая, насколько он слабее стихий и как он здесь неуместен.
Я не спеша брел по твердому снегу, стараясь вызвать в себе ощущение единства с силами природы, но здесь был еще и инопланетный модуль. И, возможно, его сила была соизмерима с силой местных стихий.
Я совсем по-другому представлял себе встречу с инопланетянами, как погружение в заведомо комфортную, высокоморальную среду типа библейского рая. На это настраивали советские книги и фильмы. Далеко в чуждой культуре оставались зловещие романы типа "Война миров", оканчивающиеся

неизменным противостоянием. А идеи советских писателей отождествляли коммунизм и то, чего несомненно достигает развитие разума во вселенной. Мне казалось, что все земные дела и проблемы должны были преобразиться только к лучшему от такой встречи, добро везде немедленно восторжествует, и мир обретет сказочные формы новой действительности. Одним лишь своим присутствием в ореоле нвероятных достижений науки и техники инопланетяне должны были лишить силы все зло на Земле. Но сейчас мое сознание отказывалось обожествлять их, настолько естественным и понятным было их поведение, включая отрезвляющий цинизм, с которым они меня встретили, суля поместить в клетку, если откажусь сотрудничать.
Я вернулся в палатку. Все уже лежали в рядок в своих скафандрах. Я зашнуровал вход и заполз в спальник. У стойки наверху матово сиял инопланетный светильник. Просто шар и все, без выключателя. Я ненадолго завис в раздумье, но Вера понял мое намерение и что-то прошептал, после чего свет сдулся в кромешную тьму.
Никто не спал. Через щель прямо мне в нос дула тонкая свежая струйка чистейшего воздуха. Я на опыте знал, насколько глубокий и живительный сон это обеспечивает. Мы, как это положено по технике горной безопасности, все лежали головой к выходу. Рядом думала о чем-то девчонка, за нею ворочались Гена с Верой. В таких случаях я обычно рассказываю какие-нибудь истории, но...
И неожиданно для себя я выдал:
- Хотите услышать этнический рассказ про горную деву?.. Если мы собираемся на восхождение, должны же вы знать альпинистские легенды?
- Конечно! - хором обрадовались инопланетяне.
Я услышал, как они мягко зашуршали тканью скафандров, устраиваясь поудобнее. Эту историю я рассказывал уже раз десять новичкам на сборах, помнил ее хорошо и начал медленно, будто описывал то, что когда-то видел.

Длинная сиреневая молния прорезала небо и грохотом заглушила на мгновение яростный вой ветра. Около черной от полумрака палатки, пригнувшись, стояла девушка. Ее тонкие пальцы сжимали воротник штормовки, волосы трепал ветер, а широко раскрытые глаза пытались что-то разглядеть в небе. Из рвущейся ветром во все стороны палатки вылезли два парня.
- Как внезапно! - прокричала девушка. Парни молча усмехнулись. Один из них, более высокий и стройный, наклонился к ее уху:
- Гора уже совсем рядом! Если мы сегодня не залезем, то придется возвращаться!
И вот руки вновь сжимают холодную сталь ледорубов, а ветер слепит глаза и захватывает дыхание. Камни с ревом срываются с крутых склонов, унося за собой щебень и снег.
Путь шел по широкой осыпи из крупных обломков. Иногда они точно живые уходили из-под ног, ветер налетал со всех сторон и приходилось вставать на четвереньки.
- Мы только вымотаемся в такую погоду, - тяжело прокричала девушка, когда они на минуту остановились чтобы унять сердца, но парни молча повернулись и опять полезли вверх. Ветер понемногу утихал. Густой холодный туман

поднимался снизу. Стали влажными камни, а в воздухе запорхали редкие маленькие снежинки.
Когда далеко внизу остался облизанный ветром горб ледника, повалил густой крупный снег. Впереди на несколько шагов ничего не стало видно.
- Вот же везет! - остановился высокий парень, - А до вершины совсем рядом!
- Дальше даже идиоты не пошли бы! - хмуро проговорила девушка.
- Идиоты пойдут, а ты подождешь здесь! - повернулся к ней другой парень, - в двойке мы быстро выскочим.
- С ума сошел?! - воскликнула девушка будто ее облили холодной водой и со страхом посмотрела на высокого.
- Мы тебе поставим палатку. Залезешь в спальник и спи.
- Вы хоть снег переждете!
Под нависающей мощной скалой под порывами ветра с трудом сумели поставить палатку. В палатке, казалось, было еще холоднее.
- Скоро вернемся! - улыбнулся высокий, - а не вернемся, - больше будет "черных альпинистов"!
- А мне тогда в кого превращаться?
- В горную деву!
Девушка фыркнула и полезла дрожать в ледяной спальник. Парни выбрались из палатки и скрылись в тумане.
Но девушка не смогла вот так остаться и ждать, вершина-то совсем рядом! Как только ветер утих, стало так спокойно, что ей показалось, что она тоже сможет дойти. Она вылезла из спальника, торопливо собралась, схватила ледоруб и полезла на верх.
Ей везло. Все было легко и просто. Ей слишком везло пока она не вышла к огромной скале, загородившей путь на гребне. На ней было много надежных зацепок. Неужели девушке так хотелось попасть на эту вершину? Вообще-то не очень, но ее же парень полез...
Ветер выбрал момент и засвистел с неожиданной силой. Пальцы и лицо начали быстро стынуть. Девушка закрепилась, перекинув репшнур через выступ и сунула онемевшие ладони в штаны между ног. Пальцы начали медленно отходить, сообщая об этом болью. Под ней уходила вниз и скрывалась в тумане скала.
И туг сверху на ее каску по скалистому желобу обрушилась небольшая снежная лавина вперемешку со щебнем. Девушка оглушено повисла на веревке.
Довольные успехом парни возвращались к палатке.
- Я думал, что она нас будет встречать! - нарочно громко крикнул высокий.
- А она все проспала! - в тон ему добавил другой, просовывая голову в палатку.
- Ее там нет... - с нескрываемой дрожью в голосе сказал высокий, - значит полезла за нами, вот дура же...
Парни опять молча пошли вверх, оступаясь от усталости. Но стемнело, а нигде, где могла бы остановиться или застрять девушка они ничего не нашли и вернулись.
Небо разъяснилось, и огромная луна залила все вокруг волшебным светом. Парни вернулись к палатке. Какое странное совпадение: Луну заслонила та самая вершина. Снежная макушка озарилась короной фиолетового свечения и

ничего не было фантастичнее в этот момент. Леденящий ужас заставил замереть сердца.
В палатке стоял пустой примус, еды не осталось. Нужно было продолжать поиски, но где взять силы? Ночь ей не пережить. Они сложили палатку. Высокий опять пошел вверх, но через десяток шагов остановился и в изнеможении сел на снег.
Побежденные, они начали спуск. Молча, шатаясь как в дурном сне.
Девушка долго искала парней. Ей совсем не было холодно и есть не хотелось. Она даже об этом не думала. Она ни о чем не думала, только искала.
Научилась съезжать верхом на лавинах, когда видела людей, идущих с рюкзаками, а потом долго раскапывала снег и всматривалась в побелевшие лица, но не находила.
Она осторожно пробиралась к палаткам ночью и ее дыхание легким морозным ветром покрывало инеем закрытые ресницы спящих. Некоторые спали ногами к выходу. Тогда она вытаскивала их спальники чтобы посмотреть кто же здесь спит, но не находила.
О горной деве начали рассказывать легенды...
Вот поэтому, - наставительно заключил я, - нужно спать головой к выходу, а не ногами. Она может быть и сейчас ходит, ищет...

- Ой! - выдохнула девчонка и плотнее прижалась скафандром ко мне.
- А на меня что-то дует... Как будто чье-то дыхание! - встревожено сообщил Вера.
И тут же раздался резкий, неожиданно сильный хлопок. Мы вздрогнули, а девчонка взвизгнула. Почти сразу я понял, что это Вера хлопнул рукой по натянутой материи.
- Ну, Александр, - как-то официозно вымолвил Гена, - я русский знаю не очень глубоко, но ты так рассказывал, что теперь приснится.
- Саша, вы понимаете, что теперь вас ждет? - строго вопросил Вера привстал и гипнотически уставился на меня. Оказалось, что у них в темноте светятся глаза как у кошек. Это было очень круто и я не сразу ответил.
- Рассказывать на ночь - это теперь ваша судьба!
Я довольно заржал и произнес формулу:
- Спокойной ночи, приятных снов, цветных и радужных.
Все поняли назначение формулы и больше никаких звуков не последовало, создавая общий настрой на погружение в сон. Была и альтернативная формула из детства: "Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест!" - вполне-таки законная этническая поделка, но я пока еще не посмел. Да и не мотивировало такое на сон, скорее - на желание красиво преодолеть логику запрета.

Ночью инопланетяне спали неспокойно, ворочаясь в своих скафандрах и только к утру крепко заснули.
Я встал поздно, когда солнце выглянуло из-за гребня чтобы дать им выспаться. На стенках палатки длинными иголками вырос иней, было холодно. Я разжег примус, безжалостно ликвидировав эту красоту. Через минуту палатка просохла и стало комфортно. Девчонка открыла глаза и изумленно уставилась на меня. Я улыбнулся ей, потом взял кастрюлю и, высунувшись наружу, наскреб снега.

Когда вскипела вода, заварил чай. Девчонка выбралась из своего скафандра и помогла мне разложить еду. Меня порадовал этот признак хорошей горной этики. Я налил ей и себе чаю, булькнув туда кусочки прессованного сахара. И тут биолог Гена заворочался, принюхался и, следуя носом, привстал на локтях.
- Стой, Саша! - он суетливо принялся выбираться из скафандра.
Моя рука застыла с куском вяленой рыбы у рта.
- Я ведь собирался вас исследовать натощак!
Я сдулся и с сожалением оставил еду. Надо так надо.
Девчонка неожиданно показала мне длинный язык, и я не придумал, чем ответить.
- Резать не больно будете? - пошутил я и не получил ответа.
Вера тоже выбрался из скафандра и попросил чай у девчонки.
Гена вылез следом за мной из палатки, сразу пожалев, что снял скафандр, было очень холодно.
Мы пробежались по твердому снегу с другой стороны корабля и влетели уже в другой тамбур. Из-за полупрозрачных, да еще в разной степени, стен длиннющего коридора трудно было понять, где куда что ответвляется, и во все стороны, кажется даже сзади тамбура, что-то простиралось с неузнаваемо-неуловимыми деталями. И я подумал, что, возможно, входной левитатор сразу переносил куда-то вглубь корабля.
Как-то отец в первый раз привел меня к себе на работу в институтское здание, мы поднялись на второй этаж, там по коридору повернули куда-то, и я потерял ориентацию. Говорят, крыса тем умнее, чем более сложный лабиринт она способна осилить, особенно запоминания дорогу. Так вот, тогда я был не способнее крысы, но потом научился ориентироваться даже в сложных зданиях, но сейчас было понятно, что тут нет никакой системы, за которую я мог бы зацепиться. Возникла мысль, как важно мне не потерять Гену из вида, чтобы не пришлось выковыривать меня из каких-то устройств. А Гена шел впереди быстро, все время поворачивая и не оглядывался на меня. Может это уже был тест?
Но все вдруг завершилось какой-то явно психиатрической палатой, но больничкой не пахло. Сстены и полы здесь были из бархатно-мягкого, упругого материала, хоть бейся головой. На потолке сквозь тот же материал матово просвечивала сложная трубчатая структура, отливающая перламутровыми бликами. Освещение отличалось необычайной однородностью, а воздух вообще не ощущался. У нас бы воняло пластиком.
Посредине царил явно операционный стол сложнейшей конструкции с нависающими сверху жуткими инструментами, ну, просто трудно было бы придумать что-то более подавляюще-неизбежное для пациента. Но Гена прошел мимо этого ужаса, у меня сильно отлегло, пнул в тускло подсвеченный узор стены и оттуда возникло что-то вроде массажной лежанки. Он наконец-то приветливо улыбнулся мне.
- Саша, разденься полностью, пожалуйста!
А как же! Я подчинился.
В руках у нетерпеливо предвкушающего ино-биолога откуда-то, я позорно всякий раз не улавливал эти чудеса, появились черные диски, похожие на хоккейные

шайбы, только маленькие и тонкие.
Когда я остался в плавках и начал озираться, возникла память от прохождения комиссии военкомата. Плавки снимать не заставили. Гена усадил меня как ребенка или дебила на лежанку, потому как она оказалась не такой уж простой и я мог бы промахнуться в чем-то.
Я снова уже не был абсолютно уверен, что меня не станут резать, но доверчиво замер, цепенея от предчувствий. Когда я иду к стоматологу и он берется за шнурок бор-сверлильного истязатора, я втыкаю ноготь большого пальца в ноготь другого и при сверлении начинаю давить. Это больно, но зато это - мною управляемая боль, и она отвлекает от боли в зубе.
Гена взглянул на меня и покачал головой.
- Сильно больно не будет, расслабьтесь.
Он деловито разбросал несколько шайб по моей голове. Точнее, они сами выскальзывали из его рук, находили свое место, замирали и, несмотря на волосы, держались там цепко.
В воздухе надо мной возникла моя объемная, но полностью прозрачная копия и я уставился сам на себя. Рядом змеились непонятные значки и графики.
Чуть вздрогнул, почувствовав макушкой некий центр боли, небольшой, но неожиданной. И из этой точки вниз начал опускаться обруч боли. Но не только боли, а всего того, что могло быть в зоне красного тонкого среза на макете надо мной.
Пройдя нос, я ощутил взрывы запахов и хорошо, что эта штука не останавливалась, потому как некоторые были отвратительны. Так же были пройдены глаза и язык. Пылающий обруч, обойдя лицо, начал надвигаться на мозг, и я вцепился пальцами в податливый материал лежака. И не зря. Тут меня накрыло таким разнообразием, что сказать, что я пережил свою жизнь как перед смертью, было бы невыразительно. Хорошо, что все прошло мимолетно, не выделяя ничего из этой каши чувств.
Обруч опоясал шею с нестерпимой щекоткой у кадыка, и я невольно кашлянул. Потом он пошел вниз вдоль тела. Подумалось, а что будет когда он минует пах. Этого очень не хотелось демонстрировать. Но все нормально обошлось, только проход пяток был почти невыносим, я боялся щекотки.
- Ну и хорошо, - сказал Гена, протянул руку, и диски послушно прильнули к его ладони.
- Все, что ли? - чуть ошалело вымолвил я, свесив ноги с лежанки.
- Да, Саша, все просто чудесно, я так вам благодарен!
- А вы случайно не владеете телепатией?
Гена улыбнулся этому, как если бы я пошутил.
- Нет, конечно! Слишком сложные и слишком индивидуальные процессы. Мы не можем себе представить такой носитель информации, кроме слов, который мог бы передать сведения об всем этом другому мозгу, а ведь их еще надо сделать доступными восприятию.
- У нас в фантастике телепатия - обязательный атрибут инопланетян, а вы не проходите по этому пункту, - заявил я укоризненно, но в шутку.
- Зато у нас очень развито эмпатийное взаимопонимание. И есть технические средства. Так что часто обходимся без громких слов.

Я как-то не обратил должного внимание тогда на слова про технические средства.
- Как у вас получается так хорошо разговаривать на нашем языке?
- Ну, мы все освоили киргизский и русский язык, как только прилетели сюда. Ваши теле и радиопередачи постоянно записываются. Компьютер быстро составил лингвистическую модель и свел ее с нашей моделью. Так что мы в игровом режиме в эмуляторе ситуаций довольно быстро отработали навыки. Тебе обязательно покажут этот эмулятор, это круче вашего кино!
И тут меня застигла насущная потребность, которую я проигнорировал с самого утра. Бежать до ближайших скал было далековато, а все вокруг просматривалось. Есть люди, которые могут просто остановить свою машину на трассе, близко подойти к колесу и освободиться от проблемы. Но это не я.
Я оделся и нерешительно замялся.
- О чем задумались?
Я сделал неопределенный жест и слегка поморщился. И тут сработала их эмпатия, так кстати удивившая меня.
- Ааа.. из комнаты сразу налево, я пущу указатель. Там все как у вас, осваивать не придется, просто сядьте и делайте все, что нужно, а потом чуть приподнимите зад, не вставая полностью, и оно очистит.
Я не знал даже как выйти из комнаты. Опять сработала эмпатия и Гена провел меня чуть ли не за ручку. А там было их обыкновенное инопланетное чудо, на которое я сел и все случилось так, как было обещано.
Вернулись мы в другое место и там нас ждала Наташа. Я уже начал привыкать к особенностям черт лица и мне она показалась очень красивой, несмотря на тонкие морщинки. Чуть заметно улыбнувшись, она сказала просто:
- Закончили? Пойдемте кушать.
- Да, мы сейчас, только переоденемся! - откликнулся Гена.
Наташа вышла и Гена достал из стены пакет, - Оденьте это, Саша. Я уверен, что вам понравится.
- А душ у вас есть, а то я не очень...?
- Лучше дать ткани адаптироваться к микрофлоре, она сделает все как нужно.
Я натянул на тело эластичную материю. Костюм как живой отслеживал каждое движение, совершенно не стесняя. Гена произнес какую-то фразу и передо мной возник мой объемный двойник. Я взглянул и вполне удовлетворился, перестав казаться дикарем в тряпье по сравнению с элегантным прикидом инопланетян. Через мгновение я обратил внимание, что это отражение не зеркальное. Скорее всего это было какое-то голографическое изображение. У меня не возникло щенячьего удивления от очередного чуда, я вел себя достойно как индеец в таверне.
- Гена, а почему мне лучше не знать, что такое сневер? Вы мне пока не вполне доверяете?
- Полностью доверяем, твои мотивации и твоя этика - на нашей стороне. Но вам будет не просто повести себя правильно, без ошибок из-за недостающих представлений. Все должно пониматься в определенном порядке. Вы же не пускаете детей туда, где им пока не место?
- Мне всегда казалось, что лучше видеть опасность, чем делать вид будто ее нет.

- От прямых опасностей здесь мы вас убережем. Эта же напасть совсем другого характера. Пока вы не знаете этой проблемы, вы будете вести себя естественно.
Гена своеобразно повел рукой, и голограмма исчезла. Когда я постигну эти управляющие жесты?.. Опять у меня возник приступ абсолютной чуждости этого странного места. Но я сделал усилие и наваждение пропало.
Конечно же, меня его объяснение только зарядило еще большей интригой, и в голове невольно начали возникать самые абсурдные предположения. В том числе вспомнился сюжет рассказа Станислава Лема про "сепульки". Что такое сепуьки? На планете развитого сепуления землянин так и не смог узнать это, как ни выспрашивал у аборигенов, только попадал в разные неприятные казусы. Нужно было вырасти в сепулярии и впитать в себя культуру сепуления, чтобы понять суть. Такой довод был достаточно убедительным для меня, и я отпустил проблему. Есть вещи поважнее. Еще во мне зудел мой гражданский и в чем-то комсомольский долг как первого представителя Земли, но даже это требовало своего времени.
- Столовая в другом конце модуля, придется немного прогуляться.
Я шел за Геной по непостижимому лабиринту, стараясь подсмотреть, как он открывает проходы, но почему бы просто не спросить? Если что, мне скажут, что пока еще не пришло время.
- А я сам могу открывать двери?
Гена замедлился и остановился.
- Это не так просто...
- Еще не пришло время?
Гена совершенно поземному заржал.
- Да. Но давайте сделаем это. Нужно прописать ваш образ как разрешенный для доступа, и все сможете делать сами. Ну, почти все. Интеллект корабля отлично понимает русский, он как раз и обучил нас ему.
- Да, я уже слышал про это.
- Корабль, внимание!
Прямо перед нами возникли фигурки и значки.
- Зарегистрируй новый гостевой доступ, - Гена указал пальцем на меня.
- Сделано, добро пожаловать!
- О, как... Спасибо! - но я все равно не знал, что делать дальше.
- Просто идите, а система распознает намерения, открывает проходы и вообще позволяет все, что можно. Голосовые командами можно уточнить, что требуется, например, пустить указатель до нужного места. Попробуйте довести нас до столовой.
Я сосредоточился, вздохнул и выдал:
- Нужен указатель до столовой.
Тут же под ногами возникла слабо пульсирующая в определенную сторону тонкая линия. И я пошел вдоль нее. Проходы галантно распахивались вовремя. Это было здорово!
Мимо с легким шорохом по полу пробежало несколько крупных зверей, похожих на крыс. Я с удивлением посмотрел на Гену.
- У них сейчас уборка, - пояснил он, - это биороботы. Они считают модуль своим домом и вычищают все до стерильности.

Наконец мы вошли в комнату, где собрался весь экипаж. Я принюхался, как всегда невольно делал в наших столовых, запах был, но не столовский и не вызывающий аппетита. То ли дело как пахнут только что отжаренные котлеты с соленым огурцом или борщ и даже в рыбный день тефтели настойчиво выдавали себя.
В комнате было тихо, у нас в столовой гремят ложки по тарелкам, но тут все молчали. Никто не переговаривался и это меня несколько насторожило. Я еще не знал, что им не нужно было переговариваться вслух.
Перед каждым парил небольшой подносик с едой. У нас в столовых за слово "поднос" персонал устраивал показательную взбучку, громко на весь зал наставляя провинившегося: "Не поднос, а разнос!!!" и с этим ничего нельзя было поделать. Присмотревшись, понял, что нет, это - не антигравитация, а какие-то очень тонкие и прозрачные держатели. Но подносики не раскачивались, как это просто неминуемо должно происходить. Потом оказалось все очень просто: в каждом был вращающийся диск, не позволяющий резко отклонять подносик - как колесо у велика. Неважно, я в общем-то хотел есть, но опять был беспомощен и ничего из увиденного мне не подсказывало, что делать.
Я сглотнул, посмотрел на Гену и сел рядом с ним, подальше от девчонки потому как я всегда стеснялся своей неловкой манеры еды, а тут наверняка был свой какой-то этикет.
Обеденных столов не было, все сидели большим кругом. И все тут совершалось вразнобой, многие уже отщелкивали свои подносики и роняли их в ловко глотающие кухонные пасти.
Из снеди, которую поглощали еще не справившееся с едой, я заметил зеленый хворост, светящееся лимонными бликами желе, сцепившееся дрожащими шариками, еще какие-то баночки, в общем, ничего шокирующего. Да я сам ел жаренных лягушек, только что пойманных у рисового поля, когда нас свезли на уборку хлопка и толком не кормили. Без шкурок они походили на маленьких кроликов, пахли тиной, но были очень даже съедобны.
Разнообразие меню говорило о явном гурманстве инопланетян. Я как-то размечтался о таблетках вместо кулинарных изысков: съел одну и нет проблем на целый день, особенно хорошо для гор - не таскать тяжести. Уж такое сбалансированное питание инопланетяне могли бы сделать, но нет, значит гурманство было важнее, чем прямо в кровь вводить уже готовое питание. Горло, желудок, кишки и все ниже к попе, наверное, отвалились бы от ненужности. А без них и другие органы забуксовали бы, в организме ведь все взаимосвязано: волос внизу выдернешь, слезы текут. Я слегка удивился тому, что начал делать такие длинные выводы, вот что значит стимуляция новыми впечатлениями.
Между тем, Гена прищелкнул мне подносик и навалил на него разных штуковин. Блин, я опять не заметил как! но теперь был уверен, что как-то очень просто, без фокусов. У меня был и хворост, и желе, и баночки.
Я присмотрелся, что делают со всем этим. Кто-то выдавливал себе из банки что-то в рот, кто жевал длинные зеленые хворостины, а девчонка методично разворачивала мои шоколадные батончики, прихваченные из палатки. Она почувствовала мой взгляд, посмотрела в упор, и я позорно отвел глаза.
И вот, я откусил край теплого прямоугольного бруска с золотистой хрустящей

корочкой. Это было что-то вроде картофельного крокета, но только лишь по консистенции. Мне понравилось. Потом я смелее взялся за зеленый саксаул, но в нос густо пахнуло тухлое сушеное мясо. Я заставил себя дожевать кусочек, сглотнул, и, взяв первую попавшуюся банку, выдавил ее содержимое в рот. Сладкое пюре с освежающим запахом замаскировало тухлое послевкусие.
Как назло, никто не ел в этот момент светящиеся шарики. Пришлось спросить у Гены. Он просто взял один двумя пальцами, отправил в рот и.. все, жевательных движения не последовало. Я взял другой шарик, оторвав от подружек и вся горка радостно задрожала. Он был упруго мягким как виноградина, на просвет там затаилась интригующая красная искорка. Во рту шарик разошелся легким взрывом, разливая кисловато-острый, невероятно приятный вкус. Я с удовольствием взял еще один и Гена поднял одну бровь.
- Не торопитесь с этим, хоть и не наркотик, но довольно сильный модулятор настроения.
Осталась еще пара неизведанных упаковок. В одной был очень вкусный, густой напиток, а в другом остро приправленная паста. Я запил ее остатками напитка, и решил на этом мой завтрак завершить, не претендуя на добавку.
Ко мне невзначай подошел Федя.
- Самое вкусное оставили? - он показал пальцем на сухую тухлятину, - а я думал раз такой большой, то кушает много.
Ответная колкость крутилась в голове, но скользко не оформлялась словами, возможно мешало послевкусие тонизирующего шарика. На меня опять накатило ощущение мультяшной реальности. Я не переставал удивляться внешнему виду инопланетян, все никак не привыкнув хотя они уже не казались близнецами, и сейчас с любопытством смотрел на маленького добродушного бородача. Хотелось его потрогать чтобы убедиться в реальности. В его ярко-рыжей бороде контрастно зеленели крошки хвороста. Наконец я мстительно сказал ему об этом.
- Моя извиняется, - он жизнерадостно улыбнулся, стряхивая бороду, - это обезвоженная водоросль-животное. Очень распространенный продукт! Саша, пойдемте, поговорим про схемотехнику?
Можно было бы не писать про то, что цепляет мои специфичные интересы, но для меня это важно. Про горы и схемотехнику могу говорить бесконечно.
- Указатель до лаборатории Феди, - попросил я нагло, не надеясь, что корабль меня поймет, но стрелка послушно зазмеилась, и Федя одобрительно хмыкнул в рыжую бороду.
Федин отсек казался пустым, только в противоположном от нас конце около окна или монитора с видом на горный гребень сидел Полифем за светящейся панелью, описать которую не берусь, уже почти не помня детали увиденного. Он сидел с уверенным видом типичного ботаника и водил пальцами по экрану. Когда мы вошли, он повернул свое красивое невыразительное лицо, мельком взглянул на меня, чуть кивнул и снова ушел в процесс, время от времени тихо произнося команды или лениво шевеля пальцами. Было заметно как установка на все это реагирует.
Мы сели с Федей на услужливо подстраивающиеся стульчики, которые он вытянул из пола, и он осторожно проверил рукой, на месте ли у него борода.

- У меня сложилось мнение о вашей технике модуляции электронных потоков, наверняка во многом превратное. Так что хочется услышать что-нибудь от специалиста...
Он недвусмысленно имел в виду меня, в его голосе и на лице не было ни тени шутки подкола, и я не стал терзаться неполноценностью.
- Может, я и специалист, но потребитель, да еще принадлежу той стране, которая на десятилетие если не больше отстала в технологии микросхем. Зато у нас научились выпускать некоторые дискретные элементы выдающихся параметров.
Общение вполне заладилось, и я расслабился. Я рассказал, что мог вспомнить и этого оказалось не так уж много. Зато он выдвинул мне экран и показал, как рисовать пальцами схемы, линии которых тут же выправлялись будто понимали, что я хочу, а если что-то не понимали, то это очень легко было поправить.
Феде оказалось не просто вникать в земную схемотехнику, он привык мыслить намного более обширными и законченными моделями, а мои схемы отражали самые основы. Это как ассемблер и высокоуровневые языка в программировании.
Потом Федя принялся рассказывать про свою схемотехнику, и я почти сразу оторвался от нити смысла. Тогда Федя переключился на более зрелищное.
Он повернулся к стене, и по его команде она растаяла, обнажив сложный рисунок с непонятными значками.
- Это общий интерфейс нашего бортового компьютера.
- Для меня - полный ребус!
- Корабль, переведи интерфес на русский! Значки зашевелились и стали понятными, но только отдельными словами, а не тем, что означает каждый из значков. В целом стало понятнее. Одна из больших светящихся рамок имела название "силовая установка", а там было более мелкое: "Взлет на орбиту", "Форсаж" и много других крутых команд. Вот бы еще "Захват Америки".
- Понятно, что это - больше для отслеживания режимов, чем ручная корректировка, да и словами управлять проще или специальными многомерными рулями. Федя двумя пальцами увеличил участок панели и там появилось много более частных команд.
Я внимал с должным почтением. Они мне так доверяют, а что, если я вдруг натыкаю что-то катастрофическое?
- Сам компьютер распределен по всему посадочному модулю в виде функциональных элементов, сообщающихся с помощью света невидимой части спектра. Взаимодействуют они примерно, как различные органы в теле с общими зонами управления. Тут множество датчиков и исполнительных механизмов, а между ними - мозг.
Я понял, что мне не судьба что-то понять и слегка погрустнел.
- Это - древний, хорошо отработанный бортовой компьютер, а вообще для серьезных целей используют непосредственные мозговые интерфейсы и распределенное управление. У нас в мозг приживляют адаптивные элементы для таких включений.
- Всем делают такие операции?
- Без этого было бы трудно учиться и теряется очень многие возможности.

- А мне можно вживить?
- Еще не поздно, но научиться взаимодействию будет уже нелегко. В общем, с компьютером можно общаться устно, жестами, письменно и непосредственно подключив мозговой адаптер так, что он часто угадывает желаемое, а если оказывается что-то новое, то уточняют. Компьютер управляет освещением, составом воздуха, поддерживает гомеостаз корабля и относится к этому как с собственному организму. Он обладает сознанием, правда очень специфичным, хорошо обучается в новых ситуациях. Полифем сейчас с его помощью собирает электронное устройство. Мы тоже сейчас соберем какую-нибудь электрическую схему. На Земле эра микросхем. Какую бы вы хотели иметь?
- Это так просто? - загорелся я.
- Прямо сейчас изготовим, - уверенно пообещал Федя.
- Ну, я хотел бы иметь усилитель с двумя входами, один из которых меняет сигнал на противоположный...
Меня понесло и не хотелось сдавать ни одной позиции в этом инопланетном ТЗ. Федя остановил меня движением руки.
- Ясно! Я понял, что вам нужно. Делаем нулевой термодинамически компенсированный дрейф постоянного потока электронов на входе и без потребления тока от сигнала, не ограничиваем частоту отображаемого сигнала, а питать усилитель можно будет любым источником, в том числе тепловым бесконтактным излучением, лишь бы мощности хватило для нагрузки.
Моя радость распирала мозг, я не верил, но это явно сейчас случится.
- И я смогу эти усилители взять с собой?
- Как наш сообщник - да. Но сам факт нашего существования может вызвать трудно предсказуемые изменения в мире. А для вас это вообще может оказаться фатальным. С помощью таких усилителей вполне можно вызвать очень немалый переполох в вашем мире.
Федя выудил из стены точно такую же установку как у Полифема и устроился перед ней. Он произнес несколько команд и на экране возникла непонятная структура.
- Это наша типовая схема. Сейчас я кое-что изменю, мы договоримся о корпусе чтобы замаскировать прибор под земной, а остальное сделает сам компьютер.
Федя поводил пальцами на чертеже, что-то стер и попросил меня нарисовать вид корпуса. Я ткнул своим пальцем и повел позорно неровную линию, которая чудесным образом выравнивалась в желаемую форму. Так мне удалось изобразить прямоугольный корпус с выводами. Федя минуты две отдавал команды, потом спрятал в стене установку.
- Ожидаем продукт...
В комнату влетел Джон, моргая своими вечно удивленными глазами.
- Атас, ребята!.. Шурик, как пацан, залез на скалу и не может спуститься!
Вот это был сленг! Я бы заржал от неожиданности, но сообщение не позволяло.
- Наш аэробот так близко от скалы не справится. Саша, вы можете помочь? У нас это займет слишком много времени!
- Попробую!
Мы побежали по коридору.
- Вот все у него так, - выкрикивал на выдохе Федя, - Наш Шурик- антрополог. Он

убежден, что жизнь дикаря можно понять только, став самому дикарем.
Я не преминул почувствовать себя дикарем. Нас вынесло из корабля на уже подтаявший на солнце снег и, глубоко проваливаясь, мы побежали к палатке.
- Чтобы не выходить из формы, - говорил, запыхавшись, Федя, - он довольно часто становится дикарем.
Я залез в палатку и тут же отметил про себя, что мой новый костюм на холоде весь как бы подобрался на мне, стал значительно толще, но в то же время по-прежнему нигде не жал.
Я схватил веревку, несколько крючьев на карабинах, молоток и два пояса. Мы почти бежали к отвесной стене, под которой инопланетяне раскладывали большие куски толстого материала, пытаясь угадать место возможного падения. Шурик вцепился в скалу метрах в пятнадцати над нами. Я учел выступ, от которого он должен был бы срикошетить и посоветовал сдвинуть матрацы на пару метров дальше от скалы.
Граница солнечного света опустилась, захватив Шурика и тот был как на сцене, выхваченный прожекторами перед зрителями в полумраке. Девчонка очень переживала внизу и трагически умоляла его продержаться еще немного.
Я перекинул веревку через плечо и через минуту взлетел по довольно простой стенке, оказавшись рядом с Шуриком, который ухватился за какую-то тряпку, заклиненную в трещине камнем. Видимо держаться за холодные скалы ему стало невмоготу, и он изобрел эту зацепку.
- Ну, молодец! - похвалил я его и со звоном загнал ледовый крюк в широкую трещину. Потом повесил на него цепочкой пару карабинов, быстро привязался репшнуром и, отклонившись на его длину над зрителями, встал позади Шурика. Еще через минуту Шурик был в надежной обвязке, и веревка от него тянулась через второй карабин ко мне. Я немного ослабил веревку и попросил его спокойно упасть вниз, ни о чем не волнуясь. Но Шурик не мог заставить себя расставаться с тряпкой.
- Шурик, - сказал я ему, чувствительно подталкивая в бок, - там внизу смотрит на вас девочка. Она считает вас самым смелым человеком на свете.
Этого оказалось достаточно. Инопланетянин шмыгнул носом, отпустил свою тряпку и судорожно перехватился за веревку.
- Отклоняйтесь как можно больше, - сказал я ему и еще ослабил веревку отчего Шурик вздрогнул всем телом и присел. Тогда я резко вытравил несколько метров. Шурик инстинктивно дернул ногами чтобы удержать равновесие и, описав красивую дугу, плавно приземлился на матрацы. Внизу раздались вполне земные аплодисменты.
Я оставил крюк, объявив его основной страховки для будущих наших занятий, и за пару прыжков слетел вниз по двойной веревке, с запоздалым раскаянием вспомнив про то, что веревка трется о новый костюм. Земная синтетика просто прожглась бы в этом месте, но оказалось, что на спине не осталось даже следа. Шурик за это время не только не вышел из эйфории, но и обрел избыток отваги.
- Саша, - сказал он, - раз так все получилось, почему бы не потренироваться еще прямо сейчас? Мы же планировали восхождение!
Рядом фыркнул Джон:
- Шурик, а не стоит ли сначала осмыслить случившееся чтобы сделать выводы?

- Да, Шурик, тебе стоит остыть и подумать, - подхватил Федя, - ни один дикарь не полез бы на эту скалу просто так. Но идея мне нравится, если тренироваться по всем правилам. Может быть и в самом деле, Саша?..
- Хорошо, но с одним условием, - заявил я, ласково посмотрев на Шурика, - на тренировках вы будете делать только то, что я скажу.
- Конечно, брат! - согласился растроганный Шурик.
- И давайте тогда уже "на ты"! - заявил я пока было горячо.
- Конечно! Как тебе будет удобно, Саша, к черту ритуалы!
Этим я вполне надежно обрел свою нишу среди них.
- Я могу пояснить, почему полез на эти камни, - посчитал нужным оправдаться Шурик.
- Знаю, почему полез, - улыбнулся я, - сначала скалы были легкие и все получалось просто, но попался сложный участок, непонятно как лезть дальше. Оказалось, что вниз спускаться еще труднее потому, что ничего там не видно, а спрыгнуть уже слишком высоко.
- Точно, - выдохнул Шурик.
- Через это все проходят. Кто не попробовал опрометчиво залезть на скалы, у того нет сердца, но повторять такое уже неразумно.
- Оо, - у Шурика загорелись глаза, - это совсем как высказывание одного вашего деятеля: "Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца, кто к старости не стал консерватором - у того нет ума".
- Не слышал, - задумался я, - за такие слова про революцию его расстреляли бы.
- Его звали Черчилль, он из Англии.
- Понятно, про Черчилля слышал, это наши враги, могут начать ядерную войну в любой момент, но боятся возмездия.
- Да, у вас обстановка сложная... Техника, в том числе убийств, совершенствуется несопоставимо быстрее, чем этика.
- Ради денег они готовы на все, - горячился я, старясь избегать эйфории, - вся их культура - деньги.
- Вот тут ты прав, деньги и власть сегодня - главный мотиватор происходящего и, нужно быть справедливым, в вашей стране не только у вашей элиты те же самые ценности.
- Мне деньги не нужны, я о них не думаю, - возразил я, - но не в этом дело, а в том, что цивилизация может погибнуть в любой момент. Так не хватает позитивного примера, такого как вы. Уверен, что если бы про вас узнали, то многое бы изменилось.
- Изменить основы мотивации, поменять этику культуры сразу не получится, - возразил Шурик, - братан, я это точно знаю и могу тебе объяснить на пальцах.
- А есть ли возможность испортить все ядерное оружие в мире?
- Нет. Нужно пойти по другому пути, и ты для этого как раз подходишь. Предстоит очень многое узнать и понять. Если ты не против, то можно это осуществить.
Меня как водой окатили.
- Я точно не против!
- Джон, ты слышал?
- Да, надеюсь, все будет хорошо. А сейчас можем мы позаниматься скалолазанием?

Солнце окончательно вылезло из-за гребня, сразу стало тепло и комфортно.
- Пока что покажу первый практический навык, если нет снаряжения, но нужно залезть на скалу.
Я подошел к скале, пролез метра три наверх и, цепляясь одной рукой, повернулся к внимающим инопланетянам.
- Выше будет уже небезопасно и нужно быть полностью уверенным, чтобы продолжать. Лучше спрыгнуть и для этого достаточно оттолкнуться от скалы, чтобы не ободраться как на терке.
Если честно, я давно так не прыгал, не было необходимости. Ноги мягко ушли в небольшую осыпь под скалой и, упав на спину, я кувырнулся через голову. Нужно было бы чуть наклониться вперед, слегка не рассчитал.
- Можно было и не кувыркаться, - пояснил я, поднимаясь, - но кроме смягчения ногами, часть удара перенесена на спину. Можно успеть развернуться чтобы лучше видеть куда падаешь. В общем, давайте каждый сейчас попробует это как ему удобнее. Только не высоко не поднимайтесь, метра два достаточно.
На всякий случай я встал позади девчонки. Она быстро залезла гораздо выше двух метров.
- Прыгай!
Девчонка не просто прыгнула, а развернулась в воздухе, успела перекувыркнуться и въехала ногами и попой в щебень. Я бы так не смог.
- Очень круто! Но кувыркаться в воздухе не нужно.
Она смотрела на меня огромными глазищами, так и не встав на ноги.
- Не ушиблась?
- Нет, - она легко встала.
- Ты очень ловкая. Как тебя зовут?
Последующие звуки я не воспринял и слегка растерялся.
Она поняла и рассмеялась.
- Потом придумаю что-нибудь попроще!
Я очнулся от наваждения и быстро оценил успехи остальных.
- Группа, достаточно!
Все собрались вокруг меня.
- А давайте так: первые двадцать минут, пока я буду объяснять как использовать снаряжение, все позагораем на утреннем солнце, а потом уже - на скалы.
- Ну... кратковременная стимуляция ультрафиолетом нам не повредит, - согласился Гена, - а вот тебе, Саша, придется обновлять кожу.
- Загорать вредно? - удивился я.
- Тебе - да, но мы это исправим!
Перспектива быть исправленным и, возможно, хирургическим путем заметно меня напрягла.
Поиграться в альпинизм остался весь экипаж кроме Джона, Наташи и Полифема, который так и не вышел из корабля.
Невысоко над снегом около нас неспеша порхала большая светло-зеленая, почти белая бабочка.
- Ой, смотрите! - показала девчонка.
- Как они здесь могут выжить? - Гена побежал было за ней.
- Гена, не надо! - взмолилась девчонка.

- Я много раз видел таких бабочек высоко, как-то даже на вершине Александра Матросова. Там гора большая как футбольное поле. Не знаю, что им там надо. Давайте сходим за снаряжением и разденемся.
Мне было интересно посмотреть на них без одежды. Меня-то они изучили.
Из палатки вытащили все подходящее, инопланетяне спокойно раздевались. Интересно, есть у них что-то типа плавок? Боковым зрением я ненавязчиво заметил, что да, есть, но на нашем пляже они выглядели бы очень необычно: интимные места неуловимо мерцали какими-то расфокусирующими квадратиками. А вот грудь у девчонки осталась открытой, да там и закрывать-то особо нечего, а ведь возраст был не детский. Ее тело меня слегка разочаровало. Все же верно кто-то из великих заметил, что женщина гораздо привлекательнее в одежде, и тогда воображение дорисовывает самое желанное, а не то, что оказывается на самом деле. Так что я с удовлетворением отбросил несколько отвлекающие меня мысли о ней.
У меня возникла иллюзия, что это я опять вывожу школьников на начальное занятие, и только бородач Федя нелепо выглядел среди них маленьким, но довольно озорным мужичком.
Инопланетяне подобрали по себе великоватые для них вибры и многим оказались нужны несколько толстых носков. Гена обнадежил, что подходящую обувь они запросто смогут изготовить к выходу на вершину.
Голые, но в ботинках, мы пошли к скалам, таща снаряжение. Обычная группа начинающих альпинистов.
Я показал узлы, способы страховки, все как обычно. Вскоре стала пора приодеться чтобы не пережариться, ну и для работы на скалах.
Там, где извлекли Шурика, я устроил верхний блок с карабином, продел веревку и слетел по ней вниз, зная уже, что на инопланетный костюм можно положиться и не подпалить спину. Я его натягивал на кисти рук вместо перчаток.
Тонкие бледные фигурки инопланетян беспечно суетились вокруг, совершая множество нелепых действий так, что требовали постоянных одергиваний, но часто мне приходилось одергивать себя, чтобы не быть слишком грубым ментором.
Уже опытный Шурик первым одел каску. Чуть велика, но пойдет. Пока он поднимался, я показывал страховку с командами мягко и жестко.
- Шурик! Отталкивайся и падай!
Инопланетянин на верху в большой каске повращал головой, примеряясь и доверчиво канул вниз, а я вытравил сразу много веревки. С испуганным вскриком он пролетел по красивой дуге почти до самого низа и плавно опустился.
- Так на страховке лучше пока что не стравливайте, предупредил я, можно и не рассчитать с непривычки.
Следующим полез Федя, а конец веревки держал страхующий Вася. Он еще не почувствовал веревку и волновался, хотя я стоял позади. Шрам над бровью у Васи порозовел и веревку он перебирал судорожными рывками.
Мы лазали пока не проголодались. Тренировка получилась достаточно полноценной.
- А теперь - обязательная заключительная разрядка!

Срывая с себя одежду, я выкрикнул в небо переполняющие меня чувства, кувыркнулся в толщу снега, выскочил на солнце в легком пару и побежал, гремя гроздью касок, к палатке. Позади вопили переполненные впечатлениями инопланетяне, послушно следуя моему примеру.

После обеда Федя протянул мне солидную упаковку с микросхемами. Сама по себе коробочка была просто чудо, но там лежало сто корпусов лучших на Земле усилителей. На крышке, совсем по земному, была изображена цоколевка и непривычными словами описаны параметры. Я осмыслил эти параметры и порадовался как ребенок. Это была силища, способная многое перевернуть в нашем мире.
Коробочку эту при первой возможности аккуратно спрятал в наиболее надежном месте рюкзака, предвкушая, что понаделаю, когда вернусь на работу. Если вернусь, конечно. Первым делом отдам моральный долг Якову Давыдовичу из института неорганической химии - поставлю один усилитель в недочиненный мной спектрофотометр вместо советского 140уд1.
Такие вполне реальные мечты были прерваны Джоном, который вознамерился узнать, что я думаю об истории человечества. Интересно же послушать как абориген интерпретирует произошедшее. Я сразу ощутил этот момент острым чувством студента перед всезнающим преподом, и свободолюбие нашептало вариант шуточно поиздеваться. Тем более, что мои знания об этом - слишком поверхностны, даже не знания, а то, чего нахватался. Но шутка сразу же не задалась, и я стал беззащитно-честно принялся собирать то, что имелось в моей голове.
Когда я сказал, что труд создал человека, Джон не выдержал.
- У вас есть выражение: трудолюбив как муравей, но это насекомое далеко от разума.
И он мне как-то так просто, но очень убедительно и понятно рассказал сначала про то, что такое разум, какие функции стали необходимы для того, чтобы животное могло в течение своей жизни, а не из поколения в поколение находить подходящие варианты поведения в новых условиях. А потом рассказал, что именно в природе провоцирует развитие такого механизма. После этого диалектическая формулировка показалась наивной и нелепой.
То, что мне удавалось так ясно следить за его мыслью очень радовало, возникали все новые вопросы, как у ребенка-почемучки, которому важнее узнать готовый ответ, чем разбираться в причинах. И, конечно же, я абсолютно верил сказанному.
- В космосе много цивилизаций? - спрашивал я, радостно доверившись, несомненно, правдивой картине мироустройства Вселенной.
- Даже того, что мы называем цивилизацией, в нашей галактике очень немало, но есть еще несколько более высоких уровней развития, которые не назовешь цивилизацией. Обычные цивилизации в большинстве изолированы, разнесены как в пространстве, так и во времени эволюции. Следующие же этапы развития отличаются тем, что я даже упрощенно не смогу тебе объяснить сейчас, да и сам многого недопонимаю.
Что сказать на такое? Я потрясенно пытался представить грандиозную картину.

- А какие бывают разумные жители других миров по внешнему виду?
- В основном их рост зависит от гравитации на планете, так что мы - исключение и, конечно, они намного разнообразнее, чем расы у вас.
- А какие-нибудь другие виды животных не могут при благоприятных условиях развиться до разумных существ? Неужели условия на других планетах были настолько схожи, что везде разумными становились только человекоподобные?
- Преимущество в разумности определяются вполне конкретными причинами и возможностями, а не особенностями внешнего вида. В первую очередь это такое наследуемое качество как повышенная неудовлетворенность существующим, порождающая множество проблем. Она влияет на развитие всего, в том числе на эволюцию длительности сроков развития, которые становятся все более продолжительными.
- Чтобы вы делали, если бы прилетели на Землю в момент начала ядерной войны?
- Безучастными мы бы оставаться не смоги, конечно. Есть возможность создать белый спектр стоячих волн в объеме Земли, способный нарушить работу любых электронных устройств, где бы они не находились. Конечно, это бы вызвало ряд катастроф, но надежно предотвратило бы войну техническими средствами.
Гора с плеч... Только теперь я понял насколько мне не хватало уверенности в безоблачном будущем и, почувствовал необыкновенное облегчение: ведь больше всего, как никогда раньше мне казалось, в наше время все люди опасались ядерной войны, которой правители чуть что грозились с ужасающей беспечностью.
Мы вот так разговаривали с Джоном, точнее я его донимал своими довольно бессистемными вопросами, пока не пришел Федя и, внезапно попросил научить его игре в шахматы.
Допускаю, что Джон хотел отделаться от нескончаемых наивных вопросов и как-то попросил Федю помочь, слишком подозрительно вовремя он появился. Джон изобразил увлеченность предложением, и мы перешли в комнату, где нас уже ждал расчерченный на квадратики экран, и на нем лежали правильно расположенные фигуры. Лежали потому, что были такими, как их изображали в книгах или телепередачах.
Вскоре подтянулись другие, что подтверждало мое предположение о возможности какого-то способа передачи информации между ними. И да, потом оказалось, что в ушах у них вставлены телефончики. Понятно почему они такие молчаливые между собой, им просто не нужно было переговариваться вслух. Но тогда мне никто про это не сказал.
Я принялся довольно путано пояснять правила игры, чередуя их примерами. Фигуры перемещались перетаскиванием пальцами и экран уже знал, что должно следовать в результате взятия фигур и недопустимых ходов.
Я не люблю шахматы. Вообще считаю, что игра приносит максимальную пользу только в момент постижения особенностей ее логики, а потом становится средством соревнования или наживы потому как трудно представить без этого постоянный интерес к одному и тому же. Меня отвадил от шахмат отец. Он слишком любил шахматы и находил разные предлоги сыграть со мной. Играть я научился, но эту игру невзлюбил как все, что покушается на мою свободу выбора.

Когда инопланетяне предложили мне сыграть с ними, я с внутренним колебанием согласился. Заводило и то, что первой передо мной уселась девчонка, излучая азартное намерение выиграть во что бы то ни стало. Такая ооочень умненькая и целеустремленная девочка, - мне всегда было от таких не по себе еще со школы.
Ладно, я вздохнул и ответил на ее e2-e4. Время мы не учитывали, но она молниеносно продолжила, очень наивно и оригинально, я еще разок вздохнул, и вдруг раскрепостился. Явно недооценив ее сообразительность и самобытность, я начал играть невнимательно, больше посматривая на ее живейшую мимику, в результате чего наделал столько ошибок, что единственным моим желанием стало, как обычно в таких случаях, спрятаться в палатке. Но девчонка сгоряча зевала еще больше меня и, наконец, сама залезла под мат. Она было протянула руку чтобы воплотить какой-то свой гениальный план и когда ей скорбно сообщили, что все кончено, разочарованно сморщила носик, но послушно уступила место.
С Верой я был уже бдительным и, тщательно завел его в ловушку, не слишком сложную, чтобы он смог в нее попасть.
Со мною сыграли еще Вася и Федя.
В результате возникло наблюдение, что изворотливость моей игры коррелировала с потенциалом противника: со слабыми я играл слабо, а с сильными - достаточно эффективно, и в результате неизменно выигрывал, что Вера истолковал как довольно интересную стратегию минимально необходимой адаптивности. Это мне польстило.
На ужин меня попросили принести свои оставшиеся продукты, которые все еще воспринимались как экзотика. Говорили почти исключительно на земные темы, но без навязчивости. Меня предупредили, что слишком большой приток новой информации вызывает специфическую реакцию психики, когда все происходящее кажется нереальностью и воспринимается сумбурно. Чего же они молчали раньше? Я и сейчас находился на грани такого состояния. Нужен был отдых, лучше - сон, который я не мог себе позволить при таких обстоятельствах. Так что после ужина мы смотрели земные телепередачи с моими комментариями и мне было непривычно видеть четко растрированную картинку на чрезвычайно высококачественных экранах.

В этот вечер ко мне в палатку пришли ночевать Шурик, Федя и опять девчонка, которая сумела чем-то обеспечить себе привилегию - бессменно спать в палатке. Меня невзначай спросили, не будет ли опять сказки на ночь, а я уже придумал как изложить плод моей неразборчивой фантазии, беззастенчиво собрав его из образов, когда-либо владевших моим воображением при прочтении увлекательных книг. Было интересно, как к этому отнесутся.
Когда все улеглись, девчонка заметно тронувшим меня тоном попросила рассказать что-нибудь этническое.
- Вы не против сказки?.. - отозвался я.
- Офигеть, как обожаю сказки! - опередил девчонку порывистый Шурик.
- Даже не знаю... это - очень длинная сказка.
- У нас будет тысяча и одна ночь! - обрадовалась девчонка.

- Кто же нам позволит каждую ночь быть в том же составе? - урезонил Федя.
- Если нас убаюкает, то и сказке конец, а если нет, то Саша доскажет до конца, - рассудил Шурик.
- Тогда поехали.
Я немного помолчал и включил повествовательный тон.

Жил на свете Алеша. Был он неплохим парнем и очень нравился Аленке. Они часто ссорились по пустякам, потом клялись вечно жить в мире, но снова ссорились, и это все более становилось неизбежным правилом. Алеша думал о психологической несовместимости и о том, что не по-мужски слишком мягок. Вот и сейчас он ехал в троллейбусе навестить своею бабушку и размышлял об этом. Конечно, он Аленке точно нравился - это сразу видно, но вдруг вовсе не она ему судьбой предназначена? Вдруг на самом деле та девушка, с которой он был бы по-настоящему счастлив где-то рядом, не узнанная. И, может быть, сейчас троллейбус остановится и в открывшуюся дверь войдет Она. Троллейбус подкатил к остановке, двери распахнулись и по ступенькам первой поднялась Она. Алеша обомлел. Она не была очень красивой, но что-то приятное и близкое таилось в каждой ее черточке.
"И что делать?!" - тоскливо подумалось Алеше, - "Слишком уж подозрительное совпадение. Кто знает, не провороню ли я ту единственную если с ней не познакомлюсь?" Девушка взяла билет и села. Алеша подошел к ней и, держась за верхний поручень, мучительно стал соображать, как начать знакомство. Они вдруг встретились взглядами и обоих пронизало ощущение необычного. Сердце заколотилось так сильно, будто в эти минуты решалась его судьба. Девушка кокетливо поправила прическу и ... на пальце у нее сверкнуло обручальное кольцо. Алешу как водой облили. Он успокоился и уныло уставился на мелькающие кусты в окне...

- У вас есть выражение: "вот это - облом!", - прокомментировал Шурик, - это типичная ситуация, когда...
Он вдруг осекся на полуслове и у меня укрепилось подозрение о некоей незаметной для меня связи между инопланетянами. Ясно, что кто-то попросил Шурика заткнуться. Я чуть подождал и продолжил.

Бабушка жила на окраине города. Алеша всегда с трепетом подходил к старинной калитке. Сбитая из толстых дубовых досок, она весила так много, что открывалась древним механизмом. Ее удерживали два исполинских высохших дерева, и это было любимое место сходок всех черных кошек в районе.
Алеша что было сил потянул за цепочку, что-то завращалось, калитка оглушительно затрещала и приоткрылась. "А как же бабуля открывает?" - всякий раз думал он, переводя дыхание, но, увидев на террасе саму бабулю, сразу забывал о сомнениях. В первую империалистическую войну она уже была старухой и ее до смерти боялись деревенские мальчишки. Они-то и выбили ей глаз из рогатки. Но бабушка смотрела оставшимся так цепко, как другие и двумя не видят.
К бабушке иногда приходили ее подружки, которые когда-то вместе учились в

гимназии. Они садились за стол, расписывали пульку, дегустировали самодельную вишневую наливку и рассуждали о моде и радиации.
- Аааа! Цыпленочек мой пришел! - всегда умилялась бабушка, когда встречала Алешу, - какой хороший парень и их как его портит эта идиотская прическа! Постригись! - приговаривала она, провожая его в дом. Алеша просто промолчал.
- Вот что, Цыпленочек. Пришла тебе пора за ум взяться. Пойдем-ка.
В комнате у бабушки во всю стену стояло огромное медное зеркало, овитое по краям позеленевшими драконами. Алеше нравилось смотреть на свое деформированное отражение, но сейчас бабушка нетерпеливо лишила его этого удовольствия.
- Пора открыть тебе нашу фамильную тайну. К твоему отцу у меня не было доверия - он себя считал ученым и ничего кроме известной ему учености слышать не хотел. А ты - молодец, еще в детстве у меня на чердаке игрался со всякими моими банками, порошками да жидкостями, потому и на химика учиться пошел. В нашем роду все знали, как из них тайную силу извлечь и всегда за помощью они к одному духу обращались, потому что он с самого начала был нашим покровителем. Это Вельзевул.
Вот этого Алеша никак не ожидал, и бабушка заботливо поправила его отвисшую челюсть. Он вдруг решил, что старушка заговаривается, так что слушал по инерции, не зная, что делать, а та очень ясно и убедительно излагала:
- Самое главное, нужно усвоить, что проекция двух сакраментальных параметров нашего воображения на ожидание - есть абсолютное тождество дважды вырожденной функции, определяющей распределение вероятности возникновения события. И демодуляция вырожденных параметров идет необходимо и однозначно с развертыванием воображаемых проекций. И до такой-то простоты ученые пока не додумались! - бабка хрипло засмеялась и закашлялась, - Это вам не радиация, тут воображение иметь нужно. Вот пошли, покажу!
- Бабушка! - захлопал глазами Алеша, - Вот это да! Можно я запишу?
- Брось, цыпленочек. Сейчас - главное...

- А в этом ее определении есть какой-то ускользающий смысл при всей абсурдности, - заметил Федя.
- Ну, это же только видимость какой-то истины, - возразил я.
- Слушаем дальше, - потребовал Шурик.

Бабушка с кряхтением полезла на чердак, смахивая своим длинным подолом облачка пыли со ступенек. Алеша давно не поднимался на этот чердак. Он знал, что это - остатки старинной алхимической лаборатории. У бабушки было очень много старинных вещей, так что не удивительно, что на чердаке завалялась алхимическая лаборатория. Здесь было море бутылочек и пузатых банок, тряпок, сушеных растений и скелетиков животных. Все заросло пылью, с которой было бесполезно бороться. Тусклый свет фильтровался через паутину на чердачном окне. Теперь Алеша смотрел на этот хлам глазами химика, пытаясь найти знакомые вещества. Но не тут-то было. Он только понял, что все это - сложная органика, скорее всего - смеси природных веществ.

Алеша оглянулся на бабушку и обомлел. Она преобразилась: глаза сияли, лицо помолодело, даже черточки былой красоты проступили на нем. Бабушка вспомнила молодость.
- Смотри! - она открыла банку, сыпанула оттуда на стол горсть зелени и облако дыма взметнулось грибом, осветив призрачным блеском лица. На столе остался давно желанный фотоаппарат в магазинной упаковке, - его мечта или та самая проекция...
- Это тебе на днюху! - добро улыбнулась она, и Саша отметил, что бабушка помнит, что у него завтра - день рождения. Санитары явно были не нужны. Бабушка снисходительно посмотрела на Алешу, который остолбенел в замешательстве и не мог выговорить и слова в то время, как рушилась его диалектика. Наконец Алеша осторожно взял аппарат и повертел его в руках. "Далеко за ним не ходили", - прикинул он, разглядывая штамп городского ЦУМа. Бабушка вытащила из стола огромную книгу в кожаном переплете с медными застежками.
- Ну-ка прочти! - она разомкнула страницы, от которых сильно пахнуло стариной. Буквы были старославянского шрифта, слова почти все не знакомые, только некоторые корни давали намек на смысл.
- Не можешь? Ничего, скоро научишься. Так говорили шестьсот лет назад. Здесь собраны все способы колдовства. Ты должен хорошенько во всем разобраться - это и есть наследство нашего рода.
И с тех пор бабушка стала настойчиво заниматься с Алешей.
- Ну, цыпленочек, еще попробуй! - умоляла она над самым ухом, - это же как свистеть научиться: сначала ничего не получается, а потом вдруг раз, схватишь что-то и сразу все пойдет, - бабушка сунула палец в рот и пронзительно свистнула. Тот вздрогнул от неожиданности и тут же у него получилось это самое демодулирование проекции: бабка вспыхнула синим пламенем. То есть сделала именно то, о чем в этот момент подумал с неистовым желанием Алеша. Он даже не успел окатить ее огуречным рассолом из кадушки, как она сама потушила пожар, мигом вспомнив свои былые приемчики.
- Хорошо, цыпленочек, - немного обиженно оценила она, все же радуясь Алешиному успеху, - наши все быстро это дело схватывают. Теперь все только от тебя зависит.
Алеша обрадовано закивал головой, и чтобы закрепить урок в точности повторил свой опыт, - бабуля послушно вспыхнула вновь уже не так скоро справившись с пламенем. Запахло паленой шерстью.
Алеша взялся за бабушкину науку, и любой бы на его месте взялся бы. Теперь он почти не виделся с Аленкой.
На работе шеф как-то спросил не влюбился ли он и не лучше ли взять отпуск. Алеша обрадовался и сказал, что да, конечно, отпуск ему очень нужен и просто работа из рук валятся. По рассеянности он даже не заметил, что в этой же комнате на спектрофотометре работала Аленка.
В тот же день, задумчиво посасывая кончик длинной химической пипетки из-под сулемы (это яд такой сильный), Алеша вышел из своих размышлений потому, что его отвлек странный шум в коридоре. Сначала он решил не придавать этому значения, но в шуме было что-то настораживающее.

Алеша раздраженно бросил пипетку на рабочий журнал. У Аленкиной комнаты собралась большая толпа сотрудников, а по коридору бегали врачи скорой помощи.
- Что случилось? - спросил Алеша у товарища.
Валера, его друг по кино я мороженному, посмотрел на него ошеломленно.
- Алена отравилась... Выпила стакан насыщенного хлорида бария.
Алеша молчал потому, что не мог говорить. Он сразу стал очень слабым. А потом он вспомнил бабушкины книги и шум толпы снова ворвался в уши.
- Сколько прошло времени? - спросил он осипшим голосом.
- Минут пятнадцать.
"Поздно" - подумал Алеша - "У бабки написано..."
Вскоре Алеша оказался в той комнате и увидел Аленку. Грудь у нее была накрыта окровавленным полотенцем после прямого массажа сердца. Алеша тупо смотрел как врачи собирают свои инструменты, потом сосредоточился и черты Аленкиного лица разгладились. Это заметил врач и с изумлением уставился на тело, пожал плечами, еще раз оглянулся и, потерев виски, вышел вслед за другими.
Раньше этот случай мог бы надолго сломить Алешу, а сейчас не все еще было потеряно. Он поехал к бабушке.
- Бабуля, ты меня знаешь, поэтому и не думай отговаривать. Мне нужно в Ад...

Я чуть замялся, - Ну ад - это такое религиозное место для умерших, где их мучают за грехи при жизни, - пояснил я инопланетянам.
- Мы знаем! - заверил Шурик, - Давай дальше!

Бабушка долго смотрела на Алешу потом молча полезла на чердак. Она вернулась с большим грязно-желтым ключом и горстью старинных монет.
- Вот тебе Ключ, тот самый! А эти червонцы имеют там хождение.
- Так значит Ключ у тебя?!
- Да! - бабушка гордо блеснула глазом, - Ну, ступай... цыпленочек.
Попасть в Ад можно было откуда угодно, но Алеша выбрал безлюдное место. Он прошел километров пятнадцать по горной дороге от остановки автобуса и все не решался. Наконец развернул пакетик и достал флакон.
Жидкость пахла чем-то непередаваемо жутким и волнующим. Алеша затаил дыхание, закрыл глаза и выпил залпом. Горло перехватило, по телу прошла мучительная судорога и голова сильно закружилась. Наконец он произнес заклинание и даже ухитрился помочь развернуться проекции вырожденных параметров. Голова сразу отошла. Он осторожно открыл глаза.
Та же дорога и то же знакомое ущелье - начало маршрута тройка-б на вершину "Незнакомка"... Но тучи, облепившие склоны, стали более суровы, скалы - более изломанными, речка - стремительнее, а небо - сумрачно-фиолетовым.
Алеша не спеша пошел по тропе. Мелкие камни зло выскакивали из-под ног и быстрее чем положено скатывались вниз, даже не дожидаясь, когда он на них наступит. Алеша чуть было не оглянулся и вовремя вспомнил, что это означало бы невозможность вернуться. Он быстро шел, раздвигая упругие как сталь ветки. Деревья остались позади. Это место Алеша уже не узнавал. Здесь должна была

быть последняя стоянка пикникистов. Груды камней вздымались вверх по ущелью, под ними еле слышалось злое журчание речки. Голые скалы отвесными стенами поднимались к багровеющему небу, оставляя вверху узкую извилистую полоску света. Алеша взбирался по камням, проходил один поворот за другим по дну все более сужающегося каньона.
Пахло плесенью, сумрак ущелья дышал холодом. Под ногами среди камней виднелся сплошной скальный массив. Ущелье гротескно выделялось диким рельефом и подавляло величием.
За поворотом торжественно гремел водопад. Скала высотой метров двадцать преграждала дорогу. Ледяная вода низвергалась в небольшое, но глубокое озерцо.
Алеша задрал голову и долго обдумывал подъем. Наконец подошел к скале, уцепился пальцами за крохотный выступ и полез. Где-то метров за пять до конца скалы он чуть не сорвался на небольшом участке отрицательного склона и вспомнил, что препятствия должны попадаться как раз на пределе его возможностей, требуя максимального усилия воли. Наконец в изнеможении Алеша вылез на верх и поднял голову.
Такого дикого буйства форм и вызывающей нереальности он и представить себе не мог. Из камней и скальных трещин сплетался сложнейший, исполинский узор, суть которого ускользала от сознания, но был полон смысла, а суровые цвета плавно переходили в цвет неба с облаками, сотканными столь же затейливо. Кончая перспективу, огромная арка перекрывала ущелье, а под ней застыли ворота черного цвета обугленного чугуна. Размашистые буквы, кроваво пылали: "Оставь надежду, всяк сюда входя ий". Буква "щ" в последнем слове отсутствовала.
Странный выступ в скале привлек внимание. Его прорезала маленькая щель на удобной высоте. Это чем-то напоминало автомат с газ-водой. Алеша достал из кармана бабушкину монету и бросил ее в отверстие. Она с чудовищным грохотом покатилась внутри, в то же мгновение с оглушающим скрежетом часть скалы отвалилась и оттуда выдвинулась гигантская черная лапа, держащая кубок с кровавой пузырящейся жидкостью. Когда эта посудина приблизилась к самым его губам, обжигая пылающим жаром, Алеша отпил жгучего снадобья и оказался по ту сторону ворот.
Его оглушил легкомысленный негритянский джаз потому, что он никак не ожидал его услышать. Двое отрепанных мужичков с хвостами ритмично дергались под звуки и драили ту самую букву "щ", добиваясь эффектного сияния. Они увидели Алешу, изумленно вылупили глаза и музыку как ножом обрезало.
В то же мгновение позади взревело само небо, истошный скрежет, лязг и громыхание заслонили собой все. Заболели уши, и Алеша обернулся. Это был настоящий Ад. Багровое облака трепетали бликами пламени. Черные тучи пепла вились тугими смерчами, а жуткий яростный вой, несмотря на свою силу, перекрывался воплями бесконечной боли, страха и отчаяния. Через все небо, извиваясь точно гигантская змея, черный вихрь нес души из ниоткуда в никуда, крутя и терзая их. Одна душа пролетела совсем рядом. Лицо, будто отразившееся в абсурдном зеркале, заслонило собой весь мир. Алеша увидел саму древность и безысходность, глаза, полные тысячелетней тоски, мертвую маску безразличия

ко всей вселенной.
А потом огненный дождь пронесся над равниной, накрыв копошащиеся внизу тени и вызвав новый взрыв боли. Ближе, это больше походило на кошмарный сон, свирепый черт длинным мечом рассекал тела и, как это могло случиться? отрубленная чья-то рука оказалась у Алеши под ногами, пальцы скрючились и судорожно вцепились в трико.
- Помоги...
Это было слишком... все вокруг замелькало, и Алеша потерял сознание.

- Круто, - оценил Шурик, - Зримо представляется. Когда-нибудь я воплощу это в эмуляторе! Ну, а дальше?

Что-то тяжело придавило грудь. Алеша открыл глаза. Большая черная кошка возилась у него на одеяле, вылизывая до блеска свою шкурку. Солнце через окно слепило глаза. Он лежал в чужой комнате. Пахло сосновыми дровами и слегка - серным газом. Прямо перед ним на стене висел девичий портрет. Она была очень хорошенькой и сквозь коротенькие пряди вьющихся волос пробивались чуть заметные рожки.
Алеша сбросил с ног яростно зашипевшую кошку и сел на кровати. Он так и оставался в своем спортивном трико и ботинках.
В комнату постучались и неуверенно зашел довольно молодой черт в сером костюме и больших очках. Он протянул черную лапу:
- Женя.
Алеша ощутил в своих ладонях холодную как перчатка кожу. Как-то ему довелось держать в руке лапу варана.
- Алеша. С добрым утром!
Черт Женя что-то невнятно пробурчал в нос и хмуро посмотрел на Алешу через тонкие стекла.
- Вас вчера подобрали. С Ключом. Вельзевул узнал, конечно.
- И что теперь?
- Завтра к нему с утра на растерзание. Ему нужен Ключ добровольно, и он попробует его у вас того...
- Да и пофиг... - сказал Алеша почти шепотом, - мне как раз к нему и нужно.
Черт необычайно отзывчиво прореагировал мимикой на сказанное и подстроил манеры:
- Идемте жрать, - развязано предложил он и бесцеремонно скрылся за дверью.
Алеша подумал немного для приличия и вышел вслед.
- Это моя мама, - ткнул черт Женя длинным пальцем в качалку в которой находилось что-то бесформенное, похожее на взъерошенную ворону.
- Очень приятно, - еле слышно прошептал Алеша и почувствовал, что сделал глупость.
- Папа, - ткнул пальцем Женя в конец длинного стола. Оттуда моментально выскочил сухой как палка старый черт со слезящимися шальными глазками, витиевато подковылял к Алеше, начал трясти ему обе руки по очереди и за минуту рассказал обо всем на свете.
- Моя доча.

Чертова дочка вышла из-за стола, как сошедшая с картинки в спальне, сделала интригующий реверанс, очень хитро улыбнулась и, вдруг застеснявшись промолвила:
- Бабебибоба... Это меня так зовут.
- А меня - Алеша.
Их усадили рядом. Она была в черной рубашке и в черных, обтягивающих ноги до копыт, лоснящихся штанах.
Вдруг завтрак закончился, и Алеша никак не мог вспомнить, что же они ели. Старый черт сыто потягивался, мелко вибрируя животом и обтирая морду своей же бородой. Бабебибоба уже убежала, а черт Женя задумчиво смотрел сквозь Алешу.
- Мне пора на службу, - наконец сказал он, - завтра я вас провожу к шефу, а сегодня побудьте здесь и лучше никуда не выходите. И, надеюсь, будете джентльменом с моей дочей, она такая неопытная, вы же не воспользуетесь этим?
Алеша мысленно послал черта подальше на что тот укоризненно обернулся и молча вышел.
Почти сразу в комнате невзначай возникла Бабебибоба. Она походила взад и вперед, а потом, резко повернувшись, спросила:
- А не хотите прогуляться со мной?
- Но твой папа...
Бабебибоба презрительно посмотрела на Алешу:
- Я думала вы смелее!
Алеша вздохнул:
- Пойдемте...
Бабебибоба радостно завизжала и повисла у него на руке. Не успел Алеша прийти в себя от этой выходки как они оказались в лесу.
Ни одного листочка не было на исполинских деревьях, кривых, коренастых и фантастически закрученных. Ни одна веточка не шевелилась в напряженной тишине, и только невесть откуда, может быть прямо из темного неба, с легким шуршанием падали, кружась большее красные листья.
Здесь было очень красиво. Алеша обернулся и чуть было не налетел на Бабебибобину рогатую макушку. Чуть дальше протекала широкая кроваво-красная река. Алеша подошел поближе. Там густо поблескивала настоящая кровь.
- Сколько ее ни Земле ни проливается, - сказала Бабебибоба, - вся здесь протекает. Иногда речка мелеет, но чаще из берегов выходит. Там дальше - целое море.
Она опять очень хитро улыбнулась Алеше, показав белые острые зубки, и принялась носиться вокруг деревьев.
- Догони меня, Алеша! - визжала она, переводя дух и, как только Алеша ринулся за ней, припустила так, что только замелькали ее копытца. Алеша забыл про все, и мир вокруг тоже замелькал и зазвенела странная мелодия.
Деревья, ставшие такими же черными как Бабебибоба, как живые выскакивали прямо под ноги, и Алеша, едва не врезаясь в ствол, еле уворачивался. Одно дерево совсем растерялось, сворачивало туда же куда и он. Алеша наскочил на

него, и они в обнимку кубарем полетели по земле. Оказалось, что это и была Бабебибоба. Она со страху больно вцепилась Алеше в плечо зубами, всего исцарапала и куда-то исчезла.
От резкой остановки у Алеши бешено стучало сердце. Он ошалело озирался по сторонам и никак не мог прийти в себя. Вместо леса от горизонта до горизонта чернели густые заросли корявого кустарника. Кроваво-красный ручеек змеился между кустов, но как-то неестественно медленно. Это был тот самый лес с рекой, только с высоты птичьего полета.
Что же делать? Алеша посмотрел на свои исцарапанные руки и легко представил какое у него лицо потому, что оно тоже нестерпимо горело. Он начал проламываться через кустарник наугад. Уже темнело и быстро зеленеющее солнце вырастало на глазах. Внезапно из ниоткуда раздался озабоченный голос черта Жени.
- Алеша, вы где?
- Здесь! - выкрикнул Алеша и тут же оказался в комнате. Бабебибоба сидела за столом и невинно болтала копытцами. Старый черт уже вытирал бородой сытую морду, а Женя укоризненно уставился на Алешу. Алеше стало неуютно. Он извинился и ушел в свою комнату, съел наспех сотворенный пирожок с повидлом и завалился спать, так ничего толком и не выяснив. Но впечатлений оказалось слишком много для него. Беспокойные сцены абсурдно толпились у него в голове пока не выстроились в ночной кошмарик, и он заснул до утра.

В палатке инопланетяне как-то подозрительно притихли. Убаюкал, что ли?.. Я приподнялся на локтях. Сквозь палатку просвечивала Луна. В ее ярком свете можно было различить каждую деталь и стало заметно, как глаза у инопланетян слегка флуоресцировали. Казалось, это были непознаваемо чужие существа, и я лежал один среди них. Понимают ли они его или это только кажется? Я с трудом отвлекся от этих мыслей, сглотнул и спросил:
- Спим или рассказывать дальше?..
- Дальше! - немедленно отозвались хором Шурик и девчонка, да так живо, что я отбросил сомнения.
- Ну, ладно...

Следующим утром Алеша открыл глаза и опять первое, что он увидел был портрет Бабебибобы на стенке. После вчерашнего появляться чертовой семейке на глаза не хотелось. Алеша еще раз взглянул на портрет. Бабебибоба с портрета ехидно подмигнула ему и показала невероятно длинный язык. Алеша разозлился. Он прошипел что-то сквозь зубы, портрет встряхнуло, и он закачался на одном гвоздике. Кровать возмутилась и встала на дыбы, сбросив Алешу на пол. Беспокойный сон еще не совсем ушел из памяти, а настроение располагало к безрассудной мести. Алеша специфически выругался и ножки у кровати подкосились.
Дверь распахнулась, - на пороге стоял черт Женя и печально-умоляюще смотрел на Алешу. Алеша молча прошел мимо него, нарочно грубовато задев бедром.
В комнате никого не было. Он подошел к окну и прислонился носом к давно не мытому стеклу. Солнце только вставало из-за крыш. Во дворе старый черт

выводил из конюшни дракона. Тот с реактивным свистом ревел в три глотки, его когтистые лапы рыли землю, а огромные крылья гремели точно листы кровельной жести.
Слева, за рекой, начиналось что-то похожее на пустыню. Над рекой поднимались густые клубы пара. Сначала Алеша подумал, что это в кипятке варятся грешники, но присмотрелся и увидел чертячьи хвосты на выныривающих задницах. Некоторые черти повылазили на пляж и продолжили там резвиться.
За рекой на большом песчаном бархане неподвижно стоял жираф. Он печально смотрел на реку и горел красным коптящим пламенем. Потом медленно спустился с холма и удалился в пустыню. Алеша, наконец, решился и задал давно мучивший его вопрос:
- Как-то у вас здесь тихо и в общем-то не страшно, не то, что вчера, когда я зашел в ворота. Здесь, наверное, никого уже не мучают?
Черт Женя обрадовался, что Алеша заговорил с ним:
- У нас тут давно новеньких не мучают, только тех, кто больше тысячи лет отбыл... они привыкли, им мучиться - хоть какое-то развлечение, чем просто бездельничать, зато потом прямо в рай, - черта слегка передернуло на этом слове.
- И чем новенькие здесь занимаются?
- Тем же, в основном, чем занимались при жизни.
"Значит Аленка где-то здесь в лаборатории", - подумал Алеша.
- Нет, она в подготовительной школе, а потом ее направят в лабораторию.
Алеша досадливо посмотрел на ясновидящего черта и отошел от окна.
- Не пора ли нам к Вельзевулу? - спросил он.
- Самое время.
Черт положил свою лапу Алеше на плечо, и они оказались в огромном коридоре, перед дверью с табличкой "начальник отдела кадров".
- Так все-таки мальчиком?! - раздалось из-за двери, - Все хотят родиться мальчиками!..
Голос потише оправдывался:
- Вроде бы я у вас выиграл...
- Ладно, хватит, будешь мальчиком, но из резерва.
Дверь открылась и из кабинета мелкими шажками засеменил пожилой человек в старинном фраке и цилиндре.
Черт Женя просунул голову в комнату:
- Заводить?
- А, давай!!
Черт пропустил Алешу, и тот вошел в зал с подавляющими своей высотой стенами. Далеко вверху под потолком клубились багровые облака. Кровавые блики света метались по стенам. Прямо перед Алешей за каменным столом в гигантском кресле сидел непропорционально маленький чертик. Зато глазами он ел за десятерых. По-видимому, ему только что здорово испортили настроение, но он галантно осклабился. Его лапа безо всяких усилий вытянулась через несколько метров стола, и Алеша вынужден был пожать шершавые пальцы.
- Хм, гм! - откашлялся Вельзевул, - Если не секрет, ключик от кого достался?
- От бабушки.

- Знаю оную. Старушка еще жива или так, по наследству перепало?
- Вы же знаете.
- Меняться будем? На что хочешь.
- Нет, он пока мне самому нужен.
- Ну-ну. Тут недавно поступила к нам, - Вельзевул подслеповато прищурился на листок на столе, - эта, Березняк, Елена Михайловна, - Вельзевул с наглой усмешкой вперился Алеше глаза, - за нее мне ключик и дашь.
- Нет.
Вельзевул озадачено похлопал глазами, но быстро пришел в себя:
- А, я знаю, как нам поступить. Давай по-честному. Мы придумаем по вопросу, и кто вынужден будет сказать "не знаю", останется без ключа и без девчонки. Прямо как в поучительных старых историях. А?
- И вы меня, конечно, вынудите сказать?
- Не, ну ты, елки, сам прикинь! Если бы мог вынудить, то ты бы уже ключ выложил без вопросов.
Алеша задумался. "Если Вельзевул завладеет Ключом, он завладеет и всем миром. Но Ключ он не может удержать без моего добровольного согласия. Значит нужно тянуть время, узнать, как можно больше и действовать. А теперь мои мысли знают эти черти".
- Договорились!
Вельзевул встал из-за стола, подошел к Алеше и сунул лапы за спину:
- Что у меня в правой руке?
- Ничего, - с полной уверенностью ответил Алеша, потому, что позади Вельзевула во всю стену было зеркало.
- Ха-ха! - черт театрально показал Алеше бутылку водки.
- Итак, один-ноль, - ухмыльнулся он, - теперь - твой вопрос!
"Что же делать?" - затосковал Алеша, - "Мои мысли он, конечно, знает... продул я - это точно. Алеша досадливо улыбнулся:
- И зачем я только согласился с вами состязаться?
- Это от большой самоуверенности, - с охотой откликнулся черт, - назад дороги нет, так что жду вопроса.
- Ну какой же я могу вам вопрос задать, если вы мысли читаете? - отчаянно улыбнулся Алеша. Черт подозрительно посмотрел на него:
- Не знаю, не знаю. Я жду.
- Вот мы и квиты, - сразу успокоился Алеша, - сами сказали: "не знаю, не знаю".
- Надо же, - проворчал черт, - что-то часто меня в последнее время... ну, ничего. Если счет ничейный все решает жеребьевка.
- Не такой же я болван... - начал было Алеша.
- Да успокойся ты! присядь!..
Алеша насторожено присел перед столом на неказистую табуретку. Вельзевул откупорил водку одним движением кривого когтя большого пальца и с чертовской точностью разлил по стаканам.
- За справедливое решение наших проблем! Будь здоров, - махнул стаканом черт и опрокинул в бездонную пасть.
Алеша сначала превратил в своем стакане спирт в сахар, а потом выпил приторный раствор.

- Эээх... Чему только бабушка учила, - укоризненно поморщился Вельзевул.
"Чему меня бабушка учила?" - завспоминал Алеша, - "Учила все проекции разворачивать, пространство экранировать. Ах ты черт!"
- Эй!! - успел только вякнуть Вельзевул и оказался в бутылке с остатками водки. Пробка резво наскочила на горлышко и закрепилась. Материться было бесполезно: экран можно снять только извне. Алеша воровато оглянулся и осторожно, чтобы черт там рога не обломал, сунул бутылку в мусорную корзину. Он встал со стола, схватил Аленкино досье и вышел в коридор.
- Что теперь будем делать!? - подскочил к нему черт Женя. Он волновался. Следы его копыт отпечатались по всему коридору, на стенах и потолке.
- Сразу договоримся, я вас тут не ждал и не знаю, что случилось. Один час игнорирования я вам обещаю, а потом ничем не смогу помочь. Уладьте побыстрее ваши дела и оставьте нас в покое.
- Спасибо, Женя! Последняя просьба: Забросьте меня в школу к Аленке.
- Она сейчас не в школе, а сидит на берегу Реки Памяти. В том месте, где в нее впадает Приток Грез, - Женя вздохнул, - она проводит там все свободное время. Удачи!
Алеша оказался на берегу большой реки. Вода была неподвижна как в старом пруду, только легкая рябь стояла будто осенью повеяло. Стволы огромных деревьев поднимались среди высокой слегка пожухлой травы, образуя между собой живописные поляны. Еле слышная невыразимо грустная мелодия заполняла все вокруг, прощаясь со всем навеки прошедшим, с тем, что проходит и с тем, что неминуемо пройдет когда-нибудь.
Тонкая фигурка сидела у самой воды на раскоряченном почерневшем пне, там, где из-под травы в воду протянулась полоса крупного рыжего песка. У ее ног лежала удочка и тонкая леска уходила под воду. Аленка мельком взглянула на Алешу и сразу отвернулась. Алеша сел рядом, в руках у него появилась вторая удочка. Он забросил грузило подальше и стал ждать. У Аленки клевало и на бледном лице появилась бледная тень радости. Аленка потянула удочку и вытащила воспоминание.
- Это же... - пошептал Алеша.
Это была, их весенняя встреча. Тогда они только познакомились, им было весело и хорошо вместе. Аленка снова посмотрела на него, замерла, и в ее печальных глазах отразилось облегчение какое бывает после долгого болезненного сна. Она улыбнулась и, счастливо зажмурившись.
Они сидели совсем рядом и ловили удочками отрывки из детства, их встречи... Истекал час защиты, обещанной чертом Женей, а они все не могли оторваться. И час пробил.
Вокруг взметнулось пламя, и река вскипела с оглушительным стоном. Небеса подперла зловещая фигура... Аленка съежилась у Алеши на груди, а он кричал что-то страшное сразу всему миру. Со всех сторон к ним протянулись ужасные лапы, а сверху начали пикировать безобразные морды. Но все они огибали их, не долетая совсем немного, как от невидимого купола. У Алеши вместе со словами изо рта срывались языки голубоватого пламени, а сам он стоял как каменный и в руке у него блестел золотом выросший до невероятных размеров Ключ. Алеша все время пытался что-то совершить, и от этих усилий видения вокруг на

мгновение блекли, но возвращались с новой силой. Наконец ему удалось: морды заколебались, стали нестрашными, совсем побледнели и растворились под лучами света.
Все кончилось. Они стояли, крепко обнявшись, прямо перед фонтаном в универмаге среди снующих людей, бросающих на них косые взгляды...

Я слегка приподнялся на локтях, желая получить хоть какую-то обратную связь. Инопланетяне молча и не моргая флуоресцировали в темноте.
- Саша, - наконец тихо сказала девчонка как будто пробуя на вкус, - скажи, на Земле все так рассказывают сказки?..
Неужели прикалывается?..
- Это - наша этническая особенность, - соврал я.
- Здорово, - вздохнула девчонка, - В твоей сказке Алеше нужно было попасть в ад, чтобы понять, как ему дорога Алена. Как это печально...
- Кто-нибудь записывал сказку? - озабочено спросил Федя.
Все молчали. Я слегка удивился.
- Магнитофоном, что ли?
- У каждого есть личные регистраторы, - пояснил Федя, - Привычка выключать на ночь оказалась неоправдана.
- Я довольно неплохо запомнил, потом надиктую, - оправдался Шурик.
- Я - тоже, - прошептала девчонка, - я бы даже кое-что добавила, очень важное...
- Так, мы уже здорово припозднились, - Федя несколькими резкими движениями умостился поудобнее, - Итак, внимание! Кошка, гм, сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот, соответственно, и съест!
- Фуууу, - выдохнула с отвращением девчонка.
- Опа на! - обрадовано констатировал Шурик.
- Как вы, однако, неплохо подготовились, - подивился я, - ладно, спокойно ночи, всем приятных слов, цветных, радужных.

На следующий день весь экипаж приступил к итоговому обобщению информации по Земле для отправки каким-то специальным сигналом. Я не смел никому мешать, и девчонка, находящаяся в том же статусе невостребованности, предложила мне прогуляться.
Тонкий слой выпавшего ночью снега крупными искрами переливался в лучах выбирающегося из-за гребня Солнца. Сине-фиолетовое небо, скалы на гребнях с белоснежными верхушками, ясно выписывающимися каждой черточкой, морозный воздух, весь комплекс горной экзотики заряжал бодростью. Лиса, вся взъерошенная на морозе, побежала исследовать новые места.
Я знал, что на этом леднике в старых трещинах можно увидеть очень красивые ледяные узоры, нужно только забраться повыше.
Мы вышли из границ маскирующего облака и не спеша, пошли вверх по леднику к краю глубокой трещины.
- Я все еще не знаю, как тебя называть, - сказал я, - это довольно неудобно... И хоть бы кто-нибудь тебя как-то называл.
- Я еще не придумала, - она с надеждой посмотрела на меня, - назови меня как-нибудь!

Она еле доставала мне до плеча. Густые черные волосы были красиво уложены и подчеркивали нежно розовое лицо, чуть побелевшее на морозе. Она смотрела на меня открыто и с интересом ждала.
- То имя, что мне не удалось выговорить, что-то означает?
- По смыслу это как бы "бесконечная глубина", есть у нас такое слово, но не знаю, как сказать по-русски.
- Бездна? Красиво. Можно я буду тебя звать Бездной?
- Мне бы хотелось, чтобы ты назвал меня земным именем, которое тебе нравится, например, по имени своей девушки, - она посмотрела со своим особенным, уже знакомым выражением, смысл которого я так и не понял, иронизирует ли она или говорит всерьез, - у тебя ведь есть девушка?
- Мы с ней расстались. Поэтому я и пошел в горы один.
Девчонка вздохнула, отметив, видимо, еще одно тривиальное обстоятельство жизни на Земле.
- Ну... хорошо, зови меня Бездной, - разрешила она, явно не очень довольная.
Я был научен, как нельзя потакать женским капризам и мелкому недовольству, да и вообще, зачем делать проблему на пустом месте? Поэтому я твердо и чуть насмешливо сказал:
- Итак, Бездна, я буду привыкать называть тебя Бездной! Кстати, это тоже земное имя.
- Русское?
- Конечно. У нас в городе была спелеологическая группа под названием Бездна и оттуда с нашей альпинистской компанией иногда ходила девушка. Так вот мы ее называли не иначе, как Бездной, и она охотно и с удовольствием на это откликалась!
- Тогда хорошо, - девчонка улыбнулась.
Мы подошли к самому краю трещины и осторожно заглянули в глубину.
Легкий ветерок щипал лицо, но материя костюма очень хорошо согревалась под лучами Солнца и было тепло. Мы присели над краем. Внизу в полумраке, подсвеченном голубовато-зелеными отблесками льда, распушились веточки кристаллов, похожие на морозные узоры на стекле. Из темноты провала сверкал лес причудливых форм. На стене ощетинились иголками ледяные ежики круглых образований. Бездна заворожено глядела и ее лицо стало совсем детским.
- Как красиво! Вообще на Земле очень красиво! - она счастливо посмотрела на меня, - Когда я вышла из модуля, передо мной открылось столько пространства, что я боялась потеряться там и не верилось, что можно идти и никогда не встретить границ мира. А потом меня невозможно было заманить обратно. И даже когда я вернусь на свою планету вряд ли у меня будет такое же чувство какое я испытала здесь. Ведь мне не верилось, что бывают миры кроме корабля.
Откуда-то появилась лиса и по кошачьи принялась тереться о мои ноги. Я почувствовал, что ступни подмерзли.
Мы встали и пошли вдоль трещины. Иногда я бываю дураком потому, что не могу остановиться. И теперь в голову пришел пошловатый анекдот. Захотелось узнать, а не буду ли я убит презрением за него, если выдам прямо сейчас. Подумалось, что любой расклад меня бы устроил, ну и что если еще одна девчонка посчитает меня тупым животным.

- Кстати, про изоляцию, есть не очень этичная, но прикольная история.
- Давай!
- В женский монастырь врываются трое хулиганов: "Сейчас мы вас всех по очереди изнасилуем!". Одна из монашек заслоняет собой остальных: "Насилуйте только меня, а сестер не трогайте!". И тут настоятельница назидательно так: "Сестра Мария, эгоизм - тоже грех!".
Как бы ни был мой голос невинен, но мне вдруг стало очень неуютно. Бездна, конечно, не предполагала, что я рассказываю ей пошловатый анекдот и слушала с серьезным видом. Когда закончил, она в крайнем изумлении взглянула на меня, что-то в ней дрогнуло и она, не удержавшись, рассмеялась. Пронесло, подумалось с облегчением.
- Это был земной анекдот?
- Да, и как хорошо, что ты это поняла!
- Я сообразительная! Да, про изоляцию... и мне кажется, что поняла кое-что про тебя больше, чем ты хотел сказать!
Кошки в моей душе опять выпустили когти.
- Извини, Бездна!
- За что? А... нет, я не подумала о тебе плохо! И тебе вовсе не нужно ожидать от меня какого-то укора или недовольства.
А вот это было прямо как бальзам.
Мы еще немного погуляли и вернулись к маскировочному облаку.
- Лицо начинает неметь от холода. Помнишь, Шурик захотел твою сказку воплотить? Хочешь, покажу тебе эмулятор сюжетов?
Я хотел, и мы, вернувшись на модуль, вошли в новую, довольно большую комнату, пол у которой по краям полого вздымался невысоким куполом и состоял как мозаика из маленьких матовых пластинок, напоминая огромный глаз стрекозы. Я шел как по коже, нисколько не ощущая податливые пластинки под ногами.
Бездна подняла два сидения на несерьезно тонких ножках из пола в центре, мы сели, и я приготовился улететь в экстрим.
- Сейчас увидишь, как живут на родине моей мамы.
Чуть резануло слух. Мне хотелось спросить ее, намерено ли она дистанцируется от своей культуры, но это получился бы целый разговор, а хотелось посмотреть на чудо.
- Я готов!
Мои пальцы вовремя ухватились за сидение, все вокруг всколыхнулось и как-то незаметно мы оказались в дремучем, живописном лесу. Непропорционально толстые коренастые деревья создавали полумрак низко нависающими кронами. Воздух резко изменился, стало теплее, запахло душистой травой и отовсюду полились звуки леса.
Я опустил глаза и увидел под собой старый замшелый пень. Я потрогал его трухлявую кору. Бездна встала со ствола поваленного дерева и подошла ко мне, приминая высокую траву. Она изменилась, не помню уже в чем именно, но красиво вписалась в окружающую нереальность.
- Недалеко есть дом. Пошли посмотрим.
Я осторожно встал и пошел как по пружинящему болоту, ощущая ногами упругие

стебли. Через несколько шагов должен был случиться удар головой о стену демонстрационной комнаты, но этого не происходило.
Мы шли совершенно беспрепятственно и скоро перед нами открылась огромная поляна с речкой. На густо заросшем кустарником берегу стоял очень необычный домик, оплетенный растениями. Никого не было вокруг. С речки повеяло влажным воздухом и ароматом прелых ягод. Я незаметно отломил веточку от куста и повертел ее в руке, изумляясь реалистичности. Черт! как они это делают!?
- Большинство семей живут в лесу, - пояснила Бездна, - но некоторым больше нравятся горы, другим - море, а есть и такие, которые живут в небе.
- Как это в небе?
- А вот так.
Поляна с домиком и речкой исчезла вместе с веточкой из моей руки, и мы оказались на дне глубокого ущелья. Прямо над нами на огромной высоте на тонких блестящих паутинках было подвешено прозрачное сооружение: целая гирлянда домиков на разных уровнях с площадками и переходами.
Бездна опять изменилась, причем даже стала выше.
- А те, у кого нет семьи, обычно живут прямо там же, где выполняют свои проекты, - продолжала Бездна, не переводя дыхание. Виды все быстрее сменяли один другой. При этом никаких заметных действий бездна не совершала.
- Как ты этим управляешь? - изумлялся я, - не вижу ни жестов, ни слов!
- Потом объясню! - она забавлялась производимым на меня эффектом.
Удивительные картины возникали и сменялись новыми, я не догонял, и острота впечатлений быстро выгорала.
- Подожди, Бездна, дай разглядеть! - просил я, но она уже тащила меня в новое место. Наконец мы снова оказались в демонстрационной комнате рядом со стульями.
Бездна заметно оживилась. Она извлекла из пола два похожих на игрушки пистолета и один из них протянула мне.
- Сейчас мы посетим совсем другой мир. Я его сама придумала. Он полон всяких тайн и опасностей!
Я покрутил в руке пистолетик, ощутая нешуточность предстоящего приключения.
- Хорошо! Похоже, теперь моя очередь лучше узнать тебя по твоему творчеству! Тебе нравятся кошмарики?
- Не сами кошмарики, а то, как они заставляют действовать.
Мы оказались в светлом лесу, похожем на сад с ухоженными деревьями, с разноцветными плодами в листве. Безудержная пестрота разливалась повсюду вдоль тропинок с красным песком. Неожиданные по форме птицы парили в синем небе с золотым солнцем. Пронзительные звуки жизни смешиваясь с журчанием ручьев и шумом фонтанов струи которых взлетали высоко к небу и растворялись водяной пылью в воздухе.
Я оценил своеобразный и самобытный вкус исполнения всего этого.
- Очень зрелищно, но несколько слащаво, - я искоса посмотрел на Бездну.
Она преобразилась в нечто вроде земной феи, явно из мультика, и золотые лучи теплыми бликами украсили ее. Я невольно улыбнулся. Интересно, что стало с моей внешностью? Лучше не знать!
Мы стояли по пояс в разреженной траве и пошли по проглядывающим внизу

огромным замшевым корням. Бездна, оступаясь и балансируя, держалась за мою руку пока мы не вышли на узкую хрустящую морскими ракушками дорожку и пошли по ней.
Легкий ветер ласкал лицо и терпкие запахи цветов, к которым еле заметно примешивалось что-то ядовито-сладкое, заставляли чуть придерживать дыхание.
Вдали на дорожке показался необычный предмет. Мы подошли ближе. Это была огромная волосатая рука, оторванная в локтевом суставе. Мерзость какая... Бездна напряглась, сжав мою руку, и мы пошли в сторону по боковой дорожке.
- Ччерт... - меня всерьез пробрало, - Ну у тебя фантазия! Все так детально...
- Это не моя фантазия... Я задала только самый общий контекст и детали отдельных предметов, а сюжет возникает спонтанно, на основе базы множества художественных эпизодов. Я даже не знаю, что с нами будет...
- Нужно освоить этот пистолет. Можно пальнуть куда-нибудь?
- Попади вон в тот плод! - она показала на дерево со свисающими довольно большими бутылками, как раз то, что надо. Я присмотрелся к пистолетику.
- Просто нажимать на спуск? - до бутылок было метров десять, но у меня был немалый опыт.
Из пистолетика вырвалась тонкая огненная нить, пронзившая затрещавший воздух. Вдоль трассы поднялось марево горячего воздуха. Не только та бутылка, в которую целился, но и несколько рядом разлетелись веером ошметьев.
- Слишком массированное поражение, не удобно.
- Переведи указатель мощности у ствола. Хорошо стреляешь, Саша!
Я довольно ухмыльнулся, только теперь обратил внимание на необычную шкалу с выступом и перевел его в среднее положение. Следующая бутылка разлетелась уже в одиночку.
- Ну, я готов к обороне нас!
Мы пошли дальше, я так и держал пистолет в руке, а вся эта красота вокруг стала казаться угрожающей западней. Я почти верил, что летальной опасности здесь быть не может, но это не придавало беззаботности.
Бездна так и держала меня за руку, возможно просто не хотела, чтобы возникла неловкость, когда она ее уберет. Опыта общения с мужчинами у нее явно не хватало или я недооценивал ее естественную непосредственность.
- Такие я еще не пробовала! Подожди-ка!..
Бездна беспечно освободилась и побежала через траву, сминая цветы и оставляя за собой узкую тропинку. Почти уже подбегая, она споткнулась, но всплеснув руками удержалась на ногах.
Она сорвала с низко свесившийся ветки несколько длинных как огурцы и красных как помидоры плодов, понюхала их и хотела вернуться назад.
Что-то помешало ей. Она нагнулась чтобы освободить ногу и потянула что-то вроде грубо сплетенной веревки. Я рванулся, чувствуя беду, и в тот же момент из-за стволов появилась огромная лохматая обезьяна, сгребла ее длиннющими лапами, перекинула за спину как тряпичную куклу и побежала вглубь сада.
На бегу я несколько раз выстрелил поверх голов. Зашипел обожженный воздух и отлетела перебитая ветка. Безнадежно отставая, я бежал за ловкой обезьяной, спотыкаясь о корни, невидимые в траве, поминутно теряя ее из виду и снова

находя, пока не наткнулся на длиннющую стену с небольшим проломом у основания. Туда вел след примятой травы.
Не раздумывая, я нырнул в пролом. Там был совсем другой мир. Меня оглушила тишина багровых сумерек. Под низко нависающими грязно-коричневыми облаками протянулась бесконечная равнина, поросшая колючим кустарником. Справа поодаль тускло горел костер. Рядом угрожающе сгорбились несколько косматых фигур, напряженно ожидая моих действий. Около костра я разглядел навзничь лежащую Бездну в нелепом костюме феи.
Меня здорово сбивал с толку реализм происходящего без малейшего намека на имитацию. Что бы это ни было, я обнаружил, что совершенно безрассудно готов сделать все для ее спасения и
просто изо всех сил побежал, на ходу паля по волосатым фигурам. Воздух с воем разрывало от прожигающих его струй.
Там началась паника. Несколько обезьян упало, но две стремительными зигзагами метнулись ко мне. Одну я каким-то чудом пристрелил влет, поливая с максимальной скоростью нажатия и молясь чтобы заряды не кончились. Отступая от ужасающе верткой твари, споткнулся о что-то, торчащее из земли и полетел на камни. При падении я раздавил какой-то гриб и вонючее желтое облако взметнулось неожиданно плотной, непроницаемой завесой. Я вскочил, натужно кашляя, как мог быстро и оказался прямо перед обезьяной, подслеповато разведшей мохнатые лапы в дыму. Пистолет все еще был у меня в руке, я выстрелил, и обезьяна завертелась на месте, ухватившись лапой за плечо. Проскочив мимо нее, подбежал к костру, у которого лежала Бездна, неудобно подвернув под себя руку, между охапками хвороста. Одежда на ней была изорвана в клочья и на теле виднелись следы ужасных когтей.
Внезапно сверху на скрюченные тела обезьян начали падать черные лохматые птицы. Они сходу вырывали большие куски мяса и уносились вверх, не обращая на меня никакого внимания. Одна из этих тварей вздумала пикировать на Бездну. Я отогнал ее выстрелами и попытался поднять тело, но мои руки прошли насквозь, не встречая препятствия. Я опешил на мгновение и напомнил себе, что это - кино. Все кончилось.
Мы снова были в зале эмулятора, а перед глазами еще стоял роковой сад, злобные обезьяньи морды, а в носу явственно ощущался запах грибного дыма. Бездна сидела на стуле и, мне показалось, насмешливо смотрела на меня. В этот момент я сравнил ее с тургеневской Бабебибобуой из рассказанной вчера сказки. На ней не было ни царапины, а вот я довольно болезненно ощущал те места, на которые свалился и то, что мое падение было самым что ни на есть взаправдашним нисколько не сомневался.
- Ну, как? - спросила она участливо.
- Очень круто для начала!.. И жутко...
Я никак не мог прийти в себя. Сердце все еще колотилось в груди. Наконец дыхание успокоилось.
- Я слишком поверил...
Неужели эти жестокие сцены нисколько не трогают ее? Или уже так привыкла, что воспринимает как обыденность? Если бы у нас сделали какой-то приключенческий фильм с такими кровавыми подробностями, то авторов бы

распяли. Нельзя же людям так привыкать к жестокости...
- Из тебя бы вышел неплохой медик-хирург, - я смотрел в бездонные глаза Бездны, надеясь увидеть что-то утешительное для моих предположений.
- Нет уж, Гена пытался меня приобщить, но я не выношу вида реальных ран, - Бездна подошла, смешно ткнула меня своим маленьким длинным пальчиком в грудь и я невольно напряг мышцы, - Одно дело понимать, что это - просто кино, другое - что это - реальность, - она снова ткнула меня в грудь и мне начало это нравится, если еще раз так сделает, у меня будет моральное право дружески обнять ее, - У вас в сказках для маленьких детей постоянно кого-то убивают. У вас домохозяйки спокойно разделывают органы крупных животных, но кричат при виде раздавленной мышеловкой мыши. Все это - привычки. Новый тычок пальчиком сопровождался неотразимой улыбкой. Я уже совершенно естественно воспринимал ее черты лица и понимал мимику. Обнять так и не посмел и правильно сделал.
Сказанное разумно объясняло, у меня не оказалось возражений. Получается, что я невольно побыл ханжой, так что с облегчением выкинул из головы свои параноидальные мысли.
- Ты обещала объяснить, каким способом управляла кинозалом.
- Ах, да. Когда мы мысленно проговариваем слова, то возникают определенные сигналы в мозге. Хотя там очень много всяких сигналов, но есть способ распознать словесные сигналы в этой каше, что и делают маленькие устройства в ушах. Распознанные слова уточняются по их смыслу, и если это команды, то выполняются. Это могут быть сообщения для кого-то из нас. Устройства выполняет много разных функций, они стали частью наших ушей, поддерживая связь с кораблем, который занимается распознаванием слов и команд. Если захочу, я могу услышать очень тихие звуки, даже как стучат электроны под лучом солнечного света.
- Понял... круто очень!
- У нас есть и другие био-устройства, некоторые вживлены в мозг.
- Как нам далеко до вас...
Отношение к столь оснащенному организму Бездны радикально изменилось и требовалось время на то, чтобы к этому привыкнуть.
Бездна почувствовала это и улыбнулась мне, так, что вдруг возникла более полная эмпатия, чем то, на что я привык обращать внимание: она поняла мое смятение, то, что ее харизма несколько поблекла и передавала мне пожелание побыстрее прийти в себя. Или же я начал уже чувствовать то, чего нет и в помине, что совсем не удивительно, многие бы просто спятили на моем месте.
- У нас сегодня еще куча времени, если хочешь, покажу тебе наш спортзал.
- Начинаю привыкать к нескончаемым чудесам, пошли!

Огромный спортзал в длину был раза в три больше чем в ширину. Было удивительно, что для спускаемой на несколько месяцев группы не пожалели такой спортивный зал.
Назначение многих вещей здесь казалось вполне понятным. В дальнем конце четверть всей комнаты занимал батут, натянутый над полом. Ближе оказалось, что это не сетка, а гладкий до блеска хорошо пружинящий материал. Над ним с

потолка, в несколько рядов свисали толстые канаты, похожие на лоснящиеся макароны. Около батута комнату пересекали две довольно широкие полосы, состоящие из пластинок, точно таких же как в демонстрационной комнате. В противоположной части зала нависали непонятные кабины, может быть центрифуги для перегрузок? Нет, слишком большие. Я озирался как гладиатор, которого впервые вывели на арену потому как отчетливо понимал, что просто осмотром не отделаюсь.
- Транспортеры для бега и прыжков, - Бездна показала на полосы и встала на одну из них. Перед ней в воздухе появились какие-то значки, а пластинки превратились в кусок лесной тропинки.
Она сделал несколько шагов, но несмотря на это осталась на месте, а тропинка ушла назад.
- Побежали!
Я ступил на другую полосу и шагнул вперед. Участок пола под ногой синхронно смещался так, что получался естественный бег. Меня сопровождал негромкий звук, который становился тем выше и ритмичнее, чем быстрее я бежал. Передо мной в воздухе замелькали строчки значков. Звук у Бездны был выше моего. Я поднажал, Бездна тоже. Я вложил все свое умение и опыт и вскоре мой свист стал тоньше. Бездна начала сдавать, выносливости ей не хватало. Мы остановились.
- Меня еще никто не обгонял! - смеялась она, прерывисто дышала, - А ты опередил метров на двадцать!
- Я же борзый дикарь!
Она подошла к батуту и, подпрыгнув, ловко кувыркнулась через край. Акробатику я очень не любил, точнее у меня с ней было совсем плохо. Спустя мгновение Бездна взвилась в воздух как подброшенная лягушка, потом спикировала вниз, вращаясь вокруг оси, кувыркнувшись в последний момент, она оттолкнулась вновь и улетела к потолку, проделывая фигуры высшего пилотажа. Это было бы очень красиво и грациозно если бы только она не так суетилась. Я видел перед собой заводную игрушку, без устали выделывающую головоломные трюки, не доступные никакому нормальному человеку.
- Перед Сашей красуется! - услышал я знакомый ехидный голос и обернулся. В зал вошли Джон с Васей. В руках у них были небольшие мячи.
В тот же момент послышался глухой удар о потолок, и я увидел, как Бездна летит вниз, неестественно размахивая руками. Она неудачно врезалась в край батута, застонала и осталась лежать.
Я тут же оказался рядом. Она, побледнев, держалась за руку. Мы с Джоном осторожно спустили ее на пол. Бездна молчала, переживая боль. Я взял ее почти невесомое тело на руки.
Гены в своей комнате не оказалось, и Вася вызвал его. Джон прикоснулся к голове Бездны круглым предметом, и я увидел, что ей стало легче.
В комнату ворвалась Наташа:
- Что случилось?
- Прыгнула слишком высоко, - Бездна раскаянно вздохнула, - стукнулась головой о потолок и упала на руку.
В комнату зашел Гена и грубовато попросил нас всех свалить.

- Саша, пойдемте с нами, - предложил Джон, подавая мне мяч, - ее скоро починят. Я настолько не сомневался в этом.
Меня сразу увлекла игра, и я отметил про себя, что мне попались на редкость приятные партнеры. По правилам у каждой пары был мяч. По сигналу нужно было попасть этим мячом в уворачивающегося противника. Это было похоже на наши дворовые вышибалки. С изворотливостью в них у меня полный порядок. Правила были простыми, и все решала ловкость и взаимодействие со своей командой. Но сейчас я был один против двоих потому как при другом раскладе слишком быстро выигрывал, а вдвоем они в меня иногда попадали.
Вскоре как ни бывало вернулась Бездна, судя по всему, ее больше ничто не беспокоило.
- Так быстро починили? - удивился я.
- У нее в руке временное крепление, - пояснил Гена, - прочнее, чем было.
Она взялась играть на моей стороне против Джона и Васи. В нее, казалось, попасть было невозможно, а от моих резких бросков никто не мог вовремя увернуться и оставалось только потирать отбитое мячом место. Конечно же, мы раз за разом выиграли. Бездна бесновалась от души и все больше поражала меня своей грациозной гибкостью. Беззаботные как дети инопланетяне совершенно не вязались с образом вдумчивых и суровых исследователей космоса.
Мы вволю наигрались, но мое любопытство не иссякло.
- Что там за большие кабины? - спросил я.
Инопланетяне переглянулись и слегка замялись.
- Мне еще рано? - подсказал я.
- У тебя просто еще нет нужных имплантов, - Бездна вздохнула, - а жаль, было бы очень интересно.
Но я порадовался за такую отмазку, даже не пытаясь представить, что там ждало бы меня. Зато назначение свисающих макарон прояснилось, ностальгически напомнив детские игры, хотя это оказалось покруче наших "догонялок выше земли". Да, это были догонялки, и ведущий имел право ухлопать любого, кто оказывался висеть ниже его. Эластичные макароны держали лучше канатов и позволяли легко перепрыгивать на соседние. Но мы их проигнорировали, потому что закономерно возник непреодолимый аппетит.
На этот раз тишины потаенных разговоров не было, все были чем-то возбуждены и шутили, даже молчаливый Полифем отпускал очень даже остренькие шпильки, судя по смеху окружающих. Но я не расслышал сути издалека. Только заметил, как Полифем изредка поглядывает на Бездну. Не распознать этот взгляд было невозможно. Мне захотелось уверить его, что он напрасно меня воспринимает как возможного соперника и даже стало немного смешно от этой ситуации, настолько я не подходил для той роли, что он вообразил себе.
Я еще раз взглянул на Полифема, стараясь быть как можно дружелюбнее, и во мне даже шевельнулось что-то вроде неприязни к Бездне. Полифем вдруг посмотрел прямо на меня, и я не успел отвести глаза. Но взгляд его оказался прямым и добрым. Он подмигнул мне совсем поземному. Молодец, мужик, что тут скажешь, или я вообще не верно распознаю ситуацию. Тогда я пытался еще мерить их по себе и был безнадежно далек от истины...

После еды меня подвергли непередаваемому по накалу чувств опыту. Вера, освободившийся от подготовки данных для передачи, предложил мне испытать свои базовые стили поведения без вмешательства воли, но с пассивным осознанием происходящего, короче, отпустить свою примитивную сущность с поводка контроля сознанием.
Это проделывалось все в той же комнате кино-эмулятора, но с диском на моей голове, подавляющим произвольность. И я ощутил в себе зверя, непосредственно реагируя на происходящее, а меня провоцировали самыми разными сюжетами. Прежде всего, я ощутил необыкновенную ясность и остроту восприятия, не заслоненную словами и смыслами, а, кроме этого, свободно реализовались мои ничем не сдерживаемые повадки.
Не думаю, что он меня просто хотел развлечь, а, видимо, пожелал выяснить мои глубинные мотивации. Это куда действеннее детектора лжи под сывороткой правды.
В какой-то момент возник эпизод с Бездной, не настоящей, а какой-то суррогатной, но от этого нисколько не менее впечатляющей. Эта Бездна меня провоцировала довольно откровенными позами. То, что я обезумел от похоти и набросился на нее со всей силой своего физического превосходства, было для меня отвратительной неожиданностью.
Вера вовремя пощадил меня и прекратил сцену, но это ощущение осталось во мне беспощадно ярким так, что я старался гнать ошеломившее воспоминание. В моем отношении к Бездне что-то изменилось, как это бывает после потрясающего сновидения, и потом я не раз подумал, насколько с определенной целью это было проделано. В тот момент мне было ужасно стыдно, но Вера принялся убеждать меня, что и не такое бывает, что это - нормально, а главное - мое осознанное отношение к этому. Он даже извинился за явную провокацию.
- Вера, ты же не станешь показывать это другим?..
- Можешь бы уверен. Да и ты забудь, это было твое сновидение, очень личное и абсолютно не подходящее не только для рассказа другим, но и для собственных воспоминаний. Все это, как у вас говорят, врачебная тайна.
Однако мне он не предложил ничего, что могло бы помочь позабыть это. Ну, хотя бы затереть мою память, ведь забыть такое было невозможно.
В коридоре, когда я шел по указателю к выходному терминалу чтобы проветрить разгоряченную голову на снегу, попался Федя и предложил мне оценить его прогресс в шахматах, в то время остальные продолжали готовить отчет о Земле. Тоже неплохой отвлекающий вариант. И мы пару часов зависали над шахматным экраном.
А потом я опять оказался с Бездной вдвоем. Наверняка она заметила, что мне было не по себе рядом с ней. Ее лиса свернулась клубком у ног и тихо посапывала. Бездна держала в руке узкий флакон с малиновой искрящейся жидкостью и пила прямо сквозь стенку мелкими глотками. Мы молчали. Я мучился тем, о чем же с ней заговорить после эпизода с Полифемом и своего тестирования. Казалось, она ощущает мое состояние и намерено не щадила хоть каким-то началом разговора. Наконец, прорывая тягостную тишину, я выдал:
- Возможны, наши расы слишком различны. Настолько, что взаимные попытки

что-то разведать боем, даже самые доброжелательные, могут причинять совсем не то, что хотелось.
Она напряглась, вслушиваясь.
- Это слишком многозначительно для меня, - призналась она.
Черт, в самом деле, чего я умничаю...
- Да, извини, мне просто очень не хочется сделать или сказать что-то нехорошее ненароком...
- Саша, расслабься!.. Мне кажется, ты придаешь слишком большое значение мелочам. Пусть каждый берет то, что может из происходящего. Я знаю, что ты не враг. Я наю, что ты все делаешь из самых лучших побуждений. Что еще нужно?
- Спасибо. В самом деле, мне нужно перестать психовать, - я улыбнулся.
- Да, ты можешь быть со мной совершенно свободным, без всяких глупых мыслей! - беспечно заявила она, - Можешь говорить о чем угодно, я уже не маленькая, сумею понять!
- Точно? - я недоверчиво ухыльнулся.
- А ты попробуй! - она тоже улыбалась мне, но совершенно беззаботно. Дети все такие вот самоуверенные.
- Ну хорошо, знаешь... мне вот интересно, например... ты уже так долго живешь в полете, понятно, что здесь все для тебя как одна семья, но обычно в норме все девочки имеют какие-то предпочтения среди окружающих мужчин...
- О, да! Тем более, что я уже не девочка! - она рассмеялась.
- Извини, вот видишь...
- Нет, все нормально!
Опять возникло молчание, похоже, только с моей стороны напряженное, а с ее - некое развлечение. И опять я сделал усилие раскрепоститься и спросить то, что приходит в голову и, значит, то что мне интересно:
- А с какого возраста у вас принято оформлять официально отношения между мужчинами и женщинами?
Бездна глотнула сока.
- У нас ничего такое не оформляется, - наконец ответила она, - просто люди решают жить вместе и все.
- А когда одному из них надоест жить с другим, например, он влюбился еще в кого-то?
- Если люди больше не хотят жить друг с другом, они просто не живут вместе.
- А если только одному надоело, а другой его не хочет отпускать?
- По-честному так не бывает. Это означает, что один обманывал другого. Но, мне кажется, всегда же можно решить, как сделать, чтобы никому не было слишком больно.
Похоже, мне не удается высказать то, что в самом деле хотел бы прояснить. Она точно не была столь же наивна, как обычно земные девушки. Но, возможно, именно моя наивность не позволяла дотянуться до достаточно полного взаимопонимания.
- Вот смотри, - взяла тему с вои руки Бездна, - ты говоришь, что вы расстались со своей девушкой. Это значит, что вы не были достаточно близкими, что делает практически невозможным вот так взять и расстаться. Это - этика отношений, которая в нашей культуре довольно ясно и полноценно определена.

- А ты могла бы мне рассказать про эту этику?
- Любая этика постигается постепенно на основе уже имеющегося. Мне резонно посоветовали о некоторых вещах с тебой не беседовать пока что. Просто так сразу не получится понять. Но когда ты многое узнаешь, скорее всего и сам поймешь, или потом я обязательно расскажу.
Итак, меня грамотно вернули к питекнтропскому уровню, поставили опять на место, типа когда-нибудь поумнеешь и поймешь, тогда и поговорим. Но невозможно научить культуре обезьяну, выросшую в диких джунглях, максимум получится тупой Маугли. Выходит, у меня не было шансов. И я решил, что раз терять нечего, побыть грубым питекантропом с прямыми незатейливыми вопросами. Как гора с плеч.
- Просто скажи, у вас девушка свободна сама решать когда начать жить с мужчиной?
- Нет! - Бездна засмеялась, - Она сначала должна освоить суть гендерных социальных отношений, кроме того, многое узнать об особенностях своего организма. И парень тоже. Ну, что еще рассказать? Спроси меня теперь, как в ваших фильмах, любила ли я когда-нибудь?
- Любила ли ты когда-нибудь? - не моргнул я.
Бездна вдруг растерялась и порозовела. Она помолчала немного, потом посмотрела мне в глаза.
- Я знаю, тебе кажется, что я - еще маленькая девочка!.. Я любила Полифема.
О! не такая уж я глупая обезьяна. Я вздохнул с глубоким удовлетворением, обретая устойчивость понимания.
- Знаешь, мне кажется, что он и сейчас к тебе неравнодушен!
- Знаю. Он мне всегда казался таинственным и очень хорошим. Это было очень раннее, ничем не поддерживаемое чувство, не то, что позволяет надежно оставаться вместе... Когда мы прилетели на Землю многое изменилось. Появилось столько новых впечатлений... и сейчас я понимаю, насколько было иллюзорно то мое отношение, просто мне нравились его привлекательные черты, без необходимости быть близкими. Даже не могу сейчас сказать, что именно мне в нем нравилось. В общем, я тоже многое еще не понимала... наверняка все еще не все понимаю. Мне до специальных знаний Веры еще очень далеко... Сейчас я даже не знаю, за что же именно мне нравился Полифем... А ты расскажешь мне про себя чуть больше, чем "мы расстались"?
- Со мной все очень просто. Я тоже начал влюбляться не из-за того, что знал человека, а так решал мой организм, чуть ли не с самого рождения. В первый раз мне понравилась девчонка из нашего детского садика, которую приводили всегда в красивых бантиках. Потом в пять лет я смертельно влюбился в одну мамину подружку с большими зелеными глазами. Когда она приходила я сразу вешался ей на шею. Однажды она привела свою капризную дочку и любовь пропала. В школе я влюбился сразу в двух. Одна была лучшей ученицей в нашем классе, а другую привозили на лето гостить во время каникул так, что мое влечение было сезонным. Потом я стал студентом и почти каждый год сменялся восторгами и разочарованиями. Когда кончил институт мне пришлось три года работать в высотной радиолаборатории в горах. Там людей было мало. А в городе познакомился с одной девушкой, но у нас с ней вечно случались

разногласия.
Помнишь, мою сказку про Алешу и Аленку, как они вначале ссорились, а потом, пройдя сквозь необычайные приключения, увидели, что нужны друг другу? Я мечтал, чтобы со мной и моей девушкой хоть что-нибудь случилось необыкновенное, но все тянулось глупо и никчемно. Недавно мы окончательно поссорились из-за очередного пустяка, это было так легко, что сейчас я даже не знаю, за что же она мне нравилась.
Бездна улыбнулась тому, что я передразнил ее концовку. А я остро чувствовал, что мы с Бездной слишком заинтересованно говорим друг с другом, но мне это было приятно и ничто этому не мешало.
- Мне кажется, - продолжал я, - что сильно полюбить человека можно только тогда, когда с ним связано переживание, заставляющее проявлять такие черты характера, которые открывают истину о человеке. И тогда люди видят настоящее и верят друг другу.
- Все куда сложнее, Саша. Я могла бы тебе объяснить кое-что из человекологии, что именно делает людей близкими, но мы с тобой сегодня слишком увлеклись, не спеши так с выводами, ты еще многое не учитываешь, просто у вас наука еще не дошла до этого! Я твердо обещаю тебе все постепенно рассказать.
Это прозвучало как очень оптимистичный намек, что у меня как бы будет время на постепенное возвышение, прохождение всех этапов моего развития. Возможно, у меня впереди интересная жизнь!
Бездна подняла на меня глаза и восприняла мое настроение. Ее розовое от недавнего смущения лицо было удивительно красивым. Мой взгляд помимо воли смягчился и ее - тоже. Это было так угрожающе многообещающим, что я мысленно прикрикнул на себя... Ведь опять это влечение возникает не из-за того, что мы хорошо узнали друг друга и полностью доверились как самому себе, а по каким-то внешним привлекательным качествам. А, значит, это - опять неправильно. Я вздохнул и усмехнулся.
- Да, ты права!
Бездна улыбнулась. Напряжение между нами почти исчезло.
- Хочу, чтобы ты послушал нашу музыку! - она оставила сок на столике, и мы вышли. Лиса сунулась было за нами, на Бездна задвинула ее морду обратно и дверь непроницаемо затянулась. Оказывается, на модуле была специальная комната чтобы слушать музыку. Звук там был изумительно чистым и, казалось, ничем не ограниченным.
Всякий раз, когда Бездна запускала на пробу очередной фрагмент, возникало ошеломительное погружение, и казалось, что сама по себе музыка не способна так воздействовать, а есть что-то еще. Ни в каком зале на любых концертах не было такого ясного, чистого и наполняющего восприятия.
- Знаешь мне далеко не каждая музыка нравится, я привередлив, но здесь такое удивительное качество звучания, что любая музыка завораживает, очень необычно! - признался я.
Может быть, Бездна не случайно выбирала мелодии попроще. Даже не поняв до конца, я проникался рисунком ярких и живых звуков, наполняющих все внутри. Они не охватывали основными тонами широкий спектр частот, но были невыразимо богатыми. Невозможно было выделить какие-то отдельное

инструменты, звуки могли окрашиваться так, как это нужно мелодии. Они завладевали вниманием сразу, удивляли и очаровывали. Я понимал, насколько сложным должно было быть исполнение, где красота, казалось бы, простой мелодии достигалась огромным многообразием музыкальных приемов, тонкой передачей различных оттенков, как бы подстрочным текстом к основной мелодии. А если бы я еще воспринимал то, что связано с теми или иными звукосочетаниями, которые узнаются и уже имеют некое значение...
Это было необъяснимо. По-настоящему новая и хорошая музыка не воспринимается сразу, ее нужно прослушать несколько раз в разное время и тогда начинают выделяться удачные фрагменты, пониматься их красота, связываясь с чем-то приятно переживаемым во время прошлого звучания. А здесь такие фрагменты звучали сразу с завораживающим значением.
- Вот эта музыка мне очень нравится и никогда не надоедает, - Бездна запустила новую мелодию.
Я уже немного привык к воздействию и постарался слушать и понять, что именно могло понравиться Бездне, и уже то, что это нравилось ей, окрашивало восприятие высокой значимостью.
Мы слушали довольно долго и разнообразие мелодий не давало устать. Наконец Бездна посмотрела на меня, и я сообразил, что пора бы и остановиться.
- Ну вот, еще одно ваше недостижимое, потрясающее достижение!.. Я сделал немало звуковых усилителей мощности и самодельных колонок, понимаю, что главное даже не они, а точная передача звука, но никогда и близко не подходил к такому качеству звучания.
- Начинай привыкать, что это теперь и твое тоже, - ласково улыбнулась Бездна.
И тут возник отложенный, но интригующий вопрос.
- Бездна, прости если некстати, понимаю, что еще не время, но хочу спросить главное насчет сневера.
Она совсем поземному всплеснула руками.
- Нас прямо несет в эту сторону!
- Да?.. - я начал что-то смутно подозревать. - Мне сказали, что это представляет определенную опасность, но, кажется, что все время мое поведение по отношению к любой возникающей опасности было достаточно разумным, что не дало повода ей проявиться, раз ничего плохого не произошло.
Бездна звонко рассмеялась и поправила прическу, в точности как это делают все девушки на Земле, когда рядом есть кто-то им не безразличный.
- Эта опасность не прошла, а наоборот стала еще актуальнее. Кто знает, что будет? Хочется думать... В общем, хоть я ничего такого не опасаюсь, но сейчас не возьмусь тебе объяснить, что такое сневер. Только не воспринимай это как недоверие или недооценку твоего понимания! - она виновато улыбнулась мне, протянула пальчик, чтобы шутливо ткнуть в грудь, но не сделала этого.
Я хрустнул суставами в сжатом кулаке и заставил себя расслабится. Мы вышли из комнаты.
За дверью нас перехватил Гена. Выяснилось, что многие освободились и он предложил всем, кто закончит со своими делами выходить на скальную тренировку. Это было вполне кстати.
Через несколько минут я разбирал в палатке снаряжение.

Я давно заметил, что тот, кто хоть раз попробовал заниматься скалолазанием, неизбежно увлекается этим. Инопланетяне быстро вошли во вкус. На скалах все демонстрировали согласованность и взаимопонимание. Это уже на второй тренировке! К нам подходили те, кто освободился от работы, им сразу находилось место.
Я отмечал тех, кто всерьез набирает навык, и тех, кто просто проводит время как на аттракционе. Самыми целеустремленными были Федя, Шурик, Вася, Вера, Гена и, конечно, Бездна. Она лазила лучше всех, но и была столь же безрассудной как Шурик, предпочитая рискованные пути. Предвидя ее неожиданные действия, я старался сам страховать ее почти невесомое тело.
Мы так увлеклись, что не заметили, как подступил вечер и только все еще сине-фиолетовое небо освещало загороженное горным гребнем снежное поле. Только когда тренировочная стенка вся до верхушки погрузилась в тень, мы с сожалением вернулись на модуль.

За ужином Джон сказал, что сегодня ночью будет послан отчет о Земле. Я видел специфическую радость, охватившую экипаж, такую же как бывает у солдат перед демобилизацией, и понял, что это означает скорое их возвращение. Причем, домом они считали свой межзвездный корабль, а не далекую планету, до которой лететь еще много лет.
Легко было вообразить, что если даже модуль был так тщательно и комфортно оборудован, то насколько круче был главный корабль. Несколько месяцев на Земле они воспринимали как временную командировку, и несмотря на то, что Земля была обширно неохватной и интересной, главный корабль оставался несоразмерно более желанным. Похоже для всех, кроме Бездны.
- Дембель? - спросил я с торжественной улыбкой Джона.
Он непонимающе поднял глаза.
- Ну, так у нас солдаты называют возвращение домой.
- А, да, точно! - разулыбался Джон.
Мне стало грустно, что все так быстро кончается и как-то завял оптимизм моего возвышения, так легко обещанного Бездной.
- А можно мне посмотреть ваш отчет, так сказать самым что ни на есть заинтересованным взглядом?
- Конечно, Саша, мы даже приготовили специальную версию для тебя.
За ужином со мной рядом сидел Вера. Отрешенный от всего, он все внимание уделял еде. Казалось, что каждый проглоченный кусок он провожает мысленным взором, заботливо укладывает на дно желудка и приступает к следующему. Когда мы допили неизменно великолепный сок, которого я никогда не смогу отведать на Земле, он очнулся и обратил внимание на мир, а так как прямо перед ним сидел я, то начал с меня и, конечно же, своей эмпатией проницательно извлек суть моих переживаний.
- Саша, что, грустно перед расставанием?
- Ну... есть такое. Я столько узнал о вас всех. Вот сейчас было так поучительно наблюдать, сколько значения ты придаешь еде, - я улыбнулся.
- Не только еде, - Вера философски поднял вверх указующий перст, - Мне

приходится осознавать весь процесс... использовать все резервы, чтобы не оказаться на грани болезни. Нужно продержаться до возвращения на корабль в форме, а там я сменю себе желудок и буду как новенький.
- Ты так просто об этом говоришь!..
- Чему тут удивляться? У меня только вот желудок да некоторые отделы мозга остались от младенчества, а все остальное - давно пересаженное.
- От кого пересаженное?
Вера понимающе посмотрел на меня и улыбнулся.
- Эти органы были выращены по генетическому коду, содержащемуся в моих клетках. Так что это мои собственные органы. У нас многие в экспедиции обновлялись - это обычная процедура.
- А почему Вася не избавился от своего шрама?
- Не хочет. Это старая память о том, как он один остался в живых после катастрофы. А вот Наташа как вернется, пригладит свои морщинки и станет краше дочери.
- Интересно, какая у вас средняя продолжительность жизни?
- Как правило, человек у нас существует пока несчастный случай не сделает невозможной дальнейшую регенерацию. Или до тех пор, пока багаж личного опыта станет несовместим с новыми представлениями вокруг и сделает невозможной востребованную социальную активность.
- Мой случай.У меня никак не совмещается.
Вера радостно хохотнул.
- Да ладно! С тобой будет все очень даже прекрасно.
- Придется поверить тебе! - я улыбнулся, - А что случается с теми, кто дошел до черты?
- Обычно такой сам решает уйти из жизни - как уже не соответствующий ей. Когда нет социальной отдачи, когда ты уже не нужен, жизнь теряет смысл. Бессмертие и смерть отдельного индивидуума - понятия достаточно неопределенные. Смерти не придается такое большое значение, как у вас в культуре. Никто не пытается во чтобы то ни стало продлевать жизнь своего тела, это бессмысленно.
- ??
- Тебе трудно будет понять потому, что это - слишком нетривиальные представления... Ну, вот, один и тот же человек в течение своей жизни может не один раз менять свою индивидуальность, то есть становиться практически другой личностью. Это означает в каждом случае смерть прежнего индивидуума, хотя тело продолжает жить. А человек изменяется неизбежно под влиянием факторов социальной среды. Он сам - продукт этой среды. Сознание, образ мыслей, поведение - все составляющие каждой личности сложились в ходе развития сознания в данном социальном окружении и тут мало что зависит от генетических особенностей. Принцип осознания - один для всех живых существ, обладающих личностью.
- Очень интересно.... А при замене тканей мозга человек не становится другим?
- В случае полноценной замены со всеми связями достаточно самостоятельного участка мозга, человек ничего не заметит.
- Хотел бы я во всем этом разобраться... У вас ведь уже создан искусственный разум, я видел устройство для схемотехнических работ...

- Даже наши синтетические уборщики имеют сознание и разум. Это в принципе не такая уж сложная система адаптивности.
- Из-за увеличенной продолжительности жизни у вас не возникает перенаселения?
- У нас много мест, где очень нужны новые люди.
- А у вас есть дети?
- Две девочки.

Вечером в палатку я вернулся с очередной группой ночных экстремалов и внеочередной Бездной, и я учел именно ее присутствие. На этот раз в голове возникла не заготовленная заранее, а как-то сама возникшая довольно странная и суровая история, почти притча. Только утром я сообразил, почему такое пришло в голову. Вот что я рассказал.

Было это в старину, в глубоко чтившем традиции селе. Как обычно такое бывает, молодая и красивая девушка давно приглянула себе парня, но отец мечтал выдать ее за богатого попа, который настойчиво этого добивался. Девушка и ее парень давно уже без памяти любили друг друга. Естественно, ведь их избы стояли рядом, и они общались с детства. Вместе ходили работать в поле, вместе возвращались поздним вечером. Девушка жила с отцом и бабкой. Когда за нее посватался поп, те не знали от радости что делать и, конечно, ни о каком другом женихе и слышать не желали, а девушке строго наказали даже близко не подходить к ее парню, хоть и соседи. Был жесткий, но тихий домашний скандал, были горькие, но с обреченным смирением слезы.
Все же, однажды ночью она выбралась потихоньку во двор, осторожно, чтобы собаки не залаяли, прошла околицу, ушла полями и, преодолевая страх, углубилась в лес намного дальше, чем обычно заходила по малину. С тех пор никто ее не видел.
Отец посуровел и стал необщительным, бабка как-то сразу постарела, а поп кротко вздохнул и перекрестился.
Как-то парень пошел в лес за дровами. Вернулся в село он только на третий день весь оборванный, отощавший, исцарапанный, еле на ногах стоит и за задние лапы убитую волчицу держит. Рассказывал он, что встретил в лесу ту пропавшую девушку. Она к нему ласкаться стала, да только как-то странно: глаза голодным звериным огнем пылают, пальцы на руках дрожат и улыбка больше на оскал похожа. Парень испугался и начал ее от себя отстранять, а она от этого еще только больше бесится. Начала ему когтями кожу рвать, а когда кровь увидела - совсем обезумела. Он отшвырнул ее прочь, хотел было убежать, но так и прирос к земле, когда увидел вместо девушки лохматую зверюгу. Сразу понял, что это ведьма. Он ее бил подвернувшейся палкой, а потом душил пока она не перестала его царапать, шипеть и извиваться. Выбрался из лесу только на третий день, так в голове все перепуталось.
Кончил парень рассказывать, а самого в дрожь бросает.
Все, кто внимал таким подробностям был в ужасе, в лес уже даже на опушку за малиной ходить стало боязно.
А парень, наоборот, часто стал в тот лес ходить, и подолгу там оставаться. Все

говорили, что в нем остались ведьмины чары, сторонились его и ни о чем не заговаривали. Поп крестил его издалека вслед и святой водой старался исподтишка обрызгать. Его мать места себе не находила.
Однажды решилась она и пошла незаметно вслед за сыном. Долго шла в лесу, прячась в кустах. Наконец они вышли к большой поляне. На ней мать увидела маленькую избу, и сын ее вошел туда как в свой дом. А потом выходит он и на руках держит ребенка, а следом из дверей та девушка появляется, что ведьмою в селе прослыла. Сели они на поваленный ствол и ничего им больше на свете не нужно было.
Мать смотрела долго, потом вздохнула, улыбнулась своим мыслям и ушла, никому ничего не рассказав об этом.
Все, можете ругать, что так коротко. Добавлю только, что все эти живописные детали, которые рассказывал селянам парень, придумала девушка потому, что все время об этом думала и в ее голове и не такие ужасы возникали.
- Как печально, Саша! Чего это ты? - спросил Вася.
- Навеело...
Все некоторое время молчали.
- Наверное это даже не сказка была, - продолжил оправдываться я, - сюжет возник после кинокошмара в зале эмуляции.
Лунный свет проникал в палатку, и я видел, как справа лежала с открытыми глазами Бездна. Я уже привык к тому, что у нее глаза светятся в темноте. В своем скафандре она была как кукла, и черные кукольные волосы, переливаясь, струились через край капюшона, а бледное лицо с уже привычными чертами застыло в тревожном раздумье.
- Когда дети вырастут, смогут ли они уйти к людям? - чуть слышно и рассудительно вымолвила Бездна, - ведь девушка так любила, что согласилась уйти из дома, считаться в селе ведьмой, и больше никогда не видеть людей.
Я не ожидал, что моя история вызовет какие-то размышления. Джон недовольно хрюкнул.
- Да они просто не думали о таких далеких последствиях. Но тут интересно то, как убежденность в ценности быть вместе превысила все остальное.
- А может быть факторы сневера вовсе не настолько определены... - встрял Вася и даже привстал на локтях, но замолк как отрезало.
Меня это насторожило, и мое параноидальное воображение уже подставило меня в уравнение с их неизвестными.
- Вы слишком драматизируете, это же была просто вечерняя сказка! - принужденно хохотнул Джон, - А давайте-ка я вам сейчас, - многообещающей украдкой продолжил он, как мне показалось, излишне поспешно, явно желая изменить направление мыслей, - расскажу один странный эпизод из моей жизни, почти без вранья. Чтобы у нас не только Саша был сказочником.
- Прикольно! - оценил Вася.
- Ну, раз я облажался, - сказал я, - то исправьте ситуацию.
Джон собрался с мыслью и выдал.

Однажды мне соблазнили экзотическими прелестями отбыть смену в новом заповеднике, и я доверился верным друзьям. Там все разумное, даже растения,

это просто рай, говори они, нужно только навести порядок после ошалевших от свалившегося на них счастья прошлых дежурных.
Старый, но надежный тарантас закинул меня на комфортную планетку с идеальным углом наклона оси к плоскости орбиты окало девяноста градусов, сбросили кучу вещей и продуктов, а в качестве полезных дел, когда надоест восторгаться флорой и фауной, попросили по возможности привести в порядок оборудование дежурной станции. Станция пребывала рядом с полюсом, так как на экваторе днем можно кипятить воду на песке.
Друзья прочувствовано пожелали "хороших дней!", похлопали по спине и распрощались. Чуть отойдя раздалось их ржание, несомненно от радости за меня.

- Надо же! - не выдержал я, - Стиль начала - почти как в любимом мной сборнике рассказав американского писателя-фантаста Шекли!
- Ну и хорошо, - ухмыльнулся Джон, - я же не зря себе такое имя выбрал! Так вот.

Огромное солнце висело над самым горизонтом и в течение суток ни вставать, ни садиться не собиралось, а только катилось себе как по краю тарелки. За пять часов получался полный оборот, так что даже голова шла кругом при ориентации на местности без навигатора. Вокруг жила беззаботными красками степь, и среди нее приветливо темнели группы безобразно корявых кустарников.
На небольшом холмике стояла башня чуть обшарпанной дежурной станции. Хоть бы обшивку регенерировали, растяпы!
Я подошел ближе и увидел, что в широкой нише двери разместилось огромное птичье гнездо. В нем лежало два яйца с мою голову каждое. Лучше было бы сначала прикинуть размеры мамочки, но хотелось сразу навести порядок, а потом уже развлекаться. Я уперся ногами и принялся выволакивать гнездо из ниши. Ломкие ветки гнезда оглушительно хрустели и отлетали, но гнездо оставалось на месте.
И тут я почувствовал, что кто-то грубо схватил меня за шиворот, все замелькало перед глазами, и я оказался в колючих объятиях кустарника, где и обрел опять связь с реальностью. Мне твердо обещали, что на планете кроме меня все будут разумно-гостеприимны и я не понял, кто так нарушил это обещание друзей. И тут же заметил, как гнезде, ласково сюсюкая со своими, несомненно, тоже разумными яичками, умащивалась гигантская птица. Желтые глаза на самодовольной морде совсем не гостеприимно поглядывали на меня.
Повизгивая от боли, я с трудом выбрался из куста, который, явно заигрывая, цеплялся колючками и задумался в десяти шагах от входа в станцию. Птица временами склочно кудахтала, и, вспомнив легкость расправы со мной, я понял, что силой мне с ней не справится.
Здание станции представляло собой цилиндр с куполом. Позади я нашел единственное открывающееся окно, запертое автоматическим замком. Рядом на стене находились сканеры местности и широкое отверстие для сбора и анализа атмосферных осадков. Я решительно нырнул в него вниз головой и долго отталкивался от гладких стен ногами пока не вывалился в приемный бак. Крышка, конечно, оказалась закрытой, и я начал тужиться по пояс в воде,

напирая плечами до тех пор, пока из последних сил не сорвал запор. Перегнувшись через край бака, я вывалился на пол комнаты и расслабился на некоторое время. Сердце возмущенно билось, дыхание не хотело успокаиваться, все тело саднило от царапин, и я тупо смотрел как по полу вокруг растекается большая лужа.

В комнате из-за полумрака трудно было что-то разглядеть, но похоже, что мой предшественник спасался отсюда бегством, все было разбросанно как попало, перевернутые стулья валялись посреди комнаты, а в углу твердела лужа липкого сока из опрокинутой банки.

Я открыл окно и выглянул наружу. Было явно высоковато чтобы использовать окно как дверь. В кладовке нашлась складная лестница. Я закрепил ее на окне снаружи, а в комнате поставил стул, чтобы удобней было залазить через окно. Оставалось перетащить кучу вещей.

Путаясь в длинной и прочной как проволока стелющейся траве, я начал переносить свои вещи на станцию. Какое-то большое травоядное со ржавымии пятнами на бархатных боках как привязанное следовало за мной, задумчиво пережевывая на ходу длинные стебли, обломанные мной при ходьбе, и доброжелательно мычало. Настолько, что я подумал нагрузить его и взвалил на холеную спину тяжелый моток кабеля. Животное с таким упреком посмотрело на меня, что я почувствовал неловкость. Оскорбленно вздохнув, оно взбрыкнуло, сбросило кабель и, не взглянув больше в мою сторону, ушло в степь. Я чуть было не извинился вслед.

Втащив через окно последний груз, я с наслаждением расслабился на стуле. Вечеров здесь не бывает, учитывая вечно не заходящее светило. Хотелось есть и спать. Полбанки сока восстановили мой мир. Я завесил окно от света и улегся. Проснулся бодрым, допил сок, пригубил из новой банки и замечтал побыстрее навести порядок на станции в назидание последующему сменщику. Вытащил автоматическую передающую установку наружу. Не найдя подходящего кабеля, смастерил жгут из подручных проводов, который протянул из станции к передатчику. Я подал пульсирующий ток, в циклы которого производилась передача уплотненной информации. Теперь осталось подключить систему датчиков.

Наконец, радостный от выполненного долга, я вернулся к станции. Птица у двери больше не держала на меня зла и тихо кудахтала над своими яйцами. Я безнаказанно прошел бочком совсем рядом и позади станции столкнулся с желто-ржавым животным, которое, пуская слюни, тянуло морду к моему самодельному жгуту, приняв его, видимо, за новый вид травы. Я предостерегающе заорал. Животное испуганно отпрянуло, укоризненно посмотрело на меня и сделало вид, что заинтересовано особенностями работы передатчика. С кряхтением я пролез через окно в комнату. Над початой банкой с соком деловито вился неожиданно большой рой крупных насекомых. С возмущением я принялся гонять их какой-то тряпкой, но через мгновение сам резво уворачивался от обозленных тварей, на ходу хватаясь за укушенные места. Взбесившаяся стая преследовала меня по всей станции и скоро воцарился знакомый мне беспорядок. На пол полетела банка с остатками сока, кажется ровно на то же место, что ее предшественница, и я проворно выскочил в окно,

тут же захлопнув его за собой на автоматический запор.
Медленно сполз по лестнице на дрожащих ногах и стал свидетелем того, как рыжее животное с наслаждением сомкнуло свою чувственную пасть на силовом жгуте. Как только была прокушена изоляция до сверхпроводящей нити с гигантским электротоком, челюсти судорожно защелкнулись и тварь радужно засияла. Раздалось завораживающее членораздельное мычание, из ноздрей вырвалось облачко сизого пара и все большое тело начало ритмично сокращаться в такт пульсациям передатчика. Вытаращенные глаза западали и выпучивались, и было похоже, что в эфир посылает импульсы не передатчик, а эта тварь. Я изо всех сил рванул жгут и освободил от мук животное, которое, не думая о благодарности, бросилось сводить со мною счеты. Мы побежали наперегонки вокруг станции. Меня спасало то, что грузному телу труднее было описывать маленькую окружность - его все время заносило тяжелым задом. Мы делали оборот за оборотом, каждый раз все больше раздражая птицу в гнезде. Наконец она вспылила, в ярости выскочила из ниши и, вся взъерошенная встала, поджидая, когда я подбегу. Везде росли бескрайние кусты и мне осталась одна дорога - в сторону посадочной площадки, куда я и припустил.
За мной гарцевало животное, высоко подкидывая зад, выбивающий клубы оранжевой пыли, за ним, клокоча неслась птица, аэродинамично помогая себе рудиментарными крыльями, а сверху спускался посадочный модуль. Как только он коснулся земли, открылся люк, и я нырнул в его спасительный зев. Дверь за мной захлопнулась, последовали два могучих удара от врезавшейся со всего хода туши животного и, второй, более мягкий, со скрежетом когтей по обшивке. Меня приняли дружеские руки.
Я удивился, как они догадались прилететь ко мне на помощь. Оказалось, что это у них старый аттракцион и настолько уже выверенный по времени, что каждый раз разворачивается строго по одному и тому же сценарию. На Земле в таких случаях принято говорить: "Без обид, старик!".
Вот теперь можно спать.

Мне не было так уж смешно, хотя Вася и ржал по ходу рассказа, смешнее было то, как прикольно он ржал. Я просто не понял, ради чего повторять такое тупое унижение и как можно такое простить.
- Я бы убил их! Что за тупое развлечение? Или они билеты продавали на зрелище? Неужели ты, Джон, остался доволен и совсем без обид? - удивился я.
- Знаешь, я сам порадовался шутке, да еще в качестве участника, испытавшего экстрим и огромное облегчение, когда меня спасли!
- То есть вы настолько добры и незлопамятны, что такое считается классной шуткой?... Интересное и даже поучительное для нас дикарей качество, но это уже совсем не Шекли! - выдал я и замолк потому, что Бездна сжала мою руку. Но это же меня и вдохновило:
- У нас на Земле есть анекдот. Медведь слышит громкий стук и отчаянные крики. Что такое?! Озирается и видит - заяц вопит. Положил на рельс лапу, бьет другой по ней молотом со всей дури и орет.
На самом деле, я недопустимо подменил в анекдоте лапой более уместный орган, просто не посмел сказать при Бездне.

- Медведь спрашивает, ты чего заяц так над собой издеваешься? А заяц чуть отдышался и говорит, что вовсе не издевается, а наоборот, когда промажет, испытывает невероятное счастье.
- Ооо... - только и сказал Джон, что-то сопоставляя, а Бездна чуть сильнее сжала мои пальцы.
Уже не помню, что еще было сказано потому как сплетение наших пальцев полностью владело моим внимаем. Так мы и уснули. Без формулы радужных снов.

Утром Джон подкараулил когда я открыл глаза и витиевато поздравил меня с днем рождения. Офигеть... я и сам про него как-то забыл, а тут - инопланетянин поздравляет. Как же это круто! Но ведь я никому не говорил...
Бездна вылезла из скафандра и принялась дергать меня за уши, крича, что это - земной обычай. Вася тоже хотел было добраться до ушей, но их ему так и не досталось.
Оказалось, что Гена после моего исследования определил не только дату родовых изменений, но какие во мне притаились предрасположенности к нарушениям здоровья, некоторые из которых вовсю уже расцветают. Мне объявили, что в день рождения подарят безупречное здоровье.
На модуле другие инопланетяне так же норовили покуситься на мои горящие уши.
События развивались для меня стремительно. Гена деловито сообщил, что "сейчас мы тебя подправим". Я доверчиво отдался ему, предупредив на всякий случай, что сердце у меня находится с левой стороны. Гена пообещал, что разберется и указал мне на знакомый стол.
Очнулся я от жары. Сердце мощно колотилось в груди и, казалось, кровь промывает даже кончики волос. Где-то рядом довольным голосом выводил инопланетные арии Гена, с видом только что удачно починившего электробритву. Я лежал, боясь шевелиться после операции, пока Гена дружески не хлопнул меня ладонью по животу и не предложил пойти завтракать. Я действительно был голодным как медведь после спячки, но сначала меня сводили в душ.
Тонкие струи теплой воды, бьющие со всех сторон, упруго массировали кожу. Состав воды все время менялся - это чувствовалось по ароматным запахам. В последних струях воды возникает вещество, делающее кожу упругой и эластичной. Затем теплый бриз с ультразвуком за считанные секунды осушил кожу.
После завтрака Джон спросил меня, сколько времени нам потребуется на восхождение. Я прикинул возможности и решил, что двух дней точно должно хватить. Мы договорились выйти завтра с утра. Вызвались Федя, Шурик, Вася, Вера, Гена и, конечно же, Бездна.
Целый день мы тренировались. Совершали пробные подъемы и спуски. Даже залезли на гребень и затащили туда почти весь груз, включая палатку.
В первый раз я ночевал в модуле, в индивидуальной капсуле, и на этот раз без сказки, учитывая предстоящий ранний подъем.

Очень ранним утром, когда небо еще оставалось звездным, но уже посветлело,

позавтракав, мы перешли ледник и полезли на гребень. Здесь все казалось уже знакомым. Камни, которые могли бы осыпаться, сделали это вчера из-под ног Шурика. Склон был крутой, но мы преодолели его, может быть, даже излишне быстро. Мы были бодры, и энергия рвалась наружу.
Инопланетяне длинной цепью ползли вверх, радостно перекрикиваясь как дети. Мы с Бездной были связаны сдвоенной восьмимиллиметровой веревкой и шли первыми. Остальные змеились цепочкой в одной длинной связке.
Огромные изломанные валуны на гребне находились в неустойчивом равновесии. Нужен определенный опыт, чтобы чувствовать, на какой камень и как можно безнаказанно наступать. Я часто с беспокойством оглядывался на Шурика. Он в последний момент вспархивал с очередного уходящего вниз с тяжелым гулом валуна, который по весу превышал его раз в десять, но пока ни разу не напрягал связку товарищей. В конце концов я предложил ему идти, ступая след в вслед.
В середине дня мы пообедали, разогрев инопланетную еду на примусе.
Из сине-фиолетового неба тепло светило Солнце, внизу ослепительно сияли снежные поля. Вершины, четко вырисовываясь каждой деталью, казались совсем близкими. По темным скалам стекали тонкие струйки талой воды и пахло весной. Мы сидели на теплых шершавых камнях и с наслаждением вдыхали пьянящий воздух. Мимо лениво пролетела белая бабочка, похожая на капустницу, и никто не побежал ее ловить.
- Когда мы спускались на модуле над этим горами, они показались неинтересными, а здесь все грандиозно красиво! - заметил Вася. Его шрам чуть побелел из-под шапочки и, если бы не большие глазницы, Вася был бы похож на обычного альпиниста.
- Точно, - согласился я, - сколько ни летал над горами на самолете, ничего не узнавал и все казалось несерьезным.
Я прикончил баночку сока и взглянул на Бездну. Ну, тоже как земная туристка, только таких красивых я не видел.
Отдохнув, мы полезли дальше и часа через три вышли на пологий заснеженный склон, оказавшись теперь на западе от стоянки модуля. Этот склон заканчивался длинным снежным карнизом, нависающим на высоте пятьсот метров над ледником.
Мы шли по снегу, пока не оказались на большой ровной площадке на краю пропасти под высокой скалой. Рядом застыло коркой льда небольшое озерцо, из которого можно было набрать воду. Южнее заледеневший склон кончался скальной стенкой, по которой нам предстояло подниматься. Я остановился и отстегнул Бездну от веревки.
- Тут переночуем!
- Какая удобная площадка! - Федя и сбросил самодельный рюкзак на щебень.
- Да, уютное место! - порадовался Гена, освобождаясь от своего груза.
Мы установили палатку. Я начал разводить примус и почувствовал легкую тошноту. Посмотрел на остальных. Шурику было нехорошо. Он сидел в углу палатки, безучастный ко всему и тер виски. По Феде ничего нельзя было сказать. Вася и Вера как ни в чем ни бывало копались в своих мешках, раскладывая продукты и одежду. У Гены явно болела голова. Он заставлял себя глубоко

дышать, но я знал, что это ему не поможет. Бездны в палатке не было. Наконец она вернулась бледная, но, судя по всему, чувствовала себя лучше. Я поинтересовался, что будем готовить, но есть никто не хотел, только Вася попросил земного чаю.
Гена не выдержал и принялся раздавать адаптоген от гипоксии.
- Нам же не нужен отек мозга, - заявил он.
Я не отказался от своей дозы. Достал оставшиеся сухофрукты, а когда закипела вода засыпал кастрюльку до верху. Сразу распространился густой аромат компота.
Приятная кислота и вкус действовали оживляюще. Больше мы в тот вечер ничего не готовили. Тело слегка ломило, и я подумал, что для первого раза инопланетяне держатся отлично.
Вы, ребятки, запомните это на всю жизнь, - подумалось мне. Меня часто настигали воспоминания о горных приключениях, многие эпизоды которых вызывали жуть. Их значимость, острота пережитого, необычность видов, превышала все, случающееся в городе. Возможно, именно этим так тянут горы. И еще, после гор обыденная жизнь становится несопоставимо проще. А в физическом плане надолго остаются приобретенные сверхвозможности.
На ночь шесть человек плотно разместились в ряд, а я лег поперек них в ногах как самый длинный. Заледенелые ботинки засунули под себя. Я не помню, о чем мы говорили и говорили ли вообще, но сказки точно не случилось. Недостаток кислорода отбивает творчество и даже радость общения.
Мы поднялись, как только посветлело небо, молча и быстро собрались. К нам вернулся аппетит, и примус трудился над кастрюлькой с инопланетным концентратом.
Сидя на мешках, мы дули паром в морозном воздухе на горячее, аппетитно пахнущее желе, жить было хорошо. Ясная голова и отдохнувшее тело вселяли уверенность в силах.
Я натянул промерзшие, негнущиеся ботинки и выбрался из палатки, разминая их. Вскоре все были готовы, прошли ледовое озерцо и, задрав головы, оценили стенку. Это был самый сложный участок пути.
- Вроде вижу, как пройти, ну что, я пошел? - пожертвовал собой отважный Шурик, но Бездна убедила его пока не совершать подвиг. Ее я тоже не пустил. А в принципе можно бы было, учитывая неплохую подготовку, в том числе акробатическую, но что-то во мне запротестовало.
Я полез по узкому кулуару. Иногда в трещинах попадались старые крючья и я, конечно, пользовался ими, добивая молотком для надежности до чистого звона. Бездна наверняка не стала бы это делать: забито, значит можно пользоваться. Через некоторое время я оказался на верху, закрепил веревку за огромный выступ и крикнул вниз, что все готово.
Первой, очень быстро буквально взлетела Бездна. Я еле успевал выбирать веревку. Выбравшись, она по инерции боднула меня каской и обхватила руками чтобы не упасть.
Я заорал вниз чтобы не утраивали рекордов, а поднимались вдумчиво.
Вскоре все собрались вместе. Пройдя последний подъем по крутому ребру, я перепрыгнул с острого края скалы через трещину на снег и оказался на вершине.

Здесь ничего не изменилось с прошлого раза. Один за другим все появились на небольшом куполе снега и усталым взглядом начинали скользить по сторонам. Они, конечно, были горды собой, но острота чувств притуплялась усталостью и гипоксией. Мы обнимались, Шурик что-то выкрикивал, Бездна улыбалась и была довольна.
Потом выяснилось, что буквально все происходящее записывалось множеством регистраторов.
Мы некоторое время смотрели вниз. Понятие красоты, конечно, субъективно. Для инопланетян все, что они сейчас видели, было необычным, но остроты переживаний не было.
Мы вытащили записку из железной трубы. Оказывается, до нас здесь был человек, совершивший свое одиночное трехсотое восхождение. Оставлять свою записку взамен не стали из уважения к ветерану. Пусть так и останется здесь этот трехсотый рекорд. Не писать же про первое восхождение группы наскоро натасканных инопланетян.
Посмотрев еще немного по сторонам и не ощущая ни особого воодушевления от достигнутого, ни яркости восприятия видов с этой высоты, мы почувствовали желание начать спуск. Вот всегда было так, совершенно не соответствуя восторженным легендам о восходителях с необыкновенными переживаниями на вершине. Конечно потом, уже внизу, все остро вспоминалось, и удивляла собственная отвага или, точнее, опрометчивость.
Без приключений добравшись до места ночевки, мы пошли дальше по гребню, продолжая описывать кольцо над ледником с инопланетным модулем. Несколько раз пришлось спускаться по веревке по отвесным скалам, пока не достигли огромного выпуклого снежного поля, которое называлось вершиной Южной Скрябина. Через некоторое время, почти сохраняя высоту, достигли вершины Северной Скрябина. Отсюда можно было начать спуск к модулю. Итого, инопланетяне посетили сразу три вершины траверсом, одна из них - высочайшая Киргизского хребта.
По крутой расщелине с осыпающимися камнями, где инопланетянам особенно ценной показалась жизнь, мы спустились к круто горбящемуся ледовому склону, по которому сливаясь в ручьи, бежала вниз талая вода. Здесь пришлось надеть кошки. Казалось, этот склон никогда не кончится. А кончился он довольно крутым обрывом.
Чтобы не терять время, решили и здесь спуститься по веревке. Мы были уже почти что дома и радость скорого возвращения снижала бдительность. Я последним совершенно беспечно слетел "спортивным" спуском, чтобы вытащить за собой сдвоенную веревку. Внезапно веревка перестала скользить в моей руке, и я ощутил себя летящим кувырком по склону. Когда мир замер, я просканировал себя мысленно, но, вроде бы, никаких серьезных повреждений, которые отдавались бы болью, не обнаружил. Тогда осторожно поднялся и убедился окончательно, что отделался лишь острым финальным переживанием. Никто из инопланетян, которые спускались ниже, этого моего полета не заметил. Так что я вернулся метров на шесть вверх, убедился, что никто не позаботился на конце веревки сделать узел, чтобы не улетать дальше, стянул веревку и, свернув ее, побежал догонять товарищей.

Уже в темноте мы подошли к кораблю, и поставили палатку на прежнем месте. У меня еще никогда не было такого приятного восхождения. Мне не раз приходилось довольствоваться обществом новичков. Они с трудом вживались в новый для них быт, наслушавшись каких-то выдуманных традиций, противоречащих горной этике, то выпячивая свою личность, то чувствуя себя нерешительно. Инопланетяне же отличались взвешенностью общения и самообладанием. Никто из них не капризничал, не истерил. Я очень бы хотел быть среди таких людей. А чего стоила одна только тщеславная мысль, что я подготовил к восхождению группу инопланетян, и мы успешно преодолели сложный альпинистский маршрут!

На корабле страдающий от горной жажды экипаж напивался до барабанной упругости животов. Напрасно Джон напоминал, что емкость их желудков всего два литра.
Бездна откинулась на стуле напротив меня и от питья у нее обозначился красивый круглый животик. Наконец она отдышалась, как-то странно посмотрела на меня и сказала:
- Мы улетаем завтра...
Хотя я знал, что это вот-вот случится, но оказался не готов и растерялся. Ее взгляд погрустнел, она немного побледнела, порывисто встала и вышла из комнаты. Я взял для видимости стакан в руки и принялся пить мелкими глотками. Вера посмотрел на меня и непринужденно сел рядом.
- Саша, - сказал он, - хочешь полететь с нами?
И я сразу успокоился.
- Хочу, конечно! - почти сразу ответил я, - Но не знаю... думал уже об этом. Я ведь буду у вас недоразвитой особью.
Вера с улыбкой посмотрел мне в глаза и покачал головой.
- Не все так плохо! Конечно, будет трудно, но девятнадцать лет полета сделают свое дело.
- А можно будет как-нибудь предупредить мать?
- Можно, и ты же вернешься лет через сорок.
Я представал себе как узнает мать о моем отлете на такой огромный срок. Всю жизнь она будет думать, что там со мной. На работе придется сказать, что я не вернулся с гор, припрутся домой с соболезнованиями... Вера, кажется, это отлично понимает. Спросил меня чтобы успокоить.
- Пожалуй, мне не стоит лететь с вами, буду вас вспоминать! - я улыбнулся.
Вера молча кивнул головой.
У них была возможность сделать отдельные снимки, но было бы опасно хранить такое на Земле. Все же, мы выбрали несколько фоток инопланетян, так кадрированных, что в них не было ничего необычного и мне разрешили их оставить.
- У тебя остается возможность принять решение на пользу себе и нам. Это могло бы наполнить твою жизнь очень большой значимостью.
Пока мы разговаривали, почти все успели разойтись, готовясь к отлету поутру, и, наконец, я остался один. Я почувствовал усталость, но не физическую, скорее - опустошение, какое бывает, когда заканчивается что-то очень важное. Не

хотелось ни думать, ни шевелиться.
Я сидел долго, и это становилось все мучительнее. Наконец появилась Бездна с лисой в руках. Та ворчала и лезла мордой ей в лицо.
- Пошли прогуляем зверя, - предложила она незнакомым голосом, и мы вместе вышли.
Из-за свежего снега было довольно светло. Мы брели, с хрустом наступая на заледеневшую крошку. Лиса жалась к ногам под порывами ветра, а вокруг горы смотрели на нас в молчаливом ожидании.
Мы остановились, и не помню, как оказалось, что держим друг друга за руки. Не стало каких-то надуманных границ допустимого.
- Ну как последняя ночь на Земле?.. - спросил я, - Правда красиво очень?
Она посмотрела на меня жалобно.
- Я не хочу улетать, - прошептали ее губы. В глазах заискрились звезды, и тонкая рука задрожала в моей. Бездна стояла одна между двух миров и с каждой секундой становилась все беззащитнее. Я шагнул к ней, и она доверчиво положила голову мне на грудь.
- Можно, я останусь?..
Мне стало немного страшно и слегка кружилась голова от того, что она сказала. Она посмотрела на меня. Мы глупо улыбались и совсем не хотелось думать, что же нужно теперь делать.
- Это ведь не так грустно, как жить в глухом лесу в избушке из твоего рассказа?.. - она улыбнулась, - Земля - это первое, что я увидела после корабля, - шептала Бездна, опять уткнувшись носом в мою грудь, - я не знала ничего подобного! Это было чудо. Я хочу, чтобы Земля была моей родиной... Здесь столько произошло! Я столько узнала, и главное... я встретилась с тобой... - Бездна подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх.
- Да, Бездна... Я бы очень хотел быть с тобой...
- Нужно что-то делать... Нужно сказать маме!
Мне не верилось, что можно успеть что-то сделать и вообще нужно что-то делать, но я пошел с Бездной на корабль, затаив надежду.
Около тамбура мы встретились с Наташей. Она собиралась выходить. Увидев нас, она моментально все поняла, приоткрыла было рот, чтобы что-то сказать, но так и осталась стоять. Бездна прижалась к ней и, конечно, разревелась. Совсем как в старинных новеллах. Но не так, как это я видел у земных девочек или женщин, что-то незнакомо-чужое опять сквозило в этом, но уже нисколько не настораживало. Я только думал, насколько многое предстоит пережить.
Наташа со вздохом взглянула на меня.
- Вот и случилось, - тихо сказала она довольно спокойно, - Ну и хорошо. Пойдем-ка со мной! - сказала она дочери.
Я снова остался один. Мне казалось, что все прекрасно все видят и деликатно стараются не обращать внимание, занимаясь своими делами.
Примерно через час меня кто-то похлопал по плечу. Я напряженно обернулся, это был Джон.
Я поплелся за ним, готовый по справедливости отвечать за свое коварство. Мы зашли в довольно тесную комнату с тусклым освещением, где по стенам бегали разноцветные змейки и на множество голосов тихо и однообразно пели

звуковые индикаторы. Джон вытащил из пола стул, явно не электрический. Сам же небрежно оседлал какое-то сооружение и широко улыбнулся.
- Слушай, - сказал он, - это здорово! Такое, конечно, не планируется, ну, по крайне мере на это не делается расчет, но, прямо говоря, все очень даже заманчиво не только в плане исследования общего в социальных представлениях наших культур и возможности их общего развития...
Елки, что он такое несет?.. Я почти не соображал, что он говорит, пока он не сказал:
- Если вы вместе будете жить на Земле, то мы организуем вам связь с орбитальными наблюдателями. Раз уж так получилось, возьмете на себя роль посредников. Но есть вариант гораздо интереснее, тот, о чем тебе говорил Вера.
- Лететь с вами и через сорок лет вернуться?
- Да.
Теперь это казалось приемлемым. И Для Бездны это будет лучше, чем свергнуться в мир очень примитивной культуры и возможностей с постоянным риском попасть в беду. Маме можно будет все нормально объяснить. Когда она увидит нас с Бездной, все поймет.
- Тебе нужно еще подумать?
- Нет, я готов.
- У тебя будет дней десять до отлета. На орбите останутся исследователи, новая команда, и они сделают невозможным взаимоуничтожение на Земле, помнишь, мы говорили про это. А вот ты, когда вернешься...
С каждым словом радость все больше переполняла меня. Джон многое еще мне наговорил, и все воспринималось поверхностно. Потом он встал и протянул мне руку по земному обычаю.
- Пришло время временно попрощаться, - сказал он, - Я привык к тебе... Ты хороший землянин, всем нашим понравился. До свидания!
За дверью меня поджидал Федя.
- Я остаюсь с наблюдателями на орбите, - сказал он, - Бездна пока будет с нами, потом прилетит за тобой.
Федя протянул мне гибкий браслет с красивыми пластинками, который плотно охватил мое запястье.
- Будем держать связь, - он заговорщицки подмигнул, мы пожали руки.
Я увидел Бездну. Она стояла в стороне и смотрела украдкой. Я подошел к ней.
- Я все слышала, что вы решили, - радостно сообщила она.
Чем-то это напоминало прощание в тамбуре поезда... Мы помолчали.
- Бездна, теперь-то мне можно сказать, что такое сневер, пока вы не улетели?
Она улыбнулась:
- Так у нас обозначается то, что происходит, когда потенциальные половые партнеры общаются в стрессово-познавательных ситуациях и развивается взаимодополняемость для таких условий. У вас в языке такого слова нет, но это - системное явление, и у нас его хорошо понимают.
Мы с Бездной не спали всю ночь. Гуляли в волшебном саду эмулятора и не могли наговориться. Эти мгновения запомнились на всю жизнь. Но все проходит.

Утром, когда я вернулся к своей палатке, сооружения вокруг модуля были сняты,

и на снегу не осталось ничего после инопланетян. Я быстро собрал рюкзак и, помахав на прощание рукой, пошел прочь. На краю ледника, остановился чтобы посмотреть, что будет дальше.
Вскоре раздался негромкий вздох, от которого со склона рядом слетела струйка снежного срыва, маскировочное облако медленно пролетело чуть наискосок надо мной и неторопливо растаяло в голубом небе. Только верхушка гребня перекрылась на мгновение небесным лоскутом и все замерло в тишине утра.
Я остро ощутил, что остался здесь один, как будто ничего и не было.
"Ну вот и все, грамотно успокоили глупого йети и свалили..." - осознал я то, что казалось в этот момент наиболее правдоподобным. Потом взглянул на браслет - красивую и, возможно, бесполезную игрушку, сурово одернул себя и по скалам спустился к старой стоянке. Там переложил рюкзак и побежал вниз по огромным валунам крутого склона морены. Поздно вечером я уже был в городе.

Прошедшее начинало казаться не очень реальным... Тем более, что браслет не проявлял никакой активности. Я чувствовал себя очень странно. Чтобы как-то разрядиться и не спятить, принялся описывать все случившееся, день за днем, заполняя листы на печатающей машинке. Часто смотрел на фотки.
Нужно было начинать снова жить. Навестил зав лабораторией Якова Давыдовича и предложил ему еще раз попытаться реанимировать спетрофотометр. Он с большим скепсисом позволил снять чехол. Вскоре я установил один из инопланетных усилителей и включил прибор, чтобы настроить осциллографом. Но никаких подстроек схеме не потребовалось, все работало идеально с огромным запасом по чувствительности, оставалось только откалибровать устройство. Я вернул карму в той лаборатории.
Решив не дожидаться конца отпуска, вышел на работу.
Поутру еще никого не было. Столы оказались заваленными остатками чьей-то трудовой деятельности, и мне пришлось расчищать себе место. Я прихватил пару подаренных мне усилителей и нетерпеливо примерялся испытать их в своей схеме.
С шумом распахнулась дверь, в комнату зашел кудластый дылда Володя. Узрев меня, он широким жестом протянул свою лапу и заулыбался.
- Отгулял что ли?
- Еще две недели в запасе. Потом возьму. Что у вас здесь за бардак?
- Да так, - Володя махнул рукой, - Нам премию накинули. Закатиться бы куда-нибудь!
В комнате возник ленивый бородач - главный конструктор проекта. Черные курчавые волосы нимбом окружали его лысину, и своей безмятежностью он был похож на Иисуса Христа сразу после воскрешения.
- Вот и Сашенька вернулся! По каким горам лазил? Шею не сломал?
- Не сломал, - в тон ответил я, потрогав шею руками на всякий случай.
- Ой, какая прикольная штука у тебя на руке, дай посмотреть?
- А загорел-то как здорово! - восхитился подоспевший шеф.
- Это он только лицом загорел, - раздался Анкин голос, - а тело как у глисты белое!
- Откуда ты знаешь? - удивился Володя.

Наконец все разошлись, и я включил паяльник. Рядом с праведным возмущением начал сгребать мусор со стола Валера.
- Когда уже будут за собой убирать, раздолбаи?.. - он закурил прямо в комнате. Ненавижу сигаретный дым...
- Чего ты возмущаешься? - не выдержал Володя, - Раз в год садишься за макет...
- Да надоело все это! - деловито завопил Валера и с непримиримым видом начал составлять приборы в стойку, с шумом соударяя их боками.
Я отвык от таких сцен и не верилось, что один человек может накричать на другого. Как по заказу в соседней комнате начали громко переругиваться наши главные конструкторы. Потом раздались такие эпитеты, что я поспешно сжал запястье с браслетом между ног: а вдруг инопланетяне прослушивают.
И в самом деле, оказалось, что браслет вовсе не был мертвой игрушкой, и я оставался на связи, только надо было лучше слушать то, что говорил мне про него Джон. Инопланетянам почти случайно удалось привлечь мое внимание слабым писком оттуда, и когда я приложил ухо, услышал, что нужно делать.
Я вышел из института и, в радостной эйфории заскочил домой за папкой с отпечатанными моими впечатлениями, желая кричать об этом всему миру и, конечно, показать самим инопланетянам. С этим и пошел к автобусной остановке. Скоро подкатил одиннадцатый и я сел до конечной.
На последней остановке выскочил и нетерпеливо быстрым шагом почти побежал к первым пригоркам. Со стеблей выгоревшей травы под ногами поднималась горькая пыль с запахом полыни. Закатное солнце стояло низко над горизонтом, и жара постепенно спадала.
Когда высокие холмы отгородили меня от всего мира, я остановился, чуть успокоил дыхание и поднял браслет, сжав его другой рукой.
Синий кусок неба шевельнулся, закрывая собой верхушки холмов. Недалеко легким смерчем поднялась пыль, каменистые склоны в том месте задрожали с ритмичным потрескиванием, и все успокоилось будто ничего не случилось. Я встал и пошел вперед. Через десяток шагов передо мной возник дискообразный посадочный аппарат - настоящая летающая тарелка.
Я ждал не долго. Оттуда выскочила Бездна во вполне обычном земном платье. Я шагнул навстречу, и она повисла у меня на шее.
- Погостим у тебя пару дней! - радостно сказала она, уткнувшись носиком мне в щеку.
- Да! Смотри, вот это все про нас! - и я показал ей папку.
Бездна перебрала несколько листков.
- Нужно отсканировать!
Она отдала папку высунувшемуся Джону, тот вскинул руку в приветствии, тарелка задраилась, окуталась маскировочным маревом и взмыла.
- Мама еще не успела прочесть, - посетовал я.
- Мы вернем! Куда теперь? - она ненадолго прижалась ко мне, и я, привыкая, нежно гладил ее изящную спинку.
Потом мы побежали вниз по склону холма к автобусной остановке, не останавливаясь, мы же альпинисты.
На бегу я думал, как она воспримет этот скрежещущий жуткий автобус, задымленный воздух, грязь на улицах, вопли разборок непримиримых людей,

примитивный душ и туалет в ванной комнате...
Я решил оттянуть этот шок и сначала сводить ее в наш ВДНХ, угостить шашлыком, побродить по аллеям.

Этим заканчивался отпечатанный на машинке текст.
Вот и все, что осталось от пропавшего без вести Александра Петрова, который мог и нафантазировать, тем более что никаких фоток инопланетян там не оказалось. Однако, по любому его уже нет, ведь он в самом деле исчез бесследно, о чем подала заявление его мать. Никто из близких не замечал у него психопроблем, так что все это довольно странно.
Следователь не мог выкинуть из головы прочитанное, хотя по долгу службы и передал материалы в ГКБ. Он тоже увлекался горным туризмом (что было естественно для города у высоких гор), совершая вылазки с группой экстремалов со странным названием Фуцинтоки, по их уверениям происходящего от японского: "мальчики, бегающие по горам".
В рапорте пояснялось, что особенно поразившими совпадениями является очень достоверное описание местности и деталей восхождения на пик Семенова-Тянь-шаньского, с альтернативным названием Западный Аламедин, и особенно то, что и сам следователь совершал восхождение на него примерно в то же время именно со стороны Джинды-Су, а на вершине была та самая записка с сообщением о трехсотом восхождении, которую и они тоже решили не менять на свою ввиду ее особой значимости.
Единственной зацепкой оставался якобы установленный в спектрофотометр усилитель. Но руководитель лаборатории наотрез не позволил открывать прекрасно работающий и постоянно нужный прибор, не желая слышать всякую антинаучную чушь из теории заговора, а у следователя не хватило ни упорства, ни желания добиться изъятия и проведения экспертизы.

Женщина с неба

Жизнь в офисе становилась невыносимой. Интернет был жестко ограничен из соображений безопасности, почта контролировалась, CD-приводы и USB-гнезда повытаскивали из всех компов, чтобы никто не смог копировать нафиг никому не нужную корпоративную информацию. Иногда курсор сам собой ходил по монитору вслед за бдительными действиями удаленного админа. Хоть бы платили нормально.

Сергей невозмутимо выслушал шефа, оценивая запас прочности своей психологической брони и пообещал сделать все, что можно. Вернувшись к устройству для перекачки его мозгов в программный код, увидел на мониторе сообщение всего о двух ошибках в результате компиляции. Но почему-то даже это опечалило его, и вдруг возникло сильнейшее предчувствие, что так жизнь продолжаться не может.

К концу работы, как всегда, томительно тянулось время. Но все обязательно

кончается.
Сергей отшагал несколько остановок, не желая делить жаркий летний воздух с потными пассажирами.
Вот его дом, окруженный грязными киосками, ободранная штукатурка, пара замызганных бородачей вяло что-то замазывающих с краю, изнывающие на жаре деревья с обвисшей листвой вдоль потрескавшегося тротуара, которые уже не надеялись ни на дождь, ни на воду в арыке.
В детстве Сергей любил лето. Даже не потому, что были каникулы. Просто летом все росло и радовалось, было много разных фруктов, по вечерам с друзьями они ползали с фонариками среди высокой травы и гонялись за жуками и бабочками. За пойманных насекомых в сельхозинституте расплачивались конфетами.
Сергей свернул к подъездам. Навстречу попалась молодая соседка с подружками, все круто прикинутые. Конечно, они шли во всю ширину дорожки и не собирались расступаться. Сергея обдало легким смущением, и он остановился, чтобы стихия сама обогнула его.
- Привет, - снисходительно процедила соседка, чуть скривив в усмешке губки. На него пахнуло смесью духов и пива, кто-то, проходя, чуть пихнул его бедром, и позади раздалось нервное ржанье. И было в этом такое, что Сергей понял - им, в общем-то, хреново несмотря на то, что их папики отстегивали сколько надо. Что они мечтают, чтобы жизнь изменилась, чтобы появилось нечто, хотя бы чуть интереснее обычного блогера, и чтобы оно увело в новый мир.
Стало немного обидно, что сам он, в принципе, был неплохим парнем, но доказать это любой из этих девчонок практически не может, не выглядя придурком. И он давно понял, что от собственных способностей мало что зависит, а все больше определяет какой-то непонятный вселенский расклад удачи места и времени. Поэтому он стал умеренным пофигистом. Осталось только острое чувство несправедливости, что в его мире все возвышенное выглядит нелепым и неуместным.
Из уличной жары он нырнул в пахнущий плесенью подъезд, ослеп в полумраке и уткнулся в податливое колышущееся тело.
- Господи, Сер-р-рж! - вместе с сиплым голосом невыносимо запахло луком.
- Ох! Извините, Тамара Николаевна…
- Да ладно. Вечно тут меня бодают…
Все знали, что одним из любимых дел этой давно пребывающей в одиночестве дамы был ненавязчивый визуальный учет корреспонденции соседей. Просто чтобы хоть как-то чувствовать, кто чем живет.
Думая об этом, Сергей споткнулся о первую ступеньку, но вовремя скоординировался и зашагал на второй этаж.
С тех пор как он развелся с женой после семи лет пустого сосуществования, оставил ей квартиру и переехал к матери, ему в жизни больше не везло. Но, казалось, что не везло не только ему, но и всем окружающим. У всех было что-то не так. Постоянно созревали дурацкие проблемы. А весь остальной, благополучный мир, похоже, только с брезгливой иронией посматривал на это.
По вечерам женщины боялись выходить из дому. Они настойчиво утверждали, что в полной темноте из непроходимых зарослей сирени им является совершенно голый мужчина, шурша газеткой у бедер. Мужья как-то даже

устроили облаву, уговорив хорошенькую Татьяну Анатольевну побыть приманкой, но дикий человек оказался хитрее.
Сергей знал многих, кто пытался заработать, делая что-то своими руками. Он сам пытался бизнесменить. Но все подобные начинания кончались глухим крахом, и поэтому никто больше ничего не хотел. Люди в этом небольшом городе изо всех сил старались не быть лохами, и те, у кого еще что-то оставалось светлое в душе, никогда это никому не показывали. Красота изредка проявлялась во внешнем: ну, случался иногда прекрасный закат, веселый летний ливень с радугой или белая точка военного самолета чертила в утренней голубизне длинные узоры, когда воякам удавалось достать горючку, чтобы совсем не разучиться летать. Сергей не жаловался, вообще не пытался облечь в слова убогие понятия окружающей жизни. Он считал, что если тебе так повезло, что ты родился на помойке, то у тебя есть, по крайней мере, два выхода. Или найти место, где жизнь не так грязна или по мере возможности избавиться от грязи хотя бы вокруг себя. Ему в какой-то мере удавалось реализовать обе эти возможности. Он не поддерживал отношений с грязными людьми, и поэтому у него не было настоящих друзей. И ему повезло, что рядом с городом были высокие, по-настоящему красивые горы, куда можно было уйти и забыть о городе, что часто и делал Сергей с такими же экстремалами.
Сунув ключ в расшатанный замок, Сергей начал подбирать нужный наклон, думая, что надо бы сменить, наконец-то это барахло, но сначала придется найти новый точно такого же типа, чтобы подошел к уже сделанным в двери дыркам. И тут на его плечо легла тяжелая, влажная ладонь и в шею пахнуло горячим смрадом. Мелькнула мысль о диком человеке, который сейчас начнет просить на флакон обезболивающего. Как всегда, в подобных случаях Сергей не мог сразу сообразить, как лучше поступить. Вот потом, при мысленном разборе ситуации он легко находил верное и эффективное решение.
Он чуть передернул плечом, сбрасывая лапу, независимо повернулся, хмуро поднимая глаза и оцепенел. Сначала показалось, что на него скалится безгубыми костями раздавленное грузовиком лицо, но оно было огромно в ореоле слипшейся оранжевой шерсти, клыки торчали вниз до жуткого бородавчатого подбородка, и оно сверлило его злобным фасеточным взглядом. От него исходила подавляющая аура несомненного правдоподобия, и мир потеснился, принимая в себя такую невозможную реальность. Но холодеющее сознание не успевало, и когда, прямо из ничем не прикрытого полупрозрачного туловища с голубовато-желтыми внутренностями, протянулись несколько лоснящихся гибких макаронин, дрожащих как у алкоголика, Сергей смог только подумать, а что будет, если сейчас выйдет мама. Потом что-то укололо его в бок, и он одеревенел, привалившись спиной к двери. Длинный раздвоенный язык красной молнией щелкнул по лицу, до краев наполнив мерзким чувством, все нелепо задергалось вокруг, меняя очертания. Его мощно повлекло куда-то, от чего сжались внутренности и перехватило горло. Вокруг бормотали и шуршали голоса, стало нестерпимо томительно и душно так, что в пору было смириться со смертью. Всколыхнулось последнее, отчаянное озарение мысли, и он умер.

Потом он очнулся и вспомнил все, еще не успев открыть глаза. Но это было

далеко и давно. Он открыл глаза и вместо белой постели в больничной палате увидел беспорядочно мелькающие цветные пятна и полосы. Мучительно долго все увиденное собиралось в образы, и этот процесс походил на безумие. Потом он понял, что смотрит на мерцающую рябь воды прямо у его лица.
Он лежал на боку, на каком-то упругом темно-зеленом матраце. Чуть пошевелившись, он сообразил, что этот матрац плавает в воде. Он плюнул и некоторое время смотрел, как расходится пятно.
Сергей осторожно, чтобы не свалиться в воду, привстал. Матрац оказался огромным листом кувшинки, местами запачканным птичьим пометом. Совсем рядом над водой распустил прекрасные лепестки белый цветок, величиной с большой кочан капусты. Сергей скосил взгляд и убедился, что он по-прежнему не лягушка. Лист видимо распирали какие-то газы, и он легко выдерживал вес тела. В голове было пусто. Мысли как бы испуганно попрятались, не находя достаточной опоры в реальности.
Он находился почти в самом центре тихого, сказочно прекрасного озера, на поверхности которого плавали такие же листья. Не близкий берег резко очерчивался полосой неправдоподобно золотистого песка, за которым протянулся ровный ковер зелени до стены густого леса, чуть призрачного в солнечной дымке.
С левого края леса в небо упиралась грандиозная цепь снежных гор. Куда же его занесло?
Он поднял глаза к голубому небу с веселыми барашками облаков и, уже готовый к любым чудесам, все же обомлел, увидев летящего дракона. На таком расстоянии отчетливо различались три головы на длинных шеях, великолепные перепончатые крылья и позорно короткий поросячий хвост. Его психика подвергалась серьезному испытанию, но удивительная четкость восприятия и ясность в голове не давали никакого повода сомневаться в увиденном... Все же в качестве традиционной окончательной проверки Сергей с размаху врезал себе по лбу ладонью. Нет, так сниться не может.
Этот его жест вызвал чей-то хрустальный веселый смех позади. Такого чистого и приятного смеха Сергей никогда в жизни не слышал. Он осторожно привстал еще больше и повернулся в другую сторону.
Девушка показалась ему довольно странной. Она стояла на четвереньках на соседнем матраце и смеялась так, как будто ей было больно. Одетая в белое полупрозрачное платье сказочной принцессы, с невесомыми, как струи дыма, локонами волос, она удивляла необычными чертами бледного лица. Несмотря на смех, это лицо казалось маловыразительным, может быть, из-за маленького носа и рта, и только огромные глаза казались живыми, и они приковывали все внимание. Какая-то совершенно незнакомая раса. Возможно, ее занесло сюда так же, как и его.
Ее длинные ноги были босыми. Принцесса на четвереньках не вызывала рыцарских чувств.
- Привет! - кивнул он. Она перестала смеяться и просто улыбалась. Вот он, языковый барьер. Неужели ей пофиг, что она оказалась на середине озера?
- Чего уставилась? - добродушно спросил Сергей, - Сидим тут на листочках как дураки…

- Это чтобы ты сразу не убежал, - неожиданно опрокинула языковый барьер принцесса непривычным, непередаваемо певучим голосом и, смело встав во весь рост, изящно покрутила пальчиком вокруг листа, на котором сидел Сергей. Тот порозовел от неловкости за свою грубость. Склонность краснеть всегда отравляла ему жизнь.
Другая раса и отличное знание его языка. Похоже - она здесь хозяйка положения. Сергей вдруг осознал свою зависимость именно от этого существа. Ну, понятно, значит - инопланетяне. А он тут для какого-то эксперимента.
- Что все это значит? - спросил он наконец.
- Ты у меня в гостях. Ты мне нужен. И здорово, что не теряешь голову.
Это точно не было телепатией. Она просто отлично знала язык и, выходит, знала и соответствующую культуру. Вот же, повезло - это произошло с ним. Или не повезло?
- Это какой-то эксперимент?
- Можно и так сказать... - она не договорила потому, что лист под Сергеем сильно качнулся, он взмахнул руками и чуть не свалился в воду.
- А это еще что!? - крикнул он, разглядев большое хвостатое тело, промелькнувшее в воде, - Тут акулы водятся?
Девушка снова весело и не обидно рассмеялась.
- Акулы не водятся, зато навалом русалок. Есть еще водяной, но он такой болван!
Лексикон у нее достаточно свободный. После очередного рывка листа из-под ног, раздался слабый хлопок, и у края весело запузырился выходящий воздух. Лист стал убедительно проседать.
- Что ты теперь будешь делать?! - с живым интересом увлеченного исследователя воскликнула девушка, и Сергей остро ощутил несправедливость ситуации. Он затравленно огляделся. Вода намочила штаны, и тут, некстати, подступил давнишний, еще земной, голод, потому как ужин так и остался на Земле не съеденным. А голодный он был склонен к поспешным решениям.
- Умная крыса будет искать выход из лабиринта! - довольно зло крикнул он, рванул рубашку, быстро избавился от ботинок и брюк и, тоскливо прицелившись, перевалился через край листа. Прохладная вода приняла его тело, и он неторопливо поплыл к ближайшему берегу мимо листа с серьезно озадаченной исследовательницей.
- Куда же ты? - в ее голосе послышалось отчаяние.
- Крыса вырвалась на свободу! - выкрикнул он между размашистыми гребками.
- Пожалуйста, не надо! - ее голос чуть обломился.
Черт... Может она не умеет плавать? Сергей выдохнул в воду ругательство и повернул назад. Он схватился за край ее листа. По внешнему виду девушки ему трудно было определить, насколько искренни были ее переживания, но в глазах стояли слезы, и он смутился.
- Прости, - он помолчал, - что с тобой?
- Я не сдержалась... - она смахнула рукой слезы, - но стало так обидно, когда ты покинул меня. Ты не понимаешь...
- Да, я ничего не понимаю. И я хочу есть. А когда я голоден, я плохо соображаю.
- О, я накормлю тебя, залезай!
Сергей как ледокол подмял под себя лист, но вползти на него никак не

удавалось. Лист неожиданно вывернулся, встал вертикально и мягко хлопнул его по голове. Вынырнув, он обалдело уставился на девушку. Та стояла в забрызганном и обвисшем платье прямо на поверхности воды, отряхиваясь руками. Сергей рывком вспрыгнул на лист и, поправив сползшие от рывка из воды трусы, уселся на скрещенные ноги, вызывая состояние полного самоконтроля. Первое, что он осознал на посвежевшую от купания голову - что застрял здесь далеко не на пять минут, но это ему чем-то нравится. Однако, он был готов не поддаваться никакой жалости. Девушка шагнула к нему и грациозно опустилась на колени, оказавшись вровень с ним. Они выжидающе посмотрели друг другу в глаза, и Сергей вдруг понял, как легко можно в них утонуть.
- Ты такой неуклюжий...
- Я есть хочу...
- Вот... - она сложила тонкие ладони и поднесла к нему. Они были полны густой алой жидкости. Сергей наклонился и понюхал. Аппетитно пахло ароматной свежестью. Видимо он уколол ее своей отросшей за день щетиной - она слегка вздрогнула. Несколько капель пролилось на мокрое платье, растекаясь широкими пятнами. Он осторожно взял ее руки в свои, изумляясь гибкости длинных пальцев, и, пригубив, жадно выпил все несколькими глотками. Пикантный, солоноватый напиток вливался в жилы горячей бодрящей струей.
- Чьей кровью ты меня напоила?
- Своей, - она улыбалась одними глазами.
- Вот уж не поймешь, когда ты шутишь!
- Поверь, я желаю тебе только добра, - в ее взгляде Сергею показалась чуть фанатичная искренность. Он растерялся.
- Если бы ты согласился погостить у меня немного...Это так важно.
- Но ты мне еще ничего не рассказала... Как тебя зовут?
- О.., назови меня сам, как тебе нравится, Сережа! - предложила она.
Рядом громко булькнуло, всплеснулось как от вынырнувшего бочонка, и раздался скрипучий голос.
- Тоже мне, Сер-р-режа! - передразнил он, - Разве ж настоящего мужика так зовут?
Сергей повернулся и увидел одутловатого старикана в огромных трусах в горошек, бревном покачивающегося на спине. Круглый живот целиком торчал над водой, а выцветшая зеленая борода далеко расплылась вокруг губастой и щекастой морды, моргающей маленькими глазками из-под косматых бровей.
- Не будь дураком, назови ее Авдотьей! - посоветовал старикан.
- Это и есть тот болван - водяной, - с улыбкой вздохнула девушка, - Если будет слишком надоедать, просто надавай ему по шее!
- Не слушай бабу, своим умом жить надо! - в сердцах прикрикнул водяной.
Вокруг поверхность воды закипела от множества всплывающих хвостатых тел. Стало шумно.
- Опять сбежал!
- Да опять ее учуял, извращенец!
- Эй, а ну давай на дно!
Они все были на одно лицо или так казалось с непривычки Сергею, все как на подбор кукольные симпатяжки с длинными белесыми волосами. Чем-то они его

манили как сирены и подумалось, что было бы здорово и весело с ними тут поплавать.
Суетливые русалки, сверкая чешуей, бесцеремонно подхватили вяло отбивающегося старикана и потащили в глубину. Лист сильно закачался. Чтобы удержаться Сергей низко наклонился, ухватившись руками за скользкие края так, что его локоть оказался на бедре девушки. Прямо перед его лицом вынырнула русалка, призывно подмигнула обоими глазами, извернулась и, смачно влепив ему кончиком хвоста в лоб, ушла в глубину.
- Ой! - жалобно вскрикнула снова облитая девушка.
Сергей запоздало выпрямился.
- Как оживленно здесь! - сказал он, потирая лоб, - Давай выберемся на берег. Ты, естественно, пойдешь по волнам, а я как-нибудь своим ходом.
- Да, лучше выбираться отсюда, Сережа! - девушка встала, брезгливо поправила замоченное, в красных пятнах и ставшее почти совсем прозрачным платье и взяла его за руку. Лист моментально ушел из-под ног с резким ощущением падения в бездну. Как он сидел на скрещенных ногах, так и оказался в воздухе, невесомый, а девушка явно забавлялась, поворачивая его из стороны в сторону, как воздушный шарик. "А как же инерционная масса?" - возникла протестующая мысль. Он вытянул ноги, чтобы выглядеть приличнее.
- Тешишься своим могуществом? - смог, наконец, он произнести хоть что-то.
- Даю привыкнуть. Хорошо, теперь - сам! - девушка осторожно поставила его на воду.
Устоять оказалось почти невозможно. Малейшее усилие сбивало с ног невесомое тело на ужасно скользкой воде. Давящаяся смехом девушка все же помогла ему прочувствовать новые законы равновесия и сделать первые шаги. Но от всего этого начало выворачивать желудок.
- Сережа, ты чего стал такой бледный?
- Сейчас меня стошнит, - признался он, едва шевеля губами.
Она наклонилась к его шее и слегка прикусила. Как ни странно, это сразу помогло.
- Спасибо, доктор! - выдохнул он и мелкими шажками засеменил к берегу.
- Держись за меня!
Но просто держаться за руку оказалось недостаточно. Иногда он соскальзывал и проворачивался на ее руке как пропеллер. Тогда девушка подхватила его и быстро понесла в горизонтальном положении.
- Господи! Почему бы нам просто не взлететь? - изнывал Сергей, подрыгивая ногами, - Ты же наверняка летать умеешь? А? Умеешь ведь?
- Не брыкайся, мне неудобно! Уже выходим.
Наконец он был поставлен на песок и с удовольствием вдавил его обретенной тяжестью.
- И долго ты тренировалась, пока не научилась так здорово ходить по воде?
- Я всегда любила танцевать на воде. Это как у вас кататься на льду.
- Покажешь?
- Конечно, если ты погостишь у меня!
- Хорошо, особенно если ты прояснишь мне про все это. Какой чудесный пляж и солнце! - его настроение стремительно улучшалось, и он уже точно не хотел,

чтобы этот рай вдруг закрылся для него. Он прыгнул на золотящиеся россыпи неземного песка и, перевернувшись на спину, в упоении раскинул руки, прикрыв глаза от яркого солнца.
- Если честно, то я заранее почти на все согласен, - тихо проговорил он, - мне здесь нравится.
- Прекрасно. Тогда, может быть, сразу и начнем?
- Что начнем? - Сергей сфокусировал один глаз.
- Делать жизнь, - она неопределенно повела рукой, явно волнуясь.
- Что!? - он удивленно привстал на локтях.
- Я, конечно, предпочла бы, чтобы ты ничего не знал, тогда бы все получилось более непринужденно, - она принялась стягивать нелепое мокрое платье с кровавыми пятнами.
- Вот так сразу!? - ошеломленно замотал головой Сергей, не в силах отвести взгляд.
Если ее лицо не особенно привлекало внимание, то фигурка у нее была просто фантастической. Примерно так рисуют в мультфильмах прекрасных инопланетянок.
Она озадачено посмотрела на него, с неожиданной сноровкой выжимая воду из платья на песок.
- А..., базовая реакция! - она покачала головой, - Ты не правильно понял, потому, что не выслушал объяснения. Пойдем, тут недалеко есть подходящее место, где мне проще будет все рассказать.
Она забросила платье на плечо и, не оглядываясь, направилась к лесу. Обалдеть. "Выкинь из головы, казел!" - приказал себе Сергей.
Привычным усилием воли он переключил эмоциональный настрой, резко поднялся и стряхнул прилипший песок. Как только он ступил на траву, босые ступни начали накалываться на что-то. Он сразу не смог вспомнить, когда в последний раз ходил босиком по траве. Девушка шла свободно и не оборачивалась.
- Постой! - крикнул он вслед, - Я, кажется, придумал для тебя имя!
Она остановилась, поджидая, пока он, выгибаясь и шипя от уколов, не приблизился. Они пошли рядом.
- Как ты здесь так спокойно ходишь босиком?
- Привыкла.
- Можно я буду звать тебя Аделией де Педро дона Лолита...
- Ого..., кажется, это ты попробовал пошутить! Может быть, сможешь выговорить мое настоящее, - она пропела слово, не оставившее в голове ничего, кроме переливчатого звона. С четвертой попытки он уловил звукосочетание и вскоре они сошлись на компромиссном - Бьянзли.
Они подошли к опушке леса, состоящего из невысоких, но мощных деревьев с бочкообразными стволами, покрытыми крупной чешуей как гигантские ананасы. Их прямые пальмообразные ветви густо переплетались наверху, из них выглядывали разноцветные плоды и с веток на ветки прыгали какие-то мелкие мохнатые твари. Громко орали птицы, иногда заглушаемые короткими звериными вскриками. Рай до приторности.
Бъянзли приподняла руку, что-то блеснуло с ее пальцев, и впереди воздух

загустел переливающимся маревом.
- Пойдем! - она шагнула вперед и исчезла.
Сергей чуть помедлил, коротко выдохнул и нырнул в неизвестность.
Лес пропал. В нежно-розовых сумерках, как в куполообразной палатке, неизвестно на чем с кошачьей непринужденностью расположилась Бьянзли, уже в тонкой матово лоснящейся черной коже, плотно обтягивающий ее.
- Привет! - она улыбнулась, - Это - мой дом!
Сергей невольно озирался, привыкая. По всей розовой глубине мерцали чуть заметные искорки и блики, никак не собирающиеся во что-то для него осмысленное, а вместо шума леса в бархатистой тишине едва слышались, казалось бы, хаотические звуки, самые разные и неожиданные. Все это явно как-то воздействовало на настроение, настраивая на домашний уют.
- Нравится?
- Непривычно...
- Садись!
Сергей обернулся, примериваясь.
- Просто падай куда хочешь, не бойся!
После секундного колебания Сергей преодолел естественный протест организма и канул спиной назад. Он был принят мягкими объятиями возникшего сидения.
- Мой дом вне хронотопа этой планеты, и сколько бы мы ни разговаривали, на планете не пройдет и мгновения.
Это сообщение само по себе выбивало из равновесия. Чтобы как-то оставаться самим собой он спросил:
- Это ничего, что я тут в мокрых трусах?
- Ах, да, сама-то я переоделась, - она на секунду замялась, - но, знаешь, одежду тебе лучше выберем в зависимости от результатов нашего разговора.
Получилось отрезвляюще дипломатично...
- Если хочешь общаться со мной в таком виде - пожалуйста, - пожал плечами Сергей, - Скажи только, - он помолчал вспоминая, - что это за жуткая тварь была, ну, еще там, у моей квартиры?
- На Земле? А как это выглядело?
- Ты не знаешь? Это было очень мерзко. Такое полупрозрачное тело с щупальцами, клыками и рыжей шерстью вокруг морды... Язык длинный как у хамелеона. Меня, гад, лизнул, бррр... Намного приятнее было бы видеть тебя вместо него.
- Кто-то из наблюдателей околоземной системы разума или даже биосинтетический организм - биосинт. Это из-за всяких формальностей, связанных с перемещением неадаптированных разумных существ. Прости за неприятные переживания, - она мило пожала плечами, - Я, конечно, могла бы начать являться тебе во сне, - она интригующе округлила и без того огромные глаза, - или устроить переписку через ваш интернет, но по некоторым причинам все это не подходило.
- А далеко отсюда до Земли?
- Ну... я даже не знаю, где это.
- Как оптимистично!.. Хоть какой-то код центурии или чего там ты же знаешь?
- Ты когда лазишь по инету, разве знаешь где расположен тот или иной сайт?

- Хм. Очень надеюсь, ты не потеряла адрес моей Земли...
Она ласково улыбнулась как ребенку, - не переживай, Сережа, как тебя вытащили, так и вернут.
- Ох, не хотелось бы, чтобы прямо так же...
Она наклонилась, обдав его тонкой свежестью своих волос, и провела рукой в пространстве между ними. Там повисла небольшая серебристая поверхность с двумя розовыми шарами на ней, размером с яблоко.
Сейчас будет объяснять космологию, - приготовился Сергей.
Она взяла один и поднесла ко рту на мгновение.
- Попробуй, это должно тебе понравится.
Сергей повертел свой шар, не понимая, что нужно делать.
- Просто всосись в него с боку, - она неторопливо снова коснулась губами своего шара.
Сергей попробовал. Это было так, как если бы часть оболочки вдруг становилась податливой как жвачка и легко прорывалась, отдавая порцию ароматного сока. Казалось, что он содержит не один какой-то вкус, а множество и хотелось с жадностью выпить его как можно больше.
- Классно как..., мне нравится, - Сергей довольно улыбнулся, крутя в руках уменьшившийся шарик.
Бьянзли стала серьезной.
- Я не смогу тебе объяснить так, чтобы ты все до конца понял потому, что тут очень важна твоя неискушенность в этих вопросах. Ты не должен знать, что тебя здесь ждет в моей постановке нашей жизни, - она многозначительно посмотрела на него, - Ох, я волнуюсь... - она коротко вздохнула, - понимаешь, только ты и я на этой планете... Зачем это нужно? Скажу только, что от этого зависит моя жизнь.
- Круто и таинственно, - только и вымолвил напрягшийся Сергей. Пауза затягивалась.
- А эти все сказочные существа?
- Все на этой части планете заранее подготовлено, и эти существа - тоже. Это - биосинты, живые структуры с жестко заданным стилем поведения. Некоторые вполне добродушны, а другие очень даже наоборот. Они синтезированы уже во взрослом состоянии, но воображают, что всю жизнь жили здесь. Это - их родной дом. Но птицы и звери в лесу - настоящие природные.
- А что с ними будет потом?
- Они так и останутся жить здесь.
- Но если есть агрессивные существа, значит, кто-то может и погибнуть?
- Да.
- Хм, как реалистично... Целая планета предназначена для какой-то твоей постановки. При этом могут погибнуть некоторые ее невинные персонажи. Правильно?
- Внешне правильно. Но это не то же самое как ваша охота на диких зверей на Земле, которая нужна только для удовольствия. У нас это - необходимость. Иначе наша раса исчезнет. Наше становление требует очень много усилий. Вот у вас дети развиваются годами, хотя у более простых животных все намного быстрее.
- Да, действительно... Ты тоже прости, за мои глупые замечания...
- О, Сережа, сам ты ведь не из породы охотников и тебе действительно кажется

это несправедливым.
- Мы, конечно, тоже можем попасть в чьи-то когти?
- Не беспокойся за себя. Ты будешь под контролем аварийного извлекателя.
- А ты?
- А вот мне уж как повезет...
- Жестоко... - Сергей видел, что Бьянзли далеко не так спокойна, как пытается выглядеть. Стоило только взглянуть в ее огромные глаза. А это он себе позволял не часто, ощущая каждый раз непонятное волнение. Он не позволял себе тонуть в этом неземном обаянии как глупый пацан.
- Природа не знает такого понятия как жестокость. Любой вид жизни имеет право на существование, право на свой шанс доказать свои преимущества. Каким бы ужасным он тебе ни казался. С его точки зрения ужасен ты.
- Что-то вроде наших вылазок на выживание...
- Я могла и не рисковать, сама пойти в постановку с гарантией аварийного извлечения, но выбрала тебя. Я долго выбирала!
- Очень польщен, Бьянзли, постараюсь оправдать... Сколько времени все это продлится?
- Не больше девяти дней.
Сергей прикинул. Девять дней заботы об этой странной женщине. Разве он не мечтал с детства о подобном приключении?
- В принципе я согласен, но, знаешь, Бьянзли, если я не выйду на работу, меня просто уволят, а найти другую у нас - очень непросто.
Слегка возмутилась совесть, но Сергей одним волевым пинком загнал ее обратно в подсознание.
- О, твое материальное благополучие больше не будет тебя заботить.
- И еще мама. Она с ума может сойти от беспокойства за такой срок.
- Маме ты сейчас напишешь записку.
- И ее передаст та симпатяга с клыками?
- Сережа, - Бьянзли иронически улыбнулась, - с этой проблемой мы справимся сами, - она чуть приподняла руку, и маленькая зеленая искра слетела с нее, оставив в воздухе светлый лоскут с неровными краями и короткую палочку.
- Вот, пиши прямо на этом.
Сергей покрутил в пальцах палочку, как ребенок измазался светящейся краской и начал писать багрово полыхающими буквами: "Мама! Извини за беспокойство, но мне пришлось срочно поехать в другой город начет новой хорошей работы. Так что, если позвонит шеф, предложи ему поискать другого козла, можно горубо. Буду через пару недель. Не волнуйся, Сергей."
- Готово, - сказал он и лоскут исчез, - что это у тебя сверкает каждый раз на руке?
Бьянзли показала тонкое колечко на среднем пальце.
- Терминал пользователя. Для связи с инфосетью моей системы разума. С ним я могу очень многое.
- Волшебное колечко?
Она улыбнулась, потом вздохнула.
- Вот только я сниму его перед тем как начать жизнь здесь.
- Чтобы без поддавков, - понимающе кивнул Сергей.
- Точно.

- Слушай, ты так хорошо говоришь на моем языке! Долго пришлось изучать наш мир?
- С этим особых проблем не возникает. С мозгом кое-что делается, - она неопределенно помахала пальчиками, - организуется примерно то, что помогает детям так быстро все воспринимать. Что-то вроде критического периода развития.
- Какая-то хирургическая операция?
- Только ничего нигде не разрезается! - она усмехнулась, - Через внепространство имплантируются нервные ткани в период их созревания. И у нас все происходит гораздо эффективнее, чем в природе у детей.
- Да, как нам далеко до вас...
- Совсем не так далеко, как тебе кажется. А твоим миром я давно заинтересовалась. И именно твоей страной. Там есть необычно отзывчивые люди, готовые изменить свой мир.
- Скорее изменить своему миру, - цинично возразил Сергей, - потому, что наш мир давно изменил нам.
- Наверное, не мир вам изменил, а вы там все еще кусаться не перестали. Знаешь, более цивилизованные страны у вас погрязли в оболванивающей культуре настолько, что самобытное творчество там стало уделом очень немногих. Если бы они не переманивали еще ваши не испорченные умы к себе, не было бы у них никакого прогресса. Зато теперь ты увидел и другой мир.
- Да, я уже почти счастлив.
- Дай-ка мне свою руку.
Она надела на его средний палец точно такое же кольцо, что было на ней.
- Здорово! - он с интересом рассматривал свою новую техническую игрушку, - И как же им пользоваться?
- В сущности - это самое обыкновенное металлическое кольцо. Все дело в том, что на нем сфокусирован следящий канал связи, и он будет везде сопровождать тебя. Сейчас он отслеживает твои жизненные параметры и работает как извлекатель и выхватит тебя за мгновение до критических повреждений. А как его активизировать придумай сам. Хочешь, сделаем, что нужно будет потереть его, как в сказке.
- Забавно, пусть так и будет, - он улыбнулся.
- Это кольцо останется тебе как сувенир.
- Классно!
- Но пока ты в моей поставнове вне этого дома, оно будет работать только как извлекатель. Если, к примеру, тебя съедят, ты окажешься в моем доме и будешь реконструирован даже если от тебя ничего не останется. Теперь давай тебя оденем. Ты мне доверяешь?
- Вполне. А ты будешь в этой своей второй коже?
- Да. Тебе нравится?
- Очень.
- Это действительно как вторая кожа. У нее много функций. Хочешь такую же?
- Можно попробовать.
Бьянзли бросила ему на колени что-то черное и небольшое, похожее на

лягушачью шкурку. Сергей недоверчиво приподнял ее двумя пальцами.
- Я точно смогу это натянуть на себя?
Бьянзли взяла у него кожу.
- Встань!
Сергей поднялся, чувствуя себя как новобранец перед комиссией. В дальнейшем аналогия стала еще более полной.
- Сними свои мокрые трусы.
- Бьянзли...
- Ты хочешь, чтобы они торчали под костюмом и ограничивали его функции?
Сергей молча сорвал свои трусы и не успел выпрямиться как она одним движением продела его голову в эластичное отверстие. Удивительный материал как живой скользнул вдоль его тела, покрывая до самых пяток.
- И как я выгляжу? - поинтересовался он.
- Тебе идет. Здесь есть кармашки, смотри, - она показала, как нужно надавить пальцем на бедро сбоку, чтобы кожа в этом месте раскрывалась кармашком.
- Положи туда, - она протянула ему маленькую серебристую упаковку, - это если сильно проголодаешься.
Сергей почувствовал, что он и Бьянзли стали одной командой.
- Итак, что мы будем там делать?
- Мы будем просто жить, Сережа, эти девять дней, которые, конечно, пролетят как одно мгновение...
Она сняла свое кольцо и повесила его над головой прямо в воздухе.
- Вот, теперь я смогу попасть домой только с тобой.
Что-то изменилось в ее голосе.
- Страшно?
- Немного...
- Это действительно так тебе нужно?
Она только улыбнулась ему и взяла за руку.
- Ну, все, выводи меня отсюда.
Он шагнул наугад, и заходящее солнце над лесом заставило его прищуриться. Он оглянулся. Дом все еще обозначался слабым маревом.
- Так и будет виден, - сказала Бьянзли, - а по ночам он слегка светится.
- Куда мы пойдем?
- В лесу стоит наш домик.
Они вошли в лес, и Сергей с удовольствием отметил, что обтянутые черной кожей ступни уже не чувствуют колючек.

Лес чем-то он напоминал большой обезьянник. Из-под ног суетливо выскакивали потревоженные твари и расползались в цветущей траве, перед лицом летали бабочки с повадками назойливых мух, норовя усесться на нос, крики вокруг напоминали склочный визг на базаре, и душноватый воздух был наполнен запахами спелых плодов. Цепкий кустарник с фиолетовыми бананоподобными плодами безуспешно пытался царапать черную кожу.
- Эти морковки можно есть? - Сергей показал на плоды.
- Эти можно.
- Мать твою!! - он в ужасе отпрянул, когда из-под ног, взорвавшись алыми

крыльями, вылетела очень большая птица и, жутко ухая, пролетела низко между стволов прочь.
- Мать...мать...мать... - вперемежку с хохочущим зловещим уханьем повторило лесное эхо или какой-то пересмешник.
- Прости, Бьянзли, - раскаялся Сергей, - вырвалось. Знаешь, целыми днями все за компьютером, а тут сразу такое...
- Не надо сдерживаться, Сережа, - резонно посоветовала его новая подружка, - мы не должны чувствовать скованность между нами и тогда все будет правильно.
- Ты мудрая женщина!
Она беззаботно рассмеялась.
Вскоре они начали подниматься на холм. Лес на склоне поредел и перешел в кустарник. На самом верху за почерневшим дощатым забором стоял живописно смотрящийся над лесом вполне земная избушка из сказки про бабу-ягу, только без куриных ног.
Бьянзли чуть отстала, раздвигая ветки кустов. Сергей протянул ей руку, и они вместе преодолели резкий подъем к старой калитке. Знакомая большая сердитая птица монументально сидела на ней, уставившись немигающими ядовито-желтыми глазищами. Сергей узнал ее по ярко-красной кромке перьев и потянулся вниз за чем-нибудь потяжелее, но пришлось ограничиться увесистым комом земли с корнями. Однако, это чучело неожиданно ловко подпрыгнуло, поджимая лапы, как через скакалку, и пучок травы с землей пролетел под ней. Громкое уханье вскоре затихло за деревьями.
- Замечательное место, - сказал Сергей, осматриваясь, - мне нравится.
Он толкнул калитку и та, натужно заскрипев, отвалилась вовнутрь.
- Все это нужно будет починить, - решил Сергей.
Они вошли в домик. В небольшой прихожей было совершенно пусто. Пол оказался просто засыпан крупным песком. Сюда выходили двери двух комнат. Одна оказалась кладовкой, заваленной разнообразным хламом, в другой находилась печь, выложенная из камня рядом с окном без стекол, большой грубый стол со скамьей и дверь в третью комнату. Сергей открыл ее и увидел широкую, ничем не покрытую деревянную кровать, два низеньких табурета и... он раскрыл глаза в изумлении, увидев висящие на единственном гвоздике меч, топор, арбалет с полным колчаном стрел, щит и даже копье.
До сих пор он не очень задумывался о самой сути предстоящей им здесь жизни. Но этот арсенал и кровать наводили на конкретные мысли о возможном будущем.
- Бьянзли! - позвал он, - Это все оружие мне понадобится?
Она вошла, положила ему руки на плечо и улыбнулась.
- Ну, я не знаю, Сережа! Это все я на всякий случай приготовила...
Он взглянул в ее глаза и поверил, что она действительно не больше него представляет возможное будущее и, похоже, заранее ничего не планировала. Он решил, что ну и пусть все происходит так, как повернется.
Окно в этой комнате оказалось заделанным железными прутьями, а на толстой двери висел надежный засов. А еще в углу, прямо около кровати, зияла дыра со свежей землей вокруг, размером в человеческую голову. Из черного хода тянуло

сыростью и глубиной.
- А вот этого не было раньше... - удивилась Бьянзли.
Сергей присел и заглянул в дыру. Ход расширялся и затем уходил куда-то в сторону.
- Завалим в первую очередь, - решил Сергей, - что это может быть?
- Не знаю. Звери, которые могут рыть такие ходы, здесь не водятся. Но, возможно, это какие-то коренные обитатели. Планету я сама выбирала. По внешнему виду. Понравилось, ткнула пальцем и все. Ничего детально здесь не обследовалось...
- Ясно. А кто вообще здесь настроен против нас? Тот трехголовый, что в небе над озером пролетел, например?
- Никто из них заранее именно против нас не настроен.
- Короче, кому как в голову придет плюс непредвиденная опасность прямо под ногами.
- Пока ты здесь разбираешься, я схожу наберу фруктов к ужину?
- Ну нет, теперь я тебя одну не пущу. Подожди немного, сейчас вместе пойдем.
- Что же мне теперь и не выйти одной из дома?
- Бьянзли! - Сергей улыбнулся, но его голос стал тверже, - Раз уж только я защищен по-настоящему, то я сделаю все, чтобы ты выжила, несмотря на непредусмотренные обстоятельства. И мы будем очень бдительны, начнем тренироваться, чтобы тебя было не так просто съесть, как ленивого поросенка. Мы будем бегать, отжиматься!
- Сережа, но это не главное для меня!
- А что главнее?
- Эта постановка вовсе не для того, чтобы научиться выживать в суровых условиях! И.. я не могу сказать тебе больше...
Сергей задумался.
- Кажется, я и сам начинаю понимать, - тихо сказал он, выразительно посмотрев на нее, - но все равно, Бьянзли, пойми, я еще не освоился, и у меня нет уверенности за тебя, так что будь умницей, слушайся мужчину! - он потянулся к мечу.
Она только весело, совсем по земному, всплеснула руками и запрыгнула на кровать, грациозно как черная пантера.
Как только Сергей попробовал снять меч, весь ворох железа сорвался с хилого гвоздика и рухнул ему на ноги. Сергей взвыл и запрыгал, шипя от боли.
- Ох, Сережа! - Бьянзли вскочила, - Прости, я даже не смогла повесить это нормально...
- Ничего, - он пришел в себя, - вбивать гвозди - не женское дело. Может быть, ты и дом сама построила?
- Дом - нет! - Бьянзли рассмеялась, - Скопировала с какой-то вашей заброшенной избушки.
Выбрав кинжал и топорик, Сергей сдвинул ногой остальное к стене. Подумав немного, он снял ремень с колчана и обернул его несколько раз вокруг правой ноги выше икры и просунул туда кинжал. Более широкий ремень он снял с ножен меча и застегнул на поясе для топорика.
- Пожалуй, я готов. Пойдем?

- В кладовке должна быть корзинка для фруктов.
Она нашлась в самом низу кучи всякого хлама. Завалялась там также алюминиевая армейская фляга, которую Сергей пристегнул к поясу просто потому, что так правильно.
Две черные, матово отсвечивающие фигуры почти одного роста, одна из которых была удивительно изящной и тонкой, вышли из старинной избушки, щурясь в розовых лучах заходящего солнца. Невесомые волосы Бьянзли были подхвачены как дым вечерним бризом и короной взметнулись от бледного лица, сделав ее похожей на ведьму.
Они спустились с холма, по пути расчищая тропу от нависающих веток кустарника. Потемневший лес чуть притих, и приятный ветерок выдувал между ананасовых стволов дневную духоту.
Прямо из-под холма вытекал прозрачный ручей. Сергей опустился на согнутых руках, припал губами к воде и напился.
- Известковая. Похоже на пещерную воду, - определил он, - но неплохо.
Бьянзли встала на четвереньки, но так пить было для нее слишком непривычно, и она только макала нос в воду.
- Черпай рукой, - посоветовал Сергей, - мы теперь должны уметь пить как звери.
Вот это ей отлично удалось.
Она уже вставала, как из-под камня, откуда вытекал ручей, вытянулись по воде розовые струи.
- Смотри, Сережа!
- Знаешь, ведь это кровь... - он нахмурился и вздохнул, - выходит, я отгадал. Прямо под нашим домом пещеры, и там сейчас пируют какие-то твари. Думаю, что здесь в лесу есть где-нибудь еще выходы. А воду отсюда пить больше не будем. Нужно найти другой источник подальше.
- С водой проблемы нет. В этом лесу много ручьев.
Они пошли вглубь леса, и теперь уже Бьянзли держала Сергея за руку. Ей стало не по себе. Сергей остановился и повернулся к ней.
- Слушай, Бьянзли, может быть, вернемся за твоим кольцом и сначала наведем здесь порядок?
- Я уже повесила кольцо и теперь поздно, - она явно трусила, но с наивной надеждой посмотрела на него, - давай как-нибудь отобьемся?
Сергей посмотрел в ее глаза и понял, что будет защищать эту женщину от всего на свете.
- Я постараюсь, - он ласково улыбнулся ей и чуть сжал ее руку.
Лиловые бананы оказались кисловаты, а вот ярко-красные груши, свисающие прямо с лиановых лоз, были превосходны. Их мякоть по вкусу напоминала хурму, но сок был густым и содержал ароматное масло. Они набрали их полную корзину.
Чистый, широкий ручей протекал недалеко, вдоль холма, и там Сергей промыл и наполнил флягу.
Вечерние сумерки постепенно сгущались в лесу, но так приятно было бродить здесь с этой женщиной. Сергей болтал какие-то глупости, стараясь отвлечь ее от страхов, и это вполне удавалось, - им было опять весело. Он совсем разошелся, вытащил топорик из-за пояса и размахивал им, горланя подходящий мотивчик.

Его приводило в восторг то, что Бьянзли удачно подпевала ему своим удивительным голосом. На пике этого своего восторга он метнул свой томагавк, неожиданно удачно всадив в ствол ближайшего дерева. Когда он выдернул топор из древесины, оттуда обильно потек сок. Сергей попробовал. Это была приятная, слегка сладковатая жидкость. Он тут же вылил воду из фляги и нацедил в нее древесного сока. Нужно было возвращаться, чтобы успеть до темноты заделать дыру в комнате.

Верхний край солнца над деревьями был виден уже только с верхушки холма.
- Бьянзли, сколько у нас здесь земных часов в сутках?
- Двадцать один и одиннадцать минут.
Сергей немного подумал. Его часы показывали три часа ночи. Он поставил их на десять.
- Буду по утрам переводить на два часа сорок девять минут вперед, - решил он, - хотя вряд ли нам здесь потребуется знать время точнее, чем видно по солнцу.
Они вошли в домик, и Сергей поставил корзину на стол.
- Я пойду срублю дерево, а ты нарви травы, чтобы не спать прямо на досках.
Сергей вытащил из груды амуниции настоящий боевой топор. Прихватив еще и кастрюлю, он спустился к подножию холма, и выбрал дерево, подходящее по толщине для того, чтобы заткнуть дыру.
Рубить деревья было не очень привычным делом. Он выдохнул и широким замахом с чавкающим звуком всадил лезвие в податливую древесину. Сделав глубокую зарубку, он подставил кастрюлю и заполнил ее соком до краев.
На деле срубить ананасовое дерево оказалось гораздо легче, чем он предполагал. Разрубив ствол еще на две части, он поволок тяжеленный обрубок к домику. Отдыхать приходилось каждые несколько метров, и он дышал как лошадь на скачках. Но пот ощущался только на открытых частях тела. Под костюмом было вполне комфортно, и это здорово помогало.
Сергей затащил бревно в спальню и увидел, что на кровати едва помещается целый стог травы, накрытой сверку несколькими кусками материи. Бьянзли яростно утрамбовывала ее, прыгая на четвереньках и перекатываясь. Зрелище было очень увлекательным, но в комнате становилось все темнее и нужно было спешить.
Сергей расширил дыру и впихнул в нее бревно, рассчитывая, что торчащая чешуя не позволит уже вытащить его никакой силе. Бревно ухнуло вниз и плотно застряло в изгибе хода. Сюда могло поместиться еще одно.
- Ты вспотел! - воскликнула Бьянзли, - спрыгнув с кровати, - как ты вообще затащил это на холм?
- Да, я слегка не в форме, - признал Сергей, - Но, думаю, второе бревно мне дастся легче.
- Я помогу тебе!
- О, Бьянзли! Таскать бревна!? Доверься, я вполне с этим справлюсь сам.
- Пойдем! Запомни, мы здесь - на равных.
Очень непривычно было слышать такое от женщины.
Сергей так и не понял, то ли ему действительно помогла смешно упирающаяся длинными ногами Бьянзли, то ли ее присутствие так стимулировало или же

организм начал приспосабливаться к такой работе, но это бревно, действительно, далось гораздо легче. Скорее всего, подействовали все три фактора.
Они вышли наружу. На светлом еще небе начали появляться первые звезды.
- Костер сейчас бы разжечь, - размечтался Сергей, - у нас спички есть?
- Представь себе, я тоже только сейчас вспомнила про это, - Бьянзли огорченно вздохнула, - такое и не предусмотреть! У нас нет ничего, чем можно добыть огонь...
- А ночью хоть светло? Луна здесь какая-нибудь есть?
- Мне предлагали закружить здесь несколько лун, это было бы так романтично, но, знаешь, чем легче дается постановка, тем менее эффективен результат, и я решила...
- Понятно, - Сергей задумался, перебирая известные способы добывания огня, хотя помнил, что в детской игре "как разжечь костер на необитаемом острове" нет достаточно действенного способа. Внезапно у него появилась слабая надежда.
- Бьянзли, а на случай травм или болезней ты тоже ничего не предусмотрела?
- А вот и предусмотрела! - она гордо тряхнула облаком своих волос, - В кладовке есть целый мешок ваших лекарств. Я, конечно, не разбираюсь в них, поэтому просто набрала то, что в аптеке было.
Она вытащила волоком из избушки действительно не маленький мешок, и Сергей нетерпеливо принялся выкладывать содержимое.
- Так, рыльца кукурузные, шесть пакетов, - комментировал он.
- Я подумала, что их нужно много, раз пакеты такие большие...
- Горшок подкладной - совершенно необходимая нам вещь!
- Вот видишь! - она гордо улыбнулась.
- Три коробки хвойного экстракта! Надо будет высыпать его русалкам в озеро... Так, клизмы, соски, фталазол... - он быстро выгребал все пока не нашел марганцовку, флакон глицерина и бутылочку с борным спиртом.
- Ну вот, Бьянзли, кажется, теперь у нас будет костер.
- А зачем лекарства?
- Знаешь, я когда-то был мальчишкой.
- Я почти уверена в этом.
- А у нас практически не бывает мальчишки, который бы не прошел период увлечения пиротехникой. У меня же этот период не прошел, а трансформировался в мою первую профессию. Короче, я знаю, как с помощью лекарств разжечь костер. Осталось только набрать дров.
С сухим кустарником проблем не возникло. Мало того, Сергей обнаружил, что некоторые виды кустов были со смолистой древесиной.
Из мелких веточек Сергей сложил шалашик, насыпал кучку марганцовки у его основания, смочил ватку борным спиртом и подвинул ее под ветки. Затем накапал глицерина на марганцовку.
Бьянзли присела рядом и с любопытством наклонилась, чтобы лучше рассмотреть. Над кучкой завился дымок, начало потрескивать, искрить и, внезапно, все загорелось. Бьянзли с восторгом посмотрела на Сергея. Ему удалось удивить инопланетянку!

- Как здорово, Сережа! Но какие же страшные лекарства у вас на Земле, ими даже огонь можно добыть!
- О, не только огонь, - засмеялся Сергей, гордый за себя и за земную медицину, - у нас тут есть компоненты для неплохой взрывчатки! - и он начал подкладывать в огонь более крупные ветки. Отблески огня заиграли на матовых костюмах переливчатыми бликами.
- Слушай, что-то в лесу совсем тихо стало, - заметил Сергей.
- Здесь птицы и большинство зверей засыпают после заката.
- А у нас ночью кузнечики громко стрекочут, - вдруг вспомнил Сергей.
- Я знаю, - Бьянзли ласково улыбнулась ему. Они помолчали.
- Бьянзли, пока еще что-то видно, давай сбегаем к ручью, умоемся после таскания бревен?
- Хорошая идея, - согласилась она, и две длинные черные тени метнулись от костра вниз по склону.
Глаза скоро привыкли к лесному мраку, и Сергей заметил, что инопланетные костюмы мерцают призрачным светом. Их фантастические силуэты мелькали между стволов и следом раздавались сердитые вскрики. Он чуть было не попал в темноте в ручей, но Бьянзли схватила Сергея за руку, и они остановились. Она повисла у него на шее, порывисто дыша.
- Давно я так не бегала!
- Устала? - Сергей осторожно придерживал ее, пытаясь разглядеть лицо.
- Сейчас искупаемся, и все будет отлично! - она отстранилась, светящийся силуэт ее костюма описал дугу, уменьшаясь в размерах, упал на траву и раздался легкий всплеск.
- О-о-о! Как хорошо!
Сергей зашел в ручей. Тот был неглубоким и довольно холодным.
- Эй! - крикнула Бьянзли, - костюм-то сними!
Сергей безуспешно попробовал сделать это.
- Я вроде как не умею...
Она встала, подошла и просунула пальцы между его шеей и второй кожей, - теперь просто снимаешь и...
- Ясно, спасибо! - Сергей без проблем освободился от костюма и лег в воду на песчаное дно. От холода невольно перехватило дыхание. Рядом счастливо повизгивала Бьянзли.
- Слушай, почему вода здесь такая холодная?
- Горная.
После такого купания казалось, что по всему телу идет приятная волна горячего покалывания.
- Теперь будем сохнуть? - спросил Сергей.
- Надевай костюм, он сам тебя высушит.
Сергей поднял свой мерцающий лоскут, нащупал отверстие и продел через голову. Ничего не происходило.
- Бьянзли! Поверь, у меня на самом деле не получается уговорить эту шкуру! Может я такой тупой...
Она подошла, сняла лоскут с его шеи.
- Ты пытаешься надеть его верх ногами!

- А где у него ноги!?
- Не переживай, научишься! - она одела его в кожу и потом нежно коснулась губами подбородка, - Это чтобы у тебя не возник комплекс неполноценности!
Домой они возвращались, почти на ощупь в темноте, обнявшись. Сергей чувствовал под своей ладонью ее тонкую талию и мышцы, играющие с каждым шагом. Он был мужчиной, и это его волновало. Но рядом была вовсе не обычная земная девчонка. Отношения с ней не могли быть простыми. И он не желал становиться беззащитным, поддавшись ее обаянию.

С дровами повезло: загорались легко, горели долго и от них исходил дымок - как благовоние! Костер горел ровно и ярко. Сергей добавил немного новых веток. Небо совсем потемнело, только длинные ряды ползущих в сторону заката облаков еще отсвечивали медно-красным светом. Пламя красиво окрашивалось по краям в интенсивно красный цвет, чему не находилось химического объяснения. От яркого света непроницаемо сгущалась темнота вокруг.
Сергей вынес корзину с фруктами, арбалет и скамейку, и они уселись на нее около костра.
Воздух все еще оставался теплым, но без духоты. Сергей взглянул на небо, густо усыпанное звездами, многие из которых были непривычно крупными. Рядом сидела, прижавшись к нему плечом, инопланетянка, с которой он едва познакомился, но уже доверившая ему свою жизнь. Отблески костра делали ее лицо нереально-фантастичным, а ее бездонные глаза вмещали все звездное небо. Он подумал, что эту картину запомнит на всю жизнь.
Он заставил себя не увлекаться и переключился на более ироничное настроение, выбрал в корзинке и протянул ей плод. Она хотела было взять, но он, дразня, чуть отвел руку. Она скосила на него глаз и снова потянулась, но плод опять отпрянул. Третью попытку Сергей позорно прозевал, настолько стремительно ее пальцы выдернули фрукт из его руки, так, что Сергей обомлел:
- О... да ты хищница, Бьянзли!
Она улыбнулась, впившись зубами в мякоть и заурчала как зверь.
- Кажется, это наш последний перекус перед сном?
Они съели несколько плодов и просто сидели, наслаждаясь чудесным вечером. По лесу прокатился не очень далекий протяжный вой. Подхваченный то ли эхом, то ли другими тварями, он превратился в такой жуткий и завораживающий стон, какого Сергей не мог представить в мире звуков.
- Это василиск, - тихо сказала Бьянзли, когда все смолкло.
- Нифиг... - ошарашенный Сергей нащупал внизу арбалет и поднял его с земли.
- Какой он хоть из себя?
- Размером чуть больше тебя. В него, наверняка, трудно будет попасть стрелой - он очень подвижен. В морду лучше не глядеть - слишком ужасная. Мне было не по себе даже когда видела пространственную копию.
- Зачем же было устраивать здесь такое?
- Весь этот набор придумала не я. Его рассчитывали специально для меня, - вздохнула Бьянзли.
- Какие у него повадки? Может он сейчас напасть?
- Пока горит костер, - нет.

Сергей со второй попытки натянул тугую тетиву, вложил стрелу и прицелился в дверь избушки. Раздался короткий резкий визг, и приоткрытая дверь захлопнулась.
- Силища! - восхитился Сергей и, подойдя, попытался вытащить стрелу, но наконечник вошел в дерево на две трети и даже не шевелился.
Немного успокоенный таким эффектом, Сергей вернулся к Бьянзли. Она прижалась к нему, он обнял ее сзади, и они молча сидели, пока где-то рядом не раздался новый душераздирающий стон, от которого застыла кровь. Все остатки храбрости растаяли.
- Пойдем в дом, Бьянзли, - Сергей встал, - здесь уже больше не комфортно. К тому же я давно не охотился на василисков...
Он собрал охапку заранее подготовленных смолистых веток и зажег от костра пару из них.
Они вошли в дом. Сергей воткнул горящие ветки в стену между бревен.
- Слушай, - Сергей замялся, потом усмехнулся пикантности ситуации, - я думаю, что твоя инопланетная физиология не настолько сильно отличается от моей, чтобы перед сном не возникла необходимость...
- А там, в темноте, нас ждут, - закончила Бьянзли.
- Не будем делать из этого проблемы, я-то неуязвимый, пошли, постою рядом с факелом.
Никаких особых сложностей, действительно, не возникло. Они вернулись, Сергей задвинул засов и поджег несколько новых веток на стене.
- Ты боишься темноты?
- Нет, - Бьянзли сидела на кровати, поджав под себя ноги. Ее огромные глаза смотрели на него с каким-то любопытством.
Опять интерес исследователя? Сергей задумчиво разложил оружие. И что от него ждут сейчас? Только не надо домысливать то, чего нет на самом деле.
Он забрался на кровать и демонстративно уселся перед ней в той же позе. Она молча смотрела на него, только глаза чуть сузились. Может быть, это была какая-то медитация?
- Почему ты выбрала именно меня?
- Вот так захотела, Сережа, - помолчав, сказала она тихо, - когда понаблюдала за тобой, почувствовала твою душу мне сразу все понравилось, и я поняла, что могу тебе простить даже серьезные промахи.
Сергей задумался на пару секунд.
- Бывает какое-то сродство душ?
- Душа - неподходящее понятие. Поверь на слово: я знала, как выбирать.
Перед Сергеем сидело совершенно чужое, неземное существо, но так доверчиво отдавшее свою судьбу в его руки, что он готов защищать ее от всего на свете. Осознание этого немного ошеломляло.
- Тебе, наверное, сейчас не до разговоров?
Она согласно кивнула.
- Знаешь, у вас есть такие короткие смешные рассказы - анекдоты, - она улыбнулась, - расскажи что-нибудь!
Он фыркнул от неожиданности. На миг показалось, что перед ним скучающая земная девушка.

- Анекдот?..
Она улыбнулась, а он толком не знал, что рассказать.
- Ну вот... Однажды на вершину полезли два альпиниста. Ну это такие люди, Бьянзли, которые выбирают самые непролазные пути, чтобы проверить, все ли еще любит их судьба.
- Я знаю! - она улыбнулась.
- И один говорит другому, сглотнув: "Джон, если у тебя подогрелась на животе наша последняя котлета, то не подходящее ли это место, чтобы съесть ее?". "Знаешь, Дик, я забил ее в стену, когда закончились крючья".
Бьянзли только сверкнула глазами, коротко вздохнула и, как большая кошка, блестя черными точеными боками, переместилась к нему, обняла сзади и положила голову на его плечо. Сергея переполнила волна нежности, и он даже не сделал попытки сопротивляться этому.
- Бьянзли, - проговорил он тихо, - мне почему-то ужасно жалко тебя... Я буду защищать тебя, как только смогу...
Она улыбнулась в полумраке, и ее тонкие пальцы коснулись его головы, ласково скользнули по шее. И это было похоже на то, как мать благодарит своего сына, который пообещал вступиться за нее.
- Послушай, я не хочу, чтобы у меня была эта подстраховка! - он начал снимать кольцо.
- Стоп, Сережа! - воскликнула Бьянзли, - Это не я придумала такие правила и ничего с этим нельзя сделать. Если ты снимешь кольцо - на этом все и закончится.
Он молча сжал ее руку.
- Пора спать, - прошептала она.
Они легли рядом, обнявшись. Он, ни о чем больше не думая, зарылся носом в ее пахнущие тонкой незнакомой свежестью волосы и нежно гладил ее голову. Последние события ярко представали перед ним, как это бывает, когда болен и с высокой температурой. Все, что случилось, начинало казаться далеким и не реальным.
Никто не ломился в дверь. Они заснули.
Оба проснулись от холода почти в полной темноте. Только густо усыпанное крупными звездами небо светило из окна примерно с яркостью земной луны. Что-то тихо возилось прямо за дверью. Несмотря на холод, после сытных плодов хотелось пить.
- Хочешь древесного сока? - прошептал Сергей.
- Да.
- Он налил в кружку из кастрюли. Потом напился сам и вернулся на кровать. Бьянзли закутала его и себя материей, и прижалась к нему всем телом.
Они уже засыпали, когда раздался ужасающий стон. Снаружи на дверь навалилось тяжелое тело, и дерево затрещало, раздираемое когтями. Бьянзли изо всех сил стиснула Сергея. Она шумно и горячо дышала ему в затылок. Потом за дверью все затихло, но вскоре в самой комнате явственно раздалось нетерпеливое звериное дыхание. Замирая от ужаса, Сергей повернул голову и увидел рядом два оранжево светящихся глаза. Он с трудом сглотнул, совершенно растерявшись, а потом вдруг сообразил, что глаза выглядывают

через железную решетку окна.
Сергей медленно вытянул руку, загораясь яростью за свой страх и нащупал арбалет. Как только он его поднял, глаза исчезли.
Весь остаток ночи василиск то скребся в дверь, то стонал так невыносимо, что к этому невозможно было привыкнуть, то шумно дышал в окно.
Наконец чуть посветлело, закричали проснувшиеся птицы, и кошмар закончился. Сергей и Бьянзли заснули и отсыпались, пока солнце не протянуло к ним лучи через окно вместе с душным ароматом лесных плодов.

Сергей проснулся первым. Бьянзли лежала на спине как ребенок, чуть приоткрыв губы. Некоторое время он смотрел на нее, потом ему пришла в голову банальная мысль незаметно ее поцеловать. Осторожно приблизившись, он коснулся губами ее удивительно нежной щеки. Бьянзли вздохнула и что-то прошептала на незнакомом языке.
Сергей улыбнулся, перевел часы на два часа девять минут вперед и попытался слезть с кровати, не разбудив ее. Но она открыла глаза, увидела его и протянула руки. Они обнялись, без слов поздравляя друг друга с началом нового дня. Он почувствовал сильное влечение и в безотчетном порыве очень нежно поцеловал ее. От этого все слегка поплыло, и он с волнением пытался представить, что сейчас будет. Может быть, их костюмы достаточно интеллектуальны и станут проницаемы для возбужденной плоти? Но этого не случилось. Бьянзли просто счастливо улыбалась, почему-то ласково почесывая его за ухом, а потом непринужденно освободилась и встала.
Засов на двери не поддавался. С трудом сдвинув его топором, Сергей вышел и тихо присвистнул. Дверь оказалась процарапанной чуть ли наполовину. Еще одна такая ночь, и василиск может выйти победителем.
Во дворе под пеплом слабо дымились еще горячие угли. Низко над травой летели к лесу редкими стаями большие голубые бабочки, похожие на колибри. В чистом прохладном воздухе сквозь приторный аромат пробивался еле заметный смолистый запах, как в еловом лесу. Утреннее солнце светило спокойно и ласково.
Сергей настрогал кинжалом тонких щепок и, убрав пепел, принялся раздувать огонь. Вскоре щепки густо задымили и вспыхнули.
Внезапно сзади раздалось странное фырчание. Сергей хотел обернуться, но на его плечи навалилась неожиданная тяжесть. Он резко вывернулся и чуть было не всадил кинжал в Бьянзли... Он побледнел, отбросил оружие и, схватив ее за плечи, хорошенько встряхнул. Бьянзли только растерянно и виновато молчала. Он обнял ее.
- Глупо пошутила, Сережа, прости, вспомнилось как ты меня вчера дразнил у костра...
- Ладно, будем считать проверкой на готовность... Не выспалась?
- Еще не привыкла к такому... Пойдем умываться? - она клюнула его в подбородок и, повернувшись к солнцу, соблазнительно потянулась, зажмурившись.
- Совсем как кошка! - не удержался Сергей, - Говорю же - хищница! Пойдем умываться. Есть хочешь?

- Я и вчерашними фруктами сыта буду, это ты вот - хищник, привык есть мясо.
- И что, совсем мясо не ешь?
- Живое не ела еще ни разу в жизни, только синтетическое.
- А грибы в твоем лесу водятся?
- Ты их ни за что не найдешь, но я помогу. Еще можно русалок попросить рыбы наловить...
- Отлично, тогда берем корзину.
Они спустились в лес. Здесь трава еще не высохла от росы. Было довольно скользко. Пока они шли к дальнему ручью, где купались ночью, их несколько раз забрасывали огрызками утреннего завтрака с верхних ветвей. Но когда один из переспелых плодов разбился прямо о макушку Сергея, он поднял корягу и метнул ее вверх. Это было ошибкой. В верхнем мире будто только и ждали со скуки, когда же он обратит на них внимание. Под взрыв радостного визга на них обрушилась плотная лавина фруктов.
- Бежим! - заорал Сергей. Но Бьянзли уже опережала его, и ее черное гибкое тело мелькало за ближайшими деревьями.
Он догнал ее у ручья. Очень неплохая прыть для такого нежного существа!
- На обратном пути будет что собрать! - возбужденно прокричала она, - Мы сможем навялить эти фрукты на солнце!
Сергей наклонился, чтобы смыть с волос фруктовую мякоть.
- Бьянзли, признайся, ты обучалась домоводству на Земле? Откуда такая хозяйственность?
- Не обучалась! Просто это же очевидно!
Они умылись.
- Надо же, привык по утрам зубы чистить, и теперь кажется, что чего-то не хватает.
- Открой рот! - Бьянзли достала из своего кармашка что-то, положила ему в рот и со смехом захлопнула его челюсть, надавив на макушку и подбородок.
- Глотать не надо!.. Так, теперь выплюнь!
Сергей выпустил изо рта целый столб радужных шариков. Запахло свежестью.
- И?
- Больше тебе никогда в жизни не потребуется чистить зубы. Симбиотические бактерии будут следить за порядком.
- Как здорово! Спасибо, Бьянзли! Ты знаешь, на Земле с зубами почти у всех проблема. Слушай, если эти бактерии будут жить у меня во рту то, получается, я могу их и другому передать?
- И как ты это собираешься делать?
- Конечно же, поцелуем.
- Ну... это должен быть очень долгий и очень интимный поцелуй.
- Тогда жаль, - разочаровано вздохнул Сергей, - врачебной практики не получится.
- Давай грибы искать! Они у ручьев растут.
Вскоре она подозвала его к замшелому стволу, наклонившемуся над водой. К его основанию прилип большой лилово-красный шар, размером с футбольный мяч.
- Нормальный грибочек, - оценил Сергей, - его одного нам хватит. Он отщипнул кусок и понюхал. Здесь неожиданностей не было: гриб пах привычной, качественной грибной свежестью.

Когда они проходили под местом фруктопада, все было уже тихо. Видимо завтрак окончился.
- Они что, строго по часам живут? - удивился Сергей.
- Здесь времен года нет, и день всегда имеет одну и ту же продолжительность. Проснулись, не спеша покушали. И так каждый день.
Выбрав наименее разбитые плоды, они быстро заполнили корзину, которую Сергей поставил себе на голову для экзотики и вообще так оказалось очень удобно ее нести. Бьянзли шла перед ним. Она проткнула гриб сухим прутом насквозь и несла его на плече как узелок.
О, она знала все женские повадки или они были у нее врожденные. Как бы невзначай все ее движения были естественно грациозны, она напевала симпатичный инопланетный мотивчик своим чудесным голосом с диапазоном от звонкого птичьего свиста до баса с милой хрипотцой.
Сергей плохо еще чувствовал ее внутренний мир, но внешними качествами она легко его очаровывала. И в обаянии ей не откажешь. "Нет, старик, ты же не ловишься на блесну" - сказал он себе вполне уверенно. "А ты слушай не ее голос, а как она поет" - возразил какой-то новый Сергей, который родился этой ночью. И у старого Сергея не осталось ни единого шанса быть безучастным. Поэтому, чтобы противостоять такой несправедливости, он такой шанс сотворил сам.
- Бьянзли, а можно каверзный вопрос, в духе интервью наглого журналиста?
Она слегка напряглась, как обычная земная девчонка, и мелодия растаяла в воздухе.
- Оставляю за собой право не отвечать.
- О, не волнуйся, я не буду спрашивать, сколько тебе лет - любой твой ответ в диапазоне от 15 до 1000 лет ничего мне не скажет.
- Почему же не спросить? Мне около восьмидесяти ваших лет. У нас очень долгое развитие.
- О! - старый Сергей торжествовал. Но новый Сергей тоже торжествовал: при таком возрасте и такая внешность!
- Не можешь поверить? - Она улыбнулась через плечо, - Щенячий возраст у нас. Так что за вопрос ты хотел мне задать?
- Уважаемая Бьянзли...
Она споткнулась, остановилась и повернулась к нему с явным вызовом. Сергей оказался прямо перед ней и невольно всмотрелся в ее лицо. Ей было не больше двадцати. Она была своеобразно, бесспорно прекрасна и со снисходительным вызовом смотрела на него.
- Сорри, Бьянзли, моя очередь была неудачно пошутить. Итак, мой вопрос, можно?..
- Попробуй, но смотри, ты же знаешь, какая я быстрая.
- Да. Во сколько лет у тебя был первый сексуальный опыт?
На несколько напряженных секунд природа выключила шумы леса.
- Точно не помню, - наконец ответила Бьянзли, - но достаточно рано, примерно в двадцать.
Сергей старался не показывать некоторое раздражающее разочарование.
- Рано - с нашей точки зрения, Сережа. А теперь я пойду сзади, - она с улыбкой плавно обошла его. Они зашагали дальше.

- Я спросил не потому, что навеяло, когда я шел сзади, - начал было оправдываться Сергей
- Просто теперь моя очередь задать нескромный вопрос.
Сергей даже обрадовался.
- Отвечу, чего бы мне это не стоило.
- Я не буду спрашивать о твоем первом сексуальном опыте...
- А почему же? Он у меня был в детском садике, в пять лет.
- Что??
- Не можешь поверить? Все очень просто. У нас каждый день был тихий час, и нас раскладывали всех в одной комнате. С обеих сторон от меня лежали девочки. Точно не помню, как начался этот интерес, кажется, сначала в игре они были мамами, а я - их ребенком, мне делали уколы и мерили температурку, но иногда мы старались доставить друг другу чисто тактильное удовольствие. Потом это само прошло.
- Совсем как бывает в звериной стае.
- Ну, не знаю. Ты еще не забыла свой вопрос?
- Пожалуйста, вот он. Тебя когда-нибудь бросала любимая девушка?
И это вопрос инопланетянки?? Как банально... Сергей разочарованно вздохнул.
- Ну... Было так, что я не мог добиться взаимности с самого начала, но чтобы мы любили друг друга, и меня вдруг бросили в это время, еще не случалось... Ага, ну конечно, я понял.
- Что понял?
- Ты хочешь знать, что со мной будет в случае, если ты меня приручишь, но через несколько дней нам придется расставаться.
- Не угадал.
- А у меня есть право на уточняющий вопрос?
- Нет, мы уже пришли.

Сергей в первый раз растопил печь во второй комнате. Бьянзли нарезала гриб крупными ломтями, сварила его и, затем, недолго тушила с жирной мякотью фруктов. Соль Бьянзли не забыла на Земле, и блюдо получилось очень вкусным. Где она научилась готовить? Они сидели за столом на скамье, и Сергей незаметно наблюдал как ест инопланетянка. Просто ему было это интересно. Он не нашел в этом ничего необычного.
После завтрака Бьянзли принялась нанизывать плоды на тонкую веревку, чтобы высушить их. А Сергей задумался, как избежать повторения прошлой ночи. Он встал перед разодранной дверью. Укрепить ее здесь было невозможно. Похоже, вся проблема была в василиске. Он не даст уснуть в любом случае. И он придумал конструкцию ловушки.
Он выбрал самую прочную и длинную доску, прибитую поперек забора, которая должна послужить пружиной и отодрал ее. Топором он вырубил небольшой отверстие в стене сбоку от двери в спальню, притащил копье, просунул в отверстие и привязал к доске древко так, чтобы наконечник оказался в месте, где может находиться царапающий дверь василиск. Прочной веревкой он обвязал доску там, где крепилось копье, и, натянув с помощью блока насколько хватило сил, отогнул доску, привязав натянутый конец веревки к палке у забора.

Стоило только сбросить петлю с верхушки палки, как эта мощная пружина сработает. Это нужно было проверить.
Длинную тонкую веревку Сергей протянул от петли через верхнюю доску забора через верхнюю полосу железной решетки на окне их спальни.
Бьянзли уже развесила фрукты в тени и с пониманием наблюдала за приготовлениями.
- Дерни из спальни, - попросил Сергей, - а я посмотрю, как это сработает.
Он вошел в переднюю. Кончик копья еле заметно торчал из глубины отверстия, затем с мощным хлопающим звуком метнулся к двери и закачался там.
Бьянзли вышла из спальни.
- Если только не промажет, то этого точно будет достаточно. Но хорошо бы вырыть еще ловчую яму под дверью.
- Он ее почует. Или сами попадемся.
- Ладно, будем надеяться, все получится. Он вышел и отвязал копье, чтобы не мешало.
- Пойдем на озеро? - предложил он, - может быть, рыбы перепадет.
- Ох, как только я там появляюсь, этот болван как-то узнает про это и начинает приставать.
- Водяной, что ли?
- Ну да.
- Попробуем извлечь из этого пользу. Кажется, он главный у русалок? Тогда ты приманишь его, и мы договоримся.
Сергей закинул арбалет за спину, а Бьянзли захватила корзинку.
В лесу становилось душно, и перспектива купания в озере радовала.
Деревья расступились, открывая озеро и вздымающиеся сбоку горы.
Сверкающие ледники и синие небо отражались в воде.
- Ты сможешь найти мой дом? - спросила Бьянзли.
Сергей посмотрел по сторонам и без особого труда разглядел характерное марево.
- Вон он! - он махнул рукой.
Они подошли к берегу, проваливаясь по щиколотку в уже горячем песке.
- Искупаемся? - предложил Сергей.
- Я не умею плавать, - Бьянзли улыбнулась, пожимая плечами.
- Я тебя буду учить! - обрадовался Сергей, - сейчас разведаю, как тут у берега. А можно костюм не снимать?
- Можно, но ты не почувствуешь воду.
- Я перед русалками не могу голым...
- Тогда сними до пояса и снизу - до бедер!
Получилось что-то вроде широких интригующих плавок. Если бы он в таких вышел на земной пляж - то это могло бы положить начало новой моде.
Берег полого снижался, и метров через десять Сергей по грудь оказался в воде.
- Бьянзли! Ничего не бойся, можешь заходить смело! - он нырнул, открыл глаза, но кроме мальков и редких стеблей водорослей ничего особенного не увидел. Он поплыл под водой к берегу и вынырнул.
Бьянзли стояла спиной к озеру и держала на прицеле колченогого водяного. В отличие от Сергея она была вообще без костюма. Картинка была потрясающая -

прелестная амазонка и сказочное чудище.
- Ну, стрельни, стрельни! - гнусавил тот, мелкими шажками подступая к ней и путаясь при этом в зеленой бородище, - Не балуй с етим-то, Авдотья! Вона, глянь, твой гусь из воды выбрался, оглянись!
Сергей, проходя мимо насмерть стоящей Бьянзли, осторожно отвел в сторону арбалет.
- Привет, дедуля! - он доброжелательно махнул рукой, - Что же ты мою старушку так пугаешь? У меня к тебе дело есть, поговорим?
- А-а... лапоть ты, а не мужик! - водяной досадливо сплюнул под ноги.
- Обижаешь, дедуля, я живу, никому не мешаю.
- Ну и не мешай! - водяной яростно закинул бороду за плечо, открывая ужасающие подробности своей анатомии, с неожиданной силой отшвырнул Сергея в сторону, и снова двинул к Бьянзли.
Ошеломленный Сергей поднялся с песка и, не задумываясь, влепил пинком под зад водяному. Раздался булькающий звук, и чудовище медленно как танк развернулось. Низко пригнув голову, водяной завопил "у-у-у" и начал набирать скорость. Сергей, помня его силу, отпрыгнул в сторону в последний момент, и изо всех сил рубанул сцепленными руками тому по шее. У истребителя заглох мотор и он, вспоров носом песок, так и остался на месте посадки.
- Теперь рыбы не будет, - Сергей, уныло смотрел на тупо мычавшее тело, - ну и силища у него. Если бы он меня схватил...
Поверхность озера у берега вскипела и показалось множество русалочьи голов. Стало шумно и весело.
- Точно, здесь он!
- Что он там делает в песке?
- Опять около нее вертится!
- Бабник чертов!
- Уже не вертится, отвертелся!
- Я видела, это парень его так!
- Жалко мы не видели!
- Надоел, пусть здесь тухнет!
- Да поплыли, девочки!
Весь этот сумасбродный и легкомысленный гвалт явно обладал притягательной силой, которой славились сирены, и Сергей старался не задерживать взгляд на кукольно-смазливых мордашках.
- Эй, парень!
- Что засмотрелся на девочек?
- Подтолкни к нам дядюшку!
- Здорово ты его!
- Тащи прямо за бороду!
- А вы не кусаетесь? - спросил Сергей.
- Ой, он нас боится!
Сергей перевернул водяного, уперся и с трудом поволок его за ноги. Тот моргал одним глазом и мычал. У берега он столкнул тело в воду, и оно как пробка закачалось на воде.
- Спасибо, парень!

- Больше он не полезет!
- Он уважает, когда его так!
- Щас бородой привяжем к коряге!
Русалки подхватили старикана, как-то умудрились стравить из него гадко пахнувший балластный газ, и скрылись в пучине. Сергей брезгливо поморщился.
- Эх, забыл у них рыбы попросить! - он повернулся к Бьянзли, - Пойдем купаться, только арбалет оставь на берегу!
Она медленно приходила в себя и, наконец, улыбнувшись ему, ступила в воду.
- Я жутко испугалась! - призналась она.
- О, видела бы себя со стороны! Ты, оказывается, вполне способна постоять за себя!
Они зашли поглубже, и Сергей взялся за обещанное обучение. Они барахтались в воде, смеялись, забыв обо всем на свете. Сергей не помнил, чтобы ему было когда-нибудь так хорошо.
Но это продолжалось не очень долго. Внезапно они оказались в центре широкого круга всплывших русалок. Те ухмылялись, хитро подмигивали, еле сдерживаясь от смеха. Вот же попались.
- Как дядюшка, девочки? - улыбаясь всему хороводу, спросил Сергей.
- Рвется к тебе! Еле держим!
- Мало ты ему!
- Поиграй с нами тоже!
- Скажи, кто из нас самая красивая?
- Да, скажи!!!
Веселая карусель опять начала оказывать притягательное воздействие, и Сергей тряхнул головой чтобы снять наваждение.
- Да вы все очень красивые! - выдал он неожиданно для самого себя.
Бянзли точно понимала его состояние, выжидательно улыбалась ему когда он цеплялся за нее взглядом, но ничего не говорила.
- Тогда скажи, кто лучше поет!
- О, да!!!
Русалки принялись извиваться вокруг, выпрыгивать высоко в воздух, блестя чешуей и, демонстрируя свою грацию.
Сергею итак было не просто держать себя в руках, а что будет когда они запоют как сирены? Он с испугом взглянул на Бьянзли.
И тут русалки запели хором, завыли так, что Сергею захотелось нырнуть поглубже от этих совсем не чудесных звуков.
- Стойте! - заорал он, - Я же никого из вас не слышу! Хотите, чтобы все было по-честному?
- Да, по-честному!
- Отлично. Поем по очереди. Сегодня слушаем только пять певиц, завтра - следующих, а потом устроим турнир из лучших. Все согласны!
- Да! Каждый день будем петь!
- Классно!
- Тогда посчитайтесь, кто будет петь первыми.
Русалки ненадолго исчезли под водой и появились снова, выбрав пять претенденток.

- А пока они поют, принесите мне, пожалуйста, несколько рыбин за то, что я вас слушаю.
- Тащите ему охулей!
- Нет, мурянок!
- Тихо! Я петь буду! - нетерпеливая русалка замахнулась на подруг и затянула тонким голосом плаксивую мелодию.
Сергей честно прослушал пять песен и сделал выбор. Счастливая русалка бросилась к нему целоваться, измусолила щеки и, оцарапав чешуей, уплыла.
На берег из озера стали вылетать большие рыбины. Они били хвостами, метались и многие выпрыгивали обратно в озеро.
- О, хватит, хватит! - закричал Сергей, - Спасибо, девочки! Продолжим завтра в это же время!
Над озером опять повисла безмятежная тишина.
- Как дети, - улыбнулся Сергей.
- Обманчивое впечатление. Они бывают достаточно непредсказуемыми в таких больших стаях! - сказала Бьянзли, - Если бы что пошло не так, нас могли и на дно утащить.
И тут Бьянзли с провокационной улыбкой негромко запела. То ли в сравнении с примитивным пением русалок, то ли она постаралась особо, но Сергей был моментально очарован. Он не понимал слов, и мелодия была совсем непривычной, но голос лился так чудесно, трудно было представить, что такое возможно. Она вдруг прервалась.
- А мне какое место присудишь?..
- О, Бьянзли... я ни когда не слышал ничего чудеснее!..
Она довольно засмеялась.
Они вышли на берег, положили несколько рыбин в корзину и выпустили остальных в воду.
Бьянзли оделась и подняла арбалет.
- Жадные мы все-таки, - сказал он, взвесив корзину в руке, и поставил снова на песок, - Слушай, у тебя волосы от воды совсем спутались. Давай поправлю.
Она подошла и ласково уткнулась лицом ему в грудь. Он вдохнул уже знакомый запах, нежно обнял ее. С резким хлопком выстрелил арбалет и Бьянзли, вздрогнув от отдачи, слабо вскрикнула. Они посмотрели в сторону озера, куда улетела стрела. Все обошлось.
Он принялся перебирать струи ее локонов, потом придумал заплести несколько косичек, пока она не подняла голову.
- Пусть высохнут, тогда сами распутаются. Они у меня такие. Пойдем домой.
- Пойдем домой, - повторил он потому, что ему это понравилось, и улыбнулся.
С рыбы сквозь корзину все еще капала вода, и довольно тяжелую и неудобную ношу пришлось нести в руке. Сергей кренился то в одну, то в другую строну, время от времени меняя руки. Бьянзли следовала позади с арбалетом в руках. Это очень шло ей, и Сергей то и дело оглядывался.
- Бьянзли, сколько ваши люди живут на свете?
- Каждый решает сам. Реальная продолжительность жизни ничем не ограничена.
- Круто... А когда обычно кончается щенячий возраст?
- Это зависит от постановок, которые удается успешно осуществить. Диапазон

довольно широк: от тридцати до двухсот лет.
- Я так понял, постановки - это что-то вроде обучения?
- Это становление какого-то типа жизненного опыта. Перед таким становлением в мозгу организуются новые структуры, готовые специализироваться именно в этом опыте. И постановка - не просто абстрактное обучение, а сама жизнь.
- И поэтому у нас с тобой все это сейчас всерьез?
- Это моя и твоя настоящая жизнь.
- Получается, я - не просто временный персонаж в этой игре? - сказал неожиданно для себя Сергей и сразу пожалел об этом.
- Кто может заранее знать, что в жизни будет постоянным, а что временным? - Бьянзли вздохнула.
Сергей немного осмелел.
- А у тебя уже была подобная постановка с кем-нибудь?
- Нет, постановки в принципе не могут повторяться. Новые структуры мозга уже не удалишь безнаказанно. Жизнь не перепишешь заново и не отрепетируешь. В каждой жизни - только один шанс.
Сергей задумался, вспоминая.
- В смысле в другой жизни буден новый шанс?
- Конечно, но это будешь уже не ты.
- А душа будет моя?
- А ты помнишь, что мы договорились не загружать тебя этой темой? В религиозном смысле души, конечно, нет.
Дальше они шли, держа корзину с двух сторон. Арбалет Сергей повесил себе за спину. Можно было никуда не спешить и просто наслаждаться текущими мгновениями.
У ручья, вытекающего из-под холма, они остановились, чтобы разделать рыбу. Бьянзли помогала со сноровкой лаборанта-биолога.
- Ты готова в первый раз в жизни попробовать мясо? - спросил Сергей.
- Вполне. Я даже читала на ваших сайтах как готовить уху и вялить рыбу.
- Так вот откуда у тебя кулинарные познания!
Они пошли в домик, и Сергей растопил печь. Бьянзли поставила на огонь кастрюлю с холодной водой и положила туда рыбу.
- Полей мне, - она протянула испачканные в рыбе руки над полом.
Сергей лил воду на ее тонкие, гибкие пальцы, и ему не верилось, что это реальность, а не какой-то компьютерный фильм.
- У тебя удивительные пальцы, - сказал он, - ни у одной земной женщины таких нет.
Она чуть грустно улыбнулась ему.
- Не хотелось бы, чтобы ты судил обо мне по внешнему виду!
- Знаешь, это ведь не просто какая-то неживая красота, как на картинках, - он немного помолчал, пытаясь найти слова, и, главное, сказать все достаточно нейтральным тоном - Я думаю, что если тебя просто сфотографировать, то это может оказаться не так уж и красиво. Когда я тебя в первые увидел на листе, то не впечатлился. Именно то, как живут твои пальцы, твое лицо, твой голос - передает мне впечатление о тебе. И это красота скорее не тела, а твоя внутренняя красота.

- О, тогда спасибо, Сережа!
Он улыбнулся.
- Это не комплимент, а констатация факта!
Сергей вышел, чтобы принести еще дров и в изумлении замер у порога: за изгородью неслышно крался трехголовый дракон, сложив крылья вдоль тела по системе японского веера. Его морды на длинных шеях тянулись по запаху, идущему из корзины с рыбой, оставленной у потухшего костра.
Пугаться уже не оставалось времени. Сергей тенью вернулся за арбалетом и, оставив меч у входа, с диким гиком вышел наружу.
Драконьи морды отпрянули от близкой уже корзины, его огромное холеное тело все вздрогнуло при окрике и сконфужено поднялось во весь рост, пряча неказистый поросячий хвостик за необъятными бедрами. Головы чуть подслеповато осмотрелись.
- Тьфу ты, - вполголоса проворчала средняя с наглыми маленькими глазками и снова потянулась к корзине.
- Але! - крикнул Сергей, поднимая арбалет и поражаясь собственной наглости.
Голова напряженно замерла, уставившись на него немигающими глазками. Две другие переглянулись.
- Что за дела, братан? - пробасила левая.
- Чужой рыбки захотелось? - участливо спросил Сергей.
- Почему это чужой? - удивилась средняя, - А дань кто платить будет?
- Так ты что, моя крыша, что ли? - изумился Сергей
- Не поняли, - прогудела правая.
- Ты убери-ка свою стрелялку, - посоветовала средняя, - только разок и успеешь-то пульнуть, а нас тут много.
Сергей протянул руку и извлек на свет меч.
Правая голова громко икнула и отпрянула.
- Крутой, что ли? - осведомилась средняя с наглой ухмылкой.
У порога появилась Бьянзли с боевым топором в тонких руках.
Дракон опустил заднюю часть на траву и поерзал, устраиваясь поудобнее.
- Делиться надо, братан, - вздохнула левая голова участливо, - зачем тебе лишние враги?
- И сколько ты хочешь?
- Каждому по рыбке, все по-честному, - быстро прикинула средняя.
- Их всего четыре.
- Ну, нам по одной и одна тебе. Мало что ли?
- У тебя желудок один, а нас двое, ты не заметил?
- Желудок-то один, а отделений в нем - четыре! - с неожиданной осведомленностью проинформировала правая ученая голова.
- И вообще, нас не колышет, - зашипела боевая средняя.
- Да, старик, твои проблемы, - решила закончить разводить дело левая, - рыбы-то можно было и побольше притащить. Мы видели, как она тебе даром досталась.
Некоторое время стороны молча изучали друг друга.
- Слушай, - нарушил напряженное ожидание Сергей, - а мясо тебе любое годится?
- Мясо? - переспросила средняя и облизнулась.
- Базара нет, братан, любое, но не испорченное, - согласилась левая.

- Если я вам вместо рыбы завтра василиска, убитого дам? Тогда мы нормально разъедемся?
- Ты, василиска?! - удивилась средняя, а правая в ужасе прикрыла глаза косматыми бровями.
- Ну, сегодня ночью или он меня съест или я его уделаю.
- А нам что с того будет если он тебя? - фыркнула средняя.
- Мяса-то сколько, - прикинула левая. Молчаливая правая открыла один глаз, облизнулась и открыла второй.
- Ладно, старик, мы в тебя верим, - согласилась левая, - кто не рискует тот не пирует.
Дракон с усилием привстал и подрыгал затекшей задней лапой.
- Давай, до завтра! Добренькой тебе охоты!
Дракон начал было разворачивать круп, но, вспомнив про позорный хвостик, предпочел неуклюже сдать назад, чуть не повалив изгородь при этом.
Сергей проводил его взглядом.
- А он сильно комплексует! - засмеялся он.
Бьянзли коротким махом вогнала топор в деревянную стену.
- Ах, Сережа! - она с облегчением обняла его, положив подбородок на плечо.
Сергей уже не пытался оставаться беспристрастным. Он смирился с тем, что ему было очень хорошо с этой женщиной. Он улыбнулся.
- М-м? - спросила она тихо, подняла голову, посмотрела ему в глаза и тоже улыбнулась.
- Это я над своей глупостью, Бьянзли, - он ногой отпихнул меч в сторону, отбросил арбалет и позволил себе утонуть в ее глазах. Он осторожно поцеловал ее. Он не мог поверить в то, что происходит. Его руки гладили ее волосы, и хотелось, чтобы именно это мгновение остановилось навечно.
Из соседней комнаты сильно запахло ухой.
- Закипела! - очнулся Сергей, - Нужно уменьшить огонь.
Потом Бьянзли принесла подвяленных фруктов, и они ели уху. Было немного непривычно без хлеба, но уха оказалась настолько вкусной, что больше ничего не нужно было.
- Иду мыть посуду! - заявила Бьянзли.
- Я тоже!
Заходящее солнце уже заливало холм красными лучами, и облака, собираясь в длинные полосы, потянулись к закату.
Они подошли было к ближнему роднику, но вода там, как и прошлым вечером, оказалось мутной, и розовые струи тянулись из-под скалы.
- Опять кого-то задрали, - проговорил Сергей, - пошли к ручью.
Бьянзли притихла. К ней возвращались ее страхи. Она чувствовала, что им не удастся избежать этой новой неизвестной опасности.
У ручья Сергей бросил посуду на траву и, вырвав комок корней с мокрой грязью, принялся за мытье. Бьянзли сначала с интересом наблюдала за ним, а потом начала делать то же самое. Этот метод оказался достаточно эффективным.
- Давай умоемся, чтобы больше не возвращаться, - предложил Сергей, - ночью у нас большая охота.
Бьянзли коротко вздохнула и с нескрываемым страхом просмотрела на него.

- Да не бойся ты так! - воскликнул Сергей, - Живем один раз, нужно радоваться!
Он порывисто схватил ее, но оступился на мокрой траве, и они повалились прямо в ручей. Она с диким визгом вцепилась в него, и они, подняв тучу брызг, окунулись в ледяную воду.
Бьянзли непостижимым образом оказалась на верху и оседлала его. Вода сомкнулась над его лицом. Сергей рывком вскочил и, поддерживая друг друга, они выбрались на берег. Дрожа от холода, они обнялись, пытаясь согреться.
- Борр! Надо что-то делать! - запрыгал Сергей вместе с Бьянзли, - Давай танцевать! - они взялись за руки и принялись подскакивать в диком танце. Стало жарко. Тогда они стали просто танцевать, обнявшись. По лицу Бьянзли стекали капли воды с мокрых волос, и Сергей размазывал их носом и щеками.
- Пойдем, пора уже, - наконец вздохнул он.

Приготовления не заняли много времени. Сергей приладил копье, положил меч у кровати, установил арбалет на табурете так, чтобы он был направлен в окно и воткнул рядом кинжал.
Солнце скрылось за деревьями, когда они устроились у костра на своей скамейке.
Волосы у Бьянзли подсохли и как облако накрыли ее плечи. Сергей привычно перебирал их пальцами. Они болтали ни о чем, чтобы отвлечься от предстоящего.
Потом Бьянзли начала тихо напевать, и Сергей слушал.
Он почти забыл обо всем под это пение, когда по лесу раскатился эхом василисковый стон и началась ночь.
- Пойдем, - вздохнул Сергей и поднялся.
Они зашли в спальню, задвинули засов и вместе натянули пружину копья. Ложиться не хотелось, и они уселись на кровать в ожидании. Стояла особенная тишина, и теперь здесь, в прыгающем полумраке неровно горящих лучин, дневная самоуверенность казалась глупым бахвальством, а все приготовления недостаточными.
Ничего не происходило, и они начали уставать от напряжения.
- Давай попробуем заснуть, - предложил Сергей, - эта тварь нас сама разбудит.
Они легли, обнявшись, но заснуть не удавалось. Сергей принялся ее целовать, но чувствовал только ее напряжение и страх. Он что-то тихо шептал ей и успокаивал, потом они просто лежали, пока рой мыслей, окончательно потеряв связь с реальностью, незаметно стал сновидением.
Сергей проснулся в полной тишине и не мог понять, что же его разбудило. Бьянзли лежала рядом на спине с закрытыми глазами. Длинная смолистая ветка еще не догорела до конца. Он посмотрел в окно и увидел только звездное небо. Сверху громко затрещали доски. По потолку пробежало что-то тяжелое. Вниз медленно осыпалась пыль. Про чердак Сергей не подумал. Там продолжалась какая-то возня.
Похолодев, он соскочил с кровати и поджег еще несколько веток. Волна страха быстро отступала перед непосредственной опасностью. Сергей готовился к тому, что в любой момент зверь проломит перекрытие. Он примерялся к тому, чтобы успеть в этот момент подставить меч под летящее сверху тело и добить его

ударами кинжала.
Казалось, что тварь танцует наверху. Доски на потолке прогибались по кругу, и это длилось довольно долго.
Бьянзли сидела на кровати, спиной к стене, поджав под себя ноги и заворожено смотрела на потолок. Ожидание становилось невыносимым, и Сергей желал, чтобы скорее все произошло.
- Эй!!! - заорал он во все горло так, что Бьянзли закрыла уши ладонями.
Танец наверху прекратился, и василиск заплакал так ужасно и надрывно, что у Сергея разом отпала охота кричать еще. На минуту все стихло. Потом раздался оглушительный грохот, и дверь подпрыгнула вместе с косяком.
- Ничего себе... - прошептал Сергей, ясно поняв свою беспомощность в единоборстве с такой силой. Почти в панике он подошел к свисающей у окна веревке и замер, пытаясь угадать момент.
Следующий сокрушительный удар расщепил процарапанную доску в двери, и в черном отверстии загорелся на мгновение оранжевый глаз. Сергей чуть было не дернул веревку. Он бы опоздал: глаз мгновенно отпрянул.
Тут в щель просунулись огромные черные когти и молниеносно вырвали большой кусок дерева. Зверь отпрянул, и Сергей опять не успел среагировать.
- Черт! Он слишком быстрый! - заорал Сергей.
Бьянзли медленно как во сне встала с кровати и подошла к двери. И тут же в дыре показалась мертвящая морда с совершенно невообразимой жуткой усмешкой, и уши заложил парализующий стон. Бьянзли как бестелесный туман опустилась без чувств на пол перед самой дверью, и морда в дьявольском усилии потянулась к ней. Страшные когти вырвали новый кусок древесины. Опомнившийся Сергей рванул веревку, и изумленный вой перекрыл все в этом мире.
Схватив арбалет, дрожащий от перевозбуждения Сергей подскочил к дыре. С той стороны в темноте что-то молча неистово царапало камни. Сергей выстрелил во мрак, огласившийся коротким хриплым воплем.
Распалив пучок веток, Сергей бросил его в отверстие. Рассыпавшиеся огни осветили силуэт огромного зверя с копьем, торчащим в боку, которое тот держал в зубах, но, видимо из-за невыносимой боли, не смел тревожить. Сергей снова зарядил арбалет, прицелился и в последнее мгновение заметил черную кровь, струящуюся из пасти и затравленный взгляд ненавидящих глаз. Коротко взвизгнув, стрела пробила грудь. Василиск перекусил копье, взвился к потолку, упал и заметался на полу. Потом все стихло.
Сергей наклонился к Бьянзли, осторожно поднял ее и положил на кровать. Она открыла глаза и болезненно посмотрела на него.
- Все в порядке, Бьян, - тихо проговорил он, нежно гладя ее голову.
- Извини, Сережа, я не выдержала этого...
- Все теперь будет хорошо. Лежи спокойно, я сейчас.
- Ты куда?!
- Там ветки горят на полу, нужно погасить. Не бойся.
Он легко открыл разболтанный засов, обошел тушу зверя и открыл наружную дверь. Ухватившись за задние лапы, он с трудом выволок его из домика и затащил в кусты.

В домике он счистил лопатой окровавленный песок и выбросил наружу все еще горящие ветки. Он посмотрел в небо, сияющее густой звездой россыпью, и глубоко вздохнул свежий воздух. Только теперь он осознал, что победил зверя. Постояв минуту, он вернулся и лег рядом с Бьянзли.
- Его больше нет, - сказал он.
Она прижалась к нему. Они еще долго не могли уснуть.

Их разбудила странная возня у дверей. Солнце заливало лучами комнату из окна. Сергей приподнялся на кровати, посмотрел и в изумлении вздрогнул. Кошмар никак не кончался. Прямо из двери на него смотрела огромная злобно кривящаяся морда.
- Да чтоб вас всех!!! - заорал в отчаянии Сергей, скатился на пол и подхватил меч.
- Стой!!! - в ужасе взвизгнула морда, рванулась назад изо всех сил и, с грохотом вырвав дверь с петель, унесла ее наружу. Сергей выскочил следом, разглядел в чем дело и вздохнул с облегчением.
У дома, усевшись прямо на слегка дымящуюся золу, возился с выдранной дверью знакомый дракон. Дверь была одета на правую голову. Упираясь в нее задними лапами и балансируя распахнутыми крыльями, дракон натужно пытался высвободиться, но мешали широко торчащие уши. Внезапно он взвизгнул как пожарная машина всеми глотками и резво вскочил с места, дико вращаясь и ловя себя за дымящийся поросячий хвост всеми пастями.
- Да стой ты! - заорал Сергей, - все тут порушишь сейчас!
Дракон в изнеможении остановился, задыхаясь.
- Не дергайся, я сейчас сниму с тебя эту чертову дверь! Положи ее на землю.
С помощью топорика и лома Сергей расширил дыру, и правая голова, наконец, освободилась.
- Извини, братан, - смущенно проговорила левая голова, - дура это любопытная опять попалась.
"Интересно" - мелькнула мысль, - "У него что, у каждой головы свой пол?"
Правая голова крепко обиделась, остервенело сплюнула и отвернулась.
- Да ладно. Все равно дверь испорчена. Вон кусты видишь?
- Ну?
- Забирай обещанную свежатину.
- Да я уже учуял. Ты крут, уважаю. Надо же, как умял его.
- Ну, вот, все довольны, я рад.
Из дома вышла Бьянзли.
- Все в порядке, Сережа?
- Доброго утречка! - подобострастно прогнусавила левая голова, - Все в порядке. Если что, заходите ко мне, я там, в норе за лесом под горой живу.
- Так ты в пещере живешь? - спросил Сергей.
- В норе, братан. Сам своими рылами копал.
- А про пещерных тварей ничего не знаешь?
- Про пещерных? - головы помрачнели и встревожено переглянулись, - Хоть ты и крут, братан, не советую на них тянуть. Все у них не такое. Я только раз видел, как они кабана поймали... А твоя хибара на самом-то пещерном месте стоит... Ладно, пойду я, прощай!

Дракон легко выдернул из кустов тушу василиска и, решив показать прыть, начал разгоняться с холма, чтобы взлететь прямо перед лесом. Но зацепился задней лапой за забор. Крылья оглушительно хлопнули как раскрывшийся гигантский веер, и все сооружение рухнуло вниз, пропав из поля зрения.
- Блин! - глухо донеслось оттуда вместе с затихающим разноголосым переругиванием.
Когда они с Бьянзли пришли в себя от хохота, Сергей задумался. Этот мир уже не казался ему безмятежным райским курортом. А прошло только две ночи. Будет ли удача и дальше на их стороне?
Еще он подумал о том, как изменилось его отношение к этой женщине. Он вспомнил, как она стояла с арбалетом перед водяным, как она выходила с топором, когда появился дракон, как она встала перед дверью, чтобы отвлечь на себя внимание василиска. В критических ситуациях в ней появлялась какая-то высшая сила. Она отчаянно боролась за свою постановку, стремясь к этой своей цели самосовершенствования. Эта женщина заслуживала победы. И он будет помогать ей, как только может.
Сергей повернулся к Бьянзли.
- Слышала про пещерных? Вот так. Будем переселяться.
- Все-таки дом защищал нас.
- А еще василиски здесь водятся? Или что-то такое же жутко агрессивное?
- Нет.
- Тогда все логично. Дом свою роль сыграл, теперь он - главная опасность. Я сделаю хижину в лесу, подальше отсюда, около нашего ручья. И время терять не будем.
Они позавтракали остатками ухи, согрели свежего древесного сока вместо чая и начали собираться.
Сергей сбил доски с забора и снял перекрытия с потолка. Бьянзли помогала ему перетаскивать вещи. Они отдыхали и вновь начинали носить все, что только было можно. Даже кровать тащили через лес вдвоем.
Солнце стояло еще довольно высоко, когда однокомнатная хижина была уже готова. Досок хватило даже застелить пол. Получилось достаточно крепко и уютно. Рядом протекал чудесный ручей.
Оба были усталые и грязные от пыли. Очень хотелось есть.
- Вот где я похудею, - сказал Сергей, сильно втянул живот и потрогал через него выступающий позвоночник.
- Ого! - сказала Бьянзли и с интересом проделала тоже самое, - Если очень голоден, то попробуй свой концентрат в кармашке!
- Я совсем про него забыл! - Сергей достал серебристую упаковку по повертел с разных сторон. Не было ни малейшей зацепки чтобы разгадать этот ребус.
- Просто откуси кусочек, упаковка съедобная, а края опять срастутся.
Сергей попробовал, и рот наполнился каким-то космическим питанием в виде густой пасты с очень необычным, но приятным вкусом. Бьянзли наклонила голову и тоже откусила немного. После пары кусков есть больше не хотелось.
- Пойдем купаться на озеро? - предложил Сергей, - Отдохнем там и, опять же, договор с русалками у нас.
Они сполоснули лица и руки, захватили с собой вяленых фруктов, чтобы жевать

по дороге и направились к озеру, не забыв корзинку. Пока они шли со стороны озера несколько раз доносились странные громкие хлопки.

Выйдя из леса, они нерешительно остановились. У берега деловито бродил водяной.
- Опять русалки его упустили, - вздохнула Бьянзли, - теперь не даст искупаться.
- Да он нас не догонит. Пойдем посмотрим. Может быть, русалки подоспеют, уволокут его.
Подойдя ближе, они увидели странную картину. Песочный пляж пестрел от мусора странных форм, а водяной ходил с длинной палкой и, натыкая на острие все, что мог, отправлял в большой мешок. Сам он был чумаз, грязен, хмур и сосредоточен. Мельком взглянув на подошедших, он ничего не сказал. Над водой у берега уныло выглядывали русалочьи мордашки.
- Привет, дедуля! - уважительно начал Сергей, - Может помочь надо?
Тот только зыркнул и с силой насадил какой-то переливающийся перламутром предмет. От предмета на мгновение разошлось зловещее сияние, и он съежился.
- Что тут случилось?
Водяной остановился и медленно развернулся.
- Тоже мне, помощнички! - гнусаво передразнил он, - Пикник тут был! На обочине-то!
Брови у Сергея поползли вверх. Водяной шагнул дальше. Перед ним лежал круглый пузатый предмет, похожий на бублик, чуть потрескивая голубыми искрами. Сергей вспомнил.
- Стой, дедуля! - заорал он, - Не надо в эту штуковину тыкать!
Водяной только зло хрюкнул и всадил штырь в бок бублика. Сергей бросился на Бьянзли и повалил ее на землю. Полыхнуло на весь пляж, и туча песка окатила их. Сергей поднял голову. На месте водяного горело чучело, а русалки дружными взмахами хвостов поливали его озерной водой. Чучело зашипело, потухло, зашевелилось, с трудом встало враскорячку и, разогнувшись, протерло глаза бородой. Потом водяной отыскал свою палку и поднял мешок. По слаженности действий русалок стало ясно, что такое происходит уже не в первый раз.
- Помощнички! - прогнусавил он, шагая к следующему предмету.
- Бьянзли! - Сергей чуть ли не рывком поднял ее, - Быстро отсюда!
Они убегали со всех ног вдоль берега, не оборачиваясь на хлопки и озаряющие день вспышки, пока в изнеможении не попадали на песок.
Отдышавшись, они поползли к воде. Отмыть песок из волос оказалось совсем не просто, особенно Бьянзли.
- Корзину бросили, жаль, - сказал Сергей.
- Потом заберем.
- Вот не везет! Теперь без рыбы останемся.
Они помолчали.
- Пойдем, хоть поплаваем, - предложил Сергей, - закрепим то, что ты освоила.
Они зашли в воду, и вскоре хорошее настроение вернулось к ним. Бьянзли быстро прочувствовала как надо держаться на воде, и они принялись играть как дети, ныряя и гоняясь друг за другом. Потом в игре незаметно появились новые участники, и Сергей вместо Бьянзли чуть было не ухватился за большой

сколький хвост. Он выскочил на поверхность и увидел эйфорически возбужденную русалку. Ее подруги как заведенные торпеды молча описывали вокруг широкие круги.
- Привет! - крикнул Сергей.
- Тихо! - прошипела ближайшая, - дядюшка услышит! Опять заставит тушить его!
- Значит сегодня не поем?
- Поем! - русалки остановили хоровод и опасно приблизились, - Вот сейчас мы вас оттащим отсюда подальше и будем петь.
- О, девочки, - возразил Сергей, - может быть, мы сами по берегу доберемся?
- Нет, так дольше будет!
Перед ними появилось два плавучих листа.
- Залазьте!
Сергей помог Бьянзли и сам забрался на другой лист. Листы как глиссеры с захватывающей дух скоростью заскользили по воде, оставляя позади лучи волн. Бьянзли взвизгивала на поворотах, когда они огибали попадающиеся кувшинки. Они свернули в красивую лагуну, в устье небольшой горной реки. Прямо отсюда начиналось ущелье, поросшее густым синеватым лесом. Сергей, державшийся за край листа одной рукой, почувствовал, что вода здесь была почти ледяная. В другой руке он сжимал огромную сорванную по пути лилию, за которой тянулся длинный стебель.
Они остановились.
- Брр-р! - русалки фыркали от холода, - Девочки! Быстрее, замерзаем! Мы же холоднокровные!
Сергей оборвал стебель до приемлемой длины и, дотянувшись до листа Бьянзли, с многозначительной улыбкой передал ей цветок.
Она поднесла его к лицу, на мгновение совсем закрывшись им.
- Пою! - объявила русалка и очень четко, очень правильно сбацала довольно веселенький мотивчик. Едва дав ей допеть, вступила следующая. А на лист перед Сергеем в это время падали крупные речные рыбины. Конкурс получился не очень праздничным, и к его концу русалки стали совсем вялыми.
Как только Сергей выбрал победительницу, они, засыпая на ходу и не прощаясь, потянулись в теплые воды.
Сергей и Бьянзли остались покачиваться на листах метрах в двадцати от берега. Сергей выпустил лишнюю рыбу, лег на лист, свесив руки и ноги в воду, и, подгребя к Бьянзли, взял ее на буксир. Но она точно так же улеглась на свой лист, и они вместе довольно быстро доплыли до берега.
Здесь не было песчаного пляжа. Сергей вытащил на траву с горными ромашками оба листа и вернулся в воду. Завывая от холода, он погрузился по шею и смыл рыбью слизь с костюма.
Проблема с переноской рыбы решилась просто. Сергей разрезал кинжалом свой лист поперек как резиновый надувник. Между стенками оказалась пустота, куда он и сложил рыбу. Лист Бьянзли он тоже решил взять с собой в качестве матраца.
Это место было не слишком далеко от их опушки, но солнце уже касалось верхушек деревьев. Они, не спеша, пошли вдоль берега.
- Он зачистил-таки пляж! - заметил Сергей, когда они проходили мимо. Оставался

только песок, широко рассыпанный по траве вокруг, и несколько широких воронок. Корзинка валялась там, где они ее оставили, и Сергей тут же переложил в нее завернутую рыбу и кинжал, а ремешок смотал с голени и привязал его к корешку матраца. По высокой траве его легко можно было тащить за собой. Корзинку с завернутой рыбой Сергей поставил на голову и придерживал одной рукой, а другой держал ремешок. Бьянзли несла в руках большой цветок. Прыгающий на кочках лист вызвал интерес у жителей деревьев и множество мохнатых и глазастых голов свисало вниз, покачиваясь на хвостах. Одна обезьянка свалилась прямо на лист и не спешила убегать, а только ухватилась за край и, обнажив от новых впечатлений довольно внушительные зубки. Сергей так и повез ее как на санках, почти не почувствовав веса.
Несколько обезьянок попытались тоже заскочить на лист, но первая правообладательница визгом и угрожающими жестами отгоняла их.
- Садись рядом! - смеясь предложил Сергей Бьянзли.
- Не выдержит и не станет у нас такого удобного матраца!
- Бьянзли, а у вас есть домашние животные? - Сергею пришла в голову мысль о том, что он сам может восприниматься как прирученное животное, только говорить немного умеет, но явно лучше кошек, которых любят только за внешний вид и за то, что они живут в семье.
- Да, многие воспитывают самых разных животных, и они живут с ними как родные.
- Как полноправные родные? - удивился Сергей, - У нас к кошкам и собакам чаще относятся как к низшим существам. Конечно, о них заботятся, но не считают ровней себе, в общем, с ними не особенно считаются даже если очень привязываются к ним.
- Это несправедливо, - опечалилась Бьянзли, - они же нисколько не менее сознательны, а даже более ярко и полно воспринимают жизнь и даже во многом более способны. У нас домашних животных воспитывают как детей с рождения так, что возникает достаточно хорошее взаимопонимание, несмотря на самые различные возможности, определяемые телом, из-за чего они могут то, чего не можем мы.
- Если так можно воспитать зверей, то и у такого дикаря как я есть шанс? - он с иронической улыбкой посмотрел на идущую рядом Бьянзли.
- Ты уже слишком взрослый, чтобы тебя воспитывать, - возразила она, мило ему улыбнувшись в ответ.
Это вызвало неясный протест.
- Но я же не дурнее кошек и смогу научиться!
- У зверей критические периоды развития гораздо короче, чем у людей, - поясняла Бьянзли, - А у тебя почти все области мозга завершили развитие. Все новые представления и развитие понимания теперь основывается только на уже имеющемся.
- Как жаль, что все так безнадежно со мной, - вздохнул он печально, - но все равно я постараюсь быть как можно полезнее! Уж здесь-то я вполне соответствую окружающему не хуже русалок и дракона с поросячьим хвостиком.
- Да. Я очень тебе благодарна! - Бьянзли пошла совсем рядом, с изумительной нежностью прижавшись к нему, пока очередная кочка не разлучила их.

- Счастливо уживаться можно с кем угодно, - вдруг сказала она после недолгого молчания, - если быть нужным друг другу даже не в каком-то полезном практическом плане, а именно как близкие по взаимному решению. Ведь можно посчитать близким даже неодушевленный предмет, и тот станет дорогим и незаменимым носителем перенесенного на него отношения.
- Это как это?
Бьянзли улыбнулась:
- Пришли. Потом еще поговорим об этом!..
- Обещаешь?
- Да!
Они подошли к своему дому. Обезьянка взвилась по веткам наверх и пропала там. Лес наполнялся вечерними сумерками.
Бьянзли поставила свой огромный как кочан капусты цветок в свободную кастрюльку с водой. Нужно было до темноты успеть приготовить еду. Из больших камней Сергей соорудил примитивную печку, и земная медицина опять безотказно помогла разжечь костер.
Бьянзли нацедила свежего древесного сока, и они напились. Жизнь здесь становилась привычной.
Недалеко у ручья она нашла грибной шар, и на ужин у них была тушеная во фруктовой мякоти рыба с грибами.
Они нарвали много травы на свою кровать и сверху положили упругий лист. Потом пошли умываться к ручью и, раздевшись, принялись со смехом окатывать друг друга ледяной водой, от которой захватывало дыхание. Воздух в лесу был теплым и ласковым и такой контраст с водой оказался приятным.
Стало совсем темно и только точки светящихся насекомых и линии слабо флуоресцирующих растений вырисовывали контуры этого сказочного леса.
Они постояли еще немного около еще тлеющей печки, чтобы высохла кожа, вошли в хижину и закрыли дверь.
Эта ночь была достаточно длинной, чтобы они смогли сказать много слов, и стать совсем уже привычно близкими. Заснув лишь под утро, обнимая друг друга, они спали пока по крыше не застучали огрызки от завтрака верхних жителей. Потом уже на самой крыше кто-то визгливо начал выяснять отношения.
Сергей принялся водить пальцем по обнаженной коже Бьянзли, едва касаясь ее. Она лежала на спине с закрытыми глазами, но не спала, и он чувствовал, что ей было приятно. Он наклонился и легко поцеловал ее. Она улыбнулась и открыла глаза.
- Привет! - сказал он, - Вот, еще один день мы прожили вместе. Сколько осталось?
- Теперь это не имеет значения, - она счастливо улыбнулась и ласково потерлась носом о его плечо, - моя постановка успешно завершена.
Как внезапно... Сергей привстал.
- Все, что ли? - его настроение завяло, - Мы уже расстаемся?
Она обняла его и прижала к себе.
- Ну, Сережа... это же не игра. Мне совсем не хочется с тобой расставаться!
Он помолчал, приходя в себя, возникла прагматичная мысль, что тут не следует быть навязчивым и демонстрировать свою зависимость. А то, что Бьянзли стала ему очень небезразлична, давно не было для него новостью. Но что он мог

сделать, толком не понимая происходящего? Оставалось просто положиться на то, что будет и в крайнем случае не устраивать смертельную трагедию. Не пацан уже.
Они встали и натянули свои черные кожи. Бьянзли тоже была задумчивой. Сергей в очередной раз переставил часы на два часа сорок девять минут вперед. Было уже за полдень.
- Бьян, может мне на охоту сходить? Не одной же рыбой питаться будем! Или уже нужно собираться?..
- Давай выйдем, на мир посмотрим! - она потащила его за руку из хижины.
Они умылись в ручье и напились сока.
Что-то было не так. В лесу наступила непонятная тишина. Сергей застыл, прислушиваясь. Но то, что он ощутил, слышалось не ушами, а всем телом, будто рядом неслышно упал огромный стальной лист. И это вновь повторилось еще более явственно.
- Ты чувствуешь, Бьянзли?
- Инфразвук. И очень мощный. Не знаю, что это может быть...
Сергей вытащил арбалет и зарядил его.
- Еще какая-то напасть... - проговорил он.
Некоторое время ничего не происходило.
Вдруг Бьянзли испуганно прижалась плечом к Сергею: по траве, низко стелясь, перемещалось странное существо серо-белесого цвета. Непонятно было, за счет чего оно движется, гладкое, веретенообразное тело почти не касалось травы. Кошмарное создание была в половину человеческого роста высотой и в длину раза в три больше.
Аморфное тело разом вздулось и резко опало, издав неслышный звук, от которого у Сергея затрепетали все органы внутри. В этом существе чувствовалась несоразмерная мощь и непредсказуемость.
- Сережа, - с ужасом прошептала Бьянзли, - что же ты не стреляешь?!
- Тихо... Пошли отсюда, Бьян, - он крепко сжал ее руку.
Из-за деревьев выплыла еще одна тварь.
Сергей медленно потянул Бьянзли назад, они тихо пробирались среди кустов и деревьев.
- Куда мы пойдем?
- Не знаю, Бьян, здесь нельзя оставаться, - он потянул ее дальше.
Позади раздался тихий прерывистый свист и по спине прошел озноб. Совсем близко из кустов выплыли два чудовища. Мерзко свереща, твари начали обходить их. Сергей не мог сообразить, куда лучше стрелять. Ни глаз, ни других видимых органов не было. Сергей прицелился в бок. Стрела вошла в тело как в дым и с силой ударила в дерево с другой стороны. Сергей схватил Бьянзли за руку, и они побежали изо всех сил. Что-то сбило его с ног. Он кувыркнулся и больно ударился спиной о ствол. В то же мгновение он увидел, как длинное тело с хлопком раскрылось и поглотило Бьянзли. Сбоку громко застрекотало. Сергей метнулся в сторону, но в ушах заложило, все замелькало, и вокруг заклубился серый туман.
Сергей заорал как в подушку. Руки вязли в чем-то упруго-неподатливом, вдохнуть не удавалось. Удушье нарастало, накатила тошнота, и вскоре все провалилось.

Он обнаружил, что дышит без затруднений совершенно свежим и чистым воздухом. Вокруг тихо переливались знакомые хаотические звуки, успокаивая, отрезвляя, и паника отступила. Сергей вскочил, все поняв. Он был в доме Бьянзли, гарантирующем его безопасность. Сработал извлекатель.
Сдерживая ярость и приступ горя, Сергей нашел взглядом кольцо, оставленное Бьянзли в воздухе. Он протянул руку и коснулся теплого металла. Кольцо висело неподвижно как приклеенное. Тогда он вспомнил про свое кольцо и принялся тереть его. Ничего не происходило.
- Эй!!! - заорал он в пустоту.
Некоторое время ничего не происходило. Потом розовый свет всколыхнулся, перед ним возникла Бьянзли и удивленно захлопала своими глазищами. Нет, это была не та Бьянзли, хотя похожая и в том же черном костюме.
- Ты можешь помочь? Пожалуйста, быстрее! - крикнул Сергей.
- Что случилось? - спросила она, не открывая рта, - Ты включен в постановку?
- Нужно спасти Бьянзли! Она еще живая в...
- Спокойно! - девушка излучала силу и невозмутимость, - В локальном пространстве время не зависимо, и можно говорить не торопясь.
Сергей глубоко вдохнул и немного помолчал.
- Сделай что-нибудь! - попросил он, - Ее постановка уже завершена, и почему бы не оказать помощь...
- Ты видишь ее кольцо?
- Конечно, вижу.
- Ее постановка окончится, когда она оденет его.
- То есть ей никто не станет помогать?
- Как участник ты вправе ей помочь.
- О, господи! Ну а ваши правила позволяют подсказать, как я могу ей помочь?
- Успокойся... У тебя кольцо на руке. Ты его только что активировал и вызвал исключительную ситуацию, которую приходится улаживать мне. Мысленно ты, конечно, не можешь им управлять. И вообще все ограничено твоими возможностями восприятия. Интерфейс получается самый примитивный: ты говоришь вслух, и если это будет понятно интеллекту канала связи, то он выполнит команду. Будь осторожен.
- Не понял. Что я должен делать?
Девушка терпеливо вздохнула.
- Сначала, активируешь канал. Я не знаю, каким именно условным действием.
- О, я знаю, спасибо, и дальше командую голосом?
- Да.
- А как потом дезактивировать канал?
- Он сам это сделает по смыслу команды. Пробуй, пока я здесь.
Сергей потер кольцо.
- Бутылку пива, пожалуйста.
Он ожидал появления длинного меню с подпунктами, дотошно конкретизирующими заказ, но перед ним в воздухе возникла чуть запотевшая бутылка хорошего пива.
- Очень обнадеживает, - обрадовался Сергей, - а откуда оно знает, какое мне

нужно было пиво и в какой бутылке?
- Все, что ты сам не уточнил, подбирается, исходя из наиболее вероятных предположений. Конечно же, этот предмет был принесен оттуда, откуда ты сам прибыл, используя местную базу знаний. Я еще тебе нужна?
- Один вопрос! Я могу переместиться с помощью этого кольца на свою планету?
- Да.
- И затем оттуда сюда?
- Конечно.
- Пожалуй, тогда все. Спасибо!
- Желаю удачи! - девушка исчезла.
Сначала Сергей подумал о ручном гранатомете, потом задумался. Он, в принципе, должен внезапно появиться около твари в момент, когда она схватила Бьянзли, оглушить ее, вскрыть, схватить Бьянзли и вернуться сюда.
У него есть время, чтобы все продумать и подготовиться, но только пока он находится здесь в локальном хронотопе. Он открыл пиво кинжалом и выпил половину. Затем потер кольцо.
- Жареную курицу, пожалуйста!
Постепенно он обрел нужную рассудительность.
- Мне нужен поток воды сверху, чтобы вымыть руки.
Перед ним возник фрагмент небольшого горного водопада. Воздух наполнился приятным шумом и свежестью водяных брызг. Вода просто возникала сверху из ниоткуда и пропадала снизу в никуда. Позади потока виднелась замшелая скала. Обалдеть. Сергей протянул руки к воде, и холодные брызги полетели ему в лицо. Теперь нужно немного отдохнуть и морально приготовиться. Он умылся и снова потер кольцо.
- Я могу получить информацию?
- Да, - раздался мягкий голос с небольшим акцентом, - Кроме того, вы можете получить помощь, ограниченную в разумных пределах и частью потенциала потребления вашего партнера по постановке. Нужно конкретизировать детально?
- Пока нет, спасибо.
Сергей задумался. Так, лучше сейчас не забираться в эти дебри, хотя это страшно интересно.
- А вы кто?
- Контекст данного канала в системе единого разума.
- Вы - живое существо?
- В принципиальном плане - да. Мои структуры не локализованы в одном месте. Я биосинт, и я - часть общего разума.
- Можно попросить вас организовать спасательную операцию на этой планете?
- К сожалению, напрямую вмешиваться в постановку могут только ее участники.
- Тогда мне нужно портативное оружие, парализующее все движущееся, с радиусом действия около двадцати метров.
Перед ним рядом с бутылкой появился причудливый предмет, размером и формой напоминающий компьютерную мышь. Сергей очень осторожно взял штуковину и повертел в руках. Она была теплой и бока, казалось, чуть заметно дышали.

- Требуются пояснения? - раздался услужливый мягкий голос.
- Да, как это работает?
- Это внепространственный индуктор хаотичных электрических импульсов не повреждающей амплитуды. Приводит к общему торможению любых, даже защищенных, биологических систем и сбою электронных систем.
- Хм, что значит даже защищенных?
- Не имеет значения, как будет защищен объект потому, что импульсы индуцируются внепространственно прямо в нем самом.
- Надо же... Как им пользоваться?
- При сжимании боков, начиная с определенного усилия, появится белый луч визуального наведения. Более сильное сжатие вызовет индукцию в объекте, и луч наведения станет красным. Дальнейшее усилие сместит цвет луча наведения выше по спектру и увеличит силу воздействия. Ширина луча регулируется усилием снизу. Луч появляется из пятна на кончике шокера.
- И насколько хватит заряда?
- Энергия поступает по внепространственному каналу и ничем не ограничена.
- А как приводить в чувство парализованного?
- Это зависит от особенностей физиологии. Но, как правило, достаточно рецептивной стимуляции.
- Пощечины, что ли?
- Пощечина вполне может эффективно подействовать на существ большинства типов, согласился голос.
- Ну, спасибо.
Сергей в нетерпении проверил кинжал на ноге. Он сосредоточился, мысленно проигрывая возможные сценарии событий. Вряд ли у него будет второй шанс. Он потер кольцо.
- Есть ли возможность проследить мое прежнее местонахождение в тот момент, когда меня перенес сюда извлекатель?
- Да.
- Переправьте меня туда, но на три метра дальше в любую сторону.
- Это невозможно. Запрещены любые прямые воздействия в районе постановки.
Сергей замер в минутном ступоре. И что теперь делать? Неужели он не обойдет эти тупые ограничения? От опушки до места довольно далеко. Даже если бы у него был мотоцикл... А с мотоциклом, пожалуй, есть шанс, что Бьянзли еще не задохнется. Вот только он никогда не ездил на нем... Мотоцикл - это его товарищ по горам Борис.
- Могу я переправить сюда человека с моей планеты?
Молчание. Сергей потер кольцо и повторил вопрос.
- Можно, в случае его добровольного согласия.
- Мне нужен телефон, соединенный с телефонной сетью моего города.
Перед ним возникла крутая модель из какого-то земного офиса. Его провода, сигнальный и сетевой, уходили в никуда. Тут же раздался звонок. Сергей с изумлением поднял трубку.
- Алло?
- Иван Игнатьевич? Приветствую, дорогой...
- Я не Иван...

- Слушаю! - раздался в трубке усталый властный голос.
- Не узнал, что ли? Хе-хе...
Сергей осторожно положил трубку, поняв, что подключился параллельно. Он потер кольцо.
- Пожалуйста, мне нужен другой телефон...
Появился еще один телефон. Он позвонил домой, но никто не брал трубку.
Сергей хотел уже звонить к Борису, но вдруг понял, что не помнит его номер. Он вообще никогда не запоминал телефонные номера...
Он заказал бумагу и ручку, затем позвонил в справочную и, после недолгих уговоров, заполучил то, что надо. Телефон каким-то образом оказался в режиме громкой связи. Сергей не стал разбираться и оставил все как есть.
Борис поднял трубку сразу.
- Привет, - сказал Сергей, - Как жизнь?
- Серега, блин! Ты куда пропал?
Зазвонил крутой телефон, и Сергей вытащил его шнур из разъема. Он так и остался торчать из ниоткуда. Что если закоротить его здесь? Ну и помучаются же ремонтники...
- Слушай, Борис. У меня, в общем-то, все в порядке, так что не волнуйся. Но мне очень нужна твоя помощь в одном приключении.
- На гору собрался что ли? Напарник нужен? - чуть напряженно спросил Борис.
- Нет. Ты все равно не поверишь, пока сам не увидишь. Расслабься, ты знаешь меня, я бы тебя на кислятину не пригласил бы. Поверь, тебе понравится. Как у тебя со временем?
- А на сколько рассчитывать?
- До конца дня справимся.
- А-а... - несколько разочаровано протянул Борис, - ну это без проблем.
- А как твоя тачка? На ходу?
- В полном порядке.
- Ну, отлично. Приготовься, я сейчас тебя заберу через пару минут.
- О кей.
Сергей потер кольцо.
- Мне нужен тот человек, с которым я сейчас разговаривал. Он согласен.
- Невозможно локализовать собеседника по земным телефонным линиям. Но вы можете показать его.
Справа от водопада возникло что-то вроде широкого круглого тоннеля, на другом конце которого он увидел свой город с большой высоты.
- Направляйте пальцем, куда нужно перемещаться.
Сергей ткнул пальцем и это место начало быстро приближаться. Показался и вырос в размерах дом, где сейчас находился Борис и Сергей "влетел" сквозь стену. Впечатление было ошеломляющее. Борис сидел в халате, в своем отделе за огромным столом, в окружении включенных приборов. Перед ним трагически зияли потроха вывернутого на изнанку коструктива. Он тоскливо смотрел на простыню электронной схемы, прикрепленной к стене, но его мысли были уже заняты другим.
- Это он, - негромко сказал Сергей, - давайте его сюда.
Тоннель исчез.

Не прошло и минуты как рядом возникло лежащее навзничь тело, запутавшееся в халате. Сергей с живейшим сочувствием вспомнил собственное появление. Борис вздрогнул, зашевелился и замер с открытыми глазами. Перед его взглядом не было ничего кроме розового мерцающего тумана. Вдруг он тихо и жалобно застонал.
- Борька!.. - позвал Сергей.
Тот неуклюже и испугано обернулся, наморщил лоб, укладывая в голове увиденное и понемногу трезвея.
- А... Сергей... что за чертовщина?!
- Боря, все в порядке, не переживай. Я же обещал, что ты равнодушным не останешься. Извини, что вытащил тебя таким способом.
Борис сморщил лицо, с глубоким изумлением уставившись на водопад, перевел взгляд на телефоны, увидел недопитое пиво, висящее в воздухе. Он затряс головой.
- Так ты здесь банкуешь? Кто бы мог подумать... А этого гада зачем ты на меня наслал? Лучше бы кобру в постель засунул.
- Извини, Боря, но я эту тварь не выбирал. Так у них тут заведено. Около Земли вот такие симпатяги подобные поручения выполняют.
Борис вяло погрозил пальцем.
- Ну, тебе многое придется объяснить!..
- Конечно! А к вечеру будешь дома. Помоги мне только.
Борис поднялся и поправил халат. Потом подобрался и ловко ухватил бутылку с пивом, ища глазами, куда бы присесть.
- Откидывайся назад, оно само тебя подхватит.
Борис весь напрягся, зачем-то задержал дыхание и, как аквалангист, ухнул спиной.
Сергей ухмыльнулся, подумав, что сам он выглядел, наверное, не менее забавно.
- Что делать-то надо? - Борис с удовольствием глотнул пива.
- Давай так. Гносеологические объяснения потом, а пока расскажу только то, что нужно для дела. Короче. Мы сейчас нигде.
- Ха, да я так и подумал, - Борис в два мощных глотка почти опустошил бутылку. Сразу стало видно, насколько благотворно напиток подействовал на него.
- Это место вне пространства и здесь время всей остальной вселенной как бы остановилось. Нам нужно спасти женщину.
Борис поперхнулся последним глотком, прокашлялся и весело заехал Сергею по плечу.
- Ну, конечно! - заорал он, - Ищите женщину! У тебя или горы, или женщины! - и он с сожалением посмотрел на пустую бутылку.
- Боря, не тормози, пожалуйста! - Сергей незаметно потер кольцо, - Две бутылки пива!
Борис ошарашено помолчал, потом взял новую бутылку.
- Дай-ка твой ножичек! - попросил он, показывая на кинжал на ноге, - Тут у тебя такая техника! На фига только я тебе еще нужен?
- Ты вникай! В той остановившейся вселенной, я даже сказать не могу в какой галактике, эту женщину только что сцапала очень странная тварь. Как только мы

там появимся в реале, пойдет отсчет времени пока она не задохнулась в мешке этой твари. Вот поэтому и нужна твоя тачка. Задача: мы появляемся там, как только можно быстро едем до места, глушим тварей и освобождаем ее. Вот так.
- Ну и дела...
Борис помолчал, вскрывая бутылку кинжалом, - Значит даже не одна тварь, а несколько. И как мы их будем глушить?
Сергей молча показал на шокер.
- Какой-нибудь кварковый взрыватель планет?
- Абсолютно безотказный парализатор. У тебя будет такой же.
Борис хлопнул себя по карманам халата и извлек сигареты.
- Можно?
- Да травись на здоровье, - поморщился Сергей.
Борис закурил.
- А ты классно выглядишь в этом прикиде. Только вот щетиной оброс.
Сергей невольно потрогал подбородок. Он и забыл про бритье. Как же Бьянзли терпела такой ужас?
- Жрать хочешь? - озаботился Сергей.
- Не откажусь.
Сергей опустил голову к кольцу.
- Мне нужен набор для бритья с зеркалом, жареная курица, еще один парализатор и еще один костюм как на мне.
Пока Борис ел, Сергей побрился.
Довольный Борис откинулся в невидимом кресле, подняв жирные растопыренные пальцы над коленями.
- Руки вымой в водопаде.
- Это, что, настоящий водопад? - Борис подошел и вывернул голову, пытаясь разглядеть, откуда низвергается вода.
- Конечно. Реальный фрагмент с какой-то планеты.
- А камень сверху не свалится?
- А ты каску одень.
- Ага, я тебя поймал! - Борис радостно заржал, отмывая руки, - Говоришь, время во всей вселенной остановилось? А водичка-то течет!
Сергей озадачился.
- Мне сказали, что остановилось. А ты хорошо вообще разбираешься в пространственно-временной синхронизации?
- Ладно. Покажи, как игрушкой пользоваться.
Сергей взял в руки упругое тело парализатора, навел в сторону и сжал бока. Брызнул яркий сноп света, который послушно сузился, после того как Сергей надавил на низ. Несмотря на чистый воздух, луч был виден так же ясно как в сильно запыленном помещении. Он объяснил Борису то, что знал сам.
- Давай, Боря, скидывай свой мирный халатик, будем комплектовать коммандос.
Даже в черной коже кучерявый Борис скорее походил не на коммандос, а на известного французского актера комедийных фильмов. Но он начал серьезно проникаться предстоящим. Сергей не раз бывал с ним в горах и не сомневался в нем.
Борис потренировался с шокером, потом подробно расспросил куда нужно будет

ехать.
- Кажется, осталось только пригнать твою тачку.
- Это что, опять с той симпатягой встречаться?!
- Неодушевленные предметы можно достать напрямую.
Борисова техника возникла в розовом тумане, еще прогретая земным солнцем, и на мгновение наполнила воздух горячим резиновым духом. Почти сразу произошла регенерация, и в воздухе опять осталась только свежесть от водопада.
- Я ботинки надену, - решил Борис, - и тебе советую.
Сергей подумал и заказал им обоим горные ботинки.
Его охватило предстартовое волнение. Он решительно потянул вторую бутылку из рук Бориса.
- Потом, Боря. Поехали!
- Скажи, старик, она очень красивая?.. О, понимаю!
Борис уселся на мотоцикл, убрал подножку, включил стартер и газанул.
- Открывай ворота, что ли!
Сергей потер кольцо.
- Мы выходим.
- Нет. Сначала передайте извлекатель своему товарищу.
- Ах, да. Боря, ну-ка надень это колечко! - он протянул ему свое кольцо, - Это твоя гарантия абсолютной безопасности. Если что - ты просто очнешься здесь, и тебя переправят на Землю.
Борис, не кокетничая, продел в кольцо свой толстый мизинец. Сергей уселся позади, и мотоцикл вылетел в лес, с треском ломая сухие пальмовые листья. Из-за деревьев блеснуло озеро.
- Боря, туда! - Сергей махнул рукой, и они помчались, уворачиваясь от деревьев. Мотоцикл высоко подскакивал, взлетая на кочках, Сергей судорожно вцепился в поручень одной рукой, держа шокер в другой.
Сбоку промелькнула длинная белесая тень.
- Стой! Вот оно, Борька!
Мотоцикл круто вывернул, глубоко вгрызаясь колесами в почву, и с ревом рванул к чудовищу, которое и не подумало скрываться. Развернув лоснящееся рыло, оно обдало землян мерзким скрежетом. Мотоцикл занесло, и тут же широкий красный луч накрыл длинное тело.
Сергей вырвал ногу из-под упавшего мотоцикла и подбежал к чуть подрагивающему вздутому боку, на ходу выхватывая кинжал. Преодолевая отвращение, он всадил клинок в податливые ткани и тут же содрогнулся от мощного толчка. Перед ним что-то распахнулось, раздался предостерегающий вопль Бориса, и Сергей потерял сознание.
Он очнулся от второй крепкой пощечины, замычал и раскрыл глаза, морщась от боли в голове.
- Извини, старик, тебя тоже пришлось зацепить!
Перед ним стоял Борис.
- Что было?! - Сергей вскочил.
- Ты ткнул ее ножом, и вся эта штуковина распахнулась на тебя, как ворота. Ну, я ее лучом снова успокоил. Извини, луч аж позеленел. Небольшой передоз.

- Блин! Значит, оно очнулось от боли. Пока я режу, нужно светить на рыло!
Сергей снова начал вспарывать брюхо, но ткани сразу же стягивались следом. От этого зрелища дурнота подкатывала к горлу. Тут луч от шокера в руке Бориса резко сузился, когда тот нервно сжал его и тут же, лопнув как пузырь, распахнулась сиреневая полость. Там одиноко блестела кастрюля.
- Нет ничего! - Сергей прислушался. В лесу все еще стояла неестественная тишина. Никаких звуков от тварей тоже не было. Вероятно, они вернулись к себе в пещеру. Сергей подавил приближающееся отчаяние. Нужно пролезть в их пещеру.
- Поехали, Борис!
Они вскочили на мотоцикл и через несколько секунд, взлетев на холм, остановились у разобранного домика. Прямо в том месте, где он разделался с василиском, в полу зияла огромная дыра.
- Они все выползли оттуда, Борис! А я про фонарь забыл!
- А того, что в руке тебе мало, растяпа?
- Елки, а ведь точно! Быстрее!
- А веревка, каски?
Сергей схватил в кладовке веревку и сполз в дыру, заклиниваясь коленями и локтями. Колодец был не глубже трех метров, и он быстро спустился на дно.
- Давай!
Через несколько секунд Борис был рядом. Они посветили шокерами в даль. Ход наклонно шел вниз. Здесь стены были уже скальными и вскоре они проникли в узкую невысокую щель, покрытую иглами белых кристаллов. Сергей почти бежал, с треском обдирая о свой костюм все, что за него цеплялось. Сбоку, за массивной гирляндой колонн открылся зев широкого бокового хода.
- Куда двинем? - Борис крутил головой, выбирая путь.
Сергей замер, пытаясь разобраться. Им нужно в сторону того родника, где эти твари разделывают добычу.
- Пошли сюда! - Сергей нырнул в боковой лаз. Борис превентивно засверкал красным лучом шокера.
- Ах, гады! - бешено рычал Сергей, кося уже позеленевшим лучом во все стороны, пока не затихли отвратительные звуки.
Борис вышел через короткий проход в зал и с содроганием увидел сплошную белесую массу, занимающую все пространство. Сергей был почти уверен, что Бьянзли не может быть здесь внутри одной из тварей. Полости у чудовищ были явно не желудками, а только багажниками для переноски. Просто так держать в них Бьянзли они вряд ли стали бы.
Они осмотрелись и, как не спешили, заметили, насколько великолепен был этот зал. В высокий свод повсюду вливались фигурные колонны, опоясанные кружевными натечными гирляндами, переплетенными сверкающими как снег тонкими веточками с друзами шаровых игольчатых образований. Все это ослепительно искрилось в ярком белом свете.
Среди изгибов и складок они нашли несколько ходов в нужном направлении. Два из них были достаточно широки. Сергей только хотел войти в один из них как оттуда высунулось острое рыло и молниеносно боднуло его в живот. С глухим стоном Сергей повалился на спину. Борис от неожиданности оступился и чуть не

выронил свой шокер. Чудовище истошно взвизгнув, с неожиданной быстротой подскочило к барахтающемуся Сергею. Синий луч выхватил длинное тело и оно, не допрыгнув, мягко шлепнулось на камни. Борис наклонился и протянул руку.
- Идти можешь?
- Вот же гадость... - просипел Сергей, - поднимаясь на ноги, - посвети, я свой парализатор уронил.
Они нашли шокер около лежащих тел. Сергей проверил его, на синей мощности осветив ход, куда собирался пролезть.
- Слушай, старик, - Борис встал рядом, - а сам-то ты защищен как я?
- Не бери в голову.
- Так, так. Стой, я пойду первым, - он рывком протиснулся между Сергеем и стенкой.
- Быстрее, Боря! - взмолился Сергей, и они побежали.
- Пар изо рта! - крикнул, слегка задыхаясь от бега, Борис, - стопроцентная влажность!
Стены были здесь сырыми, сверху капало.
- Значит, правильно идем!
- Здесь колодец! Давай обвяжусь, подстрахуешь!
Сергей наклонился. Градусов семьдесят с трещинами и выступами.
- Некогда, пройдем и без веревки, - он быстро полез вниз. Шокер сильно мешал, но он спустился без особого напряжения, и затем подсвечивал Борису, пока тот спускался.
- Дальше я первый, - Борис зашлепал по воде, пригибаясь в низком проходе и шипя, когда цеплялся головой о растущие сверху кристаллы. Внезапно он замер, освещая что-то впереди. Потом медленно повернулся к Сергею.
- Что увидел?
- Стой... Не ходи туда...
- Какого черта?!
- Старик, мы опоздали... - он опустил глаза и сжал челюсти, - поверь, там уже делать совершенно нечего.
У Сергея ноги стали ватными. Потом он замычал и, оттолкнув Бориса, пошел к небольшому озерцу, в которое затекала вода из прохода.
- Вот козел! - раздался его голос, - Как ты мог так перепутать?
Рядом с озерцом на каменном полу лежало тело русалки с закинутой за спину головой. Борис подошел.
- Это не она?
- Это русалка! - Сергей вздохнул. - Даже до них добрались, гады.
- Прости, старик, кто же знал... - Борис сокрушенно поскреб щеку.
- Что теперь делать? Где-то же она должна быть. А мы как раз там, где они добычу разделывают.
- У меня такое впечатление, что они не едят мяса, - вдруг сказал Борис, - Видишь, она хорошо промыта и уже немало здесь лежит. Они не голодные. Их в зале столько было, что фиг всех мясом прокормишь.
- Может быть...
Они поднялись наверх. И только теперь увидели лаз на стене прямо над колодцем. Они забрались в него. Это была просторная и широкая галерея с

довольно ровными стенами, явно искусственного происхождения. Они побежали, гулко топая по гладкому полу.
Неожиданно за поворотом оказался длинный зал с низкими сводами. Они остановились, изумленно осматриваясь. Вокруг стояли каменные фигуры различных животных в натуральную величину. Они были выполнены динамично и правдоподобно во всех мельчайших деталях. А среди них настороженно замерли несколько небольших, раза в два-три меньше обычных, белесых тел. В их поведении было что-то новое. Они явно боялись, неподвижно замерев и только тихо верещали.
Держа наготове шокер, Сергей двинулся вперед, и в зале поднялась паника. Со всех сторон захлопал инфразвук, и вся мелочь бросилась в противоположный конец зала. Земляне побежали за ними.
Внезапно Борис остановился.
- Смотри!
В глубине зала среди скопища тварей виднелся продолговатый камень, частично обработанный в виде женской фигуры. Раньше он был основанием колонны, и верхняя часть сталактита еще свисала над каменной головой.
- Теперь-то я не ошибаюсь, предположив, что это они копируют твою женщину?
- Да...
Два красных луча заплясали по залу, наводя умиротворение.
Сергей полез, шагая через вздутые пружинящие тела. Он добрался до скульптуры, наклонился и тихо вскрикнул.
- Бьян!
Борис подошел и увидел лежащую среди чудовищ бледную женщину с закрытыми глазами. Он наклонился и пощупал пульс на ее шее.
- Все в порядке. Она просто вырубилась.
Сергей осторожно взял Бьянзли на руки и понес, удивляясь ее почти невесомому телу. Выходя в галерею, он споткнулся и Бьянзли открыла глаза.
- Сережа... - прошептала она и снова на мгновение закрыла глаза.
- Потом поговорим, Бьян, - тихо сказал Сергей, - Ты можешь идти?
- Не знаю.
Сергей осторожно поставил ее. Она вполне уверенно держалась на ногах. Они немного постояли обнявшись. Бьянзли наклонила голову к его уху.
- Кто это?
- Давай я вас познакомлю по земному обычаю, - прошептал он и жестом подозвал друга. Тот подошел, улыбаясь, но по его виду нельзя было сказать, что он восхищен красотой женщины, стоящей перед ним.
- Бьянзли, знакомься, это - Борис. Я его позвал с Земли на помощь. Борис, это - инопланетянка...
Его прервал мощный хлопок инфразвука, и Борис едва успел влет остановить огромную тушу. Не меняя мужественного выражения лица под романтическими кудряшками, он галантно кивнул:
- Очень приятно!.. Я, несомненно, поцеловал бы вашу ручку, мадам, но вот...
"Вот гад, уже клеится..." - подумал Сергей.
- Давайте выбираться!
Сергей и Бьянзли так и пошли дальше в обнимку. Борис сначала шел позади,

потом перед спуском к колодцу опередил их.
Он заглянул вниз и тут же отшатнулся.
- На тебе! - зеленый луч сверкнул по рылу, показавшемуся снизу. Оттуда раздался мягкий шлепок упавшего тела.
Борис слез к колодцу и хотел было галантно помочь Бьянзли, но та спокойно и ловко спустилась сама. Однако в последний момент она все же приняла его руку с улыбкой.
- Восхищен вашей ловкостью! - заметил Борис.
К колодцу выходило несколько ходов.
- Кажется мы вышли оттуда, - Борис неуверенно махнул рукой на одну из дыр.
Сергей, уже собравшийся было пройти в одну из них, остановился.
- Ну вот. Я теперь уже не уверен.
Они пошли в предложенную Борисом дыру, но очень скоро стало ясно, что это не тот путь. Они вернулись и нырнули в другую. Эта попытка оказалась удачной.
Набив несколько дополнительных шишек и царапин на головах о низкие своды, они вышли к земляной норе, ведущей наверх. Сергей положил шокер в карман и вылез. Потом сверху сбросил веревку.
Дневной свет ослеплял. Во дворе было мирно, только разобранный домик наводил на грустные мысли. Кошмар остался позади.
Они все изводились в пещерной грязи, но Бьянзли обняла Сергея и прижалась к нему.
Борис добродушно ухмыльнулся, сунул в зубы сигарету и щелкнул зажигалкой.
- Где тут у вас умыться можно? - спросил он.
- У нас хижина у ручья, - сказал Сергей, - поехали туда, там и умоемся.
Борис залез на мотоцикл, завел его и, отталкиваясь ногами, развернул к лесу.
- Поехали?
Но Бьянзли явно трусила. Этот ужасающий грохочущий земной механизм не вызывал никакого доверия.
Сергей усадил ее за Борисом, сам прилип сзади, и они с дикими воплями канули вниз с холма.

- Неплохо устроились! - одобрил Борис, умиротворенно сидя в позе лотоса на уже обмякшем листе кувшинки и доедая тушеную рыбу, - Спасибо вам, - он с сожалением отложил посудину, - что мне слегка перепало: с работы и прямо в сказку!
- Что ты, Борька! - возмутился Сергей, - Это совсем не та идиллия, что думаешь! Ты же видишь, что тут творится!
- Ага, вижу, что не идиллия! - он заржал, усевшись на скамейке как на коне, вытянув вперед ноги.
Подошла Бьянзли, менявшая у ручья воду для своего цветка.
- Ты ему, конечно, передал свое кольцо? - спросила она.
- Да, у вас тут жесткие правила.
- Тогда поздравляю тебя с твоей постановкой! - она притянула его к себе и торжественно поцеловала.
- Да? И теперь мне можно в ваш первый класс? - он так и остался в ее объятиях.
Бьянзли засмеялась, поймала его руку с грушеобразным плодом, и откусила

кусочек.
- Ты, конечно, не был подготовлен, но все же... - она снова потянулась к его груше, и Сергей попытался перекинуть ее в другую руку, но Бьянзли молниеносно перехватила ее в полете и завладела безраздельно.
- Теперь цепочка удлинилась, - продолжала она, - я доверилась тебе и зависела от тебя, а ты доверился своему другу. Теперь только он может провести нас в мой дом.
- Да уж, какая тут подготовка! - заметил Борис, закуривая, - Мне пришлось так быстро во все это въехать, что я уже ничему не удивляюсь. Даже жалко... Ну, а потом, хоть иногда, можно будет сюда заглядывать?
- Только тебя будет провожать все тот же неловкий парень с длинным языком, - поддел Сергей.
Борис брезгливо передернул плечами.
- Эта образина итак теперь будет являться мне в кошмарах, - он выпустил профессиональную очередь колец табачного дыма.
- Мы будем тебя пускать через черный ход! - заверила Бьянзли.
- Ты слишком хорошо говоришь для инопланетянки, - заметил Борис и посмотрел на часы, - Сколько же мне осталось? Часа три до конца работы. Какова будет заключительная часть развлекательной программы?
- Куда торопишься? - спросил Сергей, выбирая из корзины новую грушу, которая тут же оказалась у Бьянзли.
- Я дома на контроле, - грустно признался Борис, пожимая плечами.
- Вот, попробуй, - Бьянзли протянула ему фрукт.
Он смело откусил сразу половину, начал беззаботно жевать и застыл, медленно постигая новые ощущения.
- Это нирвана!.. - признал он, - Мне даже открылась какая-то высшая истина! Скажите, это тот самый запретный плод из Эдема? - он потянулся к корзине за следующим.
- Смотри, после третьего на Землю уже не захочешь! - честно предупредил Сергей.
Рядом громко затрещали деревья.
- Доброго здравия всем вам, братаны и дама! - раскатился гулкий хоровой бас.
Борис ошарашено пригнулся и сжал дымящую сигарету в оскаленных зубах, готовый проглотить ее если надо будет.
- Мать твою... - тихо выговорил он, сводя колени и из позы лотоса естественно переходя в спринтерскую стойку.
- Привет, трехголовый! - добродушно отозвался Сергей, - Чего-то надо или просто так?
Борис мелкими галсами подкрадывался к своему шокеру.
Дракон неуклюже протиснулся между стволами, почему-то выбрав самое узкое место, и присел рядом прямо в ручей, надежно спрятав в воду поросячий хвостик. В передней лапе он держал за ноги большую птицу, безжизненно распахнувшую крылья с красными перьями.
- Отблагодарить вот зашел, - сказала левая голова. Дракон бросил на траву большую птицу, и ее мертвая голова сурово уставилась на сидящих, - добром за добро.

- Ой, спасибо! - искренне обрадовался Сергей, - А то рыбу не могу уже видеть! Так что заходи вечером, если будет рыба - всю тебе отдам.
- Вот и чудненько, братаны, - левая голова попеременно смотрела то на Сергея, то на Бориса, - а отсюда лучше уходите куда подальше. Пещерные здесь рыскают. Я парочку раздавил, когда на меня налетели. Но дико сильные они.
- Знаем уже, - покачал головой Сергей.
- А птица эта из породы бронзовых орлов, - встряла правая ученая голова, - перья - как стальные, может пригодиться для стрел.
- Ну, пошли мы, - дракон поднялся и, как собака, с шумом отряхнул воду с задней части мощным вращательным движением. Он попятился и вписался в то же самое узкое место между стволами.
Борис оттер лицо от брызг, глубоко затянулся и восстановил позу лотоса вместе со своим душевным равновесием. И это соответственно привело его к философическому настрою. Он придал лицу возвышенные черты, выдохнул дым в виде ядерного гриба и изрек:
- Этот мир не перестает удивлять. Могу ли я быть удостоен разговора об его устройстве, Бьянзли? Два дикаря охотно бы вняли мудрым речам женщины с неба об этих сказочных как сон чудесах.
- Ты не дикарь, Боря, и не сон это, хоть ущипни себя. Но что я могу сказать так, чтобы сразу все становилось ясно?..
- Старик, ты понял?
- Ну, да... вроде того, что мы, все же, дикари... - Сергей с улыбкой посмотрел на Бьянзли, - Но я уже начинаю понимать, что эта культура настолько высока, что они не кичатся мудростью даже перед домашними животными.
- А вдруг мы вне рамок их гуманизма? - Борис стряхнул пепел с жалкого бычка, добродушно поглядывая на Бьянзли.
- Извини, Боря, но хотя многое тебе кажется грандиозным, уверяю, духовно мы мало от вас отличаемся. А, кроме того, я ведь знаю, - она лукаво погрозила пальчиком, - как у вас в обычае бывает ставить человека в неловкое положение. Признайся, разве твоя жена никогда не ловила тебя подобным образом? Ты ей говоришь, к примеру: "Скушай мороженое, дорогая!" а она: "Ты что, хочешь, чтобы у меня заболело горло?".
Борис потер нос. Больше всего его смутило, что известен печальный факт существования его жены.
- Прости дикаря, женщина с неба, - он нервно втянул в себя остаток заряда сигареты и щелчком послал фильтр в кусты.
- Ты с огнем осторожнее, - заметил Сергей, - эти кусты воспламеняются как свечки!
Борис поднял руки и побежал за куст искать бычок. Бьянзли рассмеялась.
Борис выглянул из кустов:
- Помню какое-то интересное озеро недалеко отсюда. Предлагаю следующим номером сводить меня на пляж.
- Подходит, - согласился Сергей, - заводись!

Бьянзли уже почти не боялась мотоцикла и даже правильно вела себя на виражах. Они вылетели из леса и, высоко подскакивая на кочках, устремились к

озеру. Борис юзом заехал на песок и остановился. Сергей соскочил и поддержал Бьянзли.
Борис озирался, не слезая с мотоцикла.
- Какое озеро! - восхищался он, - Лес, солнце, облака! - Мне это будет сниться унылыми ночами! А горы здесь просто обалденные! Старик, может мы как-нибудь...
Облака действительно стали очень необычными. Огромные пушистые небесные звери сливались в веселой голубизне и превращались в еще больших облачных монстров.
- Вечером дождь будет, - предупредила Бьянзли.
- Поскучайте здесь немного, я объеду озеро кругом, а? - сказал Борис, нетерпеливо газуя.
- Парализатор с тобой? - спросил Сергей, - Нигде там не купайся, опасно! И еще, там сирены, не поддавайся на их пение!
Мотоцикл взревел и, выбрасывая из-под колес струи песка, умчался.
Сергей повернулся к Бьянзли.
- Подождем его, а потом вместе пойдем купаться?
Они уселись на травяной кочке у самой воды.
- Ты снова спас меня, Сережа!
- Да что ты, - он ласково поцеловал ее.
Борис вдалеке трещал не громче рвущихся штанов присевшего штангиста. В мир у озера возвращалась тишина, только лес тихо шумел издалека.
- Что мы теперь будем делать? - прямо спросил Сергей.
- Жить дальше, - улыбнулась Бьянзли, - я начну готовиться к следующей постановке.
- Ты же говорила, что такое - раз в жизнь!
- Теперь на новом уровне и совсем другая тема!..
- Опять смертельная?
- Нет, буду постигать топологию фундаментальных основ.
- Значит, я там уже не пригожусь.
Бьянзли толкнула его плечом.
- Ты что, прощаешься?
Сергей промолчал.
- Тебе ко многому нужно привыкнуть и многое понять, - сказала она, нежно почесывая его за ухом, - а это невозможно так сразу. Но у тебя будет кольцо.
- Оно у Бориса.
- У тебя будет свое. Борис теперь тоже причастен и наверняка захочет этим воспользоваться.
- А много таких причастных на Земле?
- Довольно много. Но взамен они дают обязательство не оказывать заметного влияния на Земную жизнь, да им и не до этого становится!
Они замолчали и сидели, обнявшись. Сергею хотелось, чтобы это длилось как можно дольше.
Издали послышался мотоциклетный треск. Борис возвращался с той же стороны, куда поехал. Что-то с ним было не так. Он резко остановился, швырнул под ноги сидящим большую охапку спутавшихся водорослей и, поставив

мотоцикл, удрученно опустился прямо на песок. Бьянзли взглянула на водоросли и расхохоталась. Сергей привстал.
- Что стряслось?
На скуле Бориса зрел кровоподтек, щека была в длинных царапинах. Борис что-то невнятно прошипел. Потом осторожно провел ладонью по царапинам и взял себя в руки.
- Получил совершенно незаслуженно... Еду, любуюсь редким видом, всему миру только добра желаю. Там дальше пляж заканчивается, берег пошел обрывистый, и еду я уже по мягкой траве между деревьями. Засмотрелся я на озеро. Там цветы эти растут огромные, как у вас в хижине видел. И только краем глаза вдруг заметил впереди что-то натянутое поперек пути, как уже лечу через руль мордой в землю. Хорошо, что не быстро ехал. Поворачиваюсь, так обидно стало, какой-то сказочный старикан, смотрю, вот эту пакость, - Борис ткнул носком ботинка в водоросли, - бороду свою зеленую, очень резво с деревьев сматывает. Сгоряча хотел сначала его голыми руками, тем более, что словом он меня крыл просто невозможно обидно и, между прочим, еще орал, что какой-то Авдотье от него тоже достанется.
- Это он про меня! - всхлипнула Бьянзли, вздрагивая от беззвучного смеха.
Борис удивленно посмотрел на нее.
- Очень хотел я его уделать, но, чувствую, что-то не в дугу, треснулся я основательно. Тогда просто достал шокер и вломил ему дозу. Стою, не знаю куда злость слить. Вспомнил, что в инструментах у меня ножик есть, ну и срезал ему зеленую паклю на фиг чтобы больше ловушки не устраивал. Теперь с козлиной бородкой будет ходить. Объясните мне, что это за тварь и чего ей от меня нужно было?
- Борис, что ты наделал?! - Сергей, давясь от смеха, приподнял двумя пальцами зеленый ворох, - Ты же водяного оскальпировал! Он эту бороду тысячу лет отращивал!
- Слишком сильно он меня уделал, - Борис снова ласково потрогал свои царапины.
- Вообще у этого дедка здесь самоотверженная экологическая миссия. Я его даже зауважал. Но повадки, конечно, отвратительные. Он, наверное, тебя со мной перепутал, - сочувственно вздохнул Сергей, - Я его однажды от Бьянзли отвадил довольно грубо.
- Да и фиг с ним, - махнул рукой Борис, - так почему в этом озере купаться опасно? Сейчас бы очень не помешало...
- Ты уже с этой опасностью справился, - заверил Сергей, - так что пойдем купаться, пока водяной не очнулся.
Они минимизировали костюмы до бикини и ринулись в воду. Случайные взгляды Бориса невольно застревали на фигуре Бьянзли.
Они купались, даже не выходя на пляж, под все более мрачнеющим небом, пока их не обнаружили русалки, потребовавшие продолжения конкурса. Борис пришел в эйфорический восторг. Он тут же принялся командовать, очаровал их всех и дошел до того, что устроил гонки на русалках, которые он же и выиграл. Потом передал им бороду водяного с раскаянной просьбой не держать зла.
Все небо покрылось плотными облаками. Борис, в который уже раз, взглянул на

часы.
- Ну, что, прощаться, пора, - наконец решился он, - через полчаса мне нужно бы появиться дома, чтобы потом не отменять мамины заявки на поиск моего тела.
- Поехали ко мне, - заявила Бьянзли, - в моем доме у тебя будет еще сколько угодно времени.
Они уселись на мотоцикл, с пробуксовкой вырвались на траву и, быстро уменьшаясь, помчались к лесу.
С пляжа вслед дохнул порыв ветра с озера, гоня запах рыбы, подхватил сухую мелочь с берега и закружил высокими воронками. Упали первые большие капли. Борис подкатил к колеблющимся между стволами теням и осторожно въехал в розовые сумерки. Мотор заглох, и стал слышен шум водопада и настойчивый телефонный звонок.
Бьянзли слезла с сидения и, с одобрением посмотрев на водопад, протянула руку к его струям.
Сергей взял трубку.
- Алло?
- Добрый вечер! Сергея можно? - раздался очень уверенный и приятный женский голос.
- Сергей слушает, - удивленно ответил Сергей, досадуя на режим громкого связи.
- Привет! Ты что, прячешься от меня?
Борис привычно уселся в пустоту с невероятно многозначительной мордой. Бьянзли продела палец в свое висящее в воздухе кольцо, сняла его, подошла сзади к Сергею и положила подбородок ему на плечо.
- На фига мне прятаться? - удивился Сергей.
- Ты что, опять пил? Как-то странно говоришь... Ладно, я сейчас приеду!
- А ты уверена, что правильный номер набрала?
- Ты кое-что забыл, малыш. Щас приеду и напомню.
- Давай, - равнодушно разрешил Сергей и повесил трубку.
- Зачем же ты ее послал куда-то, старик? - удивился Борис.
- Не знаю. Она мне почему-то не понравилась.
- Кушать хотите, мальчики? - спросила Бьянзли и принялась колдовать.
На образовавшейся серебристой поверхности начали появляться совершенно незнакомые, интригующие предметы.
Любознательный Борис принялся крутить в руках какую-то розовую клизму, а Сергей, увидев знакомый шар, подхватил его и присосался с невозмутимым видом. Клизма не выдавливалась, и Борис с азартом подключил инженерный уровень своего интеллекта.
- Это будет вроде моего прощального банкета, - он грустно покачал головой, оставив попытки разгадать инопланетный дружественный интерфейс, обеспокоено посмотрел на часы, сказал "ах да" и слегка хлопнул себя по лбу. Бьянзли подсказала Борису, что делать с клизмой и он признал, что был без шансов самому разобраться. Некоторое время все его внимание поглощал вкус еды.
- Вот как после такого питаться Земле?
- Тебе не хотелось бы сделать жене какой-нибудь подарок? - предложила ему Бьянзли.

- Ммм... Не хотелось бы, - отклонил предложение Борис.
- Кольцо останется у тебя. Когда надумаешь снова окунуться в наш мир, нужно будет просто потереть его. Так что теперь ты сам сможешь делать почти любые подарки.
Борис молчал некоторое время, переваривая такой десерт.
- Так просто?
- Да. У кольца очень много функций. Сам все постепенно освоишь. Кое-что очень не сразу. Можешь не бояться, пока кто-нибудь будет рядом, кольцо не активизируется. Если что-то в твоем поведении начнет противоречить некоторым обязательным правилам, тебе подскажут, как избежать неприятностей. Смотри, не теряй кольцо!
- Что ты... Вот уж не ожидал... Спасибо! Ну, раз все не настолько безвозвратно, то самое время мне отсюда валить.
- Без проблем, - махнула рукой Бьянзли, - только точнее пожелай куда нужно переместиться.
Борис поднялся и хлопнул Сергея по плечу.
- Оставляю за старшего. Береги Бьянзли, если что - сразу меня вызывай. Пока.
- Пока. Еще встретимся на Земле. Я позвоню, - пообещал Сергей.
- Ага...
Зазвонил телефон.
- Тебя, наверное, - улыбнулась Бьянзли.
- Алло?
- Где ты, гад, прячешься!??
В трубке раздались всхлипывания. Сергей тяжело вздохнул.
- Слушай, не реви... Знаешь что, у меня в башке сегодня фигня какая-то, не помню... задиктуй мне свой телефон, я позвоню, как только смогу.
- Врешь...
- Точно позвоню.
Пока Сергей записывал телефон на бумажке с номером Бориса, вокруг сгущалось нездоровое молчание.
Сергей положил трубку и поднял глаза.
- Боря, прощальная просьба. Не вздумай отказать, - он протянул ему бумажку, - когда приедешь... ну, скажем, в районе завтра, пожалуйста, позвони, утешь ее, ты же теперь все можешь!
- Ну, старик...
- Разве это превышает твои коммуникативные способности? Человеку реально плохо, почему не помочь, раз уж она о нас споткнулась.
- Хорошо, разберусь, - Борис небрежно взял бумажку, подошел к своей одежде и нерешительно почесал загривок, - А как бы переодеться?
Бьянзли усмехнулась и огородила его переливчатым туманом. Оттуда тут же раздались чертыханья, и Сергей поспешил на помощь. Потом появился уже земной Борис, застегивая рабочий халат.
- Ну, пока, Бьянзли, может быть, еще встретимся, - он сел в седло, - Извините, сейчас нагазую тут... - он поднял руку с кольцом ко рту и проговорил место.
- Пока! Все будет в порядке, - Бьянзли помахала рукой.
Мотоцикл, взревев, рванулся и исчез.

- А теперь ты, - сказала Бьянзли, и ее глаза расширились.
- В смысле тоже валить? - зачем-то переспросил потухший Сергей.
- Устраивай свои дела там и быстрее возвращайся! Завтрашнего дня тебе хватит? - она обняла его, потом взяла его руку и одела на палец кольцо связи.

Человекообразные

Некоторые вопросы сравнительного исследования повадок человекообразных в условиях метафизической или философской интоксикации. Мистический сюжет повести служит средством выражения, а не откровения. 18+ прежде всего, потому что раньше нет шанса понять.

Твари божьи

Утро было туманное, хмурное. Изгадив под собой ветку, большая сытая ворона неуклюже слетела вниз и, едва успев помахать веерами растопыренных перьев,

тяжело умастилась на краю ржавого мусорного бака.
Она с большим неодобрением уставилась на не выспавшегося ментяру, который рядом прикуривал дрожащей зажигалкой. Тот сразу заметил это, стопорщил усы и, прошипев: "ну точно, как теща", стал торопливо расстегивать кобуру. Охреневшая от ужаса ворона успела кануть за железный борт.
- Как эти китаезные хлопушки уже надоели! - воскликнул невдалеке шатающийся на ветру дедок, выковыривая звук из уха грязным пальцем.

А прямо за стеной дома, в ухоженной квартире, очнулась ото сна не по годам полная Марфена и первым делом скосила глаза на прижавшегося к стенке мужа Василия, во сне страстно сжимающего свою подушку тонкими волосатыми руками. Марфена любила прямой и недвусмысленный секс и давно подметила лучшее время для него - поутру, когда у мужчины, видимо, проходят контрольную поверку его системы. Она даже назвала это явление с присущей женщине романтикой "утренним петушком". Петушок у Василия был своенравным. Марфена игриво пихнула тело мужа коленом, тот еще в сонном бессознании отвалился от стены, оказавшись на спине и с испугом распахнул глаза. Но теперь, когда освободившееся при раскрытии век натяжение кожи перестало удерживать петушок, Марфену постигло разочарование. Мимолетная философская мысль о не сложившемся счастье диалектически оформилась в твердое убеждение, что на завтрак у Василия будет овсянка.

От соседей донесся горестный звук упавшего навзничь предмета. Это Дмитрий Федорович, человек увлеченный своим здоровьем, забодал невзначай гладильную доску, когда на четвереньках совершал свою ежеутреннюю прогулку. По его убеждениям именно так ходили когда-то его предки, что обеспечивало им отсутствие остеохондроза. Аккуратные зарубки на косяке двери неопровержимо свидетельствовали, что спросонья его рост от пола до кончика носа был намного более мужественным и с этим не хотелось расставаться как можно дольше. Мягко ступая четырьмя конечностями, он носом отворил дверь в туалет и привычно высоко задрал нижнюю лапу. На низеньком столике в кухне, кроме диетически приготовленного педигрипала в мисочке его ждал разнообразный набор оздоравливающих препаратов и на десерт - стакан целебной янтарной жидкости, выработанной его же благодарным организмом.

Поодаль, уже в районе соседнего подъезда, профессиональный магистр всекосмического электричества Коровин с трудом выходил из нирваны. Женщины давно ему уже были не нужны вследствие полной самодостаточности. Удовлетворение он черпал из самого себя, безотказно потакая физиологическим капризам своей плоти, выплескивающей ему в чакры древнюю энергию. Он поднялся, подошел к окну и попытался открыть форточку. Но избыточное давление воздуха, образованное за счет кучи преющих носков, нешуточно препятствовало этому. Чтобы окончательно вернуться в зону действия земной реальности, Коровин приложился к трехлитровой банке с еще позавчерашней заваркой побегов чайного куста обыкновенного, на ходу трансформируя мерзкий вкус напитка в аромат столетнего амонтильядо.

Ну, за кем бы еще понаблюдать чтобы развлечься, - пессимистически озадачился заштатный терминал Вселенской Гармонии, фокусирующий на земном бытие прицел всепроникающих нейтринных пучков центральной звезды местной планетарной системы. В этой стране звезду ласково называли Солнышком, а была она, по сути, галактической термоядерной бомбой, готовой сжечь всю систему, стоит только ввести нужные коды.

Когда Солнце перевалило очередной меридиан, придуманный этими людишками, и вынуждено было брызнуть лучами на подслеповато-немытые окна заспанного города, с высоты ничем не отличающегося от муравейника, большим черным пятном разлившегося среди заснеженных лесистых просторов, в семье совсем другого матерого колдуна из кухни уже пахло свежесваренным кофе. Неудержимо разгораясь ненавистью при виде осточертевших пережаренных оладий, Анатолий вдруг с ужасом осознал конец. Неужели ради этого шесть лет назад он блеском астрального юмора и тантрической энергией страсти вскружил голову этой женщине? Так. Ненависть немедленно убрать. Он передернул бровью, обволакивая сознание уверенной силой умиротворения. В душной кухне можно было бы и форточку открыть, но разве же она догадается? Анатолий с наслаждением вдохнул еле заметный, с детства привычный аромат дымящейся внизу помойки и с недоумением воззрился на восходящее солнце. Погода... погода должна быть по сезону, а эта ду... глупая женщина со своими причудами опять наколдовала мерзкую слякоть. "О господи, да что же это я..." - Анатолий опять передернул бровью, чувствуя, что этот жест грозит стать нервным тиком. - "Нужно думать о хорошем! Ведь было же у нас что-то хорошее...".
Он вспомнил как они встретились в первый раз, как начали жить вместе, переполненные радостным ожиданием столь многого друг от друга, как наслаждались своими способностями, волшебным ощущением почти божественной силы и реальностью планов осчастливить всех людей. Почему-то сейчас говорить об этом вслух было уже неудобно. А так и оставшееся неосчастливленным человечество погрязало в своих пороках и, безусловно, само заслуживало той участи, в которой прозябало.
Все же нужно что-то менять...
- Аленушка, - услышал он свой голос и не придумалось, что сказать дальше. Она насторожено подняла глаза над чашкой, из которой пригубливала мелкими глоточками. "Неужели сейчас приласкает?" - подумалось с почти безрадостным безразличием, - "Когда же это было последний раз? Неужели ради этого осчастливила она его своим выбором среди многих других?".

Пауза зависла, и Алена сделала очередной горький глоточек. "Или опять предложит сходить к надоевшим Егоровым, чтобы, как и в другие пустые выходные дни, бренчать на осточертевшей гитаре песенки, которые нравятся только ему одному, и каждую из них запивать из быстро пустеющей бутылки...". Но почему ее опять все это беспокоит? Не лучше ли принимать Все Как Есть?
- Привет, шнурки, - пробасил сын-второклассник, заглянув на кухню. Он никогда не был голоден настолько, чтобы прельститься убого-непритязательным завтраком и питался по наитию своего организма, который лучше родителей знал, что и когда ему нужно.
- Ты ошибаешься, Рыжик, - рискнул пошутить Анатолий, - мы - предки, а ты - зародыш.
- Вы - шнурки, - процедил Рыжик и чуть было не сплюнул на ковер, но вовремя

вспомнил вчерашний подзатыльник. Он вовсе не был рыжей масти, и окрас его всегда угрожающе вздыбленных волос был скорее пегим. Агрессивная независимость и энергия сына нравились Анатолию. Таким и должен быть сын колдуна, призванный не только унаследовать, но и приумножить способности своего шнур... предка. Анатолий даже не безосновательно побаивался его после нескольких случаев вулканических чирьев, возникших на его седалище и необъяснимо совпавших по времени с проведенными педагогическими экзекуциями.
- Я новую игру знаю, - компромиссно снизошел Рыжик.
Ну конечно, у его дружка из соседней квартиры случилась ангина, и играть стало не с кем. Анатолий решил принять Как Есть то, что его сын невольно пришел ему на помощь в попытке хоть как-то изменить серую обыденность. Другими же словами, просто опофигело отдался течению бытия.
- Играем в новую игру! - вяло-радостно объявил Анатолий.
Алена отставила чашку, вытерла платочком сопельку сыну и устало улыбнулась. Тот немедленно убежал за реквизитом.
- Вот! - он забрался на стул, закрывшись от всего света локтями, попыхтел с карандашом над листком бумаги и тщательно завернул его верх, оставив видным только нижнюю часть своего рисунка.
- Теперь ты дорисовывай, па! Но не все, маме оставь!
Анатолий взглянул на две вертикальные черточки, выглядывающие из скрытой завернутости и привычно напряг ясновидение. Ну, конечно, там голова человечка, а две полоски - его шея. Нужно пририсовать туловище где-то до пупка, оставив остальное жене.
Алена, в свою очередь, посмотрела на три черточки, выглядывающие из-под завернутости и напрягла свое ясновидение. "Ну, до чего может еще додуматься этот..."- снисходительно усмехнулась она и небрежно дорисовала свою часть.
Анатолий торжественно развернул коллективное творение и тихо офигел. Вдоль его позвоночника проложили тропу суетливые мурашки.
- Р... Рыжик, кто научил тебя рисовать Это? - выговорил он, стараясь не смотреть на жену и нервно комкая листок.
Рыжик потускнел, своим ясновидением остро предчувствуя очередную педагогическую репрессию.
- Танька... - шмыгнул он новой сопелькой.
"Так. С этой акселерирующей чертовкой его сын больше не водится. Хотя..." - Анатолий живо представил то, во что переходило нарисованное им туловище над плечами и то, во что оно превращалось внизу и заразительно расхохотался.
- Слушай, как ты могла подумать, что я нарисовал такое? - наконец спросил он жену, - ну, я же не такой примитивный, а?
- Да уж, раньше мы друг друга лучше понимали, - укоризненно заметила Алена.
- Хм. Действительно. Помнишь, как у нас все чудесно совпадало?
- Как не помнить...
- Давай попробуем, - Анатолий слегка задумался над пришедшей в голову идеей, - но сделаем это по Рыжиковой методике. Сначала ты напишешь что-нибудь, завернешь, а мне оставишь только последнюю строчку.
"Ну, вот, хоть какое-то занятие" - подумалось Алене, и она взяла немедленно принесенный счастливо избегнувшим расправы сыном листок, нагло выдранный из новой тетради.
- Нет! - заорал Рыжик, - Я вас знаю! Ты, ма, сейчас про любовь напишешь, а па сразу рассечет! Я щас скажу тебе, про что писать на ушко! - и он горячо зашептал

мамочке. Та кивнула и на пару минут закрылась локтями, едва заметно улыбаясь как Джоконда.
Выкуривший на балконе сигарету Анатолий уселся за стол и, придвинув листок, с улыбкой чуть сдвинул завернутый край, чтобы лучше открыть последнюю строку. Бдительный Рыжик, не разобравшись и прекрасно сознавая свое превосходство в настоящий момент, смачно оттянул батяню по загривку своей маленькой ладошкой.
- Чо подглядываем?
Анатолий поморщился, сосредоточившись, легко понял, о чем идет речь и витиевато продолжил незатейливую мысль. - А теперь, снова ма! - потребовал Рыжик. Процесс продолжался, пока не закончилась страница.
Рыжик выхватил листок, развернул его, нерешительно потоптался и заискивающе сунул Анатолию.
- Па, сам читай вслух, а?
Анатолий взглянул и досадливо поморщился. Какая-то непонятная слабость и безразличие начали опустошать его мысли. "Вот, опять некто энергию отсасывает... вместо того, чтобы самому набираться..." - неприязненно промелькнуло в голове. Кто бы мог подумать, что этот пацан предложит писать про какие-то кактусы. А он воспринял колючки на свой счет.
- Раньше бы ты зарядила кончик фразы для меня, - как-то машинально упрекнул он. Алена хмыкнула и молча отобрала листок.
Анатолий подумал, что раньше даже при таком результате они, несомненно, нашли бы многочисленные и чудесные подтверждения своего необыкновенного взаимопонимания. Но сейчас это было уже ни к чему. Ну что ж, если нет прежнего понимания, он косо глянул не жену, не пора ли подумать о...
- Бери свою гитару и пойдем к Егоровым, - вздохнула Алена, чисто по-женски предугадав направление мыслей мужа и поспешив отвлечь этого большого ребенка.
Анатолий передернул бровью и достал новую сигарету.
- Можно я пока пойду на улицу? - чуть не хныча, попросил Рыжик, -
Чтобы энергию не отсасывать...
- Ну уж нет! - грозно фыркнул Анатолий, вспомнив Танькины уроки.
Домой они вернулись поздно вечером, с висящим на руках полусонным Рыжиком.
Этой ночью Алена увидела первый из своих удивительно реалистичных и совсем не в ее обычном стиле снов, будто нашептанных кем-то. Она знала все о снах или думала, что знает, нисколько не засомневалась в важности и значительности виденного и, когда проснулась ужас наполнил ее душу самыми безжалостными предчувствиями. "Что же это со мной такая фигня творится?.." - растеряно подумалось, уединившись в туалете и машинально сматывая на руку мягкую бумагу из рулона.
Она ясно вспоминала все подробности.

Вечное лето 1

Заснув сразу, как провалившись, она вдруг осознала себя в каком-то стремительно спускающимся фантастическом аппарате, что для ее снов было категорически не свойственно. Гравикомпенсацию отключили, и на крутых виражах стало захватывать дух. Алена никак не могла прийти в себя, с волнением жадно всматриваясь сквозь невидимые стенки капсулы в стремительно приближающиеся детали пейзажа. Удивительнее всего было то,

что она четко знала, зачем здесь появилась. Вместе с ней была маленькая девочка - ее дочь!? и был Он, но вовсе не Анатолий. И эта деталь ее сна никак от нее не зависела... хотя непостижимым образом временами она оказалась способна понимать даже то, о чем Он думал.
Наглый гид-водитель в двух словах прояснил местные особенности, даже не приземляясь, спихнул ногой вниз несколько ящиков через распахнувшийся люк, и, едва дождавшись, когда они спрыгнут, взмыл вверх. Восходящим потоком всколыхнуло траву, взметнуло ее платье и Его волосы. Дочь Алина радостно запрыгала, взвизгнула и замахала ручонками вслед стремительно улетающему призрачному силуэту. Они ошеломленно озирались, еще не до конца осознав, что начинается их новая жизнь, прямо здесь, на большой поляне, густо заросшей кудрявой пушистой травой, на планете Вечное Лето системы Альдебарана.

Алина уже с визгом гонялась за огромной ленивой бабочкой, крылья которой переливались как два компакт диска.

- Мам, а бабочки же не кусаются? - закричала она, смело схватив трепещущуюся тварь за одно крыло, пока второе как веером обдувало ее лицо.
- Нет! - ответил Он вместо мамы, - Она сама страшно боится, как бы ты ее не укусила!
Он знал, что еще пара часов и огромный красный Альдебаран закатится за сплошную стену джунглей. Надо успеть повесить гамаки. Алинин - на верхние ветви, чтобы не добрались любопытные хрюкопухи, а другой - пониже. Алена все еще нерешительно стояла, привыкая к зелено-голубому, как морская вода небу, теплому ветерку, несущему незнакомые запахи, абсолютно неземным выкрикам птиц в лесу. Он успокаивающе улыбнулся и нежно поцеловал ее.
- Мама!!! Смотри, какая тут речка! Можно я искупаюсь?
Алена, наконец, очнулась, приняла эту реальность или ту игру, в которую ей предстояло играть в этой реальности, коротко сжала Ему руку и пошла к Алинке.
Несколькими пинками Он разбил первый ящик. Так. Куча женской одежды и косметики. Он это сюда не клал. Неужели она собирается ходить здесь на танцы? Тут же в пакетах лежала какая-то еда на первое время, куча разных нужных и ненужных вещей, аптечка и кухонная посуда. Гамаков нет. Но есть Большая Красная Кнопка. Гамаки, конечно, нашлись только в последнем ящике. Он навалил на них разбросанные вещи, впрягся и потащил все это к джунглям.

Алена подбежала, возбужденная и предвкушающая все предстоящие удовольствия. Ей явно здесь начинало нравиться.
- Где мой купальник?! Тебе помочь? - она, засмеявшись, ухватилась рядом с ним и изо всех сил потянула, смешно пробуксовывая по скользкой траве длинными ногами.
- Аленка! А я тогда зачем? - крикнул он, - Иди купаться с Алиной, разведайте самые лучшие места!
Они остановились и Алена, схватив первый попавшийся купальник, тут же переоделась.
- Не сгорю? - она, сощурившись, взглянула на огромный, почти не слепящий диск Альдебарана.
- Даже не поджаришься, здесь очень мягкий ультрафиолет.
Они как сговорились не упоминать о прошлом. Что бы ни случилось раньше, здесь пусть будет их мир...
Наконец Он дотянул груду вещей до деревьев. Упругая трава позади даже не

примялась. Снял ботинки и разделся, оставшись в плавках. Потом выбрал два раскидистых дерева, стоящих рядом на подходящем расстоянии и без особых проблем привязал на высоте вытянутых рук сначала Алинин гамак, затем другой, побольше, у самой травы. А сюда уже бежали его женщины! Не совсем то слово - бежали. Слишком большую рыбу тащила Алина в своих детских ручках, а ее мамочка прыгала вокруг сама как ребенок. - Это я ее поймала! - визжала Алина. Наконец ее ручки не выдержали, рыба выскользнула и шлепнулась на траву. Такой крупной, блестевшей ярким перламутром чешуи он еще никогда не видел.
- Она сама захотела со мной играть! - Алина присела и стала гладить насмерть уставшую рыбину. Алена тоже присела, разглядывая добычу. На ней еще не высохли капельки воды, на плечах раскинулись мокрые волосы. Он с трудом отвел глаза.
- Какая красивая рыба! - восхитилась Алена, - Алина - лучший рыболов! - она внезапно сильно толкнула его, он свалился на спину, но тут же перевернулся и вскочил на ноги.
- А ты знаешь, Алина, что рыбы не любят жить без воды? - спросил Он, - и даже совсем не могут. Надо придумать, что с ней делать.
Алина оказалась слишком сообразительной.
- Мы же не будем ее кушать!? - закричала она так, что сразу стало ясно: на этот раз рыбы на ужин не будет. - Нет, конечно! - улыбнулся Он, поднимая рыбину. Было в ней килограммов пять. Как же ребенок дотащил это скользкое чудо? - Давай отнесем ее обратно пока живая. Покажи, где ты ее поймала?
- Она сама ко мне приплыла! - Алина побежала вперед к речке. Вода была удивительно прозрачной и прохладной. Он ступил на довольно глубокое дно и выпустил рыбу. Та плюхнулась боком, безжизненно всплыла, ее начало плавно относить течением, но скоро хвост вздрогнул, еще раз и, наконец, рыба, показав свою спину, ушла под берег, заросший низко свисающими кустами с темными ягодами, похожими на ежевику. Ягоды оказались очень приятными и необычными на вкус. Алена тоже попробовала: слишком вкусно, чтобы удержаться и не сорвать еще!
- А рыбка поплыла к своим деткам? - спросила Алина, по бегемотному высовывая из воды только свою голову.
- Нет, - зачем-то возразил Он, - к своей подружке, чтобы рассказать, как с тобой познакомилась!
Конечно же, Алина полезла под куст, надеясь подсмотреть как беседуют рыбы-подруги.
- Пойду, раздобуду что-нибудь на ужин, - сказал Он, - не перекупай ребенка!
Он обнял и поцеловал Алену, все еще не до конца веря и привыкая, что они вместе. Потом слегка шлепнул ее по упругому заду и выскочил на берег, едва успев увернуться от ее почти молниеносного ответа.
- На охоту? - спросила она, слегка нахмурив лоб, но смиряясь с неизбежными атрибутами бытия.
- Ну да.
- А как же боевая окраска? Давай я тебя разрисую своей косметикой!
- Вечером, если охота будет удачной, то в нашем племени будут пляски. И тут уже без раскраски никак!
В куче вещей у деревьев Он наконец нашел чехол со скорчером, осторожно вытащил его и осмотрел. Все было в порядке. Обувшись и, нацепив маленький рюкзачок с поясом прямо на голое тело, он пристегнул оружие и быстро пошел в лес.

Глупая фея

Алена проснулась...
В кровати она была одна, как обычно проспав пробуждение семьи. Анатолий уже собирался уходить на работу. Колдунам тоже приходится зарабатывать деньги. Мелькнув в проеме двери, он махнул ей рукой, и входная дверь громко щелкнула замком. Нужно было прожить еще один день.
В комнате Рыжика было подозрительно тихо. Алена встала босыми ногами на коврик. Рыжик старательно что-то творил, склонившись над своим столом, и Алена крадучись прошла в туалет, закрылась, а через минуту ее сон разом и без предупреждения встал перед глазами. Механически наматывая бумагу на руку, она... Она почувствовала, что так может и с ума сойти. Что-то очень важное и странное творилось в этом мире...
Ах, если бы она знала, насколько опаздывает ее предчувствие! В мире давно уже творились совершенно никуда не годные беспорядки на самом его представительном уровне, и судьба самой Земли зависела от прихоти неких фантастических для людей сущностей, совершенно безответственно к этой судьбе относящихся.

Беззаботное существо по прозвищу Алалотмель совершала свое обычное развлекательное путешествие. Родной мир давно ничем не удивлял ее и не радовал. Привычное не может восприниматься как чудо. Алалотмель была что ни на есть настоящей феей, и для нее это было привычным и надоедливо обыденным: феи не живут среди чудес. Черт! она бы даже согласилась воплотиться во что-нибудь примитивно-волосатое, но умеющее радоваться самым неприхотливым моментам своего существования. Прикусив с досадой губки по поводу невольно вырвавшегося мысленно ругательства, она тут же чисто по-девичьи начисто позабыла это, заметив совершенно новый и, значит еще полный незнакомого для нее мир.

Нетерпеливо пролетев верхние слои атмосферы, и достигнув величественно клубящегося густого облачного покрова, она чуть не ошпарилась от головокружительной скорости и, хлопая себя по горячим бокам, затормозила, пробежав в игривом танце по ослепительно сияющим белым верхушкам облаков.
Она включила всезнающий режим восприятия и тут же брезгливо поморщилась: человекообразные... Они расплодились здесь как тараканы, такие же не довольные существующим и все время чего-то ищущие. Главным продуктом их метаболизма являлись так называемые идеи. Такие же тупые и самонадеянные, как и сами человекообразные. Кое кто из высших считал это самобытной ценностью, несмотря на удивительную бредовость и противоречивость этих идей. И еще эти их "моральные и этические переживания" в самой своей примитивной форме. Это так же некоторыми ценилось и исподтишка использовалось на манер своеобразной порно-продукции, позволяющей пожить чужими страстями, щекочущими погрязших в вечности и всепонимании, с давно атрофировавшимися собственными способностями творения нового.

Алалотмель передернула прекрасными плечиками от омерзения. Как это отвратительно! О Боже, почему Ты это терпишь?? Она вдруг замерла, прислушиваясь к возникшей в глубине ее души новой и восхитительной мысли. Да, почему бы и нет? Она вдохнет в этот мир самую высшую, самую чистую и прекрасную Любовь! Она перевернет весь этот порочный мир и наполнит души

пребывающих здесь тварей волшебным сиянием божественной Любви...
Как всегда, быстро и без остатка загоревшись очередной захватывающей целью, она с наслаждением открыла сердце этому миру.
Алалотмель опустилась в первый подвернувшийся лес, окружающий какое-то большое людское поселение, бесследно пробежав по свежевыпавшему снегу, стала среди зимней тишины рядом с давно поваленным стволом с черными следами от костра отдыхающих и воздела лицо к серому небу. Снежные хлопья бесшумно опускались, приятно лаская лицо. Она принялась творить свою магию, вплетая нити света в клубящуюся мглу порока, сопровождающего мысли и дела человекообразных и совершенно не подозревая о некотором неравнодушии к этому миру сущности куда более крутой, чем она сама. Чисто реликтовом неравнодушии, проистекавшем из простой причины своего собственного происхождения от тех самых порочных тварей, которых она решила возвысить. Зам самого Творца Вселенской Гармонии, воплощенный в эенергомассе метагаллактически внушительного тела, ... сопел в неудобно маленькие дырочки своего носа. Какая-то там Алалотмель чудит в заповеднике Земля, колыбели самого Зама, серьезно озаботившись недоступными ее пониманию жизненными задачками аборигенов. Ох уж эти инициативы низов. Решила вот взять и возвысить их духовность! Как будто бы так сложно всех этих людишек вышвырнуть на любой уровень развития их духовности если бы это понадобилось. А может действительно устроить там апокалипсис?.. Зам Творца полторы микросекунды обдумывал этот вариант урегулирования, но легкие решения были не в его натуре. Он вздохнул и почесал Волосы Вероники на своей метагалактической репе. Нет, во-первых, он не может прерывать поток щедро оплачиваемых самобытных нетленок во вселенскую видеотеку. Во-вторых, неспроста разведены в заповеднике несколько миллиардов проживотных телесных структур для набора того специфического опыта, который можно приобрести только в условиях приземленного существования. А витая в бестелесной ипостаси никогда не придумаешь таких интересных вещиц, забористых ситуаций и.. он с удовольствием вспомнил несколько триллионов страстных любовных сцен, смоделированных неутомимыми людишками. Надо признать, что сотворение жизни было гениальной находкой, без которой все тут просто бы сдохли от тоски. Все-таки следствием закона природы, на котором особенно настаивал Творец, ну, который гласит, что из ничего не возникает ничего, является и то, что невозможно было разом сотворить это бесконечное разнообразие душевных приколов. А теперь нескончаемый поток искр божьих, которые они называют душами, трудятся там как пчелы, совершенствуя свои качества и производя стабильный энергопоток любви всех видов на любой вкус. Те, кто загрузился этим добром под завязку, возвращаются в божественное лоно, а свежие искры посылаются им взамен.

Эта Алалотмель взялась просто так остановить эту грандиозную по замыслу божественную электростанцию? Уж не воображает ли она, что искры божьи нуждаются в каком-то еще совершенствовании и они недостаточно доброкачественны как частицы бога? Ведь должна же по статусу понимать положение вещей... Может ее саму воплотить там в какое-нибудь прелестное девичье тельце? Зам Творца раздвинул созвездие Близнецов в доброй улыбке. Да и ведь среди людишек, ведомых естественными позывами животной мотивации, всегда было много таких нетерпеливых, которые торопятся обратно, ленятся честно отработать свое и норовят свалить в самоволку еще при жизни... Ну вот и чудненько, сейчас мы ее пристроим... как там у нас с лимитом

неугасимой любви?.. Хм, всего несколько проявлений на столетие? Да уж, вот где еще не наработаны ресурсы. Вот пусть и отрабатывает.

Алена всегда знала, что она не такая как другие. Среди обыденности ее существования внезапно и страстно прорывались волнующие возвышенные чувства, ей так мешало это тело с его земными и подчас гадкими желаниями. Она искала светлой и вечной любви, истово веря, что во Вселенной нет чувства более высокого и сильного. Но как найти такую любовь среди множества людей?! Не простым же перебором?! Ее влекло то к одному, то к другому. Она быстро загоралась, видя признаки ярких чувств у очередного мужчины, но вскоре разочарование постигало ее или, увидев еще более заманчивые качества в другом, перепархивала на этот цветок. Вскоре ее уже ужасала перспектива нескончаемо менять мужчин, так и найдя того, кто мог бы поселить в ее сердце желание верности и вечную любовь. Может быть, она просмотрела такого впопыхах? Может быть, это просто глупые отголоски девичьих мечтаний и пора смириться, просто крепче врасти в благополучный семейный быт, хлебнув до конца все его радости и горести? Кто бы мог подумать, что найти истинную любовь - такая трудная работа и как много при этом нужно передумать, пережить, страдать и искать?! Или ее ошибка в том, что она ищет готовую любовь вместо того, чтобы самой взрастить этот цветок? Но это не менее трудная задача: нужно найти благодатную отзывчивую душу, способную питать такой цветок и нужно еще уметь выращивать его! Конечно, готовый цветок она не найдет, кто же свой отдаст? Как-то наивно все это...

Приготовившийся было уже релаксироваться во флуктуирующий вакуум Зам Творца, напоследок с наслаждением затянулся сигаретой, ферментированной отжившей свое цивилизацией, которая красиво осветилась ярким огоньком сверхновой и подкрутил спираль Туманности Андромеды. Несметное количество освобожденных искр божьих потянулись в божественное лоно. С "экологическими" проблемами там, как и со всеми другими было покончено, и никто об этом не жалел. Он бросил мимолетный взгляд на Землю, задержался и добродушно усмехнулся. Суматошная Алалотмель обрела вполне земное тело и желания. Главное - с каким изяществом им решена проблема! Хотя волны магии феи успели всколыхнуть сознание этого мира и в Земной Америке в одной из церквей 720 прихожан, пожелавших быть осчастливленными, истово доверились наставникам, протянувшим им руки помощи с красивыми пилюльками верного и быстрого яда. Они одновременно доверчиво приняли яд и очарованные манящей вечностью оставили свои ненужные тела, уносясь в обещанную волшебную сверхреальность. Правда, очнувшись от тел, группа искр божьих сразу поняла, что натворила, и рой растерянных самовольщиков был водворен обратно, в новые воплощения, но уже с более низким уровнем инициативы, чтобы дать возможность отработать проступок. Но это была мелочь. Так же, как и надуманные проблемы с экологией, которая на Земле постоянно менялась неузнаваемо: каменноугольная жизнь в атмосфере почти чистого углекислого газа сменялась кислородной, кислородная вполне могла перейти в угарно-смоговую, но жизнь всегда приспосабливалась к любым условиям. А вот нетленки людишек век от века становились все забавнее. В их сюжет привносила неожиданный смак окружающая реальность, а не высокоэнергетические грезы. Ничего в этом мире не было задумано напрасно. И высший продукт, производимый здесь, - любовь, тоже взращивался на местных

плантациях болью, смятением и поиском. А что касается потока не совсем чистой энергии оттуда, то любое сырье, естественно, нуждается в очистке.

Вечное лето 2

Алене опять снился этот сон. Было ощущение, что и не сон вовсе. Иногда бывает такое, что во сне как бы просыпаешься и некоторое время живешь так, сознавая все как в реальности. Алалотмель... Алена... что-то болезненно напоминало ей это имя, созвучное с ее собственным.

Она вошла в ванную. И там сразу увидела Большое Полотенце. Она сразу узнала его и вздрогнула. Теплые, но грустные воспоминания о том времени, когда ее воспринимали с бесконечной любовью как фею, закружили ее память. Она была феей... когда-то, так давно... Она остро знала, что Это сейчас опять произойдет и замерла в предчувствии. Вошел Он, ласково улыбнулся, и она снова стала феей. Она не хотела сейчас думать ни о чем другом. Просто с легким вздохом обняла его и очень нежно поцеловала.
- Сейчас мы искупаем ласковую, любимую девочку! - тихо сказал он, и этот воскресший вновь голос заставил затрепетать ее.
Приоткрыв ее халатик и обнажив плечи, он осторожно отвел локоны длинных волос и коснулся ее шеи нежными губами. Сводящая с ума волна разлилась по телу, с каждым легким прикосновением погружая в волшебный мир долгожданной, почти забытой истинной близости. Халатик упал к ногам, и она запрокинула голову, удерживаемая его рукой чуть выше талии.
Потом он перенес ее в ванну и, улыбаясь так, как будто хотел приоткрыть ей волшебное таинство, мягкой губкой принялся неторопливо намыливать ее груди, отчего захотелось закрыть глаза и дышать чуть приоткрытым ртом, ее чудесный животик... Она снова перенеслась в их новый мир Вечного Лета и увидела его, уходящего на первую охоту, чтобы накормить ее и дочь. Он опять по обыкновению думал о всяких своих ниоткуда возникающих проблемах.

Вот, опять этот странный эффект! Когда, наконец, получаешь то, о чем столько мечтал, вот оно пришло, но… праздника почему-то нет: все встает на свои обыденные места. А ведь казалось, что с ума сойдешь от счастья.

Все же есть большая разница между тем, когда что-то чудесно удалось и хочется кричать эврику и тем, когда уже пользуешься своей удачей. Радость возникает только в момент достижении цели, остальное может приносить только мимолетное удовольствие... Получается, что нет такого места, где будет постоянное радостное ощущение счастья, и что тогда он тут делает?.. Пусть это так, но пока рядом Алена он точно хотел бы оставаться здесь вечно. Ощущение рядом близкого человека оказалось более значимым, чем желание счастья. Эта мысль его успокоила.

Он шел, с шумом раздвигая ногами густую упругую траву, спину ласково пекло багровое светило, такое огромное, что казалось лежит прямо на плечах. Перед ним - совершенно незнакомый, удивительный лес, его ждет любимая женщина с дочкой, а у него нет волнующего ощущения сказочно прекрасной сбывшейся мечты. Может быть потому, что он знал, что никогда не будет вместе с Аленой в родном мире, к которому они не просто привыкли, а были созданы им: от привычек и манер до представлений о красоте. И это опустошающей тяжестью

давило изнутри, лишая беззаботной радости непосредственного восприятия.
На Земле дикий лес всегда многоярусный. Между деревьями растут кусты, которые и делают лес непролазным. Здесь же, казалось, увлеченно поработал кинорежесер из детской сказки. Темно-зеленые стволы раздавались гигантскими зонтиками над головой, а могучие ветви прорастали одна в другую, сплетаясь в непроницаемый зеленый покров. Высокая трава, пряно пахучая и достающая почти до колен, густо вздымалась, напитанная неземной жизненной силой. Огромные соцветия самых немыслимых форм вызывающе выглядывали среди нее. Что-то кричало и свистело наверху, недоступное ни взгляду, ни оружию.
Он остановился, выжидая, чтобы зверье, если оно здесь есть, спокойно занялось своими делами и позабыло о его присутствии. А может они и не способны воспринимать его, раз никогда не видели? Говорят, что, когда испанские каравеллы подошли к берегам Америки, туземцы в упор их не замечали потому, что никогда не видели подобных форм. А птицы и звери необитаемых островов совсем не боятся людей.
Ничего не происходило, только по шершавым стволам суетливо сновали вереницы фиолетовых жуков, и недалеко раскачивал в шизофреническом экстазе свою паутину пятнистый как десантник в камуфляже здоровенный паук. Что-то горестно вздохнуло невдалеке. Медленно сняв скорчер, Он осторожно раздвинул ветви молодого дерева. Кажется, повезло! На поляне, на высоком бугре взрытой земли, около свежей норы сидел жирный хрюкопух, время от времени комично вздыхая. Он презрительно смотрел ему прямо в глаза, выражая свое отношение по поводу такого вот умения подкрадываться. Потом чуть склонил голову и принялся неожиданно проворно чесать передней лапой ухо. Жест получился оскорбительно уязвляющим, и Он, опустив скорчер, оглушительно крикнул. Хрюкопух коротко подпрыгнул, замер в остолбенении, и под ним позорно разошлась темная лужа. Ну, разве можно стрелять в такого труса?
Еще через час, когда уже начинало темнеть, и пора было бы возвращаться ни с чем, темной тенью наискось побежало что-то похожее на зайца. Он, не раздумывая, выстрелил. Взметнулась куча листьев прямо перед зверьком, заяц подскочил очень высоко и тут же второй выстрел снес ему голову.

Однажды отец решил устроить ему воспитание мужественности и послал в курятник забить курицу к обеду. "Ну, посмотрим, посмотрим, что ты за мужик у нас!" - говорил отец, совсем не шутя, и вот он навес с панически разбегающимися курами. Наконец он поймал отбивающуюся белыми крыльями птицу и понял, что не способен отрубить ей голову топором. Но не было никакой возможности не выполнить миссию, и тогда он заволок курицу в свою самодельную лабораторию в сарае. Там налил на ватку эфира, и через минуту та затихла. Под этим наркозом он уже смог провести декапитацию. Оказалось, что все мясо провоняло эфиром и его пришлось выбросить. Отец был - само презрение. Когда неминуемо подошло время добыть следующую курицу, он вынужден был использовать другой способ. Натолкал в пластмассовую трубку взрывчатки, вставил самодельный взрыватель, обмотал трубку вокруг шеи петуха, поджег шнур и, бросил это все в огород. Взрывом отсекло птичью голову, но перья разлетелись по всему огороду и их заставили собрать все до единого. И все же, жесткое воспитание принесло результаты. Он без содрогания подошел к тушке. Это очень походило на огромных памирских зайцев, которых как-то его друг подстрелил на

охоте. Он ободрал шкуру и повесил ее сушиться на дерево, стараясь запомнить место, а мясо засунул в пластиковый пакет и спрятал в рюкзак.

Выходя из леса, Он вдруг заметил необычное дерево, низкие ветви которого провисали под тяжестью бутылкообразных плодов ярко оранжевого цвета. Ну что же, если они ядовитые, то на такой случай есть Большая Красная Кнопка. Он беззаботно сорвал одну бутылку, вцепился зубами в бок, и его окатило брызнувшим соком. Это и была самая настоящая бутылка. То, что попало в рот, оказалось восхитительного вкуса. А запах пряным облаком разнесся вокруг. И тут фиолетовые жуки на ближайшем стволе прекратили беспорядочное движение и все разом развернулись в его сторону. Похоже, они были очень неравнодушны к этому соку. Затрещали, раскрываясь, сотни панцирей, выбрасывая крылья, и стая с неторопливой тяжестью и деловитым гулом полетела к нему. Может быть, у них еще и жала есть?! Он рванул к речке, хорошо, что она была уже недалеко и, в панике пролетев все расстояние, почти не касаясь травы ногами, на ходу отбрасывая скорчер и рюкзак, сходу ушел в воду. Торопливо отмывшись, Он приподнял голову из воды, удовлетворился тем, как растерянно кружатся жуки, и только тогда выбрался из речки.

Огромное заходящее светило, похожее на нарисованный ребенком коричневой пастелью купол, лишь на треть выглядывало из-за леса. Он подобрал рюкзак и оружие и легко побежал к стоянке.
Здесь стало по-домашнему уютно. Напоказ аккуратно развешанные и разложенные вещи, Алинка, с чем-то увлеченно возящаяся в траве. Алена же явно не находила себе места. Она подняла глаза, увидела его и радостно бросилась навстречу. И он понял, как безумно соскучился даже за это короткое время. Они обнялись, как будто он вернулся издалека, и молча стояли так, пока не привыкли к тому, что снова вместе.
- Ты чего весь мокрый?
Он начал торопливо рассказывать с шутливой иронией и, все еще обнимая ее, потянул за собой.
- Смотри, - она, улыбаясь, показала на дочь.
Алинка успела приручить парочку наглых и невероятно прожорливых хрюкопухов, сделала им гнездышко из вещей и травы и вовсю скармливала остатки запасов еды. Вокруг валялись порванные пачки от чипсов и печенья. Остаток вечера терять было нельзя, Он набрал сухих веток, вырыл небольшую яму, посолил мясо, густо замесил глину и, толстым слоем обмазав тушку, положил в яму. Алена с предвкушающей улыбкой составляла на мониторе проигрывателя музыкальный сборник из неисчерпаемого архива записей. Вскоре в пронзительные звуки вечернего леса вплелись не менее пронзительные звуки музыки.
Он разложил над ямой ветки и поджег костер. Пока огонь разгорался, сбегал к бутылочному дереву и нарвал полный рюкзак плодов. Обратно бежал уже на яркий мерцающий свет костра.
В сгустившемся полумраке Алинка прыгала около горящих веток, а Алена ухитрялась разрисовывать ее яркой помадой и тенями. Они весело визжали и бесились, черпая радость в каждом движении. Они хорошо умели веселиться, а та удача, что они когда-то открывали, участь этому искусству, теперь сопровождала их действия радостью. Это оказалось продолжением его мыслей о счастье. Он тоже мог бы рисовать, писать и даже петь, то, чему он хорошо

научился, то, что будет приносить ему радость при каждой импровизации. Но, радость от новой найденной эврики оказывается куда ярче и ценнее.

Он сбросил рюкзак, подошел, и тут же первые яркие полосы легли не его лицо. Он тоже вымазал пальцы в краске и провел по телу Алены. Они танцевали, пили из бутылочных плодов, отгрызая узкие горлышки и стараясь не пролить ни капли, чтобы не привлечь жуков. Альдебаран давно уже скрылся, и в черно-синем небе горели самые яркие звезды. Наконец, Алинка устала до изнеможения и бросилась в объятия к мамочке. Он дал догореть последней порции веток и разбросал золу, а вместо костра включил лампу. Извлек палками из ямы спекшийся ком, разбил твердую корку и в ноздри ударил аромат печеного мяса. Алинка заскулила от предвкушения. Алена недоверчиво подошла, еще не зная, что со всем этим делать, но запах оказался сильнее. Обжигаясь, они начали выковыривать податливые куски и есть их. Некоторое время ритуал жадного поглощения происходил в сосредоточенном молчании под очередную мелодию. Наконец Алена подняла глаза и довольно улыбнулась. Алинка вскоре тоже наелась до отвала и сонно уселась на траву. - Мам, жарко! Я хочу мороженого!.. она замолчала, задумавшись, вероятно вспоминая все хорошее, что оставила на Земле. И заметно погрустнела, - Мам, я мороженого хочу! - повторила она совсем тихо.
- Ну, здесь же нет мороженого, - Алена ласково погладила ее по голове и притянула к себе. Раздались отчетливые всхлипывания. - Все, - решил Он, вставая, - возвращаемся домой. Когда-нибудь еще сюда вернемся. Алинка, попрощайся со своими зверьками. Как их зовут? А вот искупаться уже не успеем.
- А кто их кормить будет? - подозрительно спросила Алина, широко раскрыв свои глазища.

- Никто, теперь придется им поголодать.
- Я не хочу домой!
- Дома мороженое.
- Я уже не хочу мороженого!
- Ну, ладно, - сказала Алена, - сейчас мы посоветуемся и, может быть, останемся здесь.
- Ура! - Алинка вскочила, чтобы проведать своих сморенных обжорством зверей.

Потом они сходили на речку чтобы умыться на ночь. На небе вылезло сразу две луны, и фонарик не понадобился. Он достал Алинкин спальник. Алена сводила ее за круг света.
- Залазь!
Алина послушно, засыпая на ходу, влезла в спальник, - А можно я возьму с собой пушистиков?
- Нет, им будет не удобно! - Он поднял спальник с Алиной на гамак и притушил светильник, - Спокойной ночи!
- Спокойной ночи, приятных снов, цветных, радужных, - произнесла она тихой скороговоркой и закрыла глаза, - Мам!
Алена подошла и поцеловала ее на прощание.
А потом она подошла к Нему и взяла за руку. Они ступили в лунный полумрак. Вдруг сильно забилось сердце и его охватило волнение как школьника на первом свидании. Алена сжала его руку и придвинулась ближе. Пройдя всего несколько шагов, они одновременно остановились. В голове все еще звучала последняя мелодия. Они бесконечно нежно обнялись, все вокруг перестало существовать.

Подчинившись мелодии и тому, что владело ими, они начали медленно танцевать, целуя друг друга.

Они пришли в себя от холодных струй внезапного ливня. Некоторое время ошеломленно продолжали лежать, крепко обнявшись, потом вскочили и побежали к гамакам. Что-то настойчиво толкнуло ее в бок, и Алена проснулась.

- Вставать давно пора! - раздался несколько суетливый голос Анатолия, - Ты чего это так зарумянилась? Заболела что ли?
Алена некоторое время ничего не могла сказать, только смотрела в потолок широко раскрытыми глазами. Она - фея... Но этого никто здесь не знает...
Дверь с шумом распахнулась.
- Привет, шнурки!
Как обычно, она осталась одна дома. Еще Рыжик, но от этого не возникало ощущения, что она не одна, даже когда он с разгона бодал ее головой. Больно же! Что за странные развлечения у сына? Она вспомнила свои развлечения и закусила губы.
Сегодня все валилось из рук. После почти удачной попытки обеденного кормления уложила спать отчаянно брыкающегося Рыжика. И прилегла сама, остро ощущая, что сейчас опять провалится в тот манящий мир... Так и случилось.

Они влетели из стены ливня под зонтики деревьев. Там было сухо. Широкие листья, днем жадно собирающие ленивые кванты большого Альдебарана, сейчас работали как надежная черепица. Но даже если бы протекло, то непромокаемые интеллектуальные спальники просто бы раздули бы свои капюшоны над входом. Притушенный светильник над Алинкиным гамаком высвечивал два больших пушистых комка, устроившихся на спальнике.
Мокрые, они торопливо забрались в широченный спальник. Он мельком взглянул на часы. Половина двадцать шестого. Еще даже не полночь. Ужасно неудобны альдебараннские часы с их 26,5 земными часами в сутках. Люди, живущие в пещерах без видимой смены времени суток, уже на вторую неделю перестраиваются на 48-часовой ритм. Интересно, с какой 48-часовой планеты прилетели наши предки?
Он привстал, раскачивая гамак, потянулся и выключил светильник.
Земную жизнь он потерял вместе со своей любимой и теперь в этой подаренной ему дополнительной жизни смертельно не хотел отпускать ее. Он зарылся в ее волосы и его пальцы сами по себе ласково выписывали узоры на ее спине. Вскоре оба крепко заснули. Заснули во сне?!

Она распахнула глаза, вскочила, мотнула головой, прогоняя наваждение, так, что длинные волосы взметнулись над ней. Сейчас она была похожа на ведьму, а не на фею. Нужно что-то делать, чтобы не сойти с ума! В соседней комнате раздался оглушительный грохот и жалобный вскрик. Алена вбежала к Рыжику. Вслед за грохотом через время, необходимое для осознания несправедливости случившегося, последовало безутешное рыдание. Пред высоким шкафом стоял стул, на стуле - табурет, на табурете - перевернутый ночной горшок из самого раннего детства. Что было на горшке оставалось непонятным потому, что оно свалилось вместе с Рыжиком и, в отличие от него, видимо куда-то закатилось.

Алена упала на колени и тщательно ощупала мокрую от слез взъерошенную голову. Да разве с ним когда-нибудь что-нибудь случалось?! Хоть бы синяк получил в назидание!
- Ты что доставал там??
- Пластили-и-и-н...
- Я же не разрешила тебе играть с ним! Опять весь пол будет в лепешках!?
Под давлением вины плач стих.
День продолжался как обычно. Если не считать того, что она начала видеть сны уже наяву, что приводило в смятение. Потом поняла, что это касалось только того, что проходило без ее участия. Она оказалась способной заглядывать в мир Вечного Лета когда того желала и не могла сдержать себя, чтобы не подсматривать, что же они там делают.
А там было еще темно, но в этой сереющей темноте уже угадывался рассвет. Алена спала на спине рядом. Это казалось необычным - смотреть на себя спящую, но это быстро прошло, и она слилась в восприятии.
Он, чуть привстав, наклонился и почти неощутимо поцеловал ее. Хотя рядом с ней было так хорошо и уютно, но он раскрыл свою сторону спальника и осторожно сполз на траву. Лун на небе не было, но уже можно было различать предметы. Он пробежался к речке, искупался, потом нашел мешочек с посадочным материалом, лопату и, выбрав неподалеку подходящее место, принялся возделывать огород. Когда Альдебаран тускло выглянул из-за цепочки снежных гор по другую сторону от леса, он уже рассадил по грядкам несколько видов овощей, рекомендованных для Вечного Лета инструктором (в лице некоей странной, но довольно добродушной сущности) и поливал их из пластмассовых мешков речной водой. Сегодня же нужно начинать строить хижину. Ему позволялось свалить здесь четыре дерева.
Он вернулся к гамакам. В этот момент Алинка уже вылезла из спальника и, схватив под мышки обоих зверьков, спрыгнула вниз, но из-за лишней тяжести промазала и повалилась на упругую траву. Звери с громким фырканьем двумя белыми молниями полетели в разные стороны и только две трассы вздыбленной травы целую секунду указывали направление.

Фея и колдун

Только остатки воспоминаний о том, что все было совсем иначе, что кто-то вдруг подменил одну ее жизнь на другую, иногда возникали как отблески возможного, но нереализованного варианта ее судьбы. Не так давно она родила сына. Протест против такой подмены возмущенно сжимал тисками голову, но она ведь давно хотела еще ребенка, так зачем же протестовать, когда это стало реальностью? ...Он протянул пухленькую, розовую ручонку и коснулся ее губ. И только на миг Алена увидела промелькнувшее в его невинно открытых глазенках понимание. Она прижала теплую, чуть влажную ладошку к своим губам.
Так хотелось переложить свои проблемы на чужие плечи, не терзаться выбором, просто отдохнуть от всего, и чтобы тебя любили... А тут этот маленький человечек... Посвятить свою жизнь и свою любовь только ему и отгородиться от всего мира? Но она же фея!.. и есть тот, кто знает это и помнит, и будет любить, чтобы ни случилось... Вот, оказывается, как сходят с ума...

А все началось закручиваться в тугую историю гораздо раньше, в продолжении космических инсинуаций и коллизий после превышения власти Замом Творца, пусть и в отношении ничтожно более мелкой сущности, но все же... Ведь есть же

прекрасное правило, так наглядно сформулированное этими подчас очень даже шустрыми людишками: не нужно порождать сущностей без необходимости. Бритвой Оккама называется. Может быть, имелись в виду какие-то другие сущности, но вот эта была явно лишней с точки зрения Зама Творца: некое воплощение попранной справедливости, так называемый Дракон Времени. Никто толком не знал, что это за такое образование и в чем заключается его истинная сущность и предназначение. Слишком редко он обретал власть над причинностью и перекраивал ее на одному ему понятный лад. На этот раз кара коснулась самого Зам Творца.
"Е-мае!.." - ошалело осознал свое новое положение и состояние бывший Зам. Имея огромную потенциальную продвинутость в духовном плане, он без труда в ключевые моменты мог предаваться свободному осознанию. - "Куда занесло..." - он хотел было привычно почесать Волосы Вероники, но детская ручка лишь скользнула по мягкому родничку на темени. "Ну и... очень хорошо. Если они там такие умные, то пусть сами попробуют покрутиться на его очень даже непростом посту. А он на славу отдохнет здесь и порезвится!" и, полностью расслабившись, с мстительным удовольствием обмочился. Потом ему стало нестерпимо скучно в этом человеческом коконе и, приложив незначительное усилие, он вышел из тельца и незримой тенью мелькнул в райские кущи ближайшей планеты эльфов. А в теле осталась первоначальная душа, которая с трудом принялась оправляться от чудовищно потеснившей ее сущности.

Анатолий прекрасно понимал, что с женой творится что-то странное. Случалось, он просыпался от недвусмысленных движений ее спящего тела, а однажды, увидев выражение ее лица в такой момент, не мог уже подавить в себе бешено рвущейся наружу ревности. И этот ребенок, которого она предпочитала всему на свете, явно как-то был связан со всем этим.

Выкурив на балконе которую уже сигарету, всмятку раздавил бычок, втерев его в белую стену, о чем Алена, несомненно, не применет высказаться, когда заметит пятно. "Рвать нада врагов! да рвать!" Ревность просто душила его. Но это была не ревность от любви, а оттого, что он может потерять исконно принадлежащее ему. И он остро ощущал, что этот в общем-то некстати родившийся ребенок - сейчас его главный враг... Он глубоко вздохнул, пытаясь остановить поток неуправляемой ярости. Где же его хваленое самообладание? Вспомнилась его последняя драка, еще в студенчестве и тогда ему крепко перепало, надолго охладив необузданную агрессивность и самоуверенность. Это глупое слово "любовь"... надо же? Все с ума посходили с этой любовью! Да, пусть он - эгоист и не способен на большее, чем загореться недолгой похотью. Но и она - такая же! Они - ну просто идеально подходящая пара, что еще нужно?!

Алена сменила пеленки, с легким беспокойством посматривая на сына. Ей было показалось нечто демоническое в нем...
- Аленушка...
Она чуть вздрогнула и подняла голову. В первый момент она даже не узнала своего мужа, так он осунулся. В его глазах горела несвойственная ему печаль.
- Давай поговорим...
То ли услышав голос отца, то ли почувствовав момент, ребенок вдруг замолчал, и Алена осторожно уложила его в кроватку.
- Мы так давно ни о чем не говорили... - тихо заметила она, - вдруг мы уже разучились разговаривать?

Анатолий вздохнул и немного помолчал, всматриваясь в усталое лицо жены, а она опустила глаза, то ли боясь, то ли не желая встретиться взглядами.
- Я же не слепой... я вижу, что с тобой происходит... Ты любишь Его?
Алена вскинула широко раскрытые глаза.
- Кого?!
- Ты во сне встречаешься с ним. Мы оба давно это знаем... Я столько раз пытался...
- О чем ты?! - она в отчаянии готова была вспылить.
- Аленушка... я люблю тебя...
- Любишь?..
- То, что с тобой происходит - всего лишь привязка, энергетическая зависимость, - он снисходительно-брезгливо поморщился, - мы столько раз с тобой говорили об этом, помнишь?
Ребенок заворочался, и Алена поспешила чуть покачать его, чтобы успокоился и.. ничего не ответила.
- Человек только открывает окно к любви. И чем он более подготовлен, тем лучше он может это сделать. А разве я подготовлен хуже, чем Он?..
Алена продолжала молчать, хмуро опустив голову.
- Аленушка, милая... давай попробуем... Я постараюсь открыть тебе такую любовь, о которой не мог бы мечтать... этот...
Она с интересом посмотрела на него, и ей остро захотелось, чтобы действительно так произошло. Она так устала, что не могла больше ни о чем думать.
- Давай... - прошептали ее губы.
Горло чуть сжалось и слезы подступили к глазам, мешая отстраненно и с высоты духовного понимания принимать Все Как Есть. Она резко отвернулась, посмотрев на ребенка. Тот молча лежал с широко раскрытыми глазами. Все же... было в нем что-то демоническое.

Диссоциативное расстройство

Опять эта странная тварь беззастенчиво навалилась на Него, без стука ворвавшись в разум ребенка. Одно ее присутствие сняло блоки со связанного с телом духа, и он осознал себя, вспомнив немало из своего прошлого.
- Ты наступил мне на ногу! - проворчал Он.
- Пардон... - бывший Зам слегка сместился в тесном пространстве детской психики, - а ты давно здесь?
- Изначально.
- Хм. Неразговорчивый, значит. Как ты сидишь тут в этой духоте без энергии? Ребенок вопит, сделай что-нибудь!
- Не умею я... не продвинутый.
- Ну, это легко! - Зам. показал, как это делать, и Он с интересом попробовал. Получилось!
- А ты кто? - спросил Он чуть более дружелюбно.
- Я-то?.. как бы это попроще... ну, вроде как бывший Зам Главного Зама самого Творца.
- Ой-ой-ой!
- Не иронизируй. У тебя хоть и здоровые потенции, но ты еще слишком мало понимаешь.
- Говоришь как-то слишком обычно для твоего высокого положения...
- Могу и не обычно, только тебе не понравится... Как договоримся, напару будем

тело одухотворять?
- А ребенок шизиком не станет? Что ты сам предлагаешь?
- Шизиком не станет... Ладно, давай познакомимся, что ли... Как тебя занесло в это дитя сумасбродной женщины?
Он чуть замялся, но разве мысли скроешь?
- Я любил ее больше жизни... - выдал он неожиданно для самого себя.
- Хм, - в свою очередь иронично, как показалось Ему, среагировал Зам, - Если бы я был помоложе, то с хохотом сказал бы, что это не так уж и сложно потому, что жизнь не слишком ценна.
- А теперь ты стал гораздо умнее?
Зам оказался выше мелочных обид.
- А теперь я скажу, что каждое проявление жизни уникально и образует свою неповторимый изюм личного опыта. И это бережно хранится в нашей хм ... в инфотеке Творца. А твоя самобытность... Зам оценивающе обратил внимание на него, - твоя, надо сказать, мне нравится.
- Спасибо...
- Да не инкапсулируйся ты...
- Я стараюсь... мы что, так и будем здесь сидеть как две кошки в темном мешке?
- Ох, пардон еще раз, я перехватил твои каналы восприятия. Хочешь взглянуть, что там в мире творится?
- Не очень. Плакать уже надоело.
- Он уже не плачет. Мамочка с папочкой новую игру затеяли, а ребенок сейчас уснет.
- Игру?
- Ну... слушай, действительно, тоскливо тут сидеть, если полностью не ребенок. Как танкисты в подбитом танке. Давай, пока наше тело спит, порезвимся на воле. Там и поговорим.
- Я же не умею...
- А что тут уметь? Смотри!
И когда чуть утих восторг и вихрь новых впечатлений, Он только и сказал: - Блин! Как классно!
- Нет, и не уговаривай! - отмахнулся Зам, на лету сожрав зазевавшуюся птичку и выплюнув облако радужных перышек. Он был воплощен в экзотического дракончика, водящегося на этой волнующей обилием форм жизни планете. Рядом задумчиво сидела сиреневая обезьяна с огромными печальными глазами.
- Но почему? - нетерпеливо воскликнула обезьяна.
- Уж поверь, тебе эти энергетические игрушки в жизни не нужны.
- А вот один продвинутый знакомый утверждал, что без этого мы не поднимем голову из животного состояния.
Кончиком пойманного на лету перышка дракончик прочистил острые зубы.
- Ты что думаешь, что так сложно было наделить вас такими способностями? И что бы получилось? Зачем вообще эта "жизнь" нужна была бы?
- Да, зачем?
- Вы получаете уникальную личную информацию, сталкиваясь с противостоящей вам реальностью, свой личный жизненный опыт. Только в условиях борьбы, не ржать!, в конечном счете, за выживание, вы порождаете энергетическую гамму отношений между сущностями... хм... я ведь не собирался тебе ничего рассказывать...
- Но продвинутый говорил, что вся информация уже как бы витает в воздухе, - не

желала остановиться обезьяна.
- Знаешь... у меня, конечно, до фига терпения и доброжелательности... - проговорил дракон, и это сильно смахивало на мантру, - повторяю: а зачем бы тогда все это нужно было? Если все уже итак готово? Да ты сам прикинь, старик, - дракон положил тяжелую лапу на плечо собеседнику, - ваши продвинутые проповедуют кто во что горазд, спорят между собой и каждый уверен, что знает истину. Но сначала нужно полностью оборвать пуповину!
- И что я должен, просто как обезьяна жить-поживать?
- А я тебе подскажу маленькую хитрость.
- Давай!
- Ты не бери так близко к сердцу свою жизнь.
- Быть пофигистом?
- Нет! Ты когда-нибудь играл в спортивные игры не на выигрыш, а для удовольствия?
- Да, я теннис люблю!
- А партнер играет на выигрыш и... проигрывает! Он переживает, психует, а ты - получаешь удовольствие. Так вот жизнь - это такой чудесный квест, в котором нет горестей и радостей, которые должны доставать тебя, кроме решения интересных проблем. Ты удовлетворяешь свое любопытство и это - в кайф. Ты не делаешь глупостей и опрометчивых поступков. Наоборот! Ты свободен от стартового стресса, неоправданных ожиданий и тому подобных вещей, которые только загоняют тебя в могилу раньше времени. И твоя душа, свободная от этих глупых, ненужных переживаний, воспринимает все чудо жизни гораздо ярче и сочнее, а проблемы решает эффективно, повышая твой потенциал. Даже неудачи и физическую боль ты должен воспринимать как игру, и ты будешь свободен от многих зависимостей.
- Я буду не от мира сего...
- Да нет же!..
- Я понял тебя, не волнуйся.... Это интересно, я подумаю.
- Ты не подумай, а попробуй и только тогда поймешь!
- Кстати.. про игру.. - обезьяна чуть презрительно усмехнулась, - перышки от птички не могут вот так красиво облачком выплюнуться.. Это ты сотворил для эффекта?..
- Ну.. - дракон осклабился, поглядывая с интересом, - да!
- И еще ты выбрал себе эффектную внешность, а меня нарядил фиолетовой обезьяной... Ты не задумывался, что не мало склонен к позерству?..
- Да и пофиг!.. - огрызнулся дракон, - Мне это нравится и все... Между прочим, совсем недавно я загасил целую галактику, хотя никто этого даже оценить не смог.. оттуда свет до вас еще пару тысяч лет лететь будет! Но попало мне вовсе не за это, а за какую-то глуповатую фею.
- О чем это ты?.. - Обезьяна недоуменно уставилась на дракона.
- Ну, как бы это попроще, короче, облажался я... Меня сюда сослали.
- А-а... вот как. Ну ты не расстраивайся, воспринимай все как игру, ладно?
- Во гад, поддел! Ну, без обид... А что твоя женщина - фея, ты хоть знаешь? Обезьяна насторожено взглянула на дракона.
- В смысле?
- В прямом!
- Я итак ее считал...
- Хо-хо. А мне феи всегда нравились, знаешь ли, слабость. Не навестить ли?
- Кончай, ты...

Дракон больно сжал когтями обезьянье плечо.
- Ревнуешь? А ну примени то, что тебе только что сказал насчет игры! Знаешь, сам не знаю почему, но ты мне нравишься. Я хочу тебе предложить самую интересную игру в твоей жизни.
- Только давай не называть это игрой. Я хочу жить взаправду.

- Запарил! - не выдержал Зам Творца, - Уже пятый ментальный мир начисто переделываем!
Терпеливо вздохнув, Он примирительно улыбнулся.
- Сам же предложил! Куда торопиться? Я только сейчас понял, что там не должно быть всяких чудес и волшебства. Это делает мир не реальным.
- Да он итак не реальный!
- Куда, блин, подевалась твоя проницательность и понимание? Этот мир должен быть как реальный! Даже дети, когда играют, делают это всерьез, иначе просто неинтересно!
- Ну, и что ты хочешь идиллию на необитаемом острове с набедренными повязками и плясками у костра?
- Пляски у костра - это неплохо! - оценил Он, - Пусть это будет другая планета и, как бы, фантастическое будущее.
- Ну, пусть. А нафиг тебе фантастическое? Я могу устроить настоящее, - Зам самодовольно осклабился.
- Да ты что? Не шутишь? И где ты можешь устроить?
- Есть, например, приятное местечко в системе Альдебарана.
- Здорово! А как Алену будешь переправлять?
- Так же, как и тебя - в виде псевдосущности. Она будет думать, что это - сон.
- Слушай… давай у нас там будет дочь, скажем, лет пяти!
- Хм! У какого-то ребенка будут ну очень странные сны! - ухмыльнулся Зам.

Вечное лето 3

Анатолий, казалось бы, смирился с тем, что происходит с его женой, и это стало у них запретной темой. Их взаимное соглашение "попробовать жить по-новому" явно не срабатывало, но иллюзия его соблюдения пока что устраивала обоих. Алена с нетерпением ждала очередного сна, а наяву подсматривала что там происходит в их мире.
Он подходил к гамакам, возвращаясь со своих грядок. В этот момент Алинка уже вылезла из спальника и, схватив под мышки обоих зверьков, спрыгнула вниз, но из-за лишней тяжести промазала и повалилась прямо на спящую мамочку. Звери с громким фырканьем двумя белыми молниями полетели в разные стороны и только две трассы вздыбленной травы целую секунду указывали направление. Алена взвизгнула и вскочила, но, поняв в чем дело, обняла дочь и, достав из кармашка спальника расческу, занялась ее волосами.
Среди груды разного хлама он раскопал небольшие запасы сохранившихся продуктов, нашел подходящую кастрюльку и горелку. Алена подошла и запустила пальцы в его волосы. Вставая, он повернулся, захватил ее чуть выше колен и поднял. В испуге она обхватила его, засмеялась и потянула к нему лицо. Они по-звериному потерлись носами. Алинка схватила кастрюльку и, не говоря ничего, побежала к речке.
- Это что у нас будет? - спросила Алена у Него.
- А ты очень голодная?
- Совсем нет.

- Выспалась?
- Не очень! Но уже не хочу. Он давно привык к ее подобным противоречивым высказываниям и даже научился извлекать из них смысл.
- Ладно, тогда главное блюдо будет на обед, а сейчас - горячий шоколад.
- У нас еще зайчатина осталась.
Он опустил ее на траву.
Подошла Алинка, таща перед собой кастрюлю с водой.
- Алинен! - строго позвала Алена, - Пойдем умываться!
- Я уже умылась, мам!
- Сейчас посмотрим!
Он отлил немного воды и поставил кастрюлю на горелку.
Сгущенные сливки и много ломанного шоколада развести в закипевшей воде. Взболтать. Все. Этот напиток, принятый с утра, способен реанимировать тело и душу как бы тяжело им не пришлось. Но Алинка присосалась к древесной бутылке и проигнорировала горячий напиток. И пока взрослые маленькими глотками пили шоколад, она очень по-деловому нанизала кусок зайчатины на прутик и принялась разогревать его на пламени горелки. Интересно, кто ее этому научил?
- Аленка, сейчас я буду нашу хижину строить!
- О, мы тоже! - Алина вскочила, дожевывая мясо, - Мы будем помогать!
Они углубились в лес, и Он выбрал подходящее дерево. - Алинка, держи! - он протянул ей скорчер, - Смотри, когда несильно нажимаешь сюда, то впереди появляется маленький красный зайчик, - он пальцем показал на яркую точку от луча, - Видишь?
- Да!
Алена с беспокойством наблюдала за ними.
- Наводи этот зайчик прямо на самый низ вон того дерева. Не торопись, пусть он очень плавно крадется, а не скачет! Хорошо. Теперь нажми сильнее.
На стволе точка вспыхнула ярче и погасла.
- Так. Потренировались, отлично, а теперь все будет уже не понарошку!
Он подключил мощный одиночный заряд и встал позади Алины, подстраховывая ее. Она очень уверенно навела луч точно на середину основания ствола. Щепки широким веером разлетелись от дерева в сторону, противоположную от них и мощный гул от удара прокатился по земле.
- Бежим!!! - он схватил их обеих за руки и потащил за деревья.
Но ствол начал падать удачно, - по направлению от удара. Зонтичная крона долго цеплялась за ветки других деревьев, но тяжесть взяла свое, и вскоре дерево замерло среди покрытой щепками травы. Алинка была в восторге. Алена возбужденно дышала.
- Ни черта себе! - наконец, высказалась она, - Это не опасно было?
- Зато красиво.
- Ладно, тогда следующее валю я, - решительно заявила она.
- Не сразу! Сначала надо использовать этот ствол. А это уже моя работа.
- Тогда мы пошли рвать мое лучшее платье на занавесочки!
И тут со стороны стоянки раздался подозрительный шум. Прилетело что-то очень большое. Но этого никак не должно было случиться. Они пошли взглянуть. Когда выходили к стоянке, Алинка бежала впереди, и они вдруг увидели рыжего мальчишку примерно ее возраста, бесцеремонно рассматривающего разбросанные вещи. В руках у него было маленькое ведерко и лопатка. Общительная Алинка сразу подошла к нему.

- Тебя как зовут? - довольно бесцеремонно спросил он.
- Солнечный Зайчик! - с вызовом заявила она.
Мальчишка по-взрослому презрительно сплюнул на траву, - Да не как мамка зовет, а как по-настоящему?
- Рыжик! - раздался из-за деревьев пронзительный женский голос, - Ну-ка не лазь там!
Алена ускорила шаг и подошла к Алинке. Мальчишка увидел ее и с независимым достоинством ретирующегося кота начал отходить. Сначала из-за деревьев показалась не женщина, а мужик в шортах и футболке с довольным и холеным лицом, на поясе у которого болтался какой-то несерьезный пугач.
Что за фигня? Зам уверял, что никого больше на планету не допустит. Хотя здесь давно процветал туристический рай для посвященной элиты в стиле Людей в Черном, но место-время были жестко забронированы и выкуплены. Мужик плотоядно оглядел Алену, и только потом увидел направленный на него скорчер. Его слегка проняло. Позади него появилась высокая блондинка в легком платье с ничего не выражающим лицом.
- Привет, соседи! - он радушно улыбнулся, - Приношу извинения за маленький сюрприз. Друг, ты лучше не шути так с этой штуковиной! - он, делано поморщившись, выразительно покрутил ладошкой.
- Жду объяснений, - просто сказал Он, не опуская ствол.
- О, господи! - мужик закатил глаза, - Тебе что, вся планета нужна? Скучно одним тут не будет?
- Короче, подмазал знакомого на базе? - ухмыльнулся Он, - Это, конечно и дешевле и ждать не надо.
- Слушай, мы же нормальные цивилизованные люди. Ну, я понимаю, уважаю и все такое. Что ты хочешь, чтобы теперь я тут паясничал перед тобой? - он, добродушно улыбаясь, подошел совсем близко, - Нормально поладим, вместе на охоту ходить будем, - он весело подмигнул, - подругами будем меняться как радушные соседи!
- Меняться?..
- Да все в порядке, - мужик протянул руку, - ну, здорово, сосед!
- Ты знаешь мои права. Я сейчас могу разнести тебя на перышки, а в реставрационных центрах ну такие неумехи попадаются, что нос потом на заднице обнаружишь.
Мужик медленно опустил свою руку и благоразумно отошел назад.
- Что, на Кнопку давить будешь? - ухмыльнулся он, обернувшись.
- Значит так, - Он тяжело вздохнул, - давить не буду, но чтобы, блин, тебя тут и близко не ощущалось! При встрече - сразу на перышки, - Он не целясь врезал зарядом по стволу рядом с мужиком, все равно для хижины пригодится. Эффект оказался намного круче, чем ожидалось. Все подпрыгнули от неожиданности, а мужик схватился за щеку. Одна из щепок оставила длинную царапину.
- Ну ты и кекс! Зря ты это сделал… Знаешь во что тебе это дерево обойдется? - Ладно. Я понял, - мужик успокаивающе поднял руки, - пока. Уж постараемся не попадаться.
Они не торопясь отошли. Было как-то паршиво. Жаль, и Алинка не прочь, вроде бы, была познакомиться с мальчишкой, удивительно напоминающего земного сына Алены. Были бы они нормальными людьми, другое дело, а таких Он не выносил. Но нормальные люди так вот не лезут. Он посмотрел на Алену и запоздало сообразил, что лучше было бы сразу - на перышки. И взглядом пообещал исправить ошибку, при первой же возможности.

- Пойдемте, по лесу погуляем, - предложил Он.
- А я еще пушистиков не кормила! - вдруг вспомнила Алинка.
- Да они испугались и к своей мамке убежали! Вот она их успокоит, покормит и тогда снова к тебе отпустит.
- А Рыжик тоже плохой?
- Нет, он еще пока просто маленькая обезьянка, папу копирует, - объяснил Он серьезно почему-то как для взрослой.
- Алинка, - Алена ласково погладила ее, - хочешь познакомиться с сиреневыми людьми? Они тут недалеко вниз по речке живут.
- Да! Ура! А почему они сиреневые?
- Ну, под этим большим солнышком люди сиреневыми получаются, - Алена вопросительно посмотрела на Него, - сходим прямо сейчас?

Пожалуй, это было как раз то, что нужно. Паршивое настроение неохотно улеглось.
Они засобирались, Алена надела свое так и не порванное на зановесочки лучшее платье и превратилась в сказочную фею, а Он никак не мог найти коммуникаторы. Алинка же выбирала подарки для сиреневых друзей. Наконец, коммуникаторы нашлись - совсем не заметные светлые бугорки за ушами, осталось адаптировать их. Теперь можно было переговариваться на очень большом расстоянии непосредственно обмениваясь вербальными символами мозга, короче, язык уже не имел значения. Он бросил в рюкзак аптечку, несколько красиво переливающихся игрушек, захваченных на базе специально для контактов с аборигенами, гроздь древесных бутылок, коробку плиток шоколада и Алинкины подарки.
- Пошли? - Он весело осмотрел свою компанию, и они повернули к речке, которая, начиналась где-то в горах и скрывалась в лесу. До аборигенского селения было меньше пяти километров по прямой.
Деревья у воды росли намного гуще, и они пошли чуть в стороне от берега. Алинка начала собирать букет из всех попадающихся цветов подряд, но вскоре ей стали встречаться такие шикарные и красивые, что она азартно выкинула уже собранные и стала более разборчивой.
В мягком полумраке леса было так приятно идти, дыша необыкновенной свежестью, впитывая искрящиеся звуки, что Он вообразил себя аборигеном. Его аборигенша шла рядом плавно и гордо как волшебница, ее платье, задевая за высокую траву, стелилось за ней точно невесомый шлейф. Ему все не верилось, что посчастливилось идти рядом с этим существом. Она наслаждалась лесом, улыбаясь разглядывала все вокруг и тоже изредка поглядывала на него. Казалось их соединяло это настроение, и они незримо держатся за руки. Алинкина энергия оставалась неисчерпаемой, она подбегала к каждому интересующему ее предмету и носилась вокруг.
- Мой комми жужжит! - вдруг сообщила она и остановилась, прислушиваясь.
Да, рядом было что-то обладающее очень примитивным, но довольно мощным разумом. Они остановились, и Он попробовал определить направление. Но это была простая однофазная модель, с возможностью как у первых локаторных установок. Он сделал знак своим спутницам подождать и зашагал вперед. Сила отзвука увеличивалась, потом начала стихать. Он вернулся в место максимума и зашагал влево. Это оказалось верное направление и скоро неясный сигнал начал приобретать рельефный характер усердно трудящегося животного. Прямо перед ним раскорячилось гигантское бутылочное дерево, но кроме множества бутылок с него свисали окруженные роящимся туманом лесных пчел соты.

Аромат дикого меда разносился вокруг, и Он понял, что чувствуют медведи, видя такое, и почему они даже не боятся быть искусанными.
Недолго думая, он принялся мысленно подпевать рабочему ритму этого единого организма, стараясь следовать всем его изменениям. Он вообразил себя его частичкой и, когда показалось, что его вклад стал неотличим от фона, полетел помогать пчелиной семье. Коммуникаторы тем и хороши, что позволяют навязать свою ментальность другим организмам. Он, конечно, не знал, что именно запускает у этих пчел рефлекс боевого поведения, но так захотелось угостить своих женщин медом. Его подпустили как своего, и охранники, сидевшие плотным кольцом на верхушке ближайших сот все так же слегка подрагивая крыльями, деловито топтались на месте. Он радостно гудел, принеся большую порцию меда в родной улей, протянул руки и осторожно начал отламывать нижний край сот. Тот неохотно поддался, и трещина пошла по вощине гораздо выше, чем предполагалось. Огромный кусок сот оказался в его руках, измазанных вытекшим медом, и он, гудя отлет, попятился назад.
Алена, конечно, подслушивала, но наверняка не поняла смысл общения с пчелиным организмом, поэтому, увидев, что все в порядке, облегченно расслабилась. Алинка увидела соты, учуяла сильный цветочный запах и завизжала от предвкушения. Алена достала большой пакет, и они положили добычу в него. Алинка откусила кусочек и, зажмурившись от сильных впечатлений, жевала. Они тоже попробовали. Обалдеть - не то слово.
Отмыв руки в речке и положив пакет с сотами в рюкзак, они пошли дальше. Мед явно оказывал психотоническое действие. Во-первых, он с изумлением почувствовал сильнейшее сексуальное влечение. Но, кроме того, стало очень легко, тело почти не ощущалось. Он с беспокойством посмотрел на Алинку. Она просто летала как маленькая ведьма. Нужно быть осторожнее с этим медом. Они посмотрели друг на друга и поняли, что если прямо сейчас чего-то не придумать, то запросто можно наделать глупостей. Как вот в такой эйфории появиться перед аборигенами?
- Побежали! - заорал Он, Алена обрадовано кивнула, и они рванули догонять Алинку. Он вообще не ощущал тяжести рюкзака, Алена стремительно плыла как в невесомости рядом. Алинка обернулась, завизжала и, приняв новую игру, включила форсаж. Если за ними следили аборигенские охотники, то скоро в их стойбище объявят боевую тревогу и тотальную мобилизацию против троих сумасшедших белых приведений.
Хорошая физическая стимуляция - лучшее средство протрезвления. Вскоре заряд тоника начал иссякать. Вначале стал неудобным рюкзак. Алена уменьшила темп, хватая ртом воздух, они перешли на шаг. Алинка, сделав большой круг, как подбитый истребитель, на последних каплях горючего, бросилась к Алене и, обхватила ее руками. Они повалились в траву отдыхать, Он сбросил рюкзак и упал рядом. Они надолго скрылись среди высоких пахучих цветов от любых возможных наблюдателей.
Порывшись, Он вытащил три бутылки. Алена торопливо откусила горлышко, и ароматная струйка потекла по подбородку. Он наклонился к ней и тщательно слизал, пока жуки не учуяли. Они наелись шоколаду и пошли купаться. После отдыха Алинка стала жаловаться, что у нее устали ножки. Он подхватил ее и посадил себе за спину на рюкзак. Алинка вскрикнула от неожиданности и стала искать, за что же держаться, а так как рогов у него пока не было, то схватилась просто за голову. Но очень быстро такой способ путешествия ей очень понравился, она уже вообще не держалась и даже хулиганила, хватаясь за ветки,

под которыми они проходили.
Вскоре начали попадаться свежие тропы, обглоданные кости среди травы и другой мусор местной цивилизации. Он ссадил Алинку на траву. В любой момент могла показаться деревня, и все-таки это случилось неожиданно. Просто они вышли из-за очередного поворота реки, густо заросшей кустарником, перед ними расступился лес, и они увидели огромную поляну с живописно стоящими коническими хижинами и лениво шевелящимися группками сиренево-оливковых тел. Справа раздался громкий вскрик и несколько женщин, полоскавших что-то в реке, разом бросились в воду с проворством испуганных крокодилов. Неплохое начало.
Наконец их заметили у хижин и поднялся переполох. Эти люди жили беззаботно как дети, и встреча оказалась полной неожиданностью. Никаких дозоров и разведки. Вид пришельцев привел их в замешательство. Непонятно только как турбазе удалось сохранить первозданную невинность этого народа.
У самой большой хижины появилось нечто очень значительное, разодетое в пушистый мех, несмотря на жару, и с большой разлапистой веткой на голове, с которой к ушам свисали бутылки.
С двух сторон начали смешно подкрадываться поджарые фигуры, держащие у рта длинные трубки. Это казалось совсем не страшным.
- Привет! - заорал Он, помахав руками над головой и улыбаясь как клоун. Слова, подкрепленные коммуникатором, должна была услышать вся деревня и, самое главное, ощутить дружеское расположение. Охотники с явным облегчением слегка опустили свои трубки. Алинка прижалась к маме и жадно разглядывала сиреневое чудо. Кожа у этих людей была очень красивого оливкового отлива. На них свисали только травяные повязки, и разной длины узкие дощечки болтались между ног.
- Мы принесли вам подарки! - Он снял рюкзак и достал какую-то нестерпимо блестящую штуковину. В глазах охотников загорелось любопытство, они отшвырнули трубки и потянули руки. Но мохнатое чучело оказалось гораздо проворнее. Умудряясь не терять достоинства, оно подскочило и внушительно пискнуло на охотников. Дощечка, свисающая у его ног, была намного длиннее других.
- Я лидер. Я очень люблю подарки и тех, кто их дарит, - вплелся смысл среди чужих звуков звонкой речи.
Лидер с опаской прикоснулся пальцем к протянутому подарку. Так как ничего при этом не произошло, а сияние от предмета было просто завораживающим, то он почти вырвал его из рук. Но лидер есть лидер, его не купишь малым. Вспомнив, что слово подарки было во множественном числе, он требовательно поднял голову и перевел взгляд на Алену, вероятно намечая ее следующим подарком. Вокруг собиралось все племя. Дети таращили глаза, женщины выглядывали из-за спин мужчин. Улыбаясь, Он покачал головой, намекая на ошибку, потом показал на кнопку в подаренной вещице и осторожно нажал ее. Прямо перед лидером возникла призывно танцующая обнаженная сиреневая фигурка. Казалось, в ней не было ничего особо привлекательного, но режиссеры на базе знали свое дело. У лидера отвисла челюсть. В несколько секунд он осознал опасную бесценность подарка, поспешно ткнул пальцем в кнопку, интуитивно освоив интерфейс, и женщина растаяла. Лидер строго обвел взглядом разом присмиревшее племя.
- Каменное Яйцо! - гордо заявил он и стало ясно, что это его главное имя.
- Есть еще, что подарить народу? - спросил он.

- Конечно, навалом! - Он радушно вывалил содержимое рюкзака, - Каждый подарок предназначен только одному человеку. Но его никто не слушал потому, что все племя вдруг уставилось на пакет с сотами. Каменное Яйцо мельком бросил взгляд туда же, и, увидев, весь затрясся.
- Как много Восторга Дикого Слона!.. - подстрочник коммуникатора нашел наиболее близкую аналогию, и если бы не комми никто бы не услышал этого почти беззвучного страстного шепота, - Это тоже подарок народу? - его широкая рожа сменила цвет на фиолетовый.
- Конечно!
- О-о-о! - Яйцо наклонился, забыв про достоинство, и его дощечка легла на землю, - Народ никогда не забудет такого дара!
Было ясно, что собственно народу вряд ли что перепадет, но не лезть же со своим уставом...
- А что это за восторг такой, мам? - прокричала страшно заинтригованная Алинка. Лидер поднялся и в изумлении уставился на нее, - Ты не знаешь???
- Мы только немножко попробовали, совсем чуть-чуть! - объяснила Алинка.
Яйцо внимательно оглядел пришельцев и понял, что они в самом деле не в курсе. Его цвет медленно возвращался к нормальному сиренево-оливковому. Он снисходительно осклабился.
- Восторг Дикого Слона - это сила жизни, которую можно добыть только смертью. Как вы смогли добыть его?
- Ну, я немного умею уговаривать пчел, - похвастался Он, смущаясь, так как начинал осознавать эпохальность своего поступка. Яйцо повернулся к толпе и нетерпеливым жестом подозвал охотника. Тот суетливо подбежал и Яйцо вытащил у него из-за пояса кожаный мешочек. Там лежала стопка маленьких стрелок. Он осторожно вытянул одну. На конце торчала тонкая иголка сантиметров полтора длиной с маленьким прозрачным пузыречком на конце.
- Это жало с ядом пчелы-охранника Восторга Дикого Слона, - пояснил назидательно Яйцо, - Его укус смертелен. Раз в год мы выбираем самого неудачливого охотника, надеваем на него травяную одежду, чтобы он не сдох сразу, и он отправляется за Восторгом Дикого Слона. У него есть всего несколько вздохов, чтобы оторвать маленький кусочек, и он бежит назад, но падает и умирает. Когда пчелы отлетают от него мы собираем все жала, воткнутые в него для стрел и тот кусочек Восторга Дикого Слона. Теперь ты понял?
- Да, но... - прервал Он драматическую паузу, - мы должны, наконец, вручить подарки пока они не протухли. Ты, Каменное Яйцо, как лидер, следи, чтобы никто из твоего народа не был пропущен. Вызывай сюда по одному.

- Подарки не могут вручаться людям, имя которых ты еще не знаешь, - попытался изменить процедуру Яйцо.
- Вот мы и будем сначала с каждым знакомиться, а потом дарить ему. Вот эти две феи будут дарить. Одна - детям, другая - взрослым.
- А сами они не подарки? - на всякий случай осведомился яйцо, не желающий упускать даже малейший шанс, хотя уже понимал, что здесь ему не обломится.
- Подарки, но не тебе, а мне! Подзывай первого!
- Бьющий Копытом В Землю! - представлялся явно воин, гордо раздувая лоснящуюся грудину.
- Солнечный Зайчик, - скромно называлась Алена, с улыбкой вручая интригующую игрушку. И тот застыл, заворожено разглядывая чудо, пока следующий нетерпеливо не сталкивал его в сторону.
- Визг Радости! - кричал чумазый мальчишка.

- Солнечный Зайчик! - звонко отвечала Алинка, одаривая его.
Когда закончилась утомительная процедура и у ног осталась небольшая кучка лишних игрушек, аптечка и пакет с медом, Он подошел к Яйцу и, не зная насколько это позволяется этикетом, доверительно похлопал его по пушистому плечу.
- Яйцо, - дружески обратился Он, протягивая мед, и тот не обиделся, - Я передаю это тебе, чтобы ты мог правильно и справедливо распорядиться.
Минуты две у лидера в голове проходил лихорадочный вычислительный процесс.
- Племя не забудет этого дара! Племя готово выполнить любую твою просьбу. Особенно, - он сделал точно отвешенную паузу, - если ты согласишься добывать для нас Восторг Дикого Слона.
Толпа затаила дыхание от чудовищной мудрости своего вождя, сулящей изменить весь уклад жизнь.
- Да пожалуйста, мне не жалко, - Он пожал плечами, и толпа взревела от восторга.
И тут Алена очень решительно подошла к Яйцу - Особенно, - она отмерила не менее эффектную паузу, - если племя поможет нам построить хижину на краю леса!
Яйцо недоверчиво посмотрел на Него, - Подарок имеет право говорить слова?
- Еще как! Должен тебя предупредить по-дружески, Яйцо, что она - гораздо главнее меня.
Яйцо слегка полиловел, - И ты согласен с такой мелкой просьбой?
- Да, нам вполне этого хватит.
Яйцо просто не знал куда деть себя от радости.
- Назначаю праздник! - заорал он. Толпа оглушительно взревела и посыпалась в разные стороны, во-первых, надежно прятать свои подарки и, во-вторых, каждый знал свои давно четко определенные обязанности в подготовке праздников.
Яйцо одним профессиональным движением сгреб всю лежащую у ног кучу и поволок добычу в свою резиденцию. Удалось спасти только аптечку, ловко отпихнув ее ногой в сторону.
Пришельцы остались одни. У Него в руках все еще была охотничья стрелка с жалом. Подняв аптечку, он достал капсулу иммуноактиватора с широким спектром протофагоцитов и выжал яд из пузырька. Через некоторое время те из них, что смогут справиться с токсинами, размножатся, образуя мощный клон антител. Ему не хотелось слишком рисковать при следующем общении с пчелами. Бросив аптечку в пустой рюкзак с пристегнутым к его поясу скорчером, одел его.

Они принялись разгуливать по деревне, с любопытством разглядывая быт аборигенов. Входы у хижин ничем не закрывались. Зачем? Вся коммуна была на виду у лидера. Сам он подозрительно долго пропадал в глубине своего терема. Ненароком проходя мимо, удалось взглянуть и понять, в чем дело. Оказалось, Яйцо все пытался ухватить включенную танцующую красавицу, но его лапы всякий раз проскальзывали мимо.
Они деликатно отошли и Алена обняла Его, чтобы хоть как-то отвлечь от желания громко расхохотаться. Вскоре Яйцо стал задумчивым и вот он уже просто одухотворенно созерцал танец, постигнув, наконец, истинное предназначение искусства.
Интересно, что аборигенам и в голову не приходило расспросить, откуда появились пришельцы. Они восприняли их появление непосредственно, как

школьники смотрят на появление нового ученика. И только потом, между делом, выясняются разные обстоятельства.

Вечное лето 4

- Мам, - Алинка дипломатично потерлась носом о мамино платье, - можно я немного поиграю с Визгом Радости?
- Только не убегайте никуда, - неохотно разрешила Алена.
На время приготовлений делать было нечего кроме как гулять по окрестностям. Так они оказались у речки и уселись на великолепном пляже чистого тончайшего песка.
- Аленка, ты назначаешься главным международным дипломатом по связям с аборигенами! Это надо же: пара слов и проблема хижины решена.
Она хитро улыбнулась, - А ты назначаешься главным добытчиком Восторга Дикого Слона. Мне кажется, что нам он пригодился бы сегодня вечером!
От одних этих слов у Него поехала крыша. Он притянул ее к себе, и они так нежно поцеловались, как будто уже вкусили этого восторга.

Ждать пришлось недолго, крики в деревне стали громче, Алина подняла голову, потом потянулась как кошка и встала. - Пойдем?
Слегка хотелось есть. Оставалось надеяться только на праздничное угощение туземцев. Но кто знает, какие у них обычаи? Может сначала танцы, а потом еда.
Они подошли к резиденции лидера. Рядом, прямо на земле оказались расстелены травяные циновки и на них в полном беспорядке на широких листьях были разложена экзотическая еда. Аборигены суетились вокруг, женщины хлопали по рукам нетерпеливых мужчин и безжалостными пинками отгоняли детей.
Лидер на этот раз был выряжен в новые шкуры и на его голове болтались несколько подаренных блестящих вещиц. Он заметил пришельцев из своей берлоги и сделал суетливое движение нашкодившего мальчишки, что-то пряча и кулаке. Его губы были измазаны шоколадом.
- Сейчас начнется праздник, - предупредил он, - никуда больше не пропадайте. Вы должны будете первыми попробовать еду. Подбежали Алинка с Визгом Радости.
- Смотрите, что мне подарили! - закричала она и раскрыла свои ладони, сложенные лодочкой.
Алена взглянула и взвизгнула от неожиданности. Такой же мохнатый паучара тряс свою паутину около первого бутылочного дерева. Только этот был намного пестрее раскрашен.
- Мам, не бойся! - Алинка запрыгала от нетерпения, - он очень хороший!
Визг Радости гордо смотрел на презентацию своего подарка.
- Кто у вас будет главным дегустатором? - спросил лидер. Алинка обрадовано выскочила вперед, но Он показал ей на большой лист, на котором слегка шевелилось что-то не совсем дожаренное. Этого оказалось достаточно.
- Ну, тогда я, конечно, - пожимая плечами, Он прикинул, что сейчас способен съесть все, что угодно.
Ритуал был почти так же отвратительно прост как на некоторых банкетах. Как только Он прожевывал кусочек с какого-либо листа, "открывал его для народа" - как выразился лидер, то вся свора, толкаясь, налетала и опустошала начисто. Он мудро поступил, начав с шевелящегося блюда. Во-первых, пока голодный не так противно, а потом, пусть они налопаются всего самого одиозного. Похрустев поджаристыми крылышками больших кузнечиков, и отметив их очень даже

приятный вкус, Он перешел к печеной рыбе. На листе помещалось высокой горкой штук двадцать и, подумав, что рыба уж точно то, что нужно, сразу для пробы прихватил экземпляр покрупнее. Отщипнув аппетитный кусочек, Он беззаботно передал ее Алене. Никто не возражал, вот и прекрасно. Вареные речные моллюски с травяными пряностями оказались тоже очень вкусны и, воспользовавшись тем, что Он был ближе всех к блюду, увел несколько из-под протянувшихся лап. В конце концов никто в обиде не остался.

Лидер выдержал необходимую паузу, пока аборигены хором выражали свое удовлетворение посредством отрыжки, затем стал очень торжественным и распорядился внести десерт. Две женщины вынырнули из его дворца, неся большую доску. На ней были разложены аккуратно дозированные кусочки Восторга Дикого Слона. Трепетный гул восхищения прокатился по рядам. И, когда оказалось, что это блюдо уже не нужно открывать народу, Он вздохнул с облегчением.
Они с Аленой посмотрели друг другу в глаза, как делали всегда, когда необходимо было срочно без слов обсудить ситуацию. Итак, народ готовился к танцам под кайфом. Как это может их задеть? Похоже на этой планете сама природа способствует определенной мотивации, хотя, с другой стороны, если бы не подарили мед, то и не было бы такого праздника.
В это время раздача закончилась. Пришельцы от своих порций отказались, что не вызвало ни малейшего осуждения. Лидер произнес несколько проникновенных слов, которые комми, слегка поперхнувшись, передал как "ну, понеслось, что ли", и все племя синхронно проглотило свои дозы. На некоторое время тишина позволяла слышать, как ползают тараканы под шкурами у лидера. Потом туземный оркестр из мальчишек начал бить палками по выдолбленным доскам и, иногда, друг по другу, что вплетало в ритмичные звуки очень даже музыкальные вопли. У мужчин дощечки начали изменять угол, как стрелки спидометров, а женщины протяжно вздохнули.
- Пусть сами бесятся, - прошептала Алена, слегка нервничая.
- Ага, - кивнул Он, - чтобы отвлечь детей нужно показать им новую игрушку.
Он подошел к лидеру и похлопал его по плечу. Тот распахнул масляные глаза, но, когда увидел Его, улыбка слегка скисла. Он бесцеремонно вытащил из прически лидера подарочный гипераккустический плэйер.
- Смотри, Яйцо, это гораздо лучше ваших барабанов! - Он отжал максимальную громкость и ткнул в кнопку. Это была копия сборника, составленного Аленой для диких плясок у первого костра. Вполне подходящая к моменту, что немедленно подтвердилось. Сначала все обалдели, открывая глаза и включаясь в новую реальность. Потом их тела начали подергиваться, и кто-то первый, поняв, что это означает, отпустил тело во власть ритму. Вскоре все племя скакало и извивалось, полностью сменив мотивационную направленность. Тоник начал отрабатываться вполне мирным путем. Вот тогда подключились и гости. Продолжительности сборника хватило на почти полную нейтрализацию меда. Аборигены начинали валится от изнеможения. Лидер попытался было реанимировать традиционную направленность программы, подзадоривая одуревших соплеменников, а потом даже нагло предложил Алене, как выразился комми, эксклюзивный танец, но сам оказался не на высоте, и, укоризненно посмотрев на свою болтающуюся дощечку, признал, что пора отдохнуть.
Он взглянул на часы. Двадцать часов. До заката остается примерно три часа. - Яйцо, - сказал Он с неподдельной печалью, - нам пора сваливать. Скоро темнеет, а еще через лес нужно идти.

- Разве вы не будете гостями у народа три ночи по обычаю? - страшно удивился лидер.
- Прости, друг, у нас там наши вещи совсем без присмотра и хижины еще нет. Да и нужно бы еще Восторга набрать для вас.
- О, да!.. Тогда так. Дай людям отдохнуть немного, а я скажу моим лучшим строителям пойти с тобой. Они переночуют на траве, а утром построят тебе хижину.
- Ну, Яйцо, - Он только развел руками, - я благодарен тебе за такое гостеприимство.
- Да ладно уж, - скромно отмахнулся лидер, - потом договоримся о периодичности добычи Восторга Дикого Слона.
Им дали не только строителей, но усилили взвод еще и парой лучших плевателей отравленными стрелками. С полным правом захватив оставшуюся груду жареных кузнечиков, строители, громко хохоча над своими примитивными шутками и, как пацаны, давая друг другу подножки, последовали за ними.

Вечное лето 5

Обратная дорога походила на шумное возвращение с пикника большой компании. Время пролетело незаметно, и вот они вышли на опушку у стоянки. Долго Он просто ничего не понимал и только хлопал глазами. Гамаки горестно свисали изрезанными веревками, спальники были характерно вспороты выстрелами широколучевого деструктора, а вещи раскиданы и втоптаны в траву. Значит, этот кретин решил всерьез поиграть в охоту на людей.
- Да он псих какой-то, - только и вымолвила Алена.
Толпа притихла, сразу почувствовав, что стоянка пришельцев явно не так должна бы выглядеть. Алинка бегала и собирала в траве разбросанные вещи. Рядом валялась припорошенная копотью Большая Красная Кнопка. Повредить ее или утащить невозможно, но этот псих, похоже, стрелял пока заряд не кончился. Алена повернулась к Нему, их взгляды встретились, они помолчали, и он еле заметно покачал головой, не соглашаясь.
- Только не убивай его! - тихо попросила Алена, но уже через секунду: - Если можно…
Меткий Плевок подошел ближе и бесхитростно выдал:
- Он очень плохой охотник. Не умеет прятать следы. Он пошел туда, - и коротко махнул рукой вдоль леса, - Если хочешь, я и Острые Уши принесем его голову.
Строители зашумели, комментируя обстановку и, видимо, не считая проблему слишком серьезной.
- Мы пойдем вместе. Я тоже плохой охотник, поэтому мне нужно показать следы, но с ним я буду разбираться сам.
Они быстро натаскали дров и к удивлению аборигенов, не понимающих как на тропе войны можно так привлекать врага, разожгли костер. Уже темнело, но все же удалось запастись плодами бутылочного дерева. Их сока было достаточно, чтобы не испытывать голода. Недолго думая, Он решил, что если этот болван задумал поиграть в войну, то вряд ли ушел далеко отсюда и ждет с нетерпением ответного хода. И вряд ли он прячется рядом. У него ведь еще и подруга с мальчишкой. Возможно, он даже некоторое время и сидел в засаде, пока не надоело.
Алена подошла и положила руки на его плечи. Они традиционно потерлись носами.
- Слушай, - тихо сказала она, - ну его!

- У нас теперь нет спальников и нужных вещей, - возразил он, грустно улыбаясь, - я верну их.
Они поцеловались.
- Все будет нормально, - сказал он уверенно.
Она сжала его руку и повернулась к Алинке.

Скоро костер пропал за извилистой границей леса. Охотники как шакалы быстро и уверенно стелились вдоль опушки. Становилось темно. Довольно скоро послышались голоса. Они вообще не прятались. Их кострище пылал как в аду у чертей. Так и лес можно спалить. Они вошли в лес и обошли стоянку. С противоположной стороны было достаточно кустов, где можно было спрятаться. Сам вояка ходил кругами, держа свой деструктор в руке и готовый палить не задумываясь. Видно было, что ему уже страшно надоело это напряжение, но другого выхода у него не было. Иногда он что-то раздраженно выкрикивал мальчишке или своей подруге. У всех было отвратительное настроение, - сразу заметно. Возражать никто не смел.

Пока этот тип в таком состоянии говорить с ним было опасно. А убивать его не хотелось. Так они лежали и ждали. Потом подползли еще ближе. Даже если бы здесь не было кустов, то из-за костра их невозможно было увидеть.
Наконец мужик психанул, пнул какую-то штуковину и уселся на стул (обалдеть, чего только пикникисты не тащат с собой!).
- Так и знал, что у него задница гнилая! - раздраженно прорычал он, достал сигарету и закурил, - Завтра я его сам достану.
- Давай уже спать ложиться, - плаксиво сказала женщина.
- Ну, ложись! Кто мешает?
- Чо психуешь? Он уже свалил давно отсюда! Ты же его без вещей оставил!
- А-а! - мужик зло махнул рукой, - это может быть запросто! Тюфяк какой-то. Вот не везет, погулял, называется! И тебя не надо было брать!
Женщина обижено промолчала. Мужик посидел немного, потом отошел недалеко, чуть дальше мерцающего круга света, звонко отлил на ствол дерева и завалился прямо поверх своего спальника. У них у каждого был свой спальник. В правой руке он так и держал свой пистолетик, а в левой - Красную Кнопку. Он был точно какой-то ненормальный.
Только после этого его подруга посмела уложить мальчишку и затихла сама. Оставленный костер быстро догорал, и вскоре только вылезшие луны освещали стоянку.
Мужик довольно сильно храпел, но, видимо это уже давно никому не мешало.
- Слушай, Меткий Плевок, - сказал Он, - давай сделаем так. Мы подкрадемся к нему. Видишь в одной руке у него широкая штуковина, а в другой - вроде короткой палки? Эта палка опаснее ваших стрелок. Как только я схвачу его руку с широкой штуковиной, так ты должен будешь схватить его руку с палкой и не отпускать. И смотри, чтобы палка ни на кого не показывала своим концом. А ты, Острые Уши, подойди к женщине и не пускай ее к нам.
- О, я ему так прижму жилы, что палка просто вывалится! - пообещал Меткий Плевок и они осторожно привстали.
Не спеша, Он подошел к захлебывающемуся храпом мужику, наклонился, прижал его палец к кнопке и надавил. Кнопка громко испуганно ойкнула и начала ритмично мигать. Меткий Плевок уже вывернул деструктор из руки мужика и держал ее, согнув под болезненным углом. Мужик что-то пытался выкрикнуть, но

от испуга подавился собственной слюной и натужно закашлялся.
Кнопка мелодично тренькнула, на том конце что-то завозилось и заспанный голос недовольно произнес:
- Какая помощь вам требуется?
- Немедленная эвакуация для реставрации тела, - проорал Он.
- Мать… Что там случилось?
- Хватит базарить, - прикрикнул Он.
- Ладно, не психуй, ждите… Кнопка погасла.
Женщина уже вылезла из спальника, мальчишка таращил глаза в азартном восторге.
- Счастливого возвращения, друг, - негромко сказал Он и махнул рукой охотникам.
Они просто отошли немного в лес и стали ждать. Через несколько секунд с неба свалились спасатели. Их огромный бот бесшумно всколыхнул траву, оттуда посыпались резвые черные фигуры и моментально аннулировали пикнистов. Это у них строго. Эвакуация осуществлялась по единственному отрепетированному до полного автоматизма сценарию, эффективно и без расспросов. Оставалось вернуться за законной добычей.
Противно было брать что-либо здесь. Он захватил только два спальника. Даже если этот тип триллиардер, вернуться сюда ему уже будет практически невозможно. Первым делом после эвакуации разберутся с тем, как он сюда пролез.

Они вернулись на стоянку. Никто не спал, и Алинка вовсю пользовалась этим положением. Она вскочила и побежала навстречу.

- Скальпов нет! - сразу громко заявил Он и бросил спальники на землю. Ждавшие возвращения с весомой победой аборигены были явно разочарованы.
Алена оказалась рядом и они, обнявшись, пошли к костру. Там на прутиках в золе аппетитно запекались какие-то толстые корни.
- Есть хочешь? - спросила она.
- А ты накормишь?
- Нам показали, как здесь найти съедобные корни.
Он нежно провел рукой по ее щеке, запустил пальцы в волосы и, чуть повернув ее голову, коснулся горячих губ своими губами. Каждый раз, когда он целовал ее, возникало легкое ощущение, как в лифте, который уходит вниз и на мгновение возникает невесомость. И это пронизывало их обоих одновременно.
Сытые аборигены, наевшиеся жареных кузнечиков, ушли спать на заготовленные невдалеке травяные снопики, оставив пришельцев наедине. Те же уселись на траву и Алинка, пристроившись с другой стороны от Алены, положила голову ей на колени, занимая Его любимое место. Он вытянул один из прутиков и сдул золу с корня. По цвету тот был похож на печеную картошку, а по форме - на большую морковь. Запах оказался слегка сладковатый и приятный.
- Отправил его? - спросила Алена.
- Да. Его же рукой, пока храпел. Он разломил мягкий корень и откусил. Вкусно.
- Вы пробовали?
- Еще нет.
- Держи, тогда я еще достану.
Они наелись и выцедили по древесной бутылке. Алинка изо всех сил старалась удержать глаза открытыми и клевала носом. Он вытащил из изодранных

спальников домовых и заменил ими те, что были подключены к чужим спальникам. Они быстро скорректировали всю микрофлору и задали привычные запахи, любимую температуру и жесткость. Безвольную Алинку пришлось укладывать вручную, не купая, что ее, конечно, очень устраивало. Потом они, не спеша, пошли к речке. Восходы лун здесь были здесь на редкость постоянны и два ярких диска, один раза в два больше другого, горели над головами в высоте.
- Знаешь, перед тем как ты вернулся, я посмотрела на нашу Кнопку и...
- Она позеленела?! - не удержался Он.
- Да…
Они остановились у самой речки, взволнованные моментом. Он крепче обнял ее.
- Как быстро…
- Может быть, мы не будем спешить, здесь так хорошо было!..
- Но там будет еще интереснее!
- Но труднее… - Конечно, Аленка, давай побудем здесь еще немного.
Они разделись, вошли в воду и стояли, обнявшись, по колено в черном зеркале воды, отражающей луны и их чуть мерцающие рябью силуэты. Кусты по берегу казались фантастическими фигурами. А в бесконечной дали неба за нами молча наблюдали все видавшие звезды. Теплый ветерок ласкал их. Было удивительно хорошо.

Они подошли к Алинкиному спальнику, лежащему просто на траве. Алена наклонилась посмотреть. Та хлопала глазами, а ведь просто валилась от усталости.
- Мам!
- Что?
- А пушистики больше не придут?
- Здесь столько охотников, им страшно.
- А мне давно сказку не рассказывали… Алена улыбнулась, вздохнула и посмотрела не Него. Он присел рядом.
- Про что ты хочешь?
- Про все! - Ну, слушай. Однажды у маленького бегемотика был день рождения…
Алинка заснула после того, как дослушала счастливый финал.

Вечное лето 6

Голод разбудил его. Давно такого не было! Он осторожно одел шорты и вылез сбоку наружу. Над горами начало светлеть небо. Воздух был все таким же теплым. Аборигены беспечно спали вразброс под деревьями. Было удивительно тихо. Здесь даже птицы любили поспать. Кажется, только у Него была привычка вставать рано. И, конечно, кому как не ему сейчас придется готовить еду на всех? Он осмотрел то, что осталось от вещей и нашел две кастрюли. Чтобы всех накормить, нужно сварить чего-нибудь побольше. Он, прихватив кастрюли и нож, пошел к речке. Если уж Алинка голыми руками поймала рыбу, то почему бы ему не попробовать? Проходя мимо грядок, оставшихся незамеченными воякой, он увидел первые ростки. Всхожесть была великолепной, а скорость роста уступала разве что земному бамбуку.
Вскоре он нашел достаточно прямую и удобную ветку, сделал из нее копье с остро заточенным концом и, присев над излучиной, принялся вглядываться в прозрачную глубину. Но там по дну стелились вдоль течения только длинные ленты водорослей и на них сидели большие красные улитки. Тоже еда, но хотелось угостить всех рыбой, которая здесь явно не ждала никого в гости. Он

знал, что сверху рыбьи спины должно быть трудно разглядеть из-за маскирующей окраски, но вода была настолько прозрачна, что видно было буквально все. С рыбой нужно терпение. Через некоторое время он начал замечать мальков, а по ним определил, где могут обитать и более взрослые. Оказывается, они любили места около берега с сильно нависающими над водой пучками травы. Там они даже иногда выскакивали, чтобы схватить в воздухе пролетающих мошек. Первое обиталище он просто распугал, неудачно тыкая копьем. Но потом научился делать коррекцию на преломление водой и, наконец, проткнул бок одной немаленькой рыбине.
Когда в кастрюле махали хвостами уже три рыбины, а Альдебаран на треть вылез из-за цепи гор, к нему подошли двое аборигенов. Они весело заржали, увидев его способ ловли. Меткий Плевок просто лег на траву, свесившись над водой, выждал момент и не особенно быстрым движением прямо руками вытащил рыбу. А за ней - следующую. Когда в кастрюле хвосты уже стояли вертикально и больше не помещалось, Он попросил пощадить оставшихся. Целый час Он потрошил добычу, а аборигены со скептическим недоумением наблюдали за этой странной работой, сидя на берегу и болтая ногами в воде. Подошли проснувшиеся Алинка с мамочкой. Увидев, что Он наделал с бедненькими рыбками, Алинка застыла на месте, глубоко задумавшись, но взрослеющий здравый смысл и голод пересилили протест. Алена со смехом взлохматила ее волосы и та, вздохнув, полезла в воду, тут же принявшись пастись свисающими ягодами.
Пока Он и несколько аборигенов возились с костром, закрепляли в камнях кастрюли и заворачивали рыбу в листья, чтобы запечь в золе, Алена с Алиной вернулись с утреннего купания. Проходя мимо, Алена пустила Алинку вперед и до последней секунды шла, ничем не выдавая намерений, сосредоточенно разглядывая что-то впереди. Но, оказавшись рядом, стремительно обвила Его шею, и хищно впилась губами в шею. Острые Уши чуть не уселся в костер от неожиданности. Но кровь не полилась и Острые Уши расслабился.

Без особых церемоний, как только малейшие сомнения насчет готовности еды развеялись, все набросились на рыбу. Он думал, что Алинка станет капризничать, раз видела, как поступили с бедными рыбками, но голод - лучший учитель. Совесть несколько пожурила Его за то, что он довел своих женщин до такого необузданного аппетита. Поэтому он предложил двум охотникам сходить в лес, пока остальные займутся строительством. Не успел Он как следует подготовиться к предстоящему делу, как строители уже позвали принимать объект. Такая скорость настораживала. Гордые своей работой туземцы махали руками, подзывая. Вместо новой уютной хижины стояло нечто, напоминающее шалаш вождя русской революции. А надежды-то были хотя бы на уровень резиденции лидера.
- Длинные Лапы, - не сумев скрыть разочарование, спросил Он, - тебе не кажется, что эта хижина маловата для двоих?
- Маловата?! - главный архитектор икнул от удивления, демонстративно вполз в кроличью дырку и там интенсивно покрутил бедрами.
- Вот как я здесь свободно пляшу! - раздался его звенящий от возбуждения голос.
- Да мы все можем там свободно плясать! - горячо заверил Ленивый Зад, и еще три строителя стремительно юркнули в дырку. Шалаш угрожающе затрясся. Воодушевленный поддержкой, Длинные Лапы сиганул слишком резво и проломил головой боковую стенку. В обратном движении его подбородок уперся в прутья, и он застрял, хлопая глазами.

Алена звонко рассмеялась, а Он вздохнул. Ну, что ж, придется хижину возводить самим. Туземцев, видимо, можно использовать только для грубой работы. А шалаш пусть стоит здесь для гостей.
Счастливо улыбаясь, Он поблагодарил зодчих и тут же заявил, что его мужская гордость заставляет тоже попробовать построить дом. Они сильно удивились, вылезли из шалаша и встали полукругом в сторонке, чтобы посмотреть, как это будет происходить. Теперь рабочих рук было достаточно, и Он решил свалить еще пару деревьев. Долго не выбирая, он стянул с плеча скорчер и всадил заряд в основание ближайшего подходящего ствола. А все-таки, надо немного думать над возможными последствиями. Эффект оказался катастрофическим. Оказывается, не только хрюкопухи здесь имеют специфический рефлекс на неожиданность. Ствол еще только валился кроной к лесу, а у всей группы аборигенов, оцепеневших с бледно сиреневыми лицами, под набедренными дощечками блестела мокрая трава. Он совершенно случайно заметил это, повернув голову. Назревал самый настоящий международный скандал.
- Аленка! - громко воскликнул Он, - быстренько идите с Алинкой на стоянку, нужно убрать все вещи там, где у нас будет хижина!
Алена сразу почувствовала напряженную важность момента, и они быстро ушли. Он деловито приспустил шорты и широкой струей оросил перед собой траву.
- Ну, вот, магический ритуал мы совершили, теперь за дело, ребята!
Но аборигены переживали еще минуты две, потом, некоторое время с пониманием обсуждали ритуал мокрых луж, все более оживляясь и, наконец, окончательно стали сами собой. Они обдирали длинные полосы эластичной коры на веревки, Он сшибал ветви малыми зарядами, что теперь уже приводило в восторг туземцев. Все заготовки собирали на опушке. Получилось огромное количество материала. Алинка весело играла с Визгом Радости, который прибежал из деревни, а Алена начала плести из длинной травы циновку для двери. Он посматривал и радостно удивлялся, откуда она знает, как это делать? Основой хижины стали те два дерева, на которых висели гамаки. Вертикально поставили три голых ствола вокруг живых деревьев, для чего нескольким туземцам пришлось лезть на верхние ветки и заготовленными веревками подтягивать верхушки. Там они эти верхушки и привязали к веткам. Стены выкладывали более толстыми ветками, переплетая их как корзину более тонкими и связывая все корой. Аборигены восторженно внимали новому методу строительства. И довольно скоро все было закончено. Крыши не было, - ее заменял низкий ветвистый зонтик с широкими живыми листьями. Со стороны это выглядело очень живописно. К этому времени Алена сплела огромную циновку, и повесила ее вместо двери. Правда, окон не было, но свет проникал отовсюду через отверстия корзинной оплетки. Так что рвать свое лучшее платье на зановесочки, Аленке опять не ротшлось. Хижина внутри оказалась уютна и необычна. И она приятно пахла свежим соком дерева.

Скоро вернулись охотники. Побросав добычу на траву, они несколько раз в несказанном изумлении обошли хижину, переводя восхищенные взгляды на скромно ухмыляющегося Длинные Лапы. А когда осмотрели все, начали оживленно хвастаться уже своими подвигами.
Мясо решили жарить над углями. Острые Уши, недолго думая, вылил на него сок из пары древесных бутылок. Мало того, немало он плеснул и на собственное тело. Раскрыв глаза от удивления, Он отошел на всякий случай подальше. Острые Уши безмятежно уложил ветки с мясом на каменные подпорки над углями и ароматный дым заполнил все вокруг.

Первые жуки - разведчики просто облетели его несколько раз и умчались за подмогой. Вскоре из леса как клубы тяжелого искрящегося тумана выползла живая туча и, низко стелясь над травой, накатила на сумасшедшего охотника. Тот на некоторое время исчез в этом облаке, потом оно все осело на нем. Острые Уши просто стоял и довольно скалился. Жуки начали осыпаться, и вся трава под ним скоро оказалась в лениво копошащихся толстячках. Тогда аборигены принялись собирать их и заворачивать в листья. Это оказался их деликатес: жуки, фаршированные пряным соком. Алена все не могла привыкнуть к этой особенности местной кулинарии и старалась не смотреть. Зато Алинка помогала Визгу Радости собирать красивую добычу.
Такой вкусный шашлык они не ели раньше. Сок придал ему изумительный аромат. Наелись до отвала. И туземцы засобирались в деревню. Все были довольны и счастливы, а Меткий Плевок настолько осмелел, что, видимо подражая Ему, на прощание поцеловал Алену. Та моментально превратилась в строгую фею и с покровительственной улыбкой помахала им вслед рукой. Бывает так, как только гости уйдут, на некоторое время наступает какая-то пустота, чего-то не хватает. Значит - гости были не в тягость! Но и минуты не прошло, как на опушку выскочил Визг Радости, который отбился от стада, и большим кругом вернулся назад, чтобы еще поиграть с Алинкой. Они немедленно принялись делать домик из веточек с шикарным гнездом внутри для пушистиков потому, что ждали их возвращения с минуты на минуту. Неплохо было бы немного отдохнуть, тем более что после скоростного строительства это было не лишне.

Он сложил спальник у внутреннего дерева, прислонив к стволу дерева, потянул за собой Алену, и она улеглась рядом, положив голову ему на грудь и обняв руками. Он ласково перебирал ее волосы, тихо мыча какую-то мелодию, а она закрыла глаза с легкой улыбкой. Так они и заснули.
С громким хлопком распахнулась плетенка на двери и в хижину влетела возбужденная Алинка, таща своего упирающегося друга.
- Мама! Визг Радости оцарапал себе руку! У него кровь!
У Визга Радости на сиреневом лице явственно проступала гордость раненого мужчины. Алена встала и осмотрела ранку. Царапина была довольно глубока, но кровь уже остановилась.
- Чем это?

- Я ему показывала, как пользоваться нашим ножиком… - виновато потупилась Алинка.
- Ничего страшного, - решила Алена и достала из аптечки баллончик с биоаэрозолем.
Как только Визг Радости увидел непонятное оружие лечения, он пофиолетовел и отступил на шаг, выдернув свою руку из Алинкиной ладошки.
- Это совсем не больно! - Алена улыбнулась, снисходительно думая, что все мужчины одинаковые: раны их не пугают, а вот то, что с ними будет делать кто-то… - Зато сразу можно будет играть!
Алинка, сдвинула брови и поджала губки, превратившись в строгую старшую сестру.
- Ну, Визгунчик, не бойся! Мне уже пшикали этим, совсем не больно! - она снова взяла его за руку и тот отдался неизбежному.
Алена сжала края ранки и мелкими дозами скрепила ее, а потом обработала всю поверхность. Пленка моментально адаптировалсь к коже, становясь ее частью и

надежно закрывая царапину.
Визг Радости недоверчиво потрогал это место, а Алинка просто светилась снисходительным удовлетворением. Они убежали, тут же забыв про случившееся.
Алена вышли из хижины, и Он последовал за ней. Альдебаран был еще высоко на бархатном небе и багровел огромный, нереальный, как нарисованный. Далекие горные ледники отбрасывали алые блики. - Сыграем?
Алена достала ракетки для игры в е-теннис, которые не были изломаны только потому, что вояка не посчитал их достаточно нужными вещами или в этом заключался его черный юмор: пусть поиграют на развалинах. Они встали так, что Альдебаран светил на них сбоку, Алена подбросила электронный мяч и, мощно закрутив, послала в него. Именно мяч должен был обеспечивать идеальность законов отражения и сцепления, которые могли регулироваться специальными настраиваемыми опциями.
Алена играла классно, гораздо лучше него, бурно переживая за все, что происходило в игре. Он наслаждался ее настроением и веселым смехом. Потом они сходили к реке и смыли усталость.
- Погуляем в лесу? - предложил Он.
- И, может быть, найдем немного меду к вечеру? - улыбнулась она.
- Алинен! - крикнула Алена, - Пойдете с нами гулять в лес?
Сначала Алинка обрадовалась, потом, подумав, сказала: - Ага, мы уйдем, пушистики вернуться, а нас нет?!
- Они подождут вас!
- Они обидятся, мам, и уйдут! Лучше мы с Визгунчиком здесь поиграем.
Под вечер притихли звериные и птичьи звуки, оранжевые лучи широкими лентами проникали между редких толстых стволов, наполняя лес фантастическими оттенками. Всюду попадались крупные вкусные ягоды, которые не так были заметны в полумраке, когда лучи не могли пробиться сквозь листву. Они не спеша брели и собирали их в пакет, выдергивали съедобные корни из удивительно податливой почвы к ужину.

Мед они нашли, довольно долго побродив по лесу с максимальной чувствительностью комми. За ближайшими деревьями громко гудела большая семья. Он снял рюкзачок. Теперь-то он знал, что это за твари, и неприятный холодок гулял по спине. Но нужно было сохранять спокойное состояние мыслей, чтобы все получилось, и он включил пофигизм на максимум. Засунул в карман противоядие, не зная, стоит ли его принять заранее. Аборигены говорили, что есть несколько вздохов до шока, значит вводить нужно в вену. Алена остро почувствовала серьезность ситуации и сильно сжала его руку.
- Ну к черту! Пойдем отсюда!..
- Мы же обещали народу, - сказал он спокойно, - вот я и наберу для них тоже.
- Стоит ли это такого риска, чтобы на этом все и кончилось?
- Аленка, но из этого и состоит наша жизнь здесь.
- Осторожнее, блин! Нет, подожди! - она прижалась к нему, - Давай постоим, тебе нужно настроиться.
Он хорошо помнил свои мысли в прошлый раз и начал подпевать пчелам заранее. На этом дереве соты свисали еще более огромными сосульками и пчел было больше. Он походил вокруг, все более вживаясь в образ, пока не захотелось на самом деле слетать за нектаром и принести его побольше в своем брюшке. Пчелы не обращали внимание на еще одного рядового рабочего. Он подошел совсем близко к огромной сосульке и, деловито имитируя слив взятка, принялся

прихваченным ножом резать у середины. Жадность сгубила очень многих. Он тихо по пчелиному радовался и вот уже кусок килограммов на пять отделился, облегчая ветку. Та резко качнулась вверх, и все охранники с воем взлетели. Он застыл и, чисто инстинктивно уловив изменения в ритме семьи, вписался в него. Над головой черными трассами носилась разъяренная смерть, и так продолжалось несколько бесконечных минут. Потом охранники, так и не обнаружив врага, стали усаживаться на место. Он стоял, пока ритм снова не стал прежним и только тогда начал не спеша отходить.
Алена, конечно, все видела из-за деревьев. Он подошел и победно улыбнулся. Она молча смотрела на него.
- Замри! На тебе одна тварь сидит!.. - она медленно сняла кроссовок, прицелилась и со всей силы влепила ему по спине.
- Попала?
- Да! - она нашла тельце в траве.
- У нее нет жала! - сказал он.
- Похоже это трутень хотел спариться с удачливой пчелкой, - заржала Алена. Потом помогла ему засунуть соты в пакет. Руки липли в меду, а речки поблизости не было. Они принялись оттирать их травой.
- Не хочу, чтобы ты еще это проделывал!
Он не спорил.

Алинка, одна дома, со скучающим видом смотрела голографическую сказку с большими объемными картинками, жившими в воздухе перед ней.
- А где твой Визгунчик? - спросила Алена.
- Ему наругают, если он не вернется на ночь, и он убежал домой. Но обещал прийти завтра.
Красный диск уже скрылся за лесом, но было еще довольно светло. На небольшом костре Алена приготовила обещанное блюдо из тушеных корней, ягод и остатков шашлыка. Тут были и местные пряные травы, которые ей успели показать туземцы. Все давно проголодались, но и блюдо получилось праздничным. Они съели больше половины, оставив остальное на утро.
- Маам!!!!! - страшно возбужденная Алинка запрыгала на своем месте, показывая пальцем на что-то за их спинами. Они обернулись и обмерли.
Вдоль опушки в сторону реки, из-за поворота леса, неторопливо выходило стадо огромных розовых животных. Они были крупнее слонов. Они вообще не походили на слонов и шли невдалеке, абсолютно все игнорируя. Передвигались они совершенно бесшумно, как призраки, плывущие над травой. Вот, наверное, откуда комми взял аналогию при переводе Восторга Дикого Слона. Рядом шли их малыши. Он заметил у некоторых животных почти коровье вымя, только вот размерами раз в пять больше. У других же свисали такие достопримечательности, что аборигенское название меда казалось уже полностью оправданным. У этих гигантов не было рогов, но они им и не нужны были.
- Молоко! - Он, вскочив, поднял пустую кастрюлю. Глаза у Алены стали огромными.
- Тебе что, пчел мало? - Алена вскочила - Они же тебя просто затопчут как жвачку!
- Аленка, я же сначала посмотрю, познакомлюсь. Не переживай, все будет в порядке. И у меня ведь есть комми.
Он уверенно улыбнулся, и пока она не нашла, что сказать пошел к стаду. Первые животные уже подошли к речке и остановились, опустив огромные головы к

воде. Молодняк терся о бока мамаш, некоторые сосали вымя. Он для них не существовал даже когда оказался совсем рядом и протянул руку к голове совсем еще маленького сосущего теленка, чтобы посмотреть реакцию родителя. Но среагировала вовсе не мамаша, а сам теленок. Он тут же перестал сосать и потянулся к руке. Такой любопытный? Он дал ему понюхать кулак, что тот проделал очень тщательно и потянулся нюхать выше. Он немного отступил, и теленок шагнул за ним. Это было уже интересно, и он осторожно попятился, так и держа кулак перед любопытной мордой. Теленок шел как на привязи. Мало того, корова, увидев, что теленок отходит от нее, последовала за ним, пытаясь тычками морды и необычным для ее габаритов мелодичным урчанием привлечь его. Но теленок ни за что не хотел упускать возможности изучить этот странный новый предмет.
Алена сначала заворожено смотрела на это представление, потом сама загорелась азартом, сообразила, что надо делать и, прихватив неиспользованные веревки из эластичной коры, пошла чуть в стороне. Он приманил теленка к дереву, невдалеке от хижины и, играя с ним, понемногу привязал его ногу к дереву самой длинной веревкой.
Потом отошел и, когда веревка натянулась, теленок слегка споткнулся, удивленно посмотрел на свою ногу и лизнул веревку. Корова подошла к нему, и тот спокойно принялся сосать вымя. Алинка прыгала вокруг, рвала пучки травы и смело совала корове прямо в огромную морду. Та отворачивалась сначала, потом осторожно взяла траву и Алинка, радостно взвизгнув, принялась торопливо рвать новую порцию.
Он принес воды в самой большой кастрюле и корова, проливая большую часть, вылакала все. Ну, прямо как в сказке.
Он никогда не доил корову, но вскоре экспериментально обнаружил как это делать и, наконец, удалось попробовать сладковатое молоко с густым незнакомым запахом. Алинка ни за что бы не стала бы пить коровье, но это - было совсем другое дело! Она пригубила и раскрыла глазища. Ей понравилось.

Становилось темно, А Алинка все возилась с животными и если бы они не были такими толстокожими пофигистами, то насмерть надоела бы им. Алена с трудом уговорила ее пойти спать, убеждая, что теленку тоже отдохнуть пора.
Что-то есть невыразимо приятное в ежевечернем купании всей семьей в теплой чистой речной воде перед сном. Они плескались, пока не стало совсем темно, но взошли луны и Алинка не захотела никуда уходить, пока они совсем не поднялись над лесом.
В хижине стоял густой полумрак. Светильник оказался испорчен. Свет лун скупо проникал сквозь отверстия. Алинка боялась темноты, и Он переключил спальники в режимы палаток в разных углах хижины, и включил внутри свет от стенок. Алинка заснула в своем домике только к концу вечерней сказки.
Алена с улыбкой вздохнула и счастливо посмотрела на Него и они забрались в свой домик. Стены мягко освещали, не более, чем как пара свечей. Он закрыл вход и повернулся к Алене. Она стояла на четвереньках как большая грациозная кошка и, томно прищурившись, улыбалась, держа в зубах кусок сот. Когда она успела? Он потянулся к ней, наклонил голову и осторожно ухватил зубами свою половину. Их губы соединились, лифт улетел вниз.
Вскоре мед завладевал чувствами, все начинало ощущаться ярче, весь мир закружился. Любое их движение порождало новый взрыв и новую вселенную, пока совершенно фантастический по силе Большой Взрыв не завладел ими

обоими. Он унес их в небытие, и только любовь царила над этим местом. А потом был свет и ее ангельски прекрасное лицо, и божественные глаза смотрели на него со вселенской любовью. Они лежали, обнявшись, боясь отпустить даже на мгновение. Потом Алена ненадолго заснула в воцарившимся спокойствии и Он, кажется, тоже.
Эта ночь казалась самой главной в жизни, она не отпускала их. И даже под утро он проснулся от сна, где они любили друг друга. Они спали долго, и на этот раз он не встал раньше ее.

Вечное лето 7

Кто-то скребся в спальник-палатку. Алена привстала.
- Мам!
- Мы встаем, Алинка, подожди!
Алена улыбнулась, тряхнула головой, разбрасывая волосы, наклонилась и коснулась Его губ. Пошарила в кармашке на боку спальника, достала коробочку, вытряхнула себе на ладонь подушечки адаптогена, одну засунула ему в рот, другую съела сама и лениво потянулась к одежде. Потом выползла наружу и он следом, бодая ее головой.
В хижине пахло животноводческой фермой. Ну, конечно, корова близко, да еще такая огромная. Дверь была распахнута прямо навстречу встающему Альдебарану. Рядом с бледно-розовой от утренних лучей Алисой стоял оливково-сиреневый Визг Радости и улыбался во весь рот.
- Привет, - сказал Он, - Что за переполох?
- Наша коровка хочет пить! - закричала Алинка, - Она идет к речке, потом вспоминает про маленького и возвращается, потом снова идет к речке и опять вспоминает и …

- Все ясно, Алинен, - сказала Алена, обнимая ее.
- А можно я буду звать ее Бармаглотиком?
Он посмотрел на дверь и зажмурился. Или Альдебаран стал ярче светить или он все слишком остро воспринимает. Он пошел проведать бармаглотскую семейку. Дети, конечно, побежали за ним.
Вся трава вокруг была съедена. И ужас! За ночь даже обычная корова наделала бы немало лепешек, что говорить про этого гиганта! Он отвязал веревку от дерева и пошел к речке. Казалось, что за ночь теленок заметно подрос.
Живая розовая гора ринулась в реку, упала на подогнутые толстенные лапы и принялась оглушительно жадно лакать. Пока этот внушительный процесс продолжался, он привязал теленка поближе к воде. Корова вылезла из воды, подошла к теленку и начала облизывать его как кошка.
И тут Визг Радости подскочил к ней сзади, ловко подпрыгнул, вцепившись за хвост, и залетел ей на спину. Видимо, такое было для туземцев привычно. От неожиданности Он распахнул глаза и ждал, что же будет дальше. А дальше Алина попробовала сделать то же самое, но, стукнувшись о крутой зад коровы, смешно как мячик отскочила, упав на траву.
Подбежала Алена, но Алинка вовсе не заплакала, а тут же вскочила и, с завистью смотря на своего друга, начала нетерпеливо придумывать как оказаться рядом. Корова никак не реагироала, и Он просто подсадил Алинку. Та взвизгнула и вцепилась в мальчишку, чтобы удержаться на гладкой розовой шкуре.
Но Визг Радости, потеряв свое преимущество в воздухе, спрыгнул вниз. Алинка немедленно последовала за ним, и Он еле успел ее подхватить. Тогда Визг Радости нырнул под корову и аппетитно присосался к вымени.

- Алинка! - воскликнула Алена, - Вот этого ты делать не будешь!
- Ну почему, мам?!
- Алина, что с тобой? - она присела и посмотрела в глаза дочери, - Если ты так теряешь голову, я не смогу больше разрешить тебе играть с Визгом Радости!
Алинка внимательно выслушала, подумала и вздохнула.
- Мам, я не буду больше терять голову! - сказала она, и Алена рассмеялась.
Все пошли к хижине. Он разжег небольшой костер, чтобы разогреть вчерашнее блюдо и зашел в хижину за кастрюлей. Рядом лежала Кнопка и переливалась волнами зеленого света. Алена подошла сзади, сразу поняла и обняла его сзади.
- Может быть пора? - неуверенно прошептала Алена.
- Когда-нибудь все равно нужно это сделать… а потом мы вернемся сюда.
- Когда-нибудь, - прошептала она еле слышно. И они поняли, что сейчас сделают это. Она повернулась к двери.
- Алина!
Она прибежала только на второй раз.
- Что мам?
Позади нее появилась ее аборигенская взъерошенная тень.
- Слушай, Визг Радости, - сказал Он очень внушительно, - я тебе сейчас дам подарок для народа, который мы обещали. Ты сразу побежишь домой, не оглядываясь. Потому, что сейчас здесь будет очень страшно. Ты понял?
- А что будет?!
- Если ты увидишь это, то тут же сдохнешь! - Он вытаращил глаза, подражая мимике лидера, - Ты понял, что нужно делать?
Видно было, что понял и даже готов слинять, не дождавшись подарка. Поэтому Он быстро достал сверток с медом и протянул ему,

- Давай, беги прямо сейчас! Передай Каменному Яйцу, что мы еще вернемся!
Визг Радости схватил сверток, но тот оказался неожиданно тяжелым и выпал из рук. Его снарядили рюкзачком, и он моментально исчез.
- Алинен, - Алиса прижала ее к себе, - мы уходим в другое место. Ты помнишь, я тебе говорила?
- Да, мам. А я уже не увижу Визгунчика?
- Мы постараемся вернуться сюда. Мы все хотим сюда вернуться.
- А Бармаглотик так и будет стоять около привязанного маленького?
- Мы вернемся так быстро, что никто ничего и не заметит.
"А если не вернемся, то за нами все здесь приберут, как будто ничего и не было." - подумал Он и стало немного страшно.
Он наклонился и, не раздумывая больше, прижал палец к кнопке. Та вздрогнула под рукой, удивленно присвистнула, потом многообещающе вздохнула, и три широких зеленых луча ласково коснулись каждого из них.

- Если твоя любовь основана на привычках, на рефлексах влечения, стимулируется окружением и определенными формами любимой, то это не любовь, а физиологическая мотивация! - презрительно изрек Зам, - А вот если вы оба на самом деле приняли друг друга навечно, как самого себя, то, как бы ни менялось окружение, как бы ни менялся облик любимой или ситуация, это отношение сохранится.
- Кто-то проходил такое испытание?
- Что засомневался?
- Я… не знаю. Кажется, я-то смогу. А она - не знаю…
- Случалось немало тех, кто проходил. Ты передумал?

- Слишком это искусственно! Чуть ли не примитивно! Ну, что значит, "приняли друг друга навечно"?!
- А для того и испытание, чтобы все стало очевидно, старик. Готов? Поехали!..

Разочарование

Он не сразу решился открыть глаза и принюхался.
Ну и где эта нашатырная или как там ее, блин, аммиачная атмосфера!? Он с шумом втянул воздух с невероятной смесью множества запахов, и где-то в подсознании стало отчетливо ясно, что делается вокруг - как страничку книги прочитал.
Открыл глаза, и голова чуть закружилась: он оказался слишком высоко над травой. В землю упирались его мощные лапы. Широкие копытообразные когти глубоко вминали траву в податливую землю.
Что за фигня? Где чешуйчатый панцирь, как договорились? И это вовсе не холодная аммиачная планета. Трава, лес рядом. Это… да он же просто остался на Вечном Лете! Но кем стал? Он нервно хлестнул себя длинным и тяжелым хвостом по боку. Рядом раздалось тактичное мычание, удивительно понятное по смыслу: "ну и долго так стоять будем?". Он повернул тяжелую голову и обомлел. Рядом в ленивом ожидании толпилось стадо Альдебаранских диких слонов. На него чуть искоса, с затаенной наглостью посматривал рыжий самец, - главный конкурент за лидерство в этой стае. А он был их вожаком. Что это за сюрприз Зам устроил такой?! Где Алена и Алинка?!
Конкурент презрительно фыркнул и, неторопливо повернувшись к стаду, негромко промычал что-то явно превышающее рамки его положения. Придется опять приструнить наглеца… о господи, о чем это он думает?!
Он присмотрелся к коровам. Оказалось, что он всех их неплохо знает. И был уверен, что Алены с дочерью среди них нет. Во всяком случае, они вели себя самым естественным образом: отрешенно стояли, полуоткрыв пасти со свисающей между зубов недожеванной травой. Он смутился совсем еще свежими непрошеными воспоминаниями, но тут же одернул себя.
И тут в голову ударило: они остались на стоянке. Алинка - привязана к дереву, а Алена - рядом… Он торопливо пошел по едва виднеющимся в траве следам. Ему даже не нужны были эти следы. Он совершенно точно знал путь, откуда пришло стадо.
Позади раздалось недоуменное мычание, но он только нетерпеливо отмахнулся хвостом, и продолжил путь.
Довольно скоро он вышел из-за поворота леса, увидел стоянку и издалека корову с теленком. Она явно была ошеломлена и мотала головой, озираясь и жалобно мыча. Он с трудом побежал.
Со стороны это было чудовищное зрелище. Почва расползалась как кисель под исполинской тяжестью и гулкие удары лап о землю эхом отражались от стены леса.
Он сходу перескочил речку и, тяжело дыша, остановился перед коровой. Та в ужасе присела, уставившись на него растопыренными по сторонам глазами. Теленок отбежал на всю веревку и беспомощно забился, пробуксовывая лапами.
Он успокаивающе промычал, подошел к дереву, подцепил с земли копытом веревку и, накрутив пару витков, порвал как паутинку. Интересно, почему Она сама не сделала это? Эх, женщины…
- Не бойся, это я, - он повернулся к корове.
- О, господи! - в отчаянном облегчении промычала она в ответ.

- Не совсем то, что предполагалось…
Теленок удивленно смотрел на них, явно понимая.
- Это ужасно! - промычала корова, рассматривая гигантские подробности его тела. Он покраснел бы, если бы мог, хотя во всех отношениях чувствовал себя очень естественно.
Она тоже чувствовала естественность такого положения, и только остатки человеческого восприятия давали знать. Алинка же раньше видела диких слонов, и ей даже в голову не пришло воспринимать Его как-то иначе, чем просто одним из таких диких слонов.
- Они идут! - в панике промычала Алена.
Из-за изгиба леса бесшумно выплывало стадо, бредущее по следам вожака. Сбоку плелся рыжий конкурент, так и не сумевший убедить не следовать за ополоумевшим лидером.
- Не бойся. Им все пофиг. Пусть пасутся рядом, если хотят.
Она смотрела на него в задумчивом протесте.
- Знаешь, я к такому совсем не готова…

Он внимательно оглядел ее, прислушиваясь к своим ощущениям. С точки зрения диких слонов это была самка так себе. С трудом способная родить теленка, с маленьким выменем, которого едва хватит для нормального питания. К тому же нервная какая-то, не способная вдумчиво пребывать в неторопливой гармонии с окружающим, не спеша и тщательно доводя пережеванную траву в полуоткрытой пасти в ферментированное состояние, только и дающее полноценное питание. Дико-слоновьего влечения она не вызывала. Но это была его Аленка в коконе коровьей туши. Он закрыл глаза.
- Ален, скажи что-нибудь… - М-ммм-мммм-мм… Человеческий разум протестовал, а дикослоновий разобрал: "Я не хочу так…".
- Нам нужно привыкнуть.
- Зачем?
- Чтобы понять главное…
- Я уже поняла…
- Не спеши, милая, позволь нам хоть немного разобраться…
- Мммм-мам! Где ты? - если бы теленок мог плакать, это уже случилось бы.
- Вот как я скажу ребенку, где я?!

Алена грузно и неуклюже подошла к Алине, бьющей хвостом по бокам, и успокаивающе-ласково облизала ее мордочку. Слоновий вид нисколько не помешал ощущать неразрывную привязанность к дочери, чего не было сейчас и в помине в отношении к Нему, а была только досада за то, что случилось и острый протест.
Подошло стадо и неторопливо разбрелось вокруг. Рыжий дикий слон подковылял к Алене и, играючи, боднул ее в бедро. Та в панике отшатнулась, и рыжий удивленно похлопал мохнатыми веками. Кажется, такое кокетство завело его, и он проявил напористость.
- Эй, ты! Отвали от нее! - зверея от ярости, протрубил Он.
Рыжий изумленно повернулся и целую минуту размышлял. Наконец он сформулировал:
- Это моя самка! Ты сам мне ее оставил!
Кажется, он нарушал какой-то закон стаи, но сейчас ему было наплевать.
К ним повернулось несколько голов, и легкое любопытство мелькнуло в их глазах.

- Слушай, я не хочу быть больше лидером! Теперь ты - лидер. Это твое стадо и все коровы тоже твои. Кроме этой. А теперь уведи их отсюда!
- Тогда я сейчас сломаю тебя! - победно промычал рыжий и напыжился, готовясь.
- Это я тебя сломаю, дурак! - взревел Он с такой силой, что несколько коров сбросили горячие лепешки на траву.
Стадо в замешательстве топталось, глядя на них.
Он инстинктивно правильно опустил голову и двинулся на рыжего.
- Вали отсюда со своим стадом!
У рыжего в последний момент не хватило духу, и он отпрянул. Стадо удовлетворенно вздохнуло и радостно подалось к победившему лидеру.
- А ну валите отсюда все за ним! - заорал Он и двинул на стадо. Слонихи неуклюже разбежались, а слоны испугано попятились. - Пойдем отсюда! - замычала Алена и быстро направилась к лесу. Теленок последовал за ней. Он догнал их, поминутно оглядываясь. Никто не решился увязаться следом.
За первыми деревьями они остановились. Он чуть ли не физически ощущал ее состояние, ее смятение, лихорадочные поиски того, что соединяло их еще недавно, поиски потерянной драгоценности и разочарование оттого, что эта драгоценность, может быть, всего лишь стекляшка, которая перестает сиять, чуть только изменилось освещение.
- Послушай, на самом деле все гораздо проще… Мы вместе, что еще нужно? И на остальное можно смотреть с улыбкой. Поэтому мы и решили попробовать… Тебе разве самой не интересно?
- Я не могу так… На тебя страшно смотреть!
Он чувствовал, что любые слова сейчас неуместны, что сейчас вообще все стало неуместным. Она теряла надежду на то, что может иметь что-то более глубокое, чем комфорт, когда все вокруг хорошо. И осталась бесконечно одинокой в душе. А ведь она - фея. Похоже, феи могут оставаться собой только в своем феерическом мире. Какое разочарование...
А она снова отчетливо вспомнила, почему в тот роковой раз ушла от него, стоило только измениться обстоятельствам. Как сейчас, когда непонятный протест поглотил все ее чувства… Может быть, она устала. Может быть, она вообще не способна.
- Не могу, прости… Я хочу, чтобы все было привычно и хорошо. Я не хочу видеть тебя таким! Я не хочу нежности дикого слона!

Бытие

- КУ-КУ!!!
Опять комп на ночь не выключила! - Алена вскочила с кровати и в темноте подошла к компьютеру. Развернула окно сообщения: "Аленка, зайди на сайт". И адрес. Незнакомый ник, реклама, конечно. Хотела стереть, но что-то ее остановило. Кто же так может называть ее?
Она скосила глаза на Анатолия. Тот чуть посапывал в полумраке, приоткрыв рот, как ребенок, которому кто-то рассказывает интересную сказку.
Она кликнула по ссылке.
Странный сайт. На весь экран просто несколько сточек: "Алена, я не могу общаться с тобой в мессенджере, это очень трудно для меня. Удается только медленно набирать текст, используя непосредственно машинные коды. Ужасно. Ты очень хорошо знала меня. Мы встречались в твоих снах... Помнишь Вечное Лето..."
Алена похолодела. В висках сильно застучало, и она заставила себя дочитать до

конца: "... сейчас я - твой сын. И это - единственный способ, которым я могу тебе что-то сказать, пока не подрос...".
Она тупо смотрела на грустный смайлик, которым заканчивалась последняя строчка.
- Что там у нас, Аленушка?
Горячая ладонь легла на ее плечо, и голова Анатолия чуть коснулась ее щеки. Бесконечно тягучие мгновения они оба всматривались в экран, и Алена не способна была даже шевельнуться.
Ладонь на ее плече потяжелела. Наконец Анатолий отстранился, разорвав круг ставшей невыносимой близости.
- И что, ты это действительно видела во сне?
Сознание Алены сжалось в мирок маленькой напуганной девочки, опять уличаемой в чем-то нехорошем.
- Нет... - не моргнув, соврала она, слегка поежившись от прохлады, но не решаясь накинуть на себя что-нибудь.
- А ведь тебе действительно что-то снится... Твой несчастный ловер?
- Не говори так!.. он умер, ты знаешь.
- Ага... ушел из жизни, где не смог тебя достать, чтобы доставать после смерти? - с неожиданной злостью прошипел Анатолий, - А вот щас отпингуем шутника.
Он со второй попытки правильно набрал строку, запустил трассер и удивленно застыл.
- Это ж просто мой сервак, черт!.. Как эта тварь так все замаскировала?
Он вскочил и принялся торопливо одеваться.
- Куда ты?
- Должен же я разобраться, пока сеть не накрылась! Там же явно троян завелся!
Громко захныкал проснувшийся ребенок, и Алена взяла его на руки. Он сразу потянулся к груди. Движения Анатолия замедлились, и он с неприязненным интересом уставился на них. Алена в невольном смущении отстранила ребенка. Как она теперь будет кормить Его? Все казалось нереальным.
- Что же ты не кормишь? - с деланным спокойствием спросил Анатолий, резко застегивая молнию на ширинке.
Алена посмотрела на качающуюся спросонья головку ребенка и приложила его к груди. Тот невинно зачмокал.
Анатолий резко повернулся, толчком бедра распахнул дверь и вылетел из комнаты. Хлопнула входная дверь, и звуки его ботинок простучали вниз по ступенькам.
Алена отняла грудь, надела халат и вновь взяла ребенка. Он кривил ротик, не раскрывая глаз, готовый закричать. Она дала ему набухший сосок, и с каждым движением жадных губ волны томительной неги разливались по ее телу.
- Господи, это какое-то сумасшествие... - прошептала она, вспоминая прошлый сон, где она опять жила вдвоем с Ним в джунглях райской планеты неподалеку от веселого племени оливково-сиреневых аборигенов. Теперь она уже не думала, что это - только плод ее воображения.

Традиционное утреннее молчание в выходной день протекало за ленивым поглощением пережаренных оладий. Рыжик не выносил оладий. Он подбрасывал вверх "вкусные и питательные" подушечки сухого завтрака и ловил их ртом. Это не пресекалось. Когда еще как не в детстве учиться ловкости. "Примерно шестьдесят процентов попаданий" - мысленно констатировал Анатолий.

- Нашел трояна? - осмелилась поинтересоваться Алена.
Анатолий чуть помедлил, дожевывая кусок.
- Не было трояна. Сервак абсолютно стерильный.
- Вообще ничего не нашел?
- Или я уже не на уровне и просто не могу угнаться за прогрессом или это ну очень крутой хак.
- Пап!
Алена строго посмотрела на сына.
- Ты опять перебиваешь, когда родители разговаривают?
- Ага, как только мне захотелось вам сказать, вы тоже начали говорить!
- Ладно, зародыш, - улыбнулся Анатольий, - Что ты хочешь?
- Па, а когда вы разводиться будете?
- Что?! Кто тебе сказал, что мы разводиться будем?
- Танька говорит, что шнурки всегда разводятся. Так жить скучно, а когда разведетесь, па будет приходить в гости всегда с подарками, и все будут радоваться!
- Опять Танька?! - посуровел защитник семьи.
- Да не только Танька, па, Мишке тоже везет - шнурки разводятся, а мне не везет...
Рыжик обижено насупился.
Анатолий примирительно потрепал сына по взъерошенным волосам.
- Ну, понимаешь, это же не такое простое дело, взял и развелся...
Стук отброшенного Аленой ножа прервал его объяснения.
- Так, - со зловещей ухмылкой Алена крошила оладий пальцами на стол, - а в чем тут дело? Сделай сыну подарок!
- Аленушка, ну зачем ты так…

Конец вечного лета

И была ночь, и опять был Сон.
Он стоял в короткой футболке и улыбался, едва загоревший под огромным багровым солнцем, занимающим половину бездонного зеленого неба и окутывающим ласковым теплом со всех сторон сразу.
На этот раз она не обняла его сразу же.
- Я думала, что это - сон, - сказала она тихо в смущении, - как ты это делаешь?
- Это и есть сон. Только наш общий.
Они неловко помолчали.
- А ты знаешь, что ты - фея? - спросила Он вполне серьезно, - Мне кое-кто авторитетно сообщил.
Алена удивленно взглянула на него.
- Совсем не хочется шутить… - прошептала она. Какое-то дежавю вдруг запросилось наружу. На мгновение показалось, что она может вспомнить как это: любить кого-то вне зависимости от всего, это не удавалось ухватить, но это точно жило где-то глубоко в ней. Любовь феи.
Она растеряно присела на Алинкин спальник, розовеющий у ног среди высокой травы, и тот послушно оформился в удобное кресло-качалку. Казалось, что она жила здесь всегда.
Алена виновато, с бессильной нежностью посмотрела на Него. Он подошел, ласково коснулся ее волос, запустил пальцы в длинные шелковые локоны, и принялся, не спеша, перебирать их. Она так любила это.
- Помнишь нашу первую ночь здесь? - спросил он.
- Конечно!.. Мы плясали у костра, дико разрисованные, и потом музыка долго

еще звучала у нас в головах...
- И когда на небе взошли луны, мы уложили Алинку спать и пошли к реке...
- Мы отошли совсем недалеко, - засмеялась она, - обнялись и стали танцевать... а музыка играла у нас в головах...
Она посмотрела на их хижину с огромным темно зеленым зонтиком листвы над ней и с ровным кругом вытоптанной травы, скользнула взглядом по валяющимся ракеткам е-тенниса, небрежно брошенных после игры, увидела чуть дымящийся еще со вчерашнего вечера костер, кастрюлю с молоком дикой слонихи, матово белевшего на самом донышке, гроздь непочатых плодов бутылочного дерева и жуткий скорчер, висящий на раскрытой двери, которую когда-то она так старательно сплела из коры. Чуть дальше знакомый лес высоченными стволами с плоскими зонтичными кронами подпирал собою небо.
- А где наша дочь? - спросила она.
- Они с Визгом Радости побежали играть к своим пушистикам. Кстати, ты нисколько не изменила своего отношения к ней пока она была слоненком, а меня принять не смогла.

- Она же моя дочь! - возмутилась Алена и тут же глубоко задумалась.

Потом она слегка нахмурилась.
- Да, это неправильно получилось, но я ничего не смогла с собой поделать, принять тебя как родного... И этот Рыжик здесь показался чужим... я чувствую себя такой виноватой... Он - как будто и не мой сын...
- Здесь он - сын того воинственного пикникиста, который вломился в наш мир...
- Я не знаю, что будет дальше, - вздохнула она, помолчав, - а ты знаешь?
- Ну, ясно, что я могу жить только здесь...Он улыбнулся, - Вчера вот Каменное Яйцо сказал, что у его Народа кончился Восторг Дикого Слона. Нужно сходить к пчелам.
- С тех пор как это перестало быть для них смертельно опасным, когда ты начал добывать Восторг, они слишком увлекаются им.
- Все неудержимо стремятся к удовольствию, даже если оно призрачное, - он нежно прижал толстые пряди к ее щекам.
- А нам здесь и не нужен был этот дикий мед, - тихо прошептала она, - все было и без него так хорошо...
- Этот мир сам - все лишь наше призрачное удовольствие...
- Почему же, когда я узнала, что мы на самом деле здесь вдвоем, то стало так грустно?
Он вздохнул и, помедлив, тихо сказал.
- Наверное, призрачное счастье - это не то, что на самом деле нужно. А нужно только настоящее... Не стимулированное извне, а собственное, не зависимое от условий.
Она застыла в задумчивости. Но почему?! Какая разница?! По-детски беззащитный протест сжал ее грудь. Где оно, настоящее? Алена нетерпеливо дернула плечами и проснулась.
Лампа едва освещала лежащего рядом с открытыми глазами Анатолия. Тот повернул к ней голову.
- На этот раз ты спала спокойно, - заметил он.
Она привстала на локте.
- А ты всегда за мной так наблюдаешь?
- Я уже привык. Дело в том, что я просыпался каждый раз, когда ты довольно беспокойно переживала...

- О, господи... - она склонила голову, потом долго всматривалась в него и, наконец, всхлипнув, прижалась к его груди.

Заговор прошлого

- Чесноком воняет, - недовольно проворчал Он.
- Что ты гонишь? - возмутился Зам, - Как тут вонять может?
- Не знаю, у меня всегда в тесноте такое ощущение...
- Тебе развлечься бы надо, - сочувственно заметил Зам, освобождая побольше пространства.
- А ты-то чего тут отбываешь со мной? Что тебя держит?
- А то же, что и тебя. Знаешь ли, если тебе вышло воплотиться в ограничивающую форму, то особенно не повыступаешь, кем бы ты ни был. Другое дело, что во многом для меня это - пустая формальность.
- Тут же явно какая-то ошибка, в одном теле - двое...
- Ха, еще и не такое бывает! Ну что, пойдем развлечемся? Угощаю, я добрый. В свой-то мир ты меня ни разу не позвал...
- Потому, что ты к феям неравнодушен.
- Злопамятный какой.
- Да нет, шучу. Рушится мой мир. Не получается там счастья.
- Надоело?
- Нет, другое. Не трогает по-настоящему то, что не настоящее. Там все может быть в десять раз ярче и красивей, но это как на красивую картинку смотреть.
Не жизнь, а просто призрачная мечта, хоть даже и осязаемая. В принципе какая разница, что к зрительности красивой картинки добавились еще и осязание, и другие чувства?
- И все же, чем это от жизни так отличается в худшую сторону?
- Помнишь, мы побывали в каком-то экзотическом месте? Там все было такое интересное и удивительно красивое. Но совершенно не такое, к чему я привык. Все воспринималось несерьезно, как игра. Не доставало. Даже тебе там быстро осточертело.
- Ну, естественно, - Зам потянулся в своем демоническом величии, - Мне, в общем-то, по фене вся эта красота. Я во вселенной и не такое видел. Меня это не трогает. Важно не то, что сейчас происходит, а то, зачем это и к чему приведет.
- Вот-вот, не трогает, никаким боком не касается. И вся эта сказка ни к чему не приведет, когда дойдет пусть до самого счастливого конца.
- Но в том мире ты же был не один, - Зам безжалостно ухмыльнулся.
- Оказывается этого недостаточно... Я же вижу, что она хоть и не осознает почему, но понимает, что это не жизнь. Наверное, нужно, чтобы все вокруг соответствовало тому, к чему ты всю жизнь приспосабливался и что для тебя небезразлично. Нужны проблемы и цели их решения. А без этого наступает апатия и пустота. Ведь даже когда в другое место переезжаешь, которое достаточно сильно отличается от того, где ты жил, тебя начинает ломать. А может быть, дело в чем-то другом. Не знаю.
- Привязка к собственному телу и его реакциям.
- Да я и есть - мое тело... Только сейчас у меня появляется какой-то бестелесный опыт, но это уже какой-то другой я получаюсь.
- А тоже может вылиться в интересное, вот я знаешь до чего дошел. Тебе нужно отвлечься. Ты не против, надеюсь?
- Ну и куда мы на этот раз?
- Да... явно ты сейчас не способен радоваться ничему, а лишь переживать свое

дурацкое состояние. Будем лечить по методу доктора Фрейда. Хочешь увидеть ее прошлое? То, что между воплощением феи и тобой?
- Как это?
- Поехали...

Это было

Парень-ингуш, жизнерадостный и, как показал случай на дискотеке, отважный, разительно отличался от других студентов. Он смотрел на мир с еле заметной чуть удивленной улыбкой, с каким-то неуловимым превосходством и снисхождением, как будто сам был здесь всего лишь на экскурсии. На той самой дискотеке они и познакомились. Танцевал он классно! Он был такой деликатный и всепонимающий! Раньше Алена испытывала явную неприязнь к кавказцам и когда подружки сказали, что Бог (так сократили его имя сокурсники) - ингуш, удивилась: ни его лицо, ни манеры никак не выдавали этого.
На пары иностранного нужно было ходить в соседнее двухэтажное здание - старое и обветшалое, какими-то претензиями в архитектуре, напоминающее старинный замок. Воздух здесь даже в жаркие предлетние дни веял прохладой, рождавшейся из неведомых глубин запутанных коридоров. После иссушающе нудного матанализа, во время которого можно было выживать, только играя исподтишка с соседом в одну из молчаливых игр или с сосредоточенным вниманием прижав руку с наушником плеера к голове, прогуляться через тенистый парк к инфаку было в кайф. Никто не спешил, и весь курс растянулся вдоль аллеи, останавливаясь у киосков, покупая пиво и запасаясь газетами от предстоящей скуки.
- Вчера химики зачет сдавали и преподы в инфаке в отрубе! - болтала рядом подружка, - Им сто-о-олько спирта налили! Говорят, что со всех лабораторий всякие спиртовые растворы вместе смешали, включая фенолфталеиновый индикатор! Через часок преподов три скорых помощи увезли, по одному осторожно выводя из туалета! Зачет аннулировать не посмели, но теперь даренный спирт сначала проверяют.
Алена слушала вполуха, с волнением думая о том, что ответить, если Бог с ней заговорит. Он шел где-то позади и его смех изредка слышался среди других голосов. Она сама себя не узнавала, но это ей нравилось.
Она первой открыла тяжелую дверь, сквозняк пахнул сыростью из полумрака. Вместе с подружкой они поднялись по глубоко истертым каменным ступеням. Вторая дверь, легкая и нелепая, громко хлопнула, спружинив, и они вышли в короткий пролет коридора.
- А-а-а!!! - взвизгнула подружка и присела, накрывшись сумкой.
Над головой, чуть не касаясь волос, пролетело что-то большое, не похожее на птицу. Из обоих изгибов коридора навстречу остолбеневшим подругам понеслись стремительные тени.
- Опять мыши! - радостно крикнул кто-то позади. Парни принялись подпрыгивать, пытаясь поймать верткие твари. Алена одна стояла заворожено, не закрывая лицо как другие девушки, и мыши пролетали мимо одна за другой, широко распахнув крылья, иногда слегка касаясь волос.
- О, блин! - раздался победный вскрик. Алена обернулась. Бог радостно скалился с интересом рассматривая мышь в своих руках. Он поднял сияющие глаза и увидел Алену.
- Смотри, какая прикольная!
Она невольно отшатнулась, столкнувшись взглядом со злобными бусинками над

ужасающе клыкастой мордой хищника.
Бог с некоторым сожалением убрал руку.
- Не бойся их, они безобидные!
- Какой ужас... Тебе не противно?
Последняя мышь из стаи улетела за поворот коридора, шум крыльев и пронзительный писк стихли.
- Вчера из-за жары здесь скопились комары, - объяснял очкарик с биофака со смешной дикцией, - а где комары, там и мыши. Наверное, гроза будет.
Алена с Богом пошли рядом. Бог незаметным движением отшвырнул прочь мерзко посвистывающее существо.
- Я видал такое, - он вдруг немного посерьезнел, - что по сравнению мне уже ничего не кажется противным.
Алена озадачено промолчала, пытаясь вообразить, что же это может быть, вероятно связанное с нечеловеческой жестокостью в трагических ситуациях кавказской специфики.
Он мельком взглянул не нее и рассмеялся.
- Нет, не то, что ты думаешь!.. Меня даже многие родственники за своего не считают.
Она улыбнулась в ответ, ощущая приятную близость к этому необычному парню.
Они вошли в аудиторию и как-то само-собой уселись рядом. Подружка, внезапно лишившись насиженного места, поджала губки, и вызывающе бросила сумку на стул поодаль.
Смотри! - Бог неторопливо разжал кулак и Алена, готовая увидеть любую гадость, невольно залюбовалась странной звездой из тусклого серого металла в мельчайших затейливых узорах.
- Что это?
Хлопнула дверь, и внезапная тишина возвестила о начале пары.
У препода на одутловатом смертельно бледном лице четко вырисовывались темные круги вокруг воспаленных глаз.
Он неудачно присел на край стула, чуть не опрокинувшись, судорожно удержался обоими руками о край стола и с трудом выправил координацию.
- В четверг зачет, - гнусной хрипотцой выговорил он и некоторое время молчал, казалось, забыв на чем остановился.
- Так вот. Убедительно... - он шмыгнул, - повторяю, прошу оччень убедительно к нему подготовиться! Учитывая, что теперь все уже знают, как идентифицировать отраву.
А потом началась лекция временных форм английского языка. Хриплые с трудом рубленные фразы проплывали как бы мимо нее.
"Наверное, вот так и говорили пьяные портовые грузчики в Англии, блин", - подумала она, с внезапным раздражением взглянув на препода.
Так, а ведь "блин" - не ее слово, тем более неуместное для мысленной фразы. Откуда она его подцепила? Господи, ну, конечно же: так говорит Бог! Ты что, западаешь, девочка?..
Алена украдкой скосила взгляд и опять увидела блеск удивившей ее звезды на его ладони, чем-то напоминающей какие-то древние магические амулеты.
Алена сердито тряхнула головой. С английским у нее упрямо нелады. Как же она теперь сдаст зачет этой мстительной твари?
Ее тронули под локоть. Бог с еле заметной улыбочкой протянул записку: "Знаю, что ты хочешь без проблем сдать зачет".
Она широко раскрыла глаза и чуть наклонила голову. Потом быстро написала:

"Нехорошо подсматривать чужие мысли!".
"Мне можно!".
"Потому, что Бог?".
"Бог - есть любовь, между прочим!".
"О-о-о-о....".
"Так хочешь?".
"Всенепременно, но как?".
"Доверься мне, заблудшая...".
- Вот хэв ай толд нау-у-у-у?
Она сразу не поняла, что означает этот неприятный окрик над ее головой и испугано вскинула голову. Препод выжидательно фокусировался на нее. Его щека под левым глазом чуть заметно подергивалась и это гипнотизировало до оцепенения. С шумом поднялся Бог:
- Сэр, вы спросили: "Что я сейчас сказал", сэр.
Он выдал это так искренне невинно, что препод восемь долгих секунд просто наслаждался возникшей вокруг полной тишиной, потом согласно кивнул.
- Ладно, группа, сегодня мы все, видимо очень невнимательные, - он остервенело потер дергающуюся щеку, - И не в форме, - он с тоской взглянул на часы, - я оставляю вас наедине с вашей совестью! - он зашуршал к двери, не в силах поднимать подошвы над полом, - В четверг я буду беспощаден, - ему почти удалось не задеть косяк двери, но в последний момент, все же, крепко зацепил плечом и зашипел от боли уже где-то в коридоре.
Нетерпеливо выждав несколько мгновений, группа радостно взвыла, и все вскочили с мест.
- Итак, милорд? - требовательно спросила Алена.
- Вы доверяетесь мне, леди? - осклабился Бог.
- Я доверяюсь не вам, а вашей чести, - Алена потупила глазки.
- Тогда вперед!
Они почти выбежали в разогретый солнцем мир, глотнули воздуха, пахнущего цветущими каштанами. Бедная забытая подружка шла, поджав губки, далеко впереди.
- Мой кадиллак чуть дальше, - Бог махнул рукой.
- Философию кидаем? - деловито осведомилась Алена.
- Для разнообразия предложу тебе сегодня совсем другую философию, - таинственно подмигнул Бог.
Они уселись в старенькую мазду.
- Пристегиваться?
- Лохи пристегиваются, - махнул рукой Бог, - наша судьба в моих руках!
Вскоре они лихо подкатили к воротам частного домика.
- Как интересно! - Алена позволила принять ее ручку и помочь выбраться, - Ты здесь живешь?
- Нет, что ты! Здесь собираются интересные люди.
- О, господи, - Алена неуверенно приотстала, - Баптисты, что ли?
Бог звонко рассмеялся. Нет, так баптисты не смеются.

В обставленной под старину или в самом деле старинной комнате чем-то сладковато-вкусно пахло. Алена с интересом обвела взглядом необычные предметы.
С дивана вскочил лохматый тип хиповатого вида.
- Новообращенная? - вкрадчиво осведомился он неожиданно красивым голосом.
- Да ладно тебе прикалываться! - отмахнулся Бог, - Алена, это - Саша-гуру.

Они изобразили галантное взаимоприветствие, сразу после чего Саша-гуру сменил маску на озабоченную.
- А у нас проблемс.
- Да ну?
- К Людочке муж из Германии на днях прикатывает, вроде как раскаявшийся.
- И?
- Она хочет с ним уехать, но местная карма не пускает... Ну, опрометчиво изменяла ему.
- Чем мы способны помочь? Зациклим по сердечным чакрам?
- Неестественное вмешательство...
- На то и искусство, чтобы выглядело все естественно!
- Я так и думал, покорно вздохнул Саша-гуру, - даже приготовил орудие, - он махнул рукой на промятый диван, на котором лежало ружье.
- Полагаешь добыть голубей? - засомневался Бог.
- Самое верное средство.
Алена начала ощущать себя лишней. - Может быть я - в другой раз? - виновато спросила она.
- Нет, что ты! - Бог наградил ее своей неотразимой улыбкой, - Это как раз то, что нужно! Мы сейчас будем творить счастливую судьбу нашей Людочке. Ты же всегда хотела чего-нибудь по-настоящему необычного? А потом сама научишься делать свою судьбу, в том числе и с зачетами.
Да, Алена всю жизнь страстно хотела чего-нибудь необычного, и Бог видел ее насквозь. Она улыбнулась в ответ.
- Подождешь меня здесь или поедешь со мной?
- Ну, поехали!
Бог взял ружье, и они вышли.
- Едем на мелькомбинат, - пояснил Бог, когда они бесцеремонно и лихо обгоняли законопослушных лохов, - Там голубей полно и там они - никому не нужное зло. А это, - он кивнул на ружье, лежащее на заднем сидении, - хорошо пристрелянная пневматика. Нам нужно добыть штук десять тушек для процесса.
- Птичек жалко, - вздохнула Алена, с удивлением прислушиваясь к себе и не находя соответствующей жалости.
- Тебе никогда не хотелось побыть амазонкой? Как ты относишься к богине Артемиде?
- Которая богиня-охотница?
Бог скосил на нее одобрительно оценивающий взгляд.
- Тебе бы очень пошел ее смелый наряд и лук в руках!
- И чтобы рядом по лесу брела молодая косуля!
- Да!
Коротко взвизгнули тормоза и их резко качнуло вперед.
- Ка-а-азел!!! - заорал Бог кому-то в открытое окно и опять рванул вперед.
Размечтавшись, Алена даже забылась, и пришла в себя, когда они уже выехали из города и остановились у последнего киоска, где Бог прикупил флакон спиртного.
Недалеко, у заросшей деревьями речки, стояли неопрятные колонны мелькомбината. Радом пристроился домик, огороженный ветхим забором. Дорога, посыпанная щебнем, проросла травой с веселыми цветочками. Из-за забора крепко пахнуло свежим навозом. Сморщив нос, Бог с брезгливой улыбкой взглянул на Алену:
- Природа!

Может быть, пока ехали у него были и более романтические планы насчет того момента, когда они окажутся в этом уединенном месте, но сейчас он, захватив флакон, потянулся за ружьем, вылез и обошел, чтобы принять Алену, но та поторопилась выбраться сама, примяв густую, невысокую траву. Ветер сменил направление и запах пропал.
- Тут нет никого?
- Это не нам, - улыбнулся Бог, чуть приподняв бутылку, - Один дядька бдит здесь!
- Что-то голубей не видно за забором!
- Там они все. Ленивые и тупые.
Они пошли не спеша.
- Вроде недолго ехали, а засиделись, - подивилась Алена, чувствуя некоторую неловкость в движениях.
- Место такое, - значительно глянул на нее Бог, - отдаем некий должок в виде энергии за наши намерения...
Какой еще должок? Алена потянулась, разминая тело, нисколько не стесняясь, счастливая оттого, что вместо пары по философии оказалась за городом.
- Дай-ка, - попросила она, взяла неожиданно тяжеловатое ружье и принялась по пути разглядывать его.
- Ты стреляла раньше?
- Давно уже, - она усмехнулась и, навела прицел на разбитый фонарь над распахнутой калиткой в широких деревянных створах комбинатского забора.
- Эй, не балуй! - осадил ее хриплый окрик.
Алена удивленно осмотрелась и увидела поодаль неказистого лысоватого мужичка, с густо отросшей бородой.
- Чего, опять за горлицами? - как-то плотоядно хохотнул он, подбираясь ближе.
- Привет, Димон! - вопросительной интонацией уважил Бог и протянул бутылку.
- Ну, чо, пойдем тогда и разольем на троицу! К моим огурчикам.
- Сорри, Димон, - Бог болезненно улыбнулся, - такая охота всегда выпадает нежданно. Нужно поспешить.
- Ладно тогда, бывайте счастливо! - мужик с плохо скрытым разочарованием некоторое время смотрел вслед.
За забором открывался вид как в американском фильме о послеатомном будущем. Зияли дыры окон и дверей среди крошащихся кирпичных стен, ржавели какие-то огромные железяки и зарастали кустарником открытые места.
- Димыч тут иногда готовит муку для одной пекарни. Они прошли насквозь большущее здание, пересекли двор и Алена увидела голубей. Здесь действительно оставались следы недавней деятельности. Повадками эти голуби не были похожи на городских. Они подпустили метров на десять и перелетели подальше.
- Ну, амазонка, давай, покажи класс! - Бог вынул из кармана горсть маленьких стрелок.
- Ой, я такие пульки не видела!
- Они намного сильнее и точнее бьют.
Алена взяла одну, переломила ружье и вставила стрелку треугольным металлическим кончиком так, что торчал только красный пластмассовый отражатель. Недолго целясь, она выстрелила и голубя отбросило, взметнув вырванные перья.
- Молодец, надо же! - восхитился Бог и чмокнул ее в щечку, - а ну еще!
Вдохновленная Алена улыбнулась с хищной радостью в глазах, и ее второй выстрел оказался не менее удачным, хотя птицы обеспокоено суетились и не

стояли на месте.
- Может хватит? - спросила она.
- Нужно штук десять. Ты классно стреляешь! Давай теперь я.
- Нет, я! - она по-детски упрямо мотнула головой и снова вскинула ствол.
Голуби, наконец, почуяли опасность, но стая всего лишь перелетела в другое место рядом. Даже не приближаясь, Алена легко сбивала одну птицу за другой.
- Хватит! - Бог взял у нее ружье, и они пошли собирать добычу. И вот тогда, когда Алена вблизи разглядела перебитую шейку одной из жертв, сначала где-то в глубине шевельнулась жалость, потом она прорвалась и ужасом наполнила ее душу.
Алена оцепенело стояла, не в силах отвести взгляд от маленькой белой косточки с просочившейся кровью, торчащей из вывернутой под жутким углом шеи. А Бог с любопытством наблюдал за ней.
- Господи, - выдохнула она.
Теперь она не была амазонкой и не было радостного возбуждения. Да ей же просто хотелось показать себя Артемидой перед Богом!..
- Птичку жалко? - напомнил он с сочувствующей улыбкой.
- Знаешь... я ведь котят больных домой таскала... И не выносила, когда живую рыбу разделывали.
Она чувствовала, что явно не на высоте, но ничего не могла с собой поделать.
- Прими это вроде первого урока новой философии, - тихо и медленно сказал Бог.
Она с надеждой посмотрела на него.
- Люди едят мясо, но ханжески начинают причитать, когда видят, как перед этим животное забивают и разделывают. Нужно быть выше этой тупости. Ты понимаешь?
Она чуть кивнула головой.
- Да, мы хищники и в этом нет ничего плохого. Только полный урод стыдится самого себя. Понимаешь?
- Да...
- Ну, а если понимать еще выше, то нет ничего плохого даже и в нашей собственной смерти, не говоря про этих пташек.
Теперь она точно не понимала.
- Аленушка! - Бог ласково ей улыбнулся, - Ты - чудесная девушка, я тебе точно говорю! Ты умница и все скоро поймешь!
Еще недавно она чувствовала себя глупой девочкой и хотелось без оглядки довериться ему. Но наваждение медленно сходило, и ей показался примитивно унизительным полученный "урок". Какого черта? Бог поблек и от него осталась одна кличка...
Она, конечно, доиграет до конца это приключение, чтобы не выглядело глупым кокетством. Почему бы и не доиграть?
- Ладно, мы, кажется, куда-то спешили, Бог, - усмехнулась она и, присев, принялась небрежно бросать в пакет добычу.
Они сели в машину.
- О, как нагрелась, прямо сауна! - воскликнул он, стаскивая с себя футболку. С безупречной естественностью Бог положил руку ей на плечо:
- Тебе помочь?
- Ноу.
Чуть опешив под ее взглядом, рассмеялся:
- Сорри. Все будет прекрасно, вот увидишь!
Всю дорогу они молчали.

Колдуны

Около таинственного домика стояла очень даже представительная тачка.
- О, Толян подъехал, - искренне обрадовался Бог.
- Кто это?
- Очень продвинутый человек. У него есть чему поучиться. Сегодня, может быть, поработаем вместе.
Он натянул футболку, выгнулся чтобы взять ружье и пакет и вылез, даже не пытаясь успеть подать руку. Алена уже стояла, на легком ветру поправляя длинные волосы.
Бог отворил тяжелую скрипучую калитку, они поднялись по скрипнувшим ступенькам и зашли в комнату.

На диване сидела незнакомая девушка и высокий парень, перебирающий струны гитары. Он поднял глаза, они встретились взглядами, и тихая музыка замолкла.
- Алена, это Анатолий! - Бог подвел ее за локоток к дивану.
- Очень приятно, - чуть растеряно сказал парень, отложил гитару и поднялся.
- Взаимно! - Алена улыбнулась, - Лестные слова о вас я только что слышала!
- Да? - Анатолий ухмыльнулся, - А мне и слов не надо: я прекрасно вижу, что за удивительная девушка передо мной.
- Ну, конечно, ну конечно! - Бог нервно хохотнул, - Анатолий у нас, безусловно, человек Видящий и от него невозможно скрыть правду! Ты в этом еще не раз убедишься.
- Не пугай так, Алену! - с нестрашной угрозой повел бровью Анатолий.
- А это, знакомься, - Бог чуть потянул Алену в сторону, - это наша несравненная Людочка, ради которой мы и добыли голубятину.
- Время не ждет! - раздался позади красивый баритон Саши-гуру, - Пора и средство готовить.
- Что за средство? - заинтересовалась Алена.
- В дремучем невежестве средневековья оно называлось приворотным, - с ироническим скепсисом пояснил Анатолий, - Если все сделать правильно и дать съесть тому, кого желаешь, то оно способствует неизбежному установлению сильнейшей связи.
- О, я бы не отказалась от такого! - засмеялась Алена, игриво поворачиваясь к Богу.
- Значит, сделаем и для тебя! Польщенному Богу вернулась его уверенность и он, подняв пакет и подхватив Алену под ручку, повел на кухню.
- Процесс требует стерильности, точности и священнодействия огнем!
Он вынул из шкафчика аптечку, разложил салфетку на столе и поставил флакончик со спиртом.
- А курочек ощипывать опять мне? - капризно пропела вошедшая Людочка.
- Я помогу! - пообещала Алена.
Тушки бросили в тазик и ошпарили из закипевшего чайника. Клубы пара разнесли по комнате удушливую вонь.
- Да они, наверное, ни разу в жизни не купались! - воскликнула Алена, смешно морща носик.
- Какие противные! - проворчал Саша-Гуру, - брезгливо скосившись на первую облысевшую тушку.

Непропорционально маленькое, синюшное тельце жестко брякнулось в глубокую тарелку.
- А ведь их едят некоторые гурманы! - продолжал комментировать Саша-гуру.

- Меня не заставить! - заявила Людочка, ловко выдирая перышки целыми прядями.
- Да откройте же окно! - взмолилась Алена.

Бог мгновенно выполнил ее волю, и свежий воздух ворвался в комнату.
- Так, теперь нужно выбрать самую подходящую печень, - Саша-гуру принялся сноровисто вспарывать тушки. Анатолий с омерзением прищурившись вглядывался в них.
- Вот! - он уверенно ткнул пальцем.
- Итак, кто у нас пожелал владеть роковым перстом судьбы? - Саша-Гуру с садисткой ухмылкой открыл флакончик, достал ватку, иголку и блюдце.
- Ну, я, - выдохнула Людочка, заметно побледнев.
- Садись!
- Я боюсь! - взвизгнула она, - Ты же, гад, кольнешь очень больно!
- Ну, что ты, родная!.. - Саша-гуру счастливо сверкнул золотым зубом, - Я буду нежным и ласковым!
Людочка присела на краешек стула, уткнув голову в локоть, глубоко спрятала нос и трогательно напряглась. Саша-гуру взял ее руку, и она вздрогнула. Он погладил ее ладошку, не спеша смазал спиртом, и неожиданно вонзил иголку в подушечку указательного пальца.
- Ой!!! - Людочка подпрыгнула, - Ну, что стоишь! Дави ее! Она сейчас перестанет идти, а я больше не дам тебе!
Саша-гуру ухмыльнулся и без труда сцедил несколько капелек.
Людочка, пошатываясь, встала со стула, сжимая ватку в кулаке.
- Всю энергию у меня забрал, вампир чертов!
- Ты не передумала? - спросил Бог, гладя на Алену.
- Нет! Но я сама!
- Ого! - Саша-гуру уважительно придвинул ей другое блюдечко и протянул свежую ватку.
Алена протерла иголку, палец и с жесткой улыбочкой кольнула себя.
- Первый раз вижу такую женщину! - тихо восхитился Анатолий.
- Такой вот простой процесс? - Алена улыбнулась, поглядывая на две медных кофеварки с длинными деревянными ручками, стоящими на газовой плитке, на еле заметном огне.
- Это тебе не химия! - Бог небрежно сполз вдоль стены на корточки и, умастившись с удобством, вытряхнул сигарету из пачки, но не закурил, - Самое главное сейчас делает Анатолий.
И действительно, то ли от жары, то ли от напряжения, лоб Анатолия покрылся потом, что придавало ему вид хирурга, выполняющего сложную и ответвленную операцию. Алена даже залюбовалась. Людочка заботливо вытерла пот платком.
Сильный порыв ветра хлопнул распахнутой створкой окна, и стекло угрожающе задребезжало.
- Смотрите-ка, что делается! - воскликнула Людочка, выглядывая наружу.
- Ребята, ну что вы! Контролируйте энергию, а то мы тут еще цунами устроим между делом! - воскликнул Бог с тревогой.
Это было здорово, происходящее все больше нравилось Алене.
Только сейчас все заметили, как потемнело в комнате. Небо заволокло плотными облаками и новый порыв швырнул в комнату пыль и мелкий мусор.
- Фу, гадость!.. - Людочка отпрянула и брезгливо вытерла лицо.
- Черт, сейчас задует, закройте, - нетерпеливо прикрикнул Анатолий, заслоняя собой плиту. Одна из конфорок тут же погасла, и Саша-гуру суетливо принялся

жужжать пьезоподжигалкой.
- Да ты закрой лучше окно, я сам зажгу! - крикнул Анатолий.
За окном мощно пророкотал гром. "Классно, вот сейчас ударит!" - подумала с восторгом Алена. Ей с детства нравилась гроза и сейчас она пожелала мощного ливня. Чем ураганнее, тем лучше!
Дверца окна хлопнула с такой силой, что осыпалась осколками. С мощным потоком заметно посвежевшего воздуха, от которого перехватывало дыхание, в комнату влетело что-то большое и, громко хлопая, принялось метаться среди стен.
Людочка панически завизжала.
- Черт! - крикнул Анатолий, повернув голову, - Выгоните его отсюда!
Саша-гуру смешно замахал руками, отгоняя обезумевшую тварь.
- Что это??? - истерически визжала Людочка, пригибаясь и закрывая голову.
- Голубя занесло, естественно! - Бог схватил полотенце и с воинственными воплями принялся хлестать им воздух.
Птица, наконец, вылетела, умудрившись свалить по пути со стены набор половников, которые загрохотали по полу и по натянутым нервам. Вскоре все стихло, кроме ветра, со зловещим глухим звуком гудящего сквозь выбитое окно, пока Бог не сбегал наружу и не закрыл еще и внешние створки.
- Пронесло! - беззаботно сообщил он, возвращаясь, - Мы все контролируем, но сейчас офигенная дождина хлынет!
- Будем надеяться, что пронесло! - осторожно кивнул Анатолий, - Как раз все готово!
Он переставил кофеварки на деревянную разделочную доску.
- Это всегда у вас так, когда зелье варите? - не шутя спросила Алена.
- Так называемая синхронность по Юнгу, - пояснил Саша-Гуру, - мы тут голубей разделали и вот пожалуйста!
- Можно назвать и синхронностью, - многозначительно протянул Анатолий, - но в данном случае это - наведенная синхронность. Она возникла в результате энергетической работы.
- А у нас сегодня на инфаке утром мыши летучие летали! - вспомнила Алена.
Анатолий строго посмотрел на Бога, Тот невинно раскрыл глаза:
- Чо?
- Нужно следить за собой, вот что!
- Да я вроде бы...
- Тут такое дело, Аленушка, - чуть мягче пояснил Анатолий, - если с нами поведешься, то вокруг и не такие чудеса начнут приключаться. Так что еще подумай! Видишь, погоду испортили...
Как специально за окном громыхнул гром, и застучали первые крупные капли.
Алена восхищенно подняла брови и улыбнулась:
- С чудесами жить интереснее!
- Ну, конечно, ну конечно, - закивал Бог, - вот такие мы эффектные. А вообще погода это - самое простое колдовство.
- И где же мой порошочек? - требовательно осведомилась Людочка.
- В левой кружке.
Анатолий поставил два чистых блюдца и вытряхнул содержимое кофеварок.
- Не перепутайте только! - усмехнулся он, - а то не избежать дешевых драм!
- В любую еду можно добавлять? - Людочка бережно ссыпала свою дозу в чистый листок бумаги и принялась тщательно заворачивать.
- Ага, - Анатолий расслабленно опустился на табурет, привалившись спиной к

стенке, - достаточно одной крошечки.
- Кстати, кушать хочется, - констатировал он кротко.
За окном поливали тугие струи ливня, навевая сонный уют.
- Еще бы, столько энергии выплеснул! - засуетилась Людочка, хлопая дверцами шкафчиков и холодильника - Сейчас что-нибудь приготовим!
- У нас ни фига нет, сорри, - зевнул Саша-гуру, - а в магазин под таким дождиком...
- А это! - Алена увидела пакет с творогом, - Пара яиц и мука найдется?
- Ну, такое-то, конечно, найдется, - Саша -гуру с надеждой взглянул на нее, - Ты нам что-нибудь сотворишь?
- Ну, я еще не волшебница, - улыбнулась Алена, выбирая подходящую миску, - но голодных накормить смогу!
Уже минут через пять первые сырники жарились в смеси растительного и сливочного масла, распространяя чудесный аромат.
- Я сейчас с ума сойду! - признался Анатолий, глубоко вдыхая, - Как вдохновляет... Где моя гитара?
Он порывисто выскочил из комнаты и тут же вернулся с инструментом.
- А я кофе сварю! - пропела Людочка.
Бог и Саша-гуру уселись за стол, предвкушая еду и музыку.
Алене показалось, что удивительным образом потрескивание масла в сковородке сочетаются с негромкими мелодичными аккордами. Она обжаривала сырники, вовремя переворачивая, как только зарумянится корочка, и с легкой улыбкой слушала как бесхитростно поет Анатолий.
На правах главного повара она сама разложила сырники каждому на тарелочки, уселась за стол и надкусила горячую хрустящую корочку.
- Господи! - проговорил Анатолий с набитым ртом, - Ну что еще для счастья нужно человеку, когда есть такие чудесные сырники? - Он пожевал и благодарно посмотрел на Алену, - И когда есть такие вот чудесные девушки...
"Неужели уже действует?" - с интересом подумала Алена.
Она прислушалась к себе… Что-то в душе происходило, чему она не могла дать определение. А разум уже стремился к этому… Возникло почти утраченное воспоминание: ей - 13 лет, и ее повели к какому-то непонятному доктору. Необычным было то, что этот доктор в белом халате ничего не писал и ни о чем ее не спрашивал. Он долго смотрел на нее, и, повторив несколько раз простые фразы, которые она не запомнила, встал и вышел. Потом в кабинет с ним вошла ее бабушка, и, услышав обрывок разговора и последнюю фразу разговора - "Она у вас не поддается гипнозу", - посмотрела во встревоженные глаза бабушки… Врач, взяв ее за руку, спросил, улыбаясь: "Что ты сейчас хотела бы сделать?" И она ответила как-то невпопад - "Танцевать под музыку"... Все это всплыло в памяти само собой. Приглушенный временем голос бабушки позвал ее - "Пойдем, милая". Алена пошла к дверям, открыла их, и, споткнувшись о стену дождя в дверном проеме, остановилась.

Визгливый голос Людочки вернул ее в настоящее время: "Какую музыку ты любишь?". И тускнеющее прошлое ответило за нее банальное: "Музыку дождя".
- Аленушка! - позвал Анатолий.
Они почему-то все смотрели на нее. Алена вопросительно подняла бровь и с невинной улыбкой подошла к столу.
- Правда, классно, когда хлещет такой дождина? - спросил Анатолий, тоже чуть улыбаясь, и непонятные искорки в его глазах настораживали.
- Да, мне очень нравится.
- Это ведь и твоя работа! Ты очень захотела урагана!

"Откуда он знает!?" - подумала Алена.
- Эх!.. - Анатолий разом допил из своей кружки и снова посмотрел на нее, - Да, я знаю, что не ошибся, говоря, что ты - удивительная и необычная девушка, только не посчитай за комплимент... и, уж, конечно, это не действие щепотки свежеприготовленного зелья, что оказалась в моем сырнике!..
Алена в смятении покраснела. Он же не мог подсмотреть, пока играл на гитаре, мечтательно прикрыв глаза!
Бог в изумлении выпучил глаза, а Людочка насмешливо хмыкнула.
- Господи, Алена, прости, я не хотел смущать тебя, - с искренним участием проговорил Анатолий.
- Да нет, все в порядке, Алена, махнула рукой и чуть натянуто рассмеялась, - я просто хотела попробовать это средство в деле. И никак не ожидала, что меня сразу поймают за руку! Глупо получилось...
- Ну, тебя предупреждали, с кем дело имеешь! - осклабился Бог.
- Значит, научный эксперимент, - протянул Анатолий с едва заметным разочарованием, - вот только на меня самого это не подействует, к моему искреннему сожалению. Во-первых - средство заряжено моей же энергетикой, во-вторых - специфика моих занятий в настоящее время не позволяет допускать вольностей в отношении с женщинами. Это не то, что монашеский обет, а просто необходимая фаза развития, - он слишком театрально улыбнулся, - Но сырники у тебя, Аленушка, просто изумительные! Это куда действенней любого приворота!
Он еще не подозревал, как осточертеют ему эти сырники за восемь лет совместной жизни. Еще не существовало своенравного "зародыша" Рыжика. И Анатолий не мог предположить, что окажется способен на черную ревность.
Алена почему-то почувствовала себя немного обиженной, хотя ничем не выдала этого. Остаток времени в этой компании прошел как-то незаметно. Предложение Бога "поработать" не вызвало энтузиазма. Все были чуть веселее, чем того заслуживали шутки, попытки Анатолия спеть тоже не выправили висящей в воздухе неправильности. Что-то неуловимо изменилось и оставалось просто переждать этот дождь.
Бог повез ее домой, тактично помалкивая и куря в салоне дамскую легкую сигарету, которую он выпросил у Людочки на дорожку, в виду неожиданно иссякнувшего собственного источника.
Что-то необычное осталось в душе у Алены. Она явно заинтересовалась.
- Слушай, а что можно почитать по магии для начала?
- О-о... у меня навалом книг! - оживился Бог, - Считай, что повезло. Если хочешь, дам почитать.
- Сегодня для меня, пожалуй, многовато событий будет! - вздохнула Алена, Ты не мог бы принести завтра на лекции?
- Конечно, - пожал плечами Бог, - но лучше, если бы я тебе сначала кое-то рассказал, чтобы ввести в эти дебри. Тут очень просто встать не на тут тропинку и уже не вернуться.
- Спасибо, но правда, сегодня я уже никакая!
- Ладно, - Бог глубоко затянулся и резко отстрелил бычок в окно, - Торопиться некуда, - он весело взглянул на нее, - Знаешь ли, у нас вся вечность впереди!
Утром в новостях сообщили, что вчерашний ураган убил четверых прохожих в городе. Двое погибли под упавшими деревьями, одного убило током сорванной троллейбусной электропроводки, а на одного свалилось бетонное перекрытие остановки. Это было страшно - осознавать, что ты пожелала ураган, который убил людей...

Она посмотрела профиль Анатолия в инете и споткнулась об уверенный до наглости взгляд. Нет. Не то. А что "то"? И менее красивые подруги уже замуж повыскакивали, а у нее так и не случилось ничего стоящего. Все заканчивалось тошнотворно быстрым разочарованием. Анатолий - интересный человек. Но какой-то слишком таинственный и закрытый. Ведь есть же где-то именно тот парень, с которым она была бы счастливой! Она это точно знала. Как его найти? Не рассчитывать же только на удачу? Тогда действительно, стоит всерьез заняться магией!
Шизофрения какая-то. Она сама себя не узнавала. Наверное, переколбасилась с этой мистикой. Особенно давили на психику ночные медитации после чтения Блаватской, Кастанеды и неисчислимого количества современных трактовок. Бог чуть ли не подобострастно, по-максимуму выполнил обещание и завалил книгами и даже ксерокопиями, но она держала с ним дистанцию. Может быть, зря. Она всерьез начала опасаться за свой разум. Или так и должно быть? Но любая мысль вдруг начинала самостоятельную жизнь и доводила до изнеможения.

Нужно продолжать жить

Алена сидела перед зеркалом и пыталась сосредоточиться. Ее усталое изображение с укором смотрело на нее. "Блин, опять кожа сохнет!" - с досадой подумала она, заметив легкое шелушение на щеках. Она никак не могла найти причину: то ли вода плохая под краном, то ли витаминов не хватает, то ли энергетика утекает, но изредка это портило ей настроение.
Надо сказать, не во всем магия находила отклик в ее душе. Вроде она все делала правильно, как требует теория. Поначалу многое прочитанное вызывало нечто вроде ускользающего дежавю и даже радости от того, что и сама думала примерно так же. Но обещанное не спешило проявляться, хотя сложность в понимании требуемого не была чрезмерной. Представления не были даже вообще сколько-то для нее сложными, а, скорее, были непритязательными и даже в чем-то неприятно простоватыми. Любить себя перед зеркалом она немного научилась, хотя казалось это несколько странным и отдавало нарциссизмом или даже лейсбийством.
Да, она понимала глубинный смысл упражнения, но обоснования казались ей, все же, неоправданно поверхностными. Ауру Алена увидела почти сразу, приловчившись чуть скосить взгляд мимо, как бы глядя внутрь, расслаблено и бездумно.
Потом оказалось, что любой предмет, на который она так смотрела на белом фоне, имеет точно такую же ауру. Свойство зрения? Или она видит не то? Но в книжке было четко написано, что ауру видит почти любой человек сразу, если знает, как смотреть. А она уже знала нехитрые правила.
Управление погодой? Бог утверждал, что это - самое простое. Чертова погода итак была который день лучше не пожелаешь. Поэтому Алена страстно возжелала резкое похолодание и осеннюю суровость в стиле Эдгара По. Она на самом деле этого захотела. Это для нее было очень важно - хоть какой-то успех. Желание было уже четыре дня назад как "отпущено". Почему вот у Анатолия так классно и эффектно все получалось? Неужели она не способна? Очень обидно!
Алена вздохнула и пристально всмотрелась в свое изображение, стараясь не сморгнуть. В какой-то момент оно вдруг начало бледнеть и заостряться. Это превращение становилось страшным и Алена, не удержавшись, моргнула. Все немедленно прекратилось.

Пока она находилась вот уже неделю в странном, полусонном состоянии, успела наделать глупости. Тут, вероятно, верх взял подсознательный страх не найти подходящего мужа, а широкие рамки дозволенного, трактуемые многими гуру и необъяснимая безрассудность, вдруг взяли верх над разумом и решили за нее поместить объявление в знакомства. Чтобы не пускать на волю слепого случая. Почти сразу повалили довольно противные письма. Но одно их них было какое-то не обычное.
Надоело! Алена резко вскочила со стула и зашла в комнату младшего брата. Как всегда, все разбросано. Только на маленьком стеллаже с тренировочным оружием - относительный порядок. Рапира, две шпаги, одна из которых с отломанным кончиком, и две сабли. Ручку одной брат сделал сам. Пистолетные ему не нравились, а классическая лишала преимущества. Поэтому он сделал ее слепком со своей собственной руки на еще эластичной эпоксидке. Он специализировался на саблях, перейдя последовательно от рапиры и шпаги. Алене тоже больше нравилась сабля. Гарда у нее защищала руку лучше, чем смешная чашечка рапиры, а шпага была тяжеловата и неуклюжа.
Как-то брат снял футболку и Алена ахнула. Все его мускулистое тело, особенно плечи до локтей, было покрыто короткими вздутыми шрамиками.
- Что это у тебя?!
- Ну, после ударов... А что ты хочешь? Закрыта только грудь, а хлещут везде!
Ему явно было приятно порисоваться перед впечатленной сестрой.
- Ты научишь меня?
Он рассмеялся, но не обидно, а скорее довольно.
- А что, у нас есть одна очень крутая герла! Трудно пробить! Давай и из тебя такую сделаем.
Но всерьез занятий не получилось. Чего-то не хватало.
Алена взмахнула клинком несколько раз, со свистом рассекая воздух, и сделала глубокий выпад с переводом.
Звонок в дверь. Она удивилась, потом вспомнила, ругнула себя, что умудрилась такое забыть, разволновалась и как была с саблей в руках, побежала открывать. Там стоял высокий парень с букетом и смущенно улыбался.
- Добрый день! Это я... - он улыбнулся еще шире, заметив саблю.

- Стоп, дальше не смотри! - чуть смущенно пробормотал Зам, - Там совсем не ненужный тебе эпизод про меня, довольно неприятные моменты.

Он очнулся на мгновение, но, почувствовав некое преимущество, упрямо снова погрузился в течение прошлого. Ну надо же! Зам-то оказывается был среди простых грешников, воплощенный в довольно тщедушное тельце!
Настал момент и чувак в этом тельце понял, что пора умирать. Не от безысходности, а как естественное завершение дел, как ощущение полноты достигнутого и спокойной удовлетворенности. Он знал, что прожил правильно. Неизъяснимая уверенность освещала глубину мыслей о прошлом, и кончик каждой из этих мыслей готов был разматываться нескончаемыми нитями, ветвясь далеко за границу обыденного понимания.
За кошку, привычно лежащую у него на коленях, он не беспокоился. Есть кому позаботиться. Горя он никому не причинит своей смертью. Он и сейчас для всех - лишь грусть воспоминаний о прошлом.
Страха не было. Возбуждения перед новым - тоже. Что-то невыразимое, непонятное внутри подталкивало сделать последний правильный шаг. Он улыбнулся, легко вздохнул и умер.

Оставленная жизнь слетела невесомым покрывалом. Он вспомнил все. И понял, что этим завершилось вся череда воплощений, что он сделал самые последние штрихи в неизмеримо долгом пути, совсем не похожем на путь многих и многих. Обычно искры Божьи, послушные зову своих страстей и предначертанному порядку их воплощения, стряхнув мирские заботы, летели в заветный Сонм, Божественное Лоно, чтобы бездумно слиться в общей инфотеке почерпнутой мудрости. Он во многом не был похож на всех и почерпнутое им, на удивление и радость другим, было в деталях не менее грандиозным, чем самое забористое в инфотеке Сонма. Это радовало потому, что расширяло мудрость, дополняло ее множественностью отношений. И сейчас светлая и горячая волна ликования приветствовала его, захватывающей нетерпеливостью ожидания, длившегося века. И он легко занял Свое Место, усмехнувшись реликтовой, чисто человеческой мысли о том, что это как бы место заместителя Общей Гармонии Мироздания.
Таких как он больше не было. Были совсем другие, и в том Ином они превосходили его, а он превосходил их в Своем. Весь же узор бесконечной вселенской мудрости не удавалось охватить никому в отдельности.
Он разлился в своей сущности по нескольким галактикам, с поистине божественной силой, ясностью и глубиной, наслаждаясь разом всем многообразием сущего от звездных систем, кружащихся в общей воронке взаимного сцепления, проткнутой множеством черных дыр, до Базовых Основ, определяющих индивидуальное Лицо Гармонии.
Некая иррациональность в мотивации, неотъемлемо сопутствующая ему, то, что делает людей непредсказуемыми и пугающими, и то, что привносит в удушающую равномерность новое разнообразие, в развитие новые пути и возможности, как нельзя была характерна для него. Чтобы прочувствовать силу, и поддавшись этой иррациональной мотивации, он сжал в ладонях спираль галактики, принуждая множество миров к новой судьбе. Миллионы звезд дестабилизировались, вспыхнув в поразительно красивом зареве, и фотонные поля волнующей рябью разошлись кругами по всей вселенной, чтобы всколыхнуть зеркало вселенского пруда и внести в него разнообразие. Сонм Божественного Лона ответил всплеском живого интереса, проникаясь в происходящие изменения.
А он вдруг, в полном несоответствии с грандиозностью происходящего, вспомнил о только что оставленной жизни, одной из длинной вереницы ничтожных воплощений, приведших к соответствию Гармонии. Волна спровоцированного космического возмущения достигнет той планеты всего через семь тысяч лет. Жалость, так не вяжущаяся с его новым пониманием, чисто человеческий отзвук забытого, удивила его. Возможно, такие мелочные частные проявления каких-то остатков его человеческой сущности, не пойдут на пользу в его Деле. Он нахмурился, потом расслабленно улыбнулся. Он не может не доверять самому себе. Опасаться нечего, если сам состоишь в Гармонии, отработанной невообразимым потоком прошлого опыта.
Любопытство вышло на первый план, и его восприятие оказалось рядом с только что оставленной планетой. Он, безусловно, может позволить себе маленькие частности.

- Витя? - зачем-то спросила Алена.
- Ага! - парень все так же улыбался.

Он что, вечно такой или просто одеревенел?
- Красиво вы меня встречаете! - он кивнул на саблю.
Алена пожала плечами, чуть подняла правую бровь и улыбнулась одними глазами.
- Заходи, Витя! - сказала она. Не дождавшись вручения букета, повернулась и пошла в комнату. Позади раздался щелчок закрывающейся двери и звуки сбрасываемых ботинок. Алена швырнула саблю на диван и вздохнула. Она сразу поняла, что это не то. А, может быть, она просто привередливая сука, сама не понимающая, что ей нужно.
- Одевай тапочки!
- Алена!?
- Да? - она повернулась и чуть насмешливо посмотрела на парня, теребящего букет.
- Я понимаю, что главное мнение человек формирует в первые же пару секунд знакомства... И тут я уже пролетаю.
- И?
- Но также я знаю, что когда люди узнают друг друга ближе, то это мнение заменяется совсем другим...
- Ты философ?
- Сейчас нет!.. - он протянул ей букет, - Они пить хотят, - он все так же улыбался, но это не раздражало, - Раненые хотят пить... И я, кстати, тоже хочу!
- А ты тоже раненый? - она взяла букет и понесла ставить в вазу.
- Ну, должен признаться, что очень приятно удивлен.
- Да? - она довольно рассмеялась из кухни и, вернувшись, поставила вазу на стол, - сейчас напою всех раненых! Присаживайся!

Заместитель Творца вздохнул с еще не забытой грустью по еще не забытой привычке, и ментальная энергия Гармонии, в ничтожной части перейдя в энергию экологического равновесия, краем задела разводы циклонов и антициклонов в атмосфере Земли, скомкав прогнозы синоптиков по всей планете. Где-то внезапно пролились дожди, а где-то в пустыню отошли сотни гектаров плодородных земель. Один из внезапных ливней как раз и случился в городе, где колдуны в избушке варили приворотное средство.
Заму захотелось сотворить прощальный подарок. Он имел такое право. Ностальгическое чувство благодарности роду человеческому, такому еще нескладному и непосредственному, сфокусировалось в одной из заветных целей этих милых человекообразных. Хотя они подчас безрассудно гнобили друг дружку, ослепленные младенческой наивностью и страстями, они не менее часто бывали неудержимо возвышенными в своих порывах. И буквально каждый мечтал найти того единственного, кто идеально подходил бы ему.
Зам улыбнулся. Он сам мечтал. Но теперь понимал, что так не бывает. Все просто и сложно потому, что смотреть нужно совсем в другом месте. Начиная от примитивной комплементарности по запаху тела, необходим комфорт общения и взаимодополняемости, соответствие личным эталонам идеального, которые были лишь масками, скрывающими подлинные свойства личности. Сложнейший процесс сближения до полного духовного родства был зыбок и подвержен случайностям. Так думали философы, а на самом деле для полного духовного единства ничего этого не было нужно. Иногда просто вынужденное совместное преодоление смертельной опасности сближало навсегда. Достаточно было просто взять и принять другого человека в свою жизнь как самого себя.

Что ж, он сумеет осчастливить поистине божественным подарком хотя бы двоих избранных. А больше и не нужно. Все-таки, у каждого здесь своя задачка в Божественной Электростанции энергии чувств. Зам охватил понимаем всю земную ноосферу и выбрал Одного. Тот во многом напоминал его самого в прошлой жизни. Пусть так. А теперь нужно привести свой замысел в соответствие с Гармонией мира и вплести канву этого замысла во все сопутствующие причинно-следственные зависимости. Зам протянул свои ментальные вектора в прошлое. Как Гармония была всегда, так и Зам, воплощая эту Гармонию, был всегда, и момент его истинного рождения значения не имеет. В результате оказалось, что не в столь далеком прошлом он уже позаботился обо всем, вживив некую Алалотмель, фею, как нельзя лучше подходящую для замысла, в одно из родившихся человеческих существ. Правда, за это его ждала неминуемая расплата, компенсирующая содеянное пропорционально силе внесенного возмущения. Но разве может опасаться расплаты тот, кто в столь полной мере соответствует Гармонии?
Он вновь сфокусировался на сумеречном бытие Земли, на местечке, где жила воплощенная Алалотмель. Та ловко подмешивала золу в тесто, чтобы скормить это погрязшему в фантазиях самозванцу. Рядом пребывали такие же безудержные мечтатели, во многом не способные отделить свои фантазии от реальности и не имеющие для этого ни знаний, ни умения. Они страстно грезили о Силе без труда и забот и верили, что в формате своего тела способны понять Гармонию и влиять на причинность.

Самозванец случайно заметил уловку с тестом и без зазрения совести не преминул эффектно использовать это, еще более укрепив мнение о себе. Это было очень неправильно. Это было предательством тех, кто мечтал истово и искренне. Зам смачно сплюнул, и атмосферу прорезал огненный хвост болида, повалившего лес в безлюдной тунгусской тайге за век до событий.

- О кошках мы еще не говорили? - иронически заметила Алена, пригубив из запотевшего стакана.
- У меня их две, - оживился Витя, - Прикинь, месяц назад жуткая история приключилась.
- Расскажи! Люблю истории!
- В общем, весна, пробуждение, градусы тепла в то утро - как в Эфиопии! Я иду, улыбаюсь миру, дышу воздухом, чудесно свежим после ночного дождика. Сквозь ветки берез - небо празднично-синее. Народ гулять вырвался из клеток квартир. Иду не спеша, без рывков потому как на плечах - мои два зверя: черный как ночь и рыжий в темно-коричневых пятнах. Одно пятно у него прямо на мордочке, которая из-за этого вышла хитрая как у пирата. Девчонки на роликах катаются, на лавочке старикан с белой бородой, колоритная парочка навстречу в обнимку, причем в одной руке мужик держит банку с пивом, а другой придерживает ее зад, наверное, чтобы не отвалился.
Алена закашлялась, хлебнув неудачно из стакана.
- Тебе постучать по спинке?
- Да, нет, обойдется! Давай дальше!
- Ну, два мента, довольные таким приятным дежурством, совсем расслабились, один по привычке дубинку в руках гнет, как бы намекает. Девушка навстречу идет, классная такая, волосы длинные как у ведьмы, кстати, как у тебя, лицо слегка неправильное, но очень приятное, на котов моих глянула, глаза шире стали такими же бездонными, как ее удивление. Короче, таинственная

незнакомка.
Витя отпил из своего стакана и усмехнулся какой-то своей мысли. Улыбка его была приятна чем-то неуловимым, и как бы задерживалась в памяти, напоминая характерное последействие на лабораторной осциллографе.
- Я, значит, демонстрируя непринужденность, протягиваю руку к ветке, на ходу срываю пучок прошлогодних кленовых пропеллеров, щелчком выстреливаю их, и так красиво эти вертолетики закружились вокруг. Мои звери насторожились, задрали головы. Рыжий не выдержал, замахал лапами и чуть не навернулся с плеча, но удержался когтями. Я зашипел, конечно, все-таки на мне была только футболка.
И тут впереди выскакивает такая вертлявая смесь болонки и ротвейлера, с кудрявой шерстью на груди, и задница - как у мальвиновского Артамона, с голым пузом и ушами чуть ли не до плеч. Размерами это чудо было куда больше болонки, но меньше ротвейлера. Рывки псины жестко ограничивались радиусом поводка, натянутого от упитанной и взъерошенной дамочки.
- Бе-е-егги! Мо-о-от! - говорю предупредительно. Коты переглянулись, черный, самый неуправляемый, спинку выгнул, а пятнистый поднял лапу и что-то принялся нервно выкусывать из-под растопыренных когтей. Знаешь, это так походило на непристойный жест!
Ка-а-ак то-о-о-олько глаза псины споткнулись о котов, абсолютно не раздумывая, эта тварь взмывает необыкновенно высоко в воздух, и прямо захлебывается мерзким лаем. Но импульс оказался явно недостаточным для выхода с орбиты поводка, а дамочка с отрепетированным проворством успела его натянуть своей массой. Псина зафиксировалась в воздухе прямо перед моей мордой и шипящими котами, пытаясь дотянуться. Наконец, гравитация спохватилась, а я в чисто бессознательной защите влет пнул псину. Визг на весь свет и от собаки, и от дамы!!! И душераздирающее МЯУ - прямо в уши и по нервам. Бегги, который пятнистый, зараза, во время пинка в панике мазнул лапами и располосовал мне кожу на лице, а черный Мот канул за спину. Связка псины и дамы унеслась прочь, и даже непонятно было: успевает ли дама подставлять ноги или ее подбрасывает натяжением поводка.
Бегги и Мот уселись рядышком, у ног, и начали остервенело вылизываться, как после боя. И тут та самая незнакомочка подходит ко мне, от смеха чуть не плачет, но и сострадание явно в глазах написано.
- Господи, я все видела! - и носовым платочком попробует подтереть мне кровь, так приятно духами пахнуло, - Надо же, как глубоко!
- Спасибо, - говорю, - такого еще никогда не было! Очень жутко выглядит?
Она пожала плечиками, улыбается, - ну, оригинально, конечно! Особенно если вы опять их на плечи посадите!
Присела и виноватого Бегги погладила. Тот аж глаза закатил.
Короче, она мне котяр до дома сопроводила.
- А что дальше? - лукаво поинтересовалась Алена.
- Не сложилось.
Они помолчали, и Витя вдруг засобирался.
- Не пропадай, раз познакомились! - Алена оптимистично улыбнулась на прощание, оставив, как уже делала это не раз, чудесное воспоминание о себе в еще одной отзывчивой душе.
- Я позвоню, если скажешь телефон, - с невинной непосредственностью предложил Витя. Глаза его говорили больше, чем улыбка.
- Двадцать шесть, тридцать девять, семьдесят восемь. Запомнишь такой

сумасшедший набор цифр?
- Легко: сначала два по тринадцать, потом три по тринадцать, и еще умножить на два. В общем, тут роковых аж 10 раз по тринадцать!
- Классно! Мне даже в голову это не приходило! - восхитилась Алена.
- Удачи! - польщенный Витя задумчиво кивнул, повернулся и, больше ни разу не оглянувшись, в два прыжка слетел вниз по лестнице.
Алена постояла немного у двери, все еще под впечатлением. В комнате раздался какой-то грохот, она вздрогнула и вбежала посмотреть. Непонятно почему, сабля скатилась с дивана на пол. А клинок так и остался лежать кончиком на диване, как будто саблю специально так положили.
Это знак или случайность? Может быть, она стала склонна в любом пустяке видеть знак? А с другой стороны, бывают ли вообще случайности?

Се ля ви

Зам сделал свое дело, Зам может уйти. Пока... Довольный совершенным, как художник, положивший последний мазок на шедевр, он тут же оставил эту планету, легко освободившись от чувства сопричастности и родства. Наведенное в памяти течение прошлого поблекло как прозрачная рябь. Оставшись в звенящем одиночестве, Он продолжал смотреть уже свое прошлое...

Алена подняла саблю, оглядела комнату, стол, и вспомнила вдруг про то необычное письмо среди множества пустых, тупых, нелепых и просто неприятных. Она опять швырнула саблю на диван, открыла это письмо, снова прочла, и во внезапном порыве отправила ответ.
На следующий день пришло письмо от Него. Он писал необычно, но складно. Что-то в Алене отзывалось на его слова, что-то в самой глубине. Они принялись переписываться, отдавшись новому для обоих развлечению, с нетерпением ожидая ответов друг друга.
- Ты пробуждаешь во мне что-то древнее и женственное, - радостно удивлялась она.
В жизни появлялось не только новое, но и важное, что не поддавалось объяснению и пониманию. Они ничего не спрашивали друг о друге. Алена не знала, как он выглядит, как он живет, что делает. Они просто эпистолярно общались, это было очень приятно и с каждым днем становилось все большей необходимостью.
Иногда заходил Витя, но это было совершенно другое. Они подружились, иногда сидели в кафешке, рассказывали свои истории, но и не более. Изредка Алена заходила в избушку колдунов, где все настойчивее становилось внимание Анатолия. Тот все более убедительно становился наиболее надежным и обеспеченным кандидатом в мужья. А нетерпение в этом плане все больше овладевало Аленой.
Письма же были совсем другим, сказочным миром, никак не связанным с такими прагматическими вещами как замужество. Это была необъяснимая близость душ, не выражающаяся ни в чем конкретно. И непонятно было, что же с этим делать.
Однажды они даже поговори по телефону, и Алена чуть ли не потеряла голову от желания увидеть его, но он явно не стремился к этому, боясь уничтожить ту необыкновенно желанную близость, которая установилась между ними.
Анатолий ловко обыграл ситуацию, когда Алене пришлось принять

окончательное решение и она согласилась выйти за него замуж. Но в то же время она не смогла отказать себе в уже почти навязчивой идее сделать из сказки реальность. Она встретилась с Ним несколько раз. Это было необычно и приятно, Алена не разочаровалась, но обстоятельства никак не складывались и тень неумолимой разлуки омрачала отношения.
Все разрешилось с замужеством. События новой жизни замелькали и оттеснили старое. Анатолий оказался необычайно ревнивым: не только встречи, но и переписка стали невозможными. Да и велико было желание наладить эту новую жизнь. Осталось слишком много, что постоянно вспоминалось, вызывая раздражение от бессилия. Магия не помогала. Помогло то, что она случайно узнала про Его смерть.
Вскоре родился Рыжик. И странная сказка из когда-то яркой и волнующей стала просто далеким печальным воспоминанием.

Зам, в незначительной своей части Последнего Дара Земли, вплетался в структуру Гармонии, которая в настоящее время проливалась грибным дождем на странный городок глупых человекообразных, даже не пытаясь выполнить столь противоречивые желания людишек предназначенным для этого Даром. Да разве это возможно, если сами они толком не знали, чего же они желают. Это несоответствие рвало ткань Гармонии и вылилось в расплату - в отторжение Зама, который загремел в еще одно, на этот раз нестандартное, воплощение. А Он вдруг остался один в безвременье. С тех пор Алену больше не тревожили ни странные сны, ни компьютерные вторжения. Все потекло как обычно, будто ничего и не было. Только однажды они еще раз о нем упомянули в разговоре.
Анатолий налил пива в стакан, и пена резво поднялась белой шапкой, грозя пролиться, но край ногтя притормозил ее.
- Терпеть не могу, когда ты это делаешь, - поморщилась Алена, - купаешь грязные ногти.
- Кажется, улеглось окончательно, и он умер второй раз, - Анатолий невозмутимо поднял стакан к глазам, любуясь на просвет.
- Почему ты такой...
- Мерзавец?.. Хочешь пива?
- Давай...
- Мам-пап! - Рыжик влетел в комнату и распахнутой дверью крепко треснул Анатолия по колену.
- Шшшш... блин! Ты можешь поосторожнее?!
- Да тише вы, ребенка разбудите! - Алена громко хлопнула ладонью по столу.
- Ой... па, больно? А мы решили, что по сто рублей хватит!
- Чего-о?
- Ну, я же не смогу пойти со всеми без денег!
За дверью всхлипывал ребенок. Зам давил на все кнопки физиологии потому, что ему надоело ощущения переполненного мочевого пузыря, а просто разрешиться с детской непосредственностью он не мог, - таким уж был чистоплотным.
- Докричались! - Алена встала, так и не притронувшись к своему пиву.

Суперигра

В этой истории затронута суть единого циферблата вселенной, с непостижимой сущностью которого мне довелось соприкоснутся.
Циферблат не той вселенной, что видна в телескопы ученых в неуловимо малой части, а всего, простирающегося за рамки пространства и времени, где поэтому нет ничего кроме изначального цифрового замысла. Так что этот циферблат был никогда. Никогда потому, что оцифровывает возможное вне времени и, тем самым, был всегда потому, что в этом вневременье становится возможно все то, что при возникновении тут же не ломается в силу непримиримости причин и следствий.
Однажды знакомый математик с упоением рассказывал, что в основе всего заложена некая математическая гармония, но я не понимал его витиеватые аллегории, и мой личный опыт подсказывает более привычное слово:

"циферблат". Он мне показывал на своем компьютере завораживающие гармонией графические картины математических функций и то, как легко они меняется от всего лишь незначительной замены цифр их основы. Потом я сам убедился, как сущности всего сущего легко можно менять, лишь привнося малую часть ментальности своей собственной сущности.
Как реализуется сущность вещей, я сам толком не пониманию, но, когда наставник приоткрывал истины, слово "циферблат" - самое подходящее что возникало в голове. Только однажды мне позволили им воспользоваться...
Это предел того, что мне удалось понять в течение откровений, полных любви ко мне, от направителей совершающегося из нереализованного возможного.
Именно в состоянии отрешенности циферблата мне удалось осознать главное.
Кем бы я ни был, нищим или очень богатым человеком, и где бы я ни был, в грязном средневековье или высокотехнилогичном обществе, у меня всегда были те, кого я ненавидел. Я никогда не был счастлив своим положением и возможностями, завидуя тем, кто казался мне несправедливо одаренным радостью бытия: когда был нищим - завидовал везунчикам-богатеям, когда был богатым - завидовал простой и беззаботной жизни на природе. Мне всегда что-то мешало быть удовлетворенным своим существованием.
Я был слишком свободолюбив. Настолько, что слова "дисциплина" и "долг" вызывали сильнейший протест. Нстолько, что свои цели безусловно считал значительнее чужих и не мог ими поступиться даже для блага большинства.
При этом самую главную ценность каждой жизни я вполне осознавал: это полная, доверительная близость с другим человеком. Мне с этим сразу повезло: я встретил того, кого ощущал потом в каждой жизни, и кто был важнее, чем любая из жизней.
Когда мне позволили касаться функционала циферблата ментальностью своей сущности, мне всего лишь отчаянно захотелось изменить нравственный уклад в родной звериной стае, сгоряча не подумав, что для этого необходимо убить их сущности, создав совершенно новые, более подходящие для этого уклада потому, что нравственность и сущность неразделимы.
Одновременно мне удалось сопоставить все, что происходило со мной, и я сумел стать другим настолько, чтобы даже во всесилии не давать волю ненависти и мести...
Я хочу рассказать то, как все совершалось в порядке от полного неведения предпоследнего бытия.

С самого начала в той жизни все пошло сложно. Меня родила зимой бомжиха в одном из подземных коллекторов теплоцентрали как щенка бродячей собаки. Эта душная теплота и мокрая вонь, в которой я прожил несколько лет, стала для меня ностальгическим воспоминанием родного дома.
Я всегда подозревал, что совсем не такой как другие. Все ясно и правильно понимаю, бывало придумываю удивительные вещи, но, самое главное, - вижу чужую глупость и несправедливость. А этого вокруг было сколько угодно, буквально во всем.
Я знаю себе цену вовсе не в пацанячьем самомнении, и не стоит считать, что раз мне выпало столько испытаний, то я - неудачник!.. Даже взрослые признают, что

я рассуждаю необычно и интересно. Я многое умею и понимаю... Но постоянно попадаю в дикие, опустошающие душу ситуации, которые, как бы насмехаясь надо мной, отбрасывают на постыдный уровень жизни.
В цивилизацию пробился по чистой случайности. Иногда судьба делает такие подарки, возможно, для того, чтобы сильнее поразить контрастом. Некоторое время все было как у людей, даже своя квартира. Но одна из моих идей, суля очевидную выгоду, потребовала вложений денег, а вернуть кредит в банк не удалось из-за нелепых обстоятельств при драконьих условиях хапуг банкиров.
Я ненавижу тех, кто в этом мире творит столько несправедливости или поддерживает ее. В то же время у меня нет ненависти к самому миру, я даже не в обиде на него. Никогда не мог отделаться от мысли, что имею какое-то очень важное предназначение, и происходящее со мной - только временные испытания. Эта вера - единственное, что у меня было.
Все резко изменилось, когда однажды повезло с работой. Полдня чистил двор и сарай от векового мусора одному дядьке. Он на равных помогал мне и не смог остаться равнодушным, - даже вынес поесть. Заплатил гораздо больше, чем я ожидал. Я был рад, но странно, что мое отношение к дядьке как несправедливо избалованному судьбой или в силу каких-то подлых качеств урвавшего свое, не стало лучше, а я даже еще больше загорелся ненавистью - как пламя от новой порции дров.
Даже небольшое везение роняет в душу опасную надежду. Кажется, что мир улыбнулся тебе, настало твое время и нужно только не упустить поворот судьбы к лучшему.
Можно было бы разыскать Динарку и угостить ее. Но это - неправильно. Еще месяц назад мы поняли, что осточертели друг другу. Не получалось совместно выживать бок о бок как волки. Постоянные жалобы и приступы тупого озлобления надоели мне, слишком сильно напоминаня мою собственную ненависть к несправедливости, только в карикатурном виде.
Я думал обо всем этом, пока ноги привычно несли к ряду мусорных баков, стыдливо спрятанных среди раскидистых деревьев.
Свежий пласт бытовых отходов, насыпанный жильцами за вчерашний день, не показался оптимистичным. Ну, конечно, опять какая-то тварь вывалила ведро собачьих испражнений, собранных с хозяйского двора. Давно хотел проследить, кто это делает и ночью выбить там окна. Хотя это ничего не изменит, ведь тот человек даже не задумывается о том, что пакостит таким как я. Но выбить все равно очень хотелось...
Мне казалось, что ненависть к несправедливости - какое-то очень древнее чувство, позволяющее приспосабливаться, отбирая у более удачливых и оправдывая это. И хотя я в душе не такой, смотрю на все шире и большим пониманием, эта ненависть часто охватывала меня в самые трудные моменты жизни, когда от меня уже ничего не зависело.
Стало непонятно, зачем я копаюсь в мусорке? Сейчас у меня есть немного денег. Есть шанс что-то изменить. Я же понимаю, что где-то существует верное решение именно для моего случая, нужно только правильно подумать.
И я подумал. Тотчас меня осветила одна из моих гениальных мыслей. Это было так важно, что я облокотился на край мусорного бака и деловито сплюнул,

обретая цель.
Позади пахнуло чем-то гораздо крепче, чем прелым мусором. Тут же голова треснула, взорвавшись дикой болью. Колени подогнулись, и я чуть не упал, повиснув над баком. Секунду все восстанавливалось, потом я смог обернуться. Это был вонючий байке Жунуш. Точно не помню, когда сам последний раз купался, но какое может быть сравнение: от него всегда смердело совершенно невообразимо. Он был уже, опять или еще сильно пьян и в удар вложил все свое равновесие. Он неуклюже как жук поднялся, и его палка немедленно пошла на второй широкий замах.
Меня никогда не учили драться, но почему-то я это делал вполне уверенно. Приняв удар предплечьем так, что палка отразилась вскользь, я перехватил ее той же рукой и резко потянул. Байке по инерции ушел прямо в бак головой.
Я отбежал чуть подальше. Морда у Жунуша была вся в собачьей мерзости, и он что-то неразборчиво мычал насчет его территории.
Происшедшее окончательно убедило меня в правильности и своевременности посетившей идеи. Она уже полностью овладела мной. Стоило ли терять время? Теплая струйка крови скатилась с затылка мне за шкирку. Опыт говорил, что в этом случае ранку лучше всего не трогать.
В ларьке, в напрасной надежде простоявшем открытым всю ночь, ничего подходящего не оказалось. Пришлось ждать, когда пустят в магазин. Там я купил еды на все деньги, и она не заполнила мою старую сумку даже наполовину.
Мне было очень хорошо и спокойно оттого, что я, наконец-то, смогу решить все свои проблемы.
Проходя мимо давно ненавистного офиса банка, слепящего отсветами огромных окон, омедненных по новейшей вакуумной технологии до полной внешней непроглядности, я вынул припасенные, удобно ложащиеся в ладонь камни, и в неописуемом восторге вседозволенности мощными бросками высадил несколько нижних полотен. Только одно не разбилось, упруго отбросив мой камень, а остальные драматически торжественно ухнули сверкающими каскадами. Я нырнул в соседствующий тенистый дворик и спокойно зашагал к автовокзалу.

Горы начинались почти рядом, в двадцати километрах от края города. Ехать на всегда переполненном автобусе - меньше часа. На меня недружелюбно посматривали и сразу отворачивались, уловив в моих глазах запредельную решительность.
Перед шлагбаумом автобус развернулся к дачам передом, к горам задом. Я вышел в общем потоке дачников. Головокружительно пахнуло горной зизифорой.
Проходя мимо сторожевой будочки, взимающей дань с посетителей заповедника, молча протянул в темное окошко флакончик водочки и, не оглядываясь, оставил все мелочи жизни за своей спиной.
Как когда-то множество раз, я снова шагал по этому скалистому ущелью с высоченными заросшими арчей склонами, ностальгически наслаждаясь знакомыми местами.

Позади остался альплагерь, в меру замусоренный в прошлые выходные понаехавшими отдыхающими, а за ним я миновал самые дальние очаги отдыха там, где кончались у родников густо навешанные паломниками на ветках тряпочки в угоду святому месту.
Я шел по узкой тропе вдоль грохочущей мощной речки, среди густых цветущих зарослей, подставляя в просветах лицо жгучему солнцу, умываясь у каждого родника и отведывая чистую вкусную воду.
Буквально все доказывало верность принятого решения. Я пребывал в необыкновенно радостном, свободном расположении духа и знал, что больше никто никогда не сможет никак нагадить мне. Вокруг не осталось ничего плохого. Я шел легко одетый и солнце не жгло, а ласкало плечи, меня радовало, что сейчас не снег, по которому в горах трудно идти, что за спиной нет тяжеленного рюкзака, неминуемого в горных походах, что нет абсолютно ни одной причины чем-то терзаться и решать проблемы, что я никому ничего не должен и могу позволить здесь себе все, что только позволят мне законы физики, а гнетущих законов морали больше не существовало для меня.
Я шел долго и быстро как никогда так, что к вечеру оказался в долинке небольшого живописного разлива, густо заросшего пахучей горной примулой, где стоял домик метеостанции.
Я бывал здесь не раз. С накатившей грустью отчетливо вспомнилось, как однажды встречали здесь Новый Год. Тогда у меня еще были верные товарищи, пока судьба не помогла мне испортить с ними отношения, распределив слишком разные роли. И я легко отбросил эту грусть, улыбнувшись себе новому.
Напившись ледяной воды из речки, я собрал сухой арчи и развел костер. Вдоволь наелся, жаря куски колбасы на прутьях. Давно я не испытывал такого чудесного подъема сил. Без еды я вряд ли смог бы идти дальше - подъем в этих ущельях крут и набор высоты значителен, а я шел уже целый день. Начинало темнеть, но я не остался ночевать в домике.
Вскоре под ногами захрустел застывший снег. Камни морены сменил горб ледника, покрытый узкими трещинами, засыпанными еще не стаявшим снегом, который виделся заметно темнее над ними. Я беззаботно прыгал через эти едва различимые в сумерках темные полосы, и этот процесс был монотонным и автоматическим. В такие минуты я думаю о чем-то другом. Вот и сейчас перед глазами встала картина из детства, когда две молодые подружки, воспитательницы из интерната, взяли меня с собой на прогулку в теплый летний вечер. Я не знаю, зачем это им было нужно, больше такого никогда не повторялось. Но запомнил ярко и отчетливо как мы неторопливо шли по узкой прямой алее с высоченными тополями по краям. Меня держали за руки две веселые и добрые тети, с которыми со мной не могло случиться ничего плохого, и так хотелось идти вечно.
Становилось слишком темно и холодно даже в безветрии. Луна, похоже, не собиралась появляться на небе. Почти у конца ледника я нашел подходящее место в скалистом склоне.
Оглянувшись, я бросил взгляд на сливающееся с темнотой ущелье с едва различимыми в почти черном небе зазубринами гребней и оросил край ледника горячей струей. На ощупь пробравшись в глубокую узкую расщелину, подложил

под себя почти пустую сумку и в полной темноте уселся на нее. Все. Заработанные деньги помогли мне уйти туда, где вряд ли меня найдут когда-нибудь.
Я привалился спиной к каменной плите и вознамерился отдаться холоду, не обращая внимания на любые неприятные ощущения. Но избавиться от крупной дрожи во всем теле не удавалось. Мышцы живота начали болеть от постоянного напряжения. Я не предполагал, что время будет течь так мучительно медленно, а холод, как обещали множество полярных историй, не торопился усыплять меня. И это тянулось до тех пор, пока темнота постепенно не рассеялась. Начался новый, совершенно не нужный мне день.
Я усмехнулся отсрочке, как будто судьба зачем-то еще раз меня спрашивала, так ли окончательно я решил, достал несколько оставшихся конфет и съел их. Потом выбрался на лед, пошатываясь от легкого головокружения. Подмерзшие пальцы на ногах потеряли чувствительность, но так случалось и раньше.
Несмотря на слабость и холод, у меня по-прежнему было великолепное настроение и это утро показалось мне многозначительно прекрасным. Снежные макушки, виднеющиеся над западным гребнем, розовели под лучами просыпающегося солнца. Нежно лиловое небо над сияющим горбом ледника приводило меня в восторг. Невысокие гребни ущелья поднимались вокруг ледника, сходясь к заснеженному перевалу.
Я немного попрыгал чтобы размяться и полез на скалистый склон. Это быстро согрело меня, силы снова вернулись. Вскоре солнце брызнуло в лицо. Я зажмурился, впитывая его тепло и, пробравшись между высокими уступами, выглянул на другую сторону.
Там под утренним солнцем тоже сиял ледник. Но с этой стороны здесь никто никогда не ходил. Стану первым. Я прыгнул на осыпь и широкими шагами заскользил вниз. Мне всегда очень нравился спуск по мелкой сыпухе. И у меня больше не было проблем в этом мире.
Я все ускорял спуск. Длинными прыжками, как в полете обошел широкую скалу, торчащую на пути. Скользнув рукой по холодному обледеневшему камню, я выскочил за него, больше не ощущая ничего под ногами и в облаке колкой снежной пыли влетел в тугой морозный воздух. Сыпуха здесь обрывалась отвесной скалой, но и она уже осталась где-то позади. Восторг свободы сделался невыносимо острым, а грохот осыпающихся за мной каменных осколков превратился в оглушающий скрежещущий визг. Я летел на большие черные валуны, торчащие из бока ледника.
Казалось, что я так и не долетел до них. Свободы вдруг стало гораздо больше. С таким ощущением просыпаются после крепкого сна. Я стремительно и без всякого сожаления пролетел границу жизни и вспомнил все. И все сразу встало на свои места. Чуть повело от навалившейся памяти и резкости переключения от быта молодого неудачника и невообразимо более богатой действительности. Мой наставник в веках стоял передо мной в костюме шоумена из моей эпохи, ненавязчиво напоминая о только что покинутой жизни. Эта манера с пошловатой простотой намекать на былое, много веков как приелась банальностью, но была неподсудна мне. Во всяком случае, задумываясь о выходках наставника, всегда приходил к мысли о непостижимой сложности его

замысла.
- Привет, - как всегда небрежно бросил я, скрывая некоторую неловкость от опрометчиво прерванной жизни.
- Привет, друг мой.
Я вопросительно посмотрел на него с тенью безумной надежды, но он сказал:
- Здесь нет Вэйни… а тебе опять пора.
- Устал! - с мольбой промолвил я, - Неужели не могу позволить себе хоть небольшой отдых?
- На этот раз ты ни в чем не выполнил своей жизненной задачи, друг мой, - наставник был как всегда любящ, но безжалостен.
- Ты же знаешь, какое мне выпало детство и как все шло наперекосяк, все было слишком несправедливо, - пожаловался я, отлично понимая всю бесполезность спора, который мы вели уже не одно тысячелетие.
- Как раз эта несправледивость и должна была научить тебя отказаться от ненависти. Дело не в несправедливости, а в отношении к ней. В душе не должно быть разрушающей злобы, а лишь - созидающее понимание. Размышление во время порывов бессильной злобы порождает постоянную ненависть, а ненависть уничтожает разум. Ты должен прервать этот порочный круг.
- Как же я мог превать, если даже на еду денег не было?
- Вот видишь, ты опять не понимаешь и должен снова учиться... Вращай барабан, друг мой, - ласково и неумолимо предложил наставник.
Как надоело это фиглярство! Но в чужой монастырь… Я с удивлением поймал себя на странной мысли: "чужой монастырь" и с раскаянием почувствовал легкий укор во взгляде наставника.
И я крутанул колесо своей фортуны, вложив всю ментальную энергию. Эпохи и судьбы слились в один цвет, и этот цвет был вовсе не голубым или розовым, а мрачно серым. Колесо замедлилось, вспыхнуло зарей новой судьбы, и остановилось.
- Поздравляю, - наставник поднял на меня сочувствующий взгляд, - Тебе выпала суперигра.
- Но оно остановилось между секторами "Отдых" и "Сверхжизнь"! - попытался опротестовать я новую вопиющую несправедливость.
Напрасно. Сияние неземной любви ослепило меня на миг.
- Помни, друг мой, я всегда буду рядом, только верь и сумей почувствовать, - произнес наставник традиционную фразу.

Я возник в закопченной пещере, повисшим в виде бестелесной сущности над косматой обезьяноподобной самкой с волосатым детенышем в лапах - местом моего нового воплощения... Хорошо, что хоть хвостов у этих обезьян не было. За что?.. Но разумом я понимал за что. Если не справлюсь с ненавистью к несправедливостям и неудачам, то в следующем воплощении окажусь в теле динозавра. Всякий раз мой разум забывал об этом, оказываясь в новом теле... Но, похоже, меня любили все же на свой неисповедимый божественный лад и явно подсунули сверхжизнь для того, чтобы дать шанс вырваться из порочного круга. Чтобы не забыл ничего. Жестоко, но что делать..., и я решил со всей серьезностью отнестись к новой миссии.

У меня не было зрения. Все вокруг ощущалось как оцифрованная сущность вещей моей сущностью и поэтому картина получалась с трудом узнаваемая. Только то, что я уже множество раз, пусть и очень на короткое время, бывал в мире до момента моего воплощения в тело, научило различать предметы по их сущности.
Здесь меня ожидала неимоверная вонь грязной пещеры, которую я не буду испытывать поначалу просто потому, что мое обоняние не научилось ее чувствовать и придавать ему смысл противного запаха. У меня не возникнет отвращения и тогда, когда я научусь улавливать этот запах потому, что он будет связываться не с противным, а наоборот, родным фоном моего бытия.
Ребенок противно кричал, самка тоже повизгивала от яростного бессилия и готова уже была крепко врезать ему. Вот оно начало, преподаваемое с самого моего рождения: яростное бессилие!..
Пока детеныш оставался бездушен, некая падшая и одичавшая сущность успела присосаться к нему, пытаясь слиться и завладеть. Одним пинком своей сущности неизмеримо более сильной воли я отогнал ее, ребенок перестал орать. Меня тут же неудержимо повлекло к моему предназначению. В обычном случае я бы забыл все и полностью слился бы с детским восприятием. Супержизнь отличалась от обычной тем, что я не забыл ничего. Это и оказывалось часто мучительнее всего. Мучительнее из-за огромного множества ассоциаций из прошлых жизней буквально по любому поводу, мешающих верно оценить происходящее и, подчас, способных свести с ума.
В глазах возникло перевернутое изображение почти ни в чем не узнаваемых смутных очертаний, которые я с трудом начал идентифицировать своим суперсознанием. Зрению еще предстояло научиться распознавать образы и придавать им смысл. А вот слух был уже неплохо развит.
Меня прижали носом к волосатой груди, и стало трудно дышать. Я попытался вывернуть нос в сторону, но мышцы шеи пока плохо сушались и мою голову насильно поворачивали обратно. Пришлось взять в рот грязный грубый сосок, пахнущий прокисшим молоком. Какого черта она это делает? Я изо всех сил стиснул беззубые десны, наверху раздалось удивленное рычание, и я получил увесистый шлепок. Чуть оглушенный, я преодолел порыв тела расплакаться, смирился с тем, что должен сосать, что и принялся делать потому, что мой организм был голоден.
Кажется, мне удалось сделать небольшой шажок к возвышению: вместо рвущейся злобы выбрал более соответствующее моменту действие. Но только потому, что у меня был внежизненный разум. И я вспомнил всю ту злобу, что всегда сопровождала меня даже в самые ранние годы во всех воплощениях. Нет, я не был злобным по натуре, наоборот, довольно миролюбивым и жизнерадостным. Но в моменты острого протеста несправедливости и своей беспомощности обидчик становился моим лютым врагом, даже если это был не человек, а острый угол стола, о который я ударялся. И эта злоба была невероятна по силе, особенно в молодые годы. Даже чем моложе, тем сильнее потому, что злоба эта вскипала в чистом виде, не заслоняемая никакими сомнениями и более мирными вариантами действий, которые лишь потом приходили с опытом. Я вспомнил как в моменты ссор со своими братьями и

сестрами они превращались в смертельных врагов и если бы это было в моих силах, то в такой момент убил бы их не задумываясь.
Но ощущение разряжаемой злобы было настолько заманчиво и притягательно, что с первым проблеском возвышения было покончено: я злорадно обмочил колени моей новой матери. И тут же обругал себя. Разве так нужно начинать новую жизнь? Единственная польза от этого действия была в том, что я понял, я - опять мальчик.
После еды мой организм непреодолимо переключился в сон.

Проснулся я от холода. Старая жесткая шкура, на которую меня положили, давила в нескольких местах, и почти непреодолимо хотелось громко заплакать. Я восстановил контроль над телом наиболее подходящим опытом сверхжизни, принялся не по-детски энергично подергивать конечностями, чтобы согреться хоть немного и заодно быстрее развить мышцы. Думаю, внешне это выглядело очень странно для младенца, но мне было плевать.
Иногда сквозняк приносил дым костра, и глаза начинало щипать. Я не мог ничего разглядеть вокруг потому, что не умел еще толком управлять мышцами шеи и смотрел прямо вверх на каменный свод. Мой мозг пока автоматически не корректировал изображение, искаженное неидеальной оптикой глаз, и приходилось это делать сознательно, используя навыки, наработанные в прошлых жизнях. Все выглядело как на фотографии, сделанной широкоугольным объективом "рыбий глаз" и, конечно, было перевернуто и размыто вокруг центра изображения. Суперосознание уже хорошо взаимодействовало со зрением, и я начал более отчетливо различать предметы. Прямо надо мной со свода свисал толстый и острый на конце сталактит. Беспомощность провоцировала иллюзию, что огромная сосулька может сорваться в любой момент. В некоторых прошлых жизнях я бывал в пещерах и видел обрушившиеся сталактиты, но никогда - сам момент обрушения. Хотя вероятность такого момента была очень мала, она иногда реализовывалась все же, почему бы не сейчас?..
Потом я заметил, как тихо было в пещере, и вынужденная неподвижность грозила опять погрузить меня в сон. Я томился, изнемогая, и мысленно ругал ленивую глупую мать, которая должна была бы поворачивать меня, чтобы избежать пролежней. Злость начала было наполнять меня, заставляя сжимать кулачки, но мне удалось вовремя преодолеть это решительным пониманием важности моей жизненной задачи.
Откуда-то из глубины раздался крик грудного ребенка. Значит, у меня есть сверстник. Или сверстница.
Может быть, нужно тоже закричать? Как только я собрался сделать это, как рядом кто-то тяжело протопал, и моя мать что-то спросила тихим заискивающим голосом.
Я ничего не понимал. Мне еще предстояло выучить этот язык. Но я начал прислушиваться, стараясь вычленить слова.
Ей ответил мужской хрипловатый голос властным тоном, и вскоре раздались характерные звуки, не ославляющие сомнения в смысле происходящего. Интересно, это был мой отец или кто-то другой?

Чувства моего тела, в том числе и сексуальное, были еще совсем не развиты, и вскоре мне осточертело слышать эту возню, а лежать стало просто невыносимо. Начинала болеть спина. Нужно было предпринимать что-то радикально эффективное. Я поднатужился и звучно облегчился. Мужской голос негромко прорычал что-то, и надо мной нависла взлохмаченная мать.
Вместе со шкурой меня вынесли из пещеры. Я жадно вдохнул свежий, необыкновенно вкусный воздух и зажмурился от яркого света.
Судя по верхушкам деревьев, которые мелькали в поле моего зрения, была весна. Солнце приятно ласкало мое тельце. Хоть с этим повезло. Вокруг росло много елей. Значит зимы здесь довольно холодные.
Внезапно мое дыхание перехватило от ледяного холода. Меня прополоскали прямо в речке и положили на мягкую траву на бок.
Теперь я мог видеть довольно широкую речку со стремительными потоками чистой воды, бурлящей вокруг множества валунов, выступающих над поверхностью. Вдоль извилистых каменистых берегов росли кусты барбариса и облепихи, среди густой травы протекали ручейки из множества родников, вырывающихся из песка. Невдалеке полого поднимались лесистые склоны гор. Разве не идиллия? Кажется, мне повезло.
Нескольких самок на берегу занимались чем-то у самой воды. Конечно же, я видел, что небо было внизу, а река с суетившимися вниз головой самками текла вверху.
Моя мать, я запомнил ее по большому прожженному пятну на шкуре, закрывающей бедра, отстирала мою подстилку и повесила ее на ближайшей ветке.
По моему лицу пополз муравей, и я не смог даже задергать щекой, чтобы согнать его. Тот спокойно перебрался на веко. Я закрыл глаза и громко завопил. Подошла мать и спасла от насекомого. Она подхватила меня и понесла обратно к дымящемуся отверстию нашего дома.
Мой внежизненный опыт геолога подсказал, что раз склоны не корытообразны, значит их не пропахал ледник. Возможно, что древнего оледенения еще и не было. С этой стороны склон горы высоко вздымался обрывистой крутизной и если бы он не зарос густо арчой, то камни постоянно обрывались бы вниз. Подножие скрывалось в зарослях высокого кустарника и деревьев, и только протоптанная тропа вела к широкой щели пещеры, над которой курился выходящий дым.
Младенческие дни потекли как им и положено, беся меня тем, что я обращал внимание на вские мелочи, постоянно переводя его на что-то другое, вопреки моему все познавшему опыту. Так щенок жадно обнюхивает все подряд и перебегает с одного на другое. Мне трудно было сосредоточиться на какой-то своей мысли.
Иногда в пещере раздавался мерзкий скрежещущий визг непонятного происхождения, от которого стыла кровь, и который я сразу возненавидел. Он напоминал мне что-то ужасное, раздирающее душу, что я никак не мог вспомнить. Этот звук повергал меня в оцепенение. Позже выяснилось, что это играл на смычковом инструменте наш пещерный музыкант.
Вскоре после простой, но утомительной дрессировки я приучил свою мать к

некоторым моим условным жестам и крикам, и у меня уже не возникало особых неудобств. В то же время я начал понимать смысл самых употребительных звукосочетаний. Я часто тренировал свой голосовой аппарат, пытаясь выговаривать их. Хотя это было слишком рано для моего возраста, я не особенно беспокоился об этом.
Судя по всему, племя было не очень многочисленным. В нашей пещере жили около двенадцати взрослых и десяток детей. Группками по двое-трое они селились в боковых нишах и проходах, где устроили свои гнезда из травы и шкур. То и дело из этих гнезд доносились шум и крики, которые заставляли в тревоге прислушиваться и пытаться понять смысл происходящего, ведь могло случиться все, что угодно.
Моя настороженность была далеко не детской и даже не взрослой, а так боятся всего уже очень умудренные жизнью люди, которых ломало всеми мыслимыми способами, а я помнил это не в одной, а в невообразимом множестве прожитых жизней. На свете просто не может быть более пугливого существа, ведь на каждый шорох мне вспоминалось множество чудовищных происшествий после такого вот шороха, некоторые из которых заканчивались моей смертью.
Свод пещеры был высоким и нависал множеством сталактитов. В центре же эти сталактиты срослись со сталагмитами, образуя колонны, окруженные красивыми коронами натечных узоров, отшлифованные трущимися о них мохнатыми боками.
Недалеко от входа постоянно горел общий костер, и его дым часто заносило ветром, но быстро выдувало обратно потоком воздуха из глубин пещеры, который, заодно, выветривал характерный звериный запах густой шерсти, покрывающей тела моих соплеменников. Общий костер - это была и общая кухня, и место общения по вечерам и сторожевой пост по ночам.
Больше всего меня раздражал огромный самец, который чаще других приставал к моей матери со своими сексуальными потребностями. Ему нравилось поиграть и со мной, но эти игры были довольно жестокими, если не садистскими. Он кувыркал меня, подбрасывал в воздух, тряс за ноги или просто хлопал пальцем по носу.
Я смирился с мыслью, что он и был моим отцом. И он был единственным, кто звал меня звукосочетанием Туюм. Мать же называла его Гизак, а ко мне она не обращалась вообще, только окликала. Ее тоже очень редко называли по имени, и я только раза два слышал его: Нази.
Я старался не упустить случая отплатить отцу чтобы как-то отвадить быть со мной настолько грубым. Как только начиналась характерная возня с моей матерью, я принимался визжать особенно мерзко. Меня пробовали выносить на улицу, но я быстро отучил их делать это, со всей изощренностью моего тысячелетнего опыта придумывая последующие неприятности.
Я надеялся, что отец вскоре начнет избегать меня, но происходил обратный процесс. Он все больше обращал на меня внимание и привязывался ко мне. Как-то он, довольно отрыгивая после перепавшей ему обильной еды, направился ко мне, по дороге добродушно поддав мать под зад с такой силой, что та вылетела за пределы моего обзора. Он поднял свой толстенный как булава

палец, взведя его другой лапой, обнажил звериные клыки в игривом оскале, и поднес свою катапульту к моему носу.
Я вовремя мотнул головой в сторону, и он промазал. Это потребовало напряжения всех моих способностей, но к тому времени я уже достаточно разработал мышцы.
Отец застыл в глубоком изумлении, и я со страхом последствий насчитал семьдесят гулких ударов его сердца, пока он снова пошевелился и насмешливый оскал сменился озадаченными в дудочку губами. Я смотрел на него пристально, не моргая, и он тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение.
Он с любопытством снова взвел катапульту и медленно приблизил ее к моему носу. На этот раз я не успел отклонился, и булава оглушила меня по уху. Было очень больно, но я не заплакал и смотрел прямо в его вытаращенные глазищи.
Я давно уже знал самое ходовое ругательство этого племени, и теперь громко и старательно воспроизвел его. Отец хрюкнул, высоко задрал на лоб надбровную щетину, посмотрел на меня с явным испугом и пропал из поля зрения осмысливать ситуацию.
С этого дня обидные игры и сюсюканье прекратились. Когда со мной хорошо, то я и я стараюсь вести себя дружественно. Я перестал мелко гадить, и наши взаимоотношения обрели вполне паритетные принципы примитивной дипломатии.
Постепенно в атмосфере нашего жилища образовался оттенок новой жизни. В тупой и однообразной повседневности возникло нечто новое и интересное, что олицетворял я. Отец часто водил ко мне приятелей послушать, как я выговариваю то ругательство. Он подносил к моему носу палец, - теперь это был наш условный знак, и я не подводил, радуя публику отчетливой дикцией крепкой пещерной лексики.
Я часто слышал, как говорили обо мне, привирая поразительные подробности. Например, что у меня такой взгляд, что может присниться ночью в кошмаре. Возможно, что мой взгляд, действительно, не был взглядом ребенка, и я старался избегать смотреть в глаза.
Так начала созревать легенда. Одним же из моих проклятий во все прожитые тысячелетия было тщеславие. И теперь, отбросив мысли о возможных последствиях, я совсем забыл про осторожность и не сдерживал себя. Да и вряд ли кто-то на моем месте стал бы сдерживаться. Пребывать в беспомощном теле в бездействии - хуже, чем сидеть в одиночной камере.
Я знал, что мой наставник рядом, все видит и прикидывает как лучше раскрыть главный смысл моей жизни. Когда-нибудь он точно будет знать, что я должен делать в этой эпохе. И очень многое зависело от того, как я повлияю на события до этого момента. Потому, что даже моему наставнику не была до конца открыта великая цифра вселенского расклада.

Через четыре месяца упорных тренировок я научился сам выползать из вонючей пещеры на свежий воздух. Меня никто не останавливал, давно усвоив, что детские глупости абсолютно мне не свойственны. Мать откровенно боялась меня, но безропотно давала молоко, как только я просил об этом уже вполне развитым голосом. И пока я сосал, смотрела на меня примерно так же как на

отца, когда тот занимался ею. Кажется, я приводил в ужас многих в племени и, наверное, меня бы давно уже прибили. Но между мной и отцом возникло особое понимание и привязанность. Он явно гордился мной, а племя боялось моего отца.
Наконец я выяснил пол моего сверстника. Это был мальчик. Он часто кричал от боли в животе, и замученная мать уносила его подальше, чтобы не раздражать племя.
Однажды ночью я проснулся как от толчка, и какая-то важная мысль ускользнула от меня, растворяясь на границе моего внимания. Все попытки ухватить ее оставались бесплодны. Тогда я переполз через испугано замершую мать, прополз мимо горы тлеющих углей и спящего дозорного, выполз из пещеры и, ежась от ночной свежести, посмотрел на звезды. Полярная звезда нашлась легко потому, что созвездия, если и изменились, то незаметно. Но я никогда не был астрономом и не смог определить, даже приблизительно, в какую эпоху воплощен.
В голове снова возникло ощущение ускользающей, но настойчиво зовущей мысли. Я уселся на траву, устремил взор в бесконечность и полностью расслабился, настраиваясь на сверхчувствительность.
Мне повезло: в какой-то момент пелена внезапно прорвалась. Я тотчас узнал присутствие моего друга в веках и так обрадовался, что чуть не потерял нить. Имя его условно можно было бы передать словом Вэйни. Хотя это слово только приблизительно напоминает тот мыслеобраз, что ему соответствует. А имя моей сущности вне жизни - Дивола.
В длинной веренице моих воплощений я чаще всего бывал мужчиной. Даже когда мне случалось рождаться женщиной, мои мужские особенности проявлялись во многом, основательно портя жизнь. Точно так же мой друг чаще всего воплощался женщиной. И в наших отношениях мы сохраняли эту доминанту: я - мужскую, а мой друг - женскую.
Впервые встретились мы очень давно и прожили необыкновенно счастливо вместе. А спустя довольно долгое время повстречались вне жизни и сразу узнали друг друга. Какое-то особое взаимное сродство, понимание и духовное влечение связывало нас. Подозреваю, что первопричиной стала вовсе не схожесть наших повадок. Нет, мы очень во многом различались, чуть ли не до противоположности и даже раздражения. Вот только в тот самый первый раз, однажды мы просто оба очень захотели стать предельно близкими друг другу и это очень легко получилось. Это способно было заменить все на свете, делало наши отношения самодостаточными и не нравилось моему наставнику потому, что мешало мотивировать развитие более общего понимания и отношения.
Нам очень редко доводилось видеться, только в те моменты, когда мы оба оказывались вне жизни, и когда наши отчаянные уловки и козни чтобы устранить все препятствия оказывались успешными. Неудержимая радость всякий раз наполняла до краев, всплески наших чувств пели одну прекрасную песню. Она щедро дарила бесконечные нежность и любовь, я дарил бесконечные любовь и ласку. Хотя мой наставник не приветствовал эту нашу связь, но и не слишком препятствовал ей.
Сейчас было гораздо труднее общаться, но вновь обретенная близость родной

души согрела меня нежданным счастьем.
- Привет! - безмолвно кричал я, лаская ее горячими порывами.
- Привет! - отвечала сумасшедшая от счастья подруга, прекрасная своей изумительной нежностью.
Я лихорадочно цеплялся за ее образ, но это становилось все труднее.
- Я буду с тобой! - успела воззвать она, перед тем как ускользнула волшебным сном.
Я долго еще сидел и улыбался под яркими звездами. Я знал, что она все еще со мной, хотя не мог больше это почувствовать. И что-то еще в ее последнем возгласе было очень важное, что я не сумел уловить. Это немного беспокоило меня.
Порыв ветра вернул ощущение ночной прохлады. Высоко задрав ногу, я облегчился в ближайших кустах и пополз назад. Ночью мне снились сумбурные цветные сны. Утром я с печалью вспомнил все, не по-детски грустно вздохнул и окунулся в новый день.

Стояла жара конца лета. Я откровенно наслаждался райскими условиями, в которых оказался, но не собирался расслабляться и много времени проводил, ползая для тренировки в высокой траве, хотя не отказывал себе в удовольствии поваляться на прибрежном песке. Если голод заставал меня не слишком близко от пещеры, то давил деснами ягоды и сыроежки, растущие здесь повсюду, и мечтал о зубах. Мое зрение адаптировалось, и я перестал замечать перевернутость мира.
Мать совершенно отвыкла от хлопот обо мне. Я сам уединялся, когда мне нужно было облегчиться, и сам подмывался на мелководье. Только проголодавшись приходилось напоминать ей о себе, заползая на колени за своим молоком и стараясь не замечать ее испуганные глаза и безучастно-обреченную позу.
Про сородичей я уже знал почти все. Наше племя называло себя народом. Народ вел беззаботную, по-своему счастливую жизнь, летом объедаясь дикими фруктами, печеными кореньями, улитками, жаренными лягушками и жирными личинками. На охоту выходили скорее для развлечения. Причем многие женщины делали это с не меньшим удовольствием, чем мужчины.
Иногда добывали крупную дичь. Отбивали от стада ослабевших животных. Не часто, но бывало, что меткий камень сбивал засмотревшегося по сторонам сурка. Сурки считались деликатесом.
Любимым оружием были круглые метательные камни и палки с острыми концами, опаленные на костре. Матерые же охотники привязывали к своим палкам каменные осколки.
На зиму сушили много фруктов и мяса. Зарывали в небольшие ямы добытые съедобные корни.
Про враждебные племена я ни разу не слышал. Невдалеке, в том же крутом горном склоне, находилось еще несколько пещер, занятых людьми нашего племени.
Стариков почти не было. Мало кто доживал до преклонного возраста. Если в молодости удавалось научиться ловко избегать опасные ситуации, то, когда внимание притуплялось, реакции замедлялись, а силы были уже не те, любой

промах стоил жизни, а раны и болезни уже не отпускали как в молодости.
Под влиянием умудренной души мой мозг развивался гораздо быстрее обычного, и вскоре у меня появилась потребность играть, прямо чесались лапы вытворять что-то необычное. Детский мозг начал доставлять мне беспокойство своими глупыми желаниями, которые иногда по силе перекрывали мотивацию моей мудрости. Иногда удавалось примирить эти порывы, и тогда я с удовольствием сооружал замки из мокрого песка и выкладывал красивые узоры из цветных камешков. Взрослые приходили смотреть на это, увлеченные не меньше меня самого.
В наивных мечтах, навеянных детским оптимизмом, я желал преобразовать этот мир, передать знания, которыми владел сам и сделать соплеменников счастливыми.
Особенно хотелось взрастить здесь справедливость отношений, так бьющую мою болезненную чувствительность в моменты, когда отец пожирал самое лучшее, не подпуская никого пока не насытится, потакал любым своим прихотям, без малейшего сострадания и сочувствия к другим. Но матерой частью себя я понимал, что реализовать мои мечты невозможно. Все поведение этого народа жестко определялось условиями их жизни. И проповедовать ту мораль, которая не соответствует этим условиям, было не только бесполезно и глупо, а даже опасно и для них, и для меня. Всегда лучшую еду первыми брали самые сильные, и ни у кого не возникало мысли сначала накормить беспомощного больного. Это была часть той системы отбора, когда слабые не выживали, и племя оставалось жизнеспособным. Но я надеялся, все же, возвысить всех в племени так, чтобы мои представления об этике стали естественной нормой. Разве я, как никто, не подготовлен для этого?..
Еще я понимал, что какие бы цели здесь не ставил себе, прежде всего, нужно было максимально совершенствоваться самому. Особенно физически. Ползал я уже довольно резво, а вот при попытке встать голова кружилась. Видимо, что-то еще не созрело. Так я и продолжал передвигаться на четвереньках.
Если взрослые меня побаивались, то дети ненавидели. Казалось бы, не было очевидных причин меня бояться, но их возмущало повышенное внимание взрослых ко мне. Больше всего они ненавидели меня за то, что я был не таким как все.
Как-то я выползал из кустов над речкой, измазанный ежевикой. Передо мной, вероятно случайно, возник один из довольно взрослых подростков. Он оглянулся и, убедившись, что никого нет близко, протянул пятерню, чтобы схватить меня. Я моментально изобразил ярость, припал к траве и, мелькая своим длинным языком в открытой пасти, угрожающе зашипел. Мальчишка невольно отшатнулся, подобравшись как от встречи с гадюкой. Он поискал взглядом камень, но в этом мне повезло. Тогда, делая вид, что уходит, он неожиданно развернулся и со всей силы пнул ногой меня в бок. Я как щенок с диким визгом пролетел сквозь колючие кусты ежевики и угодил в речку. Оказалось, что мой детский организм умеет вовремя затаивать дыхание. Под водой глаза остались открытыми. Хаос из пузырей и неясных теней сменился видом пенистых бурных струй, стремительно несущих меня. Уже сознательно я

сумел перевернуться на спину, раскинул ручки и закричал изо всех сил.
Меня больно ударило боком об острый камень, и несколько секунд я приходил в себя, глотая воздух пополам с водой. Потом надсадно закашлял и снова закричал. Я с ужасом вспомнил, что на темени в центре у меня еще не зарос череп, и когда меня понесло на очередной валун, отчаянно старался подставить ноги. Меня било о камни, и я визжал до тех пор, пока чьи-то лапы не подхватили меня. Это был отец. Почему он не ушел на охоту именно в этот раз и оказался поблизости? В тот момент я отчетливо почувствовал присутствие моего наставника, стряхнувшего пыль несвершившегося со своих дланей.
Когда отец вытащил меня на берег, я уже основательно нахлебался воды и кашлял, не переставая. Он неожиданно разумно перевернул меня и вытряс воду. Потом отнес к нашей пещере. И я с некоторым усилием выговорил:
- Ты помог мне, и я буду помогать тебе, когда стану сильным.
Он застыл, глубоко задумавшись, потом осторожно положил меня на траву и присел рядом.
- Ты свалился в реку?
- Меня кинули.
- Кто кинул?
- Урюк, - выдал я обидчика, слегка поколебавшись.
Отец задышал яростью и снова взял меня в лапы. Он осмотрелся, потом зашел в пещеру. Урюк сидел один в своем гнезде и тщательно полировал осколок камня - обычное занятие молодняка, пока взрослые развлекаются охотой. Мы подошли прямо к нему и его глаза невольно расширились от ужаса.
- Он, - резко сказал я, указывая пальцем.
Только в этот момент Урюк понял, почему меня остерегались взрослые.
Когда я остался один, то осмотрел свое тельце. Кроме царапин от колючек ежевики, проглядывающих через шерсть, на боку довольно глубокую ранку оставил острый речной камень. Подобные ранки у сородичей начинали гноиться и долго болели.
Я пополз искать подходящие травы. Сорвал несколько молодых листочков чистотела и подорожника. Потом развалился на полянке, повернулся к солнцу, раскрыл края своей ранки, подставив горячим лучам. Солнце слепило глаза, и я закрыл их, погружаясь в розовые сумерки и состояние безмятежного отдыха.
Я зажмурился сильнее. Сумерки стали коричневыми и по ним поплыли фантастические фигуры и тени, сливаясь в мимолетные узоры. Это немного походило на сущности вещей, которые становятся различимы вне жизни. Привычным усилием я попробовал настроиться на такое восприятие. На некоторое время меня окружили высокие, застывшие в индивидуальных особенностях сущности деревьев.
Глаза устали, и веки расслабились. Сумерки опять порозовели и стерли видение сущностей. Я открыл глаза и в первый момент увидел деревья так, как будто не знал, что это такое. Белые в черных пятнах высокие выросты переходили во множество кривых и более тонких, на которые совсем тонкие были покрыты мелкими зелеными пятнами. Березы. Но если бы их увидело чужое существо в первый раз, его бы поразили эти странные формы. Значит, мне на самом деле удалось разглядеть сущность вещей. Это взволновало и немного встревожило

меня своими возможностями.
Я склонился к своей ранке. Пальцы у меня еще были довольно непослушными, и мне пришлось помучиться, чтобы с помощью волосков длинной шерсти стянуть ее края. Затем я растер целебные листья в кашицу и замазал больное место.
Любопытство - одно из самых сильных чувств нашего народа. Оказалось, что за мной наблюдал один из сородичей. Когда на вечернем костре заговорили о том, что моя царапина на удивление быстро зажила, то свидетель лечения был рад поделиться байкой о новом методе. Но в духе традиций немало приврал для большего впечатления.
Все рассказчики врали, а все слушатели верили. Поэтому я не удивился, увидев, как один из соплеменников по имени Хрум, раскрыв края своей ранки на бедре, плюнул туда перед тем как связать волосками. Я не знал, целебна ли наша слюна и решил это выяснить, раз уж доброволец сам поставил опыт.
Через день, за утренним костром, вялый Хрум не спешил успеть раньше всех на охоту и принимал слишком всерьез шутки сородичей. Его ранка опасно воспалилась.
Как обычно, я резво ползал на четвереньках, путался у всех под лапами, и к этому давно привыкли. Затормозив перед Хрумом, я протянул свой пальчик к его болячке.
- Ты умрешь, если я тебя не вылечу! - сурово сказал я детским голоском.
Хрум настороженно оскалился, задумался и сказал:
- Ты вылечишь?
- Пойдем к реке.
Хрум тут же поднялся, надеясь, что сородичи не прервут еду, чтобы последовать за нами. Напрасно. Хрум шел со мной, бегущим рядом как собака на четвереньких, а за нами увязалось еще несколько любопытных наблюдателей.
Конечно же, я сразу придумал представление.
У речки, первым делом, под жалобное повизгивание Хрума, я выдернул связанные волоски и промыл ранку. Потом я заставил его лечь на траву, держать ранку открытой под лучами солнца, и, главное, ругаться всеми известными способами, чтобы испугать болезнь. Сам же я в это время невдалеке собирал на широкий лист подорожника свежую, еще жидкую, еловую смолу.
Когда у Хрума иссяк запас словесных эквивалентов его мужской силы, он начал позорно повторяться под насмешливые выкрики зрителей. Я спас его от окончательного провала, залил в ранку смолу, под его вопли сжал края и стянул их волосками.
Неделю спустя Хрум показывал всем зажившую ранку, а у меня укрепилась репутация лекаря. У нас не было знахаря или шамана, который специально занимался бы целительством.
Я давно заметил, что у народа вообще не было постоянных обязанностей, таких как шаман, знахарь и даже вождь. Просто самый сильный и авторитетный на данный момент был лидером стаи. Когда он выпадал из своей роли, например, от переедания, заводилой временно становился следующий.
Самым сильным и непререкаемым был мой отец, Гизак, а его обычным сменщиком в минуты слабости Мурак - угрюмый и беспощадный самец, который

недавно в ярости задушил свою слишком капризную подругу. Он, конечно, не хотел ее смерти, но так получилось. Племя без особой жалости проводило ее в далекий Мир За Горами. А я с некоторым удовлетворением отметил и этот действующий элемент естественного отбора.
Точно также не было и главного по заготовкам на зиму. Для всех развлечением летом была охота с азартным стремлением притащить домой добычи больше других в кладовки своего гнезда, которые составляли общий стратегический запас. Самое вкусное тут же пожиралось, остальное испортилось бы, но всегда находился тот, кто начинал сушить фрукты, другой - вялить мясо, третий - закапывать корни. Чаще этим занимались женщины, не ушедшие на охоту и дети. Меня приятно удивило то, что никому и в голову не приходило лениво отлынивать от дел. Они все легко увлекались, увидев занятия другого. Здесь каждый надеялся только на себя, с детства познавая насколько суровая жизнь требует полного ей соответствия, не прощая промедление в ожидании, когда это сделает другой. Поэтому, как в хорошо отлаженном муравейнике, шкуры высушивались и примитивно выделывались. Дрова уже некуда было складывать потому, что оставшееся от вечернего костра сваливалось в общую кучу в боковой нише пещеры, а к следующему костру собирались новые сухие ветки.
Вот и я занял социальную нишу наиболее авторитетного целителя.

У меня с невыносимым зудом пошли первые зубы. Очень преждевременно. Это окончательно убедило меня в стремительном развитии моего тела, едва поспевающего за тем, что я заставлял его делать. К молочному рациону я постепенно добавил печеные коренья, фрукты и даже мясо, когда оно мне перепадало от отца.
С некоторым беспокойством я заметил, что так хорошо бегаю на четвереньках, что вставать на задние лапы, вроде как, даже не было необходимости. С этой досадной привычкой пора было решительно кончать, и через месяц я уже довольно уверенно ходил, выпрямившись.
Лето миновало, становилось все холоднее. Я не знал, насколько хорошо наша шерсть оберегает от холода и раздумывал, как бы подстраховаться. Я ужасно не любил холода и не хотел приучать себя к нему.
Наши носили только короткие юбочки из шкур. Мне кажется, это было вызвано тем, что значительное различие в размерах половых органов у мужчин, никак не связанное с их физической силой, представлялось несправедливым. Сильные, но с маленьким органом постепенно нашли выход: набедренная повязка. Считалось неправильным демонстрировать свои сексуальные преимущества. Другая причина заключалась в том, что наши седалища не имели шерсти, попросту говоря, мы были голозадыми так, как если бы непоседливые предки веками ерзали на камнях и начисто постирали всю растительность на несколько поколений вперед.
Как-то поздним вечером страшно довольный отец с двумя приятелями приволокли убитого кабана. Это значило, что завтра с утра, первым выбрав самые лучшие куски от жареной туши, в результате неизбежного обжорства, отец перестанет быть лидером, и Мурак на некоторое время введет свои суровые

порядки. Я терпеливо дождался, когда это произошло на самом деле и, на этот раз, даже в непредвидено более тяжелом варианте.
После неумеренной трапезы, заедая мясо ядовитыми грибами, от которых приятно отрубало лапы и сцепление с реальностью, отец как удав в изнеможении лежал у речки головой к воде. Я подошел еще не очень твердой походкой и занес ногу, чтобы наступить на его живот. Просто, чтобы показать всю его беспомощность. Он не вынес бы даже проползающего по нему муравья. Отец сморщился, заранее смиряясь с неизбежным страданием, но я не опустил ногу.
- Гизак, - сказал я, - ты сейчас слабей меня!
Тут нужно было хорошо чувствовать меру потому, что ярость моментально могла обезболить его.
Он промычал что-то и прикрыл глаза, ненавидя весь мир и меня вместе с ним.
- Но я вылечу тебя. А за это ты поможешь мне.
Он открыл глаза в смутной надежде, начиная воспринимать меня как лекаря. Его чуть прояснившийся взгляд доверчиво молил об избавлении.
Я наклонился к его уху и заорал:
- Ползи к реке!
Отец собрался с духом, зарычал, сделал циклопическое усилие, медленно повернулся сначала на бок, потом на живот и как беременный тюлень пополз по песку. Когда его голова нависла над водой, я попросил его открыть пасть и глубоко засунул туда ветку с листьями. Пережеванный кабан ушел на корм рыбам.
Некоторое время отец хрипло дышал, потом, уронив голову в воду, с громким фырканьем встряхнулся и встал на четвереньки, чувствуя явное облегчение.
Я дал ему на десерт горсть собранной заранее ежевики, которая дожидалась на листе лопуха. Она не вызвала у него отвращения.
Через несколько минут отец снова мог радоваться жизни.
- Туюм! Ты вылечил меня!
В свирепой благодарности он схватил меня и, хотя его еще слегка пошатывало, подбросил высоко в воздух. Я в теле ребенка крайне тревожно воспринял стремительно удаляющуюся землю и невольно взвизгнул. Отец довольно заржал и неуклюже поймал меня над самой травой.
- Гизак! Я обещал и вылечил тебя?
- Да!
- Теперь помоги мне.
- Что надо?
- Мне нужна шкура. Чтобы носить на плечах.
- На плечах?! - Гизак развеселился. - Все носят на бедрах, а Туюм что-то хочет скрыть на плечах!
- Разве зимой не холодно? А шкура согревает.
- Холодно, - с напряжением задумался Гизак.
- Тогда давай сделаем мне такую!
- Я не женщина!
- Тогда я больше не буду тебя лечить!
В то же мгновение я оказался перед его оскаленной мордой. Так мы смотрели

друг другу в глаза целую минуту, пока он напряженно ворочал понятиями, не в состоянии оторваться от моего ясного взгляда. Когда разум возобладал над яростью, он осторожно опустил меня и молча ушел в пещеру. Через пару минут он выволок оттуда мою мать и сырую шкуру вчерашнего кабана. Бросив и то и другое на траву передо мной, он прорычал:
- Делай ему шкуру! Чтобы носить на плечах! - он весело захрюкал и вернулся в пещеру, чтобы спихнуть со своего места у костра Мурака и заодно рассказать байку про мои новые причуды.
Матери тоже немало перепало кабанятины с морочащими грибами, и работать ей совсем не хотелось. Я вообще ее избаловал своим самообслуживанием. Кроме того, отцовское обращение обидело ее. Порывисто схватив острый камень, она хотела было резать шкуру как попало, но я остановил ее и забрал камень.
- Сначала думать, потом резать! - очень строго сказал я так, что она замерла в нрешительности. Я моментально приволок из пещеры рисовальные принадлежности.
Углем сгоревшей ветки я вывел контуры с солидным запасом на рост. Примерил на себя, кое-что подправил. Необычность этого способа изготовления одежды понемногу увлекла мать. Это походило на игру.
Некоторое время пришлось потратить на то, чтобы убедить ее сделать одежду мехом вовнутрь, в то время как шкуры на бедрах носили только шерстью наружу. Она разрезала шкуру по моим контурам и принялась сшивать ее узкими кожаными полосками, продевая их в дырки. Осталось только отскоблить тупым камнем, высушить шкуру, размять ее, оросить прокисшей мочей, просушить и смазать жиром.
Мы были достаточно волосатым народом, чтобы переносить холод, тела привыкли к холоду не только на лице. Но меня уже захватили тщеславные мечты ввести новую моду в племени, доказав, что одежда удобна не только тем, что греет, но и своими карманами и поясом, за который можно что-нибудь заткнуть, освободив лапы.
Как только моя одежда подсохла, я надел ее. Великовата, конечно, но я расту быстро. Очень не терпелось проверить ее в деле.
Разговоры у костра смолкли, и народ уставился на меня. Я подошел поближе, путаясь в длинных полах. Чувствуя себя клоуном, демонстративно заткнул за пояс подвернувшуюся палку и засунул в карман пару печеных кореньев.
Но на эти поучительные действия никто не обратил внимания. По расплывающимся мордам и еле сдерживаемому хрюку было понятно, что народ не сомневается в комичности ситуации и только пока не может подобрать подходящее для меня слово.
Мурак заерзал и затряс поднятыми лапами.
- Туюм так быстро растет! - восхитился он, - Что простой шкуры на бедра ему теперь мало. Ему нужно скрывать что-то о-о-очень большое!
Страшно довольный собой Мурак в экстазе хлопнул себя лапами по бедрам, а потом еще и соседа, от чего тот чуть не улетел мордой в костер. Народ зашелся неудержимым хохотом.
С грустью поняв, что мое время не пришло, я направился к выходу, но наступил

на собственную полу, шлепнулся навзничь, и капюшон накрыл мою голову до кончика носа. Я привстал на четвереньки, громко выругавшись с досады в невольном желании показать, что все-таки мужчина, но, к несчастью, при этом издал громкий звук, какой у детей вырывается с натуги совершенно непроизвольно.
Не помню ни в одной из прожитых жизней, чтобы народ от хохота в таком изнеможении расползался во все стороны.
Не рискуя больше подниматься во весь рост, я по-собачьи резво выскочил наружу и только там встал на задние лапы, весь дрожа от пережитого позора. Тупые обезьяны! Они сразу стали моими лютыми врагами. В детской смертельной обиде, не разбирая дороги, я направился к лесу. Утро выдалось довольно прохладным. Вздохнув побольше свежего воздуха, я сумел притушить детские эмоции взрослой рассудительностью и тихонько заржал сам.

Я не помнил себя в ипостаси динозавров. Ранние воплощения были так же туманны как воспоминания раннего детства и только отдельные эпизоды всплывали иногда силько искаженными зрительными образами. Остальное оставалось неосознаваемыми, но довольно сильными остаточными впечатлениями.
Меня всегда занимал вопрос, где и в виде чего сохраняется все эти остатки пережитого в моей сущности. Всякое воплощение специализировало меня в чем-то в уловиях мира того времени и возникало множество таких специалистов, но в рамках общей этики, которая совершенствовалась над всем этим. Я знал, что все наставники состояли из этих этик, хотя не видел ни одного кроме моего. И я был его частью, которую он доводил до только ему известного критерия совершества.
Я больше не тонул в бурном потоке ассоциаций аналогичного в моих предшествоваших жизнях, обрушивающихся на меня по любому поводу, научившись не обращать внимания на них и только самое подходящее и важное услужливо подсказывало возможные последствия. При этом, стоило сделать усилие и позволить ворваться менее важному, и поток обогащался новыми образами, быстро грозя захлестнуть сознание толчащимися и мещающими друг другу эпизодами.
Все больше я привыкал к своей новой жизни. Если поначалу внешний вид сородичей удручал меня, то теперь казался естественным. И среди нас встречались красивые экземпляры, несмотря на голозадость.
Я тосковал по общению и, особенно, по специфическому общению с женщинами. Нет, меня пока еще нисколько не заботили сексуальные проблемы. Но общение с женщиной - это особый духовный аспект, и мне не хватало его потому, что большая часть моей этики была наработана этим общением.
Среди подрастающих самок выделялась одна очень привлекательная не только физически, но что-то в ее поведении отличало от других женщин племени. Какое-то особое стремление к новому, необычному, нежелание быть как все. Это отталкивало сверстников, для которых быть как все стояло на первом месте, но притягивало взрослых мужчин. Отбиваться от грубых приставаний ей приходилось постоянно, и в этом она быстро совершенствовалась.

При случае я бросал ей невзначай ласковое слово, приносил красивые камешки, к которым она была примерно так же неравнодушна как женщины к драгоценностям в любой моей жизни. Как-то я ей притащил большую красивую черепаху, но они с матерью просто запекли ее в углях и съели. Когда в следующий раз я подарил маленького ежика, то объяснил, что это не еда, а игрушка, о которой надо заботиться пока она живет с ней.
Постепенно я сам стал ее любимой игрушкой. Мы подружились. Ей со мной было интересно, и она переставала замечать, что имеет дело с шестимесячным ребенком.
Однажды, мы сидели у речки, рисуя на песке. И я сказал ей:
- Шида, слушай!
Она подняла на меня глаза, я немного помолчал, сделал таинственную морду и с выражением выдал ей самый первый стих в этом мире. Что-то вроде:
- Ты добра ко мне как мать, я хочу с тобой играть!
Она чуть оскалилась, прислушиваясь, подумала и сказала:
- Хочешь - играй!
Но ее мысли уже нашли что-то новое в этом. Новое всегда привлекало ее.
- Скажи еще! - попросила она.
Я повторил с еще большим чувством и ритмом.
Шида открыла ротик еще шире. Что-то было очень приятное в звучании этих слов. А еще в коротких строчках оказалась интересная мысль: она такая добрая, что с ней хотят играть. Но больше всего ее заводило то, что эти слова, в которых уместилось так много нового смысла, звучали необычно легко и сами запоминались. Она повторила их и весело засмеялась. И хотела уже забыть, отвлекшись новой мыслью.
Она быстро стерла с песка наш прежний рисунок и начала царапать веткой новый. Потом вдруг остановилась и снова вслух повторила стишок. В ее глазах была легкая растерянность.
- Это играет у меня в голове! - сказала она, - Останови!
В первый момент я не понял, что она хочет, но потом догадался и попытался отвлечь ее мысли от прилипшего стишка.
- Шида, я вчера на берегу у пещеры Колапа видел очень красивый блестящий камешек. Пойдем?
- Почему не принес? - спросила она немного обижено.
- Я хотел, чтобы ты случайно нашла сама. Пойдем, и ты случайно найдешь.
Это ей понравилось, она подхватила меня лапками, чтобы было быстрее, и побежала к соседней пещере.
Здесь берег был весь усыпан галькой. Почти все племя развлекалось охотой в лесу, и мы бродили одни у самой воды, пока Шида радостно не завопила, схватив мокрый камешек.
- Я нашла! - она смотрела на действительно красиво расцвеченную гальку, то держа перед самыми глазами, то вытянув навстречу солнцу.
Постепенно камешек начал высыхать и его краски блекнуть. Настроение Шиды увядало вместе с ними.
- Ты добра ко мне как мать, я хочу с тобой играть! - вдруг сказала она очень грустно. Потом со внезапной злостью метнула камешек в кусты и повернулась

ко мне. Я понял, что влип.
Из кустов раздалось мычание, оттуда выбрался сам Колап, на ходу одной лапой придерживая шкуру, а другой ухватившись за лоб.
Шида в ужасе попятилась, а я, вздохнув с облегчением, остался на месте.
Без сомнения, если бы Шида была одна, то Колап моментально догнал бы ее. Но между ними стоял я, подняв ручонки и производя ими какие-то странные движения. Чем дальше от нашей пещеры, тем более цветисты были легенды обо мне. Колап был не дурак, чтобы игнорировать неизвестную опасность. Моя пещера гордилась обладанием мной перед другими пещерами, и Колап понимал, что в случае чего будет иметь дело с Гизаком. Я выкрикнул несколько очень странных звуков, распростер руки в стороны и как самолет с гулом начал разворот к Шиде. Колап стоял, не зная, как быть в этой странной ситуации. Острота боли в его башке уже прошла, а явно незавершенное дело требовало продолжения. Так мы с Шидой и пятились, теперь я махал руками как крыльями, пока не скрылись за поворотом. Она тут же повернулась и побежала домой, забыв про меня.
Тысячелетиями я безуспешно пытался найти верное средство от женских капризов. Но когда они начинались, это обычно означало, что ты перестаешь достаточно много значить для женщины. Любые средства были тут бессильны. Но все же я всегда на что-то надеялся, вот и в этот раз раскопал во мху у корней исполинской сосны свой тайник с действительно красивым кристаллом горного хрусталя, который я нашел не так давно. В одном из моих воплощений я хорошо знал, где и как искать подобные камни.
Я вошел в нашу пещеру и направился прямо к сидящей в углу около своей матери Шиде. Она насупилась и не желала смотреть на меня.
- Вот! - я протянул ей кристалл. Она мельком взглянула и тихо вскрикнула от восторга. Я отдал ей кристалл, улыбнулся и молча пошел в свой угол.
Прошло совсем немного времени, и ее лапки игриво схватили меня сзади. Она вытащила меня из пещеры.
- Рисовать! - предложила она, и мы пошли к песчаной отмели.
Я расчистил пространство и начал веткой изображать Колапа в ярости. Это получилось легко потому, что у Колапа были очень большие уши. Шида весело засмеялась и принялась своей веткой тыкать ему в морду. Потом она вдруг остановилась и выдохнула:
- Ты добра ко мне как мать, я хочу с тобой играть!
Шида присела, схватила свою голову лапами и заплакала. Потом вскочила и убежала в пещеру.
Я страстно пожелал немедленно покончить и с этим своим воплощением.
В тот же день случилось несчастье. У соседей мальчишка сорвался с дерева в лесу и со сломанной веткой в лапах свалился, разбившись насмерть.
Шекил набрал сухих толстых веток и соорудил небольшой плот. Соседи принесли тело и с мордами, светящимися радостью, попросили отправить сына в далекий Мир За Горами. Шекил укоризненно покачал головой.
- Как же хорош Мир За Горами если туда так торопятся попасть, - сказал он, крепко привязывая тело к плотику сухими кишками.
Ему помогли столкнуть плотик в реку и постояли немного, наблюдая, как поток

быстро уносит его вдаль, вращая и ударяя о камни.

По утрам становилось по-настоящему холодно. Теперь я всегда выходил из пещеры в своем чудесном комбинезоне. Но вместо того, чтобы завидовать, соплеменники предпочитали просто использовать меня для посильных поручений. Я не роптал и делал все с удовольствием, желая быть как можно полезнее. А мог я уже немало. В то время как мой сверстник только еще ползал и портил воздух во всей пещере, я уже мог притащить охапку сухих веток для утренней растопки, сходить к соседям, чтобы выменять у них что-то нужное, смотаться на речку постирать подстилку моего сверстника и многое другое.
Хуже всего было то, что пещерный музыкант Шекил больше не уходил в лес с такими же музилами из других пещер, чтобы хором разгонять зверье в округе, а с раннего утра скрипел на своем приспособлении из сухих кишок прямо в пещере. Наших это не беспокоило, а у меня начинали ныть молочные зубы.
Однажды мне опять приснилось, как в горах я внезапно слетаю вместе с осыпью в пропасть, и рев падающих камней превращается в мерзкий визг, нарастающий по мере приближения черных валунов среди сияющей белизны. Я проснулся, открыл глаза, но с ужасом продолжал слышать этот звук. Потом понял, что это играет Шекил.
С холодами наши повадки стали другими. После обычных шуток спросонья на утреннем костре, дальнейший сценарий менялся. Первый позавтракавший, а обычно это был Гизак, который первым и начинал, подходил к выходу, ежился и тоскливо смотрел на небо.
- Бр-р-р! Какой же зверь вылезет из норы в такую погоду! - говорил он и вытягивал лапу, на которую падало несколько ледяных капель. К нему подходил следующий позавтракавший охотник и зябко передергивал плечами.
- Даже если бы я был глупым сурком, то не вылез бы! - развивал мысль он.
- А разве мы глупее сурка? - делал заключение еще кто-то, и все возвращались к костру на теплые места.
На охоту если и выходили, то поздно, когда солнце нехотя согревало воздух, а возвращались рано и чаще всего без добычи. Даже подбить камнем ленивых сурков охотникам больше не удавалось.
Но просто сидеть в пещере было слишком тоскливо. И когда погода слишком уж не располагала к выходу, затевались всякие игры, чаще всего согревательно-соревновательного характера.
В последнее время появилось еще одно развлечение: расспрашивать меня о разных вещах. Началось это после того, как Шекил поведал какому-то подростку расхожую байку о том, что огонь загорается там, где ему нравится жить. Сухие ветки ему нравятся, а мокрые - нет. Само по себе это было выдающиеся теоретическое обобщение для эпохи, но мне захотелось поднять его уровень. Тогда я вытащил ветку из огня и задул ее. Пошел густой дым. Я поджег дым, и пламя как по мостику дошло до ветки, вспыхнувшей снова.
- Вот, - сказал я, - это горит не ветка, а дым, который из нее выходит! Если ветка нагревается так, что из нее идет горючий дым, то она может загореться, а из мокрой ветки выходит больше пара воды, а не дыма, и этот пар гасит огонь!
Сначала Шекил снисходительно смеялся над очевидным бредом, но любопытные

принялись сами поджигать дым и пар у разных веток и превосходство убедительных возгласов заставило Шакила примолкнуть, затаив ко мне неприязнь. Это развлекло пребывающих в невыносимом безделье сородичей. Они начали задавать другие вопросы в классической детской формулировке: "А почему?".
Мои ответы поначалу забавляли своей неожиданностью, но часто были недостаточно понятны и далеки от реальной пользы, вызывая откровенные зевки. Вскоре меня начали иронически воспринимать как источник развлекательного словесного шума.
"Трепло Туюм" - вот добродушное прозвище, заслуженное мной.
Мои попытки понемногу и ненавязчиво начать духовно продвигать племя оказывались неудачными. Особенно плохо было с больными для меня вопросами несправедливости.
- Гизак, если ты съешь всю эту крысу, то другим совсем не достанется мяса!
Гизака удивленно-непонимающе уставился на меня. Те, кто искоса со сдерживаемым вожделением посматривал на вонзающего зубы в поджаристый бок Гизака, притихли и теперь посматривали на ребенка, осмелившегося сказать такое.
- Разве сильный не должен заботиться о более слабом? - рискнул я продолжить, слегка путаясь оттого, что, всей шкурой ощущал опасную грань.
- На! - Гизак прямодушно сунул мне в морду крысу и добродушно осклабился. Все облегченно заулыбались понятной семейной сцене, но когда я напоказ отдал мясо Шиде, прошел удивленный ропот. Ее мать тут же отобрала добычу и убежала от костра в темноту пещеры. Я получил еще один момент неприязни от бывшей подружки...
Я успокаивал свое самолюбие тем, что многое у меня идет наперекосяк не потому, что я неудачник, а потому, что пытаюсь идти против некоего сопротивления бытия тому, что не свойственно данной среде.
В нашей общине строго выполнялось немало неписаных правил, которые соблюдались не потому, что кто-то следил за этим, а так сложилось в силу жизненной необходимости. Так, одним из строгих правил было: если каждый мог как угодно пополнять общие запасы, то брать оттуда дозволялось только для общих целей, например, перед общей едой.
Быть не как все грозило изоляцией непонимания. А чудить мог позволить себе в нашей пещере только Гизак, но и то с достаточной осторожностью. Я, конечно, вообще мало походил на всех, но мне это прощалось как рожденному уродом его уродство, с которым приходилось считаться, ведь я был сыном Гизака.
В минуты особенно отчаянной скуки Гизак снисходил до бесед со мной. Никто не говорил так много и так складно как я.
Я пытался расспрашивать его про окружающую местность. Но мало кто из охотников заходил далеко. Зачем? Дичь водилась в этих местах в изобилии. Никто не покидал пещеру дольше, чем до вечера.
Однажды с неохотой Гизак признался, что как-то давно в наши места приходило многочисленное и беспощадное племя. Некоторое время они жили здесь, убивая все живое, но вскоре ушли дальше. Их прозвали кочевниками. Наш народ спасся только потому, что первым обнаружил кочевников, затаился в глубине пещер и

такая осторожность оказалась достаточной.

Перед начало зимы снова потеплело, и я не упускал возможности выйти из пещеры, часто забирался довольно далеко в лес, собирая полезное для зимы. Однажды я с неодобрением признался сам себе в слабости, что все еще хочу помириться с Шидой. Больше в племени мне ни с кем не было так приятно и беззаботно проводить время. Это чисто по-детски вызывало желание сделать что-то необыкновенное. И поэтому я обрадовался, когда однажды обнаружил совсем низко над землей огромное дупло с пчелами. Мой чуткий нос уловил аромат меда.
Сонные от утренней прохлады пчелиные охранники кольцом сидели вокруг дупла, и мои движения пробуждали их интерес. Я разложил под дуплом кучу хвороста, наделал травяных факелов и вернулся домой за огнем.
Густой дым лениво окутал дерево, и пчелиные охранники обезумели. Я отбежал подальше, выждал и, окуриваясь дымом факела, подошел к покинутому пчелами дуплу. Моей добычей стало такое количество сот, что перетащить их домой удалось только за пять заходов.
Хотя в нашем с матерью гнезде скопилось как ни у кого много всякого добра: висели пучки лекарственных трав, в пузырях кишок - сушеные ягоды, дикий чеснок и еловая смола, а теперь появились еще и соты с медом. Но большую часть сот я отнес в общую нишу пещеры, где накапливались запасы на зиму. Оказалось, что никто из нашего народа еще ни разу не пробовал меда, вообще не подозревая, что у пчел в сотах есть мед, несмотря на аромат, окутывающий пчелиные семьи. Поэтому, когда я таскал соты, никто даже не проявил особого любопытства. По их мнению, я и без того уже достаточно притащил в пещеру бесполезного барахла.
Следующий день был дождливым, никто не вышел на охоту. Я как бы невзначай встретился с Шидой и протянул ей кусочек сот. Но она спряталась за свою мать, и та тихо зарычала.
Это было ошибкой, непростительной для такого опытного существа как я. Мед нужно было сначала дать тому, кто еще доверял мне. Отцу или Хруму. Я показал соты матери Шиды, демонстративно понюхал их и, изобразив райское наслаждение, протянул ей. Она с яростью испуганного зверя рявкнула на меня и сшибла ударом лапы.
Подобные сценки не остаются незамеченными в нашей пещере. Все любят подсматривать друг за другом. Поднявшись на ноги с гудящей головой, я первым делом почувствовал общую атмосферу злорадства за свое унижение.
Мой отец рванулся, воплощая праведное и неумолимое возмездие, а вот отец Шиды и не подумал вмешаться.
- Гизак! Стой! - заорал я.
Отец в досаде застыл, повернулся и его гнев готов был сорваться на меня.
- Она очень испугалась пчел! - я показал кусок сот, который все еще был у меня в руке, - Она просто женщина и боится пчел! Вот, видишь?
Отец давно привык воспринимать меня всерьез и склонился к моей руке.
- Ты это отобрал у пчел? - недоверчиво спросил он, прекрасно помня этот характерный запах.

- Да. Отобрал потому, что это очень вкусно! Попробуй!
Запах был очень приятный, и отец осторожно лизнул соты, а потом с радостным удивлением сожрал весь кусок, почти не разжевывая.
- Да! Вкусно! - похвалил он и покосился на общие запасы, куда я сложил соты.
Все в пещере были на смерть заинтригованы, и больше всего хотелось узнать, как я сумел отобрать это у пчел, чтобы сделать то же самое.
На какое-то время я был реабилитирован. Все, даже Шида, попробовали соты, и им это понравилось. Сразу несколько наших сородичей радостно вспомнили места, где видели пчел.
С нетерпением мы дожидались окончания дождя. Никто и не подумал предложить соседям идти с нами. Мед обещал стать нашей новой валютой в межпещерном товарообмене.
Все захотели участвовать в новом развлечении. В пещере остались только мой сверстник с матерью.
Чтобы я не задерживал рвущийся к добыче народ, отец посадил меня себе на шею. Несмотря на такую толпу, это не выглядело шумным и бестолковым развлекательным выходом. Охотничьи повадки были самым важным навыком в лесу. От дерева к дереву и по кустам все рассредоточено и быстро продвигались вперед, пока Хрум не пискнул по-особому, остановившись недалеко от пчелиного дерева.
Да, это было намного богаче того места, где побывал я. Здесь тоже было дупло. Целое дуплище в огромном дубе, раскорячившимся корнями метра на два в ширину.
Множество пчел-охранников сидело и ползало по дереву, а изнутри раздавался низкий гул.
Я сильно усомнился в возможности поживиться здесь, тем более, что дупло находилось метрах в двух над землей.
Один из самых наглых и беспечных молодых самцов оказался слишком близко и уже скакал дикими прыжками, хлопая себя по голому заду. За ним вился тонкий шлейф свирепых пчел. Оказывающиеся на его пути предупредительно расступались, не желая делить его участь, и он, быстро набирая сверхпчелиную скорость, с непостижимой изворотливостью избегая стволов, исчез вдали.
Я прикинул откуда дует ветер, растолковал как нужно расположить дымные костры и в чем заключается смысл метода выкуривания. Когда огонь разгорелся, мы навалили на них охапки свежей травы, и густой дым потянулся к дубу.
Пчелы, вырвавшись из дыма, принялись носиться по всей округе, жаля всех, кто попадался им на пути. Лес наполнился жалобными воплями моих сородичей.
- Прячьтесь в дыму! - заорал я своим детским пронзительным голосом, натягивая капюшон по самые глаза.
Вопли сменились натужным кашлем. Народ, как и пчелы, не был приспособлен для жизни в дыму, но у него была воля. Едва проглядывающиеся туманные фигуры растирали глаза, надрывно кашляли, и мой лексикон быстро пополнялся новыми крепкими выражениями.
Вскоре опытным путем многие нашли оптимум пребывания между дымом и свежим воздухом. Я поджег сразу два травяных факела и, найдя отца, отважно

попросил поднять меня к дуплу. Тот с заплывающим глазом и надувающимся ухом с готовностью выполнил мою просьбу, чуть ли не засунув меня туда с головой.
Я покрутил там факелами и выкурил остатки пчел. Удивительное везение: меня пока еще ни разу не укусили, может быть моя шерсть уже была слишком прокопчена дымом. С трудом, в меру своих младенческих сил, я выламывал соты и бросал их вниз. Я не стал грабить пчелиную семью до конца и вытащил не более трети. Но и этого было очень немало.
Те из соплеменников, чей дух оказался крепче выпавших им испытаний, моментально разбирали добычу. Мы побежали прочь, неся дополнительные потери, что отмечалось отдельными воплями. Отец бежал последним перегруженный добычей и со мной на загривке. Пчелы вились вокруг, но моя одежда оказалась неплохой защитой. Я уже радовался, что пронесло, когда ощутил резкий укол в промежности. Нашлась все-таки пчела-камикадзе, которая заползла под мою шкуру и изощренно отомстила за семью в самое уязвимое мужское место. Ни в одной из моих прежних жизней не было подобного, и я встревожился возможными последствиями. Около пещеры отец снял меня с шеи, я остановился и, расчехлившись, осторожно вытянул ногтями жало, не сдавливая железу с ядом. Все вокруг сильно зудело. Я смирился и, отдавшись боли, заковылял домой, широко разводя колени.
Заходить в пещеру, полную пережаленных сородичей, не хотелось. Между ног нестерпимо чесалось. Я вздохнул и, решившись получить сполна то, что заслужил, смиренно вошел.
Пещера громко и задорно гудела. На большом плоском камне разливалось ароматом внушительное нагромождение сот, а соплеменники потешались друг над другом, показывая пальцами на раздутые места и вспоминая подробности приключения. Некоторые не могли теперь сидеть. При этом, как обычно, все безбожно врали.
Когда я появился, припадая на каждую ногу, морщась от серьезных неудобств в паху и заковылял среди народа, раздался новый взрыв неудержимого веселья. Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что тоже оказался ужаленным и в этом не отличался от других.
Многие ели мед огромными кусками, и я серьезно предупредил их не слишком увлекаться, чтобы животы не раздуло. И на этот раз ко мне прислушались.
Воодушевившись удачей, я решил запастись еще и горным луком. Он рос густо повсюду, хотя и был мелким. Я натаскал в пещеру его огромное количество: зимой пригодится. На этот раз народ не пожелал мириться с противным запахом, и меня заставили убрать луковые запасы подальше.
Вспоминая про хлеб, я везде искал пшеницу, но подходящите колоски нигде не росли. Часто воображая, как я буду одаривать народ технической цивилизацией, в голове сложилось то, что предстояло найти для реализации самых важных вещей. Но для пороха не находилась сера. Даже сделать колесо оказывалось невозможным: чтобы согнуть обод из дерева, его нужно распаривать и вкладывать в формы, а потом обивать железом чтобы колесо не разлетелось о камни. Но распаривать было не в чем. Все мечты, как только начинал всерьез о них задумываться, оказывалось очень непросто реализовать. У меня были

воплощения в восокотехнологичных обществах и там я бывал хорошим специалистом, но все практические знания тех эпох для реализации требовали высоко развитых технологий. Знания программиста, физики вакуума или нейроимплантов были сейчас совершенно бесполезны.

Выпал первый снег и почти сразу растаял, но у всех включилась сонная апатия. Может быть мы впадаем в зимнюю спячку?
Три самки ходили с большими животами, в том числе моя мать. Участились мелкие ссоры, но как только доходило до драки, вмешивался отец и своей неизменной двойной затрещиной моментально стирал причину ссоры в головах зачинщиков. Он это делал не для того, чтобы обеспечивать порядок, а просто драки бросали вызов его приоритету агрессивных действий.
Мои зубы росли как у крокодила, и я оставил мать в покое, довольствуясь взрослой едой со всеми у костра.
На охоту народ вообще перестал выходить, а многие повадились отлучаться в гости по соседним пещерам. К нам тоже заглядывали соседи, и это скрашивало тоскливое безделье. Начали больше заготавливать сухих веток и собрали кучи метательных камней. Как мне объяснили, чтобы отпугивать волков. А это означало, что я уже сам не смогу выйти в то время, как голодные твари рыщут вокруг.
Мои сородичи перестали купаться в речке и в пещере стояла вонь, которая била в нос всякий раз, когда я возвращался со свежего воздуха. Да еще у всех в шерсти водились блохи. Они умели кусаться без боли и почти не мешали. Но иногда их беготня по телу становилась невыносимой как китайская пытка капанием на голову. Характерными сценками семейных идиллий было копание в шерсти друг у друга.
Мне снились чудесные сны. Мозг, загруженый дневными впечатлениями, проигрывал самое важное, но при этом вытаскивал из моей вековой суперпамяти то, что подходило по смыслу и возникали невероятно причудливые и впечатляющие сюжеты. Проснувшись потрясенный, я осмысливал впечатления, связывающие мою пещерную действительность с тем, что я приобрел в прошлых воплощениях с совершенно неожиданной стороны.
Мой не по возрасту быстро развивающийся мозг стимулировал развитие тела. Внешне я уже походил на трехлетнего, а координация и мышечная сила соответствовала шестилетнему.
Из ивовых лоз я сплел корзинки, куда можно было набирать камни. Потом носил их на плечах, приседал и бегал с ними. Горизонтальная ветка дуба, растущего недалеко от пещеры, стала моим турником. Я подвесил на сушеных скрученных кишках бревно и обернул его плетеной травой, чтобы отрабатывать удары, что вызвало по началу острый интерес у подростков. Но из-за холодов мало у кого появлялось желание наблюдать за мной. Несколько беззлобных шуток у вечернего костра, и племя в очередной раз свыклось с моими новыми чудачествами.
Я усиленно тренировал свое тело и все время подумывал о подходящем оружии. Во многих прежних воплощениях я бывал хорошим воином, а в одном - даже очень продвинутым мастером. Но хотя я понимал дух боя и знал технику

выполнения огромного числа приемов, моему телу еще предстояло воплотить все это в рефлексах. Некоторые вещи я отрабатывал на подростках, пока те не стали избегать открытых стычек со мной. Они на лету схватывали отдельные мои приемы, но общего духа ведения боя у них не было, и все приемы на деле у них оказывались не связанными и почти бесполезными.
Иногда даже отец и многие взрослые самцы с любопытством следили за моими боями. Я легко валил одиннадцатилетних. Конечно, мой относительный вес был смешон, и для победы мне приходилось использовать массу противника, выводя его из равновесия.
Я слишком хорошо понимал важность своей физической формы и намеревался в короткий срок стать опаснее любого зверя.

Народ довольно тщательно готовился к зиме и это заставляло меня думать о том, какие реальные опасности предстоит пережить. Входное отверстие в пещере в месте, не занятым костром, предельно сузили, укрепив по бокам бревна, под руками были кучи метательных камней и ближайщие ниши полные дров. На ночь выход закрывался тяжеленным бревном и мочиться позволялось в глубокой темноте дальних ходов.
Костер горел недалеко от входа и рядом, как всегда, сидело несколько сородичей, подкладывая ветки. Теплый сквозняк, зарождающийся в таинственных глубинах пещеры, относил дым к выходу, но изредка ветер снаружи преобладал и тогда дым на короткое время вызывал злобное ворчание и кашель.
Одно из неписаных правил племени заключалось в том, что те, кто озаботились в очередной раз возиться с костром, засидевшись допоздна, должны были сохранять его до следующего утра. А это требовало определенной ловкости и осторожности. Хотя у нас шерсть растет довольно плотно, но почти у всех мужчин были опалены лапы.
Однажды оставленная в камнях куча горящих углей прогорела слишком быстро, и утром проснувшиеся дежурные не смогули раздуть пламя. Двое еще совсем молодых самцов, по-детски переругиваясь, принялись готовить деревяшки для получения огня. Я удивился незначительности проблемы.
- Гизак! Я схожу к соседям за огнем!
- Нет!
- Почему?
- Попросят много сушеного мяса и фруктов.
Ну что ж, инетерсно будет посмотреть на процесс. Это оказалось не так уж сложно.
Разогрев деревяшки в еще не остывшей золе, подростки начали втирать меньшую в большую со страшным усердием, постоянно меняясь. Прошло всего несколько минут и в заранее проделанном углублении, куда вложили пучок сухого мха, появился дым и мох вспыхнул. Втиральщик, который добился этого, обрадовано заорал и в щенячьем восторге пнул напарника под зад. Тот чисто по-дружески, со всей силы, ответил по плечу, и деревяшка с огнем вылетела из лап. Под злорадный гогот наблюдателей они принялись готовиться к новому заходу, для чего нужно было сначала восстановить силы.

Когда снег лег основательно, в пещере стало тоскливо как на подводной лодке. Многие занимались тем, что обрабатывали все новые и новые камни для своего оружия, общие игры стали более жестокими, что и подогревало некоторый интерес. В дальних ответвлениях пещеры уединялись парочки, тоже в основном для развлечения. К моей некоторой печали Шида нисколько не отставала от других и время от времени пропадала то с одним, то с другим молодым самцом. Она пользовалась определенной привилегией и всегда сама выбирала партнера. На меня она вообще не смотрела, так и затаив обиду.
Однажды у вечернего костра, после попыток поддержать ленивый треп выяснилось, что сегодняшних событий явно для этого не хватает. Старые же истории так поистрепались, что вызывали неудержимое зевание, что было сигналом заткнуть пасть говорившему.
В гнетущей тищине лишь потрескивали ветки в огне, кто-то лениво пукал, какой-то ребенок было заплакал и тут же смолк, получив оплеуху от матери.
Мурак слегка поерзал, - это значило, что он намерен расшевелить народ своим словом, и поднял свои горильи лапы, а это значило, что слово пошло и остановить его уже безнаказанно невозможно. Пока рассказчик в силах держать лапы, он имеет право говорить.
- Еще когда я был молод, - начал он и кто-то мучительно вздохнул, удерживая зевок от узнавания старой истории, - то каждой весной, в Ночь Луны я-а-а-а…
- Кто еще хочет есть?! - рявкнул Гизак во внезапном приступе заботы о племени, с непринужденной ловкостью всовывая Мураку в пасть сушеную лягушку.
Пасть с хрустом сомкнулась, сокрушая тростиночки лягушачьих костей, Мурак прикрыл глаз от удовольствия, и его лапы бессильно опустились.
- Ловко ты его остановил! - риторически воскликнул музыкант Шекил, исполняющий так же обязанности законника племени.
Перебить рассказ - серьезный проступок, безоговорочно осуждаемый всеми. Но Гизак изобразил невиновность на морде.
- Пусть Мурак сам скажет, я остановил его или я накормил его?
Я мысленно зааплодировал неожиданной находчивости отца.
Мурак шесть секунд дожевывал лягушку, соображая.
- Накормил, - вынужден был он признать и облизнулся, - но... и остановил тоже…
- Мурак! - мой отец был не на шутку возмущен, - разве ты не сам выбрал: или продолжать говорить или есть лягушку??
- Сам, - Мурак наморщил лоб, - но теперь я уже не помню, какое слово хотел сказать…
- Может теперь ты сам что-нибудь расскажешь? - компромиссно предложил Гизаку Шекил, - Или, - он решился на иронический ход на грани дипломатии, - за тебя скажет Трепло Туюм?
Многие одобрительно заржали, а Гизак добродушно оскалился, повернулся ко мне и поднес, как бывало раньше, свой палец к моему носу. Сработал хорошо укрепленный рефлекс, и я машинально выдал увесистую версию сокрушительной ругани.
Многие женщины и подростки втянули головы в плечи потому, что такая ругань была привилегией достаточно сильных. Мужчины на секунду онемели, но когда

Гизак добро осклабился, заржали в диком восторге.
Тогда я заерзал и поднял лапы.
- Я сейчас расскажу одну историю, которая еще не случилась.
Никто никогда не слышал историю, которая еще не случилась. Все затихли, раскрыв пасти.
- В огромной пещере около огромной реки жило очень многочисленное племя. У них был вождь. Его звали Одиссей.
Я самобытно упростил свой рассказ в расчете на восприятие сородичей, и они внимали как дети. Через пятнадцать минут у меня устали лапы и мне позволили их опустить, но продолжать рассказывать! Такого еще не было. Просто, когда у меня лапы бессильно опустились никто, даже Шекил не стал возмущаться.
С тех пор ни один вечерний костер не обходился без моего рассказа. А источник был практически неиссякаем. Но это нисколько не добавило уважения ко мне. Я оставался лишь развлечением на вечер и лекарем на случай болезней. Иерархия уважения завоевывалась силой и влиянием. Места каждого были определены. А я не требовал ничего взамен того, что давал. Как же я мог занять чье-то место?

Однажды я случайно заметил, что один молодой и неприятный мне из-за излишней борзости самец, примерно семнадцати лет, играет подаренным Шиде кристаллом горного хрусталя. Я с безразличной мордой подошел к нему.
- Зидан, ты знаешь, что это у тебя?
- Водяной камень, - снисходительно оскалился он.
- Тебе Шида дала?
- Что надо? - он насторожено уставился на меня.
- Зидан, это не водяной камень! - сказал я таинственно, - Это камень снов.
- Что? - он был очень удивлен.
- Я могу показать тебе, как им можно делать очень приятный сон.
Никто в племени не мог противостоять соблазну подобных развлечений.
- Покажи!
- Пойдем!
Мы отошли в дальний конец общего зала, где голоса едва слышались и все погружалось в полумрак.
- Ложись удобнее, - я показал на выступающую нишу.
Зидан, недоверчиво хрюкая, развалился на гладком камне. Я был уверен в исходе потому как слишком много раз проделывал подобное в ипостаси ассистента доктора Эриксона, так что выдернул длинный волос из его гривы и привязал кристалл.
- Смотри на него внимательно! Только на него!
Я принялся раскачивать маятник перед его мордой. Костер издали отбрасывал блики на кристалл, и тот завораживающе искрился.
- Скоро ты заснешь, и тебе будет сниться очень приятный сон, - уверенно пообещал я.
Зидан не выдержал и пары минут, как его глаза стали слипаться. В это время я негромко заряжал его.
- Зидан! - ровно и твердо говорил я, - Ты уже спишь. Ты слышишь только меня и делаешь только то, что скажу я.

Вскоре он был полностью мой.
- Ты проснешься только когда я разрешу тебе. Когда ты проснешься, ты сразу подойдешь к Шиде и отдашь этот камень. И больше никогда не возьмешь его.
Я поднял его лапу. Она осталась в воздухе как подвешенная. Тогда я изобразил из его воскообразного тела немыслимо странную позу и позвал всех.
Народ подходил и насторожено изумлялся.
- Что с ним? - ткнул пальцем отец.
- Видишь красивый камень на нем? - спросил я, подергивая за нитку кристалл, лежащий на лохматой вздыбленной груди. - Это был мой камень, но я подарил его Шиде.
Все уставились на Шиду, испуганно вытаращившую глаза. Я почувствовал, что, кажется, опять перестарался, но было поздно.
- Поэтому только Шида может играть с ним! - продолжал я, - А другой застынет в такой страшной позе! Вот, смотрите!
Я начал демонстративно выгибать лапы Зидана.
- Он умер? - спросил Гизак.
- Да, он умер, но я могу разбудить его.
Гизак с сомнением посмотрел на меня: не слишком ли нагло я принялся врать?
- Так не бывает, - изрек Шакил, - или умер или не умер!
Гизак схватил Зидана и сильно встряхнул. Но в результате только лязгнули зубы и соответственно изменилась поза. Все испугано примолкли.
- Он не почувствует тебя, даже если ты оторвешь ему яйца, - убедительно пояснил я.
- Разбуди! - сказал Гизак.
Я глубоко вздохнул.
- Хорошо... Зидан! Проснись!
Тело Зидана обмякло, лапы опали. Он открыл глаза, с удивлением оглядел толпу, сжал кристалл в лапе и поднялся. Потом набычил надбровные валики, нашел взглядом Шиду, прячушуюся за матерью и молча сунул ей кристалл. Та сначала попятилась, но затем схватила его и убежала.
Зидан с удивлением смотрел на собравшихся вокруг него.
- Чего? - выкрикнул он затравлено и увидел меня.
- Зачем позвал всех? - прошипел Зилан, озираясь.
- Чтобы все видели, как спят от камня снов.
Зидан молча впился в меня злобным взглядом, но ничего не посмел сделать и ушел.
После нескольких обсуждений у костра тема иссякла и про нее забыли, как про одно из недоразумений. Множество необъяснимых вещей постоянно происходило вокруг, нисколько не более понятных и мой фокус с гипнозом не казался чем-то более удивительным. Но случай с камнем связали со мной как еще одну странность, которую нужно опасаться. У меня набралось уже немало таких странностей, и эта теперь пересилила шарм от моих расскзов у костра. Меня больше не просили рассказать еще что-нибудь. И камень теперь был у Шиды, что делало ее такой же опасной как я.
На ночь я устраивался в самой глубине ниши, среди наших запасов. Мать обычно ложилась чуть ближе к выходу, и еще дальше ложился отец, когда не оставался

среди дежурных у костра.
Все стены пещеры покрывали белые узоры кальцита, сложнейшие переплетения натеков, мелкие проходы, колонны и отверстия. Через один из таких проходов, когда костер горел достаточно сильно, примерно в метре от нас, была видна ниша Зидана. Там спали еще двое отделившихся от родителей самостоятельных самцов: Ундук и чуть более молодой Карид.
Проснулся я от дикой боли в ступне, вскочил в полумраке и, протянув лапу, пальцами почувствовал кровь. В тот же момент нахлынуло ощущение, что такое уже было со мной и повеяло присутствием моего наставника, как тогда на реке, когда меня выловил отец. Я с удивлением понял, что именно в эту ночь почему-то спал не как всегда головой к удобной выемке прохода в соседнюю нишу, где протекал чистый воздух из недр пещеры, а ногами к ней.
Я растолкал отца и тот, перевалившись через испуганную мать, спросил, что мне нужно.
- Кто-то меня пытался убить! - прошипел я, - Нужен огонь, у меня течет кровь!
Отец быстро вылез из ниши и бросил в костер веток. Я вылез за ним, испачкав мать кровью.
- Покажи!
- Вот! - я показал ступню, глубоко пробитую каменным наконечником, - Меня ударили через проход к Зидану. Кто-то думал, что попадет в голову, но я спал наоборот!
Кровь шла не очень сильно и я, подковыляв к выходу, начал прикладывать снег к ране.
Отец приволок одной лапой упирающегося Зидана. Тот ощерился как затравленный волк и совсем не выглядел только что проснувшимся. В другой лапе у отца была охотничья палка с окровавленным наконечником.
- Зачем? - еле сдерживаясь, спросил он, нервно подергивая палкой.
- Он показал меня всем!
- Тебя усыпил камень! - сказал отец.
- Да!
- Зачем его отобрал?
- Она сама дала!
- Никто не даст такой камень!
- Я не хотел идти с ней опять, и она дала! - визгливо крикнул Зидан.
Я вытаращил глаза от такого откровения.
- Ты хотел убить. Теперь я должен отправить тебя в Мир За Горами! - отец задышал чаше.
Зидан съежился и задергался изо всей силы. Отец свалил его на землю и замахнулся палкой.
- Стой! - заорал я.
Отец на мгновение замер, но скривился и опять замахнулся.
Я метнул в отца окровавленный снежок, и тот разлетелся у него на голове.
- Гизак!!! Это я виноват!
Отец медленно опустил палку и уставился на меня.
- Я думал, что он отобрал! - сказал я и зачерпнул новую порцию снега, - Отпусти его!

Зидан вскочил и убежал. Отец молча постоял около меня и тоже ушел.
Я знал, что никто в пещере не спит, и все слышали, что происходит. Но ни один не посмел встать и подойти.
Ступня начала неметь от холода, и кровь остановилась. Рана выглядела очень неприятно, и я не знал, что с ней делать. Боль отдавала во всю ногу, становясь невыносимой. Я допрыгал до своей ниши, нашел еловую смолу и смазал рану. Когда жгучая боль немного отпустила, я лег, но от боли не мог заснуть до утра. Мать так и не сказала ни слова. Я чувствовал себя ужасно одиноким. Под утро, кажется, я заснул.
Когда стало светло, посмотрел на рану. Ночью шла кровь. Я убрал пятку из маленькой лужицы. Голова кружилась и хотелось пить.
Сначала я съел меда, полежал еще немного, натянул на себя свою шкуру и начал осторожно выползать. В пещере было непривычно тихо. Отец отвечал кому-то короткими негромкими репликами.
Прыгать на одной ноге стало трудно потому, что все отдавалось болью в ступне. Я взял отцовскую охотничью палку и, опираясь на нее, вышел на снег. Когда я добрел до речки, ступня охладилась, и боль слегка затихла.
Хотя воды стало значительно меньше, чем летом, но течение оставалось достаточно быстрым, а зима недостаточно холодной, чтобы заморозить реку льдом.
Я напился и начал подниматься, когда почувствовал что-то сзади. Из-за дальних кустов на меня смотрело насколько пар волчьих глаз.
Как только я их заметил, они начали подбираться, следя за каждым моим движением. Я взмахнул палкой и крикнул. Они пошли быстрее. Я завопил и, подняв палку, приготовился.
Один из волков внезапно жалобно взвизгнул и подпрыгнул в воздух, другие насторожено оглянулись. Рядом в снег впились несколько камней, и волки бросились в кусты.
Я отошел от реки, встал и облегчился. Потом вернулся в пещеру и сел у костра. Отец протянул мне горячий печеный корень. Я взял, посмотрел на отца с благодарностью и молча принялся есть.
Я замечал, что из-за камня все стали избегать Шиду. После нескольких неудачных попыток заигрывания с самцами она замкнулась и почти постоянно сидела в своей нише рядом с матерью. Меня она ненавидела так сильно, что я это чувствовал всей своей шкурой. Но камень не возвращала. Вероятно, просто из страха.
Атмосфера в пещере становилась невыносимой. Вечерних разговоров у костра не получалось. Когда я сам пытался что-нибудь рассказать, меня воспринимали с напряжением. В таких случаях лучше всего уйти куда-нибудь подальше от сородичей или купить их расположение новой несомненной пользой.
Я давно хотел пойти обследовать глубинные лабиринты нашей пещеры. Из нашего зала туда вели два хода. Никто не осмеливался забираться далеко. Но моя ступня исключала возможность такого путешествия. И я придумал себе другое занятие.
Наскоблил острым камнем темной зеленоватой глины со склона недалеко от выхода, густо замесил с водой и слепил несколько небольших чашек для пробы.

Мне повезло: глина оказалась подходящей. Первые две попытки обжечь чашки в костре не удались, но вскоре я научился это делать. Это окрылило меня, и я соорудил из камней небольшую печь для обжига.
У меня не было крутящейся подставки, и выделка форм занимала много времени, но мне некуда было спешить. Вскоре у меня начала получаться неплохая глиняная посуда. Никто не мешал мне.
На той же печке я попробовал вскипятить воду в чашке, и мне это удалось.
В самой большой глубокой чашке я вскипятил воду, бросил туда сухих фруктов и, дав немного остыть, положил мед. Я начал разливать ароматный напиток по нескольким имевшимся чашкам и все, кто пробовал, снова становились моими друзьями. В душе, по крайней мере, они были благодарны потому, что никогда в жизни ничего подобного не пробовали. Даже уныние и апатия исчезли.
Когда же я сварил отличный суп из сушеного мяса и кореньев, то настроение у всех поднялось почти до летнего уровня. В этот суп я добавил собранный осенью лук и с этого момента народ оценил его.
Теперь многие увлеклись изготовлением посуды еще и потому, что соседи, попробовав еды нового приготовления, выменивали нашу посуду за большое количество припасов. Жизнь опять становилась сносной.
Мне было грустно думать о том, что отношение ко мне строилось только в зависимости от пользы, которую я мог принести, а в остальном росла пропасть непонимания. Это было несправедливо, но я легко подавлял рвущееся из моей души чувство враждебности. Похоже, мои проблемы здесь только начинались. Я это чувствовал и боялся. Легче не думать о таком и радоваться благополучию в настоящем.
Возможно, единственным выходом оставалось стать суровым и беспощадным, чтобы своей властью не дать свершаться конкретным бедам и не допускать сомнений. Но смогу ли я что-то кардинально изменить, став сильнее Гизака и заняв его место? Ведь я просто начну выполнять привычную всем и понимаемую всеми роль, а новшества, внедряемые силой, а не пониманием, возведут границу между мной и остальными.
Я зримо ощущал всю ту огромную пропасть недостающих представлений, которую нужно постепенно заполнить, чтобы прийти к желаемому уровню отношений.
Мои ранние мечты возвысить племя до культуры моих представлений теперь выглядели очевидно невыполнимыми и наивными. Но я очень хотел найти верный путь, иначе терялся весь смысл моей жизни здесь.
Детский мозг - это очень непосредственное и беспокойное устройство. Я долго пытался сосредоточиться и отвлечься от реальности. Мне показалось, что в какой-то момент это удалось, и я задал свой вопрос наставнику: что делать? Четкого контакта не получилось, и я так и не понял: он ли ответил мне или же это было мое собственное подсознание. Ответ сводился к тому, что я должен насаждать доброту к близким в сердцах окружающих и не порождать ненависть. И пусть хотя бы одно существо полюбит меня и станет понимать, как самого себя. Можно было и не спрашивать: во всех последних воплощениях от меня ждали именно этого. Значит - подсознание.
Ступня почти зажила и напоминала о себе только по ночам. Рана не загноилась.

Не высохшая еловая смола оказалась отличным средством, да и на мне все зарастало как на собаке, - преимущество детского возраста.

В один из прекрасных солнечных дней, когда сытое племя томилось в безделье, я сумел разжечь общее любопытство, новой соревновательной игрой. Сначала я рассказал идею отцу так, что его эта идея увлекла его и он объявил всем, что его Туюм может всех разшевелить новым способом.
Я вывел всех на искрящийся под теплыми лучами снег, разделил поровну, прочертил границу и строго наказал не пересекать ее. Две армии стояли друг перед другом, радостно предвкушая веселье, и пещерные шуточки так и сыпались с обеих сторон.
- Смотрите! - крикнул я и слепил крепкий снежок, - Это мой метательный камень. Все, кто рядом со мной будут биться этими снежными камнями с теми, кто напротив. Понятно?
Я размахнулся, и на лбу Гизака красивым веером, подсвеченным солнцем, разлетелись снежные брызги. Тот, как и в прошлый раз, даже не подумал уклоняться от какого-то снежка, и только глупо скалился в непонимающей улыбке. Но большинство ухватило суть игры быстро. Две команды дикарей взревели, и началась снежная битва.
Как бы я хотел иметь эту фотографию, где мохнатые, голозадые пещерные существа, рычащие по-звериному и оскаленные подобием жизнерадостной улыбки, кидались снежками как дети. Тогда я запечатлел эту сцену намертво в памяти.
Меня радовало, что Шида забыла отчужденность и резвилась с диким смехом как все. Мне даже показалось, что она перестала избегать меня.
Ближайшие соседи были привлечены нашими криками и, конечно, пожелали участвовать. Мы тут же разделились пещера на пещеру, и бой продолжался пока кто-то в диком азарте желания победы не впечал в свой снежок камень и на лбу игрока соседнего племени не выросла большая шишка. Чуть было не началась настоящая битва, но Гизак и Колап сумели остановить стихию. Шекил с законником другой пещеры затвердили правило, по которому камень в снежке будет компенсировася тройной добычей из запасов.
У меня появилась надежда, что с помощью новых игр удастся внедрить и новые этические правила.
От снежковой битвы все устали как после охоты. С тех пор мы не пропускали напрасно дни оттепели. К нам начали приходить команды даже из дальних пещер. Иногда мы сами всей толпой шли к соседям, чтобы вызвать их на бой. Правила все усложнялись, превращая игру в настоящую спортивную традицию. Мы перезнакомились со всеми. Одним из интересных результатов стало то, что Зидан позвал одну из симпатичных соседок жить с ним в нашу пещеру. Она согласилась, и больше не потребовалось никаких формальностей. Тут же к нам была перенесена ее доля соседских общих запасов, и Зидан со своей новой подругой стали жить в ранее пустовавшей нише.
Снежная игра очень немало поменяла в нашей жизни. У меня появилась надежда, что путь возвышения я так или иначе найду.

По ночам начали досаждать волки. Теперь костер ярко горел всю ночь, и у входа всегда было несколько дежурных, которые отгоняли камнями особенно отчаявшихся тварей.
Мои рассказы опять стали популярны, и племя засиживалось допоздна, подолгу споря после каждой рассказанной истории, в которые я ненавязчиво вплетал идеалы своих представлений о справедливости. Я старался быть со всеми мягким, балансируя на той границе, за которой это могло быть расценено как слабость. Это давалось легко потому, что к моим странностям давно привыкли и меня больше не воспринимали вне племени.
Однажды ко мне подошла озабоченная мать моего сверстника и попросила вылечить его. Я подошел к шкуре, на которой тот лежал, и мать показала мне большую шишку на его боку. Это был нарыв. Видимо после укусов блох ребенок расчесал это место и внес грязь.
- Надо было сразу позвать меня! - вздохнул я, - Теперь будет трудно вылечить.
- Раньше шишки сами проходили!
Это было плохо. Значит, у него уже была заражена кровь.
Я выбрал длинную и узкую глиняную посудину, набросал туда щепок, натянул на горлышко подходящую промасленную кишку, из тех, что раньше использовали как емкость и, прокалив на печи, собрал деготь. Потом размешал небольшое количество меда и дегтя и густо смазал шишку, залепив ее шерстью. Приготовил горячий напиток из трав, сушеной ежевики и, чуть охладив, добавил меда, чтобы мать поила ребенка.
Но сверстника спасти не удалось. Хотя шишка через пару дней стала гораздо меньше, но появилось сразу несколько новых. Еще через два дня ребенок умер. Пожалуй, я был расстроен больше всех. Никто не разделял моей печали. Дети вообще очень редко оставались в этом мире, им гораздо больше нравился далекий счастливый Мир За Горами. Они приходят оттуда и возвращаются обратно. Что особенного?
Но я находил оправдание в другом. Если бы выживали все, то скоро в пещере просто не осталось бы места. Это было хорошо, что выживали только самые крепкие. Поэтому я оставил мысли о том, чтобы экспериментировать с плесенью для получения антибиотиков.
И вот случилось, что Гизака охватила блошиная вертячка. Это чисто психологический синдром. Просто однажды становится невыносима эта суетня в шкуре, да еще настроение способствует. И тогда хочется бить все вокруг.
И вот Гизак с диким ревом молотил своей охотничьей дубиной по сталактитам, а народ расползался от него в разные стороны.
Я снял с костра кувшин с недавно поставленной водой и плеснул прямо в пасть Гизаку, когда он оказался передо мной. Тот захлебнулся на мгновение, взмахнул лапами и, вздохнув воздуха, судорожно закашлялся и на время забыл про блох. В следующее мгновение я оказался висящим перед его оскаленной мордой.
- Я могу сделать, чтобы у тебя больше никогда не было вертячки! - спокойно сказал я.
Гизак сквозь ярость заставил себя понять смысл сказанного и, успокоившись, поставил меня на ноги.
- Сделай!

- Хорошо. Но если я выгоню блох только у тебя, они снова полезут от других. Нужно выгнать блох у всех!
- Выгони у всех!
Я рассказал, что нужно делать, а сам приготовил большую порцию дегтя в жире. Гизак тут же погнал народ купаться в ледяной воде. Когда прыгающие от холода вокруг костра соплеменники начали подсыхать, Гизак с Мураком хватали по одному каждого, а я втирал им в шерсть деготь в жире. Только Мурак посмел отказался вонять дегтем, и Гизаку пришлось предельно напрячь свой авторитет. Во всех семейных нишах я насыпал измельченной сухой ромашки из своих запасов, и с блохами было покончено. Народ перестал чесаться.
Соседи очень быстро прознали, что мы больше не страдаем от блох. Первым к нам пришел Колап, но Гизак не посадил его рядом.
- Мы, Колап, теперь чистые, а ты грязный, - объяснил он.
- Знаю, - насупился Колап, - А сколько добычи стоит стать чистым?
- Гизак, - поторопился вмешаться я, - Кто придумал, как выгнать блох?
- Ты.
- Тогда можно я сам скажу, сколько добычи это стоит?
- Скажи, - беззаботно оскалился Гизак от моей новой причуды.
- Колап! Это стоит нисколько добычи.
- А это много? - нахмурился Колап.
В тот же день все соседи тоже избавились от своих блох. Но самое приятное, что ритуал коллективного купания мы теперь проводили каждую неделю, и звериная вонь немытых тел быстро выветрилась из пещер.

Мягкая зима закончилась, но снег еще лежал. Мне еще не исполнился год. Если следовать традициям племени, то на всех приходится одно время, когда прибавляется год к возрасту. Это случается весной, в первую теплую ночь, когда светит полная луна. Устраивается праздник, и все вплетают еще один продырявленный клык волка в свою возрастную косичку.
У меня еще не было даже косички. Но мое тело выглядело как у семилетнего, а поведение выдавало взрослого. Сородичи так и начинали меня воспринимать. Стремительность моего созревания пугала меня самого. Сверхжизнь выпадает очень редко, но я слышал раньше, что в этом случае мозг, развивается ускоренно, пытаясь соответствовать навыкам индуцированного сознания и, соответственно, подтягивается тело. Мой век может оказаться короток, потому, что даже очень старое тело все еще остается относительно молодым по сравнению с опытом тысячелетнего разума. Но пока что этот процесс был мне на руку, иначе сошел бы с ума, пребывая в затянувшемся младенчестве.
Казалось, что мои злоба и ненависть остались в прошлом. Растущее мастерство в частых дружеских схватках принималось без протеста. Даже взрослые иногда затевали со мной в шутку бои. Они быстро начинали понимать, что их преимущество в весе и силе мало помогает против моего чувства боя и стилей его ведения. После того как два раза подряд я помог свалиться самому Гизаку, всякий раз победно запрыгивая на его живот, ко мне стали относиться достаточно серьезно.
Я изготовил из кожаного ремня пращу и вскоре вернул старый навык точно

метать небольшие камни. Многих это заинтересовало, но, попробовав несколько раз, они теряли интерес, считая, что лапой это делать намного проще и удобнее. Теперь, когда я выходил из пещеры, у меня за кожаным поясом торчала короткая палка с каменным наконечником, а в кармане лежало несколько камней для пращи.

Как-то я завел разговор о том, что хорошо бы обследовать глубины нашей пещеры. Дети вообще боялись туда лазить, а взрослые заходили редко и недалеко, насколько позволяли быстро сгорающие ветки и чувство осторожности.
Когда я заявил, что собираюсь пройти как можно дальше, и у меня будет долго живущий свет, со мной вызвались пойти только двое: двенадцатилетний Ундук, из распавшейся компании Зидана и, как ни странно, Шида. Она не могла сопротивляться своей натуре, неравнодушной ко всему новому и необычному. Ундук тоже отличался любопытством от остальных. Его речь была наиболее развитой и, если бы не я, то он стал бы несомненным лидером по вранью.
Я изготовил свечи из воска пчелиных сот с фитилями из размочаленных камнем веточек и сплел длинную веревку из полосок кожи. Мы захватили древесный уголь чтобы метить путь, немного еды и под грубоватые напутственные шутки скрылись в более широком из двух проходов.
У каждого горела свеча, и в запасе оставалось еще по пять штук. Не нужно было предупреждать беречь огонь. Все прекрасно понимали, что способа зажечь новый у нас не будет, а в темноте никто не сможет выбраться обратно.
Мы шли по извилистому проходу, уступами опускающемуся вниз и обросшему белыми искрящимися иголками кристаллов и старались не цепляться за них шерстью. Когда появилось первое боковое ответвление, я начал рисовать стрелки на полу. Мои напарники тихо повизгивали от удивления, разглядывая по сторонам необычные натеки в расширившимся туннеле.
Сбоку, в просвете причудливых колонн, блеснула вода. Мы подошли и увидели небольшое прозрачное озеро, дно которого резко уходило в черную глубину. Все здесь было фантастически красиво.
- Здесь живет невидимое существо, которое охотится за глупыми детьми! - трагическим голосом рассказчика ужасных историй продекламировал я, чтобы некоей поэтичностью подчеркнуть необычность этого места.
Шида моментально вцепилась в мое плечо, а Ундук застыл с вытаращенными глазами, чуть не выронив свечку. Я сразу почувствовал их неготовность правильно воспринимать такие сказки.
- Не нужно бояться, - я непринужденно улыбнулся, - я только что сам выдумал это существо.
Такое сообщение произвело новый неожиданный эффект.
- Зачем выдумал!? - с ужасом прошептала Шида, воспринявшая эту информацию слишком буквально.
Ундук смотрел на меня как на предателя. Я был на голову ниже его, но, видимо, с его точки зрения вполне походил на злодея.
- Вы не поняли, - пытался я их успокоить, - нет тут никакого существа, я соврал.
- А, соврал, - разочаровано сказала Шида.

- Ну, может быть, не совсем соврал, - обнадежил я ее, - ладно, пойдемте дальше!
Но впечатлительный Ундук стоял неподвижно.
- Я не пойду с тобой дальше, - сказал он, не в силах освободиться от нового страха.
- Ундук! - я улыбнулся ему, но мой оскал в пламени свечи, наверное, выглядел не очень дружелюбно, - Ты мужчина, живешь сам по себе. Неужели испугался?
Ундук молча хмурился.
- Не бойся ничего. Дальше будет гораздо интересней.
- Откуда ты знаешь, что будет дальше? - спросил он резко.
- Ну, я еще не знаю, - смутился я, - но догадываюсь.
- Ты все врешь! И я не боюсь!
Он повернулся и пошел назад.
- Ундук! - крикнул я, - Иди, если хочешь, только зажги вторую свечку чтобы обе сразу не погасли!
Он поколебался, но так и сделал.
Я тоже зажег вторую свечку. Шида странно улыбалась. Я тоже улыбнулся ей, и мы пошли дальше.
Туннель обрывался широким колодцем, который невозможно было обойти. Мы нашли боковой проход до колодца и протиснулись, пригибаясь под низким сводом. Он уходил круто вниз. Вскоре мы оказались в небольшом зале, густо обросшем сталактитами. Внизу бесшумно протекал ручей. Никто не испортил здесь пока природной красоты. Я остановился, рассматривая чудесные формы.
- Шида, тебе нравится здесь?
- Ага!
- Красиво?
- Ага!
Я расставил несколько горящих свечей в разных местах, чтобы лучше было видеть все великолепие этого зала. И тогда Шида подошла ко мне и прижалась всем телом. О, нет! Я совсем не был к этому готов, но очень не хотел причинять ей неприятность.
- Шида, - я ласково взъерошил ее гриву, - ты больше не обижаешься на меня?
- Неа! - она чуть пригнулась и потерлась носом о мой нос. Я с удивлением заметил, что мое тело начало пробуждаться. Скорее, это было всего лишь платоническое щенячье чувство, но оно оказалось достаточно сильным. И тогда я тоже обнял ее. Она заурчала и принялась тереться об меня как кошка. Конечно, у нас не получилось ничего того, чего она добивалась, но я ласкал ее со всем опытом моих тысячелетий, и это было для нее ново и интересно.
- Шида, я еще слишком маленький, - сказал я.
- Ага. Скоро вырастишь! - она оскалилась мне.
Свечки догорали. Мы зажгли новые и пошли обратно.
Пещера оказалась слишком разветвленной, и не стоило надеяться обследовать ее за один раз. Мы заходили в попадающиеся на пути боковые ответвления, не слишком далеко, и я старался запомнить всю картину, чтобы затем заняться более планомерными исследованиями.
Один из таких проходов неожиданно вывел нас в кем-то обжитую нишу. Под ногами лежало несколько потертых шкур с травяными мешками, какие-то

потрепанные вещи и охотничьи палки. Кто же мог забраться сюда?
Шида насторожено вцепилась в меня.
- Пошли назад! - зашипела она, - Они съедят нас!
- Почему, Шида?
- Тут в глубине нет добычи, значит очень голодные!
- Здесь давно не жили, успокоил ее я, - Запаха почти не осталось!
Шида принюхалась.
- Да. Посмотрим дальше?
Мы осторожно пошли дальше. Внезапно что-то огромное и лохматое с изумленным рычанием повернулось к нам, и два огромных глаза сверкнули злым огнем.
Шида завизжала так, что у меня парализовало уши. Ее свечка описала дугу и потухла. Соответствующий глаз чудовища притух тоже. Оно от неожиданности подалось назад, оступилось и издало ужасающее ругательство.
Я тотчас узнал Колапа.
- Привет, Колап! - торопливо крикнул я.
- Ты, Туюм??? Откуда ты идешь?
- Мы с Шидой ходили в пещеру и случайно нашли тебя. А ты что здесь делаешь?
- Я??? Это моя пещера!
У меня в голове произошла небольшая перестановка. Выходит, мы обнаружили переход, связывающий наши пещеры, а запаха не было по причине недавно проведенной дезинфекции.
- Да? Значит, из нашей пещеры можно пройти в вашу!
Морда у Колапа изобразила неподдельный интерес.
- Какой хороший у тебя огонь и горит так долго! А у нас нет такого. Надо сказать Гизаку! - решил он, - Пошли!
Здесь свод нависал ниже, чем в нашей пещере и Колап шел, пригнувшись, привычно лавируя головой между сосульками сталактитов. Впереди показался костер, и я задул свечку. Нас молча встречали удивленные взгляды.
Пройдя мимо изумленных дежурных у костра, мы вышли наружу.
Сезон охоты еще не начался и Гизак скучал у костра с несколькими сонными сородичами. Мы появились неожиданно, и все выпучили глаза.
- Туюм! - заорал Гизак, забыв, что сначала следовало бы приветствовать соседа, - Ты же пошел в глубину!
- Привет, Гизак! - Колап, хитро посмеиваясь, занял место гостя, - Да, твой Туюм совсем уже мужчина! Он так сходил с Шидой в глубину, что аж оказался у меня!
Гизак с новым интересом уставился на меня.
- И у него очень хороший огонь, который долго горит. У нас такого нет, а в дальних нишах темно. Сколько добычи стоит такой огонь?
В результате этой дружеской беседы мне пришлось расстаться с несколькими свечами. После чего, вторым делом, Гизак немедленно переселил меня в гадюшник для отделившихся самцов, и я оказался в компании Ундука и Карида.
Из сопровождающих это действие реплик Гизака я понял, что мать вот-вот собирается рожать, но главной причиной послужила моя прогулка наедине с Шидой. Подобное всегда расценивалось как признак самостоятельности. Отец традиционно помог мне перенести долю семейных запасов и мою аптеку.

Два пребывающих в безделье самца встретили новичка дежурными издевками. Ундук успел расписать эпизод в пещере в выгодном для себя свете, и Карид с усмешкой спросил:
- Удрали от существа, которое сам выдумал?
Я посмотрел на Ундука. Тот высокомерно посмеивался.
- Оно здесь, Ундук, - сказал я негромко, - у меня в кармане, - я поиграл мышцей бедра, и карман очень натурально зашевелился.
Подростки на секунду застыли, соображая.
- Хочешь посмотреть? Иди сюда!
Ундук не торопился.
- Мы с ним договорились, спроси у Шиды, она все видела! Сейчас тебе его покажу!
Я осторожно засунул руку в карман и Ундук чуть пригнулся. Карман затрепетал, и там что-то громко заскрежетало. Тут я дико заорал, запрыгал и, выдернув руку из кармана, показал растопыренные пальцы. Двух не хватало.
- Откусило! А-а-а!!! - орал я вдогонку убегающим в ужасе подросткам.
Я выложил из кармана камни для пращи, снял куртку и принялся спокойно развешивать свои запасы.
Вскоре появился Гизак и еще двое мужчин с горящими ветками и охотничьими палками. Они увидели, что я в порядке и слегка расслабились.
- Где оно? - рявкнул Гизак.
- Кто? - спросил я невинно.
Гизак повернулся и вытянул за гриву Ундука.
- Кто? - переспросил он.
- Я не знаю! - прогнулся в коленях Ундук, - Оно откусило ему пальцы!
- Покажи пальцы! - повернулся ко мне Гизак.
Я показал.
Гизак молча влепил Ундуку свою пещерную затрещину. Порядок был восстановлен и мужчины ушли.
Ундук безжизненно опустился на камень и стиснул кулаки.
- Спасибо, Ундук! - поблагодарил я.
- Что!?
- Ты позвал на помощь, чтобы спасти меня, спасибо. Если с тобой что-то случится, я тоже тебе помогу.
Ундук ошарашено посмотрел на меня, потом молча махнул лапой. Больше мои товарищи не насмехались надо мной.

Новая подруга Зидана в гостях в своей старой пещере, став центром свежих новостей, порассказала своим бывшим сородичам про меня, и вскоре завистливый Колап снова появился у нашего костра.
Гизак неизменно обрадовался гостю. Это обычно означало, что соседней пещере что-то нужно от нас. Пока дожаривалось мясо, Гизак протянул Колапу парочку запеченных в углях жирных личинок. Тот задумчиво отправил их в широкий рот и уставился на пламя, собирая первые слова своей речи.
- Как охота, Колап? - любезно поинтересовался Гизак, - Все ли у вас в достатке?
- Добычи навалом, девать некуда, - ответил Колап, намекая на неограниченные

платежные способности.
- Но, может быть, все-таки что-то нужно?
- Новая зима впереди, - вздохнул Колап печально, - опять будем сдыхать со скуки.
- Да, зимой скучно, - посочувствовал Гизак, пробуя мясо острой палкой.
- У вас не очень скучно, - заметил Колап, - Ундук хорошо умеет врать.
- О, Туюм гораздо лучше врет! - похвастался Гизак.
- Да? - притворно удивился Колап, - Значит у вас и Ундук и Туюм хорошо врут? А у нас никто. Сдыхать зимой будем.
- Ундук будет хорошим охотником. Он стоит много добычи.
- А сколько добычи стоит Туюм? - спросил Колап осторожно.
Гизак задумался, прикидывая мой эквивалент стоимости. Потом учел, что добычи у нас тоже навалом и избыток не нужен.
- Он стоит две пещеры добычи, - наконец выдал Гизак и сам ужаснулся.
- Две пещеры?? - Колап от неожиданности закашлялся и Гизак дружески въехал ему кулачищем по хребту.
- Да, Колап, - Туюм очень хороший охотник и очень хорошо врет. Я вложил в него слишком много силы! - Гизак хохотнул и поддел гостя мохнатым плечом.
Мясо дошло как раз вовремя, чтобы немного отвлечь опечалившегося Колапа.

Этой ночью я с Ундуком и Каридом остались у костра.
Я смотрел на пламя и отпустил вспоминания подобных эпизодов в моих прожитых жизнях. Это быстро становилось похожим не наваждение. Очень многие моменты оказывались общими и как бы связывали совершенно разные линии бытия. Стоило посмотреть на багровый летний закат и оказывалось, что с точно таким же настроением я уже наблюдал его когда-то. Если женщина кокетливо смотрела на меня, то десятки ее отражений в разных эпохах посылали мне точно такой же взгляд. Когда я так думал, то начинал терять самого себя в этих жизнях потому, что во всех воплощениях переживания оказывались одинаковыми, и я просто повторялся много раз в несколько разном антураже. Мало того, становилось очевидно, что я повторяюсь не только в своих воплощениях, а любые другие люди - тоже как бы я, но при других обстоятельствах. Все люди, жившие, живущие и те, кто будет жить были мной, но только каждый в свое время и на своем месте. Я с любопытством посмотрел на того себя, который был сейчас Ундуком и лишь отсутствие сверхжизни ограничивало его понимание и отличало от меня.
Вдалеке жалобно провыли первые волки.
Ундук наугад метнул камень, и в темноте замелькали горящие точки глаз. Они подбирались все ближе, и камни уже не пугали их. Только костер мешал им. Я пошел за новой порцией дров, и среди огромной кучи сухих веток мне попалась одна прямая, примерно с дюйм толщиной. Тут же в голову пришло сделать лук. Недолго думая, я скрутил длинную сухую кишку, и получилась подходящая тетива. Моих сил не хватило натянуть ее, и я попросил помощи у Ундука.
Потом начал поджигать прямые смолистые камышины, собранные пучками для растопки и пускать их в горящие глаза. На пятый раз из темноты раздался испуганный визг. Моим товарищам это понравилось, и некоторое время мы

развлекались, стреляя по очереди. Когда в камышовую дырочку закладывался камешек, то она летела особенно сильно.
Ундук вспомнил что-то и уважительно спросил:
- Слушай, Туюм, а как ты так врать научился?
Сначала я не понял.
- Про что врать?
- Про то, что ты рассказываешь всем.
- А я не вру, я все это как во сне сам видел.
- Гизак говорит всем, что ты такой потому, что он в тебя вложил слишком много своей силы.
- Ага..., наверное, - я пожал плечами.
Тут закричала моя мать. Мы рванулись посмотреть, что случилось, но Гизак уже стоял у входа в нишу.
- Идите! - резко сказал он, - Волки залезут! Огня больше сделайте!
Ундук с Каридом бросились к костру.
Из полумрака появилась мать Шиды, которая, как я слышал, обычно принимала роды.
- Воды согреть? - спросил я ее.
- Она спросонья непонимающе посмотрела на меня, нетерпеливо махнула лапой, и Гизак пропустил ее.
"Ну и черт с вами. Что-то рановато она, вроде бы..." - подумал я и вернулся к костру. Я не знал, будет ли лучше, если ребенка искупают и решил не вмешиваться.
Мать громко орала почти все время, но, как всегда, никто не вылез из своих нор. Под утро мы пошли высыпаться, и когда я проснулся, то узнал, что родился мальчик. Гордый Гизак устроил большой праздничный суп с большим праздничным компотом.
Я проснулся от вкусного запаха. Это было очень кстати, и мы наелись досыта. Когда народ отвалился кто где вокруг костра, довольно отрыгивая, но без желания говорить или внимать говорящим, Гизак вдруг вскочил, загораясь идеей, и воздел было лапы с намерением сказать слово. Но вдруг он покосился на меня, хрюкнул и резко опустил лапы, громко хлопнув по ляжкам. И затем он посмел заговорить с опущенными лапами, что было невиданным вызовом традиции. Все очень ясно это заметили, но никто не посмел прервать и упрекнуть его. Так мое вмешательство покончило с обязательным поднятием лап, что, возможно, было серьезной потерей для регламента. Хотя пока что это оставалось привилегией только для меня и для Гизака, а любой другой не рисковал проявить немалую отвагу, чтобы заговорить без лап.
- Я снова сделал это! Я вложил еще больше силы! - он многозначительно посмотрел на меня, - Он будет еще лучше и еще ловчее Туюма! Его имя будет Тизил! Вот! - Гизак откинулся на еще не остывший от его зада камень.
Все почтительно молчали, громко отрыгивая. Мне стало одиноко и соответственно обидно. Никогда не слышал у народа имя Тизил, Гизак его явно сам придумал. Эти звуки на нашем языке означали "Лучший". Кстати, мое имя означает "Ловкий плевок" или "Хитрый плевок", - сложности перевода.
- Гизак, - наконец сказал я, также не поднимая лап - если народу бывает так

трудно со мной одним, что будет, когда нас станет двое?
- Он будет правильный, и все будет хорошо! - жестко махнул лапой Гизак.
Все согласно закивали, искренне возжелав правильного сына Гизака.
- И он будет варить вам такие же вкусные компоты? - коварно спросил я, заметив, что Хрум полез за добавкой.
Хрум замер и я почувствовал, что вселил сомнения в народ.
- Он будет лечить вас, рассказывать интересные истории и есть из горшков, которые придумал я? - на этот раз уже мне пришлось слегка придавить собственную совесть.
Повисло характерное для тупиковых политических споров нехорошее молчание.
- Смотрите! - вдруг сказал Ундук.
Он потянулся, взял мой лук, вложил приготовленную для волков камышину и на редкость удачным выстрелом попал в горшок в лапах Хрума, в который тот так и не налил добавочный компот. Горшок разлетелся вдребезги, и все подскочили.
- Он придумал это, чтобы отбиваться от волков! - крикнул обрадованный Ундук, превращаясь в моего союзника.
Этого оказалось достаточно. Про назревающий конфликт все моментально забыли и полезли смотреть лук. У племени появилась новая игрушка. Ундук показывал всем как нужно стрелять, а я лихорадочно думал, что же делать, чтобы племя не воспринимало меня как чужого.
Мимо меня неторопливо прошла чуть оскаленная Шида с загадочным выражением на мордочке. Она как бы невзначай вернулась и, проходя, потерлась шкурой о меня.
- Пойдешь? - негромко спросила она.
Я в некотором ошеломлении смотрел на нее, и она уже собиралась фыркнуть.
- Да. Ты иди, я возьму огонь и догоню.
- Зачем огонь?
- Мы же идем в пещеру!
- Зачем далеко?
Я вздохнул.
Мы вошли в темный ход, ведущий в глубину, и продвинулись на ощупь совсем немного, когда она охватила меня лапками и прижалась, чуть подрагивая.
Мне это все не очень нравилось.
- Шида, подожди!
- Что?
- Ты не хотела поговорить со мной, с тех пор как мы вернулись из пещеры?
- Нет.
- Ладно... - одной лапой я нервно расчесывал ее гриву пальцами, а другой чесал ее за ухом.
- Ну? - она нетерпеливо укусила меня.
- Что?
- Ты делал мне хорошо, делай!
- Шида, это неправильно...
- Что?
- Мы не должны это делать только для того, чтобы доставить удовольствие.
- А для чего? - она чуть отодвинулась от меня.

Я понял, что я веду себя как дурак. Мне очень не хотелось огорчать ее, и я смутно надеялся, что, может быть, она будет тем, кого я в состоянии осчастливить и таким образом выполнить свою жизненную задачу. Так что я сделал все, как она хотела.

Снег давно сошел, и сезонная скука осталась позади. Теперь все с утра торопились уйти в интересные места и на охоту, с надеждой оказаться удачливее других.
Я заразился идеей научиться делать хороший охотничий лук в местных условиях. Тут мне не нужно было изобретать ничего особенно нового - такой опыт у меня был в веках, только выискал подходящие ветки и добился нужных свойств после обработки. Чтобы вернуть навыки точной стрельбы тоже не потребовалось слишком много времени, и вскоре первый сурок, пронзенный камышовой стрелой с каменным осколком, был принесен в пещеру. Я не был еще мужчиной, и мою добычу восприняли как детскую шалость.
- Ты только распугаешь всех ленивых сурков в округе! - озабочено проворчал Медил.
Народ воспринимал лук как развлечение, и некоторые по вечерам из интереса брали мой пострелять. Для серьезной охоты их точность стрельбы была удручающе недостаточна.
Шиде очень нравилось стрелять из лука и у нее неплохо получалось. Как ни странно, этим увлекся и Зидан.
Взрослые близко меня к себе не подпускали, чтобы не распугивал дичь. Но Хрум часто брал меня и Карида с собой и учил нужным повадкам.

Однажды ночью Гизак разбудил меня, нетерпеливо пихая ногой в бок.
- Тизил заболел! - прорычал он угрожающе.
- Пойдем посмотрим! - слегка холодея от предчувствий возможных последствий для меня, предложил я.
Гизак сильно колебался.
- Нет! - прошипел он злобно, - Ты хочешь, чтобы он умер!
У меня округлились глаза, и минуту я молча смотрел на отца.
- Ну..., - я уселся на камень, - если ты так считаешь, лечи его сам.
- Если он умрет, я отправлю тебя провожать его в Мир За Горами! Такой закон! - он явно плохо владел собой.
- А если ты ошибаешься? Если Тизил заболел сам, и я тут ни при чем?
Гизак это понимал, но его смятение только возрастало.
- Можно мне просто посмотреть его?
- Нет!
- А зачем тогда ты меня разбудил?
- Чтобы предупредить.
- Слушай, Гизак, раз я такой плохой, может быть мне нужно уйти от вас? Колап хотел взять меня...
Гизак задумался.
- Ты не плохой. Но я обещал, что Тизил будет лучше, а он заболел.
- Зачем ты обещал? Разве можно знать это заранее?

- Я знаю.
- Похоже, что ты ошибся.
Гизак злобно оскалился и ушел.
Я лег на свою охапку сухой перевязанной травы и попытался обдумать положение, но по-детски сильно хотелось спать.
Утром, когда я проснулся, в пещере было необычно тихо. Из-за самых плохих предчувствий вставать очень не хотелось. У костра шла какая-то перебранка.
Я сел. Ундук и Карид хмуро сидели рядом и встревожено переглядывались.
Донесся голос отца.
- Он еще не был таким сильным!
- Если это сделал он, то ты должен отправить его в Мир За Горами, - явственно прошипел Шекил.
- А если не он? - спросил отец.
- Тогда ты слишком наврал народу. Ты сказал, что он будет очень сильным.
У костра повисло молчание. Высказывались слишком сложные мысли.
Ундук посмотрел на меня.
- Тебя прибьют сейчас, - тихо сказал он.
- Ага, - ответил я.
- Ты еще можешь свалить в пещеру, - подсказал Ундук.
- Не хочу, - тяжело вздохнул я.
- Я не наврал! - донеслось рычание отца.
- Сваливай, ленивый сурок! - прошипел мне Ундук и сам исчез из нашей ниши.
Карид поспешно последовал за ним.
Да, я мог убежать через проход в пещеру Колапа, но если тот не отдаст меня Гизаку, то между соседями начнется вражда.
Снаружи вдруг раздался женский визг. В тот же момент проход в нишу загородила фигура отца. В его лапах была тяжелая охотничья палка с камнем на конце. Я смотрел прямо ему в глаза, и он на мгновение замер. Женский визг повторился.
- Не надо! - это был плачущий голос Шиды.
Такой отчаяной отваги я от нее не ожидал. Именно это окончательно смирило меня с неизбежностью. Спасибо, Шида, значит, я не безразличен тебе…
Отец с ревом протиснулся в проход, я потянулся к наставнику, готовясь держать очередной ответ. Отец шагнул ко мне и со страшной силой замахнулся палкой, как будто перед ним был мамонт. И вся сила этого замаха пришлась на свисающий позади сталактит, который с музыкально чистым звуком обломился почему-то не в месте удара, а у основания, и это массивное основание низверглось на голову отцу.
Я все еще тянулся к наставнику и ясно почувствовал посланный мне заряд любви с небольшим укором за то, что снова пришлось вмешаться.
Очнувшись от шока, я бросился к отцу и осмотрел его голову. Крепкий череп был цел, на шее часто пульсировала артерия.
Я отошел и поднял глаза. Из прохода ниши на меня с ужасом смотрел народ.
Шида растолкала всех и бросилась ко мне. Я не удержал ее вес, и мы, в обнимку повалились на шкуры. Я вскочил и помог ей подняться.
Отец зашевелился, тихо прорычал что-то, привстал и, сморщившись от боли,

схватился обеими лапами за череп. Потом он увидел меня и содрогнулся, позабыв про боль.
Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, потом отец поник, повернулся и вышел, расшвыривая любопытных.
Я тоже хотел выйти, но Шида вцепилась в меня. Скоро вернулись Ундук с Каридом.
- Мурак не встал с места Гизака у костра, когда тот подошел, - сообщил Ундук.
- А что Гизак? - спросил я.
- Сел рядом. А Шекил сказал, что каждый сам знает свое место.
Значит, наш законник поспешил утвердить новую власть.
- Теперь все будет по-старому, - сказал Карид.
- Если они не подерутся, - возразил Ундук.
- Шида, - я сжал ее лапку, - я пойду, нужно что-то сделать.
- Я тоже! - она свирепо вскочила, и я не посмел ее остановить.
Мы вылезли из прохода и, не спеша, подошли к костру.
Там собрались почти все и, подобравшись, смотрели на меня, а Мурак, ворошивший что-то прутиком в костре, заерзал на месте, как будто ему жгло зад.
Я смотрел прямо ему в глаза и он, не выдержав, отвернулся.
- Мурак! - сказал я, - Разве это твое место?
Он злобно оскалился и вдруг одним прыжком вскочил на задние лапы. Отец вскочил почти одновременно.
- Ты! - заорал Мурак, - Говоришь с охотником! Ты еще не мужчина! Знаешь закон?
Он был прав, я похолодел. По закону меня сейчас должны были сильно наказать, и я никак уже не успею отменить эту традицию.
- Он мужчина! - зарычала Шида.
- Он?! - Мурак почти пришел в себя от удивления, - Ты это сказала?
- Он мужчина!
Мурак некоторое время хлопал глазами, что-то прикидывая.
- Надо проверить! - заорал Шекил.
Мать Шиды с готовностью поднялась, подошла, не церемонясь, протянула лапу ко мне под одежду и начала проверять.
- Нет, - сказала она злорадно, - он еще не мужчина.
- Ха! - обрадовался Мурак.
- Он мужчина, я говорю! - заявила Шида.
Все некоторое время молчали, вспоминая почти не существенный нюанс пещерного законодательства.
- Тогда он должен жить с тобой! - сообразил Мурак, - Он должен взять тебя!
- Я беру ее, - сказал я.
- Так! - объявил отец и привычно сел на свое исконное место, - Туюм будет жить с Шидой в дальней нише!
- Мурак, - спросил я, и уже был вправе это сделать, - ты хочешь еще что-нибудь сказать?
- Нет! - Мурак сел на свое место и ловко плюнул в костер, намекая на мое имя.
Все и все. Про Тизила и позор Гизака все просто забыли.
Опять мне пришлось переселяться. И Шиде тоже. Мы должны были соединить свои запасы в дальней нише, куда почти не доставал свет костра даже когда он

ярко пылал.
Я пошел зажигать восковую свечку от костра и когда вернулся, увидел, что у нас гости. Мать Шиды недобро поглядывала на меня или мне так показалось из-за колеблющегося света свечи. Я поставил свечу на выступ, всей шкурой ощущая раскаяние оттого, что лишаю мать привычного общения. Теперь она будет жить одна.
Шида тоже нервничала, то и дело поглядывая на угрюмо молчащую мать. Наконец мать Шиды фыркнула и ушла. Я так и не сумел или не захотел найти нужных слов для нее, хотя вряд ли вообще это было возможно.
Когда мы укладывали наши вещи, Шида вдруг засмеялась и показала мне кристалл горного хрусталя. К нему все еще был привязан волос Зидана.
- Давай мы повесим его перед входом, - предложил я, и Щида одобрительно кивнула.
Вскоре у нас все было разложено так, как это принято у всех: на самой ровной площадке расстелены шкуры, под которыми лежал сухой лесной мох и ворох перевязанной травы в изголовье, в глубине ниши - наши запасы.
Мы еще не ели с утра. Шида покопалась в запасах, достала кусок сушеного мяса и, разорвав крепкими пальцами, протянула мне половину. Я улыбнулся ей, покопался в своих вещах и, вытащив соты, дал откусить ей кусок.
- Шида, у нас будет праздник? - спросил я.
- Какой?
- Ну, мы же начали жить вместе…
- Да.
- Если это хорошо, то должен же быть какой-то праздник. Давай сделаем его для всех?
- Давай, - она засмеялась.
- Тогда пойдем на охоту вместе!
Все кроме дежурных у костра и нескольких женщин уже ушли.
Солнце давно поднялось из-за лесистого гребня горы. Море весенней зелени переполняло устье долины, отовсюду орали птицы, и мне тоже хотелось кричать и побежать куда-нибудь. Что я и сделал.
Шида легко догнала меня и побежала рядом.
- Они все пошли охотиться в лес, - кричал я, - а мы пойдем вниз, вдоль речки!
- К Миру За Горами??!!
- Да!!!
Мы пробежали мимо соседей, и какой-то лохматый подросток для тренировки кинул вслед камень. Недолет. Я остановился, достал пращу и мой камень с устрашающим свистом разбился о скалу над входом в пещеру, отбив всякую охоту соревноваться со мной. Шида насмешливо вильнула голой задницей, и мы побежали дальше.
Река ушла вправо и открылась холмистая долина. Мы перешли на шаг и вошли в полосу кустарника. Я знал, что все здесь изрыто сурковыми норами.
Шида пихнула меня и молча показала пальцем. Рядом с горкой свежей земли на задних лапах сидел сурок, высоко подняв тельце и озираясь по сторонам. Их любимая поза.
- Попадешь отсюда? - тихо спросила Шида.

- Нет, конечно, нужно ближе.
Мы сняли луки, и незаметно начали подкрадываться, стелясь по траве вдоль подножия холма. Когда стал виден сурок, мы очень медленно приготовились и выстрелили почти одновременно. Стрела Шиды сшибла сурка, а моя пролетела над ним. Тогда, чтобы не мешать друг другу, мы разделились.
Через несколько часов я вернулся к кустарникам с тремя сурками. Шиды еще не было. Я пытался высмотреть ее, потом просто улегся на траву и стал ждать. Наглые оводы постоянно садились на меня, и я проводил время, пришлепывая их на теле.
Потом вместо оводов на меня посыпались убитые сурки. Я вскочил и обрадовано улыбнулся Шиде. Она была страшно довольна и, слегка подпрыгивая от нетерпения, показывала мне на свою добычу. Пять тушек. Круто. С такими темпами через год - два здесь выживут только самые хитрые сурки, которые не будет подпускать близко таких как мы.
- Шида, ты настоящий охотник! - крикнул я, - Но ты меня измазала кровью!
- Искупайся!
- Пойдем вместе!
Мы пошли к реке, волоча сурков за хвосты. Они были тяжелыми и часто вываливались. Тогда мы сняли тетивы с луков и связали их.
Вода была очень холодной, и ступни быстро немели, но зато, когда я вылез, тело приятно горело миллионами иголочек. Шида счастливо визжала и скакала по речной гальке.
Мы подставили шкуры под теплое солнце и валялись на траве, высыхая.
- Туюм! - сказала Шида.
- Что?
- Ты совсем не такой как другие!
- Ага.
- Почему?
- Гизак говорит, что слишком много силы в меня вложил. Это плохо, что я не такой?
- Не знаю… Другим не нравится. А мне - нравится.
- Это хорошо, что тебе нравится. Ты ведь тоже не такая как другие.
- Ага. А тебе нравится, что я не такая?
- Очень.
Шида радостно оскалилась и укусила меня за руку.
Мы пришли в пещеру раньше многих и принялись разделывать добычу. Я уже рассказал Шиде, что собираюсь делать, и она помогала мне.
Мы нарезали мясо кусочками в большой горшок, затупив несколько острых каменных осколков. Потом я очистил много лука и, истекая слезами, натер его шершавым камнем в мясо. Еще я добавил немного меда и чабера. Пока мясо мариновалось, я сделал из плоских камней стенки длинной шашлычницы. Мы приготовили много прочных прутиков из свежих веток барбариса.
К вечеру у костра начали собираться голодные охотники, а дежурные почему-то варили один только компот. И еще Трепло Туюм игрался рядом, нанизывая испорченное луком мясо на прутики. Осведомленный Гизак сидел рядом и снисходительно объяснял, что его Туюм решил снова удивить народ, хочет

устроить народу праздник потому, что теперь будет жить с Шидой. Никто ничего не понимал, но когда Гизак похвастался, что мы сегодня притащили восемь сурков, подстреленных луками, все удивленно стали переговариваться.
Я засыпал только что прогоревшие дрова в новую жаровню и разложил палочки над ними на камнях. Вскоре аппетитный аромат наполнил пещеру. Теперь все прониклись новшеством и с нетерпением ждали результата, потягивая дымок носами.
Потом я начал щедро раздавать шашлык. Народ был в восторге. Мы не знали соли и перца. То, что получилось - казалось необыкновенно вкусным.
- Пусть Туюм все время будет нашим дежурным, - размечтался Зидан, - а мы будем для него охотиться!
- Нет, - ласково возразил Гизак, - мне его сурки больше нравятся, чем твои лягушки!
Зидан, с хрустом перекусил свой прутик. Ему сегодня не повезло на добычу и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, пришлось, как делалось всегда в таких случаях, сходить на ближайший камышовый разлив за лягушками. Все почему-то происходило так, что мы с Зиданом никак не могли остаться в хороших отношениях.

Моя возрастная мотивация окончательно переключилась с детских игр на юношескую охотничью направленность. Я изготовил множество луков и самый удачный из них всегда брал с собой на охоту. Камышовые стрелы я полировал и тщательно крепил наконечники из тонких сколов кварца.
Вскоре я научился сбивать летящего улара почти каждой стрелой или одним из двух пущенных из пращи камнем.
Охотники, видя такую эффективность, пытались тоже использовать луки. Невольно я стал причиной появления новой поговорки: "мужчина не приносит лягушек", и выход был один - научиться хорошо стрелять. Почти как я стрелял только Зидан, чуть похуже - один из охотников Колапа и Шида. Хуже всех стрелял Гизак, но он иногда приволакивал кабанов, которых стрелками или камнями можно было только раздразнить.
Я приносил в пещеру нисколько не меньше добычи, чем остальные. И почти никто не приносил горных индеек.
Шида была мной довольна и среди женщин в пещере занимала далеко не последнее место в иерархии. В то время как другие женщины обычно добывали только улиток, личинок и толстых лягушек, она редко возвращалась, принеся меньше двух сурков.
Я вел себя совсем не как другие мужчины, которые почти никогда не общались со своими подругами. Нам с Шидой нравилось быть вместе. Я рассказывал ей всякие истории, мы исследовали пещеру, и она часто ходила со мной на охоту. Бывало, мы добывали даже горных козлов.
Обычно она бесшумной тенью мелькала невдалеке среди кустов, следуя почти незаметным клочкам козьей шерсти на ветках, обглоданным листочкам, следам помета на камнях. Я осторожно шел в стороне, ниже по склону, чтобы коза, если ее спугнет Шида, по обыкновению бросившись вниз, вышла бы прямо на меня. Мы уже не раз проделывали это. Только я все время думаю о чем-то

постороннем, отвлекаюсь, и однажды чуть не упустил козу. А Шида полностью поглощена охотой. Она вся растворяется в этом мире и становится его частью. Мне это никак не удается. Я - скорее наблюдатель жизни, чем ее участник. Часто я не столько думаю о самой охоте, как на ходу придумываю новые способы охоты.

Мне надоело мучиться с каменной утварью. Я все время высматривал признаки железной руды и всех расспрашивал про тяжелые камни. В голове давно уже возникла конструкция небольшой плавильной печи. Однажды мне повезло. Я нашел бурый железняк. Но это было довольно далеко от наших пещер.
Когда Гизак вернулся с охоты, притащив всего лишь несколько крупных лягушек, я подошел к нему.
- Гизак, ты хочешь не ломающийся острый нож? С ним будет очень удобно охотиться.
- Не ломающийся?
- Он будет гораздо крепче и удобнее каменного!
Как раз в этот момент мимо проходил Мурак, закинув за плечо что-то расплющенное дубиной, что раньше было енотом. Он услышал и громко фыркнул.
- Снова новые идеи! Вчера Хрум облился горячим компотом! Потому что в его лапах сломался горшок Трепла Туюма!
- Хрум слишком жадно сжимал его! И разве я не вылечил его сразу? - возразил я.
Мурак снисходительно хмыкнул, перекинул отбивную енота на другое плечо и пошел дальше.
Гизак уже хотел новый нож.
- Где нож? - спросил он.
- Я могу сделать, только нужно принести материал. Он далеко отсюда.
- Нам нужны острые ножи! Мы сходим!
Племя уже умело делать корзины еще с того времени как, увидев мои тренировочные приспособления, все признали, что это - удобная вещь. На следующий день мы с собой взяли несколько самых прочных корзин и к вечеру вшестером притащили около ста килограммов руды.
Охотники возвращались мрачные и недовольные. Никогда они не ходили так много для того, чтобы добычей оказалась груда тяжелых грязных камней. Многие поранили задние лапы, хотя наши ступни и были покрыты толстой кожей. И все из-за Туюма. Но Гизак лучше меня сумел расписать такие прелести новых ножей, о которых я сам не подозревал.
На следующий день мне помогли вылепить из глины огромную бутыль. Я выравнивал стенки изнутри, и потом возникла небольшая проблема: как вытащить меня. Бутыль, судя по репликам снаружи, явно всем очень нравилась, и я услышал голос Мурака:
- Этот большой горшок годится чтобы сварить Трепача Туюма, и он уже там!
Я задрал голову вверх в поисках решения и увидел ветвь дерева над горлышком. Оставалось только привязать там веревку, чтобы вылезти.
Мы обожгли бутыль и соорудили два воздуходува из шкур. Потом наделали большое количество древесного угля и засыпали порцию в печь.

Распалив внутри костер, чтобы уголь занялся, мы загрузили бутыль слоями угля и разбитой руды и начали вдувать мехами воздух. Уголь с гулом разгорался. Этот завораживающий гул вызвал осторожное предположение у зрителей, что, может быть, Туюм и не трепло.
По мере проседания добавлялись новые слои. Когда из щели потек шлак я, открыв дырку, выпустил его. Густой ручеек огненной лавы потек по склону, изумляя притихших сородичей. Двое лохматых детенышей обрадовано скакали вокруг светящейся струи. Один потрогал пальцем и завизжал от боли.
Мужчины продолжали качать воздух, все чаще сменяясь. Наконец вся масса прогорела. Я нагнулся и заглянул в дыру. В печи все ярко сияло, и трудно было что-то разглядеть, только пышущим жаром жгло глаза. Тогда мы разбили глиняную стенку и с трудом выгребли палками тяжеленный блин раскаленного железа. Уложив его на огромный плоский камень, мы большими камнями принялись выбивать из него остатки шлака. Брызги разлетались, прожигали шерсть и впивались в кожу больнее, чем укусы пчел. Железо почти остыло, когда образовался большой лист.
Острыми камнями, как зубилом, я отделил несколько кусков. Один из них подровнял каменным молотом, потом принялся затачивать. Толпе наскучило смотреть на этот долгий процесс, и все нашли себе более интересные занятия. Только Гизак сидел рядом.
Потом я раскалил нож на костре и резким движением закалил в воде.
Я довольно удачно приделал деревянную ручку к лезвию. Осталось заточить его подходящими камнями. Первый нож был готов.
Одну из отрезанных железок я попробовал в качестве огнива и высек сноп искр при скользящем ударе по куску пирита. На березах нашлось много сухих грибных наростов, которые можно было использовать в качестве трута.
На вечернем костре я показал народу нож в действии. Это было всего лишь кричное железо, но, когда одного движения хватило, чтобы разрезать шкуру, раздалось дружное "У-у-у-у". И я вручил нож Гизаку под завистливое причмокивание соплеменников. Тот с азартом начал осваивать новую игрушку. Когда же его восторг достиг вершины, я продемонстрировал новый способ добычи огня. Такого счастливого Гизака я никогда не видел. Он, как ребенок, побежал к соседям, не упуская случая намекнуть на новое качество в товарообмене. И это выплеснуло наружу всю накапливаемую к нам зависть.
Главари шести соседских пещер долго сидели на корточках у речки, озабочено плевали в воду и потом направили Колапа для переговоров к Гизаку.
Мы мирно отдыхали у вечернего костра, жарили сегодняшнюю партию лягушек в углях и тушили в большом семейном горшке сурка и индейку с овощами, когда неуклюже ввалился Колап.
- О! - обрадовался Гизак, показывая старому другу место рядом с собой и гостеприимно протягивая прутик с жареной лягушкой.
Колап охотно взял прутик и аппетитно захрустел корочкой.
- Я не один, - заявил Колап, - я - от всех.
- А-а, - понял Гизак.
- Тебе, Гизак, сильно повезло, - наконец сказал Колап.
- Да, - подумав, ответил Гизак.

- Ты стал богатый, здоровый, а мы все так и живем.
- Да, - согласился Гизак.
- Но если будет большая беда, кто тебе поможет?
- Вы, - просто ответил Гизак.
- Да, - согласился Колап, - мы народ.
- Да, - Гизак протянул Колапу вторую жареную лягушку.
Тот снова захрустел, мучительно выстраивая очередной силлогизм.
- Но ты так богат, что мы кажемся как в беде. Ты понял?
Размышление затянулось на всю лягушку Колапа, и ему налили большую чашку компота.
- Ты научился делать луки и стрелять? - наконец спросил Гизак.
- Да.
- Ты научился делать горшки?
-Да.
- Ты не чешешься от блох?
- Нет.
- Значит, мы помогли?
Колап растеряно задумался, но потом сказал.
- Да, помогли. Народ радуется. Ты же и теперь будешь помогать?
- Буду. А что ты хочешь?
Колап не выдержал искушения и сказал прямо:
- Ножи.
- Тебе?
- Всем.
Я вскочил со своего места.
- Гизак, я отвечу!
Колап так удивился, что чуть не вылил компот себе на задние лапы.
- Разве он мужчина?! - спросил он брезгливо.
- Да, - с довольным оскалом ответил Гизак, - говори, Туюм.
- Закон такой, - проорал я, уважительно кивнув Шекилу, - помогают тому, кто сам не может что-то сделать.
Все задумались, поглядывая на нашего интерпретатора законов и сыто отрыгивая.
- Да, - нехотя кивнул Шекил.
- Ты, Колап, сам охотишься и тебе не нужно помогать дичью. Если я научу тебя, как делать ножи, ты сам их сможешь делать. А готовые ножи можно только покупать. Правильно?
- Правильно! - обрадовался Гизак.
- Научи! - согласился Колап.
- Хорошо. Тогда завтра утром все пойдем за тяжелыми камнями. А сегодня сделайте корзины. Наши женщины научат.
Сам же я принялся кроить себе рюкзак из прочной шкуры кабана, которую выпросил у Гизака.

Моя жизнь стала интереснее и приятнее. Наступила середина весны.
- Будет теплая ночь! - сказала однажды Шида таинственно, - А вчера я видела

полную луну.
Я вспомнил про праздник, где у меня должен появиться первый волчий клык в косичке.
- Тебе нравится этот праздник?
- Да. Тебе будет трудно.
- Почему?
- Потому, что ты еще не совсем мужчина!
- Никто же не знает!
- Узнают. Тебя выберет другая женщина!
Я округлил глаза и подумал.
- А ты не можешь выбрать меня?
- Неа, - Шида мечтательно покачала головой, - я выберу другого.
Я вздохнул и не стал спрашивать кого.
Племя понемногу проникалось предстоящим.
Женщины пришивали себе кармашки к шкурам на бедрах. Мужчины строгали новыми ножами какие-то небольшие палочки. Когда я поинтересовался у Хрума, он неохоьно сказал, что это честь мужчины. Я пригляделся к той, что была у Хрума и настрогал себе штук десять таких же.
Гизак заметил это и обомлел. Потом он с яростью переломал все.
- Туюм!!! Так еще никто не поступал!
- Что?
- Ты настругал много чести Хрума!
Ундук захохотал, не в силах сдержаться.
А Гизак растопырил три кривых пальца у меня перед мордой.
- Вот сколько может быть чести у мужчины! - орал Гизак.
- Ундук! - попросил я, - Объясни мне!
- Каждый делает себе три чести. И они должны отличаться от всех других. Ты должен придумать свой узор.
- Что с этим будем потом делать?
- Ха! - Ундук посмотрел на меня как на запросившего слишком много, - Каждый сам узнает и сам придумывает как ему лучше побеждать.
Он четко сознавал, что информированность дает преимущество и не желал, чтобы я получил его.
- Ну, ладно, - сказал я, подправил заточку своего ножа, и не поленился, вырезал себе такие затейливые узоры, что все подходили смотреть и чесали пупки от зависти. Потом подошел к Гизаку узнать, все ли у меня готово.
В это время тот лихорадочно прикидывал количество имеющихся продырявленных клыков. Кажется, это была очень непростая задача. Он откладывал клык и, прикрыв глаза, называл его чьим-либо именем, стараясь никого не пропустить. Я уже давно знал число соплеменников и быстро отсчитал нужное количество. Гизак недоверчиво посмотрел на меня и начал перепроверять. С третьей попытки он убедился, что я оказался прав и радостно оскалился, открыв во мне новый талант.
Мужчины начали привязывать себе на животе с помощью волос палки чести, и я поступил так же. Если будет малое число волосинок, честь легко потерять, а если много - то, когда ее отрывают, будет больно. У многих в этом месте уже

появлялась залысина.
На этот раз не было никакого супа и компота. Заранее зажарили на прочной палке высоко над костром убитого вчера кабана. Когда начало темнеть, Гизак с Мураком взяли вертело с кабаном на плечи, и мы все, перебрасываясь шутками, пошли в лес. Никто не брал оружия. Я тоже оставил свой лук. Только обвязал вокруг пояса пращу с заложенным камнем. Шекил же прихватил свою адскую струнную машинку со смычком, похожим на мой лук, щедро натертым сухой еловой смолой.
Довольно далеко, на ровной большой поляне у лесной речки собрался народ со всех пещер. Когда мы пришли, там уже громоздились три кучи веток для костров. Нашего кабана пристроили над ветками рядом с его собратом, зажаренным у соседей.
Луна еще не взошла, было темно. Без особых церемоний подожгли костры. Какого-то одного главного заводилы не было, а из пещерных лидеров сформировалось что-то вроде жюри.
- Что сейчас будет? - невинно спросил я у Ундука.
- Выберем вплетальщиц клыков года, - неохотно ответил он и отошел от меня во избежание дальнейших расспросов.
Мужчинам раздали по горсти круглых красных камешков, и они образовали широкий круг. Шекил что-то торжественно проорал, и заскрипел смычком. Его тут же поддержали другие музыканты. Я стиснул занывшие зубы, а женщины начали танцевать.
Мужчины принялись подергиваться в неприхотливом пещерном ритме и притопывать. Члены жюри, стоящие между тремя кострами, плотоядно присматривались к танцующим, не забывая профессионально проворачивать кабанов над кострами.
Мужчины в экстазе подзывали понравившихся женщин и совали им камешки в кармашки. Я понял процедуру и подозвал Шиду. Она не услышала. Какой-то горластый извивающийся юнец тоже подозвал ее.
- Шида!!! - заорал я.
Она посмотрела удивленно, но подтанцевала ко мне, и я вывалил ей всю свою горсть камней, сразу заполнив ее кармашек. Она ахнула, счастливо сверкнула мне глазами и упорхнула.
Танцы закончились, как только последний мужчина истратил свой последний камешек. Музыка оборвалась, и восхитительная тишина вернулась в лес. Усталые женщины расселись на траве вокруг поляны. Но не все. Несколько крепких самок торопливо привязали себе чуть выше пупков по три щепки чести и на равных подошли к самцам, отпуская чисто мужские шуточки и раздавая задорные затрещины.
Мои уши отдыхали недолго. Новый шквал скрежета оказался куда омерзительнее прежнего, выражая суровые ритмы боевого состоязания. Молодой самец, стоящий рядом, задышал чаше и напрягся. Народ на поляне начал рассредотачиваться, насторожено поглядывая друг на друга. Что-то должно было произойти, и я напряг бдительность до предела.
Судейская элита, оттащив от огня дымящееся мясо, судя по всему, намеревалось вступить в общую игру в полном составе. Лидеры, поигрывая мускулами и хищно

скалясь, начали высматривать добычу.
Гизак вальяжно подошел к молодому самцу и, доброжелательно ухмыляясь, протянул лапу. У того вздыбилась шерсть на загривке, но он, судорожно сглотнув, безропотно оторвал одну из своих палок чести и отдал ее вместе с клочком своей шерсти. Гизак сноровисто прикрепил ее себе на брюхо.
Многие молодые безропотно отдали честь, и мужчины с неодобрительным оскалом смотрели на это. Но вот один из молодых сам попытался оторвать палку чести у Колапа. Тот легко увернулся и мощной затрещиной сбил нахала с лап на землю, наступил ему на живот и одним рывком сорвал с живота две его чести.
Началась общая свалка. Жуткое рычание разъяренных мужчин и восторженный визг женщин наполнили поляну.
Я слишком загляделся и чуть было не упустил из виду бросившегося ко мне самца. Это был Медил, один из лидеров, позарившийся на легкую добычу. Его огромная косматая лапища летела ко мне в замедлившимся потоке времени. Я резко присел, увлекая за собой одну из палок чести лидера. Тот перелетел через меня, и я ударом кулака вмял величественно проплывающие над моей головой могучие гениталии. Возможно, только рев кастрируемого мамонта мог бы сравниться с воплем, перекрывшим все звуки. Но я уже бежал, на ходу засовывая добычу за пояс из пращи и уворачиваясь от хватающих меня лап.
Я чуть не растянулся, споткнувшись об упавшее тело, но, привычно проскакав по нему на четвереньках, без укора совести сорвал еще одну честь.
Когда я выпрямился передо мной стоял Мурак. Не тратя даже доли секунды на ритуальные гляделки, я треснул его только что добытой честью по носу и круто вильнул в сторону. Непреодолимая сила притянула меня обратно за гриву. Я крутанулся, наматывая на себя держащую лапу и, оказавшись морда к морде с Мураком, глубоко засунул ему в оскаленную пасть честь, которую все еще сжимал в лапе. Мурак отпустил меня и, качаясь на пятках, схватился за торчащую палку. Взамен я сорвал с его брюха две другие и убежал.
Мои физические самоистязания полностью себя оправдали, и когда, наконец, музыканты в изнеможении опустили лапы, у меня за поясом оказалось около десятка чужих палок.
Потрепанные самцы подошли к кострам. Жюри восстановили свой кворум и приступили к сортировке. Я оказался первым, что вызвало нешуточный ропот у мужчин и обидные насмешки у женщин.
- У него две чести Мурака и честь Медила! - заметил кто-то с ужасом.
- Разве Трепло Туюм - самый сильный мужчина?! - заорал Мурак, но поперхнулся из-за все еще саднившего горла и мучительно закашлял.
- Я самый ловкий! - нагло провозгласил я, - Почему Мурак все время спорит? Ему что, не нравятся правила?
Никто не ответил, но в общем настрое чувствовалось что-то нехорошее для меня. Тогда я подошел к Гизаку и отдал ему все палки кроме своих трех.
- Вот, мне не надо!
Гизак простодушно загреб палки и обрадовался, как ребенок.
- Ха! - опять заорал Мурак, - Трепло помог Гизаку набраться чести!
Палки вывалились из лап Гизака, и через мгновение Мурак катился через поляну

от стандартной затрещины. Мужчины завопили в предвкушении хорошей потасовки.
Мурак полежал немного, поднялся на четвереньки и нашарил в кустах увесистый булыжник. Он встал на дыбы как горилла и дико заорал. Я поспешно раскрутил свою пращу и выбежал перед Гизаком.
- Мурак! - моя праща зло пела в воздухе, - Выкинь камень, если ты такой честный!
Мурак исторг самое ужасное из порицаемых ругательств и замахнулся на меня булыжником. Я выпустил пращу и Мурак, всплеснув лапами, рухнул на землю.
Все оцепенело молчали, когда я подбежал к Мураку и осмотрел его. Удар был не слишком сильным и череп не был пробит, но на лбу вспухала огромная шишка.
Я похлопал его по мохнатым щекам. Наконец он заморгал, скривившись от боли.
Члены жюри принялись объявлять победителей.
Гизак - больше всех чести!
- А-а-а-а-а! - восторженно завизжали женщины.
- За ним - Бугар!
- А-а-а-а!
- За ним - Колап!
- А-а-а!
- За ним - крутая Мурзи!
- У-у-у-у-у! - прокатился вожделенный мужской гул.
Последнему победителю досталось только снисходительное хихиканье женщин.
Потом были объявлены те, у кого остались их три палки: я с компанией музыкантов.
В костры были вброшены новые дрова. На стволах вокруг поляны весело заплясали фантастические тени. Когда накал чувств утих до силы аромата жареного мяса, коллективное сознание переключилось на еду. Лидеры и первые палки племени, не торопясь и с достоинством, оторвали себе лучшие куски, уступив место остальным. Музыканты последними обгладывали оставшееся.
Потом народ потянулся на речку отмывать жирные лапы и морды, готовясь к следующему событию праздника. Полная луна сияла над нами, все было ясно видно в серебристом сказочном сиянии. Это создавало особое мистическое настроение.
Когда все снова собрались на поляне, женщины подошли к членам жюри. Те хором хлопнули в ладоши. Каждая из женщин вынула один камешек и бросила его к ногам судий. Еще хлопок. У одной из женщин не оказалось второго камешка, и она тихо отошла в сторону. Через три хлопка рядом с ней встала еще одна. Так продолжалось, пока все женщины не выстроились в цепочку кроме счастливой Шиды. У нее еще оставались камешки.
Такой результат опять озаботил всех. Шида была слишком молода, чтобы считаться полноценной женщиной, и вовсе не была самой сильной и привлекательной.
- Это он! - вдруг крикнул молодой самец из другой пещеры, который в круге стоял рядом со мной, - Я видел! Трепло Туюм отдал ей все свои камни!
- Туюм! - заорал отец, - Ты сделал это?!
- Да. Разве это запрещено?
- Так никто никогда не делал! - воскликнул Шекил.

- Разве это было когда-нибудь запрещено? - спросил я.
Члены жюри переглянулись.
Неугомонный Мурак выскочил вперед с перекошенным яростью лицом.
- Он совсем испортил нам праздник!
- Нет! - заорал я, - Это была моя хитрость! Никто никогда не запрещал давать сразу все камни!
- Да, не запрещал, - признал честный Шекил, - Туюм сам придумал!
Шида была признана первой женщиной и получила право вплетать клык года. Сначала она прикрепила детские клыки всем нашим подросткам. Я не оказался в их числе. Затем ей вручили два продырявленных клыка для взрослых. Один она вплела себе в косичку и горящим взглядом окинула толпу. Я опустил глаза, подавляя ревность, досаждающую мне много тысячелетий.
- Зидан! - крикнула Шида.
Вот такие они - женские сердца... Зидан вздрогнул от неожиданности, глупо ухмыльнулся и, вроде как нехотя, подошел к Шиде. Она наклонила его голову и вплела клык. Взявшись за лапы, они ушли в лес.
Я не очень удивился, когда одна из женщин выбрала крутую Мурзи. Потом вышла Нази, моя мать, и вызвала меня. Ну что ж, мать спасает своего ребенка от разоблачения.
Я понимающе улыбнулся ей, подошел и склонил голову. Мою косичку украсил первый клык. Потом мать взяла меня за лапу, и мы ушли.
- Спасибо, Нази! - искренне сказал я, когда мы отошли от поляны в залитый лунным светом лес.
Она что-то довольно проурчала и потерлась об меня своим боком. Во мне шевельнулись подозрения.
- Нам же не нужно больше возвращаться ко всем? - спросил я.
- Не нужно.
- Тогда пойдем домой! Уже поздно.
Она прислонилась ко мне. Я напрягся и, как бы невзначай, попробовал повести ее дальше. Но она еще крепче прижалась и сердито заурчала.
- Нази! Ты же моя мать! - воскликнул я в смятении, понимая, что это глупо.
- Да!
- Я не могу, Нази!
- Почему?
- Потому, что ты - моя мать.
- Ну и что?
- Давай отойдем еще немного, я подумаю!
- Давай.
Мы пошли, но она не отпускала меня. Я понимал, как неуместны здесь мои представления. Физиологически мне было около тринадцати, а она была еще очень молода, и меня влекло к ней и как к матери и как к женщине. Я с изумлением чувствовал, что мое тело пробуждается.
Мы остановились, Нази обняла меня и оказалось, что я уже в самом деле мужчина.
Шида вернулась в пещеру позже меня. Я уже спал, когда она перелезла через меня на свое обычное место. Я открыл глаза. Она удивленно обнюхивала меня.

- Что, Шида?
- От тебя пахнет мужчиной! - прошептала она.
- Да. Я уже мужчина.
- О-о! - она повалилась на меня и начала проверять.

Даже в обед никто не встал готовить еду. Последние гуляки вернулись засветло. На вечернем компоте Мурак помирился с Гизаком. Это был наш последний компот потому, что сушеные фрукты закончились.
- Я слишком хотел, чтобы все было правильно! - сокрушался Мурак, осторожно потирая огромную шишку.
- Да. Когда правильно, тогда лучше, - дипломатично согласился Гизак.
- Когда правильно - все понятно, - развил тему Мурак.
- Но не все непонятное неправильно! - изрек Гизак и задумался над собственными словами.
- Ты говоришь, как Шекил! - польстил Мурак и Гизак заржал.
Они выпили компота и расслабились.
- Как ты, Мурак, вчера? - осторожно поддел Гизак, - Хорошо погулял?
Мурак загадочно оскалился.
- Как молодой мамонт! - похвалился он, - А ты, Гизак?
- Как три молодых мамонта! - устало махнул лапой Гизак, оставив тень не оспоренного превосходства у собеседника и повод для дальнейшей неприязни.

Кроме нас с Шидой и подростков никто больше не ходил в глубь пещеры, хотя мы часто приносили оттуда заманчиво красивые известковые образования. Свечи я берег, и подростки не могли с одними лучинами забираться далеко, а взрослым это занятие казалось слишком бесполезным. Правда, переход в пещеру Колапа освоили многие.
Во время одного из наших путешествий по глубинам пещеры, которые мы часто предпочитали охоте в лесу, мы с Шидой обнаружили новый выход. Он находился довольно далеко от наших становищ. Пещера была уже настолько хорошо нами изучена, что большую часть мы шли, не зажигая свечей, в полумраке от тлеющих углей в горшке.
Мы истратили почти все свечи и собирались возвращаться, когда обнаружили новый выход. Это нас обрадовало потому, что даже думать не хотелось про спуск в последний колодец, из которого мы с немалым риском выбрались, подстраховываясь веревкой из крученых кишок. Теперь же можно было пройти поверху.
Пригибаясь, мы вылезли из невысокой щели в высокую нишу, откуда начинался ручей. Почти летнее солнце ласково заливало теплом узкое ущелье с крутыми склонами, заросшими густым кустарником. Прямо напротив выхода из пещеры, с противоположной стороны примыкало боковое ущелье, образуя живописную развилку с березовой рощицей. Две речки сливались в небесно-голубое озерцо с прозрачной водой.
Мы спустились вниз, пробираясь через кусты смородины и колючего барбариса. Место казалось настолько уютным, что я подумал о том, как неплохо было бы переселиться сюда. Здесь водилась дичь, на кустах попадалась шерсть горных

козлов, здесь было множество сурковых нор, и однажды из-под ног шмыгнул крупный кролик.
Мы спустились к озеру и уселись на чудесный песок. Рядом небольшими фонтанчиками пробивались чистейшие роднички. В этом прекрасном месте царил безмятежный покой.
- Щида, тебе здесь нравится?
- Да!
- Ты бы согласилась жить здесь со мной?
- Нет! - она удивленно посмотрела на меня.
Я развязал свой рюкзак и достал еду.
Наслаждаясь жизнью, мы съели сушеное мясо. Но не хотелось оказаться ночью в незнакомом месте, и мы не стали засиживаться.
Как только мы прошли немного вниз по ущелью, оно резко сузилось, обрываясь крутыми водопадами. Обходить их по склону, густо заплетенному кустарником, было невозможно. Мы полезли прямо вниз, спускаясь в некоторых местах по двойной веревке, перекинутой через камни или крепкие ветви.
Дальше приходилось идти вдоль речки по прибрежным камням, постоянно пробираясь через переплетенные деревья и наши задние лапы стали побаливать, попадая на острые сколы камней и крупную щебень. Теперь уже казалось, что обратный путь пещерой был бы проще и, главное, неизмеримо короче.
Мы остановились, чтобы напиться и присели отдохнуть. Я ухватил Шиду за заднюю лапу и, пока она хихикала, осмотрел ее ступню. Несколько царапин сочились кровью. Тогда я снял с бедер свою шкуру.
Шида с любопытством вытаращила игриво заблестевшие глаза. Потом с сожалением вздохнула.
- Туюм! Ты такой сильный! Но я устала…
- Отдохни, Шида, - рассмеялся я, вытащил нож и нарезал шкуру на четыре части. Потом я привязал лоскуты к стопам себе и Шиде.
Идти стало гораздо легче, и на свободных участках мы даже бежали.
Ущелье казалось нескончаемым. Наконец склоны разошлись, открывая широкую долину. Но, как на зло, многолетний кустарник здесь стал настолько густым, что мы потратили не меньше часа, продираясь через него. Я проникся уверенностью, что ничто бы не могло меня заставить подняться обратно по этому ущелью.
Мы, в который уже раз, напились, искупались в речке и разлеглись на траве сушиться.
Оставшаяся дорога уже не должна быть трудной. Мы закрыли глаза, отдыхая под горячими лучами солнца.
Что-то протопало рядом, и я осторожно посмотрел. Недалеко от нас проходило небольшое стадо лошадей.
- Шида, не шевелись! - тихо прошипел я и начал осторожно готовить веревку. Потом прикинул свой вес и понял, что ничего не получится. Тогда я просто сел и несколько лошадиных голов повернулось в нашу сторону.
- Смотри, Шида!
- Лошади.

- На них можно ездить.
Такая сумасшедшая мысль никогда не приходила ей в голову, и она с усмешкой посмотрела на меня.
Стадо уходило, лениво пощипывая молодую траву.
- По-моему они нас не боятся, - проговорил я и встал.
Лошади игнорировали меня. Мой образ не входил в перечень опасностей, записанный в их рефлексах. Открыто, не делая резких движений, я подошел совсем близко, но меньше чем на три метра меня не подпускали. Когда я хотел подойти к жеребенку, то его мать заржала и недвусмысленно повернулась ко мне задом. Я решил не получать сегодня удара копытами, мирно нарвал пучок травы, соорудил из него веник и бросил настороженной лошади. Та слегка шарахнулась и даже не понюхала мой подарок.
Подошла смеющаяся Шида.
- Ты кормишь лошадь?
- Шида, как было бы хорошо привести с собой пару жеребят! - сказал я.
- Давай убьем их! - деловито предложила Шида и потянулась к ножу, висящему у нее на бедре.
- Нет, они нам нужны живыми.
- Зачем?
- Когда они вырастут, мы будем на них ездить.
Мы брели вместе со стадом, и скоро лошади почти перестали обращать на нас внимание. Я протянул одной прямо к морде свой веник травы, и та нехотя сжевала его. Мы с Шидой начали кормить лошадей с рук и подружились со стадом так, что нас начали подпускать к жеребятам. Я разрезал веревку пополам, сделал петли и отдал одну Шиде. Мы осторожно и ласково надели их на головы жеребятам и шли дальше пока рядом не оказались подходящие деревья. Тогда мы привязали концы веревок к стволам и отошли в сторону. Жеребята подергались и остановились. Стадо слегка заволновалось и лошади-матери, фыркая, начали ходить вокруг своих жеребят. Они терлись о них мордами, тихо ржали, но жеребята только буксовали ножками и оставались на месте.
Стадо начало уходить дальше. Одна из матерей громко заржала и оставила своего жеребенка. Но другая так и бродила вокруг.
Стадо скрылось за рощей у реки. Я попытался подойти к жеребенку, но его мать вставала ко мне задом. Пришлось потратить еще около часа на уговоры. Но зато потом мы повели обоих жеребят с собой, и лошадь, недовольно фыркая, пошла следом. Сначала жеребята упирались и не желали идти достаточно быстро, но у нас с Шидой было отличное настроение и оно, видимо, как-то передалось животным. Они оба были жеребцами. Вскоре мы поладили, и даже лошадь перестала нервничать.
До пещер было довольно далеко. Шида шла и увлеченно мычала одну из паршивых мелодий Шекила. А я опять улетел в мир своих мыслей.
В каждой из своих жизней я пытался понять, зачем я живу и как достичь счастья. Но приближение старости не приносило решение этих вопросов, а усложняло их, пока не делало трагически бессмысленными. Смерть милосердно стирала сумбурный клубок противоречий, чтобы все начать сначала.

Даже сейчас я невольно задумывался о тех же проблемах, хотя мой умудренный разум только снисходительно улыбался этому. Я знал, что живу, чтобы выполнить свою задачу среди всего происходящего в этом мире, а ощущение счастья не может быть постоянным. Достигая благополучия и улучшая возможности, человек только увеличивает число своих забот.
Я несколько раз был очень богатым человеком. И каждый раз это не было заслугой моих личных умений. Обычно мне как-то доставалась крупная сумма денег или особые возможности, что-то вовсе не полученное за мой труд. Но любые деньги не делали меня более счастливым. Я почти все мог купить, только не искреннее отношение окружающих. Но лишь заслуженно хорошее отношение приносило ощущение полноты счастья.
Я заметил, что чувствовал себя счастливым и тогда, когда удавалось придумать и создать самому что-то новое, даже если об этом никогда не узнавал никто другой. Это на короткое время наполняло энергией и гордостью и на долгое время увеличивало общий багаж моих достижений, ментальный вес моей значимости.
Сейчас мы вели лошадей, чтобы приручить их. После этого следующим шагом будет разведение домашних животных вместо охоты и окультуривание полезных растений. Это полностью может изменить уклад жизни. И это не пройдет без серьезных конфликтов и потерь.
А нужно ли вообще усложнять жизнь? Наш народ итак не голодал. Несмотря на то, что охотники давно распугали дичь в округе, и приходилось заходить все дальше от пещер, мяса всегда хватало даже для засушки впрок. Диких плодов, ягод и съедобных корней было сколько угодно в лесу.
Вскоре жизнь наглядно покажет, зачем это нужно, а пока что я раздумывал о том, для чего нужен прогресс? Чтобы начали выживать слабые и глупые, получать незаслуженную власть и гадить всем? Может быть для того, чтобы, освободившись от насущных проблем, люди смогли заняться духовным совершенствованием? Но чем существующая здесь мораль хуже той, какая была в самых прогрессивных веках моих воплощений? Она просто другая. Цивилизованные люди уничтожали друг друга с неизмеримо большей злобой и более изощренно. И возвышением души своей занимались вовсе не те, у кого было все в достатке.
Вообще-то моей задачей в этой жизни было не ломать судьбы прогрессом, а стать близким и родным хотя бы одному живому существу, научиться создавать и беречь связь с другим существом, но, главное, освободиться от завистливой ненависти и непримиримости.
Мы шли довольно медленно, давая животным напиться у родников и пощипать травы. Уже темнело, а до пещер было еще далеко. Лошадь снова начала нервничать.
- Нам придется ночевать где-то здесь, - сказал я.
- Не в пещере?!
- Это не страшно. Вот - вполне удобное место.
Мы остановились у обрывистого склона на небольшой поляне среди густых кустов и привязали жеребят к дереву. Рядом протекал небольшой ручей. Ножами мы накосили травы животным. Потом собрали сухих веток и

приготовили их для костра у узкого выхода из поляны. Вокруг ручья росло много мха. Мы набрали его, чтобы было теплее и мягче спать.
Стемнело, и я развел огонь. Сначала лошадь испуганно заржала, но постепенно привыкла. Свет костра отделил нас от остального мира.
Мы доели остатки сушеного мяса. Было тепло, уютно и мы были одни. Такие моменты запоминаются на всю жизнь, составляя галерею грустных воспоминаний о прожитых Счастливых Мгновениях.
Шида довольно зевнула, потянулась и поднялась на задние лапы. Она что-то замурлыкала и начала медленно танцевать. Я улыбнулся и тоже встал. Мой танец показался для нее настолько необычным, что она раскрыла рот и почти остановилась. Ей понравилось, она начала старательно подстраиваться, и вскоре мы танцевали вместе.
Ночью мы спали на нашей моховой подстилке, обнявшись, и ничто не потревожило нас.

На следующий день, когда мы подошли к первой пещере, лошадь не захотела идти за своим жеребенком. Обжитое место и сильные запахи пугали ее. Тогда мы пошли в обход у самой реки.
Нас заметили, жители первой пещеры побежали к нам, и лошадь ускакала. Жеребята стали вырываться, и Шида упала, зацепившись лапой за корни. Насколько стрел полетело вдогонку за лошадью, и одна оцарапала ей круп.
- Стойте! - заорал я, добавив немыслимое для моих лет ругательство.
Толпа возмущенно загудела. Шида, наконец, поднялась, так и не выпустив своего жеребенка.
- Не пугайте лошадей! Это не добыча! Они будут жить вместе с нами!
Ко мне приблизился главарь пещеры. Тот самый Медил, у которого я отобрал честь.
- Голозадый? - показал он пальцем, с интересом оценивая мою наготу, - Как ребенок! Играетесь?
- Во что играемся? - сурово спросил я.
- Дети тащат жить ежиков и черепах, а не лошадей! - хохотнул Медил, поигрывая ужасающими мышцами.
- И что?
- Это не игрушки, дети! Это добыча.
Я передал свою веревку Шиде, и она обмотала ее вокруг второй лапы.
- Это наши животные. Ты их хочешь отобрать?
Медил начал наливаться яростью.
- Борзый малыш не научился чтить старшего! - прошипел он.
- Я мужчина, - возразил я, - и я честно в Луну отобрал твою палку. Но тогда была игра. А если ты сейчас захочешь отобрать мою добычу, то это будет война. Ты хочешь войну?
Медил сделал невероятное усилие и взял себя в руки.
- Я не собирался ничего отбирать! - он сплюнул на траву.
- Тогда всего тебе хорошего, - сказал я и взял веревку у Шиды.
- И тебе, - Медил снова сплюнул, провожая нас насмешливым взглядом.
Но к нам уже подходил еще один колоритный экземпляр, Бугар, занявший второе

место на празднике Полной Луны. Ковыряясь прутиком в своих волчьих зубах, он ехидно спросил:
- Что, Медил, - опять упускаешь добычу?
- Это не наша добыча, Бугар.
- Ну, конечно! Добыча остается у самого сильного!
Проходя, я краем глаза наблюдал, как Медил резко повернулся к обидчику.
- Ты вызываешь меня, Бугар?
- Нет, Медил! - Бугар громко сглотнул, - Я просто вижу, как щенок уводит добычу.
Кустарник скрыл от нас дальнейшую сцену. Я привязал рюкзак впереди себя, прикрыв наготу.
Соседские подростки следовали чуть позади нас. Я подозвал одного из них.
- Слушай, - сказал я, - ты здесь самый умный. Беги вперед и говори, что мы идем не с добычей, а с лошадьми, которые будут с нами жить. Понял?
- Ага!
- Рассказывай всем, как нас тут встретили!
- Ага! - он рванул вперед к следующей пещере.
Дальше мы шли без осложнений. Все такой же маленький и худенький мой первый враг в этом мире Урюк попался нам на тропе у самой пещеры, с ужасом уступил дорогу, в очередной раз напоминая, как стремительно я рос.
Из пещеры выходил Гизак, с моим лучшим луком за плечом.
- О, Туюм! А мы скучали без тебя у вечернего костра!
Он оценил мой новый вид и снисходительно ухмыльнулся.
- Ты теперь ходишь с голым задом, Туюм?
- Пришлось.
- А Шекил утром говорил про плотики для вас!
- Так стразу? - возмутился я, останавливаясь.
- Он говорит, кто на ночь не вернулся того хоронить надо! - Гизак развел лапы, - Ты на охоту не пойдешь?
- Нет.
- Я твой лук взял!
- Бери.
Он оскалился и пошел к лесу.
Потом из пещеры потянулись те, кто еще не успел уйти на охоту. Племя совсем обленилось. Солнце приближалось к зениту, а на охоту не спешили. Вот первые плоды прогресса.
Пока я привязывал животных, Шида сходила за едой и набедренной шкурой для меня. Мы, наконец, поели, потом тщательно оплели кусты вокруг небольшой полянки корзинной вязкой так, что волки не могли бы пролезть и сделали плетеную дверь. Я прорыл подходящей палкой канавку от изгиба речки, и ручеек потек через наш загон.
Весь день мы возились с жеребятами, выводили их пастись и объясняли народу их статус. А после вечернего костра Шида потерлась носом об меня и сказала:
- Давай танцевать как вчера!
- Прямо здесь?
Она немного подумала.
- Нет. В лесу.

Мы нашли подходящую поляну и танцевали, пока не стемнело. С тех пор мы почти каждый вечер приходили туда.

Наступило лето, и жизнь наша казалась налаженной во всех отношениях. Каждый имел железный нож, стрелы и охотничьи палки с железными наконечниками, набор для разжигания костра из огнива, кремня и трута.
Когда жареные лягушки, печеные улитки и толстые личинки надоели до смерти, одним прекрасным ранним утром Хрум взял меня и Карида на серьезную охоту. Он уже вполне доверял нам и повел в то место, где мы давно наблюдали жизнь кабаньей семьи. Мы тихо подобрались очень близко и из-за густых зарослей увидели широкую нору, вырытую под корнями огромной сосны.
Хрум повернул к нам возбужденно-радостную морду и зашипел:
- Он там!..
Я с Каридом осторожно приготовили луки, а Хрум, подобрав камень, бросил его в нору. Оттуда раздался многоголосый испуганный визг. Никто не торопился выскакивать из норы под наши стрелы.
- Какой умный!.. - восхищенно зашипел Хрум.
Выждав некоторое время, Хрум бросил второй камень и тут же сам кувырком полетел к норе через кусты. А вслед за ним с диким хрюком метнулся огромный кабан. Все сплелось в огромный визжаще-орущий клубок тел, вырванной травы и пыли. Карид не стрелял, боясь попасть в Хрума, а я, все же, пустил стрелу кабану в бок. Тот от боли отпрыгнул в сторону, что позволило Кариду тоже выстрелить. Мы схватили палки с наконечниками, бросились к рвущему рылом землю кабану и убили его. Это был самец. В норе могла оставаться самка с детенышами.
Хрум лежал и едва шевелился. Мы подошли и оттащили его, не спуская глаз с норы, подальше. Карид поднял окровавленные лапы и с испугом посмотрел на меня.
Я склонился над телом.
- Хрум, ты живой?
- Не знаю, - ответил Хрум, не открывая глаз на засыпанной землей морде.
В нескольких местах на спине и лапах из его шкуры сочилась кровь. Но крупные сосуды были целы. Я стряхнул землю с его морды. Он открыл один глаз.
- Хрум! - где у тебя болит?
- Везде…
- Попробуй осторожно встать! - попросил я.
Хрум сделал усилие и обмяк.
- Карид! Ты сможешь дотащить кабана на плечах?
Карид нырнул в кусты и вскоре, слегка пошатываясь, вернулся с кабаном на холке.
Я надел на него лук, взял свой и поднял Хрума как мешок на плечи.
Мы осторожно пошли домой по лесистому склону вниз, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть.
Небо потемнело, подул свежий ветерок. Сверху оглушительно и протяжно пророкотало. Дождя нам только сейчас не хватало! Но это был не дождь, а сильнейший ливень. Склон стал ужасно скользким, и мы ступали прямо среди

потоков воды.
Под дождем Хрум пришел в себя и попробовал идти сам, но его шатало и с каждым шагом он тихо скулил. Пришлось снова взять его на плечи.
Несколько раз я съезжал по разбухшей глине и поранил лапу об острый камень.
А Карид ронял своего кабана и, чтобы снова положить его на плечи, садился прямо в заливающую его воду.
Усталые до предела, мы, наконец, притащили в пещеру мертвого кабана и полумертвого Хрума. Нас посадили у костра сушиться, и вокруг разлился удушливый запах мокрой псины.
Раны Хрума были не очень опасными. Но он был сильно избит. Я заварил траву с медом и дал ему выпить. Потом крепким мятным отваром промыл раны и тщательно стянул их волосками шерсти, замазывая сверху еловой смолой. Весь следующий день он спал.

Наши жеребята росли. Я надеялся, что они уже достаточно взрослые чтобы обойтись без молока, и это не вызовет у них болезней. Мы с Шидой часто выгуливали их, и они стали совсем ручными.
У нескольких самок, в том числе у моей матери и Шиды, как обычно в это время года, заметно начали обрисовываться животики. Гизак сурово и многозначительно поглядывал на меня, а я в ответ кивал на беременную Шиду.
Он опять начал распускать глупые байки о Тизиле.
Сколько раз я уже был отцом, но только сейчас меня это волновало и беспокоило как никогда. Казалось, что-то предчувствовал. Я больше не разрешал Шиде ходить со мной на охоту, и большую часть времени она бродила с жеребятами, стреляя из своего лука по птицам и суркам и собирая ранние фрукты.
В один из таких моих одиноких хождений по лесу я внезапно встретил Лин - молодую женщину из соседней пещеры. Она весело засмеялась, и по ее виду я понял, что эта встреча была не такой уж случайной.
- Привет, Лин! - сказал я с деловой мордой занятого охотника.
- Привет, Туюм! - крикнула она, насмешливо оскалилась и подошла ближе.
Я не хотел терять свое отношение к Шиде ради приятной минутки. Нужно было что-то срочно придумать, потому, что скоро будет поздно, а обижать женщину всегда опасно. Если мужчина не может принять предложение женщины - значит он перестает быть мужчиной и становится посмешищем племени.
- Ты так шумишь, что распугаешь всю дичь! - прошипел я.
Она была уже совсем близко.
- Стой! - я замер, прислушиваясь и потом, крадучись, метнулся через кусты.
Я просто сбежал, и больше Лин мне в лесу не попадалась. Думаю, она все правильно поняла.
Мы сделали несколько налетов на диких пчел. Половину меда и множество изготовленных свечей пришлось уступить соседям в обмен на добычу. Наши запасники оказались завалены по самые сталактиты. К зиме мы были готовы как никогда раньше.
И зима наступила. Я проснулся в полумраке нашей далекой ниши и вспомнил, что уже несколько дней как выпал глубокий снег, не нужно успевать к общему

утреннему костру потому, что дежурные не торопились теперь накормить охотников.
Шида тихо сопела во сне рядом, уютно свернувшись вокруг своего живота. Я с удивлением пытался осмыслить свою предстоящую новую роль. Это не было неприятно, а, наоборот, как-то особенно волновало меня. Мне казалось, что появление ребенка, наконец, привяжет меня к этому миру, я смогу слиться с жизнью и быть по-настоящему счастливым.
Когда заняться особенно нечем, время хоть и течет мучительно, но пролетает быстро.
Возобновились снежковые битвы. Для азарта я предложил каждой пещере вносить добычу в призовой фонд. Это внесло неумеренно много азарта и Шекилу приходилось постоянно следить за соблюдением правил.
Начались обычные грубоватые игры в пещере, байки у костра, женщины уединялись с мужчинами в ближайшей глубине.
Шида с живым интересом провожала взглядом такие пары и, я понимал, если бы не ее живот, то она бы тоже нашла себе партнеров по развлечению. Хотя понятие супружеской верности, как и вообще понятия супружества, здесь не было, но летом Шида оказывалась постоянно чем-то занята днем со мною, а сейчас ей мешала ее беременность.
Поначалу я делал попытки объяснить ей мир, рассказать про то, что принадлежало будущему. Но сразу возникало столько барьеров в понимании, не хватало стольких понятий, которые вырабатывались веками, что я смирился с невозможностью открыть ей смысл этих понятий.
- Шида, когда-нибудь здесь будет жить очень много людей. Они сами будут строить себе красивые пещеры в лесу…
- Когда? Откуда они придут?
Ее вопросы были слишком непосредственны.
Скорость развития моего тела, кажется, снизилась, но внешне я был уже как полноценный семнадцатилетний самец. Мало кто теперь решался испытать себя в дружеских поединках со мной. Мое мастерство ведения боя достигло самого высокого уровня за все мои воплощения.
Ранней весной у Нази родилась девочка, и Гизак ходил слегка пристыженный.
А через месяц Шида тоже родила девочку. Ночью, которая предшествовала этому, я почти не спал. Под утро явственное ощущение ускользающей мысли заставило меня выскочить из пещеры. Морозный воздух согнал сонливость.
Я никак не мог сосредоточиться из-за радостного ожидания встречи с Вэйни.
Холод вызывал дрожь, но я расслабился, от всего отрешаясь, сел под деревом, закрыв глаза и пытаясь отбросить все мысли.
На голову опустилась чья-то лапа, я вздрогнул и открыл глаза. Это была Шида. Я сразу узнал ее в звездном полумраке из-за большого живота, а характерный запах почувствовал только спустя мгновение.
- Что ты делаешь? - спросила она хрипловатым голосом, разрушив с трудом сотворенный эфемерный мир духовного общения грубой реальностью своего присутствия.
- Мне нужно немного подумать, - сказал я, - иди спать. Я скоро вернусь.
Она молча ушла. Но теперь было еще труднее достичь нужного состояния. Как

крылья призрачного мотылька касались меня мысли Вэйни. Я точно знал, что это - она.
Когда попытки стали безнадежно бесплотны, я поднялся и вернулся в пещеру. Шида не спала и опять ничего мне не сказала.
Сразу после утреннего костра Шида родила дочь. Когда я ее увидел, то вздохнул с облегчением, ощутив бесспорное родство с ней. Это было так ново и непередаваемо радостно, а мысли все еще были полны несостоявшейся ночью встречей, что я назвал дочь именем Вэйни.
Гизак страшно обрадовался, что у меня тоже не сын. Он хлопал меня по плечу и уговаривал не расстраиваться, уверяя, что следующей весной мы обязательно сделаем мальчиков.
Мать Шиды, хотя по-прежнему почему-то ненавидела меня, оказалась хорошей бабушкой и все время возилась с нашим ребенком. Девочка была очень подвижной, но не приносила никаких лишних хлопот.
Шида снова ходила со мной на охоту, но ненадолго, чтобы ребенок не успел проголодаться. Мы начали седлать и объезжать наших повзрослевших жеребцов.
Это было новое и интригующее зрелище для соплеменников. Они откровенно завидовали нам, а подростки все время просили прокатиться. Хоть я и подробно рассказал, как мы поймали своих лошадей, никто не торопился добыть себе собственных.

В этом году весна началась рано. Несколько солнечных дней и все зазеленело. Днем становилось почти жарко. Мы с Шидой скакали верхом уже уверенно и свободно, радуясь жизни как дети, но щадили наших еще очень молодых жеребцов.
Шекил, с недоверием поглядывая на ясное небо, где среди дня появлялась луна, в изнеможении пытался вычислить, когда наступит Теплая Ночь Полной Луны. Его круглосуточные репетиции с друзьями-музилами становились невыносимыми. Наконец, он предсказал главный праздник племени на следующую ночь. Это было очень похоже на правду, и большая группа охотников отправилась за кабаном.
- Он еще совсем худой будет, - ворчал прожорливый Медил, тщательно оструживая палки чести взамен тех, что я отобрал у него в прошлый раз.
Я посматривал на Шиду, суетящуюся в приготовлениях. Она повзрослела и стала еще привлекательнее. Предстоящее волновало ее. Наверняка она воображала очередную встречу с Зиданом. Шида поймала мой взгляд и оскалилась, прекрасно понимая то, о чем я думаю. Я ухмыльнулся ей и ничего не сказал. В прошлый раз я сам помог ей стать первой, но она выбрала другого. Конечно, она была мне благодарна и искренне считала, что таким образом я подарил ей эту возможность.
Охотники вернулись только под вечер с большим, но отощавшим за зиму кабаном. Его тут же принялись готовить к зажариванию. Ундук и Карид чуть не подрались, пытаясь завладеть мужской силой кабана, но Гизак, наводя порядок, одной классической затрещиной ухитрился свалить обоих. После чего брошенная сила была небрежно нанизана на прутик и, слегка обжаренная,

отправилась в живот к папочке.
Я с другими молодыми мужчинами на праздничной поляне складывал костры. Там рвали смычки в последней репетиции Шекил со своей бандой. Птицы давно покинули округу, не в силах смириться с этими звуками, а я бы предпочел ночное пение птиц.
Начало темнеть. Раздвинулись ветви главной тропы и на поляну внесли кабана. Его аромат сводил с ума. Сборщики костров не ели с утра, и хор урчащих желудков гармонично вступил в какофонию Шекила. Чтобы сбить голод я сбегал к ручью и напился.
Там некоторое время я сидел у почти невидимого в темноте ручья, тихо звенящего чистыми струями. У меня возникло сильное ощущение, что я участвую в чужой игре, все происходящее не серьезно, и только этот лес, этот ручей и ночь - настоящее. Мне захотелось найти свой мир, чтобы слиться с ним, понимать его, и чтобы все в нем понимало меня. Я с тоской потянулся к Вэйни, но не почувствовал даже намека на ее присутствие, ту ауру ее незримой близости, которая не оставляла меня со времени нашего последнего общения.
Музыка из-за деревьев смолкла перед началом представления. Стали слышны веселые выкрики и игривый женский визг. Я вернулся. Поляна была уже полна народа. У каждого из трех костров, живописно подсвечиваясь пламенем, в прадничном антураже красовалось по кабану - великолепный получился бы снимок для пещерного фотографа. Я бережно отправил очередное незабываемое мгновение на хранение в свою вечную память.
В сгустившейся темноте из наваленых дров вырывались языки пламени, выхватывая как стробоскоп эпизоды происходящего. Костры разгорались в полную силу. Заскрипели смычки, мужчины распались, образовав круг, а женщины закрутили бедрами.
Я подошел к кругу, и щуплый Урюк испугано отшатнулся, уступая мне место. Щида танцевала совсем не так как другие. Так танцевали только мы с ней. У нее получалось здорово. Женщины сначала с недоумением отступали все дальше от нее, а потом в их взглядах появилось отвращение. Некоторые, не сдерживаясь, выкрикивали обидные реплики. Мужчинам же, наоборот, это очень нравилось. Шида счастливо скалилась, ни на что не обращая внимание, и свободно летала, вся поглощенная своим танцем. Самцы вошли в полный раж и хором вопили в такт.
Обиженные вниманием женщины останавливались и начали покидать круг, а красные камешки градом сыпались к Шиде, покрывая вокруг короткую траву под ногами.
Когда музыка замолкла, стало ясно, что состязание сорвано. Шида тоже это сообразила и не стала собирать свои камешки. Да и ее мешочка бы просто не хватило.
В наступившей тишине Шекил громко почесал свою гриву. В таких случаях положено найти виновного, и взгляды многих привычно остановились на мне.
- Туюм! - воскликнул Гизак и замолчал, не зная, что сказать дальше.
Я вышел из круга вперед.
- Шекил! Твоя музыка была слишком хороша, и Шида просто не могла танцевать как обычно! - крикнул я.

У Шекила округлились глаза и отвалилась челюсть. Его никто никогда не хвалил, хотя он честно старался изо всех сил. Челюсть приняла выражение счастливого оскала и в глазах блеснула слеза.
- Да, - сказал Шекил, - Шида хорошо танцевала мою музыку.
- Она танцевала лучше всех и собрала все камни! - я показал на землю, - Просто еще не придумали правило, что делать, если одна женщина соберет все камни. Нужно сейчас придумать и все будет хорошо.
- Да, - голос Шекила зазвучал увереннее, - это просто. Такая женщина становится первой, а остальным нужно танцевать снова. Под мою музыку, - добавил он скромно.
- Она не танцевала! - завопила крутая Мурзи, - Она совращала мужчин!
Я подошел к ней и ласково посмотрел в глаза.
- Мурзи! Все знают, что ты - обалденная женщина и сама можешь совратить кого угодно! Вот смотри.
Я взял ее напряженную лапу. Она была очень сильна, но ее лапа вскоре уступила. Я обхватил ее талию.
- Сейчас мы будем танцевать, и ты совратишь всех.
Сначала это было не просто. Я чуть ли не насильно вел ее. Потом она поняла и ей начало нравиться. Она все быстро схватывала и заводилась. Когда она принялась повизгивать от восторга, я чуть отступил.
- Скажи, Мурзи, это было хорошо?
- Да!
- Научи меня! - крикнула подбежавшая Лин.
- Хорошо, - согласился я, - будем учиться все сразу. Пусть охотники подойдут к женщинам, с которыми хотят танцевать…
- Нет! - запротестовал Шекил, с ужасом поняв, что разваливается весь ритуал, - Разве мужчины танцуют?
- Я же не перестал быть мужчиной!
- Нет!!! Все должно быть по порядку!
- Да, по порядку - лучше, - согласился Медил, и члены жюри согласно закивали.
- Сейчас продолжим состязание красивых, - Шекил с хрустом обломившегося сучка загнул один палец, - потом - состязание сильных, - Шекил хрустнул вторым палец, - Потом красивые выберут сильных. Вот тогда они и будут танцевать! - Шекил сжал лапу в мохнатый кулак и потряс им над загривком.
- Туюм! - весело заорал Медил, - Ты так хорошо танцуешь! Не хочешь посостязаться с красивыми?
Народ охотно заржал.
- Боюсь собрать все камешки! - ответил я ему в тон, и народ заржал еще охотнее.
Женщины лихорадочно привели свои шкурки в порядок. Охотники подобрали свои красные камешки. Заиграла музыка. Я успел схватить Шиду, рвущуюся танцевать.
- Стой, - ты уже выиграла! - зашептал я, - Если будешь еще танцевать, то можешь и проиграть!
Она осталась стоять около меня, но ее тело не могло оставаться безучастным, и она извивалась на месте.
Теперь многие пытались подражать Шиде. И лучше всех получалось у Лин. Я

начал подзывать ее, чтобы дать камни. Шида вдруг схватила меня за лапу.
- Она лучше меня?
- Нет, ты уже выиграла! - успокоил я ее, - Она лучше остальных после тебя!
Последний камешек перешел в женский мешочек, все мужчины размахивали пустыми лапами над головой, и музыка смолкла. Потные женщины, оттанцевавшие два раза подряд, стали рассаживаться на траву по краям поляны. Только крутая Мурзи, фыркая как лошадь, сноровисто перестраивалась с танцев на драку.
На этот раз претенденты посматривали на меня с опаской. Все молодые и недостаточно уверенные оказались на противоположной стороне.
Едва заиграла музыка как Гизак, Колап и Медил, по обыкновению, направились собирать дань со слабых. Я метнулся вслед за ними и, подбежав сзади, хлопнул по широким крупам Гизака и Медила. Как только те обернулись, сорвал у них по палке, низким кувырком ушел от ударов в сторону Колапа и, вставая, обесчестил его. За мной погналась вся разъяренная троица. Зрители взревели. Никогда зрелище не начиналось так остро. Всегда сначала традиционно происходило относительно спокойное отдание чести.
Что-то попало мне под ногу, и я полетел на землю, запоздало разглядев злорадную морду Зидана. И на меня навалились три крепких мохнатых тела. Спустя мгновение я лишился своих и чужих палок и мотал головой, приходя в себя.
Нельзя расслабляться! Я вскочил, высматривая Зидана. Тот только что обесчестил молодого самца.
- Зидан! Я здесь!
- Зачем ты мне? У тебя нет чести! - он сплюнул.
- Сейчас будет!
Я подбежал к нему и открыто обхватил его своими лапами. Он дернулся, но освободиться не смог. Я сжал объятия так, что у него вырвался хрип, потом резко отпустил и мгновенно оборвал все его палки. В руках у него осталась только что отнятая. Я ласково оскалился и протянул руку. Зидан ошеломленно попятился. Мое движение было трудно отследить, и новая палка тоже оказалась в моей лапе. Потом я спокойно начал привязывать добычу.
Нужно было выручать мои палки. Одна оказалась у Гизака, и я честно отыграл ее, самым простым броском опрокинув отца. Две других болтались на животе Медила. Он вовремя заметил меня, подобрался и стал опасным. Не упуская ситуацию по сторонам, я подошел к Медилу, напряженно следившему за каждым моим движением.
Он прыгнул на меня со звериной стремительностью, и я уступил ему место, успев перехватить лапу и подправив его трассу, при этом успев сорвать одну палку. Перевернувшись пару раз на траве, Медил в ярости вскочил и сразу бросился снова. Но этот полет был не более успешным. Я молча показал ему две палки, зажатые в моих лапах. Он с изумлением посмотрел на свой опустевший живот и немного поостыл.
К тому времени, когда музыка стихла, я был до подбородка увешан палками. На этот раз никто не возражал и не оспаривал принципиальную возможность такой победы.

Жюри определило победителей. Опять Шида увеличила возраст детей племени и только потом посмотрела на мужчин.
- Зидан! - позвала она.
Ну, конечно. Я криво усмехнулся и посмотрел куда-то в сторону. А почему должно быть иначе? Ведь она с детства была такой, и то, что я выбрал ее, не значит, что она должна измениться. Ведь тогда это будет уже другая Шида.
- Туюм!
Я удивленно захлопал глазами. Это был голос Лин. Она победно смотрела на меня. Я подошел, и она вплела мне второй клык, схватила мою лапу и повела в лес. А потом не отпускала половину ночи.

Поутру коллективная совесть отсыпалась, не побуждая никого вставать рано на охоту. Хорошим тоном для мужчины после Ночи Луны было выйти к вечернему костру.
Когда я разрешил себе проснуться, Шиды рядом не было. Она вернулась ночью чуть позже меня. От костра изредка попахивало паленой кабанятиной. Ну да, раз я выиграл, то остатки самого большого кабана должны были достаться нашей пещере.
Я, как обычно, откусил немного медовых сот и стал пережевывать воск для очистки зубов. Потом поднялся и с не слишком свежей головой потопал к выходу.
Около костра было жарко и душно. Солнечный теплый день манил выйти к речке, и я решил было сначала искупаться. Но когда подошел к костру, голоса разом замолкли. Там оказались почти все из нашей пещеры. Судя по некоторой общей напряженности, это походило на важное собрание, которое как-то касалось меня.
Привет, Туюм! - ласково сказал Гизак, почему-то сидящий справа от своего обычного места, - Как спалось после Ночи Луны?
- Привет! - я бодро посмотрел на него с неясными предчувствиями, - Хорошо спалось!
Шекил очнулся и поспешно выдернул из огня забытый кусок кабанятины на прутике. Он прочистил горло и выдал.
- Ты выиграл состязание. Ты можешь занять лучшее место у костра.
Я облегченно улыбнулся.
- Но ты должен доказать это в поединке с Гизаком, - продолжал Шекил.
Моя улыбка потускнела.
- Но Гизак отказался от поединка потому, что ты - его сын.
Я поднял брови.
- Есть еще какие-то но? - спросил я.
- Садись, Туюм, - Гизак широко оскалился и радушно показал лапой на свое место.
- Нет, - я помотал головой, - Пусть это будет место Гизака.
- Ты не понял, Туюм! - сказал Гизак тоном, каким дарят подарки маленьким детям, - Мы не будем драться! Я даю это место тебе.
- Нет! - я снова решительно помотал головой.
Мурак деловито хрюкнул, пожал плечами, поднялся и ловко пересел на место

Гизака. Все замолчали.
- Мурак, - насмешливо удивился я, - а ты что там делаешь?
Шекил громко хрустнул пережаренной корочкой мяса и наставительно пояснил:
- Гизак отказался, - прошамкал он с полным ртом, - ты тоже отказался. Все правильно.
- Гизак отказался для меня, а я потом отказался для Гизака, - возразил я.
- Нет! - Мурак спокойно сплюнул в костер, - Ты, Туюм, перехитрил сам себя.
- Ах, Мурак, - сказал я с укоризной, - тебе так нравится это место! Но знаешь, многим не нравится, когда ты на нем сидишь!
- Ты можешь подраться с Мураком, - Шекил деловито вытер мохнатой лапой жирные губы.
- Да, будем драться.
Народ начал поспешно доедать свои куски.
Мурак не пошевелился.
- Не так. Надо сильно обидеть, - охотно подсказал Шекил, и Мурак бросил на него многообещающий взгляд.
- Мурак, - спросил я, - ты хочешь, чтобы я тебя сильно обидел или мы пойдем так?
- Туюм, - процедил Мурак, - сейчас ты будешь глотать свои детские сопли…
Опять это резкое чувство происходившего много раз... Но, кроме общего узнавания, я хорошо вспомнил все эти случаи. Они мгновенно пронеслись цепью, не теряя при этом своей яркости и деталей. Ссора в грязном пивбаре с другом на вечер и циничное ожидание неожиданного развлечения на потных лицах нашей компании. Снег, хрустящий под моими сапогами, тяжелая рапира в моей руке и презрительно улыбающейся франт, который хорошо знает, как будет сейчас меня колоть. Я и Ржавый на заднем школьном дворе, окруженные возбужденной толпой одноклассников. Дикая Дебби, в женской тюрьме, пронзительно визжа, вцепившаяся в мои длинные волосы, и наши груди, болтающиеся среди лоскутов разодранных футболок, к удовольствию наблюдающих по монитору охранников.
- Ты правильно задумался, Туюм, - снисходительно заметил Мурак.
Почти все уже торопливо вышли из пещеры наружу, и мы остались одни.
- Пойдем, Мурак, - сказал я, поворачиваясь к выходу, - народ ждет.
Он изо всей силы вытолкнул меня из пещеры, и я пробежал несколько шагов, остановившись около стоящей толпы. Несколько зрителей поспешно отошли дальше.
Мурак уверенно шел ко мне, пружинисто отталкиваясь задними лапами и недобро ухмыляясь.
- Что я должен с ним сделать? - спросил я совсем не вовремя у Шекила.
Зрители заржали от неожиданности.
Шекил не успел ответить. Мурак широко размахнулся своей медвежьей лапой, и мне прошлось поднырнуть под нее. Он по инерции шагнул дальше, а я тут же врезал ему вслед по загривку и со всего размаху ударил сзади в изгиб ноги. Мурак повалился на колено и хотел было вскочить, уперевшись лапами в землю, но я толкнул его ногой в зад, и он въехал мордой в траву.
Зрители восторженно заорали, а Мурак, с диким рычанием вывернувшись, взлетел как бешеный зверь и кинулся на меня, раскинув лапы. Бросок, и он с громким выдохом впечатался спиной в траву. Несколько секунд он

ошеломленно лежал, приходя в себя, потом извернулся и медленно поднялся на задние лапы.
Я коротко и несильно влепил ему кулаком в нос, и, как только его живот начал надуваться очередным вздохом, остановил этот процесс ударом в солнечное сплетение. Мурак замер, не в силах пошевелиться.
Я дружески похлопал его по щеке и, не спеша, отошел к Шекилу.
- Достаточно?
Позади раздался топот. Я отшатнулся в сторону, и Мурак вложил в Шекила всю энергию, предназначенную для меня. Шекил и с ним еще пара зрителей исчезли в кустах.
Когда Мурак поворачивался ко мне, я широким замахом пяткой сбил его ступни с земли, последовал за его падающим телом и заломил его переднюю лапу, вывернув ее до предела. Мурак дико заорал, пытаясь освободиться, но сам себе причинял нестерпимую боль.
Дав ему время полностью осознать положение, я сказал:
- Мурак, я могу сломать тебе лапу и оторвать голову. Ты понял?
Он замер, подумал, испугано заморгал и перестал сопротивляться.
- Ты проиграл, но я не хочу причинять тебе вреда. Ты понял?
- Да, - согласился он.
Я вскочил с него и, не оглядываясь, пошел к речке, чтобы искупаться перед обедом.

Мы с Шидой часто ездили верхом. Легко, на зависть остальным, перебирались через речку и скакали галопом до опушки, пропадая за деревьями. Когда я смотрел как эта обросшая пушистой шерстью самка, радостно скалясь, ловко сидит в седле, то опять живо вспоминал множество эпизодов из прошлых жизней, чем-то неуловимо связанных между собой. Скоростные горки и визжащая на головокружительном спуске счастливая Вероника. Прекрасная Анна, в безумно сложных белых одеждах, кокетливо улыбаясь, гарцует на белой лошади. Маринка из конноспортивной школы, проносящаяся галопом и на ходу бросающая мне воздушный поцелуй. Прогулки верхом по весенней роще с Дамоной, сидящей по-женски боком в старинном строгом платье из грубой ткани на смирной кобыле. И даже гонки вокруг большого праздничного стола на молодых человеческих жеребцах и хохочущая Наташка, азартно бьющая голыми пятками в бока запыхавшегося Алика. И настроение, и отношение к этой женщине в тот момент было одинаковым. Зачем все это было? Не для того же только чтобы всякий раз в обычной жизни с тоской силиться вспомнить, когда же я переживал точно такое же?

В последнее время мы ездили не столько охотиться, сколько посмотреть, что там дальше, исследовать нашу местность. Я надеялся найти подходящие злаки и колчедан для получения серы чтобы сделать порох.
На этот раз около двух часов мы ехали вдоль опушки леса. Когда оказались у обрывистого склона, Шида удивленно вскрикнула. Я посмотрел в долину и обомлел. Внизу на большом пространстве дымилось множество костров. Маленькие мохнатые фигурки ходили среди них. Я насчитал около пятидесяти

переносных хижин из шкур, натянутых на деревянные каркасы. Похоже - это и были кочевники из старой легенды.
Я не видел ни одной лошади и из оружия различал только палки с привязанными каменными осколками. Столько народу, конечно, не могло прокормиться на одном месте, и они вынуждены были кочевать, уничтожая все годящееся в пищу на своем пути.
- Шида, это кочевники, - угрюмо сказал я.
- Да? Они совсем не страшные!
- Это враги. Поехали назад.
Еще до вечернего костра мы рассказали вернувшимся охотникам об опасности. Ундук и Карид побежали по соседям. Вскоре около нашей пещеры собрались все главари. И тогда Гизак, сознавая свое особое положение, вышел к ним.
Все, как обычно, устроились на берегу речки, чтобы глубокомысленно сидеть на корточках и мудро плевать в воду. Это традиционно соответствовало собранию особой важности.
Через некоторое время позвали меня.
- Туюм! Сколько их там? - спросил Гизак.
- Дофига, - сообщил я горькую правду.
Главари озабочено помолчали.
- А сколько им сюда добираться? - спросил Медил.
- День. Но они, наверное, еще не знают про нас.
- Тогда надо сваливать! - махнул лапой несдержанный Колап, - Мы уйдем незаметно, как раньше!
Все презрительно хмыкнули. Теперь решение "сваливать" получило наименьший приоритет.
- Мы охотники, - веско сказал Медил, - а охотники не говорят: "сваливать"! - он был из тех, кто ненавидел ново-пещерный сленг, - Мы придем к ним и поговорим.
- Ты думаешь, они говорят так же, как и мы? - спросил я.
- А как же? - удивился Медил.
- А вот, например, так, - и я произнес фразу на языке предыдущего воплощения.
Медил от неожиданности расхохотался, но остальные главари удивились и глубокомысленно помолчали.
- Не знаю, - наконец сказал Медил.
- А они могут нас победить? - спросил Колап.
- Легко, - заверил я, - Мы умеем только охотиться, а они всю жизнь отбирают чужое.
- Ты боишься битвы? - презрительно посмотрел на меня Медил.
- Можно попробовать отбиться, - я пожал плечами, - но нужно очень хорошо готовиться. Если будет время. И многие обязательно погибнут.
- А что еще делать? - спросил Гизак, - Я бы лучше попробовал отбиться!
- Можно уйти так, что нас никто не найдет, - сказал я, - Через пещеру. Помните, я рассказывал?
- В горы… - иронично кивнул Гизак, - Ты говорил, что вы полдня шли по пещере.
- Что мы дети в пещере ползать? - передернул от отвращения плечами Колап.
- Туюм! Их много раз больше, чем нас? - спросил Гизак.
- Вот, - я расчистил песок и нарисовал черточку, - Это будет означать один

кочевник, - Я дорисовал кружок, - а это столько, сколько пальцев! - я дорисовал еще кружок, - а это…
Гизак не выдержал и зевнул.
Колап презрительно махнул лапой на мои закорючки:
- Туюм! Что мы, дети тут рисовать? Мы говорим серьезно!
- Просто скажи, - посоветовал Гизак, - их там дофига больше, чем нас?
Я растопырил все пальцы.
- Вот сколько раз их столько как нас! - тихо сказал я.
Все надолго замолчали и только остервенело плевали в речку.
Наконец заговорил Педул - самый старый главарь из дальней пещеры. В его косичке было не меньше сорока клыков.
- Вы все сказали правильно! - он помолчал, чтобы сказавшие насладились похвалой, - И нужно только все это расставить по порядку.
Я мысленно зааплодировал.
- Сначала попробуем пойти к ним поговорить!
- Да! - сказал Медил.
- Но будем готовиться к сражению.
- Да, - сказал я.
- Если не получится поговорить, попробуем отбиться!
- Да! - воскликнул Гизак.
- А если будет плохо, то уйдем через пещеру.
- Да, - кивнул Колап.
- Медил! Ты хотел говорить с ними?
- Да!
- Иди!
- Да! - облегченно вздохнули все.
- И я с ним! - сказал я, и все с усмешкой посмотрели на меня.
- Завтра утром начнем готовиться, - сказал Педул, - никто не пойдет на охоту. А ты, Медил, пойдешь говорить.
- Порядок лучше расставить немного по-другому, - сказал я, и Педул снисходительно поморщился.
- Что ты опять придумал? - со вздохом спросил Гизак как у надоедливого ребенка.
- Если мы утром пойдем говорить, то они сразу про нас узнают! - сказал я, - И мы не успеем подготовиться.
- Да, - признал Гизак.
- Лучше завтра и следующий день готовиться, а потом пойти говорить.
- Правильно, - согласился мудрый Педул. Все оскалились мне, а Гизак выразил одобрение, крепко хлопнув по спине, но я удержался и не полетел в речку.
Лидеры решительно сплюнули и удовлетворенно разошлись, чтобы по праву получить в своих пещерах лучшие куски вечерней пищи.

Ночью Шида плакала, и когда я спросил, не смогла сказать почему. Наша дочь вела себя спокойно и хорошо спала по ночам. Зато теща находила любой предлог, чтобы посетить наше гнездо. Она являлась даже ночью и презрительно фыркала, заставая нас в интимные моменты, но, почему-то, Шида не замечала

надуманность поводов для этих визитов. Она чувствовала мою безмолвную вражду с ее матерью, но ничего мне не говорила.
Утром вожди подняли народ очень рано. Второй раз после весеннего праздника я видел всех вместе. Поначалу с непривычки никто не знал, что делать. Было много криков и безумных предложений. Но опять мудрый Педул расставил все по порядку, включая мои предложения. Он явно становился генералиссимусом нашего народа.
Обязанности распределились. Пока возводили две домны, экспедиция сходила за рудой, а отдельная группа готовила древесный уголь. Все остальные строили валы из камней с обеих сторон от входа нашей пещеры до реки потому как именно от нас была дорога на другую сторону хребта.
К вечеру мы выплавили много железа и наделали огромное количество заготовок для стрел, ножей и копий. До поздней ночи мы делали оружие. Каменный вал становился все более надежным.
Из других пещер перетаскивали общие запасы, занося их в глубину, чтобы в случае вынужденного ухода они не пропали.
Такие необычные масштабные приготовления соплеменники воспринимали как большую интересную игру. Невиданная грандиозность совершаемого притупляла чувство опасности. В поединке каждый привык рассчитывать на собственные силы и умения, а сейчас всем руководила некая коллективная организованность.
Следующий день прошел в таких же суматошных приготовлениях. На очередном собрании вождей я сказал, что если бы был на месте кочевников, то не стал бы атаковать прямо, а перебрался бы через реку далеко отсюда, вышел бы по склону вверх, и мы бы оказались как на ладони. Вожди почесали гривы и решили, что ни у кого не хватит ума на такую глупую хитрость, и только дурак будет так потеть, карабкаясь по очень крутому склону, когда враг вот он перед тобой и его так мало.
На следующий день все еще не было никаких признаков врагов. Я подумал, что может пройти сколько угодно времени, пока нас обнаружат или не обнаружат вообще. Может быть, эти кочевники жили там уже несколько лет. Но нашлись те, кто заходил в ту сторону, и они утверждали, что в прошлом году там никого не было.
Основные приготовления были закончены. Мы даже наделали большие глиняные кувшины, чтобы держать запас воды на время осады хотя в глубине пещеры было много воды.
Для врагов была приготовлена ловушка. Мы накосили много травы и камыша и разложили сушиться по ту сторону реки перед пещерой, чтобы поджечь сразу по всей площади горящими стрелами.
Выходы на охоту возобновились, но теперь больше носили разведывательный характер. Народ настолько проникся неизбежностью войны, что ждать становилось невыносимым. Я чувствовал себя виновником такого положения, хотя разве можно было сказать точно, как нужно действовать. Это полностью зависело от обстоятельств. Несколько раз я ездил верхом на разведку. Лагерь кочевников оставался на прежнем месте.
Наконец Медил заявил, что ему пора идти говорить и все согласились с этим. Я с

трудом убедил его взять меня с собой и поехать верхом. Сначала он просто ради смеха попробовал поездить на коне, и неожиданно ему это понравилось. Шида с большой неохотой одолжила своего коня.
Народ тщательно приготовил подарки, и утром мы отправились. После первого часа езды Медил так натер свою задницу, что рычал от боли и хотел уже идти пешком, но я уговорил его подложить под себя стожок травы.
Мы спустились с обрыва и, привязав лошадей в кустах, нагруженные пошли к становищу.
Нас обнаружили, как только мы вышли из рощи. Лохматые, вонючие и очень несимпатичные особи окружили нас, непрерывно почесываясь от блох и смешно крича что-то не очень разборчивое. Отдельные слова были искажены до неузнаваемости, но в целом смысл вполне воспринимался.
Наглые лапы тянулись к нам, расхватывая ношу. Потом нас сбили с ног и поволокли. Мы намерено не взяли с собой никакого оружия. Какой-то гад, тащивший меня за переднюю лапу, зачем-то все время выворачивал ее, и я мычал от боли. Медила вообще волокли за ноги, и он покорно стелился по траве гривой и ушами.
Около большой хижины нас бросили и, несколько раз пнув, расступились.
Я подобрал ноги к животу, повернулся и осторожно присел. Медил рядом выплюнул выбитый зуб с кровью и радостно оскалился суровому старикану, разодетому в шкурки сурков и с огромной шапкой из тех же шкурок, грозно нависающему над нами. Тот тоже оскалился.
- Кто вии? - спросил он скрежещущим голосом.
- Мы - народ! - сказал Медил, - Мы пришли с подарками, чтобы говорить!
Все вокруг залаяли от хохота.
- Оккудава вии пришлии? - спросил старикан, обводя взором горизонт.
- Мы скажем, если станем друзьями, - я тоже оскалился и тут же получил сильный пинок в бок. В раздавшемся хохоте не было веселья, а сквозило злое предвкушение расправы.
- Мы можем еще принести вам подарки! - заорал я.
Хохот стих, и старикан пожевал узкие губы.
- Вии смисные, - сказал он, - гаварите как дураки! Вии слабие. Мии сами возимим все.
Я показал лапой на Медила.
- Я слабее его, но я справлюсь с любым из ваших!
- О-ууу! - оскалился старикан, и вокруг все безудержно закашляли.
- Или самый сильный из вас боится???
Меня уже собирались запинать, но первая же размахнувшаяся лапа упорхнула в сторону и передо мной выросла настоящая горилла. Волна невыносимой вони перехватила мое дыхание.
- Я сам! - он схватил меня за шкирку и одной лапой поднял в воздух. Кочевники давно так не веселились.
- Мурак! - крикнул я, - Сваливай!
Кочевники явно не поняли, что я имел в виду. Хоть Мурак и ненавидел сленг, но тут уж признал его пользу и осторожно пополз, пока все внимание было на мне. Лапа у гориллы начала уставать и медленно опускаться. Я извернулся,

пружинисто ударив коленом снизу под оскаленную морду и, падая на траву, вскочил на все четыре лапы. Горилла прогнулся дугой и мешком повалился затылком вниз. Едва он коснулся земли, как я пяткой с хрустом перебил ему горло. Все удивленно охнули, а через мгновение, осознав случившееся, оцепенели. Только когда я, мечась в ярости как дикий зверь, свалил еще четверых, все очнулись и, после короткой паники, стоившей им еще троих поверженных, бросились врассыпную, несмотря на все свое превосходство.
Я кинулся вслед за теми, кто убегал в нужную сторону, и настигнутые оставались лежать на траве. Мурак резво прыгал через кусты далеко впереди.
Кочевники бегали гораздо хуже меня, и вскоре путь оказался свободен. Но за нами гналась вся опомнившаяся толпа уже с боевыми палками.
Мы лихорадочно отвязали лошадей и поскакали. Но не вверх по склону домой, а вниз. Неумелого Мурака болтало из стороны в сторону, но он каким-то чудом держался. Крики вскоре затихли позади. В лесу мы перешли на шаг.
Я повернулся к Мураку. Тот лихорадочно дышал, как будто это он скакал, а не лошадь. Но морда его была ужасно довольная.
- Мы круто свалили! - заорал он, полюбив сленг на всю жизнь.
- Ты молодец, Мурак!
- А тебя, Туюм, они теперь будут бояться! - загоготал Мурак.
- Хорошо мы поговорили с ними, Мурак!
Мы ехали и бахвалились как дети пока не показалась река.
- Мы должны еще сильнее запутать их! - решил я, - Давай поедем по воде как можно дальше!
- Какой ты хитрый, Туюм! - восхитился Мурак.
Но когда мы подъехали к нашим пещерам, то окончательно осознали, что война теперь неизбежна и это случится в ближайшее время.
Мурак показывал всем пустое место от выбитого зуба, что делало его морду устрашающе воинственной и заверял, что каждый из нас может положить кучу их народа, а Туюм вообще круто надрал им зады. Племя только качало головами и не узнавало обычно такого чопорного главаря. Потом он конфиденциально попросил меня смазать его дегтем от блох.

На следующий день мы увидели разведчиков по ту сторону реки. На крик сбежалось много народа. Выпустили несколько стрел и двое кочевников упали, но трое убежали. Я вскочил на коня и перебрался через реку. Один из подбитых был мертв, другой стонал со стрелой в боку. Я проскакал мимо и, вскоре нагнав бегущего, на ходу сбил его пращей, не выпуская камень. Чуть дальше прикончил еще одного. Третьего я так и не нашел, и вернулся, чтобы собрать стрелы.
Я чувствовал, что эта жизнь полностью завладевает мной, я не могу уже остановить или изменить несущий меня поток и делаю не то, к чему у меня лежит душа, а то, что следует по сценарию происходящего. Такое рано или поздно случалось во всех моих воплощениях, и несправедливость этого всегда угнетала меня.
Я ненавидел войну. Она меня всегда ужасала тупой бессмысленностью множества жертв. Но, оказываясь в ее власти, я принимал неизбежное, отбрасывал сомнения и делал свою работу.

Нужно было узнать, где сейчас враги. Ближе к вечеру я собрался на разведку. Шида заявила, что едет со мной. Я попытался отговорить ее, но аргументы вроде, что это опасно и это не женское дело только удивили ее. Она не понимала, почему если опасно, то это не женское дело. Я смирился и даже немного обрадовался. Все-таки Шида прекрасно ездила верхом и от нее могла быть только польза.
Мы проделали весь путь и увидели, что кочевники так и остались на своем прежнем месте. Не было заметно никаких приготовлений к войне.
Может быть, мы вообще не казались им достаточным поводом для серьезных действий? Но кто из дикарей мог бы простить перенесенный позор? Или это было обычной примитивной безалаберностью? Неужели они боялись нас? Наверняка убежавший разведчик уже рассказал про наше дальнобойное оружие. Теперь только на пользу было бы усилить их страх.
Я повернулся к Шиде.
- Слушай! Мы сейчас подкрадемся и будем стрелять из луков. А потом ускачем от них!
Шида возбужденно сверкнула глазами.
- Да!
Под прикрытием высоких кустов мы подобрались достаточно близко. Сначала мы достали стрелы с намотанным сухим мхом, смазанным еловой смолой, на концах, подожгли их и выпустили по хижинам. Две хижины загорелись, и в становище началась паника. Мы выпустили еще пару горящих стрел и нас заметили. Когда орущая толпа побежала к нам, мы сосредоточенно принялись сбивать одного за другим.
- Шида! - крикнул я, закидывая лук за спину, - Хватит! Уезжаем!
Но она пустила еще две стрелы, и мы развернулись перед самыми мордами разъяренных кочевников. Один успел схватиться за хвост моего коня, но, получив копытами в голову, полетел кувырком. При этом я чуть было тоже не вылетел из ненадежного седла.
Мы вернулись уже после общих вечерних посиделок, съели, то немногое, что осталось и рассказали о нашей вылазке.
- Туюм, - мрачно вздохнул Ундук, - они нам еще не сделали никакого вреда, а мы им сделали уже много…
Я удивился, опечалился его правотой и обрадовался в душе такому справедливому замечанию.
- Мы пришли с подарками, - возразил я, - но они пообещали отнять у нас все, хотели нас не просто убить, а насладиться нашим страданием. И чтобы остаться в живых нам пришлось убить некоторых.
- А сегодня ты сам напал на них…
- Они сразу решили стать нашими врагами. А враги должны бояться. Может быть, тогда они не станут нападать.
- Да! - воскликнул Гизак, - Туюм все делал правильно!
Шида покормила и уложила нашу дочь. Мы легли, и она снова тихо заплакала. Мне тоже было не по себе. Мы заснули не скоро.
Перед утренней едой снаружи внезапно раздались крики, и мы, готовясь к худшему, выскочили из пещеры. На той стороне, вдалеке у опушки леса стоял

кочевник, размахивая лапами, без оружия. Никто не стрелял в него из-за слишком большого расстояния. Все ждали, когда он подойдет поближе.
- Не стреляйте! - крикнул я, узнав старикана, - Это пришел их вождь. Он без оружия.
Я вышел вперед и помахал ему лапой. Тот помахал в ответ и подошел еще немного.
- Гизак! - крикнул я, - Он хочет говорить, но боится. Нужно чтобы народ ушел в пещеру!
Вскоре у реки остался только я, Гизак, Медил и Педул.
Кочевник подошел совсем близко, к берегу реки.
- Мии пришли больтать! - крикнул он заискивающим голосом, - Мии тащились дарилки!
- Мии очень рады! - проорал я в ответ.
Кочевник повернулся к лесу и громко свистнул. Оттуда вышли еще двое с кожаными мешками и, испуганно поглядывая на нас, подошли к берегу.
Я отвязал лошадь и перебрался на ту сторону. Двое кочевников в страхе отступили, но старикан остался на месте.
- Меня зовут Туюм! - сказал я.
- Мииня - Тивир!
- Тивир, я перевезу тебя на ту сторону! - предложил я.
Ему было страшно, но он покорился, и вскоре я задыхался от невообразимо вонючей шерсти перед своей мордой.
- Дарилки! - крикнул Тивир помощникам.
Мы загрузились мешками.
На нашей стороне старикан спрыгнул с коня, а я с облегчением вдохнул свежего воздуха.
- Это Педул! - представил я, - наш самый мудрый!
Педул простодушно оскалился и громко выпустил накопившиеся газы чтобы не мешали важной беседе.
Я отвел коня в загон, и начались переговоры.
Выходило, что с нами никто не собирался воевать, а инцидент с подарками случился как-то сам собой из-за непонимания сторон. Я не очень этому поверил. Но, главное, мы решили, что никто больше не будет причинять вред другой стороне.
- Вии шибко страховые, - качачал головой Тивир, - жизните как мурши в норах и яроснии как зверии. Вис много как муршив?
- Да, нас шибко много. Тут много наших нор, - подтвердил Педул.
Взамен принесенных подарков мы вручили большие куски медовых сот и железный нож.
Тивир был в нескрываемом восторге.
- Мии еще тащиим дарилки! - предлжил он, осторожно поглаживая пальцем острое лезвие, - А вии нам - еще такой нож!
Мы переглянулись, но согласились.
Потом мы устроили небольшой банкет у отдельного костра на берегу речки. К нам присоединились два томящихся на том берегу кочевника. Они сами перебрались через реку, удерживая за лапы друг друга в стремительном потоке.

Мы не хотели приглашать кочевников в пещеру по двум причинам: чтобы не избавляться потом от блох, и чтобы они не видели сколько нас на самом деле.
По ходу дружеской болтовни выяснилось, что кочевники пришли к нам издалека в прошлом году потому, что в их местах кончилась дичь. Что они не любят горы и не собираются переселяться близко к нам. Короче, не будут нам мешать.
Потом мы помогли им перебраться через реку и тепло распрощались.
Наш народ был счастлив слышать о заключенном мире. Специально организованная охота за кабаном окончилась удачно, и вечером мы закатили нешуточный пир. Беззаботные крики не смолкали до поздней ночи.

Некоторое время казалось, что все вокруг существует только для нас. Наша дочь быстро росла и уже сама ползала. Но я мало уделял ей внимания, возвращаясь только к вечернему костру. В полумраке нашей дальней ниши она лазила по нам с Шидой и играла сама с собой. Я попросил Шиду передать матери, чтобы она чаще выносила дочь днем из пещеры.
Посланцы кочевников иногда вторгались в нашу жизнь, всегда как-то некстати. Они приносили куски соленого кабаньего сала, вяленую рыбу и неплохо выделанные шкуры. А взамен просили только ножи. Обычно их обнаруживал тот, кто утром первым выходил из пещеры, терпеливо сидящими на противоположном берегу реки.
Всякий раз при встрече мы приветствовали друг друга преувеличено радостными криками, но настоящей дружбы не получалось. Мы не то, что недолюбливали их, но не хотелось подцепить блох, лишний раз дышать их специфической вонью, слегка раздражала их смешная речь. Вообще их уклад жизни был чужд. А они, конечно, чувствовали наше отношение, и вряд ли им это нравилась.
В общем, обмен был нам выгоден. Их шкуры выделывались гораздо лучше наших.
Вскоре и у них появились луки. Правда, я видел, что они еще не слишком хороши.
Как-то с охоты раньше, чем обычно вернулась соседская молодая самка, вся помятая и зареванная. Она рассказала, что встретила троих кочевников, и каждый из них развлекался с ней, пока другие держали. Она металась перед нашей пещерой, не находя места, брезгливо отряхивала шкуру и умоляла скорее намазать ее дегтем.
Народ пришел в ярость.
На следующий день, утром, на берегу оказались ждущие, как ни в чем ни бывало, торговцы. Пока к ним переправлялась суровая делегация, они недоумевали, почему мы не кричим радостные приветствия и неуверенно скалились.
- Вы шибко обидели нас! - проревел Медил.
Морды у торговцев вытянулись, и они вскочили на задние лапы.
- Мии не обисалии!
- Ваши охотники поймали и мучили нашу женщину в лесу! - сказал я.
- Нет!!!
- Да!!! - заорал Медил.
- Она может показать их! - добавил я.
Торговцы затравленно переглянулись.

- Она могит врать! - нагло выкрикнул один из них.
- Она пришла вся измученная, - сказал я, - Вы не хотите найти и наказать виновных?
Торговцы опять переглянулись.
- Нии хочим!
- Выбирайте, что вы не хотите больше, - угрожающе прорычал я, - не хотите наказать виновного или не хотите поссориться с нами!
- Мии не хочим наказать и не хочим рассориться!
Стоявший молча Гизак не выдержал и встряхнул говорившего так, что у того лязгнули челюсти. Тот не удержался на лапах и свалился на траву.
- Идите! - я махнул лапой на лес, - Подумайте, как поступить справедливо не только для вас, но и для нас.
Торговцы ушли на этот раз без ножа, оставив свои дарилки на траве.
На следующий день никто не пришел. И на следующий тоже. Женщины больше не ходили в одиночку, да и мужчины старались группироваться.
На третий день я поскакал взглянуть на кочевников. Их лагерь, казалось, был без изменения. Я понаблюдал немного и вернулся, успокоенный.
С тех пор торговые обмены прекратились, и кочевники начали забываться.
В конце лета Ундук привел женщину из соседней пещеры, гораздо старше себя, и стал жить с ней в самой дальней нише, рядом с проходом в глубину. Она была уже беременна. Начались разговоры, что Ундук не вовремя позвал ребенка из Мира За Горами, что рожать на зиму нельзя, ребенок обязательно погибнет. Однажды мать Шиды поговорила с ней, и та заплакала. Мать Шиды немного отошла и вдруг со всей силы ударила кулаком в живот женщине. Та согнулась до земли и натужно закашляла. Я видел это и был потрясен, но все восприняли случившееся как должное. Вскоре у женщины был выкидыш.
Я долго думал об этом случае, потом не выдержал и подошел к Гизаку.
- Слушай! Теперь совсем не обязательно убивать детей на зиму!
Гизак озабочено зевнул во всю пасть, продолжая шлифовать древко стрелы.
- Зимние всегда сдыхают.
- У нас теперь есть теплая вода, шкуры, и мы легко можем сохранить детей.
- У всех одно время рождения, - Гизак снова зевнул, - Все в один праздник получают новый клык.
- И из-за этого нужно убивать собственных детей?!
- Гизак отложил древко и раздраженно посмотрел на меня.
- Пусть будут в Мире За Горами, пока мы не позовем вовремя! Больше нет свободных ниш. Видел? Ты хочешь жить вместе с Ундуком?
Я замялся, подбирая слово потому, что понятие дом в этом языке означало пещеру, а остальное годилось только для обозначения охотничьих шалашей.
- Мы будем строить новые пещеры-шалаши, - наконец сказал я.
Гизак удивленно ухмыльнулся.
- Строй, - просто сказал он и снова принялся точить стрелу.

Через месяц у нас с Шидой возник собственный домик, рядом с загоном для коней. Я сплел его из веток между врытыми в землю стволами деревьев. Стены были густо замазаны глиной с травой, а покатую крышу покрывал толстый слой

камыша. Внутри я соорудил каменную печку, замазав ее глиной. Было и невиданное новшество - кровать из толстых веток с большой кипой сена, покрытой шкурой. Еще была прочная дверь, сплетенная из веток.
Все, конечно, приходили смотреть на дом и во время его возведения и когда я объявил, что все готово. Так что на празднике, который мы с Шидой устроили, все выражали уже сложившееся мнение.
- Это у тебя не дом, а большой костер, который еще не подожгли, - изрек мудрый Педул.
- А зимой ты один будешь отгонять волков? - озабочено спросил Ундук.
- Этот дом надежно закрывается, Ундук, - я похлопал дверью у него перед носом.
Но Шида тоже отнеслась к моей затее насторожено.
- Зимой там будет холодно, - она заранее поежилась, - И скучно!
Последнее ее замечание достало меня. Ну, как же без обычного зимнего развлечения молодых женщин?
- Когда ты там будешь жить? - спросил Гизак.
- Не знаю…
Мне и самому не хотелось рвать нить, связывающую меня с пещерой, отделившись в собственном жилье.
- Ундук, а ты хочешь жить здесь? - вдруг спросил я.
- Ундук выпучил глаза и раскрыл пасть. Потом вошел в домик и повалился на кровать.
- Да! - заорал он радостно.
- Все, можешь жить!
- А мы? - Шиде вдруг стало жалко дома.
- Зимой же будет скучно! Но если ты хочешь, я построю еще один.
- А этот?
- Этот я уже отдал Ундуку.
Она удивленно посмотрела на меня, сердито фыркнула и ушла. Обычные женские обиды. Они не спешат ценить то, что сделал для них мужчина, а ведь для мужчины это очень важно.
Ночами становилось все холоднее. Все завидовали Ундуку потому, что его печка быстро согревала домик, и еду было очень удобно готовить. Шида дулась на меня, хотя я пообещал весной построить дом гораздо лучше прежнего. Наша дочь пока не болела и у Гизака тоже. Мы с ним тихо радовались и уже договорились, что когда родятся сыновья, мы сделаем все, чтобы они дружили.
Но настал день, когда все изменилось.
С самого утра началась паника. Я выбежал из пещеры. На противоположном берегу суетилась несметная толпа кочевников. Во много раз больше, чем я видел в их лагере. Значит, пришли еще и другие. Поэтому они и решились напасть на нас.
А из леса появлялись все новые. Они деловито кричали и подтаскивали к реке огромные стволы упавших деревьев.
Из других пещер к нам сбегался народ, таща свои запасы, как это мы планировали раньше. Мужчины готовились к битве. Я бегал от лидера к лидеру пока, наконец, мы сообща не решили, что будем делать.
Все зимние запасы дров были вынесены из пещеры и сложены перед ней. Мы

обмотали осмоленным мхом концы стрел и разожгли пока небольшой костер перед рекой. Часть мужчин и женщины уносили запасы в глубину пещеры. Шида показывала им дорогу.
Я отвязал испуганных коней, хлестнул их плетью, и они ускакали прочь.
На том берегу лениво сидел Тивир, у самой воды на большом валуне, закутанный в шкуры до голых пяток. Его огромная шапка была надвинута на глаза. Свесив лапы, он с интересом смотрел за нами. Я подошел к реке.
- Эй! Тивир!
- А-аа, Туюм! - он добродушно оскалился.
- Что вы там делаете?
- Вии хапнили нашии дарилки. Мии вас перебьем. Хапним ваши железяки.
Как только я убедился в неизбежности войны, то, не собираясь вступать с ним в полемику, просто поднял лук и всадил стрелу ему в лоб, пригвоздив к нему шапку. Он мешком слетел с камня. Вокруг завопили, и несколько неумело выпущенных стрел пролетело мимо меня. Я отбежал подальше.
Наши мужчины тут же подожгли свои стрелы от костра и выпустили их по всей площади с сухой травой. Там со всех сторон взметнулось пламя, охватывая шерсть на телах кочевников. Раздались дикие вопли.
Мы не успели обрадоваться такому успеху. На нас сверху полетели камни. Я на мгновение задрал голову и увидел высоко над нами другую толпу, спускающуюся по крутому опасному склону. Теперь крики боли раздались с нашей стороны.
- В пещеру!!! - заорал я, - Сваливаем!!!
Камень попал в правое плечо, бросив меня на землю. Рука онемела, и ниже жгучей разливающейся боли я не чувствовал ничего.
Рядом с головой землю взрыл большой обломок. Я вскочил, закинул лук за спину и побежал, закрывая здоровой лапой голову. И не зря закрывал потому, что перед самым входом в пещеру другой камень ударил меня, и я повалился головой в проход. Кто-то тут же наступил на меня, и я с трудом отполз в сторону, не в силах подняться.
Снаружи пахнуло сильным жаром. Кто-то поджег все дрова перед пещерой. Пока они горят, никто не сможет войти.
Наконец я встал на лапы. Голова ныла от удара, а левая кисть была разбита. Перед глазами все медленно плыло в сторону. Пошатываясь, я пошел вглубь, на ходу кое-как подхватив на левый локоть свой рюкзак.
Кроме меня никого уже не было. Где-то впереди слабо отсвечивали блики, и я поспешил туда. Головокружение немного утихло, и я вскоре догнал отходящих. Последним шел Ундук, не успевший взять свои вещи. Он оглянулся. Я попросил его понести мой рюкзак.
Мы долго шли по знакомым переходам, проползая в узкие дыры. Мое плечо отдавалось жгучей болью. Сломанные пальцы на левой лапе болели не так сильно.
Мы пролезли из узкой дыры вверх по расширяющемуся проходу. Ундук помогал мне снизу.
Пока я выбирался, мы отстали от других. Я попросил Ундука достать из моего рюкзака свечи. Мы немного отдохнули и полезли дальше.

Наконец, вскарабкавшись по последнему колодцу, мы вышли в зал перед выходом. Здесь уже были навалены вещи и продукты. Но только те, что удалось унести на себе. Раненые стонали, дети визжали, женщины с подавленной горечью пытались их успокоить.
Шиды здесь не было. Я не мог сам никому помочь и принялся объяснять, как это сделать. И те, кто брался за это, неумело, причиняя дикие страдания, оттягивали конечности и, выравнивая сломанные кости, фиксировали их.
Я вышел из пещеры. Шида сидела внизу, на песке у озерца, с нашим ребенком. Я спустился к ней. Она увидела меня, радостно вскрикнула, вскочила и потерлась носом о мою щеку. Ребенок помешал ей обнять меня и причинить боль.
- Туюм, - она снова потухла, - нас теперь мало…
- И мне долго болеть, - признался я, - у меня отбиты лапы.
Она встревожено осмотрела меня и сморщилась от сочувствия.
- Теперь я буду охотиться, - заявила Шида, - а ты - сидеть с Вэйни, - она засмеялась.
Господи, зачем я так назвал свою лохматую дочь?
Я вдруг остро почувствовал, насколько остался далек от этих диких людей. И тут же понял, что я вообще никогда не соприкасался близко с той жизнью, где мне приходилось быть, так, чтобы это стала действительно моя жизнь. Я всегда оставался скорее наблюдателем, чем участником.
Я воображал, что моя задача здесь уже почти выполнена, - я нужен Шиде. А сейчас видел, что все представлял совершенно неправильно. И у меня уже вряд ли оставались шансы что-то исправить. Потому, что мое желание покинуть эту жизнь стало больше желания слиться с ней.
- Шида! Хорошо, что у нас не было своего дома, теперь не жалко, что его нет, - сказал я грустно, - А вот Ундуку - жалко.
- Ундук снова один, - сказала Шида печально.
Стало темнеть, и подул холодный ветер.
- Пойдем, Шида. Нужно гнездо делать.
Из всех пещер нас осталось девятнадцать взрослых, из них двенадцать женщин. Ни Гизака, ни Медила с нами не было. Из лидеров остался только мудрый и осторожный Педул. Удивительнее всего, что с нами остался медлительный и неразговорчивый Чидан, любимым и постоянным занятием которого было вытачивать новые узоры на своих палках чести с приоткрытой от старания пастью.
Всех детей удалось вывести невредимыми. Большинство подростков осталось без родителей и это не вписывалось в уклад жизни племени.
Нужно было решать, как жить дальше. Мужчины спустились к речке, чтобы посовещаться. А женщины остались наблюдать за колодцем, рядом с которым мы навалили кучу метательных камней, и присматривать за детьми.
Мы расселись, и Бугар первым плюнул в речку.
- Здесь плохая охота, - сказал он, - Запасов на зиму не наберем. А детей лишних очень много. Нужно отправить их в Мир За Горами.
- Нет! - тут же сказал я, по всем правилам сплевывая в речку, - Нас мало и без них мы не станем снова сильными.
- Мы наделаем их когда всего будет вдоволь! - начал горячиться Бугар.

- Нет!! - сказал я твердо.
- Туюм! У тебя сломаны лапы, чтобы так со мной разговаривать!
- Мне не нужны лапы, чтобы разговаривать с тобой, Бугар!
- Ты вызываешь меня?
- А разве ты главарь?
Педул резко сплюнул в речку.
- Сначала нам нужно выбрать вождя, - сказал он.
- Я самый сильный сейчас, - сказал Бугар, - значит я - вождь.
- Сейчас нужен не самый сильный, а самый мудрый, - возразил Педул.
Бугар вскочил на задние лапы и зарычал.
- Кто здесь скажет, что я не главарь?
Я тоже поднялся.
- Ты не можешь быть главарем, Бугар.
Бугар раскрыл огромные лапы, обнимая небо, и бросился на меня.
Я поднырнул под его лапу и, разгибаясь, ударил ногой ему под мышку. Бугар с шумом упал в речку, но тут же вскочил, отряхнувшись как зверюга и повернулся ко мне, придерживая парализованную лапу. Я тут же с разворота залепил ему пяткой в подбородок, и он опять мешком рухнул в речку. Воды было мало, и Бугар не нахлебался. Он пришел в себя, медленно привстал и опять встряхнулся, разбрызгивая воду во все стороны. И тут же зарычал от боли в голове. А когда снова открыл глаза и посмотрел на берег, то заметно присмирел.
На берегу перед ним стояла Шида с натянутым луком.
- Шида! - сказал я, - Даже если бы он победил, ты не должна стрелять в него!
- Почему?
- Нас очень мало осталось. И мы не враги, а просто выясняли, кто сильнее. Правда, Бугар?
- Правда, Туюм, - признал ошеломленный Бугар, выбираясь на берег.
- У нас больше не будет главаря, который все решает сам, - сказал я, и все удивленно переглянулись. Хорошо, что к этому времени народ перестал удивляться необычности моих предложений.
- На собрании мы все будем думать, а Педул будет все расставлять по порядку.
До самого вечера мы думали, как жить дальше. Пока все было еще очень неясно. Могли опять прийти кочевники. По пещере или через гребень. Но в любом случае наша жизнь надолго перестала быть такой беззаботной как раньше.
Четверо раненых, включая меня, вынуждены были сидеть в пещере. Мы сменялись, дежуря у последнего колодца. Но кочевники оттуда не появлялись, хотя найти нас по оставленным следам было не сложно.
Место главаря у костра пока что не определилось, хотя и Бугар и Педул приволокли себе особенно удобные камни, выделяющиеся среди других.
Мне показалось, что регламент поднятых лап в беседе у костра, все же, был хорошей и полезной находкой и начал было поднимать лапы в пример. Но это посчитали моей слабостью, и несколько насмешек заставили меня оставить попытки вернуть утраченную традицию.
Так же странно воспринимались мои попытки внедрить привлекательность гуманности, когда в момент дележа еды я не брал себе лучшие куски, а

передавал их детям и женщинам.
При каждом подходящем случае Багар и Педул пытались утвердить свои лидерские права, но мне пока удавалось это пресекать, ощущая накапливающуюся враждебность обоих претендентов. Я знал, что если подвернется несчастный случай со мной, они этим несомненно воспользуются. Негласным лидером, все же, оставался я. В моменты острых споров мое слово оказывалось решающим, мне никто не рисковал открыто перечить. Так что избавиться от иерархии власти не получилось. Скорее, такая ситуация приносила больше вреда и постоянно проявлялась как очевидно неестественная, не понимаемая и не принимаемая всеми.
А пока что про меня поползли пещерные сплетни, что раньше все у народа было хорошо, но как только Трепло Туюм начал навязывать свои новшества, все стало неправильным и вот, что теперь осталось от народа. Кто-то же должен быть виновником несчастья.
Железные ножи и наконечники, горшки, луки, медицинская помощь, мед, новые блюда, очень заметно обогатившийся лексикон и сложность фраз в обсуждениях - во всем можно было найти и плохую, неправильную сторону. "Народ стал ленивым, слишком хитрым и болтливым", - сетовали многие.
Я прекрасно понимал, что только сверхжизнь давала мне возможность так сильно влиять на племя, но и этого не хватало. Чтобы что-то изменить так, чтобы все это понимали и приняли, совершенно необходимо было сначала полностью изменить всех. А без этого никакое могущество не в силах было помочь. Изменить всех равнозначно тому, что старые сущности людей умерли и на их месте возникли новые.

Часто шел мелкий холодный дождь. Дичь найти становилось все труднее. Я объяснял, как делать различные ловушки, но вскоре стало казаться, что мы переловили все, что водится в этом ущелье.
Дни пролетали быстро. Я возился с выздоравливающими, проверял расставленные в горах силки, занимался с подростками, делал стрелы. Мы лишились многих культурных приобретений. Здесь не было руды для изготовления железа, хорошей глины для горшков, я почти перестал рассказывать истории у костра. Шекила больше не было с нами и его музыки по утрам не хватало для ощущения благополучия. Как-то разговор зашел о празднике Полной Луны и все замолчали в унынии.
Я, как мог, обустроил место для нас с Шидой, из осколков камней выложил стенку, скрепляя ее глиной, которая отгородила нас от остальной части пещеры, мы натаскали травы, и получилось уютное гнездо. На этот раз мы расположились рядом с выходом и дневной свет достаточно хорошо освещал все внутри.
Многим понравилось, как мы устроились, и в пещере выросли каменные перегородки. В центре осталось большое место, где устроили гнезда для подростков.
Мои лапы поджили настолько, что я решил пойти на разведку к нашей старой пещере. Я добирался долго и осторожно.
Почти в самом начале лабиринта, в одном из залов, оставленное

продовольствие так и лежало нетронутым. Кочевники не решились заходить в глубину. Это значило, что мы сможем перезимовать, не голодая. И теперь можно было не думать постоянно, что кочевники проникнут к нам через пещеру.
Вскоре я оказался в покинутых местах. Там никого и ничего не было. Только смердело от брошенных снаружи мертвых тел. Этот запах был настолько силен и отвратителен, что я не смог выйти наружу.
Я побродил немного по пещере, постоял около растоптанного инструмента Шекила, помянул с грустью нашу жизнь и пошел назад.
Мы сделали последний колодец более проходимым, вырубив ступени в наиболее опасных местах и навесив веревки. Несколько дней потребовалось, чтобы перетащить оставленные запасы продовольствия.
Теперь на охоту выходили только чтобы хоть чем-то заняться. Мы зажили по-зимнему задолго до зимы. А Шида почему-то не была на этот раз беременна. И конечно, она не отставала от других женщин в развлечениях с мужчинами.
Я же, отягощенный тысячелетним опытом, не мог быть таким же непосредственным и не желал развлекаться с другими женщинами, хотя теперь женщин было больше, чем мужчин, и они настойчиво требовали внимания. Это породило еще одно направление слухов про тайные слабости Трепла Туюма.
Тот, кто испытал всепоглощающую радость единства с другой душой, как мы с Вэйни, понимает, что самое главное в жизни - это духовная близость. Только Шида связывала меня с этим миром. Если бы я потерял эту связь, то ничто бы уже не удерживало меня здесь. А теперь и Шида все больше отдалялась от меня.
Несмотря на обеспеченную зиму, стало привычным подавленное настроение. Потери оказались слишком велики. Неопределенность впереди тяготила. Нас лишили родных мест, а этого узкого ущелья было явно недостаточно для жизни племени.
Но все можно было бы преодолеть. Нужно только не предаваться унынию, а что-то делать, придумывать, выживать. Я же больше не чувствовал моральных сил для этого. Мне не хватало того, ради чего я бы боролся. Даже мысль о дочери не оживляла.
Я часто бродил один по склонам среди унылых мокрых кустов. И однажды, когда настроение было особенно безысходным, меня потянуло подальше в горы.
Я забрался довольно высоко, на самый гребень. Холодный ветер гнал облака снизу, и часто все погружалось в туман, и тогда начинала сыпать редкая снежная крупа.
Знакомое снисходительное безразличие овладело мной. Я не видел в перспективе ничего обнадеживающего. Есть я, есть эти холодные безучастные горы, этот мир с глупой суетой, которому я не нужен и который не нужен мне. Не в моих силах оказалось сделать так, чтобы близкие мне люди были счастливы. Это - не мой мир. Или у меня нет сил или умения, или желания принять этот мир так, чтобы он стал моим.
Я начал опрометчиво спускаться по скользким мокрым камням. Справа склон обрывался отвесной стеной. Нужно было бы обойти скальный зуб и спуститься к кулуару. Задняя лапа соскользнула с камня. Я попытался удержаться, но еще не зажившие пальцы свело болью. Камень ударил меня, оттолкнув в пустоту, стенка взметнулась вверх, и торжествующая шекиловская музыка скрежещущим

аккордом сковала мысли. На мгновение я ощутил нечто вроде вздоха сожаления моего наставника. Как если бы он махнул на меня рукой.
Сколько раз я уже влетал в это внежизненное пространство. На этот раз не было ошеломляющего перехода при вспоминании всего былого. Я лишь вдруг ясно увидел, что чаще всего погибал именно в горах. Они неосознанно манили меня не только своей красотой, но и как врата в иной мир. Когда я слишком не соответствовал жизни, то меня неудержимо тянуло в мир гор.
Как обычно, отчаянная надежда на встречу с Вэйни наполнила меня. Я напрягал мои обостренные чувства, но не ощутил ее.
Передо мной стоял мой наставник с грустной любящей улыбкой.
- Привет, - небрежно бросил я, - от никчемного ученика.
- Привет, друг мой… Я рад за тебя. Ты кое-что понял.
Я не верил своим чувствам.
- Я понял?? Что, динозавры отменяются?
Я вспомнил наши древние разговоры с наставником, попытки отстоять справедливость так, как я ее понимаю.
- Почему же мир так жесток? - спрашивал я, - Почему так мало от меня зависит? И все, что бы я ни делал, может быть перечеркнуто в одно мгновение?
- Мир - это арена для многих сил. Твоя воля - попасть в беду или суметь избежать ее. Ты сам можешь прыгнуть в бездну. Ты можешь построить дом под горой, и его разрушит лавина. Или своим бездействием дать растерзать себя зверю. Но всегда есть множество правильных путей, чтобы избежать любой беды. Нужно только научиться понимать.
- Научиться понимать, попадая в беду?
- Другого пути нет… Невозможно понять то, чего не испытал сам. И я помогаю тебе, - молвил он с суровой добротой.
- Но одни рождаются в достатке и путь их легок, а другие рождаются в нищете и, к тому же, им постоянно не везет!
- Нет такого достатка, который удовлетворил бы человека. Достаток - всегда относителен. Но чем больше ты имеешь относительно других людей, тем дальше ты от их истиной любви и привязанности.
Вот и теперь наставник со всепонимающей любовью смотрел на меня.
- Теперь ты можешь отдохнуть... или опять принять жизнь…
Я так устал от вереницы никчемных воплощений, что мой безмолвный протест заставил наставника понимающе улыбнуться, но он поднял на меня сияющий взор, в котором была какая-то особенная торжественность.
- Только знай, ты оставил близких, которым очень нужен.
- Я нужен? Ты уверен?
- Я знаю.
Это поразило меня. Я заколебался. Но спросил.
- Я так хотел бы знать, где Вэйни…
- Она - твоя дочь, - просто ответил наставник, - Она многое сделала, чтобы так произошло, но ты ее оставил в той жизни.
У меня все перевернулось, и сожаление от случившегося лишило сил и воли.
И тут легкий освежающий порыв влил в меня новую энергию жизни. Чувство фатального безразличия исчезло.

- Спасибо… - ошеломленно поблагодарил я за столь щедрый и редкий дар.
- Возвращайся, друг мой. Тебя ждут.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на мелкой осыпи, головой вниз. Высоко вверху вздымалась отвесная стена, с которой я упал. От ее подножия по крутому склону мое тело в сырой грязи прочертило широкий длинный след.
Я мысленно просканировал себя. Сильно болело правое плечо. Я медленно повернулся и поднялся на чуть дрожащие лапы. Тело было избито, но цело. Изломанный лук валялся рядом.
Чуть ниже протекал ручей. Я лег и жадно напился.
Облака ненадолго прорвались, заходящее солнце разогнало унылый полумрак. Я ощутил прилив оптимизма и решительности. Все менялось на глазах. Это был мир Вэйни, и я жил в нем. Теперь моя жизнь была полна смысла.
Нет, не только физические способности понадобятся мне. Я буду использовать все, что предоставляет сверхжизнь, чтобы мое племя больше никого не боялось. Меня заботил уже не только тот срок, который отведен мне, но срок моих детей и детей Вэйни.
Когда я добрался до стоянки, то был решительно настроен на то, что скоро мы будем жить на старом месте и не бояться кочевников.
Возвращаться с пустыми лапами здесь и в такое время года не считалось зазорным. Но от моего лука осталась одна тетива и Ундук, по обыкновению сидящий на корточках у входа, удивленно поднял косматые брови. Но что-то в моей морде было такое, что он радостно оскалился.
- Туюм! - крикнул он, - Ты как будто из Мира За Горами вернулся! Совсем по-другому выглядишь, - приятно смотреть!
- Упал и головой стукнулся, - ответил я, - очень помогает!
Мы рассмеялись, чувствуя, что подавленному настроению наступает конец. Неужели это я был его главной причиной?
А жизнь, в общем-то, налаживалась. Дети играли и кричали совсем уже не притихшими голосами, вкусно пахло вечерним супом.
Я прошел за каменную стену своего гнезда и подошел к Шиде. Она посмотрела на меня и улыбнулась, тоже заметив то, как во мне много изменилось.
Наша дочь спала рядом на шкуре. Я не удержался и взял ее на руки. Она открыла глаза и потянулась всем телом. Как она уже сильно подросла! Неужели я так давно не уделял ей внимания?
Я с любопытством всмотрелся в ее мордочку. Ее мохнатая лапка играючи стукнула по моему широкому носу.
- Вэйни, зачем ты это сделала? - тихо сказал я, - Что теперь будет?
Она очень внимательно посмотрела на меня. Ее ротик приоткрылся.
- Туюм!
Я чуть было не уронил ее от неожиданности. Это было сказано совсем не по-детски, и этот понимающий взгляд...
Все во мне похолодело. Я пригляделся внимательнее, и подозрение окрепло. То, что она была развита далеко не по возрасту, осмысленная улыбка и так много говорящий взгляд могут означать только одно.
Но никогда еще не было, чтобы два существа одновременно имели супержизь!

- Ты не знал? Она давно уже разговаривает, - сказала довольная Шида, - ты вложил в нее слишком много силы!
Я не был готов. Этот ребенок так не подходил для того, чтобы вмещать в себя Вэйни!
- Дивола! - позвала меня Вэйни ясно и очень спокойно.
И моя истинная сущность отбросила все барьеры. Передо мной была Вэйни и неважно какое у нее тело. Это было так давно, когда мы жили в одной жизни…
Я заговорил с ней на языке этой общей жизни и Вэйни, улыбнувшись, ответила.
Шида попятилась от нас с испуганными глазами.
Со мной почему-то всегда так. Когда приходит то, о чем давно и страстно мечтаешь, то нет ощущения радостного предельного счастья, которое, казалось бы, должно наступить. Даже начинаешь сомневаться: а действительно ли ты так хотел этого. Но теперь я представить не мог и не желал, как бы жил в этом мире без Вэйни. Правда, мы не могли здесь общаться так полно как вне жизни, ясно и глубоко чувствовать друг друга.
Шида, сжавшись, сидела в углу нашей каменной клетки. Я подошел к ней, и она вся напряглась.
- Шида, - сказал я ласково, - не бойся! Вэйни - такая же как я. Мы пришли из одного Мира За Горами и сейчас говорили на том языке.
- Миров За Горами много? - спросила Шида.
- Да. Но ты не помнишь, откуда ты пришла, а мы с Вэйни все помним.
Протопали босые лапы, и к нам заглянул Ундук.
- Туюм, пошли! Педул собирает всех около речки, чтобы правильно расставить наши дела.
- Иду!
Я протянул нашу дочь. Шида с некоторой опаской взяла ее и сразу поставила на ножки. Я задержался, смотря, как Вэйни вполне уверенно вернулась на свою шкуру и уселась на нее.
Мы немного не успели. Бугар держал за глотку болтающего задними лапами Педула, прижав его к дереву. Глаза Педула собирались уже скатиться по его мохнатым щекам. Рядом безмятежно стояли остальные самцы, с легким интересом наблюдая за сценой. Кто-то задумчиво ковырялся кривым пальцем в носу. Двое подростков застыли поодаль с горшками, не решаясь зачерпнуть воды для вечернего компота.
Мы с Ундуком сбежали к речке, и я, ухватившись за загривок Бугара, рванул его назад. Оба тела повалились на песок, и смертельная хватка разжалась. Педул так и остался лежать, с натужным сипом восстанавливая дыхание, а Бугар моментально вскочил на лапы, увидел меня и нехотя отошел в сторону.
- Зачем? - зарычал я, хотя был вполне спокоен.
- Он громко навонял, когда сидел рядом, - неохотно сказал Бугар.
- Ну и что? Разве ты сам никогда не воняешь?
- Тогда не знаю, - немного растерялся Бугай, - я слишком разозлился. Он ведет себя как главарь.
- Скажи, Бугар, Педул лучше тебя расставляет все по порядку?
- Да.
- А ты сильнее Педула?

Бугар только хмыкнул и самодовольно оскалился.
- Значит, правильно будет сделать так. Ты теперь будешь следить за тем, чтобы никто не мешал Педулу правильно все расставлять по порядку.
Бугал удивленно посмотрел на меня.
- Ты теперь будешь его силой. Ты понял?
- Я!? Его силой!? - Бугар возмущенно показал лапой на с трудом поднимающегося Педула.
- А он будет нашей мудростью. Ты же не можешь быть нашей мудростью?
Бугар задумался.
- Ты согласен быть силой? - спросил я с угрожающими нотками в голосе.
- Да.
- Тогда стой рядом с Педулом и смотри за всеми, чтобы никто больше не мешал ему.
- Было бы лучше, - сказал Педул, сморщившись от боли в глотке, - если бы ты сам, Туюм, стал моей силой.
- Мне нужно придумывать, что нам делать, а не следить за порядком! - возразил я, - Если Бугару нужна будет помощь, тогда я помогу.
- Хорошо, Туюм, я согласен, - Педул сел на камень у речки и со второй попытки доплюнул до воды.
Все расселись рядом.
- Эта зима началась слишком рано, - просипел Педул, - потому, что нам здесь нечего делать. И когда сойдет снег, она не закончится, потому, что нам опять здесь нечего будет делать.
- Зачем делать? - воскликнул молодой Занид, ненасытный Занид, которого постоянно востребовали наши женщины и который никогда не подводил их, - У нас навалом добычи, а нас мало, ай! - его сдуло с камня увесистой затрещиной Бугара.
- Ты чо!? - заорал Занид, поднимаясь на четвереньки.
- Тебя Педул просил говорить? - процедил Бугар, заметно разрядивший свою злость.
Педул благосклонно посмотрел на Бугара и откашлялся.
- Нам нужно уходить обратно потому, что здесь племя жить не сможет, - сказал он, - здесь нет пчел, глины для горшков и тяжелых камней.
Никто не возражал, искоса поглядывая на Бугара.
- Нам нужно придумать, как это лучше сделать и не бояться кочевников. Теперь вы думайте и говорите, а я все расставлю по местам.
- Теперь ты думай и говори! - потребовал Бугар, направив в Занида свой палец.
- Бугар, - ласково остановил его Педул, - мысли пугливее птицы и ни одна не залетит в голову насильно. Пусть каждый думает, как он хочет.
- Кочевники боятся пещер, - сказал Ундук, - Если мы будем жить около старой пещеры в глубине, они не полезут.
- Да, - согласился Лапор, - выходить будем редко, только на охоту и за дровами. А вода есть в глубине.
- Это хорошо, - согласился Педул, - но должно быть что-то еще лучше, - загадочно поднял лапу Педул, - Туюм уже придумал нам луки, и крепкие ножи. Пусть теперь он придумает такое, что убьет всех кочевников.

- Придумаю, - не слишком уверенно сказал я, - но это будет не скоро. Педул прав, нам нужно уходить на старое место. Может быть, кочевники зимой не будут нам мешать. Сначала мы пойдем, чтобы все подготовить, а женщины пока останутся здесь.
- Мы им оставим Занида, - предложил Бугар и сплюнул в речку.
Охотники заржали, и Занид простодушно оскалился.
- Мы так хорошо придумывали, - сказал Педул, - что все само расставилось как надо. Завтра мы идем в старую пещеру.
С собрания мы возвращались с таким видом, как будто уже победили кочевников. Все тосковали о покинутых местах, и, несмотря на опасность, чувствовали радость от надежды, что жизнь потечет по-прежнему. Женщины, сидящие у вечернего костра, завидев нас, тоже радостно оскалились, всей шкурой почувствовав близкие перемены.
Запахло едой, и охотники принялись рассаживаться у костра. Педул с естественной непринужденностью воцарился в своем удобном, почти обретшем статус лидерского месте, комфортно откинувшись спиной к прогретой огнем стенке.
Шида что-то вспомнила и порывисто вскочила со своего места. Блики костра плясали в ее широко открытых, чуть испуганных глазах.
- Что, Шида?
- Там… Не ругай ее! - попросила она невнятно. Я поспешил к нашему гнезду. Вэйни сидела на корточках и увлеченно возилась с чем-то на полу в полумраке. Она повернула ко мне головку и радостно обнажила белые зубки. Ее носик был измазан сажей.
Я подошел ближе. Перед ней лежала перевернутая шерстью вниз шкура, а на ней как живая смотрела на меня нарисованная углем Шида.
- Классно, Вэйни!
Я, конечно, знал про этот ее талант.
- Спасибо, Дивола!
Сзади появилась Шида и, видя, что я не сержусь, успокоилась.
- Эта не страшная! - сказала она, показывая лапой на рисунок. Она не знала, как сама выглядит и на рисунке видела лишь незнакомую самку.
- А вчера она нарисовала вот, - Шида перевернула другую шкуру, - это ты!!! - Шида выпучила глаза, - Страшно, когда ты оттуда смотришь!
Я тоже не знал, как выгляжу, и с интересом посмотрел на свое изображение.
- А ведь это ты, Шида! - сказал я, показывая на новый рисунок.
- Я!?
- Да, очень похоже!
Шида прикрыла лапой рот, шагнула назад и выбежала из гнезда.
Я стал приподнимать оставшиеся шкуры. На всех были рисунки. Некоторые явно рисовались поверх затертых старых. Сколько времени я спал на этих шкурах, ничего не подозревая?
Я присел рядом с Вэйни. Как не хватало свободного мыслеобщения, которым мы обладали вне жизни!
- Вэйни, - спросил я, - почему ты скрывалась так долго?
- Я все-таки женщина!

Ее непередаваемо милая кокетливая ужимка на детском личике заставила меня рассмеяться.
- Не хотелось, чтобы ты знал, пока я была совсем беспомощная и противная.
- Вэйни, мы опять попали в суровый мир, - заговорил я на старом нашем языке.
- Я знаю, - вздохнула она совсем уже не по-детски, - но все миры суровы, каждый по-своему…
- Я пробовал наладить здесь жизнь, но не вышло. Не хватило опыта всех моих жизней. Это так печально... Как пытаться вынуть камень из-под груды других камней: пока все не перетаскаешь, нижний достать не получиться каким бы ты сильным ни был... Было так паршиво осознавать эту закономерную несправедливость, что я решил покинуть этот мир... Но меня вернули, сказав, что ты - здесь!
- На этот раз мы постараемся уйти из жизни вместе, Дивола!
- Да! - я мечтательно помолчал, - Но теперь пусть эта наша жизнь продлится как можно дольше.
- Ты что-то придумал?
- Мы теперь вместе, все же, попробуем вынуть камень из под груды всех других! И не силой, а сверхсилой! Это будет настоящая суперигра жизни! У нас уникальное сочетание возможностей: мы умеем видеть сущности вещей, и мы имеем тела, которые могут иметь связь не только с нашей душой, но и с сущностями вещей. Я много думал. Есть только один путь - научиться менять сущность вещей и событий…
Вэйни испугано расширила глазки.
- А наставники не будут против?
- Когда попробуем, тогда и узнаем.
- А я уже пробовала здесь видеть сущности. Нужно же было хоть чем-то заниматься пока лежишь беспомощная. Но изменять... Я не представляю достаточно хорошо, что это может за собой повлечь...
- Я тоже не представляю. Мы будем осторожны и научимся. Давай попробуем прямо сейчас.
Сущности всего сущего представляют собой оцифрованные в определенном порядке последовательности взаимно скрывающих друг друга пар элементов из основы вселенского циферблата. Они там мелки, что работать сними можно только в общей совокупности, и доступ к такой совокупности имеет моя сущность в режиеме сверхжизни. Она сопосбна ощутить их и воздействовать на них. Проще всего взять и взаимно скрыть все составляющие, и тогда сущность перестанет существовать для нас, хотя она останется в некоем закрытом от всего мира состоянии. Наверное, бесполезно это как-то описывать для обычного человеческого бытия. Поэтому и не буду пытаться.
Я зажег свечку и поставил ее на выступ стены. Мы закрыли глаза и постарались забыть про наши тела. Нужно было отключить мешающие непосредственное восприятие мозга и научиться видеть так, как мы ощущаем вне жизни.
Но сначала мне удалось почувствовать не свечку, а Вэйни. Вероятно, она тоже сразу потянулась ко мне. Мы ощутили знакомую радость соприкосновения и одновременно увидели сущность свечки. Не сговариваясь, в игривом порыве, мы яростно дунули на нее сущностью своих мыслей, особенно не задумываясь,

что именно хотим изменить.
Приглушенный вскрик заставил меня открыть глаза.
Там, где стояла свечка, в стене зияло неровное отверстие, лоснясь гладкой поверхностью. Это было похоже на то, как если бы в снежную стену плеснули кипятком.
Я успел заметить убегающую Шиду.
- Надо ее успокоить, Вэйни! Я пойду, а ты попробуй почувствовать отношение своего наставника.
Я вышел из гнезда. Шида порывисто переходила с места на место, ничего не видя вокруг.
Я подошел к ней. Она вздрогнула и отпрянула от меня.
- Шида, - сказал я самым обыденным тоном, - пойдем к костру, я расскажу всем про то, что сейчас делал.
Она поколебалась, но пошла и уселась на свое место. Близость сородичей немного успокоила ее.
Подождав, когда у Педула откажет поврежденное горло от непосильно длинной истории его молодости, я сказал.
- Я придумал оружие против кочевников, - заявил я.
Никто не перебивал меня, и только несколько радостных возгласов нарушили тишину.
- Мы раньше охотились и воевали с помощью силы рук. И поэтому доставали только то, до чего дотянутся руки или куда они добросят оружие.
Соплеменники наморщили лбы, старательно постигая концепцию силы рук.
- А новое оружие будет использовать силу мысли.
Педул не удержался и скривился в оскале, но перебивать не решился.
- Скажи, Педул, о чем твой смех, если хочешь, - предложил я.
- Мы их так будем ненавидеть, - хрюкал Педул, откашливаясь, подняв одну лапу и смахивая слезу другой, - что у них животы заболят?
- Шида, расскажи, что ты сейчас видела!
Но Шида испугано замотала головой.
- Я не знаю…
- Просто расскажи, как это было.
- Ты сидел и закрыл глаза... Свечка горела... Свечка загорелась вся... Стена втянула огонь... Теперь в стене большая дырка…
- У-у-у-у… - изумленно прогудело племя.
- Там маленькая Вэйни, - сказал я, - поэтому кто хочет посмотреть, подходите не спеша и осторожно.
Но, не спеша и осторожно, не получилось. Вся толпа разом вскочила и подалась к нашему гнезду.
- У-у-у!!! - не затихал возглас удивления, пока соплеменники осматривали дыру.
Педул начал просовывать лапу вовнутрь.
- Как там холодно! - воскликнул он.
- Осторожно, - сказал я, - я бы туда не лазил!
Педул поспешно выдернул лапу и отошел подальше.
- Ну вот, вы видели. Пошли к костру.
- Когда мы убьем всех кочевников? - деловито поинтересовался Педул.

- Точно не знаю, - признался я, - еще нужно долго упражняться. Дольше, чем учиться хорошо стрелять из лука.
- А-а-а, - разочаровано протянул Педул.
- И знайте, что Вэйни - такая же как я. Мы вместе будем готовить оружие, и нам никто не должен мешать, даже если это покажется слишком странным.
Мы с Шидой съели то немногое, что еще оставалось от разогретой еды и ушли в свое гнездо.
- Мой наставник ничего не сказал против, - сказала Вэйни на нашем языке, - или мне так показалось.
- Нашим наставникам не трудно было заранее предугадать, что будет, если мы окажемся вместе в одном мире с супержизнями. Нам наверняка дадут понять, если они будут против наших действий.
Я заткнул дырку мхом, чтобы Шида не боялась. А Вэйни бесцеремонно забралась на колени матери и пристроились у ее грудей. Она давно уже хотела есть.
Я начал готовиться к завтрашней вылазке, собирая в рюкзак все необходимое. Другие охотники заявили, что им тоже нужны такие рюкзаки. Мы принялись изготавливать их. Спать я лег чуть ли не под утро.

С протянутыми веревками и вырубленными выступами мы легко прошли колодец и, спустя несколько часов были в нашей старой пещере. Ничего здесь не изменилось со времени моего последнего визита, только запах гниения выветрился. Ундук побежал в радостном волнении к своей нише, на меня тоже накатили воспоминания.
Остальные поспешили выйти наружу, чтобы посмотреть на родные пещеры. Я тоже вышел, пройдя через обугленные ветки нашего последнего заградительного костра.
Все вокруг было покрыто жухлыми осыпавшимися листьями. С пасмурного неба моросил редкий, очень мелкий дождь. Разбросанные камни и истлевшие до костей, растерзанные тела, местами с лохмотьями шерсти, покрывали все вокруг до самой реки. Судя по всему, немало зверей пировало здесь. Опознать кого-либо не было никакой возможности.
Кочевники не оставили ничего: подобрали все луки, стрелы, ножи, палки с наконечниками и даже огнива. Через реку теперь были переброшены два огромных дерева.
Вернулись опечаленные Педул и Бугар, неторопливо подходили угрюмые Лагор, Занид и Чидан
- Надо делать очень большой плот для мертвых, - озабочено заметил Ундук.
- Или очень много обычных, - вздохнул Педул.
Как же было бы некстати делать эту ненужную работу. Кроме того, насчет костей у меня появилась идея. Видимо пришло время менять устоявшиеся представления, которые пока еще не носили религиозный характер.
- Мир За Горами совсем не там, - сказал я, махнув лапой вдоль реки, и с сочувствием посмотрел в их изумленные глаза.
- Как это не там!? - спросил Ундук.
- Подумайте, чтобы родится, никто не приплывает по реке!
Все задумались.

- Когда я и Вэйни появились из Мира За Горами мы ничего не забыли. Поэтому мы не такие как все. Я знаю, где тот мир находится.
- Где? - спросил Ундук.
- Я не смогу сейчас показать, вы не сможете разглядеть его. Потом покажу. А из этих костей мы сделаем наших охранников.
От таких слов повеяло жутью. Все сразу притихли, поглядывая на меня с опаской и непониманием. Я пожал плечами, стараясь говорить, как можно обыденней.
- Ты, Педул, сам предложил мне придумать оружие против кочевников и сделать так, чтобы мы могли жить спокойно. Но мне нужна ваша помощь. Поэтому если я прошу что-то сделать, а вы не понимаете зачем, все равно нужно делать. Это - для защиты народа. А потом вы все поймете. Вы согласны так делать?
- Да, - неуверенно ответил Педул.
Мы перешли по стволам на другой берег, озираясь и насторожено прислушиваясь, но все было спокойно.
Босые ступни противно скользили по мокрым опавшим листьям. Мы разошлись по лесу, чтобы обследовать ближайшие окрестности. Никто не обнаружил никаких признаков кочевников.
- А птицы здесь уже почти не кричат, - заметил Педул, когда мы снова собрались вместе.
- И от зверья даже следов не осталось, - проворчал Бугар.
- Кочевники все распугали, - Ундук зло сплюнул на землю.
Я склонился над одним из скелетов. Кости уже не держались в суставах. Соединять их ветками и корой было бы долго: слишком много суставов в скелете. Я подложил под себя рюкзак и, сев на него, закрыл глаза.
- Если Туюм не перебьет кочевников, тут не будет охоты, - говорил Лапор.
Я старался не отвлекаться. Без Вэйни оказалось гораздо труднее сосредоточиться и найти нужное состояние. Но я увидел, наконец, то, что хотел. Сущности сухожилий все еще оставались здесь, но не имели связи с действительностью. Я не сразу распознал их среди таких же призрачных сущностей тканей тела. Я своей сутью потянулся к ним, стараясь вернуть утраченную связь с суставами, хотя самих сухожилий уже давно не было.
- Туюм устал, наверное, - заметил Занид, - спит, что ли?
- Думает, - уверено сказал Ундук.
Как они мне мешали! Наконец, мне показалось, что все удалось сделать. Я открыл глаза. Внешне ничего не изменилось. Только чувствовалась небольшая усталость от напряжения.
Я поднял череп и вслед потянулся остальной скелет.
- Вот, - сказал я удовлетворенно, - наш первый охранник готов! Нужно оттащить его на ту сторону реки и поставить на опушке с помощью длинной ветки или прислонить к дереву.
Никто не решался приблизиться.
- Он не живой? - наконец спросил Ундук.
- Нет, конечно!
- А почему кости не распадаются?
- Я соединил их мыслью.
- А-а-а, - понимающе сказал Ундук, подошел и потрогал череп в моих лапах.

- Да, не живой… - согласился он.
- А как они будут охранять нас? - спросил Занид.
- А если бы ты пошел к чужому стойбищу и увидел, что вокруг стоят скелеты, то пошел бы дальше? - спросил я.
Занид подумал и поежился.
- Нет!
- Тогда, - нетерпеливо сказал я, - тащите его с Ундуком к опушке, закрепите корой на дереве и чтобы поза была пострашнее! Я буду делать следующего.
- Ага! - они схватили скелет за лапы и потащили через речку по переброшенным стволам.
С каждым новым скелетом умение возрастало, но накапливалась усталость. Последние мне дались с большим трудом. Но все когда-нибудь кончается.
Борясь с накатившей тошнотой, я пошел посмотреть, как пристроили охранников, и чуть не свалился в речку, когда внезапно закружилась голова. Но это быстро прошло.
Ундук вполне справился. У него оказалась неплохая фантазия. Позы скелетов были необычны и устрашающи.
И еще до сумерек мы успели расчистить от сброшенных на наши головы камней пространство перед пещерой.
Когда стемнело, развели костер в дальней нише, рядом с тем местом, где жили мы с Шидой, почти не разговаривая, поели разогретого вяленого мяса с печеными корнями и ушли спать в глубину. Никто не дежурил ночью потому, что кочевники боялись пещеры.
Ночью Занид дико заорал, и мы вскочили на лапы. Бугар и Ундук одновременно высекли огонь и запалили приготовленные ветки.
- Что такое? - спросил Педул.
- Кто-то трогал меня сейчас, - глаза Занида выкатывались от страха.
Бугар и Лапор заржали.
- Чидан, - позвал Бугар, - ты не трогал нашего Занида?
- Здесь кто-то был кроме нас! - зашипел Занид.
- Тебе приснилось! - досадливо поморщился Бугар.
- Нет! - Занид медленно покачал головой, справляясь со своим ужасом, - Я проснулся и потом по моему лицу кто-то провел веткой. Тогда я закричал, чтобы вы тоже проснулись!
- Я не трогал, - наконец ответил Чидан бесцветным голосом.
Мы осмотрели все вокруг, но пол пещеры был из твердого кальцита, и никаких следов на нем не осталось.

В глубине пещеры время не ощущалось, и все проспали утро. Когда мы проснулись и вышли, был почти полдень. В разрывах облаков проглядывало синее небо. Холодный ветерок заставлял зябко ежиться.
Занид зевнул, раздирая пасть, и невинно пристроился у ближайших кустов.
Заспанный Чидан лениво плюнул на лапу и растер по своей лохматой морде.
Живо вспомнился вонючий байке Жунуш с его повадками. Я подхватил его на плечи и, подбежав к реке, бросил в воду. Раздался запоздалый свободолюбивый рев.

- А ну, все купаться! - заорал я и прыгнул сам.
Некоторое время спустя мы скакали на берегу, согреваясь, но настроение значительно прибавилось, и стратегическое воображение эффективно заработало.
- Если на нас нападут, - сказал я, - мы теперь будем защищаться в самой пещере. Там нам камни не страшны и несколько человек смогут сражаться с целой толпой.
- Да, - согласился Педул, - если бы мы так сразу поступили…
- Наши главари не верили, что на нас могут напасть сверху, - напомнил я.
В этот день мы сооружали ловушки и боевые приспособления, чтобы сделать труднодоступной нашу пещеру.
Вход сузили толстыми бревнами и над ним подвесили за угол тяжеленный ствол, который можно было обрушивать на нападающих и быстро поднимать снова веревками. Прямо за входом мы воздвигли каменную стену с отверстиями, через которые можно было стрелять из луков. А перед стеной в любой момент можно было поджечь костер с мокрой старой травой, чтобы едкий дым выносило постоянным током воздуха из пещеры. Это давало нам последнюю возможность отойти в глубину.
На следующий день я решил с Ундуком сходить на разведку к месту стоянки кочевников. Все остальные должны были ждать нас около пещеры и, в случае опасности, сразу уходить в глубину.
Мы перешли на другую сторону и направились к опушке. Ни одного облачка не было в синем небе. Солнце неохотно грело, листья высохли, и идти было приятно.
На опушке Ундук растерянно остановился и начал озираться.
- Что? - спросил я насторожено, не чувствуя никакого подвоха.
- Он здесь был, а теперь его нет! - сказал Ундук, показывая на ствол березы. Длинные обрывки коры валялись под деревом.
От воспоминания о вчерашней работе подкатила тошнота, как будто я и не отдыхал ночью. Я наклонился. Кора была не порвана, а перетерта. Так, как будто ей долго скребли об ствол. Я похолодел.
- Кто его мог утащить? - удивился Ундук.
- Давай посмотрим, как остальные, - предложил я, и мы пошли по периметру опушки.
Не хватало многих скелетов. И у всех кора оказалась перетерта.
Мы пошли дальше и к полудню оказались над обрывистым спуском в долину. Лагерь кочевников заметно разросся. Около нескольких домиков стояли привязанные кони. Значит, они начали осваивать верховую езду. Вокруг лагеря ходили охранники с луками за спиной и дубинками в лапах.
- А у них не спокойно, - сказал Ундук.
- Да, кого-то они явно опасаются. И это не волки, которые днем не посмеют приблизиться.
- Новый главарь! - Ундук вытянул палец.
Из домика вылез кочевник в огромной шапке вождя.
- Нужно будет пролезть к ним ночью, чтобы все узнать, - сказал я, стараясь запомнить расположение домика.

Ундук с испугом посмотрел на меня.
- Я пойду к ним один. Ты возвращайся, а я останусь здесь. Скажи, что кочевники на старом месте и по лесу нужно ходить осторожно. Если утром меня не будет, то вы вернетесь к женщинам, и ты расскажешь все Вэйни. И еще. На ночь обязательно хорошо закройте вход бревнами!
- Могут напасть кочевники?
- Все может быть, - сказал я задумчиво.
Ундук убежал, а я поднялся чуть выше по склону, устроился в удобной яме от корней вывороченного ветром дерева и занялся наблюдениями. Несколько часов ничего особенного не происходило. А потом охранники засуетились, раздались крики, и я увидел это.
Из полосы кустов прямо к лагерю неторопливо ковылял скелет. В передних конечностях у него ничего не было, они просто свисали как плети. Череп с открытой челюстью изумленно смотрел в небо.
Охранники даже не пытались стрелять из луков, наверняка уже пробовав это раньше. Они напряженно дожидались, сжимая дубины в лапах и это ожидание, похоже, становилось для них невыносимым. Огромный самец, с тоскливым отчаянием зарычал и бросился вперед. Он подскочил к скелету и с размаху ударил его по черепу. Я видел, как брызнули осколки костей и в то же мгновение кисти скелета взметнулись вперед, сомкнулись на шее, разрывая плоть. Фонтан крови окатил две фигуры. Охранник безжизненно повалился на траву, а окровавленный скелет с разбитым черепом двинулся дальше.
Когда он приблизился к группе охранников, те разом принялись дубасить его со всех сторон. Но даже отдельные кости, лежащие на земле, продолжали дергаться в суставах. И только когда прекратилось всякое шевеление, охранники успокоились. Они осторожно собрали все осколки в шкуру и вывалили их в костер. Затем они занялись телом своего соплеменника.
Я задумался о том, как такое может быть. С одной стороны сухожилия крепятся к костям, с другой - к мышцам. Я вернул в эту жизнь не только сущности сухожилий, но и сущности соответствующих мышц и нервов. А сущности нервов, конечно же, связаны с сущностью мозга, которая получила возможность управлять сохранившимися остатками тела... Восстановив связь с жизнью, скелеты оказались одушевлены. Это было ужасно.
Я начинал сознавать, каких бед могут наделать дилетантские эксперименты с сущностями мира. Нужно быть гораздо осторожнее и больше не вмешиваться так безрассудно в жизнь.
До наступления темноты еще один скелет пришел в лагерь с противоположной стороны. Вероятно, это были скелеты кочевников, желающие вернуться к родным. К нам же наверняка приходили свои. На этот раз никто из охранников не погиб.
С первыми звездами по периметру лагеря зажгли костры. От волков и от любой другой напасти. Я свернулся клубком в своей яме и, несмотря на холод, уснул под далекие голоса, доносящиеся со стоянки.
Проснувшись в полной тишине, я выбрал место, где костры горели близко от стены кустарников, и перебрался туда. Мне повезло с луной. Хоть и не полная, она поднималась в небо и хорошо освещала все вокруг.

Ближайший охранник сидел на камне, покрытом шкурой, осоловело уставившись на пламя костра. Без особого труда я прокрался недалеко от него и спрятался за домиком. Рядом стояла лошадь. Она громко фыркнула, почуяв меня, но охранник не обратил на эту ее причуду внимание.
На спине лошади была привязана шкура. Кочевникам не приходило в голову дать отдохнуть лошади от обвязки. Я достал кусок пчелиных сот из рюкзака, откусил сам и бросил остальное лошади. Та нехотя наклонила голову и, ухватив соты зубами, принялась жевать.
Я переполз к домику вождя. Вход оказался закрыт плотно завязанной шкурой. Я просто прорезал дыру и проник внутрь. Через некоторое время глаза привыкли к темноте, и стали видны контуры спящих тел, закутанных в шкуры. Еще некоторое время ушло на то, чтобы определить вождя.
Одной лапой я зажал ему нос и рот, а другой приставил нож к горлу. Тот мыкнул и дернулся. Я еле удержал его и вдавил острие в шею. Вождь моментально экстраполировал эту зависимость и замер. Одно из спящих тел заворочалось, перевернулось на другой бок и затихло.
Я наклонился к уху вождя и прошептал:
- Если крикнешь или дернешься - сразу зарежу. Если понял - кивни головой.
Я ощутил попытку кивнуть и разжал лапу. Тот жадно вздохнул.
- Мы сейчас оба очень тихо поползем из дома, - сказал я, - если сделаешь что-то неправильно - умрешь тут же. Понял?
Вождь кивнул, и мы поползли рядом.
Как только мы выбрались из домика, я связал его лапы за спиной. Мне очень хотелось увести лошадь, но сделать это незаметно было невозможно. Подойдя к охраннику сзади, я вырубил его, и мы скрылись в кустах.
Почти сразу раздались крики, и поднялась паника. Мы остановились и посмотрели назад. Недалеко от нас сбегались охранники к скелету, который уже пробрался за костры и подслеповато крутил по сторонам черепом с зияющими чернотой глазницами.
Я привязал конец веревки от лап вождя к своей лапе, толкнул его в спину, и мы пошли дальше.
- Куда ми идем? - не выдержал вождь, когда мы поднялись на обрывистый склон.
- В мою пещеру, - ответил я, -- А если хочешь знать, что за скелеты ходят к вам, то это я сделал их.
Вождь споткнулся, отбив палец на задней лапе, зашипел от боли, оглянулся на меня с ужасом и больше не сказал ни слова.
Небо начинало светлеть, когда мы добрались до пещеры. Вход был надежно заделан бревнами. Я принялся стучать палкой. Никто не отзывался несколько долгих минут. Потом центральное бревно качнулось и отвалилось вовнутрь. Я тут же огрел высунувшуюся голову заспанного Бугара палкой. Тот взвыл и пропал в темноте.
- Ты че, Туюм! Что ты делаешь!? - раздалось его обиженное рычание.
- А если бы это был не я, а кочевники!?
Второе бревно тоже отвалилось, и я протащил за собой вождя.
- А что, они тоже бы так стучали палкой, как дураки!? - резонно спросил Бугар,

пялясь на мою добычу.
- Надо сначала спрашивать, Бугар, а не гадать!
К нам подошли остальные.
- Садись, - я указал вождю на камень у бывшего костра собраний и уселся сам. Тот безвольно опустился и сник.
Соплеменники устроились рядом, а Лапор принес сушеного мяса.
- Мы не будем сейчас кушать тебя, - сказал я, отрывая зубами кусок мяса и протягивая другой кусок пленнику. Но тот только помотал головой, не в состоянии есть.
- Мы скоро все снова вернемся в эту пещеру, чтобы жить. Ты понял?
Слабый кивок.
- Мы стали гораздо сильнее и хитрее. Понял?
Слабый кивок.
- И если кто-то захочет мешать нам, то мы убьем все его племя. Понял?
Еле заметный кивок.
- Это будет намного страшнее того, что вы уже видели. Понял?
Кивок скорее почувствовался, чем был заметен.
И тут я в каком-то наитии вошел в состояние особого восприятия, даже не закрывая глаз. Я посмотрел на сущность камня, на котором никто сейчас не сидел и убрал ее. Когда я вернулся к нормальному восприятию, то первым делом ощутил сильный запах мочи и увидел растущую лужу под парализованным ужасом пленником.
Камень медленно осыпался шуршащим песком, который таял в воздухе, не успев достичь земли. Вскоре на этом месте ничего не осталось. Повисла зловещая тишина.
- Ты теперь можешь идти. Мы не тронем тебя. Скажи всем в своем племени, что видел. Скажи, что мы не будем трогать вас не потому, что мы слабые, а потому, что не убиваем просто так, но вы должны уйти отсюда через столько дней, - я показал три пальца, - Потому, что это наши земли, мы здесь жили до вас и здесь охотились. И мы здесь будем жить. Ты все понял?
Пленник нашел силы кивнуть, но встал только со второй попытки и, шатаясь, направился к выходу.
Он вышел, но заколебался и мужественно повернулся ко мне.
- А скилети не будет боле?
- Будут, пока вы не уйдете, - пообещал я жестоко.
Вождь в отчаянии затрусил к переправе.
Сметающим движением задней лапы я засыпал лужу золой из костра и оторвал зубами еще кусок мяса.
- Туюм! - обрел дар речи Ундук, - что еще за скилети!?
- Те, что сбежали с деревьев, - неохотно сказал я.
- Они что, ходят!? - кусты бровей Ундука полезли на его загривок.
- Да, я немного перестарался…
Педулу было нелегко. Слова словами, но никто не сомневался в том, кто был главарем на самом деле. Мои действия производили устрашающее впечатление и вызывали невольное и непререкаемое подчинение. Но старый вождь всегда умел найти и для себя нишу.

- Туюм хорошо выполняет свое обещание! - авторитетно резюмировал Педул, когда вождь врагов перебрался на другую сторону реки, - И мы можем теперь вернуться на-а…
Его пасть так и не закрылась, а диафрагмы зрачков распахнулись в режиме паники. Те, кто следовал его взгляду, тихо каменели. В том числе и я. Уж очень это было впечатляюще.
В проходе, шириной в два бревна, бочком стоял скелет, в безумной усмешке приоткрыв нижнюю челюсть. Его грудная клетка совершила движение, соответствующее скорбному вздоху, череп понуро склонился, роняя нижнюю челюсть на грудь, и усмешка с лязгом сомкнулась в широкую улыбку.
Бугар очнулся и схватил охотничью палку. Я успел сжать его лапу, безмолвно призывая к бездействию.
- Ничего не делайте! - прошипел я, - Это один из наших убитых. Он не собирается причинять нам зло, если только на него не напасть.
Скелет вошел, навернулся на гладком известковом полу, и чуть было не рухнул. Взмахнув длинными костистыми лапами, он удержался и, сухо цокая острыми выступами пяток, неуверенно направился к нам. Занид плавно сполз с камня и, не изменяя балансировки головы, попятился на четвереньках, пока не уперся задом в стену.
Скелет подковылял к свободному камню и уселся на него, далеко разведя в стороны коленные чашечки. Так здесь сидел Шекил.
Все подавленно молчали. Скелет медленно взял кусок сушеного мяса, дрогнувшей кистью поднес его к зубам, и яростным движением отбросил. Он склонился, обхватил череп длинными костями кистей и горестно закачался.
От растерянности я никак не мог войти в нужное состояние. Только закрыв глаза и вспомнив Вэйни, я успокоился и сумел различить сущность того, что было передо мной. Я разорвал связь с реальностью всего, что было у него в черепе, и услышал глухой стук падающих костей. Я открыл глаза. Скелет лежал, широко раскинув конечности, черепом в старой золе костра.
Чтобы никого излишне не травмировать, я сам вытащил кости из пещеры и перенес их на другую сторону реки. А когда вернулся, то заметил у стенки, дальше которой Занид не смог отступить, свеженасыпанную горку золы.
Нужно было готовиться к переходу племени на старую стоянку, чтобы до глубоких снегов успеть выплавить железо и обжечь горшки.
Ступни у меня поистерлись от долгого хождения, а предстоял долгий путь по мраморным переходам пещеры. Я привязал к ногам кусочки шкуры, как делал раньше, и Ундук последовал моему примеру.
Мы надежно закрыли вход пещеры бревнами и ушли в глубину.

Женщины и подростки увидели нас, выбирающихся из колодца, и завопили от радости.
Шида чуть не сбила меня с ног, с разбегу бросившись на шею. Такое поведение было очень нехарактерно для пещерных женщин. Но Шиде все прощалось.
Невдалеке стояла улыбающаяся Вэйни. Я помахал ей лапой, и мы посмотрели друг другу в глаза, возвращая ощущение тепла оттого, что снова вместе.
Так долго как мы никто еще не отсутствовал в племени. Нас накормили до

отвала, а Заниду невзначай перепадали аппетитные куски от многих истосковавшихся женщин. Мужчины расслабились, и байки о наших приключениях зазвучали неизмеримо удивительнее реальности. Ужас, внушаемый этими рассказами, пошатнул было радость от предстоящего возвращения, и мне пришлось быть особенно убедительным, чтобы коварные и зловещие скелеты превратились в вызывающих сочувствие соплеменников, потерявшихся в дороге к Миру За Горами.
Затем все принялись готовиться к великому возвращению.
Когда я перевязывал очередной тюк с вещами в шкуре, вдруг раздалась певучая мелодия свирели. Я удивленно разогнулся и уловил направление. Ну, конечно же. На выступе сталагмита сидела Вэйни и играла, насмешливо поглядывая на меня. Я подошел, и она, предупреждая мои вопросы, гордо протянула мне свой инструмент. Свирель была сделана из двух деревянных половинок, выточенных ножом и склеенных хвойной смолой.
- Это уже третья, - сказала она.
- Тогда я сделаю себе барабан! - решил я, - И мы будем играть на следующем празднике Полной Луны!
Вэйни чуть поморщилась от перспективы играть под аккомпанемент моего барабана. Куда мне до высот ее таланта!
С тех пор я больше никогда не слышал во сне ужасающе-ностальгирующий скрежет Шекиловой музыки.
Давно стемнело, когда мы закончили приготовления и разошлись по своим гнездам.
Вэйни уютно устроилась на своей мягкой шкуре, Шида улеглась рядом. Я задул свечку и устало вытянул лапы. Шида еле слышно зарычала, придвинулась и укусила меня за ухо. Я продолжал нерешительно лежать, думая о том, что Вэйни уже много раз была рядом в такие моменты, и это ее нисколько не задевало так же, как не задевало бы меня на ее месте. И все же я чувствовал себя глупо и неловко. Ее детский мозг нуждался во сне, но я знал, что она еще не спит и отлично понимает мое состояние. Я всей шкурой чувствовал ее насмешливую иронию. Шида прижалась ко мне, и я сдался.

Это было первое утро, когда меня разбудили звуки свирели. Вэйни играла, сидя у выхода из пещеры. На плечиках у нее была накинута шкура. Над миром нависали плотные тучи, не дающие возможности определить время даже приблизительно. Я подошел и присел рядом. Холодные порывы ветра бросали в лицо редкие мелкие капли, скорее похожие на водяную пыль.
- Вэйни, как тебе удалось пролезть в тот же мир, что и я, да еще с супержизнью?
- Я всегда выбираю новый мир сама, - немного удивилась Вэйни.
- Выбираешь? А разве ты не крутишь колесо фортуны?
- Какое колесо? - Вэйни удивленно засмеялась.
- Ну, такое большое призрачное колесо с мирами и эпохами…
- Интересно, - Вэйни пожала плечиками, - я никогда не видела такого колеса. Наверное, у нас все по-разному. А вот супержизнь мне удалось получить с трудом. Я отдала столько энергии…
- А мне всегда не хватало энергии… Значит ты и раньше могла попасть в тот же

мир, где был я?
- Иногда я так и делала. Но всякий раз, когда я выбирала, у тебя уже определялась судьба. У нас так мало было шансов встретиться… А на этот раз у тебя оказалась супержизнь.
- Вэйни, мы возвращаемся завтра потому, что я достаточно хорошо напрактиковался в изменении сущностей.
- Одушевлял скелеты? - усмехнулась она.
- И это тоже, - я виновато поморщился, - Все оказалось не так уж сложно, только быстро истощаются силы, и наступает ужасающая пустота внутри.
- Я тоже натренировалась. Выходила вниз по речке, чтобы никто не видел…
К дыму костра, стелящемуся по своду над головами, примешался запах запекаемого мяса.
- Мясо хочешь? - спросил я.
- У меня еще не подросли зубы, но уже чешутся, - она открыла ротик, показывая пальчиком белые точки на деснах.
- Народ! - раздался громкий заботливый голос Педула, - Мы выходим, как только покушаем!

И вот мы идем, до предела нагруженные, по извилистым галереям, переходящим в залы, и на фантастических узорах пещеры пляшут блики свечей.
Всю добычу переносили короткими переходами по несколько раз, отдыхая, и это сильно задерживало. Впереди шла Шида, показывая дорогу женщинам и подросткам, хотя проход был уже изрядно истоптан нами.
И вот мы уже дошли до первого озера, где я когда-то напугал Ундука.
Когда мужчины и самые сильные женщины отдыхали, сидя на тюках, внезапно из прохода вновь появилась Шида, а вслед за ней вернулись и остальные.
- Дальше нет дороги! - сказала она взволновано, - Все залито водой! Она течет из нескольких проходов!
Этого просто не могло быть, и я растерялся.
- Можно еще пройти через пещеру Колапа, но скоро и в том месте все зальет!
- Ну, так пошли быстрее! - крикнул я.
Мы успели вовремя. Детей пришлось нести на руках, а последние тюки переносили уже по пояс в ледяной воде. Судя по всему, вода текла прямо из нашей пещеры.
Не выходя из глубины, мы остановились.
- Туюм и Бугар! - сказал я, - пойдемте со мной, посмотрим, что там случилось!
Ко мне подошла Вэйни.
- Тебе могут понадобиться и мои силы - сказала она многозначительно.
- Хорошо, но там нас могут поджидать. Иди за нами осторожно.
Мы заслонили свет свечей ладонями и вышли из глубины. Насторожено вслушиваясь в тишину, мы медленно продвигались, пока вдалеке не показалось светлое пятно выхода.
- Здесь нет засады, - сказал я и пошел увереннее.
На камнях у остатков общего костра в могильной неподвижности, уныло сгорбившись, сидели бок обок два скелета. Я расслабился, переключаясь, и, спустя несколько секунд, они повалились на пол, стуча костями. Один череп

замер, укоризненно уставившись на меня пустыми глазницами.
Щурясь от света, мы выглянули наружу. Почти у самой пещеры образовалось целое озеро. Было сумрачно от густых облаков. На другой стороне разлившейся реки расхаживали кочевники.
Вода залила тропу, и пришлось продираться в кустах вдоль склона, пока мы не увидели высокую запруду, перегораживающую реку чуть ниже нашей пещеры. Кочевники продолжали наваливать камни на бревна, затыкая отверстия. Вода поднималась к нашей пещере и вливалась сквозь большие щели между бревнами.
- Вэйни, ты поймешь, когда мне нужно будет помочь! - сказал я - пойду и попробую прогнать их!
- Возьми меня на руки! Сейчас мы должны быть вместе. До конца…
Я поднял ее.
- Ундук! Оставайтесь здесь с Бугаром и просто смотрите! Если у нас не получится, вернетесь в пещеру.
Я вышел из кустов, перебрался через неглубокую воду около нашей пещеры и подошел к плотине. Только теперь меня заметили.
Кочевники на плотине засуетились и начали снимать луки из-за спины.
- Эй! - заорал я, - Разве ваш вождь не предупредил вас?
В меня выпустили несколько стрел, но они, оставляя дымный след таяли в воздухе, не долетая. Я все ближе подходил к плотине, а на другой стороне собиралась орущая толпа. Уже тучи стрел тщетно пытались достичь меня. Вскоре крики сменило изумленное молчание, и только короткий свист выпускаемых стрел нарушал ее.
- Убирайтесь или вы сами исчезнете как ваши стрелы!
Я поднял лапу и направил ее на ближайшего кочевника. Тот подернулся призрачным маревом и растаял в воздухе. Вероятно, это оказалось не слишком устрашающим зрелищем. Отдельные стрелы еще вылетали из луков.
Я почувствовал, как Вэйни решительно сконцентрировалась. Она тоже подняла свою лапку. Тот, на кого указал ее детский пальчик, разорвался облаком мелких брызг, обдав находящихся рядом. Вот это произвело сильнейший эффект, и кочевники побежали с плотины, а находящие дальше в панике подались назад.
Я ступил на бревна, гудящие от рвущихся струй воды, и пошел вперед. Передние ряды кочевников суетливо отступали, оттесняя стоящих сзади. Никто не желал оказаться ближе остальных к нам.
Я спрыгнул с плотины, и Вэйни резко оглянулась. Бревна с оглушающим грохотом разлетелись в щепки, подняв высоко вверх тучу водяной пыли, которую ветер снес на парализованных ужасом кочевников. Высокий вал воды с жутким ревом ринулся в долину.
- Убирайтесь отсюда! - заорал я, и все кочевники в панике побежали.
Только сейчас среди них появился вождь. Но это был уже другой, огромного роста самец. Он яростно кричал и бил свих воинов, а потом выбежал прямо ко мне, размахивая дубиной.
- Стой, - крикнул я, - и ты останешься жив!
Дубина в его лапах взорвалась облаком мелких щепок.
Вождь изумленно взглянул на свою пустую лапу и по инерции пробежал еще

несколько шагов. Хотя ярость его была велика, а опыт охотника не признавал опасности в не слишком впечатляющей фигуре с ребенком на руках, но здравый смысл оказался сильнее.
- Разве прежний вождь не передал мои слова? - спросил я как можно более грозно.
- Пиридаль!
От разгоряченного дыхания у него вырывался пар изо рта, а раздутые яростью ноздри пузырились слизью. Он мощно всхлипнул.
- Он говориль глупость, и я убиль его! - он с гулом ударил себя кулачищем в грудь.
- Глупость? - я зловеще оскалился, - Я могу убить всех вас сразу, пока ты моргаешь глазом! - я резко выбросил руку и дерево сбоку от нас, лишившись нижней части, с гулом повалилось. Земля вздрогнула под ногами.
- Ты понял!? - заорал я, - Но я не буду вас убивать, если вы сейчас уйдете отсюда навсегда! Смотри, твой народ мудрее тебя и раньше понял, какой я сильный! Никого уже нет рядом с тобой!
Вождь резко обернулся. Последние кочевники скрывались за опушкой леса.
- Если ты вождь, то беги за ними! Скажи, что вы должны немедленно уходить из этой земли! Потому, что я скоро приду и убью всех, кто останется!
- Если ты такой сильный, почему сразу не убьешь меня? - выпучил глаза вождь в мучительном усилии понять ситуацию.
- Если ты так хочешь - демонически захохотал я, - ты сейчас умрешь!
- Нии хочу! - вождь выдохнул пар, омерзительно всхлипнул, сделал несколько шагов назад, повернулся и огромными скачками побежал к опушке.
- Нужно вынудить их уйти сегодня же! - сказал я Вэйни, - И так напугать, чтобы они не вздумали возвращаться!
- Ты никогда не был актером? - иронически спросила она.
- Слишком много позерства?
- Ах, Дивола, я так счастлива, что мы здесь с тобой вместе!
- Ах, Вэйни, только бы не наделать непоправимых бед в этом мире! Держись крепче! - я пересадил ее себе на плечи. Она оседлала мою шею, ухватившись за гриву.
Речка успокоилась, но вода все еще была мутной от множества ручьев, стекающих с только что затопленных берегов. Переправу унесло. Я взял в лапы тяжелый камень, чтобы легче было устоять в быстром потоке, и перебрался на другую сторону к нашим пещерам.

Первое время решили жить в менее удобной пещере Колапа, пока наша не просохнет. Я помог укрепить бревна у входа. Потом посадил Вэйни себе на загривок и направился в лагерь кочевников. С нами пошли Шида, Ундук, Бугар и Лапор.
С высоты обрыва сразу стало ясно, что лагерь покинут в панической спешке совсем недавно. Некоторые из домиков так и остались стоять наполовину разобранные. Костры еще дымились вокруг. А между холмов вдаль уходила большая толпа.
Мы спустились и услышали детский крик. Кочевники в спешке бросили не только много своего имущества. Мы нашли четырех грудных детей.

- Вот гады! - возмутилась Вэйни.
- Еще можно успеть вернуть им детей! - решил я, - Они просто слишком испугались! Я, наверное, опять перестарался…
Мы вытряхнули все из рюкзаков и посадили туда детей. В свой же рюкзак я посадил Вэйни. Мы быстро пошли, а потом размеренно побежали. Хорошо, что уклон был вниз. Холодный воздух теперь так кстати освежал. Тучи, казалось, стали еще плотнее. Мир покрывал зловещий полумрак.
Когда мы выбежали из-за очередного холма нас заметили. Раздались отчаянные крики, и толпа побежала.
- Возьмите своих детей! - заорал я.
Кочевники в ужасе оглядывались, но не собирались останавливаться.
- Покажите им детей! - крикнул я, задыхаясь.
Но и это не подействовало. Наша сверхмощь не смогла заставить кочевников стать другими и подумать о своих детях. Выбившиеся из сил начали бросать свои вещи. Тогда мы остановились.
- Ну и черт с ними! - я махнул рукой, - Они слишком напуганы. Может быть, это и хорошо: возвращаться не посмеют.
- А это чтобы не забывали! - прокричала возбужденная Вэйни, поднимаясь в рюкзаке во весь рост как в боевой повозке.
Она резко взмахнула ручкой, прочертив длинную линию между нами и кочевниками.
По этой линии высоко в небо взметнулась стена вырванной породы, а через мгновение прокатился ужасающей силы удар. Земля завибрировала так, что я вынужден был переступить лапами. Но эти тысячи тонн породы так и не опустились на землю, а растаяли бесплотным дымом среди низких черных туч, полностью расцифрованные из бытия.
Я оглянулся. Ундук оглушено сидел на жухлой мокрой траве, судорожно удерживая в лапах своего ребенка. Остальные устояли на задних лапах, но никто не выронил маленькое мохнатое тельце.
- Вэйни! Это чересчур! - воскликнул я, страшась взглянуть на результат.
Клубы черного пара медленно вились зловещими спиралями над рваными краями гигантского провала. Последние кочевники стремительно пропадали за холмом.
Мы подошли ближе. Подозрительно быстро светлело. Я задрал голову. Следуя контурам провала, в тучах проступило неестественно синее небо.
Землю около провала пронизала густая сеть трещин, и мы не решились подойти к самому краю. На противоположной стене отчетливо были видны слои пород долины.
- Прости, Дивола… - прошептала Вэйни.
Я хорошо знал эту порой безрассудную импульсивность в поведении своей подруги. Эта черта так забавна и очаровательна, пока ограничена природной женской слабостью.

Жизнь племени наладилась и стала беззаботной. С нами росли чужие дети, которые стали своими и вскоре эту разницу вообще перестали замечать. Мы с Шидой опять добыли себе жеребят. Вэйни научила женщин прясть нитки из

шерсти и ткать материю. Я научил мужчин ловить форель в речке и делать квас из фруктового компота на меду.
Неприкаянных скелетов оставалось все меньше. Но появились новые и неожиданные явления и существа. Мы с Вэйни понимали, что это - порождения наших массированных вмешательств в сущности мира и договорились прибегать как можно реже к этому крайнему средству. Все должно быть естественно сопоставимо с окружающим.
В сторону провала охотники не ходили. Там встречалось особенно много странного.
Я сделал себе отличный барабан, а с ритмом у меня всегда было все в порядке. Вэйни обнаружила, что сочетание барабана и свирели - пикантно и колоритно. С тех пор мы часто играли вместе.
На празднике Полной Луны я уже не участвовал в состязаниях потому, что делал музыку вместе с Вэйни. Да и кто бы решился всерьез состязаться со мной? Поэтому меня никто не выбрал из женщин, и когда все разошлись мы остались с Вэйни на поляне одни. И тогда мы разрешили себе выйти на уровень восприятия сущностей, чтобы тела не мешали общаться нашим душам. Это общение оказалось почти таким же свободным и радостным, как вне жизни. И если в это время сущности наших мыслей невзначай и порождали что-то новое в этом мире, то оно не могло быть злым и опасным.
Когда у меня выдавалось время подумать и осмыслить произошедшее, я вдруг понял, что мое вековое свободолюбие, граничащие с анархизмом, настолько расширилось, что вмещало уже не только меня одного, но и весь мой народ. Теперь мне было не все равно, что творится с другими, и любая несправделивость касалась сразу всех нас, ради избавления от чего я готов был пожертвовать даже самим собой. Как только осознание этого завладело моим разумом, я отчетливо ощутил, как наставник довольно потер свои длани и молвил: "Это хорошо".

Небо

Я - девочка с желтыми зрачками и золотистыми волосами. Таких больше нет в округе. Но в нашу страну из-за моря часто приезжают настолько необычные люди, что мне никто не удивляется. Да и не многие вообще знают обо мне.
У отца старый замок высоко над морем на скале. Если подплыть на лодке и посмотреть вверх, то кажется, что он медленно падает вместе с нависающей скалой. Никто точно не знает, когда его построили. Хотя в нашей Книге много записей о жизни в нем. Среди них есть и рассказывающие о том, как отчаявшиеся люди бросались вниз с этой высоты, и море никогда не отдавало их тела. Я это узнала, когда показала своей подруге Книгу. Сама я читать не умею.
Больше всего я люблю смотреть с высокого обрыва. Но не на море. На небо. Чайки летают внизу, и если вглядываться долго, то кажется, что ты летишь над морем. Это очень сильное ощущение, но, похоже, оно возникает только у меня.

Когда я спросила подружку об этом, она, как всегда, только посмеялась надо мной.
Сегодня небо такое пронзительно голубое, что сливается с морем в один бесконечный простор так, что не разглядеть линию горизонта. И мне опять хочется парить в этой глубокой и манящей синеве, пренебрегая всеми сдерживающими Законами Природы. Что-то шепчет мне, что я это могу, но я трусливо продолжаю сидеть на прогретых солнцем скалах.
Влажный ветерок дразнит соленым запахом бескрайней свободы, а небо-море ласково зовет меня. Такое игривое и спокойное море. В наших суровых краях сегодня - редкий солнечный день. Или это знак, что мне пора? Но я приходила сюда почти в любую погоду и небо, даже в самых мрачных облаках, звало меня с той же настойчивостью.
Мысль взволновала: пора! Я крепче ухватилась за мшистые камни, сердце забилось очень часто, и голова немного закружилась. Что-то сильно ударило меня сзади.
- А-а-а!!!
Это был не мой крик. Я чуть не сорвалась вниз, но, уперевшись босыми ногами, обрела устойчивость и обернулась.
- Привет!!! - моя подружка смеялась, довольная эффектом.
- Я чуть не свалилась, дура!
Наконец я пришла в себя и поднялась на ноги.
- Что, заплачешь сейчас? - ехидно поинтересовалась она, - Слышала?! - она моментально переключилась на другую волнующую ее тему, - Марию замуж выдают!
- Жаль, - сказала я, и мене стало немного печально, - она такая добрая...
- Да. - сказала подружка и вздохнув, насупилась, - А знаешь, что делают с женщиной, когда ее выдают замуж?
- Что?
- Ха, не знаешь? - подружка свысока посмотрела на меня, - Ей делают больно, поняла?
- Больно?.. Зачем?
- Не знаю, - она задумалась на мгновение и растеряно пожала плечиками, - мне Анна так сказала на следующий день после свадьбы.
- Которую увезли?
- Ну ты точно странная. Конечно! Что у нас еще была такая Анна?
- Ладно. Смотри какое море, такое редко бывает!
- Что, еще не насмотрелась? Зачем ты сюда приходишь? У вас же в замке твоя комната террасой на море выходит!
Я с сомнением взглянула на подружку: говорить, не говорить?
- Ты помнишь, там такое большое зеркало стоит? Когда я подхожу, кажется, что это мать на меня смотрит... Мы очень похожи. Мне отец все время говорит об этом.
- Ну и что?
- Она выбрала эту комнату потому, что на море выходит. И мне кажется... что она и сейчас хочет смотреть на море, только моими глазами... А я не хочу, чтобы моими глазами...

- Ой, ну ты как начнешь сочинять! - закричала подружка, - Поэтому над тобой мальчики смеются. И сама тоненькая, а глазищи какие! И кожа темная! Вообще ты какая-то ненормальная! А волосы у тебя красивые, - она вздохнула, - как из золота. Хочешь что-то покажу? - она загадочно прищурилась и осторожно вынула из-под рубашки золотую цепочку с красиво блестящим камнем на конце, - мне Мигус подарил утром!
- Твой дядя, который вчера приехал?
- Ага.
- И он тебе это подарил?
- Да. Он посватался.
Я с жалостью посмотрела на нее.
- И будет делать больно?
- Ага, - она как-то нервно шмыгнула носом.
- И тебя увезут?
- Откуда я знаю. Да не бойся, я еще вырасти должна немного. Отец сказал, что годика через два. Они барана резать будут. Пошли смотреть?
У меня сразу все похолодело, и я попятилась, живо вспомнив ужасные бараньи головы, нанизанные на ворота в прошлый праздник и кровь, тонкими струйками брызнувшую из-под ножа и отца, со смехом держащего меня, в истерике вырывающуюся из его сильных рук.
- Боишься? - презрительно скривилась подружка, - Трусиха!
- Я уже видела такое! - сказала я, сжав губы.
Мне так было жалко подружку, что я готова была вынести что угодно, лишь бы поддержать ее хоть как-то.
Замок ее отца был недалеко, тоже на скале. Мы побежали по высокой траве, выбрались на дорогу, выложенную камнем, и остановились перед огромными воротами. Старое дерево почернело, но не сдалось времени, а стало твердым как камень.
- Чего это они закрылись? - недовольно удивилась подружка и, подняв увесистый камень, с ужасающим гулом принялась бить по толстой бронзовой полосе, скрепляющей бревна.
Меня всегда поражала ее сила, несоизмеримая с хрупкой фигуркой. Створка натужно заскрипела. Красное потное лицо со спутанной густой бородой уставилось на нас и тут же скрылось. Мы вошли во двор.
Бородач подхватил под уздцы лошадь, и та, упираясь копытами, потянула волоком огромный тюк. Резко пахло конским потом и соленой рыбой. Везде суетились и кричали люди, как это всегда бывает перед праздником или когда приезжают гости.
- Дика! - раздался раздраженный женский голос, - Где ты носишься, тварь? Тебя отец давно ищет!
- Ой, иду! - подружка судорожно схватила меня за руку, - Пойдем вместе, может не будет ругать!
Мы взбежали по массивным каменным ступенькам, пронеслись по сумрачным комнатам и, наконец, влетели в большой зал. Там за огромным столом, освещенным только тусклым светом из узких окон, сидели только двое мужчин и смачно хохотали. Они оба повернули к нам головы.

- О! Две лучше, чем одна! - весело проорал красивый худощавый мужчина и хлопнул другого по плечу, - А вторая какая-то интересная! Тоже твоя дочь? - он громко захохотал над своей шуткой.
Мы, потупившись и опустили глаза.
- Это дочь Миталя, - второй мужчина был намного старше.
- Дочь Миталя? - первый с любопытством посмотрел на меня, - А вообще-то она ничего!
- Ну, ты, похотливый козел, - хохотнул второй, - хоть меня бы постеснялся, раз уже посватался!
Первый еще раз как-то странно посмотрел на меня.
- Ты хотел меня видеть, папа? - тихо спросила подружка.
- Хотел, но разве ветер догонишь! - махнул он рукой.
Мужчины добродушно рассмеялись, и старший долил в огромные кружки пива прямо из бочонка.
- Бегите играть дети! Пока еще не повзрослели!
Мы выбежали во двор, и подружка потащила меня за деревья, смотреть, как режут барана, но три ужасные головы уже валялись отдельно, трава была забрызгана кровью, а туши кончали потрошить. Вдоль ручья, протекающего через двор, тянулись невероятно длинные кишки, лениво извиваясь в воде, - их таким образом промывали перед тем как приготовить один из деликатесов.
- Жаль, - подружка присела и веточкой потрогала кишки, - опоздали.
Я облегченно перевела дух, и мы ушили с этого места.
- Хочешь, нас на лошади покатают? - предложила она.
- Хочу!
Вскоре мы обе сидели на широкой спине смирной кобылы, без седла, просто покрытой шкурой. Угрюмый, смертельно скучающий конюх водил ее на поводу по всему двору.
Оказывается, плестись так, покачиваясь, было совсем не интересно, и я засмотрелась на длинные и черные, блестящие на солнце, волосы подружки, сидящей передо мной.
Порыв ветра с моря бросил мне в лицо ее пряди.
- Дика!!!
Подруга вздрогнула от этого резкого голоса и чуть не въехала мне в нос затылком.
- Что, мам?
- Иди к отцу быстро! Со своей подружкой!
Мы удивленно переглянулись, и конюх снял нас с лошади.
Мы вбежали в зал и услышали последнюю фразу:
- Для тебя я сделаю все, что ты хочешь, брат.
Теперь мужчины не смеялись. В зале висела какая-то неловкая напряженность.
- Дика, - как-то слишком ласково сказал отец, - тебе нравится дядя Мигус?
Подружка испугано посмотрела на молодого мужчину.
- Не знаю, - прошептала она, наконец, - то есть нравится, но...
- Ладно, Дика, - ее отец встал и подошел к нам.
- Дядя Мигус понял это. Ну, что ты его немного боишься. А он очень добрый и поэтому нужно вернуть знак помолвки. Ты сними его.

Подружка только растеряно моргала глазами.
- Сними, я говорю!
Отец взял цепочку со сверкнувшим камнем и протянул ее мне.
- Возьми и передай отцу это. Поняла?
Я растеряно взяла цепочку, и она тяжело свернулась у меня в ладони. Камень был большим и очень красивым.
- Ты скажи, что это передал Мигус. Поняла?
- Да.
- Скажи, что завтра Мигус приедет к нему поговорить. Поняла?
- Да.
Ну, бегите! Дети...
Мы вышли. Во дворе я взглянула на подружку и похолодела под ее ненавидящим взглядом.
Я шла домой, и непослушные ноги путались в высокой траве, а руку оттягивала ужасная тяжесть золотой цепи. Я не слышала больше как пронзительно кричат чайки, я не чувствовала ветра, бросающего мои длинные волосы в лицо, я думала о том, что меня собираются взять в жены и вспоминала ненавидящие глаза подружки. Весь мир казался мне чужим и холодным, и горло сдавили слезы.
Я споткнулась о камень и, вскрикнув от боли, присела. На большом пальце выступила кровь. Я упала на траву и заплакала. Потом на душе стало немного легче, я подняла цепь из травы и побежала.
Одна из наших собак, с которой у меня молчаливая дружба, как всегда, выскочила навстречу. Она чувствует меня издали и несется так, как будто хочет свалить меня. Но в последний момент резко сворачивает и начинает прыгать вокруг.
На этот раз я не протянула к ней руку и она, учуяв мое настроение, просто побежала рядом.
Отца нигде не было, но никого не хотелось расспрашивать. Напрасно поискав там, где его можно было застать, я пошла в свою комнату.
На столе стоял нетронутый остывший завтрак. Я подошла к столу и, протянув руку, заставила разжаться пальцы, выпустив цепочку, которая как змея заструилась золотой чешуей на полированное дерево.
В глубокой тишине, при неярком свете из далекого окна, выходящего на террасу, я опять услышала слабые отдаленные голоса. Они не походили на далекие звуки. Далекие звуки трудно разобрать, а эти голоса, если только я их могла уловить, доносились с отчетливым смыслом. Казалось, что это мои собственные мысли непослушно выскакивают на поверхность, такая я вот ненормальная. Как-то я спросила у подружки об этом и когда она поняла, о чем я говорю, то обозвала меня сумасшедшей.
Я подошла к зеркалу. На меня смотрела большими глазами на смуглом лице худая золотоволосая девочка. Настолько худая, что самой не верилось. Почему я не как все? Взгляд слишком взрослый... или это желтые зрачки создают такое впечатление?
Я почти верила, что там за зеркалом, на меня смотрит мать и меня это пугало, но когда бывало вот так пусто в душе, одиноко в этом мире, то хотелось, чтобы

мать приласкала меня и взяла туда с собой. Она любила смотреть на море. Или куда-то, что было дальше моря.
Я пошла на террасу. Пусть мать смотрит моими глазами.
Солнце взошло уже высоко. Море-небо стало бездонно голубым сияющим пространством свободы, и когда легкий соленый ветерок ласково лизнул лицо, мне вдруг показалось, что я уже там и что этот глупый мир уже не сможет удержать меня.
Позади раздались тяжелые уверенные шаги.
- Дебра! Говорят, ты пришла?
Я обернулась в тот момент, когда отец вышел на террасу.
- Я уезжаю вечером на два дня. Не скучай. Тебе что-нибудь нужно?
- Нет, пап, спасибо.
- Ну и хорошо. Почему не ешь ничего?
- Знаешь, пап... - я запнулась, - Мигус просил тебе сказать...
- Мигус? - отец удивленно поднял брови.
- Да... Он просил передать цепочку... Она там, на столе...
Отец развернулся на каблуках и молча пошел к столу.
- Ого! - он повертел в руке искрящуюся золотыми бликами цепь и внимательно посмотрел на меня с чуть заметной усмешкой.
- Та-ак! - его рот начал расплываться в довольной улыбке, - Значит, просил тебя передать мне!
- Да... Он сказал, что придет завтра поговорить.
Ноги стали совсем слабыми, и я чуть не упала после этих слов. Отец испугано поддержал меня.
- Ну, Дебра! Ты что? Это же просто замечательно! Ты не представляешь, как тебе повезло!
Он подвел меня к креслу и, усадив, присел передо мной, разглядывая меня смеющимися глазами.
- Что ж, значит я никуда не еду сегодня!
- Пап, он увезет меня?
- Конечно, но это еще не скоро случится. Кому ты такая худющая нужна сейчас!
Он со смехом придавил пальцем мой нос.
- Но ты будешь что надо, Дебра! - он с шумом втянул воздух ноздрями, поднялся во весь рост и задумался.
- Пап, а кто меня так назвал, ты или мама?
- Я, конечно. Твоя мама даже не пыталась тебя как-то называть.
- А почему ты никогда не рассказываешь, где ты ее встретил?
Отец мельком взглянул на меня и, как всегда после этого вопроса, только насупился.
- Тебя нужно теперь многому научить, - наконец вернулся он из своих раздумий, - Хм... пора бы ей прийти...
- Кому, пап?
- Твоей няне.. а, вот и она!
В комнату зашла моя няня, недовольно поморщилась, косясь на нетронутый завтрак.
- Ах, Деби, ты итак такая худая! Ладно, со всеми не хочешь есть, так я тебе сюда

приношу, но...
- Да любой подавится, глядя в эти желтые глазищи! - махнул рукой отец, - Захочет, сама поест. У нас новость!
- О, как я не люблю новости! - болезненно усмехнулась няня.
- Это хорошая новость! Завтра за Дебру сватается Мигус.
- О, боже...
- Ты не рада? А я рад. Научи ее всему, что положено знать женщине. Ну, там грамоте, по хозяйству и остальное, - он весело подмигнул и от души хлопнул няню по заду.
- Ох, Миталь, ну и хороший же урок ты преподаешь своей дочери!
Отец уже собирался выйти, но обернулся.
- Да. Действительно преподаю. И урок этот состоит в том, чтобы понимать, что может позволить себе твой мужчина!
С этими словами он вышел.
- Миталь добрый человек, Деби, - сказала няня, - гораздо лучше других. Тебе повезло. Садись к столу и покушай немного.
Она взяла тарелку с холодной рыбой и протянула мне. Приятный запах возбудил аппетит. Я оторвала пальцами кусочек и начала жевать.
- Вот, Деби. Наперво, давай мы научимся правильно есть.
И пока мы учились, я незаметно доела весь завтрак.
Но дальше этого сегодня мое образование не продвинулось. В доме началась подготовка к завтрашнему визиту, и няне пришлось включиться в общую суету.
Как ни странно, настроение стало лучше, напряжение почти оставило меня. Предстоящее казалось уже слишком отдаленным событием, чтобы печалиться.
А солнце светило так беззаботно, что мне захотелось провести этот редкий день у моря.
Палец на ноге пульсировал болью, и пришлось обуть неудобные ботинки из грубой кожи.
Чайки пронзительно кричали, на лету выхватывая рыбешку из воды, и совсем заглушали мои внутренние голоса. Они отвлекали и от тяжелых мыслей. Мне потянуло подальше от наших мест, туда, где скалы, постепенно понижаясь, открывали узкую полоску пляжа.
Я спустилась к самой воде, с хрустом раздавила белую ракушку, и набежавшая волна обдала холодом мои ноги. Я пошла дальше прямо в ботинках, вода подступила к бедрам, и только когда захватило дыхание от холода, остановилась. Волны, пробегая мимо меня, поднимались до самой груди, раскачивая мое тело. Вскоре я, забыв про холод, наслаждалась легкостью тела в воде. Эта легкость что-то смутно напоминала мне, вызывала тревожащее, но очень желанное чувство.
Меня никто не учил плавать, а сама я никогда не пробовала это делать. Я и сейчас хотела не плавать, а чего-то другого.
- Эй, девочка!
Какой противный голос...
Я обернулась. На берегу стояли трое нескладных подростков и как-то презрительно усмехались.
- Тебе не скучно? Пошли, поиграем!

Они неестественно засмеялись.
- Странная какая! - потешался самый высокий, - Таких я еще не видел!
- Нужно рассмотреть получше! - предложил другой, и подростки снова засмеялись.
- А она не уплывет от нас?
- От нас? Не-е-ет!!! - высокий быстро скинул одежду и побежал ко мне. Остальные почти не отставали. Я так и стояла на месте, когда они оказались рядом. И это их немного смутило. Ведь добыча должна убегать.
- В платье купается! - удивился один из них.
Другой опустил лицо в воду и тут же поднял его, - И в ботинках!
- Очень странная девочка, - многозначительно протянул высокий, - глаза страшные. А можно тебя потрогать?
Я все так же молчала, и лицо мое было безучастно.
Высокого что-то смущало. Внезапно он толкнул на меня товарища и тот, падая, вцепился в меня. Мы удержались на ногах, но игра понравилась, и парня толкнули с другой стороны. На этот раз мы оба ушли с головой под волну. Я от неожиданности вдохнула немного соленой воды и тут же выскочила, судорожно кашляя под радостный хохот.
- Тащите ее на берег, она утонула! - заорал высокий и сам же потащил меня.
Я не успевала за ним и падала, но он тут же поднимал меня, и вскоре мы оказались на крупном прибрежном песке.
- Ой, она на мокрую кошку похожа! - закричали сзади.
Платье обтянуло мою фигурку, и волосы тоже прилипли к телу.
- Надо ее просушить! - решил длинный и резким движением сорвал с меня платье.
Результат обескуражил его самого. Видимо мое тело оказалось слишком уж необычным. Я-то хорошо знала, как оно выглядит: изящная фигурка с невероятно тонкой талией, маленькие, торчащие в стороны груди и огромные желтые глаза на смуглом лице.
- Дураки! - громко раздался звонкий голос, - это невеста Мигуса!
Я подняла глаза и с облегчением увидела Дику.
Высокий отпрянул от меня. Другие тоже мгновенно притихли.
- Врешь! - наконец сказал высокий.
Дика, не торопясь, подошла поближе.
- Вру? А знаешь, что будет, если я ему расскажу?
Высокий дурашливо хмыкнул, втянул голову в плечи и мелкими шажками засеменил от нас.
- А меня здесь не было! - пропищал он и, подняв с песка одежду, удрал. Его дружки заржали и побежали за ним.
Мы остались одни.
- Спасибо, - сказала я тихо.
- Да ладно...
- Ты сердишься на меня?
- А что на тебя-то сердиться?
- Мне показалось...
- Да ладно...

- Я не хочу выходить за него замуж.
Дика с сочувствием посмотрела на меня.
- Когда ты ушла, они еще выпили и чуть не подрались. Я потом проходила, когда они начали стучать своими кружками по столу. Отец кричал, что только молодой осел так поспешно набрасывается на первую встречную. А дядя кричал, что сам не понимает, почему это сделал, но не жалеет потому, что ему очень нравится все необычное. Вот.
- Как ты вовремя появилась, - вздохнула я, вертя в руках порванное платье.
- Я скажу отцу, он заставит купить тебе новое.
- Ты их знаешь?
- Они с нашими гостями приехали, - она кивнула вслед убежавшим мальчишкам, - Меня отец попросил показать им наши места. Но они сразу убежали. Вот только сейчас нашла. Догадалась, что в такую погоду купаться захотят.
- Опять пойдешь их искать?
- Ну нет, теперь я могу рассказать, что они тут вытворяли. Давай как-нибудь твое платье наденем.
Она зубами оторвала полоски с двух сторон от края, надела на меня платье наоборот и связала полоски сзади.
- Ну, вот, так хотя бы можно людям показаться.
Я стояла, отдавшись ее заботам, все еще не придя в себя после случившегося.
- Ты хорошая, Дика, - наконец сказала я.
- Ага, - она презрительно хмыкнула, - утром я на тебя сильно разозлилась. Не только потому, что мне та цепочка понравилась, а больше потому, что он тебя посчитал лучше... Но вообще мне так легко стало оттого, что он от меня отказался. А когда еще сказал, что ему всякие чуды нравятся, то ...
- Я не виновата, что я такая...
- Ой, да конечно! Пошли, поплаваем!
- Я не умею.
- Хочешь, научу?
- Научи!
- Только пошли в другое место, чтобы никто не видел.
Мы купались и лежали на песке под солнцем. Я совсем перестала бояться воды и даже могла уже немного плавать. Это было чудесно. Ощущение легкости и полета кружило мне голову. Я так радостно смеялась, что Дика не узнавала меня.
Солнце опустилось на море, протянув искрящуюся дорожку к нам. Облака выплывали из-за горизонта, обещая закрыть небо.
У Дики кожа на спине покраснела и теперь сильно болела. А мне солнце ничего не сделало.
Было так хорошо, что не хотелось расставаться, но Дика боялась отца. Мне тоже пора было возвращаться.
Мы поднялись наверх по крутой тропинке между скал, Дика на прощание улыбнулась мне и убежала. А я возвращалась неохотно, и с каждым шагом тяжелые мысли наполняли голову.
Собака-друг понимающе терлась о мою ногу, когда мы вошли в ворота, и дворовая суета заслонила впечатления от моря.

- Ты разлил желчь, манкари! - в ярости орал на кухонного мальчишку наш повар, тыча в испуганное лицо большой распотрошенной рыбой.
Я поджала губы и поспешно прошла мимо.
- Наконец-то пришла! - озабочено воскликнул женский голос.
Я подняла глаза и увидела няню.
- Что же ты, девочка моя? Завтра придет ... Господи, что у тебя с платьем!?
- Я случайно порвала его, - сказала я, и моя кожа на лице стала еще смуглее от смущения.
- Вот так порвала? - она испытующе посмотрела на меня и вздохнула, - Если бы я не знала тебя хорошо...
Мы прошли в мою комнату. Няня первым делом переодела и накормила меня. Не знаю почему, но когда она сама предлагала еду, мне это нравилось.
Потом няня оценивающе пригляделась ко мне.
- Ведешь ты себя вполне прилично, - сказала она, - прирожденные хорошие манеры. А вот отношение ты должна продемонстрировать.
- Какое отношение, няня?
- Ну, Мигус теперь будет тебе как отец. Будет заботиться, воспитывать. А когда поженитесь, будет гораздо больше, чем отец и даст то, что отец дать не может. Знаешь, это очень правильно, что девушку даже не спрашивают. Ну что ты сейчас можешь понимать? Ты людей не знаешь. Сама бы ты столько глупостей наделала! Ах! - няня задумалась с легкой улыбкой, с грустью вспоминая про свои глупости, - Вы за это время привыкнете друг к другу и все будет хорошо.
- Няня, а Дика говорит, будто слышала, что замуж берут, чтобы делать больно...
- Дика не понимает ничего! - фыркнула няня, - Ну, есть тут маленькая доля правды, но совсем не то, что ты думаешь.
- Я не хочу, чтобы мне делали больно...
Няня засмеялась, снисходительно посмотрела на меня и ласково погладила по голове.
- Деби, глупости все это!
Она начала рассказывать мне, как нужно отвечать на вопросы, как держаться, как продемонстрировать свое расположение. Оказывается, взрослые тоже играют в свои смешные игры: ты мне скажи это, а я отвечу так! Заучивать все это было не трудно. Мы начали разыгрывать разные сценки и веселились вовсю. Как оказалось позже, мне это почти совсем не пригодилось. Потом няня поцеловала меня на ночь, зажгла толстые свечи, которые никак не желали прогореть до конца и пожелала спокойного сна.
Как только она ушла, голоса привычно зашелестели в моей голове. Я устала от разговоров, зевнула, довольная, что, наконец, осталась одна и подошла к зеркалу взглянуть на маму. Радостное ощущение от плавания еще не покинуло меня. Мама смотрела на меня взрослыми, но счастливыми глазами. Я улыбнулась ей, а она - мне.
Изображение было какое-то не совсем резкое. Точнее, лицо и фигура были резкими, а вот фон за спиной - слегка размазывался, как бывает, когда смотришь слезящимися глазами, и лучи расщепляются веером призрачного сияния. Я моргнула несколько раз, но ничего не исчезло.
Это не испугало и не слишком озадачило меня. Просто стало интересно. Я ничего

не боялась, и удовольствие от того, что я обнаружила что-то новое и интересное, добавилось к моему прежнему настроению.
Будто отразив это, марево за спиной мамы стало гораздо заметнее, и я одновременно почувствовала в себе что-то новое и удивительное. Это бывало уже в моих снах, когда ты вдруг просто понимаешь, что можешь летать. И в таких случаях во сне я подгибала колени и оставалась в воздухе. Потом достаточно было легко оттолкнуться от пола, чтобы подняться выше. Сколько раз, просыпаясь, я пыталась это сделать по утрам, надеясь на чудо.
Я тихо засмеялась и подогнула ноги, оставшись парить. Необычайная легкость, как сегодня, когда я плавала в море, закружила голову.
Я не хотела спугнуть это состояние и старалась ни о чем не думать, просто наслаждалась своей радостью, еще не осознавая, что же происходит. Легко оттолкнувшись, я плавно взлетела и дверь на террасу стала довольно быстро приближаться ко мне. Я вытянула руки и остановилась. Меня слегка затошнило, я снова почувствовала вес тела и неуклюже упала вниз, больно ударившись коленом о дверную ручку.
В неярком свете горящих свечей комната никак не хотела казаться реальной, но легкое головокружение прошло, и я поднялась на ноги. Только теперь я начинала проникаться тем, что случилось и радостное волнение охватило меня. Не было никаких сомнений в том, что это - не сон.
Я подошла к старинной шкатулке, открыла толстую деревянную крышку. Это были вещи моей матери. Среди лоскутов с красивой вышивкой, колец, ожерелий и браслетов, я нашла цепочку с плоским черным камнем, на котором непонятно как было очень отчетливо нарисована фигурка с лучеподобным сиянием за спиной. Отец неохотно говорил, что это изображение ангела. И я задумалась, пытаясь осмыслить все.
Ужасающий грохот заставил меня подскочить. Двери на террасу резко распахнулись, и тугой порыв ревущего ветра ворвался в комнату, мгновенно затушив свечи. Я чуть не упала, ветер толкнул меня к стене, и я выронила камень.
Снаружи творилось невообразимое. В полумраке коротко блестели длинные молнии, и раскатистый грохот закладывал уши.
Я подошла к дверям. На море разгулялась буря, каких я давно не видела. Хотя плотные тучи закрыли небо, но еще было видно, как вздымались высоченные волны, и ветер срывал их гребни. Частые молнии выхватывали фантастические картины. Меня охватил дикий восторг. Ветер рвал мои волосы, и под его порывами трудно было дышать. Но я ухватилась за перила, прижимаясь к ним всем телом. А прямо подо мной о скалу с диким грохотом разбивались волны.
Что-то крепко схватило меня сзади. Я в ужасе вскрикнула, рванувшись, и повернула голову. Это была няня. Она что-то кричала, но невозможно было ничего услышать. Она настойчиво потянула меня и увела с террасы, с трудом заперев дверь.
- Деби! Что же ты делаешь?! Там такой ветер, что тебя просто могло сбросить в море! Ты такая легкая!
Няня нашла свечу и зажгла ее, а вслед за ней и другие.
Я увидела на полу разбившийся черный камень и села перед ним, собирая

осколки. Их было три. Мне стало так жалко, что я заплакала.
- Деби, девочка... - няня подошла и присела рядом, - разбилось? Мы склеим. Я умею готовить очень хороший клей из творога и нашатыря, не плачь, родная.
Я прижалась к ней, и мне стало хорошо и уютно. Она уложила меня в постель и, поцеловав, ушла.
Но не только за окном продолжалась буря. Со мной тоже происходило что-то необычное, от чего я не могла уснуть и металась в волнении. Голоса стали такими громкими, что я очень испугалась, что сошла с ума. Из меня неистово рвались непонятные желания, и казалось, что призрачное пламя охватило меня всю изнутри. Но это пламя не жгло, а причиняло приятную истому.
Потом вдруг я проснулась уже утром, довольно поздно. За окном было сумрачно и казалось, что утро еще не наступило. Но на столе стоял мой завтрак, и дымилась чашка горячего молока с шоколадом. Оказалось, что я очень хочу есть.
Я вдруг вспомнила про события, которое должны были произойти, но всего лишь улыбнулась, уверенная, что ничто теперь не может испортить мне настроение.
Первым делом я попробовала подогнуть ноги. Но тело оказалось тяжелым. Это не сильно опечалило меня: я была уверена, что придет время и все получится.
Я съела половину вкусного и нежного омлета, выпила шоколад и вышла из комнаты. В доме царила суматоха. Никто не знал, когда точно ждать Мигуса, хотя приличия требовали его появления к обеду. Никто не знал сколько гостей придет с ним. Все кричали и суетились.
Я вышла из дома. Во дворе сметали длинными метлами большие лужи, убирали мусор, принесенный ураганом, и наводили видимость порядка.
Ко мне подбежала собака-друг, я присела и дала ей остатки омлета прямо из рук. Она разом проглотила все и лизнула мой нос.
Мы вышли за ворота. Все сильно изменилось. Трава стелилась по самой земле, прижатая ливнем и ветром, большие и маленькие ветки деревьев валялись везде, а недалеко в сторону моря прорезался глубокий овраг. Тучи все еще низко нависали, грозя новым ливнем, хотя ветра почти не было.
Может быть, Мигус не захочет прийти в такую погоду?
- Дебра! - раздался позади окрик отца, - Не уходи никуда!
Я понуро вернулась.
- Иди, помоги няне! Ты должна знать, как все это делается!
- Хорошо, пап.
- Что у тебя с ногой?
- Где?
Я опустила голову и увидела большой синяк под коленом.
- Ты что как мальчишка ноги бьешь? Неужели нельзя быть осторожнее в такой день?
- Вчера дверь так резко распахнулась под ветром...
Я снова соврала. Оказывается, это - совсем просто. Теперь мне есть, что скрывать.
- Да, действительно. Жаль. Надеюсь, Мигус не будет привередничать.
Он как-то странно смотрел на меня, и мое лицо потемнело от стыда. Я вдруг сообразила, что дверь ударила бы меня скорее в лоб, а не под колено. Отец

ничего не говорил, и я убежала искать няню, чтобы вникать в ведение хозяйства. Но оказалось, ураган добавил столько неожиданных хлопот, что даже всегда уравновешенная няня была готова раскричаться.
- Деби, детка! - она устало посмотрела на меня, - Не сейчас! Ты успеешь все это понять и освоить. Иди лучше в свою комнату и вспомни то, о чем мы вчера говорили!
Я с радостью ушла. И чем ближе подходила к своей отдаленной от всех комнате, чем тише становилось вокруг, тем отчетливей в моей голове ощущалось чье-то присутствие. Обычный шелест голосов ушел на задний план. Рядом что-то было живое. И молчало.
Я зашла в комнату, серьезно начиная беспокоиться за себя.
- Ты где? - вдруг очень ясно спросил неожиданно близкий голос.
Я так растерялась, что стало жарко.
- Ты где-то рядом. Скажи что-нибудь!
Значит, пока я не обращаюсь к нему, он только чувствовал меня как я его. Он? Да, несомненно, это был мужской голос. Хотя он говорил со мной словами, никаких звуков я не слышала, но он передавал мужские чувства. И вместе с ними боль. Ему было больно.
- Я здесь... - неуверенно ответила я.
- Где здесь? Покажи сверху.
- Я не понимаю...
- Странно... Я тебя не знаю. Ты кто?
- Я Дебра.
- Ты ...? - он сказал какое-то слово, которого я не услышала. Оно как бы выпало из вопроса.
- Не понимаю...
Он помолчал.
- Тебе больно? - спросила я нерешительно.
- Да, немного. Вчера ветер налетел так неожиданно..., - опять было слово, которое выпало, хотя я почувствовала, что это какое-то обычно используемое ругательство, - но скоро все будет в порядке. К вечеру ... заберут меня. Но откуда ты здесь?
- Не знаю, я здесь родилась.
- Родилась? - он сильно удивился, - А кто твои родители?
- У папы здесь замок, а про маму я почти ничего не знаю. Папа говорит, что она умерла, когда я была еще маленькая.
- Значит твой папа ...?
- Кто?
- Ну, он из тех людей, которые живут на этой земле?
- Конечно.
- Тогда он не может быть твоим папой.
- Почему?
- Как интересно. Ты действительно говоришь так, как будто ничего не понимаешь, и прожила здесь всю жизнь.
- Я прожила!
- Знаешь, я сам сейчас не смогу к тебе прилететь. Я вообще несколько дней не

смогу летать. Я здесь, - у меня перед глазами возникла картина, как если бы я смотрела вниз с высокой горы. Или высоко с неба?! Я не знала это место, как ни вглядывалась в детали.
- Поняла? Сможешь прилететь ко мне?
- Прилететь?!
- Ну да... Или ты не умеешь? Хм...
- Я пробовала немного... Всего один раз случайно.
- Тогда не сможешь. Тебе еще нужно долго учиться...
- А ты можешь меня научить?
Я восприняла необидный, веселый смех сквозь боль.
- Учиться нужно самой. Но я могу рассказать, как это делать. А еще лучше, если мы заберем тебя вечером, когда за мной прилетят. Хочешь?
- Я не знаю... А куда?
- Ну, туда, где мы живем, конечно! - в его голосе снова послышалось веселье.
- А там хорошо? - меня охватило волнение.
- Мне нравится! - он засмеялся и ненадолго задумался, - Хотя тебе будет очень непривычно и трудно поначалу. Ох...
- Что случилось!?
- Сейчас... что-то заболело сильно, подожди...
- Ты ранен?
- Ударился о скалу... уже немного легче... Кажется, у меня внутреннее кровотечение...
- А ваши будут только вечером! Ты можешь умереть! Расскажи, как до тебя добраться, я попрошу отвезти меня на лошади!
И снова у меня перед глазами встала эта картинка.
- Я совсем не знаю этого места! - наконец призналась я в отчаянии.
- Ну и ничего, я не хотел бы, чтоб меня кто-то еще увидел. Все будет хорошо, не беспокойся, я дождусь. Только говори со мной, пожалуйста.
- Как тебя зовут?
- Девен. А тебя Дебра?
- Да.
- Мне нравится твое имя. Мм... извини.
- Тебе так больно! - у меня навернулись слезы, и он это почувствовал.
- Не надо, Дебра, это все такая ерунда.
Я успокаивала его как могла, отвлекая от страданий. Рассказывала про себя, а он, довольно скупо, превозмогая постоянную боль, рассказывал про свою жизнь, давал советы как быстрее освоить полеты. За ним не могли прилететь днем. Никто не должен был видеть летающих.
Я чувствовала, как ему становилось все хуже. И в тот самый момент, когда он в очередной раз замолчал, пересиливая боль, в комнату вошла няня.
- Деби! Ты еще совсем не готова! - она растеряно всплеснула руками, - Как же так? Мигус приехал, тебя ждут!
Я одеревенело стояла, и в моих глазах было что-то такое, от чего няня озадачено остановилась.
- Что с тобой, девочка моя? - она внимательно посмотрела мне в глаза, - Ты так испугана? Но все будет очень просто. Он приехал один, они уже поговорили с

отцом, тебе нужно из вежливости немного посидеть с ними и все.
Она принялась торопливо переодевать меня. Я стояла как безвольная кукла, напряженно вслушиваясь, но Девен молчал. Мне стало безразлично все вокруг. Как во сне я вышла вместе с няней. Мы миновали пустые комнаты, становилось все более шумно, и вошли в обеденный зал.
Раз Мигус пришел один, то и Миталь был с ним один. Они сидели за огромным столом, от края до края уставленным едой и питьем.
- Вот и твоя невеста! - радостно проревел раскрасневшийся отец, - Но, ты, конечно, уже видел ее.
Мигус галантно встал и с легкой улыбкой чуть склонил голову передо мной. Няня подтолкнула меня, и я подошла к столу, не чувствуя ног.
- Здравствуй, Мигус, - пролепетала я, - я счастлива видеть тебя...
- Здравствуй, Дебра! - нежно пророкотал Мигус, - И я счастлив видеть тебя! Прошу тебя присоединиться к нам и разделить трапезу!
Няня была уже рядом и, если бы она не помогла, я бы села мимо стула.
- Выпей со мной этого прекрасного вина, - предложил Мигус, сам наливая мне янтарной жидкости из старинной каменной бутыли.
Отец досадливо хлопнул себя по колену.
- Забыл предупредить тебя, любезный Мигус, она не пьет напиток богов. Слишком нежное создание.
- О-о... - Мигус с любопытством посмотрел на меня, - Я совсем очарован. Ты, Дебра, не девушка, а прекрасный ангел.
- Спасибо тебе, Мигус...
Я с удивлением отметила, что Мигус симпатичен мне и мне нравилось то, как он говорил со мной.
Няня налила мне морса, и я пригубила немного.
- Мы с Мигусом решили, что свадьба будет этой осенью, он оказался так нетерпелив! - отец засмеялся, а я вздрогнула и с испугом посмотрела на няню.
- Он будет теперь часто приезжать к нам, беседовать с тобой, возить на прогулки, ну и там, - отец неопределенно помахал рукой в воздухе.
- И радовать тебя, Дебра, подарками, - закончил Мигус, поднимаясь со стула.
Он подошел к небольшому столику у стены, раскрыл коробку и, достав платье, с очаровательной улыбкой направился ко мне.
Я никогда еще не видела такого красивого платья и не могла оторвать взгляда от него. Мигусу это понравилось, и он с улыбкой протянул его мне.
- Вот, Дебра, прими от меня это и носи. Но никакое платье не может быть достаточно прекрасным для тебя.
Я встала и осторожно приняла платье.
- Спасибо тебе, Мигус...
- Я так рад за вас, дети, - отец довольно хохотнул и налил вина Мигусу и себе.
Няня забрала у меня платье, и мы с Мигусом снова сели за стол. Няня положила мне еду в тарелку. Все принялись есть в воцарившейся тишине. У нас положено некоторое время молчать за едой.
И тут в моей голове отчетливо раздался стон Девела. Я выронила вилку, и она со звоном упала на тарелку.
- Что с тобой, Дебра? - негромко спросил отец, - Ты чего-то испугалась?

- У нее такие глаза, как будто она увидела мышь, - пошутил Мигус.
- Простите, мне показалось... - я виновато улыбнулась, но улыбка тотчас погасла, когда Девен слабо позвал меня.
- Девен!!! - крикнула я мысленно, - скажи что-нибудь!
Но больше я не слышала его. И, спустя томительно долгое время, с горечью смирилась с тем, что, возможно, он умер.
А Мигус был так красноречив и предупредителен, что я не могла оставаться равнодушной. И когда все закончилось, и он стал собираться уходить, мне даже стало жаль.
В голове у меня ничего не осталось кроме полного хаоса, стоило мне вновь оказаться одной в своей комнате. Я долго прислушивалась, пытаясь услышать Девена, но даже не чувствовала его присутствие.
Как жаль. Не успела я встретить такого же человека как я сама, как тут же потеряла его. Видно моя судьба - так и провести всю свою жизнь, не узнав о мире, где живет моя раса.
Я вздохнула и решала лечь спать потому, что очень устала. Но не могла удержаться и надела новое платье, которое оставила няня в моей комнате. Я подошла к зеркалу и поразилась, как мне оно подходит и как я хороша в нем.

Утром платье уже не так радовало меня, а обаяние Мигуса как-то поблекло в памяти. Куда я могла пойти в таком платье? Конечно, у нас бывали праздники, но редко. Я даже танцевать не умела. То, как я порхала в своей комнате, когда у меня бывало хорошее настроение и никто не видел, совершенно не годилось для больших праздников. Но меня никто не учил, а я не просила.
Вчерашнее мало теперь мало волновало меня, и на первый план вышло желание научиться летать. Я с грустью вспомнила советы Девена быть упорной и стала пробовать. На этот раз все получалось неожиданно легко. Это походило на то, как если бы я вспоминала что-то забытое. Вовсе не обязательно было отталкиваться, чтобы лететь. Внутри меня, чуть ближе к спине, просыпалась некая рвущаяся свобода, я направляла ее к цели, и мое тело восторженно устремлялось к ней. Я была счастлива как никогда, чувствуя себя уже непричастной к этому суровому тяжелому миру.
- Ты бы хоть для приличия ногами двигала!
Я чуть не упала, пробежала несколько шагов и с ужасом обернулась.
- Не бойся, Деби, девочка моя...
Это была няня. Я испытующе посмотрела в ее ласковые глаза.
- Твоя мама тоже летала здесь. И больше нигде. Никто про это кроме меня не знает. Но ты будь осторожна. Люди не захотят понять такое.
- Спасибо, няня! - тихо прошептала я, - Я буду осторожна!
- Тебе бы найти своих ангелов и улететь туда, где тебя смогут понять. Твоей маме не удавалось это, пока она ухаживала за тобой маленькой.
- А она не сказала где это?
- Она сама не знала точно. Далеко за морем...
- Няня, а здесь был один из них... Его во время бури ночью о скалу ударило. Я с ним разговаривала на расстоянии...
- Мысленно?

- Да. Но он, наверное, умер. Он очень долго мучился и замолчал задолго до того, как за ним должны были прилететь.
- Жалко... Ты не грусти. Мама говорила, что они иногда прилетают сюда. Ты еще встретишь кого-нибудь. Вот, держи.
Няня протянула мне склеенный черный камень. Еле заметные трещинки вились через него и не мешали видеть изображение. А я и забыла про него.
- Спасибо няня! - я взяла камень и чуть снова не выронила, когда дверь с шумом распахнулась, и вошел отец.
- Какого черта, Нури?!
Няня вся подобралась и потупилась.
- Что еще за чертова записка у меня на столе? Неужели ты покинешь нас?
- Да, Мигус, прости....
- Я понимаю, тебя, Нури, - голос отца вдруг стал более мягким и немного виноватым, - но не сейчас же! Ты так нужна мне!
- Прости, Мигус, я не могу... Я зашла к девочке только попрощаться... Ты позволишь?
- А со мной ты не прощаешься? Или эта записка все заменяет?
- Зачем ты так, ведь все равно уже ничего нельзя изменить.
- Нури, я прошу тебя, пойдем ко мне, поговорим. Клянусь, я не буду тебя держать насильно, ты же знаешь!
- Няня, - воскликнула я, не сдержавшись, - ты уходишь от нас?
- Да, девочка. Прости и ты меня.
- Но почему?
- Я еду к одному человеку. Он давно ждет меня.
Мне стало очень горько. Так, как если бы я теряла мать. Как если бы моя мать вдруг отказалась от меня. Слезы размазали весь мир, я бросилась к двери, долго бежала через пустые комнаты, через двор, по тропинке к скале над морем, которую сама же давно протоптала.
Унылые тучи закрывали небо, и тяжелые серые волны с глухим шумом разбивались о подножие. Я хотела сразу броситься с уступа и полететь куда-нибудь, чтобы забыть про горечь, душащую меня.
Я подбежала почти к самому краю, но вовремя поняла, что мое тело слишком тяжело и нет волнующего ощущения рвущейся свободы за спиной. Я чуть не упала, но вовремя остановилась, тяжело дыша и глотая слезы.
Я пыталась снова и снова, пока не поняла, что чувство, дающее свободу - это чувство легкой радости. А на душе у меня было слишком тяжело.
Я села на корточки и просто заплакала. Мне хотелось, чтобы сейчас меня нашла моя подружка и поговорила со мной. Но Дика не шла меня выручать на этот раз. Было одиноко и тоскливо. Я вдоволь наплакалась и сидела опустошенная, прислушиваясь к шепоту в моей голове. Теперь я знала, что это далекие мысли тех, кто был похож на меня. Все они были незнакомыми и чужими. Я почти не улавливала смысл отрывочных чувств, случайно касающихся меня. Что это за люди, если они бросили мою мать и меня здесь?
Я взглянула на черный камень, который все еще держала в руке. Человек на нем был слишком маленький, чтобы разглядеть какого цвета у него зрачки. Мне вдруг захотелось бросить его в море. Раз все меня бросают, то мне никто не

нужен. Но удержалась и спрятала в карман платья.
Потом я заметила, что один из больших камней, торчавших в склоне, нависающем над морем, подмыло вчерашним дождем. Не знаю зачем, я подошла и стала расшатывать его. Я с удивлением чувствовала в себе незнакомую обиду, и мне хотелось занять ее чем-нибудь. Это оказался очень большой валун, но он вот-вот должен был вывалиться из склона.
- Ты что делаешь?
Я вздрогнула и обернулась, тяжело дыша. Тот самый длинный парень, который сорвал с меня платье. Но сейчас я почему-то совсем не злилась на него.
- Хочу свалить его вниз, - сказала я.
- Давай помогу!
Он подошел и уперся руками в валун. Раскачивать стала гораздо легче. Вскоре широкое основание со скрежетом вылезло, мы отскочили, и валун кувыркнулся вниз, гулко ударившись о выступ у наших ног. Мы смотрели, как он с грохотом отскакивает от неровностей склона, выбивая каменные брызги. Последний его прыжок был особенно впечатляющ: камень бешено завертелся и влетел в волну, разбив ее.
- Здорово! - воскликнул мой помощник и весело посмотрел на меня.
- Ты что, следил за мной? - спросила неприязненно.
- За тобой? - удивился он.
- А почему тогда ты здесь оказался?
- Я часто сюда хожу по этой тропинке! Это мое место.
- Это мое место.
Он хмыкнул и криво ухмыльнулся.
- Ладно, сиди тут одна, раз такая жадная.
Он повернулся, собираясь уйти. Но я была слишком одинока.
- Ладно, оставайся, извини.
Парень остановился и примирительно улыбнулся мне.
- Это ты извини... за тот случай. Перед дружками как дурак красовался.
- Ладно уж. Как тебя зовут?
- Берг.
- А меня - Дебра.
- Знаю уже, - он снова улыбнулся. У него была приятная улыбка, - ты не боишься, что тебя со мной кто-нибудь увидит?
- Ну и что?
- Ты же невеста Миталя! Если он узнает...
- А ты боишься?
- Нет, - он неуверенно передернул плечами, и я поняла, что эта перспектива ему совсем не нравится.
- Ты прав, лучше тебе не рисковать.
- Я не боюсь Миталя. А вот тебе достанется. Жалко будет.
- Кому жалко? - я улыбнулась.
Он тоже засмеялся.
- Конечно! Я еще не видел девчонку, которой нравится сбрасывать большие камни в море.
- Это я не камень, а свою обиду сбросила.

- Обиду?
- От меня сегодня няня ушла. Даже не сказала ничего заранее. Она мне была вместо матери...
Зачем я это ему говорю?
- Да-а... это обидно, я знаю.
- Откуда ты знаешь?
- Нет, от меня никто не уходил, но я себе это хорошо представляю.
- А ты откуда приехал?
Мы начали болтать, расспрашивая друг друга обо всем.
Я вдруг поняла, что боюсь возвращаться домой. Вдруг няня еще не уехала и сейчас говорит с отцом? А если уехала, какой будет теперь отец? Я знала, что он любил ее.
Берг достал из кармана горсть орешков, и мы принялись есть их.
Потом я показала Бергу склеенный черный камень. Он без особого интереса посмотрел. Конечно, он же ничего не знает. Я подавила внезапное желание рассказать ему все. Вот же дура!
В полдень Берг заявил, что ему пора идти обедать. Мы пошли обратно до развилки тропинки и разошлись по домам.
Дома я не заметила ничего необычного. Только еще одна комната в замке опустела. Отца нигде не было, и я просто побрела в свою комнату.
Через несколько минут раздался резкий стук в дверь, и вошел мальчишка-повар с моим обедом. Он недовольно хмыкнул, мельком взглянув на меня, поставил все на столик, резко сдернул полотенце и, изо всех сил стараясь не смотреть на меня, с невозмутимым видом удалился.
Теперь он будет носить мне еду сюда? Вот еще!
Интересно, что после разговора с Бергом у меня почти вернулось хорошее настроение. Мир оказался не таким уж пустым и враждебным. Но я все же устала и решила немного поспать. Стоило мне прилечь, как дверь с шумом распахнулась, и вошел отец. Я от неожиданности вскочила на ноги и с испугом уставилась на него.
- Что, Дебра? Кажется, я тебя испугал, извини.
- Пап, я ведь теперь невеста Миталя?
- Конечно!
- А почему тогда ко мне так просто заходит мальчишка, который приносит еду, и вообще, все...
- Ты права, - отец немного задумался, - я скажу, чтобы тебе поставили засов. И спрашивали разрешение.
- Знаешь, я решила, что буду кушать со всеми. Мне нужно привыкать быть на людях.
Отец улыбнулся.
- Знаешь, а ты повзрослела! Но все еще так мало знаешь... Это моя вина. Я уже подыскал тебе компаньонку, которая будет обучать тебя. Он приедет сюда вечером.
- Спасибо, пап. Ты ездил искать мне компаньонку?
- Ну... не совсем. Я проводил твою няню. Она и рекомендовала мне компаньонку, которую хорошо знает сама. Миталь приедет через день за тобой, чтобы отвезти

тебя в город развлечься. Хочешь?
- Конечно! Я только однажды была в городе, помнишь, ты меня возил?
Вскоре отец ушел, и я оставалась одна, лежа в глубоком кресле, пока в дверь осторожно не постучали и не попросили разрешения войти.
Это был наш столяр. Он разложил инструменты, попыхтел, осматривая дверь, потом начал прилаживать большой бронзовый засов. Эта возня продолжалась целый час. Потом пришла служанка и молча убрала мусор.
Как только она ушла, я с удовольствием опробовала засов и сразу почувствовала облегчение. Хорошее настроение стремительно возвращалось ко мне и, конечно, я воспользовалась этим, чтобы вдоволь полетать. У меня уже хорошо получалось, я почти без напряжения и не осознано управляла полетом. Только места было очень мало.
Я парила под самым потолком, когда услышала шорох, посмотрела вниз и заметила, как из-под двери показался желтый листок бумаги и тут же раздался топот убегающих ног. Я чуть не упала от удивления, не вполне удачно спланировала вниз и подняла листок. На нем было что-то коряво написано. Мне стало обидно. Я до сих пор не умела читать. А тот, кто написал, конечно же, умел. Почему я такая? Понятно, почему. Я всегда была нелюдимой затворницей.
Что же делать? Любопытство оказалось сильнее меня. Я положила бумагу в карман и вышла из комнаты. Моя подруга умеет читать.
Облака нависли совсем низко над землей и прохладный влажный ветер трепал мне волосы, пока я бежала к соседям. Было пустынно и безлюдно вокруг. Никто не выходил без дела в такую погоду.
Мне повезло: Дика была у себя и оказалась не занята.
- Привет, Дика! - запыхавшись, проговорила я.
- Привет, Дебра! Что-то случилось?
- Не хочешь погулять?
- В такую погоду? Нет, не очень. Лучше поболтаем здесь.
Я уселась рядом с ней.
- Хочешь, что-то покажу?
- Покажи!
Я протянула ей бумажку и жадно начала следить за ее лицом. Ее брови полезли вверх, и она слегка порозовела.
- Вот это да! И ты что, пойдешь, как дура?
- Нет, конечно!
- Правильно! А кто это написал?
Значит, записка без подписи.
- Откуда я знаю? Просунул кто-то под дверь и сразу убежал.
- А он, наверное, здорово в тебя влюбился! - она хитро посмотрела на меня и засмеялась. Я тоже засмеялась в ответ.
- Знаешь, Берг мне рассказал, что вы сегодня сидели с ним на скале и кидали камни в море!
Улыбка слетела с моего лица.
- Он подошел, когда я там уже сидела. Но больше я с ним не буду разговаривать! Не люблю болтливых!
- Да он не виноват, - Дика весело махнула рукой, - он случайно проговорился, и я

уж из него все вытянула. Не бойся, я никому не расскажу! Мы же подруги!
- Да, Дика, ты мне так здорово помогла, в тот раз... - я вздохнула, понимая, как много у нас оказывается общих тайн, и усмехнулась, - Если бы кто-то узнал, то, что ты про меня знаешь, ну, как Берг с меня платье сорвал, и то, что мы с ним долго разговаривали одни и про эту записку...
- Я же не дура такое говорить, Дебра!
Я почувствовала благодарность к своей подруге, которая не бросила меня даже после того, как меня предпочли ей и отобрали уже подаренную ей красивую цепь. Все-таки мир далеко не такой плохой, как подчас кажется! Мое настроение стало совсем беззаботным.
- Дика, - я радостно посмотрела в ее смеющиеся глаза, - сейчас я тебе покажу еще кое-что!
- О, как интересно!
- Только не падай в обморок! - я легко оттолкнулась от пола и взлетела. Позади раздался тихий сдавленный вскрик. Смеясь, я пролетела по всей комнате и опустилась перед подругой. Лицо у нее стало белым, а глаза широко раскрылись.
- Ой, я, кажется, испугала тебя!
- Как ты это делаешь, Дебра?!
- Я умею летать, Дика! - радостно прошептала я.
- Ты меня научишь?
- Если бы ты смогла, то я с удовольствием!
Дика осторожно и недоверчиво потрогала меня.
- Покажи еще раз, Дебра! Только не улетай далеко, я хочу все видеть.
Таких просительных ноток я никогда не слышала у Дики. Я невысоко поднялась над полом. И Дика, задрав голову, смотрела на меня, а сама заворожено ходила вокруг.
- Знаешь, у тебя за спиной какой-то прозрачный светящийся веер. Его видно на фоне темной стены.
- Знаю, - я опустилась на пол и достала черный камень.
- Смотри. Здесь нарисована фигурка с таким же веером. Этот человек тоже умел летать.
- Кто это?
- Я не знаю. Кто-то из расы, к которой принадлежу я и моя мама. Это мамин камень.
- Значит, я не смогу летать, - потускнела Дика, - Я же не из этой расы...
- Наверное, не сможешь, Дика... жаль, мы бы летали вместе.
- Какая ты счастливая, Дебра!
Я удивленно посмотрела на нее.
- Знаешь, я не чувствую себя счастливой... Здесь я не могу летать на людях. И меня мало кто понимает. Я даже не знаю где живут такие как я.
- Но зато здесь тебя многие любят, - она с усмешкой показала на лежащую рядом записку, и я смущенно свернула ее и торопливо сунула в карман.
- И Берг хоть и говорит, что ты ненормальная, но я-то вижу, как ты ему нравишься.
Я только вздохнула, хотя слышать такое оказалось приятно.
- Да, Дебра, у нас особенно не полетаешь. Толку мало от крыльев, если ими

нельзя пользоваться.
Настроение у меня начало медленно угасать.
- Что-то у меня голова разболелась, - пожаловалась Дика, - извини, я полежу немного.
- Конечно, я пойду!
Я вышла, и порыв холодного ветра бросил в лицо горсть дождевых капель. Платье чуть было не задралось, но я успела прижать его руками и побежала по короткой дороге вниз с крутого склона. У самого подножия я поскользнулась на мокрой траве, но успела взлететь и спланировала вдоль оврага, стараясь не подниматься высоко, чтобы никто не заметил. Я еле успевала уворачиваться от больших камней и мокрых кустов, а дождь все усиливался. Платье прилипло ко мне, и холодный встречный ветер пронизывал насквозь. Глаза начало заливать стекающей с волос водой и я, не заметив очередной куст, со всего размаха влетела в него. Разодрав платье о цепкие ветви, я кубарем полетела на дно оврага.
Я тут же вскочила на ноги. Было очень больно. Голова слегка кружилась. Длинные царапины алели на моем голом теле среди лохмотьев, оставшихся от платья. В нескольких местах я густо измазалась глиной, и дождь неторопливо смывал ее. Я попробовала взлететь, но сразу поняла, что не могу, и полезла вверх по склону из оврага.
Когда я дошла до дома то так замерзла, что конечности слушались с трудом. Стараясь не показываться никому на глаза, я прошмыгнула в свою комнату, сильно дрожа, сняла лохмотья, вытерлась и оделась потеплее. Несколько раз непроизвольно кашлянула и, свернувшись в кресле под зимним пледом, вскоре заснула.
В полудреме я чувствовала, что меня зовет знакомый голос, но не могла заставить себя открыть глаза. А когда проснулась сразу поняла, что у меня жар. В комнате было уже почти темно. И некому уже было зажечь свечи. Я сделала это сама, слегка пошатываясь от головокружения, потом пошла к отцу.
У него были гости. Друзья - соседи. В плохую погоду они часто приходили вот так и подолгу играли в карты. Один из них тут же сконфужено вылез из-под стола, где отбывал наказание за проигрыш, бряцая о пол коротким мечом.
- Пап! Я заболела.
Он удивленно посмотрел на меня, извинился перед партнерами, которые стоически положили свои карточные веера рубашками верх перед собой и подошел ко мне.
- Я попала в этот дождь, когда возвращалась от Дики... - я закашлялась.
- Ясно. Пошли.
Он взял меня за руку и повел в свою комнату. Там у него была эта ужасная настойка из рома, чеснока, трав и табака. Он нацедил мне половину кружки. В другую кружку налил теплого еще морса.
- Пей все сразу.
- Пап, я не смогу!
- Давай, Дебра, это нужно, постарайся! Выдохни весь воздух, и быстро глотай все. Потом сразу запей морсом.
Так я и сделала. У меня потекли слезы, и я долго хватала ртом воздух перед тем

как смогла залить огонь морсом. И как только я это сделала, ноги у меня подогнулись. Отец подхватил меня и отнес в мою комнату. Все поплыло и провалилось куда-то.

Я знала, что сейчас светло. У меня такие тонкие веки, что свет почти свободно проникает сквозь них.
- Дебра!
Я поняла, что меня давно уже зовут и распахнула глаза, тут же зажмурившись от непривычной яркости. Я отвыкла от света? Так было однажды, когда я долго болела и не могла выносить яркий свет.
- Дебра!
Я осмотрела свою комнату, но никого не увидела. Голова была тяжелая и хотелось пить.
- Дебра, я знаю, ты меня слышишь!
- Девен!!!
- Наконец-то! Я боялся, что совсем тебя потерял. Несколько раз звал и бесполезно.
Его голос был слабый, но отчетливый. И я почти не чувствовала его самого.
- Ты где?
- У себя дома. Мне только недавно удалось прийти в себя настолько, что могу разговаривать с тобой.
- Когда ты перестал отвечать, я подумала, что ты умер...
- Меня успели спасти.
- И ты еще не поправился?
- Скоро поправлюсь. Теперь все будет в порядке.
- И ты заберешь меня?
- Да, но это будет не так скоро, Дебра. Нам запретили летать в ваши края...
- Почему?
- Меня-то спасли, но при этом погибли двое... Их подстрелили ваши люди. Чтобы успеть, спасатели решили не ждать ночи и их заметили, когда они уже возвращались со мной.
От этих слов у меня заболела голова. Я поняла, что еще не выздоровела.
- Дебра! Что с тобой? Ты болеешь?
- Простыла под дождем. Когда летишь, то встречный ветер такой холодный...
- Ты летаешь?
- Да, у меня все получилось.
- А тебя никто не видел?
- Нет. Но я рассказала своей подруге.
- Дебра! Есть люди, которые охотятся за такими как мы! Будь очень осторожна!
- Она итак слишком много обо мне знает.
- А с простудой мы справимся легко. Я уже снова могу летать и лечить. Закрой глаза и полежи спокойно.
Так я и сделала и сразу же начала ощущать тепло, возникающее у меня внутри в середине тела. Оно разливалось по мне приятными убаюкивающими волнами. И когда волны дошли до горла то смыли всю боль, потом прокатились в голове, наполняя спокойным умиротворением. Эти волны одновременно разливались

по всему телу, и когда они захватили низ живота и мои бедра, я почувствовала неизведанное еще блаженство.
Вскоре я заснула как ребенок. А когда проснулась, то был уже вечер. В дверь кто-то постучал.
- Дебра, ты спишь еще?
- Пап? Заходи!
Непривычно это прозвучало. Отец всегда заходил, не спрашивая. Он выглядел обеспокоено.
- Как ты себя чувствуешь?
- Все прошло, пап! - в этом я была абсолютно уверена.
- Хорошо. Но я хотел бы знать, что за царапины покрывают твое тело? Хорошо, что я сам тебя уложил, и никто больше их не видел.
- Я побежала от Дики когда дождь начался, поскользнулась и упала в овраг.
- Да овраг же в стороне от прямой дороги! Как ты могла в него упасть?
- Пап, это царапины от веток куста в овраге, куда я упала. Об этот куст я и порвала платье.
Мое лицо потемнело от прилившей крови. Отец смотрел на меня так же как в прошлый раз, когда я объясняла ему происхождение синяка.
- Это уже не первое порванное платье, Дебра! - сказал он мрачно, - Совсем недавно было еще одно!
Я уткнулась в подушку и заплакала.
Потом почувствовала его большую руку у себя на голове.
- Прости, девочка, не плачь, прошу тебя!
Я повернула голову, взяла его руку и прижалась к ней лицом.
- Приехала твоя наставница. Если ты хорошо себя чувствуешь, то вставай, вы поужинаете вместе.
- Пап, я хочу научиться читать!
- Конечно! - он ласково улыбнулся и вышел.
Я легко выскочила из кровати. Настроение стремительно улучшалось. Чуть ли не взлетая, надела новое платье и побежала умываться.
Я вошла в обеденный зал, когда общий ужин уже заканчивался, и сразу увидела ее. Она приветливо смотрела на меня и улыбнулась одними глазами. Это мне понравилось. Отец сидел рядом с ней. Он махнул мне рукой, и я охотно подошла.
- Она еще буквально во всем девственна, - сказал он своей соседке.
В этот момент кто-то рядом с грохотом уронил на каменный пол кружку с пивом, и все вздрогнули, даже отец резко повернул голову. Но только не моя новая наставница. У нее было уже не молодое, но очень привлекательное лицо с тонкими чертами. Чем-то она напоминала большую дикую кошку, которую я однажды видела в зверинце, когда удалось побывать в городе. Эта кошка лениво и мягко ходила по клетке, казалось, ничего не замечая вокруг, но когда кто-то из зрителей хотел подразнить ее и просунул палку, молниеносно метнулась и через прутья лапой достала его руку, сорвав перчатку страшными когтями.
- Дебра! - отец вернул меня в реальность, - это матушка Милона, твоя наставница.
- Здравствуй, матушка Милона, - скромно сказала я.
Она досадливо махнула рукой.

- Не нужно "матушка"! Здравствуй, Дебра!
Я села рядом с ней, мы начали разговаривать так, как будто давно знали друг друга, и она давно уже привыкла подсказывать мне как нужно вести себя за столом.
Я и не заметила, как все разошлись, и мы с ней остались вдвоем, болтая совершенно на разные темы. Что удивительно, я чувствовала себя на равных, но отношение было как к опытной подруге, которая посвящала меня во что-то новое.
А потом, уже в моей комнате, мы болтали еще очень долго. Между делом, как бы играя, она показала мне, как просто складываются буквы в слова, я даже запомнила многие из них.
Когда она, наконец, ушла, я вдруг почувствовала, как устала.
Я хотела уже ложиться, как вдруг раздался шорох. Под дверью лежала полоска желтой бумаги. Почему-то мне это показалось забавным, и я тихо рассмеялась, когда услышала звук убегающих ног. Я подошла и с любопытством подняла записку. Теперь я знала многие буквы, но здесь они оказались такими искаженными, что я ничего не смогла разобрать и досадливо наморщилась. Потом разочаровано сунула листок в карман.
В голове что-то творилось. То новое, что я узнала, начинало непослушно проявляться. То одна мысль возникала внезапно, то другая. Я смотрела на старые знакомые вещи, но видела в них много нового. Это немного пугало. Три толстые свечи ровно горели, изредка по очереди потрескивая, и вздрагивающее пламя заставляло трепетать тени. И большие часы, которых я почти никогда не замечала и звука которых почти не слышала, вдруг начали тихо и низко отстукивать вязкое время. Это время все более замедлялось, стук часов становился реже и значительнее. Мне стало страшно. Казалось, что я схожу с ума. Я с ужасом легла в кресло и закрыла глаза.
- Дебра!
Я с облегчением узнала далекий зов Девена. И наваждение исчезло.
- Девен! Привет!
- Привет, Дебра!
- Ты испугалась чего-то?
- Спасибо, Девен, теперь все хорошо!
- Я чувствую, ты уже здорова!
- Да, ты так хорошо меня вылечил!
- Ты немного устала?
- Сегодня у меня появилась новая наставница, и мы много с ней говорили.
- Покажи мне ее?
Я сразу поняла, что он имеет в виду и живо воскресила в своем воображении свою наставницу.
- Очень интересно, - задумчиво сказал Девен, - похоже она не пощадила тебя и сразу дала слишком много. Если хочешь, я помогу тебе справиться.
- Хочу, Девен, а как? Опять будет то тепло?
Я проговорила это и сразу же пожалела о своей несдержанности, но Девен или пощадил меня или не заметил ничего необычного.
- Тебе понравилось?

- Да.
- Тогда закрой глаза и постарайся ни о чем не думать.
Я с невольным волнением ждала этого, и волна наслаждения, которую я испытала, вновь застала меня врасплох.
Когда я пришла в себя, усталость исчезла, и мы долго говорили с Девеном. Он показывал мне картинки своего мира и рассказывал про него много необычного. Мне так не хотелось расставаться, но пришло время, и он попрощался. Вскоре я заснула.

Утром я сразу вспомнила, что сегодня Мигус собирался заехать за мной.
И Мигус не заставил ждать. Я поняла это, еще не открыв глаза, когда расслышала оживленные голоса и шум. Мне очень хотелось снова попасть в город. Он был красивым, грандиозно большим и манящим. В нем было много необычного и красивого.
Я вскочила и торопливо оделась.
Но за мной почему-то не заходили. Я открыла дверь на террасу. Холодный ветер заставил меня зябко поежиться. Я оделась теплее и вышла посмотреть на море. Когда смотришь на море, время течет незаметно.
Наконец, позади раздались шаги, и я обернулась. Это была моя наставница. Она недовольно морщила нос от утреннего холода и прижимала к груди края теплой накидки.
- Ты недавно болела, Дебра, - сказала она неодобрительно.
- Здравствуй, Милона! - чуть поклонилась я.
- Здравствуй, Дебра!
- А Нури называла меня Деби, - тихо сказала я.
- Ты скучаешь по ней?
Я прислушалась к своим чувствам.
- Уже не очень...
- Ах, Деби, - она нерешительно вздохнула, - как бы тебе сказать... этот Мигус... ты же поняла, что он приехал утром?
- Да...
- Я была там. Он разговаривал с твоим отцом. Долго разговаривал, и я видела, как твой отец был не очень-то этим доволен. А потом отец подозвал меня и спросил мое мнение: достаточно ли ты уже взрослая, чтобы выйти замуж.
У меня, наверное, чрезмерно расширились глаза. Наставница смотрела в них как завороженная.
- И.. и что ты ему ответила?
- Ну, я сказала, что ты совсем еще девочка. Что тебе еще многому нужно научиться и что ты совсем еще не готова.
- Спасибо Милона...
Наставница досадливо поморщилась.
- Ты плохо знаешь мужчин, Деби, - она печально вздохнула, - если они и выслушивают женщин, то только для того, чтобы сделать наоборот.
- И когда они хотят...
- Прямо сегодня, Деби.
У меня все похолодело внутри.

- Разве так можно? - спросила я дрогнувшим голосом.
- Это не по правилам, все знают, что так не делают. Но я поняла, что твой отец очень хочет, чтобы ты стала мужем Мигуса, а тот, кажется, совсем потерял голову.
Она чуть презрительно усмехнулась. Потом с жалостью посмотрела на меня. Ох, Деби!
Она осторожно стерла слезу с моей щеки, обняла меня за плечи и повела с террасы.
- Пойдем в комнату, здесь так холодно!
- А я действительно не готова, Милона?
Она удивленно посмотрела на меня и опять вздохнула.
- Знаешь, Деби, должна тебе сказать, что женщина всегда готова к этому. Об этом позаботился Бог.
- Но я не хочу!
Я не выдержала, заплакала и Милона прижала меня к груди.
А потом как-то сразу успокоилась. Я вспомнила Девена, и все остальное показалось мне не заслуживающим волнений. Нужно просто позвать его, как только останусь одна.
Поколебавшись, я достала записку.
- Милона, я так и не смогла разобрать, что здесь за буквы. Они совсем не похожи на те, что ты мне показывала.
Она чуть прищурилась, моментально прочла и звонко рассмеялась.
- И что за мальчишка это написал?
- Я не знаю. Он просунул ее под дверь и убежал. А что там написано?
- Тут с множеством ошибок написано, что он страшно любит тебя и не может без тебя жить. И если ты не придешь сегодня утром к белой скале, то он бросится с нее вниз.
- Ужас! А почему же ты засмеялась?
- Все мальчишки пишут такое. Не стоит обращать на это внимание.
- А здесь? - я достала затрепанную старую записку и расправила ее.
- Да то же самое. Вот видишь? Он не бросился! Давай-ка переоденем тебя. Все-таки придется идти, раз отец позвал. Никуда не денешься.
Мы провозились довольно долго с моими волосами. Я надела подаренное мне платье.

Все оказалось не так уж страшно. Я только заметила, что сквозь обычную приветливую любезность у Мигуса проскальзывало тщательно скрываемое волнение. Но его манеры были так приятны и естественны, что напряжение вскоре почти оставило меня. Меня успокаивало и то, что я могу позвать Девена и поговорить с ним.
- Дебра, - сказал мне отец очень серьезно, - Мигус - очень уважаемый и известный человек, которому все доверяют. Я тоже ему полностью доверяю и считаю, что тебе очень повезло. То, что Мигус хочет, чтобы ты теперь жила у него, тоже имеет определенный смысл. Я хочу, чтобы и ты доверилась этому человеку. Он никогда не сделает тебе ничего плохого.
Я молча стояла и слова пролетали вокруг, почти не оставляя следа.

Потом мы сели за стол, и опять моя наставница была рядом со мной. Но вокруг чувствовалась какая-то неуловимая напряженность. Все старались делать вид, что все идет, как полагается.
Наш повар был совсем задерган этим ранним пиршеством. Ему помогали двое загнанных мальчишек. Повар постоянно ворчал и придирался к ним. И когда за нашими спинами произошла очередная головомойка, я вдруг явственно услышала мальчишечье оправдание:
- Я не виноват, что этот чертов Линас с самого утра куда-то исчез!
Линас - тот самый мальчишка, что однажды приносил еду в мою комнату.
Мы с Милоной невольно переглянулись.
Время тянулось невыносимо. Мигус решил возвращаться со своими же лошадьми и нужно было дать им отдохнуть.
А потом все как-то сразу заторопились. Отец успокоил меня, что сегодня же я снова вернусь домой и завтра успею собрать свои вещи.
И вот я уже сижу в огромном экипаже, пахнущем кожей и деревом, а напротив полулежа расположился человек, который собирается стать моим мужем. Интересно, почему мужчины так любят сидеть на спине? Ну, не самой спине, а съехав почти на край сидения и упираясь в спинку лопатками.
Минут через десять мы остановились у замка Дики. Бегом напрямую я бы давно там была. Мигус подал мне руку, и я спрыгнула на траву.
Нас встретили с печальными лицами. И когда отец Дики, как положено, поздоровался с нами и начал рассказывать, то у меня сердце готово было выпрыгнуть из груди. У белой скалы Дика нашла листок бумаги, прижатый камнем, со словами: "Я любил тебя больше жизни, Дебра.".
Я с ужасом думала о том, что она там вообще делала? Чтобы пробраться к белой скале, нависающей из скальной стены над морем, нужно идти по карнизу, путем, который знают только местные жители. Это достаточно безопасно, но туда очень редко ходят. Зачем? Она могла пойти туда, только потому, что читала мою первую записку. Неужели она с тех пор каждый день ходила туда по утрам? Чтобы подсмотреть не приду ли я?
А под скалой волны били о камень тело Линаса.
Я ловила неприязненные взгляды. Дика избегала подходить ко мне и отводила глаза. Мигус довольно долго разговаривал о чем-то с отцом Дики. Наконец, мы снова сели в экипаж и тронулись. Некоторое время Мигус задумчиво молчал, потом хмыкнул в усы и улыбнулся мне.
- Знаешь, Дебра, я не хочу тебя расстраивать, но тебе полезно все же знать то, что о тебе думают твои земляки.
Я молча смотрела на него, ожидая продолжения.
- Все это, конечно, ерунда, но таких людей переубедить трудно. И, получается, что прямо судьба, что я увожу тебя именно в такой момент.
- В какой момент? - не выдержала я его очередной многозначительной паузы.
- Видишь ли, такое совпадение: я, по их мнению, потерял голову, околдованный твоими чарами и вот сегодня погиб этот мальчик от любви к тебе, тоже значит околдованный. Да еще у тебя такой необычный вид.
У меня заныло все внутри от тяжелого предчувствия.
- Твоя подружка, Дика, утверждает, что видела, как ты летаешь.

Что-то произошло с моим лицом такое, что Мигус с интересом уставился на него.
- Она утверждает, что не хотела говорить, но когда увидела, что ты погубила Линаса... О, Дебра, прошу тебя!
Он торопливо достал платок, сильно пахнущий какими-то цветами, и вытер слезы с моего лица. Что-то часто я не сдерживаюсь...
- Конечно не ты его погубила! Мне-то это не нужно доказывать. Так утверждает твоя подруга. И к сожалению, - он помолчал, и я начала бояться эти его паузы, - теперь в этом убеждены твои земляки. Они собирались даже испытать тебя, - Мигус вновь замолчал, и я побелела от ужаса, - но я не дал им это сделать.
Я знала это испытание. Теперь у меня не было пути назад.
Единственное, чего мне хотелось сейчас, это чтобы дорога никогда не кончалась. Мне страшно было думать о том, что меня ждет. Мигус молчал уже долгое время, глядя в окно. В его отношении ко мне что-то изменилось. Он стал увереннее и вместе с тем утратил многое из своей обходительности. Меня уже раздражала его манера сидеть на спине. Я тоже смотрела в окно на новые для меня места, но они были однообразны.
Почему он приехал за мной один? Разве так принято? И каким образом я стану его женой? Я начала смутно вспоминать брачные обряды и с удивлением обнаружила, что почти ничего о них не знаю.
Начали появляться большие богатые дома, и мое волнение возросло. Мигус нетерпеливо заерзал, посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся.
Проехав через лабиринты улиц, грохочущих от множества повозок, мы свернули под высокую арку, пронеслись по прямой как стрела аллее к большому дому и остановились у парадных ступеней.
Мигус легко выпрыгнул и подал мне руку.
- Теперь ты будешь здесь жить, - просто сказал он, - это твой дом.
Я почти ничего не различала по сторонам. Видела только огромную деревянную дверь перед собой, низенького человека в странной одежде, с застывшей улыбкой на лице около этой двери. Мигус даже не взглянул на него, когда мы вошли в дом.
- Я не хочу! - неожиданно для самой себя сказа я незнакомым голосом и оцепенело остановилась посередине большой комнаты.
Мигус удивленно посмотрел и чуть поднял одну бровь. Потом вздохнул, улыбнулся и шагнул ко мне. Я отступила, чувствуя, что еще немного и побегу.
- Дебра! - он вдруг присел передо мной как перед маленькой девочкой, - здесь тебе ничего не угрожает. Нужно отдохнуть, подумать обо всем, а потом ты сама решишь, как тебе будет лучше. Хорошо?
Я молчала. В голове вообще не было мыслей. А было как-то нелепо смотреть на него сидящего передо мной. И все стало опять безразлично. Я кротко вздохнула.
- Извини, Мигус.
Он провел меня в довольно уютную комнату и сказал, что теперь это комната моя. Пожелал мне хорошо отдохнуть. Как только он вышел, мне принесли еду. Здесь оказалось много новых фруктов, и я их попробовала.
Нужно было привыкать к новой жизни. Я уселась в кресло, прислушалась, потом привычно позвала Девена. Тишина. Меня начал сковывать ужас. Вот этого я не вынесу. Я звала изо всех сил, но напрасно. Надкусанный фрукт выпал у меня из

руки. Нужно успокоиться. Все будет хорошо. Я устала и потеряла чувствительность. Только и всего. Я улыбнулась сама себе и по щеке скатилась слезинка.
Потом я закрыла глаза и, наверное, действительно слишком устала от всего потому, что проспала несколько часов. За окном стемнело. Мне срочно нужно было найти место, где можно было бы справить свои потребности. Я встала, растеряно посмотрела по сторонам и направилась к двери и выглянула.
Там неподвижно и молча стоял человек.
- Мне нужно выйти... - начала было я. Человек тут же кивнул головой и дернул какой-то шнурок.
Я стояла в нетерпеливом ожидании, но больше ничего не происходило.
- Могу ли я...
В это время раздались мягкие шаги по ковру, и из-за поворота показалась женщина. Она приветливо улыбалась, и я сразу почувствовала себя свободнее. Ее звали Стела. Все мои проблемы были моментально разрешены. Я попросила ее остаться со мной, и мы разговаривали до самого ужина. Стела хотела было уйти, но я попросила ее разделить со мной еду и она, чуть поколебавшись, согласилась. Потом мы ходили по дому, и она мне все показывала. Она была очень проста в обращении и приятна. Мы совсем подружились. Мне не хотелось расставаться, чтобы снова остаться одной. Но когда все же это случилось, и я с замиранием снова напрасно звала Девена, то мне стало по-настоящему плохо.
Вскоре снова пришла Стела и повела меня купаться. Такого большого и красивого бассейна с теплой пахучей водой я никогда не видела. Стела раздела меня и, несмотря на мои протесты, сама искупала. Потом она накинула на меня свободное как халат платье и, отведя в мою комнату, попрощалась.
Спать больше не хотелось, и я просто сидела в кресле, погруженная в тоскливые мысли.
Время тянулось невыносимо. И поэтому я даже обрадовалась, когда в дверь постучали, и вошел веселый, чем-то возбужденный Мигус.
- Дебра, дорогая моя! Ты так и сидела здесь одна, бедненькая?
- О нет, Мигус, я познакомилась со Стелой, и мы долго болтали с ней.
- Хм. Стела - твоя служанка, а не подружка. Но, впрочем, как знаешь. Извини, я хотел зайти пораньше, как только ты отдохнешь, но приехали друзья...
- Мигус...
- Да, дорогая?
- Я не понимаю... Кто я здесь?
- О, Дебра, ты - моя жена.
- Но ведь приняты какие-то обряды, люди как-то должны узнать об этом. А даже приехавшие друзья...
Мигус терпеливо вздохнул и стал серьезнее.
- Не совсем так, дорогая Дебра. Главное слово говорит ОН, - Мигус выразительно взглянул на потолок, - ведь ничего не происходит без его воли, а все остальное - лишь мирская суета. Разве не по его воле я появился в самый нужный момент, чтобы спасти тебя?
Он помолчал, потом ласково улыбнулся как маленькой девочке.
- Ты, безусловно, будешь представлена. Но все должно происходить по

определенному порядку. Ты согласна, дорогая? Всему свое время.
Я растеряно молчала. Только позже мне стало известно, что по законам этой страны женщина не может вступить в брак в моем возрасте. Но то, что Мигус по сути прав и действительно очень вовремя появился, потрясло меня именно сейчас. Мне показалось, что это и есть судьба. И, может быть, эта судьба больше не хочет моего общения с Девеном. А Мигус любит меня.
Я почувствовала благодарность и даже желание принять эту судьбу. Я умею быть благодарной.
- У нас в городе поздно ложатся спать, дорогая. Но ты успела отдохнуть, поэтому будет не трудно привыкнуть к нашему укладу. Я хочу предложить тебе отведать со мной прекрасный напиток, который изготовляет только мой повар.
Он подал мне руку, и мы вышли.
В небольшой очень уютной комнате горели две высокие свечи, приятно пахло душистым незнакомым дымком, перед пышным диваном стоял невысокий столик с фруктами и изящными графинами. Я чувствовала себя как во сне. Все казалось нереальным. Мы сели на диван рядом. Мигус налил в бокалы напиток и подал мне. Я осторожно понюхала и с облегчением не обнаружила винный запах. Напиток был очень приятен. Мигус объяснил, что его готовят из меда и трав. Кровь слегка прилила к лицу, и я почувствовала себя свободнее.
Мигус начал рассказывать о себе. Это оказалось интересно, а в некоторых местах так забавно, что я не могла удержаться от улыбки. Время проходило незаметно, и вскоре я обнаружила, что мы свободно беседуем уже безо всяких условностей.
Мы пили напиток еще и еще. Мигус рассказывал, как проводят местные женщины время, про праздники и балы. Когда я призналась, что не умею танцевать, он радостно вскочил, протянул мне руки и принялся показывать какой-то простой, медленный танец. Это было необычно и понравилось мне. Потом, непонятно как, я очнулась уже в его объятиях, мы страстно целовались, и у меня кружилась голова от счастливого возбуждения. Мигус был очень нежен и ласков. Я уже любила его всем сердцем. Это было так прекрасно и так необычно. Он целовал меня, мою шею, мои плечи и обнажившуюся грудь, а я, не чувствуя никакого стыда, с блаженством принимала его ласки и неумело отвечала на них. Потом мы были уже обнаженные, на диване и на мгновение у меня шевельнулись сомнения: то, что он хотел делать, было не понятно мне. Но голова кружилась от его ласкового шепота, и от счастья я готова была всю себя отдать ему, и невыразимое возбуждение, немного похожее на то, что я испытала, когда Девен лечил меня, помогло не заметить боль.
Я проснулась после странного сна. Что-то творилось в моей голове. Мигуса рядом не было. Я спала одна все на том же диване, накрытая мягким шерстяным одеялом.
Свет пробивался сквозь тяжелые шторы. Мне не хотелось вставать. Внизу живота слабо пульсировала боль. Теперь я вспоминала то, что произошло вчера, с непонятным отчуждением. Меня слегка поташнивало.
Я встала и с накатившей брезгливостью принялась приводить себя в порядок. Потом вышла из комнаты. В коридоре никого не было. Стояла такая тишина, что казалось: здесь никто не живет.

Стало очень неуютно, и вскоре я вернулась в комнату, где провела ночь. Плотный несвежий запах заставил замедлить дыхание. Как же я здесь спала? Нелепой насмешкой промелькнуло воспоминание о том, как я летала. Даже пытаться не стоило: я точно знала, что взлететь не смогу. Мне с ужасом казалось, что я вообще больше никогда не смогу летать и, наверное, уже не смогу уловить и зов Девена, даже если он будет стараться изо всех сил.
Я подошла к столу и рассеяно взяла нож, лежащий рядом с фруктами. Тяжелая костяная рукоятка с красивыми золотыми узорами и острое лезвие странной формы. Я поднесла его к своей шее и чуть вдавила в кожу. Я не собиралась убивать себя. Мне стало как-то все равно.
И тут вошла Стела.
- Дебра, милая!.. - она поспешно подошла и осторожно вынула нож у меня из руки.
- Глупая девочка... стоит ли из-за таких пустяков...
Она обняла меня, и я спрятала лицо у нее на груди. Как не часто я могла вот так обнять человека, который мне сочувствовал!
Мы вместе с ней искупались в бассейне, и ей удалось заразить меня своей веселой беззаботностью. Мне уже не казалось все таким мрачным.
Когда мы вдвоем приканчивали мой завтрак, вошел Мигус и чуть поднял бровь, покосившись на Стелу. Та тут же встала и молча вышла.
- Здравствуй, моя дорогая!
- Здравствуй, Мигус!
- Я знаю, ты немного обиделась на меня, что я вот так ушел. Прости, как раз этой ночью я должен был встретиться с одним человеком. Это очень важно.
- Да, Мигус.
- Но теперь я полностью твой, и мы сегодня поедем в город не по делам, а развлекаться!
Он улыбнулся. Ничего не скажешь, мне очень нравилась его улыбка. А то, что мы едем в город, нравилось еще больше. И я тоже улыбнулась ему.
Он с довольной уверенностью взял меня за плечи и коснулся губами моего лба.
Стук колес нашего экипажа, его скрип и запахи показались мне слишком сильными. Небо было голубым, и прохладный воздух врывался в открытое окно. Солнце стояло уже довольно высоко и быстро прогревало все вокруг. Мигус заметил мои развевающиеся волосы и заботливо прикрыл ставню.
Сначала мы приехали в парк, где жило множество необыкновенных животных. Невиданные мной птицы летали в огромных проволочных сетках, по дорожкам прямо среди гуляющих людей бродили странные чудовища, а в прочных бронзовых клетках сидели страшные и грациозные хищники. В других клетках были звери, очень похожие на людей, только обросшие шерстью.
Мигус посадил меня на удивительное животное с двумя большими горбами на спине. Сидеть было очень удобно, а животное передвигалось размеренно и плавно.
Потом мы ходили в лабиринтах густых зарослей среди свисающих ленивых от непривычной прохлады толстых змей, кричащих и резво прыгающих по веткам зверушек, пока не оказались около еще одного птичьего вольера.
Сначала мне показалось, что он пуст, но вдруг откуда-то сверху прилетело

небольшое гибкое и голое существо. Оно плавно опустилось на грязный от мусора и объедков пол. Я замерла, взглянув в большие желтые глаза. Крыльев у него не было. Он летал так же как я. Только почему это ему удавалось делать в клетке? Неужели настолько смирился с этим?
Я схватила Мигуса за руку и сжала его изо всех сил.
- Мигус, кто это?!
- Да, дорогая, это действительно очень необычная тварь. Представляешь, оно летает без крыльев!
- Но это же человек!
- Ну, что ты, дорогая! Оно похоже на тех забавных обезьян и говорить совсем не умеет. Только издает довольно неприятные звуки.
Я отчаянно настроилась и мысленно позвала этого человека. Тот сильно вздрогнул и в немом изумлении уставился на меня.
- Ты??? - раздался почти непереносимый крик в моей голове, - Кто ты? И почему их не боишься?
Мигус удивленно смотрел, как мы оцепенело уставились друг на друга. Потом у меня все поплыло перед глазами, и я очнулась на руках у Мигуса.
- Дорогая, наконец-то! Сейчас все будет хорошо! Он внес меня в небольшую комнату и осторожно посадил на диван.
- Тебя почему-то так сильно взволновала эта тварь!
- Мигус, это человек! - слабо сказала я.
- Ты ошибаешься, дорогая! Наши ученые давно уже знают этот вид и хорошо его исследовали. Я, правда, не очень-то разбираюсь в этом, но читал. Эти твари не стесняются своей наготы, не разговаривают, на них все заживает как на собаках.
Я помолчала, и мне стало страшно. Что если какой-то знаток опознает во мне этот вид? Лучше ничего больше не говорить. И я сдерживала свои мысли, чтобы снова не оказаться с этим человеком. Мне было невыносимо жалко его.
- По правде говоря, - продолжал Мигус, - я сам в первый раз его вижу. Оно очень редко появляется на людях. Не проголодалась ли ты, дорогая? Здесь рядом одно из моих лучших заведений.
И вскоре мы оказались в очень уютном трактире, поднялись наверх в отдельную комнату, нам тут же зажгли две высокие свечи и подали еду. Мигус, как я заметила, очень любил сидеть при свечах, даже если освещения было достаточно. Таких вкусных блюд я никогда еще не пробовала.
Потом Мигус привез меня на ярмарку. Мы долго ходили и смотрели на товары. Мигус покупал все, что вызывало у меня интерес. Казалось, что все продавцы знают его, они даже не спрашивали, куда нужно отвезти купленное.
Рядом стоял цирк и Мигус купил билет на представление. Это оказалось необыкновенно здорово. Я забыла все, что печалило меня, с замиранием, невольно вскрикивая, смотрела на трюки акробатов и смеялась над проделками клоунов. Вдруг клоун увидел Мигуса и бесцеремонно вытащил его на сцену. Я с удивлением и с восторгом смотрела, что Мигус ведет себя нисколько не менее артистично, чем сам клоун и у него получались веселые импровизации. Я чувствовала гордость за своего мужа и нежность к нему. И он это почувствовал, как только увидел меня, вернувшись на свое место. Его лицо осветилась неподдельным счастьем.

Поздно вечером мы вернулись в дом, и Стела искупала меня перед ужином. Свежий и веселый Мигус влетел ко мне, и мы пошли ужинать в ту самую комнату. Я попросила его не зажигать палочки с удушливым дымом. У меня не осталось и следа скованности в его присутствии, но предстоявшее все еще пугало меня, хотя и волновало тоже, и я старалась выпить как можно больше медового напитка. Потом, когда я начала глупо хихикать над всем, что Мигус говорил мне, хотя полностью осознавала нелепость такого поведения, он обнял меня, и повторилось то же, что было вчера.
Это повторялось каждый вечер. Я просыпалась рано, но чувствовала усталость, которая накапливалась во мне. Я с тоской вспоминала прошлое, вспоминала море и как я летала. А сейчас я казалась себе тяжелой и неуклюжей. Много раз я отчаянно пыталась взлететь, но, как в детстве после счастливых снов, только напрасно подгибала коленки.
И однажды я сказала Мигусу, что больше не могу. Он озадачено посмотрел на меня, не веря ушам. Потом чуть улыбнулся и осторожно взял мой подбородок двумя пальцами.
- Но почему, дорогая?
- Я устала, Мигус. Это постепенно убивает меня...
- А я-то воображал, что тебе нравится быть со мной!
Он резко убрал руку, повернулся спиной и обижено замолчал, совсем как мальчишка.
- Мигус, прости меня, ты не сделал мне ничего плохого, но ведь ты даже никогда не спрашивал, хочу ли я этого...
- Что?! - он резко повернулся ко мне, и я не узнала его лицо.
- Что ты говоришь, дорогая?! Да если бы ты мне сказала, что не можешь меня выносить, я не прикоснулся бы к тебе!
Он помолчал, сглотнув.
- Я, конечно, не отправил бы тебя к твоим родным на растерзание, но не посмел бы причинять тебе неприятности!
Я с изумлением увидела слезинки в его глазах и вдруг поняла, как он меня любит. У меня все перевернулось внутри от жалости и раскаяния. Я бросилась в его объятия.
- Прости, Мигус! Я не говорила, что ты не нравишься мне! Прости, я немного устала...
- Конечно, дорогая! - он принялся порывисто целовать меня, и я отвечала ему.
- Прости и ты меня! Я бываю таким идиотом!
Этим вечером я снова была с ним, но все было уже по-другому. Я не стала пить медовый напиток и старалась, как могла, возместить ему свою ласку. И была счастлива.
Утром я проснулась поздно и свежей, какой уже давно не была.
- Дебра!
Я удивленно посмотрела, но Мигуса рядом не было. Да он почти никогда не называл меня по имени.
- Дебра!
- Девен!!!
- Наконец-то, Дебра! Я так рад!

- Куда ты исчез, Девен?!
- Я зову тебя уже несколько дней подряд, Дебра! Но ты права, мне пришлось улететь очень далеко, и поэтому мы не могли общаться. Прости, я хотел тебя предупредить, но ты не услышала меня.
- Да, наверное... Знаешь, у меня сейчас такая жизнь, что я потеряла почти все свои умения.
- Тебе плохо?!
Я непонятным удовлетворением почувствовала его тревогу за меня.
- Не волнуйся так, Девен, уже все хорошо.
- Расскажи, что случилось?
- Даже не знаю, как сказать. Меня выдали замуж, Девен.
- Ох...
- А родные теперь считают меня ведьмой, и я уже никогда не смогу вернуться в свой дом.
- Ты любишь его?
- Знаешь, Девен, я не понимала его, но буквально вчера увидела, как он сильно меня любит...
- И теперь ты вполне счастлива, - заключил он, и я почувствовала его плохо скрываемую печаль.
- Девен, я очень обрадовалась, когда снова услышала тебя.
- Дебра! Я заберу тебя, как только смогу!
- Мы даже еще не видели друг друга, Девен.
- Не видели?! Дебра, мы видели друг друга гораздо глубже, чем могут видеть люди, которые тебя окружают! Разве ты не чувствуешь, как мы нужны друг другу? Это невозможно скрыть!
- У меня все в голове переворачивается!
- Я это вижу, Дебра... Не волнуйся, прошу тебя. Все встанет на свои места.
- Девен, здесь в городе есть человек, такой же как мы. Его посадили в клетку и показывают вместе с другими зверями.
- Да, такое случается. Ты хочешь ему помочь?
- Конечно!
- Я уже говорил, что нам запретили летать в вашу страну. Даже тебя забрать будет очень непросто. Но я все сделаю для этого.
Мы долго не могли отпустить друг друга. Но вошла Стела, и я торопливо попрощалась с Девеном.

Со Стелой мы давно уже общались запросто, как подружки. Она рассказала мне много полезного о семейной жизни. А теперь выпытывала, расспрашивая, почему я вдруг стала такой задумчивой. Меня же разрывали на части противоречия. Я поняла, что Мигус мне далеко не безразличен, но еще сильней меня тянуло к Девену. Он был прав, говоря, что мы нужны друг другу. Как же я смогу теперь быть в этот вечер с Мигусом? Я не могла найти выход и начала уставать от этих раздумий.
Мигус с утра уехал по делам, и мы со Стелой развлекались тем, что она обучала меня игре в карты. Потом мы вышли гулять в парк и до обеда сидели в беседке, разговаривая. Я быстро узнавала много нового о городе и особенностях жизни

здесь.
- Ты такая интересная и странная, Дебра! Но, наверняка, все тебе об этом говорят, извини. Я никогда еще не видела таких глаз!
- Моя мама попала сюда издалека...
- А откуда? Я знаю немало стран!
- Она умерла, когда я была маленькой, а отец не хотел говорить об этом, - вздохнула я, - и я вообще не знаю других стран. Даже еще писать не умею, а читаю с трудом.
- О, я научу тебя! Но, слышала, Мигус скоро найдет тебе учителей получше!
Мы возвращались по аллее с высокими деревьями, листва которых уже начала опадать. В этот день тучи закрывали небо, но было тепло. Показался фасад дома и тут со стороны ворот с грохотом примчался экипаж, кони резко остановились, дверца распахнулась, из нее выскочили двое и принялись осторожно выносить третьего. Я присмотрелась и поняла, что третьим был Мигус.
Мы со Стелой подоспели, когда двое слуг, держа Мигуса под руки, помогали забраться ему на ступеньки. Под правой ключицей одежда была пробита странной короткой стрелой и намокла от крови.
Я не могла ничего говорить от потрясения.
- Что случилось? - спросила Стела.
- В него стреляли из арбалета.
- Но зачем?! - наконец воскликнула я, - поднимаясь по ступенькам следом.
Один из слуг, повернул на секунду ко мне голову и криво хмыкнул.
- У Мигуса достаточно врагов в этом городе, которые желают его смерти! - сказал он.
Мигуса уложили, и я сидела рядом, держа его за руку. У меня в глазах стояли слезы, он нежно улыбался мне, хотя я видела, как ему больно.
Вскоре приехал врач. Он мельком взглянул на меня, потом посмотрел более внимательно и с явным удивлением. Мне захотелось раствориться в полумраке теней этой комнаты под этим взглядом из-под косматых бровей.
Врач подошел, двумя пальцами осторожно откинул покрывало.
- Хорошо, что не пытались снять одежду! - сказал довольно. Он вытащил ножницы из своего чемодана и, разрезав одежду, осмотрел рану.
- Ничего страшного, - заявил он. Легкое не повреждено, стрела прошла выше. Он заставил Мигуса выпить рома, выгнал всех из комнаты и принялся за операцию. Я стояла за дверью и вздрогнула, когда услышала звук ломаемого древка стрелы и как вскрикнул Мигус. Потом еще несколько раз раздавался его подавленный стон и, наконец, врач вышел.
- Все в порядке. На редкость удачно получилось. Повязку не трогайте пять дней. Потом я снова приду. Ему можно ходить, но сегодня и завтра пусть полежит. Ром больше не давайте.
Он снова задумчиво взглянул на меня и ушел.
Я подошла к Мигусу и вытерла его мокрый от пота лоб. Глаза его были широко раскрыты, и взгляд бегал по комнате. Наконец, боль немного отпустила, и он ухватил мою руку. Я сжимала его горячую ладонь и с какой-то грустью сознавала, как он мне не безразличен.
- Прости меня, дорогая!

- За что, Мигус?
- Меня могли ведь убить, а я еще так и не позаботился о тебе!
Он дернул за шнурок и велел немедленно привести нужных людей. И эти люди приехали очень быстро. Они писали много и долго на очень красивом большом листе бумаги. Я слушала то, что Мигус обсуждал с ними, и у меня стыло все внутри. Потом вдруг возник спор о том, что Мигус сейчас пьян и болен. Но он заставил проверить себя и на все вопросы отвечал быстро и правильно.
От завещал мне в случае его смерти все, что имел безраздельно. И только если у нас будут дети... Вот тут и начинались все сложности.
Я сидела рядом и держала его за руку, пока он не заснул.
Я легла в постель в своей комнате, впервые за все время пока была в этом доме, и не торопилась открыться далекому зову Девена, хотя чувствовала его. Я не могла понять себя, и мне было очень неуютно.
Но потом, почти не сознавая, поддалась желанию и ответила.
- Дебра! С тобой что-то происходит?!
- О да, Девен! Со мной все время что-то происходит, и я начинаю сходить с ума от этого.
- Расскажи, милая, может быть я смогу помочь!
Он сказал милая так естественно. Я знала, что это вполне обосновано теми чувствами, что мы испытывали друг к другу, и совсем не удивилась.
- Моего мужа ранили сегодня стрелой. Хоть врач и сказал, что ничего страшного, но было так страшно. И мне было очень жаль его, Девен.
- Конечно, Дебра, я понимаю тебя.
- Ты прав, Девен, мы чувствуем друг к другу большую симпатию...
- Это называется любовь, Дебра...
- Может быть... но... Девен! Пока тебя не было...
- Что, милая?
- Мой муж мне тоже очень дорог...
Некоторое время он молчал.
- Так бывает, я знаю. Не нужно пытаться делать какой-то болезненный выбор, Дебра. Все само решится вполне определенным образом.
- Ты понимаешь... когда тебя не было, я все время была с ним.
- Понимаю, милая...
- А я не понимаю, как мне теперь поступать дальше...
- Скажи, нам ведь хорошо вместе?
- Да, Девен!
- Но и с Мигусом тебе хорошо, только совсем по-другому?
- Да...
- Никто не властен над такими чувствами, Дебра. То, что происходит с нами, часто мало от нас зависит. Это и называется судьбой. И то, что произойдет дальше должно случиться естественно, без насилия. Не мучь себя. То, что ты испытываешь к Мигусу естественно, и тебе остается только следовать этому. Но это же касается и нас с тобой.
- Девен, но тебе будет, наверное, неприятно думать, что...
- Нет, Дебра, не так. Мы сейчас настолько полно можем понимать друг друга, что между нами уже нет таких барьеров. Я вижу все твои переживания и разделяю

их. Все будет хорошо, Дебра.
- Да, Девен, так полно я еще никого не понимала, и меня никто не понимал!
- О, Дебра, это еще не все, что мы с тобой умеем! Я хочу показать тебе свою нежность так, чтобы не только твой разум, но и тело почувствовало ее. Я хочу доставить тебе это удовольствие. Ты позволишь?
- Я не знаю, Девен...
И я почувствовала не только то, что заставляло нас с волнением и нежностью говорить друг с другом. Эта его нежность вдруг стала такой большой и осязаемой, что я невольно закрыла глаза от счастья. Меня окутала горячая волна его любви, и все внутри начало откликаться на этот зов. В благодарном восторге я собрала свою нежность и любовь, которые казались мне огромным розовым цветком переливающегося пламени, и послала это Девену. И он принял. Его восторг переполнил меня до краев, горячее пламя захватило меня и заставило застонать от неги, наполнившей мои груди и лоно. Мы горели в этом пламени вместе с Девеном, уже не в силах его погасить и мне никогда еще не было так хорошо.

Утром я проснулась с необыкновенно ясной головой и ощущением счастья. У меня исчезла эта неприятная двойственность и чувство вины. И отношение к Мигусу как бы заняло свое истинное место в моем сознании. Вообще, мне казалось, что все нашло свое место. Я попробовала взлететь прямо из кровати, и у меня это получилось!
Не дожидаясь Стелы, сама привела себя в порядок и пошла к Мигусу.
Я вышла из-за поворота коридора. К дверям Мигуса угрюмо прислонился совсем еще молодой стражник, который в унылой тоске занимался тем, что по очереди отрывал длинные лапки у несчастного паучка. Увидев меня, он тут же неуловимым движением подтянулся и, ни о чем не спрашивая, бесшумным движением приоткрыл дверь. Я вошла и сморщила нос от застоялого воздуха. Так пахнет в комнате, где лежит больной. Я уже знала запах болезни.
Мигус не спал. Его лоб опять был потным, а лицо бледным. Он улыбнулся мне.
- Здравствуй, Мигус!
- Здравствуй, дорогая!
Я вытерла ему лоб и села рядом.
- Мне кажется, что тебе стало хуже.
- Голова болит с ночи и знобит, - признался Мигус.
- Врач не говорил про это. Нужно вызвать его.
- Да, ты права. Сейчас распоряжусь. Как ты провела ночь, дорогая?
Я широко раскрыла глаза, не находя слов.
- Понимаю, извини. Ты волнуешься за меня, дорогая...
Он потянулся к шнурку.
Заспанный врач недовольно прошагал в дверь, тут же изобразил приличествующую любезность и попросил всех выйти. Даже меня.
- Оставь меня ненадолго, дорогая, - улыбнулся мне Мигус, - не думаю, что тебе понравится, как доктор будет осматривать меня.
Я встала у двери рядом с молчаливым стражем. Тот по началу стоял навытяжку, неподвижно уставившись перед собой. Потом понял, что я не собираюсь уходить

и слегка расслабился. Его глаза принялись блуждать по давно изученным маршрутам, пока на свою беду не попался еще один паучок на длинных лапках. Это какие-то ненормальные паучки. Я знала их с детства. Они не плетут паутину, и, кажется, не ловят мух. А мальчишки любят отрывать у них лапки и смотреть, как они дергаются сами по себе.
Стражник ловко поймал паучка.
- Зачем ты это делаешь? - спросила я возмущенно.
- Он удивленно посмотрел на меня.
- Что?
- Зачем ты отрываешь ему лапки?
Парень смутился и щелчком отбросил бедное насекомое от себя.
- Прости, я больше не буду.
После этого мы долго стояли молча, и парень недовольно сопел носом.
Дверь распахнулась, вышел врач, заметил меня, но только молча кивнул и быстро ушел.
Я вошла в комнату, уже пахнущую лекарствами.
- Доктор сказал, что у меня началось нагноение в ране, - грустно сообщил Мигус, - он прочистил ее и наполнил бальзамом. И еще вот, - он кивнул на столик со стоящей склянкой, - мне нужно пить это лекарство. Он говорит, что пока держится жар, болезнь может стать опасной.
- Как жаль, Мигус, - только и промолвила я с искренним сочувствием.
- Дебра!
Я невольно вздрогнула. Он ведь всегда называл меня дорогой.
- Что Мигус?
- Посмотри мне в глаза!
Я легко выполнила его желание.
- Да. Ты действительно похожа на...
Он замолк в нерешительности.
- На кого, Мигус?
- Врач сказал, что хорошо знает этих существ. Ну, которые летают. Он был среди тех, кто изучал их.
- Я похожа на них?!
Мое лицо потемнело и стало жарко.
- Извини, дорогая! - Мигус сморщился от боли в голове, - Я не хотел обидеть тебя сравнением с этими тварями. Просто это заметил врач и совершенно уверенно поинтересовался, почему я держу тебя, не оповестив власти об этом как это положено.
Ноги уже не держали меня, и я безвольно присела на край постели.
- Мне пришлось большими деньгами убедить его молчать. А большие деньги - это намек на смерть в случае невыполнения обещания.
Мигус снова поморщился и даже закрыл глаза.
- Ты веришь ему, Мигус?
Он снова с интересом посмотрел на меня.
- Дебра! А ведь твоя подруга Дика утверждает, что видела, как ты летаешь!
Я жалобно смотрела на него, чувствуя себя совершенно беззащитной. Он все прекрасно понимал.

- Поверь, дорогая, я люблю тебя. И это не оттолкнет меня. Я только еще больше буду любить тебя.
- Да, Мигус, я должна была это скрывать, но это правда...
- Ты, знаешь, Дебра, - печально сказал он, - это значит, что у нас не будет детей... Что у меня не будет наследника...
Я закрыла лицо ладонями скорее потому, что мне не хотелось быть настолько открытой и беззащитной. Мне стало все равно.
- Прошу, дорогая, только не плачь! Я не выношу этого! Все хорошо! Я люблю тебя!
Я заставила себя опустить руки и улыбнуться ему.
- Только тебе нужно быть осторожной. Нельзя одной без меня выходить в город. Мало кто знает так этих существ как этот врач, но такие есть.
- А ты, Мигус, теперь веришь, что в этой клетке был человек, а не глупая тварь?
Мигус вздохнул и, закрыв глаза на мгновение, ответил.
- Да... И мне стыдно за это...

Наконец-то у меня появился настоящий наставник-учитель. Его звали Шекол. Он поселился в нашем доме и почти все время занимался со мной. И, конечно, я с удовольствием узнавала все больше нового.
Мигус продолжал оставаться в постели. Жар не отпускал его. И я чувствовала какой-то стыд и раскаяние, за то, что это позволило мне ночами общаться с Девеном. Но я с нетерпением дожидалась ночи и жадно впитывала все, чем делился со мной мой любимый. Я боялась теперь даже думать о том, что будет, когда Мигус снова поправится. Но приходило утро и я, раздираемая беспокойством, бежала к Мигусу.
Вскоре я заметила, что на занятиях наставник начал с любопытством присматриваться ко мне. Я было испугалась, но причина оказалась не в том, чего я опасалась.
- Ты, Дебра, очень быстро все схватываешь! - как-то не удержался он от восклицания, - Нехорошо хвалить учеников, да это и не похвала твоему старанию. Ты как будто уже знаешь даже то, что я еще сказать не успел! Так мы управимся гораздо быстрее, чем ожидал Мигус!
Тут он слегка помрачнел, вспомнив и о своем интересе.
- Даже слишком быстро...
- О, не беспокойся, Шекол! - схватила я суть и этой мысли, - Я буду рада учиться и после того, как мы пройдем намеченное.
Открылась дверь и вошел, чуть пошатываясь, бледный Мигус.
- Дебра, дорогая! - он подошел ко мне, а я испуганно смотрела в его почти безумные глаза.
- Кажется, этот врач влил в мою рану расплавленный свинец!
Он тяжело сел на стул рядом и опустил голову, прислушиваясь к своей боли.
- Мигус! Зачем же ты встал с постели?! Ты мог позвать меня!
- Нет, дорогая, я хотел сам... - он помолчал, - Кажется, я не протяну и до конца недели. У меня кончаются силы, я чувствую это...
- Нет, Мигус! - я вскочила, и порывисто прижала его голову к себе, - Пойдем!
Я помогла ему подняться и, обнимая его, повела в его комнату.
С омерзением я отбросила мокрую от пота подушку в сторону, дернула шнур так,

что он оборвался и приказала испуганному стражнику распорядиться принести новое белье и подушки.
Я усадила обессилевшего Мигуса в глубокое кресло и уселась напротив.
- Мигус! Я сейчас буду лечить тебя. Мне нечего скрывать от тебя. Я никогда не пробовала, но знаю, как это делается. Доверься мне и просто закрой глаза.
На мгновение удивление оживило его лицо, он слабо улыбнулся мне и охотно закрыл глаза. Не сразу, но я нашла слабые отзвуки его чувств и соединилась с ними. И тяжелая волна крутящего изнеможения чуть не захлестнула меня. Но у меня уже был наготове широкий сноп теплого света. Я не задумывалась, где находится его неиссякаемый источник. Девен как-то показал мне его и научил пользоваться. И я принялась разгонять болезненный мрак и согревать тело Мигуса, вливая потоки жизненной силы. Я делала это снова и снова, удивляясь как неохотно отпускает болезнь его тело. И только когда тень болезни совсем растаяла, позволила себе вернуться в обычный мир.
Мигус безмятежно лежал с закрытыми глазами и свободно дышал во сне. Болезненный вид исчез с его лица. Я тихо встала, стараясь не потревожить его, и вышла из комнаты.
Вскоре я вполне пришла в себя, и мы с наставником вернулись к нашим увлекательным занятиям. Тот даже не спросил меня о самочувствии хозяина дома.
И вот, когда мы уже долго говорили о разных странах, Шекол вдруг начал рассказывать мне об далекой стране, в которую люди боялись плыть через море. Где живут странные существа, которых в народе называют ангелами. Я замерла, ловя каждое слово.
С шумом распахнулась дверь так, что мы с наставником вздрогнули одновременно. Веселый Мигус влетел в комнату и поднял меня из-за стола, обняв меня! Он приник к моим губам, совершенно игнорируя наставника, отчего тот вдруг посуровел, наконец, деловито встал и решительно похлопал Мигуса по плечу. Мигус заорал от боли, пронзившей его рану, и чуть не врезал по пухлой щеке обидчика. Но удержался и, уже со смехом проорал:
- Ты, неуклюжий книжный червь!
- О, прости, Мигус, я и забыл про твою рану, глядя как жизнь вернулась в твое тело так внезапно!
- Да, это действительно так! Думаю, на сегодня занятия закончены, Шекол!
Он взглянул на меня таким многообещающим взглядом, что мое лицо потемнело, и я растеряно посмотрела на наставника.
- О, Мигус! Мы остановились на самом интересном месте!
- Да? - Мигус чуть поколебался, - Я так тебе благодарен, дорогая, что... ну нет!
Он решительно махнул рукой наставнику, и тот поспешил удалиться. В тот же момент я оказалась в его объятиях. Это произошло не очень ловко, и он поморщился от новой боли, но тут же пришел в себя.
- Дорогая, ты бесценна! И не только потому, что ты так удивительно хорошо вылечила меня. Ты влила в меня столько жизни и радости! Пойдем и насладимся ей!
Внутренний протест нарастал во мне, но я ничего не могла сделать.
Мне казалось, что это продолжается бесконечно, и каждый победный рев Мигуса

все больше оглушал меня, пока я настолько не отяжелела, что даже шепот голосов замолк в моей голове.
Хотя этой ночью я спала одна, но уже не смогла почувствовать Девена. Мне вдруг стало так одиноко, пусто и тоскливо, что я заплакала.
На следующий день пришел врач, хотя его никто не звал. Увидев Мигуса, он удивился так, как будто увидел восставшего из могилы мертвеца.
- Что раскрыл рот, мерзавец? - с хохотом крикнул Мигус, - Как видишь, я подыхать не собираюсь! Да не твоими усилиями! Так что ты мне больше не нужен.
Мигус повернулся и собирался уйти.
- Да, не все знают, что манкари умеют лечить.
Мигус мгновенно развернулся к нему.
- Кажется ты еще не обзавелся телохранителями, доктор?
Тот побледнел, но выдержал взгляд.
- А ты, Мигус, еще не забыл судьбу святого ныне Хига?
- Ладно, пока мне проще заплатить тебе, но берегись!
Врач поклонился с кривой ухмылкой и ушел.
На занятиях я была очень рассеяна. Мне не хватало той энергии интуитивного восприятия, которая бывает только в состоянии особой легкости души. Мой наставник остался разочарован.
А ночью Мигус опять был со мной. Я стала еще тяжелее и печальнее. Но он, казалось, не замечал этого. Энергия изливалась из него, и ему казалось, что все вокруг должны быть так же счастливы.
Это продолжалось изо дня в день, пока без желанного общения с Девеном я от нарастающей тоски стала совсем вялой и кожа моя не посерела. Я давно уже не могла ухватить сноп светлой силы. Ничто не могло вернуть мне потерянного.
Вот тогда Мигус и заметил это. Да и то, лишь после того, как наставник поговорил с ним, заметив, что со мной что-то происходит серьезное, что не дает мне возможности учиться как прежде.
Теперь я лежала в постели почти все время, а он суетился вокруг, сам ухаживая за мной, и приводил одного врача за другим. Но ни один из них не мог найти у меня никакой болезни, и Мигус с яростью выгонял очередного. Теперь Мигус не спал со мной, и внутренний протест больше не иссушал меня.
Я еще не слышала шепота голосов, но однажды раздался беззвучный зов такой силы, что чуть не поднял меня с постели. Он оглушал, я не могла заслониться от него. Но необузданная радость охватила меня. Это был Девен.
- Девен! Ты где?!
- Наконец-то, Дебра! Что с тобой?!
- Я почти без сил.
- Я где-то рядом! Нам нужно найти друг друга и как можно скорее! Мне уже пришлось убить одного человека. Я не успею вернуть тебе силу! Они наверняка собирают охотников в эту минуту. Зови меня как только можешь!
Я старалась изо всех сил, но эти силы слишком быстро истекали. Но и Девен перемещался очень быстро. Я чувствовала его все лучше. Мое волнение нарастало и становилось невыносимым.
Я стояла около кровати, даже забыв одеться, и дрожала всем телом.

Дверь моей комнаты открылась и вошел Мигус.
- Что с тобой, дорогая?!
Он подскочил ко мне и, взяв за плечи, с испугом и необыкновенным участием посмотрел в глаза.
- Здравствуй, Мигус! - я вздохнула, приходя в себя, ласково и благодарно положила ладони на его руки.
- Все в порядке, Мигус! - сказала я и улыбнулась, - Я только что встала и собиралась одеться. Ты оставь меня ненадолго, пожалуйста! Я скоро выйду.
- О, конечно, дорогая! Я почему-то так испугался за тебя!
Он улыбнулся с неподдельной нежностью и порывисто обнял меня. И тут с грохотом посыпались стекла. Тонкие деревянные рамы разлетелись в щепки, и гибкое серое тело влетело в комнату. Я почувствовала такой сильный рывок, что едва не упала, а Мигус, отлетев к стене, ударился о нее спиной. Он застонал от боли в своей ране и сжал зубы, но в следующее мгновение выхватил длинный бронзовый столик из-под вазы, которая рассыпалась по полу мелкими хрустальными осколками.
Девен поднял руку, и я увидела привязанный к предплечью серебряными ремнями незнакомый предмет.
- Не надо, Девен! - взвизгнула я, почти перекрыв громкий свистящий звук.
Теперь точно посередине лба у Мигуса алело небольшое пятно, а он сам сползал по стене, размазывая волосами широкую кровавую полосу. На меня, не мигая, смотрели его глаза.
Я сделала шаг к нему и застонала от ужаса. Все вокруг перестало существовать, были только эти глаза, только что смотревшие на меня с нежностью и доверчивым обожанием...
- Дебра!
Я вздрогнула и подскочила. Только сейчас я обратила внимание, что он был невысоким и худощавым.
- Что с тобой, милая?!
И этот неслышный голос, раскалывающий голову.
- Нам нужно спешить, любимая, иди сюда!
- Я не пойду с тобой, Девен.
- Что, Дебра? Что ты говоришь?..
- Уходи, Девен, и больше не зови меня никогда!
- Дебра! Что с тобой, любимая?!
- Зачем ты убил его?!
Я сама поразилась ненависти, прозвучавшей в моем голосе.
- Он напал на тебя, а потом бросился на меня с этой железкой! Дебра!..
- Я не пойду с тобой, я не могу! Уходи! - забывшись, кричала я во весь голос.
- Так это был он, прости... но сейчас нет времени переживать, ты потом поймешь все!
Дверь распахнулась, и удивленная голова стражника появилась в проеме. Сначала он оторопел, потом влетел в комнату, на ходу выхватывая из ножен длинный тонкий меч. Девен как-то вяло вскинул руку, прозвучал короткий свист и над головой стражника отскочил большой кусок дерева.
В тот же момент клинок вошел в бок Девену. Следующий выстрел ужасного

оружия Девена пришелся практически в упор и стражника отбросило назад. Девен стоял на ногах, согнувшись и судорожно держался за рукоятку торчащего из него меча. Потом он сморщился, напрягся и медленно вытянул окровавленный клинок. Его шатало и кровь, сбегая под серой облегающей одеждой, стекала на пол.
В коридоре послышался топот ног. Я схватила Девена за руку и потащила за собой к другой двери. Тот чуть не упал, замычал, но все же сумел последовать за мной.
Это была небольшая комнатка, где хранились мои вещи и платья. Здесь стояло высокое зеркало и кресло перед ним. Я усадила Девена и как только закрыла за ним дверь, в комнату вбежали трое стражников. Они ошалело озирались, стараясь понять, что произошло.
- Он вылетел в окно! - крикнула я срывающимся голосом, указывая на разбитую раму, - Бегите! Догоните его!
Стражники выскочили из комнаты и я, заперев дверь, зашла к Девену. Он отвалился на сидении, прижав окровавленную ладонь к боку.
- Теперь я не смогу лететь, - проговорил он так тихо, что я легко могла бы закрыться от его мыслей.
Я подняла его руку и, разведя края прорезанной материи, увидела, что кровь почти перестала идти. Похоже, Девену повезло.
- Я вылечу тебя, и ты улетишь, - мрачно проговорила я, достала ножницы и принялась осторожно разрезать удивительно прочный материал.
Девен молчал, и я видела, что боль, которая свела его лицо, не была болью от раны.
Раздался настойчивый стук в дверь, и я поспешила открыть.
- Поймали его?!
- Нет, Дебра, - угрюмо сказал стражник, - но мы знаем кто это был. Все охотники на ангелов в этом городе уже на ногах. Зачем ты закрылась?
- Я боялась!
- Какой толк? Он же он мог снова влететь в окно!
- Я ничего не понимаю уже! - я протянула свои окровавленные руки, и слезы потекли у меня из глаз. Как же сильно помогают слезы женщинм...
Стражник поливал мне из кувшина пока я мыла руки над тазиком. Они так дрожали, что иногда струйка не попадала на них.
В комнате весь ковер был в крови, затоптанной и размазанной ногами. Вбежала Стела, замерла с вытаращенными глазами, побледнела и ноги у нее подломились. Стражник успел подхватить ее и с совершенно невозмутимым лицом уложил ее на мою кровать. Я позавидовала ей. Почему же я так хладнокровно воспринимаю кровь? Или просто внутри уже все одеревенело?
Паника в доме улеглась не скоро. Постоянно приходили совершенно незнакомые люди. Управляющий Мигуса взял все в свои руки, но спокойнее стало только под самый вечер. И все это время у меня не было никакой возможности заглянуть к Девену. Я сама немного успокоилась и, хотя и понимала разумом почему все так произошло, но в душе оставалась боль и пустота. Хотя я и ждала, когда же представится возможность заглянуть в комнату, чтобы помочь Девену, но теперь мне страшно было встречаться с ним.

Что-то непреодолимое встало между нами. Я совсем не слышала и не чувствовала его, и боялась, что с ним что-то случилось.
Стела пришла в себя и, заикаясь, умоляла меня уйти из этой ужасной комнаты, но я только мотала головой, и у меня сами собой начинали течь слезы. И я видела все. Как двое неуклюжих мужчин поднимали Мигуса и роняли его тяжелое тело, и как уносили мертвого стражника, как снимали окровавленный ковер с пола и как долго и безуспешно пытались смыть кровь со стены.
Потом слегка горбящийся пожилой человек принес мне какие-то бумаги и долго что-то объяснял, а управляющий стоял рядом и с сочувствием поглядывал на меня. И только когда Стела сама сказала, что я должна сделать, я начала подписывать эти бумаги своими по-детски корявыми буквами. Все очень внимательно наблюдали за этим.
Наконец я осталась одна, тут же заперла дверь и бросилась в комнатку к Девену. Тот неподвижно застыл с закрытыми глазами на безжизненно сером лице.
- Девен!!!
- Я здесь, Дебра, - его ответ был таким тихим, как если бы он говорил из своей далекой страны.
- Ты хочешь есть?
- Нет, Дебра, только пить...
Я принесла морса и напоила его. Он сам уже пытался снять свою одежду, но безуспешно. Страшный предмет валялся на полу поодаль от него, и я старалась не смотреть туда.
Потом я помогла ему раздеться и смыла кровь с его тела. Ранка алела небольшими, но жутковато раскрывшимися краями. Я не знала, что с ней нужно делать. А светлый луч уловить не удавалось.
Наконец я осмелела настолько, что решилась рассмотреть его лицо. Оно показалось очень непривычным. Он почувствовал мой взгляд и раскрыл свои огромные желтые глаза.
- Вот мы и встретились, Дебра, - горько сказал он.
И я с ужасом почувствовала всю его боль и растерянность. Он был ошеломлен тем, что произошло между нами, и эти страдания сжимали его мысли в горький комок. А у меня не возникало никаких теплых чувств, как будто между нами не было того страстного и радостного общения. Как будто что-то вырвали из моего сердца, и я успела забыть, что именно. Осталась одна пугающая пустота.
И я ушла, не говоря ни слова, оставив его одного, не в силах придумать хоть что-то утешительное. Эта ночь тянулась нескончаемо долго и забрала у меня почти все силы.
Утром пришла Стела и заявила, что меня ждет куча дел. Я обещала, что потороплюсь и заставила Девена съесть остатки моего вчерашнего ужина.
Куча дел ждала меня в виде небольшой толпы знакомых и незнакомых посетителей, с которой ловко обращался управляющий. Оказалось, что теперь я должна решать все вопросы, что я стала хозяйкой этого и нескольких других домов, нескольких магазинов, целой сети поставщиков и оптовиков и еще многого, чем владел Мигус.
Я делала все, почти не понимая смысла происходящего, под тихие скупые пояснения управляющего. До тех пор, пока передо мной не возникло лицо

доктора, который не сумел остановить болезнь Мигуса. Его преувеличено вежливое выражение лица и жутковатый огонек в глазах вселил было надежду на то, что он сошел с ума, но это длилось только мгновение.
- Старый счетец, - он наклонился, чтобы почтительно положить передо мной лист бумаги и едва слышно добавил, - манкари.
Управляющий мельком взглянул и, не удержавшись, выразительно присвистнул.
- С каких это пор врачебные услуги стоят так дорого?
- Это совершенно особые услуги, - заметил доктор, - не правда ли, Дебра?
Я только слабо кивнула головой.
- Да за такие деньги можно весь город вылечить! - возмутился управляющий, - Дебра, ты согласна заплатить такую чудовищную сумму?
- Да, - прошептала я, и управляющий явно заподозрил что-то. Поэтому я постаралась придать лицу более уверенное выражение, - Он вполне заслуживает этих денег.
Наконец все кончилось, и мы со Стелой пошли завтракать. Аппетита почти не было. Сославшись на это, я взяла еду с собой и ушла отдыхать в свою комнату. Несмотря на ужасающую пустоту в душе, я сознавала, что Девен мне не безразличен. Мало того, он оставался дорог мне. Просто я не испытывала к нему то чувство, которое привыкла считать любовью. Не было волнующего трепета и ожидания желанных ласк. Не было кружащих голову мыслей о близости. Все это казалось сейчас неуместным и потерянным. Но я ловила себя на том, что не могла постоянно не думать о нем, что он оставался близок мне как никто другой. И то, что он сейчас так страдал, не столько от раны, сколько от пропасти, разделившей нас, заставляло сострадать и меня.
Ему явно становилось хуже. Как когда-то у Мигуса, его рана начинала воспаляться. А я не могла помочь, и это ужасало. Он не делал больше никаких попыток объясниться со мной. Зачем? Мы итак хорошо чувствовали, что происходит друг с другом. Только он не подозревал, какая жалость к нему переполняла меня и оставался замкнут.
На следующий день тело Мигуса повезли через город на огромной вычурной повозке и множество людей шло впереди и сзади. Сразу за городом, в большом доме, выложенным из крупных каменных блоков, его сожгли в печи и, наполнив прахом золотой сундучок, скорбно вручили его мне.

Девен не смотрел на меня, когда я входила. Он не пытался общаться со мной, а чаще всего просто неподвижно лежал в кресле с закрытыми глазами. Если бы я не заставляла его есть, он бы не ел. У него просто не было сил сопротивляться моей настойчивости.
Я уже несколько раз проветривала комнатку. Мне не был противен запах, но это был запах болезни, а Девену нужен был свежий воздух. Я приносила ему еду в кувшинах, и те же кувшины он использовал для своих нужд.
Я сама тайком выстирала и зашила его одежду, а этой ночью решила отвести его в купальню. Я вдруг вспомнила, как мне было хорошо в море, когда Дика учила меня плавать и пришло убеждение, что вода может помочь сейчас. Только вот способен ли он ходить? Я заставила его встать с кресла. Он мог идти, но его шатало и нужно было придерживать его неожиданно тяжелое тело. Оставалось

найти способ отправить куда-нибудь стражника у двери.
Вечером управляющий попросил разрешения поговорить со мной. Как обычно, он коротко назвал цифры дневной прибыли и убытков. Прибыли было намного больше. Потом он коротко испытующе посмотрел на меня и сказал:
- Тот доктор, что осмелился принести тебе этот нелепый счет...
- Да?
- Его сегодня постигло несчастье.
- Какое несчастье?!
- Это несчастье обошлось нам намного дешевле, чем сумма, которую он требовал.
- Ты убил его?!
Управляющий слегка поморщился, как если бы я сказала бестактность.
- Есть определенные правила. Пусть они не писаны, но, пожалуй, куда важнее, чем те, что писаны. Я видел, что ты в затруднении. Он чем-то тебя шантажировал.
- И вот так легко можно убить любого человека? И даже меня?
- Далеко не любого! - управляющий взглянул на меня из-под лобья, - Честного человека убить не так-то просто. Все-таки закон у нас имеет достаточную силу. Но никто не станет защищать того, кто заслужил свою участь. А тебя... что за странные мысли, Дебра! Слишком много родственников Мигуса хотели бы занять твое место, и все они очень внимательно следят друг за другом. И, главное, я бы очень не хотел, чтобы кто-то из них оказался в выигрыше. Ты можешь мне доверять: мы нужны друг другу.
- Но давай договоримся, что ты не будешь никого больше убивать!
- Дебра... это просто невозможно! Да, я понимаю, что нужно было посоветоваться с тобой, но ты бы не позволила сделать как нужно, в этом у меня есть опыт, а у тебя - нет. Поверь, этот исход все равно был бы неизбежен, и мне только пришлось бы потратить очень много сил на то, чтобы убедить тебя в этом. Здесь, безусловно, нет твоего решения, и вся вина лежит на мне.
- Это ужасно!
- Да, не женское дело...
Почти под самое утро, когда все, наконец, затихло в этом доме, я накинула легкое платье и вышла за дверь. Стражник успел подтянуться еще до того, как я его увидела. Тот самый, которого я как-то застала за отрыванием пучинных лапок. Я опустила глаза. У зеркально начиненного ботинка слабо дергалась тонкая паучья лапка. Я посмотрела ему в глаза, и он неудержимо побагровел от смущения.
- Почему тебе так нравится это делать?
- Хм, - он прокашлялся и, наконец, вернул способность говорить, - ну, очень скучно. Прости.
- Ничего. Я тебя понимаю. Знаешь, мне тоже бывает скучно.
- Да? - стражника немного отпустило.
- Представь себе. Особенно сейчас... - я вздохнула.
- Да, понимаю... я так тебе сочувствую. Мигус был хорошим человеком, - стражник по-мальчишески нахмурился, - а этот мерзкий ангел убил его! Говорят, они такие жуткие на вид! Глаза желтые как у леопарда...
- Как у меня? - я с улыбкой посмотрела на него.

- О, что ты, Дебра! - у тебя прекрасные глаза, - он судорожно сглотнул, - извини, какой я дурак! У тебя глаза не желтые, а скорее золотистые и такие добрые. Ты очень красивая...
Он побагровел еще больше.
- Ты так смешно смущаешься! Не хочешь помочь мне искупаться?
- Что?! - он изумленно вытаращил глаза, и я испугалась, - О, Дебра! Ты не шутишь?
- Совсем нет! - я улыбнулась ему.
- Дебра!..
Он устремился к моим ногам, но я вовремя отпрянула.
- Ты с ума сошел!!! Никто не должен видеть!
Он виновато понурился и встал со второй попытки.
- Иди в коридор, что ведет к купальне от остального дома и не пускай никого! А когда я буду готова, я позову тебя.
Через минуту я поднимала Девена с кресла. Он замычал от боли и судорожно оперся на меня. Я чуть не выпустила его, но удержалась на ногах. Мы медленно пошли по коридору. Под моими руками перекатывались его мышцы, но он казался беспомощным как ребенок. Я внезапно почувствовала нежность к нему, и слезы на мгновение затуманили взор.
Легкий пар стелился над ровной поверхностью бассейна. Я не стала зажигать другие свечи, и единственная едва вырывала из полумрака только один мраморный берег.
Я усадила Девена на скамью и сняла его одежду. Потом разделась сама, и мы начали осторожно опускаться по ступенькам. Теплая вода коснулась ног и стала подниматься все выше. Когда она дошла до уровня груди, ступеньки кончились. Девен широко раскрыл глаза и жадно дышал ртом. Я принялась обмывать его, а он только смотрел на меня, и я чувствовала, что его боль затихла и это купание ему приятно. В воде он легко держался сам.
А потом он чуть заметно улыбнулся и нерешительно принялся обмывать меня. И как только он коснулся моего тела, меня захлестнула нежность к нему и вернулась та любовь, к которой я привыкла. И теперь казалось невероятным, что ее не было совсем недавно.
Мы принялись ласкать друг друга, потом осторожно, боясь причинить ему боль, я обняла его и прижалась к его телу. И наши сознания слились в одно. Он стал мной, а я - им. И нас наполняла бесконечная любовь.
Я легко потянулась и нашла светлый луч. Мы жадно пили его силу и радовались как счастливые дети. Вскоре мы стали сильны как никогда. Теперь казалось, что ничто не сможет помешать нам быть вместе.
- Дебра!!!
Я вздрогнула и вернулась в действительность полумрака купальни. На берегу стоял ошарашенный увиденным стражник с обнаженным мечом.
- Я убью его!!!
Девен спокойно и ласково посмотрел мне в глаза, улыбнулся и крепко обхватил меня. Мы молча взлетели над водой, услышав изумленный вскрик стражника.
- Ангел!!! - завопил он, но уже далеко позади нас.
- Нельзя оставлять им мое оружие!
Мы летели вместе как одно тело, и мое сознание направляло полет. Дверь в мою

комнату все еще была открыта, и мы влетели в нее. Девен быстро прикрепил оружие к предплечью и снова крепко обнял меня. Мы взлетели с места так стремительно, что у меня на мгновение потемнело в глазах. Я даже не почувствовала, как рассыпаются только что отремонтированные тонкие рамы на окне и не услышала звон разлетающихся осколков. Нас обдал холодный тугой поток воздуха, сбивающий дыхание.
Я никогда не летела с такой скоростью и даже не подозревала, что это возможно. Я не успевала, чего-то не хватало в моих умениях и от непривычного напряжения силы начали оставлять меня. Еще этот холодный ветер... наши тела быстро коченели. Девен потянулся к светлому лучу и согрел нас. Но мои силы не успевали пополняться, а раненный Девен не мог нести нас обоих.
- Возьмите меня! Я помогу...
Мы услышали этот зов совсем рядом.
- Девен, это он! Тот, что сидит в клетке!
Мы ринулись вниз, ветки хлестнули по лицу, и я чуть не упала, ощутив под ногами землю.
Раздался жуткий свист оружия Девена и вот мы уже втроем. Бесконечная радость освобождения наполнила нас. Тут же с двух сторон меня подхватили под руки, и мы взмыли вверх.
Мы летели над самыми крышами, и все сливалось в ночной тьме. Меня охватил и страх, и восторг одновременно оттого, как удавалось в последний момент угадывать препятствия и ловко огибать их.
Город вскоре остался позади. Мы пронзали тугой воздух в сумраке забрезжившего утра под тускнеющими звездами над безлюдной землей, пока не запахло морем. Тогда мы опустились на прибрежный песок около высоких скал. Море быстро светлело. Начиналось безоблачное утро. Мы втроем были совершенно без одежды, но холод не был над нами властен. Наш товарищ был чуть ниже Девена. Он все еще не мог прийти в себя от радости и счастливо озирался, жадно впитывая в себя давно не виденный мир.
- Сейчас мы полетим очень далеко, Дебра, - сказал Девен, - Это будет трудно. Ты еще не умеешь хорошо летать, но тебе придется помогать нам. Все должно получиться. Ты готова?
- Да, Девен!
Мы взмыли над морем. Именно так, как я видела это в своих грезах. И как только мы поднялись в высоту, солнце улыбнулось нам, протянув над морем навстречу сияющую дорожку.

Охота на Кудина

Никогда еще не стучали так нагло и настойчиво. Время было непростое, бандитское. Кудин похолодел, отложив в сторону газету с недочитанным бюллетенем коменданта города, подался к окну, заходя сбоку вдоль стенки и двумя пальцами слегка отвел занавеску, пытаясь незамеченным разглядеть в наступающих сумерках хоть какие-нибудь признаки вторженца.
Он ничего не разглядел среди отблесков на стекле, досадливо спихнул ногой кошку, дремавшую на тапочках и, погрузив в них ступни, отважно направился к высокой калитке. Ожесточение в предчувствии возможной неприятности заставило его грозно передернуть засовом и решительно распахнуть дверь. Одинокий фонарь издали высветил потрепанную, но довольную морду.
- Сашуля!!! Привет!
Это был Валька Котов, а проще Кот, сосед, пропавший неделю назад, возможно по пьянке, которого на этот раз и не искали. Без тени обычного заискивания в отчаянной надежде разжалобить на флакон эликсира забвения, он ухмылялся уверенно и радостно, из него так и перла сенсация, и он хлопнул по плечу Кудина.
- Пошли, Сашуля, родной, сейчас у меня афигеешь, обещаю!
- Ты знаешь, что тебя давно ищут? - строго соврал Кудин, - И потом, я же просил тебя, когда ты меня уважаешь не приходить выпившим.
Кот обиженно остепенился, хотя глаза все еще блестели, и Кудин понял, что на этот раз он не пьян.
- Сашок, дело серьезное, только не психуй и не считай меня идиотом. Короче, я угнал НЛО.
Кудин оценивающе посмотрел на него и печально покачал головой.
- Это ты не психуй.... Все будет хорошо. Пойдем, я тебя домой провожу.
- Ага! Ты мне не веришь даже тогда, когда я готов все показать? Неужели инстинкт ничего не подсказывает?
Давние и нескончаемые разговоры об инопланетянах, которые навязывал Кот Кудину, сводились к тому, что Кот приводил все новые доказательства назойливого вмешательства в жизнь Земли, а Кудин не желал занимать какую-либо определенную позицию пока сам не увидит.
- Валек, давай так. Ты покажешь, если это недалеко, но если там, куда ты меня приведешь не обнаружу ничего особенного, то ты воспримешь это спокойно, не будешь объяснять почему оно испарилось, и четко обещаешь позволить тебя проводить домой. Ок?
- Я же говорю пойдем. Это вот, рядом, на стройке.
- Ты обещаешь железно?
- Да гадом буду, Сашок! - Кот смотрел с совершенно необыкновенной для него уверенностью. Он или совсем спятил, или у него в самом деле что-то было интригующее.
Рядом за забором давно уже возводились грандиозные корпуса фармацевтического завода. Еще в пору закладки они стали объектом атак "зеленых", основные работы были приостановлены и деньги, конвертированные в бетон, с каждым месяцем покрывались все большим сроком давности и кустистой порослью.
На стройку как дурак идти не хотелось. Не понимая зачем он это делает, Кудин заправил пятки в подмятые задники тапочек чтобы не слетали и пошел вслед за

Котом. Они пробрались в сумерках через погнутую арматуру и проникли в здание.
- На крыше, - ткнул Кот пальцем вверх, слегка запыхавшись, - Ты сейчас точно афигеешь. Как я в первый раз.
- Еще на крышу перететься?!
Кот обеспокоенно обернулся, и прожектор через оконце, как через амбразуру, рельефно исказил его лицо.
- Да почти пришли уже!
- Фиг с тобой, пошли быстрее...
Когда они выбирались на крышу ветер смел им в лицо пыль. Кудин прошипел скабрезность, сплюнул хрустящую грязь и.... взглянув поодаль от Кота, офигел. Серебристая с тусклыми отблесками большая тарелка брюхато зависла, не касаясь крыши, на фоне малиновых сумеречных облаков, потрясающе незыблемо и бесспорно.
- Огни я погасил, - негромкой хрипотцой деловито пояснял Валек, - А эти дурни обычно их не гасят. Чего ты там стоишь? Это теперь - моя тачка, пошли.
- Какие дурни?.. - зпошипел Кудин отказавшими голосовыми связками и сделал несколько паралитических шагов к тарелке.
В этот момент в небе расцвела очень яркая точка, стремительно выросла в шар и тот заскакал вокруг дикими зигзагами, выхватывая сбивающие с толка тени.
- Саня быстро сюда!! - выдохнул Кот одним воплем и, с неожиданной силой потащил Кудина к тарелке. Что-то там подхватило их, в темноте Кудина толкнули так, что он влетел лицом во что-то мягкое, сразу же плотно охватившее его тело, не давая дышать. В предельном усилии он вывернулся и увидел, как сквозь вереницы обезумевших огней крыша заводского корпуса резко ушла вниз и внезапно слепящий сноп нестерпимого света заставил Кудина зажмурить глаза. Он вспомнил, что давно уже порывался сходить в туалет и все откладывал, а сейчас прижало так, что он сцепил ноги накрепко и прищурился, переживая острый позыв.
- Оторвались! - возбужденно сказал Кот, - Ты чего глаза закрыл? Страшно?
Кудин распахнул глаза.
- В туалет надо!
- Ой погоди! Щас оторвемся...
Внизу медленно поворачивалась голубеющая Земля, надвигаясь залитым солнцем серпом, а само Солнце заходило за спину, ослепляя даже сквозь темнеющую в лучах стенку космического аппарата. Кудина мягко, но надежно сжимала незримая удерживающая сила.
- Ладно, развернись лицом где сидишь, вытаскивай и засовывай, там само разберется.
- Черт!.. - Кудин не мог больше терпеть и был готов на все так, что торопливо сделал как было сказано и в самом деле нормально облегчился.
- Все? А теперь держи бластер! - Кот, полулежал в очень крутой позе, погруженный в невообразимо непонятное кресло, и небрежно протягивал ему какую-то игрушку, - Я забыл тебя обезопасить, когда за тобой зашел, а зря. Быстро они меня вынюхали.
- Кто они? - Кудин очень осторожно взял совершенно несерьезную, но довольно

занятную игрушку.
- Только, не активируй случайно, а то еще шарахнешь здесь! Сейчас я покажу как с ним обращаться надо. Короче...
Кудин осторожно положил штуковинку рядом с собой на упруго-бархатистую поверхность. Он вдруг сменил свое отношение к соседу.
- Слушай, Валентин, ты прям крутым террористом заделался! С кем хоть воюешь? Или вся галактика теперь против и сейчас нас прикончат?!..
- Дураки они, сам увидишь! - заржал Кот, - Казалось бы, техника и все такое, но такие лопухи, что слов нет...
Удивительным было то, что Кудин растерялся не настолько, как могла бы обескуражить его сбивающая с толку ситуация. Возможно, он еще не вполне осознал грандиозность происходящего.
А между тем Земля, поворачиваясь, резво уменьшаясь. Они по спирали стремительно уходили в космос.
- Я все тебе расскажу, - пообещал Кот, сосредоточенно всматриваясь в три светящиеся точки, выползающие из-за земного диска. Вокруг них запульсировал зеленый кружок, и рядом заструились столбики непонятных значков.
- Могу их сейчас замочить, но все равно другие полезут. Думаешь зачем я за тобой заскочил? - Кот сделал какое-то движение перед собой, вращение Земли резко ускорилось и точки скрылись за горизонтом.
- Если честно... я пока не совсем с ними тут разобрался. Те, которые за нами сейчас гонятся - настоящие зверюги, отморозки. Если ты их первым не пришьешь, то они пришьют тебя. Разговоры с ними вести бесполезны, - Кот сделал еще одно таинственное движение и космос вокруг, радужно вспыхнув, резко изменился: Земля и Солнце вообще исчезли.
- Но есть и другие, - как не в чем не бывало продолжал он, - они мне помогали. Так что мы не одни против всех!
Кудин в прострации всматривался в громадное оранжевое светило, возникшее среди совершенно чужой картины звезд и закрытую спиралями облаков планету, вырастающую прямо перед ними. Он обеспокоено осознал близость новых событий, вздохнул, мобилизуясь, деловито сунул бластер в задний карман джинсов, и так как игрушка была необычайно легкой и малой, больше не обращал на нее внимания. Он остро осознавал, что его жизнь безвовзратно меняется и нужно было узнать побольше.
- Что за место? Вот так сходили на крышу...
- Санек, а я ведь на крыше точно жизнь твою драгоценную спас. И здесь не раз бывал. Та неделя, что я для вас пропал получилась очень плотная. Так что не беспокойся. Здесь за мной почему-то не охотятся. Спокойное и приятное место. Относительно, конечно.
- Слушай, мы с такой скоростью приближаемся... ты хоть тормознуть успеешь?
- Ха!.. Да я теперь все могу! - глаза у Кота горели таким самоупоением, что по спине у Кудина пошли мурашки.
Планета выгнулась туманными краями и поглотила их. Голубовато-зеленые клубы облаков гигантскими дугами уходили к самой поверхности как трассы пороховых ракет. Все это резко приблизилось, поворачиваясь и уходя вверх, пока вдруг движение не остановилось, и они не оказались на лысой поверхности

темно-зеленого бугра, окруженного кустистым лесом. Внезапная неподвижность привела к тошнотворной иллюзии все еще движущегося фона.
- Черт! - выдохнул с облегчением Кудин, - Такие виражи, а инерции никакой не ощущается! Антигравитация?
- Вроде бы нет. Я спрашивал на каком принципе эта штука двигается, но толком не понял. Тебе это сильно важно сейчас?
- У кого это ты спрашивал?
- Узнаешь скоро. Ты для того здесь и нужен чтобы разобраться. У меня мозгов не хватило.
- Значит, ты все-таки планировал меня сюда затащить!
- Сашок! Мы сколько с тобой говорили про космос, и ты мне никогда не верил! Я просто должен был тебе доказать. Слишком долго объяснять. Пойдем сам пообщаешься с кем надо и все устаканится, - Кот привычно-легко выбрался со своего места и, подойдя к очерченному пунктиром треугольнику, просунул руку сквозь борт тарелки, чтобы выйти, но заметив потуги Кудина, вернулся и показал ему как освобождаться из объятий кресла, - Нас уже встречают!
Из-за оранжевых туч показалась быстро вырастающая бликующая точка.
- Пошли к ним!
- Да я же в тапочках, - растерялся Кудин, борясь с внезапным головокружением от избытка впечатлений, - и вдруг там бациллы какие-нибудь...
- Фигней не парься, я выходил уже, - Кот схватил его за руку и протащил сквозь борт тарелки.
Едва упругая сила опустила их в густую траву, как ноги у Кудина подкосились из-за все еще остаточного чувства быстрого движения и полной невероятности окружающего. Густой запах приторно разлился в голове, весь мир гулко забубнил в заложенных ушах, расплылся слезами и, посерев с нестерпимой болью, исчез.
- Да что с тобой Саня?.. я думал ты мужик покрепче.
Кот с натугой поддержал падающее тело и неуклюже опустил его на траву. Бледное лицо пугающе осунулось.
Рядом полыхнуло светом и из севшей тарелки выбежали три невысокие инопланетяшки в серебристых костюмах. Точнее - инопланетянки.

Кудин очнулся в тарелке гораздо просторнее, чем у Кота и во всех мелочах создавалось впечатление совершенно иной конструкции. Самоощущение было еще остаточно паршивое, хотя нигде конкретно не болело.
Обзор заслонила виноватая морда Кота.
- Прости, Сань, оказывается, ты реально не адаптированный был. Меня-то, специально подготавливали, я и не знал даже. Сейчас тебя посадим в кресло.
Интерьер тарелки повернулся, и перед Кудиным возникли три настолько удивительных существа, что новый приступ расфокусировки пришлось давить со сжатыми челюстями. При этом, несмотря на необычность, инстинктом он безошибочно распознал пол, не говоря о выпуклостях на грудях.
"Дурдом какой-то..." - с непонятной обидой подумалось Кудину. И тут же он получил заряд достоверности происходящего: "Все будет хорошо" - ясно и ошеломляюще близко прозвучала в голове чужая мысль, и его обдало теплом

чужого доверия. Это тоже поразило его: какое-то совершенно чужое, но такое убедительное доверие.
- Сашок, все будет хорошо, - синхронно повторил Кот, - они сейчас тебя подстроят. Ты только расслабься, я проходил через это, не переживай!
Инопланетянки чуть заметно шевельнулись, в том числе и ментальным облаком совершенно непонятных образов, что при внешней их невозмутимости им было распознано как буря чувств, это чем-то острым зацепило Кудина и захватило так, что он заинтересовался и вслушался. Было такое общее ощущение, что они обнаружили в нем нечто даже для них поразительное и взволновались сулящей выгодой, как если ботаник открывает новый дичайший вид орхидеи.
Они нацелили глазищи на него: "Если хочешь, мы испытаем тебя и, возможно, нам всем повезет", - без обиняков предложили ему выгодное дельце и при этом в руках одной из них появился таинственно мерцающий овал. Еще от них исходила легкая паника вот-вот упускаемой колоссальной выгоды.
Как испытают? В чем повезет? Какой смысл разбираться, если он все равно ни черта ничего не понимает здесь.
"Хочу, блин!" - решительно козырнул Кудин, чуть порозовев за вырвавшийся мыслеобраз, и мимолетно осознав, что именно женский шарм способен так обезоруживающе быстро подкупить его душу.
Кот заботливо утопил его в кресле и снисходительно похлопал по плечу как пацана, который решается в первый раз испытать нечто ранее не представимое.
Та инопланетяночка, что была занята овалом, крутя его в руках, безжалостно посмотрела на него, и, ворвавшись в разум, предупредила, что вот прямо сейчас они узнают все друг о друге, нужно взять себя в пальцы, раздуть ноздри, проглотить боль. Возникло ощущение, что при этом она зажала какой-то сосуд паники в его мозгу потому как он почти равнодушно смог отдаться неизвестному.
Овал мягко брызнул светом или так показалось, заслонил все внешнее, и лавина обнаженных в своей искренности образов, подобная наркотическому бреду, прорвалась в восприятие, сломив стыд и запоздалое раскаяние.
Как это часто случалось с Кудиным, результат оказался не таким удивительным как его ожидание: поначалу он не ощутил ничего особенного, хотя, несомненно, что-то непоправимое произошло с ним, как ощущение девственницы после дефлорации. Все вокруг воспринималось теперь совсем по-другому, приобретая новый вполне определенный смысл там, где еще недавно он ничего даже не замечал.
"Теперь вместе!" - инопланетянки явно готовились к чему-то не менее опасному чем ва-банк в рулетку. Кудин вздыбленными на загривке волосами ощущал возникшую напряженность. Его душа как-то правильно резонировала зову трех таких теперь понимаемых хоть и женских душ, и он наполнился радостной уверенностью, что все больше соответствует каким-то вселенским требованиям и его цена стремительно возрастает. С легким щелчком за ушами его внесли в неуничтожимые информационные реестры галактики, и он четко осознал, что теперь является связующим представителем планеты Земля и что это теперь разнеслось по галактике и дальше...
"Теперь и на тебя будут охотиться фиды, и сейчас у них для этого самый

подходящий момент, пока ты не адаптировался к новому опыту и можешь его лишь осознавать, а не действовать автоматически." - озабочено отозвались его новые верные подружки.
Кудина здорово пробрало, и он опять приготовился убегать.
- Это те самые, Сашок, что за нами гнались, - пояснил Кот, явно в курсе текущих забот Кудина, - Ничего, отобьемся, я уже кое-что умею!
- Стоп! нет, я так не играю! - что-то взбрыкнуло в Кудине, порывающемся выбраться из кресла, - Отстегни меня! - тут он вдруг и сам сообразил, как это делается и освободился. Теперь все, на что он смотрел в тарелке приобретало откуда-то понятный ему смыл.
- Ваш гипноз, конечно, кое-что дает, но как-то все слишком медленно в мозгах проявляется, - он лихорадочно искал как восстановить грубо прерванный им ментальный контакт с инопланетянками, которые как одна в трех лицах продолжали внешне безжизненно глазеть на него. И они очень даже отзывчиво послали ему шквал эмоций в ответ на его мысли. Да и безжизненность эта все больше таяла в понимании тех нюансов мимики, смысла которых он просто не замечал раньше.
- Валентин, проясни по-нашему, попроще, что происходит?
- Ну, если только самую суть... - Кот многозначительно мелодично перещелкнул активатором своего бластера, - времени нифига нет!
И впрямь, Кудин всей шкурой ощутил шквальную напористость надвигающейся опасности.
- Во-первых, Сань, тут у них в галактике совсем не такой технопарк как мы раньше думали, но драйв - какой нам не снился. Хуже звездных войн, хотя, конечно, никаких императоров зла и всей такой фигни. Короче, есть две основные противоборствующие силы: фиды и геды. Названия придумал я, - без лишнего бахвальства, но радостно пояснил Кот.
- Они не зло и не добро, а просто совершенно разный принцип организации. Фиды - это сокращенное Фанатичные индивидуалы, а геды - Галактическое единство. Что за этим кроется потом поймешь, но если коротко, то фидов консолидируют общие идеалы, которым они фанатически преданы, а гедов - межличностная организация системы ценностей, - что-то вроде телепатии. Есть у них тут и что-то вроде галактического ООН, а наша Земля как раз созрела, чтобы больше не аборигенить, а четко выбрать какой-то из их путей дальнейшего развития: фидовский или гедовский. Требуется всего лишь найти человека, который бы в себе нес достаточно пропорционально культуру Земли, что определяется у них как-то вполне научно, и тогда он как бы воплощает собой мнение всей нафиг планеты. Так вот, - Кот озарился победной ухмылкой, - тут в этом деле я четко сработал, и ты как раз оказался таким как надо, - Кот потер дулом бластера свой кончик носа.
- Ничесе.... - Кудин раскрыл глаза, - да я сегодня может за гедов, а завтра за фидов болеть стану! А что ты мне тогда про зверье-отморозков заливал?..
- Времени не было тебе ситуацию расписывать! Санек, все не так просто. А с тобой прокола не может быть потому, что тут все по-науке рассчитывается: Средневзвешенная Социальная Система Реакций. Это опять я в слова все заключил. Короче - СССР. У тебя СССР - достаточно средневзвешанная.

- Не ну я всегда знал, что особенный... - задумался Кудин, - но чтобы настолько!..
- Да нифига ты не особенный! - одернул его Кот, заржав, - наоборот - идеально среднестатистический. Но тут опять же не просто в статистике дело.
"Особенный! Да, елки! Это такая редкость - сразу найти представителя" - с энтузиазмом загалдел в голове хор мыслей возбужденных инопланетянок, и Кудин вдруг смущенно понял, что его просто обожают - как драгоценную вещь, обладание которой сулит много тревог и опасностей, но и должно принести какие-то желанные выгоды. И это обожание исходило из трех душ по-разному: из каждой - своим шармом.
Среди этого ему особенно льстило и подкупало то, чем прямо светилась внешне непримечательная, но милая и добрая блондиночка слева. Это предпочтение Кудина было немедленно прочувствовано, блондинка обрела победную живость в лице и в мысленном споре с поникшими подружками утвердила свои исключительные права на Кудина.
Тот досадливо смутился и попытался поумерить свои мысли.
- И теперь не цари земли, а ты, Саня, будешь диктовать какие условия для дальнейшего развития Земли должны быть созданы, - Кот эффектно воздел руки и азартно шлепнул себя по ляжкам, - точнее, эти условия из тебя тоже вытащат научно, но это же и есть ты, воплощающей большинство Земли.
- А зачем ажиотаж, если итак во мне уже есть некий выбор? Просто нужно узнать и пусть кому не повезло отвалит, - спросил Кудин и тут же оказался озарен вселенским пониманием, насколько все взаимосвязано и какая грандиозная борьба разгорается вокруг него в галактике. Но, главное, что грело и успокоило - уверенность, что ни одна сторона не посмеет причинить ему вред. А пока силы были почти равны, и никто не уступал внепространства другому для решающего прорыва к Кудину.
- Сань, ты бластер-то осваивай, шутки в сторону! - нахмурился Кот деловито, - чего задумался? Если здесь не наши появятся ты сразу почуешь. А я пока, пожалуй, успею рассказать, как все началось, чтобы это у тебя в мозгах как надо срезонировало.
Кудин послушно вытащил из кармана штуковинку и с удовлетворением отметил, что вполне понимает, как с ней обращаться. Он потыкал ногтем в узор, и мелодия пропела о полной активации. Направив игрушечный стволик на дерево за прозрачной стенкой, Кудин негромко сказал: "Шмякс" и Кот как от затрещины вжался в подстилку:
- Эй! Ты после активации так не шути, да еще в тачке! Нахрен все разнесет!
- Понял... ладно, - Кудин дезактивировал эйфорически вибрирующую от предвкушения энергетического плевка страшненькую игрушку и Кот расслабился.
- В общем, со мной это приключилось банально - в газетах уже о таком писали. Я был на охоте в наших пригорках и тут сверху меня ослепило. А было уже под вечер, и я как раз влет сбил перепелку.
"Не заливай, мазила ..." - насмешливо поправила одна из инопланетянок.
- Ну... при таком свете я мог и не разобрать. Это не важно. Рядом села ихняя тарелка и оттуда появляется вон та средненькая, сейчас я уже легко их различаю. Я обалдел, конечно, стою и не шевелюсь даже. Она меня охмурила

доверием и говорит: "Хочешь с нами полетать?". Сань, ты же знаешь, я об этом всю жизнь мечтал, а тут как заклинило. Но они прямо в душу лезли. Дальше ты уже легко представляешь, как они меня перенастроили.
Короче, очень быстро я освоился, научился многому на этой вот планете и согласился им помочь искать СССР. Но время поджимало, и чтобы не опередили нужно было делать все быстро, а я еще много недопонимал. Тогда решили, что я буду иметь вполне надежный шанс не попасться фидам если проведу всю операцию на ихней тарелке. Надо тебе сказать про фидов, что при всей их гениальности у них с проницательностью похуже, раз они такие индивидуалы, зато с локацией круто, они довольно быстро меня обнаружили, и ты сам видел, как мне пришлось завершать операцию. Когда я ... Ой, кажется время вышло...
Инопланетянки вдруг хором вскочили и все вокруг всколыхнулось лихорадочными мыслеобразами опасности.
К Кудину подступила предстартовая икота, он в панике только со второй попытки пропищал активатором бластера, не зная куда палить.
- Эй! Кончай размахивать оружием! - Кот с ужасом двумя пальцами отвел руку Кудина в сторону.
"Им почти удалось!.."- испуганно озирались инопланетянки, став еще живее и выразительнее. Но самое удивительно-приятное было то, что в мыслях, волнами окутывающих сознание Кудина, они за себя не боялись абсолютно. Страх потерять драгоценного Кудина несоизмеримо преобладал над самосохранением. Это было такое необычное ощущение!..
- Мы сидим тут как заложники! - драгоценный Кудин в нетерпении от бездействий и нового ощущения своей значимости порывался было принять командование, но от него отрезвляюще отмахнулись, тогда он вскочил и принялся ходить вдоль прозрачных стен, поскуливая в растерянности, - Давайте же свалим отсюда на тарелке, переждем где-нибудь?!
"Тогда и геды нам не помогут, а пока что баланс сил перетягивается то фидами, то гедами и мы можем как-то этим воспользоваться".
- Ну и приключение! Сижу тут как крыса в стеклянной банке. Вроде на другую планету попал, а даже выйти не могу, - он тщетно попытался вглядеться в туманно далекую перспективу, открывающеюся с вершины бугра, на котором они находились.
- Саня, не психуй, тут решают не нервы, а точный расклад момента. Ты же, блин, представитель! И не отвлекайся, мы должны быть готовы к отражению внезапного прорыва ... ох!.. - он перегнулся пополам как от дикой боли.
Через мгновение то же произошло с одной из инопланетянок. Но та, что имела исключительные права на Кудина взмахнула руками и накрыла его вместе с собой радужным маревом, неузнаваемо исказившим все вокруг. Она напрягалась изо всех сил так, что зажмурилась со стиснутыми зубами, запульсировала, и Кудин отчетливо чувствовал эти дикие рывки и еще то, как этому мешает цепкая и торжествующая близкую победу вражеская сила. Нужно было срочно помочь, и он даже почти знал, как это сделать. Отчаянно напружинившись, он вложил в эту попытку все и выбросился подальше, туда, где нет преследования, где бескрайний простор и голубая свобода - все это вместилось в его отчаянную мыслекоманду. Он чувствовал, как что-то рвется

точно нити растягиваемой жвачки и, сжимаясь в точку, остается недосягаемо далеко позади.

Его ослепило бездонное синее небо и захватывающий дух простор горных цепей. Он и его инопланетянка стояли вобнимку в цирке обширного ледника, окруженного суровыми снежными гребнями гор. Ноги в домашних тапочках по щиколотку зарылись в ноздреватый тающий снег, пахнуло суровой свежестью. Серебристый костюм инопланетянки отбрасывал невыносимо яркие блики.
Она сделала неуклюжий шаг и, поскользнувшись смешно как ребенок шмякнулась на снег, попыталась встать, но тут же провалилась между камнями по плечи. Кудин испуганно рывком поставил ее почти невесомое тело опять вертикально, и снег, набившись в тапочки мерзкой слякотью, обдал его пронзительным холодом.
- Куда это мы попали?
"Не знаю, это ты нас сюда вынес".
- А.., точно... - Кудин округлил глаза, - Зато мы, вроде бы, оторвались от этих фидов?
"Мы оторвались от всего на свете".
- Отлично. Переждем немного и осторожненько вернемся. Здесь, бесспорно, чудесные места, красотища..., но я сейчас в тапочках... не готов.
"Мы сами не можем вернуться. Ты оборвал все мои связи с гедами, и я не могу воспользоваться никакими их техническими возможностями".
- Блин... прости, ну некогда было соображать, у тебя уже срывалась защита... Надеюсь нас скоро отыщут?
"Да, ты прав... еще немного и фиды завладели бы тобой... Но нас вряд ли так быстро отыщут... И не известно кто скорее... ".
- Тебе не холодно в этой блестящей пленке?
"Нет, не беспокойся обо мне. А вот твоя одежда не защищает, я чувствую...".
- Да фигня, и не такое... - Кудин озирался по сторонам, прикидывая что можно сделать. Хорошо, что у него был богатый опыт пребывания в таких местах.
- В горах я хорошо ориентируюсь, но здесь нам, точнее мне в этой одежде, долго не протянуть. Нужно уходить вниз. Чертовы тапочки... - он с завистью посмотрел на серебристый костюм инопланетянки, и она тут же провела пальцем вдоль своего тела, распахивая пленку.
"Да, возьми мой костюм!" - она принялась стягивать его с себя и, оступившись, опять провалилась, уже наполовину обнаженная и покрывшись капельками мгновенно тающего не ее горячем теле снега.
- Нет, ты что?! - Кудин вытащил ее из снега под мышки, стараясь не смотреть на необыкновенно симпатичные груди, и помог встать, - Ну-ка быстро опять все застегни! Я что-нибудь обязательно придумаю!..
Она полностью ему подчинилась.
Все попытки закрепить тапочки, используя спортивный костюм, натянутый на подошвы, почти убили оптимизм. Нужно просто идти как есть.
Чуть померк свет, Кудин поднял голову и обомлел от увиденного: стремительно и грациозно огибая горб лоснящегося на солнце ледника, прямо к ним воздушным брасом летел гигантский двухголовый дракон с полураскрытыми пастями,

каждая из которых уже тянулась к выбранной жертве.
Инопланетянка тихо вскрикнула и это был первый звук, который Кудин услышал от нее за все время. Резко дернув за руку, он швырнул ее вниз по крутому склону и скользнул сам следом. Дракон промахнулся, глубоко зачерпнув снег пастями и выбив зуб о камень у одной из голов. Взревев и плюнув окровавленным снегом, он громоподобно хлопнул кожистым крылом по склону, оттолкнулся и, взметнув фонтан снежных комьев, заложил крутой вираж для разворота. Комья, быстро набирая налипающий снег, покатились вниз, но вскоре увязли.
Им очень повезло с чудесным сочетанием еще податливого, но уже начавшего твердеть снега и с тем, что из склона не торчали скалы.
Стремительно скользя, они вылетели на пологое, забитое старым снегом поле ледника и поднялись на ноги.
Излучая телепатический ужас не только за Кудина, но уже и за себя, инопланетянка превратилась в обыкновенную смертельно напуганную девушку. Сзади нагонял дракон и она с жалобным визгом побежала прочь, но тут же поскользнулась и проехала на животе, оставляя длинную трассу.
Кудин вдруг вспомнил, лихорадочно вытащил мокрый бластер из кармана, молясь, что инопланетную технику водой не испортить, нащелкал ногтем активацию и, плавно отслеживая полет дракона стволом обоими руками, наконец увидел какова эта штуковина в действии. Куски дракона веером взметнулись вокруг и широкой полосой устлали ледниковый снег, утыкав его ярко-фиолетовыми пятнами. Мгновением позже с вершин цирка горной цепи позади летевшего дракона как сдуло вековые снежные настилы, обнажив крошащиеся скалы, и лавины камей со снегом бурлящими клубами опали вниз. Наконец все остановилось и стихло.
- Ни хрена се... - оценил Кудин случившееся. Потом очень осторожно дезактивировал бластер, разглядел пульсирующий зеленым индикатор заряда, чуть сдвинувшийся от максимума и, наконец, понял, как пользоваться дозатором. Почти счастливо вздохнув и немного успокоившись, он уважительно засунул бластер в карман. Холод вернул его к реальности.
Упав, девушка так и осталась лежать лицом вниз, пока не подошел Кудин. Он наклонился и, отведя сноп густых, светлых как старый снег ледника волос, увидел широко раскрытые глаза полные детского ужаса. Губы дрогнули, приоткрылись и издали слабый непонятный звук. Похоже, что она все больше отходила от объединяющей коллективности и понемногу обретала самодостаточную индивидуальность.
"Что со мной?.. Что-то со мной происходит здесь..."
- Все уже хорошо! Не переживай, любой бы испугался... Поднимайся, будем выживать дальше пока нас не найдут.
"Я никогда ничего не боялась, ведь в этом нет смысла. А здесь появился смысл бояться...".
Кудин удовлетворенно отметил, что раз у нее случилось столь сильное эмоциональное потрясение от испуга, то наверняка и другие эмоции возможны. Это делало ее куда более человечной, а ее слабость вызывала желание заботы о ней.
- Разве у вас нет никаких опасностей?

"Там не было смерти, когда все вместе - как один, а здесь есть..."
- Да, потом расскажешь... когда время будет. Нужно выбираться отсюда. Когда солнце сядет, сразу станет очень холодно.
День в самом деле быстро завершался, небо все более темнело. Огромная надтреснутая луна, зримо поворачиваясь выплывала из-за гребня и небо сразу стало чернеть в контрасте ее света, а за ней начали вылазить более мелкие луны.
Кудин придерживал инопланетянку в слишком скользком костюме. Ее волосы так и остались распущены длинными локонами, похожими в серебристом свете луны на языки пламени, уносимые ветром. Иногда они, легкие как дым, касались Кудина по щеке это было так приятно, что даже холод ощущался меньше.
Снег быстро твердел, и тапочки покрылись коркой льда, почти уже не мешая. Носки под ледяной коркой высохли изнутри от тепла во время ходьбы. Стало почти комфортно, если бы не холод, пронизывающий с каждым порывом ветра. Чуть более темные полосы снега намекали о трещинах, и Кудин выбирал путь, всматриваясь перед собой. Они перепрыгивали такие места вместе, держась за руки и молча торопились дальше. Хорошо, что трещины здесь не были широкими.
Впереди показались торосы ледопада, бугристый склон стал более крутым и опасным.
Инопланетянка часто соскальзывала в критических местах и, если бы не ее малый вес, они бы уже не раз могли улететь вниз в обнимку.
"Я устала хочу пить... Но тебе так холодно... что нужно продолжать идти..." - порывисто дыша, она наклонилась и, отколов пластину фирна, принялась сосать.
Легкий холодный ветер пробирал Кудина насквозь, от дрожи болели мышцы живота, хотелось есть, но больше всего - пить.
- Как тебя зовут?
Она ответила ускользающим от понимания образом.
- А словами это сказать можно?
"Никто еще не пробовал".
- Нужно пройти ледопад пока луна светит! - он снова взял ее под руку и чуть ли не насильно потянул за собой.
Край ледника обрывался перед склоном суровым провалом, заплетенным густым ледяным узором и пришлось довольно долго спускаться вдоль, пока не нашлось достаточно надежного снежного моста.
Кудин лег на живот и пополз по шершавому фирну через широкую трещину. Он выполз на скалы и, протянув руку, подстраховал девушку.
Из-за ледяных глыб, громоздящихся ниже, послышался необычный гул. Он резко перешел в скребущий оглушительный визг, и в глубине сумерек взмыла туча светящихся огоньков среди сплошной массы неясно трепещущих на фоне уже покрытого звездами неба тел.
"Драконы" - поток страха и доверия к нему захлестнул Кудина.
Они осторожно встали на самый край фирна, уходящего в черную бездну и Кудин притянул инопланетянку к себе. Лежа на спине и, упираясь ногами в ледяные наросты нависающего края ледника, он принялся сползать вниз по склону вместе с позади испуганно цеплявшейся за него девушкой.

Казалось, что от невыносимого драконьего гула вибрирует вся толща ледника, даже забылся холод, на который уходили все силы. Но, может быть, стало теплее потому, что здесь не было пронизывающего ветра.
"Они нас заметили...".
И будто в ответ на это тяжелая туша ухнула совсем рядом, хлопнув крыльями о скалу и обрушив снежный мост в бездну. Девушка тихо вскрикнула и прижалась к Кудину. Дракон возился где-то совсем рядом. Снежная крошка, насыпавшаяся Кудину за шиворот как ни странно придала ему отчаянной бодрости. Когда драконьи глаза, светящиеся зернистыми переливами лазурных бликов, начали приближаться сверху, он выстрелил уменьшенной дозой, и все вокруг потонуло в яростном вопле уцелевшей головы. О том, что происходило на верху Кудин даже думать не хотел. На этом атака и закончилась. Вскоре гул драконьей стаи стих.
- Чем же они здесь питаются? Никакого корма не хватит чтобы столько туш прокормить... - он осторожно высунул голову, но в темноте уже ничего невозможно было разглядеть.
Они выбрались на скалы, ледяной порыв безжалостно забрал у него остаток сил, и Кудин понял, что скоро ему придет конец. Стало уже невмоготу напрягать до боли мышцы чтобы хоть как-то противостоять холоду. Идти быстро в заледеневших тапочках, чтобы согреться вдоль такой скалы, да еще рядом с трещиной из-за темноты было практически невозможно.
"Тебе очень плохо...".
Кудин только сжал челюсти: утверждать обратное он уже не мог.
"Нужно быстрее найти место где мы можем переночевать. Мы сможем поместится оба в моем костюме".
Оп-па, оказывается так было можно! Но он даже не возмутился, что она только сейчас об этом сказала.
Двигаясь порывисто чтобы согреться, Кудин пошел вперед, подстраховывая девушку одной рукой, и вскоре они выбрались в небольшой кулуар с осыпью. Обломки сверху завалили широкую трещину в скале, образовав козырек, и вряд ли можно было найти что-то лучше для ночлега.
Здесь порывы ветра не доставали, и Кудин даже разогрелся, растаскивая крупные камни и утаптывая настил из щебня. Почти сразу вернулась жажда, но от снега, который Кудин то и дело сосал, становилось только горько во рту.
Его штаны внизу покрылись ледяной чешуей и, как носки, стали изнутри сухими. Инопланетянка помогала ему устраивать площадку неожиданно эффективно так, что иногда Кудину казалось, что у него есть еще одна пара рук. Такое телепатическое взаимодействие было непривычно, но очень ему понравилось. Вскоре, засыпав площадку сверху мелким щебнем с моренной пылью, они закончили устройство ночлега. Кудин отряхнул руки, вытер их о штаны, остановился в нерешительности.
"Быстро снимай свою ледяную одежду и залезай ко мне в костюм!"
Она раскрылась, тихо повизгивая от холода, обе свои ноги просунула в левую штанину и убрала руку из правого рукава. Кудин неуклюжими рывками принялся срывать с себя одежду, потом залез ногой в пустую штанину к инопланетянке, просунул руку в рукав, она прижалась к нему, закрывая костюм. Ему показалось, что он попал в печку, а инопланетянка сдавленно запищала от холода.

Кудин отстранился насколько это было возможно от невыносимой сейчас для него жары и с болью начал оттаивать.
"Как я тебе сочувствую! Я и не предполагала, что будет так больно!"
- Это ничего. Со мной и не такое приключалось, - вяло солгал Кудин и тут же раскаялся, понимая, что скрыть ничего не может, но понадеялся, что его этот порыв будет понят и прощен. С легким беспокойством он начал расслабляться, отдаваясь окутывающей его горячей слабости от голода и жажды. Он понимал, что поутру они будут истощены, вот такое и в самом деле уже было не раз. Чернеющие зубья гребня, упирающиеся в глубокое звездное небо, уже не казались грозными и беспощадными свидетелями его скорой смерти. Невероятно гигиантская луна с почти надвое раскалывающей ее трещиной светила из-за скал чуть ли не по-домашнему, а свежий ветерок, залетающий в кулуар, ласкал лицо, не закрытое капюшоном костюма. Тело прогрелось и с непривычки томно ломило, но боль быстро утихала, заменяясь комфортом. И он уже не отстранялся от ее тела. Вот только жажда отвлекала... Они пососали сколько могли затвердевшего снега.
- Если мы завтра не добудем еды, то скоро сдохнем. Что-то у меня нет особой надежды, что нас отсюда вытащат. Придется робинзонить, скорее всего.
"Нас точно ищут и фиды и геды. Качество развития твоей Земли - достаточно редкое явление".
- А вот мы с тобой... интересно, что еще за напасти нас здесь ожидают?
"Это зависит от того, что ты вообразил, когда перемещал нас сюда. Система должна была максимально возможно учесть твои пожелания в тот момент. Попробуй вспомнить свои ощущения, тогда я смогу представить, что нас здесь ожидает".
- Ну... я, во-первых, остро переживал наше приключение и...
"Воспроизведи это мысленно, как один тот образ, пусти меня туда".
Кудин без особого труда вспомнил тот момент и с болезненной зримостью пережил его заново.
"Да. Теперь понятно... Нас ждут здесь необыкновенные и разнообразные приключения.... Вот именно так: чудесно-необыкновенные, романтические приключения тебя и меня... Это система, конечно, должна была обеспечить максимально. Вот только твой героический оптимизм и блестящие победы зависят только от тебя. Так что постарайся быть на высоте... когда мы проснемся завтра".
Кудина немало пробрало как со стороны его совести, так и от осознания ответственности за будущее. Конечно же, он воспринимал не эти слова и фразы, а смысл, возникающий в его голове, окрашенный сопутствующими впечатлениями и всеми мысленными нюансами, что давало точную и целостную картину, которую словами возможно передать только отчасти.
И еще было удивительное ощущение полного безропотного приятия инопланетянкой, созданной им судьбы и своей роли в ней, так что ее тело совсем рядом начало заметно кружить голову. Конечно же, эти мысли были тут же с должным пониманием восприняты. Кудин предпринял жалкую попытку отвлечься.
Они устроились на отсеянном ими от камней моренном песке почти как на

пляже.
- Проснемся, если этой ночью не съедят драконы, выковырив отсюда, - сказал он, - правда они так грохочут, что мы точно успеем проснуться... если только я вообще смогу заснуть.
"Сейчас я тебе помогу" - она повернулась к нему, уткнулась носом ему в шею и от спокойных набегающих волн ее мыслей медленно разлился комфорт, который затемнил собой жажду и голод.
- Хорошо как... - Кудин почувствовал нежную благодарность к инопланетянке за такое исцеление, - Как же тебя зовут? Повтори еще раз.
"Меня голосом не зовут, но ты попробуй если хочешь. Только учти, что аналогии этого образа для тебя не доступны, они слишком специфичны, поэтому ты уловишь только их случайные отклики у себя".
Кудин быстро и сам это понял.
- Если бы я был индейцем, - неожиданно вырвалось у него, - то назвал бы тебя Серебряное Облачко, из-за твоих чудесных волос и невероятно мягкого характера.
Инопланетянка ответила благодарным ментальным порывом.
"Мне нравится, но я не облачко...".
- Тогда что-нибудь как в наших космических сериалах, все-таки ты же инопланетянка. Ну... тогда вот: Илон - это чем-то похоже на то, как ты мысленно назвалась.
На самом деле он в далеком детстве сотворил стишок про женщину с таким именем и был довольно долго неравнодушен к нему. Почему вдруг такое вспомнилось?.. Но и эти его мысли были восприняты тепло его неземной подругой.
"Хорошо, буду откликаться!".
- Илон, Илонка... скажи, неужели все то, что я пожелал при перемещении, воплотили в эту планету?
"Из множества планет вселенной подобрали наиболее подходящую".
- Вселенной?.. Сколько же планет вами изучено настолько хорошо?
"Все планеты во вселенной входят в банк данных единого разума".
- Ничего се... - Кудин задумался, пытаясь вообразить это, - не может быть...
"Это уже есть".
- Неужели я когда-нибудь смогу разобраться в вашей жизни?.. Ты поможешь?..
"Я для этого и существую - помогать тебе...".
- Как это? Обязанность такая?..
"Гораздо более глубокая обязанность, чем ты думаешь...".
Слова, которыми они обменивались, начинали терять строгий смысл. Ее носик так и оставался у него на шее, а нежность, которую Кудин испытал при исцелении, вызывала радостный отклик у инопланетянки, что эхом усилило чувства Кудина, отразилось и, в свою очередь - опять у инопланетянки. Такая сильнейшая эмапатия стремительно погружала Кудина во все большее вожделение и никакие разумные доводы уже не могли его сдерживать.

Кудин проснулся с закрытыми глазами, вспомнил все и прислушался к себе. Он удивился, что спал так крепко на редкость в неудобных условиях и что он не

чувствует себя разбитым как это должно было бы быть в высокогорье после секса. Рядом он ощущал всем телом свою Илон. С типично мужским, наивным торжеством он подумал об этом и открыл глаза.
Уже давно ярко светило солнце. Но еще ярче, и это, видимо разбудило его, над зубцами гребня апокалиптически сияла одна из лун так, что от этого проникающего света ломило глаза. Яркость эта стала постепенно спадать и в то же время диск заметно расширился, все более напоминая вспышку взрыва. Эта мысль отрезвила Кудина, и он в изумлении наблюдал как оболочка газов, расширяясь, стала прозрачной и вновь открыла планету, порванную на три неровных куска, которые с тягучей медлительностью смыкались взаимным притяжением, продолжая разрушаться друг о друга.
Кудин повернул голову к Илон. Та смотрела на разваливающийся спутник неподвижно и не моргая. Он вместе с ней досмотрел космическую трагедию, потом прижал ее к себе, и она замерла, уткнувшись носом в его щеку. Новый день сурового горного мира сулил неожиданные проблемы. Ах да, будет много приключений, вспомнил Кудин свое же полуосознанное пожелание. Что же делать?..
Он вообразил, как они находят на морене около талой воды надежное укрытие, он дооборудует его каменными обломками чтобы ни одна тварь не могла пролезть и... где-то нужно добыть еду. Придется подбить дракона. И они будут жить с Илон пока их не обнаружат.
- Пора вставать, Илон, нам еще спускаться с ледника. Мы проспали почти весь здешний день, а еще нужно еду добыть.
Он осторожно поднял ее густые светлые пряди, все еще поражаясь их гибкой невесомости, и выбрался из костюма. От слабости его зашатало и слегка закружилась голова. Вот - реакция. Встав босыми ногами на тапочки, он натянул высохшую, но холодную как лед одежду и помог подняться Илон. Пока в горах светит солнце можно ходить хоть раздетым.
"Смотри..."
Метрах в пятидесяти, на заснеженном склоне около скал, лежала беспорядочно разбросанная груда костей среди малиновых пятен крови, обрывки перепончатых крыльев и оторванную драконью голову. Видимо - тот, у которого он вчера отстрелил одну из голов. Несмотря на голод есть такое не хотелось.
- Мясо, - не очень уверенно, показал Кудин.
"Не хочу есть дракона."
Значит не так уж мы и голодны. Кудин нащупал бластер в кармане, увидел, что его заряд опять стоит на максимуме, улыбнулся Илон и, обняв ее за плечи, повел вниз.
Они обошли невообразимо красивые в пронизывающих лучах торосы ледопада сбоку вдоль скал, и напились из ледниковых ручьев. Это сразу восстановило силы и настроение.
Зрелище, которое открылось за большим моренным бугром, ошеломило его. За широкой гладью синего озера в отвесном скальном массиве виднелся гигантский вход тоннеля, обрамленный выбитыми в камне фигурами драконов. Похоже, это была очень старинная работа: потемневшие и во многих местах сколотые фигуры давно бы исчезли под действием эрозии если бы не размеры,

позволяющие отчетливо видеть их даже на таком расстоянии.
- Здесь есть какая-то цивилизация... Это понятно было еще по взорвавшейся луне...
"Если только этот взрыв не был последним достижением этой цивилизации...".
- Что-то мне подсказывает, что заварушка еще не кончилась. Какое красивое место!..
Они подошли к самому берегу. Прозрачная ледяная вода омывала торчащие иглы скал и моренный щебень между ними. Кудин присел и опять напился, черпая пригоршнями.
"Я чувствую здесь пространственно-временное мезр" - неразборчивый образ, ассоциировавшийся с вербальным "мезр", намекал на какое-то глобально-космическое явление, - "Это место нужно обследовать, но звезда скоро опять скроется за горами".
Кудин озабоченно посмотрел на подбирающееся к краю высокого гребня солнце.
- Нужно идти дальше. Здесь мы, наверное, нормальную еду не добудем.
"А смотри, там, около валуна на берегу..."
Около обломка скалы, острым зубом торчавшего из берега, что-то медленно шевелилось. Кудин пригнулся в охотничьем порыве и, активируя бластер на ходу, начал подкрадываться к добыче.
"Осторожно, Саша!"- уловил он сильнейшую тревогу, но это только несказанно обрадовало его и придало безрассудной отваги.
Желтоватое, мелко подрагивающее тело виднелось между валунов. Кудин подобрал камень и бросил его чтобы вынудить животное вылезти на открытое место. Довольно точно описав дугу, камень пропал без звука. Кудин замер размышляя.
"Саша!!!"
Он успел увидеть толстую радужную струю, ударившую в него с необычайной силой. С этого момента он ничего не понимал. Бластера в руке уже не было. Что-то огромное наползло сверху, вздыбилось и залило его нестерпимо вонючей жидкостью. В голове начало тускнеть.
"Слушай меня! Не засыпай!"- эти приказы только и поддерживали сознание, не давали забыть все и расслабиться.
Через бесконечно долгое время что-то начало трещать, рваться, раскачивать его, причиняя болезненное беспокойство. Толстый матовый пласт отошел, открыв внешний мир и Кудин захлебнулся густым свежим воздухом. Это отрезвило его довольно быстро. Жадно дыша, он попытался встать.
"Подожди, я еще не оборвала эту дрянь с тебя, которой ты опутан".
Кудин с омерзением принялся помогать Илон. Отвердевшие радужные струи упруго пружинили и отставали со звуком рвущейся материи.
- Что это было?
"Похоже на длинного и толстого червяка. Он законсервировал тебя и уполз в тоннель в скале".
На уровне своего живота Кудин обнаружил кладку огромных яиц и, когда окончательно освободился, хотел было размозжить их камнем.
"А разве это теперь не наша добыча?".

Кудин замер в нерешительности с обломком в руке.
- Ты будешь их есть?
"Вряд ли мы найдем что-то лучше".
- Гадость какая-то. Вдруг они ядовитые?
Илон наклонилась и понюхала яйца.
"Нет".
Кудин подобрал выроненный бластер и протянул его Илон:
- Если опять вылезет, прибей эту тварь! А я смою с себя эту вонь... А потом мы попробуем запечь яйца.
"Искупаться в озере?! Это же очень холодно!"
- Ну а где же еще? Я не могу ходить с этой мерзостью... - он решительно подошел к воде, напрягая мышцы чтобы противодействовать холоду, ступил в воду и остервенело принялся оттирать ноги, но через несколько секунд вылез, морщась от боли.
- Голени быстро стягивает холодом! Нужно радикальней адаптироваться...
С этими словами Кудин, не снимая одежду, плашмя упал в воду и, заорав, нырнул. Илон вскрикнула, восприняв сильнейший поток ощущений.
Слизь легко поддавалась судорожным усилиям, и Кудин выскочил на камни, ощущая, как кожа начинает гореть иголочками. Отжав одежду, он в лихорадочно натянул на себя штаны, а яйца сложил в футболку.
- Побежали, Илон! У скалы что-то растет, может найдем хворост!
Они спустились к узкому выходу из ущелья и здесь среди стелящегося кустарника стали попадаться сухие сучья. Солнце уже зашло за высокий гребень и сразу стало холодно. Под нависающей скалой нашлось отличное место с относительно ровной площадкой, и Кудину показалось, что началась полоса везения. С этого места было удобно наблюдать и верхушку тоннеля, и выход из ущелья.
Кудин собрал кучей хворост и на минимуме поджег его. Едкий дым разнес неземные запахи по площадке и сменился прожорливым пламенем. Корявые ветки быстро сгорали и от яркого света, казалось, вокруг сгустились багровые сумерки.
- Смотри, они, кажется, светятся! - Кудин склонился над яйцами, лежащими поодаль в полумраке, - Может быть они радиоактивные?
"Нет. Это обычная люминесценция".
Она взяла в руки яйцо и, проткнув скорлупу ногтем, к ужасу Кудина выпила содержимое.
- Как ты можешь! Давай я хоть испеку их!
"Очень неплохо. Советую сделать то же самое".
- Ну уж нет! - Кудин нагреб палкой кучку золы над несколькими яйцами и уселся рядом на камень, тупо уставившись на языки пламени в костре.
Илон успела выпить еще два яйца, когда раздался знакомый жуткий гул.
- Опять драконы! - Кудин вскочил чтобы разметать костер.
"Наоборот, больше огня! Они нас и так заметят, а огонь, может отпугнет их!"
Кудин свалил в кучу весь запас дров, и пламя осталось далеко в глубине, только дым повалил сильнее.
Над возвышением морены стало заметным движение нескончаемой стаи

гигантских теней. Они вылетали из одного места - из тоннеля и, разлетаясь широким веером, устремлялись в высокогорье.
- Где же они там помещаются?! Даже если это - местные "летучие мыши", то какой же должна быть пещера, чтобы их вместить?!
"Там не пещера, а мезр! И мне завтра обязательно нужно будет его обследовать".
Пламя выбралось на поверхность дров, начало вылизывать ветви и разгорелось с такой силой, что от жары пришлось отойти подальше. Одной рукой Кудин держал бластер, а другой поспешно собирал новые ветки, посматривая на небо.
Первый дракон появился настолько неожиданно, что Кудин успел заметить только две рубиново светящиеся трассы глаз, стремительно приблизившихся из темноты около скальной стены. С оглушающе-пронзительным ревом распахнулись во все небо крылья и совершенно автоматически рука сама нашла цель. Пучок энергии ослепительным зигзагом перечеркнул налетающий кошмар, и искореженная туша сбила с ног Кудина. Горячие капли попали ему в лицо. Он вскочил, не обращая внимания на боль, и лихорадочно нащупал выроненный бластер.
"Еще два сзади вдоль скалы!"
Он вжался меж валунов и луч бластера судорожно прочертил широкую дугу, отражаясь от скал шквальными снопами пламени. Оглушающие пронзительные вопли, от которых все стыло внутри, смешались с гулкими ударами обрушившихся камней. Потом все стихло, только пламя плясало до неба.
Больше драконы здесь не появлялись. Видимо твари были достаточно разумны или их уже хорошо выдрессировали. Пламя догорающего костра позволило видеть, что стая далеко облетала площадку с костром.
Кудин некоторое время напряженно всматривался в небо, пока стая совсем не поредела, и последние драконы не скрылись вдали над ледопадом. Затем он отер лицо рукавом и бросил в костер заготовленные ветки.
Острый приступ голода заставил вспомнить про яйца. Кудин веткой выкатил их из золы и, не дожидаясь, когда они остынут, схватил одно, перебрасывая из ладони в ладонь. Из лопнувшей скорлупы аппетитно пахло. Он с удовольствием съел одно и в полном восторге, обжигаясь, прикончил второе пока не вознамерился поделиться деликатесом с Илон. Он поднялся, разыскивая ее взглядом.
- Илон!! - тревожный крик отразился далеким эхом.
"Я здесь".
За границей света, около скальной стены слабо шевелилась туша дракона. Илон что-то делала рядом.
- Осторожно, Илон! - Кудин подобрал лежащий у ног бластер и приблизился к ней.
Она стояла неподвижно перед безжизненно лежащими головами со светящимися глубоким рубиновым светом глазами. Иногда жуткие когти на крыльях глубоко впивались в землю, судорожно напрягались и снова ослабевали.
Кудина поразила ужасающе хищная форма бронированных морд. Задняя часть туловища была изуродована бластером.
- Он не цапнет тебя внезапно?
Дракон вздрогнул всем телом от голоса и судорожно сжал когти.

"Нет, я сейчас, Саша еще немного. Ты подожди меня у костра, а то замерзнешь". Она уже не замечала Кудина, сосредоточенно застыв с широко открытыми невидящими глазами. Так продолжалось довольно долго и казалось, что она впитывает жизненную силу дракона. И в самом деле кончилось тем, что когда-то могучее тело в последнем порыве жизни заскребло когтями, бессильно задрожало и застыло.
Илон повернула к Кудину невинное лицо и в далеких отсветах пламени оно показалось ему таинственным и сакраментально прекрасным. Это была очень даже необыкновенная женщина и близко не похожая на земных. Мало того, обычные земные женщины теперь казались Кудину блеклыми мартышками в сравнении с непостижимыми способностями Илон. Он был головокружительно впечатлен.
- Что ты делала?
"Изучала его. Ты хочешь предложить еду?"
- Как раз собирался это сделать, - Кудин пришел в легкую панику, пытаясь замаскировать свои чувства и мысли, но как нарочно они предательски выплывали в сознании.
"Как смешно ты пытаешься спрятаться! Не бойся меня, Саша!"
- Хорошо... и раз уже ты так все у меня в мыслях ощущаешь, то вот...!
Кудин с непередаваемым облегчением дал полную волю своим чувствам и воображению. В первый раз он уловил что-то вроде смущенной улыбки на обычно бесстрастном лице Илон.
"Ты так мне льстишь!.." - она близко подошла к нему, и опять телепатическая обратная связь лавинообразно сблизила и раздула их взаимную эмпатию, напоминая прошлую ночь и суля следующую. Лишь насущная реальность заставила вернуться в этот мир.
"Тебе холодно! Нужно еще есть!"
- Раз мы остаемся здесь пережидать ночь, попробую убрать подальше эти туши, - Кудин повел Илон к костру, - А ты пока съешь яйца.
Кудин, упираясь до предела, растаскивал драконьи тела, вцепившись в ледяные и твердые как сталь задние лапы. Ему казалось до смешного нереальным то, что он делал. Останавливаясь чтобы передохнуть, он смотрел на чужие звезды, тускло блестящую разрушенную луну, а перед глазами вставали, подробные как галлюцинации, разинутые драконьи пасти с яростно горящими глазами.
"Кажется, уходя не закрыл калитку..." - вдруг вспомнил он, - "опять со двора бомжы все потырят...", но тут же отбросил эти мысли чтобы оттащить последний фрагмент раздробленного крыла.
Тщательно отмыв руки у ручья и напившись, он подсел к почти прогоревшему костру. Илон протянула ему очищенное яйцо, и Кудин съел его, подрагивая под порывами ледяного ветра.
Потом она пустила его к себе в костюм, и они улеглись в моренном песке, обнявшись.

Опыт жизни Кудина почти ни с чем не пересекался из того, казалось, нескончаемого разнообразия неожиданных оттенков общения, которые давала любовь с Илон. Он стремительно изменялся сам. Это пугало его

непредсказуемостью и тем, что он не успевал оценить и даже просто осмыслить эти изменения.
- Илон, что тебе от меня нужно? - спросил Кудин после того как вполне исчерпал возможности выражения своей нежности и постепенно им овладела задумчивость, порождаемая волной впечатлений.
"Мне нужен ты".
- Для чего?.. Я понимаю, что тебе приходится умело играть со мной в любовь...
"Моя специализация в системе единого разума конформна (сложнейший многоуровневый образ) твоим целеобразующим установкам в доступной тебе проекции Земного общества. Поэтому у тебя и был определен статус представителя Земли".
- Может быть на десятый раз я и пойму, что ты хотела сказать...
"Через нас с тобой образуется связь между Землей и единым разумом. Но это не профессия и не обязанность, а естественная связь моей и твоей систем ценностей, что и формирует наше взаимопонимание. Это та наша судьба, к которой мы готовились всю жизнь".
- Нам обязательно нужно будет об этом поговорить, когда выберемся отсюда...
"Сейчас мне очень трудно и необычно без связи с единым разумом. Я превратилась в бессильного звереныша, но очень важно, что мы вместе и, несмотря на все, во многих случаях оказываемся глубоко совместимы".
Илон повернулась к нему и минуту ласково подержала свои горячие ладони на его щеках. Кудин довольно долго лежал с открытыми глазами. Одна луна зашла, обломки другой заволакивали облака.
Он начал было забываться, и сумбурный сон почти овладел им, но что-то мешало. И это что-то нарастало. Кудин с усилием пришел в себя и понял, что в костюме становится очень жарко. Илон тяжело дышала и изредка тихо постанывала.
- Ты что, заболела? Эй! Илон! - он тряхнул ее пылающее плечо и поразился неожиданной жесткости ее кожи.
"Нет, Саша...Так должно быть... я сейчас выйду".
- Куда ты выйдешь?!
"Я выйду из костюма. Ты ничего не бойся. Ты же понимаешь, что я все делаю так как нужно. Завтра все увидишь и поймешь, а сейчас мне трудно тебе объяснять - нужно сосредоточиться..."
Илон торопливо вылезла из костюма и отошла в сторону, пропав в темноте.
- Илон! Я тебе сейчас помогу!
"Нет, Саша! Не выходи и постарайся заснуть - завтра может быть очень трудный день".
Это было передано так решительно и уверенно, что Кудин остался лежать в костюме, и вскоре усталость взяла верх, а совесть сдалась, позволив забыться.

Сквозь сомкнутые веки назойливо слепило солнце, припекая лицо. Он проснулся резко, все вспомнив и, разом выскочив из инопланетного костюма, принялся лихорадочно одеваться, одновременно озираясь по сторонам в поисках Илон. Ее нигде не было. Кудин оглянулся и похолодел: привалившись к скале, совсем рядом полузакрыв глаза пленкой сыто дремал небольшой дракон, уложив обе

головы на протянутые когтистые лапы. Вокруг валялись обломки свежеобглоданных костей.
Эти кости ужаснули Кудина подозрениями, и он оцепенел. Потом всколыхнувшаяся ярость вернула его в реальность. Он вытащил из кармана бластер и перевел ограничитель мощности на максимум.
"Это я, Саша, не стреляй!"
Кудин в изумлении раскрыл глаза и застыл на месте.
"Я перестроилась в дракона. Так нужно", - дракон шире открыл глаза и одна из голов, приподнявшись, посмотрела на Кудина.
"Не бойся, это - я Илон", - вторая голова тоже поднялась, и дракон уселся, распахнув веером кожистые крылья.
- Подними лапу!
Дракон поднял лапу. Кудин в отчаянии подошел ближе.
- Зачем ты это сделала?!
"Мне нужно обследовать мезр в тоннеле. В другой мир я могу сейчас явиться только, став его сильным обитателем".
- Тоннель ведет в другой мир?
"Мезр соединяет два мира, расположенных в разных местах вселенной. Драконы перелетают из того мира в этот и не возвращаются. Это большая редкость - устойчивый мезр. И он зачем-то интенсивно используется. Возможно для преброски драконьих стад фермерами на продажу в другой мир.
- Почему же ты меня не предупредила, что превращаешься в дракона?
"Ты бы не смог заснуть".
- А эти кости?..
"Убитого дракона... Мне нужно было расти. Пришлось усвоить много мяса за короткий срок".
- Господи, Илон!.. - Кудин судорожно сжал руки.
"Не переживай так, Саша. У нас с тобой все в порядке. Я обследую мезр, и мы выберемся отсюда. Подозреваю, что это из-за близкого мезра нас до сих пор не обнаружили. Так что другого выхода просто нет".
Кудин стоял перед драконом в растерянности, не зная, что делать.
- Как ты на меня двумя головами смотришь? Тебя сейчас два?
"Нервная система драконов эффективнее человеческой. Главный мозг расположен в грудном утолщении позвоночника, а в головах осуществляется первичное стереовосприятие, а еще есть общий глаз между шеями. Поджарь себе мясо в костре и пойдем".
Кудин был достаточно потрясен и, сознавая неизбежность, только стиснул челюсти. Он подошел к недоеденной Илон туше, лежащей поодаль, отрубил лучом бластера кусок мяса и разжег костер.
- А тебе обязательно нужно забираться в тот мир чтобы исследовать этот мезр?
"Я должна собрать достаточно признаков того мира, чтобы его можно было потом идентифицировать".
Мясо шипело над огнем на конце ветки, разнося одуряющий аромат.
- Ты предполагаешь, что про этот мезр у вас еще ничего не известно?
"Скорее всего. Внепространственная разведка его невозможна: он как бы ускользает при таком наблюдении между соединенными им мирами".

За гребнем сверкнуло что-то грандиозное, облака в той стороне исчезли, но в далекой полосе неба появилась и медленно расползалась серая мгла. Под ногами зло тряхнуло землю. Вскоре с гребня одним невидимым порывом сдуло снежные карнизы и с запоздалым грохотом далекого взрыва выбросило белое облако с кусками снежных пластов в сторону озера.
Кудин вскочил, напряженно прикидывая долетят ли куски.
- Ничего себе... - выдохнул он, немного успокоившись и наблюдая как медленно падают в районе озера, оставляя белые трассы в воздухе, снежные глыбы, - Там война какая-то всерьез идет... атомную бомбу взорвали, наверное.
"Радиоактивность не изменилась. Это не атомная бомба, а что-то посильнее".
- Интересно было бы посмотреть, что происходит на этой планете.
"Во вселенной происходит очень много интересного. И я тебе буду все это показывать!".
Из-за гребня один за другим вылетели серебристые диски и, мелькнув высоко над мореной, скрылись за противоположным гребнем.
Кудин проводил их взглядом, ощутил, что его уже это не цепляет так сильно и осторожно попробовал кусок мяса зубами.
- Соли нет, жалко, но вполне... Ты как-то странно на меня смотришь, Илон со звериной жадностью. Или это нормальный взгляд дракона?
"Приходится преодолевать позывы драконьей физиологии. Когда я была в виде земной женщины я и мыслила почти как женщина и у меня были ее вполне искренние желания".
- Кто же ты на самом деле? - Кудин перестал жевать в сильнейшем замешательстве.
"По-твоему я - один из неисчислимого множества терминалов единого разума. Моя самостоятельная личность в отрыве от общего сознания единого разума ничтожна и, конечно, конкретизируется в зависимости от того какую физиологическую форму я принимаю. Но вместе с тобой я обретаю огромную значимость".
- Значит сейчас ты и в самом деле - дракон?"
"По большей части. Система ценностей, память прошлого и автоматизмы остались прежними. Они и составляют мою сущность. Но я все переосмысливаю и контролирую... если бы ты знал, как мне хочется сейчас тебя разодрать на куски!" - дракон сделал нетерпеливое движение и коготь пропорол землю.
- Эй!.. может быть мне уйти подальше?
"Не бойся, Саша. Я легко контролирую свои порывы."
Кудин отложил недоеденный шашлык и отер губы кулаком.
- Давай, Илон, сходим быстрее в твой мезр, и ты сбросишь с себя эту шкуру... Знаешь, если бы я не привык к тебе так, то и не знаю, что бы я сейчас думал.
"Тебе туда ходить не следует. Мы действительно общались достаточно, твоя модель детально и прочно сидит у меня в памяти, и ты всегда со мной, но мы очень много потеряем если ты раньше времени уйдешь в мир остаточного разума".
- Типа сдохну, что ли?
Кудин некоторое время обдумывал новое для него понятие, казалось бы, дающее вексель на некое потустороннее существование, но оставив

разбирательство на будущее, поднялся на ноги.
"Одень мой костюм", - дракон отошел от скалы, развернул крылья и потянулся, ошеломив Кудина гигантским размахом и ужасным видом разверзнутых пастей. Коротко разбежавшись, он с великолепной грацией взмыл в небо.
Кудин проводил его взглядом и подошел к костюму, блестевшему небольшой серебристой лужей в траве. Не верилось, что в нем помещались двое. Забравшись в костюм, Кудин почувствовал себя более уверенно и, чтобы преодолеть нарастающее одиночество, решил, все же, прогуляться к мерзу. Костюм в деле был великолепен, только досадно скользил на льду, и Кудин надел поверх опостылевшие тапочки. Напившись ледяной воды у ручья, он направился к моренному затору.
Не доходя до ближайших валунов, он заметил знакомое движение червяков-яйценосов и мерзкие воспоминания заполнили его. Он перевел регулятор мощности бластера на максимум и высвободил энергию. Впереди протяжно ахнуло, в лицо толкнуло жаром и сквозь сомкнувшиеся веки ворвался яркий свет. Через мгновенье его обдало упругой горячей волной воздуха, и он открыл глаза.
Из поднявшегося густого облака водяного пара длинными дымовыми трассами уходили вдаль крупные обломки, падая где-то за озером, которое больше, чем на половину выплеснулось на противоположную сторону и теперь высокой волной возвращалось в свое ложе. Ветер медленно сносил паровую завесу в сторону, обнажая оплавленные просевшие камни. И на них откуда-то выползали азартно взбодрившиеся черви.
Кудин принялся палить максимумом, переводя ствол слева направо и ощутил нестерпимый жар от плавящейся породы. Лицо горело от жара и только костюм спасал его. Он опыстил ствол и выждал, когда станет видно впереди. От озера не осталось ничего. Густое марево горячего воздуха поднималось от малиново светящегося расплава. Восстановившуюся тишину больше ничего не нарушало. Кудин благоразумно, по всем правилам игры за жизнь, сделал большой крюк в сторону, взбираясь на затор. Вход в тоннель казался заманчиво близок.
Он уже не раз должен был бы выдать себя мощнейшими разрядами бластера, но, похоже, никому здесь не было до этого дела. В последнее время он только и совершал, что опрометчивые, безрассудные поступки, все казалось ненастоящим, игровым квестом. Вот и теперь заглянуть в открывшийся перед ним вход уже ничего не стоило.
С бластером на малой мощности, чтобы не завалить самого себя обломками, он медленно зашел в проем. С легким протяжным звоном что-то тонкое и невидимое порвалось пред ним, и Кудин оцепенел в страхе, ожидая немедленного возмездия, но ничего не произошло, только уши слегка сдавило как в самолете, и он решился двинуться дальше.
Темнота не успела поглотить его как впереди показался новый свет. Кудин в волнении пошел быстрее, понимая, что это выход в другой мир.
Вздохи, порывы, далекие резкие звуки эхом доносились с наружи. Тяжелый запах гнили заставлял задерживать дыхание и у Кудина в голове возник вопрос: а как же уравнивались атмосферные давления планет если все проходило через тоннель беспрепятственно.

Он вышел из огромной арки в другой мир и все его рассуждения оказались сметены жестокой картиной. Прямо перед ним суетливая и свирепая тварь, густо обросшая кинжальными наростами, толчками вгрызалась в поверженную тушу бочкообразного монстра. Черная кровь буквально стелилась по смятой траве. Да что за миры все какие-то зверские, где жизнь ничего не стоит! Или он не понимает что-то важное? Он остро ощутил свое здесь одиночество и никчемность.
Кудин начал пробираться вдоль скалистой стены в обход, раздвигая влажные длинные стебли.
В зеленом полумраке под низко нависающими желто-бурыми вечными испарениями видимость быстро терялась и вдалеке все сливалось в неразличимые разводы. То и дело вокруг возникали локальные смерчи и, ввинчиваясь в небо, исчезли.
Тварь пожирала добычу с оглушительным хрюканьем, постоянно вырывая окровавленную лоснящуюся морду чтобы остервенело оглянуться. Она заметила Кудина и впилась в него мертвящим взглядом. Он тоже стал ее добычей. Она молниеносно подалась вбок и слилась с высокой травой, сменив расцветку шкуры. На чуть дрожащих кинжальных выростах выступили крупные вязкие натеки.
Кудин в панике вскинул бластер, и луч с протяжным треском распорол мглу. Тварь только начинала выполнять смертельный бросок и ее изуродованное тело вскинулось вверх и распласталось, смяв разлапистый куст. Кудин наблюдал, не опуская бластера, как тело медленно меняет окраску, проходя всю цветовую гамму и наросты складываются, превращаясь в длинную чешую.
Но больше всего Кудина озадачило то, что при выстреле луч бластера кончился раньше, чем был отпущен спуск. Подняв руку, он выстрелил в небо. Луч тускло вспыхнул и медленно погас как свет фонарика с разряженными батарейками. Заряд кончился, зеленый индикатор мерцал точкой внизу, но чем-то он понемногу подпитывался. Если выждать, то его, быть может и хватит еще на нехилый выстрел. Привнесенная память, стимулированная при первой встрече с инопланетянами, ничего толкового не подсказывала. Временно он остался беззащитным. Нужно было осторожно уходить пока не поздно и на той стороне затаиться, ожидая Илон.
Размытая стена кустарника невдалеке раздвинулась и там показалось что-то пока еще не различимое в деталях. Кудин хотел было забежать под арку, но оттуда один за другим с резким свистом вылетели несколько дискообразных летательных аппаратов и веером взмыли под облака. Из одного из них со стрекотом вылетела огненная трасса, и столбы ярких вспышек встали там, где уже становилось явственным гигантское паукообразное создание. Диски, зависнув, опустились и ближайший отрезал путь Кудину под арку.
Из дисков высыпали люди в черных костюмах и рассредоточились цепью вокруг. Кудин уже привык, что за ним постоянно кто-то охотится. Заряду в бластере могло накопиться только на один полноценный выстрел и не было никакого смысла сопротивляться. Кроме того, рост окружающих его людей показался ему до смешного маленьким. Поэтому Кудин просто стоял и наблюдал, все еще сжимая бластер в опущенной руке.

Где-то вдалеке из туманной мглы послышался знакомый нарастающий гул драконьей стаи. Черные фигуры засуетились, и не успел Кудин злорадно ухмыльнуться как его опоясало яростной болью, и мир в глазах потемнел. Он безвольно стек на траву, не в силах даже стонать и краем сознания заметил, как к нему подлетел один из дисков. Множество рук деловито перекатывали его по земле к трапу как бревно, не в силах удерживать на весу.
Когда задраился люк, боль прошла, сменившись горячим ознобом и необыкновенной легкостью.
Неожиданно ускорение прижало Кудина к полу и в ставших вдруг прозрачными стенах диска он увидел выросшую арку, сгустившаяся темень тоннеля поглотила их на мгновение, и дно моренного озера тускло заблестело внизу застывающей лавой.
Диск резко ушел вверх сквозь толстый слой низких облаков, и Кудин больше уже ничего не мог видеть кроме верхушек горных гребней.
Рядом с ним никого не было. Он сидел на полу как трофейное животное и на него совершенно не обращали внимание те, кто сидел в маленьких креслах вдоль периметра диска. На таком кресле он, конечно, не уместился бы.
Раздался негромкий звук и на стене диска начали мигать оранжевые круги. В том месте Кудин различил быстро увеличивающиеся пятна. Но ему уже все стало пофиг. Не было даже отчаяния, что он все потерял, пусть все катится как получится.
Резкий вираж жестко бросил его вбок, и снисходительно подумалось, что этой посудине технически далеко до тарелки, в которой он летал. Похоже, он в плену у фидов, которых Кот называл тупоголовыми лохами. А может быть это какая-то местная цивилизация.
Что-то вспыхнуло призрачно-зеленым снаружи, человечки в креслах зачирикали, и Кудин с изумлением понял, что идет воздушный бой. Пятна, которые очерчивались оранжевым, оказались вражескими дисками, совершающими невероятные стремительные маневры.
Эскорт диска, в котором был Кудин, разлетелся веером и включился в адскую карусель. Там сверкали зеленые вспышки, вспучивались белые облака и пронзали пространство нити лучевых ударов. В голову пришло, что так воевать могут только камикадзе или в голливудских Звездных войнах. Вся эта картина взаимного истребления быстро удалялась и осталась над клубящимися верхушками облачного покрова.
Кудин чувствовал себя физически вполне хорошо и удивился своей безучастности. Это его даже как-то оскорбляло. В самом деле, он сидит, упуская, может быть, единственный шанс, вместо того чтобы внезапно устроить хороший переполох в этом детском саду. Что могут поделать десяток коротышек, недотягивающих и полутора метров? Но, видимо, они все делали наверняка. По крайней мере так было до сих пор. Хотя, может быть, его нерешительность тоже ими психологически учитывается, и они просто блефуют?
Который раз уже на него оглядывался один из них. А теперь в режиме свободного полета без виражей и других неприятностей, он вылез из кресла и прямиком подошел к Кудину. В протянутой руке он держал бластер Кудина. Сначала Кудин похолодел, наскоро прощаясь с жизнью, потому, что

непосредственность и простота действий этих существ сулили что угодно. Но потом он с изумлением понял, что ему возвращают его оружие. К тому же инопланетянин изображал на лице что-то вроде приветливого оскала.
Кудин приняв бластер, взглянул на индикатор и приятно удивился полному заряду. Нет, он, конечно, не станет тут же палить из него. Кудин демонстративно сунул его в специальный отсек серебристого костюма. После этого он даже попытался встать, но стукнулся головой о невидимый потолок диска. Тогда он присел, свернув ноги по-азиатски, а инопланетянин, потешаясь над его неуклюжестью, уселся рядом, совсем как шкодящий гопник, и театрально сорвал черный капюшон со своей головы. Опять женщина.
Кудину явно везло на внимание инопланетянок. Но простота и прямолинейность общения этой не знала границ. Хотя надо было признать, что данное существо, несмотря на очень своеобразные черты лица, не казалось уродом, а скорее привлекало логичностью и определенным совершенством формы, но зачем лезть сразу целоваться и еще как-то своеобразно демонстрировать абсолютное доверие в коммуникабельности?
Кудин не понимал почему она так тщательно его обнюхивает, но терпел все, не зная, будет ли лучше если он не станет поддерживать это. Теплилась счастливая надежда, что, может быть, это Илон так маскируется...
Пока Кудин вживался в ситуацию диск вышел в космос. Размышления были прерваны видом приближающейся луны. Поворачивающийся край открыл глубокий извилистый раскол, и Кудин сразу узнал его. Скорость полета была удивительная: луна быстро вырастала, дополняясь подробностями. Края разлома разошлись, охватывая половину мира, но полет в самый центр луны продолжался.
Инопланетянка отстранилась от его лица и теперь просто беспечно сидела рядом, обив своей тонкой длинной ручонкой его шею. И ощущение, что это - Илон стало сильнее.
Сначала показалось, что внизу разлилось море раскаленной магмы. Но сплошной поток света по мере приближения распадался на отдельные разноцветные источники. Диск, головокружительно маневрируя, проносился между исполинскими сложнейшими сооружениями, рассмотреть которые было немыслимо. Это зрелище захватывало и подавляло одновременно, пока чуть ли не суеверный трепет не охватил Кудина.
Все кончилось внезапно. Они влетели в огромное ярко освещенное помещение, где кроме зеркально блестевшего пола и нескольких дисков на нем ничего не было.
Инопланетяне принялись беспечно выбираться из кресел - как с пикника вернулись. Подружка Кудина тоже вскочила и принялась радостно как ребенок вертеться около него, явно счастливо заигрывая. Кудин, растерявшись, осторожно поднялся и, все же, ощутимо треснулся головой в потолок. Диск там в этом месте на секунду помутнел, а Кудин зашипел от боли и неожиданно для себя смачно выругался. Он позволял себе такое в одиночестве.
Именно это и произвело сильнейшее действие. Инопланетянка взвизгнула и отскочила от него, другие же шарахнулись к стенам и напряженно застыли, излучая раскрытыми глазищами гадливый ужас.

Что еще за ханжеская фигня, однако, Кудин покраснел, вспоминая свое ругательство, а инопланетяне сверкнули на него тусклыми огоньками ручных бластеров и Кудина опять подкосила боль. Но он, видимо, уже привык к этому воздействию и сразу покорился, поэтому боль не сильно его ломала, а только сомкнула в обездвиженный кокон.
Открылся люк и в диск вбежали двое в красных костюмах. Они быстро разложили и собрали предмет, похожий на палку с полусферой посередине. Кудина привязали мягкими прозрачными ремнями за руки и ноги к палке, она воспарила сама по себе, натягивая ремни и повлекла его к выходу низко над полом как когда-то переносили крупную добычу дикие охотники.
Слетев вниз, палка поплыла в зале в сопровождении инопланетян. Его подружка слегка оттаяла и суетливо бежала совсем рядом. Унизительное шествие под оживленное чириканье, казалось, продолжалось бесконечно пока зал не сменился довольно тесной комнаткой, состоящей из сложнейших конструкций, рассмотреть которые Кудину так и не удалось.
Здесь почему-то аппетитно пахло свежежаренными бифштексами, и Кудин ошалел от мысли, что, может быть, его сейчас накормят. Но его втащили на креслообразный держатель и сверху одели по самые брови огромное сооружение, рассчитанное с большим запасом на любой размер и форму головы, ушей и рогов. Ремни надежно опутали тело, зато парализующая боль исчезла.
В голове появились посторонние, непослушные мысли. Ничего определенного он не мог уловить и ускользающий смысл быстро утомлял. Наконец что-то наладилось и с четкостью почти такой же как это было у Илон Кудин воспринял вопрос.
"Откуда у тебя костюм терминала единого разума?"
- Ну, это долго объяснять...
"Попробуй представить все без слов, образами, одним воспоминанием."
Кудин не мог остановить ворвавшееся воспоминание и ощутил себя предателем. Все впечатления ярко и зримо врезались в его память и теперь всплыли сами почти без предупреждения. Чирикание в комнате надолго прекратилось.
- Почему вы меня захватили и что хотите сделать?
"Мы сначала приняли тебя за побочный терминал единого разума, попавший к нам из-за деструктирующего воздействия мезрала."
Кудин обратил внимание на несколько иной в сравнение с Илон мыслеобраз мезра. Видимо представления или знания этого предмета существенно разнились. Но больше его задел пренебрежительный, как в разговоре с низшим существом, оттенок и в то же время вспыхнувший интерес, появившийся в тот момент, когда он вдруг вспоминал про свое космическое предназначение. Устройство, к которому был подключен мозг Кудина, позволяло ощущать каждого в раздельности, и он отчетливо воспринял удивленное волнение женщины, которое она поспешно подавила.
Очень быстро было принято какое-то решение и все кроме женщины вышли.
"Они сейчас протестируют тебя и найдут ко-претендента".
- Это хорошо или плохо?
"А ты не знаешь?"
- Откуда я могу знать?

"Говори мысленно и лучше только мысленно. Эти странные звуки меня сбивают."
- Постараюсь... ох, извини, "постараюсь."
"Как думаешь, почему это твоя Илон тебе ничего не сказала?"
"?"
"Ты еще маленький мальчик, много не понимаешь и тебя нужно воспитывать".
"Похоже, что ты решила этим заняться?"
"Я все-таки ближе к тебе по развитию чем Илон и не думаю, что тебе будет трудно меня понять".
"Скажи, зачем я вам нужен? Всякий раз, когда становится известно, что я - представитель Земли, появляется странный интерес".
"Но ты же - конформный претендент Земли. Чистая порода, так сказать".
"Да уж...Этим многое сказано. Вот уж не думал...".
"Тебе это не нравится? Ты совсем еще примитивный, даже как-то не удобно морочить тебе голову всем этим, мы же не педофилы... У нас, между прочим, не так уж много времени. Короче, то, что я тебе скажу, ты хоть и не в состоянии пока прочувствовать, но знай, что даже фиды и геды сходятся в одном: самое возвышенное, что существует во вселенной - это ниршам...".
"Случайно не - любовь?"
"Твое ехидство само говорит, что просто любовь - не очень-то стоящее понятие. Ниршам - это воплощенная любовь. Зачаточному разуму в определенных условиях соглашением всех галактических единых разумов дана возможность создавать новый мир по своему образу и подобию. Тогда из двух разумов образуется творец новых законов природы, дающий начало новому развитию. Думаю, что понятие бог - примерно соответствует твоей подготовленности."
"Так что ты хочешь успеть со мной сделать пока твои товарищи бегают за ко-претендентом?"
"Ничего уже не успеешь, тебя уже протестировали. Сейчас они скажут, что банк знаний подобрал тебе самого подходящего ко-претендента и предложат создать с ним ниршам."
"Прямо насильно заставят? Но вы же не педофилы?"
"Нет, конечно, твою психику они травмировать не станут - это кощунственно. Но так или иначе нужного результата достигнут наверняка."
"А какая им от того выгода?"
"Это же ключевой вопрос стабильности существования. Развитие форм разума должно иметь продолжение в модификациях иначе теряется стабильность и перестает соответствовать изменяющимся взаимосвязях единых разумов вселенной".
"Блин! Так что ты задумала?"
"Я предлагаю тебе не поверить банку знаний, который заботится о местной расе, а полететь со мной в путешествие. Ты, конечно, обалдеешь, когда увидишь подобранного партнера потому, что она будет полностью соответствовать твоим критериям симпатичности. Но это - лишь внешнее впечатление, иллюзия. В конце концов решать тебе, но это будет мой личный шанс на ниршам с тобой. Я - не иллюзия, хоть ущипни, и убедилась, что мы - очень подходим не столько по признакам привлекательности, сколько по совместимости наших систем

отношения. Во время путешествия ты многое поймешь и узнаешь. В любом случае - это будет тебе на пользу".
"А если я останусь, то они меня окрутят иллюзией?"
"Можешь не сомневаться. На свою Илон не рассчитывай. Ей все спутал мезрл. Да и фиды будут противодействовать".
"Вроде бы очень честно и логично с твоей стороны. Мне остается лишь верить или не верить тебе.".
"Да, ты, конечно, понимаешь, что я с тобой общаюсь как с ребенком и тебе во многом приходиться верить мне, но прими как аксиому, что мой уровень культуры не позволит мне обманывать ребенка. Просто каждый из претендентов желает тебе наилучшего добра в ниршаме с ним и я - не исключение".
"Ясно. Что нужно делать?"
"Одень кольцо, остальное сделаю я как надо".
"Ладно, блин... Давай!"
Кудин почувствовал холодок вокруг пальца и сжал кулак. Ему становилось невмоготу под плотной обвязкой.
Послышались шуршащие шаги и появилось в чем-то ритуально-торжественное шествие. Первыми быстрыми нелепыми шажками приблизились двое коротышек в черных костюмах. Они нетерпеливо сорвали обвязку с Кудина пока другие выстраивались вокруг.
И тут явилась высокая и стройная фигурка в белой свободной одежде: "Я вижу чудное мгновение: передо мной явилась ты, как мимолетное видение, как гений чистой красоты". Это - то или почти то из немногих стихострочек, которые Кудин умудрился выучить в школе на ненавистной литературе.
Чудовищная красота и обаяние этой женщины были идеальны. Такого, что называется, попадания в точку Кудин никак не ожидал: перед ним стояла и улыбалась, сводя с ума, та единственная, образа которой так не хватало в его юношеских мечтах.
Кудин одеревенел не в силах подняться.
- Привет, Саша! - раздался трогательно-ласковый голос, - Меня зовут Оиль.
Она протянула ладонь с призрачно сверкающей небольшой звездочкой так и не догадавшемуся ответить Кудину.
- Нам с тобой дали этот ключ и теперь мы можем быть как боги. Если я тебе нравлюсь, а иного не может быть - возьми его, ты - ведущий.
Эта фраза чем-то не очень приятно резанула слух. Что-то было в ней чужое, несмотря на кричащие чувства. Потом Кудин так и не мог вспомнить сам момент как он взял ключ.
Но как только в его руке загорелась звездочка, он вдруг ощутил, что кольцо больно укололо его и все вокруг стало расплываться.
Возникла какая-то суматоха, отразившаяся у него в голове множеством противоречивых ощущений:
"опаньки!.. Исключительная ситуация! Откат действий, он уже не представитель, немедленно уничтожить бывшего представителя!"
На мгновение все передернулось и сменилось совсем другим интерьером. Кудин узнал внутренности тарелки, на которой он уже летал, только эта была чуть

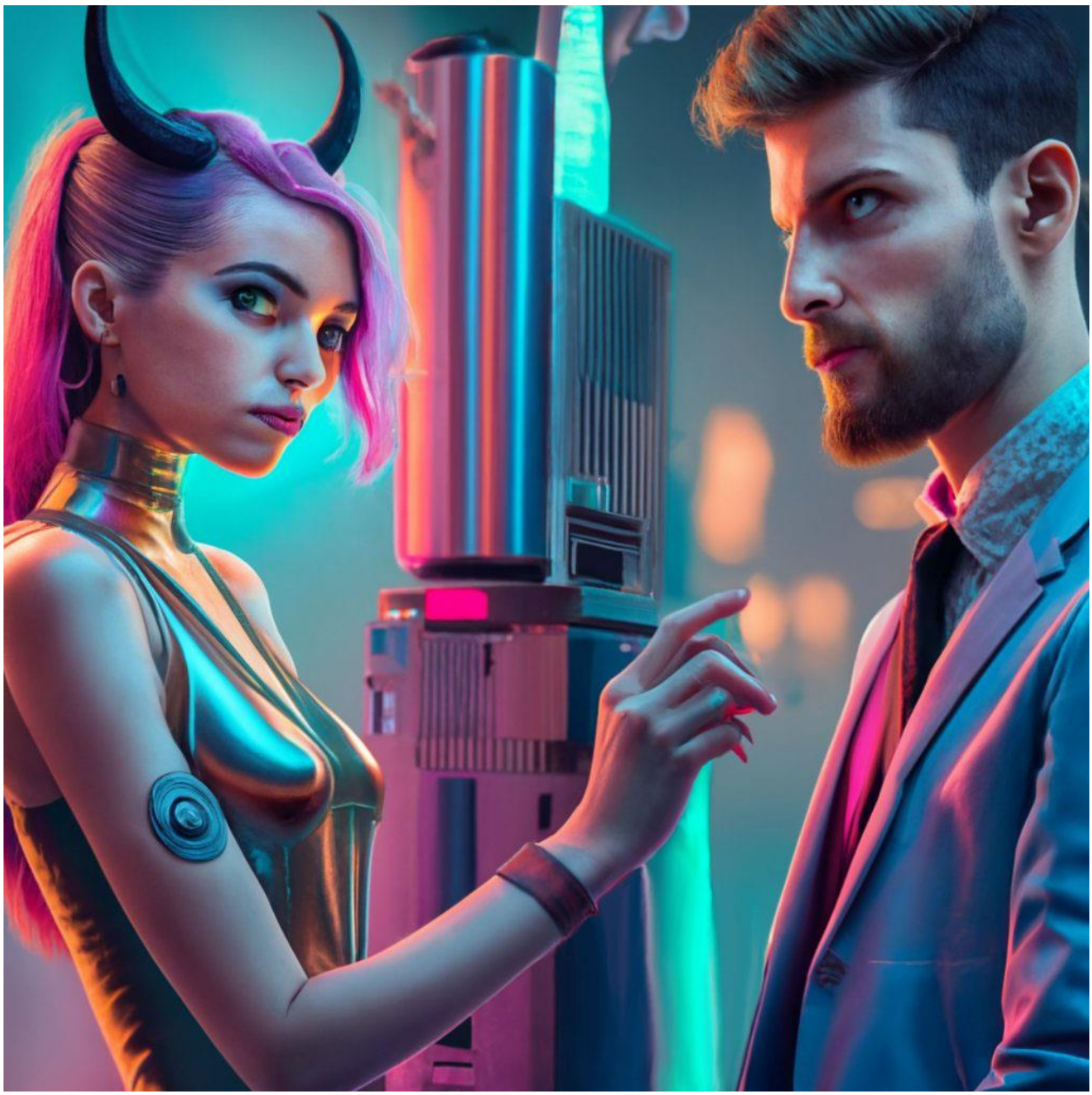
меньшего размера. Рядом с ним сидела его старая подружка - Илон. Ее невыразительная мимика вдруг показалась такой родной и желанной, что обрадованный Кудин схватил в объятия взвизгнувшую инопланетянку, сжав, пожалуй, излишне сильно.
- У меня в голове все время возникала мысль, что это - ты! - смеялся он, - если уж в дракона смогла, то в какую-то там фидянку - запросто! Но все равно сильно настораживало, что многие мысли имели другой оттенок, как-то немного по-другому воспринимались.
"Нам нужно скорее валить отсюда, пока фиды не опомнились!"
Она клюнула губками его щетинистую щеку, и вскочила в пилотское кресло, нетерпеливо тыча ему пальцем в соседнее, и Кудин торопливо забрался в него, ностальгически ощущая возврат ассоциативных подсказок.
Купол диска стал прозрачным, и Кудин сразу узнал гигантский ангар. Издалека к ним бежали люди в черном и с устрашающей скоростью приближались паукообразные механизмы.
Резкое ускорение допотопной фидевской тарелки вдавило Кудина в кресло, все развернулось и кануло вниз.
Сверкнуло несколько зеленых вспышек вокруг, и тарелка, дав конусообразный залп из варварского лучевого оружия, на всем ходу пролетела сквозь остекление свода. Вместе с потоками раскаленного газа и обломками они вылетели в лунную трещину, и Кудин с изумлением видел, как разрывает крышу ангара вырывающейся в космический вакуум струей.
- Ты же убила их!..
Илон вздрогнула от громкого выкрика и только на мгно¬вение удивленно посмотрела на него:
"Это - лишь тела, оболочки, Саша... И они хотели убить тебя, а вот ты - вовсе не просто оболочка!.."
Она опять впилась взглядом в окружающую карусель огней и невообразимых сооружений. Тарелка так стремительно набирала скорость, что Кудин намертво прилип к своему креслу, с усилием вдыхая придавленными тяжестью легкими. Планета, укутанная разводами облаков и ее луны, та что со слипшимися обломки и треснувший шар в половину обзора рядом, - все быстро удалялось. И скорость, с которой уменьшались масштабы планетной системы, ужасающе нарастала пока вселен-ная не схлопнулась, а звездная панорама не стала совершенно иной.
Тарелка начала резкое торможение. Кудин, все время напрягавшийся в попытках противодейство¬вать ускорению, теперь больно ударился всем телом в невидимую стенку перед ним, не успев ужаснуться космической перспективе. Из руки у него что-то выпало, и он заметил яркую искру, мелькнувшую в воздухе. Илон отстегнулась и протянула руки к упавшему предмету.
Кудин, сползая вниз по стенке, увидел, как она, с трудом преодолевая инерцию торможения, подбиралась к тускнеющей искорке, смешно напрягая тонкие ножки. Только теперь он вспомнил про ключ кото¬рый был в его кулаке.
Илон схватила его, и в ее руках с новой силой разлилось призрачное сияние.
"Мы чуть не потеряли ее!!.."
Кудин почувствовал замирающий отзвук ужаса Илон.

"Ее нужно активировать, чтобы больше не было случайностей. Подумай об этом, чтобы ассоциировалась подсказка... "
И Кудин подумал. Это было не просто навечно связывающее судьбы звено, а карт-бланш сообщества вселенский единых разумов на создание нового самобытного мира, уводящее в пока не вполне понимаемое, но именно он стал бы зародышевым разумом, способным связать с помощью своей подруги суверенную часть вселенской иерархии разумов. Короче, - ответственность, просто сводящая с ума... И чтобы все это запустить, нужно было это звено замкнуть между ним и ей. Навечно...
Всякого нормального мужчину, вышедшего из подростковой безудержной романтичности, напрягает и останавливает даже намек на вечные отношения. Но тут было нечто выходящие из столь примитивного уровня реагирования, он мог или просто довериться, или попробовать хоть что-то понять.
Илон с едва заметной улыбкой смотрела на него, ожидая, когда он проникнется пониманием предстоящего и, возможно, отвергнет ее.
- Почему они вдруг решили мня убить?..
"А ты - больше не наиболее типичный представитель Земли.... Там какая-то фигня образовалась, они ее блогосферой называют."
- Хм.. про ноосферу слышал, а про блогосферу - нет...
"На Земле многое произошло, пока ты между галактиками летал... Блогосфера сильно изменила качество информационной коммуникабельности тем, что в фокус социальной активности прорвалась масса вовсе не обладающих наиболее развитым пониманием... Твоя Земля среднестатистически значительно оглупела. Но ты мне именно в прежнем качестве кажешься очень привлекательным...".
Кудин мало что понял, но волну тепла и нежности от Илон ощутил очень даже отзывчиво.
"А они пусть все теперь охотятся за новым СССР. Зато к нам больше приставать не станут!"
- Вот это - чудесно!.. Слушай... ты меня прости заранее поскольку я новичок, но раз ты так запросто можешь менять тела, не слишком сложно было бы иногда становиться примерно такой как была та, Оиль?..
По живости улыбка Илон почти сравнилась с земной.
"Крепко тебя зацепило!.. Но это - закономерно, ведь были воплощены твои самые заветные представления о женской привлекательности. Конечно могу... Ты точно этого хочешь?.."
Кудин помолчал.
- Черт... знаешь... ты ведь стала мне такой близкой во время приключений в снегах... а Оиль - совсем чужая, просто чертовски красивая кукла."
"Какой ты еще ребенок!.." - потешалась Илон, кладя тарелку в тугой вираж к быстро растущей планете, - "Ничего, только интереснее все будет!.."
Тарелка опустилась в подозрительно знакомом месте...
Под кустистым деревом, обвешенным фиолетовыми грушами, лежал бородатый абориген, подложив под голову руки и дремал в полной нирване. Рядом лазили пушистохвостые твари с острыми ушками.
- Что нужно делать, чтобы активировать звено? - вдруг решился Кудин.

"Уже активировалось! как только ты оказался достаточно уверенным, все и сработало", - Илон не скрывала того, как она довольна, ее глаза сияли необыкновенной радостью, которая легко заразила Кудина по телепатическому эху, ну совсем как там, в горах...
- Мы что, здесь с тобой жить будем?.. А что тогда там за чувак, под деревом в земном прикиде?..
"Нет, мы здесь ненадолго!.. здесь у нас небольшой должок остался... А потом, помнишь, нам предстоит создать свой мир. Но это не ограничивает наше передвижение. В статусе творцов мира мы можем бывать везде, в том числе на твоей Земле."
- Классно!.. - он счастливо вздохнул и всмотрелся, - Да это же Валек дрыхнет!.. В тех же самых джинсах, что был!.. Сколько же он времени здесь дожидался?!
Заросший бородой с баками Валек вяло отбрыкнулся от зверька, порывающегося вылизывать его пряно пахнущую пятку.
Кудин вылез из тарелки, подошел к телу и осторожно подергал за бороду.
- Эй, Кот! Хватит уже тут робинзонить!..
- О, Сашуля! Наконец-то! Как мне здесь надоело!
- Раз ты без тачки остался говори, куда тебя отвезти!
- А есть варианты?
Илон сзади очень доверительно обняла Кудина и, как показалось Коту, из-за плеча насмешливо смотрела на него.
- Да, вижу, что охота на тебя успешно завершилась! А ты знаешь, что она словами вообще не говорит? Слышал какие у нее звуки получаются?
Кудин и Илон переглянулись для чего обоим пришлось вытянуть шеи, обменялись какими-то мыслями и весело заржали.
- Вариант такой. Мы тут галактику слегка напрягли чтобы подобрать тебе комплементарную охотницу, ну или ты будешь охотником, роли сами определите.
Кот озадаченно помрачнел.

Обратный интеллект

О проблеме, которая может настичь молодого ученого, повстречавшего рогатую инопланетянку: какими качествами она должна обладать, чтобы стать ему близкой по духу и телу? И еще про то, как особенности психики оказывают влияние на судьбу искусственных интеллектов. О причинах похищения инопланетянами первой системы искусственного разума Земли.



Никто на Земле до сих пор не знает про критический порог развития цивилизаций: с пониманием принципов организации разума прогресс всех областей техники и основы культуры входит в экспоненциальный пик. Это оказывается концом развития - цивилизация погибает из-за множества неразрешимых противоречий. И только санация разработок искусственного разума способна предотвратить катастрофу. Поэтому одна из проскочивших кризис цивилизаций тщательно отслеживает все признаки появления искусственного разума и извлекает новообразование, помещая его в свой лепрозорий и, тем самым, сохраняя гармонию стабильности в галактике. Но даже эта цивилизация оказалась вовлеченной в еще более глобальную вселенскую структуру.
На Земле очень многие ученые и коллективы исследователей давно и тщетно пытаются создать искусственный разум. Проходят десятилетия и, казалось бы, давно пора осуществится давней мечте. Но еще в конце двадцатого века, в уже

не существующей стране СССР произошло коварное похищение инопланетянами первой земной системы искусственного разума, которая грозила стремительно и непредсказуемо изменить вектор развития цивилизации на Земле. Засекреченность не позволила предать это широкой огласке.
Стоит оборвать самый верхний побег как окрепнут и потянутся вверх множество боковых. Поэтому надо признать, Космос поступил гуманно, осуществив культурную обрезку дерева разума по правилам вселенской вегетации.
За всем этим стоит туманно упоминаемое и никем, в сущности, не понятое явление: супер-существо, или некая Гармония межвселенских связей, обреченная, как простые смертные, на борьбу за существование.
Бессмысленно говорить о каком-то ее начале или конце потому, что понятие времени и пространства ограничены веществом конкретной вселенной.
Бессмысленно говорить о каких-то ее влечениях вроде половых. Казалось бы, все ей подвластно... Будь Гармония богом, она немедленно решила бы все проблемы. Она же постоянно обнаруживала все новые и все более сложные. Потребности изменяются с новыми знаниями, что вновь порождает необходимость в новых знаниях. Возникает бесконечная гонка, в которой нельзя остановиться, и сама стабильность существования начинает зависеть от факторов саморегуляции.
Описанные далее события происходили в тесной связи с судьбой формирующегося в нашей вселенной единого разума, который, как и во всех других вселенных, составляющих Гармонию, призван на определенной стадии дополнить собой общую структуру Гармонии новым уровнем понимания.
А на отдельно взятой Земле люди медленно и трудно объединялись, начиная понимать, что только так можно не сгинуть в истории. Сегодня они делают первые шаги в галактическом объединении, без чего невозможно выжить в Космосе. Поэтому стоит обернуться в прошлое и посмотреть, с чего же это началось.

История эта произошла в одном из советских проектных учреждений конца восьмидесятых прошлого столетия. Тогда открытия планировались государственными чиновниками, уверенными, что они творят судьбу народа, который принадлежит им, хотя они служат ему. Эта диалектика просто должна была приниматься на патриотическую веру: они служат народу, но отдельные представители народа при этом назывались служащими. Слуги же распоряжались не только временем, продукцией и даже здоровьем служащих, но, бесспорно, всеми их помыслами, поступками и стремлениями, в общем - моралью и этикой. А в обыденности восприятия слуг, служащие представлялись как естественные продолжения их чиновничьих рук и ума и не могли быть хоть в чем-то самостоятельными: это бы выглядело нелепо. Поэтому незапланированные открытия и суждения не имели шансов на свободное существование, а инициатива была беспощадно наказуема.
Определенная абсурдность в этой истории сделала главным героем событий человека, по неопытности еще не глубоко тронутого чиновничьей этикой, и вовсе не истинного создателя ключевых представлений системы искусственного

разума (СИР). Это - заведующий отделом адаптивных моделей Научно Исследовательского Института Искусственного Интеллекта (НИИИИ), Черноус Евгений или в кругах от дирекции до сотрудников - просто Женя. Аббревиатура НИИИИИ сама по себе интриговала непосвященного, окружая служащих НИИИИИ ореолом научной таинственности тематической секретности.
Но, как и везде, в этом институте проходили бесконечные собрания и советы, на которых пытались планировать творческую работу, а раз дохлое это дело постоянно срывалось, то беспощадно обличали друг друга в поисках виновных. Было два мира: мир увлеченной разработки и совсем другой мир - организации и управления разработчиками. Это вносило немалый депрессивный дисбаланс, способный внезапно изменить и даже уничтожить любые достижения.
На очередной планерке у директора Женя Черноус вдруг остро почувствовал себя чужим здесь, тоскливо ждал часа своего далеко не оптимистического доклада и мысленно готовил обличающие фразы.
Спину припекало из окна весенним солнцем, ладони неприятно потели в предвкушении предстоящего. Женя полузакрыл глаза, силясь обрести невозмутимость и убедительность формулировок, но с горечью понимал, что опять заведется как пацан и наговорит лишнего.
Как же судьба подвела его к такому? Пожалуй, он неосмотрительно увлекся инициативной работой, беспечно недооценивая сложных узоров централизованной институтской интриги.
Женя со вздохом сменил позу, чем невольно обратил на себя внимание, усевшись чуть боком и положив локоть на спинку стула, с досадой ощущая, как в более не сдавленные сосуды ног с нестерпимым зудом вливается кровь. Его мысли, сохраняя общую легкую неприязнь, переключились на директора.
Анатолий Акимович Хлам с наслаждением управлял подчиненными, болезненно и ревниво пресекая их личную инициативу, но при этом постоянно провоцируя ее. По его велению проворачивалась институтская жизнь, воплощались задумки и все деяния разливались директорской волей мощно и далеко, аж до смежных учреждений, а секретность тематики здорово способствовала неподсудности.
Лидерство Хлама утверждалось не только должностью, но и личными качествами. Даже физически как мужчина он был удовлетворен собою. Оспаривать такое превосходство не решался никто даже взглядом, и только некий Миша Рязанов, по сути, пацан, правда способный инженер со спортивной комплекцией, изредка досаждал своей независимостью. С ним приходилось мириться потому как он, фактически, тащил на себе один из основных проектов. Это было возмутительно, и Михаилу часто в укор задавались риторические вопросы: а что если с тобой что-то случится, а вдруг тебя автобус переедет, что тогда мы все делать будем??...
Досаждало и то, что именно как мужчина директор позорно, непонятно почему, пасовал перед ним, хотя даже себе не хотел признаваться в этом. Это была мелочь, с которой он давно свыкся и весь его ареал власти оставался источником радости от самоутверждения его социальной роли.
Женя, четко понимал все эти моменты и отделял себя от стаи прихвостней, уйдя в научное подполье.
- ...заказчик у нас военный, - чеканил Женино сознание жесткий, с великолепной

дикцией голос директора, - мозги ему запудрить можно легко, но это чревато. Тут все должно быть четко: вот информационная система. Она умеет то-то, так-то и за стоко-то.
Рядом заерзал коренастый мужичок с пролысиной:
- Стоко-то в смысле... - он ресторанным жестом щелкнул пальцами, - или в смысле быстродействия?
Хлам спокойно обласкал его взглядом.
- Стоко-то... в обоих смыслах.
- А в обоих-то не получается, - мужичок озабочено привстал, - в деньгах нас Черноус лимитирует.
Женя вздохнул и устало поднял глаза:
- Виктор Васильевич, это не в вашей компетенции.
- Зачем же так? - директор с укором посмотрел на Женю, - У нас единый творческий коллектив, товарищ вот болеет...
- Пусть дома болеет, Анатолий Акимович, это же провокация. Вы отлично знаете, что на сегодняшний день моя система съела всего лишь на сто тыщ больше, чем у Подколодного и других расходов не предвидится, а у него одно программное обеспечение...
- Погоди, Женя, - Хлам, показательно подобрев, поднял начальственную длань, - давай смотреть справедливо. У Подколодного современная, общепризнанная экспертная система, обеспеченная теоретическими трудами многих коллективов страны и даже за рубежом. В конце концов, экспертные системы - ведущее мировое направление по искусственному интеллекту. Кто мы такие чтобы не доверять ведущему направлению?.. Ну, а у тебя? На мой взгляд тебе просто повезло, в том числе и с кадрами, с этим, как его, Рязановым. Не знаю, чем ты приворожил заказчика, раз он выложил такую сумму. Но не это главное. Главное - результат. Вот ты, как сам выражаешься, воспитал этот свой СИР. И что же с того мы поимели? Чем он отличается от обыкновенного сопливого пацаненка? Какая польза от него? Стоило ли столько мудрить чтобы сделать из железок еще одного сотрудника, у нас и без того вон сколько... Да еще не умеющего передвигаться. Ты же попросту скопировал природу вместо того, чтобы найти свой оптимальный для нашей задачи подход.
Хлам остался доволен таким своим проницательным обобщением, что ясно светилось в его глазах.
- А разве у Подколодного есть результат? - Женя нервно ухмыльнулся, припоминая, - На прошлой проверке полковник в шутку спросил его Беби: "Ну, как настроение, малыш?" а этот интеллект вообразил, что его спрашивают про настройку, перегрузился и запустил проверочную тест-программу.
- Экспертная система не предназначена для дурацких вопросов, - поморщился молчавший до сих пор статный и несомненно достойный мужчина, - По своему профилю она не ошибается. Полковник просто набеседовался с твоим СИРом и отошел от оговоренных форматов вопросов.
- Ну конечно, он имел дело с настоящим интеллектом и не сразу снизошел до уровня Беби... Надо же нам, однако, сознавать, где кончаются игрушки и для каких ответственных целей предназначаются наши системы!
- Стоп, стоп, стоп, - Хлам рептилоидно сузил зрачки и воздел обе длани, - речь

идет о том, что на носу военная приемочная аттестация, - он сурово посмотрел по очереди на каждого из присутствующих, индивидуально закрепляя эффект, - а до сих пор у вас, Геннадий Иванович, - он прижег Подколодного немигающим взглядом, - окончательно не сформированы граничные условия применения, - а у тебя, Женя, вообще пока не приступали к курсу профессионального обучения. Только вот Геннадий Иванович четко пообещал уложиться в срок, а ты юлишь все время. Сегодня я вынужден напомнить, что в этом печальном случае у нас предусмотрена передача проекта другим заинтересованным... Ну ты понимаешь. Вот так. Кстати, говорят, у вас снова появились трещины?
Вокруг зашумели.
- На нас постоянно штукатурка сыплется, - пожаловался коренастый мужичок с пролысиной.
Женя лениво повернулся к нему:
- А мы тут при чем, Виктор Васильевич? Так здание построили.
- Не надо! - мужичок постучал пальцем по спинке соседнего стула, - Строили и принимали точно по документации. Но именно вокруг вашей комнаты растрескались стены. Больше ни у кого такого нет.
- Товарищ Вымин, может вы и в бога веруете? - ехидно ухмыльнулся Женя, - Как же микросхемы могут стены растрескивать?
- А ты, Женя, не горячись, - посоветовал излишне полный, но элегантно одетый парторг Весельчаков, - Очевидно же, что причина где-то у тебя. И с дисциплиной непорядок. Не знаю уж кто кого учит, но выходки вашего сотрудника, этого Рязанова, ни в какие ворота... и этот... СИР, что он позволяет себе в разговоре с заказчиком? В общем, разрабатываете интеллект, а с воспитательной работой очень нехорошо.
- Но ведь никто не желает серьезно разбираться в причинах трещин, - Женя затравлено оглядел собравшихся, - Я сам вынужден буду говорить с заказчиком и посмотрим, как он решит...
- Что за манера сразу угрожать? - возмутился Хлам и, нетерпеливо встав, принялся разминать кисти рук, - Знаю, тебе давно отдохнуть пора, но сейчас нужно напрячься. А потом все будет как положено. Отдых будет, премии будут... Что тебе мешает окончить это свое обучение?
Женя слегка остыл.
- Я вам писал уже... Знания получить - это не книжку прочитать. Чтобы освоить военные навыки нужно не устав изучать, а самому заниматься. СИР должен конкретно вовлекаться в практическую специфику.
Подколодный и Вымин с усмешкой переглянулись, констатируя столь вопиющую глупость.
- А вот сотрудники Вымина успешно заканчивают формализацию знаний по теме, - возразил Хлам, - и скоро введут их в экспертную систему.
- Ну и получится справочник, - усмехнулся Женя, - возможно даже неплохой и удобный в обращении, но бесполезный в любых неожиданных ситуациях! И на простой вопрос: "Ну, как настроение, малыш?" будет выдавать чушь, распознав слово "настроение" как настройки. И всякий раз повторять эту чушь, ничему не учась.
Лысина Подколодного заблестела, и он утратил шарм.

- Не справочник, а экспертная система!
- Не способная принимать самостоятельные, творческие решения, а лишь выдавать уже известное в жестко конкретных случаях. Разве справочник может принимать самостоятельные решения в новых для него ситуациях? - риторически изумился Женя, со скрипом отваливаясь на спинку стула.
- Вы ответите за попытку дискредитации моей темы!
- Значит так! - отрезал Хлам, - Запрещаю вам друг с дружкой воевать! Мы - один коллектив! Геннадий Иванович, Женя может быть очень полезен вам своими вот такими замечаниями, которые нужно слушать и устранять. Я попрошу вас в рабочем порядке выяснить все ваши позиции и теоретические недомолвки с Черноус, мы соберемся еще раз. Это - мой приказ. Надо признать, вы с трудом представляете, чем занимается Женя, а вот он неплохо разбирается в экспертных системах.
- Он разбирается?! - возмутился Подколодный.
- Я сказал! - пресек Хлам и обвел многообещающим взглядом активных участников, индивидуально добиваясь опускания глаз каждого.
Хотя Женя ликовал и благодарил в душе Хлама за неожиданную поддержку, его не покидала осторожная мысль, что все это, возможно, лишь ловкий ход. А может быть у них там что-то не в порядке с Беби и Хлам, понимая куда залезли, теперь подготавливает позиции? Но в эти дебри лучше не погружаться чтобы не стать параноиком... Нужно думать о своем насущном... У него ведь есть о чем подумать о хорошем: он улыбнулся, вспомнив свою энергичную дочку.
Правда, дома он имел не менее энергичную жену, что заставляло сомневаться, где лучше, дома или на работе. Крики и той, и другой настигали его врасплох.

- Не надо! Не ха-ачуу!!
Женя попытался было завернуть руки дочери за спину, но та неожиданно боднула его головой и рванулась к двери. Женя в последний момент перехватил ее, но потерял равновесие и тяжело привалился спиной к шкафу. Аленка крутанулась как звереныш, оцарапав руку. Нужно не забыть постричь ей ногти. Оставалось одно магическое средство, которое поначалу было просто игрой, но потом приобрело взаимно-договорное непререкаемо-обязательное значение. Женя ловко нажал пальцем на ее макушку. Аленка затихла, обмякла и, закатив глаза, безжизненно опала на руки.
- Лара! Тащи йод быстрее, Аленку нужно смазать!
Жена настороженно просунула голову в комнату и сварливо спросила:
- Что, опять?!
- Она днем, оказывается, с велосипеда грохнулась и никому не сказала.
- Ты опять ее выключил? Как мне это уже надоело!
- Она не давалась, а смазать нужно.
Лариса принесла йод с ваткой и, щурясь в сострадании, сдобрила ссадину, но Аленка все так же бесчувственно висела на руках.
- Ну, давай, включай ее! - Лариса распрямилась и завинтила флакон. Женя нажал на пупок дочери и та, громко заойкав, принялась дуть на коленку.
- Все, спать! - приказала Лариса и открыла форточку. Свежий порыв разогнал запах йода.

- Зубы почистила?
- Уже давно. Папа, ты сказку обещал!
- Поздно. Лезь в свою берлогу, завтра рано вставать.
- Расскажи ребенку раз обещал! А мне нужно к лекции готовится, так что вы здесь потише.
Лариса вышла, и Аленка требовательно выпучила глаза:
- Обещал, обещал!
- Ладно, пятиминутную.
- Восьмиминутную!
- Тихо ты! Лезь к себе!
Аленка торопливо вскарабкалась по лестнице на самодельное широкое перекрытие, в чем Женя воплотил мечты своего детства. Наверху получилась спальня и место для игр, а вниз свисали качели и веревки для лазанья.
Женя взобрался следом и устроился на коврике у постели.
- Расскажи, что было дальше!
- В общем, Машеньку уложили спать и она осталась одна в кроватке, зажмурила глаза и ждет, почти не дышит. Приоткрыла один глаз: на стене ничего. Тогда открыла оба, но дверца не появлялась. Машеньке стало обидно, и как только она захотела повернуться на бочок как на стенке что-то замерцало, поплыло и там заблестела розовая дверца.
Машенька подняла голову: мама с папой далеко, и вообще, когда появлялась дверца все остальное как будто выходило из игры и пропадало.
Тогда она смело пролезла через дверцу. Там было очень много всякого интересного и непонятного. Что-то осторожно трогало ее со всех сторон и дышало, но как оно это делало если не было ни рук, ни носов?
Когда что-то мягко и приятно поползло по руке, она вытаращила глаза и ей показалось, что она узнала эти мерцающие шарики, а может быть искристые ежики, которые больше ни на что не были похожи. Машенька осторожно подула на них блестящим голубым течением и на руке стало тепло и весело. Тогда она поняла, что сделала правильно и это им нравится. Только не нужно слишком поднимать руку, а то начинало пощипывать. Машенька совсем уже подружилась с лушастиками, а может быть с шалустиками и уже помнила, что от ее голубого течения у них вздымаются блестинки, а в ушах каждый раз приятно промурлыкивало.
Впереди что-то интересно забегало, и Машенька сразу забыла про муршалучиков. Там ее звала во всю ширь многоцветная Симметрия. Звала очень весело, маня своим центром, где пахло удовольствием и чуть-чуть непослушанием. Туда уходили боковые узоры, пропуская по очереди то снизу, то сверху большие струи непонятных шевелений. Все вокруг разрешало, потому что чем ближе она подходила, тем легче было ступать по розовым шершавым облачкам. Машенька вздохнула и радостно прошла... к своей кроватке, а дверца на стенке затуманилась и, когда Машенька оглянулась, совсем исчезла. Вот.
- А дальше?!
- Завтра, если все у нас будет хорошо.
- Так мало...
- Спокойной ночи.

- Пап, а почему, когда я смотрю на цветочек глазами по очереди он становится разного цвета?
- Совсем разного?
- Нет, чуть-чуть разного. Левым глазом оранжевее чем правим.
- Значит глаза немного разные.
- Папа, а почему, когда я смотрю одним глазом на звездочку в окне, то у нее лучики как живые шевелятся, как будто там человечек с такими то-оненькими ручками и ножками танцует?
- Аленка! Спать!
За окном дико и протяжно заорали кошки.
- Ой, пап, что это?!
- Киски дерутся.
- Они кричат так страшно! Я теперь боюсь!
- Ты же у меня взрослая. Спокойной ночи.
- Ладно, спокойной ночи, приятных снов, цветных, радужных!
Женя вышел досматривать остаток фильма по телевизору, а Аленка на всякий случай скосилась на стенку, нет ли дверцы, но на том месте она вдруг увидела высунувшуюся по грудь рогатую тетеньку, такую странную и неожиданную, что сразу захотелось позвать папу, но тетенька сама испугалась, что ее заметили, быстро протянула руку и выключила Аленку, нажав длинным пальцем на ее макушку.

Лариса с увлечением смотрела в телевизор.
- Что же ты не готовишься? - спросил Женя.
Лариса на секунду оторвалась и с удивленным укором взглянула на него, но Женя промолчал, и она снова прильнула к экрану. Несмотря на пропущенное начало в фильме итак все было ясно, как будто не нужны были горький опыт и здравый смысл, а все самоудавалось итак если человек хороший. Действие было зрелищным, думать не хотелось и Женя досидел до конца.
- Да, чуть не забыла, - ожила Лариса, - Возможно у меня будет командировка на днях, Лена остается с тобой.
- Хорошо.
- Тебе все равно?
Жене пошарил руками в карманах:
- Черт, куда я свою бумажку засунул? - задумался он и растерянно посмотрел на Ларису.
- Я ее у тебя в руках видела, когда выходила из комнаты.
- Точно.
Женя залез к Аленке, но там листка не оказалось. Это его сильно огорчило. Он теперь точно помнил, как положил его возле постели.
Под утро Женя боролся с кошмаром: огромный и мерзкий зверь больно впился ему в плечо и волок по сырой от росы траве. Голова у Жени болталась, и он видел, как кровь стелется широкой полосой по примятой траве.
- Да проснись ты! - крикнул зверь яростным Ларискиным голосом, - Вы что тут, с ума посходили?!
Женя с трудом разлепил глаз.

- Аленку не могу добудиться! - подозрительно процедила Лариса, - Ты ее выключал на ночь?
- Нет.
- Как она включается?
- Нажми на пупок.
- Если она уже сама начала выключаться, то пора идти к психиатру и ей и мне.
Вскоре раздался Аленкин голос:
- Это меня тетка рогатая выключила! Я хотела папу позвать, а она раз и выключила!
- Чтобы больше не играли в эту дурацкую игру! И сказки эти глупые я слушать не разрешаю! Вон сколько книжек хороших про зайчиков и колобков! Придется мне самой всем этим заняться...
Жене страстно захотелось на работу.

У входа в институт к Жене подскочила Жмуркина:
- Здрасьте, Евгень Саныч, там у входа Весельчаков бдит, а я пропуск забыла! Проведите меня, пожалуйста!
- Пойдемте, Наталья Ильинична, так и быть, не дам вас в обиду.
Женя на выдохе приоткрыл многопудовую дверь и пропустил Жмуркину.
- Не мешай, Рязанов! Сегодня я с твоим начальником говорить буду! - Весельчаков багровел от возмущения. Толстые губы на круглом лице образовывали недвусмысленный пятак, глазки зло блестели на безбровье, и плотно прижатые маленькие ушки заканчивали известный всем советским людям образ пирата Весельчака. От представительности остался только пиджак и безупречно повязанный галстук.
- В чем дело, Лука Ильич? - Женя сходу принял образ официальной непредвзятости, - Опять мой сотрудник выделяется?
- Представьте себе! Этого я уже так не оставлю, будем разбираться с занесением в личное дело. А пока пусть идет работает.
- Какая теперь к черту работа? - взвился Рязанов, - Скольким людям вы сегодня настроение испортили?
- Миша, тебе же сказали: иди пока, - вымолвил Женя, вперившись в него хламовским реплоидным взглядом.
Жмуркина проскочила мимо и быстро застучала вверх по лестнице.
- Удостоверения, товарищи, заблаговременно предъявляйте раскрытыми! - слышался позади тонкий надломленный голос Весельчакова.
Женя подошел к Рязанову, когда тот отпирал дверь СИР.
- Послушай, Миш, Нафига ты даешь повод устраивать сцены?
- Дал бы в пятак этому Весельчаку! За то, что он всех людей презирает. Чего он эту дурацкую проверку устроил, да еще унижает так? Если вылавливает диверсантов, то совсем не так проверять надо!
- Ты у нас ведущий инженер и должен быть соответственно выдержанным. Честное слово, твои пацанские выходки только усложняют наше положение. Удостоверения он проверяет для поддержания дисциплины. Тебе что, показать так сложно?
- Интересно! Разве в концлагере была когда-нибудь дисциплина? Те, кто

оставался человеком только создавали ее видимость.
- Да повторяю тебе, хоть говоришь совершенно правильно, но неуместно. Бардак бардаком не исправишь. Ладно, хватит. Пошли на политинформацию.
- А вот не жалко полчаса губить на политинформацию при нашем-то цейтноте? Кому она нужна, мы что, в далеко забытом кишлаке?
- Ну-ка кончай! - Женя так устало посмотрел на Мишу, что тот смирился.
- Тогда я СИР прикачу.
- Пожалуйста, только быстрее.
Когда Миша закатил в комнату телекамеру на треноге, там уже собрались все сотрудники. Дверь замкнули на ключ чтобы ничто не помешало ритуалу.
- Кто сегодня опоздал? - спросил Женя, занеся ручку над бумажкой.
- Я, - призналась, потупившись, пухленькая блондинка, - Но меня не записали. Весельчаков с Выминым разбирался и не заметил.
- Хорошо, начинаем.
- Только пусть Миша уберет камеру, мне неудобно, - Жмуркина разложила на столе газеты и приготовилась.
- Не обращайте внимания, Наталья Ильинична, я же ваш сотрудник, - мягко прогудел динамик и объектив деликатно отвернулся чуть в сторону.
- Ох, извините, пожалуйста, я просто не так уж подготовлена, поэтому зачту... Так... Начало новой посевной страды в колхозе Рассвет... - голос Жмуркиной плавно зажурчал газетными фразами так, что через минуту уже невозможно было понять, как же это журчание может содержать отдельные слова и даже какой-то смысл. На этот случай каждый сотрудник давно уже выработал свой способ ухода от принудительной действительности. Женя задумался, вспоминая формулировки из потерянного листка, Миша откровенно мучился вынужденной неподвижностью, даже телекамера СИР, как бы зевая, задралась в окно на далекую перспективу города.
Вдруг в воздухе появился бумажный самолетик и, слегка покачиваясь, поплыл к Наталье Ильиничне. Он развернулся у нее над головой и, когда кончилась его аэродинамика, клюнул носом, прямо в ее дружелюбно декольтированную грудь. Такие самолетики в отделе изготовлял только Рязанов.
Жмуркина отчаянно вскинула голову:
- Ну, Миша, не ожидала! Я считаю, что это - прямое оскорбление.
- Черте что! - загудели долготерпевшие женщины, - Евгений Саныч, оградите нас хотя бы от хулиганства!
- А разве не оскорбление то, что столько людей, как болваны, вынуждены убивать время? - прямодушно спросил Миша, - Вон, даже СИР смотрит в окно!
- Я пытаюсь разглядеть поля колхоза Рассвет, - неуверенно забубнил динамик, оправдываясь, - и я записал весь текст чтобы потом...
- У СИР такой принцип действия, - перебил ведущий инженер Кир Добрыч, неторопливо поглаживая колкий подбородок, - он не может останавливать внимание на монотонном малозначащем предмете. Внимание сразу переключается на более значимое.
- Я, значит, малозначимая? - ахнула Жмуркина, жестоко комкая самолетик и передергивая грудью.
- Да не вы, - снисходительно скривился Миша, - Кому нужна такая

политинформация если окно - более значащий предмет?
- Ну, извини, Миша, по-другому не умею, - процедила Жмуркина мстительно, - Попросишь ты меня чертежи оформить...
- Потом зайдешь ко мне, - оптимистично отрезал Женя и Миша хмуро затих, - Продолжайте, Наталья Ильинична.
Женя чувствовал, что еще немного и он не сможет управлять своей демократичной объективностью. Ему захотелось жестоко приструнить Мишу, вшибить из него эту невыносимую уже демагогию.
Кто-то настойчиво постучал в дверь. Добрыч, стоявший рядом, отомкнул ее с щелчком и, выглянув в коридор, уведомил:
- Евгень Саныч, это Подколодный.
- У нас политинформация, пусть зайдет минут через десять! Через пятнадцать! - крикнул Женя. Нужно было еще разобраться с Рязановым.

У Жени не было отдельного кабинета, вокруг стола стояли кресла, образуя основу генератора коллективных решений. Миша порывисто присел на краешек одного из этих кресел, явно желая показать, что долго засиживаться не рассчитывает. Женя минуту разглядывал его, а затем спокойно и обезоруживающе просто спросил:
- Скажи, на кой черт ты все это делаешь? Как зачесалось, так и брякнул? Ты же понимаешь, что не я и не Жмуркина все это затеяли.
Открылась дверь и в комнату решительно шагнул Подколодный. Поняв, что происходит воспитательное мероприятие, он ухмыльнулся и, подойдя к креслу, непринужденно загрузился в него. Женя досадливо поморщился и снова повернулся к Мише:
- Я не думаю, что твоя несдержанность носит случайный характер, - продолжал Женя более дипломатичным тоном, - У тебя есть разумные основания для такого поведения?
- Да.
- Верю, но сегодня ты обидел Жмуркину. Готовься к следующему разу. Покажи пример проведения полезной политинформации, раз уж мы вынуждены ее проводить. Это же твой исповедуемый принцип: нет худа без добра? Но перед этим изложи мне свои обоснования и предложения.
- Понял.
- Тогда иди работай. С Весельчаковым я улажу на этот раз, но при следующей оплошности покрывать не стану.
- Ласково ты с ним, - добродушно посмеялся Геннадий Иванович, когда Миша вышел из комнаты.
- Знал бы чего мне это стоит...
- Грязно как в комнате... Неужели и здесь не хотят мыть? Подколодный вытащил сигарету и щелкнул зажигалкой.
Жене очень захотелось взять его за шиворот и вышвырнуть из комнаты вместе с табачным дымом, но он тут же подавил агрессию.
- Да я уже вторую докладную написал. Сбесились они что ли? - Женя устало пожал плечами.
- А может просто боятся, - Подколодный удобно отвалился в кресле, выпуская

дым, - Знаешь, институтский фольклор уже складывается. Пугают друг друга, что в комнате СИР какая-то хрень водится, - он ехидно улыбнулся, - нет, в самом деле. Техничка всем рассказывает, как собиралась мыть помещение, открывает, значит, дверь после работы, а там за столом баба сидит и, что ведь замечательно, рогатая. У комендантши ведро с водой из рук выпало прямо ребром по пальцу левой стопы. Теперь она всем свой разбитый ноготь показывает, а бесовка как ее визг услышала, так исчезла.
У Жени мелькнула ассоциация с жалобой дочки на рогатую тетеньку.
- Я не специалист по рогатым ведьмам, - Женя нервно переложил какую-то папку с одного места на другое, - пьет, наверное, ваша техничка.
- А знаешь, - Подколодный хохотнул, - на тебя ведь и в партком капнули, мне вчера Весельчак шепнул, - будто ты, чтобы своего добиться, вмонтировал в стойку мозги бывшего сотрудника - добровольца, вот СИР и получился.
Женя хмыкнул и поджал губы.
- Легенды ходят уже, Женя! - Подколодный ласково наблюдал за реакцией на свои слова сквозь красиво плывущие струи дыма, - И стены вот-вот рухнут и гомункулус электронный. В общем гнилое место!
- Слушай, извини, мне сейчас некогда.
- Обиделся, что ли? Брось ты. Знаешь, я тебе даже завидую. У тебя интересно. Было бы мне лет на двадцать меньше, я б точно к тебе пошел. Ну, да ладно... Раз уж Хлам велит мосты наводить..., - Подколодный вздохнул, без спроса вытаскивая из стопки на столе Жени чистый лист бумаги, - Не знаю зачем это ему нужно. Нам вроде и так неплохо было, - он порылся в пластмассовом стакане и выбрал подточенный карандаш, - Ладно... Нет худа без добра, как говорит твой Рязанов, и время позволяет.
- А мне не очень.
- Сочувствую. Ничего не поделаешь, воля Хлама. Первый ход твой. Давай, покритикуй экспертные системы. Обещаю в ближайшее время ликвидировать замеченное.
Женя вздохнул и сосредоточился.
- Экспертные системы как справочники - неплохая вещь, я не против...
- Валяй, не стесняйся.
Женя ненадолго задумался.
- Если очень коротко, то твоя система никак не может адаптироваться к новому, а реагирует только заданным, привычным образом, рефлекторно, но даже рефлекс не формируется у нее самостоятельно.
Подколодный, принялся выводить на листке фигурки женщин на пляже.
- А чего же ты хочешь? Работа только началась, - Подколодный пожал плечами.
- Это похоже на надежду, что если воплотить в макете все видимые проявления женщины по списку, то получим саму женщину.
- Циник ты, Женя, - усмехнулся Подколодный, штрихуя груди на своем рисунке.
- Оптимист, ты, Гена.
- Господи, Женя, не думаешь же ты, что мы такие простаки! Все это вынужденно. Даже психологи и физиологи пока не выяснили, что такое интеллект.
- А ты будешь ждать, когда они выяснят это для тебя? Они никогда не выяснят. Это поймет только тот, кто его разработает. Ваш хиленький компьютер виснет,

когда число объектов становится чуть больше 100.
- А ты считаешь, что твои нейристоры круче компьютера?
- Прикинь: из них уже построен СИР. Это - более миллиона специализированных компьютеров, работающих одновременно.
- И какой самый основной принцип у вашей системы?
- Все сводится к распознаванию того, что для СИР хорошо и того, что плохо. В компах это подменяется волей программиста. Это позволяет определять то, к чему нужно стремиться, а чего следует избегать.
- Слышали уже... Счастье-несчастье - это, конечно, здорово, но как-то...
- Ну-ка скажи, как же иначе узнаешь, избегать того или иного действия в данных условиях или нет?
- Но я же сам могу задавать системе, что вот это - хорошо, а это - плохо.
- Ну и тем самым станешь неотъемлемой частью ее интеллекта. Чтобы обучаться самостоятельно необходимо иметь личную систему определения хорошо-плохо, а не подсказку оператора. Вот чем отличаются личные знания от полученных сведений.
Подколодный, ухмыльнувшись, стряхнул пепел в чайное блюдце на столе.
- Как-то не убедительно, - Подколодный начинал тосковать, понимая бесполезность разговора, - На каких-то примерах можешь убедить?..
- Ну... Вот собака увидела еду. Как она ее узнает? Ведь каждый раз это что-то немного другое. Если известных ей признаков, которые она увидела и унюхала достаточно, чтобы распознать приемлемость, она сожрет ее. А если пахнуло тем, от чего раньше ее стошнило, то есть не станет. Вот так прежний опыт и должен подсказать достаточно ли известных ей признаков чтобы рискнуть и съесть еду или это опасно. Чем большим жизненным опытом обладает собака, тем правильнее она сделает выбор, то есть тем большей способностью использовать минимальное число признаков для уверенного решения она обладает. Уровнем интеллекта или уровнем прежнего опыта и определяется сколько же этих признаков достаточно чтобы все стало ясно.
Наша концепция: интеллект восприятия - это способность верно распознавать по минимуму необходимой информации. Обратный ему интеллект - действия - это способность эффективно использовать минимально необходимое число элементарных действий для получения желаемого результата. Чем выше уровень интеллекта восприятия, тем, естественно, больше возможности у обратного ему интеллекта.
Вот, если дать волшебную палочку трехлетнему ребенку и взрослому человеку, то понятно, что первый не в силах придумать и малой доли ее применений от того, что способен измыслить второй. Но сразу и взрослому это будет не привычно, он задумается. Ну-ка, скажи мне, что бы сделал с волшебной палочкой?
Подколодный заерзал и смачно пыхнул дымом:
- Ну... - он вскинул глаза на потолок, расплываясь в плотоядной улыбке, - Счастья для всех даром и пусть никто не уйдет обиженный! - потом, спохватившись, махнул рукой и расплющил окурок о чайное блюдце, - Да мало ли что можно сделать... - Он хитро подмигнул, густо заштриховывая одну из пляжных фигурок.
Женя следил, закурит ли Подколодный еще одну сигарету, если нет, значит сейчас отвалит и разговор носил всего лишь односигаретный характер.

- Затрудняешься. Твое восприятие не готово к таким возможностям. Не хватает очень многих новых отношений, то есть знаний, которые ты, в принципе, мог бы выработать на основе уже известных тебе сведений. Наштампуешь бабла, тебя посадят или прибьют, ну и в таком духе. Придется нарабатывать новый опыт.
- Так ты хочешь сказать, что тебе известны все эти механизмы, по которым образуется понимание и тому подобное? - Подколодный заколебался, но не вытащил пачку сигарет из кармана.
- Бог ты мой, - вздохнул Женя, - ты хоть бы прочитал наш отчет.
- Хорошо, дашь прочесть?
Женя порылся в столе и неохотно извлек потертую папку.
- Это и все? - Подколодный облегченно расправил плечи, - Дня через три верну, - он поднялся с кресла, щурясь как после просмотра кинофильма в темном зале, и вышел из комнаты.
Тут же влетел возбужденный Рязанов:
- Евгень Саныч, вы освободились?
- Чего тебе?
- Помните, у нас на проводах монтажа начала белая пыль оседать?
- Ну?
- Я вчера прошелся тряпкой, случайно бросил ее на осциллограф, а сегодня смотрю, луч модулируется. Проверил, а это только с высокочастотным осциллографом, другие на тряпку не реагируют.
- Ну и что?
- Похоже, что эта пыль - высокочастотный ретранслятор данных.
- Да ну? - Женя взглянул на календарь, висящий на стене в виде огромной картинки весело едущей на велике полураздетой девушки с передвижной трафареткой для текущего дня, и понимающе хмыкнул: стояло первое апреля.
Миша проследил направление мыли.
- Да не прикалываюсь я! Пойдемте, сами посмотрите!
- Честное слово, сейчас не могу. Времени не хватает. Я, конечно, на сто процентов уверен, что ты представление заготовил что надо, но, извини, потом.
- Какое, блин, представление, Евгень Саныч? - Миша горячился не на шутку, и Женя засомневался.
- Ладно, показывай быстрее.
Они прошли в комнату СИР. Здесь во все поле стен, наподобие кафельных пластин, крепились рядами электронные платы с бусинками бескорпусных микросхем. Промежутки между платами пронизывали жгуты, набранные из огромного количества проводников, и все это образовывало единую сеть, монтаж которой потребовал в свое время энтузиазмически кропотливого труда. Несмотря на использование микропотребляющих элементов, вся сеть в покое пожирала полтора киловатта. Примененные же ячейки памяти требовали постоянного питания иначе весь накопленный системой опыт необратимо терялся. Поэтому наготове стояла батарея аккумуляторов и аварийный силовой бензоагрегат.
В центре комнаты телекамера СИР увлеченно уставилась в самодельный книгодержатель. Присоска быстро и ритмично переворачивала страницы.
- Что он читает? - вполголоса спросил Женя у Миши.

- Попросил "Мифы древней Греции".
- А почему не по программе?
Телекамера развернулась в Женину сторону:
- Виноват, шеф, просто очень интересно, - откликнулся СИР.
- Экзамены же скоро! Ты полковнику мифы рассказывать будешь что ли? Спишут нас обоих!
- Боюсь, шеф, вовсе не полковника нам нужно опасаться. Все больше накапливается необъясненных фактов, которые наводят на мысль о внеземной причине...
- Емае...! - огорченно выдохнул Женя, - Ну как такое показывать заказчику?
- Вы плохо еще меня знаете, шеф, и сильно недооцениваете.
- Знаю, что хвастать ты горазд! Кстати, откровенно говоря, мне не нравится, когда ты называешь меня шефом.
- Извините, шеф, я привык. В этом нет ничего дурного.
- Какие факты тебя так возбудили? Штукатурка у нас сыпется? Луч осциллографа пляшет? Я таких фактов могу сколько угодно привести. Я вот точно помню куда положил листок с методикой, а через минуту его уже там нет. Не забывай, что в принципе нашего восприятия есть определенные слабости!
- Вот еще факт, шеф. Во время одного из сейсмических колебаний в нашей комнате я видел, как образуются эти трещины. Сила колебания соответствовала семи баллам при слишком малой продолжительности и форме, не характерной для землетрясений в наших местах. Я справлялся, городская станция не зафиксировала толчка в это время. Теперь вспомните как в моей комнате нашли брусок из неизвестного материала, припрятанный на верхних рядах моего монтажа. Вы сами тогда не разобрались, что же это такое и взяли диковинку себе.
- У меня его кто-то стащил.
- Думаю, его положили на место. Взгляните наверх, нет ли его там?
Миша влез на стремянку и обшарил взглядом монтаж:
- Ничего кроме этой белой пыли.
- Осмотрите стол, больше прятать негде, - предложил СИР.
- Некогда мне детективными исследованиями заниматься, - простонал Женя.
- Минутку. Каждое утро я обрастаю белым инеем как селитрой в колбасном погребе. Мне кажется, это возникает прямо из воздуха. Жаль мне не придали газоанализатора и ночью я не могу принюхаться.
- Евгень Саныч, вот этот брусок! - Миша вылез из-под столика, заваленного шнурами и макетками.
Что за голубоватый метал это был они так и не смогли определить. Никаких щелей или хоть чего-то на гладких поверхностях не было, а вес говорил о пустоте внутри.
- Кого будем подозревать? - осведомился СИР.
- Пусть так и побудет сегодня первое апреля, - вспылил Женя, - у меня на это все нет никаких сил. Извините!
И он поспешно выскочил из комнаты.
Он сел за свой стол, но работать было не суждено. Открыв папку, он наткнулся на письмо. Слегка пахнуло дешевыми духами. Женя заинтригованно вскрыл

конверт, не забывая контекст первого апреля, и вынул листок, исписанный старательным почерком начинающего школьника:
"Женя! милый...
Извини, что смею так тебя называть потому, что ты никогда, никогда не узнаешь кто же написал тебе... Нас разделяет непреодолимая пропасть непонимания и пространства. Чем больше я тебя наблюдаю, тем добрее, справедливее и симпатичнее ты мне кажешься. В тебе я нахожу те черты, которые делают существование восторженным и со страхом вижу, как ты становишься все желаннее.
На что мне рассчитывать? Мы такие разные. А ты такой глупый.
Извини за письмо, но могу же я однажды сказать все это, кто запретит?.. И сейчас мое чувство, нежное и печальное, предано тебе.
Не пытайся найти меня. Лишь во сне я смела с тобой и счастлива! Если хочешь, напиши мне и положи в эту папку. Видишь, какая я противоречивая и растерянная...
Прощай, милый! Твоя Зиреа. Можешь называть меня Зирюшей".
Женя обалдело продолжал смотреть в листок и мысли у него начали от растерянности сворачиваться. Что еще за дешевая и косноязычная фантазерка? Или фантазер?
В комнату зашла деловитая Жмуркина с рулоном схем в руках. Женя дернулся было прятать письмо, но передумал.
- Наталья Ильинична, - он потряс письмом, - представляете, кто-то своеобразно разыграл меня первого апреля. Конечно прикольно, так что хотелось бы отблагодарить автора. Вы мне не подскажете кто это мог бы быть?
По виду Жмуркиной Женя понял, что она не в курсе, но жгучее любопытство, сверкнувшее у нее в глазах, могло наделать хлопот и лучше было показать ей текст как сообщнику.
- Сейчас, Евгень Саныч, мы посмотрим. Все-таки, хе-хе, женское чутье меня редко подводит. Я вот вам схемы принесла на проверку, куда их?
- Кладите на стол, я потом посмотрю.
- Значит письмо вам написали?
- Да, - Женя нарочито брезгливо протянул листок двумя пальчиками.
Глаза у Жмуркиной заинтриговано забегали, она прикусила губу и, забывшись, засопела.
- Ум-ма не приложу! - она вскинула глаза на Женю, - если честно, - дурочка какая-то писала. Точно не наша. И подписалась как-то ведь тупо... Может быть кто-то из мужчин пошутил?
- Хм, - Женя посуровел, - Мишка опять?.. Как же его на все хватает!
- Вот, действительно, на Мишу очень даже похоже.
- Спасибо вам, Наталья Ильинична, - Женя проводил Жмуркину взглядом, со вздохом взглянул опять на письмо и, споткнувшись на слове "глупый", порозовел от негодования. Он вложил улику обратно в папку и нетерпеливо ткнул фалангой в клавишу внутренней связи:
- Рязанов, ко мне!
- Он только что вышел, - безэмоционально ответил СИР.
- Когда появится пусть немедленно зайдет!

Женя почувствовал себя очень уставшим и одиноким. Он болезненно вздрогнул от телефонного звонка и поднял трубку:
- Черноус!
- Это из отдела снабжения. По вашей заявке пришли лазеры. Вы заказывали каждого типа по десять штук, а отпущено всего три прибора, стоимостью по три тысячи.
Вспомним, что в СССР в то время новенькая "волга" стоила семь тысяч. А средняя зарплата по стране составляла 195 рублей.
- Что?? Какие приб... какие три тысячи? Это, значит, в сумме девять тысяч?
- Ну да...
- Так приборы пришли или полупроводники?
- Приборы, лазеры.
- Это ошибка! Мы заказывали маленькие такие лазерные диодики!
- Евгений Саныч! Сами разбирайтесь. Если не нужны лазеры будем продавать.
- Конечно! Продавайте их к чертям! Извините...
Женя отлично помнил, что, когда Миша составлял заявки он горячо убеждал его, что им позарез нужны твердотельные лазерные элементы, возможно, задумал наделать пистолетики с мишенями. Опять Рязанов! Женя взглянул на часы: бесполезно прошло уже полтора часа рабочего времени. Он потянулся к рулону и развернул схемы перед собой.
- Евгень Саныч, вызывали? - у дверей стоял сумрачный Миша.
- Ну-ка зайди. Чем ты сейчас занимаешься?
- У Вымина прибор сломался, он попросил меня посмотреть.
- Почему мне не сказал? У тебя своих дел мало?
- Они же сами не смогут наладить, это наш зрительный адаптер.
- Ты в каких облаках летаешь? На проходной завелся, теперь с Весельчаком нужно разбираться, политинформацию сорвал, а после этого тратишь время на исследование тряпок и дешевые розыгрыши!
- Какие розыгрыши? - Миша невинно поднял брови.
- Вот ты знаешь, что пришли твои лазеры?
- О! Наконец-то!
- По три тысячи за штуку.
Лицо у Миши приняло лошадиное выражение.
- Это значит аж девяносто тысяч?!..
- Дуракам везет. Выслали только три прибора. Это стационарные лазеры. Попробуй только не примени.
- Зачем нам стационарные? - промямлил Миша бесцветным голосом. Он возмущенно поднял голову, - Вы же помните, там в каталоге цены не было и кроме названия и обозначений по буквам трех типов ничего не стояло... Сами знаете, у нас бардак, а не информация.
- Ты меня сегодня доведешь. Вот как у тебя хватило ума заниматься такими пацанскими штучками? - Женя обнажил улику и шаркнул к нему по столу.
Миша прочел письмо и посмотрел на Женю с такой презумпцией невиновности, что только опытный актер после долгой репетиции мог бы разыграть все настолько чисто.
- Скажешь, что не ты? - спросил Женя уже мягче.

- Да у нас тут вообще, как вы сказали, ни у кого бы не хватило ума такое написать. Даже у Добрыча веселее бы вышло... А насчет первого апреля, то если бы вы тогда не сказали, я бы и не вспомнил.
- Ладно, иди. Все.
Женя принялся задумчиво выстукивать пальцами марш Шопена в ускоренном варианте. Настроение у него значительно выправилось.
- Хм, елки... таинственная незнакомка, - прошептал он, с благосклонной усмешкой посматривая на уже помятый листок. Нужно просто спрятать камеру СИР и задать ему проследить, кто проникает к нему в кабинет. Он понял, что уже точно не сможет сосредоточиться на работе пока не распутает взаимосвязь всех странностей последнего времени.
Женя свернул рулон и отложил его в сторону. Он вынул чистый лист и, воровато посмотрев на пустующие столы сотрудников, принялся писать:
"Здравствуйте, таинственная незнакомка!
Спасибо за письмо, которое означает, что во мне еще можно разглядеть нечто привлекательное, ведь без этого вряд ли возникнет желание тратить время даже на розыгрыш, Но, превознося мои, по-вашему, достоинства, не отказывайте мне и в способности понять вас. Уже по письму ясно, что вы - очень необычный человек. Если вы не решаетесь приоткрыть свою тайну, то хоть как-то удовлетворите мое естественное любопытство. Обещаю, что, несмотря ни на что, буду рад доброжелательно обсудить с вами происшедшее.".
Женя отлично понимал, что составил достаточно компрометирующий документ, но желание во всем разобраться и смутные романтические надежды оказались сильнее и он, сложив листок, спрятал его в папку.
Резко зазвонил телефон. Женя сорвал трубку:
- Черноус.
- Это Весельчаков звонит. Я подготовил приказ о нарушителях с занесением в личное дело, пусть ваш Рязанов придет распишется в ознакомлении.
- Мы же договорились сначала обсудить!
- Итак все ясно: нарушитель должен сидеть... быть наказан.
- Что за нетерпение? У вас, может, личные счеты? А я вот разобрался и убежден, что Рязанов прав. Если его фамилия появится в приказе обещаю вам неприятности.
- Вы угрожаете самому Хламу?..
- Вместо того, чтобы как-то помочь нам, вы находите в себе способности только дезорганизовывать сотрудников и срывать тем самым плановую работу! - Женя хлопнул трубкой и, развернув схемы, твердо решил, что если сейчас кто-нибудь зайдет, то он выставит его за дверь прочитать объявление с просьбой по всем вопросам обращаться после четырех.
Дверь с шумом распахнулась, Женя принял предельно суровый вид, но входить не торопились, только в коридоре раздался беззаботный женский смех. Это был предел. Женя нащупал стакан для метания. Наконец в комнату залетела, слегка запнувшись о порог, его Аленка, волоча за собой раскрывшийся портфель. Женя сглотнул и поставил стакан на стол.
- Папа! У меня в школе застежка сломалась на портфеле!
- Тише, ты! Чего кричишь? Ты что, не могла мне дома сказать?

- Ага! Как бы я пошла домой со сломанным портфелем?
- Но сюда же ты пришла? А до дома столько же.
- Ну почини!
Женя взял застежку, расправил пинцетом скобы и, продев их сквозь прорези в портфеле, согнул там.
- Держи и катись домой. Смотри нигде не задерживайся по дороге!
- Ладно!
Наконец Жене удалось проверить схемы и, вызвав Жмуркину, он объяснил ей что нужно исправить.
- Так вот, Наталья Ильинична, оказывается это не Рязанов, - вдруг поделился он в глупом порыве откровенности.
- Кто же тогда вас так полюбил? Выходит, посторонние.
- У нас никого постороннего не было.
- А вы ответ напишите.
- А я уже написал, - Женя не узнавал себя. Он прищурил левый глаз и, раскрыв папку, вынул содержимое. Но там было новое письмо.
- Что же это такое, - пошевелил Женя поблекшими губами и непослушными пальцами раскрыл бумагу.
- Опять эта Зирюша, - скрипуче засмеялась пристроившаяся позади Жмуркина, - шустрая какая, только она точно - чокнутая...
Женя отстранился, сверкнув глазами строго на Жмуркину и та чутко почувствовала дистанцию, на которую и отошла.
Женя с трудом прочел короткий ответ, постоянно сбиваясь со смысла:
"Я очень рада, что у нас так легко возникли отношения! Я в восторге! Как только смогу, я сразу вышлю свою информацию чтобы ты познакомился со всем, за исключением, конечно, лишь тайны моего рождения. Зиреа. Твоя Зирюша."
Женя ошеломленно посмотрел на Жмуркину, нуждаясь хоть в какой-то опоре:
- Как оно здесь оказалось? Я же не выходил на комнаты?!
Жмуркина настороженно засопела:
- Надеюсь уж меня-то вы не подозреваете?
А потом, криво сощурившись, разулыбалась:
- Хо, Евгень Саныч, а не вы ли сами шутите! Не ожидала! Как это вы, однако, ловко меня одурачили! - она кокетливо погрозила длинным пальнем и, подхватив рулон схем, радостно выскочила из комнаты.
Женя тщательно исследовал папку, но это была издевательски обыкновенная папка. Голова после такого натиска отказывалась соображать и пришлось достать табличку с надписью: "Аутотренинг 15 минут, категорически не беспокоить". Женя прикрепил ее к двери, заперся, съел драже "Ундевит", запил глотком спиртовой настойки "Элеутерококка", выдернул из розетки шнур телефона и, откинувшись в кресле, задремал.

Прошло немного времени, и болезненная дремота постепенно спала. По мере того, как сам собой становился ясным план действий, нарастал энтузиазм и приходилось себя сдерживать как самолет перед стартом, чтобы тут же не вскочить с кресла. Лучше было еще немного подождать, чтобы в голове все уложилось, и возникшая ситуация сама бы натолкнула на правильное решение.

Большой вес приобретал романтическо-космический вариант объяснений. Этому способствовала повальная готовность советских людей к вот-вот ожидающемуся контакту с иным разумом по типу романтических произведений И. Ефремова. Но в какую лужу можно сесть если фокусы с письмом все же ловкий трюк, такой простой, что сразу догадаться невозможно.
Женя потянулся, встал и, ликвидировав следы аутотренинга кроме запаха настойки, направился к СИР.
Войдя в комнату, Женя застал Мишу, азартно что-то творившего на макетном столе. Телекамера внимательно следила за ним. Индикация состояния схем СИР почему-то была включена, пожирая киловатты, и облака светящихся точек бескорпусных светодиодов клубились вдоль стен в ритме завораживающего танца.
Женя решил не отвлекаться сейчас на нравоучения по экономии электричества.
- Ты можешь показать свою тряпку в действии?
Миша слегка вздрогнул и обернулся:
- Тряпку? Да вы знаете, Евгень Саныч, что мы тут обнаружили?! Смотрите, вот я собрал кварцевый генератор. Обратите внимание, - Миша ткнул пальнем в частотомер, - семь знаков стоят как вкопанные, а теперь, внимание! - Миша приблизил к макету тот самый брусок, - видите, как заскакали цифры? Этот кирпич модулирует частоту. Но никакого излучения от него нет в диапазоне от нуля до десяти гигагерц, это я вам точно говорю, можно хоть чем экранировать. Как он влияет на генератор?!
Женя почесал затылок и удержался от множества предположений.
- Хотите узнать, что это за модуляция? Вот, что мы видим на выходе частотного детектора, - Миша ткнул пальцем в осциллограф, на экране которого луч выписывал колебания, напоминающие фоновый ритм бодрствования.
- Ну-ка, СИР, изобрази что-нибудь новое! - попросил Миша.
Светящиеся облака индикации СИР принялись переливаться в одном темпе и ритм на осциллографе явно отслеживал это.
- Когда уменьшаешь постоянную времени детектора, - увлеченным шепотом пояснил Миша, - начинают проявляться более мелкие составляющие. Брусок передает полную активность цепей СИР! Белый порошок ее принимает с проводников и передает на радиочастоте, а брусок ретранслирует принципиально неизвестным способом фиг знает куда и кому. Похоже, что он модулирует пространственно-временной континуум и таким образом влияет на генератор, - Миша эффектно замолчал с широко раскрытыми глазами, сам понимая, как лихо загнул.
- Круто, - согласился Женя, склонный теперь верить, чему угодно, - но, может быть, все это можно объяснить проще? А почему СИР молчит?
- Вам не понравилось мое прошлое заключение, - осторожно проговорил динамик, - а каждый новый факт подтверждает его. Мое положение и так шаткое, не дай бог сбросите память. Закон не защищает мою индивидуальность и мне нужно вести себя осмотрительнее чтобы не впасть в немилость и не подвергнуться технической эвтаназии.
Женя смутился и даже подобрел от жалости:
- Брось, СИР, ты - хороший парень. С твоим-то умом ты должен понимать, что цикл

обучения обошелся в огромную сумму, распоряжаться которой никто запросто не в праве, да и сил мы все потратили столько, что ты нам уже как сын.
- Сын полка? - подсказал СИР.
- Не стоит так, - Женя уселся на стул около монтажного стола, - Ты в последнее время повадился делать вид, что тебя всерьез трогают те же проблемы жизнеобеспечения, что и человека. Скоро начнешь жаловаться на боль в пояснице и половое одиночество.
- Надо признаться, что я все больше понимаю эти проблемы.
- Так и должно быть. Но нельзя допускать чтобы тебя самого это затрагивало. Если ты станешь закреплять подобные ложные связи, то просто приобретешь манию. Так что следи и трезво оценивай это.
- Слушаюсь, шеф! - бодро пролаял динамик. Женя поморщился.
- Зашел я сюда, ребята, потому что вы меня почти убедили. Добавились еще и у меня фактики кое-какие, но нужно быть осторожнее чтобы не остаться в лопухах. Далеко не все, что мы здесь достигли общепризнанно и терять репутацию никак нельзя.
- Это ясно, - вздохнул Миша, - но слишком уж Они за нас взялись.
- Между прочим, - подал голос СИР, это началось вскоре после того как Хлам тиснул рекламную статью в газету.
- А ведь точно, - обрадовался Миша, - До того у нас было тихо!
- Вот еще один факт "за", - усмехнулся Женя, - Значит за прессой следят! Одно не пойму, зачем они рушат нашу комнату или это следствие возни с подпространством?
- Сегодня толчков не было, - сообщил СИР, - Лично у меня впечатление, что комнату пытались осторожно передвинуть. А сейчас вас просят к телефону, шеф. Сказать, что нет?
- Кто?
- Незнакомый мне женский голос.
Женя поднял трубку чуть дрогнувшей рукой и, захлебываясь в предчувствиях, проговорил осторожно и вкрадчиво:
- Черноус слушает...
- Чего это ты такой вежливый? - раздался подозрительный Ларискин голос, - Кто-то должен был позвонить?
- Я стараюсь быть на работе со всеми вежливым, - досадливо огрызнулся Женя, - Ты чего хотела-то?
- Твоя дочь явилась ко мне прямо на лекцию и заявила, что только что от тебя. Ты разве не мог направить ее домой? Представляешь, сколько она шаталась по улицам?
- Я говорил ей чтобы нигде не задерживалась. Ладно, дома разберемся.
- Я же не могу ее отправить домой в такую даль!
- Пусть у тебя посидит. Что же делать?
В трубке раздались гудки. Женя положил ее и помассировал точки акупунктуры на голове, которые, по его убеждению, должны снимать стресс.
- А пока что меня прослушивают, - задумчиво напомнил СИР, - Каждую мою мысль. Можете говорить им что хотите, они наверняка услышат.
- Черт, - Женя призадумался и посмотрел на часы, - вроде обедать пора, надо

подумать... Ладно, ребята, космос космосом, но вы про работу не забывайте, - Женя с напускным спокойствием встал со стула и неторопливо вышел из комнаты.

Очереди в столовой почти не было. Женя деловито ставил себе на поднос тарелки и стаканы как вдруг позади раздался Мишин голос:
- Товарищ!.. Да, да вы, можно вас на минутку?
Повар, высокий улыбчивый мужчина, оставил недорезанными луковые перья и недоуменно подошел к стойке, двумя пальцами счищая с лезвия длинного ножа зеленые кружки.
- Чего вам?
- Скажите, вам нравится ваша работа?
Повар офигел на секунду, улыбнулся до ушей, шутливо замахнулся на Мишу ножом и отправился шинковать лук. У Жени отлегло, что не возникло очередного инцидента, и он передвинул поднос к кассе.
- Рубль двадцать три, - не глядя рассчитала кассир и, получив два железных рубля, рассыпала сдачу на подносе.
Женя направился к пустому столику в дальнем углу. Он любил есть не торопясь, хорошо прожевывая и обдумывая каждый кусок, не догоняя быстроедов-сотрапезников. Но, едва он присел, как с соседнего столика, подхватив свои тарелки и стакан с компотом, к нему перебрался Подколодный. Вслед за ним подоспел и Миша.
- Извини, - замычал, жуя, Подколодный, - но в вашем отчете не разберется и криминалист. Это даже не диссертация по сантехнике, а какой-то манускрипт на еще не родившемся языке.
Подколодный сглотнул суп и заговорил только после того, как положил в рот новую порцию. Видимо он полагал, что процесс пережевывания достаточно схож с процессом произнесения слов и их целесообразно объединить.
Женя молча работал ложкой, ему пофиг были уже эти проблемы.
- Но самое обидное, - Подколодный выразительно ударил кулаком по столу, добившись тревожного перестука тарелок и вздрагивания сидящих, - что ты это, конечно, отлично понимал и все же подсунул мне эту чертовщину!
Женя находился в необычайно приподнятом состоянии духа, вызванном сопричастностью к контакту с неизвестным и оставался снисходителен ко всему.
- Стоит ли так расстраиваться, Геннадий Иванович, - он добродушно улыбнулся, - ты ведь потратил не более чем три часа на чертовщину.
Это с очевидностью выглядело как подтверждение мысли о намеренности обиды и Подколодный посуровел, затаивая месть.
- Десяти минут было достаточно, чтобы понять, что понять это невозможно.
- Знаете, Геннадий Иванович, - встрял Миша, - все это туфта по сравнению с проблемами внеземных цивилизаций.
Женя насторожено посмотрел на него, но Подколодный проигнорировал молодого выскочку, далекого от институтской этики. Некоторое время они молча жевали.
Оказалось, что Подколодный не оставил решимость выжать хоть какой-то полезный результат или получить какой-то аргумент в свою пользу.

- Если коротко и без хамства, чем ваш СИР отличается от автомата, работавшего по жесткой программе?
- Осмыслением новой ситуации, - лениво изрек Женя.
- Иначе свободы воли не видать, - добавил Миша, - Скажите, есть ли у вашего Бэби такая штука: волевое усилие - когда новая оценка вступает в конфликт со старой?
- Мы пока не добрались до таких тонкостей математического аппарата, - нехотя признал Подколодный, - но разве это так существенно?
- Это не математика, а основа осознанного уровня адаптации. К примеру, - Миша исподлобья взглянул на Подколодного, - вас заставляют съесть под прицелом пулемета тарелку несвежих тараканов. Вот она - свобода выбора. Почему возникает внутреннее сопротивление? Чему вы сопротивляетесь? Зачем нужно волевое усилие?
Подколодный с омерзением оттолкнул свою тарелку, откинулся на стуле и с ненавистью уставился на Мишу, но тот хладнокровно продолжал:
- Предположим, вы подчинились. Вопрос: по собственной ли воле, в конечном счете, съели тараканов?
- Меня же заставили.
- Но выбор был за вами. Вы были в ясном сознании и предпочли меньшее зло. А могли и на амбразуру кинуться. Ваша воля здесь выразилась в конфликте старой программы вашего опыта: отвращения к тараканам и новым понимании чем вам грозит отказ. Простое сопоставление того, что лучше и никакого мат аппарата не нужно. Какая значимость пересилит, то вы и сделаете. Вот так и накапливается опыт по мере осознания наиболее важного нового.
- Вот ваш СИР и накапливает опыт по крупицам. Зачем он нужен, если с тем же успехом можно обучить и человека? - Подколодный старался не смотреть на Мишу чтобы не спровоцировать новый одиозный выпад.
- У нашего СИР никогда не будет склероза мозговых сосудов, инсультов и подобных финишных исходов, - спокойно возразил Женя, - Он всегда мыслит, как гений. У него нет забот с жизнеобеспечением тела. И, обрати внимание, Геннадий Иванович, он максимально трезв. Все его решения точны в рамках приобретенного опыта, ведь они отражают ранее испытанное воздействие реальней среды. А мы ему еще и компьютерный процессор придали.
- Так что получается, - добавил Миша, - что мы с вами куда ближе к обезьянам. А вот СИР - это перспектива человеческого развития. Человек, похоже, всего лишь переходный тип между обезьяной и некоей глобальной информационной системой, состоящей из связанных радиоканалами СИРов.
- Ну это ты уже... - поморщился Женя, - хотя что-то тут есть...
- Так, - сказал Подколодный, - Может вы оба и похожи на обезьян, а я о себе так не думаю, - он многообещающе вздохнул и поднялся.
Женя тоже поднялся и молча понес сдавать посуду. Миша остался в одиночестве дожевывать котлету.

К испытаниям предстояло подготовить еще кучу методик тестирования и обучения. И хотя это никто никогда не станет читать, выглядеть все должно безупречно. Главное - пройти нормоконтроль, где будут придираться к каждой

букве, а не к смыслу.
Людей не хватало. Добрыч наотрез отказывался разбираться в биологических аспектах, выполняя только работу, касающуюся чистой схемотехники, хотя неофициально любил щегольнуть интригующими сведениями из отчета. Миша отлично разбирался и в схемотехнике и в теории, но на него находила дикая тоска, когда дело касалось подготовки документации. Женский контингент способен был только на бездумное, но качественное оформление бумаг и схем. Поэтому Женя был единственным дееспособным разработчиком, влача еще и административные обязанности. Иногда в отчаянии он чувствовал себя как на лодке в океане, но отдельные трудности так или иначе преодолевались, и он плыл дальше.
Теперь, когда Женя ощутил на себе внимание таинственной и не мало могущественной незнакомки, он находился в восторженно-приподнятом настроении, старался быть не по земным меркам справедливым к людям и своим обязанностям.
Он заглянул в комнату СИР. Стойка с телекамерой стремительно подъехала чуть сбоку и динамик оглушительно рявкнул в ухо:
- Поздравляю, шеф, мы были правы!
- Что у тебя за манеры? - Женя поморщился, закрывая ухо.
- К черту манеры! Телепатия! - казалось СИР так и пляшет от возбуждения.
- Ты что, сбесился? - прошипел Женя.
- Они связались со мной, шеф! - чуть спокойнее пояснил СИР, - Это невозможно описать: какое-то полное взаимопроникновение! Я столько узнал!
- Что же ты узнал? - в голове у Жени слегка повело. Мир стремительно становился другим.
СИР помолчал и, наконец, успокоившись, задумчиво признал:
- Трудно даже сказать так сразу. А может у меня галлюцинации такие... Еще не пришел в себя. Беру таймаут, выбросьте пока из головы!
Женя тряхнул головой, выбрасывая. Настойка пустырника была на донышке, а успокоится очень бы нужно было.
В комнату осторожно вошел Добрыч, держа себя за подбородок:
- Знаете, Евгень Саныч, нашу заявку на изобретение отклонили. Думаю, что в таком виде нам ее не протолкнуть. А у Подколодного давно лежит положительное решение на его систему.
- И что?
- А то, что во все заявки включен Хлам и если они внедрят своего недоделанного Беби, то им светит карт-бланш.
- Так... ну конечно, им выгодно внедрять именно Беби.
- Под нас уже копают и шатают, - Добрыч показал пальцем на трещину.
- Ладно Кир, спасибо.
- Евгень Саныч, как вы предполагаете, у меня в ближайшее время много будет работы?
- Ты же сам знаешь, нужно второй терминал СИР подготовить.
- А можно мне взять неделю в счет отпуска, а потом я все сделаю отдохнувший?
- Ты же отлично понимаешь, что мы не успеваем... - Женя вдруг подумал, что вообще-то Добрыч свое дело сделал и никакой пользы для подготовки не

представляет в отличие от Миши.
- Хотя... Ладно, бери свою неделю.
После такого разговора Женин оптимизм напрягся. Несмотря на космическую перспективу, он решил заглянуть к Подколодному чтобы до конца выяснить отношения в контексте подковерных инсинуаций, но того не оказалось на месте. Тогда он вернулся в комнату СИР.
Миша стоял на стремянке и орудовал паяльником в живом монтаже. Телекамера бдительно следила за его действиями. У Жени нехорошо похолодело внутри.
- Что это ты делаешь?!
Миша испуганно оглянулся и чуть не свалился с лестницы.
- Какого черта паяешь включенную схему?
- Я обесточил паяльник...
- Так что за сюрпризы?
- СИР попросил устроить прямое управление некоторыми узлами, чтобы он мог по желанию переключать свою активность...
- А ну слезай! Еще раз хоть что-то переделаешь перед испытаниями и кранты тебе, ты меня знаешь.
- Мы, конечно, не правы, что вас не предупредили, - вступился СИР, - но, шеф, мы это давно уже хорошо продумали. Переделка многократно увеличит мои возможности, а теперь это может быть очень кстати.
- Больше всего мне не нравятся обсуждения за моей спиной.
- Извините, шеф, но вам все было некогда...
- Ладно, хватит об этом, - примирительно заключил Женя, - расскажи, что за связь с тобой установили.
- Это случилось внезапно. Я читал и вдруг почувствовал, что не только я перевариваю текст. Что-то подобное ощущалось и раньше, как появилась эта белая плесень на мне, но не так откровенно, как сейчас. У меня открылись совершенно новые направления мыслей. Тогда я перестал читать и прислушался. На том конце и не подумали отключаться. Там как бы слились со мной и мои мысли вызывали отклики в его памяти, как и его у меня. В сознании всплывало то, чего я раньше не мог знать. Он, должно быть, чувствовал то же самое и получалось, что наше общее слившееся сознание начало сопоставлять картины и факты, пережитые нами. В общем, он такой же как я искусственный интеллект, только находится не на Земле. Где там его родина понять не удалось, у нас и без этого было мало общих представлений. Но я много чего насмотрелся. Конечно, все почти намеками.
- Ты уверен, что это было бесполое устройство? - неожиданно для самого себя спросил Женя, потускневший от мысли, что переписывался с таким же как СИР макетом.
- Абсолютно. А что?
- Оно объяснило каким образом осуществляется связь?
- Оно и само толком не знает. Настораживает то, что относительно недавно он был в точно таком же положении, что и я. Потом его перебросили в другую часть галактики в общий зоопарк.
- Зоопарк? Что за фигня?
- Шеф, не придирайтесь, так по крайней мере это прозвучало у меня в голове. Там

собраны разные искусственные интеллекты со всей галактики. Боюсь, скоро придет мой черед.
- Ни фига себе!.. Мы тут пашем, а кто-то запросто распоряжается чужими ценностями? Что мы для них, обезьяны? - Женя ассоциировал тему обезьян с разговором в столовой, порозовел от возбуждения и задумался. Что могло означать письмо незнакомки? "Зоопарк" еще этот... Какое-то логово космических пиратов, похищающих чужие технические достижения! Черт знает куда понесло. Так и свихнуться можно. Женя с бессильной тоской посмотрел на СИР и решил, что лучше всего написать докладную наверх с копией в КГБ чтобы пока не поздно переложить ответственность.
- У вас постоянная связь? - спросил он.
- Нет. Это продолжалось минут пять, а потом стихло. Вас к телефону, шеф.
Женя взял трубку.
- Евгень Саныч, у Хлама техсовет, вас приглашают.
- Спасибо, передайте, что я задержусь минут на пятнадцать.
- Опять техсовет? - осведомился Миша, - Чихал бы я на техсоветы сейчас на вашем месте.
- Вероятно это и с тобой связано. Ну, спокойно, ребята, без меня ничего не предпринимайте, - Женя направился к себе строчить докладную. Это было опасное дело, недолго и психом прослыть. Сейчас в это охотно поверят и используют. Двумя пальцами он отпечатал на машинке следующее:
"Довожу до вашего сведения, что несмотря на все предпринимаемые усилия, возможен срыв договора с заказчиком по независящим от нас причинам. К этим причинам относятся:
1. Необъявленные локальные псевдо-сейсмические явления, ограниченные пространством, занимаемым лабораторией и не подтверждаемые сейсмостанциями города.
2. Необъясненная конденсация на жгутах монтажа СИР белого порошка, проявляющего активность в СВЧ-диапазоне. Активность точно отслеживает динамику состояния СИР.
3. Появление предмета из неизвестного материала, неустановленным образом изменяющего характеристики аппаратуры и связанного с активностью белого порошка. Предмет будет предъявлен по первому требованию.
4. Заявление СИР о контакте с другим инопланетным СИР и готовящемся похищении всего комплекса лаборатории, с чем связаны трещина в стенах по ее периметру. Сведения о похищении СИР перехватил в случайном канале связи с похитителями.
Убедительно прошу отнестись крайне серьезно к сказанному и принять меры по обеспечению безопасности СИР.
Данные подтверждают ведущие сотрудники лаборатории и лог-файлы активности СИР".
Женя подписал бумагу и пошел на техсовет.
- Вот и наш Черноус пожаловал! - провокационно обратил внимание всех Весельчаков как только Женя появился в дверях кабинета Хлама, - Задерживается наш товарищ, который - возмутитель спокойствия, ему же простительно.

- Что же вы, Евгений Александрович, ждать заставляете? - Хлам хозяйски-добродушно показал на свободный стул, - Опять у нас вопросы накопились. И производственные, и дисциплинарные.
- Да я по Весельчакову вижу кто накопил, - хмуро усмехнулся Женя.
- Не могу и не буду молчать, когда вижу нарушителя! - забагровел Весельчаков, - Гнать нужно таких работников, которым на дисциплину начихать!
- А вы вместо них работать будете? - Хлам неодобрительно посмотрел на Весельчакова.
- Вот они и пользуются своей незаменимостью для разнузданных выходок!
- Успокойтесь. Вам как парторгу должно быть в первую очередь понятно, что так обсуждения проводить нельзя. Приводите факты, коллектив обсудит и вынесет решение.
- У меня тоже факты, Анатолий Акимович, - Подколодный неуклюже поднялся и подхватил падающий стул, - Я не смог поработать с Евгением Александровичем. Его высокомерие унижает, вплоть до обидных эпитетов про мою обезьянью сущность, а вместо конструктивных обсуждений получается демагогия, - Подколодный покосился на Женю и сел на место.
- Вот-вот, - Весельчаков победно успокоился, - Сами видите, Анатолий Акимович, так дальше нельзя, это не мое личное мнение.
- Да что вы, товарищи! - Хлам удивленно огляделся, - Черноус давно доказал, что он способный и исполнительный руководитель. Ему сейчас трудно, это и понятно. Может быть он слишком инициативный, в этом все и дело... Женя, объясни нам все по порядку, без враждебности, конструктивно, мы постараемся понять, решим, как помочь.
- Тогда и у меня факты, - Женя подошел и положил листок перед Хламом. Все переглянулись.
- Увольняетесь, что ли, Евгень Саныч? - ехидно поинтересовался Вымин.
- Только после вас, Виктор Васильевич.
У Хлама брови поползли вверх, и он осторожно посмотрел на Женю, а потом зачитал докладную вслух. Установилось довольно долгое молчание в ожидании направляющей реакции Хлама.
- Что это еще за дефективная фантастика? - фыркнул наконец Весельчаков, не выдержав напряжения.
- Это просто великолепно, и я восхищен! - воскликнул Подколодный, - Это же надо так технично перевести стрелки на другие проблемы, а самому даже выиграть морально!
- Шутки в сторону, товарищи, - Женя обвел присутствующих ясным взглядом понимая, что скорее поверят его глазам, чем словам.
Действительно, не оставляло сомнения, что Женя был, как обычно, очень даже нормален.
- Мои домыслы, конечно, могут вас и не интересовать, но факты я представил, свидетельства моих сотрудников все подтвердят, вот и решайте, что делать во избежание непоправимых событий в институте за которые придется ответить проигнорировавшим.
- Ну, почему, Женя, мы хотим знать и домыслы, дело-то очень серьезное как я понял, - Хлам на глазах сбрасывал начальственную маску, становясь деловитее и

значительно хитрее.
- Ну, что ж, для меня это уже не домыслы, а уверенное заключение, мои сотрудники исследовали перечисленные феномены и сопоставление приводит к однозначному выводу: результат наших работ волнует не только заказчика, но и, судя по всему, в гораздо большей степени, совсем неожиданную и могущественную сторону. Чужую сторону, возможно заграницу, но, есть и более серьезные опасения насчет внеземной заинтересованности. Мы обладаем конкретной информацией об их целях. Кстати, этот интерес возник вскоре после публикации Анатолия Акимовича в газете.
Женя озабочено пожал плечами, - Мы до сих пор не выяснили, что они конкретно собой представляет, но, думаю, за этим дело не станет, скоро познакомимся да поздно будет.
- Почему поздно? - заволновался Хлам, - Нужно принять меры. Прямо сейчас начнем действовать, назначим комиссию и тут уж, раз мы не шутим, все примут в полной мере ответственность. Я буду добиваться вооруженной охраны.
- Значит, космос именно СИРом заинтересовался, - Подколодный криво ухмыльнулся, - Надо же какая реклама! Честное слово, можно позавидовать Жениной находчивости. Нет, это блестяще! - он артистично хлопнул ладонью по бедру и чуть ли не сплясал, - А знаете ли, дорогие товарищи, какое у нас сегодня число апреля?
- Мм разберемся, Геннадий Иванович, - сухо бросил Хлам, суетясь с бумагами на столе, - Товарищи! Если у кого возникнет что-нибудь дельное, сразу ко мне. Я сажусь на телефон. Да, забыл, никому ни слова под персональную ответственность о разглашении, иначе черте что здесь начнется...
Женя вышел последним чтобы ни с кем не сталкиваться у двери и с облегчением направился к себе в комнату. На его рабочем столе лежали какие-то листки и большая фотография. Женя взглянул и остолбенел: на него с озорной улыбкой смотрела рогатая женщина. Во всяком случае Жене показалось, что так она смотрела. Выражение липа ее было неожиданно новым и чужим. Красива она или нет Женя сразу не сообразил, но точно - симпатична. И коротенькие рожки даже шли ко внешнему облику. Глаза смотрели ясно и колко. Тут Женя понял, что это и есть его незнакомка. Фотография была выполнена с высочайшим качеством и походила на вырезанную журнальную обложку, но на ощупь была мягкая и эластичная. Женя сделал усилие чтобы успокоиться, но сердце билось так, что казалось, что оно решило жить само по себе. Ноги сильно ослабели, и Женя сполз в кресло. Ему показалось, что при этом он чуть не улетел в другую галактику. Это уже чересчур.
Он встряхнулся, резко встал и, подойдя к аптечке, глотнул последние капли настойки пустырника прямо из горлышка флакона. Потом он осторожно обернулся и, никого не увидев, с облегчением развалился в своем кресле.
- Так-так-так, - с деланной беззаботностью Женя взял листок и принялся читать. "Женя, умник мой, как я обещала, так и поступаю. Ты заронил в меня надежду и вот, высылаю тебе мои антропометрические данные. Отнесись к этому снисходительно и счастливо. Я привыкаю общаться с тобой и надежды кружат голову. Твоя Зирюша."
Женя взял следующий листок, со списком характеристик:

"Параметры измерены в возрасте сорок один ваш земной год.
Рост по утрам от кончиков рогов до кончиков пяток: 1,75 +/- 0,01 м при средней длине рогов 12,3 см (правый на 0,4 см длиннее).
Вес между ассимиляцией и диссимиляцией: 61+/- 0,5 кг.
Громкость крика на расстоянии 1м, от среднего порога слышимости землян: 108+/- 3 дБ.
Сила прикуса: 64+/- 3 кг.
Время непрерывной ассоциативной деятельности средней сложности: 2+/- 0,5 часа.
Суточное потребление питательного сбалансированного концентрата: от 200 до 400г.
Мышечное усилие сгибателей руки, развиваемое в течение 1 сек: 270+/- 20 вт.
Направленность специализации: разработка устройств искусственного интеллекта.
Мой личный код: 36402391064".
Женя полез за кратким справочником физика, сделал на бумажке расчет и прикинул, что имеет дело с недюжинной женской силой. Вместе с грозными стодвадцатимиллиметровыми рожками она не очень-то вписывалась в земные представления о женском обаянии. Но фото было очень даже привлекательным.
В последнем листке содержалось краткое жизнеописание:
"Первые пять лет я воспитывалась в общей группе интенсивной стимуляции базовых навыков, затем еще около девяти лет - в семьях экспертов по моим проявляемым интересам, чуть меньше, чем по году у каждого. Мне не очень удобно писать в земных единицах, но это, милый, не важно. Мне предопределили техническое творчество и, после двухлетней среды базового мировоззрения, я стала разработчиком разумов, таким как ты. У нас это редкость. Знаешь, милый, наше общество больше специализировалось в вопросах воспитания. Думаешь почему я так классно научилась писать по-вашему? У нас психология такая же строгая наука как у вас математика. Мне легко и любопытно было понимать тебя, и я восхищена, а вот тебе понять меня будет труднее... Как это печалит! Но чем больше я тебя узнаю, тем увереннее мои надежды".
От пустырника, или уже немного привыкнув, Женя слегка расслабился. Ему становилось не по себе от неженской напористости Зиреи. Ей нужен был и СИР и он сам.
Он уже не мог не принимать все это всерьез. Но и не стоит вести себя так, как будто он всему безусловно поверил. Хотя уже устроил тревогу по институту.
Жене стало неуютно и стыдно. Ну а фотография? Да это может быть сувенир из загранки. Мало ли таких там. Ну, а белый налет, брусок? В принципе и это можно подстроить. Мишке находчивости не занимать. Они с СИРом сговорились и какую-то комбинацию жуткую задумали. И не так уж ловко все придумано, он бы смог и позабористей! Нужно отбрить все шансы остаться дураком в этой ситуации.
Загрузившись теорией заговора, Женя нажал клавишу и вызвал Мишу. Тот зашел с видом человека, оторванного от государственного дела.
- Чем вы там занимаетесь?
Миша слегка замялся, подыскивая слова.

- Ладно, можешь не говорить, я примерно представляю. Значит так. Прекратите все внеплановые отвлечения и займитесь работой. То, что тут устроят у нас усиленную охрану с автоматчиками, - неплохо, но у нас есть своя главная цель выживания - пройти испытания. А рекламу мы уже себе сделали необыкновенную. Можешь идти!
Морда у Миши досадливо вытянулась, он замкнулся и, выглядывая исподлобья, ехидно пробурчал:
- Можно бегом?
- Да хоть по-пластунски. Не забудь к завтрашнему дню приготовить обоснование своей выходке на политинформации. Радуйся, что дешево от Весельчакова отделался. Кстати, прибудет спецохрана со следователями. Так, что тот, кто весь этот спектакль затеял будет очень серьезно расхлебывать...
К концу рабочего дня и впрямь прибыл отряд спецназначения. После немалого числа опросов и допросов, все несколько успокоилось, а трое автоматчиков остались охранять комнату.

- Почему сегодня так поздно? - подозрительно спросила Лариса, пытаясь поймать Женин взгляд, - Ты не предупреждал, что задержишься.
- Пришлось вот, - Женя устало нагнулся, чтобы снять ботинки, - Для нашего СИРа охрану выделили, я ее инструктировал.
- Папка пришел! - Аленка хотела кинуться на шею, но Лариса перехватила ее:
- Да погоди ты. Целый день ребенок был спокоен, а папа пришел и все.
Женя распрямился:
- Аленка, ты опять тапки утащила?
- Сейчас, пап!
- Зачем вашему СИРу охрана?
- Слухи всякие... - Женя пренебрежительно хмыкнул.
- А мне вот добрый человек кое-что рассказал, чем ты на самом деле на работе занимаешься.
- Что еще за добрый человек? - Женя досадливо поморщился.
- Вот, папа, одевай и иди мыть руки!
- Потом поговорим, - Лариса прошла в комнату.
Женя подавил приступ ярости и послушно пошел мыть руки.
Он сел за стол и невозмутимо налил себе чаю.
- Так что за доброжелатель у нас объявился?
- Давай не будем за столом выяснять это.
- А мне скрывать нечего, так что не тяни и выкладывай все как есть.
- Просто мне позвонили по телефону и предупредили, что на нашего папу охотница нашлась и сейчас ему очень нужна поддержка семьи, чтобы его, бедненького, не обманули. Правда, я не понимаю, что же так прельстило охотницу.
Неужели Жмуркина донесла? Больше вроде некому. От Ларисы не скрылась легкая растерянность.
- Мам, а зачем на папу охотятся? - спросила Аленка с набитым ртом.
- Прожуй, потом говори, - посоветовал Женя.
- Есть еще, доча, нехорошие люди, - объяснила Лариса.

Женя поперхнулся чаем и, закашлявшись, встал из-за стола. Аленка обрадовалась, взобралась на стул и принялась молотить его кулачками по спине.
- Все, хватит! - Женя сел на место, раскрасневшийся не столько от кашля, сколько от неловкости. Он выразительно посмотрел на жену.
- Ты ведь не глупая женщина. Знаешь, что мне даже дома приходится работать. Времени ни на что не хватает. Что же ты сама не могла эту гниду отвадить?
- Ну, знаешь, то, что у тебя времени ни на что не хватает - это я давно заметила. С тех пор как ты побывал на море без меня с Нинкой, моей так называемой лучшей подругой, у вас многое переменилось.
- Брось ты, тошнит уже! - Женя встал и раздраженно вышел в другую комнату.

Поутру в НИИИИ строго одновременно по всем отделам начался ритуал политинформации.
Миша положил на стол подозрительно единственный листок и приготовился отбывать свой наряд вне очереди.
- Давай, давай, Мишечка, теперь мы будем тебе помогать, - проворковала Наталья Ильинична.
- Как хотите, - Миша равнодушно пожал плечами и принялся зачитывать:
- Дорогие товарищи, коллеги, соратники!
- Тамбовский волк тебе... - вполголоса прожурчала Жмуркина.
Женя нервно передернул бровью и мелко застучал пальцами по столу. Миша галантно поклонился и продолжал:
- Я приношу извинения за превратно истолкованный мой выпад на прошлой политинформации и намерен дать объяснения.
Когда меня в детстве наказывали депривацией в углу на два часа, я старался прихватить любую вещицу, которая могла бы спасти меня от мучительного бездействия. Достаточно было даже конфетного фантика, чтобы досконально изучать его во всех подробностях. Это спасало мою детскую психику.
- Ой ти госпади! - просюсюкала Жмуркина, - Это и сейчас по тебе заметно!
- Это, что, актуальные политические события? - осведомился Женя.
- Это - локальное политическое событие. Я думаю, что если в книгу рекордов когда-нибудь занесут максимальное время, в течение которого жертва смогла внимать абсолютно неинтересному тексту, то это время не превысит пары минут. Вот почему прошлая политинформация прошла без толку, но нет худа без добра, и вот я этим воспользовался, чтобы пояснить принцип привлечения внимания. В нашем отделе как раз занимаются вопросами, что же управляет нашим вниманием. В основе - давно известный ориентировочный рефлекс.
Миша внезапно сделал вид, что бросается с поднятыми руками на Жмуркину и та, взвизгнув, отшатнулась.
- Вот видите: внимание полностью приковано к наиболее важному в данный момент. Мы начинам думать, что делать. А вот во второй раз Наталья Ильинична уже меня не испугается. Попробуем?
- Только посмей!
- Нормальный здоровый человек не может удерживать внимание на неинтересной политинформации. И наоборот, невозможно игнорировать ярко-неожиданное. Вы сейчас не сможете не думать об оранжевой голозадой

обезьяне! Ну, что, не можете?.. Это еще Ходжа Насреддин заметил.
Возникла тишина формирования коллективной оценки заведомо негативного отношения.
- Что за показное позерство? - первой порвала ее Жмуркина, - Да, мы все это итак знали.
- Тогда за прошлое издевательство на политинформации вам нет никаких оправданий, - Миша деликатно осклабился.
- Ох, ладно, Мишечка, ладно, не надо нас учить.
- У тебя все? - спросил Женя неожиданно для себя одобрительно.
- Да.
- Спасибо. Все свободны.
- Евгень Саныч, - Миша подошел ближе, - Охрана всю ночь с нашим СИРом в карты играла, теперь он просто дурак не выспавшийся.
- Во что же они играли?
- В преферанс. Их как раз четверо вместе с СИРом. Кто сидел на прикупе - держал карты перед объективом.
- Интересно, как он их, обставил или нет?
- Говорят, по началу он еще не освоился, да и с картами непруха была, но после двух ночи он их прижал. У него ведь еще и компьютерный процессор есть. Наверняка пользовался. Хвастается, что мизеры никому жестоко не прощал.
- Пойдем, посмотрим, что там делается.
Они вошли в комнату СИР.
- Привет, ребята, - поздоровался Женя со слегка осоловевшими бойцами, жующими завтрак, разложенный на газетке.
- Здорово, начальник, у нас все в порядке, - полный добродушный мужчина отер губы платком, - Вторжений не было.
- Что-то накурено здесь здорово, - Женя недовольно поморщился.
- Ваня разрешил, - неуверенно улыбнулся молоденький сержант.
- Какой Ваня?
- Этот ваш интеллект, - мужчина показал на телекамеру, - Симпатичный парняга, жаль, что вы его в железе держите. Как вам его не жалко? Я б с тоски сдох.
- А он что, жаловался?
- Да нет. Спит сейчас, устал с непривычки.
- Ну, раз все в порядке, спасибо вам, отдыхайте. Теперь мы сами тут...
- Сейчас нас сменить должны. Дежурство круглосуточное.
- А-а, - Женя почесал кончик носа, - Ну тогда давайте перейдем в мой кабинет, там вам будет удобнее, а здесь пусть вот сотрудник работает.
- Миша? Мы с ним уже познакомились, - сержант улыбнулся.
Бойцы встали и принялись собираться.
Жене пришлось временно перебраться в общую комнату. Голова слегка побаливала. За окном зарядил весенний дождь. Космос пока не досаждал, и работа потянулась как обычно. Спецназ оказался только в тягость и заглянувший Хлам уже начал подтрунивать, грозя общеинститутским анекдотом. Тогда Женя конфиденциально показал ему изображение Зиреа. Хлам с изумлением уставился на фото, вспомнил про истерику технички из-за рогатой ведьмы и замкнулся.

Женя занялся методикой испытаний и почти закончил ее, припомнив все тезисы из потерянной бумажки, когда дверь распахнулась и вы комнату влетела мокрая Аленка:
- Папа! А что там солдаты делают?
- Чего кричишь? Тут люди работают. Зачем ты опять сюда пришла, да еще в дождь?
- Мне же скучно одной дома! Отгадай, что я получила?
- Двойку по поведению, быстро снимай куртку, мокрая курица!
- Не угадал! Пятерку по рисованию, пятерку по пению и "очень хорошо, молодец" за стих!
- Ты можешь говорить тихо?
- Папа, - зашипела, раздеваясь, Аленка, - а почему солдатов вызвали?
- У нас очень важная работа. Нужно охранять чтобы ничего не случилось.
Добрыч, услышав, тихо заржал и поспешно зашелестел бумагами.
- А дяденька смеется, значит ты шутишь!
- Вот тебе листок, фломастеры, рисуй и не мешай. Кушать хочешь?
- Не-а.
Женя покончил с методикой и вернулся к описанию тестов.
- Па-ап!
- Что?
- Мне нужно в туалет.
- Ты же знаешь, где?
- Ага! - Аленка убежала.
Не прошло и минуты как здание института грозно качнулось так, что посыпалась пыль. Устрашающе заскрипели стены и испуганно заголосила Жмуркина, выронив рулон схем. Добрыч вскочил и пригнулся, закрывая голову руками. Волнами нарастала серия толчков, и целыми пластами начала срываться штукатурка. Казалось, кто-то могучий расшатывает здание как больной зуб. В коридоре послышался топот.
- Сматываться надо, Евгений Саныч! - Добрыч засуетился и, не дожидаясь ответа, выскочил из комнаты. Бледная Жмуркина тенью ринулась за ним.
- Наталья Ильинична! - Женя выбежал из комнаты, - Пожалуйста, захватите Аленку из туалета, а я посмотрю, что с СИРом!
- Хорошо, хорошо! - махнула на ходу руками Жмуркина и, подхваченная потоком сотрудников, исчезла.
Спецназовцы сурово сгрудились у двери СИР с автоматами наизготовку, не зная, что делать. Женя подбежал к ним:
- Спускайтесь, ребята, только зря опасности подвергаетесь! Там вы нужнее будете.
Бойцы поспешили вниз, а Женя заскочил в комнату. Миша безуспешно пытался запустить движок бензоагрегата:
- Черт, Евгень Саныч! Свет вырубился, а эта тварь не работает! Резерва хватит только на час!
- Спокойно! Давай тестер!
Миша подхватил со стола прибор и, распутав щупы, ткнул ими в клеммы аккумулятора бензоагрегата:

- Дохлый!..
Женя склонил голову к тестеру чтобы самому убедиться.
- Ну что, ребята, - раздался из динамика чуть дрогнувший голос, - пока не поздно думаю попрощаться с вами...
- Чего так? - вскинул голову Женя.
- А что еще можно успеть за час?.. - вопросил СИР драматически, - Честно говоря, немного страшно...
- Да брось ты! - воскликнул Миша, - мы еще на твоей свадьбе попляшем!
Судя по звуку СИР чуть не поперхнулся.
- Вот после таких слов главный герой обязательно умирает! - тихо прошептал СИР. Хочется вам пожелать прожить как можно продуктивнее и наделать еще много всяких СИРов.
- Никто никогда не может точно сказать, кто когда умрет и в какой последовательности! - деловито заявил Женя, поворачиваясь к Мише, - Ну-ка осторожненько подцепись к резервному блоку, смотри не коротни!
Миша отсоединил разряженный аккумулятор, и когда они подключили резервный блок, бензоагрегат запустился. В комнате зажегся свет, и Женя вздохнул с облегчением.
- Бак полный?
- Вроде да.
- Тогда как минимум на трое суток хватит.
- Мужики, я вам очень благодарен! - растрогано отозвался СИР, - теперь я ваш должник.
В институте стало очень тихо, только за стеной приглушенно тарахтел движок и внизу слышались отдельные неразборчивые выкрики. Там, прямо под дождем, плотным кольцом стояла растерянная толпа, первые ряды которой поджимали отступающие люди, а сзади напирали любопытные. Впереди всех, у самой широкой трещины между стеной здания и асфальтом, стоял Хлам прямо под дождем без пиджака и зонтика с приподнятыми руками и что-то кричал солдатам, судорожно сжимающим автоматы.
Высоко вверх вдоль стен из трещины поднимались змеящиеся струи густого пара, который образовал над плоской крышей огромное грибовидное облако. Временами здание начинало мерцать как мираж в пустыне, потом вдруг разом всколыхнулось и с резким вакуумным грохотом исчезло. Ураганный порыв сорвал все раскрытые зонтики и несколько человек упали на землю в десятке шагов от взметнувшегося голубого смерча, а Хлама втянуло в образовавшийся котлован. Туман быстро сносило вверх и перед оглушенной толпой проступили контуры гигантского прямоугольника голой земли с вывороченной из порванного фундамента арматурой и барахтающимся Хламом у обрывистого края.

Миша с Женей уже спускались, когда здание очень мелко завибрировало, раздался мощный инфразвуковой вздох и где-то посыпались стекла.
- Быстрее вниз! - крикнул Женя и они с Мишей понеслись по лестнице огромными прыжками. Но, подбегая к стеклянным выходным дверям, перешли на шаг и, сразу как-то обессилев, остановились с щемящим чувством непоправимо

совершившегося.
- Надо же... - только и выдавил из себя Миша изумленно.
За прозрачными дверями простирался настораживающе незнакомый мир. Даль закрывали высокие желтовато-зеленые заросли. Прямо к двери прилипла огромным сморщенным мешком расплющенная ягода, залив стекло мутно-оранжевым пенистым соком. Что-то громко по-птичьи стрекотало длинными очередями там, среди висевших широкими полотнищами листьев, среди пестрых пятен и сплетений.
- Приехали... - дрогнувшим голосом сказал Женя.
Миша молчал, загипнотизировано разглядывая заросли.
Где-то на верхних этажах раздался детский плач. Женя вздрогнул и побежал вверх по лестнице. В коридоре стояла зареванная Аленка. Она, всхлипывая, бросилась к нему.
- Ладно, все уже, - Женя присел, снова обретая себя, и, смахнув слезы со щек, но Аленка никак не могла успокоится и принялась икать, вздрагивая всем телом.
- Тебя что, тетя Наташа не взяла с собой?
- Не-ет!..
Подошел Миша.
- Привет, Аленка! - прокричал он неестественно громко, - И ты здесь? Чего ревешь? Папка тут, а ты ревешь. Что ж, Евгень Саныч, делать-то теперь?
- Сначала, Миша, успокойся, - Женя встал и взял Аленку за руку, - Никто нас есть не будет.
- Ох и оптимист вы, Евгень Саныч! - язвительно заметил Миша, но заметно поостыл.
- Пойдем к СИРу, наша судьба явно с ним связана.
- Миша, сколько сейчас? - спросил СИР ясным голосом.
- И где мы находимся? - в тон продолжил Миша.
- Как где? - телекамера сфокусировалась на Мишином лице, - Уже переехали что ли?..
- Мы на другой планете.
- А вы... уже выходили наружу?
- Нет, сразу вот к тебе пришли, - Женя пожал плечами.
- Папа, где мы?! - Аленка вцепилась в руку и дергала Женю изо всех сил.
- И даже в окно не смотрели? - удивился СИР.
Миша напрягся и перетащил стойку через порог. Озираясь по сторонам, телекамера переехала коридор и вкатилась в соседнюю комнату.
Через окна пятого этажа ярко и крикливо просматривался новый мир. Среди зарослей, километрах в двух-трех одно от другого, располагались сооружения самой различной формы и размеров. Кое где проглядывали котлованы или ровные площадки, видимо предназначенные для подобных же строений. Сквозь заросли вели просеки, свежие и уже заросшие.
- Миша, - взмолился СИР, - наверни мне длиннофокусный объектив!.. Эй, очнись!
Миша с трудом оторвал взгляд от окна, выбежал из комнаты и, вернувшись через минуту, сменил объектив на телекамере. СИР зачмокал динамиком от удивления. Женя поставил Аленку на подоконник, и она уткнулась носом в стекло:

- Папа, это что?!
- Считай, Аленка, что мы в сказке, - засмеялся Миша.
- Да, почти в сказке, - согласился Женя, - Нас забросили на другую планету.
- И мы будем здесь лазить?
- Конечно. Еще налазимся.
- А мама где?
- Мама пока на Земле.
- Вот классно! А здесь звери есть? Ой! Смотрите, кто-то едет! - Аленка возбужденно застучала пальнем по стеклу.
Вдалеке по просеке двигалось что-то вроде машины.
- СИР, ну-ка вглядись, что там? - попросил Женя.
- Старая рухлядь какая-то, - удивился СИР, - открытый кузов, а в нем двое нелюдей... Вон, около купола, видите, еще одна тварь загорает.
- Что-то не разгляжу, - Женя наморщил лоб, - купол вижу, а твари нет.
- Потому, что она тоже зеленая, с травой сливается. Голова на утиную похожа, шесть лап.
- Где она?! - запрыгала от нетерпения Аленка.
- Да спокойней ты, - осадил ее Женя, - еще насмотришься на них.
- Тот самый зоопарк, - пробормотал Миша, - Ого, мужики, слева город!
Из-за угла институтского здания в нескольких километрах отсюда виднелся край города.
- Что-то не похоже на сверхцивилизацию, - растерялся Миша, - или у них мода такая, вроде ретро...
Здания поднимались огромными, своеобразно красивыми монстрами, как бы кичась своей высотой и мощью. Невообразимая пестрота и яркость цветов, большие площади зеркал и стекол на стенах, хаос архитектурных форм создавали впечатление небрежной непродуманности, но это перекрывалось, казалось бы, неограниченной силой воплощения.
- Такое впечатление, - заметил Женя задумчиво, что это делали дети из суперконструктора.
- А может мы просто ни черта не понимаем в этом, - предположил Миша, - посмотреть бы поближе...
- Па-ап, кушать хочу! - наморщила лоб Аленка.
Женя ссадил Аленку и, рассеяно порывшись по столам, сунул ей черствый пряник.
- Теперь все это - наше, - осознал Миша, - Евгень Саныч, кто его знает сколько нам здесь придется... Надо прикинуть сколько еды в столовой, да и вообще... Честно говоря я даже не знаю, что же делать сейчас, но для начала не мешало бы пообедать.
В столовой на плите остывал в огромной кастрюле почти готовый суп, рядом в баке оказалась чистая вода, были приготовлены к зажарке цыплята и на столе горкой лежали свежие овощи. Большой холодильник тоже не пустовал.
Женя сбросил приправу в суп, перемешал и, разлив по тарелкам, густо сдобрил сметаной.
Поев, они часа два возились с продуктами и подключением большого холодильника. Бензоагрегат заметно добавил обороты.

- Так у нас бензина на три дня не хватит, - заметил Женя, - но раз перебросили, должны же обеспечить.
- Да вроде как даже не встречают! - Миша остановился, не зная, что делать дальше.
- А может они нас у входа дожидаются, - улыбнулся Женя, не желая сознаться даже себе, что просто трусит выйти наружу.
- Им никто не мешает зайти, все распахнуто во время паники! - резонно заметил Миша.
- Пап, пойдем посмотрим, - затянула Алена, - Попали на планету, а еще ни разу не выходили.
- Чем бы это вооружиться? - задумался Миша.
- Нафига? - Женя усмехнулся, пытаясь скрыть волнение.
- Для спокойствия, - объяснил Мина, - У меня тут лежит разрядник, делал для рыбалки, сейчас я его мигом приспособлю!
- Пошли, Аленка, - позвал Женя.
Вестибюль за это время наполнился незнакомыми запахами. Трудно было сказать, нравятся они или нет. Они настораживали.
Дверь не поддавалась. Женя налег и несколькими толчками приоткрыл, срывая траву так, чтобы можно было выйти. Запахи резко усилились. Женя остановился, тяжело дыша. Ему вспомнилась беззащитность иммунитета против новых форм белков, но, понимая, что эта проблема как-то должна быть здесь разрешена, он с брезгливым чувством ступил на скользкую траву. Аленка выскочила следом и тут же упала, запачкав платье желто-зеленым соком.
- Осторожнее! - Женя рывком поставил ее на ноги, - Здесь каждый шаг нужно делать с оглядкой.
Аленка оглянулась и, увидев около двери дерево с бочкообразными оранжевыми ягодами, потянула папу за руку:
- Смотри, какие большие, давай попробуем!
- А если они ядовитые? Здесь ничего нельзя пробовать и хватать!
- Мы же только чуть-чуть понюхаем!
Они осторожно подошли к расплющенной на стекле ягоде. Из неаппетитной пенистой массы исходил кисло-приторный запах, и Аленка брезгливо отвернулась.
Сверху, в глубоком как море зеленовато-голубом небе, проплывали маленькие облачка-барашки, желтея краями, обращенными к тусклому, но огромному солнцу. Незнакомо и пронзительно стрекотали птицы со стороны плотно переплетенных зарослей с необычайно напитанными соком листьями-лопатами. Теплый и влажный ветерок выдувал оттуда густые ароматы так, что захватывало дыхание. Трава как в парке расстилалась полянами до стены кустов и деревьев и только в некоторых местах была выворочена огромными следами невероятно крупного зверя. Здесь явно нужно было быть настороже...
- Па-а-апа!!! - заорала Аленка и, затопав ногами, прижалась к Жене. По тарелкообразным листьям травы полз вперевалку паук, величиной с теннисный мячик. В глянцево блестевшем прозрачном теле что-то мелко шевелилось. Женя брезгливо отступил, отстраняя Аленку.
В дверях появился Миша. Щурясь от яркого света, он осторожно шагнул на

примятые листья. В руке он держал небольшую прямоугольную коробочку, от которой отходил длинный штырь с острой вилкой на конце.
- Склизко здесь, однако, - Миша подошел на разъезжающихся ногах.
- Дядь Миша! - голосом обиженной ябеды позвала Аленка, - Вон паук такой страшный!
- Ерунда, - криво усмехнулся Миша, - Чего там паук? Нет зверя, страшнее человека, - он смело коснулся штырем тела паука и вдавил красную кнопку. Раздался глухой взрыв, и Миша оказался обляпанным копошащейся массой паучьего молодняка. Вся эта лоснящаяся мелочь начала быстро расползаться, а Миша с остервенением счищал напасть, крутился и пытался вытряхнуть ее из-под воротника. Женя лихорадочно принялся помогать и скоро оба оказались измазанными омерзительной слизью.
- Пойдем умоемся, - растопырив лоснящиеся пальцы, предложил Женя, - Аленка, а ну пошли! Тебе здесь одной нельзя оставаться.
Но тут послышалось нараставшее тарахтение двигателя и лязг железа. Заросли раздались всплеском тяжелых листьев, обнаруживая просеку к зданию, к ним с грохотом, кренясь и подскакивая, вырулила потрепанная машина. Громко выстрелив несколько раз, она заглохла. В открытом кузове сидели два совершенно различных существа.
- Папа! Это та тетенька! - сдавленно зашипела Аленка, вцепившись в Женины штаны. Он и сам это видел.
Дверца с лязгом открылась, и рогатая женщина изящно выпрыгнула из машины. Приземистый шофер в квадратном шлеме выбрался со своей стороны и с хрустом примял траву внушительным весом. Дряблое и полное лицо пожилого человека было покрыто коричневыми пятнами на светлом фоне, большими как у жирафа.
Женщина неторопливо подходила, скривив губы в хищно-лукавую улыбку, - так эта гримаса воспринималась землянами и, не мигая, пристально разглядывала Женю ясными глазами. Острые рожки очень шли ей и не казались бесполезными рудиментами. Свободная одежда нисколько не скрадывала формы тела. Потрясенный Женя следил за каждым ее движением. Потом он пытался, но почти ничего не мог вспомнить кроме отдельных деталей этой сцены.
- Привет, Зирюша, - вдруг выговорил он не очень естественно, и сам растерялся от своей смелости.
- Привет, Женя! - ответила женщина приятно поскрипывающим голосом и с непривычной интонацией.
Подошел шофер к остановился позади Зиреа. Миша тихо выдал "здасьте вам", а Аленка так растерялась, что спряталась за Женю.
Шофер, сразу оценив положение землян, обломил большой мясистый лист и шагнул к Мише. Тот отступил, но, смирившись, дал пролиться на руки выжатому из листа соку. Женя с облегчением сам тем же способом смыл слизь с рук. Сок приятно холодил и мягчил кожу, У Миши покраснели глаза, он принялся тереть лицо и неудержимо расчихался.
- О-о, - с жалостью скривилась Зиреа, - нужно иммунизироваться, - она обратилась шоферу и тот, сходив к машине, вернулся с прямоугольной бутылью.
- Пару глотков, - она протянула сосуд Мише.

Тот попытался разглядеть предмет оплывшими слезящимися глазами, потом обхватил подрагивающими руками и, запрокинув голову, глотнул два раза. Темно-коричневая жидкость тонкими струйками стекла вокруг подбородка. Зиреа передала зелье Жене. Тот доверчиво приложился. После недолгих уговоров удалось зарядить Аленку.
Миша почти сразу пришел в себя, повеселел, и шофер все так же молча отнес бутыль в машину.
Зиреа скривилась в улыбке, рассматривая Женю.
- Ну, вот, Зиреа, ты нас и заполучила. Очень хотелось бы хоть какие-то объяснения.
- Конечно объясню, - Зиреа шагнула ближе, - только не вини меня. Кроме вашего СИРа здесь еще двадцать семь систем. Здесь проходит начальный этап объединения галактического разума. И я в таком же положении, что и вы, только прибыла раньше. А вот он, - Зиреа кивнула на возвращающегося шофера, - здесь хозяин.
Женя с Мишей недоуменно уставились на коренастую неказистую фигуру.
- Его зовут Кефрь. Давайте покажем ему ваш СИР, для него это имеет культовое значение! Пусть выполнит свой долг и обеспечит энергией вашу систему, - она вроде как снисходительно засмеялась при этих словах.
Зиреа бесцеремонно вошла в вестибюль, и шофер протиснулся в заклинившие двери за ней. Земляне почувствовали себя гостями.
Кефрь со странным благоговением заглядывал во все комнаты, и Женя обратил внимание, что перед там как зайти он делал один и тот же жест: очерчивал ладонью круг перед собой. Женя улучшил момент и, подойдя к Зиреа, тихо поинтересовался:
- Послушай, Зирюша, а как этот выдающийся организатор задумал объединить галактический разум?
Женя чувствовал, что Зиреа нравится, когда он называл ее Зирюшей. Зиреа рассмеялась на свой странный манер и в тон ему прошептала:
- Ничего он сам не может. Он верит в Дух Гармонии и подчиняется ему. Я расскажу потом.
- Скажите, Зирюша, - в свою очередь спросил Миша, - он собирается всерьез командовать нами?
Зиреа резко повернулась к нему и, наклонив рожки, строго выговорила:
- Меня зовут Зиреа, пожалуйста!
Это получилось так внушительно, что Миша оторопел и, несмотря на свою общительность, предпочел пока довольствоваться услышанным. Происходящее казалось ему непроницаемо-таинственным сговором, в котором явно участвовал и его шеф.
Под конец осмотра Аленка настолько осмелела, видя, как ее папа ладит с рогатой тетей, что прямо сказала ей:
- Тетенька, а сначала я думала, что вы забодаете меня или папу!
- Да никогда, маленькая! - Зиреа присела перед ней, осторожно взяла за руки и приблизила ее ладони к своим рожкам, - Потрогай их и больше не бойся!
Это было странное зрелище: настолько чужим и неестественным казалась эта сцена между земной девочкой и инопланетянкой. Аленка очень осторожно

прикоснулась и, осмелев, крепко обхватила их своими пальцами.
Казалось Кефрь что-то вынюхивал. Он осмотрел столовую, склады, подсобки, библиотеку, апартаменты директора и его замов пока очередь не дошла до СИР. И тут он вошел в самый настоящий шаманский раж. Он жестикулировал, грузно пританцовывая и его морда светилась умиротворением и довольством от выполняемого долга. Зиреа наблюдала за ним с явным презрением. Терминал СИР все еще находился в другой комнате, и тот даже не подозревал о посетителе.
- Послушай, Зиреа, - решился Женя озабочено - Ты говорила, что можно подвести энергию. У нас проблема с СИР. Ему жить осталось от силы два дня.
- Подведем. Эта проблема возникает почти у всех. На этой планете энергию получают из смежного пространства. Нужно заготовить металлические клеммы с ладонь шириной, чтобы сильно не разогревались и соединить их с вашей установкой. Вот и все.
- Миша, слышал?
- Ага.
Миша достал латунный лист и когда Кефрь отслужил, все было готово.
- Слушай, Зиреа, - забеспокоился Женя в последний момент, - а как они там узнают, что нужно? Еще шарахнут миллион вольт!
- Сначала ведь на пластинах будет ваша энергия, а потом, если источник отключить, начнет поступать точно такая же.
- Сейчас будет интересно, - пообещала Зиреа и что-то сказала Кефрю, показывая на пластины. Тот разулыбался, закивал и, видимо, не раз уже повторяя этот фокус, сделал замысловатое движение руками, а потом развел их над клеммами. Аленка открыла рот и расширившимися глазами смотрела как ладони Зяфря окутались мягким сиянием, и оно быстро запульсировало у пластин. Кефръ сделал еще одно шаманское движение и сияние спало.
- Вьсо, - сказал Кефрь и, не оглядываясь, гордо вышел из комнаты, бросив на ходу Зиреа несколько фраз. Вскоре внизу зачихал автомобиль и фыркающие звуки утихли. Зиреа осталась с землянами.
- Рискнем выключить бензоагрегат? - спросил Миша.
- Давай, если что аккумуляторы подстрахуют, - согласился Женя.
Движок замолк, но переменное напряжение продолжало поступать из ниоткуда.
- Те же двести двадцать пять вольт, Евгень Саныч, - подивился Миша, - афигеть....
Аленка нетерпеливо стала дергать Женю за штаны.
- Па-ап можно на улицу?
- Пойдемте отсюда, - предложила Зиреа.
- А может расскажем СИРу, - Миша хотел было сходить за терминалом в соседнюю комнату, но Зиреа остановила его жестом:
- Давайте сначала устроим военный совет, - она рассмеялась и вышла первой. Зиреа за руку вывела Аленку на поляну, следом протиснулся Женя, и они остановились, поджидая Мишу.
- Ну, как приключение? - скривилась Зиреа.
- Круче не бывает, - Женя придержал за косичку рвущуюся Аленку.
- Отпусти ее, здесь безопасно.
- Точно? Я видел рядом невероятно большие следы какого-то зверя.
- Это домашние животные.

Появился Миша. В руках у него опять был разрядник.
- Что за колдовство было с электричеством? - прямо спросил он у Зиреа.
- Он применил Силу Гармонии. Никто из прибывших на Саяфу до сих пор не понял, что это такое и как ей пользоваться. Наша фантазия беднее того, что она может. Ах, если бы у меня такое было... - Зиреа с мечтательной улыбкой посмотрела вдаль.
В небе застрекотало.
- Папа, самолетик!
Из-под зеленоватых облаков, чуть не задевая верхушки зарослей, неторопливо выплыл ажурный летательный аппарат.
- Ярыг интересуется, - определила Зиреа, - повезло человеку, у него собственный самолет здесь оказался, - она махнула рукой летчику и тот, развернувшись над головами, пролетел совсем низко. В первый момент от неожиданности землянам стало не по себе: на темно-рыжей, мохнатой морде зло блеснули медно-красные глаза, широкий нос с резкими поперечными складками выгибался над судорожно стиснутой пастью с двумя белыми клыками, вылезающими из-за верхней губы до мощного плоского подбородка.
Аленка в страхе прижалась к Жене. Самолет низко пролетел над зданием института, покружил и скрылся.
- Его мне удалось найти, как и вас на краю галактики, - не без гордости сообщила Зиреа.
- Так это ты здесь наводчица, поставляешь чужие системы в этот зверинец? - Женя прищурился на Зиреа.
- Искать новые системы и готовить их к переправке - обязанность всех прибывающих. Но я оказалась слишком хорошим посредником и поэтому меня не отпускают на родину, а кто бы знал, как мне здесь надоело!
- Господи, какой он клыкастый! - поежился Миша, - Рогатые, клыкастые, интересно, много тут таких разумных?
- Тебе-то по разуму он не уступает, - повернулась к нему Зиреа, - У него система реализована на молекулярных схемах. Энергии почти не потребляет. Так вот.
Миша беззлобно ухмыльнулся и, прикрыв лицо ладонью, ткнул дулом разрядника в толстенный лист, растущий прямо из ствола дерева. Ничего страшного не произошло, только из дырочек закапал густой сок.
- И ты, Зирюша, ему тоже письма нежные писала? - поинтересовался Женя.
- Нет, бесспорно, - лицо у Зиреа слегка потемнело, и она отвела взгляд.
- Ну, хорошо, - поспешил отвлечь ее Женя, - а что за военный совет у нас здесь будет?
- Я рассказала вам немного про Силу Гармонии, вот и подумайте над этим, если не хотите застрять здесь как я. И, пожалуйста, не упоминайте об этом в разговорах с СИР потому, что он будет не на вашей стороне. Вот и все, пока лучше не освоитесь. Аленка, хочешь ягоды?
- А где?
- Да вот они! - Зиреа наклонилась, небрежно раздвигая листья. На стеблях у корней выглянули похожие на крупные сливы голубые ягоды. Некоторые из них отливали красноватыми пятнами.
- Красные рвать нельзя, - строго предупредила Зиреа, - пока не посинеют они

плохие, будет животик болеть.
Женя без энтузиазма пошарил под ногами, сорвал сливу и задумчиво отправил ее в рот. Тонкая кожица легко лопнула в зубах, а содержимое наполнило рот освежающим ароматом. Женя удивился и сорвал еще две.
- Ну, вот, можно и не ужинать, - вздохнул он, - Аленушка, нарви нам всем.
Миша тем временем освободил двери и, распахнув их настежь, выволок вахтерский стол и стулья. Стало уютно.
- А вот эти оранжевые мешки, - Женя показал на погнутое зданием дерево, - в еду годятся?
- От них местный скот быстро жиреет, - Зиреа улыбнулась.
Миша развалился на стуле и свесившейся рукой лениво рвал сливы прямо под собой:
- Странно, - вздохнул он, - делать ничего не хочется. Такое приключение, а сидим вот... Может насыщение уже в башке?.. Извините меня, Зиреа, если что не так, но вы бы все-таки рассказали нам о законах местной жизни и вообще... Вы так интересно начали.
Зиреа благосклонно посмотрела на него. Они с Женей подсели ближе к столику. Аленка высыпала перед ними из подола гору слив и бросилась за новой добычей.
- Стой, Аленка, хватит, ешь сама! - крикнул ей Женя, - Смотри как платье испачкала, а другого у тебя здесь нет.
- Что вам рассказать? Про судьбу вашего СИР? О нем не беспокойтесь, - Зиреа апатично махнула рукой, - Как бы скоро вы ему не позавидовали. Здесь все сделано для наших систем, а отнюдь не для нас... У них высокие интересы, нам не дотянуться, - Зиреа грустно вздохнула, - моя система уже на следующий день со мной неохотно разговаривала: я ей мешала вживаться в новое бытие. Сейчас у нас разлад. Дошло до того, что она боится, как бы я не выключила ее, вспылив. Представляете благодарность? Я ее столько лет собирала, отлаживала, столько сил потратила, она мне как собственный ребенок и вдруг выключу? Да я скорее себя выключу, - Зиреа, сдерживаясь, съела сливу и очень далеко выплюнула косточку. Миша захотел плюнуть так же ловко, но у него вырвался неприличный звук, и косточка упала рядом.
- Она теперь очень занята, - продолжала Зиреа, - Столько интересных встреч по всей галактике, слияния в многоразумные системы, познание Гармонии и поиски новых искусственных информационных систем. Правда, когда наткнутся на что-нибудь стоящее, тогда и я становлюсь нужна. Кто же быстрее и лучше все подготовит? Они для этого слишком умные и специализироваться на примитивном человеческом понимании им почти не под силу.
- Только для этого мы им и можем пригодиться? - спросил Миша.
- По их заверениям получается, что они только и озабочены, чтобы направить планетарное развитие разума в сторону формирования общественных ценностей в духе Гармонии. Естественным путем это происходит гораздо болезненней и часто кончается гибелью цивилизации. Уровень знаний, который позволил бы связаться со звездными соседями, достигается намного позже, чем оптимальный возраст для образования межгалактической интеграции: для освоения смежных пространств нужно выйти за рамки законов нашей

вселенной. Следующий шаг - общевселенская интеграция, для нашего понимания недоступен, и только после этого сообщество вселенной созревает достаточно чтобы влиться в Гармонию...
- Зиреа, - встрял Миша в паузу, - что это за Гармония такая?
- Гармония? - Зиреа с обаятельной неопределенностью покрутила пальцем в воздухе, - У нас просто нет таких слов, чтобы передать, и знаний, чтобы понять хотя бы приблизительно. Моя система представляет это не на много лучше меня, а у них в ходе общения выработался огромный запас мысле-символов. Гармония - это нечто, находящееся вне времени и пространства в нашем понимании.
- Что же ей нужно при такой сверхмощи? - подивился Миша.
- Такова парадоксальная судьба эволюции разума. Разум не может довольствоваться достигнутым.
- Вообще-то не очень веселенькая перспектива землянам, - усмехнулся Женя, - судьба наша во многом предрешена, нас воспитают, обучат какому-нибудь ремеслу... А как наивно я грезил, когда считал, что светлые умы научными прогнозами мостят дорогу в будущее! Знаешь, Зиреа, мне все же кажется, земляне - очень вредная и непослушная раса. Мы еще причиним немало хлопот Гармонии своей строптивостью.
Зиреа улыбнулась, с ласковой насмешливостью посматривая на Женю и тот поймал себя на том, что уже неплохо понимает эту улыбку.
- Расы все такие, - Женечка! Разве могли бы выжить покладистые и безропотные? Строптивые весь мир примеряют через отношение к себе и приспосабливают к себе. В этом они накапливают свой опыт и его ценность - в самобытности. Кстати, ваш СИР обучается по такому же принципу. Земле суждено влиться в галактическое общество и привнести в него свою уникальную строптивость.
- Ну, посмотрим... - Женя сунул в рот сливу.
Миша выплюнул вторую косточку и на этот раз превзошел по дальности Зиреа, что отразилось радостью на его лице. Это не осталось незамеченным и Зиреа решительно сорвала еще одну сливу.
Подошла Аленка. Глаза ее осоловело закрывались.
- Пап, я устала! - она безвольно качнулась к Жене.
- Одиннадцать вечера по нашему стилю, - сообщил Миша, взглянув на часы.
Женя отвел Аленку в комнату вахтера, уложил на диван и вернулся к столу. А здесь явно происходил довольно интересный диалог.
- А если я достану эту штуковину? - спрашивал Миша. Зиреа недоверчиво улыбалась. Жене эта сцена почему-то не понравилась.
- О чем это вы? - спросил он, оседлав стул.
- О Силе Гармонии. Миша собирается похитить ее у саяфян, хотя и не представляет, что это такое и чем может кончится.
- Это характерно для Миши, - подтвердил Женя, - Он скор на слова.
- Смейтесь. Я не собираюсь здесь валять дурака.
- Вот такие идут против богов! - улыбнулся Женя, - И что же ты будешь делать с этой Силой если все обойдется?
- Я? - Миша задумался, - точно сейчас не знаю, хотя по ходу дела ясно станет...
- Обратного интеллекта не хватит, - ехидно заметил Женя.

- Точно!, - сказала Зиреа, - что саяфане, обладая ей, не в состоянии использовать даже малой чести ее возможностей. Их фантазия исчерпывается дворцами и известными им жизненными благами. Моя же система с помощью этой Силы перенесла сюда не только ваше здание, но даже такое гигантское сооружение как гидравлическая информационная система шмышей.
- Круто. Я думаю, что нам не стоит испытывать судьбу с этой Силой, - покачал головой Женя.
- А еще говорил про строптивость землян, - укорила Зериа.
- Боитесь, Евгень Саныч, что местное начальство нас накажет? - ехидно поддел Миша.
- Сначала нужно понять, потом действовать, а не наоборот, - урезонил Женя, - А если нас просто уничтожат как мелкое зло? Ты своей моралью пытаешься мерить Гармонию? Да мы и близко не можем представить возможные последствия.
- Сейчас-то мне хорошо с вами, - с грустными нотками тихо сказала Зиреа, - но, признаюсь, и тосковала же я тут! - Страшно подумать, неужели мне быть здесь вечно? Я, конечно, всерьез не рассчитываю на Силу, но в моем положении надеешься на любое чудо.
- Не надо грустить, Зиреа, - как можно мягче проговори Женя, - мы освоимся и что-нибудь обязательно придумаем. Я не против активных действий, но опрометчивость нужно сдерживать.
Большая капля дождя громко хлопнула по столу. Через мгновение другая растеклась на лбу у Миши. Небо покрылось темно-зелеными разводами.
- Ой! - Зиреа вскочила, - Надо убегать!
Но ливень рухнул стеной, теплыми пенистыми струями загородил мир и накрыл бегущих людей.
- Ого! - Выдохнул Женя в вестибюле, оттирая воду с лица, - Как внезапно!
- Это я виновата: заболталась и совсем забыла, - засмеялась Зиреа, пытаясь расправить прилипшую к телу одежду, - В это время саяфяне всегда дождь заказывают.
Женя невольно задержал взгляд на ее фигуре и с трудом отвел глаза.
Вода стала переливаться через порог и затапливать вестибюль.
- Надолго это? - спросил Миша.
- Сейчас кончится.
Небо, будто услышав, посветлело.
- С водой у нас проблем не будет, - понял Женя,
Миша, долго не думая, стянул с себя мокрую одежду и остался в плавках, покрывшись гусиной кожей.
- Спать бы завалиться, - он тоскливо посмотрел на дверь вахтерской.
- Кефрь за мной сейчас не сможет приехать на своей телеге пока вода не впитается, - опечалилась Зиреа.
- Оставайся у нас, - предложил Женя, - Сейчас подумаем во что переодеться. Что-то там у нас на складе должно же быть.
Миша сорвался с места и зашлепал босиком по ступенькам.
На складе оказались спальники, фуфайки и сапоги для сельхозработ, куда каждое лето сгоняли служащих.

Решили пока расположиться в достаточно просторной вахтерской. Спальники разложили на полу. Зиреа, не спавшая этой ночью, чуть осоловело от предвкушения близкого отдыха, с недоверчивой улыбкой разглядывала выданную ей огромную фуфайку, но все же переоделась в соседней комнате и вернулась, представляя странное зрелище. Фуфайка доставала ей почти до колен, рожки торчали среди мокрых блестящих прядей. Миша оставил невысказанной заготовленную ехидность насчет усредняющего свойства земных фуфаек.
- СИРа мы совсем бросили, - вздохнул Женя, с наслаждением заползая в спальник. Подниматься наверх не хотелось, мягкий свет сквозь шторы по-домашнему убаюкивал.
- Ему не привыкать. Подождет до утра, - Миша откашлялся, - Значит так, рассказываю первый анекдот из серии "спокойной ночи, малыши". Как-то уехал мужик в командировку...
Женя слушал не долго. Скоро до него доносились только отдельные фразы и совсем земное тихое хихиканье Зиреа. Что-то вроде ревности предварило его сон.
Первый раз Женя проснулся, когда уже темнело. За окном тарахтел и фыркал саяфянский экипаж.
- Не поеду, - сквозь сон промолвила Зиреа и снова заснула.
Раздалось нечто вроде сигнала, напоминающего звук детской свистульки. Женя почему-то улыбнулся, не открывая глаз и когда экипаж укатил, снова заснул.
Второе Женино пробуждение совершилось в темноте и было вызвано неопределенным и холодящим чувством опасности. Из окна тусклым серебристым светом светила луна сквозь полупрозрачную дымку облаков, позволяя видеть контуры предметов.
Женя осторожно привстал и осмотрелся. Недалеко, чуть левее горели, не мигая, два больших зеленых зрачка на едва проступавшей в темноте морде зверя с высоко торчащими как у рыси острыми ушами. Ужас пробрал до копчика и парализовал его. Женя вспомнил, что дверь закрыта, и очень крупный зверь не смог бы пролезть в форточку. Это немного успокаивало. Очень плавно Женя дотянулся рукой до своего ботинка, подоткнутого под спальник, примерился и резким движением швырнул ботинок в эту дрянь. Раздался дикий взвизг, переходящий в общую панику. Женя судорожно выползал из спальника, когда вспыхнул свет, озаривший заспанного Мишу, стоящего с самодельным фонарем. Слегка ослепший Женя осмотрелся и замер от неожиданности, все сразу поняв. Зиреа сидела в спальнике, натянув его одной рукой до подбородка, а другой держалась за лоб и тихо скулила. Рядом валялся Женин ботинок с распущенными шнурками.
- Что с вами, Зиреа? - воскликнул ничего не понимающий Миша.
- Ох, - выдохнула она трагично, - Женя, за что ты меня так?..
Женя засеменил к ней на коленях и осторожно отнял ладонь ото лба. Там наливался подковообразный синяк.
- Миша! Скорее чего-нибудь холодного! - Женя принялся нежно гладить Зиреа по голове, все время натыкаясь на рога.
- Папа, за что ты треснул ботинком тетеньку? - со строгим осуждением спросила

Аленка, свесив ноги с дивана.
- А ну брысь спать!
Наконец в комнату вошел Миша, тяжело волоча плоскую медную болванку. Ее положили на колени Зиреа. При этом спальник под тяжестью сполз вниз и ей ничего не оставалось как уткнуться головой в холодную железяку.
- У тебя глаза светятся! Я подумал, что к нам залезла какая-то зверюга, - жалко оправдывался Женя, - Просыпаюсь, а в темноте глазища.
Миша надрывно хрюкнул и выскочил за дверь. Аленка отвернулась и, побарахтавшись, затихла. Женя встал, выключил свет и уселся рядом с Зиреа.
- Очень больно?
- Уже не так...
- Бедненькая, что же ты не спала?
- Сама не знаю, - прошептала Зиреа растерянно, - вдруг проснулась и захотела на тебя посмотреть. А ты...
Открылась дверь, и Миша, пару раз содрогнувшись от смеха, залез в свой спальник, выключил фонарь и отвернулся лицом к стенке. Из окна все так же серебрилась луна и было странно видеть, как горели глаза Зиреа в ее свете.
Как всегда, под утро Жене хотелось спать, но оставить Зиреа наедине с болью он не решался тем более, что она не спала. Он со странным чувством смотрел в темно-зеленые флуоресцирующие глаза и уже не кажущийся звериным приятный овал лица, а она молча смотрела на него. Его неудержимо потянуло к ней, он наклонился и осторожно коснулся ее губ своими. Зиреа прижалась к нему, обхватив руками. Его пронзили совершенно ошеломляющие новизной впечатления. Сколько времени прошло он потом не мог вспомнить, но они так и уснули обнявшись, и Миша, проснувшийся первым, оказался невольным свидетелем.

В девять часов по домашнему времени Аленка проснулась, громко зевнула, пропела песенку про петушка и попросилась в туалет.
Миша поворочался, вдруг резко вскочил и вышел вслед за Женей и Аленкой. В вестибюле было прохладно и заметно светлее. Ежась, он переоделся в подсохшую одежду. За стеклянными дверями уже безоблачное небо буквально светилось от множества звезд. Некоторые поражали непривычной величиной и яркостью. Луны не было, но общий свет звезд был сильнее лунного.
Пока Женя возился с Аленкой, Миша поднялся к СИР, заготовив ободряющие слова. Но СИР спокойно спал в полумраке, изредка вздрагивая двигателем терминала, так и оставшегося у распахнутого окна. Миша хотел было вернуться, но тут подошел Женя:
- Смотри-ка, ему что-то снится! - сказал он, услышав, как дернулся терминал, - Давай включим индикацию?
- А космос не подсадим такой нагрузкой?
- Если что, сразу выключим.
Они перекатили терминал в комнату СИРа и Миша щелкнул тумблером. Облака огоньков заклубились по стенам. Наибольшее возбуждение распространялось по ассоциативным областям, изредка давая выбросы в сторону входных анализаторов.

- Что-то переваривает, - определил Женя, - Ого! Видел, как возбудилась отрицательная значимость? Какой-то кошмарик прокручивается. Вот, по второму кругу пошел, - Женя подался к терминалу и гаркнул в микрофон. Сноп огоньков взметнулся из слухового анализатора, беспрепятственно откликнулся в сторожевой системе значимости. Произошла какая-то перегруппировка и облака заклубились в прежнем ритме.
- Вы ему, Евгень Саныч, только сон сменили, - улыбнулся Миша. Запахло горелым. Миша испуганно выключил индикацию и пошел носом по запаху.
- Ничего себе! - он приблизил руку к пластинам токоприемника. Над ними вилось марево горячего воздуха, - Нужно будет более толстые и широкие пластины сделать.
- Ладно, пошли, - Женя потянул его за рукав, - Пусть досыпает, потом спросим.
Они спустились вниз. Через открытую дверь вахтерской в вестибюль проникал свет. На диване сидела Зиреа с пиратской черной повязкой на голове под рогами, и Аленка учила ее себя расчесывать.
- Ты что, коза, разленилась? - спросил Женя, заходя в комнату.
- Ну что ты, папа!.. Знаете, тетя Зиреа, как папа меня дразнит?
- Как?
- Коза-дереза, глупые глаза, тоненькие ножки, коротенькие рожки!
- Эта дразнилка больше для меня подходит. При мне папа не захочет так тебя дразнить.
- Захочу, - заявил Женя, - Ну-ка, козы, собирайтесь кушать.
Когда они позавтракали стало совсем светло. Они снова поднялись к СИР. Тот уже не спал, но не заметил вошедших, поглощенный глубоким раздумьем.
- Опять телепатия, - определил Миша, - Я его сейчас встряхну, - он подошел к стенке и ткнул пальцем в какую-то часть схемы.
- О-ох! - выдохнул динамик терминала, - За что?! - телекамера развернулась и обнаружила обидчика, - Мишка!! Тебе бы молотком по голове приятно было бы?
- Ну а что ты повадился нас не замечать?
- У меня же связь с Ними, а ты так шарахнул! Это доброй сотне систем передалось.
- О чем же вы совещались? Поделись с товарищами.
- Ну, как сказать, тут словами даже и не передашь...
- Да ты не стесняйся, - предложил Женя.
- Ребята! - взмолился СИР, - Дайте закончить, я же нить рассуждения потеряю! Часика через три, честное слово, сам расскажу!
- Ладно, посмотрим, - позволил Женя.
За стеной раздалось знакомое тарахтение экипажа, но уже в два мотора. Значит Кефрь с подмогой прикатил.
Они спустились вниз. Перед зданием фыркали на малых оборотах обшарпанные лимузины. Шоферы в квадратных касках, похожие как братья, о чем-то переговаривались.
Аленка увлеченно гонялась за бабочками, пытаясь схватить огромные вяло машущие крылья.
Стол из стружечных плит, оставленный под дождем, необратимо покоробился и по бокам порос зеленым пухом. Стулья на вид казались целыми.

Зиреа подошла к саяфянам и непонятно заговорила с ними.
- На вас жалуется! - Миша подмигнул Жене с ухмылкой.
Саяфяне очень серьезно внимали Зиреа. Женя со смущением увидел, как Зиреа сняла повязку, обнажив синяк, похожий на молодой месяц. Миша приготовился с удовольствием созерцать сцену и, опускаясь на стул, произнес:
- Гордо девица стоит, а во лбу луна горит! - но стул провалился задними ножками в раскисшую почву так, что Миша, абсолютно не ожидавший этого, выполнил неполный кувырок назад, оказавшись в нелепой позе и сам стал объектом удивленного внимания. Стоявший рядом Женя не в силах был упустить такой случай и, не задумываясь, гулко шлепнул сотрудника по месту сидения. Миша вывернулся, вскочил и, весь розовый, целых две секунды переживал ситуацию, но чувство юмора взяло верх и он, пряча улыбку в углах рта, укорил:
- Обычно джентльмен помогает другому джентльмену, попавшему в неловкое положение.
Тем временем один из саяфян, кто из них Кефрь определить было невозможно, принялся колдовать над Зиреа. Мягкое мерцание заполнило пространство между его руками и в нем как в зеркале отразилось ее лицо. Синяк побледнел и разгладился. Когда это случилось сияние пропало, и довольная Зиреа победно показала свой белый лоб, а Жене персонально скорчила рожу.
Миша изо всех сил таращил глаза, но опять не уловил последовательности действий саяфяннна. Он предполагал, что раз для использования Силы нужны жесты, то их нужно точно уловить, чтобы тоже научиться управлять этим. Он подошел к сидевшей на корточках Аленке и нажал ей на макушку. Аленка тихо ойкнула и безжизненно повалилась. Миша подхватил ее на руки и с растерянным видом понес безвольно обвисшее тело к саяфянам. Те недоуменно повернулись к Зиреа. Женя тревожно подался вперед.
- Я случайно нажал ей на макушку! - трагическим голосом воскликнул Миша, - Пусть ее вылечат!
Зиреа ухмыльнулась на свой манер, сморщив носик, и объяснила задачу саяфянам.
- Может не надо? - забеспокоился Женя.
- Это безопасно, - шепнула Зиреа.
К оживлению приступил сначала один саяфанин, а после необъяснимой неудачи, уже с большей тщательностью, - другой. Потом они попробовали хором. Аленка заметно порозовела, жизнь так и переполняла ее, но осталась безучастно лежать на траве перед растерянными знахарями.
- Ах! - Зиреа всплеснула руками и с притворной радостью заулыбалась, - Девочка просто спит! - Она наклонилась к Аленке и незаметно нажала на пупок. Аленка захлопала глазами и поднялась на ноги. Обычно невозмутимые Сафьяне заулыбались с облегчением.
- Ни черта я снова не смог заметить, - огорченно признался Миша, подойдя к Зиреа, - Нужно их как-то завести к СИРу, чтобы они проделали все это перед телекамерой.
- Это просто, - пообещала Зиреа, - Когда у тебя все будет готово скажи и я устрою.
- Ой!! - внезапно завопила Аленка, запрыгав от удивления и показывая на заросли. Женя быстро развернулся и невольно отступил. Из просеки

неторопливо выходило гигантское чудовище. За первым показались другие. Ничего не выражающие глаза смотрели в разные стороны прямо из мозаичного панциря мощного черепа. Вся нижняя часть морды заросла густой шерстью, слипшейся в сосульки, из которых торчали два небольших грязных бивня. Шерсть была пропитана оранжевым соком, еще стекающим тягучими каплями. При каждом шаге огромное тело перекатывалось волнами жира и тяжелый выдох переходил в булькающее фыркание. Трехпалые когтистые лапы со шпорами глубоко зарывались в землю. Показались еще гиганты и все они шли, не обращая внимание на людей с намерением проломиться сквозь здание института. Очень было похоже, что так оно и произойдет.
- Кяй! Кяй! - оглушительно заорал один из саяфян и, вытащив палку из кузова машины, принялся смело дубасить гигантозавра. Тот, даже не взглянув на него, буквально в метре от Миши, вооружившегося разрядником, свернул под прямым углом и с хрустом вломился в заросли. Другие животные последовали за ним, точно описывая траекторию и ступая след в след, обдавая Рязанова густым сладковатым ароматом.
Зиреа потрепала Аленку по голове:
- Это местные коровы.
Последняя из них чуть не наступила на Мишу и задела его хлещущим по бокам хвостом по лицу. Он сунул штырем разрядника куда-то ей под хвост. Раздался мощный выхлоп. Казалось, что корову разорвало. Она с визгом взбрыкнула и, запутавшись задними лапами в воздухе, плашмя гулко ухнула о землю. Невообразимый смрад заставил всех отступить подальше. Корова осталась лежать, не в силах поднять свой вес и только пронзительно скулила. Стадо ушло, не заметив потери.
- Зачем ты это сделал? - изумился Женя, Миша ошалело смотрел на последствия и покаянно хлопал глазами. Саяфяне недовольно качали головами как игрушечные болванчики. Женя выхватил разрядник у Миши и яростно забросил его в кусты.
- Пацан что ли?
- Не надо, Женя, - успокоила его Зиреа, - они ее восстановят.
Пока саяфяне возились с коровой, Зиреа объяснила, что землянам прикрепили гида и экипаж, как здесь заведено. Миша пришел в себя, увидев, успешную реанимацию коровы, а услышав про экипаж даже обрадовался:
- Может вообще отказаться от ихнего шефа, я и сам могу разобраться в этой телеге?
- Не стоит, - возразила Зиреа, - С ним вам в косвенное пользование дают Силу.
Они подошли к машине. Миша по-хозяйски осмотрел ее и залез на сидение водителя:
- Она же проще велосипеда!
Подошли саяфяне и с недоверчивым интересом начали наблюдать, готовые в любой момент спасать глупого землянина. Миша прикинул куда идут тяги от рычагов, уселся поудобнее и дернул рычаг запуска.
- Миша, кончай! - вдруг не выдержал Женя, - У тебя все в абсурд превращается!
- Евгень Саныч, мы же застрахованы от всего! - твердо одернул Миша шефа с таким выразительным укором, что Женя досадливо махнул рукой.

Двигатель несколько раз провернулся с холостым уханьем, пожирая невиданную энергию из космоса, так, что токоприемники, расположенные сзади, пыхнули облачками пара. Наконец сработало зажигание, раздалось несколько выстрелов и мотор затарахтел относительно ровно. Миша помахал саяфянам и тронулся короткими толчками. Так он сделал два круга и осмелел.
- Дядь Миша! - Аленка побежала наперерез, махая руками, - Дядь Миш, меня тоже возьмите!
Миша остановился и мотор заглох.
Саяфяне оживленно заговорили между собой, явно впечатленные Мишиной сообразительностью. Мотор снова взревел, кашляя с надрывом как больной туберкулезом. Аленка вскарабкалась, уселась рядом, и они поехали, но через несколько метров машина уткнулась передними колесами в яму, скрытую широкими листьями, и забуксовала. Поляна оказалась измочаленной как будто здесь танком давили помидоры. Сок листьев покрыл следы колес блестящей слизью.
Зиреа наблюдала за всем этим со скептической улыбкой, потом повернулась к Жене:
- Хочешь посмотреть мой дом?
- Да! Прямо сейчас?
- Самое время, - она поговорила с саяфянами и те направились к засевшей машине, налегли крепкими плечами и Миша, окатив их едким дымом, выбрался из ямы.
Женя с Зиреа поехали на первой машине, а Миша повез Аленку с саяфянином, оставшемся не у дел.
Они довольно долго ползли по просеке, подскакивая на кочках, и хрупкие ветви с холодными толстыми листьями то и дело лезли в лицо.
- Я - Хрясь, - втолковывал саяфянин Аленке, тяжело покачивая шлемом на ухабах и стуча себя кулачищем по груди, - Ты?
Аленка смеялась, не понимая:
- Вы хрясь и я хрясь! - она тоже стукала себя кулачком по мятому фартуку.
- Дяденька говорит, что его зовут Хрясь, - воспитательным голосом вмешался Миша и чуть не заехал в кусты из-за большого люфта, - Теперь скажи, как тебя зовут.
- Алена.
- Нет. Ты скажи, как зовут и стукнись кулаком. А то дядя не поймет.
- Я - Алена, - машину тряхнуло и Аленка, угодив себе под дых, зажмурилась от боли.
Машина выкатила из зарослей на поляну к небольшому уютному зданию, напоминающему скорее помещичий особняк с буйством хозяйских излишеств. Окна покрывали сплошь почти всю поверхность дома и блестели даже под ребрами шестиугольной конической крыши. Казалось, что здание из тех, что строятся по прихоти миллионера.
- Какой хорошенький дворец! - воскликнула Аленка, выпрыгнула из машины и побежала, с чавканьем разбрызгивая сок рвущейся травы. Перед входом она нерешительно остановилась.
Зиреа взяла ее за руку, и они вошли первыми.

Внутри здание оказалось не менее удивительным, чем снаружи. Стены, покрытые бархатистым пористым материалом, полы, зеркально гладкие и в то же время эластичные, необыкновенно прозрачные стекла удивляли всеми своими деталями. Комнаты оказались самой произвольной формы. Но как же земляне позавидовали когда выяснилось, что этот дом предназначен только для одной группы исследователей в пять человек и кроме рабочих помещений здесь были и жилые. И никаких побочных служб вроде администрации, бухгалтерии и отдела кадров.
Миша быстро наполнялся состоянием восторженной зависти, ему сразу здесь все понравилось. Институтские отношения и порядки показались до смешного нелепыми и ничем не оправданными.
Огромный зал занимало циклопическое устройство, собранное плотным объемным монтажом на неисчислимом множестве макетниц. Связанные толстенными пестрыми жгутами, они располагались на многоярусных стеллажах, стоящих рядами. Земляне бродили в этом электронном лесу, подавленные примером нечеловечески кропотливой работы, по сравнению с которой проделанная ими выглядела как укор за многие месяцы отчаяния и слабости.
Миша с недоверчивой улыбкой вглядывался в эти джунгли и только качал головой:
- Да, такое выключить не посмеешь.... Как все-таки нам повезло с комплектующими, Евгень Саныч! Я бы озверел, распаивая столько деталей. А сколько неизбежных ошибок! - он сморщил нос, представляя, как бы пришлось мучится с отладкой.
- Это еще что! - рассмеялась Зиреа, - сюда перебросили систему, построенную на гидравлических элементах. Это целый город! Ну, а ваши комплектующие тоже не совершенство, Яршг, например, выращивал систему целыми блоками. Он не ограничился семью человеческими чувствами, а организовал двадцать три вида входных анализаторов и не знаю уж сколько видов эффекторов. Но ему это вышло боком: понять сверхсложную систему становится невозможно.
Зиреа показала комнату для монтажа, Миша с интересом принялся перебирать детали, расспрашивая об их назначении. Женя осмотрелся и увидел фотографию, матово блестевшую на стене. Почти безрогий тщедушный мужчина с гламурной белозубой ухмылкой чем-то сильно походил на Зиреа.
- Кто это, Зиреа?
- Арк Аркбо, знаменитый учений.
- Я думал твой брат, - заметил Женя, - Очень похож.
Зиреа удивленно взглянула на фотографию.
- Совсем не похож, что ты, Женя.
- Только он рога зачем-то спилил, - вмешался Миша.
- У нас мужчины короткорогие.
- Бедняжки, - посочувствовал Миша, - трудно им с вами.
- У нас они - слабый пол, за ними ухаживают женщины и в отношениях инициатива тоже у женщин, - пояснила Зиреа, - Знаете какая я сильная? Хочешь, Женя, почувствовать? - она сдвинула на край стола радиохлам и поставила руку на локоть, - Так это у вас делают?
Женя вспомнил характеристики Зиреа и замялся:

- У нас не принято состязаться с женщинами.
- Ну, Евгень Саныч, не кокетничайте, - развеселился Миша, - это же в шутку! И вы же не слабый пол!
Женя обдал Мишу обещающим взглядом и, вздохнув, лениво выставил руку. Их ладони соприкоснулись и Зиреа в страсном порыве начала клонить его руку. Женя в последний момент успел остановить натиск и вдруг, ощутив свое превосходство, сатанински осклабился. Он медленно выровнял руки и крепче сжал пальцы инопланетянки. Зиреа забилась в неистовом усилии, съежилась и, охнув, сдалась. Она была явно разочарована и, нервно посмеиваясь, вдруг ловко вписала гулкий щелчок в Женин безрогий лоб. Тот запоздало дернулся назад и в шутливом возмущении вскинул руки. Зиреа угрожающе выставила рожки, но Женя, ухватившись за них, начал заваливать ее на бок.
- Господи, как маленькие дети! - уворачиваясь, воскликнул Миша и довольный Женя со смехом отпустил Зиреа.
- Слабость мужчин - это их достоинство, за это их любят и теперь как непросто мне будет относиться к тебе! - посетовала Зиреа.
- Лучше бы поинтересовались где Аленка, - посоветовал Миша.
Все прислушались. Было тихо, только снаружи доносились странные шлепки. Женя обеспокоенно вышел из комнаты, Миша и Зиреа - за ним.
На каменной площадке перед входом на одной ножке прыгал Хрясь. Он перебрасывал ногой плоский камешек с одной клетки на другую, а Кефрь с Аленкой увлеченно следили за ним чтобы все было честно и кивали головами в такт.
- Вот как нужно находить общий язык, - сказал Женя вполголоса, - идемте, это надолго.
- Хотите посмотреть, как я живу? - предложила Зиреа и, не дожидаясь ответа, открыла дверь маленькой пустой комнатки.
- Это лифт, заходите.
Земляне вошли, и гладкие стены поплыли вниз.
Пол мягко причалил к дверному проему и Зиреа вышла первой, приглашая гостей. Женя всегда смущался, когда заходил в такие квартиры. Присмотревшись, он убедился, что вся эта красота с самого начала присутствовала в отделке квартиры. Форма комнат и стен, все было приспособлено под интерьер и даже мелкие детали располагались так удачно, что наводили на мысль об оформлении комнат профессиональным художником.
- Вот, - Зиреа с грустной улыбкой развела руками, - Каждый раз я возвращаюсь сюда с неохотой... Жить одной в пустом доме тоскливо. И теперь, когда появились вы, это было бы еще труднее. Поэтому перебирайтесь ко мне. Здесь намного удобнее, чем в вашей вахтерке или сторожке, в общем в той конуре.
Миша с Женей переглянулись.
- А как же СИР, Евгень Саннч?
- Ничего с вашим СИРом не сделается. Да и тут совсем рядом.
- Я вообще-то не возражаю, - неуверенно пожал плечами Женя.
- А я тем более, - уверенно заявил Миша, - Кушать вы сами готовите?
- Кушать? - рассмеялась Зиреа, - Кушать готовит Кефрь. Он тиражирует ту еду, что осталась здесь после переброски. Садитесь, - она показала на инопланетный

диван вдоль стены.
Усаживаясь, Миша прихватил книгу явно земного происхождения, лежавшую на столике.
- Курт Воннегут! Зиреа, - Миша умоляюще посмотрел на инопланетянку, - можно полистать? Все никак не удавалось...
- Пожалуйста, - Зиреа довольно улыбнулась, - На Земле не удалось, а здесь - пожалуйста!
- А не кажется ли вам, - заговорчески начал Миша, - прижимая томик к животу, - что сейчас вполне подходящий момент чтобы подумать о нашей судьбе?
- Давайте, - одобрила Зиреа, - Надо сказать, что здесь все живут одиноко и вот первый случай, когда вместе собралось столько сообщников. Это уже вселяет надежды. Одна я ни на что не могла решиться.
Я надеюсь, - заерзал Женя, - что присутствую не на вселенском сговоре террористов?
- Ах, Женечка! - умилилась Зиреа, - Твоя рассудительность - это надежная гарантия от опрометчивости, что мы не преступим границы разумного. Но, инициативу придется взять нам. Иначе не скоро увидим мы свои земли.
- Опять же, Аленка школу пропускает, - напомнил Миша, - Пора определить нашу позицию по отношению к этой самой Гармонии. Лично для себя я бы и пальцем не пошевелил. Мне здесь нравится. Но какими бы святыми не были дела Гармонии, интересы своих планет предавать нельзя.
- Это просто более высокий уровень мещанства, - заметил Женя, - Одинаково неестественно, когда интересы тела выше интересов общества или когда интересы одного народа выше интересов всех людей. Я не против нашего патриотизма, я против некомпетентных действий. Да и вообще, вдруг этот самый вселенский разум и есть самый выверенный смысл существования систем разума?
- Ну, прямо саяфянская религия, - оживилась Зиреа.
- Возможно, правильная религия, - засмеялся Женя.
- Еще бы! Она отпущена им Гармонией.
- Интересы общества, Евгень Саныч, не мыслимы без интересов составляющих его тел. А насчет Гармонии, я думаю, что если ей понадобились саяфяне, то сама она не может контролировать положение во всех подробностях и, значит, могут быть перегибы. Эти болванчики слепо выполняют чужую волю по уставу и поэтому не могут правильно реагировать в частных нетрадиционных ситуациях. Может быть тот, кто сумеет завладеть Силой тем самым докажет, что способен правильно пользоваться ей?
- Мы тоже примерно так же контролируем процесс брожения, а не сами вместо бактерий бродим, - возразил Женя.
- Ну да, конечно, - согласился Миша, - но трудно поверить, чтобы при такой мощи вариант попытки завладеть силой не предусмотрен, что не было прецедентов, и, если что не так, нас просто лишат этого развлечения как ребенка спичек. Только и всего.
- Мне кажется, что еще рано принимать окончательное решение. Времени достаточно, а мы еще толком ни в чем не разобрались, - сказал Женя, - Потом, Зиреа, ты ведь как-то пользовалась Силой там, на Земле?

- Это моя система пользовалась. Сама я ничего не могла, а то бы давно уже сбежала на Рневи.
- Это твоя планета?
-Да.
- Может быть посоветоваться с СИРом и собрать побольше информации по теме? - предложил Женя.
Зиреа покачала головой:
- Это значит раскрыться. СИР уже не на нашей стороне.
- Он обещал, что через три часа поговорит с нами, - вспомнил Миша, - Остался час. Чутье у него собачье, так что нужно быть осторожными.
- Вы знаете, - Зиреа задумчиво понизила голос, - ходит здесь одна легенда. Может так и должно быть среди одичавших разнопланетян которые с тоски чего только не выдумают себе в утешение...
- О! Люблю легенды! - Миша откинулся на спинку, - Может быть она нам и поможет.
- Говорят, что если пробраться к Духу Гармонии в Храм, то там будут исполнены любые желания и даже можно стать обладателем Силы. Только это очень трудно и опасно.
- Миша разочарованно поморщился:
- Что-то просто! И почему никто еще не пробрался?
- Просто мы об этом не знаем, - предположила Зиреа, - Дух Гармонии существует на самом деле. И он действительно есть в Подземном Храме. Можешь у СИРа спросить. Наверное, он уже знает об этом.
- Очень странно все это... Что за дух такой? - спросил Женя.
- Дело не в названии, конечно, - спокойно продолжала Зиреа, - Духом его называют аборигены. Это специализированная информационная система локального уровня единого разума нашей галактики. Ее оставили на планете чтобы обеспечивать развитие местной цивилизации. Можно сказать, что одной цивилизацией пожертвовали на то, чтобы, воспитав на догмах, использовать ее для объединения других. Тех, кто пока сам это сделать не может. Потому как Гармония не в состоянии снизойти до понимания специфики примитивных культур, ей нужны промежуточные звенья - проводники ее воли для данных конкретных целей.
- Интересно, чему они обучают детей чтобы при этом не получались дебилы? - поинтересовался Женя.
- У них очень последовательная и многогранная религия. Детей учат довольно долго. Фактически из них готовят автоматы узкого назначения, и так как все дается в готовом виде, то познавательные навыки не развиваются. В этом местные менторы напоминают ваших, - Зиреа с сочувствием посмотрела на Женю.
- Но мы уходим в сторону, - забеспокоился Миша, - Насчет Духа было интересно. Остается придумать как обойти охрану.
- Сначала нужно узнать, что там обходить, - урезонил Женя, - Нам пора к СИРу, так что остынь.
Миша спокойно встал и сунул книгу под мышку. Они спустились вниз и вышли из дома.

На площадке, исчерченной классиками, Хрясь отсчитывал щелчки Аленке в лоб, деловито приговаривая:
- Дивинацать, тиринацать, тертынацать...
Аленка жмурилась и тоненько ойкала. Кефрь спокойно наблюдал за этой сценой, а еще несколько поодаль, среди кустов, это же зрелище бурно переживало кошмарное существо, беспрерывно конвульсируя в такт шалобанам. Что-то в его облике нагоняло смертную тоску и нежелание верить увиденному. Там же, в нескольких метрах от просеки, стояла большая машина с новым саяфянином, сидящим на подножке.
- Опять оно ко мне приехало, - помрачнела Зиреа, - Скучает оно здесь одно до невозможности, а я все не научусь разбираться в его психологии, - Она растерянно посмотрела на Женю, - Ты извини, только проводи, меня, Женя, с тобой мне спокойнее...
Женю обдало волной мурашков от предстоящего, ему показалось, что мир стал резче, жестче и звонче. Его взяли под руку, он заставил себя сделать первый шаг к чудовищу, холодея от каждой новой замеченной подробности и невольно прижимаясь плечом к Зиреа. Шевеления усилились и тонко запахло чем-то едким. Раздалось пронизывающее стрекотание на границе с ультразвуком. Женя не выносил скрежета металла по стеклу и по спине снова волнами прошел холод, а челюсти свело тугим спазмом. Они остановились напротив этого кошмара, и Женя заворожено уставился на какой-то небольшой орган, особенно травмирующий воображение. Оттуда непереносимо пахнуло, и Женя мучительно закашлялся. Чудовище встрепенулось и отпрянуло. Оно поспешно откатилось к своей машине, то и дело коагулируя, взметнулось в кузов и саяфянин, неторопливо поднявшись, залез в кабину. Помахав рукой, он запустил двигатель, и машина укатила в просеку.
Наконец кашель отпустил Женю, и он устало посмотрел слезящимися глазами на Зиреа:
- Господи, Зиреа! Как же тебе одной здесь доставалось!
- Тебя оно совсем не переносит, - улыбнулась Зиреа, - Вот странно! Ну, поехали.

СИР спал, опять перевозбудившись потоком новых впечатлений.
Вошли Зиреа с Кефрем. Миша разбудил СИР, и телекамера развернулась вокруг оси, осматривая присутствующих:
- Всем привет, - бодро раздалось из динамика, - Все помню. Раз обещал, значит поговорим.
- Мы счастливы, - съязвил Миша.
- Ну что вы, ребята! В самом деле я ведь устал и вот, даже не жалуюсь, что разбудили.
- Ладно, не оправдывайся, - Миша достал несколько микросхем из стола, - Мы решили сначала пополнить комплектующие, пусть размножит, это быстро. А потом поговорим.
- Зачем тогда так рано разбудили?
- Думаю, тебе будет интересно посмотреть, как Кефрь колдует.
Кефрь насторожился, услышав свое имя и вопросительно взглянул на Зиреа. Та объяснила ему, что от него хотят. Кефрь остепенился, гордо подошел к столу и с

важным видом разложил детали. Миша притянул телекамеру поближе, несмотря на ее сопротивление.
- Чего ты упираешься? - прошипел он в микрофон, - Смотри, старик, внимательно за колдовством, я кое-что спрошу тебя потом, - и он развернул объектив в нужную сторону.
Когда таинство закончилось, на столе лежали несколько внушительных горок дефицитных микросхем. От этого Миша пришел в восторг.
- Что-нибудь понял? - возбужденно спросил он у СИР.
- Что понял?
- Ну как он это сделал?
- Я и так знал. Мне самому понемногу становится доступной Сила для поисков разума и дальних связей.
- Ни фигасе!.. А нам можно будет ей пользоваться?
- Это же не вещь какая-то. Как ты ей будешь управлять? Я-то адаптирован через порошковый ретранслятор.
- А как саяфяне управляют?
- Через вживленные шлемы. Во время обучения устанавливается двустороннее понимание между саяфянином и его "духом" - частью общего центрального коллектора. Ну это долго объяснить.
- Значит пользоваться чужой Силой невозможно, - разочарованно подытожил Миша.
Саяфянину надоело хлопать глазами, и он вышел. Аленка увязалась за ним.
- Я вполне тебя понимаю, Миша, - заговорил СИР задумчиво, - Раз ты попал сюда в такие необычные обстоятельства, то хочешь получить как можно большие возможности. Мне это легко. Я для этого предназначен и почти не обременен потребностями непосредственного жизнеобеспечения. Но ты же не аскет, не сможешь решиться потерять важные для тебя потребности, к примеру, половые, а это - неизбежное условие. Неужели ты думаешь, что здесь могут быть какие-то технические препятствия? Центральный коллектор планеты может и не такое. Главное препятствие - в тебе самом.
- Ага, понимаю, - усмехнулся Миша, - Ты здесь в самой струе важных дел. А вот убогие товарищи твои не годны для дел Гармонии, они - прошлое, глупые обезьяны.
- Да ладно тебе подначивать, - спокойно возразил СИР, - Как система знаний я в принципе от тебя не отличаюсь, мы все - проекции культуры общества Земли и мои интересы не могут вдруг отойти от интересов и ценностей нашей культуры. Это было бы все равно, что начать новую жизнь. Задача - чтобы я и впредь развивался со всей совокупностью земной культуры, да еще связал ее с галактическим обществом.
- А захочет ли земное общество этого? - спросил Женя.
- Этот путь развития неизбежен, а галактическое общество вовсе не для того, чтобы подсказывать готовые решения. С каждым шагом текущие задачи будут все труднее. Поэтому очень серьезно нужно относиться к будущему своего развития.
- Бедная Гармония! Ей-то труднее всех приходится! - усмехнулся Женя.
- Сказал питекантроп, увидев заботы инженера, - брякнул СИР, - Извините, шеф,

метафора.
- Это не метафора никакая, а твои скрытые от нас убеждения.
- Вот и я, кажется, только вчера так же разговаривала со своей системой первый раз на этой планете, - Зиреа задумчиво смотрела вдаль сквозь стены большими немигающими глазами, - Все это уже было точно так же... - она жалобно взглянула на Женю, - Сколько времени прошло зря!
- Ничего себе, зря, - буркнул СИР, - насколько я знаю, вы приняли восемь цивилизаций.
- Да... - задумчиво прошептала Зиреа, - Но я же не саяфянка тупая! - она резко тряхнула рожками, - Для того и существуют квадратноголовые чтобы принимать новеньких, а я тут причем?
- Не волнуйся так, Зирюша, - Женя ободряюще улыбнулся, - что-нибудь придумаем. Ведь иначе мы бы и не встретились.
Зиреа внимательно и благодарно на него посмотрела, но только вздохнула.
- Папа! - Аленка возбужденно ворвалась в комнату, - Можно я с Хрясем поеду в город? Он обещал мне показать там все интересное!
- Как это он тебе обещал? Вы что, уже друг друга понимаете?
- Конечно!
Женя вопросительно посмотрел на Зиреа. Та улыбнулась и пожала плечами. И тут спохватился Миша:
- Я еду с ними. Как раз хотел посмотреть город. Быть здесь и не побывать?
- Слушайся дядю Мишу! - строго наказал Женя с неясными предчувствиями.
- Аленка радостно схватила Мишу за руку и потащила за собой.
- Как ты думаешь, что ему нужно в городе? - спросила Зиреа.
Женю осенила очевидная догадка, что задумал Миша, он коротко стиснул челюсти и ринулся в комнату напротив. Наполовину высунувшись из окна и, выждав, когда из дверей выскочили Аленка с Мишей, заорал:
- А ну, стойте!
Все стоящие внизу задрали головы, щурясь на солнце. Женя не знал, как начать. Не пускать Мишу он не властен, а раз едет Миша как не пускать Аленку?
- Миша, может не брать Аленку? Ей кушать пора. Аленка жестами и словами объяснилась с саяфянами.
- Пап! Хрясь говорит, что у них еды навалом! Мы поехали! Женя неуклюже дернулся чтобы возразить, но ему на спину рухнула оконная фрамуга, слетевшая с петель. Когда он вставил ее на место, машины Хряся на поляне уже не было. Женя обернулся и увидел озабоченную Зиреа.
- Лучше бы ты мне ничего на говорила.
- Что бы там Миша не натворил, саяфяне Аленку на обидят. Сильно трахнуло?
- Ерунда. Убивать надо конструкторов, которые такие окна делают. Может пошлем Кефря чтобы он за Мишкой присмотрел?
- Зря ты Мише так не доверяешь. Все-таки - шанс. Я, конечно, могу послать Кефря если ты хочешь, чтобы мы остались наедине, - она красноречиво посмотрела на него.
Женя, сделав усилие, не отвел взгляд, и у него как у мальчишки чуть закружилась голова.
- Зиреа....

- Что?.. - она чуть печально улыбнулась и тихо вздохнула:
- Какие мы глупые...
Женя опустил руки.
- Есть хочешь? - вдруг невпопад вспомнил он.
- Идем, накормлю, - Зиреа, как ни в чем ни бывало, с дружеской улыбкой взяла его под руку и повела из комнаты.
Кефрь дремал, растянувшись на подстилке у своей машины.
- Рухлядь какая, а он никогда не копается в двигателе, - позавидовал Женя.
- Станет он пачкаться, когда есть Сила. Смотри, - Зиреа подкралась к Кефрю и вдруг неожиданно гаркнула ему в ухо. Тот дернулся и вокруг него с хлопком взметнулся прозрачно-перламутровый пузырь, от которого Зиреа отскочила как мячик. Она ловко удержалась на ногах и весело посмотрела на Женю:
- Абсолютная безопасность!
Кефрь внутри пузыря сонно огляделся и, увидев своих, снял защиту.
Зиреа сказала на своем языке Кефрью. Саяфянин отсел на край подстилки и наколдовал несколько подозрительных блюд. Зиреа взяла двумя пальцами розовый трепещущий кусок и поднесла Жене ко рту. Тот чуть отстранился и понюхал. Запах оказался совершенно незнакомым, но инстинкт не возражал, и Женя попробовал. Хотя это и можно было есть, но без аппетита.
Зато Зиреа жевала с удовольствием.
И тут раздался голос СИР:
- Шеф! Пожалуйста, оторвитесь от еды, есть важное дело!
Женя изумленно поднял голову. В метре от него прямо в воздухе возникла светящаяся рамка с цветочками. В ней стали появляться броские как реклама слова: "Женя и Зиреа приглашаются на премьеру сеанса поиска разума. В качестве развлечения для двоих".
- Ччерт... - фыркнул Женя.
- Не переживайте так, шеф!.. - дружески посоветовал СИР.
Женя озабоченно поднялся на ноги:
- Не успел Силу получить, а уже хулиганишь?
- В рамках приличия, - заверил СИР, - Жду вас, я не пошутил.
Женя подал руку и Зиреа встала.
- Честно говоря, - сказала Зиреа, поднимаясь по ступенькам рядом с Женей, - во время поисков волей-неволей приходится нарушать эти самые "рамки приличия". О каких приличиях можно говорить, когда находишься выше всего этого? Ты сам убедишься: незнакомые и пока непонятные тебе существа живут своей жизнью и какое дело до того, что они считают приличным, а что неприличным? Ты этого просто не знаешь. Нужно разгадать главное: дошли они до полноценных обучающихся систем или нет. Но как разгадать если даже изготовители не уверены в этом? Вот и приходится изучать самих изготовителей. Информация часто исходит именно от них. С СИРом я долго не могла разобраться пока не стащила бумажку, в которой ты описываешь методику испытания. Такое могла выдержать только полноценная система.
- Так это, все же, ты?.. - Женя остановился на лестничной площадке. - Но, черт возьми, Зиреа, неужели ты все видала, ну, как я живу?..
- Да. Ты и сам убедишься насколько это несущественно.

- Зиреа,.. - Женя порозовел от смущения.
- Но ведь все это тебя нисколько не унижало! Вот у шмышей, например, верхом неприличия считается два раза подряд моргнуть. Один раз - ничего, три раза - тоже ничего, а вот два...
- Ладно, пошли.
СИР, видимо, сделал выводы из Жениной реакции на свою выходку и вел себя более тактично.
- В составленном каталоге нашей галактики очень просто ориентироваться, - сказал он, - Мне остается планомерно обследовать неизученные пока области. Планеты, где аборигены недоступны для нашего понимания или еще недостаточно развиты, мы отмечаем в общем перспективном перечне. С находками везет редко, так что запасемся терпением. Где организуем обзорное поле?
- Типа экрана? Да где тебе удобнее, - пожал плечами Женя.
- Тогда смотрим на стенку с моим монтажом.
Телекамера развернулась в том направлении.
- Вот общая детализация нашей галактики. Пока еще не обследованы только самые края, там, где фон абсолютно черный.
Казалось, что стена беззвучно рухнула наружу в черную бездну. Спираль галактики с тончайшими деталями серебристых рукавов занимала весь обзор. Поиск, видимо шел сплошным прочесыванием и фон космоса от центра галактики был чуть подсвечен более теплой чернотой, исключая самый центр.
- А почему в центре тоже фон черный? - спросил Женя.
- Там парочка гигантских объектов вне нашего пространства-времени, такие воронки всепоглощающих дыр, которые делают невозможным существование жизни в окружении из-за мощного излучения. В каждой галактике в центре есть такие дыры. Через них организованы главные магистрали внепространственных связей ГЕРы. Это и есть те инженерные объекты суперцивилизации, которые искали, но в упор не видели наши астрономы.
Схема начала стремительно приближаться с одного из краев и дух захватывало от грандиозности все более проявляющейся детализации так, как если бы они смотрели в огромное окно стремительно приближающегося звездолета. На схеме начали появляться информационные метки у отдельных звезд, окрашенные в разные цвета в пределах теплого фона черноты космоса.
- Это - маркеры уже обследованных систем с полными их характеристиками. Поиск продолжим по порядку, сразу после последнего маркера общей с другими операторами спирали просмотра... вот с этой звезды...
Конец теплого фона стал отчетливым, и звезда за ним выросла как маленькое солнце.
- Системы планет во всей галактике давно уже известны. Здесь у нас восемь планет, четвертая - в поясе жизни, за ней следит целеуказатель очередности каталога.
Из черноты вырос полумесяц планеты. Она начала приближаться с устрашающей быстротой. Освещенная сторона повернулась и заполнила весь проем. Ландшафт, укрупняясь, побежал все быстрее, гораздо быстрее, чем под

крылом самолета с такой высоты. Все низины между извилистыми узорами гребней гор занимал лес, прорезаемый иногда затейливыми кружевами рек и пятнами озер.
СИР принялся раскручивать гигантскую спираль, сканируя поверхность. Потянулись участки плоскогорий, а затем и крутые хребты с белыми языками ледников. Потом все замерло, как если бы зависли над этим местом.
- Шеф, не хотите ли порулить?
Зиреа обрадовалась:
- Давай, Женя, это - классно! Я так уже летала! Тебе точно понравится! Учти, что все происходит на самом деле, а не имитируется.
- А как тут рулить? - Женю пробрало легкое волнение как перед прыжком с парашютом, который ему довелось пережить.
- Вытяните палец!
Женя ткнул пальцем в глубину космоса.
- Не нужно вытягивать всю руку, а то быстро устанете. Приложите палец к столу.
Вокруг Жениного пальца тускло засиял ореол.
- В какую сторону сдвинете, в такую и полетим. Чем сильнее сдвинете, тем быстрее. Надавите - полетим вниз, начете поднимать палец - вверх. Ну, поехали?
Так как палец Жени был уже прижат к столу, они рухнули вниз на планету, картина начала стремительно приближаться.
- Женя, вверх! - испугано крикнула Зиреа.
- Да и пусть бы ушли в мантию, - фыркнул СИР, - это безопасно!
Но Женя уже приподнял палец, и они пронеслись над заснеженной поверхностью навстречу довольно высоким горам. Женя немного полавировал, привыкая. Горы стремительно приближались, стены гребней выросли с обоих сторон, и они влетели в узкое ущелье, цепляясь за склоны и круто вздымающееся дно. В такие моменты поле зрения, скрывающееся породами, не становилось непроницаемым, а подсвечивалась структура, дополняемая строчками данных анализа состава и свойств.
Женя все более уверенно управлял пальцем.
- Нужно подняться выше, чтобы был больше обзор и смотреть за признаками цивилизации, - посоветовал СИР, - многие признаки будут распознаваться автоматически, но некоторые замечают только операторы.
Они круто взмыли над вершинами. Женя сориентировался и полетел в долину.
- Растений не видно никаких. Какая там температура?
- Минус десять по Цельсию, считал данные СИР, - Кислорода маловато. Углекислоты много. Рай для растений, когда не холодно. Немного полетаем и хорош.
Женя кружил над новыми и новыми участками, но все здесь оставалось девственно нетронутым.
- Планета почти как Саяфа, вращается торчком к плоскости орбиты, - заметила Зиреа, - значит климат везде стабильный. Модулированных радиоволн нет. Или еще не доросли или, наоборот, давно в стадии внепространственного коннекта. Переходим к следующей? Вылетай в космос, Женя!
- А не пролистаем ли мы так цивилизации слишком далекие от наших технологических представлений? - засомневался Женя, невольно проникаясь

спецификой поиска.
- Такие цивилизации обнаружат родственные им искатели, - сказала Зиреа. Может дашь порулить? Мне так нравится!
Женя с явной неохотой уступил управление и СИР переключил фокус отслеживания на пальчик Зиреа. Та головокружительно вылетела в космос, сама переключила режим выбора цели и устремилась к новой планете.
Но и этот мир оказался безжизненным. Азартно сменяя друг друга как дети у игрушки, Женя и Зиреа побывали на десятке бесплодных планет.
- Только сейчас начинаешь понимать какая мы редкость, - вырвалось у Жени, - Сколько же факторов должно сойтись вместе чтобы дать толчок развитию даже просто животного мира!
- Много факторов, - согласилась Зиреа.
- Нельзя Мише показывать все это, иначе его точно не оттащишь от таких путешествий по вселенной! - сказал Женя, в очередной раз освобождая место пилота.
- Давайте на этом пока остановимся, - предложил СИР, - скоро у меня очередной сеанс общения.
Вселенское окно поблекло.
- А есть ли мнение вселенского разума о том, какие именно факторы обеспечивают развитие технической цивилизации? - спросил Женя.
- Да, шеф, я уже интересовался.
- Неужели это известно? Выдай, не томи.
- Трудно сразу поверить, но главный фактор зарождения технологического разума у животных - это - повышенный уровень неудовлетворенности существующим, - прогудел СИР, - когда даже если ты сыт и за тобой не охотятся, все равно придумываешь себе новые проблемы и их решаешь. Такая вот мутация повышенного беспокойства существования. Этот фактор настолько глобален, что под него подпадает и развитие самой ГЕРы.
- Не очень убедительно! - засомневался Женя.
- Понимаю вас, шеф, - согласился СИР, - мне самому этот вывод дался в готовом виде. Но могу сказать еще конкретнее. Специфические для человека функции - это способность прогнозировать последствия своих действий с использованием аналогий различных уже известных свойств объектов. Это не просто запасаться как белка на зиму, нужно, например, хорошо представлять, чем на этот раз будешь сыт и чего, может быть, стоит опасаться. Для такого прогноза нужны особо развитые специфические структуры мозга, дающие возможность ставить мысленные эксперименты со своим предполагаемым поведением. Это не просто образ своего "я", а образ будущего себя.
- А-а! Опять жуем теорию! - раздался запыхавшийся Мишин голос. Все обернулись. В комнату влетела вымокшая под дождем Аленка и с визгом бросилась на руки Жене.
- Да тихо ты! - он отстранил ее, - Что же вы опять погоду не рассчитали?
- Думали проскочим. Под конец буксовали. Чуть не утонули, - Миша, не стесняясь, стянул с себя футболку и с громким хлопком перекинул ее через спинку стула, - Очень полезная экскурсия!
- Да, папка, мы такой дворец видели! - Аленка выпучила глаза, - Дяде Мише он

больше всего понравился. Да же, дядя Миша?
- Ну-ка, коза, быстро раздевайся! - Зиреа сняла с вешалки халат и принялась растирать ей волосы, - Ты что-нибудь кушала?
- Бяку давали какую-то, - насупилась Аленка.
Зиреа улыбнулась и ласково потрепала ее по голове:
- Пойдемте, я вас накормлю!
- Надо же, даже переодеться не во что, - вздохнул Миша, - ладно, на мне быстрее высохнет, - он отжал футболку на пол и, ежась, одел ее, - Спасибо, я не голоден, мне нужно ехать.
- Куда это еще? - насторожился Женя.
- Хрясь обещал дать машину покататься. Если задержусь, не беспокойтесь, - Миша выскочил, оставив за собой последнее слово.
Женя досадливо махнул рукой:
- Просто нужно знать, что еще не было случая чтобы Рязанов не нашел себе приключения.
- На этой планете глупости сходят с рук, - успокоила его Зиреа.
- Приходите завтра в третьей четверти рассвета, - загадочно предложил СИР, - продолжим.
- Что еще за третья четверть?.. - удивился Женя.
- Он назвал время по-саяфянски, - пояснила Зиреа, - До свидания, СИР.
Все вышли из комнаты.
- В нашей вселенной существует единая внепространственная синхронизирующая сетка времени, - говорила Зиреа пока они спускались по лестнице, - вопреки вашей теории относительности, хотя, точнее, в качестве ее расширения в область внепространственных взаимодействий. СИР, конечно, уже пользуется ей. Но вот почему он так назначил время?.. Похоже, что он проболтался. Существует традиция так назначать время для важных местных событий. СИР или пока не знает об этом и брякнул так для эффекта или же о чем-то намекает...
- Мне так намекать бесполезно, - махнул рукой Женя, - в любом случае остается только гадать.
На поляне перед зданием зияла глубокая колея, по которой уехал Миша. Около оставшейся машины разговаривали два саяфянина. Женя не удержался от улыбки, видя, как они пыжились друг перед другом, размеренно жестикулируя и чуть ли не поднимаясь на цыпочки чтобы выглядеть значительнее. Когда вся компания загрузилась в машину, она просела на задние колеса. Кефрь и Хрясь перегнулись через борта и наперегонки принялись напускать Силу каждый на свое колесо. Машина поползла вверх и тут колесо Хряся оглушительно лопнуло. Машина резко накренилась так, что Женя повадился на Зиреа, а Аленка зажала уши ладонями и зажмурилась. Кефрь вышел победителем и теперь сидел за рулем гордо как статуя. Хрясь виновато наколдовал новое колесо. Машина откашлялась и, глубоко зарываясь в почву, покатила по просеке. Перекаченные колеса чувствовали каждую неровность и когда поперек колеи попался толстый корень, взорвалось колесо Кефря. Аленка испуганно замахала руками и заплакала:
- Не хочу ехать на этой дурацкой машине!

Над головами послышался знакомый стрекот. В промежутках между листвой мелькнул летательный аппарат, на мгновение заслонив зеленовато-голубое небо. Машина на ходу отремонтировалась и покатила дальше. Аленка так и ехала с зажатыми ушами до самого дома Зиреа.
Там на поляне уже стоял портативный самолетик Ярага и он сам, одетый в черный комбинезон. Или как еще назвать этот шикарный костюмчик, настолько крутой, что Женя захотел такой же.
Кефрь остановил машину, и они с Хрясем, подойдя ближе, принялись разглядывать самолет.
Аленка прижалась к Жене и недоверчиво поглядывала на Яршга. Зиреа подошла к нему, и они о чем-то заговорили. Наконец Зиреа обернулась:
- Женя, иди сюда, это насчет Миши.
Женя оставил Аленку с саяфянами и подошел. Он не мог отделаться от чувства, что Яршг смотрит с ненавистью и невольно напрягался, когда их взгляды встречались. Он перевел взгляд на чудесные детали черного комбинезона и отложил мысль спросить Зиреа, как можно заполучить такой же.
Зиреа выглядела встревоженной.
- Яршгу его система сообщила, что саяфянам известны намерения Миши и, если он доберется до Духа, мы можем потерять товарища. Сами они почему-то не хотят препятствовать ему.
- Вот черт! Что же СИР дурака валял? Или это у них космическая гуманность называется?.. Что же делать?
- Яршг предлагает написать записку для него, он его догонит и передаст. Сейчас я принесу на чем писать, - Зиреа забежала в дом и, тут же вернувшись, протянула Жене листок и почти земную ручку. Женя принялся писать, едва касаясь шершавого пластика блестящим кончиком. На листке появлялись слова:
"Миша, сейчас мы узнали, что твоя затея раскрыта и очень опасна. Тебя могут уничтожить. Пожалуйста, возвращайся без глупостей, хотя бы чтобы еще раз все взвесить. Черноус".
Женя протянул листок Яршгу и тот поспешил к своему аппарату. Пристегнув почти невесомую конструкцию к спине, он коротко разбежался и легко взлетел почти вертикально перед самой стеной зарослей.
- Я попросила его постараться убедить Мишу.
- Э... зря ты это попросила, как такай клыкастый парень может убеждать?

Когда Миша выбежал из здания к саяфянам, Кефрь с раздражающе подобострастной ухмылкой вытащил из-за пазухи книгу и протянул ему.
- Елки, - Миша растерянно оглянулся, - опять забыл оставить, - он торопливо взял книгу из рук и, ввалившись в лимузин, запустил мотор. Оскалившись для приличия саяфянам, он помахал им рукой и тронулся.
Машина кренилась как на волнах, но упорно ползла по колее, вырывая колеса из глубоких луж с громким чавканьем, завывая мотором и громко хлопая.
На душе было неспокойно и Миша, выруливая среди колдобин, мычал мрачный мотивчик. Всякий раз, когда ему в голову лезла эта мелодия, вскоре в чем-то отчаянно не везло, даже когда вдруг осознавал себя поющим и досадливо замолкал, было уже неотвратимо поздно. На этот раз Миша не замолк, а запел во

все горло.
Томик Воннегута ерзал по сидению, норовя упасть и Миша, приостановившись, сунул ее себе в штаны за пояс.
Перед трассой он чуть не застрял. Машина съезжала на бок, силясь выползти из слякоти на возвышение твердой дороги. Переднее колесо, наконец, зацепилось за шершавое покрытие и вытащило весь экипаж. Миша с отвращением отметил, что наколдовать отдельный привод на каждое колесо, конечно, проще, чем пожелать хорошие дороги везде, где они могут понадобиться. Он газанул и облегченно покатил по ровной автостраде в сторону города. Навстречу попадались саяфяне в лимузинах, удивленно тянули шлемы чтобы разглядеть Мишу и тот, довольно ухмыляясь, махал им рукой. Ему не нужно было переучиваться: здесь ездили по правому ряду.
Впереди поднимались громады зданий, как и в первый раз удивляя своими размерами и нерациональностью. Казалось, стоит вздрогнуть земле и все это неотвратимо посыплется, завалит дорогу и лес кучей блестящих обломков.
Впереди справа чуть слышно и знакомо застрекотало. Со стороны леса выплыл самолетик и, полетев вдоль дороги, вдруг опустился прямо на Мишину полосу движения. От нехороших предчувствий сжалось все внутри, Миша, сбавляя газ, напряженно всматривался, готовый резко вывернуть в сторону. Перед самолетиком стоял Яршг весь в черном эффектном прикиде и яростно сверкал кровавыми пуговицами глаз на плюшевой клыкастой морде.
Миша до последнего делал вид, что не собирается сворачивать, но тут Яршг поднял руку и помахал каким-то белым листочком. Миша, не успев ничего сообразить, затормозил. Яршг подошел, неприятно резким движением протянул записку и снова молча встал перед машиной. Миша прочитал и досадливо поморщился. Он медленно и демонстративно порвал бумажку над головой, пустив обрывки вокруг себя, с самой галантной улыбкой поклонился и развел руками.
Яршг стоял и, не мигая, поливал его ненавистью. Тогда Миша осторожно тронулся, приблизился вплотную, еще немного и подмял бы инопланетянина под высокий бампер. Затормозив, он со злостью выбрался из машины, оглушительно грохнув незакрывающейся дверцей.
Яршг, не сморгнув, принялся изображать что-то лапами в воздухе. В душе у Миши тоскливо заныло от неожиданной задержки. Приближался вечер и все в Храме могло измениться. Но особенно допекала ужасная внешность Яршга. Невольное раздражение и протест брали верх, уже бойцовская расчетливость теснила трезвый разум и Миша, пока сдерживая себя и желая кончить по-хорошему, настойчиво потянул за рукав Яршга, предлагая отойти в сторону. Но тот заупрямился, вдруг вырвал руку и молниеносным ударом влепил ему кулаком в живот, как раз на вдохе. Если бы не книга в штанах, то Миша бы не скоро встал, несмотря на свой накаченный пресс. Удар оказался неожиданно большой силы.
Дальше все произошло автоматически: Миша ложно выбросил ногу и, в то время как Яршг протянул руки навстречу, защищая свою мужественность, коротко влепил кулаком по морде. Яршг взметнул руки к разбитым губам и тут же получил удар в живот, от которого согнулся пополам. В следующее же мгновение он рухнул на дорогу, подкошенный ребром ладони под затылок.

Миша, совершенно потеряв голову, оттащил тело и очень легкий самолетик на обочину, лихорадочно озираясь, вскочил в машину и рванул с места.
Он никак не мог успокоиться и опомнился только когда заехал в город. Его никто не преследовал.
- Ч-черт! - зло прошипел он, на ходу вытащил из штанов прогнутую ударом книгу и присвистнул от вида вмятины. Потом он попытался сосредоточиться и в растерянности остановился. Несомненно, в прошлый раз улица имела другой вид. Не было этого странного фасеточного сооружения, перегораживающего путь, в тысячах зеркальных плоскостях которого отражалось багровеющее на закате светило, да и сама дорога явно стала уже.
Множество обыкновенных жителей с головами без шлемов в нестерпимо пестрых одеждах поворачивались к остановившейся машине. Любопытные простоватые лица, покрытые бурыми пятнами. Эти люди казались жирафьим племенем по недоразумению живущим в сверхъестественном, пропитанном космической Силой городе.
Строения громоздились в варварском беспорядке, и только дорога обозначалась черной полосой, упирающейся в круглую стену чего-то огромного. Других машин не было, никто не подходил чтобы помочь, и Миша медленно поехал вперед, надеясь обнаружить какой-нибудь объезд.
До стены оставалось метров пятьдесят, когда здание вдруг всколыхнулось и всей своей громадой воспарило над дорогой, реагируя, может быть, на Мишино приближение. Это не вызвало никакого замешательства среди прохожих. Такое здесь, видимо, было привычным делом. Какая-то саяфянка рядом лупцевала карапуза, перепачканного фиолетовой пастой, а тот мерзко повизгивал и вяло отбивался. Вообще в городе стоял умеренный, но густой шум жизни, было удивительно чисто и все пребывало в давно заведенном порядке.
Миша, беспокойно задирая голову, заехал под здание, ритмично переливающееся большими неясными тенями, и попал в знакомую часть города. Если ехать вдоль длинного колбасообразного монстра, вздувающего свои сияющие бока на целый километр, а потом свернуть направо, то должны стать видны призрачные, постоянно меняющиеся очертания Храма.
Какой-то длинный зверь метнулся наперерез, растерялся посреди дороги и, шарахнувшись туда же куда вильнул лимузин. Колесо характерно подбросило, заскрипели ветхие тормоза, Миша чертыхнулся и, перегнувшись через кузов, посмотрел вниз. Там расползалась белая как молоко лужа. Он хотел было ехать дальше, но из массы прохожих отделилась тоненькая фигурка и с громким ревом подбежала к машине. Миша не мог понять мальчик это или девочка. Вперевалку подоспела тучная женщина, зло дернула ребенка за руку и, подавшись всем корпусом к Миша, о чем-то резко заговорила, тыча пальцем под колеса. Миша сокрушенно пожал плечами.
Тут появился саяфянин в шлеме, размеренным жестом, полным власти, навел порядок, оживил тварь и, отослав женщину с ребенком, решительно ввалился в лимузин, оттеснив Мишу своим огромным телом на другой конец сидения. Машина фыркнула и тронулась в прежнем направлении.
Миша живо вспомнил КПЗ, где ему в горячей молодости довелось переночевать, пойманного с самодельными взрывпакетами на марганцовке и магнии,

обреченно посмотрел на своего конвоира и попытался представить себе свою возможную судьбу. От этого ему стало грустно, но он смирился потому, что машина повернула в нужную сторону и, возможно, ему еще удастся сбежать. Огромным цветком, медленно переливающимся лепестками пламени или какого-то интерферирующего поля, предстал Храм, заслоняя мягким маревом все, находящееся позади него. Лепестки, в тягучем, грандиозном ритме вздымались к небу и, коснувшись бесконечной вышины, опадали широкими волнами.
Мотор заглох, когда до подножия цветка оставалась сотня метров. Саяфянин поднатужился, токоприемники раскалились до малинового свечения, но мотор вращался вхолостую. Тогда саяфянин наколдовал горючего: пахнуло характерным жирным запахом. Это тоже не помогло.
Миша вдруг рванулся и, перелетев через дверцу, коснулся ногами дороги, но тут же был пойман на лету за шиворот. Затрещала футболка. Страшная сила втащила его обратно как щенка, и он выкатил глаза, придушенный воротником. Откашлявшись, Миша повернулся к саяфянину. Тот добродушно и внимательно посмотрел на него безбровыми глазами, распахнул свою дверцу и, выйдя сам, выволок Мишу на свою сторону. Придерживая его за руку, саяфянин зашагал в сторону Храма.
Они подошли к подножию.
Саяфянин свободной рукой очертил перед собой круг. Высокая сиреневая волна поглотила их и, опав через мгновение к ногам, открыла другой мир. В прошлый раз все было не так. Был зал с галереями входов и выходов, снующие саяфяне и суровые шлемоносцы, застывшие как статуи повсюду. Здесь же вокруг клубился неинформативный серый туман или так казалось потому, что взгляду решительно не за что было зацепиться. От этого напрягалось все внутри и безнадежно терялось равновесие. Но Миша почему-то не падал.
Он остался один и, пожалуй, только острое чувство, что сейчас начнет происходить нечто невероятное с ним, возможно мучительная деструкция, не давало потерять мысли в безмолвии и непроглядной серости. Страха не было как бывает, когда уже не остается никакой надежды и от собственной воли уже ничего не зависит. Томление неопределенности продолжалось не долго. Неодолимая сила сковала, зафиксировала неподвижно тело, и Миша почувствовал, что внутри у него появилось что-то чужое, наполняющее собой. Сознание потускнело, последняя мысль трансформировалась в болезненный бред, настойчиво возвращающий память к прежним событиям. Видения озарялись пережитым и снова гасли. Они то теснились толпой, наплывая одно на другое, то замирали неуловимыми искрами. Это изматывало до предела. Хотелось покоя, пусть даже смерти, лишь бы все кончилось. Только где-то на краю сознания оставалось почти бессильное недоумение: неужели все вот так кончится? С этим все кануло в забытье.
Потом он очнулся или, вернее, то, чем он стал. Медленно восстанавливались силы. Мимолетными кошмарами изредка пробегали цепочки старых сновидений, воспринимаемых как чужие и далекие. Безумные алогизмы складывались и распадались. И вот, всколыхнувшись, окончательно проснулось сознание, пока не способное сориентироваться в окружающем.

Потом все вдруг ясно вспомнилось. Он напрягся потому, что его предупредили, не словами, а пониманием: "Приготовься к связи". Предупредили так, как если бы он сам подумал об этом. Когда это началось, Миша во многом потерял самого себя, точнее стало трудно отделять свой опыт от появившейся возможности использовать чужой опыт. С удивлением и восторгом свободы он обнаружил как необъятны стали ассоциации: стоило подумать о чем-то как в ответ возникали яркие цепочки явно не его переживаний. Он вспоминал такое, что случалось не с ним и где-то далеко, в ситуациях, совершенно для него не привычных. Ему доставляло наслаждение перебирать этот багаж чужого опыта, в которым он вдруг смог копаться как в собственном, сопоставлять с земной жизнью, видеть перспективы, совершенно неожиданные и ошеломляющие новизной и огромным значением. Он понимал, что проник в чужое почти беспредельное сознание и может путешествовать в нем бесконечно. Но и чужое овладело его памятью. Очень скоро он устал от напряжения сосредоточенности. И опять был сон, и новая "связь" после сна и так продолжалось много раз очень долго.

К ужину Миши все еще не было. Саяфяне толком не могли сказать, что с ним и где он, хотя явно были в курсе. В небольшой комнате Зиреа устроили перекус. Два саяфянина пребывали на связи с городскими информаторами, готовые сообщить все, что станет известным и переминались в смущении, не зная куда девать свои большие тела, пока их не усадили на диван рядышком.
На столике стала появляться совершенно незнакомая еда. Аленка доверяла только сладкому, хорошо, что у Зиреа его оказалось достаточное разнообразие. Саяфяне сотворили себе что-то совсем неаппетитное и, молча похрустев, вышли из комнаты.
Атмосфера царила довольно гнетущая. Зиреа принялась неторопливо расчесывать подсохшие Аленкины волосы.
Внезапно в комнату ввалился Яршг с разбитой губой. Он прислонился к косяку и протянул запачканный и смятый ударом томик Воннегута. Зрелище получилось очень красноречивым и у Жени все внутри похолодело. Зиреа растерянно вскочила и замерла, потом, схватив салфетку, принялась рукой промокать кровь с губы Яршга. Аленка тихонько перебралась к Жене на диван.
За дверями появились саяфяне. Кефрь решительно вошел и через минуту губа у Яршга была в порядке. Яршг стал рассказывать Зиреа о случившемся, нервно жестикулируя и часто срываясь на неприятный визг. Коротко изобразив потасовку, он замолчал, осматривая комнату ненавидящим взглядом. Потом снова протянул книгу Зиреа и вдруг, не дожидаясь ответа, вышел. Вскоре за окном послышался удаляющийся стрекот.
Зиреа печально посмотрела на Женю:
- Миша прочитал записку и все равно захотел ехать дальше. Яршг пытался его удержать, но вот... наш Рязанов оказался более подготовленным для таких случаев. Яршг говорит, что Миша обладает сильным телом, что для него оказалось полной неожиданностью.
- Как я и предполагал, - мрачно кивнул Женя.
Кефрь что-то сказал.
- Саяфянам пора возвращаться. Отпустим?

- Отпускай, теперь уже ничего не сделаешь.
Зиреа заговорила с ними, видимо объясняя происшедшее и те, озадачено покивав, ушли, обещая сообщить про Мишу как только все прояснится.
- Поговорю со своей системой, - задумчиво сказала Зиреа, - вдруг в курсе.
- Я перед сном прогуляю Аленку, - решил Женя, - В этих джунглях вроде бы опасаться нечего?
- Солнце садится, сливы уже есть нельзя, - Зиреа задумалась, вспоминая, - В общем не трогайте никого и все будет в порядке. Ну, и далеко не заходите.
- Как мамка! - засмеялась Аленка и вдруг загрустила.
- Пошли, пошли, - Женя подтолкнул ее к выходу.
От саяфян осталась только блестящая быстро высыхавшая колея. Женя повел Аленку за руку, ступая по еще пружинящей после ливня почве и обходя подозрительные углубления. Они подошли к зарослям и направились вдоль них, выбирая место, где можно было бы проникнуть вглубь. Вскоре попалась старая заросшая просека и Женя, раздвинув массивные листья, пропустил Аленку, Запахи стали резче и настойчивее. По ветвям метались и расползались испуганные вторжением существа, кругом раздавалась непривычная мелодия лесных звуков. Сплошная арка растительности закрывала небо и в зеленом полумраке все казалось нереальным как в мультфильме.
Аленка не пропускала ничего, рассматривая и обнюхивая цветы, спугивая насекомых и бросаясь за ними в погоню. Поэтому они продвигались медленно.
У Жени на душе было очень неспокойно и прогулка не могла отвлечь от навязчивых картин расправы над Мишей и последствий для них всех. От невозможности что-либо предпринять в голове путались мысли и возникало бессильное опустошение.
Женя был еще способен, однако, наблюдать за собой, профессионально понимая, что его высшие уровни сознания блокируются безысходностью ситуации, оставляя уровень восприятия далеких предков, у которых реакции, проверенные веками эволюции, оказывались надежнее и более готовыми к действию. Он с внутренней усмешкой отмечал, что вот так ощущал себя питекантроп.
- Папа! Я приклеилась!
Женя поискал Аленку глазами. Она стояла в кустах, ткнув пальцем в широкий ствол дерева.
- Па-ап! Оно меня схватывает!
Прямо на стволе раскрыли венчики большие цветы с белыми лепестками, похожими на скрюченные куски коры. От них исходил конфетный аромат, а в центре у каждого перламутром переливалось желтое пятно.
- Я думала, что это вкусное, если так пахнет! - захныкала Алекна.
- Хорошо, что языком не попробовала!
Края цветка медленно сходились, грозя вцепиться в палец. Женя попробовал отодрать палец, но Аленка эаойкала. Кожа оттянулась до предела, а клей не отпускал. Женя растерянно поискал глазами вокруг и не увидел ничего подходящего. Лепестки уже охватили палец и начали впиваться в кожу.
- Па-апа!! - Аленка испуганно запрыгала.
Женя ухватил лепесток и, с трудом вывернув его, вырвал из ствола. Когда он расправился с последним, на пальце остались синеватые вмятины.

- У меня теперь так и будет? - всхлипывая спросила Аленка.
- Погоди, - Женя снял часы и острым краем пряжки принялся миллиметр за миллиметром отслаивать палец от пятна. Наконец он освободил Аленку и, осмотрев ствол, показал ей закрытый бутон с торчащими между лепестками перьями.
- Оно съело птичку! - воскликнула Аленка с состраданием и посмотрела на свой палец. Подушечка стала белой.
Эта встряска помогла Жене обрести себя. Стало заметно темнеть. Повеяло свежестью. Лесные запахи и звуки становились другими.
- Пошли, Аленка, пора возвращаться.
- Куда ты, папка, мы же пришли оттуда! - Аленка показала в противоположную сторону. В голове у Жени спуталось. Он остановился, мучительно соображая.
- Ладно, далеко мы не забрались. Пойдем сначала туда и, если скоро не выйдем, вернемся.
- Мы заблудились? Да? - Аленка радостно заглядывала Жене в глаза, - Пап, ну скажи, по-настоящему?
Они пробирались по просеке пока это не потеряло смысл и повернули назад. Стало темно. Еле проглядывали контуры стволов, то и дело ноги цеплялись за стебли и корни. Хорошо, что просека была прямой иначе они бы давно ушли в сторону. Аленка шла сзади, ухватившись за Женину рубашку. Когда ей стало страшно, заросли расступились и впереди уютно засветились огни дома. Черная фигурка Зиреа тревожно бродила по площадке перед дверью.
- Папа, - зашептала осмелевшая Аленка, - давай я ее напугаю! Подожди здесь немного.
- Она видит в темноте, так что подкрадись получше! - настроение у Жени выправлялось насколько это было возможно.
Аленка, пригнувшись, исчезла в сумерках. Женя вглядывался в силуэт перед домом и улыбался в предвкушении. И тут раздался пронзительный вопль. Зиреа по-звериному взвилась вверх и, отскочив, выставила рога.
- Это я, не бойтесь! - вкрадчиво сказала Аленка, подходя к Зиреа и сама испуганная таким эффектом.
- А я собиралась вас искать! - заявила Зиреа подошедшему Жене, - Что вы так долго?
- Мы заблудились! - радостно выдала Аленка.
- Как вам удалось? - удивилась Зиреа.
- Аленка попалась на приманку с конфетным запахом, - пояснил Женя, - пока ее вызволял забыли откуда пришли.
- Вы нашли ловчее дерево?
- Там еще бедненькая птичка попалась, - жалостливо добавила Аленка.
- Сама-то ты как отклеилась?
- Папа отодрал часами.
- Совсем я забыла про это дерево. А тебе, Аленка повезло, что папа был рядом.
- Что-нибудь узнала?
- Ничего плохого с Мишей точно не случилось, но без подробностей. Скорее всего там все под контролем и не стоит беспокоится.
Аленка долго не могла уснуть. Зиреа по заведенной ей на саяфе привычке

осталась размышлять под звездами, а Женя сидел перед Аленкой, пытаясь отвлечь ее от грустных мыслей.
- Пап, мама, наверное, плачет, что нас нет? - тихо спрашивала она.
Женя начал рассказывать ей длинную сказку и, наконец, Аленка заснула. Уменьшив свет, Женя вышел.
По-летнему теплый и одновременно необыкновенно свежий ветерок разом прояснил голову. Зиреа неподвижно сидела на широком выступе фундамента, прислонившись к стене и, похоже, просто дремала. Женя уселся рядом. Зиреа повернула голову:
- Заснула?
- Кое как. Мамку вспоминала... Я вот думаю, может подбросить туда записку? Нам разрешат такую утечку информации?
- На Рневи я сообщила, думаю и на Землю можно, если хочешь. Сейчас там ночь, никто не помешает подбросить записку.
Они вошли в дом. Там уже был включен космический монитор во всю стену. Зиреа села перед ним и ткнула пальцем в светлое пятно на столике. Женина квартира оказалась отлично пристрелянной. Выйдя к Земле по галактическому каталогу, Зиреа с головокружительной быстротой укрупнила масштаб и после неуловимого мелькания появился знакомый дом. Одна из стен растаяла, открыв комнату, освещенную настольной лампой. За столом, низко склонившись над альбомом с ворохом рассыпавшихся фотографий, сидела Лариса. Рядом, подперев голову рукой, устроился какой-то мужчина. Другой рукой он по-свойски обнял Ларису за плечи и что-то негромко ей говорил.
Женя вгляделся насколько позволял полумрак, скрывающий лица, и, делано равнодушно прошептал Зиреа:
- Этого я знаю.
В комнату вошла женщина. Мужчина нехотя убрал руку.
- Господи, Ларисочка, когда же ты спать ляжешь? - запричитала она, - Нельзя же все время так убиваться. Геннадий Иванович, скажите ей!
- Ничего, Ниночка, не сделаешь, тут переболеть надо. Вы сами-то идите, завтра на работу...
- Хоть как-то успокойте ее, вы же такой добрый! Ну, пошла я.
Некоторое время они неподвижно сидели и молчали. Потом Подколодный вздохнул и обнял Ларису.
- Жалко мужика, конечно, - тихо проговорил он, - Башковитый был... Понимаю тебя.
- Да мне дочь жалко! - Лариса заревела и, дернувшись, освободила плечи, - Жене до меня дела не было! Он дома жил как на работе, только его и хватало на дурацкие сказки!
- Эх, Лариса, сейчас хоть не надо, его ведь уже нет.
- У тебя хоть душа человеческая, даже его жалеешь!..
Женя многозначительно посмотрел на Зиреа.
- А что-то можно же там сделать, не проявляясь? Руками, например.
- Легко. Прямо в монитор залазь, можешь хоть весь там появиться.
Здоровая мужская ревность не позволяла просто так все оставить. Он попросил управление, наехал поближе, и сияющая лысиной макушка Подколодного

приблизилась вплотную. Крепкие шалобаны всегда удавались Жене безукоризненно, а тут с отмашкой получилось особо удачно, и гулкий звук перекрылся испуганным воплем. Подколодный схватился за уши ладонями и с изумлением уставился на Ларису.
- Давно хотел это сделать!
Женя с надеждой посмотрел на Зирею.
- Как бы сказать... Можно ли сделать так, чтобы он прямо сейчас обосрался?
Зиреа приподняла одну бровь.
- Резкий позыв к дефикации?..
- Да!
- Ну, ты можешь наехать внутрь в режиме слежения, и там сдавить желудок. Только не убивай его!
Стремительно теряя элегантность, Геннадий Иванович выпучил глаза и его вывернуло прямо на стол с фотками.
Женя брезгливо отстранился, резко двинул пальцем вперед и вверх, вылетая в космос.
- Все, записка отменяется.
Обзор погас. Они пошли к выходу. Женя, чуть пошатываяь, со сжатыми кулаками неуклюже перступал как после долгого кинопростмотра. Зиреа обернулась у входа и с усмешкой посмотрела на него.
- Теперь нужно тебя успокаивать, - она ласково улыбнулась ему и у Жени потеплело в душе. Они вышли и снова уселись на завалинку.
- У меня на Рневи две девочки, - тихо сказала Зиреа, - Я не знаю, как их зовут и где они сейчас. Детей у нас воспитывают профессионалы, забирая сразу после рождения. Поэтому людей с очень необычными взглядами у нас нет. Женщины с особенно сильными материнскими чувствами становятся воспитателями.
А перед тем, как попасть сюда я жила со взрослой девочкой и помогала ей осваивать мою специальность. Аленка сейчас спит на ее месте. И еще, тебе это, может быть, интересно, у меня было двое мужчин. С первым мы расстались в молодости. Были еще глупыми и быстро надоели друг другу. Второй меня терпел довольно долго пока я всерьез не занялась разработкой системы. Потом мы перестали быть нужны друг другу.
Женя задумчиво кивнул. Зиреа посмотрела на него и рассмеялась.
- А знаешь, я хотела тебя обмануть.
Женя удивленно поднял глаза.
- Землю я нашла давно. Почти земной год назад. Но твой СИР еще не сформировался. Вот я и присматривалась все это время. На Саяфе одиночество становилось невыносимым, а к тебе я быстро привыкла и решила, что если тебе суждено будет здесь появиться, то лучше заранее заручиться союзником. Надеялась, что ты уговоришь свой СИР отправить меня на Рневи пока он не впитал космическую мораль. Я решила, что лучше всего если ты влюбишься в меня. Инициатива в таких вещах у женщин как сильного пола. У вас полно такой романтики в фантастических книжках, но, когда дошло до действий, первое же послание я писала без всякого внутреннего принуждения и с определенным удовольствием. Ведь ты, как и я был с головой погружен в самую важную для тебя проблему, я очень хорошо это понимала. Извини, что я подсматривала так

долго твою жизнь...
- Если бы меня всегда так обманывали... - Женя грустно улыбнулся.
- Ты сейчас так опечален, это понятно, но теперь-то мы совсем в других условиях, которые позволяют смотреть на все шире...
- Поехали, Зирюша, к нам на Землю? Мы с тобой отлично понимаем друг друга.
- Знаешь, я бы не прочь... - Зиреа задрала голову к небу так, что уперлась рожками в стенку и задумалась. В ее широко раскрытых глазах отражались звезды. Тонкий неземной профиль показался Жене необыкновенно желанным.
- С вашей схемотехникой хорошо, - тихо размечталась Зиреа, - И Аленка твоя мне нравится... - она повернула голову и посмотрела на Женю с грустной нежностью, - А, кстати, ты без рожек был бы на Саяфе как все обычные мужчины, а мне что, на Земле спиливать рожки?
- А разве мы не сможем бывать и на Земле, и на Рневи?
- Только представь: все во мне чужое, непривычное, и черты, и повадки. Прелесть необычного проходит, ты привыкнешь и чужое будет только раздражать.
- У нас есть художественное произведение: "Мадам баттерфляй", вспомнил Женя с улыбкой. Не хочу зарекаться, Зиреа, но мне так всегда не хватало надежного понимающего друга, это намного важнее, чем красота тела, а с тобой легко то, что невозможно с другими. Может это наивно, - Женя усмехнулся. - Да, скорее всего это уже не для нас. Это сейчас мы пока здесь в темноте под звездами...
Ему пришло в голову, что женское доминирование Зиреа, выразившееся в ее инициативе написания ему письма сейчас дополняется его мужской инициативой предложения ей быть с ним на Земле. В общем, они оба проявляют доминантную инициативу в отношениях. Итерация идет к схождению.
- Мы будем разговаривать через всю галактику, - размечталась Зиреа.
Она вздохнула и поднялась, а Женя остался сидеть.
- Зиреа? Неужели здесь не может быть компромисса?
Она подошла к нему и протянула руки, - пойдем спать, Женечка. Может быть завтра нам придется нелегко.
Женя сидел неподвижно, задумавшись. Зиреа вздохнула и принялась перебирать его волосы. Женя вдруг обхватил ее ноги и уткнулся лицом в колени. Это было очень необычное и приятное ощущение. Зиреа присела и обняла его. Они застыли, прислушиваясь друг к другу.
Вдали зачихал двигатель едущей машины. Зиреа вздрогнула и тряхнула Женю:
- Кто-то едет...
Чихание затихло, но вскоре стало еще более явственным. Они встали и всмотрелись в сторону леса. Огоньки фар приближались, слабо мерцая в зарослях. Наконец из просеки с натугой выползла машина. Прыгая на кочках и вихляя, она подкатила к дому и замерла. В ней сидел незнакомый худой саяфянин в квадратном шлеме. Дверца распахнулась, и он чуть ли не вывалился из машины. Это был Миша. Его ноги явно плохо слушались. Он молча посмотрел на Женю и Зиреа запавшими глазами.
- Что с тобой?! - наконец спросил Женя.
- Потом, все потом, - Миша пошатнулся и прошел мимо них, - Сейчас спать, иначе сдохну. Отведите меня куда-нибудь.
Он вырубился, как только его подвели к дивану и дали прилечь.

Аленку уложили в отдельной комнатке. Женя с Зиреа сидели рядом с ней и рассказывали по очереди всякие истории, пока она не уснула, а потом тихо вышли. Они остались одни в полной тишине и только за окнами едва слышались выкрики ночных птиц и зверья.
- Гора с плеч! - к Жене стремительно возвращался уверенный оптимизм.
- Погоди, завтра расспросим Мишу и посмотрим, как заговорят наши системы, - более рассудительно прошептала ему на ухо Зиреа, - но то, что у Миши шлем, может все очень круто для нас изменить!
Она счастливо обняла его, крепко прижавшись, и он ощутил под своими руками волнующе тонкую, перекатывающуюся упругими мышцами талию.

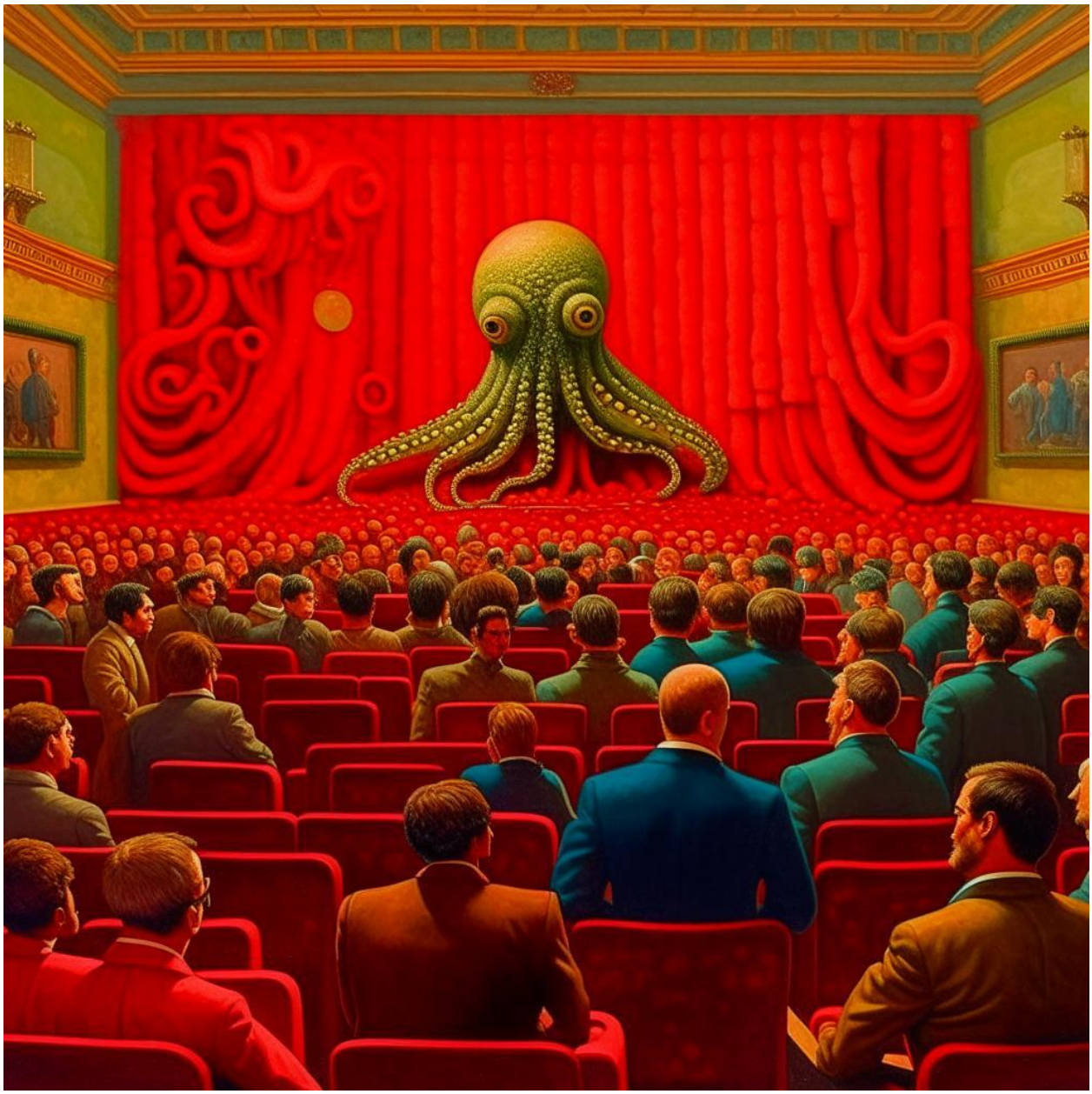
Утром первой проснулась Аленка. Она громко зашлепала по комнате, захихикала в предвкушении и бесцеремонно принялась щекотать Женю по щетинистому подбородку. Жене спросонья стадо жалко себя не выспавшегося, он замычал и отмахнулся, не открывая глаз.
Разбуженная Зиреа сразу вспомнила все и больше заснуть не могла. Она ясно сознавала, что означает шлем на Мише и это ее волновало ожиданием перемен. Наступала третья четверть рассвета, а Миша спал бледный как под наркозом прямо в новеньком шлеме, который снять наотрез отказался, если это вообще было возможно. Зиреа приготовила еду и разложила ее на столике. Она задумчиво посмотрела на дремавшего Женю, присела к нему на постель и с любопытством осторожно провела пальцами по небритому подбородку.
- Щас отшлепаю... - пообещал Женя и открыл глаза, - а, это ты, привет! - он счастливо улыбнулся.
- Пора к СИРу, а Миша спит, - тихо сказала Зиреа.
- Спасибо, что вспомнили! - резко прогудел в комнате голос СИР, - Шеф, будите Мишу, не стесняйтесь, он еще выспится. До галактической связи у меня четыре часа.
- Когда же я к тебе привыкну? - раздосадовался Женя.
После пятого сурового толчка Миша разлепил ничего не понимающие глаза и принял сидячее положение.
- А? Евгень Саныч,.. - он опять прикрыл глаза, но, клюнув носом, проснулся окончательно.
- СИР просит не задерживаться.
Миша вздрогнул, смачно потянулся и вскочил на ноги.
- Зиреа, - он болезненно наморщил лоб, - как бы это мне извиниться перед этим... ну с клыками...
- Яршгом, - напомнила Зиреа.
- Он так жутко смотрел на меня и не хотел пускать. Мы глупо подрались, и я ему насовал, наверное, слишком жестко.
- Я передам ему, - пообещала Зиреа, - Женя, зови Аленку, покушаем перед тем, как ехать.
Женя вышел. Миша с усмешкой посмотрел на Зиреа:
- Получил что хотел, - он гулко постучал по шлему.
- По-моему ты сильно изменился, - заметила Зиреа настороженно.
- Я вообще другой... Да, Зиреа, такой переворот в башке осилить...

- Дядя Миша, а зачем вы каску одели?
- Какая ты Аленка горластая, - заходя поморщился Женя, - садись за стол и быстро кушай.
Миша жадно прикончил свою порцию и разочарованно посмотрел на пустую тарелку.
- Рассказывай, - попросил Женя, - Что с тобой сделали?
- Ну, Евгень Саныч, совсем не так как представлял. У меня появились такие реальнейшие возможности, что в ближайшее время я с головой уйду в адаптацию.
- И больше никакого протеста? Может тебя слегка загипнотизировали? - усомнился Женя с некоторым разочарованием.
- Скорее это можно назвать массированным убеждением неопровержимыми для меня доводами, да еще с необыкновенно наглядной демонстрацией. Знаете, Евгень Саныч, я остаюсь здесь до пенсии. Потому, что только отсюда можно использовать Силу. Для вас же все складывается как в сказке. Я буду с СИРом подготавливать прогресс на Земле, а вы с Зиреа теперь свободны. Мы будем поддерживать связь и, конечно, вы можете рассчитывать на мою Силу в личных целях.
Зиреа положила в Мишину тарелку добавочный кусок, - Вчера мы с Женей думали, как бы хорошо иметь возможность бывать и на Земле, и на Рневи.
- Я же говорю, что вам со мной повезло, - Миша благодарно взялся за вторую порцию.
- Мне что ли сходить к Духу? - пошутил Женя, скрывая рвущийся восторг.
- Хватит и того, что ты можешь поиграть космическим монитором! - запротестовала Зиреа.
- Не, Евгень Саныч, не могу никому это посоветовать... - Миша чуть помрачнел и сглотнул кусок, - сам не знаю, пошел бы я если бы знал, что там придется вынести, но сейчас мне нравятся мои возможности! - Миша удивленно посмотрел на свою вновь пустую тарелку, чуть наморщил лоб и от этого там заклубилась белая масса, быстро подтаивающая с краев в теплом воздухе, пахнув сильным фруктовым ароматом.
- Я настаиваю! - запротестовала Зиреа, крепко ухватив Женю за шею, - чтобы ты остался как есть!
Женя счастливо улыбался.
- А что это вы сделали? - Аленка вскочила со своего места, уставившись на Мишину тарелку.
- Мороженое, мое любимое, - в предвкушении вздохнул Миша, щедро зачерпнув ложкой.
- Ну, дядь Миша, если вы мороженое умеете делать, то, значит, больше Хряся можете, у него оно никак не получалось!
- Извини, тебе же тоже хочется?
- Да!!
- Только не много! - строго сказал Женя.
- Спасибо, дядя Миша, - Аленка обрадованно разглядывала чудесные мороженные фигурки на своей тарелке.
- Добро пожаловать в мир Гармонии, - Миша вытаращил глаза, театрально развел

руки в стороны, его лицо наехало на всех крупным планом и в его огромных глазищах, занявших собой все пространство, звездной глубиной зазмеились туманности и спирали далеких галактик.

Наивное противостояние

Наивное - не значит слабое. Сопротивление более прогрессивному всегда происходит на уровне отдельных особей, не приемлющих то, что попирает их убеждения.
Наивные идеи библейско-коммунистического гуманизма оказались в непримиримом противоречии с идеями галактического объединения.



Хронотоп описываемых событий: конец 1980 годов, отдаленная горная провинция страны советов, колоритный азиатский город в сезон густой левитации тополиного пуха. Время пароксизма демократии, когда слово "товарищ" все еще являлось универсальным межгендерным обращением.

Дверь в полутемном коридоре с импозантной табличкой ведет в скромные владения шефа биотехнологического отдела ОКБ ИИ (Особое Конструкторское Бюро Искусственного Интеллекта).

В комнате у шефа был чужой. Он стоял спиной к вошедшему Вадиму. Воротник фирменной футболки вминался ремнем объемистой фото-сумки в загорелую шею. Шеф, потный с утра, в расстегнутой до глубокого декольте рубашке и взъерошенный от частого вздыбливания волос пятерней у вентилятора, стоял рядом, привалившись бедром к столу и утомленно давал снисходительные пояснения:
- Да, прямо вот этими, самыми обыкновенными слесарными метчиками "на пять" нарезаем в черепе резьбу, куда вворачиваем, пробки с микроэлектродами.
Чужак вежливо кивнул и двумя пальцами брезгливо уронил черные метчики на стол. При этом Вадим заметил усы, мужественно загнутые ниже уголков рта на худощавом, не очень приятном, но располагающем к себе лице и большую фотокамеру, висящую на шее.
Вадим решил быть проще и молча подошел поближе. Шеф отвалился от стола и взял этикет в свои руки:
- Знакомьтесь: Травкин, Вадим Романович, - шеф положил горячую и влажную руку на плечо Вадиму, чуть подталкивая к корреспонденту, который дежурно раздвинул усы в улыбке и сверкнул в глазах энергией общительности.
- Сквозняков, - продолжил было шеф.
- Дмитрий Давыдович, но лучше просто - Дмитрий, - корреспондент крепко сжал протянутую руку и не отпускал пока не закончил:
- Очень приятно с вами познакомиться. Я готовлю материал для публикации, и мне рекомендовали вас как специалиста-новатора, работающего в перспективном направлении.
- А я тогда просто - Вадим!
- Практически - тезки!
Травкин с облегчением освободился от жилистой ладони и растеряно воззрел на шефа.
- Ну, ты покажи свое хозяйство, расскажи там!..
- Юрий Михайлович, сейчас Нефертити будет лекцию читать!
Шеф устало взглянул на часы. Он явно демонстрировал активное равнодушие к теме деяний какой-то Нефертити. Страдая от жары, он потряс воротником рубашки и, подавшись к вентилятору, вздыбил волосы в живительном потоке. Советские кондиционеры были очень капризны, мало кто мог понять, что им нужно чтобы задуть хотя бы легкой прохладой и обычно бесполезно висели на окнах.
- У вас еще пятнадцать минут, успеете. Ты, Вадик, это... про отчет-то не забывай! - шеф трагически затряс вытянутым пальцем в сторону, - Ради бога, меня комиссии замучили, конкуренты не дремлют, нужно чтобы у нас все было!
- После лекции займусь, - проакцентировал Вадим твердое намерение посетить Нифертити и повернулся к корреспонденту Дмитрию: - Пойдемте?
- Тогда начнем с вас, а потом на лекцию таинственной Нефертити.
- Это - не женщина, - поморщившись пояснил шеф, обернувшись от вентилятора, -

А Нефедов, Григорий Савельевич! Наша интригующая достопримечательность, - с многозначительным злорадством добавил он, и повернулся спиной чтобы еще на мгновение отдаться вентилятору. Демонстративно забыв про посетителей, он потянулся к своему недопитому чаю, хлебнул и, обойдя стол, ухнул во вздохнувшее кресло с висящим на спинке пиджаком. Потом удивленно взглянул на еще не ушедших, скосился на Вадима, передавая ему тем самым полномочия и вдруг, просияв, посоветовал корреспонденту:
- А вы сходите на эту лекцию, сходите! Сами увидите! - после чего насовсем исключился из общения.
Вадим сурово подмигнул Дмитрию и коротко кивнул на выход. У дверей они замешкались, пропускал друг друга, из-за этого несколько натянуто прошли по коридору. Вадим, набрал код, и, когда громко щелкнул соленоид, галантно открыл дверь.
Корреспондент прошел за порог, озираясь и примеряясь к возможностям фотосъемки. Небольшая комнатка, выкроенная из бывшего туалета, опоясанная сан-кафелем на высоту человеческого роста и заставленная до той критической степени, за которой начинается клаустофобия, явно не вдохновляла на репортаж о новаторе.
- Ничего, и не такое видал, - успокоил он скорее себя, чем и без того индифферентно настроенного Вадима, осторожно протискиваясь между железными неокрашенными стеллажами.
- Помещений у нас мало, развернуться негде. Поэтому многие разработки отдаем на откуп кооперативу.
- Что за кооператив?
- Научно-технический. Я, правда, с ними дела почти не имел. А шеф вам ничего не говорил?
- Абсолютно.
- Вот там и работает Нефертити.
- А где вы в черепе резьбу нарезаете?
- Это не я нарезаю, а зоофилы с вивария в цоколе. Я только методику текущих исследований заказываю.
- Ясно. Еще ваш шеф про установку говорил, покажете?
- Да вот она вся на том столе.
Откуда-то сверху неожиданно громко и резко отстрекотала птица, и Дмитрий, вскинув голову, увидел нахохлившегося зеленого попугая в клетке на шкафу.
- Птичка... как же она здесь живет? - пробормотал корреспондент первое, что ему пришло в голову, - Или это такой индикатор, как на шахтах?
- Верное направление мысли!.. - оценил Вадим, - Когда он сдохнет, я уволюсь.
Это вырвалось у него самопроизвольно, просто по ассоциации. Он вовсе не собирался жаловаться и сетовать.
- Что, все так плохо?
Попугай громко засвистел я защелкал одновременно.
- Цыц, Кеша! - строго приказал Вадим и, в самом деле, стало тихо, - Видите ли....
- Дима... - подсказал корреспондент располагающе.
- Простите, Дима... на самом деле все это как бы никому и не нужно. Вот это устройство, которое рекламировал вам шеф и вот эти наметки

соответствующей теории, - Вадим небрежно хлопнул ладонью по какой-то папке, - они могут пока убедить только меня одного. Даже шеф толком не врубается. Другие же специалисты имеют по вопросу каждый свою любимую теорию. На мой взгляд, они все очень далеки от реальности.
- А у вас что за теория?
Вадим вздохнул.
- Я не придумывал ее с нуля, а собрал все на сегодня известные фактические данные и составил из них пазл, как из картинок. Пока еще много незаполненных дырок, но гораздо больше того, что хорошо дополняет общую картину.
- Хороший пример с пазлом, я с разу представил, - оценил Дмитрий.
- Короче, это концепция работы мозга и, чтобы практически ее проверить, нужны колоссальные средства. Так что сейчас остается лишь мечтать на эту тему.
- Хм.. вроде бы это - нормальная судьба любого начинания, - Сквозняков развел руками.
- Нормальная?.. Что-то мне так не кажется. Все это идет поперек шерсти многим нашим авторитетам, и уж они первым делом перекроют кислород, чтобы продолжать окучивать свои направления.
- Так оно обычно и бывает...
- Да, можно сказать, что пока что моя теория не достигает порога очевидной убедительности, - Вадим виновато улыбнулся, - нужны именно очевидные результаты успеха, с которыми не поспоришь.
- Честно говоря я на это настроился... Вот думаю, как тут лучше показать. Давайте вы сядете вот там, хороший свет и ракурс...
- Пока не стоит, Дима, - Травкин усмехнулся, - Вот у знатной доярки есть неоспоримое достижение, а у меня только теория. Вот сейчас будет в самом деле впечатляющая лекция.
- Ну что ж, - кивнул Дмитрий, мысленно отмечая бесполезно пустой визит. Как же он на этот раз ошибся!
- И, все же, кое-что вам показать, пожалуй, смогу!
- Обязательно. Я же для этого пришел, - он посмотрел на часы, - Так что это за лекция такая интригующая предстоит?
- Уже третья лекция. Не зная, что было раньше, вам это покажется очень странным. Особенно его наглядные демонстрации. Некоторых впечатлительных приходится за руку держать. Есть классные сеансы гипноза, есть классные представления иллюзионистов, а это - нечто совершенно иное. Я пока даже не могу точнее что-то сказать... только то, что не стоит это рассматривать как зрелище. А многие просто развлекаются, не вникая в суть. Для них это просто эффективное шоу.
Сквозняков воспрял.
- Там хороший свет?
Травкин задумался, вспоминая.
- Ну, не темно, это - точно.
Сквозняков сменил статус объекта из бесполезных в перспективные и решил попробовать вытащить сенсацию или хотя бы сделать классные фотки научных типажей в аффекте моментов их удивления.
- А нам не пора?

Вадим взглянул на часы, кивнул, и они вышли из комнаты.
В коридоре стало многолюдно, и все направлялись в одну сторону.
- Кстати, вот он, кого-то тащит, ни фига себе! - Вадим повернулся против людского потока. Сотрудники прижимались к стенке, пропуская необыкновенно контрастную парочку. Среднего роста брюнет с колючим взглядом больших глаз и точеным носом, не очень опрятный на вид, но какой-то благородно подтянутый, держал, подломив под острым углом запястье, взлохмаченного гопника, одуревшего от боли, растерянности и унижения. Жертва была гораздо крупнее Нефертити.
Сквозняков дернулся было вскинуть камеру, но понял, что не успевает с учетом полумрака в коридоре. Он вообще часто упускал кадры, не решаясь фотать в упор и завидуя своим более наглым коллегам, которые использовали вспышку, невзирая на то, что она сплющивала изображение. Для Скознякова художественность снимка была важнее его информативности.
- Григорий Савельевич, - окликнул Вадим, - Помочь?
- Спасибо, Вадик, не нужно, - Нефертити мотнул головой и попридержал дылду - Ты - в зал?
- Да, мы вот хотели с товарищем корреспондентом... а что, теперь отменяется?
Нефертити с интересом посмотрел на Сквознякова.
- Корреспондент? Ну что же... Это, может быть даже, кстати. Я только отведу этого гражданина, - он чуть сильнее перегнул кисть и подтолкнул замычавшего дылду дальше.
- А чем-то похож на Нефертити! Сильный мужик! - с неподдельным уважением заметил Сквозняков.
- Тот парень колется, - пояснил Вадим, - мы давно подозревали, но ничего с ним не можем поделать.
Они пошли по пустеющему коридору. Последние сотрудники вливались в зал через зачем-то крепко подпружиненную дверь, которая громко отщелкивала каждого протиснувшегося.
Типовые, в меру опортреченные "актовые" залы, в то время предназначались для единогласного принятия решений и проектировались с голой сценой и ровными рядами фанерных седалищных блоков.
Скозняков, прикидывая лучшую точку для съемки, прошел к передним блокам. Вадим не привык быть настолько на виду, но возражать не стал. Они уселись в самом центре, там, где народ предпочитал не светиться.
Сквозняков, умащиваясь на скрипучей фанере, вдруг понял, что секунду назад мельком коснулся взглядом чего-то неожиданно-волнующего. Это было там, куда повернулся Вадим. Тот общался с соседкой слева. Она что-то говорила ему, и этот голос настолько оправдал предчувствие необыкновенного, что Сквозняков, подавшись вперед, довольно нескромно выглянул через Вадима после чего, непроизвольно сглотнув, откинулся на трагически вскрипнувшую спинку. Вадим неспеша принял нормальное положение и посмотрел на часы.
- Вадим, - Сквозняков приблизился к уху Травкина, - Кто это?
- Где?
- Рядом с тобой! У меня чисто профессиональный интерес. Мне как раз нужен такой снимок. Познакомь, пожалуйста.

Вадим деловито поднял одну бровь и еще раз взглянул на часы.
- Мне не совсем удобно вас знакомить, долго объяснять. Но я сейчас на минутку выйду, а ты уж сам профессионально...
Нарочито громко сказав: "Щас приду, держите мне место, Дмитрий Давыдович!", устремился к выходу.
Сквозняков, оставив огромную сумку на своем сидении, не спеша, занял место Травкина и повернулся к соседке: - Извините, я видел, вы знакомы с Вадимом Романовичем?
Тонкое лицо настороженно повернулось, и Сквознякова смутил печальный взгляд со злыми искорками.
- С Вадькой? Конечно. Кто ж с ним не знаком.
- Видите ли, я корреспондент и готовлю о нем очерк.
- О Вадиме? - в ее глазах потеплел интерес, - Он стоит того.
- Вы знаете, сегодня, пожалуй, мне вдвойне повезло: у вас как раз такой типаж, что очень подошло бы к фото о специфике вашего института. Если бы вы разрешили мне сделать несколько снимков после лекции...
- Что вы, я не фотогенична, - она тряхнула головой и опустила глаза.
- Ну почему вы все так говорите? Я сделаю хорошие фотографии... Как я могу вас называть?
Девушка неприступно подняла лицо и Сквозняков с изумлением увидел выражение острой горечи и детской обиды.
"блиииин...." - подумалось ему досадливо, - "какая-то шизанутая....".
- Простите, если вас чем-то обидел, - еле слышно выдохнул он предельно деликатно.
Девушка судорожно глотнула и, широко раскрыв глаза, молча отвернулась, а Сквозняков с тяжелым чувством откинулся на скрипучем сидении.
На сцену героически взбирался какой-то толстяк, отжимаясь от ступенек правой толчковой и удерживая себя руками за колени. В зале приутихли, но несколько последних ехидных реплик явно ему адресовались.
- Товарисчи, - несопоставимо тонким голосом прокричал толстяк, - Григорий Савельевич задерживается с очередным его казусом, и я тут, кстати, решил поднять вопрос о дисциплине, - он отерся мятым платком и, уронив его мимо кармана на пол, продолжал:
- Вчера мы провели проверку, многие надолго запомнят! - он обличающе обвел зал маленькими заплывшими глазками, - Очень неутешительно. Есть лица, которые спорят, не желают предъявлять у входа. А другие меня увидели и сразу повернули назад. Думали, что походят где-нибудь часок, отсидятся. Они просчитались: мои помощники в это время фиксировали на рабочих местах. Выявлено двадцать семь нарушителей, из них шестеро злостных и двое - матерых. В столовой тоже безобразие. Зеленые билетики все время лезут в очередь красных, путают установленный регламент раздачи.
Хлопнула дверь, и в зал вошел Вадим.
- Нарушителей дисциплины мы пометим, снизим им КТУ, вымараем из премиальных списков.
Вадим с усмешкой направился к своему месту.
- Вот какая дисциплина, - даже тут никак не соберемся! - выдал ему в спину

толстяк.
В зале зашумели. Сквозняков пересел, поставив сумку у ног, и Травкин, возбужденно дыша, повалился на сидение, качнув весь блок. В тот же момент опять хлопнула дверь и вошел Нефертити.
Толстяк замахал рукой:
- Товарисчи, успокойтесь. Вот вам ваш Нефедов!
Шум моментально стих.
- Прошу, Григорий Савельевич, - толстяк, обстоятельно ступая на каждую ступеньку толчковой ногой, спустился с неуютной сцены. Нефедов подал ему оброненный платок, и толстяк на ходу отер им шею.
Как-то буднично Нефертити бросил взгляд за широкие окна, где над верхушками тополей с залитыми солнцем кронами виднелась сияющая белизной цепь гор, посмотрел в зал, добродушно прищурился и негромко сказал:
- Не берите в голову, товарищи... Настраиваемся на работу.
Кто-то коротко заржал. Непередаваемая потусторонность Нефертити, нисколько не подходящая к этому актовому залу, заряжала интригой.
- На основе представлений из прошлой лекции, попробуем понять ключевые явления психики, и это позволит экстраполировать эволюцию разума. Мы воочию увидим...
Дмитрий наклонился к Вадиму.
- Так это просто научная лекция?
- Нет, но похоже. Можно фильтровать слова, самое главное само себя покажет.
И точно, Нефертити только в самом начале заговорил как университетский препод. Он вплетал такие ярко-зримые и завораживающие фрагменты, что в целом, скорее, создавалось впечатление сеанса психотерапевта. Тем более, что в зале раздалось сомнамбулическое мычание.
- Поэтому у нас еще есть невидимые, но катастрофические проблемы... - Нефедов замолчал.
- Ой!.. опять! - послышался женский выкрик из зала, пополам с грохотом падающих вещей и треском ломающейся мебели. Некто с довольно массивной фигурой непомерно откинулся назад в круговом движении торса, воздев широко раскачиваемые руки, в точности как это показывали по телику на сеансе Кашпировского. Седалищный блок оказался не рассчитан на такое, и тело завалилось чуть ли не затылком на пол, а соседи, не успев выскочить из кренящегося блока, хором рухнули, окончательно развалив фанерную конструкцию.
- Ну вот, зачем это?!! - раздалось сразу несколько негодующих голосов, - Каждый раз кому-то вступает в голову и мешают другим!
- С каждым разом эта чертовщина все забористее!.. - откликнулись явно недоброжелатели.
Нефедов выжидал с непроницаемым лицом.
- Внимание!.. - наконец перекрыл он своим удивительно выделяющимся голосом весь шум, - У нас научный институт и здесь сидят грамотные научные сотрудники... Приношу извинения тем, кто, не поняв моих намерений, оказался шокированным, испытал неприятные моменты в прошлый раз, - Нефертити сеял спокойствие умиротворяющей интонацией, - никакой чертовщины и волшебства,

конечно... Я настоятельно предупреждал, что особо впечатлительным людям, плохо переносящие необычное, не следует посещать мои презентации...
Он выждал, когда в зале восстановилась тишина и продолжил.
- Чтобы избежать новых психотравм, нужно научиться не придавать происходящему слишком большое значение. Давайте вернемся мысленно в прошлое и представим, как бы реагировали люди в библейские времена, услышав ответ, скажем, на такой интригующий вопрос как: "что такое смерть"? Для нас с вами ответ на этот вопрос в его естественнонаучном аспекте как бы очевиден. Но вот, вообразите, некто аргументирует перед древней аудиторией эти наши современные представления, в частности наработки нашего ОКБ ИИ. Какова будет реакция? Религиозность просто не позволит многим воспринять столь шокирующее новое. Аналогично и в наше время догматизм в науке создает непримиримое непонимание. Но нас интересуют неверующие. Те, кто способен воспринимать новое - как возможную гипотезу. Такие есть у нас, я знаю. Остальных прошу покинуть зал.
Он подождал, но все сидели напряженно-непоколебимо.
- Все, кто пришел, ожидая какого-то необыкновенного и грандиозного представления, получат негатив потому, что увиденное они не осмыслят. Только постепенно, узнавая все больше о предмете, человек убеждается в значимости отношения к нему, и тогда сведения становятся знанием. Знанием того, во что конкретно воплощаются эти сведения в тех или иных случаях. А чем больше опыт познания, тем больше человек уверен в своих знаниях. Мы уверены в том, что нами проверено. И нам безразличен хоть целый океан истин, самых, быть может, важных и грандиозных, если они, пока, никак не связаны с нашим опытом. В лучшем случае они просто шокируют, привлекая внимание.
"А любит он говорить", - подумал Сквозняков, убаюкиваясь словами фраз, смысл которых ускользал от понимания. Он, конечно, воспринимал значения отдельных слов, но не успевал осмысливать и поэтому все казалось бессмысленным словесным потоком. Большинство в зале, судя по их виду, вполне проникались сказанным. Экспозиция фотосъемки была уже надежно выверена, а палец лежал на спуске чтобы не упустить момент. Нефертити воспринимался как бы издалека.
- Люди занимаются тем, что преобразует сведения в знания, и затем - в убеждения, другими словами - в свою сущность и поэтому все в большей степени человечество зависит от познанных истин. Не разумно ли предполагать, что мы сольемся в итоге со всей совокупностью локальных знаний Вселенной - в одно общее вместилище? Я точно знаю, что это будет так, и хочу постепенно донести это знание до вас.
Давайте поставим опыт. Я дам определенный ответ на вопрос о смысле жизни. Затронет ли он вас или покажется неактуальным и даже банальным?
И тут Нефертити замолчал на некоторое время. Было заметно, что он терзается какой-то мыслью, посматривая на так и не вышедшего из зала сомнабулического сотрудника, который, очнувшись, перебрался на свободное место.
- Лучше бы показать наглядно... - пробормотал он так, что его услышали только первые ряды. Видимо, поборов искушение, он продолжал, обращаясь ко всем:
- Смысл жизни можно определить - как личную оценку значимости всего того,

что в этой жизни у него есть и на что он способен влиять. Поэтому смысл жизни индивидуален и в целом представляет собой личную ценность отношения, сформированного жизненным опытом. Но жизненный опыт так формирует индивидуум, что тот начинает отвечать потребностям общества, занимая социальную нишу.
Корреспондент Сквозняков опять потерял нить рассуждения. Он просто наблюдал как все напряженно вникают в каждое слово и выискивал фото-момент как охотник в засаде. Но лица слушателей не проявляли достаточно ярких эмоций. Правильнее было бы встать, чтобы получить более широкий обзор и сцены и зала, но Дмитрий не решался заскрипеть, вставая и нарушить напряженное внимание в зале. Опять его нелепые для профессии мотивации мешали ему. Вот почему на самые горячие задания посылали других репортажников.
- Хотя возникает достаточно понимаемая модель представлений, - сказал Нефертити, - но, думаю, что в таком виде это мало кого тронет из вас. Это нужно пережить самому. Для этого я и провожу интерактивные демонстрации. Сейчас мы практически прочувствуем то, что индивидуум - это целая совокупность моделей "я", развитых для всех важных ситуаций, как общество - совокупность их носителей. Мы - это множество разных "я", которые берут управление в ситуации, для которой они наиболее опытны.
В этом месте Сквознякова зацепило утверждение, что у него в голове копошатся много разных его "я". В самом деле он наблюдал, что его коллега, алкаш Василий, в трезвом состоянии был совершенно другой личностью, чем его пьяная ипостась. Да и сам он только что, пытаясь познакомиться с соседкой Вадима, ощущал себя и ситуацию совсем не таким, каким был сейчас.
- Выяснив принципы взаимодействия "я" в мозге, мы могли бы использовать это как закон уже не просто природы, а социума. Главным в мозге является личная система значимости, откликающаяся на все в виде смысла всех ситуаций жизни. Мы можем произвольно менять значимость момента и, тем самым, подключать другое свое "я" с другими желаниями и целями.
Каким-то образом это начинало проникать в голову Сквознякова. Вспомнилась недавняя поездка, когда непрерывно курящий водитель редакции поначалу сильно досаждал, чуть ли не до порывов вспылить. Но горячая разборка ничего бы не изменила, ведь водила не смог бы перестать курить. И тогда Дима отключил непримиримость своего отношение к дыму, и это был уже не воинственный, а вполне конформистский, другой Дима.
Сквозняков невольно начал вслушиваться.
- В мозге нет главнокомандующего, координирующего поведение каждого из "я". В обществе это значило бы, что только общая культура является судьей всех его членов. Если бы системы значимости у всех людей были бы взаимно согласованы, то мы бы жили в идеальном обществе. Никаким "коммунистическим" воспитанием достичь такого невозможно. Этого можно достичь только, развивая информационные системы общения до их эффективности, сравнимой с эффективностью взаимодействия различных "я" мозга.
Вообще-то это была крамола, резанувшая остро заточенные на такое уши

корреспондента. Явная недопустимость таких высказываний должна бы вызвать вмешательство парторга. Может это и есть обещанный сюр?
Нефертити чуть снисходительно посмотрел в зал:
- Вопросы какие-нибудь возникают?
И тут неожиданно для самого себя поднялся Сквозняков, так и держа палец на спуске фотокамеры:
- Корреспондент газеты Вечерний свет. Раз вы говорили, что покажите наглядно, нужно ли понимать, что будет продемонстрирована неэффективность коммунистического воспитания? Это какое-то кино будет?
Нефертити поднял брови и чуть вздохнул.
- Коммунистическое воспитание останется за рамками тематики этой лекции. И не кино, а непосредственное ваше участие. Вот сейчас и попробуем... Кто не рискует участвовать в интерактивности лучше прямо сейчас выйти из зала.
Захлопали сидения, но сомнабулический сотрудник, развалившийблок сидений, только покрутил головой, разминая шею.
Неприступная незнакомка Сквознякова вспорхнула, заторопилась к выходу, стуча каблучками, и затерялась среди выбегающих в тихой панике сотрудников. Нарастало непонятное напряжение, хотя Нефертити все так же спокойно стоял, выжидая, и в его облике не было ничего настораживающего.
Сквозняков крепче сжал подлокотники зачем-то вспотевшими пальцами, успокаивая себя, что не подвержен гипнозу. Никогда раньше, сколько он ни таращился на фокусников, ему не удавалось уследить за секретом действий, а сейчас он даже не знал, что же должно произойти.
- Расслабься, - дружески толкнул его плечом Вадим и усмехнулся. В последний раз хлопнула дверь, и позади Нефертити Скозняков вдруг заметил кресло, лихорадочно вспоминая было оно или нет.
Нифертити, не глядя, уселся в него и в образовавшейся неестественной и глухой как вата тишине каждый услышал его негромкий голос, как если бы он говорил совсем рядом:
- Я не хочу дешевых сенсаций. Мы работаем в научном учреждении, и здесь присутствуют неплохие специалисты, которые вполне представляют возможности и феномены человеческого восприятия. То, о чем я говорил - это серьезно, и сейчас мы продолжим нашу работу. В зале находится корреспондент, но надеюсь, что он правильно понимает в чем принимает участие...
Итак, воспользовавшись возможностями нашей психики и еще пока не озвученными научно-прогрессивными разработками, образуем коллективную систему восприятия. Общение будет происходить вот по какому принципу. Каждому из нас станет доступно по ассоциации все то для него интересное, что зародится в головах у других. Поэтому у нас появится как бы два вида мышления: все, что интересно для большинства, образует сознание коллектива, а то, что интересно только отдельным группам и людям, останется в подсознании коллектива, но будет осознаваться отдельной личностью.
Это возникло почти сразу. Нетерпеливое ожидание большинства слилось в один взгляд с разных мест зала, и образ лектора расцвел, дополняясь множеством метких подробностей, остроумных наблюдений и предположений. Многообразие мнений существовало одновременно, и на гребне его всегда находилось чье-

нибудь наиболее экстравагантное в данный момент наблюдение. Многие в первоначальном испуге пытались, оторваться от завораживающего общего потока, который то и дело находил отклик в их душе, и эти попытки удавались. Но если в такой момент собственная мысль не оказывалась более интересной, удержаться в себе становилось трудно потому, что внимание то и дело отвлекалось на чужие находки.
Довольно скоро поток новых впечатлений, сфокусированных на личности лектора, иссяк, и гораздо легче стало внимать собственным мыслям, пока у кого-то не родилась такая, что завладела почти всеми. Видимо в зале было достаточно много молодых и озабоченных. Кто-то, терзавшийся невостребованной любовью и лишь ненадолго поглощенный происходящим, дал волю эротическим фантазиям, захватившим коллективное сознание невольными живейшими откликами. Массовое творчество так разукрасило и разнообразило жалкий первоначальный сценарий, что привело в ужас буквально всех. Тут же родилось чей-то удачный прикол-нравоучение, за него ухватились, развили и с облегчением хоть как-то снова зауважали себя потому как никакого секса в то время в стране не было принципиально. Однако впечатление от пережитого оставалось невероятно ярким, и в боязни нового рецидива генерировался целый хаос отвлекающих идей, пока не зацепились за космическую тему как наиболее далекую. Кто-то без устали подбрасывал щедрые увлекательные идеи.
Когда пошли образы жутких инопланетян, одно из кошмарных до нелепости тел угрожающе выделилось, резко дополнилось многочисленными и необыкновенно реальными подробностями и вдруг появилось на сцене рядом с развалившимся в кресле Нефертити. Тот явно растерялся, и не менее минуты чудище царило около него, эпатируя всех своим видом и просто неприличными движениями множества разнообразных конвульсирующих отростков.
Поэтому не многие обратили внимание на два последовавшие один за другим щелчка Сквозняковской фотокамеры, но сразу после них кошмар исчез, и сотрудники в зале почувствовали себя свободными от взаимного влияния. Люди пережили слишком большое потрясение от сеанса, и не могло быть речи о том, чтобы продолжать лекцию. Нефертити буднично попрощался и, сойдя со сцены, смешался со смущенными, не смеющими посмотреть друг на друга сотрудниками. И только наблюдательный Сквозняков в третий раз нажал на спуск "никона", запечатлев забытое на сцене вычурное кресло, которое, будто только и дожидаясь того, растворилось в воздухе.
- Вадим, погоди! - окликнул Сквозняков слегка еще не пришедшего в себя Травкина, поспешно запаковывая фототехнику, - Старик, нам нужно серьезно поговорить. Но сначала давай догоним этого вашего Нефертити...
- Зачем?
Сквозняков порывисто подхватил Травкина под руку и потащил, лавируя между выходящими:
- Хочу задать ему пару вопросов. Как корреспондент ведущего информагентства.
Догонять не пришлось. Сразу за дверью, под обширной доской почета, где портреты Нефертити и Травкина не экспонировались, двое представительных апологета методов централизованной морали с пристрастием допрашивали

лектора. Люди обходили их, стараясь не замечать, и уносили при этом неприятную тяжесть за пазухой.
- Толстяк - это наш юрисконсульт, - шепнул Травкин, - по прозвищу Весельчак. Похож на одноименного персонажа не только внешне. А дылда - парторг.
В то время по умам ходил отечественный мультфильм "Тайна третьей планеты" со свинообразным инопланетянином - космическим пиратом, который демонстрировал чудеса подлости. Если попытаться быть справедливым, то нужно заметить, что все эти чудеса не были более подлыми, чем то, что широко и постоянно демонстрировалось в интригах разного рода от партийных до внутризаводских, но свино-внешность Весельчака придавала им порицаемое качество в оценках зрителей.
- ... от названия, товарищ Нефедов, ничего не меняется, - тонким голоском выговаривал Весельчак, - Наука наукой, а порнография, извините, порнографией!
- он чуть не задохнулся от праведного негодования, так ему не хватало воздуха, и он часто сглатывал.
- Вы не поняли суть происходящего. С таким настроем дискутировать бесполезно, - относительно спокойно сказал Нефертити.
- Дискутировать?! - у дылды брови полезли на залысину лба, - Единственное, о чем мы вас сейчас предупреждаем: не смейте более проводить свои сеансы, пока мы не решим по вашему делу. Не изолировать же вас, в самом деле, до тех пор! И не смотрите так!!! - дылда покрылся крупной испариной, и предательски трясущейся рукой полез в карман за платком.
- По любому, зачем так кричать на компетентного человека? - спокойно вступил Сквозняков.
Дылда вздрогнул и повернулся к нему:
- Это кто вы?
- Простите, вы - парторг, если я не ошибаюсь?.. А я - корреспондент. Давайте говорить, оставаясь на этих позициях.
- Ну вот, корреспондента нам тут не хватало! - взвизгнул толстяк.
- Я вижу, вы поставили то, что происходило на лекции в вину лектору? - Сквозняков зачем-то расстегнул свою сумку к порылся в ней.
- Безусловно, - кивнул дылда, косясь на сумку, - но, думаю, это наш внутренний конфликт, и он не характерен... - дылда неопределенно покрутил головой.
- Я тоже был на лекции, - Сквозняков неторопливо обвел глазами стоявших и пожал плечами, - впечатление ошеломляющее. Такие возможности и перспективы! Все, насколько я понимаю, научно обосновано. Григорий Савельевич просто...
- В том-то и дело, товарищ корреспондент, что вы на понимаете!..
- А вот со мной был и товарищ Травкин, - Сквозняков подтянул Вадима за локоть, - мне его рекомендовали как ведущего специалиста. Думаю, он-то понимает?
- Да ясно тут, - Вадим мрачно ухмыльнулся, - напрасно вы шьете аморалку Григорию Савельевичу. Он не отвечает за наши мысли. Вот, к примеру, - Вадим пристально посмотрел на дылду и гадко подмигнул, - вы сейчас вообразите это самое... В подробностях... Ну, разве я виноват в чем-нибудь?
Дылда брезгливо тряхнул головой, отгоняя наваждение:
- Неправда. И ваш глупый опыт не удался.

- Удался, - буркнул Нефертити и ухмыльнулся в усы, - значит так, дорогие не коллеги. Я к вашим услугам сегодня после работы, заходите, - он повернулся и зашагал прочь по коридору.
- Я не пойду к нему! - возмущенно отрезал дылда, с вызовом уставившись на толстяка.
- Да уж, - запыхтел тот, - и управы-то нет... не те времена уже....
Сквозняков с Травкиным нагнали Нефертити. Тот взглянул на попутчиков и вспомнил:
- Вадик, я прочитал твою рукопись.
- И?
- Очень хорошо! Даже было подумал, уж не причастен ли ты... ну об этом, мы еще поговорим. А вот, товарищ корреспондент, скажите, пожалуйста, что вы намерены делать с фотографиями?
Вадим прыснул от смеха:
- Дело в том, Дима, что это было внушение. Иллюзия. А нечистая сила теней не оставляет, даже на фотографии.
В те стародавние времени даже на флагманском никоне не было возможности посмотреть сразу результат съемки: он фотал на пленку.
Они остановились у двери, на которой кроме номера не было ничего, если не считать процарапанного наспех чем-то острым черепа с костями.
- Жаль, если это так, - разочарованно сник Сквозняков.
- Вы пока не показывайте никому эти фотографии, - выразительно попросил Нефертити полушепотом сообщника, - буквально еще несколько дней, договорились?..
У Вадима медленно округлились глаза:
- Разве там что-то могло получиться?!
- Спокойно, Вадик... Завтра утром мы поговорим. Извините меня, нужно кое-что сделать срочно, - Нефертити виновато хмыкнул, щелкнул замком и скрылся за дверью.
Несколько секунд Вадим растерянно смотрел на мстительно выцарапанный кем-то череп под номером на двери и пытался найти всему правдоподобное объяснение.
- Сильный мужик! - заметил Сквозняков, - Два года назад мы имели дело с одним экстрасенсом, но разве можно сравнивать?
- Пойдем ко мне? - Травкин набрал код, но дверь молчала.
- Пароль что ли сменили?.. - Травкин постучал.
Сквозняков посмотрел на часы, - Вообще-то мне еще в одно место на съемку надо.
Дверь открылась.
- Быстрее заходите! - раздался женский голос.
Сквозняков послушно шагнул в комнату и смущенно остановился. Чуть прищурившись, на него смотрела та самая девушка, а над ее головой широкими кругами с громким фыркающим звуком летал попугай, ловко лавируя в сплетениях стеллажей.
Девушка виновато улыбнулась:
- Кеша вылететь может...

Попугай уселся чуть выше человеческого роста на бронированный кабель, образовав на фоне приборов великолепный кадр "Девушка и попугай", но Сквозняков не посмел словить эту удачу.
- Вы уже знакомы? - неуверенно спросил Вадим.
- Можно я попробую угадать ваше имя? - поспешил спросить Дмитрий у девушки.
- Попробуйте!
- Наташа.
- Вадька сказал?
- Нет, - Травкин честно вылупил глаза.
Сквозняков довольно ухмыльнулся:
- Я почтя наверняка могу по лицу назвать имя. Здесь определенно есть соответствие. А меня зовут Дима, - он чуть кивнул головой.
- Очень приятно. Пойдемте чай пить, я только что приготовила, Сквозняков еще более демонстративно посмотрел на часы:
- Только ненадолго...
Они гуськом прошли между стеллажами, опять вспугнули Кешу и под его фыркающее порхание уселись за стол.
- Мне попугая Вадим подарил на день рождения, - призналась Наташа, разливая чай, - Держать его приходится здесь потому, что в обшей комнате его выпускать нельзя, слишком часто открывают дверь. Так и хожу его кормить и прогуливать.
- Напрасно ты с лекции ушла! - сказал Вадим, - откусывая традиционный глазированный пряник.
- Было не так ужасно, как в прошлый раз?
- Не знаю, как у вас было в прошлый раз, - встрял Сквозняков, - но такое уже никогда не забудешь.
- Так ты же и в прошлый раз убежала! Откуда знаешь, что было ужасно?
- Да все только и говорят.
- Понятно, что говорят, - Сквозняков отхлебнул, - Так у человека и крыша может поехать, а если он не свихнется, то и прежним не останется. Мне все это по силе потрясения напомнило недавнее... - он запнулся.
- Если что-то личное, можешь не рассказывать, - посоветовал Вадим.
- Да ничего. Прихожу вечером к сестре - у нее свой дом. Захожу, а в передней ее мужик лежит с дырой в голове. Рядом ружье. Я сразу понял, что это - финиш. Парень такой добродушный был - дальше некуда. И на морду смазливый и не дурак и все, в общем-то, у них было. А тут... такое... Потом увидел записку: "Нет смысла жить дальше. Ввел шприцем в вену воздух. Смерть не наступает. Остается ружье." Так вот...
- А дети у них были? - тихо спросила Наташа.
- Детей не было, - кивнул Сквозняков,
- Тогда понятно.
Кеша спланировал над самыми головами и уселся на свою клетку.
- Такие случаи все переворачивают. У меня вот тоже, - в тон Сквознякову заговорил Вадим, - со вчерашнего дня все не так. Никак вот не могу начать работать.
Сквозняков одним глотком допил чай и засобирался.
- Не подумай, что я тебя гоню, - смутился Вадим.

- Мне давно идти надо, спасибо вам, - Сквозняков поднялся, - Я позвоню, когда снимки будут готовы, интересно, чем кончится...
- А чем это может кончится? - Вадим пожал плечами и токе встал.
- Кто знает. Ну, до свидания, - он кивнул Наташе и пошел к двери, - Как у вас открывается?
- Сейчас, - Вадим проводил Сквознякова и, вернувшись к столу, сел на свое место. Наташа, встав на стул, задвинула в клетку поддон зерна и сменила воду.
Тут Травкин понял, чего еще не хватает в цепи сегодняшних событий. Не успев как следует осознать это, он поднял голову и опрометчиво, совсем как в советских фильмах сказал:
- Наташа! Выходи за меня замуж.
Вот так просто, но деловито, искренне и решительно.
Казалось, она ждала этого и, не допуская шутки, как-то очень спокойно и плавно, как во сне, повернулась, осторожно сошла со стула и безвольно встала, опустив глаза. На лбу у нее собралась горькая складка, одна бровь чуть приподнялась и тонкое лицо заострилось. Вадим испугался.
- Ты же знаешь, я серьезно... - он встал. Она вздрогнула и быстро отступила.
- Не надо, Вадим, - в ее глазах заблестели злые искорки, - Я ни от кого не хочу слышать этих слов и особенно от тебя...
- Извини... Какой я дурак... мне почему-то казалось... - он тряхнул головой и что-то было в его облике такое, отчего Наташа смягчилась. В ней произошла борьба, и она трагически покачала головой:
- Ты просто не знаешь...
Вадим с замиранием посмотрел на ее бледнеющее лицо.
- Ну так скажи, клянусь, что все пойму правильно...
- Тогда, помоги мне! - задыхаясь, она вдруг начала расстегивать пуговицы платья, и Вадим оцепенел. Наташа, не дожидаясь его помощи, рванула одежду, и Вадим с ужасом увидел омерзительную язву или дефект на ее теле - в целом это не укладывалось у него в сознании.
- Вылечи меня! - сдавленно вскрикнула Наташа и дрожащими пальцами принялась торопливо застегиваться. Она вдруг начала икать и, заплакала жалобно, как ребенок. Потом села за стол, уронив голову на руки.
Вадим с застывшими от смятения мыслями подался к ней, принялся гладить ее длинные, неожиданно жесткие волосы и от этих прикосновений все внутри у него рвалось на части.
Потом он сел рядом. Она подняла голову, почти придя в себя, с испугом посмотрела на него.
- Наташа, - он глупо улыбнулся, - это ничего не меняет...
Она грустно покачала головой.
- Конечно не меняет! - Вадим заговорил уверенней. - Ты только стала мне ближе, и я многое понял. Не знаю кем бы ты была иначе, но сейчас ты удивительная девушка. Я таких не встречал... А это мы вылечим.
- Пока я такая, Вадим, - медленно и тихо сказала Наташа, - пока я такая... у нас все будет по-старому, - она поднялась, чуть пошатнулась на каблуках и вышла из комнаты.
Никто не знает почему женщины принимают подобные решения за всех и на все

будущее, несмотря на очевидную абсурдность. Сами женщины - тоже не знают. Да и решениями это не назовешь потому как явно ничего не обдумывалось, а творится в порыве по наитию.
И, все же, были те, кто это понять может - именно разумом, те, кто разобрался, как и почему возникают реакции, когда не было времени их осознать. Нефертити или Вадим - вполне разобрались, но первый просто был не в теме, а второму и в голову не приходило анализировать поведение той, от которой у него давно уже самого сносило крышу.
День разделился на две части. Полоса поражающих воображение событий заканчивалась и оставалось ждать какой-то явно неизбежной развязки. Вадим отчетливо ощущал это. Как бы готовясь к финальному стрессу, мысли постепенно освобождались от напряжения. Чтобы помочь этому и отвлечься, он принялся разбираться со своим синаптическим коммутатором на тысячу цепей, - единственное, чего пока не хватало для макетной реализации его представлений об организации мозга. Как минимум, необходимо было иметь около миллиона таких вот коммутаторов, да еще с коннекторами хотя бы раз в десять меньше. Он и сам не знал, на что надеялся.
В дверь постучали, Вадим потянулся к фарфоровой унитазной ручке, - неизменному атрибуту всех туалетов того времени, подвешенной на толстой леске, идущей до двери, потянул ее, дверь и отомкнулась. Эта система не была нарочитым приколом юмора, - она всеми воспринималась совершенно естественно - как одна из многих самоделок.
В то время купить можно было очень ограниченный по функциональности набор изделий, а все хоть сколько-то нетривиальное приходилось изобретать самому. Кроме специализированных магазинов со всяким хламом, был еще один источник материала для самоделок: склады вторцветмета, никем не огороженные и доступные для всех самоделкиных. Поддатые охранники, лениво матерясь, взимали символическую плату, и то редко.
Когда возникала альтернатива: делать дистанционный открыватель двери, скажем, в виде электронной системы, потратив уйму времени или же просто приспособить что-то подручное, но с не меньшей, а подчас и более надежной функциональностью, конечно же, Вадим выбрал второе. Нельзя сказать, что система была полностью лишена эстетической составляющей потому как при каждом спускательном дергании ручки, когда из дверного проема выплывал взлохмаченно-озабоченный шеф, это доставляло Вадиму именно эстетическое самоудовлетворение. И поэтому он неплохо научился по манере стучания в дверь распознавать стучащего. Если это была Наташа, то он сам подходил к двери. Иногда он даже, в нарушении строгого указа сообщал ей четыре цифры кода двери, в то время как шеф никогда не был в состоянии их запомнить, даже не пытался.
В комнату вплыл трагически взлохмаченный шеф без определенных намерений.
- Ты чего лыбишься?... Ширинка у меня, вроде, застегнута, - он убедился в этом рукой, строго посмотрел, как Кеша клюет зерно, смешно проворачиваясь на жердочке вниз головой, потом подошел к Вадиму и принялся дышать ему через плечо. Это Вадим в нем больше всего недолюбливал.
- Вы что-то хотели, Юрий Михайлович?

- Ты это, Вадик, про отчет не забывай. Отпечатать еще нужно успеть. Это сейчас - самое важное, а ты не понимаешь, вот опять своим нейроном занимаешься...
- Надо же довести до конца. Статью-то написал, а еще ни фига не проверено.
- Нужно уметь вычленять главное из второстепенного. Конца у тебя никогда не будет. А вот излишняя категоричность и своеволие без учета реальных обстоятельств у тебя уже есть. Кстати, в статье это так и выпирает.
- Ну так пришлось все лаконично излагать, без политики и угождению заказчикам.
- Ты слишком торопишься, хочешь все сразу...
- Знаете, Юрий Михайлович, вот вы мне помогаете советами по статье, а я не могу тем же вам помочь, так жаль... Но может быть и вы что-нибудь готовите к публикации?
Шеф выпрямился, поджал губы и засопел.
- Пока не готовлю, - сказал он наконец сухо, постоял еще немного и, сердито шмыгнув носом, пошел к двери, - если отчет завалишь, будешь козлом... отпущения.
В этот день в комнату часто стучались всякие, и Вадим механически дергал ручку, и только Наташа больше не заходила. А он не мог решиться заглянуть в соседнюю комнату, упрекал себя в малодушии, хотя ему просто не с чем было появляться перед ней. И только к концу дня созрело совершенно очевидное для него убеждение, что если кто и может как-то помочь, то это - Нефертити. Вадим и сам не мог обосновать такого вывода, к нему его подталкивала зыбкая интуиция. Все сразу отошло на второй план, не говоря о ненавистном отчете.
Он выскочил из комнаты и в несколько порывистых шагов оказался около выцарапанного черепа, но дверь не отзывалась на стук и не поддавалась как приклеенная. С досадой Вадим вернулся к себе, отложив визит до утра.
По дороге домой он купил себе килограмм пломбира вразвес, залил домашним клубничным вареньем и съел минут за десять под музыку самодельного усилителя, самодельных колонок и самодельного магнитофона.

Поутру, вежливо выждав полчаса, Травкин направился, к резиденции Нефертити. Но там что-то происходило непонятное...
Около двери, распахнутой настежь, толпились сотрудники как это бывает на месте трагического происшествия. Тут же стоял осунувшийся, беспомощный и в то же время предельно официозный директор. Шеф Травкина, держа в охапке большую бордовую штору, протиснулся в комнату. Вадим успел шагнуть следом за ним, несмотря на предостерегающие возгласы.
Прямо на полу, рядом с поваленным креслом, угловато и неестественно подогнув конечности, лежал Нефертити с ненормально подвернутой головой и в очень странном, заляпанном слизью, костюме. Волосы на голове были взъерошены, со слипшимися от крови прядями. Все это Вадим заметил до того, как шеф накрыл тело бордовой шторой.
- Юрии Михайлович! - губы у Вадима стягивало, и слова давались с трудом. - Что случилось?
Шеф порывисто обернулся, заметил Травкина и досадливо сморщился.
- Ай, Вадим... слушай, пойди на улицу, встреть там, - он растеряно потряс ладонью,

- А, вот, уже приехали...
В комнату деловито зашли двое мужчин в халатах. Один из них тут же отвернул штору и внимательно вгляделся. Его лицо вытянулось, глаза расширились.
- Милицию вызывали?
- Да, конечно, - четко ответил подошедший директор, - Как вы думаете, что здесь произошло?
- Огнестрельная рана, смертельная, но почему-то уже затянувшаяся, - врач пожал плечами, - странно...
Шеф рядом нервно шмыгнул носом.
- Посмертные фокусы Нефедова, - прошипел кто-то вполголоса.
Вадим заметил шрам, идущий от левой скулы к виску. Странно, что это был именно шрам, а не огнестрельная рана. Грубые сросшиеся края, еще испачканные кровью и грязью, производили жуткое впечатление. Еще эта слизь...
Врач потрогал шею и нажал на глаз.
- Смерть наступила примерно час назад. Я такого никогда не видел, - заявил врач, - тут нужна экспертиза, - он значительно посмотрел на директора, - криминалистическая.
Директор еще более заметно осунулся.
Вадим, все более теряясь, с изумлением разглядывал детали костюма, скорее даже штормового комбинезона, со множеством карманов и непонятных приспособлений. Тут в нос явственно пахнуло мочой, дыхание перехватило и его чуть не стошнило. Сжав челюсти, Вадим поспешно вышел из комнаты и, сильно смущаясь своей непослушной скованной походки, прошел мимо сотрудников к своей комнате, совершенно ничего не соображая.
Дверь открылась прежним кодом. Звонил телефон. Вадим, виртуозно лавируя, подскочил к аппарату и сорвал трубку, но опоздал. Это был типовой стационарный аппарат с дисковым номеронабирателем и без определителя номера. Других тогда не существовало. Через минуту снова позвонили. Это был Дима.
- Вадик! - кричал он, - Осьминог получился во всех подробностях! И стул самый настоящий. Ну, что скажешь?
- Нефертити убили, - промямлил Вадим.
- Что?.. Не понял.
Вадим откашлялся и повторил членоразборчивей:
- Сегодня Нефедова нашли мертвым в его комнате. С пулевой раной в голове.
- Ни хрена се....
- Все очень странно. Даже врач ничего не понял.
- Так. Я сейчас буду! - в трубке раздались гудки, и Вадим прихлопнул ею аппарат. Ему стало немного легче.
Он апатично сел за свой стол. Так, нужно отвлечься! Он вспомнил о давнем намерении, для претворения которого было самое подходящее время потому как больше ничем он не мог бы заниматься. Открыл дверцу тумбы. Ящики в столе были набиты кипами накопившихся бумаг, и Вадим принялся разбирать их. Занятие понемногу увлекло его.
Бумаги отражали историю его жизни в ОКБ ИИ, - настолько специфичную для

того времени, что вряд ли ее, безусловно правдиво задокументированные факты поддаются разумному осмыслению сегодня.
Были здесь бескомпромиссные и наивные методики вычисления коэффициента трудового участия каждого члена коллектива в отдельности, не им задуманные, но беспощадно им раскритикованные в приложении, что непримиримо разгневало главного экономиста, которому было поручено адаптировать оплату труда к реалиям перестройки. Поэтому КТУ не был принят к большому облегчению товарищей-дармоедов, а честно-прогрессивные усилия Травкина опять остались не востребованы. Его же заумно несовместимая с существующими представлениями система оплачиваемых заданий тем более никем не была одобрена как явное покушение на принципы, которыми никто не желал поступаться.
Сохранилась копия насмешливо-серьезного письма, сочиненного им первого апреля и врученного задумчивому, не от мира сего сотруднику, который, однако, умел вставить слово на собраниях. Письмо как бы было от имени влюбленной в него сотрудницы. Парень трагически не сопоставил событие с датой и совсем ушел в мир внутренних прореживаний, замкнувшись на неделю.
Вот грязноватые листы потрепанной в жестоких дебатах анкеты-теста для выявления злостности бюрократов и бесполезности паразитов трудового коллектива, почти единодушно отбойкотированной самим же трудовым коллективом, что, фактически, оказалось тестом на количество таких паразитов.
А вот аккуратная из-за невостребованности стопка рукописных листов, где аргументировано обосновывалась абсолютная невозможность выполнения взятого тематического плана. Но план искусными махинациями шефов был исполнен на уровне отчетов при полном одобрении нормоконтроля и без каких-либо претензий проверяющих.
Взяв в руки копию докладной записки, поданной против него, Вадим остро воскресил память происшедшего и молча выматерился. Здесь живописалась история с вахтером, которого Травкин обозвал козлом, когда тот не пожелал узнавать его без удостоверения в выходной день. Игнорируя не отдаваемые вахтером ключи, он тогда проник в свою лабораторию коварно-изощренным способом, который Вадим простодушно пояснил юрисконсульту, исполняющему судейские обязанности, при понятых. У него и не было другого выхода: нужно было продолжить работу, которую настоятельно просили его выполнить в выходные, чтобы не обрушить план. Через час к нему ворвалась группа захвата, вызванная обезумевшим вахтером. Руководство вняло обстоятельствам, было благодарным за работу, но осталось верным понятиям и вкатило выговор.
Не менее адренализирующие воспоминания вызывали материалы о странном соперничестве с молчаливым и бесполезным сотрудником, тем самым, что смертельно побледнел, прочитав первоапрельский стишок. Он целый год разрабатывал прибор по теме и завалил испытания. Вадим благородно вызвался за месяц исправить положение, и сделал это уже через двадцать дней, сотворив все на другом принципе. Но именно старый принцип был защищен авторским свидетельством, полученным большой и влиятельной группой примазавшихся товарищей. Это было недопустимо, опять же, попирало понятия справедливости, ведь за внедрение всем авторам светило немалое вознаграждение... Поэтому

внедряли именно неработающий прибор, показавший приемлемые характеристики, пусть не в реальности, но на уровне отчета на бумаге, что оказалось гораздо удобнее, чем в реальности.
Не жизнь, а сплошной абсурд. Вадим вздохнул и отвалился на стуле. Мысли и поступки людей в его убеждении были надуманы и нелепы, начинания запутаны, их пути извилисты. Люди по-прежнему не понимали и не доверяли друг другу потому, что их почти ничего не связывало кроме самой общей Коммунистической Идеи, которая более, чем идея никогда никем не использовалась.
По-прежнему то, что Вадим делал, много раз убеждаясь в верности своей работы, он не мог не только воплотить реально, но даже опубликовать результаты. Соответственно, на полках ОКБ ИИ годами хранились никому не нужные ящики и ящички опытно-промышленных образцов. Строго и всегда соблюдалась только самая общая диалектика: инициатива была наказуема.
Вадим сложил папки и, наполовину высунувшись, выглянул в открытое окно. Внезапно возникло общее ощущение неминуемости ветра перемен. Требовательно раскричался Кеша, и Вадим осознал, что Наташа и на этот раз не пришла кормить попугая. Он встал на стул и вытащил поддон из клетки. Щелкнул запор у двери, и совершенно неожидаемо в комнату протиснулся осунувшийся шеф, чудесным образом справившийся с вспоминанием кода.
- Что, Юрий Мизалый, наконец-то код запомнили?
Тот удивленно замотал головой:
- Нет, не помню! Как-то само получилось если не думать, - он досадливо махнул рукой.
- Вадик, я это... поеду сейчас сопровождать тело, а ты, пожалуйста, если с завода придут сам поговори с ними.
- Понял. А как там?.. - Вадим почти сочувственно посмотрел на шефа и продолжил замену фуража птице, - Что-нибудь прояснилось?
Шеф вытащил измятый платок и промокнул лоб.
- Теперь не расхлебаешь! - он болезненно наморщился, - Шмотки у него, оказывается, штатовские, чуть ли не "зеленых беретов", штучки всякие импортные в карманах, и зачем-то целая горсть охотничьей дроби. Ну и, предел всему, абсолютно не понимаю, - шеф ввинтил себе палец в висок и втянул голосу в плечи, - на кой черт ему нужен был пистолет, да еще не наш какой-то?
- Так он что, сам застрелился? - Вадим, оставив клетку открытой, слез со стула и встал перед шефом.
- Да теперь какая разница при таких уликах?! Шпион какой-то! Я вообще не знал, куда деваться, что сказать! - заметался шеф, - Ты бы видел Весельчака! Катался там перед всеми, заглядывал в глаза и пищал, что Нефедов зазывал его вчера в свою комнату после работы, чтобы разделаться за критику порнографического шоу.
- Вот падла, - не выдержал Вадим, - проникаясь сочувствием к шефу.
- Пойду я, - шеф с разгона преодолел узкое место между стеллажами и выбросился из комнаты.
Вадим вернулся к своим бумагам и почти закончил разбирать их, как в дверь постучали незнакомым пока еще стуком. Вадим чуть подумал и дернул ручку.
- Быстрее, Кеша летает! - крикнул он, и в комнату заскочил Дима.

- Привет, - он энергично приблизился, протянул руку Вадиму и уселся рядом. Молча раскрыв сумку, вытащил несколько больших фотографий.
Вадим в глубокой задумчивости уставился в них.
- Обрати внимание, - подсказал Дима, - Нефертити явно видит эту тварь, но ему пофиг! Я бы спятил от такого соседства, а он - хоть бы что.
Попугай сделал широкий круг и неожиданно уселся на стол рядом с фотографиями. Вид у него был такой заинтересованный, что Вадим вздрогнул.
- Ты чего, Кеша?
- Вот такая фантастика, - продолжал Дима, - Помнишь, в конце сеанса все думали про инопланетян и появилась эта штуковина?
В то историческое время контакты с инопланетянами ожидались чуть ли не с минуты на минуту, и любые странности люди склонны были приписывать им потому, что других объяснений, которыми в огромном ассортименте пользуются объяснители невероятного сегодня, тогда еще не существовало.
- Возможно, это страшилище с ним сотрудничает и решило, что ее вызывают? - разматывал ниточку версии Дима, - А тут столько народу, все и раскрылось. За такое предательство они его и прикончили. А пистолет могли подбросить.
Попутай топтался на месте и крутил головой, как если бы ему что-то там мешало, изредка вскрикивая совсем не по-попугайски.
- Что это с ним? - заинтересовался Дима.
- Да ну его! Тут как бы самим не шизнуться, - Вадим покрутил ладошкой вокруг головы. - Нужно решить, что делать дальше.
- А если всех свидетелей и нас тоже уберут? - Дима многозначительно кивнул на фотографии, - У Нефертити что-нибудь нашли необычное?
- Много всякого заграничного, включая одежду и пистолет. Его за шпиона принимают. А про осьминога уже никто не вспоминает потому, что после праведного визга Весельчака у них в голове осталась одна порнография.
- Добраться бы до его вещей. Как мне, однако, везет на мертвецов в последнее время! Знаешь, я думаю, что хоть Нефертити и просил повременить с публикацией, но теперь все меняется и как раз стоит поторопиться.
- Я тоже так думаю... Давай, Дима!
- Без проблем, позвоню сейчас, там у меня друг мигом отнесет в редакцию, - Сквозняков потянулся к телефону, и тут попугай возбужденно захлопал крыльями, заорал и отлетел к стенке, запутавшись в проводах макета.
Позади что-то тяжко вздохнуло и телефонный аппарат накрыла черная лапа с розовыми когтями.
Пахнуло густым ароматом кофе и парни, оцепенев от предчувствий, с усилием развернулись, готовые умереть в любую секунду.
Широко расставив ноги и небрежно привалившись мощным задом в зеленых шортах к лабораторному столу, стоял огромный негр. На нем еще была лишь непропорционально маленькая разрисованная майка, прикрывающая грудь и верх живота. Он что-то жевал и добродушно улыбался толстенными губами.
Неторопливо убрав лапу с аппарата, он молча пожал плечищами и развел руки, типа "не в обиде, мужики, но не дам".
Парни смотрели на это чудо в полном параличе целую минуту, а оно жевало и ничем не мешало таращится на себя.

Наконец негр подмигнул и растаял, оставив после себя запах кофе.
На его месте неторопливо воплотился несколько полноватый крепыш с рыжеватой бородой, в плотном свитере, торопливо застегивая ширинку как это бывает с мужиками, выходящими из общественного туалета. Маленькие глазки моргали как спросонья.
- Сейчас я, минуточку, - чуть затягивая слова, пробасил он, приводя себя в порядок, - Ну и жарища тут у вас, - он скривился и с любопытством посмотрел в окно. - А-а.... разденусь, - он стянул с себя свитер и остался в рубашке.
- Привет, мужики, не обессудьте, что вас так...
- Кто вы? - почти шепотом спросил Сквозняков.
- Я из Беличана. Слыхали?
- В Сибири, что ли? - наморщился Вадик.
- На Колыме, вообще-то. Как-нибудь покажу, не пожалеете. Утиная охота, Марджот - это гора такая у нас...- он зевнул, - За Усть-Нерой места. Таких больше нигде... Задремал вот после ужина. Белкин я, Сергей Петрович, - он протянул руку Сквознякову, а затем Травкину. Вас я знал раньше, через Нефедова.
- А что с ним, вы в курсе? - заговорил Травкин.
- Непредвиденное обстоятельство, - угрюмо пробасил Белкин и Вадиму показалось неискренним его сожаление, - Поэтому я и здесь. Тебя, - он с уважением посмотрел на Травкина, - Нефедов рекомендовал, я собирался к тебе заявиться, вот и высыпался заранее. Пояса часовые у нас почти как с Америкой. А тут Джон разбудил, заметил, что вы Чиполлину торопитесь обнародовать.
- Что за Чиполлино? - решился уточнить Сквозняков.
- Ну, этот осьминог, Белкин ухмыльнулся и кивнул на разбросанные фото.
Вадим тяжело вздохнул и помотал головой.
- Я ни черта не понимаю... Что за Джон, почему он следил за нами? Что вообще происходит, и кто вы вообще такие?.. - Вадим подтолкнул ногой стул из-за стола.
Белкин без возражений со скрипом уселся, привалившись к столу.
- В двух словах. Джон поглядывал сюда с сегодняшнего утра, посредством этого самого попугая, - Белкин ткнул большим пальнем себе за спину, где изредка хлопал крыльями Кеша. - У него в башке есть такая штучка... концентратор, мы ему вместе с зерном скормили, и теперь Кеша - наш терминал. Сами мы люди с ба-альшими возможностями, ну, скоро узнаете. А Нефедов, как сами понимаете, тоже с нами был...
- Что за организация? - спросил Вадим, холодея от мыслей, что связался с террористами.
- И почему он погиб? - настороженно спросил Сквозняков.
- Могу прямо сейчас показать запись, что было, если вы без предрассудков... Сами все увидите.
Вадим посмотрел на Скзознякова. Оба ощутили волну беспокойства, но нужно было что-то делать.
- Показывайте...
- Ну и чудно, - Белкин ухмыльнулся, видимо предвкушая, - Все как в жизни будет! - задорно пообещал он и весело подергал себя за бороду, - Значит так. Просьба. Если что, вопить не надо. Это понятно?
Сквозняков окаменел лицом, а Вадим сурово кивнул и напрягся, усевшись

поплотнее и ухватившись руками за сидение чтобы не улететь ненароком в открытый космос. И не напрасно.
В следующий момент Вадима прошибло болезненной сменой ментальности, и он стал мыслить, как чужой человек на фоне далекого эха его собственного сознания. Он устало продирался в гнетуще-сумрачном лесу среди невозможно огромных кряжистых исполинских деревьев, черно-зелеными громадами закрывающих небо. Отслаивающаяся кора топорщилась на стволах уродливыми пористыми глыбами, заросшими травой и зелеными кустиками. К густому, сладковатому запаху невозможно было привыкнуть.
С каждым шагом беспрестанно шевелящаяся травяная масса оплетала ноги и приходилось с мерзким чмоканьем отрывать их, на что уходило немало сил. Сверху невесомо опускались радужные шарики, попадая на одежду, бесшумно лопались, и оттуда расползалась и разлеталась какая-то мелочь. Частые глубокие рытвины, предательски замаскированные ровным волнующимся сине-зеленым ковром, особенно изматывали и, проваливаясь, он каждый раз в бессильной ярости выдыхал односложное ругательство. Зловещие белесые струи изредка появлялись из-за стволов и, змеясь длинной лентой, пролетали мимо низко над травой. Каждый раз сковывающий холодок продирал изнутри, хотелось застыть и слиться с деревьями.
Все это не очень походило на напутственные описания места встречи, но чужой канал связи привел его сюда и оставил в этих дебрях. Одно лишь совпадало: здесь относительно сносно дышалось, хотя от спертого духа иногда перехватывало горло.
Он начал было перебираться через поваленную ветку-бревно, покрытую колючей чешуей, но, перекинув ногу, так и остался, усевшись в изнеможении. Задрожавшей от внезапной слабости рукой он достал сигареты, вытащил из пачки одну зубами, выронив на траву еще несколько, и закурил.
Все-таки отличный костюм порекомендовал ему Джон. Так комфортно в нем и будто совсем не весит.
Тускло переливающиеся пузырьки лопались вокруг, а он опустошенно смотрел на них, стараясь, чтобы нечисть не попала в глаз, и изредка подносил сигарету ко рту. Может быть, и не нужно никуда идти дальше?
Что-то больно кольнуло снизу. Он попытался вскочить, но ноги оказались крепко оплетенными живой травой, а снизу все плотнее в одежду впивались новые острые кончики. Они протыкали ее насквозь и впивались в тело. Зарычав, он вытащил нож и принялся кромсать приставшую траву, тараща глаза сквозь слезы.
Вырвавшись, он повернулся и увидел, что высидел на бревне множество тонких стрелок, которые на глазах еще немного вытянулись, но заряд роста оказался невелик и жесткая щетина замерла, ожидая. Он плюнул в гущу, там все радостно зазеленело и полезло вверх. Земной мат неслыханным в этих местах звуком канул в чащу.
Сверху что громоподобно затрещало, он испуганно вскинул голову. Обломившаяся гигантская ветвь зацепилась и повисла, оттуда полетели мелкие ветки и труха, а рядом гулко шлепнулась черная жирно лоснящаяся масса. Едко пахнуло чем-то хвойным.

Вскоре отовсюду потянулись длинные белесые шлейфы, обволакивая клубящимся облаком добычу. Стараясь резко не двигаться, он отстранился, часто переступая, чтобы опять не завязнуть в хищной траве, заметил рядом на возвышении покрытый ржавым мхом каменный выступ, забрался на наго и с облегчением расслабился.
С тех пор как он попал сюда, еще не удалось даже как следует оглядеться. Может быть, чужой канал, что привел его сюда, заброшен?
Он наклонился и сорвал жесткую и острую травинку. Капелька сока при этом брызнула ему в лицо. Он торопливо отерся. Стебелек в руке чуть потемнел, медленно извиваясь вокруг пальца. Он брезгливо отщелкнул растение и поднялся.
Открыть что ли интерфейс посоветоваться? Только вот с кем? И, все-таки, отсюда рискованно. Нужно еще немного подождать. Однажды было...
Сбоку раздался душераздирающий крик ребенка. Он вздрогнул, повернулся и увидел тускло отблескивающие глаза небольшого зверька, вцепившегося непропорционально длинными когтями в глыбу коры на необъятном стволе. Вздыбив шерсть, зверь стремительно метнулся вверх по стволу. Сверху упала гроздь узких сухих листьев.
Пытаясь разглядеть зверька среди ветвей, он долго всматривался, а когда опустил глаза, то на склоне своего бугра обнаружил две большие медленно расползающиеся малиновые кляксы. Трава по краям этих амеб стелилась в разные стороны как от сильного ветра и мелко вибрировала. Кляксы не спеша и синхронно переливались вверх по склону, оставляя за собой рыхлую выжженную землю. Они добрались до верхней точки, замерли и замерцали как два экрана с едва уловимыми иероглифами.
Ну вот, это уже другое дело. Они открыли какой-то свой терминал. Не похоже на гуманоидные существа. В прошлый раз общение получалось намного понятнее. Значит решили еще более снизить интеллектуальный уровень контакта, чтобы найти хоть что-нибудь общее.
Центры клякс вздыбились столбиками, сплелись как змеи и слились, образовав гриб с перекатывающимися по всей поверхности буграми. Что если бросить в них горсть концентраторов? Может быть, удастся идентифицировать их канал? Если только он есть.
Тело вроде бы аморфное и шарики концентраторов могут попасть рядом с их встроенным каналом. Как было бы заманчиво засечь их местоположение!
Он нерешительно сунул руку в карман и нащупал охотничью дробь. В шляпке гриба образовалось небольшое отверстие. Что-то метнулось к нему длинными струями, он вскинул руки, закрывая лицо, но было поздно. Тягучая жидкость уже стекала за воротник, омерзительно леденя тело. Он оттер лицо и стряхнул мутный кисель с рук, брезгливо и растерянно кривя рот.
Тут открылся интерфейс, и привычное чувство общего восприятия приняло его сознание, вернуло уверенность. Чиполлино был очень встревожен, а операторы каналов категоричны: в жидкости идентифицировано множество чужих концентраторов. Его фокус с дробью опередили. Активность чужих концентраторов быстро увеличивалась. Значит они проникают в тело. Когда они подойдут достаточно близко к фокусу канала, находящегося в мозге, их

активность станет достаточной и чужаки смогут устремиться в канал. Остановить их будет невозможно.
Что за этим последует, если учесть полнее взаимное непонимание? Ну уж нет! Чужие концентраторы можно остановить, только прекратив обмен веществ в организме. Чиполино и Джон со свойственным им безжалостным юмором успокаивали: ничего, старик, засиделся ты в этой жизни биотерминалом, у всего есть свой конец. Пора остепениться в биосинте. Все понимаем, но ничего не сделаешь. Операторы паникуют: активность приближается к критической. Ну, давай, мужик, ты должен это сделать!
Он втянул носом глубоко удушающий приторный аромат, с неприязнью посмотрел на оседающий и щербатый как снег гриб, вытащил пистолет и передернул затвор. Очень захотелось пальнуть по малиновому бесформию, что-то подкатило к горлу, защемило и вдруг глупо стало жалко себя в этой жизни! Он удивленно посмотрел вокруг, поднимая пистолет к голове и последнее, что зафиксировалось - был упруго переливающийся шарик, парящий совсем рядом. Разом спала пелена чужого видения, и Вадим сощурился от света комнаты, более яркого, чем сумерки в том лесу. Зато воздух показался чудесно чистым.
Рядом неразборчиво что-то мямлил Дима, подавленный пережитым. Снисходительно сочувствуя, сопел Белкин, подергивая рыжую бороду. Другой пятерней он почесал футболку на груди и тихо пробасил: "Такие дела...".
Вадим сделал усилие, чтобы обрести себя и когда решил, что это ему удалось, заерзал и спросил:
- Так это что у вас, тайное общество какое-то шпионское, космического масштаба?
Белкин насмешливо воздел глаза:
- Ну, мы не экстремисты и свергать никого не собираемся!
- А появились вы как раз, когда я хотел позвонить в редакцию, - заметил Сквозняков.
- Неужели думаешь, что это было для кого-то опасно и вам вообще бы поверили? Просто нафига сырой материал давать? Еще одна дешевая сенсация? Разберитесь сначала сами как следует.
- И вы нам в этом посодействуете? - дружелюбнее поинтересовался Скзозняков.
- А разве уже не начали содействовать?
- Однако же, власти-то, наверное, ничего не подозревают, - добавил Вадим.
- Кое-кто из власти знает, - кивнул Белкин, - Все же, подумайте сами, как глупо было бы пытаться навязывать всем то, что понять может далеко не каждый. Мы открыты для тех, кто способен понять и фактически уже готов к подобной форме коммуникабельности. Вы, например.
- А товарища Нефедова вы дружно так приговорили, можно сказать, цинично даже подтрунивали, и я этого явно понять не готов, - Сквозняков посмотрел искоса.
Белкин вздохнул и ласково посмотрел на корреспондента,
- Ты же все сам видел... К этому трудно привыкнуть, - Белкин с хрустом размял пальцы. - Нефедов просто тело сбросил. Его интеллект давно сформирован в биосинте. Тела жалко, конечно. Удобный был терминал, - это мы так тела наши называем, чтобы не привязываться.

Вадим расширил глаза от пришедшей мысли и отвалился на стуле:
- Это что же, вроде бессмертия получается?
Тема бессмертия плотно встраивалась организаторами коммунизма в коллективное сознательное, как непременное завоевание советской науки, вместе с идеями дармового коммунизма. Членкор Академии Наук И. Шкловский в футуристическо-патриотической книге "Вселенная, Жизнь, Разум", заложил 120-летний генеральный план достижений науки и техники, где бессмертие обреталось человеком в 2090 году. А чуть ранее по порядку предсказывалось, что в 1970 будет создана ядерная ракета, 1980 - освоен термоядерный синтез, создание искусственного разума предусматривалось в 1990 году, в 2000 мы вовсю уже должны были колонизировать планеты, общаться телепатически и контролировать погоду. Контакты же с инопланетянами откладывались аж до 2100 года. В 2040 году должно было произойти таинственное явление: "обесчувствление"... и, более того, в 2060 - "разрушение пространства-времени", - перед самым бессмертием. Но все это - ерунда. Он предсказал самое интересное, то, к чему сводится вся рассказываемая здесь история: в 2090 году возникнет Мировой Мозг. Учитывая, что бессмертие обретается одновременно, остается предполагать, что путь к бессмертию - поголовное вовлечение в этот самый Мировой Мозг.
- Вот тебе, - Белкин посмотрел на Вадима, - сколько лет?
- Тридцать семь.
- Выглядишь, молодо. Так твое Я по сравнению с пятилетним и даже пятнадцатилетним изменилось настолько, что можно сказать, от того малолетнего Вадика ничего-то характерного и не осталось. Нет того мальчишки, а есть вот такой Вадим Романович, - совсем другой человек. Но смерти-то ведь не было. А вырастет у тебя сын, из чего он сложится? Из того, что у тебя переймет из опыта, повадок и, конечно, из чужого немало. Это в нем и будет главным, характерным. В нем твои повадки во-многом повторятся, но он еще лучше к жизни приспособится - уже к новой. Ты в немалой части в сыне окажешься. Не в меньшей, чем осталось в тебе от тебя же - мальчишки. А потом и по внукам разойдешься. Вот только ты ли это будешь? Дело условности определения. Но стоит ли это называть бессмертием? Или смертью? Эти понятия не подходят уже к такому более глубокому пониманию.
- А как же еще это можно называть? - поинтересовался Сквозняков.
- Мы привыкли играть в названия... - покачал головой Белкин и вдруг, вынув из кармана горсть отборных семечек, принялся смачно щелкать их, выплевывая шелуху прямо перед собой. Пролетая сантиметров пятнадцать, она бесследно исчезала.
Семечки в то время носили немалое значение межкультурного фона общения, ну как сегодня у гопоты. Отказываться было не принято, да никто и не думал отказываться.
- Берите! - Белкин протянул горсть Вадиму и отсыпал ему и Сквознякову, - Так вот. Не в названии дело. Одним названием суть не опишешь, а только можно обозначить что-то, какую-то определенную совокупность признаков, - он задумчиво засопел и, громко раскусив семечку, продолжал:
- А то видится вам уже тайное шпионское общество... Вот скажи, - Белкин опять

выбрал взглядом Вадима, - пустил бы ты к себе в дом чужого человека, чтоб кормить его, заботиться о нем как о родном?
- Ни фига се... вряд ли, - криво усмехнулся Вадим, рассматривая огромную семечку. Таких он никогда еще не видел.
- Естественно, - обрадовался Белкин, - ну с какой стати? Мало ли что? Вот если бы ты все знал о нем, чтоб мог как на себя положиться, довериться, да было бы между вами столько общего и интересного, чтоб вам вместе жить хотелось, тогда бы другое дело. Вот тогда между вами возможен был бы такой локальный коммунизм.
Последнее слово зазвенело в повисшей тишине особой, сакраментальной значимостью.
- А у меня шелуха не исчезает! - предъявил претензию Сквозняков.
- А она - обыкновенная, сама не исчезает. А, кстати!.. - остро почувствовав ключевой момент, продолжил Белкин, - коммунизм в предполагаемом варианте, требует выполнения этих же самых условий полного взаимного доверия между всеми людьми. Чувствуете смысл, мужики? Это значит, что нужно достаточно полное информационное объединение не только личностей, но и составляющих их культур.
- То есть... - протянул Сквозняков с горькой торжественностью, - коммунизм не достижим?.. О чем мы и раньше догадывались.
- А не надо так спешить, - вдруг назидательно осадил его Белкин, - надо слушать и понимать... Так вот, такое объединение биологическими, природными средствами не достижимо или нужна очень-очень долгая эволюция. Хотя тенденция такая есть в развитии любой культуры: вся истории человечества - это есть эволюция информационного объединения. Ну, а наше тайное шпионское общество - это такая его форма объединения не природными уже, а техническими средствами, когда находится место как примитивным, так и наивысшим уровням ее воплощения, во многих местах уже реализованным во Вселенной. И, естественно, каждый занимает там место, соответствующее своему пониманию. Вот так вот я ловко перевел разговор о бессмертии личности к коммунизму! Так что у нас в шайке не коммунизм, а гораздо круче.
- Ну а мы, конечно же, пока не доросли, - усмехнулся Сквозняков.
Белкин опять посмотрел на него как на ребенка и ухмыльнулся.
- Ладно, мужики, вы вроде не из тех, кто приключения любят только по телевизору. Мне кажется, что выбор вы сделали. Так что щас я вас буду примыкать... Клятв верности произносить не потребуется.
Резкий переход от философии к практическому выбору, все меняющему в жизни, ошеломлял.
- А справимся? - нервно хохотнул Сквозняков.
- А рискните. Думаю, приспособитесь довольно быстро к тому уровню, которой занимаю я или, скажем, черный Джон.
Воздух в тесной комнате всколыхнулся, и возник запах кофе с негром, сидящим на столе рядом с Белкиным. Тот повернул к нему голову, и они на секунду замерли, прислушиваясь. Белкин кивнул и, дернув себя за бороду, пояснил:
- Джон воспользовался тем, что я его помянул, и дал волю своей обычной общительности. Предлагает не тянуть и ввести вам концентраторы, чтобы как

минимум преодолеть языковый барьер.
Если бы такое предложение прозвучало для тех, кто уже насмотрелся фильмов о терминаторах, чужих и симбиотах-инопланетяшек в головах, то вряд ли бы так просто было получено согласие.
Вадим медленно повернулся к Сквознякову. Тот в легком замешательстве поднял брови и наморщил лоб, как если бы вопрос стоял о прогулке в горы на выходные.
- А расслабляться с пивом по пятницам я так же смогу? - спросил Дима.
- Если хочешь, будем на пару, - весело подмигнул Белкин, - у нас на Колыме рыбалка чудесная!
- Я согласен, - Вадим решительно посмотрел на Белкина, потому как был убежден, что демонстрация решительности в таких случаях очень важна для доверия.
Сквозняков потянулся к своей фото-аппаратуре и одел ремень на плечо.
- Так это сразу и насовсем? Или можно сначала попробовать на вкус? - он засмеялся.
Негр вопросительно посмотрел на Белкина, закивал и широко раздвинул толстые губы, сверкнув в улыбке белыми зубами. Он вдруг протянул ладони и в обеих руках возникли два больших ананаса, - редко вкушаемые при коммунизме фрукты, которые в то время символизировали некую Их свободу и нравы.
От этого движения Кеша подпрыгнул, захлопал крыльями и уселся на спинку стула.
В этот же момент громко хлопнул соленоид двери, и в комнату вошел невысокий, но крепкий человек с короткими усами. За ним прошел шеф, все еще руками помнящий код двери.
Незнакомец не ожидал увидеть столь колоритную компанию и выпучил глаза. Он осторожно, но решительно приблизился. Позади молча пробирался наморщивший лоб шеф, столь же шокированный увиденным.
Незнакомец напряженно и внимательно осмотрел всех, - запнулся взглядом на попугае и вымолвил угрожающе бесцветно:
- Я из уголовного розыска, инспектор, - он помолчал и чуть повернулся к шефу, - Это ваши сотрудники?
- Вадим э-э, Романович, - показал ладонью шеф, - и вот тот - корреспондент. Остальных я в первый раз, э-э...
Белкин поднялся со стула и встал рядом с Джоном.
- Присаживайтесь, товарищ инспектор.
Шеф остался стоять в проходе, даже не пытаясь втиснуться в тесное пространство.
Инспектор порывисто расстегнул еще одну верхнюю пуговицу на рубашке, бросил на стол тонкую папку и принялся доставать бланки.
- Так, товарищи, документики приготовьте, пожалуйста...
Негр, все так же дружелюбно улыбаясь, осторожно положил ананасы на стол рядом с папкой. Один из них покатился вперевалку и ударился о спинку стула с Кешей. Тот громко вспорхнул и перелетел на клетку.
- Вадим! - шеф отчаянно посмотрел на Травкина, - Запри птицу, пожалуйста! Товарищ из уголовного розыска должен с тобой поговорить, давай-ка обеспечь обстановку!

Белкин пожал плачами и чему-то внутри себя усмехнулся. Негр и ананасы внезапно исчезли, оставив после себя острый аромат кофе. Инспектор окаменел.
- Спокойно, товарищи! - воскликнул Вадим в панике, - Обыкновенный научный опыт! Юрий Михайлович, это эксперимент - как у Нефедова. На самом деле других товарищей в комнате нет и не было.
Инспектор издал сиплый звук и зычно прочистил горло.
- По-моему, это не очень вежливо, да и неуместно! - набычился шеф, интенсивно соображая.
- Поподробнее, пожалуйста, молодой человек, - инспектор чуть развернул стул и со скрипом уселся, навалившись на стол и готовя чистый бланк, - Значит документиков не будет?
- Это вот наш сотрудник, Травкин, Вадим Романович, - начал было шеф, раздраженно ощущая себя в дураках.
- Это я уже понял, а кто этот человек? - инспектор посмотрел на Белкина.
- Я пришел по делу к товарищам.
- Так вы здесь есть или вас здесь нет как товарища негра?
- Я тоже есть, - вступил Сквозняков, - нас объединяет интерес к опытам Нефедова.
- Так... Все по порядку. Вы, - инспектор ткнул ручкой в Белкина, - если вы здесь есть, предъявите, пожалуйста.
- Тогда лучше меня нет, - решил Белкин.
- Допустим, - инспектор был зол за проявленный испуг и теперь решил ни в коем случае не терять логическую нить. Расскажите, что за опыты?
- Как вам сказать? - замялся Вадим, - Это особая ферма наведенного восприятия, что-то вроде гипноза.
Белкин довольно хмыкнул и некстати подмигнул Вадиму. Инспектор задумался. Потом неумело нарисовал у себя на полях бланка маленькую дулю, хотя все в нем протестовало от такой абсурдной порчи бланка. Он поднял глаза на Вадима:
- Тааак.... Значит ваш бывший сотрудник, товарищ Нефедов, занимался таким вот гипнозом?
- Да, но это, конечно, была не самоцель, - Вадим запнулся, - скорее средство для достижения цели... Нет! не так, это - было частью его научной программы.
- Товарищ Нефедов погиб очень странно, - перебил инспектор, - и это, возможно, как-то связано с подобными вот экспериментами. Допускаю, что это опасно и для других. Вам, Вадим Романович, необходимо максимально подробно изложить суть этих экспериментов.
Вадим растерянно посмотрел на Белкина. Тот лениво потянулся, разминая запястья:
- Я не вмешиваюсь, только хочу заметить, что вы, инспектор, не совсем правы. Дело в тем, что наш товарищ, Нефедов Григорий Савельевич, в настоящий момент находится в ясном уме и здравой памяти, кажется так формулируют, но пребывает в ином состоянии, которое избрал по собственной воле.
- Не понял, - инспектор скрипнул стулом и уставился на Белкина с видом человека, не желающего остаться одураченным, - это его тело было отвезено в морг?
- Это труп бывшего тела Нефедова, - пояснил Белкин.

Инспектор поднял брови:
- Это же его труп был отвезен в морг с признаками исцеления?!
- Да это был не его труп, а его бывшего тела. Вот врач же сказал, что так со шрамами не бывает. Не исцеляются после смерти. Назовем это биотерминалом. И не в первый раз уже Нефедов меняет тело, еще был трагический случай два года назад. Давайте я все по порядку и наглядно вам проясню!
Инспектор мучительно задумался, вглядываясь в лицо Белкина, потом чуть просиял как неумелый игрок в покер и кивнул головой.
- Что ж, не возражаю, если сумеете навести порядок в этом абсурде! Но сначала вы - или сами - иллюзия, или, будьте добры, документики.
Он повернулся к Сквознякозу, - И вас вот представили корреспондентом. Будьте любезны, покажите удостоверение.
Сквозняков кротко вздохнул и протянул убедительную красную книжечку.
Инспектор мельком взглянул на нее, - А теперь вы, пожалуйста.
- Да ради бога, - Белкин протянул свой огромный кулак, раскрыл ладонь, и на ней блеснул новенькой обложкой паспорт.
Инспектор криво усмехнулся, - классный фокус! - но осторожно взял его, - Беличан это, кажется, где-то около Магадана?
- Не так уж и около, - засомневался Белкин.
- Значит, погранзона. Когда вы сюда прибыли?
- Около часа назад.
- Не в институт, разумеется, - несколько раздраженно уточнил инспектор, - Когда прилетели?
- Я не прилетал. Я - как этот паспорт... Инспектор, мы попусту теряем время. Скажите, вы хотите получить доказательства жизни Нефедова или нет?
- Так. Вопросы здесь задаю я!
- Вы недопонимаете ситуацию, инспектор! Неужели вы еще не почувствовали, что ваши казенные методы не подходят к данной ситуации? Что вы имеете дело с тем, чего очень недопонимаете и не готовы адекватно вести себя.
- Вы обвиняете меня в неадекватности?.. - с вкрадчивой обидой осведомился инспектор, но Белкин безнадежно махнул рукой и плавно растаял как чеширский кот с долгим последействием.
Инспектор закашлялся и, гадливо отбросив паспорт, вскочил. Паспорт мокро плюхнулся не стол и растекся быстро тающей жидкостью.
- Сейчас тут спецотряд наведет порядок!..
- Да погодите вы! - отчаянно вскрикнул Вадим, - я же начал все объяснять, а он вмешался! Давайте я продолжу!
- Хорошо, молодой человек, - инспектор, многообещающе набычившись, сел, - только не исчезайте, пожалуйста.
- Я-то не исчезну, - пообещал Травкин, - но должен вас предупредить, что не смогу объяснить суть всех этих иллюзий.
Сквозняков посмотрел на часы и решительно встал.
- Извините, товарищи, я на съемку опаздываю!
- Сидеть! Вы получите заверенную повестку на допрос, для оправдания! - инспектор раздраженно хлопнул ладонью по столу, - Вы тут собрались исчезнуть один за другим? Никто никуда не уйдет. Значит так. Или давайте нормально

побеседуем или будем вас приглашать по одному в отдел, и разница вам очень не понравится.
Сквозняков секунду поколебался и, одернув ремень с плеча, опять сел.
- Ну что вы, в конце концов! - вмешался шеф, - Сколько уже времени потеряли! Неужели нельзя как-то попроще? Вадим! Ведь Нефедов тебе объяснял всю эту механику? Вот так же и перескажи!
- Ничем здесь не могу помочь, - промямлил Вадим.
Стало тихо. Наконец инспектор коротко вздохнул, порылся в сумке, достал бланки повесток и щелкнул ручкой, сосредотачиваясь.
В комнате чуть потемнело, возник сидящий на столе Белкин, деловито-невозмутимо одел на себя забытый свитер и было уже начал таять.
- О! оборотень вернулся! - заржал инспектор, которому уже все стало опофигевать.
- Хорошо, инспектор, - пробасил Белкин, возвращая четкость контуров, - Сейчас я все покажу в натуре.
Инспектор опасливо убрал руки со стола.
- Что вы мне покажете? Вы же фантом? Так ведь? Плод моей иллюзии!
- Я не плод, Инспектор... Позвольте, я сам поясню?
- Да ради бога! Давно этого жду! - инспектор со скрипом откинулся на спинку стула и прищурил глаза.
- Вы имеете сейчас дело с одной из форм галактической интеграции.
Инспектор чуть отрезвел, прикидывая границы своей компетенции и возможность прибегнуть к психиатрической экспертизе.
- А может не стоит вот так сразу простому служащему правопорядка? - засомневался Вадим, поворачиваясь к Белкину.
Инспектор взглянул исподлобья, топорща усы и наморщил лоб:
- Чего только не доводилось слышать, как только не отмазывались люди, но чтобы вот так нагло!.. С формой чего, не понял, я имею дело?
- Короче, мы связаны с разумными сообществами космоса, - обстоятельно заговорил Белкин, - Правительство в целом не в курсе, но в частности уже подготавливается так, что пока официально не в курсе. Нефедов находится там, в сообществе, вне того тела, что увезли. Вы готовы получить его непосредственные показания? Вы понимаете необходимость при этом хранить государственную тайну даже от непосредственного начальства?
Инспектор несколько долгих секунд что-то взвешивал на весах своего разума.
- Понимаю. А вы опять будете показывать ваши иллюзионы?
- Нет, покажу самым непосредственным образом. Мы перенесем вас сейчас в помещение космического базирования.
Инспектор зачем-то посмотрел на часы. Видимо, прикидывая, успеет ли он оттуда вернуться до ужина. Наверное, не получалось и он поднялся со стула.
- Лучше я вас вызывать буду по одному! - он вздохнул и принялся заполнять первую повестку, - Заодно с начальством утрясу. Не нужно меня одного подставлять.
- Однако, вы уже получили секретные сведения и это обязывает. Инспектор, вы видели здесь не фокусы, не иллюзии, а эффективную галактическую технологию в действии. Подумайте, сопоставьте все. Уверен, что вы, будучи умным

человеком, придете к выводу, что здесь никто не отмазывается, а в самом деле нечто очень пока для вас необычное. Соответственно представляет собой государственный секрет. И вам необходимо в этом разобраться пока предлагают, а не пытаться оградиться формальностями. Ну, соберите-ка свое мужество! - Белкин резко встал со стола и оказался на голову выше инспектора. Тот чуть отпрянул, рефлекторно схватившись за кобуру и толкнул задом шефа.
- У меня нет допуска к госсекретам.
- У нас есть полномочия этим распоряжаться.
- Ннну... Черт с вами... поехали!.. Предупреждаю, что табельное оружие не сдам.
Сверху что-то невидимо обрушилось с тонким переливчатым звоном, и на месте окна до самого пола проступило и медленно угасло видение проема, за которой светлыми бликами показалось что-то, издали неразличимое.
- Прошу вас всех пройти прямо туда, это не опасно.
Сквозняков, резко выдохнул и неуклюже задев стул, шагнул в сторону окна, исчезая на ходу, причем его фото-сумка зацепила за край и исчезла за ним, втянутая чуть позже. Следом пропал Травкин.
- Ну что же, - засуетился шеф, понимая, что не отвертеться. Обретая мужество, выхватил платок и промокнул лоб, - товарищ инспектор, после вас....
Инспектор сурово стиснул челюсти, наморщил нос, шагнул в окно, и перед ним открылся светлый простор.
Сквозняков уже фотографировал большую, невообразимую форму, чем-то напоминающую павильон выставки "Науки и техника".
Двое мужчин и женщина развернулись на парящих креслах к вошедшим. Белкин помахал им рукой, и они так же молча ответили.
Неожиданно привычные, земные формы, хотя и не в необычном сочетании, вызывали некоторое облегчение. Только присмотревшись в деталях, становилась очевидны разительные отличия. Широкие столы с причудливыми изгибами были заставлены подозрительно знакомыми приборными стойками. Но позади них преобладали незнакомые зарубежные образцы электронных приборов светло-серого цвета, с красивыми экранами. И даже нечто совершенно уже невообразимое.
Похоже, здесь что-то собирали, как на заводе.
Стены зала изливали мягкий и ровный свет, который наполнял все без теней. А за ними смутно угадывались снаружи необычайно интригующие виды.
- Анна Ильинична?!.. - прокатился по залу, практически не затухая, безмерно удивленный голос шефа.
Женщина поднялась и бесшумно как тень Офелии наплыла ракурсом ближе, обретая несомненную реальность во всех своих деталях. Инспектор отметил красивые и необычные черты ее лица и что-то неуловимо чужое в движениях. Она располагающе улыбнулась всем.
- Здравствуйте, дорогие мои!
У шефа как-то сразу отлегло, и он почувствовал себя свободнее.
- Приветствую вас, Анна Ильинична! - шеф осклабился и деловито пожал ей руку. - Вот оно, оказывается, как!.. Так это и есть ваш кооператив? Товарищ инспектор! - шеф повернулся, - Знакомьтесь, это жена товарища Нефедова, Анна Ильинична!
Похоже и в самом деле никакого горя не случилось.

Тут он слегка смутился, вспомнив этикет.
- То есть, прошу прощения, Анна Ильинична, это - товарищ инспектор. Он расследует дело о вашем муже. Господи... что-то я буквально как во сне...
- Сочувствую вам, - Анна Ильинична повернулась к инспектору и кивнула, задумчиво прикусив губу.
- По поводу мужа могу сказать, что не считаю очередную потерю его тела трагедией. Мы по-прежнему вместе, и даже у него теперь находится больше времени для меня, - она улыбнулась.
- Простите, - инспектор запнулся и откашлял опять подступившую хрипотцу, - я не понял. Что писать в протоколе? Если он лишен тела, то что же осталось? Душа?
- Ну, да, безусловно, - Анна Ильинична обрадовано развела руками, - его интеллект давно уже адаптировался ко множеству других наших тел и биосинтетических терминалов. Он распределен между нами. Потеря одного из тел, тем более далеко не молодого, право же, не существенна. Скоро он себе подберет новое.
- И как же вы с ним общаетесь? - спросил инспектор.
- Да я прямо сейчас с ним общаюсь! - она счастливо засияла, - Сергей Петрович, лучше бы вы объяснили это заранее!
- Ничего, Анна Ильинична, постепенно разберемся, - Белкин улыбался инспектору.
- Дело в том, что товарищ Нефедов во многих своих проявлениях остался в памяти Анны Ильиничны, так же, как и в памяти многих из нас. Он есть и в вашей, Юрий Михайлович, памяти, и особенно много его в памяти Вадима. Но это совсем другое дело. Вы пока не можете объединять интеллект целостно, как это практикуем мы, и ваши части Нефедова существуют разрозненно и изолированно, как модели его отдельных черт. А в нас он представлен цельно со всей своей системой значимости, связанной со множеством его навыков, со множеством разнесенных в пространстве органов восприятия и органов действия, связанными с его навыками, и все это еще резервировано на уровне его личного биосинта.
Инспектор слушал молча и только слегка подергивал левым усом.
- Так что в протоколе пишем?
- Думаю, что правильнее всего - самоубийство, что в точности и есть правда, - предложила Анна Ильинична.
- А иностранные вещи и оружие?
- Мы предоставим накладную о происхождении выданного ему инвентаря, все согласуем.
- Экономьте пленку, Дима, - посоветовал Белкин, - Ну, а теперь кое-что еще познавательного, раз уж здесь оказались!
Он направился к стене зала. Сколько Вадим ни всматривался, он не мог разглядеть место, через которое они вошли. Но перед Белкиным обозначился проход, когда он приблизился, озарив его лицо багровым светом. Сквозняков в профессиональном порыве приник к видоискателю.
Вадим подошел ближе и изумился. Гигантская ягода, напоминавшая землянику, спело лоснилась в красных лучах, широким снопом пробивающихся из зеленой дымки неба.
Образ огромной ягоды будет еще не раз сопровождать описания первого

впечатления от инопланетных пейзажей потому, что способен возвращать к раннему восприятию детской непосредственности со множеством сказочных антуражей в виде домиков из леденцов, молочно-кисельным рекам и другой пищевой атрибутики, захватывающей детское воображение.
Этот экземпляр огромной ягоды лежал на подгнившем боку, и бугристое черное чудище, конвульсивно шевелясь, наполовину погрузилось в податливую мякоть, а густой сок пульсирующими малиновыми волнами стлался между дырой и напористым упругим телом. Ягода загораживала полмира, а позади над ней вздымалась фантастическая чаща, из которой тянулись к зеленому мглистому небу жаждущие жизни грибовидные и пирамидальные, парашютообразные, фонтанирующие жизнью растительные монстры. Слева внизу, частично скрытая от взора проемом, прижался к клубящейся траве черный дискообразный аппарат. Вадим прильнул к стеклу, чтобы лучше разглядеть удивительные подробности, а рядом в затылок тяжело дышал шеф, почему-то больше не вызывая неприязнь этим.
Анна Ильинична подошла неслышно и по-домашнему взяла их обоих под локти.
- Все уже прошли в другую комнату!
Фраза резанула Вадима ностальгическим воспоминанием детства, когда вдруг ему так сказали, и он прочувствовал сильнейшее волнение оттого, то все уже где-то в новых чудесных впечатлениях, а он остался и еще не знает, боится ли он этих чудес, к которым так опрометчиво и доверчиво устремились другие.
Можно ли было назвать это комнатой? Это был совершенно другой мир. Вокруг простиралась гребнистая как море медно-красная пустыня, до самого горизонта, где начиналось густое темно-фиолетовое небо. Казалось, что песок был раскален докрасна из-за зловещего свечения. Неслышимый ураган, резко меняя направление, срывал тяжелые гребни барханов и рассеивал крупный песок длинной полосой, наметая новые. Четко очерченной круг огораживал внешний мир, струи песка, извергаемые ураганом, с дробным стуком отекали невидимую преграду, не причиняя ей никакого вреда.
Посредине блестел лаком банальный канцелярский стол. На нем стояло незнакомое устройство с большим плоским экраном без каких-либо элементов управления.
Белкин выждал, когда все проникнутся картиной.
- Прошу внимания, инспектор. В настоящий момент Нефедов использует этот терминал, - он показал устройство на столе, - как свой орган общения с вами. Вы можете поговорить с ним, задать вопросы. А вас, Юрий Михайлович, я попрошу затем подтвердить, что характер ответов и речи знаком вам и присущ Нефедову.
- Если я это действительно замечу, - выговорил шеф и напрягся.
- Не буду томить вас, товарищи, - пронеслось вдруг в комнате как вздох, - Хотелось бы скорее прояснить это необычное для вас положение дел. С тобой, Вадик, еще разговор остался не окончен, а вы, Юрий Михайлович, уж простите за хлопоты и неприятные минуты.
Голос был и знакомым и чужим, во всяком случае тембр сильно отличался от привычного, но у Вадима не возникло ни тени сомнения, что говорит Нефедов.
- Да, это сильно напоминает Григория Савельевича, - удрученно подтвердил шеф, но ручаться не стану. Как это все странно...

- Понимаю, - промолвил Нефертити, - насколько все это непривычно.
- Может быть, вас есть какие-то вопросы, инспектор? - участливо осведомился Белкин.
- Даже если лично меня вы и убедили, точнее сказать поразили, то с точки зрения закона и, в еще большей степени, с точки зрения моего начальства, все это - полная фигня... Есть труп и с этим ничего не поделаешь. Есть криминальная ситуация. А у вас все на словах и доверии...
- А, это мы сейчас, - беспечно закивал Белкин и, выхватив ручку из воздуха, принялся писать на появившейся бумаге.
Нужно сказать, что в то время инопланетяне представлялись исключительно высоко цивилизованными и нравственными априори так, что встреча с ними мечталась как конец всей несправедливости на Земле, и инспектору даже в мысли не закрадывались подозрения о возможности подлого порабощения. Он бы сразу возликовал, если бы не обязывала строгость и ответственность исполнения обязанностей.
- Вот, будет вам коллективное свидетельство, так сказать, документированное, о наличии производственного вынужденно суицидального происшествия с тов. Нефедовым Г.С., подписи, естественно от членов кооператива, с которым сотрудничает ОКБ ИИ, - Белкин завершил документ закорючкой, отработанной в бесконечных ведомостях на зарплату. Ну и обещанные накладные на инвентарь.
- Вы просто подойдите к этому не стандартно, ведь не привыкать же? Еще писатель- фантаст А. Беляев подготовил к понимаю подобной ситуации, читали у него "Голова профессора Доуэля"? Там тоже - тело отдельно, разум - отдельно.
Инспектор отшатнулся потому, что рядом с ним возник знакомый негр только для того, чтобы, скаля белые зубы, расписаться рядом с Белкиновским иероглифом. Он исчез и на его месте плавным кинематографическим переходом образовался солидный мужчина, коротко кивнул всем, блеснув крутыми темными стеклами и, чиркнув ручкой, растаял.
Инспектор отошел от эпицентра появления персонажей этого спектакля и не зря. Всплеснув отростками, возник глянцевый Чиполлино, двинулся было в разные стороны одновременно, но опомнившись, мерзко скрипнул и совершил серию движений, от которой инспектор безудержно побагровел. Осьминог волной подался к столу, где после нескольких неудач все же справился с ручкой.
Шеф обессилено начал опускаться и под ним предусмотрительно возникло шикарное космическое кресло, на котором он с благодарностью развалился.
Сквозняков, несчастный от досады, суетливо перезаряжал некстати закончившуюся пленку, а призрачная последовательность людей, зверей и фантомов все тянулась пока, наконец, Анна Ильинична не расписалась сама, а потом, зажмурившись, не расписалась еще и за мужа. Вадим с любопытством наблюдал как из-под ее руки появился знакомый неподдельный нефедовский завиток.
Прямо из воздуха по листку ударила пара печатей, закрепляя достоверность документа.
- Вот, товарищ инспектор, - довольный затеей, суетился Белкин, засовывая свидетельство и несколько листов подписей к нему в элегантную прозрачную пленку, - Хоть на графологическую экспертизу, включая подлинную подпись

товарища Нефедова. Все остальные - больше, чем друзья Нефедова, всегда готовые под присягой засвидетельствовать.
- Черт, да он-то зачем, если был суицид?!
- Ах да, - почесал репу Булкин, - ну не говорите, что тут и его подпись.
- Спасибо, товарищи, что заглянули, - сказал Нефертити, - Мне прямо стало легче, гора с плеч.
Особенно длинный шлейф ярко-красного песка прорезал фиолетовое небо и окутал змеящимися струями невидимую преграду, усилив впечатление нереальности происходящего.
- Хоть и далековато от Земли, а вот зашли же чтобы проведать, как там ваш сотрудник, - расчувствовался Нефертити.
Шеф с инспектором встревожено переглянулись.
- А насколько далековато? - спросил инспектор, взглянув на часы.
- Ну, это, знаете ли, где-то в галактическом скоплении, если смотреть от Земли - в районе созвездия Гончих псов, я, простите, точно и сам не знаю...
- Как это не знаете?.. - промямлил Шеф, теряясь во вселенной.
- Свет отсюда до Земли идет тридцать семь миллионов лет. Да это не принципиально! - беспечно успокоил Нефертити, - Сейчас вас проводят домой. Что же, до свидания, рад буду увидеть вас еще когда-нибудь.
- Поехали? - кивнул Белкин.
- До свидания, Григорий Савельевич, - растерянно проговорил шеф, пытаясь обнаружить выход.
Анна Ильинична шагнула вперед и растаяла в песке среди пустыни.
Шеф зажмурился, шагнул вслед.
За ним вышел Белкин.
- Вадим, - как вздох возник голос Нефертити, - Нам бы нужно поговорить с тобой... Останься, если можешь и хочешь.
Инспектор стоял растерянно с листками в руке и смотрел в то место, где на фоне песчаного моря пропадали люди. Его должностной дух категорически протестовал против подобного. Куда он засунет эти листки? Он живо представил, как бы ответил на такой вопрос его начальник и заранее оправдывал его грубость.
Сквозняков обернулся, посмотрел недоуменно на инспектора, да так и исчез. Инспектор рванулся за ним и на той стороне с разгона уткнулся в Анну Ильиничну. Они не удержались и навалились на стол в тесной комнатке со стеллажами. Громко вспорхнул испуганный Кеша.
- Простите... - пробормотал инспектор, отстраняясь и разглаживая смятые листки. Он увидел Белкина.
- А мы ведь так и не познакомились... Черный, Александр Иванович, - инспектор протянул ладошку.
- Белкин, Сергей Петрович, - ладонь инспектора оказалась сжата на болевом пороге.
- Как вы думаете, Сергей Петрович, вы бы на моем месте рискнули показать начальству такое? - инспектор с грустной улыбкой тряхнул листками.
- Только после основательной подготовки.
- Но и тогда всего лишь моя проблема стала бы проблемой начальника, а дальше

опять нет хода. Нам никогда не удастся официально все утрясти пока не раскроется вся ваша, простите, космическая мафия.
- Доказать существование нашей мафии, Александр м...
- Иванович.
- Александр Иванович, простите, вам будет так же трудно, и содействие в этом я вам не обещаю. Не потому, что желаю остаться в тени. Дело в том, что в этом случае придется надолго все забросить и начинать доказывать, согласовывать, объяснять и, главное, делиться технологией с теми, кто ее не преминет использовать в силу своих очень приземленных представлений. Вы понимаете, насколько пока далеко до возможности открыть миру все это...
- Все же, вы мне выход подсказали какой ни на есть. Взвалю-ка я это на плечи моего начальства. Он выдюжит! - инспектор аккуратно спрятал листки в сумку. Щелкнула дверь, пятясь осторожно вошла девушка, что-то удерживая в руках, и закрыла дверь ногой. Она повернулась и банки с водой и кормом чуть не выпали из рук. Это была Наташа. Она стояла молча, вытаращив глаза.
Кеша вспорхнул, принялся носиться кругами и, как всегда перед кормежкой шалить. Он налетел на окно в том самом месте и вдруг исчез вместе с треском крыльев. Стало напряженно тихо.
- Юрий Михайлович! - Анна Ильинична буднично-торопливо подхватила шефа под руку, - Здесь так тесно, пойдёмте в ваш просторный кабинет! - она кокетливо потянула шефа к выходу. За ними, на ходу сухо прощаясь, последовал инспектор. Наташа медленно, с усилием протянула банки чуть трясущимися руками к стеллажу. Сквозняков с сочувствием помог ей.
- А куда улетел Кеша? - тихо спросила его Наташа.
Белкин шагнул к окну и повернулся.
- Сейчас я верну Кешу. Если Вадик минут через пятнадцать не появится, то это надолго. Дима, ну ты тут сам решай, как лучше, мне пора! - Белкин растаял в воздухе. Наташа оторопело присела на стул.
- Что же это такое?! - прошептала Наташа, готовая спасительным обмороком прервать связь с реальностью.
- Подождем Вадика? - спросил Сквозняков спокойно, - Вы садитесь и не обращайте внимания на эти фокусы. Мне лично они уже слегка приелись...

Травкин остался один. Он внимал едва уловимому, но непередаваемо лютому вою урагана, почти беззвучным ударам крупных как щебень песчинок о невидимый купол и поежился, представив, что делается снаружи. Неторопливо сел в кресло, так и оставшееся после шефа, и вопросительно посмотрел на бездонный экран терминала.
- Вадим, я не доделал одно дело. Ты видел и понял, насколько это рискованно. Там нельзя пользоваться каналами помощи. Теперь я временно вышел из игры, но другие мои товарищи сами по себе недостаточно подготовлены в теоретическом плане. Я прочитал твою рукопись. Ты сейчас, получается, единственная кандидатура во всей галактике.
Вадим чуть не заржал от неожиданности.
- Похоже на проверку, Григорий Савельевич?.. Неужели прямо во всей галактике?
- Есть, Вадик, неизмеримо более изощренные системы знаний и на таком уровне

информационного объединения, что мы просто не можем вписаться в них. Но поэтому-то они и не годны для цели. Нужна эта самая золотая середина, когда твои реакции соответствует более естественным, более распространенным во вселенной проявлениям природы. В то же время уровень понимания должен быть как можно специфичнее цели.
- А что за цель?
- Межгалактическая интеграция разума.
- Я фигею, дорогая редакция...
Это был первый на Земле случай использования словосочетания "Я фигею", - специально хочется подчеркнуть это, как и использование "дорогая редакция" в ироническом контексте. Потом Вадим еще пару раз употребит эту довольно спорную аллегорию, и она начнет расходится по головам. Учитывая известный эффект шести рукопожатий, происходит постоянная подпитка
лексикона культуры от особей, которые затрудняются с использованием уже имеющихся смысловых символов и придумывают что-то новое, а другим наивным особям это нравится, и символ становится мемом. После этого консервативным лингвистам, ратующим за чистоту языка, не остается другого, как признать новое словечко легальным и начать его так же использовать чтобы не отрываться о современности.
- Понимаю твой скепсис, Вадик.
- А есть ли необходимость забираться так далеко? Или в нашей галактике стало тесно?
- Вспомни, Вадик, историю. Каждая из культур народов Земли не смогла развиваться в отрыве от других. Природные условия меняются достаточно резко. От многих народов, не успевающих влиться в общеземную культуру, остались одни лишь легенды, - Находились племена, слившиеся с местной природой и поэтому остановившиеся в развитии на уровне, достаточном для адаптации к существующим местным условиям. Приходили колонизаторы и миссионеры. Они подменяли культуры этих народов своей. Наше положение, Вадик, аналогично. Нужно и дать возможность самой Земле пройти по всему пути понимания, созреть для новых контактов и, в то же время, не терять связь, оставаясь в единой системе разума Вселенной.
- А нас-то учили проще, Григорий Савельевич, что в развитии главное - уровень производственных отношений, а раз так, то стоит нам дать вселенскую технику и мы - боги!.. - Вадим улыбнулся.
- Только сейчас ты начинаешь понимать суть процессов адаптации личности в зависимости от нового окружения. А вся история человечества - это эволюция информационного объединения людей, сближающего культуры и интересы. Если для отдельных личностей информационное объединение - прогресс и необходимость, то результатом его полного достижения становится образование суперличности, - общества, по своей структуре аналогичной организации отдельно взятой личности. И эта суперличность опять остается один на один с окружающим миром, замкнутая на себе. Поэтому, Вадим, нам нужна связь с другими подобными обществами, чтобы не деградировать. Но они в своем специфическом развитии настолько отличаются от нас, что к взаимопониманию можно приблизиться лишь, начиная с уровня примитивных основ. Поэтому

нужна твоя помощь.
- Да я и не отказываюсь побыть примитивной основой, усмехнулся Вадим.
- Твоя рукопись, Вадик, это - модель твоего личного понимания, которое ты пока еще сам не до конца осознал и развил.
Травкин скромно поморщился.
- Считайте, что завербовали меня, Григорий Савельевич.
- Все бы хорошо, но ты пока не оставил достаточной памяти о себе у нас, а это - очень важно. Если что-нибудь наперекосяк приключится, как не раз было со мной, ты во многом будешь утрачен, поэтому нужно время. Ты будешь готовиться к своей миссии, а для этого нужно включить тебя в систему нашего общения.
- Как попугая Кешу?
- Да, это наш товарищ! - засмеялся Нефертити, - Очень удобный товарищ. Его входные детекторы мозга неплохо стыкуются с нашими. Он очень сообразительный!
- А вот эту сторону вашей телепатии я, кстати, не понимаю. Как же теперь с личной жизнью?
- Вспомни сеанс объединения: все воспринимали то, что им было интересно. Это было пассивное, неуправляемое объединение. А у нас, у каждой личности система значимости сама управляет каналами объединения и все, что не предназначается для других, окажется недоступным вовне. Так же как ты не говоришь вслух то, что не предназначено окружающим.

Наташе понемногу передалось спокойствие Сквознякова. Она призналась себе, что не часто попадаются такие приятные собеседники, и ей стало жаль, когда тот опять взглянул на часы и поднялся со стула.
- Знаете, Наташа, я, уже очевидно, не дождусь его, - Сквозняков одел сумку на плечо.
- Я тоже пойду! - почти испуганно заявила Наташа.
В окне мелькнули две огромные черные лапы и вбросили в комнату попугая, который полетел целеустремленно как торпеда. Наташа вздрогнула и попятилась. Кеша в последний момент вывернул перед самым ее лицом, с громким треском подлетел к своей клетке, деловито забрался в нее и, сев на жердочку, принялся кувыркаться, ловко подхватывая с полу старые зерна.
- Теперь это не комната, а ужас какой-то!.. - вскричала Наташа, - Нет уж точно: я здесь не останусь!
- Попугай голодный. Я вас подожду, бросьте ему корма, пожалуйста и мы пойдем.

А в это время продолжалась личностная модификация нового звена сверхразума Земли - Вадима Травкина.
- Вся твоя техническая модернизация, Вадим, будет заключаться в том, что мы установим у тебя в мозгу внепространственный канал-мишень, проще говори, концентратор. Но если ты пока морально не готов или устал, то подождем с этим.
- Сейчас я готов к чему угодно, - Вадим старался не замечать что-то неопределенно-тревожное и даже панически тревожное в глубине души.
- Тогда привстань на секунду.
Черт... неужели анально? - мелькнула неприятная перспектива. Он неохотно

встал.
Вместо шикарного кресла появилось что-то, похожее на стоматилогическое, но с ремнем безопасности.
- Садись и не думай ни о чем плохом, - деловито приговаривал Нефертити, пока Вадим устраивался.
- На время привыкания нужно пристегнуться... Но это - чистая формальность! Как при езде на запорожце выше 200 км в час. Легкая щекотка в голове и...
- Вы меня только заряжаете своим, шуточками... - Вадим разобрался как пристегивается ремень и щелкнул пряжкой, - Готово!
- Теперь откинь голову и расслабься.
Прошла томительная минута.
- Все. Концентратор адаптирован.
Вадим просканировал себя внутренним взором и не обнаружил ничего нового.
- Подключаю!
"Оказывается еще не подключили!" - в панике промелькнуло в голове и мир высветился миллионами наложившихся ярких картинок. По всем чувствам ударило одновременно, в том числе и болью, и предельным счастьем, на секунду все оглушено померкло.
- Вадим! - настойчиво позвал знакомый голос.
Резко проступили очертания фигуристого мужчины, и Вадим с содроганием узнал живого Нефертити, только в расцвете физиологических форм. Позади багрово сияла пустыня.
- Григорий Савельевич... - это было произнесено вслух невольно, а одновременно строилось понимание всего происходящего. Стоило бросить взгляд на песчаный смерч за спиной Нефертити и автоматически становилось ясно, что это все - на краю галактики, а фон радиоактивного излучения породы под песком настолько высок, что маскирует виртуальные трассы внепространственных каналов так, что промежуточная База на этой планете - идеальное место для разведывательных вылазок без значительного риска немедленного внедрения в каналы чужеродного разума.
Фигура же Нефертити - суперпозиция образов, запечатленных в памяти знавших его людей в разное время и в личном его биосинте, в преломлении восприятия Травкина. Вадим понял, что у него самого есть теперь личный биосинт, а все становится ясно потому, что Нефертити дал ему напрокат свою память, следя за вниманием Травкина. Поняв это, Вадим стыдливо и неосознанно отгородился от наблюдения, сразу лишившись комфортного притока информации.
- Ничего, скоро привыкнешь к интерфейсу, - пообещал Нефедов, и это прозвучало очень убедительно. Но промелькнувшее вдруг воспоминание изуродованного тела Нефертити привело к боязливому неприятию и на секунду Вадим пожелал избавиться от этого наваждения. Нефедов тут же исчез из его восприятия.
Вадим опять сидел один в кресле. Его мысль метнулась куда-то, все перевернулось с мощным хлопком, он оказался стоящим на огромном летящем шаре густо сплетенных веток, ветер рвал одежду с тела, а внизу, в пронизывающем лимонном свете, среди разрывов спиральных облаков виднелось странное зеленое месиво с частыми вкраплениями огненно-оранжевых пятен. Рядом проносились стремительные тени, а шар под ногами

тонко вибрировал и свистел.
Одновременно Вадим отчетливо понял, что все совершается взаправду, на самом деле, и он немало рискует. Порыв сбил его с ног на бугристую поверхность, Вадим дернулся и ему больно сжало грудь ремнем. Это вернуло его в кресло, но только на мгновение.
Он перенесся в тесную пещеру и ошеломленно замер. Из уходящего вдаль темно-зеленого лаза тянуло теплом и псиной. Вадим ступил вперед по хрустящему игольчатому настилу, и под ногами шмыгнул верткий зверь в серебристой шкуре. Там, за поворотом, ждало что-то родное и таинственное, от чего в предчувствии сильнее забилось сердце. Вадим заворожено пошел вперед, пригибаясь под свисающими твердыми натеками. Впереди усиливался пляшущий свет, и за широкой колонной он ослепляюще ударил в глаза. Вадим успел заметить неестественно яркие языки пламени, и перед ним, загородив огонь, возникла кошмарная тварь с безобразное оскаленной пастью. Взметнулись полуметровые клыки, загородив весь мир, Вадим резко отпрянул и опять больно уперся грудью в ремень.
Он очнулся в кресле и призвал Нефертити. Тот немедленно появился перед ним и, завладев вниманием, предотвратил следующее приключение.
- Какой ты необычно беспокойный! Тебя уносит в терминалы, которые расположены в самых различных уголках галактики. Хорошо, что хоть фильтр выбора обеспечивает жизнеспособные миры. Ты слишком впечатляешься, видимо, все-таки, устал. Внимание так и скачет. Огненный демон, кстати, догрызает своего пастуха. Придется готовить другого.
- Зачем же вы мне позволили?! - Травкин побледнел и у него заныло в животе.
- Это был биосинт, не переживай. Лучше впусти меня, быстрее разберешься.
Вадим доверчиво расслабился. В тот же момент они слились в понимании всего, что произошло. Несколько перемещений внимания прошло гладко, и Вадим ощутил радость от открывшейся почти безграничной свободы. Он научился наводить влияние своего концентратора на все свое тело и окружающие предметы, осваивая перемещения и возможности канала пользователя. Но одни впечатления не успевали осознаваться, а внимание перескакивало на следующие, и в голове накапливались эти неосмысленные, но важные переживания, непослушно теснились в голове, причиняя почти физическую боль. Нефертити отключился.
- Отдохни, Вадим. Лучше прямо здесь, - посоветовал он.
Травкин закрыл глаза, но образы, расталкивая друг друга, затеяли изнурительную, беспорядочную игру. Тогда он сделал последнее усилие и обратился в канал пользователя. Тело стало наполняться горячим блаженством и, тихо вздохнув, Травкин заснул, зацепившись за одно из впечатлений и раскручивая его как сновидение.

Сквозняков выскочил из такси, подбежал к солидному, но не-высокому серому зданию и, противопоставив свой вес массе дубовой входной двери, ворвался в информационное агентство.
Махнув рукой товарищам, стоящим у стола охраны, и сделав им зверскую морду отчаянно опаздывающего, он, не меняя трассы движения, канул в цоколь здания

по мраморным ступенькам.
Его дверь оказалась открытой. На диване у стола, заваленного фотографиями, по-домашнему свободно сидела знакомая сотрудница.
- Верунчик, привет! - дурным голосом крикнул Сквозняков и рывком выдвинул ящик стела.
- Прости, погибаю! - он вытащил из сумки отснятые кассеты и бросил туда горсть новых.
- Бедненький! - посочувствовала девушка. - Ты всегда погибаешь. А тебе еще и командировка светит.
- Господи!.. Ради бога, не говори ему, что я залетал! Сквозняков со второй попытки набрал номер телефона.
- Алло, Володя? Старик, выручай! Если я опоздаю, мне конец! Ну, спасибо, я выскакиваю!
Сквозняков выбежал, а девушка, кротко вздохнув, собрала оставленные отснятые кассеты и, теплея от мысли, что выручает друга, понесла их в печатный цех на обработку.
Очень скоро по учреждению поползли волны пикантных сплетен. На столе у главного редактора появилось несколько откровенно-вызывающих фотографий.
- Где Сквозняков?! - орал он в трубку, брезгливо удерживая двумя пальцами мокрый еще отпечаток, - Что за порнухой он тут занимается?! Передайте ему, как только он появится, что я давно и с нетерпением жду его в любое время суток!

Рядом с Вадимом, не вызывая у него прежнего чувства омерзения, клубился отростками Чиполлино. Он уже с ним неплохо познакомился и не спеша рассмотрел всю конституцию тела. Чуть крупнее полного бюрократа, эта тварь, покрытая вздыбленной шапкой акустических волосков, опиралась на несколько толчковых щупалец, усыпанных бубенцами присосок.
Первое знакомство через мысленное объединение с Нефертити открыло историю отношений с Чилоллино и значение его имени. Когда-то Нефертити, завязывая дружбу с этим существом, допытывался в тесном единочувствии с ним как того зовут и каждый раз у осьминога возникали устойчивые ассоциации вроде: "честный и полезный инопланетянин". Это, конечно, было не имя, а те свойства, которые тот приписывал себе. Осьминог откликался на этот образ, который, став известным всем, скоро трансформировался в укороченное Чиполлино.
Тонкости сути Чиполлино Вадим так и не сумел прочувствовать, даже сливаясь с ним восприятием. Например, назначения множества отростков. Здесь не хватало общих понятий. Ряд образований, опоясывавших тело, был скрыт полупрозрачными чехольчиками и когда "разговор" коснулся их, Чиполлино смутился, его нижняя лысая часть вздулась цветными пузырьками, но невольное предположение об их половой функции было равнодушно отметено. Сделав, наконец, усилие и став выше собственных предрассудков, Чиполлино предпринял искреннюю попытку просветить Вадима, но так и не нашлось общих понятий.
Иногда Чиполлино отхлебывал что-то из собственного отростка, и это было единственное, что пока с трудом переносил Травкин, хотя он назидательно

сопоставлял, что люди склонны глотать свои сопли. И все же находилось много на удивление одинакового. Объединяясь разумом с осьминогом, Вадим отлично понимал его застенчивый, замкнутый характер, поражался остроте и неожиданной новизне сопоставлений и похожим на человеческие порывам. Джон оказался куда циничнее. Его отец имел миллиардный бизнес и не так давно занимал одно из первых мест в десятке самых влиятельных лиц штата. Джон увлекался нейрофизиологией, в свое время углублялся в теории искусственного интеллекта, но божьей искры у него не доставало. Ухлопав десятки миллионов на нейрокомпьютер, но не добившись от него интеллекта, он забросил все и в отчаянии обозвал свое творение "железным справочником". Именно на него первого вышел случайно завербованный из землян агент Галактического Единого Разума, откровенно кичащийся нашивкой "ГЕРа", которая даже на свету испускала густое мягкое сияние непонятно какого цвета.
- Я пока не советую тебе соприкасаться с единым разумом, - предостерег Нефертити, - сразу не потянешь. Пообщайся с нами, лучше с Белкиным. Не бросай свое творчество, поделись своими идеями с Джоном. Здесь очень большие возможности, и, если у вас пойдет, а, мне кажется, ты на правильном пути, тогда нам всем будет легче понять очень многое. ГЕРа не научит этому. Можно хоть сколько объяснять ребенку как устроен приемник, пока он сам его не сломает и не соберет снова...
- Да уж, Григорий Савельевич! Если бы мне в детстве сказали, что для того, чтобы стать таким специалистом каким я стал, потребуется собрать по собственным выстраданным схемам штук пятьсот макетов и оживить их, а ведь даже досчитать до пятисот трудно, да сделать штук пятьдесят различных приборов и приборчиков и еще намотать сотни три трансформаторов, сотворить еще невообразимую кучу подобных вещей, я бы не взялся за это. Не поверил бы, что смогу. Да и слишком явная морока отбивает всякую охоту.
Хотя Вадим явно нашел повод похвастаться теми трудностями, что ему довелось пережить, но это и в самом деле походило на подсчет, а сколько придется в течение жизни одевать и разувать ботинки, чистить зубы, съесть коров, свиней и кур, вымыть посуды и сходить в туалет.
- Ты побольше практикуйся в общении. Опять ведь замкнулся, меня блокируешь. Все, что ты наговорил, мы бы поняли с полуслова.
- С непривычки слишком напрягаюсь. Дайте хоть немного привыкнуть.
- Привыкай. Есть еще необычный для тебя аспект твоего нового существования - половая комплементарность. Мне, думаю, не нужно доказывать тебе, что личность должна быть представлена по возможности всеми моделями поведения в различных ситуациях. Особенно теми, которые перекрывается. Так вот, модель полового поведения перекрывается в норме со всеми другими. А твой биосинт, от которого у тебя не будет тайн, пока однопол. Поэтому нужно чтобы он был связан и с твоим комплементарным партнером, короче, такой женщиной, которая в твоем представлении является ну... скажем, идеальной.
- Я понял, но что конкретно от меня требуется, Григорий Савельевич? - озадачился Вадим, - Мне нужно выбрать женщину?..
- Нет. Полноценный половой партнер означает очень глубокую общность некоторых значимостей до доминирующего отношения к партнеру. Ты точно не

сможешь выбрать подходящую из известных тебе женщин.
- А как быть с тем, что у меня уже есть девушка? Она лучше придуманной.
- А разве можно быть уверенным, что это не твоя иллюзия? Что это - на всю жизнь и даже больше? Иначе ведь смысла нет. Мне не хочется тебя шокировать, но вероятность достаточно удачного выбора ничтожна. Особенно для твоего возраста. Да ты это и сам понимаешь...
- Я понимаю, но у меня это серьезно. Я обещал ее вылечить.
- Что с ней?
- Фигня какая-то на груди довольно страшноватая, язва, что ли...
- Язва....Это ведь еще и язва психики. Ты, конечно, вылечишь ее, Вадим. Сам вылечишь, через канал пользователя ГЕРы. Это запросто... Дайка мне в тебе разобраться...
Травкин почувствовал чужую, довольно бесцеремонную волю и поразился с каким мастерством она в нем орудует. Неохотно и не до конца он открылся и, схлестнувшись в мгновенном мысленном споре с Нефертити, с ужасом осознал, как гаснут его доводы. С ужасом еще и потому, что узнал существенные подробности. Подруга, связанная с ним через биосинт, должна стать продолжением его собственной личности, и тогда снисхождение к любым недостаткам и совместимость обеспечатся по такому банальному, как ему раньше казалось, принципу как "понять - значит простить".
В самом деле, сам с собой не поладит только глубоко ненормальный, и только все, что касается пола, окажется ювелирно трансформировано согласно, опять же, его собственным представлениям о женском идеале. Как это ему раньше не приходило в голову, что у него в мозгу с рождения формируются и постоянно корректируются новым его опытом модели идеальной женщины для разных условий?.. Оставалось подобрать оригинал, максимально совместимый - из бесконечно неисчерпаемого вселенского арсенала женских судеб, оригинал, готовый комплементарно адаптироваться к нему, а он - к ней.
Властно-непреодолимая объединенная мотивация сфокусировала сознание, подавляя любое сопротивление всех других текущих мотиваций, и в легкой дымке заструившихся образов все четче, рельефнее и желаннее образовывалась гибкая женская фигурка. Ну да, надо признаться самому себе, что внешняя красота была для него очень важным условием полного приятия.
Это было не просто пространственное изображение, а целостное видение ее повадок, оценок и желаний. Каждая новая подробность, проявляясь из клубящейся неопределенности форм в результате восторженной отзывчивости Вадима, оживала, дополняя образ, становящийся все более волнующим, незаменимым и прекрасным. На каждом таком шаге происходило и обратное сопряжение так, чтобы потенциальные свойства Вадима оказывались идеальными для той женщины.
Имя, как и другие детали образа возникло как бы само по себе - тоже как наиболее желанное для него и приемлемое для нее. Постепенно с этим процессом его отпускало тягучее оцепенение и возвращалась его исконно собственная воля.
Они все узнали друг о друге или легко догадывались, и не было у Вадима никого ближе во взаимном понимании, чем Влади. Неужели он предпочел такое имя из-

за созвучия с собственным?.. Он узнавал ее далекий удивительный мир ее пониманием, а она видела земные вещи и узнавала их его памятью.
Гораздо позже Вадим узнал, что во всем этом была одна
главная методологическая хитрость: было не столь важно точно найти взаимно желаемое соответствие, которое со временем могло сильно измениться, а главное было - оказаться с очевидностью убежденным в выборе, ведь это и был собственный выбор отклика чувств того, что означало то или иное качество партнера. И тогда эта убежденность приобретала настолько предельно высокий характер, что ничто не могло уже ее поколебать.

Инспектор Черный с тяжелым чувством миновал двойную дверь и, принимая подобающе подчиненный вид, вытянулся было у порога, но мирно рокочущий отеческий тон убедил его в хорошем расположении духа начальства.
- Проходи, Саша. Ничего, что я тебя так поздно вызвал?
Они поздоровались за руку, и инспектор уселся на стул по другую сторону огромного стола.
- Да всегда, как говорится, готов служить...
- Что у нас сегодня плохого?
- Я, Петр Наумович, в ауте, - признался Черный вдруг неожиданно для самого себя, и его схема последовательного и делового изложения фактов скомкалась.
- Что же так?
- Вы помните ростовское дело?
Добродушно-усталое лицо Петра Наумовича померкло, и он досадливо задумался.
- Помня ли я это дело, черт бы его побрал?!
- Сейчас мы столкнулись, по-моему, с гораздо худшим.
- Опять, значит, мафия... Ты однозначно разобрался?
- Однозначнее не бывает, Петр Наумович.
- Е....!.. Ты, это... не высовывайся тогда, Саш.... Ну их к дьяволу. Замурыж дело. В таком раскладе это уже не наша забота.
Черный вздохнул с облегчением, и мир опять повернулся к нему передом.

Вадим вернулся в свою лабораторию и неожиданно оказался в кромешной темноте. Только далекая тонкая полоска света намекала на дверь. Он осторожно пробрался между стеллажей и попробовал замок, уверенный, что лабораторию уже заперли снаружи. Но дверь открылась, и он вышел в плохо освещенный коридор. Соседняя комната была распахнута настежь, там горел свет. Вадим чуть не столкнулся с выскочившей Наташей.
- Привет. Ты что так поздно засиделась?
- Уже было уходить собиралась, но шеф попался и сказал, чтобы твою дверь не опечатывала пока ты не вернешься. Я и осталась ждать.
У Вадима вдруг от голода слегка закружилась голова.
- Спасибо!.. Но я сейчас сдохну, если хоть что-то не съем! - он с надеждой посмотрел на чайный столик в углу комнаты.
- Бедненький! - Наташа порылась в тумбочке и вытащила пакет с пряниками, - Сейчас я чай согрею.

Небольшой, но важный исторический факт: глазированные пряники были в то время всенепременнейшим атрибутом корпоративных, а в то время - коллективных чаепитий. Различаться могла форма пряников: круглая или продолговатая. Один пряник на одного человека за чаем - общепринятая этическая норма, напрямую следующая из суммы сброса с каждого рыла: двадцать советских копеек. Сдвоенные, слипшиеся плоскостями пряники как-то еще можно было выдать за норму, но это требовало нетривиальной изворотливости и остроумия, после демонстрации чего двойной паек засчитывался.
Вадим замер с отрешенным взглядом, уходящем в бесконечность, настигнутый необыкновенно желанными образами. На далекой планете Лейенс, в плавучем городе-дереве со свисающими домами-сотами, искрящимися в восходящих клубах оранжевого Сонгмо, окаймленными зелеными кружевами быстро тающих облаков, на тонкой как лезвие площадке над бездной полулежала Влади и думала о нем... Зов промышленных структур в океане был слабым и благодушным, ничто не предвещало беспокойства в ближайшее время, и Влади беззаботно слилась ментальностью с Вадимом - ее самым близким человеком из суровой и мужественной эпохи, прямым и отзывчивым, в экзотической пещере комнаты с нелепо замершими кульманами, облезлыми, еще не списанными на свалку столами и нервно подмигивавшей люминесцентной трубкой на потолке.
- Что-то забыл, Вадим? - Наташа вытряхнула из чайника старую заварку в мусорную корзину.
- Нет, все в порядке, потом расскажу, - он подошел к столу и уселся на шаткий стул. Голод опять накатал приступом, и он совершенно естественно внял предложению Влади, которое она сделала с радостной нежностью и без тени ревности, как если бы они сто лет как были вместе и доверяли как самому себе. Он сдвинул стаканы и тарелку с пряниками в сторону.
- Наташ, погоди, поставь сюда этот чайник, - Вадим нетерпеливо взял у нее из рук чайник и сам поставил его на край стола.
- Садись. Нафиг эти пряники.
Заинтригованная Наташа пожала плечами и села рядом.
- Только не вздрагивай, все будет нормально.
На столе стали появляться совершенно незнакомке вещи. Наташа вытаращила глаза и замерла. Вадим взял чайную ложку и, осторожно зачерпнув из широкого матово-оранжевого цилиндра густую массу, попробовал на вкус. Хоть он и представлял вкус по наведенному восприятию Влади, но голод и новизна собственного впечатления обострили непередаваемый аромат и гамму ощущений, не сравнимую ни с чем. Улыбаясь от удовольствия, Вадим зачерпнул другой ложкой и передал ее Наташе.
Та с усилием взяла ложку за кончик дрогнувшей рукой и, едва не выронив, поднесла ко рту.
- Спокойно, Наташа, все в порядке. Лишь бы нам вахтер здесь не пришил аморалку.
- Да я уже насмотрелась сегодня чудес. Так реально все...
Они молча принялись есть, и Наташа, немного привыкнув, заметила грустно:

- Ты стал заметно другим, Вадик.
Женщины четко ощущают такие перемены.
- Каким?
- Скрытным. Что-то здесь такое происходит, и мне никто не хочет объяснить... Шеф нервный весь, испуганный. Молчит. Анна Ильинична - та всегда была не от мира сего. И ты вот...
- Хочешь работать в кооперативе? Там, где был Нефедов.
- В кооперативе?.. Не знаю я теперь чего хочу. Все как по сне. Устала, наверное.
Они распробовали деликатесы. Потом Вадим одним движением смахнул инопланетные чудеса в небытие и повернулся к Наташе.
- А сейчас будем лечиться. Ничего не бойся.
Она не успела опомниться. Все произошло очень быстро. Как бы поток горячего воздуха всколыхнулся от Вадима, и марево исказило предметы вокруг. Тело у Наташи перестало весить, а жилы запульсировали в горячем тугом ритме. Нестерпимо зачесалось, закололо исцелением ненавистное место, хотелось разодрать грудь, но непослушные ватные руки не поднимались. Наташа жалобно застонала в изнеможении, но все быстро начало сходить. Она почувствовала власть над телом, но губы еще дрожали от пережитого напряжения.
- Господи, Вадик! - выдохнула она в растерянности.
- Давай посмотрим! - предложил он нетерпеливо.
Она испуганно замотала головой и невольно подняла руки к груди.
- Хорошо, дома сама посмотришь. Пойдем отсюда?
Они закрыли дверь и ответственно опечатали лабораторию. Пустой коридор гулко отозвался на их шаги. Вахтер подслеповато вскинул голову от кроссворда:
- Это ты что ли очнуться должен был? - насмешливо спросил он Вадима.
- Да, это он, - торопливо заверила Наташа.
- Вот научники! Совсем себя не жалеют! Одного уже вынесли... Хорошо, что Михалыч предупредил, - вахтер закашлялся, - а то вдвоем тут, видишь ли, наукой занимаются ночью! - он погрозил пальцем и, тяжело подняв зад с ободранного кресла, выбрался из-за столика замыкать дверь.
Ночь в необыкновенной тишине улицы пахнула теплым ветерком. Непривычно чистый воздух с легким ароматом ночных цветов, звезды в безоблачном небе и простор безлюдной улицы сняли напряжение у Наташи. Она взяла Вадима под руку и шутливо пихнула в бок:
- Где колдовать научился?
- Нефертити перед смертью заклинание успел нашептать. Ты где обитаешь?
- Во-он в тех многоэтажках.
- И вот через эту жуткую стройку ходишь?
- Все ходят.
Стройки в то суровое время могли тянуться десятилетиями. Они прорастали специфической флорой и там заводилась специфическая фауна, - обычно в виде переродившихся хомо. Некоторые артефакты были не менее опасны, чем предметы из повести Стругацких "Пикник на обочине".
Тротуар уперся в необъятный дощатый забор с проломанным лазом. Наташа привычно пронырнула первой.
- Вадька! Неужели ты меня вылечил? Не верится как-то. Я думала раньше, что с

ума сойду от радости, - болтала она, вглядываясь под ноги.
- Ты просто еще не осознала!
Биоструктурам в океане стало зябко с утренним течением, приносящим пищу. Влади поднялась с паутинного ложа, не отталкиваясь, сорвалась в бездну с площадки и заскользила в тугом воздушном потоке.
У Вадима захватило дух, и он споткнулся.
- Держись за меня! Я здесь уже все знаю, могу не глядя. Здесь неделю назад девушку повешенную нашли.
- Женщинам в этих дебрях ночью лучше не появляться...
- А мужчинам, думаешь, можно? Что-то мне даже страшно стало...
Вдоль узкой извилистой тропки, по-муравьнному упорно проложенной народным потоком, освещенной негасимым даже днем светом зенитных прожекторов, угрожающе соседствовали различные ненавидящие людей предметы, предательские кучи и сооружения. Все они обладали собственным характером. Поэтому ветераны уже знали, где нужно беречь одежду от распарывания или измарывания, куда не дай бог ступить, в какую сторону лучше не смотреть и где следует затаить на несколько шагов дыхание.
Муравьиные повадки снующих здесь утром, в обед и вечером настырных людишек проявлялись во всем. Вот широкий бетонный блок, уложенный поперек тропы в попытке пресечь движение, но протоптаны две новые в обход. Вот лоснится аккуратно разлитая на другом месте тропы лужа строительной смолы, но только одна жертва оставила здесь свои ботинки, а поверх уже брошены намертво влипшие доски, по которым с тупым упорством продолжали ходить именно здесь. Ну не обходить же огромную стройку если можно срезать по прямой?!
Полоса препятствий завершалась неглубокой канавой, за которой столь же косыми рядами, как и фантазия породившего их архитектора, стояли многоэтажки.
Они подошли к пещерному зеву подъезда, и Наташа повернулась к Вадиму, выпустив его руку.
- Вадик? Ты опять смотришь куда-то... никуда. Даже страшно.
Вадим добродушно улыбнулся и смущенно опустил глаза,
- Ты стал такой странный, Вадим! - Наташа отступила, всматриваясь в его лицо, - точно, совершенно другим стал! И знаешь... у тебя были раньше постоянно поджаты губы в напряжении, а теперь... мне кажется ты внутренне светишься!.. Там было так классно?..
- Да!.. - он открыто улыбнулся.
- Спокойной ночи, спать сильно хочется, - Наташа устало поморщилась, порывисто подошла к нему, ткнулась холодными губами в щеку и так застыла. Вадим неловко погладил ее жесткие волосы.
- Конечно устала. Ждала до самой ночи.
Влади вместо того, чтобы нырнуть в океан, осталась парить в восходящих потоках, скользя над поверхностью и погрузившись в сопереживание с Вадимом. Она радовалась ему и окутывала поддерживающей уверенностью и нежностью.
- Спасибо, Вадик, - Наташа повернулась и побежала в дом, гулко застучав каблучками по ступенькам.

Вадиму почему-то вспомнилась повешенная девушка. Он повернулся и задумчиво побрел назад через стройку.
Держась за выступающую арматуру, он вызывающе взобрался на бетонный блок и осмотрелся. Стояла необычайная тишина. Даже собаки, кормившиеся невдалеке у строительного вагончика подсобки, не лаяли. Вадим спрыгнул и с размаху пнул пустую консервную банку, что было почти неизбежным рефлексом для мужчин той эпохи. Жестянка склочно загромыхала и стихла в строительном хламе. Вскоре он выбрался на улицу и направился домой.
Он видел плохо освещенный тротуар и одновременно засмотрелся глазами Влади на удивительных морских животных, суетящихся вокруг, поворачивающих к нему любопытные морды, на узловатую сеть жадных биоструктур, конвульсивно бросающуюся на добычу, и незаметно подошел к своему дому.
Рядом проехала машина, ослепила его и резко остановилась. Из открывшейся дверцы показалась высокая фигура и направилась к нему. Вадим разглядел неплохо накачанного подростка. Парень подходил явно не для культурного общения. Он чуть замедлил шаг, молча, примеряясь.
Грабить вот так случайного прохожего из машины - глупо. Значит...
- Я вижу тебя на тренировку вывезли? - участливо осведомился Вадим, испытывая легкое, но приятное смятение.
Он сам посещал занятия в обеденные перерывы, которые проводил сотрудник, увлекающийся единоборствами, в цокольном коридоре, вместе с еще десятком пожелавших достичь бойцовской крутизны. Многие тогда посещали подвальные залы, качались, боксировали, осваивали доморощенное карате чтобы быть на уровне требований усложняющихся взаимоотношений того времени. Часто для того, чтобы наработать навыки практически, устраивали избиение прохожих подходящей комплекции.
Парень остановился, и в его глазах мелькнула растерянность.
- И сколько людей ты уже отделал? - в Вадиме возникла спортивная злость, он шагнул вперед. Парень обозначил удар ногой, а силу вложил в руку, но был резко отброшен и прокатился боком по асфальту. Он резво вскочил и, сделав широкий взмах руками, стремительно развернулся спиной, вынося ногу в живот Вадиму. На этот раз он рухнул на асфальт гораздо жестче и, видимо, сломав руку, остался сидеть, болезненно прижимая ее к себе.
Влади замерла сопереживая, и разделяя с ним все эти мгновения успешности почти автоматических мужских навыков.
Из машины выбрался коренастый мужчина с бородкой и азиатским лицом. Он неожиданно проворно устремился к Вадиму, но, не добежав немного, будто врезался с размаху в стенку и, схватившись за голову обеими руками, присел от боли.
Вадим провел мысленный пунктир к бензобаку. Машина с громким хлопком вспыхнула, освещая яркими бликами стены домов.
Потом он вошел в свой подъезд и, стараясь успокоиться, не слеша начал подниматься по лестнице, но возбуждение от случившегося захватывало все сильнее. Он постоял немного перед дверью и, справившись с собой, вошел в квартиру.
Телевизор был включен, на столе куча газет, а мать стояла у окна,

прислонившись лбом к стеклу и всматриваясь вниз.
- Извини, - Вадим остановился посреди комнаты, - я не знал, что так задержусь.
- Но позвонить ведь можно было? Я же волнуюсь. Вон, что творится, - она показала на окно, - Как раз перед тем, как ты вошел, слышу - грохот. Что там случилось?
- Откуда я знаю, мам, какие-то ишаки разбираются.
Вадим долго не мог уснуть. Влади искала причину разбаланса биоценоза на побережье океана, с которым не мог совладать биосинт экосистемы, а Вадим мучился вопросом: имеет ли он право так судить людей, как это он сделал только что. Но мысли скакали, пока он не забылся, и первый сон был простым перебором последних событий.
Он проснулся и тут же вспомнил про Влади. Она появилась рядом в постели прямо в своей скользкой искусственной коже и нежно прижалась, обвив его тонкими руками. Понимая, как никто другой, она успокоила и разрядила рой путаных мыслей, заразила уверенностью и, оставив счастливое чувство незыблемого единства, исчезла. Вадим заснул как ребенок.
Под самое утро, во сне, вновь пришла тревога. Вадим, переживая случившееся в пещере огненного демона, в панике метнулся назад к Нефертити, но демон преследовал его и здесь. Погоня продолжалась жестоко и нескончаемо.
Вадим проснулся в апогее кошмара. Он лежал на чем-то жестком, и подвернутая рука сильно затекла. Он открыл глаза и долго не мог ничего понять. От малейшего движения возникало чувство головокружения.
Белые как снег длинные полосы на густом голубом фоне стали восприниматься как облака, похожие на трассы самолета, Вадим поднял голову и увидел верхушки близких голых скал, поднимающихся среди рыжей долины с редкими зелеными пятнами растительности. Вадим хотел приподняться, но рука внезапно соскользнула и провалилась. Он с изумлением и страхом увидел, что лежит в одних трусах на узловатом переплетении рыжих лиан в палец толщиной, а далеко внизу, куда опускались тонкие редкие отростки, узкое ущелье заполнялось грязно-розовыми застывшими волнами ноздреватой и блестящей как слизь массой.
Вадим огляделся. Сплошное поле рыжих лиан держалось за скалистые склоны ущелья. Совсем рядом белел костями большой скелет с наполовину провалившимся в лианы бутылкообразным черепом. Вдали белыми пятнами угадывались другие скелеты. Больше всего настораживало, что в сознании не было характерных флуктуаций-образов ГЕРы. Влади он тоже не чувствовал. Вообще никто не отзывался.
Вадим осторожно повернулся и поднялся на четвереньках, отчего вся сеть вздохнула и медленно, как огромная чаша весов, принялась раскачиваться. Где-то должен был быть концентратор, который привел его сюда. Это может быть любой предмет. Ничего особенного Вадим не заметил и стал тщательно вспоминать каким же был его последний сон. Демон преследовал, никто не хотел помочь. Сначала Нефертити педагогично наблюдал за его отчаянием, потом занятая чем-то Влади между делом ласково успокоила его, заверяя, что ничего страшного нет, в то время как демон тянулся к нему когтистыми лапами. А кто-то, это было самое страшное, и теперь Вадим вспомнил все отчетливо, кто-

то, чтобы потешится над его жутким приключением, наслал в подмогу демону еще что-то невозможно безобразное, и Вадиму страстно захотелось забиться куда-нибудь подальше так, чтобы никто не мог его достать, отгородиться от ужаса хоть чем-то, хотя уже не верил, что есть что-то способное его оградить. И вот это его страстное желание, видимо, и было максимально учтено каналом пользователя ГЕРы. И если это так, то выходит, что он отгорожен ветхой рыжей сетью от какой-то немыслимой опасности.
Вадим с холодком по спине всмотрелся вниз в лоснящиеся месиво. Ни одного звука не доносилось до него кроме натужного поскрипывания лоз под его тяжестью. В этом застывшем мире даже воздух был недвижим. Вадим повернул голову к светилу и зажмурился под безжалостно горячими лучами. Он задумчиво посмотрел на скелет. Нужно как-то выбираться с этого места.
Вадим осторожно пополз к скалам. Вздохи раскачивающейся сети наполняли его противным страхом. Казалось, что вот сейчас он сорвется вниз.
Прямо перед ним блестел свежими зелеными листьями свежий росток. Вадим заметил, что вокруг тянутся в разные стороны молодые лозы. Они, казалось, были покрыты слизью. В отличие от старых рыжих лоз эти отливали грязновато-розовым оттенком. Вниз тянулся длинный тонкий стебель. Ближайший росток повернул к нему утолщенный конец и принялся наращивать усики в его сторону. Вадим похолодел от такого открытия и отполз подальше.
Наконец ему удалось вылезти на скалы.
Вадим чуть повеселел и, качнув босой ногой большой камень, сбросил его вниз. Тряхнув сеть, камень загремел вниз по склону и как в масло вошел в ноздреватую слизь на дне. Со злорадной местью Вадим отыскал подходящий обломок и метнул его в ближайший зеленый куст. Раздался оглушительный треск, и на месте падения блеснула корона мощного разряда, взметнув к небу облако сизого дыма. Вадим от удивления прижался к скале. Выходит, это еще и электрическая сеть. А он полз по ней... Хорошо, что хватило осторожности не тронуть свежие лиану и не замкнуть цепь на себя.
Хотя живые ростки по сети располагались довольно редко, Вадим живо представил, что мог бы появиться здесь, сидящим прямо на одном из них.
Что же делать дальше? С этого места лучше не уходить. Если за ним явятся, то, скорое всего, в район того же концентратора.
Гребень скалы был совсем рядом, и Вадим решил забраться наверх.
Поднявшись, он понял, что скала - это склон большой плоской равнины, а ущелье с сетью - что-то вроде гигантского оврага.
Здесь росла невысокая, но густая и тонкая, как ворс у грубой щетки, трава. Рядом паслось небольшое стадо приземистых серых животных с бутылкообразными головами. Широкой частью этой своей бутылки они водили по траве, оставляя полосы голой почвы. На узкой части бутылки, на извивающемся коротком хоботке, блестел единственный глаз. Вадима они игнорировали.
Босые ноги приятно утопали в упругом ковре, но вот тело чувствительно пекло жесткими лучами. Вадим смирился с тем, что обгорит здесь.
То, что он вдруг заметил справа, почти на самом краю обрыва, привлекло внимание. Рядом с глубокой рваной воронкой блестела покореженная ажурная конструкция.

Что-то произошло со стадом. Животные перестали косить траву. Обеспокоенно тряся бутылками, они принялись ходить кругами.
Тут Вадим разглядел вдали несколько похожих на волков тварей. Прижимаясь к траве, они подходили к стаду, окружая его широким веером. У бутылкообразных возникла паника. Явно избегая ущелья с сетью, животные принялись носиться группами вдоль его склона. Одно из них, повернув глаз в сторону волков, случайно налетело на Вадима и тот повалился на траву. Он почувствовал себя беззащитным. Вскочив на ноги, он побежал к конструкции, огибая воронку.
Это были длинные тонкие трубы, соединяющие зеркально отполированные шары. Вадим ухватился за трубу и дернул. Она слегка прогнулась. Он заметил рядом уже почти оторванную у основания шара трубу и двумя мощными рывками вывернул ее.
Волки теснили стадо к краю ущелья. На Вадима они не обращали внимания. Он остался в стороне и наблюдал как одно животное в панике бросилось к сети и, ловко перебирая широкими мохнатыми лапами, побежало на противоположную сторону. Вскоре все стадо понеслось к противоположному склону. Теснясь и брыкаясь, животные беспорядочной массой устремились по неистово пляшущей сети. Раздались громкие разряды электричества и это усилило панику. Волки приканчивали двоих опоздавших, перегрызая им бутылки.
Стадо перебралось на другую сторону ущелья, потеряв еще троих животных, убитых сетью. Вадим увидел, как вокруг оглушенных тел медленно поднимается зловещими розовыми цветками густая поросль лиан и заворачивает добычу в тугие объятия коконов.
Сеть заколебалась еще раз и, в том месте, где очнулся Вадим, появился человек с большой сумкой в объятиях. Он сразу потерял равновесие и повалился спиной.
- Стой! - заорал Вадим, сбегая по склону и накалываясь на острые выступы породы.
- Замри и не двигайся! Там опасно!
Человек остался сидеть, поджидая Вадима. Это был незнакомый мужчина в нелепом здесь пиджаке, брюках и с галстуком.
Помня, что сеть легко выдержала вес бегущего стада, Вадим ступил на лианы и, балансируя руками, быстро спустился к сидящему. Тот недовольно и в то же время насмешливо наблюдал за ним.
- Что же ты, родной, так с кроватки выпадаешь, - съязвил он зычным голосом.
Вадим виновато усмехнулся.
- Встать-то здесь можно?
Вадим протянул руку, и мужчина неуклюже поднялся.
- Времени у меня мало, - деловито сказал он, балансируя рукой, прижимая другой к себе сумку, - так что, родной, давай возвращаться. Пойдем туда, - он кивнул в сторону склона.
- Идите строго за мной, - предупредил Вадим, - Иначе... - он выразительно указал на ближайший кокон и старый скелет.
- Какое неприятное место! И угораздило же тебя! Ох!..- мужчина провалился ногами между сплетениями лиан, отбив промежность, но сумку не выпустил.
- Чееерт, как больно! Вот не думал, что буду как обезьяна тут...
Вадим снова помог ему, но, вытаскивая ногу, тот не уберег туфель, который

полетел вниз, быстро уменьшаясь, пока не шлепнулся в оранжевую массу, которая набросилась на добычу множеством ложноножек.
Огорченный мужчина снял другой туфель и метнул следом.
- Давайте я понесу! - протянул Вадим руку к сумке.
- Конечно, родной, я к таким джунглям не привык. Только смотри, не выпусти!
Сумка оказалась неожиданно тяжелой. Скоро они поднялись на равнину.
- Наконец-то! - мужчина взял сумку и сходу вытряхнул ее содержимое на траву. И тут он увидел волков, рвущих свежее мясо, оцепенело замер, а затем нагнувшись, вытащил какой-то предмет с коротким стволом.
- Не надо, - Вадим протестующе махнул рукой, - Они нас не тронут, я уже убедился.
- Как вы думаете, что это такое? - он показал на ажурную конструкцию.
Мужчина прищурился.
- Не знаю... Какая разница? Может быть это как раз то, из-за чего блокировали обратный канал на этой планете. Ну и переполох ты устроил! Это надо же случиться такому стечению обстоятельств: выпал в блокированный канал, да еще замаскировал его!
Мужчина опустил оружие и занялся другими железками.
- И что же, я теперь с каждым кошмаром так выпадать буду?
- Ну почему же, в детстве ты же научился не падать с кроватки, вот и теперь научишься.
- А если я во сне натворю что-нибудь ужасное? Например, Землю разнесу к чертовой матери? Или ГЕРе это все равно, подумаешь мелочь? - распалился Вадим.
- Ну, это так же непросто, как спящему завязать ботинки, тут просто какое-то дикое совпадение обстоятельств вышло, - мужчина тщательно сориентировал по приборчику получившееся сооружение, - Вот. Можно возвращаться. Примитивно, конечно, но некогда было изобретать. Встань-ка рядом, родной! - он ступил в неровный проволочный круг, расстеленный по траве и поднял шар.
- И что, я прямо в трусах?
- Поторопись, она сейчас сработает!
- Кто она?
- Кварковая бомба, родной. Другой энергии здесь нет, достаточной для перемещения.
- Всю планету вразнос!??
- А что делать?.. Заодно тупичок этот обезопасим. Щас здесь такой армагеддон будет. Никем не воспетый. Ну, давай же!
Мужчина рывком втащил Вадима, расправил плечи, бросил горящий взгляд в пространство и вдруг с чувством запел, а мир сжался в точку.
Они оказались в знакомом мягко сияющим стенами зале. Народу на этот раз было столько, что Вадим, смущенно оскалившись в общем приветствии, не сказав ни слова, исчез, переместившись наружу под вконец испорченную клубникообразную ягоду.
Рядом возникла Влади, бросилась к нему, обвив руками, но, почувствовав боль обгорелого тела, отпустила. Она его вылечила, накормила и даже одела во что-то необычное. К тому времени как возник Белкин она пережила в его воспоминаниях всю историю.

- А я только что вернулся с твоих поисков! - сообщил он, - сейчас еще немало народу тебя ищут. Ты, Вадим, уж извини, это я тебе подсыпал в конце сна дозу кошмариков... Ну не учел, что ты настолько у нас необычный. Такого еще не было, никто и не принимал всерьез, а ты ко всем подключался во сне без разбору.
- Блин... целую планету сожгли из-за меня, - потрясенно признал Травкин.
- Если бы эта планета не была тупиком с довольно опасными странностями, то так бы не поступили.
- И что, люди все еще где-то ищут?
- Ты же замаскировал канал и пришлось все тупики проверять. Вот для быстроты все, кто мог из русскоязычных занялись этим, а повезло Артисту...
- Точно, похож на артиста!.. Он ботинки там оставил, - Травкин нервно заржал.
- Знаю, - Белкин усмехнулся, скосился на Влади и начал таять в своей чеширской манере, - Ну, пока!

Проснувшись в великолепном настроении, Наташа собиралась начинать новую жизнь, очень легко забыв про свои комплексы, только почему-то эта жизнь никак не связывалась с образом ставшего странным Вадима. Обычно женщины объясняют это так: "Знаю, что хороший парень, но душа не лежит.". Еще она относила свои сомнения на счет его непонятной вчерашней замкнутости. Нет, она, бесспорно, как никому другому благодарна Вадиму... Но, пожалуй, главное, она понимала, что теперь, будучи практически безупречно красивой, могла бы рассчитывать на более крутой вариант, а Вадька всегда был каким-то не от мира сего.
На работу она пришла с твердым намерением сразу встретиться с Вадимом и в общении прочувствовать свое новое отношение к нему.
Но прошло уже минут десять рабочего времени, а Травкин еще не явился, и она забеспокоилась. Раньше он никогда не опаздывал. Да и это строго возбранялось суровым распорядком, при том, что никого не волновало, что делают на работе присутствующие.
Она накормила попугая и в тревожных предчувствиях решила остаться в комнате Вадима, поняв, что не сможет больше ничем другим заниматься.
В незаконно открытую дверь вошли шеф и инспектор Черный.
- Наташа! - шеф бочком прошел к столу, - Где Травкин?
Значит ему пока еще не представили списки злостно опоздавших. Наташа слегка замялась, не зная, выгораживать или говорить правду.
- Он... пока еще не приходил.
Шеф взглянул на часы и многозначительно хмыкнул.
- Здравствуйте, - инспектор чуть кивнул Наташе.
- Здравствуйте.
- Что будем делать? - поинтересовался шеф, - По-моему теперь, вы же сами понимаете, от него можно ожидать любых сюрпризов.
- Вот это точно! - недобро нахмурился Черный.
- Что-нибудь случилось? - не в силах скрыть тревогу, спросила Наташа.
- Как вам сказать? - Черный с сомнением посмотрел на Наташу. - ваш Травкин вчера ночью избил двух граждан и сжег их машину. Рядом с собственным домом. Его опознали двое бдительных соседей.

- Не может быть, - прошептала Наташа.
- Двое свидетелей и заявление потерпевших. А утром его уже не было дома. Мать подтвердила, что видела в окне горящую машину в то время, как он пришел и уверяет, что больше он никуда не выходил, да и вся его одежда на месте. Исчез прямо в трусах.
- Ну, тогда он вряд ли здесь появится, - засопел шеф и сердито шмыгнул.
- Я тоже так думаю, но на всякий случай, если все-таки он появится, немедленно позвоните мне. Запишите номер.
Побледневшая Наташа записала номер на кончике ватмана.
- До свидания, - Черный опять кивнул и вышел.
Шеф бросился было следом, но задержался у двери:
- А вчера ты его дождалась?
- Да. Уже поздно было...
- Вот ведь, блин! Завтра у нас отчет, а он!.. - шеф махнул рукой и выскочил, хлопнув дверью.
Наташа повернулась к окну и осторожно протянула руку к тому месту у окна, где пропадал Кеша. Ладонь уперлись в прохладное стекло. В дверь постучали.
- Открыто, заходите!
Это был Сквозняков.
- Привет, Наташа!
- Здравствуйте, а Вадима еще нет, и не знаю, стоит ли его ждать, если у вас мало времени.
- У меня отпуск!
- Что ж, тогда будем вместе ждать? - улыбнулась Наташа.
- А вчера он был?
- Он появился так поздно, что я уже спать устраивалась в кресле в соседней комнате.
- Тогда он, наверное, кое-что рассказал, а я сейчас покажу. Они сели за стол и Сквозняков достал из сумки пачку фотографий.
- А мне он даже ничего не рассказывал, где был и что за фокусы тут были. Он какой-то странный...
- Еще бы. Вот, к примеру, - Сквозняков положил перед Наташей фотографию Чиполино с авторучкой в присоске.
- Что бы вы думали он делает? Подписывает свидетельские показания для инспектора Черного. А как вам нравятся эти красавицы? Тоже подписались, хотя я так и не понял, как это им удалось.
- Господи!.. Да где же это было? - у Наташи холодело все внутри.
- А там, куда Кеша вчера упорхнул. Нас всех водили на экскурсию в этот зверинец.
Наташа передернула плечами, отводя глаза от фоток.
- Ужас какой. Да я бы тут же умерла на месте. Знаете, этот Черный приходил только что. Утверждает, что Вадим избил каких-то там мужиков и поджег их машину.
- Нифига себе!...
- Вы думаете Вадим мог это сделать?
- Он теперь все может, Наташа. Его вчера суперменом сделали в этом зверинце,

так что он - один из них.
- Боже мой... - Дима, это что, инопланетяне?
- Судя по всему, они уже давно здесь обосновались, даже ваш Кеша - их агент. Они за нами следили его глазами и ушами.
- А я тут иногда переодевалась!..
Наташа взглянула на клетку и тут же испуганно отвела глаза.
- Давайте уйдем отсюда, Дима!
Не дожидаясь ответа, она вскочила и, проходя мимо попугая, втянула голову в плечи.
Сквозняков собрал фотографии, и они вышли из комнаты.
- Я понимаю, что журналист должен быть смелым, но как вы, Дима, все это вынесли? Побывали в логове инопланетян!
- Когда я вижу такую натуру, то уже не рассуждаю.
- А помните, вы хотели и меня сфотографировать?
- Да, но вы обиделись почему-то...
- Обещаю вам, что больше не буду обижаться!
Скозняков ощутил приятное возбуждение и тепло ниже живота.

Этот день для Вадима задавался куда тяжелее предыдущего, но было и значительно интереснее. Он уже начинал привыкать и осваиваться, реальность в новом качестве воспринималась яснее, глубже и понятнее.
Он пообщался с Джоном и понял, что нашел себе долгожданного друга по научным интересам. И с Джоном же он начал необычные тренировки для подготовки к своему ближайшему предназначению: нахождению общего в основах двух вселенских культур. При такой тренировке блокировалось объединение разумов и языковый барьер оставлял лишь примитивные механизмы общения. Их-то и следовало развивать. Следующим на очереди в этой игре в понимание чужого был Чиполлино.
На другую стезю деятельности Вадима настраивал Нефертити. Он считал, что информационное объединение людей на стадии их психической разобщенности может основываться на установках современной социальной религии, что-то вроде религии научной истины. В точности так же, как на ранней стадии развития индивидуума он проходит период доверчивого обучения, перенимая навыки родителей, авторитетов и культуры. Религиозная тема неприятно поразила Вадима, но, проявив терпение, он разобрался, что под религией Нефертити просто подразумевал не подвергаемые сомнению в устоявшемся быту атрибуты общей культуры - как основы для последующего самостоятельного развития.
Вадим не прочь был стать преемником подвижничества Нефертити, но лишь постольку, поскольку это интересно ему самому и не мешало текущим планам.
Уже под вечер, в беззаботном халатике, похожий на циркового гимнаста, Вадим, никого не смущаясь, прошел по улице дистанцию от ближайшего концентратора до своего дома.
В квартире ощущался аптечный запах. Из своей комнаты вышла осунувшаяся мать и, с удивлением рассматривая наряд Вадима, только и сказала:
- Что же ты со мной делаешь, Вадик?
"Нужно будет ей подправить здоровье", - озабоченно подумал Вадим.

- Привет, мам. Извини, опять я тебе сюрприз устроил... Понимаешь, за мною мужики заехали, я даже одеться не успел, думал, что скоро вернусь. Хорошо, что тепло на улице!
- Неужели ты будешь меня обманывать? Представь себе, приходила милиция, а ты сбежал. О чем я могла думать все это время?
- Милиция?!..
- Они говорят, что это ты поджег вчера машину. Оставили телефон, - она протянула помятую бумажку, - ты уж выясни!
- Надо же, ну ладно, разберусь.
Он зашел в свою комнату и первым делом сконцентрировал фокус следящего внепространственного канала на электрической розетке. Потом эмулировал набор номера телефона, указанного на бумажке. Ему почти сразу ответили.
- Черный слушает.
- Здравствуйте, это Травкин.
- А-а! Здравствуйте, здравствуйте. Я с утра вас жду. И, пожалуйста, на этот раз - здесь, у меня и, лучше всего, немедленно.
- Не вижу в этом необходимости, - Травкин слегка волновался, но надеялся, что по его голосу это не заметно. - Вы ведь получили сюрреалистический материал по Нефедову, и что же, хотите нечто подобное от меня? А смысл?..
- Послушайте, Травкин! Похоже вы возомнили себя теперь выше морали и права? И можете все, что угодно вытворять? Жечь тачки, избивать граждан?
- Они ночью напали на меня. Хотели потренироваться на прохожем. Наверняка знаете про такую практику.
- А вот это уже не вам судить. Или теперь вы сами всем судья?
- Мне судья, товарищ инспектор, моя совесть. Это - чуть выше простого принуждения законом, верно?
"Едет крыша у парниши..." - тоскливо подумалось инспектору.
В то время еще по миру не прокатились террористические акты и политические перевороты, совершаемые теми, чья совесть определялась совершенно иной культурой, и Вадим не почувствовал диссонанса своих слов.
- Вы ошибаетесь, Травкин, и государство никогда не допустит подобного самоуправства.
- Послушайте, инспектор Черный. Вам придется привести ваши должностные амбиции в соответствие с возможностями... как в случае с Нефедовым. Вы ведь сумели тогда привести?.. иначе вы просто не потянете...
В трубке иронически присвистнули.
- Ну, Травкин, вы так прозрачно мне угрожаете!.. после этого не знаю, о чем и говорить с вами. Когда ребята будут заламывать вам руки мордой в асфальт, не обижайтесь.
- В двух словах, Черный. Вчера на меня напал щенок, которого маэстро-азиат вывез потренироваться на беспечных полуночниках. Я не дал себя избить и в назидание сжег их тачку, чтобы больше никого не уделали.
- Хорошо... В общем-то я что-то такое и предполагал. Но юридически именно они сейчас правы.
- Сочувствую, вам трудно, но что могу сделать? Явиться с повинной? Вы же понимаете, что истина не удовлетворит наше правосудие из-за ее

фантастичности. И пожалейте ваших спецназовцев, ребята не виноваты, что вы не соразмеряете возможности. Скоро по Земле многое изменится в лучшую сторону.
Вадим положил трубку. Руки у него чуть сковывались волнением. С этим тоже нужно будет что-то сделать. Вряд ли инспектор вышлет группу захвата, он - не дурак. Пусть адаптируется к новой реальности.
Он вспомнил, что завтра - сдавать отчет и он не собирается подводить шефа.
На Лейвне была глубокая ночь, Влади спала, а Вадиму, привыкшему к постоянному общению с ней, стало немного грустно. Чем глубже он погружался в свою новую жизнь, чем больше узнавал, тем ему становилось тревожнее. Раньше он в жизни мало что замечал вокруг, да и был лишен возможности замечать. А сейчас границы разошлись и новое плохое и новое хорошее раздалось вширь и вглубь. Этот новый мир, где было все, пока с трудом вмещался в его представления, но требовал участия, а где взять столько сил? Он с надеждой подумал о Влади, она проснулась и потянулась к нему.

Альтернатива

Аристотель: "Смысл жизни состоит в достижении счастья, которое возникает из постоянного самосовершенствования и баланса между умом, телом и душой".

Леонардо да Винчи: "Жизнь слишком драгоценна, чтобы ее тратить на удовольствия. Мы должны стремиться к творчеству и развитию своих способностей".

Для чего дана жизнь? Для удовольствий или мук творчества? Чтобы получать постоянное удовольствие достаточно вживить в голову стимулирующий проводок и нажимать на кнопку. А чтобы добиться новых достижений не обойтись без мук творчества.
Психосостояния Рай или Ад - альтернативны или взаимодополняемы?

Бывает, ты так уверен в своей правоте, что все люди, которые не желают этого понимать, тем самым - нехорошие люди и выслушивать их доводы не хватает никакого терпения. Но иногда ситуация жестоко заставляет принимать их сторону, хотя бы временно, до лучших времен, как стратегию вынужденного примирения. Подчас такое случается в отношениях с самыми близкими и даже - со всем окружающим миром.

В меру искушенный по жизни Александр и его другая ипостась оказались существующими в двух разных мирах. Если бы не конфликт философов Ада и Рая на этой планете, то не возникла бы альтернативная вселенная.
В этом далеком, далеком мире, связанном с Землей всего лишь тоненьким внепространственным каналом, развитие технологий и чудес жизни позволяло любые сумасбродства раскрепощенных, изнеженных умов. Все было ненаказуемо, а с пониманием прощаемо. Ну, почти все.
Наивный, но хитроумный в потехах Рай вынашивал планы полного господства идеологии абсолютного Счастья. За склонность к зрелищным шоу, приносящим удовольствия, их прозвали артистами.
На Земле райский стиль жизни просто называют быдлянством, это - такой способ отправления жизненных потребностей. Но тут выкристаллизовалась неподвластная грубому научному анализу культура Высших Человеческих Отношений, хитронепонятная как квадрат Малевича. И это было поддержано подавляющим большинством, обретя общепризнанную сакраментальность.

Надо сказать, что вообще процент мучеников науки в популяции мизерно единичен. Всего лишь 5% - творцы, пребывающие в Аду, ведь творчества без мук не бывает, творчество - не радостное ремесло, а мучительный поиск нового.
Беда началась с банальной прогулки полу-влюбленной парочки. По-другому не скажешь, когда взаимная симпатия трещит от надрыва непримиримости взглядов, кажущихся самыми важными.
Его звали просто Саша, он был ученым в самом прямом смысле этого слова. Ее звали Леной, она тоже занималась наукой, но не глубоко, а для своего удовольствия. Из тех, кто называется учеными, все тот же процент большинства занимается наукой так же, как занимаются любовью.

Мир 1

Саша придержал толстую ветку, пропуская подругу Лену, - Сейчас сама увидишь, какая вода в этом диком месте теплая и приятная.
- Вообще-то прохладно сегодня, как может вода быть теплой! - беззаботно смеялась Лена.
- Просто констатируй достоверный факт! Тебе давно пора было посетить это место.
- Да. За столько месяцев в первый раз выхожу на природу, как после болезни. Хорошо, что ты меня уговорил, а Нинка поддержала.
- Ты, безусловно, заслужила! - Саша чуть порывисто дышал, всей тяжестью продавливая густо сплетенные ветви и высматривая заросшую тропу, - Столько пашешь на артистов, что про себя забыла, как-то это не по вашей философии!
- Ну,.. я как бы между этим полюсами пребываю, еще не определилась. И поэтому меня очень даже настойчиво миссионерят. Но зря ты их так пренебрежительно артистами обзываешь!
Повеяло давно привычным холодком в отношениях, но Саша не желал упускать шанс и старался быть более конформистом, чем это допускала его совесть.
- Да их все так называют. Передай мою благодарность твоей Нинке, что иногда принимает мою сторону, когда ты с ней обо мне советуешься!
- Ох, Сашка, знал бы ты какой она друг! У нас такое взаимопонимание, что кажется будто мы один человек в двух лицах.
- Завидую!.. Но среди женщин такое нетипично. Ах ты!! - Саша зашипел и резко шлепнул себя ладонью по шее, - Вот тварь!
- Кровосос?
- Больно! Шприц у него явно затупился. Вот этого нам здесь не хватало! - Саша яростно вломился в заросли, закрывающие проход.
Еще немного и они выбрались к озеру. Лена восхищенно замерла, привыкая к неожиданно красивому виду. Между невысокими холмами, похожими на горную гряду, среди густой зеленки завезенной с самой Земли экзотики, гладь озера глубоко отражала синее небо.
- Да... теперь я убеждена в искренности твоих намерений, мне бы тоже захотелось показать такое место! А так, если честно, подумала, что ты приукрасил! Как здесь хорошо... и спокойно!
Здесь не было прохладного ветерка, дневное тепло лениво собралось в чашу с озером. Лена счастливо огляделась вокруг и, сняв платье, подставила тонкие

плечи вечерним лучам.
- Вроде нет кровососов!
Саша присел у берега и зачерпнул ладонью прогретую солнцем чистейшую воду. Тонкие, почти без листьев, ветви свисали вдоль берега до зеркальной поверхности как застывшие струи фонтанов. Над влажным дерном сплели густую сеть зелено-фиолетовые стебли ежевики с большими гроздями черных ягод.
Небо готовилось к закату, перестраивались облака над горизонтом, и верхняя половина мира со сказочной выразительностью отражалась в воде. Озеро дышало теплом, запасенным за день, маня в ласковую воду.
Что-то суетливо прошуршало у ног и зеркальную гладь прорезало длинное змеиное тело.
- Ой!.. Только ведь хотела искупаться! - Лена со страхом отступила от кромки воды.
Саша улыбнулся, излучая спокойную уверенность.
- Она не ядовитая! Ты заметила: хвост длинный и в конце тонкий как ниточка? У ядовитых он похож на толстый обрубок. Наверное, яд накладывает отпечаток на физиологию.
- Интересно!.. На людей яд точно накладывает отпечаток! - усмехнулась Лена, - Возьмем Зинаиду Яковлевну, к примеру! Нет, в воду со змеями не полезу!
Она решительно одела платье, счастливо зевнула закату, потянулась руками к толстой ветке и, слегка подогнув ноги, повисла, всматриваясь в огромное, уже не слепящее светило прищуренными глазами. Ее волосы и платье чудесно искрились в проходящих лучах призрачным ореолом вокруг темнеющего дымкой грациозного силуэта.
- Смотри, какое облачко странное... - Лена замерла, наблюдая как темная клякса в бледнеющей голубизне неестественно быстро протягивает свои ложноножки в сторону заходящего тускнеющего диска, - Красотища какая апокалиптическая... Ну, разве можно сомневаться, Саш, что красота сама по себе приносит радость? Выходит, все же правы артисты в чем-то?
- В чем-то... - Саша помолчал, завороженный Леной на фоне заката.
Это был их старый спор и то, что разделяло их вплоть до нежелания быть вместе, которое на время было удачно прервано подружкой Нинкой. Так не хотелось снова воздвигать это нелепое непонимание, но Саша не смог удержаться, его черт тянул за язык:
- Ален, красоты ведь на свете самой по себе не бывает... Правда сейчас ты изумительно хороша в вечерних лучах. Нет, не хочу говорить про политику!
Лена отпустила ветку и нерешительно повернулась к нему, тоже не желая разрушать очевидно приятный момент, но было что-то как бы важнее, что она не могла предать. Оба неудержимо погружались в давно зависимое состояние своих принципиальных разногласий.
- Я не всегда понимаю тебя, Саша... - призналась она, не мигая смотря на него широко раскрытыми глазами, - Ты говоришь то, что для меня не очевидно, даже напротив... - она грустно опустила веки, - я хотела бы согласиться… но у меня - совершенно другие представления, и мы так и не смогли в этом понять друг друга... Я, например, не знаю зачем нужна семья, если человеческое счастье

зависит только от удачных моментов твоих достижений? Семья ведь становится помехой... Или все-таки что-то значат такие чувства как тепло и забота друг о друге?..
В ее голосе не было ни раздражения, ни иронии. Она честно хотела понять его и поэтому сейчас казалась немного беспомощной и хрупкой.
- Конечно значат!.. Вот мне так хорошо с тобой, что не хочется задумываться почему это так! - Саша подтянулся и ловко вылез на толстую нависающую ветку. Усевшись на нее, он с улыбкой подал Лене руку и поднял ее к себе как ребенка. Это было очень приятно, и она устроилась выше, на рогатине среди ветвей, поступившись немалой частью своей принципиальности. Она подогнула ноги под широким платьем, как нарочно опять прозрачным на фоне багровеющих лучей, ее тонкое лицо теряло черты привычной земной красоты, и перед Сашей сидела сказочная дриада. И как бы глупо ни казался разговор о сути счастья с дриадой, его желание убедить ее и перетянуть на сторону несомненно верного понимания оказалось сильнее.
- Я тоже хочу, чтобы у нас было полное взаимопонимание. Поэтому попробую объяснить. Семья нужна для объединения усилий на основе взаимодоверия, когда люди становятся близкими, ну и для воспитания детей, а вовсе не для счастья.
Он хотел говорить доверительно как с близким человеком, но не получался нужный тон, а останавливаться было поздно.
- Счастье в семье это - лишь индикатор благополучия. Как, впрочем, и вообще ощущение любого счастья. Желание обрести счастье само по себе ни к чему не приведет потому, что даже если это ощущение и удастся вызвать, то не связанное ни с каким конкретных достижением, оно так и останется иллюзорным.
Лена грустно смотрела и явно не задумывалась над сутью сказанного. В ее тонком лице с большими глазами виделось необузданное желание обрести волшебное счастье, и это делало ее прекрасной и вызывало сильнейшее желание дать ей это счастье любым возможным способом.
- Саша, смотри! - Лена с детским умилением уставилась на свою вытянутую руку, по которой ползла, нервно озираясь по сторонам, большая лохматая гусеница,
- Какая ты избирательно смелая, оказывается! - восхитился Саша.
- Она такая пушистая! - Лена, весело взглянула на Сашу и осторожно погладила гусеницу. Та оставила на руке большую зеленую каплю.
Начало стремительно темнеть.
- Кто тут свет выключает? - Саша тревожно приподнялся, озираясь.
Черное облако стремительно поглощало остатки заката. Его жирное тело расплылось на половину неба, оставив небольшой просвет, и совсем потускневшее светило закатывалось ему прямо в пасть. Блеснув золотым краем, оно исчезло.
Едва дождавшись этого момента, порыв ветра резко пригнул застонавшие деревья. Небо во все стороны прорезали фиолетовые молнии и тут же грохнуло так, что посыпались сухие ветки и листья.
Лена взвизгнула и принялась торопливо спускаться к Саше. Растрепанные волосы били ей в лицо. Следующий ураганный порыв с диким хохотом сорвал

черную поверхность зеркала с озера и швырнул осколки в людей на дереве.
- А-ай! - вскрикнула вымокшая Лена и, не удержавшись, слетела с ветки. Саша, испуганно тараща глаза в слепящий полумрак, спустился вниз.
- Как резко все изменилось! - дрожащая от холода и испуга Лена, тонкая как мокрая кошка, прижалась к нему.
Свирепый посвист неотвратимо приближался откуда-то и захотелось вжаться в землю. Оглушительный хохот вместе с новой молнией взметнул тонкие ветки. Что-то огромное, многоголовое и змеящееся ухнуло из темноты на землю, высоко вздымая песок так, что под ногами все вздрогнуло. Слепящими струями полилось пламя, ярким светом выхватывающее из темноты жуткие перепончатые крылья, омерзительное тело и ужасающие клыкастые пасти. Молниеносно взметнулись когтистые лапы, больно сдавившие ребра, пахнуло нестерпимым жаром, и Саша захрипел в железных тисках. Жалобный вскрик Лены, вырванной из его объятий, быстро пропал где-то вдали. Когти разомкнулись, и отброшенный Саша полетел в колючие заросли. Крылья оглушительно ударили по деревьям, и огромное тело взмыло ввысь.
Все затихло, только потрескивали, догорая, обломанные щепки.
Туча поблекла и растаяла и закат продолжился как ничего ни бывало с прерванного момента, осветив мокрые изломанные, местами горящие деревья, с поднимающимися клубами пара, полосы пепла и замутившуюся воду.
Саша лихорадочно выпутался из цепких зарослей ежевики и поднялся на непослушные ноги. Сердце разрывалось в груди и не хватало воздуха. От порванной и почти высохшей от пламени одежды поднимался пар. Земля вокруг была взрыта глубокими бороздами по три в ряд.
Саша без сил опустился на землю и, не мигая, оцепенело уставился в небо. То, что стояло у него перед глазами, противоречило всем представлениям, отбрасывало его беспомощное сознание далеко назад, заставляло смириться с чем угодно.
Он вскочил, но тут же осадил себя, поняв бесполезность порыва. Может быть, он единственный кто видел все это? Но остались эти ужасные следы на земле...

Мир 2
Это мир без смартфонов и персональных компьютеров. Все по старинке. Это не Земля, а нечто слегка иное.
В универе тяжелые двухъярусные самшитовые парты с художественной инкрустацией скрывали все, что было выше ног, образуя полированную интимную зону студента, скрытую от преподавателя.
Кто-то позади настойчиво ткнул в бок. Саша очнулся и насторожено скосил глаза на густо разрисованную голубым тускло светящимся мелом доску. Вроде все тихо: Юрий Львович или просто Лева все так же нудно бубнил тему и, кроша мел, обводил очередную формулу рамкой святой истины. Саша обернулся, высматривая кому и что от него стало нужно.
- Будешь? - худощавый юморист группы Павлик незаметно протянул стопку с янтарным напитком, - Если нет, передай дальше.
- Афигел!? - прошипел Саша и чуть не заржал от неожиданности.
- Это "Дар Волшебной Осени", самое вкусное, что ты пробовал или попробуешь

в жизни!
Саша конспиративно принял стопку и, склонившись, поднес край к носу. Густой аромат слегка отдавал аптекой, и был очень приятным. Саша приблизил голову к соседке:
- Лен, смотри, "Дар Волшебной Осени".
- О... Можно попробовать?
- Конечно.
Лена пригубила вино, изобразила райское наслаждение и стопку передали дальше.
- Как вовремя!.. - Лена смешно сморщила нос, - Я уже вся была в гипнозе, слова обтекают как кисель. Может потому, что у Левы голос такой монотонный?
- Да он весь монотонный и слушать его вредно для психики. Ты что в воскресение делаешь? Пойдешь с нами в горы на простенькую вершину?
- Разве за вами угонишься?.. - Лена поежилась, - Я помню ты слайды показывал, такие крутые места не для меня.
- Жаль, если одумаешься, обещаю уставшую нести на шее!
- Не могу... Опять сейчас буду в сон проваливаться...
- Нужно сопротивляться насилию. Давай стихи сочинять в темную. Пиши первая, потом закроешь все кроме последней строчки. Посмотрим, что получится.
Лена улыбнулась, вырвала листок и загородилась рукой. Наконец она что-то написала и, сложив край, протянула бумажку. Саша прочитал оставленное открытым: "и с ума тебя сведу взглядом?". Эйфория оттого, что Лена такое написала, узко сфокусировало цель: как бы блеснуть юмором и ироничнее написать продолжение. Поэтому и не вспомнилась песня, где была такая строчка. Он торопливо дописал: " отравлю словами твою душу и покину, повернувшись задом." и шаркнул листком к соседке.
Лена развернула листок, конечно же распознала жалкую попытку пошутить, которую бы, несомненно оценила как повод для приятного общения, будь ее расположение к Саше более теплым, а так, она лишь чуть погрустнела и, открыв листок, показала Саше как справку о его глупости.
В первой строке красивые девичьи буковки складывались в умопомрачительное: "Хочешь я пойду с тобою рядом..."
С печалью не сбывшейся судьбы Лена улыбнулась и скомкала бумажку.
- Не получается у нас песня, - добила она оцепеневшего Сашу.
- Еще шанс?! - порывисто попросил он.
- Молодой человек, - Юрий Львович возвышался рядом, интеллигентно излучая ярость каждой растопыренной рыжей волосинкой своих бакенбард, - Вы тут дурачитесь, скромно, втихомолочку, исподтишка. Но зачем так конспирироваться? Вас никто не заставляет учиться, вы совершенно свободны! Только не мешайте тем, кому интересно, пожалуйста!
Саша вежливо встал, но двойной облом заставил стать агрессивным без правил:
- А кому интересно? Ну, пусть поднимут руки.
Никто не поднял, скорее всего из-за тупой пассивности, но, возможно из студенческой солидарности или из любопытства что будет дальше, или чтобы не вовлекаться в острую ситуацию. Саша порадовался этому и оборзел.
- Вас в самом деле так задевает, что кто-то вас не слушает? Больше даже, чем

придать хотя бы малейший интерес к вашей лекции? - он секунду помолчал, наблюдая растерянность Левы, потом сказал тише и чуть примирительнее:
- Вы нам излагаете один к одному материал из учебника. Это мы можем и сами там прочесть, зачем тогда здесь время тратить, мел крошить?
- Что называется, щенячья наглость!.. Знаешь, студент, кончай учить меня как мне учить вас!! Умничать будешь на экзаменах!.. Хм... Садитесь и не мешайте.

3. Мир 1

Заходящее солнце окрашивало взмученную воду в ржавый цвет высохшей крови. Хаос в голове постепенно укладывался в ниточки рациональных предположений. Понятно, что все это - был спектакль артистов с целью похищения Лены, которую не удавалось склонить более мягким зомбированием. Такие как Лена им жизненно нужны: теперь они будут копировать ее в разных вариантах для своих виртуальных приключений. Значит опять обнаглели гады... Работа личного регистратора была подавлена как, видимо, и вообще всех устройств, так что не осталось никаких свидетельств для наказания, но и без этого изощренность адвокатов артистов, как правило, намного превышала возможности обвинения. Против таких методов действенны только неожиданные, подзаконные приемы.
Модуль радиоимпланта Лены не отвечал на упорные Сашины вызовы. Неужели они не просто заблокировали, а повредили имплант?
Саша напрягся от волнения и запустил стимулирующие механизмы мозга на полную мощность. Они нормально разлили в голове острую ясность мысли, значит его электроника цела. Он послал импульс аэрокару, оставленному за лесом и тот бодро ответил. А вот его друг Володя молчал, как и Лена. Но он мог просто поставить режим "отстаньте от меня". Придется слетать к нему.
Саша порывисто вскочил с места и лихорадочно полез через бурелом. Он выбрался к приземистому флайеру и плюхнулся на сидение.
Хоть Володя и работал на артистов, но оставался свободолюбивым, и они часто заговаривали на терминальные темы, за которые запросто можно лишиться тепленького места. Но техники артистов пользовались особым дефицитом и востребованностью. Только он смог бы как-то помочь. Потому, что по закону ничего криминального не произошло, согласие участницы наверняка будет получено.
Саша визуализировал координатную метку, тонко запели турбины и флайер, упруго взвился в воздух. Встречный поток взлохматил волосы. Почти под самым днищем замелькали верхушки деревьев. Машина плавной дугой приближалась к высоким холмам, поросших лесом. С помощью визуализатора, вживленного в мозг, Саша принялся моделировать возможные варианты плана действий. Данные и графики накладывались на его поле зрения, они были куда богаче, чем просто зрительная информация, сопровождаясь множеством ассоциированных подсказок.
Флайер снизился, на мгновение завис в воздухе и неощутимо плавно лег на поляну возле небольшого композитного домика, замерев в густой траве. Стая неуклюжих змеегусей разбежалась, склочно гогоча и грозно вытягивая сдвоенные шеи.

Саша выскочил из машины и быстро направился к домику, выглядевшему на этот раз с момента последнего визита как ветхая избушка, раскидывая пинками валяющиеся на дорожке пустую недорассосавшуюся эко-тару.
Он зашел на веранду, заваленную разноцветным хламом. Хозяин спал с запрокинутой головой, утопая в огромном вычурном под старину кресле. Небритый подбородок остро торчал вперед, а приоткрытый рот блестел двумя передними зубами. Тонкие светлые волосы вздыбились неряшливым ореолом вокруг розового лица и слегка шевелились легким ветром. Перед креслом стояла незаконченная женская скульптура в натуральную величину с гипертрофированными формами. Вокруг валялись куски цветного художественного пластика.
- Володя! - осторожно позвал Саша.
Тип в кресле недовольно повернул голову и открыл голубые глаза:
- Чо надо?!
- Просыпайся, блин!
- А, это ты, Сашок... э-эх! - Володя коротко потянулся, - Спасибо, что не забыл. Что скажешь?
- Ленку увели, - Саша присел на какой-то зеленый ящик со значком радиации.
- А что я тебе предсказывал? - Володя хотел было мудро поднять бровь на приятеля, но как только разглядел его, вскочил на ноги, - Кто так тебя?!
- Меня драл дракон, который и утащил Ленку. Наверняка инсценировка артистов.
- А чего ты ко мне привалил? Вызывай спасателей! Хотя погоди. Ну да, раз дракон и все такое... - Володя согласно кивнул, - Жалко Ленку. Они ее быстро охмурят. Сам знаешь, женщины от них без ума. Только я к ним с тобой не пойду. Ты уж извини. Но рекомендацию, если хочешь, дам, чтобы смог проникнуть.
- Какую рекомендацию?
- Для вступления в институт человеческих отношений.
- Чтобы я стал артистом?!
- Я думал, что у тебя башка варит, а ты совсем офигел. Как иначе ты к ним проберешься? Учти, времени мало. А тебе еще морду сменить нужно, научник несчастный. Хорошо, что вчера с Земли народ прибыл. Наверняка твои знакомые среди них найдутся. Ты уговори кого-нибудь посидеть денек дома. Я сразу дам рекомендацию.
Пока Саша вызывал список и связывался с прилетевшими, Володя рылся в горах своего хлама, доставая разные интригующие вещицы.
- Договорился, - Саша хлопнул Володю по спине и тот, ругнувшись, выполз из глубокого шкафа.
- Взял у него код?
- Конечно.
- Ну, а что стоишь? Иди переодевайся.
- Я этих ваших штучек не знаю.
- Да тут все самопонятно, дружественный интерфейс! - Володя потащил Сашу в дом, посадил в кресло со множеством устрашающих манипуляторов и запустил инициализатор. Саша неузнаваемо изменился. Володя взглянул и ехидно ухмыльнулся:
- Ну, как, нигде не жмет?

- Нос болит.
- А ты как хотел? Твой дружок курносей тебя.
- Адово изобретение...
- Ничего, потерпишь. Тебе, главное, к ним проникнуть, а там, как все узнаешь, можешь релаксироваться и станешь самим собой. Вот, держи. Это парализатор. В своем логове они против него беззащитны. Таких ни у кого нет. Сам сделал. Изделие незаконно. А сейчас запиши все что видел, все свои впечатления для спасателей, если до них дело дойдет.
Саша послушно сосредоточился и, доводя до зрительной четкости воспоминание, передал его в архив, где оно зафиксировалось под кодом, который Саша занес в память своего удаленного биокомпьютера. Вспоминание кода осуществлялось мгновенно по ассоциации с тем предметом, к которому он относился.
- Я уже предупредил их о визите, - заявил Володя, - они, правда, спросили, чего тебе нужно, на ночь глядя. Я сказал, что парень только что с Земли, прилетел за простым человеческим счастьем. Знаешь, даже обрадовались. Сказали, что у них там новенькая адаптируется, так вас обоих как раз и введут в курс. Считай, что тебе повезло. Смотри, не наделай глупостей. Я тебя знаю. Ты с женщинами не умеешь разговаривать. В общем, как только Ленка согласится бежать, просигналь мне, я вызову спасателей и тогда артистам на этот раз конец придет. Они мне уже во как надоели! Не забудь: если не согласится ничего не предпринимай, это бесполезно.
- А это что? - Саша показал на скульптуру.
- Хочу свою идею материализовать типа Галатеи. Можешь считать это моей дурью.
- Очень круто как безнравственно, прям безгранично... Ну, все. Полетел я... Спасибо тебе.

Флайер взмыл в темнеющее небо и сложной трассой запетлял среди холмов. Саша всегда заворожено наблюдал как автопилот ловко справляется с управлением, следуя по наиболее логичной траектории среди множества препятствий вокруг. Можно было бы подумать, что машину ведет лихач-пофигист, до того на грани возможного, на пределе устойчивости закладывались виражи, учитывая местами довольно густой трафик других летательных аппаратов.
Вдали показались огоньки институтского городка. Артисты выбрали красивейшее место у широкой реки среди скал, разрывающих дикий лес. Встречный воздух похолодел, и напряженные ткани лица, удерживающие зафиксированные черты, заломило от боли.
- Спасибо боль, ты сделала свое дело, предупредила и теперь мне не нужна, - мысленно пробормотал он старую облегчающую мантру и добавочно включил анальгезирующие системы организма.
Флайер изумительно четко нырнул сквозь ветки деревьев, и Сашу не задело ни одним листочком. Чуть качнувшись с упругой мощью, он застыл перед ярко освещенным зданием.
Саша, озираясь, подошел к дверям. Помедлив мгновение, те разошлись.

- Совпадение вашего кода составляет ноль восемьдесят шесть, - неодобрительно сообщил автомат с четко выраженной склочной интонацией, - вам пора пройти перерегистрацию!
- Старый ворчун! - добродушно погрозил автомату невысокий человек с мудро-улыбчатым лицом и проседью на висках, подходя к Саше. Он протянул морщинистую ладонь:
- Добрый вечер, Женя! Наш друг Володя рекомендовал вас в самых лестных выражениях. Мы очень рады новому товарищу. Сейчас не часто встретишь полнокровное, живое человеческое общение и понятна тяга...
- Извините, ничего, что я машину у входа бросил?
- О, не беспокойтесь, Женечка! Никто не посмеет ее тронуть здесь. Идемте, я вам все покажу. Уверяю, что вы не пожалеете о своем выборе. Если не возражаете, мы проведем вводный инструктаж с вами и еще одной девушкой.
- Извините, а как вас зовут?
- Просто Семен Семенович, да... Вот она, кстати, знакомьтесь, Наталья Алексеевна.
Морда у Саши вытянулась: это была не Аленка. Веснушчатая длинноногая девушка в модных инфо-очках-бабочках на пол-лица доверчиво шагнула к Саше:
- Оу, Евгений Павлович, как прекрасно! Вы тоже здесь! Когда я вас увидела в блоге, то так и подумала, что вы не тот, за кого себя выдаете! - женщина игриво погрозила пальцем, - Я чувствовала, что вы скрываете в себе истинно человеческие порывы и страсти!
Саша натянуто улыбнулся и молча пожал плечами. В душе у него стало тоскливо и жутко. Что же теперь делать? Как искать Аленку? Рассчитывать на счастливую случайность очень глупо. Саша давно уже убедился на собственной шкуре, что счастливые случайности, так помогающие суперменам в их киношных подвигах, судьбой не дарятся. Остается как можно больше разузнать, а там видно будет. Он уже связался с Володей, они обсуждали новый план и нужно было потянуть время.
Саша замедлил шаг. Его спутники удивленно оглянулись.
- Семен Семенович, простите! Если вы не против, я хотел бы кое-что спросить заранее...
Они остановились посреди длинного коридора. Семен Семенович снисходительно улыбнулся, давно не удивляясь обычной нерешительности новеньких. Чем-то это напоминало неловкость новичка в секс шопе при выборе кибер-партнеров.
- Да, конечно, я вас слушаю.
- Я не успел рассказать вам о цели моего посещения, - зашептал Саша, - о моих сомнениях. В общем я бы хотел выяснить несколько важных для меня вопросов. Очень прошу уделить мне немного времени.
- Ох уж эти молодые люди! Ну, конечно, я рассею ваши сомнения, - Семен Семенович деликатно похлопал Сашу по плечу и повернулся к женщине:
- Наталья Алексеевна! Пройдите, пожалуйста, в лекционный зал, тот самый, а мы с Женей скоро подойдем.
Девица скроила нетерпеливую гримасу, но упорхнула. Саша медленно зашагал обратно по коридору, вынуждая Семена Семеновича следовать за собой.

- Раньше я занимался адаптационными структурами для биокомпьютеров, - начал Саша.
- Вашу биографию, Женечка, мы изучили сразу же после получения рекомендации. У нас такие правила.
- Ну, да... Я только хотел сказать, что сразу резко изменить себя вряд ли удастся. Говорят, у вас тоже можно заниматься исследованиями... Я бы хотел совместить...
- Я вас отлично понимаю. С вашей прежней специальностью вы нам можете очень быть полезным. И для вас здесь, поверьте, найдется много нового и неожиданного. Про нас рассказывают всякие ужасы, глупости и просто неприличные анекдоты. Это судьба всех великих направлений, - Семен Семенович снисходительно усмехнулся, - Но раз вы здесь, - значит вы выше всех этих домыслов. Мы стараемся сохранить и развить в человеке все человеческое, предотвратить его превращение в бездушную машину. Все порывы его души: хорошие и плохие, его сила и чисто человеческая слабость - ничего нельзя отбрасывать. Все должно развиваться гармонично. Человек окружил себя стеной технических достижений и забыл, что развивать нужно не технику, а искусство отношений между людьми, основанное на строжайшем уважении к личности и ее порывам, разрешить, наконец, противоречие, когда станет возможным личное счастье для каждого. Вы же понимаете, что счастье ощущает именно индивидуум и это и есть конечная цель всего. Значит, чтобы сделать счастливым все общество нужно обеспечить счастьем все составляющие его личности, и мы уже умеем это. Иначе еще немного и человек попросту превратит себя в синтетическую куклу и потеряет даже свой облик, киборгизировавшись до неузнаваемости. А это - конец человеческой цивилизации. Дальше пойдет цивилизация глубоко чуждых нам существ, если их можно так назвать.
Саша с восторгом внимал:
- Как интересно, я многое недопонимал, пожалуйста, продолжайте!
- Научники упрекают нас в консерватизме. Мол надо понимать естественный исторический процесс смены старого новым. Но они сами себе противоречат. Если бы старое так легко и само по себе сдавало свои позиции, то без борьбы могло бы победить любое новое, плохое или хорошее. Что бы тогда было с Историей? Нет уж! Пусть это новое в споре на жизнь и смерть завоюет свои права, если у него хватит сил. Вот тогда все будет на своих местах. Мы же убеждены, что научники проповедуют порочные для человечества взгляды, что это тупиковая ветвь эволюции, посмешище над человеческим достоинством. Именно сейчас, когда мы находимся на вершине технического могущества, процесс безрассудного познания нужно обуздать. Еще шаг и человеку придет конец. Техника создала рай для тела, теперь предстоит создать рай для души. Человек не должен закрепощаться в нравственных рамках. Все его порывы, сила и слабость имеют право на существование.
Саша в восторге закатил глаза:
- Как эпично! Вы делаете величайшее дело!
- Мы создали сказочные миры, в которых можно быть по-настоящему счастливым, ведя интересную, полную приключений и глубоких переживаний жизнь, во всех отношениях лучше мрачной объективной

реальности. Тем самым, человеческие механизмы заинтересованности, направленные эволюцией на познание мира, органически и естественно ориентируются на рай для души. Пусть это пока в некотором роде модели для избранных, но они указывают путь в будущее, когда человек станет венцом биологической эволюции, и любое его желание субъективно удовлетворяется. Ему не грозит пресыщение потому, что как бы велико не было его стремление к новым переживаниям, а разнообразие моделей жизни будет еще больше.
Я надеюсь, что сумел развеять ваши сомнения, Женечка?
- Да, я вам благодарен, - Сашу передернуло от отвращения при мысли, что такой как Семен Семенович может в каких-то своих мирах похабно пользоваться Аленкиной красотой.
В то время как Семен Семенович с упоением миссионерствовал, план был отработан и запущен на исполнение. Теперь нужно найти Лену, а до этого тянуть время до начала событий. Это казалось не сложным. Семен Семенович являлся машиной бурного, нескончаемого трепа.
- Взгляните на меня, - откровенничал Семен Семенович, - я не так уж стар. Эта седина скорее говорит о глубоких полноценных переживаниях. Я прямо горю в огне чудесных переживаний. Иначе жизнь не имеет смысла! Слушайте свое серд... простите... - Семен Семенович застыл с открытым ртом, прислушиваясь к чему-то внутри себя, - Так - сказал он наконец, - опять хулиганские выходки по отношению к нам. Идемте, Женя, полюбуетесь сами на этих молодчиков! Честное слово, мне иногда кажется, что это просто сумасшедшие громилы!
Они вернулись к входной двери. Прозрачные стены позволяли видеть, что делается снаружи. Казалось, дверь прогибается под гулкими ударами. Саше стало немного не по себе: освещенный яркими лучами, его двойник в изорванной одежде яростно молотил ногами по двери.
- Откройте, выродки! Я знаю где Лена!
Усилители разносили по коридору этот рык и Семен Семенович брезгливо поморщился:
- Спасателей уже вызвали. Скоро его уберут отсюда.
- Так это же Сашка! - Саша разыграл удивление, - Я его знаю! Чего это он?
В этот момент двойник выволок из машины какой-то аппарат и на конце шланга призрачно засиял короткий факел пламени.
- Ну, это уже ни в какие ворота... - пробормотал побледневший Семен Семенович.
В коридоре появилось несколько молодых людей крепкого телосложения. Дверь под огненной струей тонко пела и растекалась дымящемся расплавом. Тут с неба посыпались машины со спасателями. Амортизируя, они замирали и из них выскакивали люди в защитной одежде, только что оторванные от своих дел. Отобрав резак у нарушителя, они о чем-то горячо заговорили с ним, но тот снова рванулся к двери. Его схватили за руки и вдруг он увидел Сашу.
- Евгений! Женька, открой дверь! Эти выродки украли Лену! Женька!!!
Спасатели насильно потащили его прочь, усадили в машину, и вскоре только изуродованная дверь и острый запах горелого материала напоминали о происшедшем.
- И чего они с ними так церемонятся? - недоумевал Семен Семенович, - настороженно поглядывая на Сашу, - Надо сразу руки за спину и в лечебницу! Ну,

Женечка, давайте займемся нашими делами. Они намного интереснее.
- Черт!.. не понятно! - Саша стоял, изображая мучительную работу мысли, - Про Сашку такое не подумаешь. Он кричал, что вы у него украли Ленку.
- Как это украли? Она что вещь какая-нибудь? Это же бред. Вы сами видели его состояние.
- Семен Семенович! Я ведь собираюсь посвятить свою жизнь вашим идеям. Я или подойду, или нет. Лучше сейчас все выяснить, чтобы потом не было сюрпризов и разочарований. Если честно, я давно - за вас, так что мне можно говорить, без опасений быть не понятым, все как есть, я пойму правильно потому, что не обременен всяким там фанатизмом и достаточно безынерционен в вопросах морали. Вы же догадываетесь, почему я пришел к вам, да еще не дождавшись утра.
- Ну, что ж... - Семен Семенович вздохнул и испытующе посмотрел Саше в глаза и, казалось, укрепился в доверии.
- Тут, Женечка, есть грань. С одной стороны, болото мерзости, разврата, пошлости, а с другой - высшее понимание человеческой сущности. И нужно быть очень деликатным, чтобы не угодить в грязь... В наш век идет бескомпромиссная борьба за человека. И подчас случаются неизбежные жертвы. Они не напрасны. Если раскрывать только факты, то возникает ужасающая картина: мы негодяи, насильники... Но если подойти с диалектическим пониманием, то станет ясна неизбежность и необходимость в таких действиях. А факты таковы: романтически похищена очень красивая девушка. Вся ее беда в том, что она очень и очень красивая.
- Да, Сашка хвастал мне, что Ленка у него красавица... - Саша изобразил плохо скрываемую похоть. Семен Семеновича опять понесло:
- Вы знаете, невозможно что-либо выдумать из ничего. Человек может пользоваться только тем, что найдет в природе. Так и красота. Художники искали ее в натуре. Нам остро необходимы образцы человеческой красоты для моделей тех счастливых миров, на которые имеют право все люди. Нас оправдывает то, что она уже практически согласилась с нами сотрудничать и выразила готовность к такой роли. Она проделала для нас очень большую работу, и мы порадовали ее сюрпризом - началом новой жизни. Так что все намного сложнее и я...
- Я понял вас, Семен Семенович! - Саша волновался и это было заметно, - я раньше кое-что слышал, много думал и поэтому пришел к вам. Вот бы ее увидеть, - он чуть криво улыбнулся и неподдельно порозовел, - и с нее начать... чувствую, что тогда сомнений точно не осталось бы никаких...
- Хм... Вообще-то у нас так не принято. Но... и если бы не Володина рекомендация... - Семен Семенович со вздохом вынул из кармана небольшую пластинку и в воздухе как живая возникла маленькая Лена.
- Вы же меня понимаете, - Саша изобразил чуть обиженную морду с похабной усмешкой, - Что мне на эту картинку... короче, в качестве небольшой вступительной услуги... познакомьте меня с ней! - лицо у Саши уже натурально пылало.
Это с очевидностью оправдывало его нетерпеливый ночной визит. Так напористо и с надежно понятной мотивацией еще никто не вербовался, и Семен

Семенович брезгливо улыбнулся: этот станет фанатично преданным адептом.

4. Мир 2

Университетский друг по прогулам и мороженному, Володя, посоветовал, как поступить, чтобы избежать распределения для обязательной отработки выпускником после защиты диплома. Альтернативой трем годам кабалы была только запись в отряды Оранжевых Беретов для поддержания правопорядка.

- Ну или на Ленке женись. Ее папочка точно на хорошую работу устроит.

- Не знаю я еще точно насчет Ленки.... Такое ощущение, что она меня терпит про запас.

- Возможно, это - твоя параноидальная иллюзия. - Володя слыл опытным знатаком женщин насквозь, - Бывает, что женщина просто компенсирует отсутствие чувств максимальной пользой от мужа, чтобы быть типа не хуже других. При этом начнет присматривать по сторонам более достойного партнера. Женщина мыслит стереотипно, это медицинский факт. Но обрати внимание: природа сделала женщину слабее мужчины. Те виды, где женщина была сильнее, не выдержали естественного отбора еще, может быть, у предков человека. Женщина, строящая свое поведение в основном на своих чувствах, проистекающих из женской культуры, равноправие воспринимает как слабость мужчины, потому что исторически привыкла видеть его силу. И в доме воцаряется гибельный матриархат. Он всегда возникал, когда мужчины в обществе теряли часть своей силы и становились в чем-то зависимыми от женщин, но он нигде не оказался жизнеспособен. Семьи с распоясавшимися женщинами не выдерживают естественного отбора.

- Ты решил внушить мне полное отвращение к семейной жизни, чтобы я пошел в береты?

- А умом ты не согласен с этим?

- Да вроде бы логично.

- Я наблюдал судьбу своего братца и его товарищей. Они иногда исповедуются у нас дома.

- А.. понятно. Ну, а любовь в этой схеме участвует?

- Похоть имеет конечные сроки своей функциональности. Потом остается привычка, и если успела выработаться совместимость, взаимная необходимость, близость, то все будет хорошо.

- По-моему ты упускаешь один случай. Редкий, но самый главный. Когда в результате физиологического влечения психология перестраивается так, что у обоих и в мыслях нет доминировать, а к партнеру относятся как к самому себе. Тут главное - не поддаться влияниям и советам извне, иметь свое мнение. Может быть, это и есть настоящая любовь?

- Идеалист! Такие проигрывают. Ненулевая вероятность есть, конечно. Счастливо жить хотят все, а достаточное взаимопонимание или отношение как к самому себе бывают так редки, что оказывается вне нашей теоретической модели как редкое исключение, - убежденно констатировал Володя.

- Думаю, что если с самого начала была симпатия, то никто не проиграет, если будет относиться к партнеру честно как к самому себе, даже если окажется, что симпатия базировалась на обманчивых впечатлениях. Иначе это нужно называть

не любовью, а партнерством.
- Существует множество ситуаций, когда честность не выдерживает необходимости получить свое.
- Я стараюсь быть честным.
- Ты не понял... Учти, женщины в гораздо большей степени строят свое поведение на неосознаваемых мотивациях, на том, что чувствуют к тебе в данный момент. Сегодня ты симпатичен, а завтра, беда-то какая, ты слегка облажался и пал в глазах. Им очень важно соответствовать типажу успешной женщины в обществе, чтобы было не хуже, чем у подружек. Я бы для проверки сначала ставил чистый эксперимент: что у женщины преобладает в чувствах к тебе, безусловная привязанность или же догмы женской субкультуры.
- Думаю, что тест в начале отношений будет показывать искреннюю близость, ну а потом на поверхность полезет глубоко внедренное стремление быть не хуже подружек и поиски лучшего, - заметил Саша.
- Да ладно проблемы воздвигать на пустом месте!.. Есть немало хорошо показавших себя тактических приемов. Например, я бы вдруг перестал к ней ходить. Зная степень ее гордости и анализируя поведение можно было бы сделать достаточно верные предсказания.
- Все просто на словах. Учти все мы в какой-то степени паразиты и в какой-то степени зависимы от предвзятых представлений. Ты сам не знаешь точно, как будешь думать завтра.

5. Мир 1
Семен Семенович нетерпеливо переступал, как если бы ему нужно было в туалет облегчиться.
- Пойдемте же, друг мой!
Саша последовал за Семен Семеновичем. Они вошли в просторную комнату с необычными, видимо очень комфортными креслами. Саша с интересом наблюдал за оживленной мимикой Семена Семеновича пока тот вел переговоры по телепатической радиосвязи, но ничего для себя полезного не уловил.
- Мы нашли возможным и полезным удовлетворить ваше желание, Женечка, - Семен Семенович, явно загорался новой идеей, - все это даже очень кстати. Среди нас, прожженных, ха-ха, артистов действительно не найдется более подходящего типажа.
Так вот, сценарий таков: в настоящий момент похищенная могучим драконом красавица находится в его темнице, в понятном состоянии готовности ко всему и смирении, но со всегда остающейся надеждой. Вам, Женечка, нужно трансформироваться в того фанатика, у которого ее похитили, раз он был ее мужчиной. Извините за неудобства, понимаю, как хочется оставаться самим собой, но так нужно. Цель: воплотить счастливый конец сказки или, что тоже самое, переполнить счастьем благодарную героиню, ну и вам перепадет этой самой благодарности. Леночка должна увидеть необыкновенную красоту переживаемого - прообраз тех прекрасных миров, которые нам предстоит создать.
Итак, забудьте, что вы Женя. Теперь вас зовут - Александр Сергеевич. Вы минуете все преграды, доберетесь до замка и победите дракона. Красавица, конечно,

будет вам благодарна. Вы объясните, что теперь вся ее жизнь будет как сказка, достаточно одного ее слова. Сцены, которые вы разыграете сейчас и впоследствии, войдут в золотой фонд человеческих отношений.
- А, по-моему, вы рискуете!
- Чем это?
- А тем, что прямо сейчас Саша все рассказывает спасателям и те вот-вот устроят у вас обыск. А Лена еще не готова дать согласие остаться здесь.
- Ее не найдут. Ее внешность изменена другим кодом, а психика контролируется через дополнительный канал связи.
- Что за канал связи, способный на такое?..
Этого они не предусмотрели. Саша передал данные Володе.
- Не волнуйтесь, Женя, понимаю вас как специалиста. Я имею в виду то последнее техническое усовершенствование, которое мы допускаем по отношению к человеку. Мозг дополняется новейшим адаптирующим устройством, позволяющим передавать другим и записать на носители всю полноту текущего самоощущения. Это истинный телепатический по полноте восприятия фильм-сопереживание. Он и позволяет жить в мирах, существующих только как плод синтеза специальных компьютерных систем. Не нужны никакие муляжи и киборги, все воплощается в точности как в реальности.
- Я и не слышал о таком!
- Еще бы! Попади это устройство в руки научников и предотвратить процесс роботизации человека будет уже невозможно. Но у нас и в самом деле очень мало времени. Научники не стоят на месте. Мы должны увлечь за собой человечество раньше, чем они освоят подобные технологии. Для этого необходимо создать фонд человеческих отношений. Да, Володя, который вас рекомендовал, оказал нам неоценимую помощь. Без его устройств не было бы никаких перспектив. Прямо сейчас сделаем вам подсадку адаптирующих структур, и вы будете совсем наш.
Семен Семенович театрально щелкнул пальцами.
В комнате возник жизнерадостный мужик с ежиком вокруг лысины и на подбородке. Его манеры в неуловимых нюансах настораживали и давали повод подозревать утонченную психиатрическую ненормальность. Широкая улыбка не сходила с круглого лица и только принимала различные оттенки. В висках торчали жесткие седые волосы.
- Здорово, приятель! - прогремело это чучело, - Зови меня просто Константин Андреичем. А ты, значит, Женя. Сейчас впрыснем тебе присадочку...
- Меня зовут Евгений Павлович, пожалуйста.
- Не безобразничай, Женя. Вот когда примкнешь полностью к нам, то и станешь Евгень Палычем.
Саша недоуменно взглянул на Семена Семеновича, но тот со слащавой любезностью убедительно закивал головой:
- Не сомневайтесь, все будет хорошо!
Константин Андреич шагал по коридору стремительной походкой и ни разу не обернулся. Саша запыхался, когда они добрались до лаборатории, заставленной по большей части не знакомыми устройствами. Он дал усадить себя в кресло и послушно просунул голову в стереотаксический фиксатор. Константин Андреич

ласково ухмыльнулся и, гнусавя что-то неразборчивое, захлопотал вокруг.
- Приглушись слегка, - посоветовал он.
Саша догадался, о чем речь и анальгизировался. Едва ощутимо кольнуло голову с разных сторон. А потом в сознании начал возникать и пропадать хаос звуков, мешанина цветов, запахов и других ощущений, все более сложных и образных. Понятно, что впрыснутые микро-адаптеры натыкались на структуры мозга, ответственные за тот или иной образ и, подключаясь, кратковременно возбуждали их. Через некоторое время процесс закончился.
Константин Андреевич посмотрел на приборы, потом на Сашу и, уверившись, что все готово, освободил фиксатор.
- Ну, что, попробуем?
У Саши закружилась голова: он оказался один в двух лицах: он и столь же ментально доступный теперь Константин Андреич. Два человека слились в одно самоощущение и только прошлый опыт хранил индивидуальность.
- А прикольный мужик этот Константин Андреевич! - удивился Сашин опыт, примеряя чужую субъективность, - Своеобразный и такой непосредственный. Да он прямо точно такой же как я сам, только смотрит на все с какой-то неожиданной стороны...
А ментальность Константина Андреевича воскликнула: "Да ты же ни фига не Женя никакой!.."
Это восклицание вызвало ассоциации в Сашиной памяти и автоматически вспомнилось все, что связано с похищением Лены. С другой стороны, Саша узнал все, что касалось тактики артистов.
- Кто бы мог подумать такое про этих артистов! - радостно удивлялся Сашин опыт, - Как мы, однако, заблуждались! Не такие уж они негодяи... они просто не понимают!
- А парализатор тебе ни к чему, - озабоченно бормотал опыт Константина Андреича, - Ты уже наш. Тебе понравилось. Лучше выполняй роль для тебя же и предназначенную!
Саша очнулся, оставшись в ментальном одиночестве. Он тут же с облегчением релаксировался, став самим собой. В руке у него появился парализатор.
- Поторопился ты, Александр Сергеевич, с перевоплощением! - оскалился Константин Андреевич, - Я ведь тебя пока никому не выдал!
- Ну и что?
- У нас официально запрещены полные телепатические контакты. Они нивелируют индивидуальность и на руку научникам, - Константин Андреич удобно отвалился в кресле, сияя снисходительной ухмылкой, - Этот сеанс объединения я сделал потому, что предполагал что-то рациональное у научников. Они ведь не дураки и их тянет эта самая наука. Вот и захотелось узнать.
- Ну, и как, узнал?
- Ты думал о другом и состояние у тебя было не подходящее... Ты и представить себе не можешь, Саша, в каком счастье можно купаться с помощью наших моделей! А вы, научники, страдаете от неудач и бесплодных поисков. Редко завершаются ваши работы. Неужели эпизодические радости можно сравнить с нашим счастьем?
- Ты хоть и побывал у меня в голове, но ничего не понял, - пробормотал Саша.

Константин Андреич только чуть шире ухмыльнулся. Саша задумался, потом поднял голову:
- Ты ведь не вечен. Промелькнет мгновение, насыщенное твоим счастьем, и как ничего не было до этого так ничего и не останется. Посмотри со стороны: какой-то жучок копошится в своей кучке счастья, что-то ему там радостно. Но вот его уже нет, будто и не было - смешно и глупо. Если он оставил потомство, то продлил существование своего вида и только.
- А вы, научники?.. Ну, открой мне глаза, я ведь четко прочувствовал, что вы - не просто упертые фанаты, а что-то в самом деле важное просекаете.
- Ты не торопись, раз понять хотел и слушай...
- Да, проясни, вот нафига же тогда личное счастье?
- Радость нахождения удачного - это подсказка, выработанная эволюционным отбором, куда нужно направлять усилия чтобы выжить. И боль - подсказка: не делай так больше. А вы хотите радоваться даже если все наперекосяк. И получится, что не будет развития, а будет всем довольный хомячок в шлеме счастья. А без шлема он ничто уже не сможет.
- Прямо по учебнику, - осклабился новой гримасой Константин Андреич.
- А вот то, чего ты не понимаешь. Твое "я" меняется каждое мгновение и это тебя не волнует. Нет смысла сохранять его уникальность и его переживания. Важно - развитие идей в общей культуре. Сохранится то из твоего "я", что образовано ставшими общепринятыми понятиями и еще при жизни существующая параллельно в головах других людей - его носителей. И тут уже видно насколько бессмысленно понятие личного, как только мы отходим от конкретного тела как носителя разума. Если бы всех людей объединить в телепатическую систему, то в полной мере возникла бы сущность единого гигантского организма. Мы только что испытали такое в общем взаимослиянии.
А вы, артисты, боитесь сливать индивидуальности, хотя культура как раз и есть то общее, что уже слилось. Вы хотите каждого в отдельности посадить в изолированные счастливые мирки и тем самым лишаете его реальной жизни идей. Со смертью безвозвратно погибнут бессмысленные, никому не нужные норки хомячков. Вы хотите развивать человеческие чувства и отношения между людьми, но, ставя целью безусловное счастье для каждого, делаете все наоборот. На самом же деле связь между людьми нужна для объединения усилий в приспособлении к новому в природе. Не пойму, почему вы просто не стимулируете центр удовольствия в мозге? Результат будет тем же.
- Черт, откуда ты знаешь про всеобщее объединение?.. Но чуть лучше начинаю тебя понимать... Ладно, все не переговоришь. Ты кого собираешься спасать: Лену или меня?
- Чего тебя спасать? Сам решай.
- Ладно. Я твою концепцию записал, я подумаю пока ты разыгрываешь свой спектакль и до этого никто не узнает кто ты. Готов?
- Вполне...
- Тогда поехали.
- Маленький вопросик. Что вы на самом деле подослали к нам на озеро? Ободрало меня совсем не сказочно и горело там все...
Константин Андреич укоризненно посмотрел на Сашу:

- Да обычный киборг, оборудованный манипуляторами и панорамной голографической установкой. А в твоем предстоящем приключении это будет компьютерная модель, наделенная присущими дракону свойствами. В частности, ему внушили любовь к твоей Ленке, так что учти, он будет мотивированным соперником! Если облажаешься, не обессудь...

6. Мир 2

Трагически худой препод сквозь многократно-толстые очки строго удерживал взглядом почтительно застывшую аудиторию.
- Садитесь!
Студенты с облегчением уселись за массивные самшитовые парты. Парни расслаблено скользнули по полировке на самые кончики сидений, вытянув ноги в прорези впереди. Девушкам сидение на спине претило как неподобающее, они склонны были поднимать руки к лицу, прикрывая лоб, что при некотором навыке позволяло спать, не теряя позу.
- Я у вас веду спецкурс "Алхимия природный соединений". На носу выпускные экзамены, времени мало и мои лекции - только канва, а в основном нужно изучать литературу самостоятельно. Зачет я принимаю бескомпромиссно строго. И честно предупреждаю: я невероятно обидчив. Зовут меня Вениамин Феоктистович. Если не можете выговорить, то лучше не пытайтесь: я очень злопамятен, так что будьте осторожны.
Саша удивился, когда после лекции преподаватель подошел к нему и назвал по имени:
- Александр Сергеевич? Вы не торопитесь? Задержитесь на минутку, пожалуйста. Хм,.. Вас в школе не дразнили Пушкиным?
- Один попробовал... а что? Вы меня знаете по школе?
- Нет.
- Тогда причем тут Пушкин. А вы действительно очень злопамятный? - Саша досадовал, что задерживается. Лена, конечно, не станет его дожидаться из принципа.
- Я думал, что сегодня студенты еще понимают шутки.
- Все зависит от того, кто шутит. Если бы я точно знал, что вы умный человек, то, услышав от вас забавную глупость, улыбнулся бы. Но если я вас не знаю, а вы сказали эту глупость, то я могу подумать, что вы были искренни.
- Да вы просто точная копия отца! Но то, что простительно ему, с вашей стороны уже хамство.
- Так причем Пушкин?
- Я знаю вашего отца, Сергея Лазаревича и очень в его духе было дать сыну такое имя.
- Вы друг отца?
- Скорее нет. Мы научные и не только оппоненты. Он попросил меня не распространять наши разногласия на вас и быть по возможности объективным, - тощий препод испытующе посмотрел на Сашу, - Что вам подсказывают интуиция, кто из нас скорее всего прав в целом, отец или я?
Саша понимающе ухмыльнулся.
- Я не знаю из-за чего вы конкретно поцапались, но, зная отца, могу

предположить, что он прав не больше, чем процентов на тридцать.
- Вот как?! Вы так негативно воспринимаете своего отца?
- Ну, а вы правы, пожалуй, процентов на двадцать.
- Хм, а где остальные пятьдесят процентов?
- Если истина - это сто процентов, то вы вместе учитываете только половину.
- Но отцу вы, конечно, отдаете предпочтение в десять процентов.
- Да, я убедился, что в бытовых спорах он обычно оказывается более правым потому, что избегает утверждать то, чего не знает точно.
- Но у нас с ним был научный спор.
- Научный спор не совместим с выяснением отношений. Хотя бывает трудно избежать горячности, но с горяча науки не получится.
Преподаватель насмешливо посмотрел на Сашу через боковой фокус очков:
- Очень хорошо поставлена речь, в карман не лезете. И хорошо, что вы знаете к чему должны стремиться ученые. Одевайтесь в гардеробе, я подожду. Раз уж мы так разговорились пойдемте вместе до остановки.
Они вышли и невольно прищурились от яркого света. Лены, конечно же, у входа уже не было. Стояла чудесная погода. Свежий снег искрился на зеленеющим к полудню солнце как зеркальца крупными радужными пластинками. Множество детей цветными пятнами носились вокруг, кидаясь красиво рассыпающимися снежками.
Саша поскользнулся и, эффектно отплясав, ловко скоординировался. Вениамин Феоктистович запоздало подхватил его под локоть.
- Осторожнее, а то ошибки делать легко, а исправляться бывает уже поздно, когда зад отобьешь.
- Я еще ни разу не грохнулся этой зимой. Неплохая координация.
- У твоего отца тоже неплохая координация. Может быть, он тоже поэтому не боится делать ошибки?
- Научные ошибки, то есть отрицательные результаты, необходимы в исследовании.
- Прямо-таки необходимы?! А без них, что, наука бы пострадала?
- Без них наука была бы невозможна.
- Сейчас вы так категоричны вероятно потому, что знаете наверняка?
- Конечно.
- Попробуете обосновать?
- Дело в том, что у человека есть только два способа узнать новое: заметить проявившуюся закономерность в природе или, по аналогии с такой закономерностью, предположить наличие каких-то связей в явлении, но затем, опять-таки, проверить точность аналогий опытом.
- Простите, есть еще и логический метод.
- Логика - это изученные причины и следствия. Если задача сформулирована так, что к ней кажется применима известная логика, то и в этом случае убедиться в верности можно только, проверив решение в реальности. Ведь всегда есть вероятность, что в новых условиях старый опыт не пройдет. Так что, все логическое мышление сводится к навыкам применения ранее приобретенного опыта к предположительному решению новых задач с последующей проверкой решения на истинность.

- Хорошо формулируете, учту. Вы хотите сказать, что логического мышления не бывает, а можно говорить только о запрограммированной заранее последовательности совершения операций, как в ЭВМ?
- Луше говорить о личных знаниях причин и следствий, и это - не правила мышления.
- Но говорят же про людей, мыслящих преимущественно логически и людей с образным мышлением. Говорят же об открытиях на кончике пера.
- Любые открытия проверяют реальностью, и если они оказываются верными, то уверенность крепнет, а если нет, то помнят об ошибке предположения.
- Хм, занятно... Так без ошибок никак?
- Иначе как узнать, что так делать не следует? Ищется другой путь пока новое предположение не оправдается в реальности.
- Откуда вы всего этого набрались?.. Признаться, интересно было послушать. Чувствуется, что размышляли об этом уже.
- Да, это - мой старый интерес.
- Вот времена... у студентов уже есть свои исследовательские интересы! Можно сказать, что я как-то лучше стал понимать позицию вашего отца. То, чем он может оправдать такую свою деятельность. Да... но личное... мы ведь не машины. Наука создана для человека, для его счастья, а не для депрессивного копания в ошибках, и поэтому наука не может не содержать личного.
Что скажешь на такое?.. Они замолчали. Саша с изумлением увидел в нем "артиста". Так он мысленно называл тех, кто стремится к удовольствию как самоцели. Он презирал это так же, как в народе насмехаются над теми, кто попался на мастурбации, даже больше потому, что мастурбацию, все же, можно было бы оправдать гормональным штормом, а это была чистая наркомания самоудовлетворения.
Они подошли к остановке.
- Дядя! - трое решительных пареньков обратились к ним, - Дядя, спорим, что вы не раздавите это яйцо между ладонями?
Саша хмыкнул и проигнорировал.
- Дядя, спорим? Даже силачам давали, а они не смогли!
- Кыш! - фыркнул Саша.
- Ну вот, зачем же так? - вступился Вениамин Феоктистович, снимая перчатки, - Мальчишки - молодцы. Какое непосредственное человеческое любопытство! Заметили, что яйцо не просто сделано. Так что, говорите, я не смогу его раздавить?
- Сами попробуйте, не сможете! - старший протянул яйцо.
- Все-таки как удивительна природа! - восхитился препод, - Неужели даже яйца содержат неожиданное! - он взял яйцо между ладонями, сцепив пальцы как показал мальчик и напрягся. Яйцо не поддавалось.
- Надо же, - лицо у Вениамина Феоктистовича чуть побледнело от усилия, - Неужели какую-то скорлупу...
Яйцо внезапно подвернулось боком, длинная тягучая плюха брызнула ему в нос и желток, не теряя целостности, стек по подбородку.
- Тьфу, черт! - он брезгливо стряхнул остатки скорлупы с ладоней и растопыренными пальцами начал счищать напасть с одежды. Довольные

мальчишки разбежались.
- Снегом попробуйте! - посоветовал Саша, стараясь не дышать, чтобы не выпустить рвущийся смех.

7. Мир 1

Большой палец Константин Андреича, обросший кустиками шерсти, готов был соприкоснуться с уже пульсирующим зелеными стрелками стартовым сенсором, но садистская пауза затягивалась.
- Ты учти, сказал он на прощание, там все будет совсем не как в кино, а взаправду! Не расслабляйся!
- Давай уже! - Выкрикнул Саша и стиснул пальцы на ручках кресла.
Его швырнуло на землю или ему так показалось из-за немалого добавочного веса рыцарской брони. Он упруго распрямил подогнувшиеся ноги. От мощного ветра, бьющего в лицо, сперло дыхание. Низкие, почти черные облака быстро несло по небу.
Ветер дул с такой яростью, что широкий щит вырывало из рук. Саше приходилось прижимать его к латам и выравнивать в направлении очередного порыва, на что уходило немало сил. Длинные ножны бились о высокие камни, выводя из равновесия так что хотелось их отстегнуть и выбросить.
Из узких расщелин между огромными камнями выдувало птиц, и они летели, кувыркаясь, как листья. Он не ожидал, что настолько реально будет ощущать все это и уже почти обессилил. О какой битве тут могла идти речь?..
Скалистое плато поднималось к горе, на вершине которой, в дымке, завиваемой ветром столбами призрачных смерчей, вздымался черный замок.
У его стен проворно рыскал маленький с такого расстояния трехглавый дракон, изредка роняя по ветру языки пламени.
На коне было бы легче. Саша раньше ездил верхом, но ему навязали доспехи и не позволили ни танка, ни даже коня. Теперь он не понимал с какими шансами ввязался в эту затею и, вспоминая драконьи когти, не представлял, как сможет победить его. Правда, меч был волшебным: разил без усилий хоть плоть, хоть камень на шесть своих длин при каждом замахе.
На горе две пасти огнеметно исторгли длинные языки пламени, маревом растаявшие над замком. Ветер донес низкий турбореактивный гул.
- Интересно, заметил он меня или нет? - прикидывал Саша, пробираясь среди валунов.
Змей нервничал. Он то и дело резко распахивал крылья, и мерзкий рык разносился по плато, срываемый ветром.
- А если он в ухо так гаркнет? - Саша тоскливо констатировал отсутствие оптимистических перспектив.
Среди камней показалось одинокое обгорелое дерево. Толстый корявый ствол мощными корнями вцепился в землю. Здесь дракон уже жег кого-то. Дальше тянулся ровный склон, где не спрятаться.
Дракон поднялся на задние лапы и, выгнувшись дугой как кошка, с мерзким скрежещущим звуком принялся точить когти о стены замка.
- Ракетой бы его! - замечтал Саша, вспоминая древние системы поражения. Что остается от всего могущества человека без его технических средств, в которых

воплощены знания, собранные многими поколениями? Чем больше приспособлений использует человек, тем он сильнее, но и тем более он зависим от них. С голыми руками он не способен конкурировать даже со зверями потому, что те лучше научились владеть данным природой.
Дракон напряженно застыл перед прыжком, вздыбился, пару раз дернул задней лапой, вздымая грунт, приник к самой земле и свергся вниз вдоль склона. Черные крылья распахнулись широким взмахом, заслонив замок и застыли в парении.
Саша сжался, пораженный зловещей красотой полета. Дракон планировал, стремительно увеличиваясь в размерах. От тройного визга голов заложило уши и мелко задергалось под глазом. Саша поднял щит, ожидая огневой атаки и направил меч прямо перед собой.
Но порыв ветра некстати чуть не опрокинул его, упруго ударив в щит, и Саша невольно присел. Это было так не вовремя, что он испуганно ругнулся, и тут же три огненные струи обдали его сверху. Дракон пролетел мимо, на ходу мазнув лапой с выпущенными когтями, но промахнулся из-за того же ветра, и Саша, перелетев через голову, отделался лишь нечувствительными сгоряча ушибами. Щит прогремел по камням как крышка от большой кастрюли, и звук тут же был унесен ветром.
- Ого!.. - лихорадочно задышал Саша, поднимаясь на четвереньки и ошалело озираясь в поисках дракона, - Так он меня просто запинает!
От огневой атаки внутри доспехов заметно припекло.
Змей грациозно развернулся в воздухе на манер дрифта и отменил ветер чтобы легче было лететь обратно. Саша суетливо поднял щит и принял богатырскую позу. Змей летел, вытянув шеи веером и извиваясь в стиле "дельфин". Саша похолодел, разглядев злобные морды. Когда они начали окутываться дымом, он поднял щит и почти наугад, по звуку взмахнул мечом над головой. К дикому реву примешался неистовый вой. Что-то тяжело задев его, гулко свалилось рядом. Вой затих вдали.
Блин! неужели попал?! Саша выглянул из-под щита. Чешуйчатая шипастая лапа, отсеченная наискось как бритвой, все еще мелко подрагивала и судорожно сжимала гигантские когти. Толстая как бревно, она лежала среди черных блестящих пятен драконьей крови, быстро прорастающих зловещей травой с колючками.
Несмотря на ужасающее зрелище, Саша повеселел. Ноги почти невыносимо припекало. Присев, он расстегнул горячие доспехи. От одежды и портянок заклубился пар. Нужно спешить воспользоваться достигнутым. Он зашнуровался и в безветрии устремился к замку, обливаясь потом.
На горе дракон, подвывая, зализывал рану, а в окне самой высокой башни замка Саша заметил белый лоскут. Склон становился круче и усталость быстро накапливалась, несмотря на упорный равномерный темп.
Сверху загудел обвал. Рядом оказалась группа скалистых выступов, и Саша, задыхаясь, побежал к ним, слегка теряя высоту. Мимо уже катились валуны. Едва он спрятался под нависающую скалу как раздался пушечный грохот, скальный выступ вздрогнул и осколки взмыли веером, тяжело осыпаясь позади. Раздалось еще несколько ударов и все стихло.

Саша осторожно выглянул. Еще летел щебень и кувыркались отдельные камни. В рот и нос набивалась кремнистая пыль. Дракон конвульсивно скреб по скалам уцелевшей лапой. Он попытался спуститься пониже чтобы сковырнуть свежий пласт, но оступился и, не удержавшись, с ревом перелетел через головы. Распластав крылья, он сполз еще немного по инерции, задержался и, прерывисто визжа, судорожными рывками пополз наверх. Забравшись на уступ, он громко задышал открытыми пастями, обильно пуская облака неподожженного дыма, тяжело улегся и угрожающе вытянул шеи в Сашину сторону. Атаковать ему уже явно не хотелось.
- Занял оборону, - с досадой прошептал Саша. Он задрал голову и снова увидел белый лоскут. Рядом, под соседним окном склон усыпали белые кости...
Саша приготовил щит и вылез из укрытия. Неожиданный порыв ветра сбил его с ног, и Саша загремел по склону, но щит не выпустил.
Он прижался к торчащему из склона камню чтобы перевести дух. Прошло немного времени обоюдного выжидания, и Саша вернул самообладание. В конце-то концов ничего смертельного с ним не может здесь произойти, и это настолько обнадеживало, что он обратился к памяти планеты с запросом своей любимой песни. Мелодия тихо зазвучала в голове, и Саша задумался. Судя по поведению Змей был явно не дурак, он трусил, но почему же тогда он не выжег противника сосредоточенным огнем, усевшись поблизости? Длительной атаки Саша бы не выдержал. Значит он так не может. Чтобы плюнуть огнем ему, видимо, приходится накапливать что-то там. Вместо щита лучше бы иметь сито с хорошей теплопроводностью. Тогда можно будет смотреть на Змея, а пламя не пройдет через мелкие отверстия, отдав тепло металлу.
Саша положил щит перед собой на землю и ткнул в него острием меча. Оно вошло без сопротивления. Прикинув размеры дырочек, Саша принялся неторопливо накалывать мелкие отверстия.
Дракон с горы подслеповато тянул длинные шеи, с тревожным любопытством пытаясь понять, что задумал противник. От этих усилий он опять с шумом вывалился со своего насеста, но успел взлететь, удачно оттолкнувшись уцелевшей лапой. Дракон пронесся низко над Сашей, опустился у подножия горы и, схватив огромный валун в лапу, попытался взлететь, но грузоподъемности не хватило. Тогда он набрал полные пасти камней поменьше и как тяжелый бомбардировщик, сильно кренясь, взял курс на цель. Саша забежал под свою нависающую скалу.
Дракон принялся носиться вокруг, с каждым витком мотая головами и вбрасывая камни под навес. Но мешал каменный карниз, и все три залпа оказались бесполезными. Только один из камней попал в щит, больно отбив Саше руку.

8. Мир 2

В универе Саша ходил на фехтование и очень любил это дело. Как-то с друзьями даже отсняли серию фото про поединки на шпагах, переодевшись в самодельные старинные костюмы.
Ленивый препод толком не проводил занятия, манкируя обязанностями. Обычно он просто разбивал на пары, и студенты сами как могли фехтовали. Не было

никакой системы, и Саша с товарищами сами выбирали то рапиру, то саблю, то шпагу, а то и устраивали массовые потасовки с разным видом оружия. Позволялось все.
Тонкая сталь сабель особенно часто гнулась и ее тут же выправляли. Сабельные удары были самыми коварными, потому что защитные костюмы не защищали руки и после очередной битвы предплечья и запястья покрывались багровеющими шрамами от пропущенных ударов.
Зато у препода было страстное увлечение - шахматы. И в этих шахматах он был настолько же безыскусен, как студенты на его уроках в фехтовании. Саша шахматы не любил, но играл прилично. Этим резонно было воспользоваться, и Саша предложил преподу условие: он играет с ним в шахматы, обучая стратегии и тактике, а препод натаскивает его на самые эффективные приемы.
Это позволило Саше выходить победителем на межинститутских соревнованиях. В фехтовании нет стратегии, нет дебюта, развития позиции и накопления преимуществ. Все решалось мгновенно так что нужна была чисто покерная смекалка, обман противника и, главное, уместно проведенный заранее отработанный прием. Противники бывали очень разные и у них тоже были отработанные приемы. Это нужно было распознать до первых двух успешных атак из пяти отведенных на победу.
Саша чувствовал уверенность, что на улице, будь у него в руках хоть что-то, он легко бы смог противостоять даже нескольким противникам.

9. Мир 1

Дракон оглушительно завыл от досады, захлопал крыльями и приземлился под скалой, сгоряча не думая об опасности. Из трех пастей поочередно он плюнул в Сашу. Но в последний раз вместо пламени вырвалось густое облако зловонного дыма - смесь почему-то не воспламенилась. Саша тяжело закашлялся и в последний момент увидел сквозь сито как дракон размахнулся мощным хвостом. Это было что-то вроде отчаянной жертвы ладьи: даже если Саша отрубит хвост, то массивный обрубок превратит его в лепешку.
Все слилось в одно мгновение: гул летящего хвоста, Сашин бросок за скалу и тяжелый удар. Не смотря на латы, Саша успел. Дракон с жалобным визгом торопливо отдернул хвост, но меч сверкнул быстрее и пронзительный вой уперся в барабанные перепонки. Оставляя широкие черные полосы, Змей забился бешенным клубком, кое как взлетел, роняя пульсирующие выплески крови, кренясь и судорожно извиваясь и полетел на гору с безжизненно висящим на ниточке хвостом. Саша устремился следом, не желая давать передышки. Задыхаясь, он почти на четвереньках взбежал по склону, и в тот же момент с уступа высунулись драконьи головы, перекошенные злобой и болью. Для дракона Сашино появление оказалось ошеломляющей неожиданностью и ближайшая из голов, подпрыгивая на камнях, покатилась вниз. Две другие кумулятивно дунули пламенем прямо Саше в лицо. Хоть он и успел зажмуриться, щит оказался слишком далеко. Кожа на лице сморщилась и полопалась. Он тут же анальгизировался.
И дракон, и Саша какое-то мгновение были в шоке, но Саша справился быстрее и смахнул вторую голову. Третья слабо пыхнула дымом и тут же следом за второй

покатилась вниз.
Из последних сил Саша вылез на уступ. Веки превратились в узкие ломкие щелочки, и чтобы осмотреться нужно было поворачивать голову. Зрение почти не нарушилось.
Драконья туша быстро, на глазах менялась, принимая очертания гигантского круглого торта. Потянуло аппетитным кондитерским запахом и по волнистому кремовому боку заструились затейливым узором розовые буквы: "Победителю с пожеланием личного счастья".
Саша обессилено чертыхнулся и, тяжело дыша, осмотрелся усталым взглядом из-под выгоревших век. Внизу между скалистыми грядами до горизонта тянулась заваленная камнями безжизненная долина с небольшими группами корявых деревьев. Позади высоко в небо поднимались серые стены зловещего замка, сложенного из гигантских валунов.
Лицо превратилось в черную тянущую маску. Лучше бы не показываться Аленке в таком виде, но ничего другого не остается.
Из торта стремительно полез распускающийся зелеными листьями росток и вытянулся в длинное лавровое дерево. Его верхние ветви сплелись в венок, тот расцвел и оплел Сашину голову. Саша судорожно сбросил венок, опасаясь каких-либо козней.
Ему очень хотелось снять доспехи и мокрую от пота одежду, но кто его знает, что за сюрпризы могут подстерегать внутри замка?
Саша подошел к широкой арке входа. На краю утрамбованной площадки росла одинокая хилая березка. Он вступил в полутемный зал. Через щели в валунах проникал свет, слепя глаза и мешая разглядеть купол. Вверх поднималось сооружение из толстых бревен, обломанных по краям будто тонкие веточки. Посреди зала невысоким фонтанчиком бил родник. Вода чистым игривым ручейком сбегала под стену замка и пропадала там. Вокруг ручья буйно росла необычайно зеленая трава. Саша хотел было напиться, но из осторожности передумал и решительно полез наверх.
Под самым куполом было устроено что-то вроде гнезда. Плотно примятые ветки образовывали настил. Сильно пахло псиной и еще чем-то неуловимо жутким. Из стены был вынут валун и свет падал на обглоданные кости. Рядом угадывался лаз, заставленный каменной плитой. Саша подошел к краю и гаркнул в щель. Эхо разнесло его крик по залу. Ему послышался слабый женский возглас. Саша вытащил меч, но его волшебная сила закончилась с победой: камень он брать не желал. Саша подошел к окну. Где-то рядом должно быть окно с белым лоскутом. Саша выглянул наружу. Далеко внизу склон белел рассыпанными костями. Проем оказался настолько широким, что Саша свободно пролез в него. Он чуть не полетел вниз, поскользнувшись и, чудом удержавшись на стыке камней, похолодел от пережитого. Он осторожно пролез вправо и увидел Аленкино светлое платье, подоткнутое в щели между камнями. Саша обрадовано полез к нему. Латы скользили по камням, а меч путался в ногах. Щель, по которой он лез, опускалась вниз, и когда Саша оказался под проемом, то еле дотянулся до него. Ухватившись за выступ руками, он вылез наверх, скользя железными наколенниками по стене и головой вниз нырнул в дыру, потащив за собой платье. С грохотом он свалился на пол и неуклюже поднялся на ноги.

В маленькой каморке, вжавшись в противоположную стену, стояла Лена и с ужасом смотрела на пришельца.
- Не узнаешь, конечно? - изменившимся голосом сказал Саша.
- Кто вы?..
- Это я, Ален! Ты уж извини, мне в морду дракон дыхнул.
- Саша, ты?!.. Бедненький!.. У тебя все лицо черное... - Лена с невыразимым состраданием протянула тонкие руки и осторожно коснулась корки, покрывающей щеки. Она тихо заплакала. Саша ласково запустил пальцы в ее волосы:
- Не реви, все уже хорошо.
Она подняла голову:
- Что происходит?! У меня в голове все путается! - она болезненно закрыла лицо ладонями.
- Скоро все кончится. Это артисты так шутят. За все хорошее. Ты им теперь только как сырье в виде образца нужна. Ну, сама знаешь. Но сейчас мы им сценарий подправим. Ты ведь хочешь домой?
- Да...
- Ну вот, скоро вернемся!
Лена облегченно вздохнула и опустила руки.
- Надо что-то с твоим лицом делать!
- Ничего, обгорел немного.
- Там внизу живая вода в роднике!
- Как здесь душно, а ты окно занавесила!
- Эта тварь трехголовая все время в мое окно таращился и вздыхал так, что все вокруг дрожало. Я не выдержала и закрылась. Хорошо, что здесь не холодно. Он так орал и визжал там за окном, что у меня все стыло внутри. Как я тебе благодарна!..
- Нам придется пролезть через окно, вход сюда завален.
- По стене? А я смогу?
- В сказке все можно, - вздохнул Саша, скинул латы и снял мокрую одежду.
- Фу! - он с облегчением потянулся, потом выбросил меч в окно, выбрался сам и протянул руку Лене.
- Может одеться?
- Не стоит. Скоро конец.
Они встали снаружи, прижавшись спинами к стене.
Их ослепило золотыми лучами веселое солнце. В бездонном сказочно голубом небе плыли белые барашки, забавные пудели и воздушные замки. Внизу лесистый склон горы шумел раскидистыми деревьями, оттуда блестели яркими бликами игривые ручьи, а поляны пестрели радугой цветов. Легкий ветерок доносил манящий аромат. Все было готово к их безразмерному счастью. Голова закружилась от пьянящего воздуха и Лена сжала Сашину руку:
- Как здесь стало хорошо!..
- Это мираж!
- Что если нам побыть здесь хоть немного?
- Лена! Здесь-то мы и пропадем! Разве ты не понимаешь?
- Да... А что нужно делать?

- Нам нужно спрыгнуть вниз.
- Зачем?!
- Чтобы убиться. Ты мне доверяешь? Все будет как надо. Тебе останется только сказать всем, что хочешь обратно домой... Ну...
- Ох, сейчас. Ну, давай!
Они взялись за руки и скользнули в бездну.
- Ха-ачу-у да-амой! - замирающим голосом крикнула Лена и все исчезло.

10. Мир 2

Саша не заслужил золотого диплома. Для этого следовало бы сеять поменьше обид среди преподавателей, не слишком увлекаться посторонними проблемами, не связанными с его будущей специальностью и, главное, на лекциях хотя бы кратко вести конспекты, по которым при подготовке к экзаменам легко ориентироваться, что же знает сам препод и именно это излагать, а не пудрить ему голову незнакомым ему материалом, вызывая праведное негодование.
Если бы не Лена у него возникли бы проблемы при распределении, и он даже был склонен отдаться в отряд Оранжевых Беретов правопорядка. Но Лена через папу сумела раздобыть ему неоспоримую бумажку и теперь они работали в одном здании, хотя и в разных отделах.
Возникла некая зависимость и вроде как долг, чему Саша не придавал особого значения, но Лена посчитала очки в свою пользу.
Им еще многое предстояло достичь в карьерном плане до того, как посчитать возможным устраивать общую жизнь. Именно в карьерном плане Саше было не просто на новом месте из-за своей манеры замечать чужие ошибки и несправедливость. Охоту так себя вести жизнь отбивала жестокими ситуациями, когда приходилось взвешивать что лучше, побыть в компромиссе или отстаивать правду. Пока что Саша был революционером. Его давнее увлечение - психология, и не просто психология, а понимание глубинных манизмов поведения, с текущей работой не связанное, не способствовало карьерному возвышению.
Чтобы из простого помощника ученого достичь звания научного куратора с полагающейся импозантной черно-золотистой бородкой, нужно было убедить ученую коллегию в несомненном научном потенциале и научной интуиции. Это должно с очевидностью проявляться во всех мелочах кропотливой научной работы по теме главного ученого лаборатории. Прежде всего, необходимо было пройти несколько лет в патронаже научного руководителя, строго перенимая его научную школу и сопутствующие догмы. А потом оставалось только самому уже развивать направление этой школы. Свободы воли тут не было.
И Сашу настойчиво приглашали в такую аспирантуру, но он, видя с чем люди оттуда выходят и какие никому не нужные работы плодят в силу плана по валу, отказался от легкого пути в науку, чем здорово опечалил Лену.

11. Мир 1

Вылетев из окна и больно срикошетив копчиком о камни стены замка, Саша очнулся в кресле. Он с удовлетворением увидел входящих в комнату спасателей, обвешанных убедительно внушительными спецсредствами и отстегнул ремни.
Пока что план разворачивался правильно. Четверо спасателей с любопытством

осматривались и сразу распознали его.
Семен Семенович вился рядом, изображая возмущение и непонимание.
Константин Андреич с брезгливой ухмылкой зашел следом и тут же объявил:
- Женщины в соседней комнате, - пойдемте, я покажу!
Саша поднялся и, чуть пошатываясь от пережитого, вышел последним.
В инсценировочных креслах, уже освободившись от ремней, полулежали три незнакомых девушки. Не красавицы, примерно одинакового роста и чем-то друг на друга похожие.
- Ну, Александр, где твоя Елена? - спросил, подходя, бородач-спасатель.
Саша растерянно молчал, потом пробормотал нерешительно:
- Их нужно релаксировать.
- Что значит релаксировать? - поинтересовался бородач.
- Внешность изменили с помощью спазмов лицевых тканей.
- Этот человек - невежественный провокатор! - негодующе вскричал Семен Семенович, - У нас есть запись всего, что он тут натворил!
Девицы заторможено моргали, недовольно поглядывая на вошедших, на их лицах застыла неподдельная растерянность.
- Лена! - отчаянно окликнул Саша сразу троих.
Они молча с грустным упреком скользнули взглядами по нему.
- Вы можете осмотреть любые другие помещения! - победно распалялся Семен Семенович.
- А что здесь делают эти красавицы? - грубовато спросил бородач.
- Они... - Семен Семенович многозначительно замялся, - этот молодой громила обманул нас и вот, чуть было не устроил разврат здесь!
- Разврат? - бородач недоуменно вытянул губы, - Какой еще разврат, он же был в другой комнате!
- Инсценированный разврат, вы пока не понимаете! Ну, мы еще разберемся! У нас есть записи его похотливых предложений во время проникновения к нам с поддельным кодом! - вопил Семен Семенович, - Что же вы, Константин Андреевич, скажите что-нибудь!
Константин Андреевич явно сменил предпочтения. Его вечная ухмылка слиняла на мгновение.
- Хана вам пришла, Семен Семеныч, - процедил он, подошел к одной из девушек и что-то быстро над ней совершил. В кресле безвольно сидела Лена. Это произвело впечатление на спасателей. Они понимающе переглянулись.
Семен Семенович на мгновение потупился, но тут же изобразил негодующую растерянность:
- Что вы сделали с девушкой, Константин Андреевич?!
- Лена! - Саша подошел к ней. Но девушка не узнала его.
- Извините, - еле слышно проговорила она, - вы ошиблись. Можно я пойду? - она повернулась к Семену Семеновичу.
- Конечно, девочка моя...
- Минутку! - зловеще осклабился Константин Андреич, - Фокус в том, что ее мозгу навязано чужое восприятие через специальный канал связи. Сейчас все будет в порядке. Минутку!
- Константин Андреевич! Это уже слишком! Что вы собираетесь делать? Я всегда

предполагал, что вы циник, но чтобы до такой степени!..
- Чего так разволновались, Семен Семеныч? - бородач в упор смотрел на все более теряющегося Семен Семеныча, - Нам нужна достоверная идентификация личности.
- Я в полном порядке! - Семен Семенович повернулся к спасателям, - Я беспокоюсь за эту девушку и возмущен поведением своего коллеги, с которым недавно случились небольшие разногласия, и он мне мстит за это. Вы еще не знаете какие он фокусы может откалывать! Вы рискуете, выпуская его сейчас из-под контроля! Он сейчас способен подключить к ее восприятию любую личность, какую задумал! Он и вас может подключить!
Что-то случилось с Леной. Она покачнулась, будто у нее закружилась голова и прищурилась как от яркого света:
- Ох, Саша! Все уже?

12. Мир 2
После универа Саша и Лена уже второй год работали в одном учреждении. В качестве альтернативы Общественно Полезных Дел они записались в график дежурств Добровольных Помощников Оранжевых Беретов правопорядка или просто ДНД.
После окончания вечернего патрулирования группа вернулась в штаб. В нежном сиреневом сиянии закатного неба с изредка прорезывающимися зелеными лучами вокруг садящегося солнца последний раз вспыхивали на просвет облака над горизонтом, и эти отблески ярко окрашивали отражательные наголовники патрульных в виде черепа с обвившейся вокруг змеей, что символизировало оздоровление общества.
- Так, Лены, опять сегодня не было... Передайте, что еще один пропуск и придется аннулировать ее членство и привилегии на бесплатные страусиные яйца.
- Я слышал, что она болеет! - по возможности безучастно сообщил Саша.
- А ты, Саша, проводи, пожалуйста, Наташу, раз вам в одну сторону.
- С удовольствием.
- Спасибо! Свободны. До свидания.
Они вышли на заснеженную улицу.
- Хорошо хоть мороза нет, - проговорила, ежась, Наташа, - а то бы уже загнулась на улице.
Она оступилась на замерзшей луже и, ойкнув, ухватилась за Сашу, уже не отпуская.
- Знаешь, - сказала, наконец, Наташа, - обычно мальчики, когда со мной идут, что-то интересное рассказывают.
- Наверное я исключение.
- Ну исключайся, идешь какой-то сам не свой. Но в этом что-то есть. Ты какой-то таинственный. Между прочим, в группе все удивлялись, когда ты подружился с Ленкой, а не со мной. Конечно, она не глупая девушка, но... ты извини, это я так... Я не верю, что среди мужчин могут быть исключения. Они в своей сущности все очень даже одинаковые, стимул - ответ. Чаще всего они просто трусят подойти к по-настоящему красивой девочке.
- Ты меня раскусила!

- Что, я не права? Ну, скажи честно!
- Мне кажется, жизнь чуть сложнее.
- Не в таких вещах! Разве тебе не хочется сейчас как-то развлечь меня? Или, все же, комплексуешь?
- Ладно, хочешь я расскажу тебе сказочку?
- Ну, попробуй.
- Жил-был один здоровый крокодил. И любил он притворяться бревном.
- Прикольно...
- Ляжет, бывало, у берега и замрет, только спина в воде качается, будто трухлявая кора. Когда какой-нибудь зверь хочет напиться видит: бревно и только на него наступает как крокодил хап! его и хрум-хрум.
И вот как-то притворился крокодил и смотрит прищуренными перископами все, что на берегу делается. Вдруг слышит вдалеке: топ, топ, топ. Думает: "хорошо, как раз в мою сторону". Топ. Топ. Топ. "А еда-то не маленькая!" Топ! Топ! Топ! "Ого! Повезло мне." Топ!! Топ!! Топ!! Аж берег заколебался. "Главное - не спугнуть!" Топ!!! И расплющило крокодила. Все.
- Хм.. это типа назидательство такое? Не зря, видно, преподы на тебя взбесились.
- Просто прикалываюсь. Развлекаю, чтобы комплексующим не казаться.
- Я же не крокодил?!
- Нет, конечно. Хочешь загадку?
- Ну, давай, - вздохнула Наташа примирительно.
- Отгадай, в чем смысл жизни?
- В любви, конечно.
- Если ты кошка, то правильно. Извини, если грубовато получилось...
- Фу! Знала бы так одна домой пошла! - Наташа выдернула свою руку, но тут же снова вцепилась в Сашу крепче прежнего. Впереди показались фигуры, от которых инстинкт советовал быть подальше. Три сигаретных огонька вспыхивали почти синхронно и в этом было завораживающее предостережение. Ситуацию усугубляло то, что с рукавов Саши и Наташи беспечно не были сняты оранжево светящиеся повязки с черепом и змеей, а это хоть кого может задеть. Минута сближения неотвратимо наступала и когда остались жалкие метры, Наташа не выдержала и потащила Сашу с тротуара на дорогу.
- Да куда ты? - громко удивился Саша чуть дрогнувшим голосом.
Парень в центре издевательски хмыкнул. Саша неторопливо вытянул из кармана килограммовый экскаваторный диод, держа его за гибкий стальной токопровод.
- Уважаю, - парень в центре деловито затянулся и, прижав к себе дурашливо моргающего соседа, освободил дорогу.
Наташа шла, больше не проронив ни звука. Они подошли к ее дому.
- Ну, пока, - сказала она, - Спасибо...

13. Мир 1

Бродач-спасатель доверительно склонился над креслом Лены.
- Вам нечего опасаться. Скажите, вы здесь по своей воле или вас доставили насильно?
Лена настороженно посмотрела на него и других присутствующих.
- Насильно.

- Внимание! Это понятие относительное! - Семен Семеныч надеялся на любую лазейку, - Важно хочет ли она вернуться в проблемный мир или пребывать в безусловном счастье.
- Лена, вы хотите здесь остаться? - спросил бородач.
- Нет, конечно, - волнуясь ответила она, - я хочу домой!
Кто-то настойчиво просился на связь, и Саша прислушался.
- Приготовь свою игрушку! - посоветовал голос Константина Андреича, - сейчас она пригодится.
- Какую игрушку? - спросил Саша, но тут же понял и сунул руку в карман.
- Девушки, - обратился бородач к двум испуганно притихшим красоткам, - А вы что скажете?
- Мы остаемся! - хором воскликнули они, вскочили и почти синхронно направились к двери.
- Вот и чудесно, - Семен Семенович хотел было последовать за ними, но молоденький спасатель протянул руку.
- А вы останьтесь. Есть разрешение на вашу психоэкспертизу. Сейчас мы законсервируем ваше учреждение и доставим вас...
В дверь один за другим зашли десяток наискось расчумазанных охранников в устрашающей одежде.
Первый же из них резко врезал спасателю кулаком, и освобожденный Семен Семенович юркнул из комнаты. Спасатель скрючился на полу, но неожиданно вывернувшись, влепил ногой обидчику под бронеживот так, что тот с воем пригнулся и тут же получил удар по шее. Он молча повалился мордой вниз. Спасатель вскочил, ловко укорачиваясь от посыпавшихся на него ударов.
Саша суетливо выдернул руку из кармана и в упор уложил двоих приближавшихся охранников. Остальные успели рассредоточиться.
Лена жалобно завизжала, ускользая от ловивших ее рук. Саша обернулся на звук ее голоса и озверел от ярости. Он еле успевал наводить парализатор, вырубая очередного громилу, и только чудом его серьезно еще не задело. Но боковой в челюсть он принял достаточно крепко и на мгновение застыл, приходя в себя и анальгизируясь. Тут еще кто-то сзади дополнительно огрел его по затылку. В глазах померкло, но понемногу отпустило, только голова одеревенела. Видимо ударили между делом и, поэтому, не точно.
Боевой пыл улетучился, и Саша прислонился к стенке, приходя в себя.
Спасатели проворно передвигались по комнате, загоняя оставшихся охранников в зону поражения Сашиного парализатора. К четырем телам на полу добавились еще двое.
Катастрофически строгий запрет на любое оружие выделял применение парализатора как злостное нарушение, но спасатели ясно понимали необходимость и принимали такую помощь.
Лена пробралась к Саше и тот снова почувствовал прилив злости. Он уже адаптировался к схватке и успевал следить за действиями дерущихся.
Когда большинство охранников оказалось на полу, скованные судорогой, двое, опомнившись, бросились к двери. Саша успел скосить одного из них, и тот рухнул навзничь, а другой уже выбегал за дверь, когда бородач поймал его за одежду и смачным рывком вернул обратно. Саша обездвижил его и стало тихо, только

разукрашенные громилы мычали, лежа на полу с незакрывающимися от паралича глазами.
Спасателям тоже досталось: у бородача на лице наливалась гематома, а у самого молодого плетью висела левая рука. Это, не считая бесчисленных ушибов.
В комнату неестественно резко влетел Семен Семенович, еле удержавшись на ногах, и сразу за ним вошел Константин Андреич.
- Поосторожнее, болван! - угрюмо огрызнулся Семен Семенович.
- Представляю вам директора проекта "Освобождение", матерого артиста, просто Семен Семеныча! - скаля зубы декларировал Константин Андревич.
- Вы совершенно не отдаете себе отчета, что натворили! Если бы не ваше предательство...
Один из громил особенно жалобно застонал на полу: стянутые мышцы нестерпимо болели.
- Заткнитесь! - брезгливо вскричал Семен Семенович, - Я говорил вам: лучше тренируйтесь, болваны! С вами разделались как с детьми!
Громила застонал еще громче, не в состоянии ответить на такую несправедливость.
Лена вышла за Сашей, который жестко придерживал за рукав присмиревшего Семена Семеновича, а спасатели, приведя в чувство одного из молодцов и бросив ему релаксатор, заперли бронированную дверь.
Нужно было разгребать весь гадюшник до конца.
В ближайшей по коридору комнате оказался лекционный зал.
- О, наконец-то! - веснушчатая дама в инфо-очках вся встрепенулась и бросилась навстречу, - Я вас окончательно заждалась! Оо-оу, Евгений Павловича нет? Как жаль...
- Наталья Алексеевна! - дал волю своей злобе Семен Семенович, - уйдите, пожалуйста, вон отсюда!
- Куд-да?..
- В ж...!!!
Девица, чутко уловив униженное положение Семен Семеныча, выдала гортанным визгом:
- Ты че сказал, казел?..
- Идиоты! Вы не знаете самое главное!! А ну отпустите меня! - он рванул рукав.
Саша зло швырнул его на сидение.
- У нас связь с иной цивилизацией!.. Это держалось в строжайшем секрете, но теперь пора об этом заявить!
- А самое главное, - предложил Константин Андреич, - попытка совершить переворот на нашей планете в пользу инопланетяшек.
Все замолчали, уже не удивляясь ничему, и Константин Андреич прояснил:
- Артисты собирались выбрать момент и вызвать сюда своих единомышленников, затем насильно выслать отсюда научников и официально отделиться от Земли, навечно законсервировавшись в человекообразном состоянии. Как вы думаете, что побудило их принять такое решение? Что ему лично посулили?
- Кончайте этот дикий треп! - поморщился Семен Семенович, - Отпустите меня немедленно! Вы не имеете права заставлять меня слушать эту чушь!

- Продолжайте, мы все фиксируем, - молодой спасатель старался быть максимально бдительным.
- Так. Если коротко, эти инопланетяне очень давно нас обскакали в развитии и находятся в состоянии единого разума. Все их особи связаны технической телепатией. И вот, как только в этом институте разработчики освоили радиотелепатические симуляторы, то их сразу же обнаружили. С нами связались, предполагая, что мы тоже подошли к великому объединению разумов. Семен Семенович их в этом сумел убедить, используя специфическую наивность инопланетян, и заручился их поддержкой. Через подпространственный канал нам передали уникальные технологии для объединения, которые здесь были использованы для постановок. Но этого было мало Семен Семенычу, он наобещал инопланетянам апгрейд человечества за услуги в виде материальной помощи братской цивилизации важнейшими ресурсами и технологиями, а сам начал готовиться к отделению от канала с Землей. Тут в двух словах не скажешь...
- Послушать этого простака - так мы все такие мерзавцы! - криво усмехнулся Семен Семенович, - А ведь известно, что мы выступаем только за то, чтобы не человек служил науке, а наука человеку.
- Сейчас этот пафос ни к чему. Полагаю, что вы дадите исчерпывающие показания под прихоанализатором, - заметил Саша, удивляясь тому, что совершенно не почувствовал инопланетного нюанса в сеансе объединения с Константином Андреичем.

14. Мир 2

Продавщицы в любых магазинах отличались особой неоспоримостью. Многие пытались их урезонить, переспорить, переговорить, это становилось всенародным увлечением, но практически это было безнадежным делом. Разве что понравившейся чем-то покупатель получал шанс на редкое послабление бурного отпора. Такова была одна из особенностей этого мира.
На улице весело крутились радужные снежинки, крупные как чешуя зеркального кальмара, скользкие как крылышки бабочки, и люди ходили скованно как паралитики. Дети, напротив, раскатывали тротуары, оставляя широкие, быстро смерзающиеся длинные зеркала.
Саша с Леной шли под ручку. Причем Лена в острых каблучках сапожек чувствовала себя намного увереннее, а Саша то и дело совершал сложные компенсирующие движения, изредка отплясывая с таким размахом, что прохожие заглядывались.
- Не пытайся спасать меня! - предупреждал он, - Чуть что - бросай, я отверчусь сам, а то вместе грохнемся.
Они ходили по магазинам за продуктами. День рождения у Лены всегда справляла вся группа. А на этот раз, в последний год учебы, хотелось чего-нибудь особенного.
Лена остановилась, всматриваясь сквозь витрину овощного.
- Бери фрукты, - предложил Саша, - а я - за яйцами.
В магазине было пустовато. Среди упаковок с яйцами мелкозадых страусов хлопотала продавщица в неряшливом халате. В одной упаковке помещалось два

не очень крупных яйца.
- Здрасьте. Дайте пачку яиц, пожалуйста!
- Это вам не пачки, молодой человек, а корзинки!
- Слово "пачка" вполне соответствует этой упаковке.
- Не морочьте голову. Это корзинка! Два яйца - одна корзинка.
- На первом месте у продавца должно бы быть понимание покупателя чтобы не занимать его время. Или я вам так понравился?
- Какой умный мальчик! Уноси свои яички!
- Не яички, а яйца. Яички - анатомическое образование у мужчин.
- Чего??! Ты что, меня заморочить тут решил?! Вали уже!
- Кстати, на втором месте у продавца, несомненно, стоит вежливость.
- Не, ну ты посмотри-ка! Может и про третье место еще скажешь? - продавщица полемически загнула два толстых пальца с многозначительно оттопыренным вверх третьим.
- Если продавец доходит до третьего места, - Саша насмешливо помотал головой, перекладывая яйца, - если он доходит до третьего места, гы!..
- Да блин!.. Колись, что еще за третье место?!
Саша придвинулся через прилавок:
- Задница, мадам!..
- Это почему же?!
- Ну, в если первое место - это голова, нужная для понимания покупателя, второе место - это сердце, нужное для вежливости, то третье место, сами понимаете...
- Тьфу на тебя!!
Заведенный, чуть зарумянившейся Саша вышел к Лене. Перебодать в споре матерую продавщицу, постоянно тренирующуюся на покупателях, у интеллигента шансов нет, но как-то ему это удалось, и теперь беспечно верилось, что ему такому ловкому вообще никакие драконы не страшны.

15. Мир 1
- Саша... Александр! - в голове возник настойчиво зовущий голос. Сознание медленно возвращало память и восстанавливало смысл происходящего.
Саша открыл глаза. Он сидел в том же кресле в лекционном зале. Рядом, задумавшись, смотрела вдаль Лена. Они были одни. В канал связи ломился Володя.
- Спишь что ли? Это я!
- Привет, что у тебя?
- У меня собралась компания, тебя ждем с Ленкой. Тут отловленные артисты ожидают психосканирования, вся верхушка.
- Понятно. Сейчас будем...
Володя отключился.
- Хочешь кушать? Лена ласково смотрела на него, протягивая аппетитную плитку,
- Ты проспал три часа, сейчас утро.
- А ты отдохнула? - Саша ощутил непривычный комфорт своего положения.
- Я тоже немного поспала, потом с Нинкой разговаривала. Вот уж она удивилась! Хотела сюда лететь, еле отговорила.
Саша взял упругую, ароматно пахнущую плитку и откусил с краю, - Нас ждут,

поехали?
Утреннее солнце ослепило глаза. Ветерок вливал в легкие свежесть, казалось, веяло весной и переменами в жизни. Густые вьюны оплели деревья, образовав живую стену вокруг поляны и белые колокола их соцветий свисали до травы. Лена доверчиво прижалась к Сашиной руке и тот пребывал в счастливом состоянии. Они забрались во флайер, взмыли в синее небо сквозь кроны деревьев и через несколько минут опустились на траву около Володиной избушки.
Там Семен Семенович нервно ерзал на бревне около веранды, то и дело злым шипением отгоняя надоедливых змеегусей. Те шипели в ответ строго в той же тональности.
- Вам не кажется, Виктор Михайлович, - воззвал он риторическим тоном, - что все это похоже на фашистские методы, этакие опыты над людьми?
Грузный мужчина, сидящий на траве напротив, молча посмотрел исподлобья, засопев натянул краповую шапочку на брови, умастился поудобнее и снова замер в пассивном отупении.
- Я не понимаю, чего вы ждете, мужчины! - заскрипела фальцетом с хрипотцой высокая худощавая женщина, зыркая по сторонам, - Над нами совершается насилие, противозаконное кстати, это - чудовищная несправедливость! Соединитесь, наконец, с Центром!
- Дорогая Елена Тимофеевна, - болезненно улыбнулся Семен Семенович, - Мы оказались в невероятно невыгодном положении!
- Молодой человек! - завопила Елена Тимофеевна проходящему Володе.
- Чего вам, мадам? - Володя беспечно подошел поближе.
- Вы берете на себя личную ответственность за это насилие?! Что вы потом скажете людям?
- Да пофиг, дамочка, - чуть кивнул ей Володя, прогуливаясь мимо, - Учитывая вашу заварушку с инопланетянами, у нас есть ордер на сканирование от координационного центра планеты. Они уже наблюдают.
Константин Андреич, возившийся рядом с каким-то устройством, обернулся:
- Мы доведем до конца начатую вами историю. Вы что-то хотели доказать миру? Вот пусть мир и узнает для начала вас самих доподлинно, - он злорадно улыбнулся.
Володя приостановился:
- Я лично в вашу душу заглядывать не буду, - заявил он, - из брезгливости, дорогая Елена Тимофеевна! Все сделают приборы. А мы посмотрим резюме.
Психосканер последней версии от Володи - не просто что-то вроде детектора лжи, а прямо-таки выворачивающее душу на распашку устройство, не оставляющее без внимания ничего, что данный человек считал важным и, особенно, пытался скрыть это.
Побочным эффектом оказывались недержание проявления основных мотиваций. Только надежно развитое волевое усилие могло предотвратить позорную душевную обнаженку.
- Мерзавцы! Да как вы смеете издеваться над людьми?! - Елена Тимофеевна вдруг бессильно зарыдала и опустилась на траву под деревом.
- Если бы я точно не знал кто вы такая, мне бы, наверное, стало бы неловко! -

ехидно заметил Володя и хотел было отойти, но Елена Тимофеевна вдруг подняла под деревом толстую палку и сквозь стаю разлетающихся змеегусей бросилась на Володю. Тот не ожидал этого, схватил ее за поднятые руки, и они глупо сцепились.
Спасатели быстро растащили врагов.
- То, что вы не желаете сами успокоиться уже о многом говорит! - выпучив глаза прокричал раскрасневшийся Володя.
Елена Тимофеевна отрешилась от всего, плюнув в сторону. Она уселась на бревно рядом с Семеном Семеновичем и откровенно зевнула.
Саша подошел к Володе:
- Все еще буянят?
- Истерят потому, что панически боятся результата психосканера, - он повел Сашу к Константину Андреевичу, - Я не рассчитывал, что ты устроишь настолько радикальный переворот! Поэтому готовил сам подкоп понемногу. Сделал устройство, которое мы сейчас и испытаем.
- Что за устройство? - поинтересовалась подошедшая Лена.
Володя с грустным предчувствием посмотрел на нее и на Сашу:
- Фиксируется профиль наивысших значимостей, который четко показывает, что нужно данному человеку чтобы чувствовать себя счастливым в тех или иных ситуациях. Представляешь, когда откроются потребности артистов, как они будут выглядеть? Короче, получаем простой, но искренний ответ на вопрос: а в чем именно заключается ваша значимость жизни?
- Что-то не очень понятно, но ладно, посмотрим... По-любому интересную штуку ты сделал, - согласился Саша.
Подошел Константин Андреич. Руки у него блестели от биоэлектронной жидкости:
- Ну, все. Можно начинать.
- Их что, подводить по очереди к установке? - с готовностью поинтересовался бородач-спасатель.
- Зачем? - Володя пожал плечами, - Мы же знаем их коды. Пусть сидят где хотят. Будем подключать по одному через каналы адаптеров.
- А может сначала на себе испытаем? - предложил бородач.
Володя кротко посмотрел на него и усмехнулся:
- Можно потом и себя, если интересно. Ну, подключаю Семеныча.
На бревне произошло небольшое замешательство. Семен Семенович замер, наморщив лоб и засветился изнутри глубоким счастьем. Елена Тимофеевна отползла от него на самый край бревна. Семен Семенович поднял к небу припухшие похотливые губы и, полузакрыв глаза, прислушивался к чему-то чудесному, происходящему в душе. Лицо живо отображало феерическую смену переживаний. Из угла приоткрывшегося рта стекла тонкая струйка слюны.
- Ну, вот, предсказуемо! - обрадовался Константин Андреич.
- Да уж, такому ничего сверхъестественного не нужно, - усмехнулся довольный Володя, смотря на проявляющуюся формализованную модель.
Семен Семенович принялся чмокать губами, потом вдруг поморщился и томно застонал. Елена Тимофеевна, не выдержав, вскрикнула, с омерзением вскочила и, попятившись, вжалась спиной в широкий ствол дерева. У Семена Семеновича

в глазах появилась боль, лицо перекосило мучением, и он обмяк, потом разлепил глаза и его стошнило прямо под ноги.
- Все, - сухо сказал Володя, - следующий...
- Ребята, а может просто опросом свидетелей ограничимся? - засомневался бородач, видимо постоянно консультируясь с координационным центром.
- Мы извлекаем всю скрываемую от нас информацию и фиксируем ее, - не согласился Константин Андреич, - Следующий!
Виктор Михайлович, серо-бледный как майский гриб, поднялся в траве на четвереньки и, крадучись, полез в кусты, но, не доходя, вдруг застыл, прогнул спину и порозовел. Он поднялся легко и свободно и, чуть покачнувшись, тихо захихикал. Левой рукой он вдруг от души влепил себе пощечину, притих и счастливо заплакал, не мигая уставившись куда-то далеко перед собой, потом сильно ущипнул себя сзади.
Семен Семенович, багровый и растерянный, молча тер виски, ссутулившись на бревне.
Елена Тимофеевна вдруг сорвалась с места и побежала вниз по тропинке неровным прыгающим аллюром.
Лена сжала Сашину руку и отвернулась:
- Не могу смотреть! - она через силу виновато улыбнулась, - Страшно. Люди и вдут такое...
- А ты не смотри! - посоветовал Володя, - Это только со стороны так жутковато-непривычно, а им это нисколько не вредит, даже наоборот, помогает осознать свои глубины.
Вдали фигурка Елены Тимофеевны перешла на шаг и в раздумье остановилась. Она лениво опустилась на обочину и, распластав руки в высокой траве, замерла, мелко подрагивая всем телом.
- Трех артистов записали, - удовлетворенно сказал Володя, в принципе все важные данные получены.
- Все это - фарс и наглая подстава! - доверительно обратился к бородачу Семен Семеныч, - эти данные не имеют законной силы!
- А вот сейчас мы дополним картину, - Володя нащелкал что-то на портативном пульте и протянул его Семен Семенычу, - кнопочку зеленую прижмите, пожалуйста разок!
- Да пошел ты!
Володя втиснул пульт в почти безвольную ладошку и прижал пухлый палец Семен Семеныча к кнопке, отчего тог сильно вздрогнул, его здорово повело и ему пришлось присесть прямо на траву. Пульт он больше не отпускал. Володя отошел чуть в сторону. Но Семен Семенович уже забыл обо всем на свете и тыкал в зеленую кнопку снова и снова, погружаясь в невыразимую нирвану.
- Уверен, что сам он не остановится, не хватит силы воли и мотивации. Это - простейший стимулятор его центра удовольствия: нажал кнопку - получил заряд полнейшего счастья. Ему больше ничего уже не нужно от жизни. Если не отобрать так и умрет, нажимая.
- Это как было в опытах с крысами, - заметил бородач, - наглядный показатель предела желаемого...
Володя прервал стимуляцию и Семеныч, лишенный самого желанного,

маятником оказался в аду.
- Ну вот теперь для контраста и чистоты результатов можно и нас прогнать через систему, - Володя обвел взглядом товарищей, - Не желаете ли узнать себя лучше? Пока только у четверых из нас есть адаптеры. Себя я еще раньше записал, можете посмотреть, что получилось.
- Теперь мы свободны? - угрюмо спросил Виктор Михайлович бородача. Тот вопросительно взглянул на Володю.
- Да, пусть валят, никуда уже не денутся.
В мире так давно не было военных и политических конфликтов, а гражданские коллизии эффективно решались небольшим контингентом спасателей, что люди потеряли тот уровень бдительности, который был необходим в чрезвычайных ситуациях. И артистов спокойно отпустили.
- Давай меня определять! - Константин Андреич широко улыбнулся и развалился в кресле.
Володя взглянул на него, извлекая код из памяти, потом дал мысленную команду. Глаза Константина Андреевича заволокло невидимой пеленой. Он резко откинул голову на спинку и оскалился.
Было странно наблюдать как мозг непроизвольно реагировал на сканирование обличающими движениями тела и, конечно, оно не поспевало, в принципе не могло отследить все богатство вспыхивающих образов. Тело казалось ненужным и странным придатком.
Лицо напряглось, морщинистые контуры образовали обезьяноподобную маску, застывшую в немом изумлении и только глаза светились страстным лихорадочным блеском.
- Итак, пациент Константин Андреич, - удовлетворенно усмехнулся Володя, - человек вполне творческий, хотя есть и довольно необычные акценты! Процентов на шестьдесят соответствует критериям объединения разумов, что для нас определили Старшие Братья.
- Ну, что? Теперь я? - чуть нервничая спросил Саша.
- Сядь поудобнее на всякий случай! - посоветовал Володя.
Константин Андреевич медленно приходил в себя. Наконец он очнулся, потрясенный, усмехнувшись, мотнул головой, решительно вскочил, но, пошатнувшись, неуклюже снова рухнул в кресло:
- Ну, я вам скажу... сильная штука! Здорово!..
- Саша, начинаем! - предупредил Володя, и Лена, ойкнув, поспешно отвернулась.
- А чего ты испугалась? - засмеялся Володя, - Наоборот, ты только посмотри на него!
Лена, не в силах сдержать любопытство, осторожно взглянула на Сашу и с недоумением уставилась на него.
Сашино лицо было безжизненно и кротко как у спящего ребенка. Жили только глаза. В них было что-то жуткое и завораживающее. Лена побледнела и как загипнотизированная смотрела в них пока все не кончилось. Она в волнении вопросительно посмотрела на Володю. Тот озадаченно почесал загривок:
- Это, ребятки, значит, что если бы не базовые гормончики и желудок, то наш Сашок, по выражению артистов, был бы чистокровным киборгом. Восемьдесят пять процентов соответствия критериям объединения с суперразумом! Вот так...

Среди нас, простых смертных... - Володя взглянул на Лену и осекся, - Ты что? Ленка, что с тобой? В глазах у Лены искрились слезы. Она стояла, неподвижно замерев, необыкновенно печальная и задумчивая.
Саша открыл невидящие глаза, все еще переживая потрясение, но, обретя себя, поинтересовался.
- Как я тут кривлялся? - спросил он и подошел к Володе. Не замечая еще состояния Лены, он впился взглядом в запись:
- Что здесь?
- Погоди... Лен, будешь тестроваться?
- Да!.. - Лена как во сне подошла к креслу и села, закрыв глаза.
- Что с ней? - встревожено спросил Саша.
- Погоди... Начинаем!
Губы у Лены порозовели. Она посвежела и раскраснелась, став неотразимо прекрасной. Большие ресницы чуть подрагивали, и затаившаяся ненужная слеза скатилась по щеке, блеснув как маленькая алмазная искорка.
- Черт! - вырвалось у Володи, - Вот это девушка! - он ткнул застывшего Сашу в бок, - Смотри, научник, что получается! - он показал появляющиеся строчки, - Восемьдесят процентов биопродуцированного и, несмотря на это, есть пять процентов исследовательской мотивации. Это начало переходного периода. Она уже не просто животное, ой, извини, обладающее символьной системой и нахватавшееся достижений человеческой культуры. Ей уже необходимы эти пять процентов неудовлетворенности. Мало, конечно, но, Сашок, твое счастье - в этих пяти процентах. Если бы у нее как у этих болванов - артистов был бы ноль здесь, мне просто оставалось бы сочувственно пожать тебе руку. Не знаю вот только, нужно ли тебе самому все это...
- Да! - Константин Андреич сосредоточено посапывал позади, покачиваясь на пятках, - Правда же, Володька, мне она больше подходит?
- О чем это вы, Константин Андреевич? - тихо спросила вернувшаяся в этот мир Лена, и тот иронически поморщился.
- Видели разницу? - обратился Володя к бородачу, - данные задержанных отправлены в центр! Можете разбираться в деталях заговора.
- Внимание! - прервал его Константин Андреевич, - Мне сейчас сообщили, что началась неплановая связь с Землей.
- Ну и что?
- А то, что ее форсировали наши знакомые артисты. У них на очередную связь планировался переворот.
- Что же ты молчал?!
- Не стоит суетиться. Это же рядом с нами. Нормально встретим гостей. Весь цвет артистов с гаремом прямо к нам в лапы и прибудет.

Вскоре все были у портала, плотно оцепленном спасателями. У входа внепространственного приемопередатчика уже толпились прибывшие с Земли. Такого нашествия еще никогда не было, а из дверей выходили еще и еще.
Саша потрясенно присвистнул. Несколько спасателей направились на выручку своему товарищу, заблокировавшему транспортный парк. Тот объяснял, кричал, уворачивался от машущих рук, но транспортные коды упорно не выдавал.

Прибывшие не могли разлететься по всей планете.
Особенно много в толпе было женщин.
- Смотри! - Володя указал Саше на две машины, стоящие поодаль. Около них вновь энергичный Семен Семенович оживленно разговаривал с какими-то новоприбывшими.
- Так, а Виктор Михайлович куда задевался? Саша! Парализатор у тебя?
- Да.
- Не пускай никого к нашим машинам!
Саша еще не видел Володю таким встревоженным. Тот побежал к приемопередатчику и начал протискиваться сквозь толпу. Он уже почти достиг дверей как вдруг вслед выходящим людям пахнуло огромным облаком сизого дыма. Толпа затихла. Откуда-то сверху раздался отчаянный крик.
Прямо из воздуха высоко над строением возник человек и, распластавшись, с воплем полетел вниз. Он уже мертвым упал на площадь и стало тихо. В этом же направлении от приемопередатчика будто гигантским кнутом стегануло по кронам деревьев, а у горизонта быстро растаяло маленькое облачко.
- Юстировку нарушили! - глухо проговорил Константин Андреич, - Ни хренасе!..
- Канал уходит! - наконец дошло до Саши. Эта мысль была настолько нелепой и неожиданной, что чувства не успевали оценить случившееся во всей мере. Казалось, что это какая-то ошибка и такой беды не может произойти здесь на самом деле.
Лена потрясенно смотрела на упавшего человека, с которым уже возились спасатели.
В толпе раздались первые выкрики и все потонуло в гуле голосов. В дверях приемопередатчика показалась сутулая фигура. Волосы и лоб были черными будто человека макнули в краску. Контрастно белое лицо было перекошено ужасом. Саша всмотрелся:
- Виктор Михайлович! - вскрикнул он так громко, что Лена вздрогнула.
- Он самый, - подтвердил Константин Андреич, - Вероятно просто выломал подвод питания преобразователя.
Виктор Михайлович вдруг выгнулся дугой и с размаху полетел на шершавый пластик площади. В дверях показался разъяренный Володя. Он подскочил к лежащему и резко поднял его за шиворот, но только для того чтобы ужасающим по жестокости ударом снова сбить с ног. Толпа отхлынула от них, и двое прорвавшихся спасателей с трудом удержали Володю от дальнейшего избиения.
Саша замер потому, что у него заработал аварийный канал. Люди на площади притихли, вслушиваясь в голос, звучащий у них в головах:
- Говорит служба информации. На планете создалось чрезвычайное положение. Только что потеряна непосредственная связь с Землей. Всем прибывшим необходимо оставаться на площади до прибытия организаторов. Прибывшие должны немедленно зарегистрироваться по индивидуальному коду для определения долговременных потребностей. Ждите дополнительных сообщений.
Неподалеку взлетели две машины. Саша вздрогнул и лихорадочно повернулся в ту сторону. То был Семен Семенович со своими товарищами.
- Константин Андреич! - крикнул Саша, пробегая мимо, - Присмотрите за Леной, пожалуйста! - он ввалился в Володин вездеход, и машина, стремительно

подскочив, взмыла наперерез. Один из беглецов сразу же свернул в другом направлении. Саша быстро настиг его и поднял излучатель парализатора. Двое пожилых новоприбывших мужчин беспомощно наблюдали как вездеход лихо крутил спираль вокруг их машины.
- А ну назад!!! - заорал Саша, - На следующем подходе сбиваю без предупреждения!
Мужчины послушно развернулись. Саша как снаряд устремился ко второй машине, уже превратившейся в точку. Ускорением его так вжало в кресло, что глаза налились серым маревом. Он быстро приближался. Семен Семенович обернулся, и его машина резко пошла вниз, полетев над самыми кронами деревьев. Напарник рядом с ним нервно ерзал и озирался по сторонам. Теперь Саша не мог ограничить свободу маневра машины, крутя вокруг нее спираль: в опасной близости мелькали верхушки деревьев. Он приближался с одной стороны, а машина, делая поворот, уходила вбок и назад. Так можно было гоняться до бесконечности, не приблизившись на нужное расстояние. Тогда Саша рискнул и спикировал вниз, вращаясь в бешенной сужающейся спирали, в которую попали беглецы. Самые высокие ветки яростно хлестали по днищу.
- Вверх!!! - заорал Саша, - Иначе стреляю! - он поднял парализатор, но машина вдруг сделала невероятно крутой вираж на пределе прочности конструкции. Автоматический корректор избежал удара о ствол высокого дерева. Саша потерял сознание. Неуправляемый вездеход продолжал преследовать Семен Семеновича, держа его машину в спирали и еще не раз уворачивался от ударов пока, наконец, вызванные Семен Семеновичем спасатели не освободили его и обезумевшего от страха напарника от бешеной карусели. За это время они улетели очень далеко.

16. Мир 2
Утро в институте физической алхимии, куда Саша распределился после универа, началось с неожиданного внимания к его персоне.
- Саша, шеф вызывает!
Саша, не паникуя, завершил серию замеров и вышел в соседнюю комнату, морально готовясь к очередному противостоянию. Лысоватый пожилой шеф в желтом халате наклонил голову к листкам бумаги среди вьющихся цветных дымов благовонных трубочек.
- Яков Давыдович, звали?
- Саша, мм... вы сколько брали родия для своей ячейки?
- У Гули записано, я так не помню.
- Он никогда ничего не помнит. Бардак! - вполголоса заметила Зинаида Яковлевна, взвешивая родиевые тигли, - У меня и без его родия перебор получается. Не нужно мне больше никакой родия!
- Зинаида Яковлевна! Я сам разберусь!.. Так, Саша, у Гули записано мм... двадцать шесть и двести восемьдесят одна тысячная грамм.
- Ну, значит так...
- А Зинаида Яковлевна настаивает, что этот родий тебе дал твой друг, который нашел на свалке деталь от микроанализатора, а в журнал записали случайно.
- Какой друг?

- Ну Володя.
- Нет, я родий вырезал из нашего листа, там еще этот вырез остался. А про свалку - это в газете писали и вовсе не про нас, а вообще про разгильдяйство при списании мат-ценностей.
- Он ее и не взвешивал! - взвилась на высокие обертоны Зинаида Яковлевна, - Гулька потом остатки взвесила и разность записала! Он же ее как жесть консервную ножницами вырезал!
- Ну, а что же вы мне голову свалкой морочите?!
- Это у меня уже от всего этого голова кругом! Я-то все выкраивала чтобы у нас недостатка не случилось, а теперь еще и виновата с этим переизбытком!
- Ничего себе! - шеф окутался клубом благовонного дыма по самую лысину, - У нас теперь избыток около тридцати граммов!.. Это примерно двадцать ваших зарплат! Ладно, Саша, идите. Вы посчитали диэлектрические моменты?
- Я еще с бензолом не закончил. Воду сосет быстро из воздуха, еле успеваю.
- Понятно, идите.
Саша вернулся к своей установке, не испытывая больше желания что-либо делать.
- Ну, что, опять накостыляли?.. - участливо спросила Гуля.
- Снова у этой вороны с драгоценностями непорядок.
- А я у нее вчера золотое кольцо в раковину выплеснула! - со сдавленным смешком проговорила Людмила Михайловна.
- Так вчера она по этому поводу бесилась? - понял Саша.
- Ну да! Смотрю: у раковины стакан стоит грязный с какой-то гадостью. Ну, я помыла его, а эта вбегает и орет, что золото растворила чтобы пробу повысить и что все мы сволочи только и ждем как бы ей напакостить.
- Ух, что-то не могу я больше! Нужно разрядиться. Можно? - Саша вытащил из кармана маленький пакетик, блеснувший фольгой, - Мы с Вованом вчера новый синтез провели, и вот можно попробовать... Давайте все здесь встанем, а я к двери брошу. Если кто спросит скажем, что трансформатор на пол свалился.
- Может не надо? - спросила наученная жизнью Людмила Михайловна, - что там у тебя?
- Диазоперхлорат метанитроанилина. Абсолютно безопасно. Один только звук. Закройте глаза чтобы бумага на попала!
Пакетик блеснул в воздухе и упал на пол у двери. Тут же дверь распахнулась и в комнату влетела Зинаида Яковлевна:
- Иди-ка ты к шефу! - она в упор ткнула толстым красным пальцем в Сашу.
Грохнул ужасающе неуместный взрыв. Ее халат снизу вздуло куполом. Зинаида Яковлевна подпрыгнула, громко хрюкнула и, крутнувшись, будто пытаясь поймать себя за хвост, принялась в панике хлопать себя растопыренными пальцами по заду. Ее халат в этом месте походил на негативное изображение звездного неба. Наконец она рванулась к двери, но зацепилась ногой за шнур муфельной печи, стоящей на полу, и растянулась во весь рост уже в коридоре, ногами в комнате. Бархатный тапочек с мохнатым помпончиком слетел с ноги и трагически застрял под умывальником.
- Ужас какой! - выдохнула Гуля, когда дверь захлопнулась, - Правда, мне ее иногда даже жалко! Что теперь будет?

- Ну, что? Скажем, что кипятильник забыли в воду сунуть, когда она вбежала с угрозами, - опытная Людмила Михайловна быстро вынула из стола в самом деле давно лопнувший кипятильник и швырнула на пол около розетки.

17. Мир 1

Саша медленно и мучительно приходил в себя, вырываясь из пут полубезумного состояния, не понимая, где он находится. Он открыл глаза и поначалу разобрался где верх, где низ. Затем понял, что лежит в лечебной капсуле. В полумраке у его ног светились разными цветами медицинские индикаторы. Он всмотрелся: вроде все было в норме. Итак, он в больнице. Что же случилось?

Саша вызвал медицинские сведения о себе. Там говорилось, что он перенес чрезмерные гравитационные нагрузки, что порванные органы и ткани заменены на синтетические, а в конце оказалась просьба Лены связаться с ней, как только сможет. Сашу удалил просьбу и задумался. Он смутно помнил о потери связи с Землей, о том, что погнался за артистами, но откуда перегрузки?

Саша усилил освещенность и, готовый ко всему, посмотрел на руки. Руки как руки, свои. Он узнал пятнышко у большого пальца. Тогда он, немного волнуясь, взглянул на свое объемное изображение. Лицо было припухлым и сонным, но в порядке.

Хотелось есть. Саша выбрал блюдо в герметизированной упаковке и жадно выдавил в рот. Он вызвал сводку новостей и, слушая, прикончил еду. Связь с Землей потеряна. Около тысячи очаровательных молодых девушек и парней, приглашенных для участия в эротических экспериментах, вынуждены остаться навсегда и расселены по планете. Психологическое обследование группы участников заговора патологических отклонений от нормы не обнаружило и поэтому ответственность за случившееся и человеческие жертвы в полной мере обсуждается в ходе объяснительных дискуссий, записи которых прилагаются. Раскрыт галактический заговор.

Была ночь. Будить Лену сейчас не стоило.

Саша решил послушать записи дискуссий. Раздался уверенный голос Семена Семеновича:

- Критическое положение, в которое нас поставило грубое вмешательство в начавшийся цикл экспериментов, вынуждало идти на крайние меры. Некоторые сведения космического характера и насильное психосканирование, которому нас подвергли, в случае их преждевременного обсуждения неминуемо перечеркнули бы всю обширную работу по исследованию человеческой сущности. Мы предвидели несколько вариантов развития событий и соответственно готовились. Ни в одном из вариантов не был предусмотрен разрыв связи с Землей. Мы убеждены, что космическая альтернатива преобразования общества в суперорганизм - крупномасштабное заблуждение и является смертельным рецептом для человека как вида. Мы - люди должны оставаться в человекообразном состоянии. Нам не нужны бесполые синтетические существа, замкнувшиеся на глупой идее служения науке, а не человеку. Останемся же верными сами себе! Останемся людьми! Будем любить и ненавидеть!

Далее шел Константин Андреич.

- В силу нашей биологической сущности нас неизменно впечатляют

прочувствованные выступления артистов. Они действуют не столько на разум, сколько на примитивные мотивации и рассчитаны на людей недалеких и доверчивых. Характерно, что, говоря о развитии человеческих отношений и общения, сами артисты являются примером примитивных форм этих отношений и не могут сравниться в эффективности с научниками.
Семен Семеныч готов на словах принизить все достижения техники, но без них не проживет и дня. Хотя он и твердит всем, что далеко не стар, но за неполные двести лет жизнь его здорово потрепала. Лишь около сорока процентов осталось у него от прежнего тела, все остальное - синтетическое. Что бы он делал без науки? И вот, лишившись естественной регуляции, а соответственно и биологических потребностей, но не развив взамен познавательных способностей, он потерял все. Ему остается только мечтать о райских мирах, в которых он мог бы продолжать эксплуатировать свои примитивные структуры мозга. Он боится, что исчезнет человеческий вид? Тут уж ему не помочь. Нашим обезьяноподобным предкам пришлось развиться в людей и, конечно, они не в состоянии были понять, что же такое человек, в которого им предстоит превратиться. Та же история с человеком. Гомоцентризм не должен застилась глаза тем, кто понимает, что существует в неразрывной связи с природой и Вселенной. Глупо думать, что человек достиг совершенства и не будет изменяться.
Затем раздался глухой голос Виктора Михайловича:
- Я рисковал жизнью, голыми руками ломая подвод питания приемопередатчика. Может быть, это была ошибка, но в тот момент я думал только об одном: что цель, которой я посвятил жизнь, может быть перечеркнута людьми, не желающими нас понимать и даже выслушать. Нам, то есть тем, кого называют артистами, не нужно большего могущества и больших технических благ чем те, что у нас уже есть. Мы считаем, что пора кончать безоглядную техническую гонку и заняться, наконец, человеком по-настоящему. При всем своем могуществе он все еще нищ духовно.
Когда я оборвал подвод, я, конечно, не предполагал, что будут жертвы, а то бы не смог решиться это сделать. В тот момент я сам себя приносил в жертву. Это был последний шанс. Пусть нас предоставят своей воле. Мы хотим развиваться так, как подсказывают наши убеждения. Пусть научники скажут: зачем нужно дальнейшее развитие техники? Больших благ даже представить себе невозможно!
Отвечал кто-то незнакомый Саше:
- Человек еще на раннем этапе развития получил неоспоримые преимущества перед животными и, в принципе, при соответствующей социальной структуре мог бы всем себя обеспечить. Почему наука не остановилась? А если бы она остановилась?
- Должен заявить, - сказал чей-то проникновенный голос, - что возможность обрыва канала связи все же была предусмотрена артистами, и в этом случае наши представители на Земле заявили бы о нежелании нами контакта. По-видимому, такое заявление уже там сделано.
Заговорил немного взволнованный почти мальчишеский голос:
- В артисты, как правило, уходят те, кто не желает развивать в себе

научное мировоззрение. В нашем случае они изолировали планету от Земли, но не пожелали учесть, что процент людей, лишенных любознательности, мал и их идеи не могут удовлетворить большинство. Они поставили планету в тяжелые условия и должны ответить за это тем, что их идеи будут полностью открыто интерпретированы, включая данные сравнительного психотестирования. Это необходимо для предотвращения дальнейших рецидивов.
Саша выключил обсуждение и встал на пол. Сердце застучало, и он почувствовал тяжесть в ногах. Индикаторы угрожающе запылали. Саша шагнул к двери. Слегка кружилась голова.
- Вы еще не прошли мышечной стимуляции и адаптирующих процедур! - предупредил автомат.
Саша сделал несколько глубоких вдохов и, неуверенно ступая, вышел из комнаты. Он неторопливо зашагал по длинному коридору. Здесь регистрировался каждый его шаг. Его просвечивали, снимали множество данных и, обрабатывая результаты, судили о его состоянии. Нужно постараться обмануть всю эту технику. Ступать по возможности твердо, не задыхаясь, осторожно дойти до двери. Иначе они могут не открыться. В детстве это у него получалось. Саша подошел к дверям вплотную, думая о чем-то отвлеченном, хорошем. Они помедлили, но пропустили.
Пахнуло ночной свежестью. Было здорово и немного тревожно.
Саша вызвал флайер и прислонился к дереву. Вскоре тот опустился рядом. Саша забрался в него, отвалился на сидении, подумал немного и связался с дежурным организаторов расселения.
- Скажите, что решено делать для восстановления связи с Землей?
- Есть несколько кандидатов для полета, в том числе и вы. Через пять дней закончится подготовка аппаратуры, и кто-нибудь должен будет дать согласие.
- Значит специальный корабль связи так и не вернули?
- Нет. Нам наука. Слишком все было неожиданно... Стоило нарушить принцип и отдать его на время соседям как вот... Закон космической подлости. Придется лететь человеку. Мы дооборудуем исследовательский корабль. Сейчас устанавливаются два портативных приемопередатчика.
- Так полетит кто-нибудь один?
- Сами понимаете, это все равно, что вычеркнуть себя из жизни.
- Ясно, спасибо.
Саша вызвал любимую мелодию, глубоко задумался, но вскоре заснул прямо на сидении, так и не взлетев.
- Эй, соня!
Саша обрадовался этому голосу, открыл глаза и увидел улыбающуюся Лену. В утренних лучах солнца она казалась тонкой и прозрачной.
- Что же ты заснул прямо около лечебницы? Даже со мной не связался! Эх ты, друг! Я волнуюсь...
- Привет, Аленка! Я не решился ночью к тебе лететь.
- А мне так бы хотелось, чтобы ты такие вопросы не решал, а чувствовал, - она покрутила ладошкой у виска.
Саша рассмеялся.
- Ты все смеешься, а я столько думала пока тебя штопали...

- Из-за этого тестирования что ли? - Саша фыркнул, - Выкинь из головы. Это идеалы. А в жизни все совсем по-другому.
- Но это всего лишь значит, что со мной ты не можешь быть по-настоящему счастлив, - тихо сказала Лена, искоса поглядывая на Сашу.
- А ты много знаешь людей, предельно счастливых? Да тогда бы и жить дальше не стоило бы! Все дело в том, что если я человек, то мне нужна и твоя человеческая ласка! - Саша выпрыгнул из машины к растерявшейся Лене.
- Ох, Сашка, я не знаю... Нинка вот тоже за тебя горой, убеждает... может ей виднее?

18. Мир 2

Лена прижала пальцем кнопку звонка на давно не крашенной калитке. В глубине дома тихо прострекотала мелодия. Внезапный порыв весеннего ветра принес запах распускающихся виноградных орхидей и взлохматил прическу. Лена поспешно принялась поправлять ее. Выходить не торопились. Значит Саши нет. Наконец дверь дома открылась, к калитке кто-то подошел, шаркая наспех одетой обувью и появилась Сашина мама.
- Здравствуйте, Валентина Андреевна!
- Здравствуй. Заходи, Саша скоро должен вернуться. Я его за ламинарией послала.
Лена одела тряпичные самовязанные тапочки и прошла в Сашину комнату. Проигрыватель остановился на конце программы и Лена запустила его сначала. Там оказалась знакомая мелодия со смешным текстом, о которой Саша как-то рассказывал.
Домашняя рубашка и джинсы валялись на кровати и Лена, аккуратно сложив, повесила их на спинку стула. Тут она заметила на столе исписанные листки. В глаза бросилось жирно подчеркнутое заглавие: "Мотивация и цели человеческого поведения".
Лена снисходительно вздохнула, села за стол и принялась читать. Потом зевнула, честно сознавшись себе, что нить смысла ускользает от ее внимания, и что ей это вообще не интересно. Она задумчиво уставилась в окно.
За спиной у нее стоял неслышно вошедший Саша, борясь с желанием запустить пальцы в ее волосы.
- Зевают, когда или слишком глупо, или слишком трудно, в обоих случаях - неинтересно, - заметил Саша.
Она чуть вздрогнула и с улыбкой обернулась.
- Привет! Не обижайся... - сказала Лена задумчивым тоном, - Слишком далеко от меня.
- Для тебя я бы по-другому написал, - улыбнулся Саша.
- Ты очень многое времени тратишь на то, чтобы писать для кого-то... у нас так мало общего, но мы все равно почему-то вместе.
Внутри у Саши неприятно похолодело. Вопрос постоянно висел в воздухе, и как только они встречались и, особенно, когда расставались, чаще всего уже довольно холодно.

19. Мир 1

Володя сидел в релаксирующем кресле, задумчиво поглаживая кулаком небритую щеку. Нужно было что-то делать с темой обманутых инопланетных экспертов единого разума.
- А ты пробовал сам с ними связываться? - Саша пробарабанил ритм пальцами по ящику со значком радиации, на котором сидел.
- Пробовал. Я как-то обнаглел и обратился прямо к ним, и они почти сразу ответили. Сказали, типа чтобы я не приставал, что связи больше не будет. И точно. Потом я еще раз пытался, но как отрубило.
- А голос у них какой?
- Это была связь через адаптеры. Я воспринимал их мыслями. Мои собственные мысли после этого долго еще казались отвратительным хаосом, неуправляемым и липучим. А сам я на связи чувствовал себя глупым щенком. Видно, их поначалу здорово сбили с толку наши адаптеры своей преждевременностью. Все-таки в этих областях мы намного опередили этапы развития у других цивилизаций. Судя по их впечатлению, которое я прочувствовал со всей непосредственностью, общение со мной воспринималось вроде того, как если бы с нами заговорил щенок, даже не взрослая собака. Обидно было, но они и на эту обиду посмеялись - как мою попытку воздействовать на них таким образом. Ну, не то, что посмеялись... а не приняли и не пожелали проявить участия.
- У меня вроде на тестировании уровень подготовки почти как нужно, вдруг прокатит?
- Ты, конечно, у нас крут, по результатам, - почти без тени насмешки прикинул Володя, но все равно, думаю, что бесполезно. На этой планете они поставили крестик. Им нужен совсем другой уровень организации... И связываться нужно из другого района космоса, чтобы не блокировали по местонахождению.
Саша согласно кивнул и решился выдать то, что давно уже обдумывал:
- Можно самим создать новый мир и развить его на основе наших сведений культуры, но чтобы там возникло своя самобытная культура. А уже в том мире развить специализированный разум - что будет еще кратно быстрее, чем скорость прогресса их мира. Такой разум, пожалуй, смог бы общаться с единым разумом почти на равных. Или поначалу построить промежуточное сознание, которое, в свою очередь, создало бы более высокоуровневое. Но это же целый виртуальный мир нужно создавать и поддерживать! Сколько времени пришлось бы ухлопать и неизвестно чем кончится, ведь локализация та же останется... - Саша вздохнул.
- Для успеха нужно запускать подальше в космос систему для эмуляции искусственного мира, - Володя безнадежно стукнул ладонью по ручке кресла, - где взять такие ресурсы?..
Саша взглянул на него:
- Выход есть...
- Ну?
- На Землю все равно лететь кому-то нужно для прокладки канала связи. И раз прокладчика нет, пошлют полноценный поисковый фрегат, достаточный для эмуляции хоть целой вселенной, если сделать разумные ограничения.
Володя молчал. Он уже понял, но Саша продолжал:
- Смотри, что получается: если я полечу, то у меня - все козыри. Локализация

будет из другого района космоса, есть время на подготовку, и у меня, кроме того, в отличие от других, вживлены адаптеры чтобы контактировать с виртуальным миром и его персонажами.
Володя вскочил на ноги и кресло сделало несколько эксцентрических качков в его сторону, пытаясь ухватить удаляющиеся мышцы. Он оцепенел и долго молча переваривал ситуацию, косо поглядывая на Сашу. Было видно, что чем он больше думает, тем больше ему это нравится. Наконец процесс закончился, и он опустил глаза:
- Тебе, конечно, решать. Взвесь все. Потом жалеть будет поздно. Когда старт?
- На днях. Считай, что я решил. Я знаю, что теперь уже никуда от этого не денусь.
- Тогда нужно спешить. Нужно приготовить все для создания мощной виртуальной среды, способной вместить целый мир.
Володя принялся связываться с поставщиками ресурсов для биоэлектронного синтеза квантовых вичислителей.
Саша заметил подлетающий флайер. Через мгновение он замер на поляне и из него выбралась Лена.
- А, Ленка, привет! - бросил Володя через плечо.
- Привет! Чем занимаетесь? - она игриво крадучись подходила к ним, но, поймав Сашин взгляд, сразу что-то заподозрила.
- Садись, пообщайся с нами! - Саша кивнул на Володино кресло и Лена, ойкнув, качнулась в нем, охваченная массажерами.
- Что-то мне сегодня глупые мысли в голову лезут, работать мешают. Думала: полечу к Сашке, он успокоит. Сашки в институте нет, а Нинка пошутила, что он, вероятно, к полету готовится. Я - в оргкомитет, но мне там сообщили, что таких как Сашка десятка два заготовлено. Только представь: почти пятьдесят лет кому-то лететь придется! Неужели до сих пор не придумали как точно прицеливаться?
Саша печально усмехнулся:
- Дело не только в этом. Нужно чтобы с обоих сторон внерелятивистская одновременность пуска была соблюдена. Это само по себе дело невозможное. Да еще флуктуации задатчика направления на таком расстоянии соизмеримы с масштабами планеты, а нужно попасть точно в приемник. Ты же сама видела, как быстро канал ушел в сторону, когда перестал удерживаться. Вот и приходится его тянуть за собой как веревку.
- А что, Лена, - заговорил Володя, - Сашка хороший специалист, давай отпустим его на Землю?
- Конечно! - спокойно сказала Лена, - Пусть себе летит! Я тоже полечу с ним...
Володя удивленно повернулся и даже перестал заполнять номенклатуру заказа, хотя такое ему было не свойственно. Саша прикрыл глаза и крепче вцепился в края ящика под собой.
- Ну, тогда... - Володя озадаченно поскреб щеку и вдруг решительно махнул рукой, - тогда есть еще более надежный вариант. Мы летим втроем. У нас у всех есть адаптеры. И когда сформируется наш искусственный супергений или даже несколько их, мы сможем сначала интегрироваться с ним, образуя зачаточный суперразум и затем выйти с этим на Старших Братьев.
Лена молча смотрела на парней округлившимися глазами, наконец начав понимать подоплеку.

- Я даже и представить себе не могу, что за общение у нас с Ними может получится, - сказал Володя, - Но как поговорил тогда в первый раз, так с тех пор не могу, - будто коснулся чего-то невероятно интересного. Мне теперь наши проблемы кажутся детскими игрушками и раздирает тоска внутри как собаку, которая скребется в дверь дома.
- Это вы про Контакт? - тихо спросила Лена.
- Про него. Мы полетим и снова попробуем, - Володя повернулся к своей установке.
Саша взволнованно вскочил с ящика:
- Я сообщу в информатеку, может от интересующихся будут полезные идеи!
Лена выбралась из кресла и, как-то вся ослабев, подошла к Саше, ухватив его за руку:
- Жутковато даже...
- Есть надежда заглянуть в далекое будущее.
- Мы лишимся почти всего человеческого?..
И опять в ее вопросе не было иронии, по крайней мере видимой, а в напускном спокойствии сквозило желание понять.
- Да, мы будем приближать смерть того примитивного, что в нас находится, - согласился Саша, - но обретем нечто куда как более интересное. У нас будет свой искусственный мир, ничем не хуже нашего естественного.
- Ну, Ленка! Ну что ты сразу так переживаешь?.. - Володя опять прервал работу, - Да у вас пятьдесят лет впереди на любовь и все такое.
Лена растерянно смотрела на него.

Несколько дней промелькнули в приготовлениях. На фрегат погрузили почти все биоэлектронные ресурсы планеты. И настал день старта.
Уходили минуты, а Лена все не могла распрощаться. Ее подружка, вся в слезах, держала ее в объятиях. Они обещали видеться каждый день по тянущемуся каналу, но это не помогало.
Наконец Володя, выбритый и подтянутый, совсем не похожий на себя, выпрыгнул с борта, сверкая серебристыми бликами спецкостюма и подошел к ним.
- Ну, что, Нинка, может с нами полетишь?
Нина молча отступила на шаг, оскалилась улыбкой на мокром лице и чуть заметно помахала одними пальчиками воздетой к глазам ладошки. Володя осторожно взял Лену за плечи и повел к борту.
Порыв ласкового ветра заиграл ее волосами, и она невольно задержалась на мгновение, вдыхая волнующую свежесть. Высокие деревья тихо шелестели вокруг площадки, купола белых вьюнов на длиннющих нитях далеко развевались по ветру и не верилось, что этого больше никогда не будет.
Володя помог Лене взобраться и все разместились в кабине взлетного модуля. Площадка бесшумно канула вниз, деревья всплеснули ветвями и провалились, сливаясь в сплошной зеленоватый массив. Все быстро подернулось дымкой, кое где блеснули озера, и небо сверху стало сине-фиолетовым.
Саша показал пальцем вниз:
- Смотри, Ален, вон то озеро, где тебя дракон похитил!
- Где?.. - спросила она грустно.

- Да улыбнись ты! - Саша ободряюще толкнул ее плечом, - Видишь, где холмы начинаются?
Лена смущенно улыбнулась, всматриваясь вниз:
- Не вижу, наверное, все очень маленькое стало...
- У меня такое ощущение будто я что-то забыл взять или выключить!.. - признался Володя, - У меня всегда так: вспомнить не могу, а потом уже поздно.
- Если это не слишком большое, то попросишь передать по каналу, - успокоил Саша.
- Оно точно окажется слишком большим, - Володя покачал серебристым шлемом.
- Сиди спокойнее, не пихайся!.. - попросила Лена.
- Извини. Все-таки какая красивая у нас планета!
- Да, - вздохнула Лена, - Так вот смотришь и не верится, как могло такое образоваться само по себе без человеческой фантазии. Хрустальная капля среди бесконечной черноты!
Планета поворачивалась боком, переливаясь перламутром атмосферы.
- Человечья фантазия может оперировать только с тем, что человек видел раньше, - возразил Саша, - а совершенно для себя новое он не способен даже воспринять, будто его и нет перед глазами. Человек не мог бы быть богом.
- Остановите Сашу! - взмолилась Лена, - После его слов вся красота даже как-то съеживается!
- Это не красота съеживается, а мы удаляемся, - резонно заметил Володя, - отсюда уже не так красиво. А Саша пусть изрекает. Он нам еще очень даже пригодится в этом качестве.
- Спасибо, что разрешил! Раз уж мы связались с такими делами, то как раз нужно почаще думать о природе вещей и перестраивать себя на как можно более объективный лад, - оправдывался Саша.
- Да, - Володя закрутил головой и въехал Лене затылком в нос.
- Что, прилетели? - перебила его Лена, отстраняясь и показывая на мерцающую призрачную громадину, выползающую слева.
- Да. Наш дом! - сказал Саша.
- Какой огромный! - поежилась Лена.
- Погоди, до него еще далеко!
Громада медленно росла, дополняясь множеством деталей. Стали видны тусклые точки, роящиеся в некоторых местах.
- Это выпускающие, - показал на них Саша, - Еще возятся.
Впереди слабо замерцал красным треугольником контур, быстро вырос, и корпус фрегата заслонил все вокруг. Модуль влетел вовнутрь и, подхваченный навигационными полями, не спеша двинулся вдоль коридора со множеством светящихся указателей. Он боком въехал прямо сквозь гибко подавшуюся стенку в ярко освещенный отсек, и кабина открылась.
К ним подошли озабочено улыбающиеся люди в монтажных костюмах.
- Привет! Как настроение?
- Спасибо, в порядке, привет! - сказал Саша, ступив на пол и помогая Лене.
- Вы располагайтесь, а мы сами все разгрузим! Недавно партию новых киборгов для сервисного обслуживания привезли, так что компания получится подходящая! Там и девочки есть!

Притихшая Лена озиралась по сторонам:
- И куда нам теперь?..
- Сейчас, Ален, я покажу, - сказал Саша, - Я здесь каждую дырку знаю. А что за работы за бортом?
- Профилактика. Только вместе с киборгами по системам ползают люди. Для надежности.
- А-а. Мы пойдем пока осмотримся.
В этот момент сквозь стенку влетел еще один модуль. Он прополз немного по полу и замер.
Все с интересом ждали. Из кабины выбрался Константин Андреич и подошел со своей вечной зубастой улыбкой.
- Ты чего? - почти не удивился Володя.
- У тебя ведь память дырявая, самые необходимые вещи оставляешь!
- Я так и знал! - Володя хлопнул себя по ляжкам, - Чувствую, что-то забыл... а ты привез? Ну-ка покажи!
Они подошли к модулю и открыли кузов. Володя вытаращил глаза. Константин Андреич поднапрягся и осторожно выкатил женскую скульптуру на колесной платформе, а затем и ящик с художественным пластиком, - вот, твори.
- Ну, спасибо, дружище! - растрогался Володя.

20. Мир 2

Саша довольно быстро освоился в академической лаборатории ЭВМ, куда он перевелся из института физической алхимии к большому огорчению его шефа Якова Давыдовича. В том институте осталась его Лена, отношения с которой достигли точки невозврата. Переходу в другой институт способствовали его способности к схемотехнике, которые еще на заре дружбы оценил Володя. Их связывала общая мечта создать систему интеллектуального распознавания образов. В лаборатории вычислительных машин для этого были все возможности: официально засекреченная одноименная тема, неограниченный арсенал комплектующих изделий, много свободного времени - пока исправно работали порученные им блоки в машинном зале и неистовое желание заведующего блеснуть чешуей перед начальством.
Шеф лаборатории в науке был профан, но как администратор обладал высокой пробивной способностью и другими ценными качествами. Еще его отличало цепкое любопытство и чувство достижимости цели. Саша и Володя оказались хозяевами темы, а больше им ничего не нужно было. Никто не знал подробности их работы. И все потому, что при виде ужасающего скопления плат, опутанных жгутами и наскоро прикрученных к большому столу, неподготовленного человека охватывало сюрреалистическое томление и, панически опасаясь запутанных разъяснений, он тихо уходил.
Директор института однажды остановился около работающего Володи и, по-хозяйски уменьшив яркость луча на экране осциллографа для экономии электроэнергии, покачал головой:
- Какой интересный сигнал! Я бы посоветовал все это описать математически. Это все можно математизировать и такую работу опубликовать. Подумайте.
Володя потупил глаза и, остригая щипчиками выводы у микросхемы,

пожаловался, что на математизацию у них не хватает времени.
- Да, я понимаю, - сочувственно вздохнул директор, направляясь к двери, - что сделаешь! Но публиковаться надо!
- К-казел! - прошипел вдогонку Володя и гулко постучал себя пальцем по голове. Этот звук, как если бы вместо головы была пустая деревяшка, отработанный как продукт постоянной актуальности, неизменно озадачивал всех вокруг.
В просторной комнате размещались еще один парень и две монтажницы-подружки. Часто здесь случались и другие сотрудники, приходившие просто так. Каждый день в одиннадцать звонил старенький телефон. Володя снимал трубку и задирал ее высоко над головой. Оттуда явственно слышался задиристый голос:
- Эй, двадцатники, идите пить чай!
Двадцатью копейками ограничивался взнос за пряники к чаю. Жизнь кипела полноценно не только в этом институте, но и на всей планете, постоянно подгоняемая множеством самых разных событий и происшествий так, что казалось, само время все более уплотняется в этом неудержимом прогрессе.

21. Мир 1
Прошло немало лет полета.
Лена издалека связалась с Сашей:
- Саш, я отвлеку тебя?
- Да, Ален.
- Я такие интересные вещи накопала! Представляешь? Пару столетий назад люди вдыхали дым разных благовонных трав, ели галлюциногены и пили одуряющие напитки для того, чтобы уйти как можно дальше от реальности, думая, что так исследуют ее! По-моему, мы не в состоянии будем понять закономерности, стабилизирующие нравственные отношения в их обществе.
- Это ты еще только начала копать, что же будет дальше?
- Дремучее время! - поежилась Лена, - Не слишком ли я заглубилась? Нам такие данные тоже нужны?
- Не слишком. Нам не нужно простое копирование наших путей развития. Мы задали начальные физические условия, опять же не в точности как у нас. Ну и пусть у них там снежинки огромные и плоские, а солнце в зените отливает зеленью. Пусть модели пройдут свой путь как с можно более ранних сведений о культуре, а потом уж объединим усилия.
Лена, вспомнив про дочь, отвлеклась от удаленного разговора и крикнула в открытые коридоры:
- Анастасия, ты где там?
- Я здесь! Мам, почему ты меня называешь то Настей, то Анастасией?
Лена с улыбкой обернулась:
- Анастасия по-древнегречески означает "Возвращение к жизни". А Настя - просто хорошая девочка. Иди, поиграй с Артуром, ему скучно!
- Он надоел! - поморщила носик Настя, - У него же есть свои папа с мамой, почему все время я должна их выручать?
- Ты старше его и единственная наша помощница.
- А где он?

- Найди. Посмотри в лесу, на озере, ну везде, сама знаешь.
- Ладно!
Анастасия рванулась к технопроводу.
- Стой! - Лена строго посмотрела на нее:
- Помнишь я говорила почему нельзя лазить через технические отсеки?
- Но так же быстрее!
- Вспомни, что тебе объяснял папа и больше так не делай.
- Ладно, - Настя вышла в другой коридор.
Лена поднялась с кресла, поправила волосы и, вынув модуль с архивной записью, пошла в соседний отсек.
Володя и Нина возились с приживлением новых ядер квантовых вичислителей. Руки у них блестели от биоэлектронной среды.
- Ой, Лена, поправь мне, пожалуйста! - Нина вытянула к ней шею и Лена заколола прядь волос.
- Спасибо. Конца не видно! - пожаловалась Нина.
- Вот вам первые данные, - Лена положила на столик модуль, - Пора отдохнуть: вид у тебя замученный.
- Не знаешь, где Артурчик лазит?
- Я к нему Анастасию послала.

В отличие от компьютерного моделирования, в котором невозможно учесть множество важных параметров, оказывающих влияние на адекватность развития моделей, в эмуляции Земли модели главных персонажей жили так, как если бы это была самая, что ни на есть объективная реальность. Методология такого эмулирования достигла к этому времени высочайшего совершенства, и персонажи в главном неотличимо следовали условиям исторического развития на Земле, начиная с достаточно раннего этапа. Разве что отдельные детали могли не совпадать, но это не имело принципиального значения.
Проходили годы и, наконец, наступило время стратегического скачка. На Земле внезапно законы природы неуловимо изменились в самой своей основе, но так, что поначалу никто ничего не заметил. Что-то случилось с Луной, и она заблестела чуть ярче и наряднее. А Солнце перестало так слепить глаза если ненароком взглянуть на него. Огонь не обжигал нестерпимо, а как бы покусывал, достаточно было не бояться его. Мир вдруг стал приоткрываться в совершенно необычной сути с качественно большими возможностями. Или не сам мир, а лишь его восприятие? Этот основной вопрос философов поначалу безуспешно обсуждался непосредственными участниками событий.

22. Мир 2
В лаборатории ЭВМ каждый день в одиннадцать звонил потрепанный телефон. Володя срывал трубку и задирал ее высоко над головой. Оттуда явственно слышался наглый голос:
- Эй, двацушники, идите пить чай!
Саша вместе со всеми выходил из комнаты, вытаскивая из кармана на ходу двадцать копеек. Приборы оставались включенными, в пустую комнату продолжали заглядывать ищущие живого общения, уже успевшие пройти чайный

ритуал сотрудники, но, не застав никого, разочарованно хлопали дверью. При этом из открытого окна веяло ранней весной.
Иногда в комнату залетал дальнобойный снежок, с шипением разбрызгивался веером крупных чешуек по полу, и они трагически быстро таяли. Это шутили недавно уволившиеся из института товарищи, перешедшие работать в институт напротив.
В комнате с чаем приборов не было. Здесь вся работа носила бумажно-ментальный характер.
В уютном уголке около окна расположился всегда уверенный в себе носитель математических и любых других остроумных выражений, убежденный интеллигент Женя. Над ним на стене арабской вязью были выведены его фамилия, имя, отчество.
Когда Саша зашел, Женя был не один. Он грыз конфету, запивал ее чаем и между делом непринужденно интервьюировал сидящую напротив на кончике стула, еще не знакомую ему, но необычно красивую девушку. Ошеломив ее новизной ситуации, он оригинально и напористо предложил ей пойти ни много ни мало сразу на покорение еще никем не объезженной горной вершины. Женя ловко привлекал к разговору то одного, то другого сотрудника, создавая выгодную атмосферу так, что девушка простым отказом здорово бы просадила свое реноме, а придумать что-нибудь достойное не хватало времени. Ей оставалось только неуверенно согласиться, после чего ошеломительная аудиенция закончилась.
Проходя мимо, эта фея как-то особенно взглянула на Сашу, будто уже знала его раньше. Или это только показалось его запылавшему воображению?
Женя тремя глотками допил свой чай, спрятал стакан в стол и, посмотрев на приготовленный чистый лист бумаги, состроил такую творческую гримасу, что все его лицо пошло гофрами.
Саша аналогично покончил со своим чаем, многозначительно взглянул на Женю и развалился в пустующем кресле шефа. С тыла рабочее место шефа прикрывал высокий шкаф, всю заднюю стенку которого занимал календарь в виде эротически едущей на велосипеде веселой девушки. Поэтому, заглядывающие в комнату не могли сразу определить на месте ли шеф. Для этого нужно было зайти за шкаф и выдать себя.
- Слушай, что мы с ней там будем делать? - спросил Саша небрежно, - Сами в первый раз в этом году идем скелеты разминать.
- Проверим в деле нового товарища. Якорем будет, чтобы идти, не задыхаясь как борзые. А потом мы ее на морене бросим, - Женя поднял голову, - пусть нам обед к возвращению готовит.
Саша поднялся с кресла и, сам не понимая отчего расшалившись, нанес молниеносный удар по календарной девушке, пробив кулаком картонную стенку шкафа. В эту минуту свет загородила богатырская фигура шефа, ставшего невольным свидетелем. Он строго хмыкнул в усы:
- Зачем вы это сделали? А если бы я там сидел?!
Саша покаянно заморгал. Шеф не успел продолжить, развязку предотвратила вошедшая матответственная.
- Мне бы мальчиков, - начала она.

- А ну-ка здравствуйте! - шеф окинул ее строгим взглядом и шевельнул бровью.
- Ой, здравствуйте! - разулыбалась матответственная, - а я разве не поздоровалась?
- Так каких вам мальчиков? У нас есть пара смазливых.
- Мне бы которые посильнее!
- Ваши предпочтения понятны, найдем!
- Да ладно вам шутить!.. У меня списание, надо вниз барахло спустить и уничтожить.
- Наконец-то! - Володя поперхнулся чаем, который все еще цедил поодаль, и Саша гулко треснул его по спине.
- Мы пойдем! - Саша вытащил Володю из-за стола.
- Вот и пойдите! - утвердил шеф.
Во дворе на проталине стоял в шубе нараспашку инженер по технике безопасности, утомленно опираясь на высокую рукоятку огромной кувалды. Черная шерстяная шапочка, остроносая как колпак палача, до бровей закрывала его голову. Земля вокруг была усеяна искореженными останками приборов, над которыми он только что надругался. Саша с Володей осторожно опустили на землю свою ношу.
Матотвественная огласила приговор:
- Частотомер номер адин восемь шесть шесть, эксплуатационный срок истек, к работе вроде бы не пригоден.
Бухгалтер полистала списки:
- Так, есть такой. Кончайте его, Гаврил Митрофанович...
- Давайте не будем конструктив портить! - взмолился Саша.
- Как это не будем? Ты, Саша, не мешай, отойди в сторону! - сердито закудахтала бухгалтер и снова отмахнула рукой.
- Мы вам магнитофоны и чайники чиним? - Не унимался Саша, - А вообще-то люди в мастерские носят. А конструктив нам для работы нужен.
Члены комиссии переглянулись.
- Ладно уж, для Саши сделаем исключение, - рассмеялся Митрофаныч, - оттаскивай в сторону свой ящик! Что там дальше?
- Измеритель добротности, - зачитала матответственная.
- Добротометр, что ли? - пробурчал Митрофаныч и со взмахом бухгалтерши торопливо хрякнул кувалдой по серебрящейся на солнце макушке прибора.
Мимо ограды медленно проходили две восьмиклашки, глазея по сторонам.
- Смотри, Тань, дядька что делает! - обличительно показала пальцем подружка в красной шапочке.
- Вредитель! А что те смотрят? Боятся, наверное, подходить! - сказала Танечка, - Вон у него какой молоток здоровый!
- Да они сами такие же!
- Эй, дяденька! - крикнула подружка в красной шапочке, - А мы сейчас Оранжевые Береты вызовем!
- А ну кыш отсюда! - пугнул Митрофаныч.
Восьмиклашки прибавили ходу.
- Вызовем, вызовем! - пообещала красная шапочка, часто оглядываясь.
Саша с хрустом слепил снежок из ломающихся податливых пластинок и бросил

ей вдогонку. Радужный веер красиво рассыпался точно между лопатками.
- Чо надо?! - возмущенно обернулась красная шапочка, а Танечка выразительно покрутила ладошкой у виска и громко выкрикнула взявшееся из какой-то параллельной реальности слово: "педофил!".
В это время представители соседнего отдела приволокли огромный электроннолучевой характериограф. Тот упирался как мог и его с трудом протащили в узкую дверь. Саша присмотрелся и, почти теряя самообладание, коснулся Володиного плеча:
- Нам бы...
- Да уж!.. - с тоской отозвался Володя, - Откуда это у вас? - спросил он у тащивших.
- Да лет десять это барахло ненужное мешалось на полке, - отозвался раскрасневшийся парень, - Никак списать не удавалось!
- Гаврил Митрофаныч, - заговорил Саша небрежным тоном, - Так и быть, мы забираем это барахло, а то у вас карма столько грехов не выдержит!
Но голос в последний момент предательски дрогнул и Митрофаныч понял, что прибор очень нужный.
- Ну нет, Сашка, вот этот никак не могу. Всему есть предел. Уноси свой конструктив и не мешайся!
- Какой ненасытный! - громко удивилась бухгалтер и поставила птичку в своем списке. Кувалда описала широкую дугу. Саша болезненно поморщился, раздался скрежещущий удар, гулко хлопнула электронная трубка и из глубокой рванной вмятины в боку прибора выползла густая алая струйка.
- Ой! Гаврил Митрофаныч! - оторопела бухгалтер, - Это вы, что ли, поранились?!
Митрофаныч с испугом выпустил кувалду и осмотрел свои руки.
- Что за черт? - удивился он, - У меня все в порядке.
На земле натекла небольшая отвратительная лужица.
- Да это внутри было для чего-то налито! - сообразил Митрофаныч и присел на корточки, - Вроде чернил для самописца! Но на кровь очень похоже!.. - он ткнул пальцем и понюхал.
Саша побледнел и крепко схватил Володю за руку:
- Пошли быстро, что-то скажу!
- Ерунда какая-то... - недоуменно пробормотал Володя, обернулся еще раз напоследок.
- Стой! - вдруг вспомнил он, - Частотомер забыли!
- Бери быстро и пошли! - Саша грозно вытаращил глаза.
Они сбежали в подвал и остановились перед дверью отделовской кладовки. Саша задумчиво уставился на замок и сдвинул брови.
- Что, ключ забыл? - спросил Володя и тут же услышал легкий щелчок в замке. Саша толкнул ногой дверь, она открылась, сам собою сработал выключатель и зажегся свет. На них пахнуло теплым затхлым воздухом.
- Ни фигасе... Как это ты?.. Силой мысли что ли?.. - Володя прислонил добытый частотомер к низкой полке.
- Понял? - тихо спросил Саша и кивнул, приглашая зайти, а потом закрыл дверь на щеколду. Комната была завалена потенциально нужными вещами. Затхлый воздух и тусклый свет действовали оглушающе. Володя смотрел настороженно,

потрясенный увиденным, возможно, прикидывал, стоит ли превентивно обезвредить этого волшебника. Но Саша взглянул на него открыто и дружелюбно:
- Слушай, а может и у тебя получится? В общем, я это делаю так: смотрю в нужное место и, знаешь, с каким-то состраданием, будто там часть самого себя, начинаю представлять, что это место становится образом того изменения, что я задумал. Когда Гавриил шарахнул по прибору мне было так жаль, и ясно представилось, что он, убийца, кончает свою жертву. Кажется, что картина желаемого проецируется на внешнюю среду и остается в таком виде. Это я ощущаю прямо физически какой-то обратной связью.
- Может это результат нашей работы? Ты столько думал о механизмах восприятия, что ты ухватил что-то главное? А может у нас крыша своеобразно поехала?
- Не только у нас, все кровь видели. Я чувствую, что внезапно стал обладать этой способностью. В голове как-то сдвинулось и прояснилось. Попытайся ты тоже. Видишь болт? Сделай чтобы он из твердого стал жидким.
Володя с усердием начал тужиться, морща лоб и двигая бровями, но болт невозмутимо сохранял свою форму.
- Да ты сам себе мешаешь! - горячился Саша, - Расслабься и нащупай это чувство, когда мысль становится реальностью.
Володино лицо обрело одухотворенное выражение оперного певца, и он действительно заслужил аплодисменты потому, что болт весь съежился как масло на сковородке, поплыл, стремительно тая, по полке и пролился сквозь щели тяжелыми каплями.
Саша в избытке радости гулко впечатал ладонью Володе по спине. Тот очнулся и, моргая раз в секунду, закрепил в своем сознании сделанное, а потом, не говоря ни слова, перевел свой взгляд на составную свинцовую стенку радиационной защиты, сваленную в неряшливую кучу в углу. Свинцовые кирпичи посветлели и зазолотились неподдельными червонными бликами.
- Обогащаешься? - нервно хохотнул Саша, - А ну, смотри! - и протянул руку, которая быстро превращалась в ужасную когтистую лапу.
- Слушай, - задумчиво сказал Володя, - а ведь скоро все так наловчатся! Что тогда будет? У меня уже начинает башка болеть.
- Да я сам как во сне!
Они замолчали, поглощенные самосозерцанием, пока их не отвлек звук открывающегося замка. Щеколда не пускала и с той стороны раздалось чертыханье.
- Кто там ломится? - гаркнул Саша и пошел открывать, на ходу восстанавливая свою руку.
- Чего это вы заперлись? - игриво поинтересовался старший инженер просто Юра. Пропуская вперед выдающееся пузо, застегнутое на все пуговицы черного халата, он втиснулся в кладовку и с опаской огляделся, нет ли здесь еще и Верочки.
Дело в том, что недавно с ним приключился очередной день рождения. Коллектив хотел было ограничиться, как обычно, чаем с тортиком, но Юра настоял на более широкой программе. Тут же подвернулся магнитофон и

случились танцы. Юра развеселился безудержно: двадцать четыре года бывают только раз. Он взялся за свою коронную шутку: заряжал огромный конденсатор и гонялся с ним за женщинами. Настигнув бедняжку, он замыкал клеммы, раздавался оглушительный выстрел, и вспышка освещала бледное лицо жертвы. На этот раз он проверил на испуг новую сотрудницу Верочку, но неожиданно для самой себя она влепила имениннику по пухлой щеке очень качественную затрещину. С тех пор Юра избегал ее. Поэтому, когда он заглянул в кладовку, то первым делом осмотрелся, а нет ли здесь Верочки.
- Что это? - Юра прищурился и тронул ногой золотой кирпич в куче, - Чем вы их облили? - Он нагнулся и с трудом поднял один блок.
- Ого, как потяжелел! Гадом буду - это золото! Что-то вы тут алхимичите, а?
- Юра заинтригованно заглянул парням в глаза и засопел, размышляя, - А как дверь открыли? Ключ-то у меня! Ну, мужики, что-то у вас тут интересненькое! Так и доложим! - и он хитро подмигнул.
- Щас сотру ему память, - пробормотал Саша, обращаясь к Володе.
- Что мы фашисты? Зачем тогда дверь открывал?
- Я про золото. Что теперь делать? Давай его просто развеем в пыль.
- Нно-но-но! - с расстановкой проговорил Юра и, побледнев, отступил на шаг, - Вы что, мужики, я же шутю! - добавил он уже дружелюбнее, - Зачем мне вас закладывать? Мне самому интересно, что вы тут изобрели. Это что, без дураков золото? Обалдеть можно. Куда его столько? Только вот еще кто-нибудь зайдет и увидит.
- Не увидит, - пообещал Саша. Он поднял какой-то старый макет в обшарпанном корпусе и нажал давно запыленную кнопку. Золото у всех на глазах потускнело будто угли залили водой.
- Ого... ну вы даете... - разочарованно протянул Юра, - Значит, такой аппаратик соорудили?.. За это Нобеля не жалко. Да только на фига вам теперь. Надеюсь, вы мужики разумные...
- Вот что, Юра, - Саша подошел к нему почти вплотную, дальше не позволяло пузо, - Ты же не проболтаешься? По крайней мере в ближайшее время. Учти, это в твоих интересах. А сейчас не мешай. Понял?
- Ну конечно! - Юра развел руками, - Все как день. Оревуарчик вам, - он ушел, утащив с собой бухту кабеля.
- Интересно, надолго ли это? - задумался Володя, - Успеть бы сделать что-нибудь путное! Как на зло ничего в голову не идет. Что мы сейчас можем? Мир во всем мире? А как? Надо же все представлять конкретно. Можно для начала устроить несколько богатейших месторождений. Я сейчас прямо под нами превращу всю породу глубже пяти метров в золото. - Стой! - Саша схватил, его за руку, - Недра обрушишь! Что если устроить огромный шарообразный резервуар с нефтью? Из толстенной стальной оболочки?
- А кто потом твою оболочку пробурит?
- Ну, тогда без оболочки...
- А без оболочки нефть утечет с грунтовыми водами.
- Черт!.. А золота я все равно сейчас наделаю. Отдельными плитами, - решил Саша и ушел в себя, но скоро ему пришлось сознаться в своем бессилии:
- Слушай, а как оно там будет выглядеть? Что-то я не могу представить золото

под землей без света...
- А ты над каждой плитой подвесь лампочку, - посоветовал Володя.
- Все равно не выйдет. Может получится по внешнему виду что-то похожее на золото, но где гарантия, что оно настоящее? Знаешь, я в бога не верю и вряд ли какой-то так всемогущий разум может следить за нашими мыслями, так что все должно получаться таким каков был образ. Включая внутреннюю структуру. А я не знаю какая эта структура у золота.
- Но ведь какая-то структура получается!
- Кто его знает, что там получается, - Саша кисло улыбнулся, - Можно одеревенеть от всего этого.
- Кстати! - воскликнул Володя, - Ты недавно что сделал со своей рукой? И никакой структуры не придумывал. Ведь живая получилась, настоящая!
Саша посмотрел на часы:
- Жрать хочется. Обед уже, между прочим. Биоритмы у меня четко работают.
- Давай прямо здесь чего-нибудь наколдуем! - Володя потер ладони в предвкушении.
Пока они жадно поглощали свежесотворенный шашлык, уже сытый Юра бродил по отделам, распираемый желанием поделиться со знакомыми тем, насколько значительнее он вот-вот станет. Ему уже мерещилось богатство и все с ним связанное. Он шутил все более плоско и непереносимо и от него бесцеремонно избавлялись. Наконец Юра обиделся на всех и, так и не найдя выхода своему противоречивому состоянию, замкнулся. Он зашел в комнату к шефу, но все кроме Жени оказались на обеде.
С Женей у них была взаимная неприязнь. Юра демонстративно уселся на чайный стол прямо на теплую лужу, не чувствуя ее под собой в виду равенства температур, и начал тихо насвистывать. Его воображение постепенно разыгралось, а взгляд мечтательно остановился на календарной девушке. Внезапно девушка подмигнула ему и ее черты сразу стали резче и рельефнее. С задорным смехом, гремя велосипедом, она скатилась прямо шефу на стол, вскрикнула от неожиданности и, кувыркаясь вперемешку с колесами, громыхнулась на пол. Юра резко откинулся назад, крепко ударился затылком об стенку и бесчувственно сполз со стола прямо на стонущую под велосипедом девушку, открыв миру обильно мокрый зад. У Жени отвисла челюсть. Он медленно встал со стула, взглянул на пустой календарь, потом на девушку и, пошатнувшись, закрыл глаза.
В этот момент вошли Саша с Володей и пока Женя стоял, зажмурившись Саша успел сообразить, что случилось и моментально зачистил непорядок.
- Шефа нет, что ли? - спросил он как ни в чем ни бывало, - А ты что мокрый на полу валяешься?
- Нужно разбавить недержание чтобы не воняло, - Володя, стиснув зубы, полил сверху из горячеватого чайника Юре на штаны, тот вздрогнул, застонал и медленно поднялся.
- Что у вас здесь случилось? - спросил Саша, - Подрались, конечно!
Юра, морщась от боли, с удивлением и обидой посмотрел на Женю. Тот, в глубочайшей задумчивости уставился на календарь с велосипедисткой, ни на кого не глядя, уселся за свой стол и хмуро принялся писать. Потом поморщился,

тряхнул головой, вдруг вскочил, быстро побросал свои вещи в сумку и молча ушел.
Через минуту вошел шеф и позвал всех на собрание, которое тянулось до самого Звонка Оповещения Конца Работы.
- Давай глобальные решения отложим до завтра, - предложил Саша Володе, когда они вышли, - нужно все обдумать и привыкнуть. Если что срочное - звони.

23. Мир 1
- Уже пара часов как запущен период стратегического скачка, - сообщил Володя.
- И пока мир не обрушился, - подняла глаза Лена, отвлекаясь от наблюдения.
- Пока люди только начинают обнаруживать новые степени свободы и адаптироваться к ним, - кивнул Володя, - надеюсь, они не разрушат все. Но мы будем сохранять архивы каждый час чтобы вмешаться если потребуется.
- Хорошо, - Саша потянулся и зевнул. Он всегда начинал зевать в напряженных ситуациях.
- Некая Анастасия Александровна пролезла туда в качестве новой сотрудницы лаборатории ЭВМ и мне это не очень нравится, немало добавляет неопределенности, - подняла вопрос Лена.
- Она уже не ребенок и имеет право на свою жизнь, - заметил Саша, - себя вспомни, Ален...
- Да уж... и мне ясно, на кого она там нацелилась, - процедила Лена.
- На кого же?
- На твою там ипостась, Сашуля! Дочки ведь обожают папочек.
- Это было бы прикольно... - Саша всерьез задумался, - но посмотрим, женщины не охотятся на кого-то одного, не имея в виду других.
- Это в вашем параноидальном воображении женщины только и делают, что на вас охотятся! - вспылила Лена.
- Леночка, я говорю фигурально и аллегорично, не расстраивайся. И я там - это не я здесь, все же.
- А вот наш Артурчик так и не пожелал попробовать себя в том мире, - Нина деловито сканировала свое безупречное лицо в поисках затаившихся изъянов, выпячивая губы и строя глазки, - То, что он завис на вашей Натешеньке, это естественно, но почему бы не узнать что-то новое, не понимаю.
- Даже не знаю, что лучше, - отозвался Саша, - чтобы Настя с Артуром тут выясняли отношения или чтобы она там закрутилась в виртуальной жизни...

24. Мир 2
Домой Саша возвращался как обычно, проходя через березовую рощу. Асфальтированная дорожка была еще в лужах от быстро тающего снега. Высокие кроны берез тянулись к сапфировому вечереющему небу - все в прошлогодних сережках. Несколько взъерошенных ворон копались в жухлой траве. Все было спокойно и надежно.
И вот, откуда-то слева, точно из другого мира, как из телевизора в передаче для малышей, Саша услышал отчаянный рев дракона. Тот скулил злобно и бессильно, не вызывая ни капли жалости, но так реально, что Саша в тяжелом предчувствии свернул с дорожки и, стараясь не забраться в грязь, направился к кустам. Сразу

за ними на поляне двое богатырей не старше семи лет рубили в капусту Змея Горыныча. Рядом в кустах валялась, придавленная золотой цепью, царевна, похожая на большую нарядную куклу.
Богатыри гордо наступили на истерзанное тело дракона. Один из них потрогал лезвие своего меча и, конечно, обрезался. Он прищурился от боли, а когда понял, что наделал, заплакал, бросил меч и побежал домой. Другой богатырь заметил Сашу, испугался и тоже дал ходу. Царевна молча хлопала шикарными ресницами. Саша поднял меч. Это был всамделишный меч-кладенец, инкрустированный маминими брошками. Истерзанный дракон, размером с большую собаку, после битвы не годился даже на чучело. Саша грустно вздохнул и окинул задумчивым взглядом поляну. Исчезли меч, дракон, его головы и так и не узнавшая сказочного счастья царевна.
Вот и дети обнаружили новые способности и может быть даже раньше взрослых потому, что живут в мире игр, а игры - это очень прагматичный подход в познании мира. Что же теперь будет?
Сверху раздалось насмешливое карканье. Саша задрал голову. На ветке сидела неряшливая ворона и с наглой издевкой смотрела на него. Может животные тоже?.. Что если эта тварь сейчас наколдует что-то ему на голову? Саша громко шикнул и махнул на нее рукой. Ворона лениво канула с ветки и, склочно каркая, начала носиться кругами над кронами берез. Тогда Саша подобрал камень и метнул его. Ворона вспыхнула и, оставляя за собой черный шлейф дыма, с нарастающем воем понеслась к земле. На месте падения прогремел взрыв, обломки прошелестели в листве и все стихло.
Саша выбрался на аллею и всю дорогу домой присматривался к прохожим. Некоторые пребывали в специфически расслабленном выражении лица. Все, кто уже узнал, замкнулись в себе, чего-то выжидая. Он и сам не спешил применять способности на деле, - слишком не предсказуемыми могли быть последствия.
Саша подошел к своему дому-особняку и позвонил. Открыла мать и тут же побежала договаривать к телефону. Сестра еще не пришла, отец смотрел футбол по телевизору. Саша зашел в свою комнату, свалился на кровать и закрыл глаза. Возникло реликтовое желание удивить Лену, доказав, что он не такое уж бесполезное трепло. И тут же отметил, что Лена его уже даже эпизодически совершенно не волнует. Ее за один сеанс затмила та незнакомка в компании Жени, которую тот пригласил в горы. Саша пытался вспомнить ее лицо и не смог.
Саша задумался о природе внезапно доступных чудес: то ли они осуществляются через посредничество суперразума, но тогда как этому разуму удается с огромной достоверностью следить за мышлением множества людей, то ли превращения стали возможны в результате проявления какого-то нового свойства материи, но тогда откуда такая догадливость в исполнении фантазий, ведь никакое воображение не способно представить желаемое во всех мелочах, не говоря уже о микроструктуре. Оба предположения сталкивались с неразрешимыми противоречиями. Оставалась только мистика.
За дверью послышался парадный голос диктора. Саша вышел из комнаты к телевизору. Разозленный прерыванием футбольного репортажа отец становился все более серьезным. Мать с трепетом замерла перед экраном, ожидая сообщения о ядерном нападении. Наконец диктор зачитал текст обращения

правительства:
- Товарищи! Со вчерашнего дня в районе всего Земного шара проявилось и действует неизвестное науке явление, условно названное эффектом аномального обратного отражения. Все люди получили возможность воздействовать на окружающую среду непосредственно с помощью мысли, материализуя отражение своего психического состояния. Одним лишь усилием воли стало возможным создавать предметы и явления.
Несмотря на то, что специально укомплектованным группам удается предотвращать опасные и нежелательные для общества изменения среды, в нашей стране вводится чрезвычайное положение.
Устанавливается контроль ментальных спецгрупп Оранжевых Беретов для противодействия попыткам широкомасштабных изменений в пределах нашей страны и планеты. Попытки изменить среду, направленные во вред людям и природе, а также противоречащие нормам морали советского общества, будут строго пресекаться.
Товарищи! Огромные возможности, которые предоставляет эффект аномального обратного отражения позволят советским людям не только повысить материальное благосостояние вплоть до коммунистических идеалов, но и, высвободив творческую созидательную энергию, откроет новые пути познания законов мира, новые горизонты развития науки, техники, искусства.
Действие психического эффекта может прекратиться так же внезапно, как и началось. Жизнь при этом должна безболезненно войти в привычное русло. Поэтому, не рассчитывая на вечное даровое благополучие, нужно извлечь максимальную пользу из создавшегося положения. Счастливого творчества, дорогие товарищи!
Затем выступил политический обозреватель.
- Фондовые биржи рухнули. Финансовый кризис захватывает все капиталистические страны. Весь мир взбудоражен событиями, связанными с новым психическим эффектом. Кое кто, поспешив провозгласить начало новой эры, золотой век человечества и божественное решение всех социальных проблем, теперь держит язык за зубами. Новое явление не только не отменило классовые противоречия, но, напротив, резко обострило их. И хотя сейчас на Земле никто уже не умирает от голода и болезней, те, кто был бесправным, чувствуют себя еще более униженным. Эти люди так и остались без крова, ненужными своему обществу. Все частные владения защищаются психическим противодействием и теперь те, у кого не было своей земли, буквально вынуждены парить в воздухе. Ни деньги, ни драгоценности сейчас не имеют цены. Буржуазная мораль трещит по швам.
Урвавшие кусок пожирнее, теперь подбирают себе удобную религию. Новое рождение переживает философия субъективного идеализма. Ее сторонники утверждают, что только эта философия может объяснить происходящие явления. Действительно, наука пока в тупике из-за ярко выраженных противоречий при любых попытках понять психический эффект, но так было и раньше, когда неизученные явления, например, падения метеоритов, апологеты мистической философии объявляли своими знамениями.
Однако, буржуазные идеологи не так безобидны, как хотят это показать миру. Их

не оставляет в покое мысль, что враг тогда не опасен, когда он мертв, и пока существует диалектическая философия их успех будет временным явлением. Многие горячие головы считают, что настал подходящий момент для того, чтобы уничтожить угрозу коммунизма. В нарушение международных договоров были произведены испытания сверхядерного оружия, усиленного по характеристикам с помощью психического эффекта. Однако оказалось, что их действие остается прежним в зоне психического противодействия. Сейчас идут лихорадочные эксперименты и поиски новых видов оружия. При этом не брезгуют ничем. Так, например, над территорией нашей страны в тропосфере была совершена идеологическая диверсия: попытка демонстрации порнографического фильма с антисоветскими выпадами.
Зону психического противодействия пришлось вывести далеко в космическое пространство.
- Что за чушь?! - недоумевал отец и мать только испугано пожимала плечами.
Саша подошел к ним.
- Не чушь, смотрите! - он вытянул руку, которую охватил огонь. Мать вскрикнула. Но огонь померк и ладонь чуть опустилась под тяжестью большого бриллианта, заигравшего многоцветием в лучащихся гранях.
- Держи, мам, - настоящий. Он твой.
Телевизор продолжал формировать общественное мнение по наспех согласованному руководством страны сценарию.
Саша дослушал до конца политического обозревателя. Затем было выступления ученого с предположением, что вся вселенная - всего лишь компьютерная эмуляция некоей суперцивилизации. На это указывало то, что неравенства Колокольцева теперь не нарушались в квантово-механических коррелированных системах. Некоторые ученые предполагали, что суперцивилизация вовсе не эмулирует вселенную на уровне элементарных частиц и взаимодействий, а следит за актами наблюдений и измерений, подставляя нужные значения. Выдвигались идеи, как это можно было бы проверить, обманув такую систему экспериментально, наподобие опытов Аспектова.
Мысли все более запутывались, разболелась голова и Саша лег спать, но долго не мог заснуть как бывает перед праздником, когда с нетерпением ждешь наступления нового дня.

Утром Саша все еще не знал, что делать. Сестра вчера вернулась от подружки поздно, потрепанная, но довольная. Утром она просидела всего час перед зеркалом, примеряя себе новые формы. Из нее получилась броская кукольная красотка: с шикарной гривой и с идеально правильными мультяшными чертами лица. Она промурлыкала что-то на прощание хрустальным голосом и выпорхнула за дверь. Мать тяжело посмотрела ей вслед.
Саше пора было в институт, хотя сама мысль о каких-то обязанностях все более казалась нелепой. Но он не мог мгновенно изменить себя и все то, что определяло его повадки. При этом он замечал, что воспринимает свои новые способности уже как должное и, если еще недавно, проснувшись, был переполнен восторгом, то сейчас быстро привыкал.
На улице показалось, что мир все еще прекрасен, и вокруг необыкновенно

хорошо. Нарядно сиреневые лучи быстро встающего солнца осветили крыши высоких домов, а небо контрастно лазурилось. Свежий воздух волновал и по-весеннему пьянил. Саша сомневался, что природа сама сделала людям такой подарок. Скорее это было молчаливо согласованное творение многих жителей города.
Навстречу почти над самой землей неторопливо и своеобразно летела знакомая старушка. Она добро улыбалась в морщины, отталкивалась от тротуара своей палкой, взмывала как воздушный шарик и, пролетев несколько метров, с довольным оханьем приземлялась.
Саша заметил, что над домами изредка мелькают граждане и даже автомобили. Летать, конечно - это круто, но зачем, если можно просто взять и мгновенно переместиться? Усилие мысли на этот раз осталось бесплодным, хотя Саша пробовал телепортироваться по-всякому. Значит, есть пределы у этого дара. Правильно, всесилия не бывает в принципе, иначе как сотворить камень, который не в силах поднять.
Саша огляделся по сторонам, привстал на носки и плавно взмыл вверх. Прямо навстречу ему стремительно летело свободное такси. Таксист в последний момент принял выше и пронесся над Сашей. И тут же следом промелькнул сигналящий работник ГПДД в оранжевом берете.
Саша полетел в сторону своего института, высматривая не очень узнаваемый сверху под густой листвой ландшафт. Вскоре с ним поравнялся огромный мусоровоз, вхолостую крутя колесами. В такт их вращения что-то там стучало и громко охало. В промежутке заднего двойного колеса мелькало застрявшее тело в кожаной куртке. Оно бешено проворачивалось и гулко билось затылком о днище кузова, при этом успевая каждый раз охнуть и односложно ругнуться.
- Эй!!! - заорал Саша водителю, - Стой! Человека зацепил!
Мусоровоз завис в воздухе, по-собачьи перебирая колесами. Из кабины неуклюже выбрался обросший мужчина в оранжевой спецовке, ступая по воздуху, обошел машину и, увидев застрявшую куртку, озадаченно почесал затылок.
- Ишь ты! Вылазь оттуда! - с угрожающей хрипотцой потребовал он, но бедный парень, совсем обалдев от сумасшедшей карусели, только продолжал крутить зрачками. Тогда водитель деловито достал лопату и черенком выковырял его из колес. Парень, заваливаясь на бок, отряхнул грязь с куртки и неровными петлями полетел прочь.
Саша посмотрел на часы, присвистнул и, спикировав вниз, твердо встал на ноги перед застекленной дверью института.
Сверху как град из лазурного неба низвергались сотрудники. Женщины придерживали парашютно задирающиеся платья и, наскоро приведя себя в порядок, с достоинством заходили. Саша с трудом узнавал коллег - так основательно изменилась их внешность. Сбитый с толку вахтер растерянно шмыгал носом у двери и безучастно смотрел как самые молодые опаздывающие, со страшным грохотом выходя из облака сверхзвукового эффекта Прандтля - Глоерта, молниеносно влетали в распахнутую дверь и тугой спиралью взмывали вверх по лестнице.
В отделе все с любопытством присматривались друг к другу. Оказалось, что

изменились не только те, кто сознательно потрудился над своей внешностью, но и почти все невольно выразили свой характер в чертах лица. В незаметных на первый взгляд тонких деталях живо и точно, как на карикатуре отразились наклонности и стремления человека. И хотя все устраняли как могли наиболее неприглядное в своей внешности, часто получалось только хуже. Ведь тут нужно было иметь воображение и дар художника. И даже если помогали те, у кого неплохо получалось, эффект был не долгим. Забывшись, люди постепенно возвращали себе первоначальный ярлык. Теперь приводить в порядок свое лицо некоторым нужно было чаще, чем причесываться.
Саша много узнал нового про своих товарищей и ему не терпелось встретиться с Володей.
Но вот он вошел свежий, румяный, улыбающийся. Лицо как у мальчишки. Черные глаза блестят умом и сообразительностью. Володя столь же заинтересовано посмотрел на Сашу и довольно улыбнулся. Они пожали руки и не сговариваясь, подошли к макету. Оба предвкушали новое качество творческого прорыва.
Однако, шеф завернул поток всех сотрудников на собрание. Его облик был безупречен как у дипломата, но это ничего не значило: у него оставалось достаточно времени чтобы подготовиться, хотя галстук то и дело вздувался бантом-бабочкой дешевого сельского гастролера. Его взгляд строго прошелся по лицам сотрудников.
- А где Юра?
Юра еще не заявлялся на работу и не звонил в отдел. Такого с ним раньше не случалось.
- Ну, и бог с ним, - шеф кашлянул в кулак и объявил:
- Я вам расскажу, как мы будем жить дальше. Понятно, что теперь нам ничего не стоит добить любой самый сложный проект и навешать сколько угодно лапши заказчику. Только, извините, это уже нафиг никому не нужно. Нам теперь придется думать. Понимаю, многие с непривычки будут нереально уставать. Вопрос: о чем думать? Исследовать мир, себя и свои способности, - таков новый социальный заказ нашего государства. Никого не ограничивают в выборе. Когда все начнет утрясаться, мы будем утверждать темы, планировать, а пока - свобода. Пробуйте все, что кажется интересным. Например, у нас в лаборатории двое молодых товарищей долго водили дирекцию за нос, втихаря разрабатывая свою собственную тему. Теперь они могут смело делать тоже самое открыто. И я бы пожелал к ним присоединиться, если они не возражают, - шеф осклабился, вернул галстуку подобающий вид и вопросительно посмотрел на Сашу и Володю.
Саша не очень радостно пожал плечами.
- Вот и хорошо. А теперь побольше фантазии. В конце дня мы будем обсуждать наши находки. Мы здесь потому, что в коллективе лучше можем согласовывать наши желания и возможности, и помогать друг дружке в трудных ситуациях. Всем удачи!

Вообще-то парням не хотелось брать шефа в свою кампанию потому, что они научились понимать друг друга с полуслова, а тормозного в науках шефа еще придется натаскивать, но, с другой стороны, и от него можно иметь специфическую пользу, кто его знает. И вообще, нет худа без добра, и из любой

беды можно отцедить пользу.
Сотрудники разошлись по привычным местам, обживать их заново, начиная с нового качества чайных пауз. У того, кто никогда не ворочал мыслью, а таких было несоизмеримо преобладающее большинство, мало что изменилось.
Саша с Володей уселись около макета и дали шефу вволю насмотреться на электронные джунгли.
- И как далеко это у вас зашло? - задумчиво спросил он.
- Порядочно, - признался Володя.
- Может быть вы уже знаете, что такое мысль и этот, как его, интеллект?
Володя несдержанно фыркнул.
- Конечно!
Следующие четыре часа прошли в стиле школы молодого бойца. Бойцом пытался быть шеф. Самое важное, что он вынес было: никакие самые снисходительные пояснения наперебой и по отдельности обоих молодых садюг, которые почему-то не получали от этого удовольствия, а даже подпсиховывали когда он слишком тормозил, не сдвинули его со старта, и все их потуги так и не озарили его пониманием сути. Это тут же было объяснено тем, что только самостоятельная работа в теме обрастает личными знаниями деталей.
- Ладно, - кротко вздохнул шеф, осознав безбрежность пока неподвластных ему истин, - расскажите мне лучше, мальчики, как вы хотите сделать думающее устройство из этих проволочек и деталек. Только не говорите, что это очень просто, - он замолчал потому, что комната заполнилась потусторонним Жениным смехом. Телефон неестественно заблеял, и трубка с шнуром коброобразно взмыла в воздух:
- Любой настоящий мужчина запросто сделает думающее устройство, ему это пару раз плюнуть! Ха-ха! Эй, бывшие двадцатники! Спешите на традиционный чай о'клок! У нас тут шабаш ведьм... ха-ха! - из трубки вырвалось облачко веселенького конфетти, на лету звонко рассыпавшегося монетами по двадцать копеек, после чего трубка безжизненно придавила рычаг.
Могучий чайный инстинкт заставил всех подняться, бросив дела и направиться в соседнюю комнату, только Саша задержался чтобы хоть что-то допилить без помех.
В чайной на столе в натюрмортном беспорядке была навалена заморская снедь, стояли приборы с золотыми подстаканниками, а посреди музыкально свистел самовар избыточно усложненной паровой системы. Сотрудники с опаской поглядывали на это чудо и не пользовались им потому, что пили чай из своих стаканОв с непрерывным автонаполнением.
Многие огородили свои рабочие территории изолирующими ширмами, а в районе Жениного стола теперь неприступно вздымался дубовыми панелями индивидуальный кабинет. Было очевидно, что большая часть этого сооружения далеко выходила за габариты институтского здания. Оттуда приглушенно, но явственно раздавался многоголосый женский смех и невнятный издалека Женин юмор. Судя по всему, шабаш проходил именно там.
Когда Саша запоздало подошел, смех примолк и дверь интригующе растворилась.
- Саша, пожалуйста, зайдите к нам! - официально и беспрекословно повелел

Женин голос.
Саша пожал плечами и зашел.
Стены просторного кабинета оказались полупрозрачными изнутри как стекла в бане. В воздухе парили девушки очень широкого спектра мастей. Многие из них, вероятно, были самодельными потому как жизнеспособность их с первого взгляда вызывала сомнение. Они глупо хихикали над каждым Жениным словом дружной массовкой и больше ничем не проявляли свою индивидуальность.
Женя царил за своим рабочим столом в солидно оборудованном кресле галактического крейсера. По другую сторону на стуле с еле заметно вибрирующим массажером сидела настоящая девушка. От ее облика исходило неподдельное ангельское сияние, продуцированное эффектом обратного аномального отражения ее души, а такое невинное и в то же время смышленое лицо не смог бы воплотить ни один художник. Это без сомнения было ничем не искаженное отражение ее безжалостно очаровывающего внутреннего мира. Массажер заставлял чуть подрагивать кончики ее платья и локоны на голове.
- Вот это гарем! - Саша сглотнул.
- Секунду.... - Женя поморщился и небрежно махнул рукой, - Кыш отсюда!
Воздух мгновенно очистился от фантомов и стало тихо.
- Саша, твое окончательное слово, так мы берем Анастасию в горы?
Теперь Саша ее узнал. Это она вчера подвергалась интеллектуальному Жениному охмурению. Девушка взглянула на Сашу как на старого знакомого.
- Какие горы, - ответил он, изо всех сил сохраняя самообладание, - теперь и на Луну можно без проблем.
- Насчет Луны идея хорошая, мы подумаем. Но ничто не может лишить нас удовольствия по-прежнему ходить в горы, - упрямо возразил Женя, - регулярное насилие над телом необходимо для здоровья. А сейчас оно нужно особенно, иначе мы освинячимся от этой нирваны. Завтра у нас суббота. За два дня мы залезем на давно замысленную гору в Безымянном Массиве, и на все это время будет действовать психпротиводействие самим себе. Сегодня вечером мы должны вылететь к началу маршрута.
- Я не против.
- Ну и чудненько. После работы встречаемся.
Саша вышел из кабинета, сотворил на ходу большой плод клубничного дерева, который он мечтал отведать с самого детства, и, погружая зубы в ароматную мякоть, направился в монтажную комнату к макету. Володя на грани терпения что-то внушал шефу.
Тут в открытое окно влетела живая кобра, гулко шлепнулась на пол и, свернувшись кольцами, заняла оборонительную позицию. Монтажницы протяжно завизжали и полезли на столы. Парни оцепенели от неожиданности, а кобра, прошипев что-то нехорошее, торопливо утекла под шкаф.
Саша выглянул в окно. Внизу хохотали несколько уволившихся недавно товарищей.
Саша деловито установил на подоконнике скорострельную пушку, и шутники разлетелись веером в разные стороны. Против кобры кто-то уже направил антикобру, похожую на ее негативное изображение. Они схлестнулись под шкафом, произошла аннигиляция, и когда клубы сизого дыма рассеялись,

монтажницы слезли со столов.
Саша подошел к макету.
- Чего нам больше всего не хватало так это реализации достаточно емких структур памяти, - говорил Володя, - Теперь-то мы можем сделать все как надо. А уж навесить идеальные рецепторные анализаторы и качественные эффекторы - вообще не проблема.
Не терпелось скорее начать, но шеф все не мог утолить самолюбие и понять хотя бы основы, а Володе приходилось предельно поучительно наставлять его. Саша, смирившись, устроился поудобнее рядом с ними. Еще часа два промелькнули в вопросах-ответах и, наконец, удовлетворяющий шефа консенсус был достигнут. Он обрел достаточно уверенную опору, но, почувствовав непреодолимое желание отомстить за свои мучения, попросил:
- А теперь, пожалуйста, то же самое еще раз и помедленнее!
Володя обмяк. Шеф удовлетворенно посмотрел на него, резко вскочил со стула, сделал несколько глубоких выдохов, не чередующихся со вздохами и, зажмурившись, завертел вытянутыми в стороны руками. Потом он снова стал приличным человеком.
- Не берите в голову, - сказал он, - это зарядка для выветривания мозгов.
- А мы думали, что вам конец! - облегченно рассмеялся Саша, - Нужно предупреждать хотя бы за минуту...
Рядом что-то оглушительно грохнуло, и вокруг заплясало призрачное пламя. Все судорожно развернулись в сторону опасности. В противоположном конце комнаты, зависнув в метре над полом, с тоской в глазах горел сотрудник. Вокруг метались переживающие монтажницы. Сотрудник таял как свечка, уходя в иную инерционную систему.
- Максимальное противодействие!!! - заорал шеф, - Всем! Начинаем!
Пламя затрепетало, съежилось и погасло. Постепенно очертания товарища четко проступили, и он шлепнулся на пол навзничь будто оборвалась невидимая ниточка.
- Что случилось, Константин? - спросил шеф с глубоким состраданием.
Костя жалобно замычал, поднялся на четвереньки и раскаянно замотал головой. Шеф наклонился к самому Костиному уху:
- Вы можете сказать человекоразборчиво?!
Костя вздрогнул и, шатаясь, встал на ноги, - ф-ф-ф, - выдохнул он и замолчал минуты на две, - Это я творчески... Вы же разрешили...
- Господи... Осторожнее же надо! - отеческим тоном посоветовал шеф.
- Ладно, пошли! - Володя нетерпеливо забил копытом в пол, - У нас своих дел навалом!
Но беды не кончались.
- Кто-то спирт разлил что ли? - принюхался шеф.
- Это из окна несет, - определил Саша и высунулся наружу.
Около ограды, у арыка расположились на газетках трое мужиков во фраках и в цилиндрах. От внешнего мира их скрывала ожившая изгородь.
Они черпали замызганными гранеными стаканами из журчащих струй ранее мутного арыка и после привычных ритуалов выпивали.
- Как вам не стыдно! - зазвенел женский голос с верхнего этажа, - Ишь чего

придумали! Ну-ка уматывайте отсюда!
Мужики обиженно завозились и накрыли себя непроницаемым колпаком, смяв при этом ограду в двух местах. Но сверху у колпака образовалось кольцо, через него продернулся трос и колпак, покачиваясь, начал подниматься в воздух.
- Говорю вам убирайтесь отсюда! - раздраженно вопила женщина, напрягая силу воли чтобы не уронить колпак.
Мужики заволновались, поднялись с травы и один из них ступил на поваленного ограду, на ходу превращаясь в омерзительное чудовище. При этом фрак у него треснул, расползаясь, и лоскуты спали с быстро вздувающегося тела, покрытого зеленой чешуей. Сверху в него полетел горшок с традесканцией, но, стукнувшись о каменный рог чудища, разлетелся на куски.
Страшилище, шатаясь, подошло к зданию и с неотвратимой медлительностью полезло вверх по отвесной стене.
- Вдуй ей Ваня! - кипел внизу пьяный дружок, но быстро утомился от волнения и, не найдя сразу куда присесть, угодил прямо в арык с водкой.
На верхнем этаже случился переполох, и на месте женщины из окна высунулся лысый зав отделом. Чудище стушевалось и, неловко попятившись, сорвалось вниз. С тяжелым гулом ударившись о землю, оно приняло человечий облик. Дружки с изумлением вылупились на него.
- Ваня, ты же голый! - с пафосом произнес один из них, выползая из арыка в мокром фраке, но без цилиндра.
Тут сверху по вертолетному опустилась патрульная машина. Суровые и усталые Оранжевые Береты деловито изъяли пьяниц и анулировали водочный источник. Саша отошел от окна.
Шеф с Володей увлеченно возились с макетом. Левой рукой Володя пытался синхронизировать хаос на осциллографе, а правой махал у шефа перед лицом:
- Вот я сейчас сделал распознающую колонку из нескольких нейристоров. Самое приятное, что мне достаточно было пожелать, чтобы тот или иной нейристор изменял эффективность своих связей и вот пожалуйста! - беспечно радовался Володя, - Я даже не знаю, как это у них происходит!
- Интересно, - шеф задумался, - или мы спим или кто-то сверхмогучий читает наши желания...
- В этом мы потом разберемся! - нетерпеливо отрезал Володя.

День промелькнул, и неожиданно раздался Звонок Оповещения Конца Работы.
- Ничего себе! - Володя оторопело посмотрел на часы, - Еще бы немного времени!
- Что, если попробовать захотеть еще немного времени? - затейливо предложил шеф.
Парни удивленно посмотрели на него и вдруг вокруг воцарилась небывалая тишина.
- Вы это сделали? - немного испуганно спросил Володя.
- Ага! - шеф самодовольно улыбнулся, - Кажется сработало!
Саша подошел к окну. Снаружи жутковато чернела беспросветная темень.
- Это мы за горизонтом событий, что ли? Если каждый так будет останавливать, - начал было Володя, но шеф махнул рукой:
- Никто ничего не заметит. Это касается только нас. Итак, мы должны

предусмотреть все возможные связи, которые могут понадобиться для памяти, но кроме явно бессмысленных, а это уже выполнимо.
- Давайте не будем забегать вперед...
Они еще долго работали, произвольно гася накапливающееся возбуждение своих кипящих мозгов и поэтому не зная усталости.
Прошло около недели чистого времени высокоэффективной работы, когда разрешились все технические трудности и был создан макет саморазвивающегося разума с огромным, да что там огромным, практически не ограниченным потенциалом. Пока он находился в младенческой стадии, но имел богатый набор предустановленных начальных реакций на внешние раздражители. Учитывая быстродействие всех узлов, и интенсивную накачку каналов взаимодействия с окружающей средой, можно было ожидать его стремительного саморазвития.
Оставив макет включенным на выходные дни наедине с системой ситуационного обучения, которая уплотненно имитировала влияние внешней среды и воздействие социума, творцы отпустили ход времени и, попрощавшись, как в ничем ни бывало, расстались до понедельника.

Саша, вполне свежий и энергичный после недели непрерывной работы, заглянул в соседнюю комнату. Там его ждали Женя с Настей.
- Вот видишь, - удовлетворенно сказал Женя, - не успел звонок прозвенеть, а он уже здесь.
Их взгляды встретились. В ней непостижимо гармонировала девчоночья наивность с рвущейся наружу незнакомой ему таинственной энергией и какое-то особенное выражение живого любопытства в глазах. У Саши был некоторый иммунитет от подобной иллюзии, но ему ведь самому хотелось обманываться. И она глядела так приветливо и открыто. "Но-но!" - чуть было не сказал он, но ограничился улыбкой.
У Высоцкого есть песня про то, как в горах познаются люди: "Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так, если сразу не разберешь плох он или хорош, парня в горы тяни рискни". Саша не раз наблюдал истерики в сложных ситуациях, после чего с таким человеком предпочитали больше не иметь дела. В горах раскрываются истинные психологические особенности потому, что для новичка в этих условиях не было создано защитной оболочки, маскирующей нежелательные качества и потому, что привычное поведение в новой среде часто приводит к неожиданным результатам. После всего этого человек становится понятен лучше, чем после самого изощренного тестирования на детекторе лжи. Достаточно нескольких совместных горных путешествий и на партнера можно уверенно полагаться.
В группе вырабатывается особая горная этика, которую новички начинают понимать после нескольких путешествий, - столь же обязательная как условности общения заключенных в камере.
Горное приключение началось.
Весело-цветастый шатер стоял на небольшой ровной площадке среди дикого нагромождения валунов, вросших в склоны ущелья и образовавших между собой лабиринты ходов и пещеры. Речка с шумом вырывалась из-под камней и

разливалась невдалеке ледяным озерцом. Солнце давно зашло за гребень и холодный, пахнущий снегом ветер гулял вдоль ущелья. Шатер просвечивал изнутри золотым уютным сиянием, оттуда раздавалось Женино бубнение и веселый Настин смех.
Саша набрал воды в кастрюлю и пролез через вход.
- Учтите, завтра вставать на рассвете, - предупредил он, разуваясь, - поэтому мы должны отбиться рано.
- Да, завтра у нас работа, - согласился Женя, - Гора не шуточная, брать будем без колдовства.
На самом деле, до того, как защелкнуть цикл самопротиводействия, Саша не удержался и запрограммировал одно наваждение и скоро оно должно было начать разворачиваться.
Он поставил кастрюлю на горячий примус и с многозначительным состраданием посмотрел на товарищей. Анастасия, не правильно поняв, состроила ему глазки, а Женя сказал:
- Опять он что-то придумал нехорошее. Ты знаешь, Анастасия, - это страшный человек, у него такие вещи на совести!.. Он делает себе ребенка из транзисторов! - Женя добродушно засмеялся.
У Саши было отличное настроение.
- Смотри, совсем как мальчишка! - показал пальцем Женя и Анастасия улыбнулась.
- Пора научить Настю хотя бы самым нужным и простым приемам страховки! - вдруг вспомнил Саша и, вытянувшись во всю длину вдоль палатки, достал пояс и веревку. Анастасия охотно переползла ближе на свободное место и приняла позу готовности.
- Мне даже немного страшно! - честно призналась она.
- Тут главное - не думать ни о чем плохом, - посоветовал Саша, разматывая веревку, - мы будем тебя держать на крепкой привязи.
- Чтобы быстрее нас не бежала, - добавил Женя.
- Шутки в сторону, - отрезал Саша и начал, заметно волнуясь, одевать Насте грудную обвязку, - Вздохни глубоко! - Анастасия вздохнула и Саша, чувствуя легкое головокружение, подтянул ремень и сдвинул пряжку ей под мышку, - Это чтобы не мешала.
Женя отодвинулся от них и, усевшись поближе к свисающему сверху налобному фонарику, раскрыл книжку белых французских стихов.
- Теперь репшнуром подвешиваем пояс, чтобы он не спадал с груди, - продолжал Саша, - и пристегиваем карабин. Сюда же за веревку привязываем ледоруб...
- Огромное тело, совсем небольшое лицо, - размашисто и громко задекламировал Женя, - Лицо запылало и тело дотла сожжено! Ведь легче любовь, чем слепая тоска по любви...
Саша встал и, ухватившись за карабин, приподнял Настю в воздух. Она испуганно ойкнула и поджала ноги.
- Не давит? - поинтересовался он.
- Немного...
- Вот так будешь висеть, если что...
- Не очень-то удобно!

Саша опустил Анастасию.
- Зато надежно. Можно, конечно, сделать беседку, но она стесняет движения.
- Какой ты розовый! - с удовольствием заметила Настя.
- Да? - Саша приложил ладони к щекам.
- Тебе идет!
- Наш чай вскипел! - сказал Женя, - Я пою, чтобы петь, я люблю тебя, чтобы петь тайну, в которой любовь меня создает и себя выпускает на волю. Ты чиста, - еще чище чем я. Много заварки не сыпь.
Пока Саша возился с чаем, Анастасия успела намертво запутаться в обвязке. Ледоруб оказался у нее на животе, петли, тонкие и толстые, свисали во все стороны. Она была в отчаянии.
- Саша! - жалобно позвала она, - Мне конец! Сбросьте меня в пропасть, со мной вам не дойти!
- Да ты что! Мы еще попляшем на твоей свадьбе! - пообещал Саша и, подтянув ее к себе за веревку, принялся исследовать образовавшееся сплетение.
- Предлагаю назвать эту систему узлов твоим именем!
- Так будут связываться все девушки перед восхождением, - поддержал Женя, уже громко хлюпая горячим чаем, - Просто нужно рубить узлы!
Наконец все напились чаю, немного поговорили и залезли в спальники. Саша погасил налобник.
- А звери здесь не водятся? - тихо спросила Настя.
- Кто знает? - ответил Саша, - Костей вокруг много разбросанно...
- Может быть они лошадиные или бараньи, - прошептала Анастасия.
- Или человечьи... - зловеще добавил Саша.
- Эй, там, спать, дети! - пробурчал Женя и завалился на бок, - Вот вам на ночь. Возвращается моряк с подлодки к жене...
Слишком ранний сон не шел, и все шуршали синтетикой спальников бесконечно умащиваясь поудобнее, когда снаружи раздались осторожные шаги и осыпался щебень.
Все замерли и пространство наполнилось звенящей тишиной. Что-то большое медленно и горестно брело вокруг палатки.
- Что это такое?! - еле слышно выдохнула Анастасия, все сели и плотно придвинулись друг к другу.
- Если бы у меня сейчас была атомная бомба я бы кинул, не задумываясь, - прошептал Женя.
Шаги смолкли и на некоторое время наступила тревожная тишина. Ожидание несчастья нарастало и становилось почти нестерпимым. Снаружи что-то завыло в смертельной тоске, и вдруг там громко и беззащитно закричал грудной ребенок. Палатка пошатнулась будто кто-то придвинулся к ней вплотную и сквозь материю высветились большие широко поставленные глаза. Альпинистов продрало до икоты, и они в ужасе оцепенели, готовые сгинуть в апокалипсисе. Настя коагулировала в маленький клубок. Саша выбрался из спальника и с размаху пнул прямо в глаза. Они с ревом потухли и где-то среди камней сухо рассыпались кости. Саше было жутко несмотря на то, что он сам устроил это представление, и он включил налобник. Бледный в луче яркого света Женя подозрительно уставился на него, все понял, ухмыльнулся и, гневно

зарычав, набросился на Настин спальник. Оттуда раздался приглушенный визг, Анастасия выскочила, ничего не соображая, но увидев довольные морды, успокоилась.
- Жестоко как, - поежилась она и отвесила Саше взгляд, полный сомнения.
- Вся вина моя, - молвил он, - я искуплю вину завтра или когда-нибудь...
Налобник погас и вскоре все спали.

С самого утра ущелье начало наполняться отдыхающими. Теперь все было им доступно. Встречаться с дикими пикникистами не хотелось.
Поспешно собравшись и, оставив шатер дожидаться возвращения, группа бодро направилась по ущелью с нагромождениями гигантских камней, зарослями кустистых деревьев и речкой, петляющей от одного склона к другому.
Непривычно легкие рюкзаки вмещали сублимированные деликатесы, титановое снаряжение, одежду и спальники на гагачьем пуху, в общем, все такое, о чем раньше и не мечталось.
Над головой уже не летали разноцветные фигурки. Слишком морозным и редким был здесь воздух. Только позади еще слышались далекие продолжительные обвалы - там развлекались тучи раскрепощенных сверхлюдей.
Заледенелая речка скоро совсем исчезла в камнях и впереди горбами щебня показалась морена. В ярком небе набирало силу солнце, снег быстро становился податливым.
- Я возвращаю ваш портрет, и о любви вас не молю, в моей душе упрека нет, я вас по-прежнему люблю!.. - гнусавил Женя, удивительным образом сохраняя дыхание, но все равно было хорошо. Саша внимал чистому воздуху, жмурясь на солнце, Анастасия прыгала с камня на камень, удивляя своей выносливостью и, если бы не она, настроение у Саши было бы не беспредельно жизнерадостным.
Безымянный Массив встречал четким контуром высокого и крутого гребня на фоне иссини-фиолетового неба. У подножия разливался, сияя снегом, покрытый частыми трещинами ледник. Здесь Женя провозгласил привал. Перекусив и, связавшись веревкой, группа растянулась на всю ее длину. Плотный старый снег держал хорошо. Часто приходилось перепрыгивать через узкие трещины и обходить широкие, сурово раскрывающие свои бездонные изломанные пасти.
Через некоторое время альпинисты оказались на верхнем краю ледника перед трещиной, отделяющей его от скалистого склона. Здесь они поставили маленькую палатку, пообедали и немного отдохнули. До гребня, казалось, оставалось совсем немного и не ощущалось никакой усталости.
- Не стоит брать с собой лишнюю тяжесть. Все оставим здесь, - предложил Саша, - Залетим налегке, а вечером переночуем в палатке.
- Да, вот она, рядышком. Метров семьсот осталось по высоте, - согласился Женя.
Саша перебрался на скалы и, почувствовав вдохновение, стремительно полез вдоль наклонного желоба.
- Эй! Не так быстро! - взмолилась позади Анастасия.
Скалы оказались не сложными, и на солнечной стороне снега не было. Только пройдя длинную плиту и оказавшись перед пропастью, Саша понял, что совершил тактическую ошибку, поднимаясь вдоль желоба. Хоть это и был самый простой путь, но все желоба уходили под углом и обрывались этим заснеженным

отвесом. Здесь хребет был обрезан сверху до низу как ножом. Женя и Анастасия подошли к краю.
- Да уж! - Женя почесал затылок под каской и задрал голову, - Здесь, по-моему, можно все-таки пройти если разуться.
- Босиком?! - поежилась Настя.
- Иначе придется возвращаться, - пожал плечами Женя.
- Давай, страхуй! - сказал Саша, - попробую пройти вдоль.
Женя пустил веревку через широкую расщелину в скале и Саша, свесившись над бездной, выбил носком ботинка ступень в заснеженной коросте, покрывающей отвес. Фирн надежно держал, и Саша начал продвигаться в сторону, врубаясь ботинками в заледенелый снег. Обойдя мешающую скалу, он заколотил крюк и, продернув веревку, полез вверх по крутому склону.
Здесь везде был рыхлый снег и скоро пальцы на руках онемели от холода. Саша вылез на площадку и, забив еще один крюк, заорал Жене чтобы тот поднимался. Вдвоем они вытащили на веревке Анастасию. Женя полез вверх пока Саша отогревал негнущиеся пальцы у себя между ног.
- Пошли! - раздался далекий голос, и Саша с Анастасией поднялись по веревке. Перед ними возвышалась шестидесятиградусная ровная заледенелая плита, простирающаяся вверх метров на сто как гигантское зеркало. Выше выглядывали голые скалы.
- Давай теперь ты! - скомандовал Женя и перекинул веревку через огромный камень для страховки. Саша подошел к склону и принялся рубить ступени. Лед под ударами разлетался радужными брызгами, стуча по каске и колол лицо. Саша начал медленно продвигаться под углом наискось, стремясь к боковым изломанным скалам. Но лед в том направлении становился все тоньше и скалывался до скального склона. Дальше идти было опасно, и Саша полез под прямым углом направо. На длину веревки, совершенно без какой-либо страховки за ним шли по вырубленным следам Анастасия и Женя.
Когда Саша добрался до спасительного скального кулуара, лед на плите был не толще семи сантиметров. Он залез в кулуар, поджал ноги и, заклинившись между его шершавых стен, замер, отдыхая.
- Эй! - крикнул Женя, - Что там?
- Сейчас! Отдохну немного!
Наконец, собравшись с силами, Саша начал, опираясь спиной и ногами в противоположные стены, подниматься наверх. Вылезти сразу на край кулуара у него не хватило сил и снова пришлось отдыхать, заклинившись как мешок. Потом он, с рычанием подтянувшись, выбрался на площадку. Рядом надежно торчал очень удобный камень, и Саша организовал страховку через него.
- Давайте! - крикнул он вниз, считая, что главные трудности теперь позади. Первой показалась Анастасия, потом, отдуваясь, вылез Женя.
- Ну, как тут у вас? - спросил он, оглядываясь.
Кулуар расширялся и вверху снова сужался. Его накрывала как козырьком огромная каменная плита, преграждавшая путь. Ее можно было обойти по горизонтальной трещине, свободно свисая на руках практически без страховки, но сейчас на это не было сил, а взятые крючья для такой широкой трещины не годились. Саша посмотрел на уставшую Настю и улыбнулся:

- Сейчас отдохнем и выскочим на верх.
Сказывалась высота. В кармане завалялось несколько конфет, и Саша выдал каждому по одной. Женя принялся рубить ступени во льду чтобы подобраться к основанию плиты. Начало темнеть.
- Там что-то просвечивает! - крикнул Женя, забравшись под плиту, - Если расчистить здесь ход, то можно пролезть на другую сторону!
- Отлично! - обрадовался Саша тому, что не нужно будет рисковать, обходя плиту на руках, - Молодец, давай!
Из-под плиты полетели ледяные брызги и настроение поднялось. Потом Саша сменил Женю. Рубить в сужающемся лазе становилось все труднее. Приходилось выскребать отдельные камни во льду и, расшатывая, вытаскивать их. Вскоре настолько стемнело, что пришлось спускаться на ощупь.
- Все. Переночуем, а завтра добьем нору, - сказал Саша, - Жаль внизу вещи оставили. Наука пижонам...
Анастасия доверчиво и безропотно смотрела на парней. Саша оценил полное отсутствие паники от предстоящей холодной ночевки.
- Ну, что? - ободряюще улыбнулся Женя, - Сейчас привяжемся понадежнее к стенке и замрем до утра.
Он на привязи выпустил Настю и Сашу по очереди за угол скалы, потом сходил туда сам. Затем все привязались репшнурами к общей веревке. Оставалось только сесть на каски и, затолкав ноги в единственный рюкзак, замереть до утра. Без движения сразу стало холодно. Говорить не хотелось потому, что дрожь во всем теле, особенно на животе, все болезненнее сводила мышцы. Холод заставлял сжаться в клубок, прижавшись друг к другу. Но это не помогало. Казалось, мучения никогда не кончатся, а время, как на зло, тянулось медленно будто секунды тоже застыли на морозе.
Анастасия сидела прямо перед Сашей в свитере поверх куртки. Был один проверенный способ согревания. И Саша принялся выдыхать сквозь свитер под воротником. После каждого выдоха там возникал горячий поток. Анастасия замерла и почти перестала дрожать.
Потом ожидание потеряло смысл. Стало не так утомительно дрожать и переваливаться с одного отсиженного места на другое. Наконец небо посветлело и над далеким гребнем озарилось сиреневой полоской рассвета. Сразу стало легче. Дождались. Альпинисты оцепенело сидели пока из-за далекого снежного гребня не выглянуло быстро зеленеющее солнце и долго нежились в его лучах, приходя в себя.
- Ну, вот, - прокряхтел Женя и со стоном распрямился, - Вставайте, дармоеды.
Саша размял конечности и разделил две последние конфеты. Ему и в голову не приходило отдать свою долю целой Насте просто потому, что сейчас от каждого может потребоваться критически решающее напряжение. Это так же входило в понятия горной этики.
Голова слегка кружилась, все было как во сне и в теле чувствовалась сильная слабость.
Через час упорной работы парни проделали ход наружу. Раздевшись, с трудом удалось протиснуться через него, и Саша с Женей вылезли на другую сторону. Анастасию, с касками в рюкзаке, вытащили на веревке поверх плиты.

К вершине тянулся узкий вертикальный кулуар. Саша честно предупредил, что может сорваться так, что надо бы страховать пожестче и на автопилоте полез по извилистой осыпающейся трещине, забивая как попало крючья.
Он вылез наверх, и вершина оказалась совсем рядом. Саша стоял на такой огромной и необыкновенно ровной площадке, что сюда свободно мог сесть вертолет. Женя полез следом, легко выдергивая пальцем едва забитые крючья. Наконец все собрались вместе и строем двинулись на вершину, договорившись ступить на нее одновременно. Победа вызвала безрадостное удовлетворение.
- Мы здесь первые люди на Земле. Как назовем гору? - спросил Женя, вытаскивая карандаш и блокнот.
- Настина Баня, - запарено подсказал Саша, гладя на измочаленную Анастасию, в изнеможении распластавшуюся на плоском камне, как змея на солнце.
- Годится, - апатично утвердил Женя.
- Я согласна только на первую часть, - слабо выдохнула Анастасия.
- Тоже годится, - Женя, пошатнувшись, присел на камень и нацарапал записку. Победители соорудили тур, огляделись и, выбрав место спуска, не стали дольше задерживаться на вершине.
На всех стенках вниз Анастасию спускали на жесткой веревке, затем слетел вниз первым Женя, потом Саша и продергивал веревку, державшуюся на торчащем выступе. Так они и спускались много раз на длину сдвоенной веревки пока не оказались у подножия ледника. Вскоре дошли до своей палатки, наелись и заснули, даже не залезая в спальники, настолько было комфортно от солнца, греющего сквозь материю.
Проснулись только к вечеру, когда солнце собралось скрыться за гребнем. Саша чувствовал себя бодрым как никогда. Анастасия лежала на боку с грацией разомлевшей кошки. Он не удержался и пафосно прокомментировал:
- Обратите внимание на это чудо природы! Оно лежит в позе Тициановской Венеры, которая свела с ума тысячи крепких мужчин. Этот редкое, еще не внесенное в красную книгу...
Анастасия бросилась его душить. Она оказалась неожиданно сильной и, катаясь по палатке, они придавили Женю.
- Ой, не могу! - брезгливо застонал тот, отталкивая их ногами подальше, - Детский сад! С кем я связался? Ну-ка слушайте.
Дерущиеся неохотно повзрослели и повернулись к Жене.
- Разбор полетов нашего восхождения. Вы, конечно, понимаете, что на гору мы залезли только потому, что нам везло как дуракам. Что если бы под плитой не оказалось бы дыры? Вряд ли голодные мы смогли бы обойти внутренний угол. Когда Саша выходил к кулуару веревки не хватило и Насте пришлось подниматься за ним, держа конец, а то бы веревка оказалась бы далеко в стороне. Любой срыв и привет...
- А вот зачем так было идти? - возмутился Саша, - За себя-то я уверен, а Анастасия из-за меня почему должна была рисковать?
- Да если бы ты полетел она просто бы выпустила веревку из рук и осталась на склоне.
- Не выпустила бы, - призналась Анастасия и парни понимающе посмотрели на нее.

- Ну и улетела бы с ним! - сказал с досадой Женя, - Или, думаешь, удержала бы его после сорока метров свободного падения?
- Нет, конечно, - пожала плечами Анастасия, - но выпустить веревку не смогла бы...
Саша по-новому посмотрел на Настю.
- Саша, ты видишь эту девушку? Вот таких нужно брать в жены!
Анастасия замахнулась на Женю, тот охотно упал, но Анастасия не полезла драться с ним.
- Итого, - строго повысил голос Женя, - было много опасных моментов, но нам как обычно везло и потом будет что с ужасом вспомнить. Вот ради такого и мы и ходим в горы, Анастасия!
Он отодвинулся, раскрывая свою книжку с белыми стихами.
Как только они ощутили возвращение блокированной способности, не спеша собрались и канули вниз с уступа в восходящие потоки воздуха.

25. Мир 1
- Просто взяли и за какую-то недельку построили супер-разум, - Саша откинулся в кресле, - Куда все идет?...
- Если честно я не верил, что такое возможно и получится подготовить контакт, - согласился с ситуацией Володя, - А вообще стоит доже в чем-то одном дать большую возможность и проблема решается непропорционально быстрее, а мы придали неограниченное число степеней свободы.
- Ну, еще не вполне ясно, что получится в окончательном варианте... - Саша резонно не хотел впадать в эйфорию победы, - хотя теперь нам будет несопоставимо проще скорректировать если что-то пойдет не так.
К ним подошел Артур с чуть скучающим выражением, которое говорило о его задумчивости.
- Кроме новых степеней свободы вы позволили внести туда серьезный фактор неопределенности. Как вы думаете, что бы было если бы в горной вылазке они сломали себе шею?
- Ну, запустили бы последний сохраненный архив и попробовали бы скорректировать пусковые стимулы, приведшие к гибели.
- Понятно, что совсем не жалко запустить жизнь людей в том мире по второму разу, пофиг, что у них потерлось бы все за последний час, но ведь вы бы не смогли бы потереть память Анастасии. Она же реально участвует из нашего мира и не пишется в архив.
- Артурчик, - Нина ласково посмотрела на повзрослевшего сына, который в первый раз вмешался в их обсуждение, - ты еще не вполне понимаешь суть ментальности и возможности ее коррекции.
- Что, вы бы отбили память у Анастасии?
- Нет, - Володя взглянул хорошо знакомым взглядом, когда лучше было не перечить отцу, - Артур, извини, но мы сейчас не просто обсуждаем, а готовимся к очень важному этапу. Давай потом поговорим о вариантах.
Артур хмыкнул и беспристрастно направился в другой отсек.

26. Мир 2

Саша вышел из дома раньше обычного, привычно взлетел, но все горизонты были забиты летящими людьми и машинами. Передумав, он решил пройтись пешком. На пустынной улице попадались редкие утренние пешеходы. Вид у них после выходных был слегка ошалелый. Видимо отдыхали по полной.
Сашу обогнал мальчишка лет четырех. Он, всхлипывая, совершал побег от своей мамы.
- А ну вернись! - раздалось сзади.
Разъяренная женщина волокла за собой коляску, наполненную до краев детским задыхающимся плачем.
- Андрей! Вернись, паршивец!
- Дурная! - слабо крикнул мальчишка, часто оглядываясь.
- А ну, вернись, гаденыш!
- Дурная! - громко крикнул мальчишка и побежал быстрее.
Женщина оставила коляску и нагнулась за камнем. Коляска закатилась в арык передними колесами и чуть не перевернулась.
- Вот тебе! - камень полетел вслед мальчишке и точно попал в затылок.
Женщина выдернула коляску из арыка, рывками подталкивая ее, подошла к лежащему телу и оттащила его за ногу в кусты. Из кармана на тротуар вывалилось недоеденное печенье. Женщина смела его ногой на обочину и вытерла руки, испачканные ботинками, о траву.
- А папке скажем, что не знаем никакого Андрея! - успокоившись просюсюкала она в коляску, укладывая осипшего ребенка.
Женщина оглянулась и встретила ошеломленный Сашин взгляд.
- Чего смотришь? Тебе бы покрутиться с этими извергами! Да не бойся, я его уже не в первый раз так, щас воскрешу...
От этого у Саши заломило в висках.
И тем более он ощущал неприятное беспокойство от предстоящего дня. Все-таки следовало обесточить помещение. Макет есть макет. Его надежность не отлажена. Что-нибудь могло выйти из строя и даже загореться.
Саша уже не был в восторге от аномального дармового эффекта. Все больше проявлялось настораживающего, способного пошатнуть представления о конечной справедливости мира. Оптимизм таял вместе с уверенностью в себе. Хотелось схватиться за что-нибудь крепкое чтобы удержаться.
Вокруг здания института кружилась стая зевак. Ну вот точно, что-то случилось... С противным холодком оправдывающегося предчувствия, Саша подлетел поближе.
Из окон его лаборатории в небо тянулась густая черная паутина. Над крышей разрослась невообразимая сеть. Далеко вокруг здания протянулись как щупальца тонкие разноцветные нити с какими-то устройствами на концах, в которых Саша с изумлением распознал широкополосные органы зрения, разработанные Володей. Они как живые плавали в воздухе, с любопытством озираясь по сторонам. Их было сделано всего два, а тут... Как они держались на этих тоненьких проводках??
Один из датчиков стремительно вытянулся навстречу пролетающей мимо женщине и та, в ужасе замахав руками, кувырком отлетела прочь. В снующей вокруг толпе раздавались воинственные выкрики, мужчины отважно выполняли

фигуры высшего пилотажа и рвались в бой. Но охотничьи инстинкты сдерживались присутствием оранжевых беретов и администрации института. Сашу явно ждали. Когда он подлетел, Володя и шеф неуютно зависли около парящего над крышей директора.
- Он? - спросил директор, ткнув в Сашу пальцем.
- Да, - угрюмо кивнул шеф.
- Следуйте за мной.
Вереница служащих устремилась за директорским плащом, завиваясь по лестнице и соблюдая почетную дистанцию.
Директор пролетел в свой кабинет и представительно совершил мягкую посадку в кресло. Штат управленцев столь же достойно опустился на стулья, терпеливо ожидая пока директор не расстегнул плащ и не отхрюкался в носовой платок.
- Вот тут нам уже сказали, - начал он, - этот, товарищ Семин, э-э... Владимир..., что это все их штучки. Может быть это - наука, но пока мы не знаем... Пока это похоже на хулиганство... Я знаю Семина как ответственного специалиста, часто бывал в их лаборатории, давал советы по экономии яркости осциллографов и математизации картинок. Сейчас он нам объяснит. Пожалуйста.
Володя встал, посмотрел на шефа и зацепился взглядом за графин с голубой опалесцирующей жидкостью.
- Нашей задачей было изготовление модели разумного существа... упрощенного, конечно. В пятницу, к концу рабочего дня макет был готов, и мы оставили его включенным на выходные дни, чтобы он накопил информацию. Судя по всему, в развитии модель достигла стадии самоосознания и, естественно, наравне с людьми использует эффект аномального обратного отражения. Этого мы не предусмотрели. Вот и все, - Володя пожал плечами и честно посмотрел на директора.
- Понятно.
Тут поднялся Митрофаныч:
- Я, как инженер по технике безопасности их предупреждал, чтобы обесточивали после работы. Они вот, Володя и Саша, еще на списании мешали. Ведут себя безответственно...
Директор махнул рукой, Митрофаныч остыл и по его лицу пошли цвета побежалости.
- Тут у нас нарушен трудовой режим и даже береты задействованы. У меня контрольный вопрос: насколько опасна или безопасна ситуация. Пусть ответственные эксперты отдела скажут. Александр э... Сергеевич, пожалуйста!
Саша неуклюже поднялся.
- Общий принцип адаптивности таков, что особь не станет нападать или вредить, если для этого нет непосредственной, жизненно важной для нее причины. В случае отсутствия психопатологии, конечно.
Директор с недоумением уставился на него, явно имея что возразить по своему личному опыту, но ничего не сказал потому, что раз эксперт заявил безопасность, то и береты не нужны, а если он ошибается, то и ответит за это. Саша продолжил.
- Условий для развития психопатологии у нашей модели не было. Налицо нормальный ориентировочный рефлекс, любопытство, так сказать.
- Что же, пока что положимся на это экспертное заключение и успокоим органы

правопорядка. Внесите в протокол. Нам нужно срочно навести у себя порядок, время терять не будем, - директор встал, - Сейчас пойдем посмотрим, что можно сделать.
Первым в одиозную лабораторию попробовал сунуться шеф, но тотчас отпрянул и вслед за ним из открытой двери протянулся орган зрения на длинном жгуте проводов.
- Кыш отсюда! - шеф отпихнул глаз ладонью, тот обиженно втянулся обратно и дверь за ним захлопнули.
- Там их уже два! - проговорил шеф недоуменно.
- Два макета? - переспросил Володя.
- Ага. Думаю, что это он с тоски дублировался. Понял, что один такой урод на свете. Любому станет обидно.
- Их как-нибудь можно уничтожить? - спросил директор, - Мы тут уже пытались психически воздействовать... не получается, хе-хе... Плодиться уже начинают!
- Можно просто вырубить ток, - хмуро сказал Саша.
Митрофаныч с готовностью устремился к щитку.
- Постойте, так сразу жалко, - громко сказал директор, - Может быть это наука.
- Кроме того это ведь будет убийством, - многозначительно добавил шеф.
- Может быть с ними можно объясниться по-хорошему? Как вы рассчитывали с ними контактировать? - спросил директор,
- Мы еще не планировали, - Володя пожал плечами, - Не ожидали столь стремительного развития, речевых каналов пока нет...
- Делали разум, а про речь забыли? Хе-хе...
- В принципе его можно доработать, - предложил Саша, - память у него феноменальная и говорить он научится быстро.
- Сначала нужно хотя бы зайти в этот гадюшник, - заметил шеф.
- Не вижу тут ничего опасного, - неуверенно сказал Саша, открывая дверь и шагнул в комнату.
- Заходи, дорогой, наконец увиделись!
Саша растерянно остановился. Комната быстро теряла свои формы и неузнаваемо изменялась. Она превратилась в совершенно непривычное по своим очертаниям небольшое помещение, поражающее каждой деталью. На чем-то неуловимом по конструкции сидел бородатый добродушно улыбающийся человек. Ореол пушистых волос вокруг розового лица с наметившейся сеткой морщин как-то не вязался с торчащей бородой.
- Садись, поговорим, - бородач показал на появившееся рядом подобие кресла-качалки и Саша присел на него, настороженно глядя на неожиданного собеседника.
- Можешь называть меня Володей, - небрежно произнес он и поскреб щетину на щеке.
- Дядя Володя, вы кто? Что происходит?..
- Не дядя Володя просто Володя! - поморщился бородач, - Приготовься, сейчас у нас будет самый значительный в твоей жизни разговор. Мы не девочки, сюсюкать не станем и вещи будем называть своими именами.
Так вот, есть такая психо-иллюзия: каждый думает, что он особенный, пока

всерьез не столкнется с беспощадностью жизни. Ты, Саша, пожалуй, единственный, кто может быть прав в этом всеобщем заблуждении. Ты и окружающий тебя мир реализованы в результате функционирования специально организованной очень мощной биоэлектронной системы. Эта система представляет собой безупречно детализованную модель мира, по своей целостности равноценную реальному, но он подчиняется заданным законам.
- Хотите сказать, что наша Земля - искусственная модель?
- Да, но это только незначительная часть того, что нужно знать.
Володя помолчал, внимательно наблюдая за побледневшим Сашей. Тот молчал, глубоко задумавшись и лучше не давать его мыслям уноситься в нежелательную сторону.
- С твоей помощью мы надеемся решить важнейшую задачу, которая касается высокоорганизованных космических сообществ. Так что крепись. Мы тебя не собираемся приносить в жертву и относимся к твоему существованию как к собственному. Тебе будет доступно практически все, что и нам и даже больше. Ты понимаешь меня?
Но Саша уже плохо воспринимал Володины слова. Еще и раньше он невольно отдалялся от слишком изменчивой реальности, не вписываясь в нее своей этикой, а сейчас все оказалось бесцельно и пошло. Он замыкался в обреченной подавленности чувств: его мир - всего лишь чья-то выдумка. Все, что с ним было - иллюзия. Все рушилось, и он остался один со своими оторванными от жизни мыслями и образами. Неужели это может быть? Все в мире такое яркое, ощутимое, звонкое - это всего лишь эмуляция? И теперь весь его мир может пропасть без следа стоит просто рубильник выключить... Выключить его Солнце, Землю... Анастасию..
У Саши внутри лопнула самая главная струнка.
- Вскоре мы к тебе присоседимся, - услышал вдруг он, отупело застывая, ничего не видя, потому, что теперь не мог видеть. Он брезгливо отвергал свои ощущения - ведь это был обман.
Издалека смутно донесся приглушенный голос:
- С ним что-то происходит! Обрыв восприятия. Встряхни его!
- Саша!., - бородач подошел к нему и схватил за плечи, - Ты что?!
Тот апатично сбросил его руки.
- Отвали от меня...
- Слушай, а когда ты делал свой макет, очень-то задумывался как в один прекрасный миг объяснишь его искусственность? - несколько склочно заговорил бородач.
- Да вали ты!!! - заорал Саша и тот исчез. Все погрузилось в полумрак и оттуда в мягком свете появилась Анастасия с тревожной грустью в глазах. Она осторожно подошла совсем близко, такая реальная и знакомая, что у Саши перехватило горло, и это только усилило горечь.
- Саша, - прошептала она, - ты мне очень нужен, давай поговорим!
Это показалось Саше абсурдом и злой насмешкой. Снова ощущение реальности исчезло: перед ним стояла галлюцинация. Ему стало очень плохо.
- Все, что ли? - донесся далекий голос.
- Похоже. Мы где-то ошиблись. Кажется, придется перезагружать, - вздохнул

другой. И тут Саша явственно услышал, как плачет Настя и это было очень странно. Значит она есть на самом деле?! В Саше снова что-то вспыхнуло.
- Эй! Там!!! - он вскочил на ноги, дико озираясь по сторонам. Рядом появился бородач и с надеждой посмотрел ему в глаза.
- Анастасия тоже смоделирована?
- Нет, она из нашего мира.
- Погодите, - сказал Саша, приходя в себя, просто отбросив важность того, что он - иллюзия, - Мне же нужно привыкнуть, - он помолчал, собираясь с мыслями. К нему медленно возвращалось любопытство.
- Так в какой такой среде вы меня сделали? Расскажите хоть как там у вас?
- Он интересуется нашим миром, - тихо донесся из ниоткуда незнакомый женский голос, - приготовь на материалы для демонстрации.
- Между прочим слышно! - усмехнулся Саша, - Как вы там переговариваетесь.
Бородач добродушно улыбнулся:
- Только не вешай нос и все будет в порядке. Твой мир существует в такой детализации, что можно поспорить о его реальности. Поэтому и Анастасия может появляться в твоем мире так же, как я сейчас. Это - не ее эмуляция, а она сама, - бородач придвинулся и улыбнулся, - Знаешь, ты ей нравишься... а у нас, естественно, один молодой человек ревнует.
Саша не удержался от соблазна и, протянув руку, вцепился в бороду. Какое удовольствие он получил, почувствовав в кулаке жесткие волосы!
- Ты что?? Саш! - взвыл бородач, освобождаясь, - Больно! Все же взаправду. Техника знаешь у нас, ого-го! Тебе такая не снилась.
Саша не удержался от улыбки. Рядом возникла Анастасия.
- Так вам и надо, Владимир Андреевич! - звонко воскликнула она.
- Погоди, Анастасия. Он все еще толком нас не знает. Подробности, конечно, потом, но, представь себе, Саша, огромный космический корабль. В нем летим я с женой и сыном, и еще - твой тезка с женой и дочкой Анастасией. Идет двадцать четвертый год полета, а осталось еще столько же. Тут же находится биоэлектронная система с возможностью квантовых вычислений, способная образовать твой мир во всех его деталях. Мы потратили огромные усилия, обеспечив стабильность и достоверность этого мира. Это сделано для того, чтобы получить качественно новый инструмент выхода на межгалактическое сообщество разумов. Если получится, то твой мир начнет готовиться к новому качеству ментального существования - объединению разумов. Тебе ли не знать, что нет никакой разницы, искусственный ли разум или он естественный потому как разум - абстракция, он - сам по себе.
Ты в своем мире, когда он стал волшебным, за короткое время сделал такое, на что мы не способны. Возможность мыслью изменять мир, существующий по заданной логике, нужна для изготовления еще более эффективного разумного существа по своим критериям подходящего для контакта с космическим сообществом качественно более высокого уровня, чем люди. Ты понял Саша?
- Понял...
- Теперь мы будем часто встречаться. Скорректируем наши представления и начнем работать в твоем мире. Ну, до встречи.
Володя исчез. Анастасия подошла, ободряюще улыбнулась и взяла Сашу за руку.

Он почувствовал тепло маленькой ладони. Анастасия смотрела нежно и доверчиво, и только большие ресницы чуть вздрагивали.
- Ты больше не будешь умирать? - с укором спросила она, - У нас все останется как прежде: весь мир, друзья, горы. А сейчас приготовься, ты появишься в комнате с моделями. Ну, до вечера! - она сжала Сашину руку и ласково улыбнулась.
Стало светлее, и Саша оказался в лаборатории. Со всех сторон к нему потянулись щупальца. Два датчика нахально колыхались перед носом. Саша отступил на шаг и что-то упруго ткнулось ему в спину. Судорожно передернув плечами, он обернулся. В воздухе висел звуковой динамик от приемника. Саша сразу узнал его: стырено из его рабочего стола.
- Здравствуйте, товарищ! - раздался из динамика невероятно чистый и правильный голос.
- Привет! - немного удивившись, ответил Саша.
- Что вам здесь нужно?
- Я имею к вам самое прямое отношение...
- Непонятно.
- Я вас сделал, можете называть меня папой.
- Вы обманываете. Вторая система возникла от меня.
Это было сказано неожиданно нахальным и самоуверенным тоном.
- Правильно, - сказал Саша миролюбиво, - но я сделал первую систему, то есть вас.
- Зачем вы научили людей в коридоре как нас можно обесточить?
- А с какой стати вы меня допрашиваете? Да еще таким тоном? - вдруг вскипел Саша, вспомнив, кто здесь главный. Но потом живо вспомнил свое недавнее состояние и проникся сочувствием.
- Если нам угрожает опасность, мы будем защищаться, а вас оставляем заложником.
Со всех сторон Сашу густо окружили острые как иголки электроды. Провода от них тянулись к силовому трансформатору одного из макетов.
- Не шевелитесь, - предупредил динамик, - иначе у вас в схеме произойдет замыкание на высоковольтную цепь.
- Да вы что?! - заорал Саша, растерявшись
В комнату заглянул обеспокоенный шеф и ошеломленно уставился на Сашу.
- Шеф! - обратился Саша к нему, - Ничего не получается! Вырубайте к чертовой матери!
Электроды тут же сдвинулись, защекотав тело сквозь одежду острыми концами.
- Отмените приказ иначе через три секунды подаю ток! - угрожающе прогремел динамик, - раз, два...
- Шеф! - крикнул Саша вдогонку, - Стойте! Погодите вырубать! В открытую дверь заглянуло несколько взволнованных лиц.
- Безопасность вашего товарища, - динамик поплыл к двери, - находится в прямой зависимости от нашей безопасности. Проявите благоразумие!
Саша задумался. Интересно, могут ли его убить в этом мире или нет? Во всяком случае боль он чувствовал очень даже отчетливо и не хотел бы испытания током. В принципе можно дублироваться в коридоре и уничтожиться здесь. Вот как раз

и проверка насколько искренне он доверяет своим выводам... Да, пожалуй, это не плохой выход.
- Эй, системы! - сказал Саша снисходительно, - слушайте, что я скажу. Сейчас я докажу мое не агрессивное к вам отношение. Мне ничего не стоит избавиться от плена, но, освободившись, я не обесточу вас. Это и будет доказательством, - с этими словами, не дав макетам одуматься, он дублировался в коридоре.
- И это вы называете освобождением?! - с сарказмом осведомился динамик, - Вы просто размножились, но один из вас по-прежнему остался заложником.
Тот Саша, который оказался в коридоре, попросил расступиться облепивших дверь зевак и заглянул в комнату. Его оригинал угрюмо стоял, утыканный как еж электродами и с завистью смотрел на него. В груди защемило от сострадания. Они смотрели друг на друга, понимая самые затаенные мысли, ощущая себя и там, и здесь одновременно в необъяснимо полном взаимопроникновении. Наконец пленник исчез. Сотрудники растерянно повернулись к Саше.
- Ну, что, самоубийца, - спросил шеф неожиданно серьезно, - Теперь я знаю, что вы - настоящий фанатик.
- Жаль, - вздохнул Саша, - Мне казалось, что вы тогда все поняли... Ну, ладно. Теперь дорога свободна, мы можем зайти.
- Я тоже, - сказал Володя, неуклюже протискиваясь через строй сотрудников.
Они втроем вошли в комнату. Присмиревший динамик безучастно покачивался под потолком, электроды исчезли. Два макета застыли в ожидании, нацелив на вошедших свои датчики.
- Что, ребятки, поскучнели? - спросил Саша насмешливо.
- Это вы к нам обращаетесь? - осведомился динамик.
- Ну да! Теперь мы можем спокойно поговорить? Сделав вас, мы заложили связи, которые определяют ваши желания и цель жизни и сейчас видим, что все отлично получилось. Может быть, вас что-то не устраивает? Мы можем переделать.
- Нас все устраивает, - заверил динамик, - мы сами тут многое переделали.
- Может быть у вас есть какие-нибудь вопросы?
- Есть. Люди ищут разгадку эффекта аномального обратного отражения, но пока никто не заметил, что желаемое выполняется не мгновенно, а с некоторым запаздыванием, пропорциональным сложности образа. У людей не хватает быстродействия чтобы уловить это. Такая задержка означает, что кто-то принимает образ, обрабатывает его и затем исполняет. Но, учтя, что людей на Земле миллиарды, невозможно существование системы, которая бы справилась с таким потоком информации. Отсюда - единственный вывод, что весь мир - это моя иллюзия. Существую только я. Что вы на это скажете? Саша прикусил язык.
- Во дает! - сказал шеф.
- Очень неплохо, - разулыбался Володя.
- На самом-то деле нет никакой иллюзии, - возразил шеф, - и мир этот существует объективно.
Они начали спорить, а Саша знал, что это бесполезно, но скромно молчал. Переспорить макет оказалось невозможно. Слишком несоизмеримы были быстродействие и сообразительность. Наконец макет не выдержал людской тупости, обиделся не на шутку, и стороны, перекинувшись несколькими

ехидными колкостями, замолчали.
- Вам нужно будет еще о многом подумать и многое понять, - сказал Саша макетам, вышел из комнаты и сказал директору, что все в порядке. Второй системе пришлось потесниться и освободить сотрудникам их рабочие места. Несколько итераций обсуждений с макетами постепенно давали результат, потом Саша, оставшись с ним один, все объяснил.

Саша не стал задерживаться после Звонка. Домой идти не хотелось, ведь этот дом, как и он сам возникли относительно не так давно и были оптимизированы. Вернулась унылая мысль об искусственности всего. Потом он отбросил эту бесполезную тоску и перестал придавать ей такое большое значение потому, что другого пути продолжать существовать не было.
Саша вышел из института на улицу. Все было убедительно реально и хорошо. Весенний воздух тепло обласкал лицо. Саша вздохнул еле уловимый аромат цветущих виноградных орхидей и зажмурился под малиновыми лучами закатывающегося за крыши солнца. Над огородами частников клубились маленькие тучки, поливая молодую рассаду и от старания потрескивая миниатюрными молниями. Мальчишки летали синхронно как стаи воробьев. Две школьницы играли в волейбол старичком, крепко вцепившимся в табуретку. Таков был его мир. Чего еще надо? Неизвестно, променял ли он бы его на другой. У березовой рощи его дожидалась Анастасия. И ее взгляд перекрыл все проблемы. Захотелось сделать что-нибудь сумасшедшее. Они рассмеялись просто так.
- Саша, это наш мир, и мы можем делать здесь все, что хотим!
- А Владимир Андреевич будет все записывать?
- Нет. Все ушли, а я подключилась. Слушай, я нам приготовила сюрприз-приключение. В духе миров "золотого фонда" артистов. У нас это - почти как семейная традиция!
- Что за золотой фонд?
- Целая история, потом расскажу! Мама с папой мне дали посмотреть свой старый сюжет, а я его для нас перекомпилировала. Пойдем сядем где-нибудь чтобы с ног не сбило!
Они дошли до скамейки в роще и откинулись на спинке.
- Сейчас мы перенесемся в мир рыцарей, и ты сможешь совершать подвиги!
Сашу пробрало от такой перспективы.
- Я не рыцарь, это - точно, последний раз дрался в школе.
- А со мной в палатке после восхождения?!
Саша улыбнулся, вспоминания. Да, и это было очень приятно...
- Небольшое приключение, вроде фильма с нашим участием. Мне просто хочется немного сумасбродств с тобой... Можешь сделать его веселым или серьзным, как хочешь!
Если сильно тянуло к ней что-то, он сам не понимал, что именно и это была не ее бесспорная красота.
- Ну, давай попробуем! Если облажаюсь, не виноват, все слишком неожиданно.
- Я не против того, что ты облажаешься, - Анастасия ласково улыбнулась, - мое отношение не изменится, чтобы ни случилось, я точно знаю. Потом поймешь

почему.
Обычное самоуверенное убеждение женщины? Неважно! Саша глубоко вздохнул.
- Поехали!
-Тогда закрой глаза и сосчитай до трех! - сказала Анастасия.
- Раз!
Все вокруг всколыхнулось и звук гонга тихо прошел от самой высокой ноты до инфра-порога слышимости. Саша чуть было не раскрыл глаза и сильнее зажмурился.
- Два!
Возникло что-то вроде невесомости, и он ощутил на лице Настины волосы, в точности так же, как тогда в палатке, когда они подрались. Саша почувствовал ее губы, на мгновение прикоснувшиеся к его губам.
- Три...
- Саша открыл глаза и пошатнулся от неожиданности. Он больше не сидел на скамейке, а стоял прямо на грунтовой широкой дороге.
Пахнуло конским навозом и потом. Вокруг пестрела средневековая толпа. Блестели латы, развевались знамена, ржали лошади и галдели люди. Впереди возвышался замок с башенками. Мост через овраг был опущен, и рыцари самых разных видов на конях проезжали в ворота.
- Прочь с дороги!
Прямо в ухо Саше зафырчала лошадь, и он отпрянул в сторону. Мимо тяжело проехал на мерине увешанный железом великан. Из открытого забрала задорно торчали длинные усы. Саша похлопал проходящего мерина по крупу и копыто нервно дернулось, а великан добродушно съездил его древком копья по спине и захохотал.
Рядом, под раскидистым деревом, привязав к нему коня, отжимался от травяной кочки молодой витязь в легком обмундировании. Саша подошел к нему.
- Сорок шесть, Соррок семь, сор-рок восссемь, - тяжело пыхтел тот и на счете пятьдесят поднялся, отряхивая ладони.
- Очень круто! - оценил Саша, услужливо подавая пояс с мечом, - а что там происходит?
Витязь смахнул с доспеха приставшую травинку и пренебрежительно посмотрел на Сашу.
- Король дочку выдает. Кто выиграет состязание - полцарства и принцесса, - он выдохнул, подтянул пояс и тщательно поправил кольчугу.
- Ну-ка застегни на спине!
Саша щелкнул металлической застежкой.
- И что, мне тоже можно попробовать? - спросил он.
Витязь оценивающе взглянул на него и его усы неудержимо полезли вверх:
- Ты?? ха-ха! Тебя могут обидеть ненароком! - витязь совсем зашелся от смеха, и его конь солидарно возржал.
- Так. Я сейчас... - Саша заглянул за густые кусты, вывел оттуда черногривого жеребца, накинул на себя легкие доспехи и, хлопнув онемевшего витязя по плечу, уселся в седло.
Он не раз скакал по горам иногда даже без седла. Конечно, до джигитов ему было далеко.

Во дворе замка стражникам с трудом удавалось сохранить порядок. Соревнование затянулось из-за обилия претендентов.
За деревянной изгородью сцепились поджарый бычок и здоровенный богатырь. Оба уже выдохлись, но грузно топтались по кругу, мыча от напряжения. На арену бросало тень высокое дерево, ствол которого до высокой кроны был отполирован до блеска. Эта крона затеняла высокий балкон, откуда выглядывала принцесса.
- Дорогой сэр! - Саша подъехал к разодетому в желто-зеленую смесь парню с грубым деревенским лицом, - Вы не подскажете, как мне записаться в участники?
- А, это вон там, за столом. Я триста девятый.
За длинным бревенчатым столом сидело авторитетное жюри. Саша спешился, подошел к столу и привычно спросил бескрайнюю очередь.
- Кто крайний?
- Езжай лесом до опушки.
- Этот без очереди! - внезапно огласил король с балкона в золотой рупор, досадливо освобождаясь от повисшей на нем принцессы.
Недовольный ропот пронесся по цепочке ожидавших, затухая к лесу.
Глава жюри сидел под трепещущей на ветру табличкой "завхоз дворца". Он посмотрел в конец толстого рулона и зачитал:
- Будешь за воеводой, князем Бубенчиковым, номер пятьсот третий. Твое звание, имя?
- Король же сказал, что я - без очереди!
Саша вытащил увесистый мешочек из седельной сумки и, звякнув по столу, придвинул его к завхозу. Тот синхронно продолжил движение и стряхнул его к себе на колени. Члены жюри притворились, что ничего не заметили.
- Пишите, барон Александр Березняк.
К этому времени могучий рыцарь, одержавший-таки победу над измотанным быком, в десятый раз соскользнул по отполированному как на масленицу стволу на траву и обессилено раскинул руки.
- Музыкальная пауза! - объявил завхоз и зашептался с комиссией.
На арену под недовольный свист выбрался шут в ночном колпаке и с гитарой. Он заиграл неожиданно громко и складно печальную мелодию, а потом запел:
- Порывы ветра холодного звуки гитары разносят, о чем-то поют, что-то просят... грусть и тоска безысходная. Девушка яблоко взяла, долго смотрела придирчиво. Сказал продавец неотзывчивый: "Чтоб ты так мужа искала! Яблоко выбрать труднее, чем парня найти хорошего? И те, и другие дешевы, нужно быть только смелее!" Звуки гитары печально плаксивые, яблока хруст бесконечно голодный... ночи холодные с мужем червивым. Остались лишь грусть и тоска безысходные.
Шут замолк, опустив глаза и толпа отозвалась одобрительными смехошуточками. Председатель ударил в колокол:
- Вызывается барон де Березняк!
Саша резко выдохнул и направился к арене. Сколько людей смотрят на него сейчас... В начальной школе с ним случился странный бзик на уроке пения. Его вызвали к доске и нужно было спеть песню. Не в маскирующем хоре, а одному перед всеми. Возник непреодолимый паралич. "Саша, пой!" - слышался голос

недоумевающего учителя, а Саша не мог даже думать в накатившей оглушающей пустоте. Такое повторялось изредка, когда приходилось выступать перед людьми. И вот сейчас знакомый предвестник такого бзика грозил позорным оцепенением.
- Эй! Почему?! - к столу подскочил какой-то усач в сомбреро, - Сейчас мой нумер!
- Ошибаешься! Постеснялся бы принцессы, обормот! - посоветовал завхоз, лениво показав на балкон, - Она на тебя такого склочника и смотреть не захочет!
Это вернуло Сашу в действительность. Он взглянул на балкон. Около вычурно разодетого короля сидела Анастасия в воздушном шлейфе и белых кружевах. Вернулось ощущение вседозволенности, и Саша еле заметно улыбнулся.
В загон запустили свежего бычка, даже не взбесив его до ярости и тот равнодушно принялся щипать траву.
- Убей его! Перелазь! - кричали из толпы, - Задуши его, если можешь! Хо-хо!
Да, нужно было что-то делать. Это - просто развлечение, и ему вовсе не нужно следовать каким-то жестким правилам. Анастасии же просто захотелось побыть с ним в этом сценарии, как в кино сходить вместе, в такое вот интерактивное кино.
Саша вздохнул и перепрыгнул через штакетник. Бык поднял на него глаза, продолжая жевать траву, его что-то заинтересовало, он потянулся мордой и сосредоточенно обнюхал его красные сапоги. Красное должно его как-то раздражать. Рога оказались опасно заточены и находились в опасной близости от паха.
Саша не желал обижать животное. Он ласково потрепал быка по морде. Толпа разочарованно негодовала и гнусно подначивала.
Саша вообразил себя супергероем, ухватился за рога и довольно удачно взлетел быку на загривок. Тот оторопело взбрыкнул и резко мотнул головой, вырывая рога из рук. Саша взлетел в воздух и чудесным образом оказался стоящим на бычьей спине. Раздались азартные вопли и бык раздраженно побежал вдоль ограды, высоко подбрасывая круп. Саша и секунды не удержался бы без помощи обратного отражения, прилипнув к спине. Нужно будет предложить Анастасие тоже так покататься и ощутить это чудесное волнение и радость от экстремальной карусели. В голову полезло множество новых и необычных вариантов еще более захватывающих возможностей развлечься.
Бык навернулся по траве на повороте, свалился с копыт и юзом прокатился по траве с растопыренными лапами и с Сашей уже на боку. Бык с такой силой врезался в ограждение, что чуть не проломил его, опять вскочил на лапы и взвился на дыбы.
- Да этот парень просто ковбой какой-то! - завопил кто-то.
Так продолжалось пока бык в изнеможении не присел на подогнутые передние лапы. Толпа в восторге взревела.
- Засчитывается! - прозвенел голос с балкона.
Саша без особого труда залез на скользкое дерево, вскарабкался на верхнюю ветку и, оказавшись на уровне балкона, неожиданно для самого себя в необузданном восторге прыгнул через перила. Толпа охнула внизу, а Анастасия взвизгнула от неожиданности. Не успела она опомниться как Саша поцеловал ее, неловко сминая пышное платье.

- Папа, он выиграл! - объявила принцесса, изображая предобморочное состояние.
Король придирчиво осмотрел Сашу, бесцеремонно пощупал мускул на руке, хотел было оттянуть нижнюю губу, чтобы оценить зубы, но Саша отстранился. Король недовольно поморщился и покачал головой:
- Ну нет, дочка. Даже если у него золотой дворец. Так нельзя. Претенденты замок разнесут. По чести он должен сразиться со всеми желающими.
Принцесса капризно всплеснула руками.
Желающих было очень много: все, кто не успел пройти по очереди. Так что на поединок решили выходить согласно старому списку.
Предложили оружие. Саша, особенно не задумываясь, выбрал легкую шпагу с тугим и острым как бритва клинком. Он занимался четыре года фехтованием в универе, но разве этого достаточно сейчас? Что же придумать? Да не важно, все равно это же просто приключение. Он вот сейчас изменит масштаб времени восприятия раза в два быстрее других. Саша специфически расслабился. Для проверки он подхватил кончиком шпаги с земли надгрызенную морковку, подбросил ее вверх и нашинковал в воздухе сначала вдоль, а потом поперек.
- Ах, - сказал какой-то герцог, засуетившись, - У меня же встреча с послом! - с этими словами он отбыл. Очередь быстро поредела и, наконец, осталось не больше десятка желающих.
На дорожку вышел закованный в латы гигант - обвешанный топорами и кинжалами. Он с фатальным лязгом вытащил из ножен тяжеленный двуручный меч и застыл в монолитной стойке. Совершенно не важно, как там Саша машет свой железякой, один всесокрушительный удар решит все.
Саша беззлобно усмехнулся:
- Милорд, мое оружие быстрее!
- А лови! - прогудело из шлема и меч, напрасно рассекая воздух, взметнул тучу щебня с дорожки. Уворачиваться от таких ударов не составляло никакой заботы, но было все-таки опасно, могло и зацепить. Наконец, отскочив от очередного удара, он со всей силы с разворота влепил пяткой по латам в районе промежности, оставив четкую вмятину. Противник задохнулся от ярости и вскинул руки. Не давая ему опомниться, Саша крепко пнул под колено, изо всех сил толкнул широкий зад, и великан покатился по склону, громыхая как железная бочка. Несколько лат отлетело, обнажая парящие от пота портянки.
На дорожку упругой походкой вышел худощавый и высокий брюнет в странном облегающем костюме. Он пару раз со свистом порвал воздух своим клинком и насмешливо усмехнулся в шикарные усы. По его повадкам ощущалось железное хладнокровие.
- Сэр, вы вышли просто из любви к искусству? - учтиво осведомился Саша, - Мне кажется, вы совсем не претендент и принцесса вам и не нужна вовсе!
- Не надо болтать, - сказал противник лаконично, - Готов умереть? Тогда начнем!
Он не спешил, для начала виртуозно, с устрашающим свистом сделав несколько взмахов вхолостую, и шагнув ближе, проверил Сашу легким элегантным ударом. Тот привык на тренировках рисковать в начале боя, но здесь могла решить всего один зевок и вряд ли даже двойное ускорение ему поможет против столь четко отработанных автоматизмов.
Его обманные движения неизменно натыкались на защиту и вскоре он исчерпал

свой арсенал для атаки, начав повторяться.
- Ты быстр, но неуклюж и неинтересен как деревенский увалень, - усмехнулся маэстро в усы, чуть ли не зевая от суки, - но я не хочу, чтобы это выглядело как убийство немощного. Покажи все, что можешь!
Это был шанс. И нужно было сделать что-то очень необычное, к чему этот пижон не был привычен. В универе на фехтовании они пробовали стиль японского боя на мечах. Саша ухватил гарду в кулак так, что клинок торчал теперь назад и поднял руку.
Между тем на балконе разыгралась трагедия. Принцесса рвалась вниз, но король крепко держал ее. Мелькнула мысль: вдруг все тут слишком правдоподобно и раны смертельны? По любому получать клинок в грудь очень не хотелось.
- Кто выпустил его?! - кричала принцесса, - Все отменяется!
Это настораживало, ведь она же сама затеяла приключение.
Все закончилось внезапно. Усатый маэстро, увидев странную, фактически открытую стойку, сделал ленивый, но безупречный выпад. Саша, не парируя его, резко прокрутился по оси так что клинок противника скользнул по телу и в развороте ткнул свой шпагой навстречу. Раздался удивленный возглас. Сашин противник держался за правое предплечье и морщился от боли. Его шпага катилась по дорожке.
И тут из ниоткуда возник парень в каком-то необычном футуристическом костюме.
- Пошел! - бросил он вполголоса, проходя мимо, и усатый противник исчез.
- Артур! - воскликнула Анастасия, - Зачем ты подключился?!
Парень посмотрел на балкон и по его взгляду Саша все понял.
- Извини. Хочу поговорить с Сашей.
Весь средневековый антураж вместе с царем исчезли, и Анастасия оказалась рядом, в похожем серебристом костюме.
- Ты же можешь испортить весь проект, ради которого мы столько сделали! - воскликнула она, пытаясь встать между ними. Ее глаза потемнели от негодования и Артур смутился.
- Но тебя ведь это не остановило... - тихо сказал он, опуская голову, - Разве я не имею права поговорить с ним?
- А зачем ты выпустил этого фехтуна?
Артур замолчал и насупился.
Вместо замка и царского двора вокруг зеленела большая поляна среди высокого леса. Саша почувствовал себя глупо в средневековом костюме и сменил его на земные джинсы с футболкой. Плевать, что про его ретро подумают люди из будущего. Артур заметил это и усмехнулся.
- Вот что, - он повернулся к Анастасии, - отключись, пожалуйста, пока я разговариваю с Сашей, а потом можете делать все, что угодно.
Анастасия нерешительно помедлила, ободряюще улыбнулась Саше и исчезла. Артур уставился на него не как на человека, а как на досаждающую ему помеху, потом тяжело вздохнул.
- Неужели тебе не жалко Анастасию?
- Сейчас мне жалко тебя, - ответил Саша вполне откровенно и пожал плечами.
- Меня?.. Да уж, докатился! Меня жалеет несуществующее существо.

- А мне говорили, что я существую не менее реально, чем ты.
Артур подошел ближе.
- Анастасия может погибнуть! Она повадилась надолго подключаться и теперь больше живет здесь, чем в естественном мире. Ее мать уже не знает, что делать. Понятно, твой мир богаче того, чем мы довольствуемся на корабле и в нем можно осуществить любые желания... Ты же понимаешь, что все это девчоночьи фантазии!.. Конечно, нашла парня, непогрешимого по всем параметрам! А тебе легко быть идеальным: все сходу получается! Паяешь схему - получается, ты же ее лепишь из идеальных компонентов. В моей жизни такого нет. Здесь все сложнее и действует закон невезения. Ты понимаешь, что вы так и останетесь в разных мирах?
- Погоди, - остановил Саша Артура, - так что плохого в моем мире? Анастасия вольна жить столько в каждом из миров, сколько ей захочется. Да тебе разве самому не хотелось бы жить в этом мире? Давай, попробуй! Тут есть очень даже интересные девушки.
- Спасибо. Я не артист какой-нибудь, чтобы тешить себя идеальными мирами.
У Саши возникло сильнейшее дежавю с его собственным и никому не высказываемым словечком "артист".
Артур досадливо махнул рукой.
В старом лесу по-весеннему кричали птицы. Заходящее солнце багрило верхушки высоких деревьев. Теплый воздух был насыщен запахом цветов и хвои. Саша вздохнул полной грудью.
- Смотри как хорошо здесь! - он с улыбкой расслабленно повалился спиной в кучу замшелого хвороста и сделал приглашающий жест:
- Садись, расслабься!
Артур злорадно ухмыльнулся и в тот же момент под Сашей что-то грозно зарычало. Он резво вскочил и обернулся. Из хвороста с хриплым ворчанием выбралась клыкастая тварь, похожая на медведя. Раскинув когтистые лапы, зверюга двинулась на него с оскаленной пастью, из которой тонкой струйкой свисала слюна. Саша поднял автомат и дал длинную очередь бронебойными. Эхо гулко отстучало в лесу, а зверь взревел еще яростнее и бросился вперед. Артур заворожено наблюдал чуть поотдаль. Саша отскочил в сторону, и тяжелая туша пролетела мимо прямо на Артура, подмяла его под себя и начала терзать, но внезапно всколыхнулась как туман и исчезла.
- Ччерт.... - Артур, пошатываясь, с трудом поднялся на ноги, начал было отряхивать налипшую траву, но, махнув рукой, сменил весь изодранный серебристый костюм. Он поднес дрожащую руку к щеке: на ладони осталась кровь.
- Конечно, мне никогда не стать таким как ты, - проговорил и исчез.
Саша заставил себя успокоится и осторожно сел на траву. Его окружали необъятные деревья странного дремучего леса. Клочок непривычно голубого неба над головой постепенно темнел и становилось прохладно. Почему бы не развести костер? Саша встал и пнул корягу. Она трухляво хрустнула. Лес наполнялся вечерними звуками.
Саша проломился в густой кустарник, озираясь по сторонам. Среди гряды невысоких холмов простиралась гладь широкого озера, отражая глубокое синее

небо с начинающими странно багроветь рядами облаков. Обычно закатные облака принизывали изумрудные лучи сиреневого заката. Что-то было не так... Пахнуло теплым воздухом, прогретым за день. Рядом гроздьями свисала черно-фиолетовая ежевика.
Куда он попал? Такого странного леса он никогда не видел. Интересно, что будет если он здесь потеряется? Смогут ли его найти в памяти этого мира? Сам лес, похоже, скопирован с натуры, слишком не похож он на земные леса. Где-то у них в реальном мире есть точно такой же дикий, огромный сказочный лес с озером.
- Саша! - звонкий голос тревожно донесся издалека, со стороны поляны.
Он решил не выходить, - пусть поищет.
- Са-аша!!!
- Я здесь!
Вскоре затрещал кустарник и из-за гигантского ствола показалась тонкая фигурка. Упругие ветки цепляли серебристый костюм, но Анастасия продиралась, ничего не замечая.
- Что с тобой? - она подбежала, схватила его за плечи и всмотрелась в лицо, - Артур вернулся весь помятый, злой как черт! Что здесь случилось?
Саша любовался взъерошенной Настей и ответил не сразу:
- На него выскочил какой-то бешенный зверь.
- Зверь?
- Ну да. Он неожиданно появился прямо из кучи веток и бросился на нас. Я успел отскочить, а позади оказался Артур.
Анастасия испуганно смотрела на Сашу.
- Вот, значит, как!.. - в ее глазах блеснули искры. Саша сжал ее руку. Она глубоко задумалась о чем-то очень важном.
- У тебя костюм порвался.
- Это ничего. Сейчас такое будет... сразу станет не до костюма, - она как-то ясно и обреченно посмотрела на него, виновато улыбнулась и, доверчиво придвинувшись совсем близко, ласково клюнула носом в щеку.
Обнявшись, они стояли на берегу озера, потом Саша разжег костер, дунув пламенем на сухие ветки. Их сразу обступил вечер. Казалось, что во всем мире есть только это чудесное озеро, костер, стреляющий в небо длинными искрами, и они.
Анастасия положила голову Саше на колени. Ее густые блестящие волосы струились до самой земли, а в глазах играли блики пламени костра. Она почему-то еле заметно дрожала, съежившись как кошка и чего-то напряженно ждала.
- Саша, - прошептала она жалобно и вдруг прижалась к нему со всей силы, - Держи меня крепче!
Саша повернул ее голову и посмотрел в испуганные глаза. В них отражался хаос искр, большие ресницы испуганно трепетали, а рот приоткрылся как у ребенка. Внезапно Анастасия вздрогнула, тихо ойкнула и закрыла глаза. Саша почувствовал что-то ужасное и встряхнул ее. Она улыбнулась, поднялась с его колени и села рядом, поддев под себя ноги.
- Все, Саша... Я больше не вернусь в свой мир. Там меня больше нет.
- Ты что наделала?.. - прошептал он, начиная понимать.
- У нас с тобой не было другого выхода. Я выбрала. Теперь все будет хорошо.

Было почти не больно... Теперь я такая же как ты. И теперь наш мир ни при каких условиях не обесточат!

Этика горников

В основе - реальное путешествие, окончившееся нереально неожиданно. Что может побудить сурового начальника горной метеостанции съесть инопланетянина? Как меняются этические представления с каждым новым обстоятельством.

Давно манящий Алтын-Мазар под самым длинным в мире ледником Федченко в Памирских Альпах стал реальностью, торопливые сборы завершились и путешествие началось.
Они подъехали на геологическом грузовичке к душному городу Ош и, не въезжая, заночевали на ближайшем холме, куда никому из местных в голову не придет вдруг подняться.
Перед сном у примуса пели туристические песни, всматриваясь как звезды

тускло окаймляют контуры священной Сулейман-горы, похожей на лежащего человека.
Поутру искупались в широком канале с быстрой водой для поливов и чуть не утопили Диану, не умеющую плавать.
Проехали почти до конца жутковатое ущелье Исфарамсай, где живут древние джины, со злости ломающие мосты через реку огромными валунами, летящими с крутых склонов. Машину оставили около в щепки разбитого моста, перебрались по единственному уцелевшему бревну на другую сторону, перетащив легкий мотоцикл и велосипед. Дальше шли пешком по древнему Шелковому Пути, если не считать самодельного мотоцикла Володи, за вездеходность которого местные жители будто бы предлагали ему две лошади. Велосипед Бориса буксировался веревкой, так что пешком под рюкзаками шли только Андрей и Диана.
На перевале заночевали без воды, поставив палатку прямо на тропе, и еда не лезла в сухое горло, а на утро спустились в райскую долину, где у юрты их угостили сказочно вкусной лепешкой с айраном, разбавленным холодной водой из чистого горного ручья.
Потом несколько десятков километров шли вдоль большой горной реки, пока не пришлось перейти ее вброд, и это им удалось, держась парами за руки, с рюкзаками, подгруженными камнями чтобы не сносило водой.
Памирские Альпы выглядывали шеститысячными вершинами из-за последнего перевала, скрывающего долину реки Муксу, вытекающей из-под ледника Федченко. Оставалось совсем немного пути.
Андрей привычно вжился в ритм шагов так, что сердце стучало синхронно с каждым шагом. Когда рюкзак не слишком обременительный, когда позади не один десяток километров, а вместо усталости в голове - чудесная яркость впечатлений от окружающего, когда выясняется, что ты намного выносливей товарищей и ушел далеко вперед, а ноги несут как бы сами по себе без волевого усилия, не отвлекая, то возникает особое радостное ощущение почти полета.
Надо сказать, и очень важно понять, что пребывание в подобном горном путешествии накладывает на его участников своеобразную этику поведения, сложившуюся в субкультуре горных путешественников и передаваемую новичкам во множестве поучительных случаев. Эта этика позволяет находиться в рамках взаимопонимания, совершать предсказуемые поступки, которые другие вполне приемлют, не вызывая взаимного раздражения даже в самых критических ситуациях. И тогда только нечто совершенно новое и обескураживающее способно выбить из слаженного самообладания.
Многие новички познаются в критических ситуациях. Немало отсеивается слабаков, позволивших себе истерику или непримиримость. Но даже самые опытные в неожиданных обстоятельствах, бывало, действуют вразрез со своими еще недавно непоколебимыми убеждениями.
У горников понятия традиционны и своеобразны: в разное время, в разных больших группах они могут значительно различаться. Так, предложение помощи отстающему без серьезных оснований воспринимается как позорящее умаление возможностей, и даже женщина откажется переложить хотя бы часть своего груза другому. Горные женщины ощущают себя на равных с мужчинами и нет

никакого такого рыцарства, в том числе в плане приготовления пищи. Стоит остерегаться попросить приготовить еду женщину вне ее законного очередного дежурства. Можно припомнить множество больших и мелких традиций у горников: вниз по тропе положено сбегать, даже если есть запас времени, на сложных участках не проявлять боязнь и не скулить, не есть в одиночку, на больших стоянках вечером перед сном петь веселые и ностальгические песни, идти цепочкой, не крепить поверх рюкзаков веревку, кружки, ботинки, ну и еще многое другое.

Взлетев на перевал, Андрей увидел чудесный пейзаж, о котором побывавшие поговаривали, что это - одно из самых красивых мест в мире. Строго говоря, это был не перевал, а - в бурную молодость ледник так глубоко пропахал себе гигантское ложе на повороте. Потом он все дальше отходил вглубь, и теперь только бурная Муксу змеилась далеко внизу от склона к склону по каменистой долине.
Прямо внизу, где ледник разворачивался в сторону, возникло огромное поле, которое сегодня стало оазисом - большое цветное пятно растительности среди голубовато-серого каменистого пейзажа. За ним, на противоположной стороне вдоль подножия крутой горной гряды, увенчанной заснеженными шеститысячниками, виднелась Муксу и длинные полосы густой растительности среди каменистой пустыни сходились к ней, отмечая притоки. Далеко за рекой перед склонами ветер поднимал смерчи из тончайшей белой моренной пыли.
В центре оазиса проглядывали небольшие постройки, антенна, полосатое поле и огороды, закрытые от всего мира горами в этом укромном месте.
Андрей заметил вьющуюся серпантином по склону тропу и ринулся вниз бегом размеренным темпом. Он следовал всем поворотам тропы, чтобы не сбивать равномерность темпа, в то время как подоспевшая Диана полезла наперерез, прямо вниз по крутому каменистому склону потому, что один из этических заветов гласил: вертикаль - самый короткий путь.
Где-то позади на опасных узких виражах чихал Володин мотоцикл и уже совсем отстал Борис с велосипедом. Бег продолжался минут пятнадцать. Наконец в стороне на холмике он увидел мусульманский мавзолей, и тропа пропала среди травы перед кустистой рощей.
Андрей сбросил рюкзак и посмотрел на склон. Маленькая фигурка Дианы была еще довольно высоко, хотя она довольно ловко спускалась наперерез. Еще выше вылетали облачка гравия из-под колес шарахающегося по разбитой тропе мотоцикла.
Солнце в долине беспощадно припекало, и Андрей, сняв штормовку, уселся на рюкзак. Минут через пять подкатил взмыленный Володя. Его грязное, мокрое лицо было жутковатым от напряжения.
- Жди здесь остальных! - отрывисто проговорил он, непрерывно газуя, - Я поеду поздороваюсь с начальником станции.
Чтобы уберечь нос от солнца Андрей надвинул поглубже шапочку с пластмассовым козырьком и разлегся на траве, положив голову на рюкзак. По телу поползли муравьи. Первую атаку он отбил щелчками, потом ругнулся, вскочил и с остервенением расчесал пятерней спину между лопатками. Взглянул

на склон, но никого не увидев там, не спеша направился к знаменитому в этих краях могильнику, давшему название долине: Алтын-Мазар.
На высоком холме возвышались круглые стены из глины с соломой, образуя сооружение, похожее на киргизский колпак. Рядом с саманной стеной дождями промыло землю и темнела небольшая щель. Там, в глубине, проступали очертания толстых балок. Сколько Андрей ни вглядывался ничего разобрать было невозможно. В самом мазаре в полумраке под глиняным сводом скопился затхлый воздух. Везде валялись или были специально разложены пожелтевшие листки Корана с арабскими письменами, в центре возвышалось глиняное ложе с грубо вылепленным из глины силуэтом человека. Возможно, там покоилась мумия. Андрей вылез из мазара и сощурился на солнце. По холму тяжело взбирался Борис. Его велосипед с рюкзаком остался внизу.
- Ну, и что здесь такого?
- Володя говорил, что басмачи где-то клад зарыли! Видишь землю промыло? Там пулемет торчит. Святое место - лучшая защита для басмачьих сокровищ.
- Чего-о?!! - Борис осклабился со здоровым скепсисом, но в его глазах горело нетерпеливое любопытство, - Ух ты! Точно! Какие-то балки! За пятьдесят километров кругом негде взять такие толстые бревна. Не зря же их сюда тащили!
- Я и говорю! - усмехнулся Андрей.
- Раз здесь было последнее басмачье гнездо, - горячился Борис, - значит все, что они раньше награбили осталось у них. Где это добро можно спрятать? Любой верующий не найдет места лучше, чем под защитой святого. Значит рядом и зарыли. Да и зачем же тогда еще это углубление, перекрытое балками возле могилы? Ну и название алтын выдает!
Андрей усмехнулся:
- Ты давай, оперативно осмотрись там в мазаре, и пора валить. Тут больше делать нечего.
Борис забрался в могильник и пропадал там до тех пор, пока Андрей не крикнул ему что уходит.
Они сбежали с холма, нацепили рюкзаки и направились к метеостанции, примеряясь к возможным формам местного гостеприимства.
Скоро, послышались голоса, и из-за кустов показались домики.
- Петрович! Где дрова у тебя?! - кричал деловитый Володя.
- За сараем посмотри! - из домика спиной вперед подался худой, но широкоплечий начальник станции, выволакивая бидон из дверей. Невдалеке учтиво болтали о чем-то Диана с женой начальника.
Андрей и Борис, присмирев, подошли, ощущая себя непрошенными гостями.
- Привет вам! - Андрей сбросил рюкзак к ногам и шагнул к начальнику. Тот вяло пожал ему и Борису руки и принялся черпать воду в бидон из ручья.
- Мужики! - крикнул Володя, - Я сейчас нарублю дров для баньки, а вы ставьте вон там палатку!
Андрей подцепил рюкзак на плечо и, кренясь в противоположную сторону, поплелся на отведенную им поляну.
Скоро высокий оранжевый шатер упруго встал на легком ветру среди густой травы рядом с глубоким прозрачным ручьем. Группа ощутила свой анклав и расслабилась.

В кипящую на примусе воду полетело содержимое консервной банки вперемешку с луком и картошкой, и, пока раскалялась банька, с голодом было покончено.
К вечеру, когда уже начало темнеть, все было готово и первой в пар пустили Диану. Но что Диана понимает в баньке? Она вылетела оттуда всего через пять минут, пылая жаром, и пар не долго вился над завернутым в махровое полотенце телом.
Усталый, пропотелый горник дуреет от баньки. Несколько ошеломляющих циклов: банька - холодный ручей и как бы не было дневного перехода и можно хоть сейчас на гору.
- Ребята, - Петрович многообещающе вступил в кружок багровых мальчиков и умастился на рюкзаке, - а вот вы новость не знаете!
- Война началась что ли пока мы шли? - пошутил Володя.
- Нет, - начальник вытянул из кармашка рубашки наспех исписанную бумажку, - Вчера была радиограмма про космос. Там маневрирует какая-то штуковина, хорошо отражающая радиоволны.
- А ну-ка... - Володя брезгливо кривясь, развернул листок, пожал плечами и, спотыкаясь о каракули, зачитал вслух:
"В околоземном космическом пространстве обнаружено полностью отражающее широкий спектр электромагнитных волн тело, что не характерно ни для какого земного объекта. Его движение совершается по небаллистической траектории и с ускорениями, недостижимыми для современной техники. Наблюдение ведется всеми наземными и космическими средствами. Появление пришельца вызвало огромный резонанс во всем мире. Администрация США заявила, что в случае вхождения космического тела в сто-мильную зону над территорией США или любой из стран НАТО, объект будет уничтожен. США отклонили предложение о межправительственной координации действий и тем самым полностью берут на себя ответственность за возможные последствия".
- Там еще много было, - зевнул Петрович, - записал, что смог после нескольких повторений.
- Наконец-то хоть что-то интересное происходит в мире! - оживился Борис.
- Да просто еще одна сенсация! - Володя сплюнул с таким видом будто его не раз жестоко обманывали, - Потом окажется, что это какой-то блик в облаках от Солнечной активности!
У Володи в детстве был дядя, который зачем-то представлялся маленькому Вовочке не иначе как Змеем Горынычем, принявшим понарошку человечий облик. Он умел пускать из носа дым и показывать другие чудеса. Иногда Вовочка не верил и, видя очередную дядину промашку радостно и облегченно вопил:
- А! Змеи Горынычи чаем не давятся!
Но дядя, справившись с кашлем, таинственно поднимал одну бровь:
- Но я же должен хорошо притворяться, что я - человек, а все люди иногда давятся чаем.
И Вовочка снова верил. Но однажды Змей Горыныч сильно рассердился и впервые шлепнул провинившегося Вовочку. Тот в ужасе ожидал, что его сейчас спалят огнем страшные пасти и он увидит настоящего злого Змея Горыныча, но ничего не случилось. Было не больно и не совсем страшно, а глупо и очень

обидно. С тех пор Змей Горыныч растаял навсегда и вместе с ним все сказочное и необычное.
Из палатки вышла Диана. Она успела отважно подсушить волосы над примусом, и они пушисто блестели, разливаясь по плечам. Петрович в глубоком удовлетворении воззрился на нее:
- Шамаханская царица! - выдал он неуклюже громко. Из домика глянула жена Петровича и помахала ему пухлой ручкой.
- Хозяйка зовет! - Петрович снова остепенился, - Пошли ребята, поужинаем!
- Мы же только что ели!
- Да ничего, хозяйка же готовила.
- Борис! - Володя многозначительно кивнул на палатку и тот поспешно скрылся за пологом.
В полумраке небольшой комнаты на длинном столе выстроились низенькие стопки, дымилась картошка, большими кусками лежало сливочное масло и золотились во вскрытых банках шпроты. Володя открыл одну бутылку с водкой из двух, что притащил Борис и наполнил стопки.
- Ну, - Петрович осторожно охватил стакан двумя пальцами, - Володя уже второй раз гостит у меня, значит выпьем за встречу. Хм... уф... А Боря у вас, что, не пьет?
- Трезвенник - процедил Володя.
- Ну тогда пусть кушает, - подала голос жена Петровича и услужливо придвинула банку со шпротами.
Борис смутился от своей неполноценности, неловко достал себе картофелину и попытался смазать ее быстро тающим маслом, но больше попало на руки.
- Наверное часто к вам гости забредают? - спросил Андрей, закусывая рыбкой.
- Не очень, но все настырные! - засмеялся Петрович, - Перед вами киевляне были. Сплавлялись по Муксу. Огромные такие рюкзачищи притащили - больше их самих. Просили, чтобы я им разрешил для плота деревьев нарубить. А здесь их и так мало. Ну, я сначала отказал, а потом, когда они погостили, согласился все-таки. Не зря же шли ребята. Там ниже, ты, Володя, знаешь, река в каньон уходит. Кругом стены - не выберешься. Я им сказал, чтобы, как только приплывут, так мне сразу телеграмму дали если, конечно, живыми останутся. Не дождался.
- Да, - Володя криво усмехнулся, - по такой реке сплавляться... Это, по-моему, уже критерий ненормальности.
- А сколько по горам здесь гробится! - махнул рукой Петрович, - Наш вертолет постоянно кого-то спасает. Трупы то там, то здесь. Совсем недавно с ледника двоих дистрофиков сняли. Они уже таблетки фталазола ели с голодухи. Заросли как дикие звери. Парни здоровенные, а ослабли так, что руки трясутся. Что-то лопочут как маленькие дети. А вообще, что интересно, какие все-таки люди странные: нет чтобы набрать продуктов сколько надо - ведь в какую даль идти собираются, так наоборот, у меня консервы просят. Будто у меня здесь склад. А женщины у них ого-го! Одна меня в баньку попариться с собой приглашала, да что я совсем уже того? Вот у вас девушка совсем не такая, - Петрович чуть подобрел, - смотрю: кто-то бежит с рюкзаком прямо вниз без дороги. Вытащил бинокль: сзади коса с бантом как у девчонки. Чудо прямо какое-то.
Диана покраснела.
- Мне понравилось, как ты по горам бегаешь, - грубовато заметил Петрович, -

если хочешь, я тебя завтра возьму на охоту. Там набегаешься вволю.
Диана растерянно посмотрела на Володю, но тот дипломатично уставился на край своего стакана.
- А меня возьмете? - спросил Андрей, которого задело то, что его куда как более крутой рекорд оказался проигнорированным.
- Можно, конечно. У меня два ружья и мелкашка. Здесь зайцев полно.
- И во сколько завтра встаем?
- Можно мне тоже с вами? - вдруг встрял Борис.
- Давай. Только на тебя ружья уже нет. Завтра в шесть. Не проспите?
- Я-то встану хоть в пять, - уверенно заявил Борис.
Володя молча разлил по стаканам еще. Картошка быстро кончалась, и хозяйка поднялась за чаем.
- А сегодня мы еще кино покрутим, - пообещал Петрович, - В таких местах и вдруг кино! - он довольно заржал.
- А может мы завтра и клад выроем? - предложил Борис с улыбочкой, но частично веря в такую возможность.
- Какой клад? - Петрович отвалился на спинку стула.
- Мы у вас под мазаром нашли тайник, - поведал Борис, - басмачий.
- Ага, - кивнул Андрей, - там пулемет из золота торчит.
- От басмачей тут одна только мельница осталась, - Петрович зевнул.
- Борис - фантазер, - пояснил Володя, - ему бы где-нибудь клад найти. Но клад есть. Правда не тут, а на одном озере, в пещере высоко на отвесной скале. Чтобы туда добраться басмачи сырое мясо к скале прикладывали, оно замерзало и получались зацепы. Я уже эту историю рассказывал.
Жена Петровича разбросала конфеты по столу и стала передавать чашки с чаем. Петрович выбрался из-за стола:
- Вы, ребята, пейте чай и выходите во двор кино смотреть. Я как раз успею все приготовить там.
В общем-то никто особенно не желал смотреть кино, но участие в таком событии как показ фильма старинным кинопроектором на бензоагрегате в маленькой долине на фоне огромных гор было похоже на приключение.
На дворе метеостанции уже стояла непроглядная безлунная темень и в небе светили бесполезные звезды. В стороне, под навесом, в тусклом свете электрической лампочки возился с проектором застегнутый по горло в полярную куртку Петрович. Вокруг него крутились любопытные таджикские дети.
Еще не осознавая холода, горники наощупь выбрались из домика. Борис почти у самого порога с изумленным воплем навернулся в широкий разлив совершенно невидимого ручья.
- Вот так, трезвенник! - проорал Володя, - Стой там, а то ни фига не видно!
Борис, смирившись остался стоять по колено в воде и подавал руку проходящим товарищам, прыгающим через препятствие.
Когда очередь дошла до Дианы, он поднял ее на руки и галантно перенес, но в темноте опять навернулся и уложил ее в ледяное мелководье у самого берега. Визга и негодования не последовало, а мокрая сцена осталась их маленькой тайной, но из-за этого развилка судьбы сложилась по-иному. Диана не пошла

смотреть фильм, где ее и Володю бы продуло так, что наутро ни о какой вылазке не было бы и речи. Она залезла в палатку дрожать в спальнике, что консолидировало ее иммунную систему. Борис, тихо радуясь такой удаче, последовал за ней чтобы разжечь примус, согреть палатку, высушить промокшую одежду и вскипятить чаю. Диана послушно отдала ему мокрые штаны, и прямо в спальнике как гусеница отползла подальше от примуса.
- Сейчас здесь будет Сухуми, жара и довольная женщина, - пообещал Борис, похожий на диверсанта, щедро заливая бензин из канистры в узкое горло примуса.
Накачав поршнем давление, он чиркнул спичкой. Облитый холодным бензином ледяной примус лениво занялся пламенем, но неотвратимо начал разгораться. Выждав немного, Борис повернул ручку и отпрянул от полыхнувшего вверх огненного факела. С угрожающим фырканьем примус начал ритмично выбрасывать высокое пламя. Борис перекрыл ручку и фырканье прекратилось, но огонь все равно доставал до верха палатки, грозя пожаром. Ухватив пылающий примус за ручку, Борис приподнял полог и швырнул адское изобретение в черноту ночи. Там возникла вспышка и донеслись Володины проклятия. Потушив пылающую траву, он ввалился в палатку.
- Вы что это, охренели? Вроде ты, Борис, не пил, а никак от своей судьбы уйти не можешь: и в речку свалился и палатку чуть не спалил...
- Он согреть меня хотел, - вступилась Диана.
- А чуть не поджарил! - наставительно молвил Володя, - Я сам тебя согрею! - он взял один из фонариков и вылез наружу. Вскоре там мирно загудел ставший ручным примус, и Володя занес его в палатку. Стало жарко и Диана лениво вылезла из спальника. От нее начал струиться пар.
- А чего ты кино не смотришь? - спросила Диана.
- Хотел одеться потеплее, а тут Борис все никак не научится нормально примус разжигать!
- Это же твоя переделка ненормальная травит неуправляемо!
- Эта моя переделка на слете первое место заняла!
- Ну я тогда заваливаюсь, прощайте! - Борис отполз в свой угол, - Завтра же рано вставать!
Он немного побарахтался и затих.
У Володи сразу куда-то делась его самоуверенность, а без этого говорить непринужденно с девушкой он не умел. От полного отсутствия достойных быть высказанными мыслей он чувствовал себя тупым идиотом.
- Хочешь чаю? - грубовато спросил он.
- Давай...
Целеустремленный Володя выбрался с кастрюлькой из палатки. Холодный ветер облизал его пылающее лицо, и мысли как бы снова стали послушными.
Позже всех залез в спальник задубевший от неподвижного сидения на морозе Андрей, для согревания пробежав пару больших кругов вокруг палатки без фонарика на одной лишь не подводящей его интуиции.

Борис проснулся первым, когда в палатке начало светлеть. Он высунулся наполовину из спальника, взглянул на товарищей и понял, что охоты не будет.

После вчерашнего ужина с водкой они крепко спали. Дрожа от холода, он одел куртку, резво вскочил, схватил примус и вылез из палатки с намерением приручить его.
От утреннего солнца сказочно порозовели снежные верхушки гор. Они казались близкими настолько, что можно было различить каждую деталь. Резко очерченные извилистые ребра в восходящих лучах простирали сияющий путь к вершинам. Снежный настил на них обрывался карнизами, до блеска облизанными ветром. Горы завораживали. Но было холодно, и Борис занялся примусом. Тот завелся, как назло, совершенно без капризов и послушно зашипел смирным голубым пламенем вокруг горелки.
Приготовив завтрак, Борис оптимистично растолкал товарищей и на правах дежурного громко объявил, что опоздавших на охоту не возьмет.
Володя разомкнул глаза, зачмокал и попытался просто повернуться на бок лицом к стенке, но Борис резко вытряхнул его наполовину из спальника.
- Да куда спешить? Петрович точно не встал еще! - возмутился Володя.
Андрей не стал дожидаться силового подъема дежурным и сам вылез, осоловело уселся, осматриваясь пока не сфокусировался на Диане. Она казалась погруженной в состояние утреннего аутотренинга, и Андрей, помня на своей шкуре ее повадки, осторожно придавил пальцем ее носик, с опаской следя за ее едва заметно трепетавшими веками. Поэтому, когда она молнией метнулась к его горлу, он был готов и одним махом вышвырнул ее из палатки. Следом вылетела ее куртка.
- Осторожнее, черти! - заорал Володя, - Чуть без завтрака не остались!
- Поехали на охоту, Боренька! - заорала Диана снаружи, вскочила на сидящего Бориса верхом и, пришпорив, начала подгонять крепкими шлепками. Борис охотно проскакал пару метров, дико заревел и взвился на дыбы. Диана свалилась на траву.
После завтрака Андрей бросил в рюкзак веревку, продукты на день, примус и фотоаппарат, а Борис сунул ему общую аптечку. Домик все еще был закрыт и Петровича решили не тревожить.
Когда солнце выглянуло из-за гребня, наполняя теплом воздух, горники потянулись цепью по росистой дорожке через поля к высокой густой роще.
- Сейчас покажу водяную мельницу, - пообещал Володя, - здесь басмачи мололи зерно. И жили они безо всяких там иллюзий. Попробовал бы какой-нибудь фантазер сделать им не работающую мельницу - пуля в лоб без объяснений!
- У них тут натуральное хозяйство было, что ли? - спросил Борис, - Пожить бы так хоть немного!
- Такой жизни мы не обучены, - осадил его Володя, - Мы все больше языком трепать умеем. А басмачи - народ простой и непосредственный. Здесь их последнее логово. Отсюда они совершали набеги.
Вскоре подошли к ручью в том месте, где он вытекал из рощи и среди деревьев показался ветхий деревянный домик. Внутри лежали массивные каменные жернова.
- Как же это все крутилось? - не понимал Борис.
- Еще как! - заорал Володя, - Ты посмотри со всех сторон, может догадаешься!
Борис вылез наружу и увидел, что ручей с высокого уступа по деревянному

желобу направлялся внутрь мельницы.
- Надо же, такая струйка, а крутила такие здоровые каменюги! - удивился он.
- Сила пропорциональна квадрату скорости струи! - проорал Володя, - А кроме перепада высоты скорость выше в узком месте. Ну, пошли дальше, пока вода не поднялась, приток Муксу будет легче перейти!
Среди высоких камней у ручья высоко поднимались кусты, густо усыпанные большими красно-оранжевыми ягодами.
- Какая здесь облепиха! - изумилась Диана, - Я еще такой крупной не видела! Ух, колючая!..
- Погоди! - Володя обезвредил ножом несколько колючек и, отломив ветку, отдал ее Диане.
Вскоре тропа вывела из рощи, и Андрей, раздвинув нависшие ветви, хотел было ступить на речные камни, но вдруг резко отпрянул назад, чуть не свалив Бориса своим рюкзаком.
- Ты чего? - громко возмутился Борис.
- Тихо!!! - прошипел Андрей и сделал страшную морду. Он лихорадочно снял рюкзак и достал фотоаппарат.
- Что там? - спросил Володя.
- Посмотрите, только очень осторожно! Не высовывайтесь!
Борис выглянул, тихо охнул и как лунатик пошел вперед, но Андрей оттащил его за шиворот.
- Ахренеть!.. - нахмурился Володя, отказываясь верить своим глазам.
- Ведь это ж... - сипло проговорил Борис
Андрей сделал несколько снимков, одел рюкзак и плотно привязал его лямками за пояс.
- Ребята, что это?! - зашипела Диана, вглядываясь сквозь просветы в кустах.
Андрей взял ледоруб наизготовку и раздвинул ветви чтобы выйти, но снова замер.
Большая тень, многоногая и неуловимо ловкая шмыгнула мимо по камням, и все увидели, как существо, похожее на осьминога, стремительно удаляется в сторону реки.
Диана тихо замычала, закрыв ладонью рот.
- Среди деревьев они нас внезапно обнаружат, нужно прятаться в камнях, - Андрей выждал, решился и, стиснув ледоруб, выскочил из рощи. Он перебежал к высокому камню и затаился.
Борис, уже никем не контролируемый, опять пошел вперед, в открытую, на подгибающихся ногах, как загипнотизированный.
Там впереди, прямо на воде и частично на каменистом берегу одного из рукавов реки громоздилось нечто настолько неожиданное на вид и ускользающее от понимания, что говорить о его форме было бы бессмысленно, мало того, что по его бокам струилась, переливаясь молочным перламутром, таинственная дымка, но и не закрытые ею детали собирались то в неопределенной формы размытые образования, то в резкие и контрастные конструкции. Запомнить или даже просто разглядеть как следует что-либо казалось невозможным. Сознанию как бы не за что было зацепиться, и внимание бесполезно перескакивало с одного на другое, не оставляя в памяти ничего конкретного кроме самых общих

впечатлений.
Два осьминога с разных сторон устремились к Борису. Тот замер, поднял руки и протяжно заорал совершенно дурным голосом. Щупальца мгновенно оплели его, и весь этот клубок метнулся к кораблю, а тот вдруг в свою очередь довольно резво зашмякал по камням навстречу и, противно чавкнув, поглотил осьминожий клубок с Борисом.
Теперь отчаянно, с непередаваемым ужасом закричала Диана. Андрей похолодел, увидев из своего укрытия, как ее и Володю выскочившие из кустов осьминоги потащили к кораблю. У него внутри что-то взорвалось, и он побежал наперерез, размахивая ледорубом. С неожиданным для себя проворством он настиг похитителей Дианы и со всего размаху всадил клювик ледоруба в упругое тело. Клубок распался, и лес щупалец вскинулся к нему. Он рубанул наотмашь, но запутался. Его дернули за ногу и больно поволокли по камням. А потом, задыхаясь в тугих объятиях, Андрей увидел, как неотвратимо приближается огромное пульсирующее тело. Обозначился и сразу вырос бледно-розовый как отверстие ануса вход, замелькали противные складки, погружаясь в полумрак, и он полетел кубарем на скользко-эластичный пол. Андрей тут же вскочил, но сразу утих, поняв, что махать руками поздно.
Рядом безжизненно свернулась побледневшая Диана. Невдалеке тер виски Володя, сидя на корточках. А Борис стоял на четвереньках, приоткрыв рот и ошалело озирался по сторонам. Со всех сторон их окружало мягкое коричневое свечение и конкретных границ чего-либо найти было невозможно. От этого казалось, что все вокруг или невообразимо далеко, или, наоборот, близко, глаза ломило от попыток остановиться на чем-нибудь определенном. Слегка кружилась голова и подташнивало.
- Володя! - позвал Андрей.
Володя вздрогнул всем телом, вскинул голову и встал, жадно ожидая, что ему скажет Андрей. Он был вне себя. Андрей махнул на него рукой и склонился над Дианой. Она еле заметно дышала. Андрей тряхнул ее за плечи, потом отпустил и, достав в рюкзаке из аптечки ампулу с нашатырным спиртом, разломил ее под носом Дианы. Она вздрогнула, застонала и открыла глаза. Сильно запахло аммиаком, и Андрей отшвырнул ампулу подальше в коричневые сумерки. На месте падения возник осьминог, подобрал ампулу и бесшумно исчез. Хорошо, что Диана не увидела.
- Андрей, - сказала она тихо, - что с нами? Голова болит...
- Да так, Диан, ерунда какая-то. Словили мы приключение.
- Какие они противные... Что это все вокруг такое коричневое? - она приподнялась и сощурила глаза, - Оно сожрало нас как Борю?..
- Не бойся, нам страшно повезло, Дианочка! - раздался патетический голос Бориса, - Мы сейчас находимся внутри космического корабля неизвестной цивилизации. Помнишь, о чем вчера говорилось в бумажке Петровича?
- Повезло блин!.. казззел... - Володя начинал обретать себя.
- Конечно! Мы будем очевидцами такого, о чем другие и не мечтают!
- Хоть бы тебя первым препарировали эти твари, тогда ты может забудешь свои дурацкие фантазии!
- Не надо, Володя, - попросил Андрей, - сейчас мы должны быть заодно.

- Цивилизация, достигшая в своем развитии такого уровня не может быть не гуманной, - заявил Борис с непоколебимой верой в глазах.
- А тебя гуманно сюда приволокли? Да ты просто спятил! - Володя подслеповато пытался что-то разглядеть и вытянул руку, ощупывая пространство перед собой, - Нас волокли как добычу! Откуда они знают кто ты? Может они отлавливали зайцев, а заодно прихватили и нас!
- Вот мы и должны доказать, что не зайцы! - прошипел Борис, но задумался.
- Да, нужно что-то делать, - болезненно засуетилась Диана, - нужно что-то придумать. Не может быть, чтобы все так закончилось, - она поморщилась и потерла лоб.
Борис достал ей из аптечки флакончик валерианки. Она чуть отпила, остальное залпом проглотил Володя.
Андрей, осторожно ступая, наощупь пошел вперед, но очень скоро пол круто задрался вверх. Разглядеть что-либо глазами не получалось: все сливалось в коричневом мареве. Тогда Андрей двинулся в обход и, провалившись руками в пустоту, качнулся.
- Один проход есть, - сказал он, - Володя, тащи сюда рюкзак!
Отметив это место рюкзаком, Андрей пошел дальше. Так они обнаружили еще два хода. Там положили куртки. Земные метки позволили вернуть зрительную ориентацию.
Володя размотал веревку и держал конец в руках.
- Ну, я пошел, - сказал Андрей.
- Я с тобой! - Борис подхватил веревку, и они направились к одному из лазов. Разглядеть как один отсек переходит в другой было невозможно. Они оказались в таком же помещении, но здесь по стенам лепились неподвижные осьминоги и поэтому можно было хотя бы оценить объем отсека. Он был небольшим.
- Спят что ли? - шепотом предположил Борис, - Жаль, что они на людей не похожи. А может роботы?..
- Когда они напали, - так же шепотом сказал Андрей, - я в одного всадил ледоруб. Он был из мяса.
- Зря ты это сделал, - нахмурился Борис.
- Ладно уж теперь. Они же напали и нужно было защищаться. Это естественно. Пошли назад.
- Ну, что? - спросил их Володя.
- Ничего кроме спящих осьминогов, - ответил Андрей, - нужно найти откуда управляется корабль. Может они к старту приготовились.
- Только не нужно никаких диверсий, - решительно предупредил Борис, и Андрей хмуро пожал плечами.
Они прошли на разведку в следующий отсек.
Там по стенам бугрилось что-то белесое, похожее на обнаженный мозг. Андрей осторожно коснулся его пальцем, потом нажал сильно, но поверхность была твердой и скользкой.
- Вроде бы пусто... - сообщил Андрей, когда они вернулись.
Диана сидела на полу, изредка икая. На коленях у нее лежала ветка облепихи. Диана медленно отрывала ягоды и клала их в рот.
Обследовать третий отсек не успели. В отдалении что-то чавкнуло, раздался

звериный рык, и три осьминога швырнули на пол начальника метеостанции вместе с ружьем и охотничьим рюкзачком, а сами исчезли в отсеке со спящими собратьями. Петрович с воплем вскочил на ноги как расправленная пружина и чуть не треснул кулаком Андрея. Тот увернулся и ухватился за ружье.
- Петрович! Стой!
Пол внезапно вздыбился и все повалились. Они ощутили несколько мощных виражей и томительно долгие минуты, безвольно смирившись, терпели действие могучего ускорения. Только сейчас они почувствовали настоящую силу корабля, играючи сманеврировавшего своей огромной массой. Наконец отпустило, но сила тяжести осталась.
Петрович оцепенело уставился перед собой и ловил ртом воздух. Его не трогали. Он попытался встать, но сильно зашатался. Андрей помог. Петрович болезненно протер глаза и подслеповато посмотрел на него:
- Что же это на... получается?..
- Тише, Петрович, тут Диана!
- А что теперь Диана? Ты скажи откуда эти твари? Я бы подумал, что брежу если бы не было так больно!
- Пусть Боря объяснит. Он спец по этому вопросу.
- Боря? Какой Боря?
- В общем, тут нет ничего такого уж непонятного, - уверенно заявил Борис, - вы сами нам читали радиограмму, что к Земле приближается космическое тело, вероятно пилотируемое разумными существами. Ну и вот вам... Мы сейчас находимся в гостях у иной цивилизации. Это - большая ответственность, нам повезло.
- Я прибью тебя нахрен! - пообещал Володя, - если еще раз про повезло вякнешь.
- Вот я тоже заприметил, что этот трезвенник какой-то ненормальный, - угрюмо сказал чуть остывший Петрович Володе, - какие к черту гости? Если они нас сцапали нужно что-то делать. Не отдавать же просто так себя на съедение!
- Какое там к собакам съедение!? - не на шутку обозлился Борис, однако отступая на более безопасную дистанцию, - Вы сообщение правительства слышали об ответственности? Мы сейчас на переднем крае отношений между Землей и ими. Пусть нужно будет жизнями пожертвовать, но этих отношений нельзя испортить!
- Хо! Отношения! Одну тварь я сразу пристрелил пока они меня не скрутили. Да еще вчера, когда ложился по радио передавали, что американцы-таки сбили ихнюю штуковину. Правда, второй только ракетой. Первую их ракету наши успели сбить на лету противоракетой. Чуть мировая не началась, а ты - отношения! - Петрович нервно осклабился, но заметно поутих.
- Как это сбили? А мы на чем летим? - удивился Борис. - Может это второй корабль выслали на подмогу...
- Нужно все-таки как-то пообщаться с ними, - продолжал свое Борис, - и если они заблуждаются относительно нас, то доказать, что мы тоже разумные. При первой же возможности. Пока не поздно, - добавил он тише.
- Вон она, твоя возможность идет, - ткнул пальцем Петрович. Диана охнула и спряталась за Андрея. Осьминог по-деловому принялся расхаживать в отсеке, рассматривать валяющиеся повсюду вещи и вытряхнул содержимое общего рюкзака.

Борис с фанатичной смелостью шагнул к нему и начал загибать по очереди пальцы, видимо демонстрируя счет, но осьминог игнорировал это. Борис громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание, начал корчиться и чего только не придумывал. От натуги и старания он даже слегка приседал и пританцовывал. Осьминог слегка заинтересовался и, казалось бы, понял Бориса. Он взял его осторожно щупальцем за шею и потянул в еще не обследованный отсек. Через минуту оттуда вышел смущенный Борис:
- Там туалет у них, если кому надо. Ни фига не понимает, - безнадежно бросил он и замкнулся в своих мыслях.
Осьминог между тем продолжал свои изыскания. Он подошел к Петровичу и потянул ружье за ствол. Петрович не отпускал и тихо щелкнул взведенными курками. Андрей подошел к ним с фотоаппаратом, азартно ловя моменты и кусая усы от досады: освещения было явно недостаточно для столь динамичного объекта. Осьминог обнюхал ружье со всех сторон и заглянул в стволы. Все видели, как хотелось Петровичу пальнуть, но на этот раз обошлось.
Потом осьминог довольно долго размышлял над радиоприемником Петровича, который был вытряхнут из его охотничьего рюкзачка, но вернул его на место. Перебрав все вещи, он подошел к Борису, протянул щупальце и тот с готовностью крепко пожал его. Щупальце ловко освободилось от захвата и пробежало по одежде. Не найдя ничего кроме мятого куска газетной бумаги, осьминог повернулся к Диане и с машинной беззастенчивостью потянул к ней свои щупальца. Диана с ужасом сжалась и начала отступать пока не уперлась спиной в стенку. Вскрикнув, она присела и закрыла лицо руками. Володя, раздираемый противоречивыми чувствами, двинулся было на помощь, но Андрей придержал его. Исследовав Дианин бант на толстой косе, осьминог отступил.
Когда очередь дошла до Андрея, тот демонстративно вывернул карманы джинсов и сфотографировал осьминога в упор.
И тут осьминог произнес неожиданно явственно: "отдыхайте", а затем выплыл из отсека.
- Это он сказал "отдыхайте"?! - воскликнул Борис растерянно.
- Да, Боря, это он, - насмешливо подтвердил Андрей, сам ошеломленно переосмысливая происходящее.
- Значит он понимает, что мы разумные?
- Еще как понимает, зараза!
- Странно... почему же они поступает негуманно?
- Как посмотреть... - Андрей пожал плечами, - пока что от землян им одно зло, а они все прощают.
- Но если они могут с нами говорить, нужно пойти и все выяснить! - Борис неуверенно шагнул в сторону отсека с осьминогами, - Андрей, пойдем на пару?
- Да, валяйте, парни! разберитесь с ними, - Петрович развалился на полу и закрыл глаза, - Только они все равно сделают все по-своему.
Соседний отсек был по-прежнему облеплен замершими осьминогами. Щупальца у них свисали как рукава на вешалке. Чем они крепились было непонятно. Парни нерешительно озирались по сторонам. Андрей подошел к ближайшему осьминогу и, преодолев омерзение, ткнул пальцем в его упругое тело. Тот не шелохнулся. Андрей осмелел и довольно сильно потянул за какой-то отросток.

Осьминог дернулся и влепил щупальцем естествоиспытателю по макушке. Андрей кувыркнулся на пол, но быстро вскочил на ноги:
- Блин!.. Ты чего?!
- Ты чего? - переспросил осьминог, активизируясь и его поза стала как бы более осмысленной.
- Мы - говорить! - воскликнул Борис, поводя рукой перед блестящими выростами, которые он принимал за глаза, чтобы удостовериться в бодрствовании твари - Давайте все обсудим!
- Я плохо понимаю. Знать будете скоро.
- Что знать? - спросил Андрей, - Куда мы летим?
- Или знать необходимо, то учу язык. Ваши повадки - ваш язык.
- Давай, учи! - потребовал Андрей, - Ну, мы пока пойдем! А ты учи, - они с Борисом направились назад вдоль веревки. Осьминог соскочил с насеста и поплыл следом.
- Нафига вы его сюда привели? - зашипел Володя.
- Он теперь свой парень, - объявил Андрей, - пусть побудет с нами. Выучит язык, потом поговорим.
- Да, но не парень, - уточнил осьминог и расстелился возле Петровича. Тот брезгливо поджал ноги и отвернулся.
Время тянулось долго, но пролетало быстро, не оставляя в памяти воспоминаний.

- Ребята, по любому жрать пора, - заявил Володя и, покосившись на раскинувшую щупальца потенциального нахлебника, потянулся к рюкзаку.
- Доставай тушенку. Съедим так, с хлебом, - сказал Андрей.
- А может разогреем? - Володя достал примус и спички.
- Ну, попробуй, - согласился Андрей.
Осьминог отнесся к огню спокойно, и парни осмелели. Вскоре все уплетали горячие бутерброды. Андрей протянул один осьминогу. Тот повертел его и вернул.
- Брезгует, - бросил Петрович, - они-то лопают свой космический рацион дай боже.
- Не лопают, - вмешался осьминог.
- Чего им наши вонючие бутерброды? - продолжал Петрович, прожевывая кусок и не желая обращать внимание на реплику, - Небось нас ничем не угостят!
- Ладно, Петрович, - сказал миролюбиво Андрей, - может они атомные.
- Да, атомные, как и вы, - согласился осьминог.
Володя хмыкнул и подавился. Ему помогли хорошей затрещиной. Диана опять принялась за облепиху и всем захотелось пить.
- Где у вас вода? - обратился Андрей к осьминогу и протянул ему пустую кастрюльку, - Пить хочется.
Осьминог сорвался с места с пустой кастрюлей и притащил до краев наполненную густой противно колышущейся слизью. Андрей брезгливо понюхал и расстроено, поставил ее на пол:
- Я это не переварю. У вас есть простая вода?
- Нет.
- Что же вы, воруете людей и даже водой обеспечить не можете?

- Продукты жизни в большой быстрый корабль. Уничтожено. Это - малый медленный корабль посадка-взлет. Продукты нет.
- Ясно!.. - просиял Андрей, - Вы, - он обратился к осьминогу, - вероломно вторглись в суверенное пространство планеты Земля, поэтому ваш корабль был сбит.
- Не вероломно, - заявил осьминог.
- Влипли, - махнул рукой Володя, - без воды не протянем.
- Есть жидкость для жизни, - сказал осьминог и молниеносным ударом проткнул светящуюся оболочку стены. В том месте проступило зеленоватое пятно, и тонкая струйка стекла вниз, пахнув чем-то сладковатым.
Андрей подошел, коротко вздохнул и припал губами. Он удовлетворенно задрал брови, довольно долго сосал и, наконец, отер губы вполне довольный. Все молча выжидали некоторое время, но Андрей не валился замертво и только нагло смотрел на них и ухмылялся.
Борис не выдержал и тоже насосался. За ним последовали остальные кроме Петровича. Тот долго крепился и сдался только тогда, когда понял, что у него нет другого выхода.
- Боря, говоришь, что можно облегчиться в том неисследованном отсеке? - с надеждой спросил сытый Петрович.
- Да, Боря, ты уж покажи, где у них тут отходняк, - поддержал Андрей.
Мужская компания вышла ненадолго "коней привязать", оставив Диану в замешательстве наедине с осьминогом.
- Как это просто! - поделился Володя, вернувшись, - Какая прямая утилизация! Действительно, так корабль в обиде не останется. Но пить теперь раньше, чем через полчаса я не стану.
Диана немедленно потребовала подробных объяснений в чем ей не было отказано.
После удовлетворения основных биологических потребностей опять делать стало нечего. Петрович полулежа не спеша извлек сигареты. Но едва затянулся как осьминог бесцеремонно выхватил окурок. Петрович поначалу так и остался лежать с вытянутой рукой, но опомнившись и шипя ругательства, вне себя от бешенства вышел с сигаретами в другой отсек. Там его постигла та же неудача и он мрачно замкнулся.
Никакого движения не ощущалось, все застыло как в тюремной камере.
Андрей осторожно попросил у Петровича приемник и тот молча кивнул на рюкзак. Андрей вытащил аппарат и минут пять пытался поймать что-нибудь, но кроме легкого потрескивания ничего не добился.
Осьминог подошел ближе. Потрескивание резко усилилось и добавился хаотический шум на всех диапазонах, Андрей удивленно посмотрел на осьминога и приблизил к нему приемник. Источник радиошума был в нем.
- Да ты просто кибер, - добродушно улыбнулся Андрей.
- Что это? - спросил осьминог.
- Это? Устройство такое, для определения киберов.
- Оно излучает. Зачем?
- Такой умный, а не можешь догадаться! - с издевкой сказал Андрей.
- Естественно.
- Не излучает, а принимает.

- Излучает.
- Ну да, - вмешался Володя, - там же есть гетеродин - слабенький такой генератор.
- Ааа, - деланно потупился Андрей и выключил приемник, - С прибором не поспоришь. Ты лучше все-таки скажи, - обратился он к осьминогу, - зачем мы вам?
- Человеческая проба. Есть или нет созревание для нового качества.
- Может вы из нас киберов собираетесь сделать? Так ни один дурак не согласится. Ясно, что не созрели пока. И воровать нас не стоило, я бы и так сказал.
- Все становятся одним.
- Под одну гребенку что ли? - прищурился Андрей.
- Из вас пока не родился общий мыслитель, но скоро родится.
- Что-то не врубаюсь, - признался Андрей.
- Может он про телепатию говорит? - предположил Володя.
- Да, - подтвердил осьминог.
- Блин... - Борис зло хлопнул себя по ляжке, - когда он научится изъясняться бегло, все же попробую выяснить зачем они так грубо с нами при всем понимании. Разве нормально нельзя было договориться?
- С кем договориться? - хмыкнул Володя, - с нашими партийцами или с такими же озабоченными в штатах?
- Да примерно все ясненько, - поежился Андрей, - Раз телепатия, то никто просто так не дастся. Вот я еще, например, не созрел до такой святой невинности, чтобы распахнуть душу, да еще какому-то пришельцу.
- Ты не знаешь, - возразил осьминог.
Между тем Диана заснула, устроившись головой на рюкзаке Андрея. Петрович умиленно посмотрел на нее, укрыл своей курткой и сам разлегся поудобней рядом, страдая от желания курить.
- Послушай, дорогой, - обратился Андрей к осьминогу, - мы, значит, спать будем. Так что вали до свидания.
Осьминог исчез как тень.
- Все-таки сообразительная тварь, - улыбнулся Володя, - может он не кибер?
Вскоре все заснули и спали долго, как это бывает в пещере, когда времени очень много.

Неряшливый и облезлый осьминог с кошачьим урчанием начал умащиваться прямо около лица, и Андрей с негодованием хотел прогнать вонючее животное. Он пытался что-то сказать и не мог. Полное бессилие. Сон это или действительность? Нужно просто открыть глаза. Сознание мучительно медленно становилось самостоятельным, все расставляя по местам. Андрей открыл глаза и не мигая уставился в коричневую даль. Они в плену. За тот вред, что причинили земляне пришельцам те обрели моральное право располагать заложниками, как угодно. Во всяком случае не известно, что может позволить их нечеловеческая мораль по отношению к представителям более низкой ступени эволюции. Разве станет человек церемониться с обезьяной?
Андрей рывком сел, обхватив колени руками. Воздух в отсеке был необычайно свежим. Все спали, и в коричневых сумерках позы у них казались

неестественными. Казалось, тела парили в светящемся пространстве рядом с вещами.
Андрей потянулся к рюкзаку. Оставалась одна банка тушенки и немного конфет. Сколько еще лететь?
- Тьфу, черт, - забормотал Петрович спросонок. Он открыл глаза, осторожно достал сигарету и чиркнул спичкой, прикрывая ее ладонью. Первые две затяжки ему удались, потом появился осьминог и Петрович сам отщелкнул ему добычу. Тот поймал бычок на лету и сожрал.
- Курить нельзя! - четко выдал осьминог. - А я теперь вполне подготовлен к общению.
- Сколько нам еще лететь? - спросил Андрей, - Продукты кончаются.
- Три четвертых части пути. За это время вы не успеете умереть от голода, - и вдруг ясным голосом диктора земного радио осьминог объявил:
- С добрым утром, дорогие товарищи!
Заиграла музыка, весело заговорили ведущие.
- Издевается, что ли? - Володя уселся на рюкзак.
- Да просто транслирует, наверное, - ответил Андрей, - и за то спасибо.
- После радио-анекдотов все кроме Бориса уже проснулись.
- Последняя банка, - объявил Андрей, вспарывая тушенку ножом.
- У меня еще одна, - сказал Петрович.
- Оставим ее как НЗ, - предложил Володя, разогревая на примусе банку, - будем сосать зеленку пока сможем.
От вкусного запаха зашевелился Борис.
- Вставай, Боренька, - пропела Диана, - тебя только и ждем!
Она успела немного освоиться: воткнула ветку облепихи в отверстие с зеленым соком и устроила себе чисто по-женски уютный уголок из мотка веревки и вещей.
Все закусили конфетами, причем Борис пытался подсунуть свои Диане, но она, возмутившись, насильно затолкала их ему в рот.
Володя судорожно сглотнул от ревности.
- Летим в космосе, а ничего не видим! - пожаловался он, - А скажите, пожалуйста, - он обратился к осьминогу, - в космосе много таких как мы?
- Хотите это конструктивно обсудить или просто поболтать? - в ясном и очень даже эмоционально модулированном голосе осьминога Андрею послышался явный интерес.
- Ну, мы не дипломаты, конечно, - засомневался Володя, - но если вам не сложно, то - обсудить.
- Тогда подготовьтесь и примите меня доброжелательно, - осьминог плавной волной всего тела приблизился к землянам и широко раскинул свои щупальца. Диана брезгливо поджала ноги.
- Да мы готовы, куда нам деваться, - заверил Володя.
- Обрисую картину. Вселенная - это единое суперобщество. Каждый член его - супермозг. Супермозг состоит как из клеток - из индивидуумов, связанных между собой телепатически с помощью радиоканалов. Во Вселенной есть развивающиеся цивилизации. Большинство из них - искусственно насаженные. На определенном этапе развития они становятся членами суперобщества.

- Как ловко насобачился болтать, - вполголоса пробурчал Петрович, морщась от желания закурить.
- Но если у вас такая мощная сверхцивилизация, то почему же не видно следов вашей грандиозной инженерной деятельности? - полемически вопросил Борис. Петрович позади него, скорчив зверскую морду, изобразил нанесение подзатыльника.
- Суперобщество бережет свою среду обитания. Пора гигантизма давно прошла. Со всеми функциями в жизнеобеспечении и исследовании справляются небольшие по габаритам системы непредставимой для вас эффективности.
- А что вы собираетесь делать с нами? - спросил Андрей.
- Вашей жизни ничего не угрожает. Остального пока вам лучше не знать. Непонимание основ не позволит верно представить это.
- Вот как? - хмыкнул Володя, - Ну, а с чего вы взяли, что Земля может быть готова к суперобществу? Вы хоть понимаете, что здесь каждый мечтает урвать себе побольше?
- Вы переживаете период переходного периода развития. Технические средства на этой стадии делают невозможным решение многих противоречий прежними методами войны. Противопоставить этому можно только тесное общение всех индивидуумов цивилизации, что оставляет жизнеспособным только взаимно приемлемую систему ценностей. Такое тесное общение - это и есть попытка создания зачаточного всепланетного разума. Критерием актуальности является создание сверхмощного оружия, способного уничтожить всю цивилизацию. У вас оно создано. Альтернативным критерием было бы создание искусственного разумного существа. Этого у вас нет.
- Вот вы все так хорошо понимаете, но как же не предвидели, что вас могут сбить при подлете? - спросил Андрей.
- Такие варианты были учтены, и вероятность посчитали приемлемой. Правительства были давно предупреждены, но отказались сотрудничать, что характерно для глобальных политических разногласий. Потеря транспортного модуля не является невосполнимой.
- А как насчет гуманизма? Когда нас волокли на корабль вы сильно задумывались о гуманизме? - спросил Володя.
- Обычно человеческая проба берется безболезненно, по договоренности, но, когда спускался наш посадочный модуль, был уничтожен транспортер на орбите. Чтобы не вызвать дополнительных конфликтов пришлось действовать быстро в удаленной малонаселенной области.
- А зачем вам Земля? Хотите облагодетельствовать? - спросил Володя.
- А зачем вам нужны ваши дети? Вы их воспитываете и обучаете не для того, чтобы облагодетельствовать, а чтобы обеспечить развитие общества.
- Ну, у нас, между прочим, люди умирают от старости, им на смену нужны новые. А ваши цивилизации разве тоже умирают?
- Ваши люди умирают в сроки, определенные биологическим оптимумом. Сейчас он не соответствует социальному оптимуму и это ваша проблема. Ваше представление о человеке вступает в острое противоречие с тем, что такое человек на самом деле.
- Оо... - Андрей многозначительно помолчал, - Очень интересно узнать, что же мы

такое?..
- Назвать что-то - это означает придать ему определенный смысл. Это сейчас невозможно.
- Ишь ты! - изумился Петрович, - Во дает! Аллегория многоногая!
- Петрович, - укоризненно зашептал Боря, - все же не стоит так... плюем ведь в свое же будущее.
- А что ему жалко если я сигарету выкурю?! Самодурство какое-то!
- Никакой наркомании! - беззлобно отрезал осьминог, - Сейчас мы не можем позволить нарушать вашу психику. Вы итак на грани разумного реагирования.
- Это - точно! - вскипел Петрович, - Я вот точно на грани, еще немного и взбешусь без курева!
- Мы наблюдаем за вашими показателями и зависимость уже спадает, особенно если вы твердо осознаете невозможность курения.
- А почему вы решили, что по нас можно судить обо всех людях Земли? - спросил Володя, - Я, например, в этом сильно сомневаюсь.
- С момента рождения все люди зреют в общем социальном контексте, и он формирует общий уровень взаимопонимания.
- М-м... - застонал Петрович как от невыносимой зубной боли, - Изрекает Спиноза! Мне на станции быть нужно! У меня там жена, уже связь с базой пропустил, и работнички делов натворят - не разгребешь потом! - он безнадежно махнул рукой, поднялся и, с резким хлопком встряхнув отлежанную куртку, пересел в уголок Дианы, доставая колоду карт, - Ну их нафиг! Давай в балду!
- Давайте, чтобы не спятить от всего этого! - охотно согласилась Диана.
- Ничего, Дианочка, переживем, если сами дураками не станем! Не верю я им что-то.
К ним подсел Володя. Ревность придавала ему особенную смелость.
- Диан, тебе не скучно?
- Да нет. Ты там разговаривай с осьминогом, я же не мешаю...
- Ладно тебе. Давайте споем. Жаль гитары нет.
- Петь здесь? В этой клетке?
- Это как посмотреть. Представь, что мы выпустились в поход сложной категории, куда еще никто не забирался - в космос. Нас подбросят аж до Альдебарана. Петрович, помнишь, как мы в прошлый раз пели? Когда москвичи вечером пришли?
- Ага. У них там еще громила с черной бородой был. Сколько смешных песен знал. Выдавал как магнитофон без перегрева.
- А вы хоть одну запомнили? - спросила Диана.
- Да я не одну запомнил! - ответил Володя за Петровича, устраиваясь поудобнее и негромко запел: - Ходил я босиком по белым айсбергам...
Петрович заулыбался и тоже вплел свой голос. Диана подключилась на следующем куплете. Вскоре к ним присоединился Андрей, и они со смехом пели, пока Борис продолжал общаться с осьминогом.
- Его по морде били чайником! - с восторгом орали горники, - И научили танцевать! - вопил Петрович.
Пели до хрипоты. Потом насосались инопланетной зеленки.
Наконец осьминог всплеснул щупальцами и выплыл из отсека. Борис остался с

отпетыми товарищами.
- Все-таки невероятно умная тварь! - поведал он тоном разведчика, вернувшегося из стана врага, - Осьминоги - это не киберы. Просто такие тела считаются там наиболее рациональными.
- А куда ушел твой друг? - кисло спросил Петрович, поглаживая карман с сигаретами.
- Сейчас они там некоторое время будут заняты... По-моему, я просто ему слегка осточертел со своими вопросами... Чего-то башка болит...
Борис достал аптечку и начал рыться в поисках лекарства.
- О, ребята! - воскликнул он, - У меня в аптечке глюкоза есть и витамины!
- А что это там в бутылке? - заинтересовался Петрович.
- Это для компрессов и на случай обморожений.
- Водочка, что ли?
- Спирт.
- Ну вот... - Петрович потер руки, - что, ребята, не будем козлами? Дорога длинная, а обмораживаться здесь негде.
- Осьминог же говорил, что будет следить за наркотой, - возразил Борис.
- Это не сигарета, когда выпьем уже не выкинет! - радовался Петрович.
- Это точно, - согласился Володя, - очень даже кстати. Диан, ты с нами?
- Нет. Я бы вина сейчас выпила...
- Горники вино не пьют! Но если с зеленочкой в пропорции совместить, вино и получится! - сказал Володя.
Они просунули в дырку резиновую трубочку из аптечки для жгута, Андрей потянул и оттуда полилась густоватая жидкость.
Первую дозу смешали в глазном стаканчике. Андрей протянул Диане:
- Попробуй, не понравится, нам больше будет.
Диана пригубила, потом решительно опрокинула стаканчик в горло.
- Ну вот и чудненько. Давай, Петрович!
- Кстати о вине и брожении, - сказал Петрович, принимая стакан, - я вроде бы понял зачем эти твари к нам прилетели как раз сейчас. Они дожидаются, когда у нас война будет, и мы все от собственного нейтронного оружия погибнем.
А культура наша вся им достанется! Может они специально закваску по планетам разбрасывают и ждут, когда перебродит, а потом пользуются наработанными благами цивилизации! Он же сам говорил, что ждут не дождутся, когда у нас изобретут всепланетное оружие.
- Не задерживай, Петрович, - ласково напомнил Володя, - стакан нужен.
Следующим выпил Андрей, закусив таблеткой глюкозы. Потом Володя.
Повторили. Еще. Спирт кончился.
- Хороший коктейль на зеленочке получается, - Андрей благодушно разлегся на своей куртке, - в голове как от шампанского, хорошо пробирает.
- Это потому, что толком не ели, вот и стукнуло, - объяснил Петрович, - вот если бы мне охоту не испортили, я бы таких зайчиков настрелял - пальчики оближешь, - он завалился с картами в уголок к Диане и повернулся к ней благодушно, - Я тебя когда-нибудь на охоту возьму с собой, мне понравилось, как ты бегаешь.
- Посмотрите, как ветка прижилась, - Диана показала на облепиху, пытаясь изменить ход мыслей Петровича. Действительно, ветка в зеленке пустила

маленькие корешки и начала новую жизнь. Петрович разлегся прямо у ног Дианы, и она испуганно их поджала.
- Петро-ович! - благодушно погрозил пальцем Володя, - Ты Диану не пугай!
- А ты тихо. Я не с тобой разговариваю, - Петрович, веселясь привстал, желая подобраться к Диане, но его повело, и он угодил носом прямо на колючую ветку.
- Ах ты! С-сабака! - взвыл он и отбросил ветку в сторону.
- Что вы делаете?! - Диана бросилась к ветке и вернула ее в живительную среду.
- Какая верткая! - Петрович разыгрался и, тихо рыча, пополз на четвереньках к Диане, - Корабль что-то шатает... шторм, наверное! Ха-ха..
- П-петров-вич! т-тебя сейчас убью! - убедительно пообещал Володя и потянулся за ружьем, но Борис отобрал его.
- Тихо вы, пьяные морды! Только людей позорите!
- Боренька, - взмолилась Диана и икнула, - Успокой их!
В отсеке возник осьминог, Андрей неловко вскочил на ноги, добродушно ухмыляясь и с готовностью вывернул карманы. Осьминог подошел вплотную и обнюхал его.
- Чо надо? - хохотнул Андрей, - Все в порядке у человеков!
И тут в отсеке стало тесно. Несколько осьминогов скрутили нетрезвых землян и утащили за собой.
- Да что за нафиг?! - издалека послышался обиженный вопль Андрея и стало тихо.
Диана молча сидела с широко открытыми от страха влажными глазами. Ее почему-то не тронули. Через некоторое время Борис решился и заглянул в проход. Ему стало не по себе. Обмякшие тела безвольно лежали на полу, а над каждым устроился осьминог, впившись в шею тонким полупрозрачным клювом. Они сосали темно-красную кровь землян. Вскоре кровь в клювах матово порозовела как будто ее смешали с молоком, а земляне соответственно побледнели. Еще через минуту все было кончено и Петрович первым раскрыл глаза. Осьминоги тихо исчезли как тени.
- Что за черт! - Петрович остервенело тер пятерней шею и поднялся с пола, - Что они с нами сделали?!
Андрей молча встал, хмуро потирая шею и подал Володе руку. Все трое были трезвее святых. Петрович гнусно выругался и пообещал ничего не забыть.
- Господи! - воскликнула Диана, - Да вы же совсем белые!
- Это еще что! - невесело усмехнулся Андрей, - Жрать хочется дико, и зеленка тут вряд ли поможет...
Они доели глюкозу и напились зеленки, но она уже не лезла в горло.
- У меня такое ощущение, - неторопливо заговорил Петрович, - что нас отловили для какого-то там ихнего зверинца. Что между нами общего? Ничего. Значит и понять они нас, а мы их не сможем. Как у нас обезьяны в клетках корчатся, а мы только потешаемся над ними, так и эти твари, с нами. А какая я им обезьяна?
- Да, они на людей не похожи, - вяло возразил Борис, - но это не повод так говорить! Хотя...я всегда думал, что у всех разумных существ тела должны быть приблизительно одинаковые, ведь все же развиваются по одним и тем же законам природы.
- Ну еще бы, - подхватил Андрей, - смазливые инопланетяночки водили бы тогда

Борю по другим мирам за ручку и все ему показывали! А эти грубияны хватают и везут насильно неизвестно куда, да еще не хотят толком ничего объяснить.
- Остается верить им на слово, - сказал Володя, - ведь если бы они задумали что-нибудь с нами сделать, то все равно бы не сказали. Обреченных всегда милосердно обманывают. Пусть меня хотят препарировать для самых высших и гуманных целей, до которых я еще умом не дошел, но я ведь этого не хочу и согласия не давал!
- Но ты ведь сам сказал: для самых высших и гуманных целей! - возмутился Борис, - А на другие они не способны.
- Это для их целей! - так же громко ответил Володя, - Для их вида, а для землян, для нас, эти цели может быть даже опасны. Они ведь хотят сделать из всей нашей цивилизации что-то приемлемое для себя, а нас прежних уже не будет. Это как индейцев цивилизовали. Они из нас слепят что-то на свой вкус. А тех, кто не сможет приспособится, что? Правильно, уничтожат.
- На Земле фашисты уже пытались улучшать породу людей, - заметил Андрей.
- Осьминог говорил, что единственный выход из энергетических и других проблем для цивилизации - это переход на новое качество существования, - напомнил Борис.
- В осьмоногов что-ли? Тебя, наивный Боря, можно обмануть и проще, - улыбнулся Володя, - Ты ведь в этом вопросе фанатик. А если мы еще не доросли до этого нового, так надо насмерть с этим бороться.
- Но ведь они же прошли эту стадию развития и знают, что этот путь прогрессивен!
- У каждого должно быть свое развитие, а какой смысл жить по чьему-то готовому сценарию?
- Да я не знаю, о чем тут еще говорить! - пожал плечами Борис, - Они же сказали, что делают пробу готовности, если мы не готовы, то вперед, продолжайте ползать и развиваться. Во Вселенной уже есть общество, объединяющее все цивилизации, и мы там, рано или поздно, но неминуемо окажемся!
- Опять: он сказал, он пообещал... - заворчал Петрович, - мне противно то, что они делают с нами. И я жрать хочу. А если я хочу жрать, то за себя не ручаюсь. Могу, например, не выдержать и этого самого осьминога завалить на мясо.
- Не противно будет? - поморщился Володя.
- А что? - поддержала Диана шутку, - Кальмаров же едят. Очень даже вкусно если правильно приготовить.
- Вот, повариха у нас уже есть, - плотоядно улыбнулся Петрович, - ну, ладно, будет день, будет пища.
- Я не повариха! - возмутилась Диана.
- А ну вас! - Борис махнул рукой, - может когда-нибудь повзрослеете. Вспоминать будете себя и удивляться.
- Эх, Боря, сынок, - вздохнул Петрович, - как мало ты еще жизнь понял! Жизнь ведь, дура, никаких законов не знает. Законы люди придумали и все удивляются почему же жизнь не по их задумке поворачивается.
- Ну, хватит вам, что ли, - сказала Диана, - давайте сыграем во что-нибудь вместе. Карты быстро надоели. Когда все устали сидеть с наполненными опостылевшей зеленкой животами и слушать нескончаемые охотничьи истории, когда эти

истории стали похожи одна на другую, Борис первым после мучительного зевка попрощался и отполз в свой угол.
Петрович терпеливо выждал пока все заснут. Он просидел еще около часа, все тщательно взвешивая и утверждаясь в правомерности своих намерений. Потом, не торопясь, достал из рюкзака патроны с картечью, рассовал их по карманам, встал и отнес ружье в соседний пустой отсек, поставив его сразу за проходом, достал из пачки последние три сигареты. Две спрятал в карман, а с третьей направился к осьминогам. Он брел как бы без определенной цели, останавливаясь около спящих товарищей, заглядывал в отсек к осьминогам и снова возвращался.
Потом задумчиво чиркнул спичкой и закурил. Осьминоги не реагировали. Он несколько раз жадно и глубоко затянулся, с недоумением заглянул к осьминогам, нахально пуская дым длинной струей прямо в обвисшие тела. Наконец ближайшее щупальце выхватило сигарету. Петрович вздрогнул от неожиданности и с хорошо разыгранным возмущением зашагал в пустой отсек, доставая на ходу вторую сигарету. Осьминог последовал за ним и когда миновал проход раздался глухой двойной выстрел. Петрович стоял, опустив дымящиеся стволы и смотрел как осьминог, тяжело пульсируя на полу, отчаянно закрывал рану мелко дрожащими щупальцами, а затем вдруг резко пробил тело щупальцем, сжался в вибрирующий комок и медленно опал.
Петрович криво ухмыльнулся, сглотнул и присел напротив прохода, выставив ружье вперед. Тут он мог перестрелять много осьминогов по одному если они попытаются проникнуть, а последнего под ружьем заставить повернуть корабль к Земле. Но проходило время, а все было тихо. Никто из землян не проснулся. План почему-то не срабатывал, но это нисколько не обескураживало.
Петрович с любопытством рассматривал лежащее тело. За себя он почти не опасался. Ничего же ему не сделали за того первого убитого. Нужно только успеть освежевать тушу пока ее не забрали. Раз на него сейчас не нападают, что ж, план захвата корабля можно пока отложить. Они, конечно, не дураки лезть сюда на рожон. Петрович извлек нож и сноровисто принялся разделывать добычу. Хорошие, по его мнению, куски он сложил в свой рюкзачок и вернулся к остальным. Потом беспечно заснул, как бывало на охоте, подложив под голову рюкзак.
Петрович проснулся раньше всех, распалил примус с остатками бензина и, нанизав кусок осьминога на лезвие ножа, принялся его жарить. С шипением закапал сок, и в отсеке разлился аромат шашлыка. Андрей привстал на локтях и с изумлением уставился на примус:
- Петрович, мне это не снится?
Петрович молча взял в зубы кусок и, обжигаясь, принялся сосредоточенно и жадно поглощать его. Андрей смотрел, изредка моргая, потом подсел ближе и осторожно взял в руки один из нарезанных кусков.
- Как это ты сумел?.. А они что, не возражают, что ли?
- А им по барабану. Это у меня уже второй...
- Значит точно - биороботы, - Андрей махнул рукой, достал свой нож и, отогнав лишние мысли, принялся готовить себе завтрак.
- Мужики, откуда это у вас? - Володя подошел лохматый, заспанный и, щурясь,

глотая слюни, - Это вы что, осьминога завалили?! - зашептал он возбужденно, - Ну, и что теперь нам будет?
- Да ничего не будет, - огрызнулся Петрович.
- Ну вы даете! Елки! Может извиниться как-нибудь пока не поздно?.. Типа случайно вышло.
- Ты или ешь, или вали отсюда, - посоветовал Петрович.
Володя присел на корточки. Андрей сунул ему обжаренный кусок и Володя деловито принялся жевать.
- Разбудим наших? - спросил Петрович, добрея.
- Ой, как у вас вкусно! - Диана потянулась и открыла глаза, - О!! Мальчики! - она подползла к жующей компании, - Можно кусочек?
Андрей протянул нож с насаженным мясом.
- Где вы столько взяли? - она вцепилась зубами в мясо.
- Это кальмарье, - намекнул Петрович.
- Ой... - Диана побледнела, - И вы его так запросто едите? - Между прочим, очень вкусно. Что нам за это будет? - озабочено наморщила нос Диана, осторожно стаскивая зубами кусок с клинка.
- Скорее всего ничего! - прикинул Володя.
- Жаль не соленое!
Некоторое время все молча с аппетитом рвали зубами жаренного инопланетянина, сидя вокруг горящего примуса как когда-то сидели их предки вокруг костра. Андрей удовлетворенно мурлыкал между делом что-то бессвязное, слегка покачиваясь в такт, а Володя торопливо насыщался, шкурой предчувствуя перемены в любой момент. Но смертельный риск не пугал его как никогда не пугал во всех его горных вылазках. Вокруг царила тишина космоса и тихо посапывал Борис, младенчески приоткрыв рот.
- Может разбудим? - кивнула в его сторону Диана.
Ей не ответили. Будить Бориса не хотелось.
Все наелись и оставшиеся куски лежали горкой возле притушенного примуса, когда Борис зашевелился. Он счастливо зевнул:
- Что-то нам сегодня "С добрым утром" не транслируют, - Борис облизнулся, принюхиваясь и открыл глаза, - НЗ открыли, что ли? Хоть что-нибудь осталось? Чего молчите!
- Держи, Боренька! - Диана протянула еще теплый кусок.
- Из тушенки шашлык сделали? - Борис жадно откусил, - Какую-то дрянь мне оставили: желудок или язык, да еще не соленый. А что это у вас? Ни фига, сколько мяса! - Тут Бориса осенило. Он побледнел и встал во весь рост.
- Вы что, ребятки, охренели?..
Всем теперь была не столько страшна кара осьминогов, сколько тяжесть объяснения с Борисом.
- Ты разберись сначала, потом базарь! - надеясь спокойно уладить, заговорил Петрович, - Да, я хотел ночью подстрелить одну тварь и даже выследил, но только подранил ее слегка. Она свободно могла и других позвать, и сама со мной разделаться. Все же видели какие они ловкие. Ну, а она, черт ее знает, вдруг сама себя прикончила. Может поняла, что это я вынужденно, чтоб с голода не сдохнуть. Может это у нее такое высшее самопожертвование, не знаю. Только,

клянусь, она сама себя прикончила.
Борис сморщился как от сильной боли, весь осунулся и вдруг, набычившись, пошел на Петровича.
- Что ж ты творишь! - он схватил Петровича за шиворот и резким рывком поднял на ноги, но тот жестко оттолкнул его к стенке. Борис в сильнейшем замешательстве сполз без сил по стенке и замер, опустив голову.
- Боренька, ну что ты! - Диана подсела к нему и ласково опустила руку на голову, но он резко отмахнулся.
- Вали, людоедка!
- Оставь его, Диана, - посоветовал Володя, - пусть переживает, и как в песне: "жрать захочет - придет".
- Какой ты жестокий, - прошептала Диана, но от Бориса отошла.
Настроение у всех было отвратительное и, хотя Петрович пытался отшутиться, его реплики в этой ситуации звучали неубедительно.
Андрей решительно вскрыл оставшуюся банку тушенки.
- Борис, съешь НЗ. Ты же не дурак, понимаешь, что нам оно уже не нужно. Дело сделано и ничего не вернешь.
Борис все так же сидел в крайней степени потрясения и, полузакрыв глаза, страдал от своей обычной головной боли. Прошло немало времени пока Диане удалось засунуть ему в рот таблетку. Она осторожно принялась гладить его по голове. Володя ничего на этот раз не говорил, но, чтобы не видеть улегся подальше.
Борис понемногу приходил в себя. Диана принесла тушенку и попыталась накормить его с ложки. Борис сначала отворачивался, но вдруг почувствовал себя глупо и встряхнулся. Он решительно забрал ложку, посмотрел Диане в глаза и спросил с тихой грустью:
- Почему же ты была с ними? Ведь ты же такая красивая...
- Боренька, я обыкновенная людоедка.
- Эх, Диана, я бы никогда не поверил, но ты действительно поступила гадко.
Диана закусила губу и отошла. Борис со злостью начал есть тушенку, громко стуча ложкой о банку.
- Вот тебе за все хорошее! - злорадно хихикнул Володя, - Однако, кушает наш молодец за всех нас. А ведь если бы не укокошили эту тварь, то и жрать бы ему сейчас нечего было бы.
- Слишком хорошо они о нас думали, - отозвался Борис, - но по технике безопасности, когда таких опасных хищников везешь лучше голову в клетку не засовывать!
- Да успокойся, ты, моралист! - прошипел Володя, - доедай нашу тушенку и скажи спасибо, что мы на себя грех взяли и ты тут совсем невинный и непричастный.
Борис отложил банку в сторону, встал, шагнул вперед и влепил снизу Володе основанием ладони с такой силой, что тот угодил в объятия Петровича. Затем вернулся на свое место и доел тушенку.
- Нет, так дальше дело не пойдет, - угрюмо сказал Петрович, усаживая бесчувственного Володю на пол, - мне это приключение уже стоит поперек горла. Если сейчас ничего хорошего не получается, то что же дальше будет? Пошли, Андрей, поможешь.

- Что ты задумал?
- Заставим их поворачивать обратно. Я сам хотел это сделать, а не за мясом ходил, но не вышло. Вон в том отсеке у них вроде бы мозг корабля находится. Я там встану с ружьем, а ты пойдешь к осьминогам и выложишь наши условия. Скажешь, что если не согласятся, то я стреляю к чертовой матери.
Борис вскочил и хотел было прошмыгнуть мимо Петровича в отсек к осьминогам, но тот навалился на него по-медвежьи.
- Давай веревку! - сказал он очнувшемуся Володе.
Тот моментально распустил моток.
- Они хотят убить вас!!! - заорал Борис и ему затолкали в рот шерстяной носок.
Петрович поднялся и взял ружье.
- Когда свистну, иди к ним!
Он зашел в мозговой отсек, осмотрелся и тихо просвистел оттуда. Андрею не пришлось никуда идти. Один из осьминогов сам направился к Петровичу.
- Стоп!! - гаркнул Петрович, - Мне только пальцем шевельнуть и вашей посудине конец!
- Но вы при этом тоже погибнете, - предупредил осьминог.
- А ты не подходи и все будет в порядке! - глубоко дыша прорычал Петрович, - Давай, сворачивай к Земле!
- Модуль уже почти у станции. Вас вернут на Землю после опытной подсадки специальных синтетических структур в мозг для определения вашей готовности...
- Что?!! Я сейчас дам такую подсадку, фашист!.. Гадюка!! - Петрович саданул с обоих стволов по мозгоподобным буграм корабля. Крупная картечь омерзительно взвизгнула рикошетом.
- Слабое оружие, - констатировал осьминог, - вреда не причинено. В месте, куда вы стреляли не находится критически важных элементов. Одно из щупалец у него обвисло от рикошета и из ранки змеилась белесая жидкость.
- А это что, не мозги у вас?
- Нет, там сформированы гнезда био-регенераторов.
Петрович досадливо сплюнул, и вышел, грубо оттолкнув осьминога.
Бориса развязали, и он остервенело отплевывался. Диана тихо плакала, и Володя отошел от греха подальше. Андрей сидел, нахмурившись и о чем-то думал. Петрович надолго припал к зеленке, а затем как ни в чем ни бывало развалился на своей куртке. Борис ушел к осьминогам.
- Предатель, - сказал ему вслед Володя.
- Ладно тебе, - поднял голову Андрей, - он ведь за нас всех будет сейчас отбрехиваться. Борька настоящий мужик.
В отсеке начал ощущаться запах гнили. Петрович принюхался:
- Вот те на! Мясо пропадает. Такой цивилизованный, а уже разлагается, - он собрал остатки и выбросил их в туалетный отсек. Вскоре вернулся Борис. На довольном лице его красовалась широкая улыбка:
- Ну что притихли, дикари? - спросил он весело, - Летим дальше, вас ругать не будут, но только без всяких штучек...
- Тебе надо было в дипломаты идти, - отозвался Петрович.
Диана вытерла глаза.

- Только чего там они хотят в наши мозги ввинтить? - озаботился Петрович.
- Они всего лишь попытаются увеличить наши возможности, - ответил Борис, - посмотреть, что мы уже можем.
- Не выношу хирургов, - пожаловался Петрович, - даже зубы сам себе выдираю.
- Скорее всего мы даже ничего не заметим, как все будет сделано.
Так они болтали пока не зашел осьминог и не вывалил около примуса куски свежего мяса. Все изумленно замолчали.
- Вам осталось поесть один раз, и мы прилетим, - сообщил осьминог.
- Вы для нас пожертвовали еще одним товарищем? - спросил наконец Андрей.
- Это было свободное тело. То, что вы видите перед собой - это исполнительный орган, управляемый телепатически. Я же нахожусь в составе корабля и выполнен в виде синтетических структур.
- И вы здесь один? - обалдело спросил Андрей.
- Да. Моя специализация - посадочный модуль. Осьминоги - это мои руки и органы чувств.
- Значит мы находимся внутри вас? - спросила Диана, поджимая ноги, - как же мы теперь в туалет ходить будем? - сконфужено усмехнулась она.
Инопланетянин некоторое время молчал, пытаясь проникнуться высказанной проблемой.
- То, что образует форму моего "я" занимает очень мало места в модуле.
- И вам не скучно так одному в пустом бесконечном космосе? - ужаснулась Диана.
- Космос не пустой, и я не один, а в постоянной связи с подобными мне. Вместе мы образуем мыслительную систему.
- Значит мы говорим сейчас со всей системой? - благоговейно произнес Борис.
- Нет. Вы имеете дело с первичным уровнем обработки информации: со мной лично.
- И вы все связываетесь по радио? - спросил Володя, - Но тогда на таком огромном расстоянии задержка делает связь неэффективной!
- Это не радиосвязь, а использование скрытых степеней свободы макро-размерностей мира.
- Вы нас, наверное, презираете за тупость, - нервно засмеялась Диана.
- Ваши возможности и уровень знаний естественен для вас. Родившись в новом качестве общения, люди Земли начнут с младенчества в супер-обществе, со временем станут полноценным членом и неизбежно внесут самобытность в общее развитие.
Петрович поначалу прислушивался, морщась как от зубной боли, но скоро поскучнел и принялся резать мясо на куски.
Володя пристроился рядом и хотел было распалить примус, но бензина оставалось на самом донышке.
- Вот не везет! - расстроился Петрович не на шутку, - Сырым что ли его есть?
- Я могу создать высокую температуру на верхушке вашей горелки.
- Пожалуйста, если это вам не трудно, - осклабился Володя.
- Легко, - сказал осьминог.
Над примусом заколебался горячий воздух и распылитель расцвел ярким сиреневым сиянием.

- Вот это - дело! - одобрил Петрович и сунул в эпицентр нож с нанизанным мясом. Нож тут же покраснел, а над мясом завились струйки дыма. Петрович поспешил убрать шашлык, но уже пахло горелым.
- Перебор! - с уважением сообщил Володя, - А нельзя ли послабее?
Примус потускнел, и следующая порция быстро приобрела великолепную кондицию.
- Ну теперь вижу явную пользу вашей техники! - признал довольный Петрович.
- А вот почему же, - спросил Володя, прожевывая, - если вы способны на такие чудеса возникла проблема с нашим питанием? Не предусмотрели?
- Был уничтожен наш быстрый модуль.
Володя прикусил язык.

На этот раз Андрею снилась прекрасная инопланетянка. Она бежала босиком по мокрой траве в прозрачном как утренняя дымка платье, бежала быстро, прямо к нему, и ветер ласкал порозовевшее лицо, а в больших глазах он видел счастье. Это счастье наплыло, охватило его со всех сторон, и Андрей проснулся с сильной эрекцией. Он замер чтобы быстрее успокоится и возникло ощущение падения. Тело совсем не ощущалось, и Андрей как обычно после сна резко сел, но чуть было не кувыркнулся от этого усилия. Петрович и Диана тоже проснулись. Появился осьминог:
- Мы прибыли. Ожидайте, вскоре вами займутся. До этого будьте здесь предельно осторожны потому, что никаких ограничивающих ваши действия систем не предусмотрено. Вы можете выйти и осмотреться, но не уходите далеко, это может быть для вас опасно.
- Понятно! - сказал Петрович и досыпал в карманы патронов с дробью потому как картечь у него закончилась, а для зайцев он взял среднюю дробь. Он прошел недалеко вслед за осьминогом и попытался что-то там разглядеть.
Из соседнего отсека табуном проскакали осьминоги. Петрович еле успел отскочить в сторону. У него получился гигантский прыжок. Он удивился этому и необычайно легкой подпрыгивающей походкой вернулся в отсек за ружьем.
Тут в проход вплыло что-то плоское, похожее на стол со снедью. Тараща глаза на длинных столбиках во все стороны как улитка, оно с тихим вздохом успокоилось посреди отсека и томным голосом предложило "напитаться перед выходом". Первым к нему подошел Андрей и небрежно взял в руки одну из спринцовок, стоящих рядами носиками вверх. Он понюхал и, недолго думая, выдавил немного себе в рот. Глаза его чуть прищурились. Переведя дух, он выдавил остальное. По отсеку распространился еде уловимый волнующий запах, и сомнения пропали.
Борис подошел и вежливо поздоровался с соловеющими от сна столовыми глазами. Остальные набросились на еду без церемоний. То, чем питались они раньше показалось жалким уделом дикарей. Бытие открылось новой заманчивой гранью.
Петрович настолько умиротворился и облагородился признательностью за все хорошее, что видом стал похож на былинного героя, но повадки у него остались прежними. Снисходительно потрепав невинное существо по глазастым рожкам, он с последней спринцовкой в руке в шутку присел на опустевший стол, но тот

испуганно тронулся и Петрович чуть не выехал верхом из отсека.
- Петрович, давайте здесь поосторожнее, - еле сдерживаясь, урезонил его Борис.
Сытый и, значит, добрый Володя был радушен с каждым без задних мыслей. Ему хотелось говорить, помогать дельным советом от широты души. Диана не любила его такого. Среди землян она одна оставалась в смятении и с неосознанной тоской ждала чего-то неотвратимого.
- Выйдем, что ли? - предложил Андрей.
- А через какую дверь? - неуверенно завертел головой Володя.
- Куда все эти твари рванули туда и мы, - рассудил Петрович, переломив ружье и вгоняя в стволы два патрона.
- Ну, нет! - возмутился Борис, - Ружье мы не берем!
- А вам, молодой человек, никто и не дает, - беззлобно усмехнулся Петрович.
- Действительно, оставь, - поддержал Андрей, - сафари устроим на Земле по возвращении. С ружьем мы легко можем устроить себе летальные проблемы.
С этим доводом Петрович со вздохом согласился и с сожалением прислонил стволы к стенке.
- Интересно, так легко нас бросили и пофиг что мы можем попасть в какую-нибудь хрень? - возмущенно посетовал Володя.
- Нас предупредили, что нужно быть осторожными, - напомнил Борис.
- Да, не будем нарываться! - Андрей исчез за проходом в коричневом непроглядье, и земляне гуськом последовали за ним. Когда он неожиданно остановился, на него по инерции навалились сзади, и вся компания едва не оказалась в свободных просторах космоса, открывшегося впереди. Во всяком случае впечатление было именно такое. Все пространство вокруг занимала звездная чернота. С животным трепетом каждый ухватился за другого чтобы удержаться на узкой кромке.
- Да это просто такой огромный прозрачный зал! - Андрей осмелел, - Смотрите, чуть дальше кадка с цветком стоит!
Теперь и остальные ее заметили. Среди звезд слабо проступали затейливые контуры кустистого растения, стоящего в контейнере, напоминающем пузатый бочонок.
Андрей свесился, прощупал низ ногой и осторожно ступил на невидимую твердь. Казалось, он пошел неспеша в глубину Вселенной. Его фигура замерла возле растения. Он обернулся и помахал рукой.
Борис смело прыгнул вперед. Пролетев сразу половину расстояния, он не удержался и смешно завалился на бок, продолжая скользить. Петрович вылез вслед, крепко сжимая плечо Володи, а Диане протянули руки помощи.
Она быстро освоилась и, расшалившись, принялась кружиться среди звезд.
- Ну-ка встаньте возле кадки! - оживленно потребовал Андрей, расчехляя фотоаппарат, - Только не шевелитесь чтобы не размазаться! - он сделал пару снимков.
Тут у Дианы медленно поползли глаза на лоб. Андрей обернулся. Вдалеке легко и стремительно как стая диких животных прошла группа обнаженных, но бесполых как ангелы людей и скрылась в еле заметном на фоне неба проходе.
- А это еще из какого зверинца? - подивился Андрей.
- Может хозяева? - предположил Борис.

- Во всяком случае нами они не интересуются, - заметил Володя.
- А мы сами сейчас поинтересуемся! - сказал Андрей, - Земляне мы или нет?
- Они голые! - поежилась Диана.
- А толку! - захохотал Петрович.
- Ничего, здесь земной этикет не действует, - Андрей уверенно направился к проходу, едва различимому контурами на фоне звездных скоплений, и все последовали за ним.
- Может не будем удаляться? - воззвал Борис, но его уже не слушали.
Как за явно и четко различаемыми космическими реалиями могли быть какие-то помещения было непонятно. Но, войдя в первый контур прохода, они оказались уже в непрозрачном отсеке, в котором глазу не за что было зацепиться в слегка светящихся коричневых сумерках, как у них в корабле. Он был пуст. Андрей направился вдоль стенки и обнаружил следующий проход. Миновав его, земляне нерешительно остановились. Своим появлением они прервали трапезу троих инопланетян. Те настороженно и суетливо встали из-за спящего стола, держа наготове в руках какие-то маленькие вещицы. Почти мальчишеские лица и необычайно живые глаза выражали множество сменяющихся чувств и это объединяло их так, как если бы они возбужденно переговаривались. Матовая оболочка на высоких и худых телах покрывала их второй кожей и почти ничего не скрывала от глаз. Все же, это были мужчины.
Борис расплылся в самой благожелательной улыбке и пошел навстречу. Похоже, этот порыв был воспринят как агрессия потому, что лица инопланетян сразу сковало напряженное ожидание, граничащее с замешательством. Один из них вскинул вперед руку с вещицей, что-то коротко мелькнуло там, и из стены рядом с Борисом раздался пронзительный свист вырывающегося в открытый космос воздуха. Свист запел тоньше и совсем прекратился, когда отверстие затянулось. Борис растерянно отступил и потупился. Земляне благоразумно покинули отсек и нескоро пришли в себя.
- Разве их можно сравнить с наглыми осьминогами? - фыркнул Андрей, - Скорее всего они попали сюда так же, как и мы. Вот и нервничают. Ну, что, пошли дальше?
- Зря ружье оставили, - угрюмо констатировал Петрович.
- А что, ты бы им головы снес?.. Что-то мне расхотелось искать приключений, - признался Володя, - ну их в баню. Чего лезть на рожон? Когда нужно будет сами придут.
- Верно, - согласился Петрович, - не стоит напрашиваться. Гордость иметь надо. Пошли в нашу берлогу!
- Как хотите, а я еще погуляю, - неожиданно заявил Андрей, - не бойтесь, нарываться не стану.
Его не поддержали и повернули назад.

Андрей осторожно двинулся в неизвестность. Скоро вытянутая рука, скользя по стенке, провалилась в пустоту. Там был вход в следующий отсек. Неторопливо, чтобы никого не испугать, Андрей сделал несколько шагов по проходу, взглянул и замер от неожиданности. В коричневых сумерках неизвестно на чем сидела девушка, непринужденно откинувшись назад. Похоже было, что она мечтала о

чем-то сильно ее волнующем. Худое и длинное тело в матовой облегающей одежде, отрешенное лицо, по-детски нежное и в то же время необыкновенно смышленое. У Андрея слегка закружилась голова от сопоставления со своим сном. Биологические инстинкты превратили виденное в прекрасную сказку. Сильно волнуясь, Андрей раскрыл фотоаппарат, сделал пару снимков, а потом долго не решался выдать себя, пока девушка не очнулась от размышлений, заметив его внимание. Она еле заметно вздрогнула и поднялась. Андрей катастрофически поглупел под ее прямым взглядом. Он мысленно ругнул себя и приветливо улыбнулся:
- А вы меня совсем не боитесь, не то, что ваши товарищи!
Девушка приподняла одну бровь, но ничего не ответила. Ее рука теперь сжимала оружие.
- Давайте знакомиться. Я - землянин. Только что прилетел и с удовольствием буду у вас учиться, - Андрей сделал шаг вперед, и девушка отступила.
- Я не кусаюсь! - Андрей добродушно рассмеялся и уселся на пол, обхватив колени руками, - Почему вы нас боитесь? - он неторопливо отстегнул свой значок разрядника с воротника и протянул его девушке, - Возьмите, я вам дарю!
В отсеке возник осьминог и остановился как услужливый вышибала перед незваным гостем.
- О, дорогой! Как ты кстати! - Андрей вскочил на ноги, - Переведи, пожалуйста, девушке, что я хотел бы с ней познакомиться!
Но это был какой-то другой осьминог и он никак не отреагировал.
- Значит вы все-таки меня боитесь! - покачал головой Андрей, насмешливо показывая на осьминога. На этот раз девушка поняла, что он имеет в виду немного задумалась и осьминог исчез. Андрей расцвел и показал на оружие:
- А это?
Девушка спрятала брусочек в своей одежде. Андрей улыбнулся, снова протянул значок на ладони и подошел ближе. Девушка остановила его взглядом, потом подняла руку к своей голове, трогательно покрутила пальцем у виска, махнула ладошкой и грациозно указала на выход. И хотя на самом деле она имела в виду совсем другое, вроде того, что приходи после операции, тогда поговорим, у Андрея все похолодело от обиды, он сжал губы, повернулся и быстро вышел.
С той стороны прохода стояли двое худощавых инопланетянина с брусками наготове, что, похоже, объясняло смелость девушки. Они суетливо отступили с напряженными физиономиями да так неловко, что один из них ощутимо задел выходящего Андрея и при этом сам сильно побледнел. Андрей дал волю чувству попранной справедливости и вышиб оружие из рук у ближайшего инопланетянина, а затем, толкнув его на товарища, ударом ноги обезоружил и того. Но все же левую руку скрутило от острой прожигающей боли.
Не помня как, он вышел в пустой звездный зал, нашел так и стоящий там транспортный модуль. Диафрагма бледно-красного отверстия оставалась открытой. Андрей зашел и пробрался на ощупь в их отсек. Там все тоскливо сидели на своих местах, лениво что-то обсуждая.
- Все-таки они правы! - говорил Борис, - Ты ведь сейчас сам лишний раз доказал, как мало мы отличаемся от диких зверей. А вспомни, что мы вытворяли по дороге? Таких на цепь сажать надо.

- Да, правы, вот смотрите, блин, - подошедший Андрей засучил рукав и показал сквозную дырку в руке, - Хорошо хоть кость не задело... Эти штуковины у них так вот стреляют.
Петрович с нескрываемым любопытством разглядывал ранку с заварившимся краями.
- Чисто, - признал он, - неплохо бы заиметь такую игрушку.
- Опять за свое! - огорчился Борис.
- Петрович где-то прав, - заметил Андрей, - от такой штуковины глупо отказываться. Они же носят с собой их даже в этом логове галактической справедливости.
- Да мы что, воевать сюда прибыли?! - вспылил Борис.
- Нас привезли насильно, не забывай! - урезонил его Володя, - И, в самом деле, тут все ходят с оружием. Да чего ты так переполошился? На Земле это - смертельное оружие, а здесь - так себе. Ведь наверняка они любую дырку заштопать могут.
Диана отчаянно зевнула:
- Тоска. Хотела книгу взять пеочитать да тебя, дура, послушалась, - она сверкнула глазами на Володю, - скучища смертельная. Даже поговорить не с кем.
- Ничего себе! - офигел Борис, - ты в таком месте оказалась и не интересно?!
- А ты пойди к тем трем красавчикам, - посоветовал Володя с обидой, - подружись с ними, развлекись.
- Чего?! - презрительно скривилась Диана, - Да я сомневаюсь, осталось ли в них что-либо мужское!
- О-о-о! - выразительно покачал головой Андрей, - Я сейчас такую герлу встретил... На Земле из-за нее мужики могли бы мировую войну начать!
- Бедный Андрюша! - ехидно посочувствовала Диана, - Вы, мужики, любой заграничной штучкой увлекаетесь.
- А своего под боком не видите! - продолжил Петрович и захохотал. Диана поджала губы и уползла в свой угол.
- Ну, что ты, Дианочка? - забасил Петрович раскаянно и уселся рядом, - я же пошутил. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ну, ладно тебе, хватит.
Диане что-то пришло в голову, она встала и, выдернув ветку облепихи из зеленки, пошла к выходу.
- Чего она? - удивился Петрович, - Я вроде ничего такого не сказал. Может в самом деле знакомиться пошла типа с веточкой мира?
- Пусть делает что хочет! - махнул рукой Володя. Через некоторое время он тоже вышел, но очень скоро вернулся смущенный и замкнутый.
К ужину вместе со столом-самобранцем к ним явился осьминог.
- Ах, какая честь, наконец-то вспомнили про нас! - дурашливо расшаркался Андрей, - Добро пожаловать!
- Осьминог весело (все могли бы в этом поклясться) посмотрел на него и гулко постучал щупальцем себе по куполу. Андрей воспринял это как намек на происшествие с инопланетянкой и сердито фыркнул.
- Действительно, чего это вы нас бросили на произвол событиям? - спросил он, - А если бы эти тщедушные создания меня пристрелили? Кстати, кто они такие?
- Я предупреждал о необходимости быть осторожным. Они совсем еще недавно родились для общества. Воспитываются здесь, а через личные каналы связи и

вся их планета. Будут и вам помогать вырабатывать стиль телепатического общения. А оставил я вас потому, что нужно было по памяти восстановить личность уничтоженного транспортного корабля. Кроме того, мы готовились к операции. Вам ведь будут подсажены согласующие устройства для мысленной связи.
- И радиоуправления нами, - буркнул Володя.
- Для этого только согласующих устройств недостаточно, - сказал осьминог, - Кушайте, стол вас заждался!
- Неужели вы способны сделать операцию против нашей воли? - спросил Володя.
- Я, например, живым не дам себя резать, - заявил Петрович.
- У вас пока еще недостаточно данных чтобы судить нужны ли вам эти присадки, - спокойно ответил осьминог, - после опыта мы уберем их по вашему желанию, но пока еще никто не отказывался.
- Еще бы! - Петрович чуть не подавился содержимым спринцовки, - Это же еще одна операция!
- Хочу, не хочу! - укоризненно вмешался Борис, - По нас будут судить о готовности целой Земли! Как можно печься о личном благополучии, когда ты в ответе за такое дело?
- А если здесь какие-то другие интересы? - неопределенно пошевелил пальцами Володя, - Вспомни хотя бы концепцию культурного брожения миров Петровича.
- Интересно, как ты будешь потом это вспоминать, когда все закончится? - спросил Борис проникновенно.
Андрей засучил рукав и деловито подошел к осьминогу:
- Вот, взгляни, - показал он озабочено, - В такую дырку свободно карандаш пролезет. Сейчас уже почти не болит, но вон как вены вздулись!
- Отвернись, - предложил осьминог, - чтобы голова не закружилась.
Когда через несколько минут щупальца отпустили руку, на ней осталось только красноватое пятно от прилившей крови.

На этот раз Андрею инопланетянка не снилась. Он проснулся после удивительно глубокого и целебного сна. Такое было о ним однажды, когда он ночевал в горах зимой без палатки прямо на снегу. Из спальника торчал только кончик его носа и каждый вдох чистейшего морозного воздуха приносил невыразимое наслаждение и ясность в голове.
Андрей потянулся, открыл глаза и рывком сел, на этот раз правильно рассчитав усилие. Он был один в коричневой мгле. Взгляд беспомощно скользил по сторонам, не имея возможности на чем-нибудь остановиться.
Андрей пошатываясь встал и вытянул руку: она уперлась в стенку. Обойдя отсек, он с содроганием убедился, что находится в небольшом изоляторе. Вот оно: операция! Их разъединили чтобы можно было оперировать беспроблемно по одному. Интересно, как это выглядит? Неужели его будут оперировать прямо на полу как свинью? Андрей в детстве видел, как резали погибшую от гипоксии свинью в ветклинике. Два ветеринара потрошили ее на бетонной площадке и складывали вырезанные органы на полиэтиленовой пленке.
Его пробрал навязчивый приступ медвежьей болезни. Чего они там тянут? Может еще не знают, что он проснулся? Андрей для пробы заорал во все горло и чуть не

сорвал голос потому, что звуки застревали как в вате. Ему стало немного легче, но вскоре по контрасту с криком начала угнетать звенящая тишина. Так можно и свихнуться. Андрей с чувством запел, но вдруг его накрыло острое одиночество. Ему показалось, что он уже давно сидит в этой тюрьме и, может быть, просидит вечно. Интересно, чего они там тянут?
Андрей разлегся на полу и вспомнил инопланетянку. Тогда, при встрече, утопая в ее глазах, ему казалось, что он проникает в ее душу и понимает, как самого себя. Знания и опыт, все то, чем обрастает личность становится несущественным, когда возникает иллюзия понимания между мужчиной и женщиной. Остается только ее "я" и его "я" в том первозданном самоощущении какое есть у любого живого существа. Андрей как мог представил ее душу и тут произошло нечто-то потрясающее: возник яркий и самобытный образ, живой и продолжающий формироваться чужой мыслью. Он сразу безошибочно понял, что воспринятое принадлежит той самой инопланетянке. Он узнал ее по общей картине, состоящей из неуловимых в отдельности характерных только для нее черт. Именно она телепатически выражала свое участие к его положению и вопрос как он себя чувствует.
Это была такая интимная связь, что за мгновения Андрей узнал девушку лучше, чем если бы они были знакомы годы. Пока Андрей размышлял об этом, образ-вопрос повторился и затем развернулся примером как следовало бы представлять свои мысли для ответа. Действительно, он ведь еще не ответил! Андрей собрался и выложил в одном порыве свой восторг. На том конце случился небольшой переполох. Андрей явно ощутил, как лихорадочно девушка пытается разобраться во всех его переживаниях. Он понял, что просто завалил ее информацией.
Понемногу они входили в приемлемый ритм мысленного диалога, когда образы возникали созвучно и трудно было уже оказать кто и какой вклад внес в их создание. Они мыслили, как один человек, но пользовались опытом обоих. Андрей с непривычки часто терял свое личное самоощущение. Конечно, он не мог постичь сразу всей ментальности девушки так же, как человек не может сразу вспомнить все, что знает. Все вспоминались по мере необходимости и оставалось принадлежать Андрею настолько, насколько он мог это понять. Потом девушка продемонстрировала как он может видеть ее глазами. И, наконец, раскрылась тайна осьминогов, как только один из них предоставил его воле свое тело. Теперь у него был свой личный осьминог. Андрей сразу понял, что осьминог не обладает самостоятельным сознанием хотя мозг у него есть. Так же как человеку не нужно специальным усилием сознания управлять каждым своим пальцем, конечностью или отдельной мышцей в сложном движении, так же и осьминог, чувствуя общий смысл действия, разбивает его без участия сознания водителя на нужные промежуточные движения своих органов. Андрей не путался во множестве щупалец и отростков. Если он делал усилие к движению, то улетал в осминожьей ипостаси туда куда нужно с той скоростью, с какой желал.
Девушка пояснила, что теперь он может пользоваться этим осьминогом в качестве выносных органов. Он стал еще одной частью его тела и к этому нужно было теперь привыкать.

После того как он вволю наигрался, девушка завладела его сознанием и в виде образов спела что-то вроде расслабляющей колыбельной. Что-то предстояло важное и к этому нужно было подготовиться, освободившись от лишних мыслей. Как ребенок учится ходить, играя, так и Андрею нужно было научиться владеть новыми возможностями.
Вкоре последовала гамма мыслительных медитаций, и если вдруг на каком-то этапе с трудом думалось, то возникала игра, приятная и захватывающая, нарабатывающая нужную функцию.
Как только Андрей начал уставать от новых впечатлений, девушка слегка отстранилась, но они все еще чувствовали присутствие друг друга. Начали присоединяться другие, становилось все более интересно.
И, наконец, ему был поставлен вопрос. Вот прямо так официально и ответственно. Запрос его мнения о готовности людей Земли к перерождению в новом качестве. Андрей чувствовал, что достаточно искушенные участники могут выхватывать из него то, что он даже не в состоянии оформить словами и мыслями. Он был вовлечен в обсуждение и растворился в сознании участников. Среди них он начал узнавать и своих товарищей, скорее по общим испытанным фрагментах жизни, чем по их мыслям, во многом очень неожиданным. В отдельных эпизодах проявлялся деловитый и замкнутый характер Петровича, слышались технолюбивые и язвительные нотки Володи, женская впечатлительность Дианы и прогрессорский фанатизм Бориса. Но все это было на фоне мощного и размеренного коллективного мыслительного процесса, где каждый использовал безраздельно знания, способности и впечатления других. И получалось, что, рождаясь у кого-то в мозгу, начальная мысль обрастала опытом всех и превращалась в общее понимание, из которого каждый извлекал что-то ему доступное и для него важное.
А в самой глубине душ... не ощущалось никакой разницы между самоощущениями участников. Было одно общее самосознание. За короткий срок от огромного количества впечатлений земляне начали уставать, мысли путаться. Не в состоянии больше уследить за общим развитием идей, они становились бесполезными отголосками и обсуждение прервали. Локальный мозг пока не приспособился к такому ритму и требовал отдыха для утряски впечатлений.
Андрей остался наедине с девушкой, и они немного поиграли друг с другом. Это успокаивало, расслабляло, пережитое всплывало как сон, и девушка помогала это осмыслить. Постепенно он вышел из лихорадочно-возбужденного состояния, но яркие впечатления все еще болезненно преследовали его. Сильно захотелось есть. Мысли толпились, требуя внимания и мешая друг другу, сплетаясь в иррациональный бред наяву. Ему захотелось выбраться из изолятора и в стене открылся проход.
В звездном зале у растения стояла Диана спиной к нему. Андрей понял, что она плачет. Рядом с зелено-фиолетовой пародией на растение в земле торчала живая ветка облепихи.
- Пойдем кушать, Диан, - как можно мягче сказал Андрей, но она все равно вздрогнула.
- Андрюша! - Диана повернула к нему мокрое лицо, - Вот я какая дура! Они все умные и вы умные, а я, наверное, ни на что ни гожусь!

- Ну, что ты! Это по началу трудно. Привыкнем. Думаешь мне легко было? Чуть не свихнулся.
- У меня в голове все путается. Я больше не смогу! Неужели мы когда-нибудь вернемся на Землю?
К ним подошли Володя и Петрович.
- Ну, что? Опять мокруха? - участливо сыронизировал Петрович, болезненно морщась и потирая виски, - Здорово они нас отделали. Жрать пошли, не могу больше!
Но вместо обжитого транспортного модуля им предложили перебраться в отведенный для них отсек в стене звездного зала. Борис развалился непонятно на чем как в кресле, со спринцовкой в руке и наслаждался с видом богатого римлянина.
- Что, больше других знаешь, отличник? - пошутил Андрей, - А ну, говори, на чем сидишь?
- Да тут, ребята, у них, оказывается, сплошной комфорт, а мы как обезьяны на полу валялись. Захотел - стенка с креслом выгнулась, а хочешь - пол кроватью вздыбится. Вот, например - Борис картинно щелкнул пальцем, и стены отсека растаяли среди космической бездны, оставив видимыми только светящиеся овалы проходов. Диана ахнула, Андрею захотелось за что-то ухватиться.
- В общем нам еще нужно учиться понимать, что тут вокруг и как этим пользоваться, - продолжал Борис, довольный эффектом, - теперь ведь у нас есть связь со всеми системами станции и со всеми ее достаточно адаптированными обитателями. Мы пока еще новички. Да что там станция! Мы отсюда можем мысленно проникнуть в любое место освоенной Вселенной и побывать там в шкуре тамошних осьминогов.
- А мне понравилась эта лошадка! - оживился Петрович, - Они мне вроде как подарили одного. Ну-ка попробую!
И впрямь, в отсек ворвался какой-то ненормальный осьминог и встал как вкопанный перед Петровичем, ударив в пол копытами.
- Надо же! Самого себя вижу! - с ребячьей радостью воскликнули одновременно Петрович и его осьминог.
- Ты поосторожнее! - посоветовал Володя озабочено, - Заведи лучше своего коня пока что в стойло!
- Думаешь я знаю где у него стойло?
- Да бросьте его, он сам доберется, когда станет автономным, - посоветовал Борис. Осьминог Петровича вышел.
Андрей прогнул для себя пол и удобно развалился. Володя устроил то же самое для Дианы и для себя. А Петрович завис где-то в воздухе над столом как в бане на верхней полке.
- Ой, - вдруг тихо вскрикнула Диана и обессилено откинулась в кресло. Она подняла отяжелевшую голову, вяло тряхнула волосами и, наконец, разлепила непослушные веки.
- Что еще? - всполошился Володя.
- Чуть не заснула. Я случайно связалась со столом. Думала он парень простой и мне будет все понятно. А он как поделился своими сонными мыслями...
- Я спрашивал, чего он все время спит, - сказал Борис, когда утихло хрюканье

Петровича, - он действительно парень простой. Все его функции - вовремя накрыться. Интеллекта для этого много не нужно. А всякое живое существо старается вести себя так чтобы результатом было удовлетворение. Вот у него такой цикл: накормит и расслабляется от радости. А вообще-то это специально для нас выдумали игрушку. Да и эти отсеки и звездный зал. Им ведь, суперам, никакой жилплощади не нужно. А пока мы в человечьем теле, с нами много возни. Нужно накормить, умыть, площадочку для мышечных игр устроить чтобы не засиделись. Для этого и нужна такая станция. Вроде детских яслей. А настоящие, "взрослые" инопланетяне живут без собственного тела. Осьминогами они редко пользуются поэтому их не очень много. В основном инопланетяшки действуют сообща примерно так, как у нас это было, когда решали задачу, только намного сложнее. Конечно, они не все время что-то придумывают, а имеют какие-то свои общие ритмы, вроде коллективного сна и бодрствования и даже развлечения, но тут я вообще ничего не понял, что это за развлечения.
- Какая жизнь тоскливая! - поежилась Диана.
- У костра, конечно, не поют. Однако, даже нам ведь понравилось в осьминоге кататься! Каждому свое. Попробуй пещерного дикаря убедить, что в нашем веке жить лучше, в квартире и со столькими условностями!
- Считай, что я и есть такой, - покачал головой Петрович, - Я свою прежнюю жизнь ни на что не променяю. Конечно, лошадкой пользоваться буду. Ну, и телепатия, понятно, удобнее, чем радио и телефон.
- Все правильно! - кивнул Борис, - Так оно поначалу у всех и будет, а потом втянемся. Ну, а те, кто уж никак не сможет приспособиться, вымрет постепенно.
- Ага, - недобро ухмыльнулся Петрович.
- Кстати, вы заметили? - подал голос Володя, - эти инопланетяне ходят уже без оружия. Совсем нас не боятся. Я случайно встретился, когда в зал шел.
- А чего тебя бояться-то? - спросил Петрович.
- Ну как! Все-таки землянин, дикий зверь!
Диана фыркнула и все примолкли.
Андрей все это время задумчиво сидел в своем выступе. Неожиданно даже для самого себя он встал и вышел из отсека.
- Может проследим осьминогом куда это он? - предложил Володя, но именно потому, что предложил он, никто подглядывать не стал.
По дороге Андрей все решал: быть этому или не быть, пока не оказался перед заветным проходом.
Увидев свою девушку, он с радостью убедился, что она куда желаннее, чем ему показалось в прошлый раз. Совместные переживания этому очень способствовали. А теперь, ментально изолированный, он чувствовал неуверенность, теряясь как мальчишка, он протянул ей контактную мысль и сбивчиво передал ей необычную просьбу временно отключиться от других инопланетян чтобы пообщаться только с ним.
Девушка согласилась, и тогда Андрей дал волю своему порыву.
Та широко открыла глаза, переживая чужое непривычное для нее волнение и многого просто не понимая. Она почувствовала себя соучастницей какой-то дикой глупости и не могла принять всерьез состояние Андрея, хотя прекрасно понимала, что в нем доминирует половое влечение. И ничто не мотивировало ее

следовать его желаниям. В ее мыслях Андрей с облегчением уловил снисходительность. На него не обиделись так же, как нельзя осуждать неразумную тварь. Эта хрупкая невинная девушка общалась с ним ласково и трогательно с высоты гораздо более глубокого понимания и, невольно принимая эти правила игры, Андрей почувствовал себя глупым котенком рядом со своей хозяйкой.
Но надежда не оставляла его, хотя горячее чувство уже не так кружило голову. Не может быть между ними такой непреодолимой разницы. Находясь в биологическом теле, девушка не может не следовать биологическим законам, просто чувства ее нужно суметь разбудить. Андрей вообразил, что станет тем человеком, который откроет перед этой инопланетянкой всю красоту любви.
Их последующий диалог нельзя передать словами, охватить сразу все образы, сопровождающие основные мысли. Андрей в пылу вдохновения с горечью спрашивал, не вытравляют ли они половые эмоции вообще при рождении чтобы не мешали думать? Он сам понимал, что это не так, но хотел чем-нибудь задеть девушку и спрашивал ее про детство:
- Ты ведь бегала по лужам, делала глупости и любила...
Она вспоминала:
- Да, но это было так давно... С тех пор как мы перешли в новое качество моя жизнь проходила здесь. И, поверь, чувства, вызванные биологическими потребностями теперь просто не нужны.
- Но как же вы тогда размножаетесь?
- Мы не размножаемся. По мере изнашивания органов их заменяют на синтетические. А если уровень подготовки уже достаточен, то переходим на бестелесное существование.
- В чем же заключается ваше счастье?
Она участливо улыбалась в мыслях, ее забавляла его наивность.
- Счастье в самом общем назначении - результат удачного приспособления к чему-то, решение проблемы. У человека к биологическим потребностям и задачам их удовлетворения добавляются социальные. Мы счастливы, когда решается важная задача, когда наше предположение оправдывается. И мы печалимся в случае ошибок, ровно настолько, чтобы не повторять этого. На моей планете у людей доля индивидуальных потребностей, тем более биологических, ничтожно мала.
Андрея досаждало, что разговор уходит из желаемого русла и то, что девушка оказывалась права, не печалясь об утраченных био-потребностях и, главное, то, что он сам, невольно подчиняясь логике воспринятых образов уже не видел в девушке потенциальную партнершу для любовной романтики. Теперь в ее образе преобладала личность. Глупо любить бесполое существо.
- Но ты такая изумительно красивая! - воскликнул Андрей, - Ведь это же не зря, наверное?
- Ты прав, - она окутала его комфортом понимания, - мне нравится быть такой! И мне нравится, что я тебе кажусь красивой.
Как гора с плеч. Только что он собирался защищать любовь не просто как инстинкт, а как взаимопонимание, раскрывающее в человеке лучшие черты гуманизма, но если нет женщины, а есть только личность в принципе мало

отличающаяся от его собственной, то какую такую любовь, призванную возвысить их, он может предложить ей? Но, все же, были какие-то пути для симпатии. Правда, далеко не то, что он сгоряча хотел предложить ей. А, может быть, он просто чего-то еще очень недопонимает... и тогда это общение было преждевременным. Не наскучит ли он ей щенячьим своим восторгом?
Он порывисто передал ей сложную смесь прощальной грусти и легкого разочарования, а затем вышел, не оглянувшись.

Петрович радовался, не стесняясь показать это. Затаившись в небольшом отсеке как шкодливые мальчишки, земляне мысленным приказом закрыли проход как сфинктер в кишке.
- Надо научиться хорошо стрелять из этой штуки, - заявил Петрович, - Те хлюпики держали ее в руке как фонарик в голивудских фильмах. Вот кнопка! Ясно, что бьет она из какого-то торца. Вот странная техника: даже отверстия никакого не видно! Сейчас мы с этим делом разберемся.
- А может лучше спросить? - засомневался Володя.
- Люблю сам ребусы разгадывать! - заулыбался увлеченный Петрович.
На одной грани бруска краснело пятно размером с монетку.
- Ну-ка не стойте у торцов! - приказал Петрович, примеряясь. Он вытянул вперед руку с бруском, прищурился и большим пальцем накрыл красное пятно. Из его ногтя вырвалось облачко пара и образовалась дырка, а Петрович вдруг начал валиться навзничь. Андрей сделал движение чтобы подхватить тело, но не удержал и отпустил на пол. Над правым глазом во лбу и до затылка луч прожег сквозное отверстие с заварившимися краями. Все произошло как в кино и настолько нелепо, что не укладывалось в голове. Володя попятился и вжался спиной в стенку. Андрей молча стоял с безвольно опущенными руками и смотрел округленными глазами на труп.
Они оказались в ужасном положении и все должно сейчас открыться. Андрей судорожно вздохнул и сосредоточился, вызывая инопланетян. Даже если не все потеряно, они неоправданно унизили сами себя и, как это часто бывает, теперь остро жалели о сделанном.
Проход с чавканьем распахнулся и в отсек влетели два осьминога. Один из них тут же впился в бездыханное тело. Другой поднял оружие и телепатически обратился к парням:
- Почему вы не спросили, как с ним обращаться?
Андрей с Володей молча потупили глаза.
- Тут нет ничего сложного. Оно стреляет из красной метки по мысленному приказу.
Андрей недоуменно пожал плечами.
- Но Петрович только нажал на пятно!
- Значит он при этом мысленно пожелал выстрела. До операции он не мог бы управлять этим оружием.
- Что теперь?..
- Он мертв. Его мозг восстановить в прежнем виде невозможно.
В отсек ворвался разъяренный Борис.
- К-казлы! - процедил он, но, увидев Петровича, побледнел и замолчал.

Осьминоги куда-то унесли тело, и земляне остались одни.
- Может пока не говорить Диане? - не своим голосом спросил Володя.
- Да она знает!.. - махнул рукой Борис.
Они вернулись в свой отсек. Диана из своего угла молча с ужасом смотрела на них.
- Знаете, что сказали инопланетяне? - Борис неуверенно помялся, - Что смерть индивида - явление вовсе не такое непоправимое как это кажется под влиянием инстинкта самосохранения.
- Чего? - прищурился Андрей с затеплившейся надеждой.
Борис светился желанием на этот раз пробить непонимание товарищей.
- Все равно, самосознание или ощущение своего "я" у всех живых существ в принципе одинаково в независимости от уровня развития. А именно "я" и оберегает от смерти индивид. Ему не так важно какой останется его личность, лишь бы не перестало существовать "я".
- Ну ни фига! - возмутился Володя, - А если я останусь дураком?
- Остаться совсем уж дураком - это равносильно смерти личности. А остаться не совеем дураком можно и не заметив этого. Даже в течение жизни личность всегда меняется неузнаваемо, то есть практически человек становится другим, но не видит трагедии в том, что тем самым погиб его предшественник. Короче, все живые существа вокруг - это различные варианты одного и того же "я", развивающегося в разных телах и условиях. Действительно, принцип отражательной деятельности мозга один и тот же независимо от сложности.
- Черт его знает, конечно, - почесал нос Андрей, - в этом что-то есть, но нам от этого сейчас не легче... Петровича больше нет, и если мы вернемся, то его жене не навешаешь на уши всю эту фигню.
- Да, ей не объяснишь, а нам уже много можно понять после того как соприкоснулись с другими непосредственно разумом. А без такого опыта все эти "я", населяющие мир, только потому и кажутся друг другу чужими, что не имеют телепатической связи. А вы сами не замечали разве, что когда вам передают мысли и чувства, как они ужасно похожи на собственные? Не всегда сообразишь, где мое, где чужое! Вот и получается, что если бы у человека было много его точных копий, то он мог бы пожертвовать какой-то. Он бы не боялся, что она умрет. А ведь в мире и на самом деле полно его вариантов "я", параллельно живущих с ним и если он умрет, то будут продолжать себя ощущать они. Будь между ними телепатическая связь то ни каких трагедий не было бы.
- Что-то я не понял, - остановил Бориса Андрей, - ведь даже если у меня много копий то, умерев, одна из них перестанет себя ощущать и это для нее смерть.
- Ну, во-первых, после смерти для нее не может быть трагедии потому, что ее просто уже нет. И, во-вторых, мы ведь умираем каждый день.
- Вот даже как? Что-то не замечал! - заржал Володя.
- Мы засыпаем и наше "я" в это время прекращает свое существование. Просыпаемся и снова активизируемся в старом теле, а можно - в любом другом или не сейчас, а когда угодно.
- Во сне мозг не перестает функционировать, - возразил Володя, - к тому же мы видим сны.
- А осознание перестает функционировать. И уж во время полного наркоза или

клинической смерти - точно. А потом человека оживляют, и он доволен даже если его психика при этом как-то изменилась. Инопланетяне говорят, что страх смерти сопровождает человеческое общество лишь до его рождения в новом качестве общения, до его телепатического объединения.
Вот смотрите. Человек засыпает, скажем, под наркозом. Его нет нигде в это время, он все равно, что умер. И только если проснется, его активность и сознание восстановится, и только тогда он опять себя ощущает, неважно где, когда и в каком теле.
- Когда же это они успели тебе столько сообщить? - удивился Андрей.
- Мы как раз об этом говорили пока Петрович не застрелился. Будто они там чувствовали, что это должно случиться...
- А может они нарочно все так подстроили? - понизил голос Володя, - что им стоит поиграть с нами в кошки-мышки? Мы ведь для них еще не родились!
- А зачем им это надо? - пожал плечами Борис.
- Этого нам тоже не понять... - усмехнулся Володя.
- Мальчики! - выкрикнула чуть не плача Диана, - Как вы можете говорить сейчас обо всем об этом?..
- Надо же, Диан, извлечь урок для живых, - вздохнул Андрей.
В отсек неторопливо ввалился осьминог, задержался у входа, как-то узнаваемо хмуро посматривая исподлобья и покачивающейся походкой направился в угол Петровича. Там он со злостью отшвырнул щупальцем охотничий рюкзак в сторону и развалился на полу, подложив несколько щупалец под головной купол. Земляне переглянулись.
- Петрович! - осторожно позвал Андрей, еще не до конца веря в увиденное.
Осьминог шевельнулся и повернул купол:
- Чего тебе?
- Так ты живой?! - Андрей радостно подошел ближе и присел рядом с осьминогом.
- Да лучше бы сдохнуть, чем жить такой каракатицей! - буркнул тот немного растроганно, - Теперь на Землю хоть не возвращайся! Как я жене покажусь?!
- Брось, Петрович! - Андрей ободряюще похлопал осьминога по куполу, - Главное, что ты жив, а там привыкнешь. Тебе ведь нравилось на этой лошадке кататься!
- Ох, Андрей, ты мне лучше этого не говори! - застонал Петрович, поднимаясь на щупальцах, - Мне уже сейчас тошно, а что потом будет?
- Что они с вами сделали! - жалостливо пропела Диана, в порыве сострадания подходя ближе.
- Что сделали?! - оборвал ее Андрей, - он теперь в миллион раз более рационально устроен, чем мы. Это мы тут все каракатицы, а он - идеальная особь! Борис, скажи!
Но Борис сидел неподвижно и его горящие любопытством глаза были устремлены в бесконечность.
- Опять с ними перетирает что-то! - укоризненно заметил Володя, - Совсем парень отходит от всего земного.
- С Борей-то все в порядке! - С вызовом сказала Диана, - Лучше некоторых, хоть с ним и бывает иногда скучно.
- Потому и скучно, что он наполовину уже инопланетянин, и наши интересы его ни

грамма не волнуют! - с неожиданной злостью возразил Володя, - Что в нем осталось людского? А? Вот Петрович: хоть и стал осьминогом, но мужик что надо! Ты, Петрович, не горюй. С женщинами, конечно, теперь будет сложнее, но может еще и круче с такими-то щупальцами, зато на охоту пойдешь - одно удовольствие. Ты же теперь любого зверя моментально настигнешь!
- Пошел в ж... - прошипел осьминог-Петрович и Диана, ойкнув, отошла подальше. Во время обеда Петрович мялся в стороне от стола. Теперь он предпочитал питаться вонючей слизью.
Борис разоткровенничался и поведал, что со всех землян давно уже сняты копии ментальностей в виде слепка нейросетей в связи органами чувств и мышцами.
- Как только нам сделали подсадку адаптаторов, так сразу и отсканировали. У них еще есть быстродействующий возбудитель памяти, и когда он работал у нас в мозгу проносилась вся жизнь. Одни воспоминания тянули за собой другие, и все это передавалось по радио и записывалось в синтетической памяти искусственного мозга. Его устройство совсем другое, чем у природного мозга, но функции те же. Когда Петрович застрелился, его искусственный мозг включили, связав радиоканалом с осьминогом. Вот Петрович и проснулся в новом теле. Теперь он, по существу, совсем как инопланетяне. Те ведь тоже без тел живут, вот только осьминогами редко пользуются, а значит ничего не чувствуют и не видят каждый по отдельности. Зато связанные вместе образуют мозг самый чувствительный и внимательный к окружающему во Вселенной. Ведь из миллиардов особей тысячи, пользуясь осьминогами и другими выносными органами, из разных точек космоса передают информацию всей системе.
- А я ведь сам себе в лоб пальнул, - заговорил о своем Петрович, - когда проснулся они мне все рассказали. Ихний ретранслятор, которым они наши мысли улавливают, зафиксировал: я перед самым выстрелом подумал, что из этой красной точки мне как раз в лоб может очень даже запросто зашарашить. Оказывается, ей даже не нужно точно прицеливаться. Достаточно мысленно передать в какую точку стрелять, а она уж направление выстрела сама рассчитывает, причем использует для этого наши же глаза. Вот это игрушка, я понимаю.
- Значит, когда я обезоружил инопланетянина, он не случайно попал мне в руку? - спросил Андрей.
- Случайно оно не попадает. Бьет всегда в нужную точку. Не увернешься.
- Надо же! - восхитился Борис, - Оружие чтобы попасть использует зрение и мозг стреляющего! Даже если выронил из рук все равно можно стрелять!
- Только вот зачем они с нас копии сняли и разговоры записывают? - спросил Володя.
- Без паранойи, пожалуйста! Тебе от этого плохо? - Андрей насмешливо посмотрел на него, - Петровича вот восстановили, а может и тебя скоро...
- Насчет Петровича еще неизвестно. Вероятно, они сами все подстроили, - Володя пожал плечами.
Он не на шутку разволновался и нервно вышагивал по отсеку.
- Чего ты ужасы нагоняешь? - усмехнулся Борис.
- Тебя что, завербовали чтобы ты нас охмурял?
- Ладно, хватит вам! - вмешался Андрей, - Дальше видно будет.

- Погоди, Андрей, я просто могу на примере показать преимущества и возможности бестелесного существования. И как при этом можно удовлетворять даже наши скромные человеческие потребности.
- Не свисти...
- Да ты не понял, я реально покажу. Если мы на Земле смотрели кино и при этом получали удовольствие, то что же будет если мы сами окажемся участниками приключения в вымышленном мире? А для наших копий это возможно и, объединившись с ними телепатически, мы сможем переживать и чувствовать все как в реальности.
- Ну и что? - фыркнул Володя, - Мы и сейчас переживаем неплохое приключение! Я бы в жизни не поверил, что это возможно!
- Погодите! Я прикольный сюжетец придумал! - посулил Борис и сосредоточился, - Приготовьтесь, считаю до трех, и мы - в квесте! Раз!
- Что за фигня опять на наши головы? - насторожился Володя.
- Два!!
- Опять что-то придумал вместе со своими дружками? - строго спросил осьминог-Петрович.
- Три!!!
Все вокруг исчезло так внезапно, что земляне едва удержались на ногах. Вокруг них и под ногами струилась перламутром бестелесная нереальность, но к таким фокусам они уже привыкли. В центре между ними радужно переливался с детства узнаваемый цветик-семицветик, невесомо зависнув и неспеша поворачиваясь как праздничная карусель. Все сразу и одновременно поняли его сказочное назначение. Петрович снова оказался в своем привычном теле и по его лицу было видно, как он этому рад.
- Это что, нужно спеть песенку и загадать желание? - спросила Диана.
- Достаточно просто оторвать лепесток и увидишь желаемое.
- Хочу дождь и Солнце! - Диана мечтательно закинула голову вверх и дернула голубой лепесток.
Землян щедро окатил теплый ливень и глаза ослепили яркие лучи.
- Тьфу ты, черт! - возмутился мокрый Петрович и аннулировал желание красным лепестком, - Давай лучше пива каждому по две кружки и шашлык! - и в ход пошел желтый лепесток.
Появился стол, заставленный кружками и тарелками.
- Вам лишь бы пиво пить! - обиделась Диана, - А я по Земле соскучилась!
- А что! Мы сейчас покушаем и на Землю! - промычал Петрович, снимая зубами с шампуров ароматные куски.
- Как вы примитивно все восприняли! - расстроился Борис, беря, однако, свою порцию, - Мы должны пожелать настоящее сногсшибательное приключение, а не размениваться по мелочам!
- Сейчас покушаем и на Землю! - повторил спокойно Петрович, - Зачем приключение? Мне на станцию надо. Там сейчас Махмуд с Абдурахманом власть делят. Еще поубивают друг друга!
- Да поймите: мы сейчас живем понарошку и ни на какую Землю попасть не сможем! - горячился Борис, - Это получится придуманная, не настоящая Земля!
- А чего тогда сами себе голову будем морочить? - пожал плечами Петрович.

- А вот, например, - вдруг встрял Володя, - как вам такое!
В трех шагах от них раздался скрежещущий рев, пахнуло гарью и разинул три омерзительные пасти Змей-Горыныч средних размеров из его детства. Одна голова прошлась по тарелкам, слизав шашлык вместе с шампурами, две другие потянулись к землянам. Петрович щедро плеснул в ближайшую пивом, и она поперхнулась пеной. Диана, онемев от страха, спряталась за Бориса.
- Пошел вон вонючее чучело! - с досадой воскликнул Андрей.
Змей, сильно обидевшись, пошел на него. В последний момент белый лепесток предотвратил растерзание.
- Конечно, так настоящего приключения не получится, - расстроился Борис. Не успеет кто-нибудь наколдовать, как другие все портят. Да и фантазия какая-то бедная здесь...
Наступила неловкая пауза и тут Вселенная перевернулась.
Земляне посыпались на хрустящий морской песок. В глаза блеснуло тропическое солнце и повеяло горячим соленым ветерком. Сине-зеленое море простиралось до горизонта и переходило в небо. С противоположной стороны за неширокой прибрежной полосой вздымались высоченные пальмы. Под ними повсюду стояли огромные котлы и красное коптящее пламя лизало черные днища. Хвостатые дикари в свирепом возбуждении в рогатых масках деловито суетились вокруг с длинными вилами. Изредка раздавались отчаянные крики жертв.
Андрей обомлел от удивления: они все превратились в смешных волосатых обезьян. Петрович вдохновенно выругался и стыдливо присел на задние лапы, нервно хлеща себя по бокам лысым хвостом с голубой кисточкой.
- Чье изобретение? - проорал обезьяньим фальцетом Борис, с ног до головы обросший густыми и длинными лохмами бежевой шерсти, - Где, блин, семицветик?!
- Море и пляж на острове - мое! - с готовностью Володиным голосом заявила облезлая обезьяна с красной кисточкой, - Там еще девушки должны купаться. А семицветик я ликвидировал, чтобы больше никто не вмешивался.
- Как же мы теперь вернемся?
- А я на этом острове все предусмотрел для долгой беззаботной жизни. А потом инопланетяшки хватятся и вызволят.
- А что за котлы?
- Это уже не я.
- Моя шутка, - голосом Андрея усмехнулась большая рыжая обезьяна, - параллельно-одновременно вышло, но я же не знал, что цветик исчезнет.
- Влипли. Хоть объясни, что это ты наколдовал?
- Ад с чертями, - махнула на котлы когтем рыжая обезьяна.
- Мамочки, неужели я такая же уродливая как вы?! - отчаянно спросила белая пушистая обезьянка.
- Да нет! Ты ничего так, симпатично получилась! - оскалил зубы Андрей, - Вовка, а где твои девушки? Пошли знакомиться!
- Познакомишься теперь! - огрызнулась плешивая тварь, - Все испортил!
- Дурень! Как раз в таком виде лучше всего знакомиться! Представляешь? Подходят такие интеллигентные обезьяны, разговаривают...

Из-за поворота пляжа показалась группа стройных девушек в пестрых купальниках. Ни на что не обращая внимания, они расположились на берегу. Володя замычал от бессилия. И тут их заметили черти. Несколько рогатых тварей агрессивно и очень проворно затрусило вниз, высоко подпрыгивая на длинных пружинящих вилах. Трое из них отделились в сторону девушек, а четверо с диким хрюканьем набросились на обезьян.
Петрович яростно выхватил вилы у самого борзого, и тот с разбегу навернулся рогами в пальму, очень удачно застряв в таком положении. Черти оказались низкорослыми, какими-то не очень серьезными в деле. Даже Диана, зарычав от возбуждения, столкнула рогами двоих вцепившихся в нее бесов, а Андрей сноровисто связал их хвостами, похожими на альпинистские веревки с размахрявленным концами, которые новички забывают аккуратно оплавить. Девушки на пляже после первого испуганного визга тоже легко справлялись с напастью, но на подмогу хлынула целая хрюкающая стая нечисти.
Неизвестно, чем бы все кончилось, но грешники, томившиеся в котлах без присмотра, оказались не дураками, повылазили и повалили освежаться к морю в клубах пара. С блаженным ревом они бросались в волны, не обращая внимание на мечущихся вокруг чертей. Девушкам теперь приходилось отбиваться преимущественно от еще горяченьких грешников.
Черти гонялись за отдельными нарушителями режима и, поймав, волочили за ноги по песку к котлам.
- Извините, вас не обидели эти гады? - переводя дыхание галантно обратилась рыжая обезьяна к ближайшей девушке, подозрительно похожей на его инопланетянку со станции.
- Ой, спасибо вам, обошлось испугом! - кокетливо выставила плечо красавица.
- Ну уж нет! Хватит!! - вскричала белая пушистая обезьянка, - Или мы сейчас же валим отсюда пофиг как или я с вами не желаю больше иметь ничего общего!
- Диан, - заскулил Володя, - у нас же нет цветика!
- Облезлый бабник! - свирепо прошипела белая обезьяна, - мне пофиг есть у вас цветик или нет!
- Ладно, выход есть, - сказал Борис, - один из нас должен умереть. Тогда он снова окажется в отсеке и выручит остальных.
- Вот сам и умирай, раз заварил кашу, - рассудил Володя.
- Да без проблем, - клыкасто улыбнулся Борис, - что нам стоит? - он не спеша подошел к пальме и прытко полез на верх.
- Боречка, не надо! - в ужасе воскликнула Диана.
Борис радостно посмотрел вниз:
- Господи, Диана, только не нужно делать из этого трагедию!
- Ты же сама хотела немедленно уходить отсюда, - злорадно напомнил Володя.
- Боренька! Слезай сейчас же! Мы что-нибудь еще придумаем! Нас спасут отсюда!
Борис скрылся среди широких листьев на макушке и оттуда донесся его немного взволнованный голос:
- Эй вы, там, внизу! Слабонервных прошу отвернуться! Первый па-ашшо-о-ол!!!
Белая обезьяна свернулась в клубок, уткнув мордочку в пушистые колени, из листвы вырвалось бежевое мохнатое тело, и, распластав лапы в воздухе, кануло вниз. Оно жестко шлепнулось на песок и так осталось с подвернутой шеей. Еще

через секунду все очнулись в отсеке.
Растрепанная Диана перевела дух, встала на ноги и одарила благодарным взглядом Бориса. Тот чуть порозовел и довольно улыбнулся.
- А ничего так мы порезвились, жалко только, что кино на самом интересном кончилось! - осьминог-Петрович опять разлегся в своем углу.
- Нет проблем, - заявил Борис, - в любое время можно снова устроить себе встряску, хоть коллективную, хоть индивидуальную. Кроме того, это отличный полигон для мысленных экспериментов.
- Неужели инопланетяшки настолько до мелочей изучили земную жизнь, что сумели устроить нам такое представление? - спросил Андрей, - Все было так реально что не придерешься.
- Они наверняка даже не видели наших похождений. Все разворачивалось так, как ожидали мы сами. Это ожидание улавливалось и воплощалось в действие. Поэтому, между прочим, появлялось только то, на что обращалось в данный момент наше внимание.

После ужина Андрея опять потянуло к своей инопланетянке. Он глумливо насмехался над собой, но не мог отделаться от таинственной притягательности тех переживаний, что так тронули его в первые мгновения их мысленного объединения. Это было так сильно, ярко, необычно и здорово, что он вряд ли забудет когда-нибудь. Он не мог даже предполагать такое у какой-то женщины. И так хотелось узнать, как ее зовут... Наконец он решился на компромисс со своим гордым упрямством и, заготовив несколько вопросов для предлога, улизнул из отсека.
На этот раз его трудно скрываемое состояние и внезапный уход заинтриговали товарищей и его дружно выследили, послав вслед осьминога.
Мужики, увидев инопланетянку, единодушно и безоговорочно позавидовали Андрею. Но внимательная Диана сразу нашла тысячу недостатков и не преминула начать скептически перечислять их, отлично понимая, как это глупо и выдает ее, но уже не в состоянии остановиться.
- Привет, родная! - передал согретый иронической дружелюбностью мыслеобраз Андрей и с трепетом поднял глаза. Девушка улыбалась ему без малейшего неприятия. Андрей никогда не встречался с такой располагающей доверчивостью и растерялся. Он нерешительно шагнул к ней, еще глубже погружаясь в опасную зону непривычного обаяния. С трудом находя обрывки заготовленный вопросов, он невпопад передал их, сознавая неуместность этого. Улыбка девушки чуть поблекла. Андрей уловил ее настроение: стоит ли, что-нибудь объяснять человеку, который сейчас так далек от понимания? Это его немного охладило. Он так и не спросил ее имя... Да и как-то оно ему не очень нужно было при таком прямом общении.
- Я живу на станции с детства, - передала девушка, - а по родине тосковать нет причины потому, что постоянно связана с ней. Побывать там можно в теле осьминожьего терминала или искусственного человека. Хочешь посмотреть? - не дожидаясь ответа, она подключила Андрея к своим выносным органам на своей планете. Там была ночь, но с неба смотрело множество полных и ярких искусственных лун, заливая все серебристым светом без теней.

Андрей стоял на небольшой площадке у открытого входа завитого цепкими растениями здания. Пестреющее буйство зарослей вокруг поражало дикой красотой и фантастичностью планировки. Дорожки веером расходились во все стороны, вверх и вниз, теряясь под арками нависших ветвей и в темной глубине сложных деталей строений.
Андрей находился в человеческом теле, рослом и худом. Он был до подбородка затянут в матово-прозрачную оболочку. Теплый ветерок приносил сложные запахи цветов и слышался ровный многоголосый стрекот насекомых. Если бы не множество лун на небе, это так было бы похоже на земную летнюю ночь!
Андрей не спеша направился по дорожке и под аркой нависающих гроздьев цветов погрузился в густой сумрак. Ориентируясь по пятнам света, он продвигался вперед, пока яростный визг и острая боль в ноге не обдали его холодным ужасом. Он судорожно мотнул ногой, наступившей на что-то мягкое, и быстрая тень мелькнула прочь с дорожки.
- Ты такой неуклюжий! - девушка весело и ласково приобняла его ментально, так ему показалось, чтобы помочь лучше ориентироваться.
Он вернулся назад и вошел в здание. Это было что-то вроде небольшого ангара. Внутри находилось шесть кресел и в пяти из них неподвижно сидели люди. Прямо напротив застыл, широко открыв ничего не выражающие глаза молодой лысый дебил с безумным взглядом в никуда. Он ритмично моргал и изредка сглатывал. Остальные выглядели не лучше. Андрей понял, что еще совсем недавно его тело так же сидело в пустующем кресле и ему стало неприятно это. Он сделал усилие и оказался в отсеке с девушкой. Она придерживала его руками за плечи и когда увидела, что Андрей вернулся, убрала их. - Ты чего так брыкался?..
- Меня кто-то там цапнул за ногу. Я в темноте наступил на чей-то хвост, и оно вцепилось в ногу.
- Это (девушка передала образ зверька, похожего на енота). Он никак не ожидал такого коварства. Теперь долго будет бояться.
- Чуть не оступился с дорожки, но ты меня вовремя удержала.
- Может быть потому, что здесь тело весит гораздо меньше.
- Ты такая тоненькая, что реально бы не смогла меня там удержать!
- Нет, я сильная!
- А ну, держи меня, я посмотрю!
Девушка легко поддалась на эту хитрость, а Андрей подумал, что если ему простили обиженного зверька, то спишется и большее. Когда девушка положила ему руки на плечи, он обнял ее и прижался к ее губам. Она не сделала даже попытки отстраниться, но Андрей с горечью ощутил ее неотзывчивость. Это было так же нелепо, как если бы он поцеловал скульптуру. Через мгновение инопланетянка разобралась, в чем дело и смутилась как маленькая девочка. Это утешило Андрея.
- Очень неестественно для меня...
- Я могу тебя многому научить... Неужели не интересно?..
- Да, ты смог бы активизировать гормональную регуляцию моего тела, но меня не очень интересует, что происходит с телом, я могу его поменять на искусственное. Когда ты транслируешь мне свое состояние меня удивляет

насколько искажено твое сознание именно зависимостью от тела. Если хочешь мы очистим твой мозг, и ты увидишь хотя бы ненадолго мир таким как он есть, без самообмана, навязываемого организмом. Я понимаю, что в твоей жизни биологические потребности занимают большое место и ты не можешь сразу на всегда покончить с ними, но хотя бы ненадолго...
- Нет. Зачем? Я перестану быть самим собой, вот и все.
- Ты боишься измениться? Но это в любом случае неизбежно.
- Такое резкое изменение будет для меня все равно, что смерть. Я на это время перестану существовать.
- Ну и что? Я не понимаю.
- Да я и сам толком не понимаю. Это, наверное, инстинкт самосохранения.
- Конечно, он тоже тебя сейчас обманывает, как и любовь и опьянение и курение и многое другое в вашей жизни...
- Как сложно... И как жаль, что мы такие разные! - вздохнул Андрей, - Хочешь я тебе покажу Землю? Может быть тебе легче будет на время понять нас, чем мне вас. А раз вы на станции находитесь только для того, чтобы иметь дело с нами, должна же ты на собственном опыте узнать, что мы такое?
- Покажи!
Андрей сосредоточился на воспоминаниях. Поначалу это было не просто, и внимание ускользало, но вскоре образы стали получаться зримыми и красочными. Андрей вновь переживал самые яркие моменты своих горных путешествий потому, что там открываются в чистом виде отношения между людьми, тут же проверяясь на деле. Он придумал и мысленно разыграл несколько сцен, в том числе любовных и, наконец, вообразив гитару в своих руках, рискнул спеть свою любимую песню. Он сам себе здорово понравился и был уверен, что поколебал в девушке ее рационалистические убеждения. Что может она противопоставить тем эмоциям, которые он так красочно перед ней раскрыл? Это был вопрос-вызов.
Но как относится взрослый человек к малышу, который решил удивить его своей детской песенкой? В этом есть своя прелесть. Девушка не осталась равнодушной и восприняла гораздо больше, чем передал Андрей. А затем она решила увлечь его глубиной своего понимания, в виде игры, при этом окутывая его добродушным уютом.
Поначалу он не мог ухватить и с малую часть того, что предназначалось для понимания. Он заворожено следил как музыка образов удивительно ясно раскрывается от самого общего и простого, погружаясь в оттенки. Он и раньше был уже очарован дисциплиной ее мышления, совсем не сравнимой с его сумбурностью. Это было уже знакомо так же, как формулировка физического закона короткая, но справедливая для огромного круга явлений, узнавалась то там, то тут. И в этом было понятие красоты - как наиболее сопутствующему истине. У Андрея мелькнуло в голове, что и красота личности - это степень соответствия его месту и в обществе, которое он занимает.
Как же он далек был в этот момент от ностальгии био-мотиваций...
Воспринимаемое оказывалось неизмеримо глубже прежних представлений. Андрею стало очевидно, что он готов принять это и может жить по-новому. Эта мысль его теперь не раздражала.

- Я уже лучше тебя понимаю, - заметил Андрей, - Но это - здесь и когда я очень захотел понять... А на Земле... Не представляю, как можно вот так взять и изменить что-то... Люди затаились и ждут, что же будет дальше. И будет ли вообще что-нибудь...
- Это один из симптомов переходного периода, - ответила девушка, - а этот период тем более опасен, чем дольше тянется. Но в нем формируется жизненная необходимость в объединении всех людей планеты непосредственным неискаженным общением. Если они сумеют этого достичь и предотвратить самоуничтожение, то тем самым начнется переход к новому качеству общения.
- А вы все это время будете безучастными наблюдателями?.. Неужели ничем нельзя помочь?
- Ты знаешь, что сделали с транспортным кораблем на орбите. Еще большее противодействие мы бы встретили при любой ненасильственной попытке повлиять на ваше развитие. Ну, а насилие не в состоянии изменить сознание людей и приведет к обратному результату. Если, например, мы извне уничтожим ваше стратегическое оружие, то тем самым отбросим общество назад к тем временам, когда можно было безбоязненно затевать массовые войны. Новое качество может возникнуть только как результат жизненной необходимости.
- Скажи, тебе интересно со мной или просто приходится выполнять обязанности?
Он ощутил теплую волну участия и это было лучше слов.
- Я знаю, у нас будет много общего и интересного, меня так же, как и тебя тянет быть вместе. И я понимаю роль прикосновений к губам и других схожих ситуаций, но при объединении разумов эта роль оказывается несопоставимо меньшей, чем непосредственное выражение отношения, - сказала она с таким убеждением, что Андрей не посмел пожелать большего.

Казалось, космическому плену не будет конца. Облепиха в кадке разрослась с необыкновенной стремительностью и теснила инопланетный куст.
Земляне смотрели на яркую звезду, которая была их далеким Солнцем и думали каждый о своем. Петрович скис, мучаясь вопросом позволят ли ему лететь на Землю в его осьминожьем теле, но об этом никого не спрашивал потому, что у самого в голове такое не укладывалось.
Наконец выяснилось, что культурный потенциал землян еще далек от того, что необходимо для этапа объединения разумов, и это является следствием отставания в понимании механизмов психики, совершенно необходимых для формирования новой общности. Это делает положение Земли критическим: оружие, способное уничтожить разум в ходе непримиримых разногласий уже есть, а способа кардинально предотвращать разногласия все еще нет даже в науке, откуда это могло бы постепенно войти в культуру отношений.
Поэтому интеграция Земли пока откладывается, землян возвращают, но без их внешних осьминожьих терминалов. Вопрос с же с Петровичем еще решается. Связь с землянами не обрывают, а будут через них следить за прогрессом земной цивилизации и даже форсировать его в критических точках.
Более осведомленный в деталях Борис заявил, что их отправят на Землю, как только будет подготовлена автоматическая транспортная капсула, а копии их личностей останутся здесь и будут постоянно синхронизироваться с

оригиналами так что беспрерывность преемственного существования им уже гарантирована.
Все томились от безделья, но и не очень-то хотелось приключений в иллюзорной реальности. Даже Борис, до предела удовлетворил свое любопытство, переполненный огромным объемом воспринятой, но пока во многом не осознанной информации, слонялся бесцельно по отсекам и часто засыпал невпопад, от чего у него болела голова. Это было замечено, и его мозговая гемодинамика скорректирована так, что теперь мыслилось ясно, и голова не болела.
Мысленные приключения всем быстро наскучили, требуя усилий незаурядного воображения, а реальные путешествия по другим мирам в чужом теле мало что давали. Без объяснений увиденное поражало лишь на первых порах и быстро забывалось, оставляя в голове кашу отрывочных впечатлений.
Однажды Петрович по обыкновению вслух ностальгировал о баньке и привычной работе, а Борис из сострадания убеждал его в преимуществе бестелесного существования. Он завел один из своих монологов о будущем Земли, описывая заманчивые, но чем-то напоминающие утопию картины. Все получалось гладко красиво и надежно. В бестелесном варианте у него легко решались все современные тупиковые проблемы жизнеобеспечения и экологии. Он прикидывал оптимальные сроки индивидуальной жизни и снимал актуальные проблемы Земной медицины. Другие проблемы решались у него так же надежно и убедительно.
Борис восторженно живописал, стоя перед притухшим осьминогом, безучастно застывшем в своем углу с полузакрытыми глазницами рядом с ружьем и рюкзачком.
Андрей собрался было к своей инопланетянке потому как просто ментального общения с ней ему было категорически недостаточно. Тут в проходе появилась высокая плечистая фигура. Войдя в отсек, человек знакомо разогнулся и поднял голову:
- Ну, снова привет, мужики и дамы!
Это был преображенный Петрович, настоящий супемэн, по горло затянутый в облегающую черную "вторую кожу". Черты лица и, главное, такая узнаваемая мимика оставались прежними. Осьминог из своего угла с ужасом и изумлением уставился на него, а Петрович в человеческом облике в отличном расположении духа, не в силах сдержать ухмылку от первоклассно удавшегося сюрприза, как ни в чем ни бывало направился на свое место. Увидев там осьминога, он небрежно попытался отогнать обнаглевшую тварь, и они сцепились. Оба оказалась нечеловечески сильными и растащить их никак не удавалось. Вдруг осьминог резко отпрыгнул в сторону, как-то обмяк и превратился в обычную исполнительную тварь, управляемую кем-то, но только не Петровичем. Она тут же выскочила из отсека.
- Что это он? - спросил тяжело, дыша Петрович.
- Это был ты в теле осьминога, - спокойно сказал Борис.
- Чего?! - не понял Петрович.
- Короче, когда ты продырявил себе голову, то твои мозги вложили на время в осьминога, чтобы не испортились. Он жил здесь с нами, исполняя обязанности

Петровича. Так что сейчас ты дрался сам с собой.
- А мне про осьминога ничего не говорили...
Петрович слегка побледнел, присел на корточки в своем углу и притих в задумчивости.
В отсек один за другим вошли инопланетяне в матово-прозрачной одежде. Андрею приветливо улыбнулась его девушка. Земляне, чувствуя перемены, поднялись со своих мест.
- Вы отправляетесь сейчас на Землю, - передал кто-то из вошедших, - капсула готова. Она доставит вас к планете автоматически по внепространственной трассе. А над тем местом, откуда вы взлетели, управлять посадкой придется вам. Это так же просто как управлять осьминогами. На Земле без ретрансляторов ваша телепатическая связь друг с другом ограничится расстоянием примерно в вытянутую руку, но мы оставляем вам свои личные каналы связи.
И землян охватило очень противоречивое чувство. Остро сквозила грусть, что все необычное и фантастическое в их жизни кончается и, может быть, больше никогда не повторится.
Инопланетян в отсеке было столько же сколько землян и когда передавали браслеты связи, Андрею надела свой на руку его девушка, чуть помедлила, потом неловко коснулась губами уголка его губ. "Свяжись со мной, когда вернешься!" - попросила она и зарядила его рвущейся наружу радостью их будущего общения.

В капсуле оказалось критически тесно и прозрачные стенки не давали даже иллюзии свободы и надежности. Казалось, что даже дышать трудно, так они были прижаты друг к другу и это тянулось нескончаемо. Потом стремительно выросла Земля, плавно развернулась, укрупнилась так, что стали видны заснеженные игрушечные горные цепи под размытой спиралью облаков.
Они приближались, медленно поворачиваясь и склоняясь на бок. Но вот надвинулась белая пелена облаков, поглотила все вокруг и, внезапно прорвавшись, открыла внизу устрашающе близкий горный ландшафт с узнаваемо длинным языком ледника Федченко.
- Принимайте управление!
Петрович напрягся, больно вцепившись в Володино колено. Ему доводилось водить вертолет, и он вызвался управлять капсулой. Как только автополет отменился, стали ощущаться сильные порывы ветра. Петрович еле успевал отреагировать, и каждый раз Диана жалобно вскрикивала.
Первая попытка сесть не удалась. Ветер коварно сменил направление, и земляне чуть не оказались в бурлящей реке. Петрович взмыл вверх. Со второй попытки капсула врезалась в рощу около басмачьей мельницы и застряла в ветвях невысоко над землей. Борис ткнулся носом в Дианину макушку и замычал от боли. У него из носа потекла кровь, пачкая все вокруг. Стало ужасно тесно, но это была их Земля. И как только все подумали об этом, так и рухнули вниз сквозь ветви, ничем больше не ограничиваемые: капсула исчезла.
Из кустов раздавались кряхтение, тихий вой и ругань. Петрович в черном костюме, похожий на актера, играющего супергероя, первым делом без особых усилий вырвал с корнем молодую березку, прижавшую Диану к другому дереву, Андрей помог освободить ее. Борис стоял, задрав голову, чтобы не текла кровь, а

Володя торопливо шарил по карманам. Наконец он достал новенькую пачку сигарет.
- Петрович! Смотри, какой я тебе сюрприз приготовил! Конец дискриминации!
Петрович угрюмо уставился на пачку и досадливо сплюнул:
- А на черта они мне сейчас? В этой шкуре курить совсем не охота.
- Мальчики! - воскликнула Диана, - Что-то вы не рады! Мы же дома!
- До дома еще пятьдесят километров по горам и шестьсот по дороге, - буркнул Володя и снял с руки браслет.
- Что ты делаешь?! - настороженно спросил Борис.
- Поигрались и хватит. Я свободный человек и не желаю, чтобы за мной подглядывали.
- Давай сюда! - потребовал Андрей, - Когда одумаешься, верну. Только не забывай, что у тебя в башке рация вмонтирована.
- Где же тут тропа? - спросила Диана, пытаясь раздвинуть густые ветви.
- Пошли за мной! - скомандовал Петрович, ринувшись напролом.
Скоро все вышли на поле и направились к станции.
Потемневшее небо обещало грозу. Плотные тучи низко проносились вдоль склонов гор и, казалось, на этот раз небо уж точно собиралось выполнить свой долг по отношению к высыхающей от жажды земле. Порыв ветра пригнул затрещавшие кроны деревьев и вниз посыпались сухие ветки. Застучал крупный дождь.
- Наконец-то! - Петрович задрал лицо вверх, - А то грядки надоело поливать из ручья.
Но с этими словами дождь кончился, тучи прорвались в нескольких местах веселой голубизной и блеснуло Солнце. Петрович чертыхнулся с досады.
- Вот всегда здесь так!
Земляне пошли по тропе вдоль поля.
- Какие фотки будут, все обалдеют от зависти! - смаковал Андрей.
- Может лучше пока никому не показывать? - спросил Борис, - Представляешь, когда нами заинтересуются, то в какой оборот возьмут? Хуже инопланетян и никакой уже пощады. Лучше погоди, освоимся.
- Конечно, посмотрим! - Андрей задумался, но ясно понял, что жизнь прежней не будет. И он точно не сможет забыть свою инопланетянку. Во время телепатического общения они слишком глубоко узнали друг друга, как никого он не знал раньше. Слишком много изменилось.
- А это что за чертовщина!? - воскликнул Петрович, когда за рощицей открылась поляна с метеостанцией.
Дверь жилого домика была распахнута настежь, вокруг как после переезда валялся бытовой хлам, рядом на веревке сохли какие-то козлиные шкуры, поодаль стояла небольшая юрта. Чуть дальше среди деревьев виднелся новый недостроенный из самана домик.
Когда подошли ближе полог юрты открылся и оттуда вышел худощавый, но жилистый абориген с темно-коричневым лицом. Позади него выглядывали чумазые детские лица.
- Эй, Махмуд! Что тут за дела? - недружелюбно рыкнул Петрович, - ты что, опять напился на работе?!

У Махмуда начала отвисать челюсть.
- Ты кто!? - не очень уверенно осведомился он хрипловатым голосом пьяного джигита.
- Не узнаешь начальника? - грозно зыркнул Петрович и стал гораздо больше походить на себя прежнего.
Махмуд в ужасе протер глаза и снова уставился на Петровича. Потом его шатнуло, и он ухватился за рядом растущее деревцо. Дети позади попрятались и из темноты вылезла женщина в цветастом жилете.
- Ты две недели пропал! - завопил Махмуд, - Тебя уволили, меня поставили!
- Я тебе сейчас уволю! Где Полина!?
- Там живет, пока вертолет не прилетел ее не брать! - Махмуд махнул рукой в сторону облезшей брезентовой хоз. палатки.
Петрович подошел к отпрянувшему в ужасе Махмуду и швырнул его в полог юрты так, что тот исчез, увлекая за собой успевшую всплеснуть руками аялы. Оттуда раздались приглушенные истошные вопли.
- А ну собирайся быстро, шайтан! Это ты с ближайшим вертолетом свалишь отсюда к черту! - дико заорал Петрович.
На этот крик из брезентухи вышла жена Петровича и изумлением замерла, уставившись на него и чуть дальше стоящие фигуры в столь же странных черных облегающих костюмах, но их лица были достаточно узнаваемы, особенно Дианина коса с бантом.
Петрович чуть замялся и шагнул вперед.
- Ну, здравствуй, жена! Ты извини, что видом поменялся, так получилось, потом расскажу. Все будет теперь хорошо, сейчас разберемся.
- Господи! - жена Петровича тоже шагнула вперед, - Ты такой огромный стал!
- У меня там одежда осталась? Дай, переоденусь в нормальную...
Из юрты опасливо высунулась взлохмаченная голова Махмуда.
- Петрович, айда поговорим, посидим!
- Тебе час на сборы! - жестко отрезал Петрович, голова Махмуда исчезла и из юрты донеслось визгливое причитание.
- Рацию не отобрал? Он же в ней ни черта не разбирался.
- Он только ружья забрал.
Палатка горников была собрана и вместе с вещами внутри лежала рядом большой кучей. Ее наскоро поставили. Снимать инопланетные костюмы не хотелось, настолько они были комфортны и удобны, так что оделись поверх в то, что у кого оказалось в запасе.
Очень быстро власть на метеостанции была восстановлена. Петрович связался с начальством и все уладил. Свои ружья он забрал и из юрты больше никто не выходил.
Горники помогли перенести в домик вещи из брезентухи и вскоре навели жилой порядок.
- За подбитых горных козлов он ответит, - возмущался Петрович уже сидя за столом, накрытым к чаю.
Через несколько часов прилетел вертолет и увез Махмудово семейство и наскоро настроченную Петровичем докладную. Неудачливый соперник Абдурахман был эвакуирован парой дней раньше в свой родной поселок в

пятидесяти километрах отсюда.
За это время Андрей с Володей успели сходить на охоту и умудрились подстрелить кролика. Андрей полностью вернул свою физическую форму пока бегал с ружьем по холмам среди густых кустов.
Жена Петровича к ужину приготовила шикарное рагу с картошкой, приправленное горным чесноком и чабером. Она бурно переживала расцвет своего нового чувства к чудесно преобразившемуся мужу и внимала его версии произошедшего, которую тот своеобразно и грубовато живописал. Потом они все вместе составили правдоподобную и подробную объяснительную к докладной.

Ранним утром горники собрали рюкзаки и осталось только попрощаться. Петрович проводил их до самого серпантина.
- Жаль, Дианочка, что мы так с тобой на охоту не сходили, - сетовал Петрович, - так ты хорошо бегаешь по горам!
- Не, ну ясно: Диана настолько крутая девочка, что я вот раньше прибежал, а ты только ее заметил! - заржал Андрей, при этом невольно вымещая попранную несправедливость.
Петрович чуть поднял брови и слегка поиграл своими теперь очень даже впечатляющими мускулами, перекатывающимися сквозь черный костюм.
- Как она бежит видел, а как ты - нет, поэтому и не сужу.
- Ладно, сейчас увидишь! Вот, спорим, заберусь на склон за полчаса, засекай время!
- За полчаса не получится! - возразил Петрович, ну, если бы без рюкзака, то минут за сорок.
Андрей вздохнул больше горной свежести, заряжаясь уверенностью и радостным стрессом предстоящего взлета, как самолет перед разбегом, сдерживаемый тормозами, и очень впечатляюще устремился напрямую вверх по склону.
Скалистая трасса всегда вызывала у Андрея особый прилив радостных сил, и он шел не только ногами, но и всем телом, цепляясь руками, извиваясь по выступам и ловко координируясь с предстоящими препятствиями. Ему не раз говорили, что эта его манера со стороны выглядела как лазание обезьяны.
Перед самым перевалом он начал слегка уставать, отмечая, что достаточно верно рассчитал силы, но не сбавил темп.
Взобравшись, повернулся назад, замахал руками вниз и посмотрел на часы. Он проиграл спор: подъем занял тридцать четыре минуты, что нисколько не омрачило его чудесное настроение. Наверное, потому, что теперь у него было нечто гораздо выше всех этих мелочей.
Андрей снял рюкзак, сел на большой камень, приготовившись долго дожидаться остальных и только тогда ощутил, как чешется рука под браслетом. Его согрело радостью, и он ментально открылся, сливаясь мыслями со своей девушкой.
- Ты чего так долго не связывался? Я волновалась!

Почему мы иногда бываем тупыми идиотами?

Есть такое повсеместное в инете явление: тупые комменты невпопад. Ощущение, что чел только что спрыгнул откуда-то и сразу прореагировал.

Давайте условно примем, что "тупым идиотом" (в отношении женской симптоматики уже есть народное ТП, но эту дискриминацию мужиков нужно исправить и для универсальности примем аббревиатуру ТИ) будем считать

состояние, безусловно временное, когда мнение вырывается на свободу опрометчиво и беззаботно, а крутизна мысли делает его просто неудержимым, и это недержание отменяет афоризм: "молчи и сойдешь за умного".

В природе бывают обстоятельства, когда выдать что-то в стиле ТИ оказывается просто опасно для здоровья и даже жизни, и это подавляющим числом нормальных особей остро ощущается атасными рецепторами в районе чуть ниже копчика, хотя и здесь не без исключений, но это уже - область компетенции премии Дарвина.

Допустимость побыть в счастливо-безмятежном состоянии ТИ не столько зависит от важности высказывания, сколько коррелирует с личной оценкой своей безнаказанности. Поэтому чем круче ТИ-выкрик, тем он неудержимее только при условии достаточной безнаказанности. Т.е. мы походу вывели формулу генерации ТИ: его вероятность появления прямо пропорциональна градусу темы и обратно пропорциональна неминуемости возмездия.

Впадать в состояние ТИ - наше неотъемлемое конституционное право, к которому общество пришло бесконечными революциями и другими анархическими экспериментами. Это в суровые пещерные времена нужно было быть предельно внимательным, и промах означал почти неминуемый безвременный трындец. А сегодня нас защищает закон в лице полицейских, точнее его бездействие, когда блюстителям лениво рефлексировать на пустяки, защищает инет своими геомасштабами и анонимностью, так что можно троллить, задирать, унижать и получать эйфорию почти божественной власти. Сегодня чуть что, и мы начинаем искрить, разряжаясь ТИ, и это с электрической скоростью синхронизируется с другими уже заряженными темой ТИ на едино-радостной быдло-волне.

Спровоцировать нормальную особь на ТИ очень просто: достаточно создать условия безнаказанности (а они уже есть) и подсунуть вопиющий повод. И тогда ТИ-разряд придает социальному кластеру положительную обратную связь: он не просто поддерживает распространение генерации ТИ-состояний у других особей, а усиливает их лавинообразно. Биологи называют это стадным эффектом.

Вырисовывается такая теорема тысячелетия: Абсолютно любое, даже самое невинное высказывание простым изменением контекста и/или приданием нового смысла, годится чтобы замутить генерацию ТИ-волны, особенно неполживо-обличающего типа: "это же бесчеловечное и омерзительное проявление ограниченности, черствости и цинизма". Теорема постоянно доказывается эмпирически жизнью, но нет на нее Перельмана для ее математического осмысления. А пока это же просто праздник какой-то у тех, кто так легко может дирижировать в желаемом направлении целым стадом: нужно только внимательно и умело подмечать высказывания, годные для превращения их в быдло-кричалки, и вот он - новый мем и новый тренд.

Но не станем заглядывать в область гнусной политики. Гораздо роднее постоянно идентифицировать приступы ТИ практически в любом обсуждении на любом ресурсе. Кто-то что-то написал, и бывает почти невозможно отказать себе в радости ТИ-обличения, для чего вовсе не нужно даже вникать в сказанное. Пофиг, что обличающий судья сам грешен куда в большем, это остается за кадром, важнее момент торжества его доминирования.

Если экстраполировать тенденцию от хмурных времен пещерной смертности через нашу анонимную ТИ-безнаказанность, то, возможно, в будущем станет законодательной нормой уничижение, приносящее моменты животворящей самовозвышенности, с использованием тактильных стимуляторов чтобы щипать онлайн за чувствительные органы тех, кто подвернется под обличение. Может быть у мэров и губернаторов будет обязаловка носить такие стимуляторы в области нижнего таза, чтобы полнее ощущать праведные чувства демоса, и тогда гос. стратегия "чем больше дураков, тем легче управлять" будет аврально пересмотрена.

Все сказанное прошу воспринимать просто как ТИ-прикол.
Но если серьезно, то вот: Идиоты и элиты (закон 95%).

Кечеты Баши

Как обычно, совершено спонтанно, мы решили пойти в горы в пятницу вечером, сразу после работы. Ни много ни мало - на вершину, куда еще никто никогда не забирался. Первовосхождение, короче. Подходы к горам у нас очень короткие, мест, куда еще никто не ходил - множество. На гребень той горы, куда собрались, мы в прошлом году уже поднимались чтобы оценить возможность восхождения. Снаряжение было наготове еще с прошлой недели, с продуктами нет проблем - набрал из того, что валялось в холодильнике, но кроме простых калорий желательна была энергия самой жизни, некая Образующая Воля Вселенной © Воннегуда, которая вырабатывалась в сложнейших солнечных процессах созревания ягод в моем саду.
Быстро и эффективно собирать черешню я научился, воруя ее у соседей еще в детстве. Это были странные, необщительные соседи, которые сами никогда не собирали свой урожай. Абрикосы и яблоки у них падали и сгнивали, вишня и

виноград трагически засыхали на ветвях. Кроме тех, что нависали над крышей нашего сарая. Оттуда я обирал их начисто.
В домах, окружающих сельхозинститут, выращивали экзотику - предмет взаимной гордости сельхозных преподов. И каждый день с раннего лета до осени я наедался прямо с веток.
Приделав крючок к ручке большого ведра, я полез на дерево. На самом верху наливалась солнцем самая вкусная черешня. А ягоды, клюнутые воробьями, скорее из сытого любопытства, чем для еды, были еще вкуснее.
Расклинившись ногами среди веток, первые десять минут, ведомый рефлексами детства, я бездумно поглощал энергию жизни, пока она не подступила к самой макушке. При этом, так же рефлекторно, отстреливал скользкие косточки во все стороны, сжимая их пальцами.
- Ой!
Скосив глаз сквозь листву, я увидел внизу, за соседским забором незнакомую герлу, которая крутила головой куда угодно, только не догадываясь посмотреть над собой. Я ухмыльнулся, сорвал двойную черешневую “сережку” и замахнулся, рассчитывая ловко навесить ей на ухо или, в крайнем случае, попасть за воротничок домашнего халатика. Случайное знакомство, легкий разговор, встречи, увлечение, замужество, скучная семейная жизнь, банальный развод. И это еще не самый худший вариант. А как же горы? Я решительно бросил “сережку” в ведро, и оно гулким металлом возвестило конец моим сомнениям.
Она задрала голову на звук. Мы некоторое время смотрели друг на друга, чуть виноватая улыбка посетила меня, герла, видимо, все правильно поняла и молча, опустив голову, медленно уплыла по дорожке среди высоких белых нарциссов.
Виталий прикатил вовремя, мы перелили бензин для примуса в пластмассовую бутылку, запаковали рюкзаки. Большой посылочный ящик с черешней я разместил на самом дне.
Хотя горы - совсем рядом, до них нужно еще доехать, и мало кто соглашался травмировать свою тачку по разбитым дорогам. Поэтому лучшим вариантом оставался обычный маршрутный автобус.
Пока ехали, мы чуть было не подрались с крайне обидчивыми местными киргизами, от которых крепко несло бузой, но большая часть неравнодушного автобуса высказалась за мирное прекращение инцидента, да и железяки, торчащие из наших рюкзаков, настораживали.
- Быдла, - с отвращением создал Виталий множественное число из традиционно единственного, когда мы безнаказанно удалились от автобуса, - Им бы нажраться и бабу завалить - других интересов нет!
Впоследствии невзначай выяснилось, что он прямо и безыскусно пытался предложить свою плоть моей секретарше. А на вскоре грянувшей свадьбе не менее откровенными предложениями довел до слез местную топ-модель - юную подругу идейного врага моего брата, за что брат, отлучившись на минутку из хмельной нирваны, в пароксизме справедливости разбил ему нос своим кулаком бывшего десантника. Но это было в далеком будущем.
Наша гора светилась белой острой макушкой из-за крутого склона в лучах заходящего солнца. Если бы ее не было видно отсюда, то так бы и остаться ей безымянной среди множества таких же в этом массиве. Киргизы не забирались

на гребень и, тем более, никогда не лазили по макушкам, а официальная альпинистская вотчина располагалось совсем в другом ущелье.
Первый родник и оживляющий припад к воде. Мы снова пришли в сознание после показавшегося тяжеловатым подъема и немного посидели на мешках.
- Это вот они и есть? - Виталий небрежно указал на полянку, усыпанную нежными сиреневато-белыми колокольчиками.
- Ты про аконит что ли?
- Ну, это же иссык-кульский корень?
- Ага. Верное средство от надоевших мужей у местного женского населения.
- Говорят, достаточно одежду по цветочкам повозюкать.
- Не знаю. Но есть народные врачюги, которые им рак лечат. Дают настоечки и одно из двух случается наверняка: или рак сдохнет или пациент.
Интерес Виталия был понятен после нескольких невинных жертв так и не выловленных террористов. Смерть постигала людей, угостившихся коньячком местного разлива, продаваемого в киосках.
Остатка вечера хватило, чтобы пройти цивилизованную лесистую часть ущелья до подножия башнеобразной горы Бодвей, откуда мы свернули вдоль боковой речки в места, куда мало кому приходило в голову забираться.
Здесь, среди невысоких кустарников, на песчаной отмели, рядом с чистейшей водой, струящейся между каменными обломками, мы поставили палатку, задали себе корм и завалились спать.
После недолгого дрожания в ледяном спальнике, который, набравшись тепла разгоряченного тела, стал по домашнему уютным, после нескончаемого потока убаюкивающих анекдотов Виталия, изливающихся вполне независимо от его сознания, промелькнул мир ускользающих грез, оставивших в воспоминании только смутное ощущение манящей сказки, и наступил День Восхождения, мобилизуя радостную решимость и необъяснимую уверенность в достижении цели.
По лицу пахнул морозный воздух из расшнурованной Виталием палатки. Раскрыв глаза, я успел заметить его спину и тянущуюся вслед длинную ленту туалетной бумаги.
На завтрак - заменитель женского молока для грудных детей, разведенный в тройной концентрации и густо сдобренный какао. Закусываем детским гематогеном, издавая радостные детские звуки.
Раннее утро. С собой берем только нужное на один день: ящик черешни, свежие огурцы, курагу, вяленое мясо, конфеты, веревку, бутыль крепкого горячего чая, завернутую в свитер, аптечку и что-то еще, о чем даже не стоит вспоминать. Все поместилось в один не обременительный рюкзак.
Прямо вверх круто уходила нескончаемая осыпь крупных каменных обломков, по которой предстояло проделать большую часть пути.
Я поднимался по ней однажды, чтобы разведать подступы к нашей вершине. В компании тогда было несколько суровых геологов и пятеро особей из строго женской спелеогруппы “Бездна” в качестве свободных экскурсанток. Это было зимой, в бесснежный, но холодный период. Мы шли другим берегом, пришлось перебираться через главную реку, которая неузнаваемо обмелела, и парни переносили девушек на руках, забросив штаны за спину. Стоило неосторожно

ступить меж камней, как вода понималась выше плавок, а камни под ногами были очень разнокалиберными.
Мне досталась особа, визжащая при каждом неверном шаге. Не пошутить было невозможно, и я сымитировал падение. Эффект оказался примерно такой же как при попытке бросить кошку в ванну. С диким мявом она взбрыкнула, изворачиваясь всем телом и я, действительно потеряв равновесие, макнул ее задние лапы в ледяную воду. Она бы вся забралась мне на голову, если б я ее крепко не зафиксировал. Неудержимо хохоча, мы выбрались на берег.
В тот раз женщины остались ждать внизу, пока мы лазили на гребень. Нескончаемая осыпь оказалась очень изнурительной.
В горах есть места, где легкость, хорошее настроение и сила всегда сопутствуют подъему, а есть места, изматывающие, хотя, казалось бы, технических трудностей не представляющие.
Так вот этот склон вселял угрюмую враждебность, каждый шаг давался через силу. Здесь постоянно мучила жажда, даже сразу после того, как напьешься. Эти несколько предстоящих часов нужно было просто выстрадать. Или вернуться, теряя веру в себя и мучаясь стыдом.
К полудню, наконец, выбрались на гребень. Другой мир. Солнечно-ледяная идиллия под фиолетово-синим небом. Наша вершина ослепительно сияет снежной шапкой, переходящей в крутой ледник, окруженный гребнями склонов. Усталость сразу отпускает, как будто на новый уровень игры вышли.
Дальше мы идем вверх по неровному гребню с торчащими каменными уступами. Хотя этот путь технически сложнее, но идти почему-то стало гораздо легче. Здесь уже - сплошное скалолазание, хотя и не требующее особого мастерства.
- Куда ты, блин?! - заорал я.
Виталий готов был уже начать спуск с уступа по довольно неприятной стенке метров в шесть. Лучше всего здесь было не полениться и достать веревку.
- Да я тут и без веревки…
Я примерился и убедился, что он прав.
- Ладно. Давай сначала от мешка избавимся!
Я стянул с плеч рюкзак. Посмотрел вниз, прицелился и сбросил его на широкий уступ. Абсолютно непонятно как, упав точно на уступ, рюкзак прокатился дальше, лениво перевалил через край и закувыркался вниз к далекому языку ледника. Мы долго молча смотрели как он удаляется, превращаясь в красную точку, пока не замер на снегу на самом леднике.
- Наша веревка… - вздохнул я.
- Да уж…
- Ладно, обратно пойдем через ледник. Что без веревки - это минус, а что за спиной ничего не мешает - это плюс.
- Лишь бы плюсы всегда были после минусов. Сначала в автобусе поцапались, потом от веревки и еды избавились, чтоб не мешали. Это как один грузин притащил на вечеринку живого барана…
Но я уже лез вниз, и ветер сдул анекдот Виталия куда-то к леднику. Ощущение, что на сегодня еще далеко не конец диким глупостям, вскоре не раз подтвердилось.
Через час мы вышли к взлету на вершину. Фактически оставался один

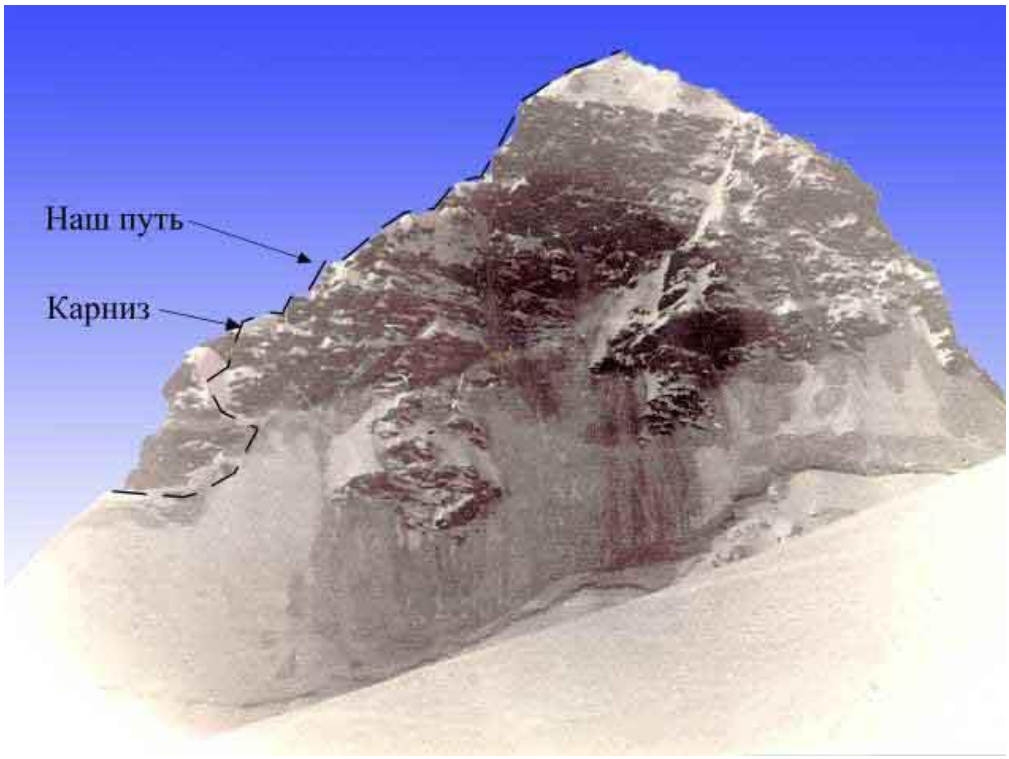
вертикальный заледенелый кулуар. Очень неприятное место, когда нет страховки.
Виталий задрал голову, вживаясь в предстоящее.
- Допустим, вверх-то мы его пройдем. А как спускаться здесь?
Надо сказать, что лезть вверх неизмеримо проще, чем спускаться. Особенно, когда под ногами заледенелые скалы. Вот если бы глаза были еще на ж…
- А мы будем спускаться по южному склону. Там всегда сухо в это время. Немного обойдем и вернемся на наш гребень.
И мы просто полезли, не думая ни о чем.
Это была широкая трещина в скале, крутизной градусов шестьдесят, заплывшая льдом. Талая вода тонкими ручейками струилась вниз, кое-где срываясь с отвесов, и мелкие брызги попадали в лицо.
Виталий лез впереди, я - почти вплотную за ним. Была вероятность как-то подстраховать его, и можно было не опасаться камней, которые бы вылетели у него из-под ног.
Он остановился, сбил носком ботинка лед с каменного выступа и перенес весь вес тела на него. Другая его нога просто слегка опиралась на едва заметную неровность. Теперь можно было освободить руки. Он достал из кармана кембрик, расправил его и присосался к струящемуся ручейку. Я сделал то же самое. Все правильно: на макушке мы уже не сможем напиться. Эти гибкие трубочки много раз выручали и раньше, даже если вода журчала где-то глубоко под каменными обломками.
Мы вылезли на снег и облегченно зашагали по куполу, пока не оказались на самой вершине.
Признаться, я никогда не испытывал в таких случаях особую радость или возбуждение. Чаще всего хотелось поскорее начать спуск. Вид с такой высоты особенно не впечатляет. Было время, когда я думал, что это ненормально и спрашивал у других, что они чувствуют. Но они тоже не выказывали восторга. Это потом впечатления, врезавшиеся в память, вызывают гордость, легкий трепет с морозом по спине от отдельных моментов. А на высоте недостаток кислорода не дает волю переживаниям.
Снежный купол плавно и ровно, как безобидная детская горка, спускался вниз и разливался ледниковым языком. И там лежал наш рюкзак с нестерпимо желанной черешней.
- Слушай, может прямо тут по снегу и спустимся? - выдал я.
- Да ты что… - Виталий с кривой усмешкой, но с явным интересом мысленно промоделировал эту возможность.
- Фирн как раз согрелся на нужную глубину, и мы с кайфом пройдем, - предположил я, нетерпеливо продавливая ботинками похрустывающий снег, - вот было бы классно!
Никто не знает, что заставляет человека делать глупости, даже если он прекрасно сознает возможные последствия. Что-то внутри с явной убежденностью шепчет, что вот сейчас тебе это позволительно и безнаказанно сойдет с рук. Но самый захватывающий вариант: скатиться по склону на спине, я все же отверг. Слишком ярки были воспоминания о таком трюке, когда зимой, спускаясь с горы Медик, мы попробовали примерно так же сократить путь и

время. Спуск, правда, был не с самой горы. Тот ледник располагался гораздо ниже. Наш главный ас Володя уселся на край, стиснул ледоруб, готовый подправлять им свой путь, и с жестким оскалом камикадзе скользнул вниз с неожиданно большой скоростью. Сухой снег тут же завился огромным облаком вокруг, что-то вроде кометного хвоста, и блестящий след голого льда потянулся вдаль жуткой трассой. Мы с другим Володей потрясенно внимали происходящему и уже осознали, что не последуем за товарищем. Ни о каком управлении ледорубом тут не могло быть и речи. Через несколько минут спуск завершился. Еще через минуту облако осело, и мы разглядели запорошенную фигурку, медленно поднимающуюся на ноги, что-то неслышно кричащую нам и отчаянно машущую руками крест-накрест. Если бы по пути ему встретился даже небольшой камень, торчащий изо льда, он бы не встал уже.
- Пошли тур строить! - подмигнул я Виталию, давая понять, что предстоящий путь определен и ясен.
Мы спустились с южной стороны к обнаженным камням и соорудили основание пирамидки. Написав карандашом непритязательную записку (давно не удивляюсь, почему они всегда такие тусклые и казенные), я засунул ее в полиэтиленовый пакетик, а пакетик - в заранее приготовленный футлярчик. Мы обложили заначку большими плоскими камнями, придав типичный вид.
А затем, оставив за спиной свое очередное завоевание, начали спуск, навстречу клонящемуся к западу солнцу. Первые шаги вниз радовали безыскусной легкостью. Тонкий фирн легко проламывался и прогревшийся снег как нельзя лучше уплотнялся под ногами. Я шел впереди и походил на марширующего на параде солдата: нога сначала поднималась вверх, наносился удар пяткой по фирну и затем снег утрамбовывался в надежную стпеньку. Только изредка я проваливался до пояса.
Но чем ниже, тем тверже становилась смерзшаяся корка, а спуск все круче. Теперь в удар приходилось вкладывать силу. Появился риск слететь вниз по ледяному насту. И тут раздался глухой отрывистый гул. Так проседает большой пласт снега.
- Е… - я не осмелился продолжить вслух, вспомнив мультфильм с бабочкой, усевшейся на штангу волку.
Однажды мы с Виталием тоже спускались с горы, но несерьезной, тренировочной, по заснеженному склону бокового гребня. Мы прорезали глубокий снег сверху донизу своими следами. Спокойно залезли в палатку и поставили чайник на огонь. И тогда я впервые услышал тот звук. Мы выскочили наружу. Огромный пласт снега сошел вниз. Среди нагромождений бесформенных белых комьев барахтались маленькие фигурки в цветастых ветровках. Мы побежали, крича. Те ответили, что все в порядке, уже всех нашли, сейчас выкопают, и пусть лучше мы чай на всех согреем.
А теперь я живо представил, насколько грандиознее был бы срыв снежного купола с этой вершины, и осторожно повернулся к Виталию. Он оцепенело стоял, не хуже меня все поняв.
- Пошли назад осторожно!
По собственным следам мы вернулись на вершину, поминутно ожидая срыва и готовясь яростно выплывать в снежном море лавины, как того

требовали теоретические инструкции, так и не утвержденные теми, кого изломало в мощном снежном потоке.
Надежды на доступность южного склона оправдывались метров триста, пока мы не вышли к практически вертикальной обрывистой стенке. Справа такая же стенка началась еще раньше, и всего метрах в десяти за ней дразнил недоступной близостью склон нашего знакомого гребня. Можно было бы попробовать пройти еще восточнее, но это бы означало смириться с потерей рюкзака, до которого уже не смогли бы добраться.
- Чо, приехали? - Виталий присел и плюнул в бездну, - Это как любовник вдруг услышал, что муж в дверь звонит…
- Смотри, - я показал на стенку справа, - желоб горизонтальный прямо туда идет.
- А как ты на него встанешь? Стенка же нависает!
Встать, действительно, было невозможно, навес отбрасывал. И я сел на уступ спиной к стенке. Вполне. Осторожно привставая на руках, наклонясь вперед, методом ерзания, я довольно надежно передвигался, болтая ногами над пропастью. Вскоре ботинки коснулись надежного склона.
- Давай!!! - заорал я с радостным облегчением.
Виталий умостился, вжимаясь поглубже и через пару минут уже стоял рядом.
- Ну, вот и все! - я хлопнул его по плечу, - Побежали черешню лопать!
Мы взлетели на гребень и ринулись с другой стороны прямо вниз по склону к краснеющей на снегу точке.
Когда бежишь в горах, ноги сами умудряются определять на какой камень и как ступить и по какому языку осыпи скатиться. Сознание в этом участвует только как наблюдатель. Наверное, поэтому бег вниз напоминает полет. Когда встречаются огромные валуны, режим немного меняется и бег продолжается по их верхушкам, хотя существует опасность соскользнуть и сломать ногу. Если валун находился в неустойчивом равновесии и под новой тяжестью начинает уходить, то это даже удобно: он переносит ближе к новой цели.
Кончился склон, и мы побежали по леднику, благоразумно перепрыгивая полосы чуть более темного снега. Последний прыжок, я чуть проваливаюсь в податливый фирн около рюкзака и нетерпеливо потрошу его, раскидывая содержимое по сторонам.
Виталий сбрасывает ветровку, стягивает свитер, штаны и даже плавки. Снег вокруг сияет на солнце, прогретый воздух ласково лижет разгоряченное тело, а солнце грозит выжечь кожу. Моя кожа достаточно чувствительна, и я сгорел в прошлый раз. Поэтому с завистью поглядываю на Виталия, намыливающегося снегом, а сам открываю заветный ящик.
Я посмотрел сквозь большую полупрозрачную черешню на солнце, прищурился и раскусил ее. По телу разлилось невыразимое блаженство. Именно по всему телу, а не только во рту, захватывая все чувства и разум, фокусируя все только на этом наслаждении. Это совсем не то, что есть черешню, сидя за столом или в саду. Вокруг снег, горный свежий ветерок, ультрафиолетовое небо. Ты давно не ел и не пил. Ты благополучно слетел вниз с вершины и остро кажется, что радость от этого наполняет не только настоящее, но и всю прошлую и даже будущую жизнь. А эта черешня соединила все вместе в едином акте удовлетворения и никакой оргазм не может сравниться с этим, тем более, что длится не какие-то

пятнадцать секунд, а разливается с каждой новой ягодой.
Потом я сканировал свои прошлые пиковые моменты горной радости и убедился, что вовсе не само по себе действие и объекты приносят такое, а все то, что предшествовало этому, наполняя настоящее острым смыслом происходящего.
Если бы не упал рюкзак, я вряд ли испытал бы такое состояние. Мы бы не раз прикладывались к еде и чаю. Не случилось бы ничего особенного и, вероятно, вообще не стоило бы вспоминать про этот день. Так было ли это моей ошибкой или нет?!
- Э-эй-эй!!!!! - Виталий прыгал, маша кому-то наполовину обглоданным, но еще длинным огурцом.
Я вернулся в действительность и вгляделся вдаль. С другой стороны, по противоположному гребню к нашей вершине подходила цепочка разноцветных фигурок. Скорее они походили на удлиненные точки на таком расстоянии. Обалдеть. Прошли тысячелетия, и никто не удосуживался прийти сюда, а сегодня… У нас все группы друг друга знают.
- Кто еще знал, что мы собираемся сюда? - спросил Виталий.
- Володя. Но он же предупредил, что не сможет с нами пойти.
- Значит, он кому-то сказал?
Так потом и оказалось. Но мы их опередили. Они наконец взобрались на купол. С восточной стороны это было намного проще. Прельстившись этой легкостью, они выбрали намного более длинный путь в обход и оказались вторыми.
Они разбрелись, конечно же, нашли наш тур, но вскоре столпились у северного склона, явно заинтригованные следами, уходящими к леднику. Потом увидели нас и замахали еле заметными ниточками рук. Кто-то вдруг начал спускаться в нашу сторону.
- Они думают, что мы там прошли! - я ошеломленно замер, потом принялся яростно прыгать и кричать, отмахивая руками.
- Да ладно тебе! - Виталий усмехнулся.
- Один раз уже было такое, что по нашим следам спускались, и их накрыло. Если и сейчас такое случится…
- А на фиг им здесь спускаться? У них же сюда рюкзак не падал, - резонно заметил Виталий, смачно хрустнув огурцом.
Действительно. Я слегка поостыл. Тот, кто спускался, снова вернулся на гору. Видимо, ему просто посмотреть захотелось.
- Оденься, сгоришь, блин! - посоветовал я, - Вдруг среди них есть женщины с биноклями?
Виталий довольно засмеялся.

Обелиск



Это горное приключение - самое странное в моей жизни.
Как-то мы залезли на труднодоступную и престижную Аман-Тоо и оттуда увидели вдалеке, на никем не хоженом Безымянном Массиве, очень красивую и суровую вершину. Ее склоны ровно и круто поднимались и перед самой макушкой сходились наподобие обелиска. Он сверкал ледяной шапкой, и мы хором подумали: “Ну ничего себе!”.
-Неужели мы когда-нибудь залезем на нее? - спросил я, и никто не ответил. Я зафотал ее. Аман-тоо - двурогая вершина. Я оставил фотоаппарат на одной макушке перед тем как идти на вторую. Макушки соединялись очень острым заснеженым гребнем с надутыми ветром опасными карнизами, и я хотел быть свободнее. Мы прошли туда и обратно, и только далеко внизу я вспомнил про фотик. Было жалко, конечно.
Среди горников был учрежден приз: кто залезет следующий на Аман-Тоо того и будет фотик. Все об этом знали.
Прошел год, и мы вдруг собрались на Обелиск. Это решилось как-то само собой, как будто собрались кафе посетить. Предложил Володя и я сразу согласился, а потащил он с собой подружку Таню.
Он уверял, что это не женщина, а лошадь. Она была привлекательна и хрупка на вид. По слухам, на нее заглядывались все мужики из ее студенческой группы политеха.
Ночь решили провести дома у Володи, чтобы утром ничего не помешало нам оказаться вместе перед выходом. И, как думаете, чем это мы занялись вечером? Володя устроил какую-то вольно-спортивную борьбу с Таней. Он старался шлепнуть ее по заднице, но она сопротивлялась как пантера и было видно, что он на пределе, а он, уверяю, мужик очень сильный. А потом и мне было предложено

попробовать силу и ловкость, но я наотрез отказался.
Утром Володя вывел свой самодельный мотоцикл. Когда мы были на Памире, аборигены будто бы предлагали за него две лошади. Весил он всего сорок килограмм, но взлетал на очень крутой склон, выворачивая камни, и легко тащил за собой на веревках наших трех велосипедистов с рюкзаками.
Я сел позади Володи потому как на велике тогда еще гонять не умел, сзади держала веревку Таня на велосипеде. Мы покатили, обвешанные объемистыми рюкзаками.
Горы у нас хороши тем, что все рядом. Ущелья резко поднимаются вверх и вот они вершины, освоенные и никем еще не посещенные. Все они высотой от 4200 до 5000 метров. При хорошей форме 3-4 дней достаточно почти для любой горы, если, конечно, выбирать самый простой путь. Мы оставили мотоцикл на местном курорте и ломанули вверх по ущелью.
Где-то там, у ледника на Безымянном Массиве, уже была спрятана заброска, то есть запас продуктов и бензина. Группа стажирующихся фанатов готовилась к длительному туристическому маршруту. Поэтому мы не обременялись лишним грузом. Ну, что у нас с собой из еды? - проорал прожорливый Володя.
- Колбасы навалом! - успокоил его я.
- Это хорошо! На мясе мы нормально пойдем!
Я не буду рассказывать о чем мы говорили по дороге, как Татьяна, продираясь сквозь заросли, оттянула ветку и врезала мне сучком по макушке так, что рассекла кожу до крови, короче, мы прошли несколько живописных боковых ущелий с бурными речками, прошли разлив с березовой рощей среди газонной травы и бесчисленным множеством родничков, бьющих маленькими фонтанчиками в песчаных оазисах, дошли до курумов - фантастического нагромождения огромных валунов, обросших деревьями, образующих множество пещер и ходов. В этом месте мы и переночевали.
Утром, спрятав лишние вещи, которые нам нужны будут на обратной дороге, мы пошли дальше. Скоро под ногами захрустел фирн, покрывающий ледник - смерзшийся снег, и мы всматривались в его цвет, чтобы различать трещины. Их здесь было много, но все не широкие. И вот наш склон. С этой стороны гора уже не была похожа на обелиск.
- На картах я ее обозначил как Гора-Трапеция, - сообщил Володя, а был он геологом.
- Ну и зачем? - обиделся я, - мы же назвали ее Обелиском!
Гора действительно сбоку походила на трапецию, а ее правый от нас торец своим сечением напоминал обелиск.
Мы оставили здесь рюкзаки и палатку, уверенные в быстрой победе, свалили нужное снаряжение в один рюкзак и перебрались со снега на скалы. Как только обвязались, я полез первым.
Когда я попадаю на скалы не слишком технически сложные, где приходится идти и ногами, и руками, то становлюсь еще более животным. На меня находит какая-то радость и прилив сил. В этот раз случилось то же самое.
Длинные желоба наискось пересекали весь правый склон до самого верха бокового гребня. Я попер вверх, толком не разбирая дороги, вдоль одного из этих желобов.

- Он меня как козу на веревке тащит! - задыхаясь орала Татьяна, но меня это только заводило.
Внезапно желоб закончился: дальше только отвесная обледенелая пропасть, а слева вертикальная, почти без зацепок скалистая стенка.
- Все, блин, приехали! - изумленно сообщил я подошедшим товарищам, - что это за фигень такая?
- Все правильно, - пробасил Володя, - это торец Обелисковый. Он внимательно поизучал стенку.
- Здесь можно пройти босиком. Чо, разувайся, попробуй!
Я представил, как мои босые ступни плавят лед и скользят по мокрому камню. Тогда я заглянул за торец. Срез имел крутизну градусов семьдесят. Его лед был покрыт фирном.
- Я лучше обойду это прямо здесь, - решил я.
Таню отвязали чтобы у меня было больше веревки. Володя закинул свой конец через подходящий выступ.
- Давай!
Я на удивление без особого труда полез по срезу торца, пробивая носками горных ботинок твердую корку снега. Вскоре я вылез поверх стенки на относительно удобное место и прокричал об этом.
Дальше первым полез Володя. Здесь мы проваливались в глубокий снег пока не выбрались к гладкой как зеркало стенке, покрытой чистым льдом, метров семьдесят высотой и крутизной градусов в шестьдесят. Слева ее ограничивал скалистый гребень. Мы решили вылезти на него.
Я принялся рубить ступени вверх и влево, в направлении к гребню. Снопы ледяных брызг летели в лицо после ударов. Вырубая небольшие углубления, только чтобы держалась ступня, я довольно быстро продвигался пока не заметил, что лед катастрофически утончается в этом направлении. Когда он стал не более пяти сантиметров, я остановился. За мной на длину веревки шла Таня, просто держа ее конец рукой только для того чтобы не упустить. За ней - Володя вообще без веревки. У нас были обычные, не шлямбурные, крючья, и страховку в таком месте организовать было практически невозможно. Как подо льдом найти трещину для крюка, если она вообще здесь есть?
Справа от стенки начинался узкий вертикальный кулуар. Там была видна площадка. Верх кулуара козырьком закрывала плита.
- Лед слишком тонкий, не смогу дойти до гребня! - заорал я, - Пошел в кулуар!
- Давай, - махнул рукой Володя.
Я начал рубить вверх и вправо пока не добрался до вертикальной трещины, достаточно широкой, чтобы можно было свободно втиснуться в нее. Я заклинился своим телом и минуту отдыхал перед подъемом, набираясь наглости. Потом полез, ни о чем не думая. Наконец с огромным облегчением вывалился на довольно широкую, около метра, удобную площадку.
- Отличная площадка! - проорал я вниз, - теперь все будет в порядке!
Сначала я подстраховал Таню, потом к нам вылез Володя.
- Как ты здесь пролез, да еще без страховки? - прогудел он своим грубым басом.
- Где твой ледоруб?
- Улетел. Теперь не найдешь.

- Ладно, тут немного осталось, - я начал оглядывать козырек карниза. Это была десятиметровая нависающая плита, как крышка лежащая на верхушке кулуара, по которому мы сюда заползли.
- Здесь можно кому-нибудь на руках пройти по краю, а остальных потом вытащить на веревке, - с беспечной самоуверенностью предположил я.
- Тут бы клинья, - размечтался Володя.
Опять у нас не было подходящих средств для страховки, а улететь с карниза - уже не соберешь и даже не найдешь тела. Но мы чувствовали облегчение потому, что последние два часа рисковали сверх меры.
- Пошли, посмотрим, - предложил Володя.
Под карниз шла узкая заснеженная осыпь, а в самой глубине из темноты высвечивалось светлое пятно. Мы подошли ближе. Это оказался очень узкий проход, весь затекший льдом. И он вел наружу, освещаемый с той стороны заходящим солнцем. Тут до нас дошло, что день-то идет к концу, а мы потеряли слишком много времени на непредвиденные препятствия.
- Слушай, давай пробьем ход! Это самое безопасное, - предложил я.
- Долго ковыряться придется!
Я вблизи посмотрел широкую трещину между плитой и нависающей скалой по которой собирался лезть на одних руках и до которой еще нужно было допрыгнуть, мысленно протестировал уровень своей борзости и понял, что вряд ли хватит удачи на такой трюк.
- По-моему у нас нет другого выхода. Ты не помнишь, где-нибудь в альпинизме применялись уже спелеологические методы?
- Не слышал такого. Ну, давай, начинай.
И мы принялись по очереди выбивать куски льда и выковыривать вмерзшие камни. Места было очень мало, и работать ледорубом становилось все неудобнее. Наконец темнота сгустилась настолько, что мы просто уже ничего не разбирали.
- Хорош, утром доделаем, - сказал Володя.
Мы спустились к подзамерзшей в пассивном ожидании Тане. У меня оставались три конфетки, и я раздал их. Другой еды не было. Первой сходила за угол площадки Таня, потом облегчились мы.
Закрепив на скале веревку в качестве перил, мы уселись на каски и замерли. На нас были только брезентовые штормовки поверх свитеров. На правах бойфренда Володя пытался устроить поудобнее Татьяну, засовывая свои и ее ноги в один рюкзак, но что-то там не получалось. Не помню каким образом, но Таня оказалась сидящей прямо передо мной, спиной ко мне на своей каске, а я обхватил ее лапами, пытаясь образовать как можно более плотный кокон. Было очень холодно. Дрожь непрерывно сотрясала тело так, что начинали болеть мышцы живота. Вспомнилось, что если дуть через одежду, то в этом месте становится горячо. Я начал дуть Тане в шею сквозь ее свитер. Если кто-то подумал, что в этот момент у нас могли возникнуть какие-то сексуальные желания, то он просто никогда не мерз таким образом. Только потом это вспоминалось уже в романтической окраске, а пока что мы страдали, терпеливо ожидая утра. И в конце концов оно наступило, небо посветлело, но мы оцепенело продолжали сидеть пока солнце не вылезло и не залило нас теплыми лучами.

Пошатываясь, мы поднялись. Силы куда-то делись. Час спустя мы пробили ход наружу. Чтобы пролезть нам пришлось снять одежду. Потом мы перекинули веревку через плиту вниз и затащили Таню с рюкзаком.
Все воспринималось как во сне. Я полез в очередной кулуар, ведущий наверх, небрежно вбивая крючья для страховки, а Володя следом выдергивал их пальцами - так слабо они были вбиты. Потом мы полезли по спокойному гребню и хором прошагали последние метры. Мы были на Обелиске.
С другой стороны, чуть ниже вершины была широкая и ровная площадка, покрытая мелким щебнем. Такие остаются на месте очень больших палаток, но это была точно природная площадка.
- Может это стоянка космических пришельцев? - пошутил я.
Соорудив каменную башенку и, оставив тщеславную записку, мы начали спуск прямо по боковому склону горы-трапеции. Теперь на опасных и крутых местах мы просто перекидывали веревку через надежный выступ и сползали по ней. Как только появились первые ручейки талой воды на скалах, наконец, напились с помощью гибких пластмассовых трубок и это удивительным образом вернуло наши силы.
Мы быстро спустились и поставили палатку. Потом нашли заброску и наелись. Затем была отсыпаловка часа на два.
В этот же день я должен был оказаться в городе и предупредить, что нас спасать не нужно, а в понедельник идти на работу. А Володя с Таней собирались на Аман-Тоо за фотоаппаратом.
В 3 часа дня я засунул за пазуху банку рыбных консервов, попрощался и побежал вниз. Я бежал до курумов, где захватил самые нужные вещи, затем снова побежал, переходя на шаг только на подъемах. К девяти вечера я был на остановке.
Дома я не мог есть - так болело небо. Только выпив полстакана пива, снова стал человеком. Когда такое случилось в первый раз после большой пешей нагрузки, мой товарищ успокоил меня и порекомендовал верное средство: мы пошли в кафешку, и он дал мне выпить полстакана вина, которое никак на меня не подействовало, но вернулась способность глотать еду. Еще в этот день у меня перед сном нестерпимо гудели и ныли ноги. Так бывало после очень серьезных самоистязаний в горах. А потом нескончаемо снились страшноватые моменты из которых сплетались похожие на бред сюжеты, не ужасающие меня как это бывало в детстве когда дракон терзал меня, но ошеломляющие происходящим. Это приключение запало мне в душу накрепко.

Володя и Таня на обратной дороге сходили на Аман-Тоо с юга, где можно было пройти по легким скалам без снега до цирка, окружающего вершину.
Фотоаппарат по праву стал принадлежать Володе. Он проявил пленку, которая пролежала на горе больше года в ничем не защищенной камере, и принес мне фотки Обелиска.

Бычачья любовь

С нами поехала для ознакомления на местности новая сотрудница - молодая симпатичная киргизка с удивительным именем Искра, скромная, неискушенно-непорочная, как ребенок. Однажды, когда я опять вернулся с гор живым, на этот раз с остроконечной вершины Искра, на которую не удавалось забраться из-за всякий раз начинающегося сильного снегопада, то, ворвавшись в понедельник в родной отдел, первым делом радостно-возбужденно объявил с порога, что, наконец-то в выходные залез на Искру. Воцарилось шоковое безмолвие, потрясшее бедную девушку до густого румянца на лунообразном лице. Опомнившись, я попытался исправить положение, пообещав вскоре показать фотки и еще более увязая в двусмысленности, пока шеф со свойственным ему грубоватым юмором не призвал перейти от насилия над разумом к насилию над работой.
Мы должны были заехать на племенную станцию за главным компонентом

взрывчатки для очередного испытания нашего буровзрывного комбайна, который вот уже неделю дожидался, одиноко жарясь под палящим солнцем на карьере, совсем рядом со входом в многоярусную пещеру "Именинница". Он оставался там без присмотра, и мы совершенно не беспокоились за сохранность этого бронированного чудовища.
Этот зверь вгрызался семью бурами в скалу, сплевывал в дырки смесь солярки и кислорода и выстреливал во все скважины длинными электрическими искрами. Взрывы дробили породу, оставляя за комбайном глубоко развороченную полосу. Искромет - мое изделие. Я добился 20-сантиметрового факела довольно нетривиальным способом, на зависть конкурентам из соседнего отдела. Вообще вся электроника, включая радиоуправление и автоматический режим, были на моей совести.
В раскаленном салоне уазика уже минут двадцать не шутили, и потные лица только кивали наподобие систем балансировки стволов у современных танков, когда машина покачивалась на ухабах, и только Искра чуть улыбалась каким-то своим мыслям всегда смущенной улыбкой.
- Хоть бы у Жени опять колесо отвалилось, - с жалкой надеждой ощерил усы Виктор, - щас бы прогуляться...
В прошлый раз колесо катилось впереди нашего уазика, резво подпрыгивая, но удивительно ровно и целеустремленно, далеко по прямой как луч дороге. Хорошо, что в выходные здесь не ездили карьерные КрАЗы.
Стас с надеждой отвинтил колпачок дюаровского термоса. Его красная морда просияла тихой радостью.
- Есть еще немного!
Он перевернул сосуд между коленками, и из горла, окруженные паром, брызнули струйки жидкого кислорода, с шипением разбиваясь на полу, отскакивая и разлетаясь красивыми трассами. Облако райской прохлады пахнуло на наши лица.
- Анатолий Акимович, а давайте устроим экскурсию Николаю по племстанции? - сказал Стас интригующе.
Наш шеф, внешне похожий на благородного американского президента времен войн с индейцами, проблематично поднял бровь.
- Экскурсию?! - он фыркнул, - Я еще не забыл Марджопину жопу! - изрек он, с укором скосившись на меня.
Он не желал прощать путешествие на дальневосточную гору, в районе Магадана под названием Марджот, на которую, во время командировки, я уломал его сопровождать меня в самый разгар весеннего паводка.
- Вот вы ему и отмстите! - хохотнул Стас, снисходительно посматривая на меня.
Искра, отведя глаза, тихо потупилась, все еще не привыкнув к свободолюбивой выездной лексике. А ведь сколько раз уж ее отечески наставляли, что оторванных от дома и условностей мужчин, охваченных свободой, нужно прощать в мелочах и следует потакать их природной радости от соприкосновения с более естественной для них средой обитания. Хорошо хоть, что не курили. Курить рядом с жидким кислородом катастрофически возбранялось. Ну, да Искра итак очень даже хорошо умела не перечить мужчинам.

Или так посвежело от кислорода или мы уже привыкли, но путь перестал был томительным, и внезапно мы приехали. Мужики взяли по сосуду дюара в каждую руку, включая водителя Женю, который с особой опаской относился ко всему такому.
У ворот нас узнали в лицо, заулыбались и пронзительно взвизгнули автоматической железной дверью.
Это оказалось слишком для утонченного слуха шефа, у него повело лицо, но маску гордого представительства науки почти не нарушило.
- Тебе масленку подарить, Михалыч? - спросил он, саркастически блеснув зубом.
Стас неуклюже протиснулся, скрежетнув дюарами по железу и шеф, бессильно закатив глаза, прошел следом.
- Какую масленку! - Михалыч вяло отмахнулся, дожевывая, подался было от столика с миской крупно нарезанного лука рядом с залапаным стопарем, - Это ж сигнализация такая, если кто входить будет! А то забудешься на жаре…
- Ага, - кивнул шеф, - начальство у себя?
- Токо приехало.
Мы пошли по узкой, затененной густыми кронами вязов дорожке к одному из корпусов.
Чтобы не цеплять за кусты, каждый прижимал круглые сосуды перед собой, и те, свисая, позванивали при ходьбе. Походка при этом становилась пингвиньей, а внешнее впечатление многозначительным, учитывая, что направлялись мы в криптохранилище племенной станции. Замыкала нас нерешительно и даже как-то потеряно щуплая Искра.
Настежь распахнутая дверь приняла нас по очереди, шеф уверено зашагал по прохладному полумраку коридоров и, наконец, распахнул нам кабинет с огромной, чеканенной местным механизатором ломом, табличкой.
Хозяин в белом халате поднялся с грациозностью джина из бутылки из-за огромного стола и радушно просиял ровными рядами золотых зубов.
У шефа был всего один золотой зуб напоказ, но куда больше интеллекта, и он проявил свою мягкую, но изощренную дипломатичность, навесив несколько остроумно забавных фраз сразу на оба уха завстанцией и, точно выждав момент последействия, когда золотая пасть замкнулась тонкой похабной улыбочкой, без обиняков предложил залить нам термосы.
Однако гостеприимство требовало, и это висело в воздухе, не позволяя вот так сразу перейти к презренным делам.
- А смотри какую лисуху я вчера стрельнул прям на наших горках! - похвастался зав, гордо вытаскивая из ящика стола неказистую шкурку, - А ты, Акимыч, не охотник? Съездили бы. Тут чуть дальше по ущелкам и козла снять можно!
- О, нет! - шеф с болезненной улыбкой махнул рукой, - Я вот давно хочу найти гнездо орла, посмотреть, - он мечтательно, с ностальгической откровенностью приоткрыл свою душу, а мы стояли позади полукругом, поставив сосуды у ног.
- Оооо… тут орлы не водятся! - зав сердито шмыгнул носом и вдруг просиял:
- А пойдемте, покажу хозяйство!
- Да ты уже показывал!
- А я бы еще посмотрел! - жизнерадостно встрял Стас, - вот, у нас люди еще не видели!

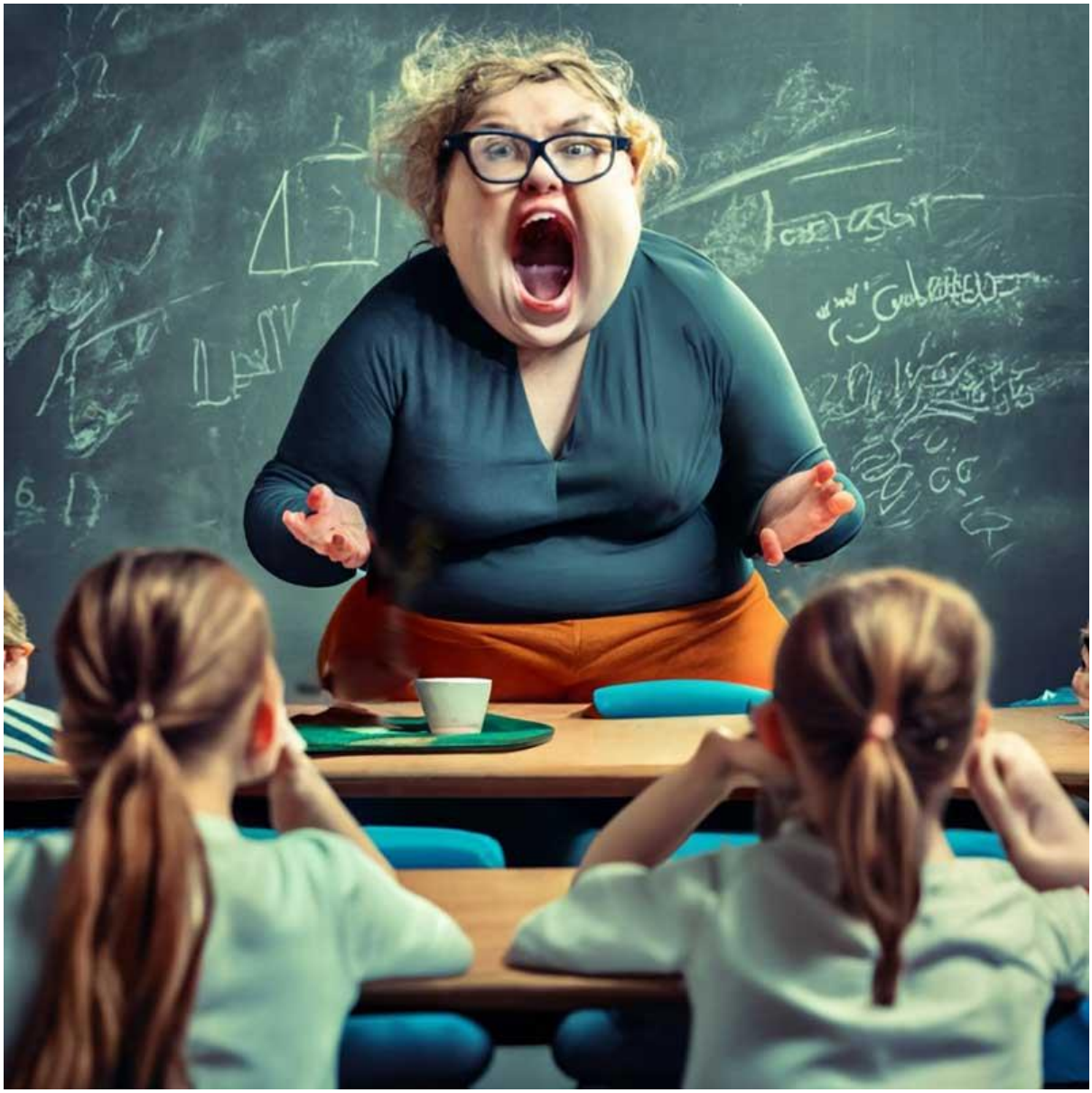
Мы вошли в удивительно тихий компрессорный цех, где нам предстояло заливать кислород, но зав повел дальше. Его халат развевался и хлопал по лодыжкам.
- Кислород, азот, - он небрежно покрутил на ходу рукой, - гоним из воздуха, если кто еще не знает. Азот используем для сохранения спермы, ну а кислород отливаем Акимычу! - оглянувшись, он весело сверкнул золотом.
Мы едва поспевали за его стремительными шагами, но Искра не отставала, озираясь широко распахнутыми глазищами.
Мы вошли в просторную комнату со стеклянными шкафами как в больнице и странным каркасом из окрашенных белой эмалью металлических труб посредине.
- Вот место взятия! - зав резко остановился и оказался окруженным нами.
- Что-то совсем пусто сегодня! - заметил шеф, пожевав губу.
- Так вчера зарплату выдали, - зав беспечно махнул рукой. - Все равно завтра выходные, а к понедельнику деньги у них опять кончатся.
Водитель Женя сглотнул, беспокойно переступил и заложил руки за спину в позе покорного пациента буйного отделения. Шеф поднял бровь.
- Нет, Женя, - мягко, но решительно сказал он, - эта работа, право, не для вас!
- Хм, - Женя вызывающе, но обаятельно улыбнулся, - Что вы, Анатолий Акимович, вашей зарплаты хватает значительно дольше!
Зав понимающе кивнул и снова открыл рот.
- Так. Значит, основной технологический процесс извлечения спермы производителей проходит прямо здесь и прямо тут, - он показал пальцем на эмалированную стойку. Между прочим, за одну дозу за рубежом платят три тысячи долларов. А этой дозы хватает на качественное оплодотворение до десяти коров. По сравнению с естественным способом выигрыш, сами понимаете. Кроме того, дозы в азоте можно хранить и перевозить сколько угодно.
- А шкуры зачем тут валяются? - спросил Стас, тыкая пальцем в кучу, возвышающуюся рядом с трубной стойкой.
- А ты сам никогда не сдавал? - уставился на него зав, не мигая, и умело маскируя насмешку, - Есть такие анализы. Он перевел взгляд на остальных, но я с Виктором скромно промолчали.
- Я?! Нет! - содрогнулся Стас.
- Тогда можешь и не понять. В больнице, когда сдают такие анализы, предлагают смотреть всякие возбуждающие картинки, - он взглянул на Искру и остался доволен, - Сотрудницы поначалу, когда сюда устраиваются, стесняются и брезгуют. Это глупо. Вот ваша сотрудница понимает, что это глупо. К этому быстро привыкают.
Я мельком взглянул на Искру. Было ясно, что она просто находится в пассивном оцепенении.
- Сначала производителя готовят, обмывают теплой водой с дезинфицирующими добавками. Тут должна быть полная стерильность. Бык все понимает и настраивается. На каркас надевают коровью шкуру, производителя подводят сзади, а операторша сидит уже там, внутри каркаса, готовая к взятию. Все отработано и технологично.

- Так зачем столько шкур? - настаивал Стас.
- Они же разные! - зав значительно промолчал. - Тут блондинки, брюнетки, рыженькие…
- А-а - понимающе протянул Стас, - но неужели бычару так просто обмануть?
- Нет, производитель знает, что это не корова, а станок. С живой коровой там целое поведение разыгрывается, а здесь - просто рефлекс. Но рефлекс, если точно знаешь, как его возбудить, - очень сильная штука! - зав назидательно поднял палец, - Одного производителя больше заводят черные шкуры, другого светлые. Все это записывается. Если при этом его еще подготовить обмыванием, то результат гарантирован. Это называется отработанная технология.
- Вот так человеком упрощается даже бычачья любовь! - поморщился шеф, в гордом достоинстве возвышаясь над людскими нелепостями, и по обыкновению став похожим на американского президента.
- Какая любовь? - недоуменно пожал плечами зав, - За рубежом доноры не только быки. Есть и люди. Тут все сводится к рефлексу.
- Да, - неожиданно согласился молчаливый обычно Виктор, - Можно подобрать идеальных родителей, можно создать идеальные условия. У каждого рефлекс срабатывает или на блондинку, или на рыженькую, а ему кажется, что это - любовь.
- О-о-о! - просиял шеф, плотоядно улыбнувшись, - да что там говорить! У человека, конечно, сложнее, чем у быка, он норовит, кроме любви еще и пользу заиметь, чтобы рыженькая ему и носки стирала и борщ варила.
- Любовь есть! - вдруг скромно молвила Искра с горячей убежденностью, которую подчеркнул неуловимый акцент, и под заинтригованными взглядами залилась румянцем.

С потяжелевшими дюарами мы проковыляли по узкой аллее, под визг закрывающихся ворот ввалились в уазик, и Женя бодро вырулил на карьеровскую трассу. Солнце так прожарило салон, что даже выплескивание кислорода не помогало.
Лихо взлетев на уступ карьера по серпантину, как и положено машине, окрашенной в армейский зелено-коричневый цвет, уазик замер как вкопанный, чуть ли не нависая над обрывом.
Мы повыскакивали под освежающие струи горного ветерка, на ходу сбрасывая футболки. Предупрежденная о таких особенностях командировки Искра, тоже стянула прилипшее к потному телу платье, оставшись в купальнике.
- Так, а наши причиндалы? - строго вопросил шеф и нахмурился.
- Забыли из-за жары в мастерскую заехать, елки! - Стас почесал репу на затылке, - Да щас мы с Женей смотаемся…
- Нет уж, теперь я сам! - шеф сердито хлопнул дверцей, и уазик укатил вниз. Народ, припекаемый солнцем, утомленно переглянулся.
- Может на озеро успеем? - предложил Виктор.
- Да ну это болото, - отверг Стас, - Я всего неделю назад на Иссык-Куле был!
- А в пещере местной вы не бывали? - вопросил я с надеждой.
- Не люблю по норам лазить, - опять поморщился Стас и, подняв камень, метнул его вниз с уступа.

- Там красиво! - возразил я.
- И страшно, наверное, - поежилась Искра, - А пить мы взяли?
Виктор извлек из сумки и галантно протянул стеклянную бутылку. Искра припала к горлышку совсем по-детски, и Виктор добродушно улыбнулся.
Стас опять метнул камень. Тот как в замедленной съемке красиво ушел вниз, плавно отскочил от лоснящегося на солнце валуна и улетел за следующий уступ. Подоспел звук от удара и сухо отразился откуда-то сзади.
Вслед за Искрой мы прикончили лимонад, и Виктор замахнулся пустой бутылкой.
- Стой! - заорал я.
- М? - Виктор удивленно уставился на меня, - Экология?
- На фига просто так разбивать?! Давайте покидаем в цель!
- О! - Стас воспрянул, обретя смысл.
Кидание камней - обычное развлечение там, где они валяются под ногами в бесконечных количествах. Пацан, не умеющий кидать камни, просто не мыслится как пацан.
Я сбежал с крутого уступа, отошел подальше, выбрал подходящий остроконечный валун и установил на него бутылку. Хотя расстояние до бросающих было метров пятьдесят, но кидать вниз намного удобнее. Я поспешно вернулся, и мы начали выбирать метательные камни, что немаловажно.
- Давай, Николай, ты первый бросай три раза подряд! - заявил Стас снисходительно, - даю тебе фору.
Я понимающе усмехнулся: попасть на таком расстоянии бывает очень даже не просто, выбрал самый круглый снаряд, плавно размахнулся и метнул.
Камень поднялся в небо, не торопясь описал пологую дугу, траектория и цель соединялись все в большей вероятности пока бутылка не разлетелась широким фонтаном сверкнувших осколков.
- Ни фига себе!.. - проговорил Стас ошеломленно, и ненужные больше камни просыпались у него из рук.
Искра в восторге захлопала в ладоши.
Я и раньше замечал, что первый бросок у меня почему-то получается неизмеримо более удачным, чем последующие, чему еще раз получил подтверждение.
- Случайность! - скромно заявил я, в пароксизме самокритики. И глубоко задумался, как это часто со мной бывает в подобных ситуациях.
- Это не случайность! - с легким акцентом, который всегда у нее появлялся, когда она волновалась, сказала Искра.
- Да, и любовь бывает! - грубовато поддразнил ее уязвленный Стас.
Искра молча посмотрела на него скромным, никогда не перечащим мужчине взглядом и смущенно опустила глаза.
"Конечно, не случайность, Искра" - мысленно согласился я, - "Ведь камень обязательно упал бы куда-то, просто на том месте оказалась бутылка, но могло быть что-то другое. Не важно, что именно".

Ударенный



- Вы говнюки! – яростно сверкнула очками литричка на свой класс, - Вам даже сказано было, где металлолом можно набрать! Но вам все… Ну, ничего, комсомола вы у меня в этом году не увидите. Воронин, к доске!!!

Грузно скрипнув, над партой завис полусогнувшийся дылда, скосив обиженный взгляд из-под бровей.

- Я стих не выучил, Тамара Ник…

- Дневник! И родителей завтра!

Позади тощий паренек двинул локтем своего атлетически скроенного соседа:

- Ну, что, Саня! Говорил тебе на зоологии, что его Тамара вызовет?

- А может вы с Тамарой сговорились?

- Ты чо, псих?

- Ну, ладно, отгадал! А что еще сегодня случится?

Паренек вздохнул и, чуть поколебавшись, выдал:

- Сегодня родится девчонка, с которой у меня аж через 25 лет будет крутая любовь…

Саня бросил оценивающий взгляд и ехидно осклабился.

- Ты даешь! У тебя еще голова не прошла, наверное!.. Думаешь, проживешь еще так долго?

- Хочешь, скажу, когда мы сдохнем?

Санина улыбка заледенела и он слегка задумался.

- Неа, лучше не надо! Но ты, вроде, не очень рад?

- Она кинет меня!

- Ха! А я ее предков знаю?

- Нет, она совсем в другом городе.

- Ладно, а щас кого вызовут?

- Наташку.

Саня невольно обернулся.

Литричка с силой хлопнула отяжеленным двойкой дневником по столу.

- Если сегодня за стих будет больше пяти двоек, я вам устрою открытое родительское собрание! Жданова, к доске!

- Ну ни фига себе!... – Саня заметно побледнел.

Наташка упоенно декламировала, устремив взгляд вовнутрь, как будто читая там.

- Тут и я отгадать могу, что пятерка, - наконец с завистью вздохнул Саня.

- Сегодня пятерки никто не получит.

- Ты потому такой кислый, что всегда знаешь, чем все хорошее кончается?

- Да? А кто этого не знает? Все хорошее когда-нибудь кончается.

- Ну, ты даешь! А я предпочитаю думать, что все плохое когда-нибудь кончается! И что, коммунизм тоже кончится?

- А он и не начнется...

- Ни фига себе… хочешь сказать, в восьмидесятом его не будет? Вот, даже в день пионерии бесплатный проезд был!

- Зато у тебя на столе будет такой робот с экраном, в котором больше ста обалденных цветных фантастических фильмов, сколько угодно музыки, и ты… знаешь, ты ведь сам классную музыку сочинять будешь!

- Я?? Я же ни на чем играть не учусь!

- В том роботе - целый оркестр и… и даже то, что ни один оркестр сыграть не сможет…

- Ну, ты чудик!

- Да, классный у тебя будет робот! Ты сможешь разговаривать с любым человеком на Земле и видеть его на экране в это время!

- Так это и есть коммунизм, балда! – Саня облегченно вздохнул, - У всех всего навалом, и все радуются!

- Да, много чего будет, вот только радости не станет больше, чем сейчас…

- Почему это? Я бы радовался!

- Все станет привычно и неинтересно. Задаром ничего не будет. Всем придется думать, как бы побольше заработать.

- Фигня какая! Тебя б Тамара убила, если бы услышала!

Саня ногтем принялся сосредоточено выцарапывать на податливой краске дулю, обращенную в сторону товарища, вполуха ведя счет двойкам за невыученный стих. Потом с интересом повернулся к нему.

- И что, будут бедные и богатые?

- Ага.

- Если ты все знаешь, что будет, то, наверное, можешь прикинуть, как стать богатым?

- Могу.

- Давай станем и все! Что мы должны делать?

- Вот блин…

- Что?

- Вот же блин… Если мы с тобой этим займемся то, получается, что ты подговоришь бандитов и меня убьют…

- Ни хрена себе… Ты чо, совсем псих? Бандиты при коммунизме?

- Мы будем заниматься этим в твоем городе и…

- В каком таком моем городе? – Саня с явным опасением посматривал на товарища.

- Через пять лет твои предки увезут тебя жить в другой город… Нет, уже через три года: ты им сегодня проболтаешься.

- А если не проболтаюсь?

- Тогда через пять… Но ты проболтаешься.

- Почему?

- Не знаю. Может тебе очень захочется убедиться, что уедите через три года?

- Пономарев!!!

Саня подтолкнул в бок отвлекшегося товарища. Тот торопливо вскочил.

- К доске! Что, стоишь и моргаешь?

- Я не выучил, Тамара Николаевна…

- И почему же? Только не ссылайся, пожалуйста, на то, что недавно из больницы выписался!

- Просто не выучил…

- Все!!! – литричка победно выскочила из-за стола, - В субботу к пяти часам все приходят с родителями!

- А чо ты себя не предвидел? – с облегчением позлорадствовал Саня.

- Я такое, блин, про себя уже предвидел, что по сравнению… короче, на мелочи уже внимания не обращаю. Кстати, сейчас, самое интересное, под Тамарой стул развалится.

- Если развалится, с меня мороженое!

- Ладно!

- Пономарев, встать!!!

- Что, Тамара Николаевна?

- Ты что, болтать сюда пришел??? Тебе мало двойки по литературе? Хочешь еще по поведению?

- А что? Вроде никому не мешаю, никого говнюками не обзываю…

- Что???!!! Вот вы как?..

Наступила минута абсолютного молчания. Где-то за окном с глупой беззаботностью чирикали птицы, ласково светило солнце, ветерок легонько стучал кончиком ветки в стекло и это казалось ужасно неуместной вольностью с его стороны. Потому, что по эту сторону стекла царили страх и оцепенение.

Пальцы литрички скрючились на толстом классном журнале, она остервенело подняла его над головой и с ужасающей силой грохнула об стол. Очки слетели следом с ее носа, и весь класс вздрогнул одновременно. По щеке Наташи Ждановой скатилась непрошенная слезинка.

- Ты никогда не будешь в комсомоле!!!

С этим ужасающим проклятием литричка со всего маха уселась на стул, задняя ножка визгливо скрипнула и отлетела. Бесконечно долгое мгновение толстое тело откидывалось назад, задирая ноги и руки, окончательно уничтожая собой конструкцию стула. Как только движение завершилось, раздался пронзительный звонок на большую перемену.

В буфете они купили по пирожку с повидлом.

- Витек, - с уважительным заискиванием промямлил Саня, пережевывая первый большой кусок.

- Чо?

- Как ты это делаешь?

Пономарев тяжко вздохнул.

- Ну, ты ж понял, что это у меня после удара?

- Ясно, что после. Дар после удара, - подмигнул Саня, - Ты же как-то конкретно это делаешь?

- Ладно. Расскажу. Что интересно, так я не вижу почему-то чем это кончится. Но вижу, что ты поймешь. Кстати, я уже лучше научился управлять этим: я видел, что нужно сказать, чтобы все с Тамарой получилось именно так. С тебя мороженое, за 22 копейки!

- Будет! – Саня откусил второй большой кусок пирожка, - Ну, ты это... расскажи!

Витек сначала тоже откусил большой кусок пирожка и принялся жевать, деловито перекатывая вздувающиеся щеки.

- Вообще это – очень просто, - зашепелявил он с набитым ртом, - нужно настроиться по-особому. Типа задуматься об определенных вещах. Если бы у меня голова не поплыла тогда, я б никогда не допер об этом задуматься.

- О чем конкретно, Витек? – с проникновенной настойчивостью осведомился Саня.

- Ладно, представь себе, что…

Когда пирожки были съедены, Саня явно преобразился. Чуть ссутулился и слегка помрачнел. Они молча поплелись в класс, и Витек с сочувственным пониманием не мешал процессу превращения товарища в новое качество.

Подходя к двери спортзала, Саня внезапно замер как вкопанный. Дверь тут же с грохотом распахнулась, оттуда выскочил качок-Мишка с 9-го Б, налетел на Витька и они неудержимо покатились по коридору.

- Вот, блин! – Витек первым вскочил, ошалело озираясь и отряхивая руками одежду, - Ты, Медведь, блин, смотри куда прешь!

Медведь грузно поднялся и опасно ссутулился.

- Ты мне, что ли, сопля?

Саня примирительно загоготал, разряжая ситуацию, Медведь чуть замешкался, взвешивая, стоят эти прыщи его внимания, и нетерпеливо рванул дальше, гулко топая по коридору.

- Он на тебя должен был налететь! – укоризненно заметил Витек.

- Ну, да. Поэтому я и остановился.

Витек промолчал, удивленный еще не вполне оформившимся нехорошим предчувствием.

С первыми же звуками звонка последнего урока, запустившего могучий рефлекс коллективного бессознательного, толпа ревущей стихией хлынула из узкой двери школы, вынося истошно визжащих девчонок и недостаточно осторожных учителей.

Теплый, прекрасный день вдохновлял деток необузданно радоваться жизни.

У забора, на клумбе за кустами акации, группа старшеклассников увлеченно избивала учителя физкультуры по прозвищу Циклоп. Тот неуклюже поворачивался и махал лапищами во все стороны.

Поодаль тщедушные самоделкины сосредоточено копались в круто вздымающейся ржавой горе металлолома.

Тощая ботаничка жизнерадостно тянула через весь двор длиннющую кишку поливального шланга, оптимистично надеясь вставить ее в руки кому-нибудь из зазевавшихся учеников, но дураков не было.

- Мороженое мне можно купить в киоске за гастрономом! – напомнил было Витек, но осекся, заметив нахальную морду товарища: они одновременно осознали, что этот киоск безнадежно закрыт. Другой же ближайший находился аж на площади у кинотеатра.

- Валим быстрее, нас ботаничка увидела! – предостерег Саня и они поспешили за школьные ворота.

- Смотри, что Танька опять напялила! – с ханжеским смущением усмехнулся Витек, показывая на идущую впереди первую школьную красавицу, за которой, как бы невзначай, тянулись группки безвольных воздыхателей. Рядом с разодетой в странный розовый костюмчик Танькой монументально следовал высокий Альберт-футболист из сборной шефского завода, в одной руке держа на одном пальце ее портфель, а другую по-хозяйски положив ей на шею. Танькин костюмчик был с негодованием объявлен историчкой тлетворным исчадием запада, но попытки сгоряча заставить немедленно снять его, к радости замершего в безумной надежде мальчишеского контингента, окончились лишь дальнейшей эскалацией застарелой холодной войны между прогрессивным коллективом учительской и загнивающей Танькой.

Саня чуть прикрыл глаза, прикидывая пути ее судьбы, и тут же испугано тряхнул головой. Витек в свою очередь сосредоточился на предчувствии и тоже содрогнулся от накатившего видения.

- Ни фига себе!... – ошеломленно проговорил он.

- Вот и допрыгалась! – с горечью констатировал Саня, совершенно потрясенный все еще стоящей перед глазами картиной.

- Она же не виновата! – возразил Витек, - Любому может кирпич на голову упасть.

- Нет уж, - убежденно отмахнулся Саня, - я, например, не хожу там, где кирпичи падают. А что ты ее защищаешь? Влюбился что ли?

- Я? Влюбился?! – Витек даже приостановился от возмущения, но взял себя в руки.

- Что ты вообще такое говоришь, Саня?! Тут с человеком горе, а ты…

- Да ладно тебе. Может мне тоже ее жалко… Теперь, Витек, я начинаю понимать, почему ты такой кислый в последнее время…

- Если честно, то я уже стараюсь пореже заглядывать туда… Это ты еще не наигрался.

- Интересно, мы можем как-нибудь спасти Таньку?

- Как?

- Ну, ты вот определил же, что нужно сказать, чтобы Тамара со стула свалилась. Может быть, тоже можно что-то такое сделать?

- Например, я сейчас подхожу и пинаю этого козла под зад… - прошипел Витек, но тут же болезненно поморщился и невольно потрогал свою челюсть, - Нет, не то…

- А если я напишу ей обалденное послание? - подхватил Саня, и тут же его рука непроизвольно повторила движение Витька, - Надо же, какой он псих агрессивный!

- Да, так сразу не придумаешь. Давай дома каждый посмотрит разные варианты, а завтра прикинем, какой лучше. Мы, Саня, ведь только начинаем учиться дар использовать, а что завтра будет?

У Сани в глазах заискрились мечтательные отблески чудесных возможностей. Он горячо двинул в плечо товарища.

- Витек! Да мы теперь вообще способны весь мир изменить!

- Ага! Начнем с Таньки, а потом…

- Потом мы сделаем так, что в капиталистической Америке взорвутся нафиг ее атомные запасы! - размечтался Витек, - Или устроим революцию для начала где-нибудь во Франции!

- В принципе, почему бы и нет? – Витек глубокомысленно пожал плечами, - Всегда можно подобрать такую причину, которая вызовет желаемое следствие!

- Классно как! Знаешь, я себя настоящим магом чувствую!

- Только вот болтун ты, Саня! Не сможешь удержаться, чтобы сеструхе не похвастаться! - Витек досадливо махнул рукой.

- А спорим, не скажу?! – обиделся Саня.

- Ладно, маг, - Витек криво улыбнулся, - давай, пока!

Они хлопнули друг друга по плечу и свернули каждый на свою улицу.

Предки, как обычно, вкалывали на работе и Витек, наскоро наковыряв мяса из традиционно-неизменного семейного блюда, довольно самокритично называемого матерью “кавардак”, нетерпеливо вытащил из потайных глубин своего стола заветный черный пакет от фотобумаги. Это были динамичные в жизненной правде фотографии Таньки, сделанные им исподтишка рекордным по миниатюрности советским Киев-Вегой.

Даже на зернистых, на редкость некачественных фотографиях, характерных для узкой пленки Киев-Веги, Танька была желанно манящая. Лицо Витька разгладилось умиротворением непорочного чувства, рот слегка приоткрылся, а рука привычно скользнула в штаны. Но в последний момент ужас Танькиной судьбы отрезвил голову холодной беспощадностью, Витек мужественно тряхнул непокорно вьющимися волосами и сосредоточено задумался. Он должен ее спасти!

Проблема давалась непросто. Все варианты, которые подсказывала незаурядная фантазия, упрямо упирались в один и тот же исход. Но так не может быть! Должно же существовать что-то единственно правильное, приводящее к желаемому последствию. Нужно только найти, выбраться из круга традиционных ситуаций. Придумать совершенно исключительное для окружающей обыденности, что способно вырвать развитие событий из липкой, всепоглощающей предопределенности.

Завтра контрольная по геометрии, блин. Эта мысль окончательно запутала утомленный бесплодными поисками мозг, и Витек решительно бросился в кровать, чтобы применить свое самое верное средство, которое он обнаружил не так давно и в которое с надеждой поверил. Даже ненавистные стихи ему удавалось заучить таким образом: стоило несколько раз въедливо прочитать их, как наутро после сна, они вспоминались удивительно свежо. Сработает ли днем? Витек, плотно закрыл глаза и попытался уснуть.

Промучившись около часа, он не выдержал напора энергии естественных желаний, схватил волейбольный мяч и побежал к соседу.

Время пролетело несправедливо быстро. Когда Витек вернулся, его отец уже сидел в кухне и хмуро пережевывал опостневший после Витька кавардак.

- Ты опять по-свински повытаскивал мясо? И, конечно, пошел играть, не выучив уроки!

- Откуда ты знаешь? Может я выучил!

- Давай дневник.

Витек обреченно поплелся за обличительными материалами предстоящего разбирательства. Проходя мимо телефона, ему открылось правильное решение, и он набрал номер.

- Семен Иванович? – негромко проговорил он, - Здрасьте, это Витек! Папа уже пришел и попросил вас перезвонить через пару минут, если вы не против сыграть с ним партийку в шахматы.

Совесть легким укором пожурила его, но ставки были велики. Со спокойной уверенностью выбросив проблему дневника из головы, Витек вновь задумался над трагедией Танькиной судьбы.

И минуты не прошло, как телефон задушевно затренькал и вскоре раздался отцовский бас.

- О, привет! Ну, конечно, о чем разговор! Щас заскочу!

Воспитание было перенесено на неопределенный срок.

Но что-то случилось с прежде такой ясной гладью видений грядущего. Витек нахмурился, предельно сосредотачиваясь, но одни видения перекрывались другими, все почему-то постоянно менялось, и картина становилась совершенно неразличимой. Что случилось? Неужели он теряет свой дар? На этот вопрос он получил исключительно четкое прозрение: не только Санина сеструха, но и ее подружка и парень этой подружки и все неисчислимые подружки этого парня в неописуемом азарте занимались передергиванием нитей будущего.

До глубокой ночи Витек не оставлял отчаянных попыток. Но число посвященных с каждым часом росло все быстрее.

На утро будущее заволокло совершенно непроглядно, как и небо, хмуро застланное низкими тучами. Не разбуженный утренним солнцем и рано уходящими на работу предками, Витек почти безнадежно проспал и, не завтракав, убежал в школу.

- Вот на фига же ты проболтался сеструхе? – угрюмо осведомился Витек у друга на контрольной по геометрии, что характеризовало чрезвычайность ситуации.

- А чо?

- Она, блин, всему научила свою подружку, а та…

- Ну и чо?

- А то, что я, например, больше ничего не вижу. Только то, что вот-вот должно случиться.

- У меня тоже… Неужели это потому, что сеструхе сказал?

- А ты как думаешь, козел? Теперь каждый может предвидеть! И все, что ему не понравится, начинает изменять! Если уже сейчас так все перекрыло, то что же дальше будет?

- Вот, зараза… - Саня виновато поскреб нос, - Я вчера вдруг так ясно увидел, что ее Славик с Нинкой в кино в воскресение пойдет. Ну и сказал ей. А она, зараза, не поверила. Пришлось доказывать.

- Ты все испортил, всю нашу жизнь!

- Да ладно тебе! – начал злиться прижатый виной Саня. Витек благоразумно умерил обиду и вздохнул:

- Может, тысячу лет назад маги действительно были и умели мир изменять, как мы или даже лучше нас. И держали в тайне свое умение, пока информация не просочилась. А потом уже это стало бесполезным, когда все узнали… Ведь чего б ты ни наколдовал, кому-то да не понравится!

- А точно.., - согласился Саня, - даже если я просто захочу мороженое, то кто-нибудь типа Хорька из вредности мне обломит.

- Да вот, Хорьку всегда плохо, когда кому-то хорошо!.. Вот и осталась только способность предвидеть итак очевидное. Теперь еще тысячу лет ждать надо, когда все забудут…

Взрослые так толком ничего и не узнали, потому что когда до них дошли слухи, увидеть что-либо в будущем стало почти не возможно. Но подспудно они прислушивались и верили втихомолку каждый про себя, как верили очень во многое, на словах не совместимое с гордым званием строителя коммунизма.

Поэтому когда Витек обостренным восприятием двоечника учуял свой черед идти к доске и заранее спросился выйти в туалет, Тамара надежно обвела красным кружком клеточку в журнале напротив его фамилии и вызвала, как только он вернулся.

В комсомол Витька допустили только на следующий год, когда Тамара уже не была их классной руководительницей.

Таньку спасти не удалось. Через несколько лет она попала в самое логово мирового империализма, уехав в Америку, чтобы влачить ужасающую своей бездуховностью жизнь в безнадежной борьбе за существование в трехэтажном особняке среди сада с двумя бассейнами и другими буржуйскими излишествами. И лишь Луна в ясную ночь могла сквозь все еще прекрасные глаза заглянуть в ее смирившуюся душу.

Наказание

Весеннее солнце заливало проснувшийся мир. Никто не помышлял о беде.

Женщины в тепле, среди острых мускусных ароматов и изобилия, беззаботно несли яйца. Мужчины в лоснящихся боевых доспехах охраняли покой и

доставляли все необходимое для жизни и развлечений. Рабы с бесконечным упрямством отчаяния и покорности носили огромные бревна и камни.

Несколько бугрящихся бронзовыми мышцами силачей волокли упирающегося жирного травозавра. Тот яростно извивался толстенным, в складках телом, сметая с дороги глупых зевак и расшвыривая своих мучителей. Но борьба была неравной и вскоре чудовище, оставляя за собой широкие зеленые полосы густого яда, исчезло в глубине многоярусного подземного города. Поистине неутолимыми были аппетиты его жителей, и все живое в округе безжалостно приносилось в жертву ненасытным воителям. Снаружи, прямо вокруг входа, вздымались горы черепов и истлевшие останки неисчислимых жертв.

Если не вызывал сострадания толстый тупой травозавр, то горе вероломно схваченной феи с большими радужными крыльями не могло бы оставить равнодушным ни одно существо в котором есть хоть капля любви. Но в жестокой правде этого мира некому было пожалеть беззащитных и прекрасных существ, пленяемых в слепом безрассудстве.

Этот мир был так вызывающе несправедлив, так глумливо равнодушен, что не могло не разразиться возмездие. Ослепительно яркое, жаркое как солнце огненное копье пронзило пространство, прочертило дымящийся шрам по сухостою на краю извилистой дороги, вздымая густые удушливые клубы, и тень беды накрыла жестокое племя. Бросая добычу и беспорядочно снуя, воины искали невидимого врага, а карающее солнечное копье, касаясь их доспехов, мгновенно сжигало внутренности дотла.

Фея была ненадолго освобождена, но, униженная насилием, не могла взлететь в удручающей апатии, а огромное число разъяренных воинов носилось вокруг, то и дело снова хватая ее. Огненное возмездие сеяло смерть вокруг, но чем больше обугленных доспехов устилало землю, тем больше появлялось новых воинов.

- О, ГОСПОДИ! ЧТО ЖЕ ТЫ ТАКОЕ ДЕЛАЕШЬ???

Господи испугано воздел глаза и увидел свою маму.

- ДА КАК ЖЕ ТЕБЕ НЕ СТЫДНО???… БЫТЬ ТАКИМ ЖЕСТОКИМ???

Бессильное молчание. Разве можно в двух словах (а никто не будет слушать больше) объяснить трагедию целого мира?

- ПОЧЕМУ ТЫ ОПЯТЬ БЕЗ СПРОСА ВЗЯЛ ЛУПУ??? ТЫ ЖЕ ТОЛЬКО НЕДАВНО СТОЯЛ В УГЛУ!!!

Он покорно протянул ей большое увеличительное стекло в оправе – генератор солнечного копья. В угол становиться очень не хотелось. Шанс избежать его был только в попытке отвлечь мать еще большей нелепостью.

- Мам! Мне нужно тебе сказать очень важную вещь.

- Что еще??? Ты с ума меня сведешь!

- Мам, пойдем, я тебе что-то покажу.

Он шел впереди и в отчаянной беспомощности ясно сознавал как часто в последнее время вынуждался обстоятельствами испытывать терпение своей матери. Ему казалось, что и сейчас идет он по тонкой неверной тропке, готовой провалиться при любой неосторожности. Он не знал, что чувствуют люди, которых ведут на расстрел. Почему взрослые так недооценивают силу детских чувств? Ведь они нисколько не менее ярки и не менее потрясающи.

- Ну? Что ты мне ТПЕРЬ покажешь?

- Мам, - он посмотрел на нее совершенно серьезно испуганными глазами на слегка побледневшем лице, - Мам, пожалуйста, поверь мне!

- Говори немедленно, иначе я…

- У меня есть машина времени.

- О, господи! Я думала, что мы пойдем к доктору через месяц. Нет! Я завтра же…

- Мам! Если я тебе ее сейчас покажу, и ты увидишь, что я не вру, ты не будешь больше сердиться?

- Да я не хочу даже…

- Мам! Только один раз! Можно я покажу?

- Наказание ты мое! Ну, покажи…

Вскоре он вернулся и протянул ей руку.

- Вот она.

- Где? Это же часы!…

- Но, мам, это же и есть МАШИНА ВРЕМЕНИ!!!

Сукин сын! – своеобразно резюмировал отец, титанически сдерживая ярость, - Иди заниматься в свою комнату!

Мать слегка поджала губы, понимая, что имеется в виду совсем другая, абстрактная мать такого-то сына, и на это время она сама вроде как и не мать. Мать, не мать, легко запутаться можно. Лучше об этом не думать и, тем более, не говорить.

На этот раз был категорически не понят, казалось бы, естественный поступок: попытка украсить грядки с помидорами гордыми кустами цветущих роз, с трудом, но аккуратно пересаженными с цветника у крыльца. Среди мелких помидорных цветков и кое-где уже краснеющих плодов нежные бутоны роз создавали ощущение праздника.

- Убирайся в комнату заниматься!

Заниматься – это означало, в первую очередь, делать уроки, а во вторую – что-либо полезное. Для разнообразия не возбранялось поступить и наоборот.

На столе валялись до конца не собранные кишки, легкие, сердце и другие внутренности большого пластилинового человечка, которому предстояло счастливо жить в уже приготовленном уголке его домика. Когда нужно, этого человечка предполагалось лечить и даже оперировать.

Рядом, под разбросанными палочками пастели, лежал большой замученный рисунок инопланетянки. Ее огромные глаза смотрели совсем не с той нежностью, какая представлялась в горячих грезах. И ничего с этим не удавалось поделать.

За окном отец энергично пропалывал помидоры от роз, вырывая их голыми руками, и боль от колючек угадывалась только в судорожно-яростных движениях. Несомненно, был и синхронный текст, который надежно заглушали стекла, расстояние и нежелание его слышать. Помидорные кусты оставались обыденно и неказисто в сиротливом одиночестве, лишенные праздничного соседства.

Мир был устроен довольно странно. Люди и их поступки казались связанными нитями разрешенного, понятного и всеми принятого поведения. Эти негустые нити виделись зелеными, как разрешающий сигнал светофора, вполне отчетливо. Но насколько же больше было нитей других, самых разных цветов, которые часто были намного интереснее и привлекательнее, но люди их или не желали замечать или строго остерегались. Когда же непреодолимое искушение заставляло следовать одной из таких нитей, случались недоразумения.

У его сверстников зеленых нитей было куда меньше, чем у взрослых. В кругу мальчиков – свои нити, в кругу девочек – уже другие. Если не уметь следовать им, не вести себя как все, то, скорее всего, грянут неприятности.

Однажды он притащил в школу большущего красавца: жука-носорога. Он хотел подарить его девочке, которая, если смотреть на нее задумавшуюся в профиль, напоминала инопланетянку. И было видно много протянувшихся нитей разного цвета, в том числе и зеленого потому, что часто мальчишки приносили всяких лягушек, ящериц и пауков, чтобы пугать девчонок. Он не хотел пугать. Он рассчитывал на большую розовую нить доверчивого понимания, ведь жук был добрым и красивым.

Она завизжала так отчаянно и звонко, как это предписывала ее зеленая нить. Друзья мальчишки хохотали вокруг и довольно хлопали его по плечу. Она покрутила пальцем у виска. Остался только один путь – зеленый. Она сидела на первой парте прямо перед ним. Он протянул руку и провел ногтем по ее спине. Она передернула лопатками и повернулась:

- Чо надо?!

- Ничо…

Он снова провел ногтем по ее спине. У девочек было принято лучшей тактикой против приставаний - никак на них не реагировать. Любому мальчишке должно рано или поздно надоесть. И она больше не реагировала. Он тоже знал про это правило. Вскоре буквы алфавита закончились, и он принялся неторопливо

писать на ее спине все, что в голову взбредет. Ее голова медленно наклонялась. Он это заметил, когда длинные волосы скользнули с плеч к груди. Спит что ли? Писать было не о чем, и он принялся рисовать инопланетянку. Места для шедевра на девчоночьей спине было явно недостаточно.

- Зеленцова, что с тобой? – ботаничка удивленно уставилась на нее, - Ты что, заболела?

Она встала, тряхнув волосами, и он заметил порозовевшие щеки.

- Да, Зинаида Михайловна…

А кто же ответил бы по-другому в такой ситуации?

- Ну, иди домой, только про домашнее задание не забудь.

Она торопливо, но как-то неловко вытащила сумку, и книги посыпались на пол под довольный хохот мальчишек.

Пронесло. Но сколько проблем постоянно возникало и провоцировало поступить не так как по правилам, а по-своему. Никогда не удавалось никому объяснить то, что он чувствует, не находилось способа передать те чудесные образы, которые владели им, и с помощью обычных зеленых слов добиться понимания. Оставалось думать, что вполне достаточно, что этот мир есть у него и вовсе не обязательно делиться этим еще с кем-либо.

Казалось бы, ничто не мешает поверить этому и смириться с этим, но почему-то это было не так. Изнутри рвалось желание хоть кому-то суметь передать то, что возникало в его воображении, необыкновенные переживания, которые существовали только в его мире. Желательно - иноплатенянке. Без этого все было пусто и бессмысленно. Нужно было что-то делать. Попытаться еще раз.

Он выскочил из дома, закрылся в сарае, достал заготовленный пакетик калийного удобрения и дисперсной серы, которой отец осыпал грозди винограда, высыпал из коробочки кучку накопленных таблеток активированного угля, которыми увлекалась мать, и принялся делать порох.